

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков

Журавлиный крик.

1

Это был обычный железнодорожный переезд, каких немало разбросано по стальным магистралям страны.

Он выбрал себе довольно подходящее место, на краю осоковой болотистой низинки, где оканчивалась насыпь и рельсы укатанной однопутки недолго бежали вровень с землей. Грязный разъезженный проселок, что сползал с пологого пустого пригорка, пересекал здесь железную дорогу и, обогнув край картофельного поля, сворачивал в сторону леса.

Переезд был старый, некогда заботливо ухоженный, с полосатыми столбиками и такими же полосатыми шлагбаумами по сторонам старенькой, оштукатуренной будки-сторожки, в которой возле жарко натопленной углем печки дремал какой-нибудь ворчливый караульщик-старик. Как издавна заведено на всех переездах, он скучающе поглядывал в окно на нечастых здесь путников и оживлялся лишь перед приходом поезда, когда спешил опустить черно-белые дышла шлагбаумов. Теперь же дорога в оба конца лежала пустая, никого не было и на грязном разбитом проселке, поодаль валялся втоптаный в грязь шлагбаум; а в будке-сторожке самовластно хозяйничал напористый осенний ветер, нудно поскрипывавший распахнутой настезь дверью. Казалось, никому уже не было дела до этого заброшенного переезда, этого унылого поля и этих неизвестно где начинавшихся и невесть куда уходящих дорог.

Но дело нашлось, постепенно прояснялось в сознании всех шестерых, уныло стоявших на ветру с поднятыми воротниками шинелей и слушавших комбата. Тот ставил им новую боевую задачу.

– Дорогу перекрыть на сутки, – простуженным голосом говорил капитан, высокий костлявый человек с усталым лицом. Ветер зло хлестал полой плащ-палатки по его грязным сапогам, рвал на груди длинные тесемки завязок. – Завтра к вечеру отойдете за лес. А день – держаться...

Перед ними в осеннем поле высился косогор с дорогой, на которую сыпали пожелтелую листву две большие коренастые березы, и где-то на горизонте заходило невидимое солнце. Узенькая полоска света, пробившись сквозь тучи, подобно лезвию бритвы, тускло блестела в небе.

– А с шанцевым инструментом как? – прокуренным басом спросил старшина Карпенко, командир этой небольшой группы. – Лопаты нужны.

– Лопаты? – задумчиво переспросил комбат, всматриваясь в блестящую полоску заката. – Поищите сами. Нет лопат, и людей нет, не проси, Карпенко, сам знаешь...

– Да, и людей не мешало бы, – подхватил старшина. – А то что пятеро? И то вон один новенький, а другой шибко «ученый» – тоже вояки! – зло ворчал он, стоя вполборота к комбату.

– Противотанковые гранаты, патроны к пэтээру, сколько можно было, вам дали, а людей нет, – устало говорил комбат. Он все еще всматривался в даль, не сводя глаз с заката, а потом, вдруг встrepенувшись, повернулся к Карпенко – коренастому человеку с тяжелым малоподвижным взглядом. – Ну, желаю удачи.

Капитан подал руку, и старшина, уже весь во власти новых забот, равнодушно пожал ее. Также сдержанно пожал холодную руку комбата и «ученый» – высокий, сутулый боец Фишер; без обиды, открыто взглянул на командира новичок, на которого жаловался старшина, – молодой, с наивными глазами, рядовой Глечик. «Ничего. Бог не выдаст, свинья не съест», – беспечно пошутил пэтээровец Свист – белобрысый, в расстегнутой шинели, шустрый с виду боец. С чувством сдержанного достоинства подал свою пухлую ладонь неповоротливый, мордастый Пшеничный. Почтительно, пристукнув грязными каблуками, попрощался чернявый красавец Овсеев. Поддав плечом автомат, командира батальона тяжело вздохнул и, скользя по грязи, пустился догонять колонну.

Озабоченные выпавшей на их долю новой задачей, шестеро какое-то время молча

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru смотрели вслед капитану, батальону, коротенькая, совсем не батальонная колонна которого, мерно покачиваясь в вечерней мгле, медленно удалялась к лесу.

Впереди всех молча стоял злой и недовольный старшина Карпенко. Какая-то еще не совсем осознанная тревога все настойчивее овладевала им. Усилием воли Карпенко, однако, подавил ее и обернулся к маленькой группе притомившихся, озябших на ветру и примолкших бойцов.

– Ну, чего стоите? Геть за работу! У кого есть лопатки, копать. Пока светло...

Привычным рывком он вскинул на плечо тяжелый ручной пулемет и, с хрустом ломая придорожные стебли бурьяна, пошел вдоль канавы. Остальные нехотя потянулись за своим командиром.

– Ну вот, отсюда и начнем, – сказал Карпенко, опускаясь на колено у канавы и выглядывая поверх железной дороги. – Давай, Пшеничный, фланговым будешь. Лопатка есть? Начинай.

Коренастый, крепко сбитый Пшеничный развалисто вышел вперед, снял из-за спины винтовку, положил в бурьян и стал вытаскивать засунутую за пояс саперную лопатку. Отмерив от него шагов десять вдоль по канаве, Карпенко снова присел и оглянулся, ища глазами, кого назначить на новое место. С его грубоватого лица не сходили озабоченность и злое неудовлетворение теми случайными людьми, которых выделили для выполнения этой далеко не легкой задачи.

– Ну, кому тут? Фишеру, что ли? Хотя у него же и лопатки нет. Тоже вояка! – озлился старшина, поднимаясь с колена. – Сколько на фронте, а лопатки еще не достал. Ждет, наверно, когда старшина даст? Или немец в подарок пришлет?

Фишер, заметно задетый длинным упреком, не оправдывался и не возражал, только неуклюже горбился и без нужды поправлял на носу очки в черной металлической оправе.

– В конце концов, чем хотите, а копайте! – бросил Карпенко, глядя, как это он всегда делал, когда выговаривал, куда-то вниз и в сторону. – Мое дело маленькое. Но чтобы позицию обородовал.

Он направился дальше, сильный и уверенный в словах и движениях, словно был не командиром взвода, а, по меньшей мере, командиром полка. За ним покорно поплелись Свист и Овсеев. Оглянувшись на Фишера, Свист сдвинул на правую бровь пилотку и, показав в улыбке белые зубы, съязвил:

– Задача профессору, ярина зеленая! Попотеет, ха!

– Не болтай, – живо оборвал старшина. – Марш вон к белому столбику на линии и копай.

Свист свернул в картофляник, еще раз с улыбкой оглянулся на Фишера, который неподвижно стоял у своей позиции и озабоченно теребил небритый подбородок.

Карпенко с Овсеевым подошли к сторожке. Старшина, ступив на порог, потрогал перекошенную скрипучую дверь и по-хозяйски оглядел помещение. Из выбитого окна дул сквозной ветер, на стене болтались обрывки порыжелого плаката, некогда призывавшего разводить пчел. Пол был засыпан кусками штукатурки, комьями грязи, соломенной трухой. Воняло сажей, пылью и еще чем-то нежилым и противным.

– Кабы стены потолще, было бы укрытие, – несколько другим тоном, рассудительно сказал Карпенко. Овсеев протянул руку, пощупал отбитый бок печи.

– Что, думаешь, теплая? – сдержанно усмехнулся старшина.

– А давайте протопим. Раз не хватает инструмента, можно по очереди копать и греться, – оживился боец. – А, старшина?

– Ты что, к теще на блины прибыл? Греться! Подожди, вот придет утро – он тебя согреет. Жарко станет.

– Ну что ж... А пока какой смысл мерзнуть? Затопим печку, окна завесим... Как в

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru раю будет, – настаивал Овсеев, поблескивая черными цыганскими глазами.

– Хватит болтать. Становись вон за Свистом и окапывайся.

Выйдя из будки, Карпенко столкнулся с Глечиком, который тащил откуда-то согнутый железный прут.

– Вот ковырять вместо лома. А выбрасывать и пригоршнями можно, – сконфуженно улыбнулся Глечик.

Старшина придирчиво взглянул на него, но, не найдя, чем упрекнуть, сказал просто:

– Так. Давай вот здесь – по эту сторону сторожки, а я – по ту, в центре. И не тяни. Пока светло, чтоб окопался.

2

Вечерело. Из-за леса ползли сизые, набрякшие влагой тучи. Они тяжело и плотно обложили небо и совершенно стерли блестящую полосу над косогором. Стало сумрачно и холодно. Ветер с осенней яростью теребил березы у дороги, выметал канавы, гнал через железнодорожную линию шуршащие стайки листы. Мутная вода, выплескиваясь из луж от сильных порывов ветра, кропила обочину студеными грязными брызгами.

Бойцы на переезде дружно взялись за дело: копали, вгрызались в затвердевшую залежь земли. Не прошло и часа, как Пшеничный чуть не по самые плечи зарылся в серую кучу глины. Далеко вокруг отбрасывая рассыпчатые комья, легко и весело оборудовал свою позицию Свист. Он снял с себя все ремни и шинель и, оставшись в гимнастерке, ловко орудовал маленькой пехотинской лопаткой. В двадцати шагах от него, тоже над линией, время от времени останавливаясь, отдыхая и оглядываясь на друзей, с несколько меньшим старанием окапывался Овсеев. У самой будки со знанием дела оборудовал пулеметную позицию Карпенко; по другую сторону от него старательно долбил землю раскрасневшийся, потный Глечик. Взрыхлив прутком грунт, он руками выбрасывал комья и снова долбил. Один только Фишер тоскливо сидел в бурьяне, где оставил его старшина, и озябшими руками листал какую-то книжку.

За этим занятием и увидел его Карпенко, когда, приостановив работу, вышел из-за сторожки. Озабоченного старшину передернуло. Выругавшись, он набросил на потную спину залубенелую от грязи шинель и вдоль канавы направился к Фишеру.

– Ну что? Долго так будете сидеть? Может, думаете, если нечем копать, так я вас в батальон отправлю? В безопасное место?

С виду безразличный ко всему, Фишер вскинул голову, его близорукие глаза под стеклами очков растерянно заморгали, затем он неловко поднялся и, заикаясь от волнения, быстро заговорил:

– М-м-можете не беспокоиться, это исключено. Я н-н-не меньше вас понн-н-нимаю свои обязанности и сделаю все без лишних эксцессов. В-в-вот...

Слегка удивленный неожиданным выпадом этого тихого человека, старшина не сразу нашелся, что ответить, и передразнил:

– Ишь ты: эсцексов!

Они встали так друг против друга: взволнованный, с дрожащими руками, узкоплечий боец и властный, полный уверенности в своей правоте командир. Нахмутив колючие брови, старшина с минуту раздумывал, как поступить с этим неумекой, а потом, вспомнив, что на ночь надобно выставить дозор, сказал спокойнее:

– Вот что: берите винтовку и – за мной.

Фишер не спросил, куда и зачем, с подчеркнутым безразличием сунул за пазуху книжку, вскинул на плечо винтовку с примкнутым штыком и, спотыкаясь, побрел за старшиной. Карпенко, на ходу надевая шинель, осматривал, как окапывались остальные. Проходя возле своей ячейки, он коротко бросил Фишеру:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Возьми лопатку.

Они вышли на переезд и по заслеженной сотнями ног грязной дороге направились на пригорок с двумя березами.

Сумерки быстро сгущались. Небо совсем потемнело от туч, сплошной массой обложивших его. Ветер, не стихая, зло рвал полы шинелей, забирался за воротники, в рукава, выжимал из глаз студёные слезы.

Карпенко шагал быстро, не особенно выбирая дорогу и уж совсем не жалея своих новых кирзовых сапог. Фишер, подняв ворот шинели и натянув на уши пилотку, тащился за ним. К бойцу снова вернулось обычное для него безразличие, и он, скользя взглядом по загустевшей дорожной грязи, старался не шевелить забинтованной в чирьях, шеей.

Ветер ворошил в канавах листву, вокруг неуютно раскинулось пустое осеннее поле.

На середине косогора Карпенко остановился, чтобы издали взглянуть на позицию взвода, и тут обнаружил, что его подчиненный отстал. Еле-еле переставляя ноги, тот снова уткнулся на ходу в свою книгу. Старшине был непонятен подобный интерес к книгам, и он, удивленный и рассерженный, подождал, пока боец догонит его. Но Фишер был так поглощен чтением, что, казалось, не замечал старшину, позабыл, вероятно, куда и зачем шел, только перебирал страницы и что-то тихо шептал про себя. Старшина нахмурился, но не прикрикнул, только, нетерпеливо переступая на месте, строго спросил:

– Что за библия?

Фишер, видно еще не забывший недавней их ссоры, сдержанно блеснул стеклами очков и отвернул темную обложку.

– Биография Челлини.

Карпенко заглянул в книгу, там на развороте страниц был вклеен снимок обнаженного, взлохмаченного человека, который, глядя куда-то в сторону, недовольно хмурил белые брови.

– Давид! – между тем объявил Фишер. – Узнаете?

Но Карпенко ничего не узнавал. Он еще заглянул в книжку, окинул недоверчивым взглядом Фишера. Нужно было спешить, чтобы засветло выбрать место для ночного дозора, и старшина торопливо зашагал дальше. А Фишер озабоченно вздохнул, расстегнул противогазную сумку и бережно положил туда книгу рядом с куском хлеба, старым «Огоньком» и патронами. Затем, уже не отставая, шел за старшиной.

– Вы что, взаправду ученый? – почему-то насторожившись, спросил Карпенко.

– Ну, ученый – это, может, чересчур громко. Кандидат искусствоведения, всего только.

Карпенко немного помолчал, стараясь понять что-то, а потом сдержанно, словно боясь обнаружить свою заинтересованность, спросил:

– Это что? По картинам спец или как?

– Да, по картинам. Но, главным образом, по скульптуре эпохи Возрождения. В частности, специализировался по итальянской скульптуре.

Они поднялись на пригорок, с которого открылись новые, уже затянутые вечерней мглой дали – поле, ложбина, покрытая кустарником, далекий ельник, возле него за дорогой – соломенные крыши деревни. Рядом, у канавы, качая на ветру тонкими ветвями, шелестели порыжелой листвой березы. Они были толстые и, видно, очень старые, эти извечные сторожа дорог, с потрескавшейся, почерневшей корой, густо усыпанные шишками наростов; у одной, забитый в комель, торчал железнодорожный костыль. Возле берез старшина перепрыгнул канаву и, зашуршав по стерне сапогами, направился в поле.

– А он что, этот голый, из гипса вылеплен или как? – спросил он, сделав явную

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru уступку невольной своей заинтересованности.

Фишер сдержанно, одними губами снисходительно улыбнулся, словно ребенку, и пояснил:

– Нет, не из гипса. Эта пятиметровая фигура Давида высечена из цельного куска мрамора. Гипс для монументальной скульптуры в древности и во времена Ренессанса применялся сравнительно редко. Это уже атрибут нового времени.

Старшина снова спросил:

– Из мрамора, говоришь? А чем же он такую глыбу высек? Машиной какой, что ли?

– Ну что вы? – удивился Фишер, шагая рядом с Карпенко. – Какой машиной? Безусловно, руками.

– Ого! Наверно, целый месяц долбил? – в свою очередь удивился старшина.

– Два года всего. Вообще в искусстве это еще небольшой срок, – помолчав, добавил Фишер. – Александр Иванов, например, работал над своим «Мессией» почти двадцать два года, Энгр писал «Родник» сорок лет.

– Смотри-ка! Вот это работенка! А он кто, этот, что сделал Давида?

– Давида, – деликатно поправил Фишер. – Великий Микеланджело Буонарроти. Итальянец, уроженец Флоренции.

– Что – муссолинец?

– Да нет же. Он жил давно. Знаменитый художник Возрождения.

Они помолчали. Фишер уже держался рядом, и Карпенко искоса раза два взглянул на него. Худой, со впалой грудью, в короткой, подпоясанной под хлястик шинели, с забинтованной шеей и заросшим черной щетиной лицом боец выглядел весьма неприглядно. Одни лишь черные глаза под толстыми стеклами очков жили отражением далекой сдержанной мысли. Старшина подумал про себя, что вот ведь абсолютный неумеха на войне, тем не менее за его таким неказистым видом скрывается, кажется, в общем неглупый и даже образованный человек. Правда, Карпенко был уверен, что в военном деле Фишер немногого стоит, но в глубине души он уже почувствовал нечто похожее на невольное уважение к этому бойцу.

Шагах в ста от дороги Карпенко остановился на стерне, посмотрел в сторону деревни, оглянулся назад. Переезд в ложбине едва уже серел в вечернем сумраке, но был еще виден, и старшина подумал, что место для дозора тут будет подходящее. Он притопнул каблуком по мягкой земле и, переходя на обычный свой командирский тон, приказал:

– Вот тут и копай. Ночью спать – ни-ни. Смотри в оба и слушай. Пойдут – поднимай шум и – на переезд.

Фишер снял с плеча винтовку и, взявшись обеими руками за короткую ручку лопатки, неумело ковырнул стерню.

– Ну кто так копает! – не выдержал старшина. – Дай сюда.

Он выхватил у бойца лопатку и, легко врезая ее в рыхлую землю пашни, ловко растрассировал очертания одиночной ячейки.

– Вот на... Так и копай. Ты что, кадровой не служил?

– Нет, – со вздохом признался Фишер. – Не довелось.

– Оно и видно. А теперь вот намаешься с вами, этими...

Он хотел сказать «учеными», но смолчал, не желая вкладывать в это слово своего прежнего язвительного смысла.

Пока Фишер ковырялся в земле, Карпенко присел на стерне и, защищаясь от ветра,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru стал сворачивать сигарку. Ветер выдувал из бумажки махорочную труху, старшина бережно придерживал ее пальцами и торопливо завертывал. Сумерки тем временем все плотнее окутывали землю, на глазах затягивался тьмой переезд со сторожкой и сломанным шлагбаумом, растворялись в ночи далекие крыши деревни, сильнее и тревожнее шумели у дороги березы.

Закрывая от ветра трофейную зажигалку, старшина сгорбился, стараясь прикурить, но вдруг лицо его дрогнуло и перекопилось. Вытянув жилистую шею, он уставился на переезд. Фишер тоже почувствовал что-то и как стоял на коленях, так и замер в напряженной позе ожидания. На востоке, за лесом, донесенная ветром, слаженно раскатилась густая пулеметная очередь. Вскоре на нее отозвалась вторая, пореже, видно, из нашего «максима». Затем слабым далеким отсветом, прорвав вечернюю мглу, загорелась и потухла мерцающая россыпь ракет.

– Обошли! – с досадой зло бросил старшина и выругался. Он вскочил, всматриваясь в далекий потемневший горизонт, и со злостью, отчаянием и тревогой повторил: – Обошли, гады!

И, охваченный новой заботой, не разбирая дороги, побежал на переезд.

3

На переезде первым услышал стрельбу Пшеничный. Еще засветло он вырыл глубокий, в полный рост, окоп, сделал на дне ступеньку, с которой можно было стрелять и выглядывать, а затем – ямку, чтобы в случае необходимости быстрее выскочить наверх. Потом старательно замаскировал ломким бурьяном бруствер и отдал лопатку Глечикю, который все еще ковырял землю железным прутом. Выполнив таким образом приказ старшины, он уселся на дне своего нового укрытия.

Тут было тихо и относительно уютно. Брошенная на дно охапка бурьяна защищала от зябкой сырости. Пшеничный заботливо укрыл им ноги в стоптанных грязных ботинках, вытер о полу шинели руки и развязал вещевой мешок. Там боец приберегал краюху добытого в какой-то деревне крестьянского хлеба и добрый кусок сала. Он давно уже проголодался, но на людях все не отваживался есть, потому что тогда надо было бы поделиться, а делиться Пшеничный ни с кем не хотел. Он знал, что из съестного, кроме какого-нибудь куса черного хлеба, ничего ни у кого не было. Но не его это забота, пусть каждый старается сам для себя, а на то, чтобы беспокоиться обо всех, есть начальство, хотя бы тот же Карпенко. И теперь, сидя в только что вырытом окопе, где никто его не мог видеть, Пшеничный разложил на коленях завернутое в бумажку сало, достал из кармана складной, на медной цепочке, ножик и, разделив кусок пополам, порезал одну его половину на тонкие ломтики. Остальное опять завернул в клочок газеты и спрятал на дно набитого всякой всячиной вещевого мешка.

Пшеничный аппетитно жевал своими не очень здоровыми, попорченными уже болезнью и временем зубами и думал, что нужно бы еще притащить бурьяна, зарыться в него и «покимарить», как говорит Свист, часок-другой ночью. Правда, взводный попался придиричивый и настырный, этот придумает еще что-нибудь до утра, но Пшеничный – не Глечик и не подслеповатый Фишер, чтобы покорно исполнять все, что прикажут. Во всяком случае, он сделает не больше, чем для отвода глаз, и уж себя не обидит.

Тихое течение этих праздных, медлительных мыслей было прервано далекими пулеметными выстрелами. Пшеничный с набитым ртом от неожиданности притих, прислушался, потом, сунув в карман остатки еды, вскочил. Над лесом взвилась в небо рассыпчатая гроздь ракет, осветила на миг черные вершины деревьев и погасла.

– Эй! – закричал Пшеничный товарищам. – Слышали? Окружают!..

Уже совсем стало темно. Поодаль белыми стенами выделялась сторожка, вырисовывался в небе сломанный остов шлагбаума; слышно было, как рядом, в окопе, копошится старательный Глечик и у железной дороги долбит землю Свист.

– Оглохли, что ли? Слышите? Немцы в тылу!

Глечик услышал, выпрямился в своей еще не глубокой яме. Вскочил из окопа Овсеев и, прислушавшись, через картофельное поле торопливо подался к Пшеничному. Где-то

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru в темноте замысловато ругался Свист.

– Ну что?! – кричал из окопа Пшеничный. – Докопались! Я же говорил! Надеялись на тыл, а там уже немцы.

Овсеев, стоя рядом и вслушиваясь в звуки далекого боя, уныло молчал. Вскоре из темноты вынырнул Свист, подошел и остановился сзади настороженный Глечик.

А там, далеко за лесом, громыхал ночной бой. К первым пулеметам присоединились другие. Очереди их слились в далекий, приглушенный расстоянием треск. Беспорядочно и неторопливо щелкали винтовочные выстрелы. В черное поднебесье еще взлетела ракета, потом – вторая и две вместе. Догорая, они исчезали за мрачными вершинами деревьев, а на низком, обложенном тучами небе еще какое-то время мигали их неяркие пугливые отсветы.

– Ну? – не унимался Пшеничный, обращаясь к настороженным, примолкшим людям. – Ну?..

– Что ты нукаешь? Что нукаешь, Мурло? Запряг, что ли? – зло закричал Свист. – Где старшина?

– Фишера в секрет повел, – сказал Овсеев.

– А то нукаю, что окружили. Окружили ведь, вот и ну, – не сбавляя тона, горячился Пшеничный.

Ему никто не ответил, все стояли и слушали, охваченные тревожным предчувствием беды. А в далекой ночной тьме все рассыпались очереди, рвались гранаты, ветром разносилось вокруг негромкое эхо. Людей охватила лихорадочная тревога, сами собой опустили натруженные за день руки, тревожно засуетились недобрые мысли.

В унылом молчании и застал их старшина; запыхавшись от быстрого бега, он внезапно появился у сторожки и, конечно, сразу понял, что согнало людей к этой крайней ячейке. Зная, что в подобных случаях самое лучшее без лишних слов проявить строгость и власть, старшина еще издали, не объясняя и не успокаивая, закричал с напускной злостью:

– Ну, чего встали как столбы на обочине? Чего испугались? А? Подумаешь, стреляют! Вы что, стрельбы не слышали? Ну что, Глечик?

Глечик растерянно пожал плечами:

– Да вот окружают, товарищ старшина.

– Кто сказал: окружают? – разозлился Карпенко. – Кто?

– Что окружают – факт, не булка с маком, – ворчливо подтвердил Пшеничный.

– Молчи! Подумаешь, окружают! Сколько уже окружали? В Тодоровке – раз, в Боровиках – два, да под Смоленском! И что?

– Тогда с полком были. А тут что? Шестеро, – отозвался из тьмы Овсеев.

– Шестеро! – передразнил Карпенко. – А эти шестеро что, бабы или бойцы Красной Армии? Нас вон в финскую на острове трое осталось, два дня отбивались, от пулеметов снег до мха растаял, и ничего – живы. А то – шестеро!

– Так то в финскую...

– А то в немецкую. Одна холера, – спокойней сказал Карпенко, отрывая от газеты клочок на цигарку.

Пока он ее сворачивал, все молчали, побаиваясь вслух высказывать свои опасения и чутко вслушиваясь в звуки ночного боя. А там, кажется, постепенно становилось тише, ракеты больше не взлетали, стрельба заметно затихала.

– Вот что, – произнес старшина, посплюнув цигарку, – нечего митинговать. Давай копать круговую. Ячейки соединим траншеей.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Слушай, командир, а может, лучше отойдем, пока не поздно? А? – сказал Овсеев, застегивая шинель и позвякивая пряжкой ремня.

Старшина пренебрежительно хмыкнул, давая понять, что его удивляет подобное предложение, и, отчеканивая каждое слово, спросил:

– Приказ ты слышал – закрыть дорогу на сутки? Вот и исполняй, нечего болтать. Все напряженно молчали.

– Ну, довольно. Давай копать, – уже примирительнее сказал командир. – Окопаемся и завтра как у Христа за пазухой будем.

– Как у Мурла в сидоре, – пошутил Свист. – И сухо, и тепло, и хозяин уважает. Ха-ха! Пошли, Барчук, работа не стоит, ярина зеленая, – дернул он за рукав Овсеева, и тот нехотя подался за ним в ночную тьму. Глечик тоже вернулся на свое место, а старшина некоторое время постоял молча, затянулся махорочным дымом и вполголоса, чтоб не слышали другие, зло сказал Пшеничному:

– Ты у меня покаркаешь, я с тебя шкуру спущу за твои штучки. Попомнишь...

– Какие штучки?

– Такие, – слышалось из темноты. – Сам знаешь.

4

Обозленный на старшину за угрозу и взвинченный близкой опасностью, Пшеничный какое-то время стоял неподвижно, разбираясь в обуревавших его чувствах, а потом, почти мгновенно приняв решение, бросил в ночную тьму:

– Хватит!

Да, хватит. Хватит месить грязь по этим разбитым дорогам, хватит стучать зубами от стужи, голодать, хватить дрожать от страха, копать-перекапывать землю, гложуть в боях, где только кровь, раны и смерть. Давно уже Пшеничный присматривался, ждал подходящего момента, взвешивал все «за» и «против», но теперь, попав в эту мышеловку, наконец-то решился. "Своя рубашка ближе к телу, – рассуждал он, – а жизнь для человека дороже всего, и сохранить ее можно, только бросив оружие и сдавшись в плен. Авось не убьют, ерунда все эти сказки о немцах. Немцы ведь тоже люди..."

Ветер шумел в ушах, остужал лицо. Стараясь укрыться от него и отдалиться разбуженным, но еще не додуманным до конца мыслям, Пшеничный снова опустился в окоп. Траншею копать он не стал, пусть это делает Глечик, а он уже отработал свое. Ему тут никого не было жаль. Старшина зубастый и въедливый, как фельдфебель; Витька Свист – блатняга и брехун – все Мурло да Мурло. Правда, он и остальных, кроме разве Карпенко, тоже наделил кличками: Овсеев у него Барчук, Фишер – Ученый, Глечик – Салага. Но те все молодые, а он, Пшеничный, раза в полтора старше каждого. Только Карпенко его возраста. Овсеев, тот и в самом деле барчук, избалованный с детства белоручка, способный в учебе, но лентяй в труде; Глечик еще пацан, послушный, но совсем не обстрелянный, боязливый подросток, того и гляди, струсит в бою; Фишер – подслеповатый книжный червяк, из винтовки выстрелить не умеет, замуривает глаза, когда нажимает спуск, – вот и вой с такими. С ними разве осилишь тех, сильных, обученных, вооруженных до зубов автоматами да пулеметами, которые стреляют, будто швейные машинки строчат...

В тиши окопа слышно, как неподалеку долбит землю Глечик, изредка поскрипывает от ветра дверь сторожки и шумит-высвистывает свою осеннюю песню высохший бурьян в канаве. Стала донимать стужа. Пшеничный достал из кармана остатки сала, съел, а потом съежился и, сомкнув руки, притих – отдался течению мыслей, заново переживая все свои беды.

Нескладно и горько сложилась его жизнь.

Первые впечатления от обиды цепко и долго держатся в человеческой памяти. Иван теперь живо помнит то трудное голодное лето, когда бабы из соседней деревни Ольховки с пасхи бродили по межам, собирали щавель, крапиву; пухли с голоду дети

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru и старики; черные и молчаливые от горя, всю весну ходили через хутор в поле Ольховские мужики. Люди ели траву, толкли древесную кору, терли полову, рады были горсти просеянных отходов, чтобы подмешать в травянистую, противную пищу, склеить «травяники». У них на хуторе тоже было не густо, но травы они все же не ели – доились две коровы, и в клетки в закромах кое-что еще имелось. Тем летом судьба свела тринадцатилетнего Ивана с деревенским парнем Яшкой. И наверно оттого, что в свое время он не сумел сделать выбора между ним и отцом, столько несчастий настигло Пшеничного в жизни.

Однажды на какой-то праздник – Петра или троицу – в душный летний вечер, когда опустившееся к горизонту солнце заметно растратило уже свой дневной жар, тринадцатилетний Иванка возвращался на хутор. Незадолго перед тем родители приехали с базара, и он отвел в кустарник коня, где спутал его и пустил пастись. Уже подходя к высоким массивным воротам своей усадьбы, услышал разговор во дворе – чей-то жалобный женский голос и частое недовольное покашливание отца. Отец в новой праздничной рубаше и жилетке сидел на ступеньках крыльца и посапывал трубкой, а рядом, сгорбившись, закрыв лицо низко повязанным платком, стояла вдова Мирониха – их дальняя по матери родственница, она плакала и чего-то просила.

В ту минуту, когда Иван входил во двор, как раз наступила пауза. Женщина с надеждой и страхом уставилась на отца, прикрыв рот уголком платка, а отец зло, как сразу заметил Иван, пускал клубы дыма и молчал.

«Ладно, – наконец подал он голос. – Пусть придет. Дам пудик. А завтра на зорьке чтоб тут был. Косы не нужно, косу мою возьмет».

Женщина перестала плакать, высморкалась, начала кланяться и благодарить, а отец молча поднялся и пошел в дом.

На рассвете следующего дня мать, как всегда, ласково разбудила Иванку на сеновале, подала завязанный в рушник завтрак – кусок ветчины и краюху хлеба. Он всегда в такое время носил отцу в поле еду, но на этот раз еды было вдвое больше. Иванка догадался: это помощнику. Работников они нанимали и раньше – в косьбу, жатву, молотьбу, но держали недолго: отец был требовательный, очень въедливый, жадный к работе, и мало кто мог угодить ему.

Выйдя из ольшаника, Иван увидел наполовину скошенный лужок, а в конце его – отца и Яшку Тереха. Но, видно, что-то там стряслось, потому что они не косили, а стояли друг против друга. Отец одной рукой держал сломанную у шейки косу, другой – косовище и зло смотрел на Яшку. Батрак, одетый в нательную рубашку, с закатанными до колен штанами, почесывал худую грудь и виновато оправдывался:

– Дяденька Супрон, ей-богу, нечаянно. Замахнулся, а тут камень – и отлетела.

– Лодырь проклятый! Гультай чертов! – кричал отец, трясая густой слежалой бородой. – Такую косу сломал! Небось чужое? А? Кабы свое, иначе б смотрел, босота! ых ты!..

Он бросил косу, обеими руками схватил косовище, замахнулся и, все больше зверея, стал им бить парня по плечам, голове, рукам, поднятым, чтоб заслониться.

Иван почувствовал, как задрожал от страха, а больше от нахлынувшего вдруг негодования. Он хотел закричать на отца: мальчику жаль было тихого, беззащитного Яшку, любителя рыбной ловли, удивительного знатока всех окрестных лесных тайн. Но Иван не закричал, а потихоньку шел к ним, с трудом переставляя ноги. Лучше бы бежать куда глаза глядят, чем видеть и слышать все это.

За сломанную косу Яшка отрабатывал лишнюю неделю – стоговал, сушил, возил сено, затем еще помогал в жатву. Иван к нему относился доброжелательно. После того случая на лугу он чувствовал себя очень неловко: угнетала неосознанная еще вина перед парнем и какая-то глубокая, не совсем понятная обида. Впрочем, вскоре они подружились, ходили вместе купаться, возили сено, расставляли на кротов капканы и никогда не говорили про отца. Иван знал, что Яшка ненавидит хозяина. Эта его неприязнь незаметно передалась и молодому Пшеничному. Он чувствовал, что отец скупой, злой, несправедливый, и это невольно угнетало его.

Минуло несколько лет. Иван втянулся в крестьянскую работу и, вопреки себе, во

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru всем шел за отцом, который безжалостно schoлил сына в несложной земледельческой науке, постигнутой на суровом собственном опыте. Яшка вскоре пошел на службу в Красную Армию, отслужил там два года и вернулся в деревню совсем другим – повзрослевшим и как-то вдруг поумневшим. Через некоторое время он стал заводилой всех молодежных дел в деревне, начав свою общественную деятельность с кружка воинствующих безбожников.

Иван сторонился деревенских парней, в деревню ходил только по праздникам, на вечеринки, а вообще жил отчужденно – своим хутором, хозяйством, под каждодневным отцовским надзором и понуканием. Но взаимная привязанность молодого Пшеничного и бывшего батрака Яшки, видно, сохранилась в сердцах обоих, и вот однажды поздней осенью, встретившись на деревенском выгоне, Яков пригласил его прийти вечером посмотреть репетицию «безбожничкой» пьесы. Иван, не подумав тогда, как к этому отнесется отец, согласился. Вечером смазал дегтем юфтевые сапоги, набросил поддевку и пошел. Репетиция ему понравилась. Сам он не участвовал в пьесе, зато посмотреть на других было интересно. Потом он зачастил в ту обветшалую, скособоченную вдовью хатку, где собиралась по вечерам деревенская молодежь, ближе сошелся с хлопцами и девушками. Его не обижали, хотя иногда незло подшучивали, называя молодым подкулачником.

И вот об этом как-то узнал отец. Однажды утром, расхопившись, он накричал на Ивана, ударил уздечкой мать, когда та заступилась за сына, и пригрозил выгнать из хаты безбожника, позорящего честь отца. Ивану было очень обидно, но давняя закоренелая привычка во всем подчиняться его воле взяла верх, и он перестал ходить к Яшке. Яков это быстро заметил. Возвращаясь как-то вместе с мельнику, они разговорились по душам. Говорил, правда, Яшка, Иван больше слушал, потому что по натуре своей был молчалив, но не согласиться с тем, что говорилось, не мог. А Яков рассказывал о классовой борьбе, о том, что старик Пшеничный – сельский мироед, что он выжал все соки из его, Ивановой, матери, как батрака, заездил самого Ивана, что он готов подавиться от жадности.

«Слушай, как ты живешь с ним? Я удрал бы от такого злыдня. Разве он батька тебе?»

Ивану было тогда не по себе. Они шли по тихой песчаной дороге за гружеными возами, и перед их глазами, уныло поскрипывая, мелькали и мелькали колеса. Иван верил Яшке и понимал, что лучше было бы порвать с отцом, пойти на свой хлеб, как-нибудь прожил бы, но на это не хватало решимости. Вот так, как следует не сомкнувшись, разошелся его путь с людьми, с теми, кто дал бы ему веру в жизнь, в собственные силы и, быть может, уберег душу от тоски одиночества.

Потом, через каких-нибудь пару лет, отца раскулачили, забрали в сельсовет все их имущество, описали постройки, а самого с матерью выслали. Иван в ту зиму жил в местечке у дяди и учился в семилетке. Дядя был неплохим человеком, как говорят, мастером на все руки. К племяннику относился, как и к своим дочерям, никогда ни в чем не упрекал его. Но по едва уловимым приметам и мелочам юноша видел, что он все же лишний, чужой в этой семье, и от этого не было Ивану радости. Учился он неплохо, понимал и любил математику и после семилетки подал документы в педагогический техникум. Он ждал экзаменов, видя в своем студенчестве единственный счастливый выход из того тупика, в который загнала его жизнь. Но на экзамены его не вызвали, документы вскоре вернули, и в холодной казенной отписке было сказано, что в техникум его принять нельзя, потому что он – сын кулака.

Это было огромным горем для молодого Пшеничного, гораздо большим, чем раскулачивание, видеть которое ему не довелось, первой, действительно незаживающей раной в душе. Иван решил, что он не такой, как все, что тень отца, как проклятие, будет тяготеть над ним всю жизнь. Что-либо исправить в этом, казалось ему, уже было поздно.

После неудачной попытки учиться дальше Пшеничный – уже рослый, привычный к труду парень – около года перенимал у дяди его ремесло каменщика, а затем отправился в город искать своего хлеба и своего счастья.

В Брянске он поступил в артель каменщиков, попал в бригаду таких, как сам, молодых парней, возводил фабричные громады, по узким дощатым дорожкам гонял тачки с раствором, по стремянкам таскал на этажи кирпич. Себя он не жалел, работал с жаром, с отцовской вьедливостью. Это вскоре заметили рабочие и начальство. Его хвалили на собраниях, ставили в пример остальным, и парень

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru постепенно стал забывать о своей ущербности и былых неудачах. О родителях он никому ничего не рассказывал, писем от них не получал и не знал, где они и что с ними. По ночам ему иногда снилось что-либо из детства, и сердце его сжималось тогда от жалости к тихой, забитой матери. Отца он не жалел, знал: он и там такой же несправедливый и злой.

В то время на стройке создали комсомольскую ячейку, многие хлопцы вступали в комсомол и, конечно, потянули туда лучшего каменщика Пшеничного. Он подумал, слегка поколебался, а потом, поощренный доверием и повеселевший, поверил, что и он сможет стать человеком, и подал заявление. На собрании потребовали рассказать все о себе, о родителях и родных и, когда услышали, что он сын кулака-хуторянина, в приеме в комсомол отказали.

Он тяжело переживал эту неудачу, несколько дней не ходил на работу, пластом лежал на койке в общежитии. Случилось так, что не нашлось никого, кто оказался бы к нему ближе всех в ту минуту, успокоил, подбодрил. Наоборот, все как-то вдруг переменялось к нему, стали его сторониться, держаться отдельно, своей комсомольской компанией. Это была смертельная, на всю жизнь, обида. Иван Пшеничный уже окончательно уверовал в свою отверженность.

Он уехал из Брянска, жил некоторое время в Донецке, работал на шахтах и везде помнил, что он не ровня другим, что он – классовый враг, что между ним и людьми пролегла глубокая пропасть. Порой он старался забыть в труде, иной раз – в водке, но это не забывалось, не проходило никак и нигде. Об этом ему напомнили и в военкомате, когда призывали в армию. «Ты сын кулака и будешь служить в рабочем батальоне», – сказал озабоченный суетливый капитан. И Пшеничный стал красноармейцем рабочего батальона – немного учился военному делу, а больше работал: строил железные дороги, мосты, тоннели. Это было в Сибири. Он наловчился ходить на лыжах, в соревнованиях однажды занял первое место. А когда стали готовить лыжный агитационный пробег на двести километров, для участия в нем как лучшего лыжника записали и Пшеничного. Он был рад выделиться хотя бы этим своим качеством, но и тут черная тень прошлого легла на его дороге. Уже со старта его вернул комиссар, сказав, что ему ехать нельзя, потому что у него, красноармейца Пшеничного, неладно с биографией.

После еще было много малых и больших обид, порожденных отцовским прошлым. И Иван сдался, отступил в сторону, не лез больше туда, где были не такие, как он, люди. Только сам себе, сам для себя, вопреки всему – такое житейское правило усвоил постепенно Пшеничный. Он не пренебрегал ничем: когда нужно было, обманывал, воровал, лгал, слабых презирал, сильных побаивался и ненавидел. Он понимал, что становился нечестным, иногда подлецом, злопамятным и вредным, как отец, но переделать себя уже не мог и катился все больше туда, куда гнали его обида и злость.

Когда началась война, среди огромного моря человеческого горя и слез нашелся человек, который тайно злорадствовал. Этим человеком был боец запасного батальона Иван Пшеничный, ставший затем фронтовиком и сегодня вот окончательно решивший сдаться в плен немцам,

5

К ночи ветер слегка успокоился, но зато откуда-то из шелестящей студеной тьмы стал накрапывать дождь. Сразу промокли висюльки пилотки на головах бойцов, постепенно пропитывались влагой, тяжелели и становились лубяными шинели. Свежевскопанная земля быстро превращалась в грязь и липла к ботинкам.

В тяжелом молчании бойцы снова впряглись в работу. Почти ощупью они скребли в темноте лопатами, рыли траншею, чтобы соединить ею все стрелковые ячейки. Тревога, неожиданно охватившая их от недавней перестрелки в тылу, постепенно стихала, наткнувшись на непреклонную твердость старшины. Карпенко, казалось, оставался спокойным, прежним, только разве меньше покрикивал на людей: какое-то время ночью его совсем не было слышно. Но другие тоже работали молча, больше слушали: мало ли что могла принести им эта ненастная фронтовая ночь.

Сделав свое и передав лопатку Овсееву, старшина сел на бруствер и задумался. Чем больше времени проходило с момента их расставания с батальоном, тем все озабоченнее становился Карпенко. За день они оторвались от противника, обессиленный бомбежками, полк спешил отступить в лес, окопаться, наладить

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru оборону и как-нибудь удержаться на лесном рубеже. Дорогу на подступах к этой обороне комбат приказал удерживать сутки. Ночь вот стоит тихая, а кто знает, каким будет завтрашний день? Конечно, немцы могут пойти и другим путем, но если двинут вот этой дорогой, то их шестерке доведется хлебнуть горя.

Эта мысль все время не давала старшине покоя, грызла, точила его душу, пока он помогал Овсееву копать или сидел, вслушиваясь в ночь. С виду спокойный и всегда уверенный в себе, Карпенко на самом деле не был таким: случалось, и сомневался, и беспокоился, иногда и боялся. Но за продолжительное время службы в армии он усвоил одно немудреное правило: все сомнительное, неопределенное прятать в себе, а напоказ выставлять только уверенность и непреклонную твердость воли. «Прав или неправ, а сказал – стой на своем» – так некогда учил его старшина сверхсрочной службы Броваров, и Карпенко на всю жизнь запомнил мудрые слова старого служака.

Дождь не переставал. Холодные струйки воды, стекая с висков, ползли за воротник, вызывая неприятный озноб. Старшина поднялся с бруствера и осмотрелся: забывать об осторожности нельзя.

Все копали. Рядом Свист и Овсеев, за сторожкой – Глечик. Со всех сторон обложила землю глухая ночь, ненастье, холод и неосознанная, как давно прошедшая забота, тревога.

Не услышав ничего подозрительного, Карпенко взял с бруствера свой мокрый «ручник» и, пряча его от дождя, поставил под стену сторожки. Потом он туда же перетащил два ящика с патронами и остановился у груды вязкой земли над траншеей, где, сопя и покряхтывая, ковырялся Овсеев. Боец почувствовал присутствие старшины; не разгибаясь и не выпуская из рук лопатки, как-то обиженно пожаловался:

– Сизифов труд. Долбишь, долбишь – и никакого следа.

– Плохо долбишь, значит, – думая о другом, сказал Карпенко.

Овсеев бросил в темную яму лопату и выпрямился.

– И вообще на кой черт все это? Полк отошел, а нами прикрылся? Как это называется?

Он еле стоял на ногах от усталости, тяжело дышал и говорил с давно накипевшей злостью.

– Это называется: выставить заслон, – спокойно ответил старшина.

– Ага, заслон? А чем кончается такой заслон, тебе, командир, известно?

– На что намекаешь? – насторожился Карпенко.

Овсеев зашевелился в траншее, швырнул в темноту ком земли и сказал тоном, в котором чувствовалось: нечего, мол, спорить о том, что и так понятно.

– Напекаю! Будто сам не знаешь: смертники мы!

– Вот что, Овсеев, – помолчав, твердо сказал старшина. – Ты думай что хочешь, но трепаться не смей! Понял?

Он не стал больше говорить с этим слишком догадливым бойцом и пошел прочь. Сапоги скользили по размокшей земле, усталое тело трясла зябкая дрожь. В непроглядной, кромешной тьме густо и споро шумел дождь, мелко барабанил по куску жести на крыше сторожки.

Старшине было неприятно, что его затаенные даже от самого себя догадки и подозрения так легко разгадал этот хитроватый, смекалистый боец. За месяц совместной службы Карпенко так и не узнал, какой на самом деле этот Овсеев и как ему, командиру, относиться к нему. В мирное время из Овсеева, скорее всего, вышел бы неплохой боец – такой на политзанятиях получал бы пятерки, был бы лучшим по физподготовке, да и в прочих науках многие позавидовали бы ему. Но теперь, в лихую годину войны, Овсеев из-за своей хитрости, чрезмерной догадливости и сообразительности относительно разных ходов-выходов не нравился

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru старшине. Правда, до сих пор эта сторона его характера еще ничем особенным не проявлялась.

«Вот хорошо», – подумал про себя Карпенко, подходя к позиции Глечика. В ночной тьме неопределенно чернел на земле широкий бугор бруствера, а где-то в глубине траншеи все продолжала шаркать лопатка.

Карпенко помолчал, довольный старательностью молодого бойца. Хотел похвалить его, но сдержался. Такие усердные, как Глечик, в мирное время при определенных способностях тоже бывают хорошими красноармейцами, дисциплины они не нарушают, за их поступки к начальству не вызовут. Но каким он будет завтра, этот послушный тихоня Глечик? Наверное, уткнет голову в угол своей глубокой траншеи и будет дрожать как осиновый лист, пока вокруг не отгремит бой. А может, и того хуже? Самое страшное в таких случаях – это старшина знал по себе – начало. Главное – пережить его, выстоять, а там уже станет закаляться боец.

– Ты родом откуда, Глечик? – спросил Карпенко, стоя над траншеей.

– Я? Из Беларуси, Бешенковичского района, может, слышали? – охотно отозвался боец.

– А как же ты очутился здесь, в России?

– Сбежал. Был в Витебске, в ФЗО учился, а когда немцы подошли, сбежал. В Смоленске пошел в военкомат, взяли в армию.

– Доброволец, значит? – нарочно удивился старшина.

– Да нет. Мой год уже начали призывать. Как раз в тот день приказ в военкомат пришел – брать двадцать третий год.

– Так сколько ж тебе?

– Ну считайте – с двадцать третьего года, уже восемнадцать.

– Да, немного, – задумчиво произнес Карпенко. – А почему это ты один копаешь? Где Пшеничный?

– Ладно, я и один справлюсь, – уклончиво ответил из темноты Глечик.

– Пшеничный! – позвал старшина. – Давай помогай. Ишь мне хитрец, на одного свалил все!

Где-то рядом завозился в бурьяне Пшеничный, видимо, с трудом расставаясь со своим насиженным местом в окопчике. На этот раз он не возражал, послушно ввалился в траншею к Глечику и взял из его рук лопатку.

А дождь все усиливался. Заметно тяжелела на плечах шинель, сапоги чавкали в набрякшей земле. От железной дороги старшину позвал Свист, и Карпенко пошел к нему.

– Все! Принимай работу, – объявил боец. Старшина спрыгнул в траншею, сделал несколько шагов, в одном месте она была до пояса – не выше.

– Давай глубже, так не пойдет. Свист витиевато выругался, постоял, отдышался и, поплевав на ладони, снова начал копать.

6

Наверное, уже к полуночи выгнутая дугой траншея кое-как соединила пять стрелковых ячеек. Не везде она была нужной глубины – на делянке Пшеничного, на долю которого вместе с Глечиком выпал еще и участок Фишера, она доходила не больше чем до колен. К тому же получилась кривая и угловатая. Оно и понятно – ночная работа. Впрочем, на это не обращали внимания ни бойцы, ни их командир.

Все они сильно вымокли. В полночь Свист, первым кончив работу, вошел в сторожку, заткнул какой-то ветoshью оба ее окошка и принялся растапливать печку. Старшине, пришедшему туда следом, его самоуправство не очень понравилось, но он все же не

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru возразил ни Свисту, ни Овсееву, когда тот присоединился к этому занятию. Карпенко понимал, что, как ни понукай, а людям нужно отдохнуть до утра, потому что завтра их ждет немало других дел и других, куда более трудных, забот.

Так постепенно в эту покинутую людьми железнодорожную хибарку сошлись пятеро. Скоро в раскрытой печке весело затрещали сухие еловые щепки, а заботливый Свист все еще что-то щепал на полу своей пехотной лопаткой.

Особым уютом сторожка, конечно, не отличалась: дуло из окон, дым почему-то не хотел идти в трубу и, расплзаясь под низким потолком, выедал глаза, но после слякоти тут все же казалось раем. Главное – было сухо, дождь и холод остались за дверью и напоминали о себе лишь порывистым завыванием ветра да стуком капель по крыше.

Карпенко прилег на топчане, устало вытянув перепачканные грязью ноги. Тело его сразу одолела сладкая истома, сами собой стали слипаться глаза: хотелось прикорнуть хоть на минутку.

У печки, на полу, уставясь на мигающий огонь, сидели Овсеев и Свист, в темноте, у порога, кряхтя и посапывая, переобувался Пшеничный. Сзади всех расплывчато белело детское лицо Глечика.

– Эх, ярина зеленая, думаю иногда и диву даюсь, как это неважнецки человек устроен, – рассудительно заговорил Витька Свист, вороша щепкой уголья. – Есть много, хочется еще больше. А нет ничего, какой-нибудь пустяк – мечта. Вчера под Озерками, когда нас танки турнули, я только и мечтал: скорей бы стемнело. Казалось, все бы отдал за минуты темноты. А теперь вот и немцев нет, и танков не слышать, так хочется еще и тепла, и жратвы. Чудно...

– Открыл Америку, – буркнул Овсеев. – Еще Шекспир сказал: «Коня, коня! Полцарства за коня!» Понимаешь? За коня. Припечет, так захочешь...

Обхватив пальцами колени, он сидел так, посматривая в печку, усталый, раздражительный и невеселый.

– А что это немцы сегодня выходной себе устроили? Не слышно почему-то, – накручивая обмотку, осторожно заметил Пшеничный.

Свист иронически хмыкнул:

– Придет утро, услышишь.

Он еще пошевелил щепкой огонь и вдруг воскликнул:

– Хлопцы! Идея! Давайте пожрать сообразим. А то кишка кишке марш играет. Пшеничный, доставай свой котелок.

– А что сварим?

– Ну, брат, что у кого есть. У меня – полпачки пшена.

– У меня горохового концентрата немного было, – отозвался из темноты Глечик.

– Порядочек, – потер руки Свист. Его белобрысое тонкогубое лицо засветилось неподдельным воодушевлением. – Мурло, жми за водой, да чистой набери, чтоб как из-под крана.

– Где ее наберешь теперь чистой?

– Чудак-человек, ярина зеленая. Под крышу подставь. Забыл, что баба с корытом делала?

Пшеничному не хотелось трогаться с места, но еще меньше хотелось заводиться с этим Свистом. Тяжело поднявшись, он завязал вещмешок и вышел. Как только за ним хлопнула дверь, Витька молниеносно подхватил его тугой, увесистый сидор и ловко запустил туда руку.

– Так, ремень командирский на конец войны, какая-то банка, новая рубаха, сухие

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
портянки – на, Салага, держи на смену. – Он сунул Глечику пару портянок и снова полез в мешок. – Ага, вот она, крауха, так, так... Сахару кусочек... О, братва, сало! Ура Пшеничному, молодчина, не все слопал. Каша будет с салом.

Он тут же завязал тесемки и швырнул мешок в угол.

– Слушай, Свист, нехорошо так, – бросил с топчана Карпенко. – Спросить нужно.

– Ого, спросить! Фигу с него, жмота, возьмишь.

Вскоре вошел Пшеничный, подал Свисту котелок с водой и, кряхтя, уселся на свое место в углу. Свист, моргнув белесыми ресницами, с притворным простодушием спросил:

– Браток Пшеничный, может, у тебя найдется какой кусок к общей складчине?

Пшеничный молча покрутил головой. Свист заговорщически подмигнул друзьям.

– Ну что ж... Ограничимся гречко-овсяной смесью.

Скоро котелок с водой, втиснутый в печку, зашипел на горячих угольях, а Свист на разостланной поле шинели стал растирать куски спрессованного концентрата. Овсеев уныло глядел на огонь. Неподвижно застыл за спиной Свиста медлительный Глечик. В углу неопределенно шевелилась широкоплечая тень Пшеничного. Старшина, опершись на руку, лежал на боку, возвышаясь над своим маленьким взводом, и думал о том, как им повезет завтра, справятся ли они с той задачей, ради которой их оставили здесь? Хватит ли сил и умения? Все ли одолеют страх? Кому суждено будет выстоять до конца? Карпенко все еще не мог примириться с тем, что людей ему дали случайных, без выбора, первых, кто попался комбату, что, по его мнению, было неверно. Не нравился сегодня старшине недовольный, ушедший в себя Овсеев, немного ждал он от Глечика, знал, завтра придется смотреть в оба. Один Свист пока не вызывал опасений. Он неплохо вел себя в эти тяжелые дни отступления, но кто знает?... Старшина слышал, что этот еще молодой боец уже побывал в тюрьме, и хоть с виду веселый и общительный, но еще неизвестно, что он носит в себе. Думалось и о Фишере. На миг старшине даже стало жаль этого ученого человека, не привычного к невзгодам военной жизни, нерасторопного и болезненного. Как они от батальона, так и Фишер от взвода подставлен теперь под первый удар, и кто знает, дождется ли он смены. Думалось, хотя бы не уснул до утра, потому что тогда может случиться беда, от которой и им не уйти. Мысли о себе не очень-то донимали Карпенко. Самому себе он был ясен, знал, что если уж понадеялись на него комбат и командир полка, то он не подведет. Может, убьют его, может, ранят, но если останется невредимым, сделает все, что от него потребуется.

Трещала, брызгала искрами печка, за стеной где-то лилась с крыши вода, шумел за окном ветер, и очень хотелось спать. Но старшина усилием воли превозмогал дрему. Бойцы сидели на полу и сосредоточенно глядели на стоявший в печи котелок.

– В общем, влипли мы на этом чертовом переезде, – тоскливо сказал Овсеев, опершись подбородком на согнутые колени. – Это уже аксиома.

Ему никто не ответил, не возразил, только Глечик вздохнул в тишине да Пшеничный громко высморкался.

– Овсеев, – глуховатым, но решительным голосом после минутной паузы сказал Карпенко, – знаешь, бери-ка винтовку и – на пост.

Овсеев круто повернулся на полу.

– А почему я? Хуже всех, что ли?

– Без разговоров.

– Давай, давай, Барчук, – заговорил Свист. – Не бойся, каши не прозеваешь. Оставим честь по чести, будь спок...

Овсеев посидел еще, потом неторопливо застегнулся и неохотно вышел, сильнее, чем нужно, хлопнув дверью.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Варёво выдалось на удивление вкусным. Свист незаметно положил на дно котелка вытащенное у Пшеничного сало, от чего все это несоленое месиво получилось довольно жирным. Ели все вместе, из одного котелка, дружно скребя по его бокам деревянными и алюминиевыми ложками, а Свист – даже трофейной вилкой, скрепленной с черенком ложки. Когда уже на дне осталось немного, Карпенко облизал ложку.

– Хватит. Остальное Овсееву с Фишером... – Ну, браток Мурло, как кашка? – хитровато подмигнув, спросил Свист.

– А ничего. Есть можно, – довольно отозвался Пшеничный. Его мордастое, толстогубое лицо стало лениво-сытым.

– За это тебе спасибо. Славное было сальце. Пшеничный удивленно захлопал глазами и тут же схватился за вещмешок.

– Ворюга ты! – зло бросил он из темноты, ощупывая свои пожитки. – За такие штучки морду бьют, сволочь блатная.

– Для твоего ж брюха, чудак-человек, – безобидно смеялся Свист. – А то б кокнули тебя завтра голодного, и какой-нибудь Ганс твое сальце да на свой бутерброд. А так вот и жизнь повеселела, будто сто граммов пропустил.

Пшеничный еще ворчал что-то в углу, а разморенный сытостью Свист сладко растянулся на полу, разбросав мокрые ноги.

– Ну вот и чудесно, – говорил он, поглаживая живот. – Давно такого удовольствия не испытывал. Разве когда из лагеря вышел.

– Слушай, а за что ты в лагерь попал? – спросил Карпенко, сворачивая самокрутку. Он снова уселся на топчане, тоже подобрел от тепла и еды, стал по-домашнему простым, свойским, таким, как и все.

– А, длинная история. История с географией. Было дело, да.

– Может, безвинно?

– Не скажу, – сразу сделавшись серьезным, Свист задумался. – Было за что. Могли б и больше припать, отбрыкался двумя годами. Могу рассказать.

Он помолчал, глядя в закопченный потолок, прислушался к завыванию ветра снаружи, потом вздохнул и пошуровал в печке. Там что-то треснуло, выстрелило, ярче загорелись дрова, осветив насупленного Пшеничного в углу и любопытное курносое лицо Глечика.

7

– Видно, бестолковый я человек... вот. Шальной, безголовый... – говорил Свист. – Словом, обормот. Только теперь понял. Как говорят, не вши меня заели, а молодость загубила. Жил в Саратове, на Монастырке. Красота городок, скажу вам, первый сорт. Саратов... Да... – Он помолчал, мечтательно вспоминая что-то и не отрывая взгляда от печки. – Четыре года, как не был, душа истосковалась. Так вот, учился малость. Учиться не любил. Да и дисциплина хромала. Мать, бывало, ходит-ходит в школу по вызовам, лупит меня, а толку – как от козла молока... А вообще-то была мало. Больше надо бы бить, тогда, может, и человек бы вышел, а так – осколок, подобие одно. Подрос, зашил в компанию – дружки-милушки, ярина зеленая... А все же хорошее было время. Раздолье, особенно летом. Мать на заводе – на подшипниковом – работала, а я – будто в раю. На кладбище в войну играем – да, там у нас Чернышевский, писатель, похоронен, – деловито сообщил Свист, повернувшись к Карпенко. – Памятник такой громадный, как шалаш. Так вот, на кладбище, на Лысой горе, в сосняке, а иной раз вырвемся и на Волгу. Вот брат, счастье, ярина зеленая! Никто в тех местах не видел Волги? Нет? О, у нас Волга! Ширь, простор, вода, солнце, небо. И на этой благодати райский уголок – Зеленый остров. Стянем чью-нибудь лодку, переправимся туда и – забав, игр на два дня. Мать ищет и в милиции, и в колонии, и в тюрьме, а мы на острове кинжалы выстругаем и разбойников изображаем...

Витька вздохнул, запихнул в печку конец какой-то доски, озабоченно пошуровал там щепкой.

– Потом пошел работать, – продолжал он. – Вначале Григорий Семенович, сосед наш, меня к токарному делу приспособлял. Работал на том же подшипниковом, втулки делал. Сперва ничего, а потом надоело, опротивело, как горькая редька. Как говорится, послал бог работу, да отнял черт охоту. Утром – втулки, вечером – втулки, вчера – втулки и завтра – втулки, зимой и летом – одни втулки. Уж эти кольца да дырки ночью снится стали – отравка! С тоски к водке потянуло. Выпивал. Как-то в пивной познакомился с одним – фроловым по фамилии. Не было печали, так черти накачали! Так хитро ко мне подъехал, и так и этак, смотрю – милый человек. И денег не жалеет. Пили. Ловко он мне житуху отравил, и не заметил, как окрутил дурня. Ты, говорит, свой парень, зачем тебе мозоли натирать? Хочешь, устрой, работенка – лафа. И что ж? Устроил продавцом в хлебный магазин. Работаю месяц, второй. Не скажу, чтоб очень нравилось. Правда, сыт – тогда голодновато было на Волге, – а так – почти как и на подшипниковом – нудная работа, только и знай, режь килограммы. Пять тонн сегодня, пять тонн завтра. Не смотри, что хлеб, а нарежешься за день, так хуже, чем на заводе, устанешь. Хотел я уже драла дать, да однажды заявляется этот фролов, говорит, приходи в «Поплавок», дело есть. Прихожу. Сидят в углу под пальмой – фролов и еще один, дядей Агеем звали. Что, думаю, за дело? Выпили, закусили – ничего не говорят, еще выпили, закусили – молчат. Еще и еще. А потом Агей и шепни: так и так, дескать, подбросим пару пудиков сверх накладной – продашь? Продам, говорю, не залежится: товар ходкий. «Ну вот и порядочек, парень свойский, и комар носа не подточит», – тешится Агей, потирая руки. А мне спяну и невдомек, что это – первый мой шаг к черту в зубы. На душе весело, смелости хоть отбавляй, угодить хочется людям – вот и согласился. Не знал того, ярина зеленая, что сегодня – пару пудов, а завтра – десяток, а потом тоннами подбрасывать мне хлеб станут. Придет машина – начнут сгружать, этот Агей и еще один, смотрю – на весах две тонны, а накладную дают на полторы. Остальное наше. Деньги все им отдавал. А они делили. Сначала скребло у меня на душе, думаю, до добра не доведет. Ну, а потом деньги сбили с толку – повалили кучей. Не привык столько иметь, не знал, что делать с ними. Не пропешь: поллитровка шесть рублей – и только.

– Ну это ты врешь, – вставил Пшеничный. – С деньгами еще ни у кого не было заботы.

– Не было? – язвительно передразнил Свист. – Что ты понимаешь, Мурло, душа копеечная?..

– Ладно, хватит вам. Давай дальше! – прикрикнул Карпенко.

– Ага. Ну, тут разгорелась моя фантазия, увлекся фотографией. Купил аппарат, всякие к нему штучки, начал изводить бумагу и пластинки. Снимал. И на Волге, и на Зеленом острове, и в парке. Наловчился, со временем – ничего получалось. Подумал было: а не посту пить ли в фотоартель? Сказал однажды фролову – тот только зубами заскрипел. Попробуй, говорит. Так, живу дальше. Надоело фото, купил байдарку, и вечером, и в выходные – на Волгу. Вот это любил. Видно, душа такая: простора просит. Фролов с Агеем тоже иногда приходили, катал. Потом продал байдарку, купил моторку. Снова Зеленый остров, только уже – не разбойники, а жулики, и не игра, а на самом деле. Пьем, рыбу ловим. Туда же один раз привезли они Лельку. Девка, брат, такая, ярина зеленая, во! Закачаешься. Огневая, боевая, веселая. Захмелела моя башка в один вечер – и водки не нужно. Купались, пили, и там в кустах изловчился я, сгреб ее в охапку и поцеловал. Думал, в морду ляпнет, а она – куда там – обхватила меня обеими руками за шею, впилась в губы, и дух мне заняло, будто в прорву ринулся. Закрутила меня любовь с этой Лелькой, места себе не найду. Говорю, давай поженимся, жить будем по чести, а она смеется. Ходит ко мне на свидания, целуется, но все тайком, чтоб фролов не знал. Что ты, говорю, маленькая, или он отец тебе, чего боишься? Нельзя, говорит, чтобы знал, и все. Не знаю, чем бы это кончилось, кабы однажды такая история не приключилась. Договорились встретиться – уже не помню, в какой праздник. Прихожу, а она стоит у танцплощадки в парке рядом с этим самым фроловым. Почувствовал я недоброе, но подошел, а фролов берет меня вот так за локоть и выводит на боковую аллею. Думаю, что-то будет, а он вдруг говорит: оставь Лельку, не тронь – не твоя. Злость во мне разыграла. А чья, говорю, может, твоя? Моя, говорит. А глаза, как у зверя, рука в кармане что-то нащупывает. Ну, я не обратил на это внимания, изловчился да как саданул ему в скулу. Началась драка, пырнул он меня финкарем в лопатку, но и я кулака отвесил. Сбежались люди, закричала Лелька, ну, нас и взяли. Привели в отделение – протокол и так далее. Смотрю, этот, собака, чужую фамилию называет, и документ у него соответствующий

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru в кармане. Взбунтовалась во мне кровь – ах ты, гад ползучий, думаю, снова кем-то заслониться хочешь! Веди, говорю конвоиру, к главному. Позвали начальника, взял я и рассказал все: про хлеб, и про Агея, и про наши шахер-махеры. Ничего не утаил – утаил только про Лельку. Чувствовало мое сердце, что и она не так себе, тоже в этом коdle, а назвать не мог. Не назвал...

Свист неожиданно умолк и задумался, заглядевшись на огонь. Вокруг, ожидая продолжения, сидели товарищи. Карпенко, подперев голову рукой, лежал на топчане и тоже ждал. Свист помолчал, поглаживая горячие от огня колени и, видно, уже по-новому переживая старую свою беду.

– Да. Значит, посадили нас в КПЗ, начали следствие. Ко мне неплохо относились все – и милиционеры, и тюремщики, и следователи, а тут замечаю однажды: что-то переменялось, подозрительно так посматривают и все стараются на слово поймать. «В чем дело? – спрашиваю. – Я выложил все по совести». – «Все ли? – говорит один черный такой, с виду кавказец. – А почему про Злотникову молчишь?» – «Какую Злотникову?» – «Про Лельку», – отвечает и так всматривается, словно в душу хочет заглянуть. Оказывается, этот гад Фролов уже выдал ее. Ну и вот, судили. Целую шайку. Как глянул я на суде, так аж испугался. Ярина зеленая, оказывается, я только кончик им дал, а весь клубок распутали без меня. Человек двадцать разных ворюг. И Лелька. Тяжко мне было видеть ее там. За себя не так обидно, как за нее. А она в глаза мне не глядит, не говорит. Неужто, думаю, меня доносчиком считает? Молчание ее душу мне выворачивает, хочется заговорить, а нельзя. Ну, дали кому сколько. Фролову – десять, Лельке – три, мне – пять. Потом поползла жизнь тюремная, лагерная. В Сибири лес валили. Пихта, ель. Снег до пупа, сопки, мороз. Дым от костров даже теперь ночью чувствую – снится. Все, кажется, им провоняло. Вывозили в распадок. Пайки хлеба, баланда, нормы. Люд разный. Одни – ничего, душевные, другие – сволочи. Охрана тоже. Трудно было. Потом привык. С зачетами отбыл два года. Отпустили. Куда податься? Говорят бывалые: на запад не суйся, теперь ты с блямбой на веки-вечные. Там ты – как волк в облаву. Все атакать будет – судимый! Айда на восток. Поверил, подался на восток. На Сахалин прибился, повкалывал в шахтах – не понравилось. Вспомнил Волгу – пошел матросом на сейнер. Крабов в Татарском проливе ловили, сельдей, в путину – лососей. Трудная житуха морская, а привык – ничего. Море, оно притягивает – муштрует и не отпускает, как зазноба какая. Временами, в шторм, припечет, свет белый проклянешь, а когда стихнет, успокоится – лучшего и желать не надо: простор, ветер – милая душа, ярина зеленая.

– И тут – война, – вздохнув, продолжал Свист. – Да, забыл рассказать. Был еще в моей жизни человек, уважал я его больше матери. Не многих уважал, а его – от души. Владимир Кузнецов. Летчик. Капитан. Еще, помню, я пацаном на Монастырке по садам лазал, а он приезжал в отпуск – в серой гимнастерке, в желтых ремнях. Фуражка такая с золотым крабом. Но особенно мне нравились его нагрудные значки. Помню, «Ворошиловский стрелок», ПВХО, ГСО и парашютистский. Любили мы, пацаны, за ним бегать, и он не сторонился, дружил с нами. Однажды я записку от него Инке Голощековой носил – была у нас такая деваха. Ну вот, а потом этот самый Владимир исчез – ни слуху ни духу. Отец его, Григорий Семенович, тот самый, что меня к токарному делу пристраивал, ходил молчаливый, угрюмый, мать все горевала, а где он пропал – никто толком не знал. Но вот через год или два объявился наш Владимир Григорьевич. Уже три шпалы в петлицах, вместо значков – два ордена Красного Знамени, только со здоровьем что-то у него незаладилась. Ранен, оказывается, был. Думаете где? В Испании. С франчуками воевал. Потом он сам мне это по секрету рассказывал. Уволили его со службы из-за ранения, и начал он чернеть от какого-то горя, как котелок от сажи. Стал печальным, молчаливым – и все один. А увидит самолет над городом, так, поверите, прищурится и смотрит, смотрит... Тот уже за облака скроется или на посадку пойдет, а он все стоит и всматривается. И на глазах слезы. Вот горе было у человека! Когда я спутался с этой чертовой фроловской компанией, он сразу заметил неладное, – конечно, по соседству недолго утаишь – и все говорил мне: «Брось, Витька, не тем занимаешься». Только я не послушал. Хотел – и не мог. Ну, а любил я его очень. И теперь сердце болит, что не послушался, хоть, конечно, не знал он всего, мог только догадываться... И вот получаю на Сахалине письмецо из Саратова от племянницы, пишет – того взяли, того призвали, а Кузнецова сын на второй день войны сам пошел. Не хотели брать летчиком, потому как здоровье никудышное, так он в пехоту напросился. Ну, думаю, картина, ярина зеленая. И что за гады – эти фашисты, если уж такой человек готов с ними даже в пехоте драться? Думаю: все мои знакомые – на фронте, один Свист в тылу. То сидел в тюрьме, а теперь в теплом местечке пристроился, на рыбфлоте. Нет, думаю, я тоже человек, не

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru скотина. Подал заявление: давайте расчет. Не пускают. Говорит начальник кадров: «Брось, Свистунов, – меня все Свистуновым звал – хорохориться. Тут ты за милую душу до конца войны досидишь, на кой тебе лезть на рожон?» – «Ах ты прохвост, – говорю, – там люди жизни не щадят, а тут – сиди. Не в тюрьме – отсидел свое. Давай деньги». Выбил я у них косую и прикатил в Москву. По старой привычке пошел к начальнику НКВД. Так и так: бывший заключенный, хочу на фронт. Помогите. И помогли. Дал полковник бумажку, и меня – на пополнение в стрелковую дивизию и на фронт. Под Полоцком окружили. Еле-еле с дружкой одним, Алешкой Гореловым, ноги унесли. Вот на вас наткнулись. Взял ваш комбат. Расспросил все – как и что, куда и откуда – и взял...

Дрова в печи прогорали, в сторожке потемнело, опять стало холодно, в окна задувал ветер. Карпенко курил, лежа на спине, все молчали.

– Да, хлебнул горя, – задумчиво проговорил старшина. – Это не сладко – тюрьма. Только было за что: виноват, как ни крути.

Свист даже встрепнулся от этих слов, видно было, они больно отозвались в его и без того изболевшейся душе.

– Было за что – это правда. Дали пять – согласился. Дали б десять – ни слова б не сказал. Все б отбыл. Заслужил – получил по справедливости. Только, знаешь, не хочу, чтоб всю жизнь попрекали. Что было, то прошло и быльем поросло. Нужно, еще отсиджу, стерплю, только без бирки, без ярлыка – человек я, ярина зеленая... И хоть, может, балда безголовая, дурак самый последний, только, думаю, не хуже многих других – тихоньких, ровненьких... Вот...

Карпенко в ответ не сказал ничего. Все молчали, и слышно было, как выл-завывал за окном неумолчный осенний ветер.

8

Выйдя из сторожки, Овсеев прислушался. После света из печки, пусть ничтожно мало, в этой кромешной тьме ни зги не было видно, только порывисто лупил в стену дождь да завывал ветер. Бойца сразу объяла глухая осенняя ночь, тело вздрогнуло от зябкой промозглости, он поднял воротник и нерешительно ступил во тьму.

Под ботинками чавкала грязь, его обдавал дождь, с крыши стекало на пилотку, и тяжелое предчувствие все глубже и глубже забиралось в душу бойца.

Одно из двух, думал Овсеев, или все они во главе со старшиной дураки и остолопы, или он сам нытик и трус. Но трусом Овсеев себя не считал, он был способен на такие поступки, на которые решится не всякий. Просто теперь он понимал то, чего не хотели или не могли понять ни старшина, ни Свист, ни Глечик, ни Фишер, и это не на шутку встревожило его. Конечно же, их оставили в заслоне не для того, чтобы они, спокойно просидев сутки, могли затем догнать батальон. Если уж приказали держать эту дорогу, значит, именно здесь ожидается тот главный удар, которого хочет избежать полк. Но что они, шестеро, могут сделать против фашистской оравы, когда с ней четвертый месяц не справляется вся наша армия? Первым же ударом их тут прихлопнут, как комара на лбу. И кому только понадобилась такая их жертва? Явный просчет, глупая затея – не больше. А этот твердолобый тумак Карпенко уперся, как баран в новые ворота, и, знай себе, талдычит: приказано – выполняй.

Овсеев прошелся пару раз по меже, далеко не отходя от сторожки, прислушался и, не услышав ничего подозрительного, опять стал под крышу. Если там прижаться к самой стене, можно хоть немного укрыться от дождя и пронизывающего ветра. Окоченевшие руки сами ищут тепла за пазухой и в карманах. Из сторожки слышится разговор, о чем-то треплется Свист. Какой-то он непонятный человек, этот Свист. Так вроде и ничего – сообразительный, ловкий и многое повидал, а никакого критического подхода к обстоятельствам. Удивительно даже, как он, анархист и блатняк по натуре, может так беспрекословно подчиняться воинской дисциплине? Вначале, когда он только появился в их роте, Овсеев даже хотел подружиться с ним, потому что никого более подходящего тут не было – все какие-то неотесанные, поговорить не с кем. Но постепенно Овсеев убедился, что этот Свист больше тянется к другим, любит держаться компании, и Овсеев махнул рукой – черт с ним.

В роте Овсеев жил сам по себе. Это было не очень чтоб весело – постоянно чувствовать свое одиночество, но он чувствовал себя умнее и интеллигентнее многих, поэтому одних он презирал, на других, таких, как Глечик, просто не обращал внимания. Но, странное дело, на него тоже мало обращали внимания, взыскивали наравне с прочими, а это уже было несправедливо и обидно.

Постепенно привыкнув ко тьме, Овсеев стал различать тусклую линию железной дороги, пятна столбиков на переезде, слышал, как печально шумели молодые посадки у линии. На пригорке и дороге все было тихо. Немцы, видно, не торопились или заночевали где-нибудь в такую непогоду, не то быть бы беде. Однако ночью бойцы еще сумели бы оторваться от врага, скрыться во тьме, отойти, а вот завтра вряд ли это удастся. Завтра всем им придется погибнуть. Это скорее всего. А погибать, прожить только двадцать лет, Овсеев совсем не хотел. Вся его душа, каждая клеточка тела гневно протестовали против гибели и жаждали одного – жить. К дьяволу эту войну, ее муки и кровь, если человеку нужно такое простое и естественное – жить! Столько сладостей в жизни – привычных и еще не познанных, столько радости и счастья, что погибать в самом ее начале – преступление хотя бы перед природой. Этот твердолобый карпенко готов разбиться в доску, только бы выполнить приказ. А он, Овсеев, привык всегда все взвешивать, анализировать, думать и находить лучшие для себя варианты из всей суммы возможных. Эту привычку он приобрел давно, еще в школе, когда понял, что большего иногда можно достигнуть и малыми средствами. Он много читал, учился легко, среди учителей и товарищей слыл способным ребенком. Без особого труда давались ему гуманитарные предметы. Математику он тоже знал, но она требовала усидчивости, настойчивости, въедливости до мелочей, а это было не по душе избалованной натуре Алика. Бесконечные домашние задания по алгебре, тригонометрии, физике бесили его уже тем, что отнимали все свободное время, необходимое ему для спорта, забав и игр. И он договорился с одноклассником Шугайло, недалеким учеником-переростком, который неплохо справлялся с математикой и второгодничал в восьмом классе из-за абсолютной неспособности к языкам. Шугайло стал готовить за Алика все домашние задания по математике, писал за него контрольные, одним словом, облегал все его математические обязанности. Алик помогал ему во время диктантов и сочинений, но делал это не без некоторой хитрости, и если по математике отметки у них были одинаковые, то по языковым работам оценка у Шугайло редко когда поднималась до "4". Алик же был круглым отличником.

Отец его, военврач третьего ранга Овсеев, в дела сына-подростка почти не вникал: у него было полно своих хлопот. Зато мать, уже немолодая и очень добрая женщина, обхаживала своего единственного за пятерых отцов и пятерых матерей. С детства она находила в Алике множество различных и необычайных способностей. Стоило малышу, балуясь, тронуть клавиши пианино, как мать тут же восторгалась и бежала к отцу, соседям, знакомым, говорила: «Это же чудо-ребенок, он уже взял аккорд! Он будет композитором». Если Алик, послунив карандаш, выводил на бумаге какие-нибудь каракули, мать подхватывала листок и бежала показывать другим. Если же, случалось, обижал малышей во дворе и на него жаловались соседки, она, закрыв двери, одобряла: «Молодчина, сынок. Не разрешай брать верх над собой».

Когда Алик подрос, он пошел в музыкальную школу, неплохо проучился там два года, но потом бросил. Мать очень переживала. Удивлялись преподаватели, почему он, такой способный к музыке, вдруг потерял к ней охоту. Овсеев никому ничего не объяснял, но сам знал определенно, что поступил правильно. «Лучше быть первым в Галии, чем вторым в Риме», – вычитал некогда Алик и понял, что в музыкальной школе ему никогда не быть первым. Первой там была Нина Машкова, а на второе место для себя Алик не мог согласиться.

Через месяц Овсеев записался в студию изобразительных искусств, купил альбом, медовые акварельные краски и всю зиму писал натюрморты. Алику казалось, что его рисунки не хуже работ других студийцев, но преподаватель Леонид Евгеньевич, старичок в поношенной толстовке, иногда остановившись у его мольберта, теребил узенькую бородку и непонятно почему спрашивал:

- Вам, Овсеев, спорт нравится?
- Нравится, – быстро поворачиваясь к нему, говорил Алик, и учитель согласно кивал головой.
- Правильно, футбол, например, чудесное занятие для юноши.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Сперва Овсеев не понимал, а потом догадался о смысле тех туманных намеков и перестал посещать студию. Как раз начиналась весна, пригревало солнце, на детском стадионе до поздней ночи бухали мячи – и Алик Овсеев отдался спорту.

После нескольких тренировок его зачислили в юношескую футбольную команду, которая затем в городских соревнованиях заняла первое место. Снимок команды-победительницы поместили в местной газете. Алик в решающем матче забил два гола и почувствовал себя так, словно стал намного старше своих шестнадцати лет. Его перестали интересоваться одноклассники и даже учителя, несмотря на возросшее их уважение к юноше-спортсмену. Он замечал, какими влюбленными глазами посматривали на него девочки и как товарищи томились от зависти к его спортивным успехам. Все это приятно щекотало его самолюбие, и Алик начинал уже думать, что нашел свою дорогу в жизни, как вдруг в разгар лета на их команду посыпался ряд неудач. Три раза подряд на ответственных соревнованиях они позорно проиграли. Однажды Алика вывели из игры за грубость и в конце концов заменили другим.

Долго после этого Овсеев в одиночестве переживал свои жизненные невзгоды, но мать утешала сына, доказывая, что он очень способный, всесторонне одаренный, но немножко ленится, а если постарается, станет просто гениальным. Этот усвоенный с детства довод постепенно успокоил Алика, наполнил его сердце презрением к другим и давал основание смотреть на себя, как на исключение. Но другие почему-то упрямо не хотели замечать исключительности Овсеева и совсем не так, как того требовала его натура, относились к молодому человеку. Особенно ярко это проявилось, когда Алик приехал в Ленинград и поступил в артиллерийское училище.

Еще занимаясь в десятом классе, Алик понял, что искусство, музыка, живопись, а также спорт – не его стихия, потому что там нужны фанатичная самоотверженность, упорство и каторжный труд. А все, что достигается огромными усилиями, через трудности, думал Овсеев, то не приносит удовлетворения: радость достигнутого омрачается трудностью достижения. Военное дело влекло его воображаемой романтикой жизни и красотой формы. Он любил смотреть на строй красноармейцев во время парадов, ему нравился бравый вид молодых командиров в португезах, с планшетками и пистолетами на боку, он восхищался мощью боевых машин и вычитанными из книг героическими подвигами во время войны. Отец не возражал против нового увлечения Алика, мать же, во всем угождая сыну, отступила от своих прежних намерений относительно его карьеры на поприще искусства, и за год до войны Овсеев стал курсантом училища.

Но случилось так, что с первых дней своей военной жизни курсант Овсеев почувствовал разочарование. Командиром отделения, в которое зачислили Овсеева, назначили мешковатого тугодума Тодорова. Этот недалекий, по мнению Алика, человек совсем не хотел видеть, что Овсеев умнее его и многих курсантов, более развитой и ловкий, куда лучше воспитанный. Кстати, этого не хотели замечать ни старшина, ни командир взвода. Его школили так, как и всех. И когда он попытался выделиться, показать свои знания и способности, доказать, что он стоит большего, тогда его невзлюбили товарищи.

Правда, те невзгоды быстро прошли. Летом, когда началась война, Овсеева в числе большой группы курсантов отчислили из училища и с маршевой ротой направили на фронт. Овсеев вначале даже обрадовался и, по пыльным дорогам добираясь до передовой, был полон решимости совершить какой-нибудь героический поступок: хотелось показать, на что он способен. Но в первом же бою его оглушило грохотом взрывов, ослепило страхом близкой смерти, обожгло болью неудач. «Нет, – сказал он себе. – Это не для меня». Дальше он только и думал о том, как бы уцелеть.

До сих пор ему в общем везло, но вот, кажется, пришел конец его удачам. Овсеев очень беспокоился за завтрашний день, чувствовал – быть беде, и все думал: что предпринять, чтобы отвести от себя гибель?

Стоя под краешком крыши и отчаянно ища выхода из тупика, Овсеев не заметил, когда прекратился дождь. Наступила тишина. Перестали стучать капли по крыше, кажется, постепенно унимался и ветер. Неизвестно, который был час. Овсеев чувствовал крайнюю усталость во всем теле и, сердито подумав о тех, что остались в сторожке и не сменяют его, рванул на себя дверь.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Из сторожки пахло теплом, дымом, кислыми испарениями от мокрых солдатских шинелей. Не переступая порога и держа дверь настежь раскрытой, Овсеев спросил:

– Ну что? Вы меня смените сегодня?

– Что-то ты больно скоро, – отозвался с топчана Карпенко. – Еще, верно, и двух часов не прошло.

Он неторопливо вытащил из карманчика старые «кировские» часы на цепочке и повернулся к скупому свету из печки.

– Да, пять часов! Скоро рассвет. Ну, кто? Глечик, давай ты.

Глечик с готовностью вскочил с пола, но его опередил Пшеничный.

– Постой. Я пойду. Глечик пусть отдохнет. Он копал много, так что...

Не ожидая согласия командира, боец запахнул шинель и полез в дверь. Овсеев поставил в угол винтовку и стал устраиваться у печки.

– Дождь вроде стихает? – спросил Карпенко.

– Стих, – ответил Овсеев, протянув к огню озябшие красные руки.

Рядом, разомлев от жары и поджав ноги, сидел Свист. Он все, видно, не мог одолеть своего задумчиво-меланхолического настроения и с тихой грустью в светлых глазах, уставленных на горящие уголья, говорил:

– Повидал я людей и там, и тут, смерти насмотрелся и думаю: эх, человек, не знаешь ты, что тебе надобно. Выкомариваешь, как малое дитя, пока тебя красный петух в зад не клюнет. А клюнет, тогда враз ум появится. Тогда докумекаешь, как жить надо. Это я о самом себе думаю. Допер вот, ярина зеленая.

– Оно так, – отозвался Карпенко, вытягиваясь на топчане. – Только пропади она пропадом, война эта. Мне она всю жизнь поломала. Только на ноги поднялся, свою дорогу нащупал, как тут – трах-бах – понесло...

– Это правда, – согласился Свист. – И когда уж мы его осилим, гада? Прет и прет, паразит окаянный!

– Ничего, осилим. К Москве не допустим. Это уж точно.

Овсеев, грея мокрые руки, неприветливо блеснул на старшину черными холодными глазами.

– Ну да. Можно подумать, Москва за Уралом.

– За Уралом не за Уралом, а Москву не отдадим.

– Это мы уже слышали, – хмыкнул Овсеев. – А три месяца драпаем...

– Ерунда, – живо отозвался Свист. – Кутузов тоже отступал. Тут план, может, такой – как с французами. А что? Заманить поглубже в леса, болота, окружить и кокнуть к чертовой матери. Чтоб ни одного не осталось.

Карпенко курил, пуская в потолок широкие струи дыма, и о чем-то сосредоточенно думал. Овсеев, отогревшись, стал доедать кашу. Витька сгребал у печки последнее топливо, а Глечик, полный внимания на круглом мальчишеском лице, оперся на руку и слушал. Дрова в печке уже догорели, сверкала, переливалась жаром куча углей, тьма все плотнее окутывала силуэты людей. Тускло светились лишь их лица и руки.

– Ах, гады, гады! Что сделали с Россией, – говорил Свист, подбирая во тьме остатки топлива. – Ну подожди, доберемся – никому пощады не будет.

– Зачем так, – подумав, заметил Карпенко. – Всех на одну мерку нельзя мерить. Есть и среди немцев люди. Подпольщики. Они свое дело делают.

– Что, может, пролетарскую революцию готовят? – невесело улыбнувшись,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru съехидничал Овсеев. – Я слышал, один политрук про революцию в Германии агитацию разводил. Говорит, скоро немецкий пролетариат поднимется против Гитлера.

– А что? Возьмет и поднимется. Что ты думаешь? Мы не знаем, а там дело идет. Не может того быть, чтоб все немецкие рабочие за Гитлера стояли.

– Да, жди, – буркнул Овсеев.

– Ты, умник! – разозлился Карпенко. – Что-то, смотрю, все ты знаешь, все понимаешь.

– И понимаю, а что ж!

– Понимаешь! Вот завтра посмотрю на тебя, умника.

Овсеев смолчал. Стало тихо. Глечик насупился. Свист рассудительно говорил:

– Это ничего, пускай. Пускай! Понятно, беда, да кто беды не бедовал. Хлебнуть доведется, но беда жить научит. Эх, ярина зеленая. – Он вдруг переменял тон на свой обычный шутивно-разухабистый. – Слушайте анекдот на закуску, да нужно кимарнуть часок.

Карпенко улыбнулся во тьме, поворачиваясь на бок. Глечик придвинулся ближе к печке. Овсеев пренебрежительно скривил губы.

– Так вот, про женское любопытство. Кто против, кто за? Идет. Ну, вот, ярина зеленая, слушайте.

Он весь преобразился: смешливые искорки, играя, заблестели в его глазах, мелкими морщинками покрылся лоб, хитровато-озорным стало выражение его лица. Это уже был другой, не рассудительный, вдумчивый боец, а обыкновенный, понятный всем Витька Свист – свойский парень, весельчак и пройдоха.

– Значит, так. Был у одного человека знакомый. Встречаются однажды: «Как жизнь?» – «Ничего». – «Смотрю, что-то тощий ты больно, еле-еле душа в теле. Что такое?» – «Да жена заела». – «Эх, а жена что, тоже исхудала?» – «Где там: печь-баба». – «Ну, так я помогу, отучу грызться». И вот является как-то этот знакомый в выходной. Стук-стук. «Здравствуйте». – «Заходите, милости просим». – «Да я по делу, к хозяину». – «Ну что ж». Хозяин притих, понятно, ведет гостя в комнату, дверь на крючок. Жена нервничает: в чем дело? Ну и к двери, понятно, глаз в дырочку – что такое? А знакомый бух перед хозяином на колени. Слышит баба, умоляет простить. «Не могу, – говорит хозяин, – сам знаешь, не могу». – «Христом прошу: прости, молодой был, бес попутал». – «Не проси, не в моих это силах». И так с полчаса. Наконец вышли оба совершенно убитые. Знакомый за шапку да к двери, не попрощавшись. Жена к мужу: «Что такое?» – «Не могу, говорит, дорогая, не моя тайна». Она и так и этак, а он: «Не могу и все, не проси». Жена не спит по ночам, перестала есть, все думает, гадает, допытывается, просит раскрыть ей тайну. А муж ни в какую. Во второй выходной снова та же история. Приходит знакомый, запираются, и снова один просит, а второй упорствует. Жена места себе не находит, обед не варит, сохнуть начала. А муж молчит – и все. Так трижды приходил этот человек и все умолял простить его, а на четвертой неделе высохшую, как щепка, жену отвезли в больницу.

– Здорово, – сказал Карпенко. – Не очень смешно, но правильно. Ну, а теперь на пару минут – молчок.

Заскрипев топчаном, он повернулся на другой бок и сразу затих. Сидя прислонился к теплой печке промокший Овсеев, на полу с головой укрылся шинелью Свист. Глечик подвинулся ближе к печке и, обхватив колени руками, стал печально смотреть на дотлевавший огонь.

Совсем догорели дрова, но еще ярко краснели угли, по ним кое-где пробегали синевато-прозрачные огоньки, но их становилось все меньше. Потом уголья стали покрываться сизой пеленой пепла, и это пелена, будто живая, шевелилась, дышала, расплзлась по топке. В груди Глечика отчего-то все больнее сжималось сердце, полное тоскливых воспоминаний о его трудной, не задавшейся жизни.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

За это страшное время бесконечных людских страданий Глечик уже порядком огрубел душой и перестал замечать мелкие невзгоды жизни. Не очень допекали его марши и окопы, стужа, голод. Привык он и к требовательности командиров. И только одна всепоглощающая боль, ни на минуту не утихая, день и ночь жила в его сознании.

От рождения он был робким и молчаливым мальчишкой. Даже в детстве никто не слышал от него ни одного слова жалобы, никому не открывал он своей души, не делился переживаниями и, слушая других, думал, что его горе – не горе. Правда, от этого было не легче, и сердце его то и дело тоскливо сжималось от боли.

Эх, если бы можно было остановить время, перекроить жизнь заново, «сабраць з дарог каменні тыя, што губяць сілы маладыя». Не поступил бы, может, и он, Глечик, так опрометчиво, так глупо, не обидел бы самого близкого человека – мать. Но прошедшего не вернешь, и оттого так болит теперь его сердце.

Безмятежным и тихим было детство Василя Глечика. Кирпичный завод на окраине поселка, огромные старые карьеры, залитые широкими лужами желтоватой воды, длинные сушильные навесы и множество кирпича – сырого, подсохшего и обожженного. На сыром можно было запросто написать свое имя, нарисовать звездочку. Обожженный кирпич, жесткий и красный, звенел, как медь. В карьерах поселковые сорванцы ловили весной головастика, баловались, купались, пропадали у воды спозаранку дотемна, пока на обрыве не появлялся Васин отец и не разгонял их по домам.

Отец Василя Глечика, конечно, имел самое непосредственное отношение к заводу, работал обжигальщиком и считался полновластным хозяином длинной, как пещера, гофманской печи, которая всегда полыхала жаром. Добряк по натуре, он никогда не обижал Васю, в получку обычно приходил слегка навеселе и приносил сыну игрушки и конфеты. Мать тогда хмурилась, и маленький Василек никак не мог понять, почему она сердится – ведь отец в такие часы был еще ласковее и добрее, чем обычно. Ну, а когда мать обижалась, Василек не мог чувствовать себя счастливым, он тоже переживал и тоже дулся на отца, потому что очень любил мать. Всегда веселая, жизнерадостная, с приветливой улыбкой на спокойном красивом лице, она была равной со всеми, и, бывало, каждый при встрече с ней сразу радостно и светло улыбался. Они очень счастливо жили тогда. Василек учился в школе. Характером он пошел в мать, был старательным, честным, уважительным к старшим и до пятнадцати лет не знал, что такое настоящее горе.

Но горе нагрянуло – неожиданно, обидно-нелепое и страшное. Однажды в дождливый, как сегодня, осенний вечер они все: отец, мать, Василек и трехлетняя Насточка – сидели за столом и слушали музыку. Отец неловкими, огрубевшими от работы пальцами вставлял в мембрану неделю назад купленного патефона иголку и осторожно опускал ее на пластинку. Мать, облокотившись на подоконник, казалась, вся ушла в музыку, – она была очень красива тогда, какая-то мечтательно-грустная и тихая-тихая. И вдруг снаружи донесся дикий, нечеловеческий крик.

Все вздрогнули, отец бросился к окну, затем к двери и как был – в одной рубашке, без шапки, в тапочках – выскочил на улицу. Василек тоже выбежал следом и сразу за углом, у забора, при свете фонаря увидел незабываемо-ужасное. С мокрого от дождя невысокого столба электросети сползал вниз человек. Это был их сосед Трошкин. А на земле, распластавшись в грязи, неподвижно лежал отец. Василек бросился к нему, закричал. Выскочила мать, сбежались люди. Но уже ничего нельзя было сделать – отца убило током.

В тот вечер кончилось, как оборвалось, Васильково счастливое детство. Отца похоронили. Мать почернела от горя и слез. Василек тоже плакал, но тайком от всех: неожиданно он почувствовал себя самым сильным в осиротевшей семье и держался как мог. Жить стало трудно, томительно-скучно и одиноко. Он тогда окончил семилетку, но мать хотела, чтобы сын учился дальше, и сама пошла на завод формовать черепицу. Зарабатывала она немного, денег на все не хватало, они берегли каждую копейку и кое-как сводили концы с концами. Василек старался помогать матери – собирал металлолом, ремонтировал вагонетки, грузил на машины кирпич. Мать постепенно оправлялась от горя, успокаивалась и иногда, положив спать Насточку, садилась у окна, говорила: «Ничего, как-нибудь проживем. Все ж нас двое, работников». Полная нежности, она гладила его по коротко остриженным вихрам, а Васильку было очень не по себе от этой ее ласки, и он стыдливо уклонялся. Но в такие минуты мальчик готов был на любые невзгоды, лишь бы облегчить жизнь матери. После смерти отца он стал любить ее вдвое больше.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Мать неожиданно повеселела.

Как-то в погожий выходной день она обула свои белые, купленные еще отцом туфли, взяла маленькую сумочку и пошла, наказав Васильку присматривать за Насточкой и никуда не отлучаться из дому. Вернулась она под вечер, веселая, быстрая, по-прежнему красивая и ласковая. Она долго и радостно играла с Насточкой, гладила по голове Василька, но в душе сына вдруг возникла к ней непонятная, ничем не объяснимая враждебность. Правда, он тогда ничего не сказал ей, а, тихонько выйдя из дому, направился к карьеру и до сумерек просидел на обрыве.

Через несколько дней обида улеглась; мать, веселая и добрая, как всегда, много работала, вечером приходила усталая и успокоенная. Но однажды в какой-то праздник она поднялась очень рано, сбегала в магазин, тщательно убрала в комнате, приготовила посуду и сказала Васильку, что он, если хочет, может погулять, потому что к ним придет гость. Василек сразу насторожился, насупился, гулять не пошел, а залез на крышу сарая и стал высматривать гостя. Им оказался Кузьмиченков – бухгалтер завода, уже немолодой человек, который всегда ездил на велосипеде с пристегнутым к раме портфелем. Василек убежал на карьер и до полуночи не возвращался домой.

А мать в тот вечер долго не ложилась спать: все ждала сына. Она, конечно, сразу почувствовала его отчужденность и вздохнула, когда он, придя, молча завалился на кровать, потом всплакнула и сказала, что он еще мал и не понимает всего, что нужно было бы понять. Какая-то жалость к матери на мгновение шевельнулась в его душе, но понять мать окончательно он, действительно, не мог, а главное – не хотел.

Что-то в нем ожесточилось, он утратил свою прежнюю искренность, избегал оставаться с ней наедине. И когда год назад мать привела в дом Кузьмиченкова и сказала, что он теперь будет его отцом, Василек понял: тут ему оставаться нельзя.

Два дня спустя он взял новую рубашу, зимнюю отцовскую шапку, три червонца полученных накануне денег и отправился на станцию. Там сел в пригородный поезд и поехал в Витебск. В его кармане лежала потрепанная газета с объявлением о приеме учащихся в школу ФЗО. Так Василь Глечик перешел на свой хлеб.

Дома он не сказал никому, куда поехал, за что и на кого обиделся. Мать, видно, немало пережила, пока отыскала его в Витебске, приехала, просила вернуться, а главное – не обижаться, но он молчал, ни слова не сказал ей при встрече, не отвечал на письма. В начале войны он узнал, что Кузьмиченков пошел в армию, а мать с Насточкой остались одни.

И парень тогда заколебался. Он знал, что перед той бедой, которая неудержимо катилась с запада, ему надо быть ближе к матери, но прежняя обида нет-нет да и давала о себе знать.

Пока он взвешивал и раздумывал, немцы подошли к Витебску, и нужно было спасаться самому. Василек прицепился на станции к заднему вагону последнего поезда и, где пешком по шпалам, а где в эшелонах, добрался до Смоленска. Видно, в огромном людском горе растворилась и его обида. Осталось только болезненное сознание своей так поздно понятой несправедливости к матери...

Глухая тьма наконец целиком завладела сторожкой; потухли последние искорки в печке. Стало совсем холодно. Дружно посапывали красноармейцы, похрапывал старшина, а Глечик широко открытыми глазами смотрел во тьму. Завтра может постигнуть его беда, он может погибнуть. Это будет его первый бой с ненавистным врагом. Но не страх смерти, не жалость к себе терзали парня в эти последние минуты покоя.

– Мама, дорогая моя мамуля, – беззвучно шептал во тьме Глечик, – прости ты мое непослушание, мои глупые выходки. Почему я был тогда таким дурнем, зачем оставил тебя – родную, единственную мою? Как ты теперь там, во вражьем плену, одна? Что сделают с тобой эти немцы и кто заступится за тебя?..

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Тем временем старшине Карпенко снился несуразный, тягостный сон.

Чудилось ему, будто вот в этой сторожке у печки, на том месте, где разлегся Витька Свист, сидит его, Григория Карпенко, отец. Строгий, озабоченный, сгорбленный от нелегкой житухи старик закручивает взлохмаченный седой ус и говорит хриплым голосом: «Вот что, сыны. Как себе хотите, а надел больше делить не будем. Пока я жив – не дам. Доделились – с сохой повернуться негде. Ляксея пусть живет, остальные геть в свет – своего хлеба искать».

И тут видит Карпенко: из тьмы выступают его братья – старший Алексей, хромым Ципрон, сварливый Никита, а с другой стороны стоит он, младший Гришка. Как и тогда, лет пятнадцать назад, злой, горластый Никита в ответ на отцовские слова сорвал с головы замусоленную от пота шапку и, ударив ею об землю, крикнул: «Ага! Любимчику, старшенькому, черт его дери! А мы что? Куда мне четверых босяков девать? Куда? Говори, ты – отец!» – бил себя кулаком в расхристанную грудь Никита.

Братья загудели, задвигались, недовольные отцовским решением, вытянули жилистые руки и стали наступать на него, готовые растерзать сгорбленную фигуру у печки. Но отец сидел спокойный, строгий, лишенный всякой нервозности, словно чувствовал в себе какую-то магическую силу, способную защитить его. И он, Гришка, испугался и, бросившись к старику, заслонил его.

Тогда братья все сразу замахали длинными своими руками, растопырили над ним костлявые, с отросшими ногтями пальцы, жадно потянулись к его шее.

– Ага, – шипел из тьмы голос Никиты. – Хорошо тебе: ты в армию пойдешь, до командира дослужишься, жалование получишь, а мы что? Что мы-ы-ы?

И вот костлявые пальцы брата ухватили Гришку за горло, сжали, он стал задыхаться, но отбивался как мог. А отец все сидел у печки и, наблюдая за дракой, противно хихикал: "Ага, ага! Вот так его, так-так, так... "

Григорий изо всех сил рванулся, выскользнул из сжавших его мертвой хваткой объятий и бросился прочь.

Потом что-то переменялось во сне, и он уже увидел себя за станковым пулеметом под огромным заснеженным валуном, на берегу того безымянного озера в Финляндии, где совершил свой первый воинский подвиг. За вторым таким же камнем притаился с «ручником» взводный – лейтенант Хиль. Больше из их роты не осталось никого, и они третьи сутки из двух пулеметов отбивались от финнов. Только теперь, во сне, на них почему-то наступали не лыжники особого батальона «Суоми», а немецкие эсэсовцы. Они ровной густой цепью бежали по заснеженному льду озера. Карпенко стрелял и стрелял, но его пули где-то пропадали, не причиняя никакого вреда врагу. Он спохватился, что не поставил на планке прицел, и тогда оказалось, что нет и самой планки, что ее срезало осколком, а пули из перегретого ствола падали на снег прямо перед самой его позицией. Ужаснувшись от мысли, что может попасть в плен, Карпенко схватил последнюю свою лимонку и замахнулся. Но в этот момент сзади послышался хорошо знакомый ему простуженный голос командира батальона, который вчера оставил их здесь, на этом переезде: "Так их, так их, Карпенко!.. "

Странно, что, совсем не удивившись этому, старшина обернулся на голос и почему-то увидел Овсева, который спокойно выскребал из котелка остатки сваренной Свистом каши и говорил ему: «Чудак! Зачем так артачишься? Не видишь разве – это же наши».

Обрадовавшись, Карпенко всмотрелся в цепь на льду и понял, что это действительно шли наши красноармейцы в буденовках, а Овсева, облизывая ложку, выпалил: «Ну вот, медальку теперь и отнимут. Почему в наших стрелял?»

Сокрушенный своей ужасной оплошностью, старшина с опаской коснулся рукой груди, где рядом со значком «Отличник РККА» висела медаль «За боевые заслуги», и вдруг почувствовал там еще чью-то руку, ласково гладившую его. Оказывается, рядом стояла Катя – Катерина Семеновна, его молодая жена, которая неизвестно как очутилась тут. Она гладила его грудь, отчаянно цеплялась за шею и плакала, плакала, как в тот день, когда провожала его в военкомат – на вторую, куда более страшную, войну.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
"Так смотри ж, – говорил Карпенко, неловко обнимая худые Катины плечи. – Родится, береги его... "

"Ой, родненький, никогда он для тебя уже не родится, – запрокинув голову, сквозь слезы причитала жена. – Погибнешь ты, пропадешь, любимый, хороший мой!.. "

Это было невыносимо. Охваченный страхом, Карпенко напрягся, чтобы освободиться от кошмара, и проснулся.

В сторожке царила слепая тьма. Мерно посапывал на полу Свист, где-то ровно и сдержанно дышал в темноте Овсеев. Карпенко спустил с топчана ноги. Тело его застыло от холода, который давно уже властвовал в этой хибарке, и старшина зябко закутался в шинель. Он ощупал карманы, вынул кисет, свернул сигарку. Зажигалка почему-то не загоралась, только высекала маленькие синеватые искорки, которые тут же и гасли. Карпенко сунул ее обратно в карман и, стараясь не наступить на кого-нибудь, пробрался к печке. Под пеплом кое-где тлели угли. Старшина достал один и, взял его пальцами, прикурил. Бумажный кончик сигарки вспыхнул ярким пугливым пламенем, осветив на мгновение сонное, нахмуренное лицо старшины, и отразился в настороженных глазах лежавшего у печки Глечика. Старшина бросил обратно уголь, затянулся и снова шагнул к топчану.

– Ты что не спишь? – спросил он из темноты Глечика.

– Так, не спится.

– А ну ложись! А то завтра как вареный будешь, – сказал старшина, а сам, освобождаясь от власти приснившегося, отмахнулся: "Ерунда! Наплелось всякого... "

Он снова прилег на топчане, курил, но мысли его опять возвращались к этому нелепому сну.

Да, нелегко сложилась жизнь крестьянского сына Карпенко. Отслужив срочную помощником командира взвода, он остался в армии и лет десять еще тянул лямку старшины роты. Беспокойная это служба, кто знает – не позавидует старшинскому хлебу. Но Карпенко привык, втянулся в бесконечные казарменные хлопоты. Да и вынужден был привыкнуть, потому что возвращаться домой, на Орловщину, не выпадало: в отцовской хате жил со своей многодетной семьей Алексей, все остальные братья разбрелись по свету. Но внезапно началась финская война, на которой Карпенко довелось хлебнуть горя. Тяжелое ранение надолго вывело его из строя, потом он получил боевую медаль и наконец осуществил свою давнюю мечту – уволился в запас. Как участника войны и награжденного его назначили заместителем директора льнозавода, дали хорошую квартиру во второй половине поповского дома, где была заводская контора, и Карпенко вскоре женился на Кате, молоденькой учительнице местной начальной школы.

Заводские дела его увлекли. По старой армейской привычке, он не жалел своих сил и вместе с директором, одноруким красным партизаном Шорцем, они сделали этот завод одним из лучших в районе. Сдержанно, по-своему, без особой ласки, но верно и преданно он любил свою Катю и с необычной, никогда прежде не испытанной нежностью ждал появления малыша.

И тут снова война.

Тяжело и неудачно началась она, каждый день погибали люди. Но Карпенко на фронте в общем везло. Их дивизию летом разгромили под Лепелем, однако остатки полка, в котором служил старшина, как-то выбрались из окружения, вынесли знамя и оружие. Правда, погибли в боях три командира его роты, сменилось несколько комбатов, уже совсем мало осталось тех, кто выдержал первый бой, а Карпенко по-прежнему был невредим. Мало-помалу он свыкся с мыслью о своей неуязвимости, больше заботился о других и почти не тревожился о себе самом. Случалось, он ненадолго оставался командиром роты, дольше – командиром взвода. Немцы наседали крепко, но обычно выходило так, что и Карпенко, наловчившись, давал им хорошей сдачи. В бою он никогда не терялся, внимательно следил за другими, не давал спуска трусам. Бойцы немного обижались на него за излишнюю строгость, немного роптали, но в боях по-настоящему оценили крикливого старшину...

Карпенко докурил сигарку, полежал еще. Сон, однако, больше не шел. В сторожке

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru по-прежнему было темно, но чуткий ко времени старшина догадывался, что скоро уже утро. Он снова поднялся, плотней запахнул шинель и, переступив через Свиста, открыл дверь.

Медленно светало. Тьма постепенно редела, отползала от переезда, уже проглянула из мрака железнодорожная насыпь и дорога с блестящей лужей посередине. Темной расплывчатой полосой вдоль дороги тянулись посадки. Ветер стих, потеплело, из ложины через пути ползли серые космы тумана.

Старшина осмотрелся, ища часового Пшеничного, но того нигде не было. Он обошел сторожку, заглянул в траншею, позвал. Затем, будто вспомнив что-то, озадаченный, остановился. Скверная догадка озарила его, старшина раскрыл рот, чтобы выругаться, но выругаться не успел.

На дороге за березами чуткую предрассветную тишину пререзала гулкая пулеметная очередь...

12

За несколько часов до того, оставшись один в пустом поле, Фишер встревоженно слушал дальнюю стрельбу за лесом, смотрел на мигающие сполохи ракет и думал, что их дела здесь, по-видимому, совсем плохи. Если немцы уже зашли с тыла, удержать дорогу будет едва ли возможно. Теперь, может быть, в тыл зашла и небольшая группа фашистов, но их основные силы наверняка не минуют этого единственно пригодного здесь для проезда пути. Когда они хлынут, какие это будут силы, удастся ли им, шестерым, удержать переезд на сутки – Фишер не знал, но именно это сильно беспокоило его.

Когда стрельба за лесом утихла, Фишер все же стряхнул с себя тревожную оцепенелость и взял лопатку. Уже совсем стемнело: небо, поле, дорогу с березами заволокло туманной мглой, еще немного видна была стерня у ног и в ней – неровная полоска обозначенного старшиной контура его окопа. Фишер взялся копать азартно, но беспорядочно, неумело разгребая в сторону мягкую от влаги почву. Вскоре образовалась ямка, похожая на воронку. Дальше земля стала тверже и не хотела поддаваться лопатке. Боец устал, он расстегнул ремень, снял противогазную сумку, немного постоял, отдохнул и дальше стал работать спокойнее.

От однообразного труда и монотонной ветреной тиши к Фишеру постепенно вернулась его привычная потребность размышлять, думать, добираться до скрытого смысла разнообразных явлений его военной судьбы.

Сложное и противоречивое чувство вызывал в нем Карпенко. Угнетали неизменная требовательность старшины, злые окрики, черствость его солдатской природы. Часто, когда старшина бесцеременно, грубо за какие-нибудь мелочи кричал на бойцов, Фишеру хотелось возмутиться, дать ему отпор, потребовать доброжелательного, ровного отношения к людям. Хотелось, но ни Фишер, ни кто другой из тех, кто тоже про себя возмущался его наскоками, не решались сделать этого. Самоуверенность старшины обезоруживала, подавляла, и Фишер временами ловил себя на той примитивной мысли, что он просто побаивается взводного. Карпенко же, по всему было видно, не выносил «интеллигентов-умников» и, как натура элементарно простая, не умел скрыть своего к ним отношения. Фишер временами презирал старшину, временами ненавидел, но стоило тому хоть на минуту просто, по-человечески подойти к нему, стать Карпенко-товарищем, как Фишер уже забывал о своей неприязни и готов был простить ему все прежние обиды.

Вот и теперь, после короткой стычки на переезде, во время которой взорвалось в Фишере все накопившееся у него возмущение, стоило старшине заговорить с бойцом просто и уважительно, как тот сразу обмяк. И хоть ему было очень не по себе тут, в этом холодном, продутом всеми ветрами поле (и одиноко, и боязно, и горели ладони от свежих мозолей, и где-то точила маленькая обида – почему на такое дело назначили его, а не другого), он молчаливо терпел. Знал: это нужно полку, батальону, им, шестерым, на переезде, и в каком-то уголке его души тлело затаенное желание угодить командиру.

А угодить было трудно. Чем глубже он зарывался в землю, тем неудобнее становилось копать в тесноте узкой ячейки – ни согнуться как следует, ни выбросить полную лопатку – она тыкалась о стены и рассыпала землю. Фишер все чаще вынужден был выпрямляться и, тяжело дыша, вслушиваться в ночь.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Но от неподвижности скоро становилось холодно, порывы ветра делались все неистовее, наполняя ночь непрерывным шелестом берез у дороги, шорохом стерни и еще какими-то неясными звуками. Стал накрапывать дождь.

Уже можно было с грехом пополам укрыться в окопчике-ямке, вырытом фишером. Но старшина приказал окопаться как следует, и боец, отдохнув, все сгибался и сгибался в черной тесноте убежища.

Удивительно это получается, думал Фишер, что он, молодой, способный, как многие утверждали, ученый, знаток извечных человеческих истин, хотя и втайне, но, по существу, старался угодить какому-то малограмотному солдафону. Неужели все дело в грубой физической силе или в тех дисциплинарных правах, какие дает командиру устав, или – чего проще – в наглостью самоуверенности этого человека? Поразмыслив, Фишер решил, что это не так. Он подсознательно чувствовал, что Карпенко имеет какие-то свои настоящие преимущества перед ним, свою потенциальную командирскую силу, на которую опирается и он, боец Фишер. Но в чем была та его сила, он досконально понять не мог. Не мог же он допустить, что старшина умнее его или лучше разбирается в военных обстоятельствах, от которых ежечасно зависела их судьба. Фишер хоть и не был кадровым военным, но за время фронтовой жизни научился понимать обстановку, как он думал, не хуже Карпенко.

Дождь все настойчивее стучал по его мокрой спине, пилотке. По лицу стекали студёные капли. Промокла повязка на шее. Фишер выпрямился, вытер горячей ладонью грязные колючие щеки и жалобно посмотрел в небо, словно там можно было что-либо увидеть. Затем он измерил глубину – бруствер, уже покрывающийся грязью, еще не достигал и груди. В грязи вывалились мокрые полы шинели, руки, пудовые комья прилипли к ботинкам. Нигде в эту ночь не было спасения от противной холодной слякоти, которая наполняла пространство.

Фишер минуту постоял, отдышался и решил, что копать уже хватит. Не вылезая из окопчика, он кое-как разровнял на бруствере землю, взял лежавшую в стороне винтовку, поднял воротник шинели и скорчился на дне укрытия.

Непреодолимая, сковывающая усталость охватила его. Сама собой склонилась голова – очень захотелось спать. Но спать ему было нельзя. Усталое, разомлевшее тело очень скоро охватил озноб. Холод с каждой минутой все дальше запускал свою ледяную руку, заставлял бойца сжиматься в комок и мелко дрожать. Дождь становился гуще. Совсем вымокла пилотка; зябла на ветру недавно остриженная голова. Сомкнув руки в рукавах, Фишер дрожал, поводил плечами, топал ногами, стараясь как-нибудь облегчить страдания. Но согреться было невозможно.

И ему ничего не оставалось больше, как притерпеться к холоду и примириться со своим положением. Хоть он коченел еще больше и сильно страдал от этого, он не мог не думать. И мысли его постепенно ушли в другом направлении, далеко от этого поля, этой ночи и окопчика. В привычные и горестные восприятия войны и отступления как-то постепенно входило подсознательное недовольство собой, неясное ощущение своей неполноценности. Хорошенько разобраться в этом все было некогда – то бомбежки, то марши, короткие схватки на случайных рубежах и снова отступление. Он боялся признаться самому себе, но, кажется, где-то в глубине души надломилась привычные до сих пор основы его существования, на которых с детства строил он свою жизнь.

Он был не так уж и молод – недавно разменял четвертый десяток, но за все прожитые годы ни разу в нем не появилось и тени сомнения в извечной силе прекрасного. Все самое лучшее, самое полноценное и мудрое видел он в высочайшем проявлении человеческого духа – в искусстве.

Он рос в Ленинграде. У его отца, доктора Фишера, была ценнейшая библиотечка монографий о великих художниках древности, и первые рисунки, захватившие воображение мальчика, оказались репродукциями из альбомов живописи и скульптуры. Борис рос тихим, болезненным мальчиком, не по годам серьезным, неохотно и редко спускался в тесный, захламленный двор, в котором всегда было студено и сыро, и часто подолгу рассматривал рисунки в отцовских книгах.

Потом он сам с трепетной радостью взялся за кисть и краски, рисовал то, что видел из окна квартиры: дома, улицу, лошадей, собак. Взрослые хвалили, а мальчику хотелось плакать от обиды, что все, такое красивое в представлении, так

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru плохо получалось на бумаге. Наперекор людским убеждениям о его одаренности, Борис знал, что художника из него не получится. Но окончательно он убедился в этом, вероятно, позже, когда уже вся его душа без остатка принадлежала искусству, и юноша уже не мог существовать без него. Непонятной болью очарования душили его слезы перед босыми ногами «Блудного сына», истощный крик гнева и ужаса всегда рвался из его груди перед катастрофой Помпеи, ему хотелось молиться на «Джиоконду», бесконечно рассматривать необычные лица, позы, одежду знаменитой ивановской «Мессии», стыдливая радость жизни удержала его у полотен Рубенса.

И он, так и не став художником, все же связал свою жизнь с искусством. Учился, читал, думал, исследовал сам и в двадцать пять лет защитил диссертацию на степень кандидата искусствоведения. Ближе всех ему в эту пору стал Иванов с его бескорыстной самоотверженной душой, сгоревшей в многолетних поисках высшего смысла жизни, с его фанатичной приверженностью к истории и правде. Фишер преклонялся перед его «Мессией», любовался воздушной тонкостью его итальянских пейзажей, но особенно поражали его «Библейские эскизы» художника. Он нашел в них куда больше, чем ожидал, – Иванова, великолепного графика, и Иванова-философа, неутомимого искателя вечного. Его «Вирсавия» казалась Фишеру не оцененным по справедливости зенитом акварельного мастерства, шедевром гения, который творил, ни на минуту не сомневаясь в величии своего творения.

Искусство навсегда очаровало Фишера, наполнило его непреодолимой жаждой прекрасного. После диссертации он несколько лет исследовал итальянское Возрождение, начал монографию о Микеланджело. Проявление высокой духовности поражало его почти в каждом из художников прошлого, и он очень жалел, что так быстро идет время и так коротка человеческая жизнь. Он совершенно не интересовался политикой, той беспокойной, хлопотливой действительностью, что бурлила, плыла, обгоняла его. С детства он обособился от всего, что не составляло хотя бы отдаленной сути искусства, ставшего содержанием всей его сознательной жизни. По этой, вероятно, причине он не понимал и не очень интересовался братом – инженером-конструктором самолетостроения. Еще с юношеских лет они как-то взаимно отдалились, встречались редко и по духу были чужими друг другу. Последний раз братья съехались два года назад на похороны отца и несколько дней провели вместе.

Брат был совсем другим по натуре. Энергичный, деловой и быстрый, он во всяком деле чувствовал себя как рыба в воде и все понимал с полуслова. В последний вместе проведенный вечер они медленно шли по Невскому. Парило, было душно. С фонтанки приятно тянуло прохладой. Из-под Аничкова моста одна за другой выскользнули на середину реки байдарки. Братья остановились у одной из скульптур клодтовского «Укрощения» и рассеянно наблюдали за слаженными рывками гребцов.

– Вот так и у нас с немцами, – продолжал прерванный разговор брат. – Будто и согласие, и дружба, и мир, а на самом деле...

Он не кончил, смолк, вглядываясь в маслянистую гладь воды, а Борис никак не мог сообразить, что означало это «на самом деле». Ему казалось, брат утрирует, ибо давняя вражда с Германией улажена, договор заключен, газеты дают немецкую информацию о войне на Западе, вовсю развиваются торговля и культурный обмен. К чему же тогда «на самом деле»?

Он сказал это брату, а тот, затянувшись папиросой, только улыбнулся. Потом, помолчав немного, объяснил с укоризной:

– Отстал ты от времени. Занафталинился в древности. Конечно, твое дело, но в наше время это удивительно и, я бы даже сказал, непростительно. – Помолчав, добавил: – Мир на грани большой войны, пойми, брат.

Он тогда не поверил, а она вскоре грянула и понесла, эта страшная, большая война. Борис оборвал работу на сорок восьмой странице своей монографии и больше уже не взялся за нее.

В армии он сразу почувствовал себя белой вороной, ни к чему не пригодным, самым незадачливым из всех в этой разноголосой, разноликой массе людей. Он долго не мог научиться ходить в ногу, быстро вскакивать при подъеме; неуклюже, под громовой хохот товарищей отдавал тесть; занятия по штыковому бою вконец обессиливали его. Сначала он горько переживал все это, болезненно сносил крикливые наскоки сержантов, каялся за пренебрежение военным делом в институте и

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru думал, что он самый неспособный человек на земле. Потом помалу стал привыкать. На фронте уже другие, большие страхи и заботы вытесняли болезненное самолюбие интеллигента. Человек вдумчивый, он понимал, что в страданиях и муках медленно рождался в нем тот, кем он меньше всего готовился быть, – рождался боец. Но в то же время он почти с тревогой следил, как все меньше и меньше оставалось в нем от былого – от искусствоведа Фишера. Грубая фронтовая жизнь ежедневно и неумолимо стирала в его душе великую ценность искусства, которое все больше уступало жестоким законам борьбы. Выходило, что то высокое и вечное, чем дышал он почти тридцать лет, теперь, в этом военном хаосе, просто стало ненужным. И тогда пришло затаенное сомнение, в котором он сегодня наконец признался себе: в самом ли деле искусство – то действительно единственно великое, чему стоило отдать лучшие годы? Не ошибся ли он, признав его своей пожизненной ношей, не вернее ли поступил брат, отдав времени и людям усилия другого порядка, воплотившиеся теперь в реальную силу, способную защитить мир?

Неизвестно, сколько прошло времени, а черная ветреная ночь все секла землю холодным дождем. Фишер жестоко озяб, все в нем дрожало от непрекращающихся судорог холода, но какое-то мертвящее оцепенение отобрало способность шевельнуться, чтобы согреть себя. К спине и плечам липла холодная мокрая одежда, с бруствера плыли потоки грязи, в которой, увязая все глубже, противно хлюпали ноги. Фишер подтянул их к самому лицу, прикрыв колени мокрыми полами шинели. Когда от нестерпимого холода особенно сильно вздрагивало тело, он заодно стряхивал с себя дремотную лень и прислушивался. Вокруг по-прежнему завывал ветер и часто сыпал дождь.

Очень мучительно и медленно тянулась эта ненастная ночь. Под утро Фишер прикорнул, будто провалился в мутную бездну мыслей о себе, старшине Карпенко, об историзме Вазари, Микеланджело и также о том, как все-таки трудно стать настоящим бойцом.

13

Прикрыв за собой дверь сторожки, Пшеничный с отчетливой ясностью понял, что он навсегда уже отделен от этих пятерых людей, с которыми свела его непутевая военная судьба. С самой этой минуты, когда он ступил в дождливый мрак ночи, он оказался один, не связанный уже ни с кем во всем белом свете. Все его неладное прошлое осталось теперь за дверью темной задымленной сторожки, отрезанное по его доброй воле, будущее же лежало где-то на грязной, незнакомой дороге.

На какое-то время Пшеничного охватило волнение от сознания близкого осуществления своей затаенной мечты. Вдруг в его душе неприятно шевельнулись страх и нерешительность, коротенький укор самому себе. Он даже почувствовал, что может раздумать, испугался еще больше и мысленно выругал себя: «Не раскисай! Теленок!»

Он направился к железной дороге, перепрыгнув траншею, взбежал на невысокую насыпь и всмотрелся во тьму. Дождь перестал, понемногу ослабевал и ветер. Ночь окончательно сгустилась, утопив в осенней глуши все вокруг. Пшеничный знал: скоро начнет светать, а на рассвете, наверно, появятся на дороге немцы, и тогда уже будет поздно. Тогда он очутится между двух огней, и поэтому нужно было спешить.

Он еще постоял на дороге, вслушался, оглянулся на сторожку, из которой доносился приглушенный расстоянием голос Свиста, и сказал себе: «Давай!» Потом торопливым воровским шагом сбежал с насыпи, перескочил канаву и, не разбирая – по грязи и лужам, быстро пошел дорогой.

Взйдя на гулкий настил мостика в ложбинке, Пшеничный еще раз оглянулся и тут снова с особой силой почувствовал в душе тревожную тоску от сознания абсолютного своего одиночества. Это чувство, помимо его желания, вдруг охватило его так цепко, что он даже остановился. Но тут же он вспомнил вчерашнюю стрельбу в тылу, недобрую озабоченность Овсева, и это придало ему решимости. Нет, он не ошибается, он прав уже хотя бы потому, что все они там, в сторожке, осуждены на смерть. А он наконец постарается оседлать судьбу и доказать свое право на лучшую человеческую жизнь, которой он жаждал, несмотря ни на какие невзгоды.

С этими горячечными мыслями, в беспорядке суетившимися в голове, он быстро шагнул, разбрызгивая лужи. Тем временем стало светать. Мутным,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru расплывчато-туманным отсветом обозначилось небо над горизонтом, стала проступать из темноты грязная, в лужах, дорога. Пшеничный выбирался на взгорок с березами. Он знал, что где-то здесь в секрете должен быть Фишер, и слегка замедлил шаг. Фишера он не боялся, с этим недотепой он бы справился запросто, но все же считал, что теперь лучше не попадаться ему на глаза. Пшеничный скинул с плеча винтовку, повертел головой, прислушался – вроде нигде никого не было.

Вскоре березы остались позади. Пшеничный шел по дороге дальше, изредка настороженно оглядываясь. Тусклый серый рассвет, просачиваясь неизвестно откуда, отслаивал землю от неба, раздвигал туманный простор полей, постепенно отвоевывал у тьмы дорогу, канавы, кустарник с облетевшей листвой.

Порядком уже отдалившись от переезда и берез, Пшеничный с удовольствием отметил, что самое страшное пройдено. У него заметно отлегло от сердца, появились легкость и какая-то необычная лихость в мыслях. Перебросив из одной руки в другую винтовку, он подумал, что оружие теперь ни к чему, а при встрече с немцами может только повредить ему. Не останавливаясь, схватил винтовку обеими руками за штык, размахнулся и швырнул ее далеко за канаву. Услышав, как она тупо шлепнулась о размякшую землю, Пшеничный криво ухмыльнулся. Теперь ничто уже не связывало его с армией, с обязанностями гражданина Советской страны. Теперь он остался один между небом и землей. Это было непривычно – чувствовать себя одиноким, совершенно независимым от людей. Правда, он знал: так не проживешь. Чтобы спастись от гибели и заполучить у судьбы лучшую долю, в его положении самым разумным будет сдаться немцам – на их милость и власть.

От быстрой ходьбы Пшеничный разогрелся, расстегнул ворот шинели, слегка сбавил шаг – уже можно было не торопиться. Тем временем утро разогнало тьму, стало светло, и он, обходя лужи, пошел по обочине дороги. Тишина и однообразие ходьбы совсем уже успокоили его. Пшеничный захотел есть и, подумав, что для того теперь самый подходящий момент, на ходу развязал мешок. Тут он недобрым словом еще раз помянул Свиста, вытащившего сало. Правда, краюха хлеба с сахаром показалась ему не менее вкусной, и Пшеничный, жуя, весь ушел в свои мысли.

Его несколько заботило, как к нему отнесутся немцы. Хорошо, если бы сразу встретился какой-нибудь толковый командир, лучше офицер. Пшеничный показал бы ему немецкий пропуск-листочку, некогда найденную в поле и заботливо припрятанную на всякий случай. Потом он попросит отвести его в штаб и там расскажет какому-нибудь начальнику, кто он и почему добровольно сдается в плен. Потребуют сведения о его полке – он ничего не утаит. Зачем? Все равно и без того полк будет разбит. Потребуют еще что-нибудь – он сделает все, так как все это, наверно, пойдет в его пользу и будет обращено против тех, от кого он достаточно вытерпел на своем веку. Не может быть, чтобы немцы не оценили искренности его намерений и не вознаградили как следует. В лагерь его, как перебежчика, не должны отправить. Скорее всего, отпустят на волю, а может, даже предложат какой-нибудь пост в городе или сельской местности. Это казалось куда как заманчиво и давало ему возможность проявить немалые его способности. Уж он бы показал, на что способен и чего в нем так глупо не оценили Советы. Он бы не пожалел ни себя, ни людей, этих тупых оболтусов, которых немцы начнут обучать уму-разуму и, конечно, прежде всего, порядку. А насчет порядка они мастера. Немцам, конечно, понадобятся преданные люди из местных, ведь пространства завоеванной России огромны. И Пшеничный, если повезет, возможно, добьется какого-нибудь приличного чина, обзаведется пусть небольшим, но аккуратным, на немецкий манер, хозяйством и спокойно, по-человечески, заживет на старости лет.

Вдруг впереди, совсем близко, послышался чей-то отрывистый говор. Пшеничный насторожился, до боли в глазах всматриваясь в затуманенную даль дороги, стараясь что-нибудь увидеть, и продолжал потихоньку шагать вдоль канавы. Из рассветного тумана неясными тенями проглянули крыши хат, голые кроны деревьев, плетень с позабытой тряпкой на жерди. За углом крайней хаты, куда сворачивала дорога, угадывалось присутствие людей, и Пшеничный еще больше встревожился: кто там? Было страшно снова встретить своих, русских, которые неизвестно как отнесутся к нему, безоружному. Опять-таки стало боязно и немцев. Пшеничный на какой-то миг снова почувствовал страх от того, что так поспешно принял это решение. Но изменить что-либо было уже поздно.

Из-за угла хаты вдруг показался сухопарый немецкий солдат. Упираясь в землю ногами, он выкатил из грязи мотоцикл и, не выпуская руля, ногой нажал на заводную педаль. Пшеничный не сразу понял, кто перед ним, и словно врос в землю

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru от неожиданно охватившего его страха. Мотоцикл тем временем затарахтел, и тогда только немец увидел вставшего на дороге Пшеничного. Солдат встрепенулся, схватился за автомат, болтавшийся у него на груди. Из-за хаты выбежал еще один немец в пятнистом лягушачьем комбинезоне. Пшеничный почувствовал вдруг, как в груди что-то оборвалось, и в совершенной уже растерянности поднял обе руки.

Немцы стояли у мотоцикла, держась за автоматы, а он, с трудом переставляя сомлевшие ноги, боязливо шел к ним. Они не стреляли, только непонятно гыркнули что-то злое и враждебное. Один из них, тот, который заводил мотоцикл – белолицый, с отвислой губой мужчина, – выплюнул на дорогу окурочек и что-то крикнул. Пшеничный не понял и, не опуская рук, попытался объяснить:

– Я – плен, плен...

Потом он опустил одну руку, пытаясь достать из-за пазухи непростительно забытый в такую минуту пропуск-листочку, но немец опять угрожающе крикнул и повел стволом автомата. Второй, помоложе, что стоял поодаль, также наставил на него оружие, о холодным интересом рассматривая перебежчика.

Так Пшеничный стоял с поднятыми руками под направленными на него автоматами. Из дворов выбегали другие немцы, подкатило несколько мотоциклов с колясками, из которых торчали тупорылые стволы пулеметов. Солдат, что помоложе, и еще один подступили к Пшеничному, содрали с него вещевой мешок, ощупали карманы, бесцеремонно сорвали с цепочки ножик. Пшеничному не жаль было своего барахла, только его угнетала эта беспричинная озлобленность в их движениях и лицах, их обидная настороженная подозрительность. Сначала он пытался убедить то одного, то другого, что у него нет плохих намерений и что он сам, добровольно, сдается в плен. При этом он криво усмехался и с незатухающим страхом в глазах бубнил:

– Я плен, камарад немец... Сам плен, плен...

Взгляд его метался по лицам мотоциклистов. Он старался угадать более человеческого и снисходительного из них или увидеть офицера. И тут его взгляд встретился с мрачными глазами человека в фуражке и в длинной шинели с черным бархатным воротником. Сильно досадуя, что все получилось не так, как он думал, и оттого не в состоянии преодолеть дурного предчувствия, он бросился к этому немцу:

– Господин офицер! Я сам, я плен, плен... Офицер даже не взглянул на него. Он что-то говорил солдатам, натягивая на жилистую руку желтую кожаную перчатку. Пшеничный тогда окончательно пал духом, почувствовав: случилось непоправимое.

Немцы разговаривали между собой, казалось, утратив всякий интерес к Пшеничному. Офицер что-то сказал солдату с отвислой губой, тот дернул Пшеничного за рукав и махнул рукой вдоль дороги. Пшеничный догадался, что нужно идти, и, не оглядываясь, пошел, думая, что немец будет его конвоировать. Но солдаты оставались на месте, и он в недоумении замедлил шаг. Видя его нерешительность и, вероятно, желая подбодрить, они повелительно замахали руками в направлении пустой утренней улицы. Он удивился, поняв, что сопровождать его никто не намерен. Его лицо исказилось гримасой, и Пшеничный, время от времени оглядываясь, нерешительно пошел по дороге.

Так он отдалился шагов на сто, все немцы остались сзади, лишь один мотоцикл затрещал мотором и развернулся, направляясь за ним. От страха Пшеничный уже терял власть над собой и, не зная, куда и зачем, как пьяный, брел по грязи, изрезанной следами шин. У поваленных ворот обнесенного тыном двора неожиданно появилась испуганная женщина в толстом платке с пустыми ведрами на коромысле. Пшеничный даже похолодел от неожиданности этой нелепой в такой момент встречи и в то же время вздрогнул от гулкой пулеметной очереди сзади. Грудь его пронзила боль, и он, надломившись в коленях, осел на грязную землю улицы.

Напоследок, судорожно хватая ртом воздух, Пшеничный еще услышал горестные причитания женщины и дико замычал – от боли, от сознания конца и ненависти к немцам, убившим его, к тем, оставшимся на переезде, к себе, обманутому собой, и ко всему белому свету...

14

Та же пулеметная очередь, что оборвала злосчастную жизнь Пшеничного, вывела из

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru полусонного забытья и Фишера. Он испуганно вскочил в окопе и тут же снова свалился на дно, подкошенный болюю в сведенных судорогой ногах. Уже совсем рассвело, хотя поле и лес еще затягивала редкая пелена тумана. Было тихо и сыро. У дороги на фоне мутного неба расплывчато и неподвижно застыли березы. Дорога лежала пустая. Из-за ложбины тусклым белым пятном едва пробивалась сторожка. Деревни, окутанной туманом, отсюда не было видно.

И тогда из сумеречной дали, в которой исчезала дорога, прорвался, нарушив предутреннюю тишину, беспорядочный треск моторов. У Фишера тревожно заняло в груди, ослабели руки. Настороженным взглядом впился он в даль, почувствовав, что, кажется, наступает минута, которая покажет наконец, чего стоила его жизнь. Кое-как собрав воедино остатки душевных сил, он привычно передернул затвор и уже не сводил близоруких глаз с затуманенной дороги, на которой должны были показаться немцы. Но то ли они не спешили, то ли так ослабло его зрение, только он долго ничего не различал там, хотя мотоциклетный треск приближался. Несколько минут передышки помогли Фишеру справиться с волнением, и он с необычайной ясностью осознал, что скоро все для него решится. Но при таких обстоятельствах, когда все его действия в этом поле были на виду у старшины, он, сам того не сознавая, хотел, наконец, показать, на что способен «ученый». Это не было тщеславием новобранца или желанием выделиться среди других – просто так нужно было Фишеру. Видно, за эту мучительную ночь раздумий немудреная карпенковская мерка солдатского достоинства стала в какой-то степени важной и нужной для него самого.

И он ждал, от напряжения и внимания мелко стуча зубами и до боли в пальцах сжимая винтовку. От учащенного горячего дыхания запотевали стекла очков, но Фишер боялся их протереть, чтобы не прозевать немцев. Он, как никогда прежде, сознавал сейчас свой долг и свою задачу в этом окопе и был полон решимости выполнить их до конца.

А вообще, ему было нелегко, и он старался как-то подбодрить себя. Он понимал уже, что борьба за существование была первичнее искусства и что ей, вероятно, суждено пережить его. Этот неожиданный вывод слегка успокоил Фишера, и он почти примирился со своей участью.

Когда наконец из дымчатой завесы тумана вынырнули юркие приземистые силуэты мотоциклов, Фишер был уже почти спокоен. Он уперся локтями в размякшую землю бруствера и стал целиться. Но, видно, от долгого напряжения зрение его все мутнело, туман и проклятая близорукость не давали возможности как следует видеть цель. Фишер перевел дыхание, приложился еще раз и тогда понял, что попасть шансов у него мало.

Это открытие встревожило его. А мотоциклы тем временем, все набирая скорость и с каждой минутой все увеличиваясь в тумане, быстро неслись по грязной дороге.

Не зная, что еще предпринять, чтобы остановить врагов, Фишер все же как-то прицелился и выстрелил. Приклад сильно ударил в плечо, потянуло горьковатым запахом пороха. Он приподнял голову и всмотрелся: мотоциклы как ни в чем не бывало приближались. После минутного оцепенения Фишер быстро перезарядил винтовку и опять выстрелил. Потом еще и еще.

Выпустив всю обойму, он снова всмотрелся в даль. Небольшая колонна мотоциклистов по-прежнему ползла по дороге – никто не остановился, даже не обернулся в ту сторону, откуда вел огонь Фишер. Передний мотоцикл уже приближался к березам, и бойцу нужно было либо удирать на переезд, либо спрятаться. Но тут он с необычайной отчетливостью представил себе строгое скуластое лицо Карпенко и почти наяву услышал его обычный пренебрежительный окрик: «Разиня!» Это больно ударило по его самолюбию; не зная еще, что сделает, Фишер впихнул в магазин новую обойму и направил винтовку в сторону берез.

Это было самым верным и самым опасным из всего возможного при тех обстоятельствах. За короткое время, пока боец, затаив дыхание, прижимался к брустверу и вел, вел стволом за мотоциклом, ни одной сколько-нибудь отчетливой мысли не появилось в его голове. Окончательно выпали из его памяти и жизнь, и искусство, и все мысли о назначении своей личности – весь огромный мир оказался в ту минуту заслоненным от него быстро приближающимся силуэтом переднего мотоцикла.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Пружинисто покачиваясь из стороны в сторону и аккуратно объезжая лужи, он приближался к березам. Уже можно было рассмотреть плечистого, как бы влитого в сиденье, водителя в шинели и каске; ниже, в коляске, важно сидел второй немец в высоко торчащей фуражке, с черным воротником шинели. Фишер не думал тогда, что его самого могут убить раньше, чем он успеет в кого-либо попасть. Он не старался спрятаться в окопе и продолжал старательно целиться. Когда мотоциклист поравнялся с березами, Фишер выстрелил. Сидевший в коляске немец слабо дернулся на сиденье и завалился набок. Фуражка его, упав с головы, покатила по обочине дороги. От радости Фишер вскрикнул, и тотчас же оглушительный грохот острой болью расколол его голову. Боец выпустил из рук винтовку и, обрушивая руками мокрую землю, сполз на дно окопа.

Какое-то время Фишер еще был жив, но уже не чувствовал ничего и не видел, как бросились немцы к убитому им офицеру, как бережно уложили его в коляску. Потом двое или трое из них, шаркая по стерне сапогами, подбежали к окопчику и разрядили в него свои автоматы. Молодой, в пятнистом комбинезоне автоматчик с блеклыми навывкате глазами склонился над окопчиком, рванул Фишера за мокрый ворот шинели и тотчас отдернул руку. Несколько секунд он постоял над убитым, не зная, что предпринять еще, потом пнул сапогом противогазную сумку на бруствере. Из сумки выпали кусок черствого хлеба, несколько обойм с патронами и потрепанная старая книжка в черной обложке – «Жизнь Бенвенуто Челлини, флорентийца, написанная им самим». Отброшенная в стерню, она раскрылась, и утренний ветер, который уже начал разгонять туман, слабо заворошил зачитанные ее страницы.

15

Услышав далекую, знакомую по темпу очередь немецкого пулемета, Карпенко рванул дверь сторожки и зычным голосом, способным поднять полк, крикнул:

– В ружье!

Глечик и Свист, щуря заспанные глаза, бросились к двери. Свист спросонья никак не мог попасть в рукав шинели и так и выскочил из сторожки, недоуменно оглядываясь вокруг. Овсеев, побледнев, сноровисто прыгнул в траншею и притаился в ячейке. Карпенко тоже занял свое укрытие и залязгал затвором, заряжая пулемет.

С минуту они сидели не шелохнувшись, боясь потревожить тишину. Ждали. Но нигде никого не было. Тогда тревога стала постепенно униматься. Бойцы осмотрелись, заговорили. Карпенко, вспомнив об исчезновении Пшеничного, громко и зло выругался.

– Где же Пшеничный, собачье рыло? Ну, я ж ему и дам!

Свист и Овсеев, впервые услышавшие об исчезновении Пшеничного, с недоумением посмотрели на старшину. Это событие неприятно поразило их, но нужно было следить за дорогой, ибо, судя по всему, там произошло что-то еще худшее.

Припав грудью к брустверу окопа, старшина напряженно всматривался в туман и зло думал то о пропавшем Пшеничном, то о недотепе Фишере, молча сидевшем в поле и не подававшем никаких признаков жизни. Карпенко не сомневался, что в деревне немцы. Он не знал только, когда они наконец покажутся из тумана, и боялся, что Фишер не дай бог задремлет и попадет к ним в руки. На какое-нибудь сопротивление этого незадачливого бойца старшина совсем не надеялся...

Через некоторое время на переезде послышалось далекое тарыхтение мотоциклов. Карпенко глянул на Свиста, который, беспечно высунувшись из окопа, не сводил глаз с дороги, на Овсеева, низко пригнувшегося к брустверу, и тоже впился взглядом в даль. Глечика, окоп которого находился за углом сторожки, отсюда не было видно, и старшина властно скомандовал:

– Внимание! Замри!

Сам он припал к прикладу «дегтяря», хищно сомкнул над переносицей широкие брови и напряженно сжался. И в ту же минуту все явственно услышали, как на взгорке забахали редкие одиночные выстрелы, и увидели выползавшие из тумана мотоциклы.

– Какого черта? – не понимая, почему не спасается Фишер, закричал старшина. – Беги! Эх ты, раз-зи...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Он не закончил. Выстрелы стихли, а мотоциклы в тумане продолжали катить к переезду, Карпенко ждал, что Фишер вот-вот побежит в ложбинку. Потом старшина стал думать, что боец решил затаиться, пропустить немцев. Но вскоре снова раздался одиночный выстрел, который, видимо, задержал всю колонну. Старшина удивился, ничего не понимая, и застыл, пораженный непродолжительной, но смертельной для его бойца стычкой. Он уже знал, что Фишер для них потерян, и только прислушивался, ожидая, что будет дальше. Из этого оцепенения его вывело злое восклицание Свиста:

– Ах, собаки! Я ж вам влеплю!

Он схватился за свое противотанковое ружье. Но до немцев было еще далеко, еще рано было обнаруживать себя, и старшина прикрикнул:

– Стой! Я те влеплю!

Прошло еще несколько минут, мотоциклы все не двигались с места, и тогда у берез выплыли из тумана два бронетранспортера. Они ненадолго остановились возле переднего мотоцикла и медленно, с очевидной опаской стали спускаться вниз по дороге. За ними двинулись мотоциклы.

Уже совсем стало светло. Сквозь разорванный ветром туман в небе показались темные клочья облаков, кое-где между ними сиротливо проступала блеклая голубизна неба.

Старшину больше всего обеспокоили бронетранспортеры. Чтобы ударить наверняка, нужно было подпустить их как можно ближе, и Карпенко заранее наметил этот рубеж на дороге – мостик в двух сотнях шагов от переезда.

– Свист! – крикнул он бронебойщику. – Начнешь с заднего. Слышь?

– Будь спок! – коротко отозвался Свист, поводя длинным стволом ПТР.

Теперь все решали их выдержка и стойкость. Озабоченный, Карпенко уже не наблюдал за бойцами и не видел, как одиноко ссутулился за углом сторожки молоденький Глечик, как настороженно притаился за бруствером Овсеев, как в напряженной позе застыл с ружьем у плеча Свист. Перебегая в траншею, он, видно, где-то потерял пилотку и теперь зябко втягивал в плечи светлую, коротко остриженную голову.

Передний транспортер еще не достиг мостика, когда из него вдруг неожиданно и глухо вырвалось "бу-бу-бу-бу...". По железной дороге, брустверу, по крыше сторожки и еще где-то сзади, с бешеной лютостью разбрасывая землю и щепки, прощелкала длинная очередь разрывных пуль. Карпенко лишь вздрогнул, когда на его щеку брызнуло грязью с бруствера, но вытираться уже было некогда. Подумав, что немцы обнаружили их, старшина прицелился и ответил длинной очередью из своего РПД.

Сквозь треск пулеметной очереди он различил рядом звонкий выстрел ПТР, и тотчас на броне передней машины сверкнула искра. Транспортер зачем-то метнулся в сторону, ткнулся передними колесами в канаву и стал. Второй же проскочил вперед. И снова рядом, больно отдавшись в ушах, грохнул выстрел Свиста. Машина, сбавляя скорость, медленно остановилась. Мотоциклы завертелись на дороге, словно потревоженные большие насекомые, беспорядочно застучали немецкие пулеметы, и воздух над переездом наполнился густым визгом пуль.

Карпенко хотел крикнуть Свисту, чтобы тот скорей добивал транспортеры, но не мог оторваться от пулемета. Скорей надо было использовать момент замешательства и не дать мотоциклистам возможности спрятаться за броню. Железной хваткой сжав пулемет, старшина бил по врагам то длинными, то короткими очередями и, кажется, сделал свое. Спустя несколько минут два или три мотоцикла уже валялись в придорожной канаве, перевернутые вверх колесами, один, брошенный водителем застыл на середине дороги. Только задний успел развернуться и помчался по дороге вверх. Карпенко пустил ему вслед несколько очередей, однако было уже далеко, и мотоциклисту удалось выскочить на пригорок.

Тогда старшина опустил пулемет. Транспортер на дороге горел, охваченный мигающими языками пламени; над полем стлался хвост черного дыма. Второй стоял в

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru канаве, задрав на обочину длинный пятнистый ящик кузова, чем-то напоминающий гроб, а вдоль по канаве один за другим удирали к березам с полдюжины немцев.

Старшина снова схватился за пулемет, но в нем уже кончились патроны. Меняя диск, Карпенко оглянулся на своих бойцов. Витька Свист торопливо бил зажигательными, стараясь поджечь второй транспортер. С оживленным, даже каким-то вдохновенным лицом высунулся из окопа Овсеев, а за углом поклеванной пулями сторожки часто и, казалось, даже весело била и била винтовка Глечика. Карпенко радостно крикнул:

– Огня, огня давай! Бей, ядреный корень! Жги гадов!

И они еще стреляли по ложбине, по бегущим на пригорок немцам, пока те не скрылись вдали за березами. На дороге, в канавах, у транспортеров распластались неподвижные тела. Подбитая машина весело разгоралась дымным, рвущимся на ветру пламенем.

Тогда бойцы поняли, что первую атаку отбили, и огромная радость победы охватила всех. Свист залихватски выругался и с задорным выражением на веселом, испачканном грязью лице подошел к Карпенко. Сдержанно улыбался в своей ячейке Овсеев, где-то за сторожкой явно нехотя последним прекратил стрельбу Глечик.

– Витька – молодец, дай пять, – сказал Карпенко и крепким пожатием встряхнул руку бронбойщика. А тот, сияя радостью на курносом лице, объяснял:

– Понимаешь, думал по заднему, а когда передний дал очередь, решил: нет! Гад, такой трескотни натворил, уже думал, голову продырявит. Ну, я ему и звезданул в лобатину.

– А мне под самый ствол – разрывную, чуть глаз не вышиб, – говорил Карпенко, вытирая рукавом потнее лицо. – Ну, теперь утихомирились.

– А я мотоцикл подбил, – вставил Овсеев. – Вон тот, что в канаву свалился. Моя работа.

Конечно, они немножко прихвастывали, счастливо радуясь первой победе, каждый был полон собственных впечатлений, и никто не оглянулся назад, где возле угла сторожки в траншее стоял со своей драгункой до робости стеснительный Глечик. Неизвестно, как выдержал он это свое первое боевое крещение, но теперь его мальчишеские глаза тоже светились восторгом.

Карпенко, однако, не долго переживал свою радость, все-таки у них была первая жертва – Фишер, несомненно, погибший на своем посту, и выражение озабоченности тронуло грубое лицо старшины.

– Смотри-ка, а ученый-то наш не струсил!

Свист и Овсеев посмотрели туда, где чуть заметным пятном выделялся в стерне глинистый бруствер Фишера, и помолчали. В их большой радости просто не оказалось места для скорби по поводу гибели одного малознакомого им бойца.

– Признаться, я на него не надеялся, – нахмурившись, продолжал Карпенко. – А он, смотри ты...

Короткая радость-возбуждение, однако, быстро улеглась, и люди отдались новым заботам. Старшина знал, что вскоре опять надо ожидать немцев, да с еще большими силами, чем эти, которые были, судя по всему, разведкой. Он приказал Свисту, Овсееву и Глечики готовиться к новому бою, а сам стал набивать два пустых магазина. Свист и Овсеев разошлись по своим ячейкам.

Прислонившись спиной к стенке траншеи, Карпенко щелкал в диске патронами. Он чувствовал в себе какую-то неловкость оттого, что давеча накричал на Фишера, что вообще не раз пренебрегал этим бойцом. Правда, еще и теперь старшина затруднялся понять, как этот интеллигент-книжник отважился на такой храбрый поступок. Бесспорно, в характере его было что-то трудно постижимое, и Карпенко, всю жизнь уважавший людей открытых, простых и решительных, впервые теперь усомнился в своей правоте. Впервые, может быть, почувствовал он, что есть и еще какая-то неизвестная ему сила, кроме силы мышц и внешней волевой решимости.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Но где же Пшеничный? Неужто сбежал, собака? – сам у себя спросил он и покачал головой, подумав, что и тут проворонил – чего-то недосмотрел в человеке,

16

Алику Овсееву готовиться к новому бою, собственно, было нечего: патронов хватало, винтовка в исправности, окоп был довольно глубокий. Боец, расстегнув шинель, навалился грудью на бруствер и стал наблюдать за дорогой.

Каких-нибудь полчаса назад в грохоте короткого боя никто не заметил, что после первой очереди из транспортера Овсеев нырнул за бруствер и, как мышь, затаился в траншее. Он совсем не видел дороги, по которой ехали немцы, и не стрелял, только, повернув голову, исподтишка наблюдал за Карпенко. Пока не прекратилась стрельба, Овсеев не переставал корить себя, что не убежал ночью, когда стоял часовым, не удрал за лес, где можно было бы присоединиться к какому-нибудь подразделению и обхитрить смерть. Он уже догадался, что Пшеничный исчез насовсем, и ему было досадно за свою нерешительность, за которую, видно, придется заплатить жизнью. Но против гибели отчаянно протестовало все его тело, весь его напористый дух. Каждая его клеточка туго напряглась, словно натянутая струна, и жаждала только одного – выжить.

Между тем шел настоящий бой, а никакой гибели не было. Потом выстрелы с дороги затихли, только рядом грохало ПТР Свиста да тархтел пулемет старшины, и Овсеев осторожно выглянул из траншеи.

То, что он увидел на дороге, сразу отрезвило его, разом исчезло мучительное ожидание конца. Боец схватил винтовку и начал стрелять. Он бил по немцам, удиравшим канавой. Вскоре ему показалось даже, что один из них упал, настигнутый его пулей. Это оказалось даже приятным – вот так невзначай побеждать. И хотя Овсеев давно уже определил свое отношение к этой борьбе, теперь что-то в ней неволью захватило его. Бой скоро кончился, и он в избытке нахлынувших чувств даже пожалел, что так мало досталось ему этой торжествующей радости.

Чем больше проходило времени, тем больше радовался Овсеев тому, что остался здесь, не поддавшись слабости и страху и что вот теперь может полною мерой испить сладость никогда еще не испытанного им такого приятного чувства победы. Мысли его устремлялись все дальше, и Алик представлял уже, что, если им посчастливится выбраться отсюда живыми, их, вероятно, представят к награде, тогда и его грудь украсит медаль или орден. Это было чрезвычайно заманчиво и приятно.

Так в раздумьях шла время, а вокруг все еще было тихо. Где-то за поредевшими, прорванными до небесной синевы облаками пророкотали и ушли самолеты. Из-за леса донеслись глухие разрывы бомб, от которых содрогнулась земля. День снова начинался ветреный, по-осеннему ненастный и студеной, но теперь капризы погоды отступили для них на второй план.

Свист все никак не мог справиться с радостным, переполнявшим его возбуждением. Нисколько не остерегаясь, он вылез из грязной траншеи и в незастегнутой шинели с поднятым воротом уселся на тыльном бруствере. Правда, сейчас можно было и не остерегаться, дорога и поле впереди были пусты. Транспортер догорал, подставив ветру закопченный железный бок. Рядом валялись подбитые мотоциклы. Свист, все время посматривая туда, наконец не выдержал:

– Командир, – позвал он Карпенко, очищавшего лопаткой свою ячейку от грязи. – Давай махну туда на минутку. А?

Карпенко выпрямился, поглядел в поле и поморщился: видно было, что он не одобрял намерения Свиста, но теперь и отказать бронебойщику тоже было неудобно.

– А, командир? – не отставал Свист. – Может, из жратвы найдется чего? А то уже пустовато, ярина зеленая!

– Ладно. Только смотри, кабы чего там...

– А что – все вон распластались, – обрадовался бронебойщик и перепрыгнул траншею. – Овсеев, айда вдвоем.

– Нет уж. Спасибо.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Что, трусишь? – пренебрежительно бросил Свист и позвал Глечика: – Айда, салажонок!

Глечик растерялся, не зная, как поступить. Ему очень хотелось посмотреть на побитых немцев, хотя и боязно было вылезать из траншеи туда, где недавно еще лютовала смерть. Но и отказаться он не решился, тем более что Свист на ходу заверил:

– Не трусь, все в норме будет.

Глечик подхватил винтовку и выскочил из траншеи. Они перешли железную дорогу и быстрым шагом пошли по проселку к ложбине.

Тут, на просторе, Глечик совсем стало страшно, все тянуло отстать от Свиста, спрятаться за его спину. Думалось, что вот-вот из немецких машин раздастся очередь – и смерть жуткой болью пронзит тело. Однако возле транспортеров все было спокойно, и боец, преодолевая страх, шагал рядом с товарищем. Так они перешли мост. Никто не стрелял в них, и Глечик понемногу успокоился. Свист же довольно решительно, с засунутой за ремень гранатой подошел к стоявшему на дороге транспортеру, заглянул в его открытую сзади дверцу. Живых тут не было никого. Поодаль лицом в грязь уткнулся убитый немец, рядом с ним в канаве лежал второй. Воняло жженой резиной, тлеющим тряпьем и краской. Не видя опасности, Глечик настолько осмелел, что тоже вплотную подошел к машине.

Осмотрев все снаружи, Свист ухватился за дверцу и прыгнул внутрь транспортера. Глечик, выставив вперед винтовку, полез было следом, но тут же отпрянул: на черном клеенчатом сиденье, откинув голову и свесив вниз окровавленную руку, лежал гитлеровец. Преодолев первый испуг, боец с любопытством, смешанным со страхом, поглядел в его бескровное белобрысое лицо, будто стараясь увидеть на нем разгадку той воинственной алчности, которую несла в Россию многомиллионная армия этих разбойников. Но лицо это выглядело обычным, худощавым, небритым, и ни следа боли или какого-нибудь другого из человеческих чувств на нем уже не было. Свист же, безразличный к убитому, бесцеремонно переступил через него и, лязгая каким-то железом, стал рыться в чреве машины.

– Глечик, держи!

Он просунул в дверцу новенький, совсем не обгоревший вороненый ствол пулемета. Глечик принял его, а Свист еще покопался немного и соскочил с охалкой металлических пулеметных лент. Их он тоже отдал Глечик, а сам подхватил по дороге немецкий автомат, ногой перевернул на спину его владельца и брезгливо сплюнул в канаву.

Глечик все время было не по себе. Убитые лежали совсем как живые: в шинелях, пилотках и касках, с круглыми коробками противогазов на ремнях. Никто из них не двигался, но казалось, в любое мгновение они могут вскочить и броситься на них. Свист тем временем, не обращая на убитых никакого внимания, осмотрел мотоцикл, обошел второй транспортер, который засел в канаве и все еще продолжал дымить. Через борт боец влез в его кузов.

– Черт, нет ничего, – недовольно сказал он. – Сгорело все, одни головешки. Хоть бы пожрать чего...

Глечик даже обрадовался, что ничего не нашлось, – какая там еда, когда тошнит от всего этого!

Долго тут расхаживать они не стали и вскоре подались обратно.

Глечик тащил пулемет, тяжелый моток металлических лент и уже не чувствовал никакого страха. Эта вылазка даже понравилась ему, и он не переставал восхищаться друзьями, учинившими такой разгром. Казалось даже невероятным, что им, шестерым бойцам, удалось так искромсать прославленную германскую технику, пострелять тех самых немцев, которые завоевали Европу и которых от самой границы не могли остановить наши дивизии. Глечик не мог понять всего, но чувствовал, что и Карпенко, и Свист, и Овсеев за внешней своей простотой и грубоватостью таят в себе что-то надежное и сильное. И только в нем, Глечике, кажется, не было еще никакой решительной силы, и поэтому столько страху натерпелся он в недавнем

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru бою. Но он старался душить в себе этот страх, хотел хоть чем-нибудь помочь общему делу и защитить себя. Теперь же, познав радость победы и слегка успокоившись, он готов был сделать все, что угодно, и для командира Карпенко, и для отважного Свиста. Ему до слез было жалко беднягу Фишера, с которым они даже немного подружились в последние дни и раз пообедали из одного котелка. Молодой, одинокий и искренний Глечик потянулся к ним – этой маленькой группке бойцов, в которой и он постепенно стал обретать себя.

– Вот это дело! – сказал Карпенко, когда они подошли к траншее. – Вот за это хвалю.

Он перенял от Глечика его ношу, с интересом осмотрел новенький пулемет, огромной пятерней потянул на себя рукоятку затвора.

– Трофей! – засмеялся Свист и прыгнул в траншею. – А пожать ни шиша. Все сгорело.

Карпенко повертел в руках пулемет, подергал затвором, прицелился. Пулемет ему явно нравился, но старшина все еще что-то нерешительно взвешивал.

– А патроны? – спросил он Свиста. – Это и все? Нет, не пойдет. На, Овсеев, осваивай машину. Свист только присвистнул.

– Ну и зря. Ничуть не хуже твоего «дегтяря».

Овсеев между тем без особой радости взял пулемет, а Витька, запустив руку в глубокий карман шинели, что-то подал старшине.

– Ну, а на это что скажешь? А?

Карпенко осторожно взял с его ладони круглые карманные часы на длинной блестящей цепочке, заскорузлыми большими пальцами бережно открыл футляр, покрутил головку. Это были великолепные карманные часы с секундной стрелкой и выпуклыми, светящимися во тьме цифрами на кремовом циферблате.

– Пятнадцать камней, анкерный ход! – хвастал Свист. – Можешь взять. На именины не подарю, а теперь – пожалуйста.

– Смотри ты, какая штукавина: пятнадцать камней, говоришь? – не то всерьез, не то со скрытой иронией спросил старшина. – Молодец Свист, молодчина. Этак через месяц-два из тебя заправский мародер получится. Первый сорт, ярина зеленая!

– Ну скажешь еще – мародер! – засмеялся Свист. – Не хочешь, давай сюда.

Он протянул руку, но Карпенко, не обратив на нее внимания, размахнулся и изо всей силы ударил часами об иссеченную пулями стену сторожки. Посыпалась штукатурка, и, казалось, с тонким звоном разлетелись в разные стороны все пятнадцать камешков.

– Вот и все. И молчок! – сказал командир и отвернулся к своему пулемету.

Свист почесал затылок и действительно не сказал ни слова.

17

Заинтересовавшись принесенным пулеметом, Глечик подошел к Овсееву, и они вдвоем начали изучать этот трофей. Но Овсеев опять почему-то стал невеселым с виду, почти подавленным, и невозможно было понять, рад он оружию или не очень. Все же, заметив любопытство Глечика, он положил пулемет на бруствер, сдул с него пыль и открыл затворную коробку.

– Эмгэ тридцать четыре, последней модели. В училище изучали. Скорострельность тысяча выстрелов в минуту – не ровня «дегтярю».

Глечик внимательно прислушивался к словам более опытного товарища, думая, что тот покажет, как обращаться с пулеметом. Но Овсеев вдруг с непонятной враждебностью бросил:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– А вообще, на кой черт! Ты принес, ты и стреляй!

- Так я не умею, – чистосердечно признался Глечик. Овсеев щелкнул затвором.
- Ты не умеешь, а мне еще жить охота!

Он не хотел говорить Глечики, что с пулеметом гораздо опаснее в бою, чем с винтовкой, что раньше всех погибают пулеметчики, что теперь ему уже не спрятаться в траншее, потому что Карпенко потребует огня, и Овсееву придется рисковать головой. Сразу недобро омрачилось его прояснившееся было лицо, снова в его быстрых глазах забегали огоньки раздражения. Действительно, как это он не превозмог нерешительности и не воспользовался такой подходящей для спасения ночью. Тоскливое чувство обреченности все больше охватывало его. Морща свой мокрый вспотевший лоб, он продолжал думать о том, как найти выход из создавшегося положения. Прикинул: если отдать пулемет Глечики, можно, прикрываясь углом сторожки, незамеченным пробраться к лесу. Думалось, напуганный боем, Глечик согласится на это, а он пообещает затем помочь уйти и ему. Вот почему, вдруг круто изменив свое отношение к молодому бойцу, Овсеев по-дружески похлопал его по плечу:

- Слушай, бери пулемет! Стрелять научу.
- Давай! – обрадовался Глечик и подошел ближе.

Овсеев уже было воспрянул духом и начал объяснять принцип действия пулемета, когда вдруг от сторожки раздался строгий голос Карпенко:

- Овсеев, кончай хитрить! Не на базаре! Этот окрик заставил Овсеева осечьса на полуслове, и он с ненавистью посмотрел на старшину.
- Собака! Фельдфебель. Черта ты тут продержишься. Перебьют, как мышей.

Глечик в растерянности молча протирал вороненую сталь пулемета. В сердцах брошенные Овсеевым слова, что их всех перебьют, в конце концов встревожили и его. Но парню не хотелось и думать об этом, настолько он свыкся с мыслью об их удаче.

- Пшеничный вот смылся, – мрачно сообщил Овсеев. – Успел.
- Как смылся? – простодушно удивился Глечик.
- А так. Махнул в тыл и теперь где-то в обозе портянки сушит.

Глечик уныло потупился, стараясь осознать скрытый смысл их непростого теперь положения. Опять же Пшеничный! Как можно было бросить товарищей, взвод, удрать в тыл? Этого паренек, сколько ни старался, не мог понять.

Пока Глечик мучительно раздумывал, Овсеев медленно отошел в траншею и, облокотившись о бровку, исподлобья внимательно наблюдал за ним. Первый вариант его плана провалился в самом начале, и теперь Овсеев с присущей ему изворотливостью думал, что предпринять еще. Сговариваться с Глечиком, видно, не имело смысла, парень он недалекий и теперь слегка обстрелялся, осмелел и бежать, вероятно, не согласится. Не решаясь окончательно раскрыть ему свое намерение, Овсеев прикидывал и так и эдак, пока громкий голос Карпенко не призвал защитников переезда:

- К бою!

Невольно подчиняясь команде, Овсеев схватился за пулемет, испуганно бросился на свое место Глечик, а старшина властно и сурово командовал:

- Свист, на прицел – танки! Овсеев – по пехоте. Глечик – гранаты к бою! Замри! Огонь по команде!

Вдали по хорошо просматриваемой дороге на выезде из деревни, крыши которой чуть виднелись из-за пригорка, показались немцы. Наверно, это была большая колонна, она двигалась медленно, с несколькими танками во главе.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Над серым осенним полем, над перекрестком дорог и далеким лесом, за которым было для этих людей спасение, грустной усмешкой блеснуло низкое солнце. Только на мгновение его лучи скользнули по сырой глинистой траншее, серой середине стерни, пламенем коснулись пожухлой листвы берез. И эта спокойная солнечная ласка острой тоской тронула сердца бойцов. Глечик направил на дорогу винтовку, осторожно загнал в ствол патрон и прижал к плечу выщербленный деревянный приклад. Боец слегка побледнел, зябко вздрагивал и, стараясь унять тревожную нервную дрожь, плотнее прижимался к земле. Карпенко оставался внешне спокойным, только морщины на его лбу, казалось, прорезались глубже, чем прежде. Овсеев сморщился, как от зубной боли, и растерянным взглядом шарил вокруг, ища, видно, спасения. В этом мучительном напряжении вдруг необычно и дерзко прозвучал лихой возглас Свиста:

– Выше головы, огольцы! Пока суд да дело, слушай побасенку.

Глечик за углом сторожки не видел был этот чудаковатый парень, но он услышал его голос и удивился. Удивленно шевельнул бровями насупленно-озабоченный командир, нервозно повернулся к соседу Овсеев. А Свист, уткнув в грудь обшитый кирзой приклад пэтээра и следя за противником, начал:

– Значит, так. Сидят в тюрьме два босяка. Обругали на чем свет городского, потому сидят голодные и про жратву мечтают. Говорит один: «Давай, Егор, сделаем подкоп и удерем». – «Давай», – соглашается другой. «Собьем замок и ограбим хлебную лавку». – «Давай». – «Схватим буханку и по очереди: я кусь, ты кусь...» – «Ага, – облизывается Егор. – И я кусь... кусь». – «Я кусь, а ты что – два раза кусь-кусь? – взревел вдруг Филипп. – Вот тебе!» – И в рыло Егору. Тот как взвояет: «Ты ведь сам два раза укусил». И ну драться. Влетел надзиратель, разнял и обоих в карцер на одну воду. Вот... Можно смеяться.

Но никто не смеялся. Карпенко не сводил глаз с колонны, которая медленно, но неотвратимо приближалась. Уже слышно было, как содрогалась земля от танков, как стрекотали их тяжелые траки. Пехоты, кажется, было немного – всего несколько машин, а дальше, замыкая колонну, шли автомобили с грузом. Поравнявшись с березами на пригорке, машины стали, и из кузовов посыпались пехотинцы. Они тут же разбежались в стороны, образуя неровную суетливую цепь. Машины начали разворачиваться на дороге, дальше по которой пошли лишь три танка.

– Витька! – среди нарастающего грохота встревоженно крикнул Карпенко. – Не спешить!

Свист не спешил. Где-то в глубине его души тоскливо заняло недоброе предчувствие: знал боец – начинается нелегкое. Но это было какой-то короткий момент, и тут же Свист перестроился на обычный свой лад. Плохо, правда, что танки шли прямо, в лоб, хоть бы один свернул куда-нибудь в сторону, подставил борт, и тогда бы уж Витька всадил в него зажигательную. Но они не сворачивали, а у дороги, не в состоянии угнаться за ними, отставая, развертывалась пехота.

В середине пригорка передний танк на ходу грохнул выстрелом – над переездом зло фыркнуло, и тотчас на картофельном поле вздрогнула от взрыва земля. Второй снаряд угодил в насыпь железной дороги перед самой траншеей. Бойцов оглушило, обдало пылью, землей, кислым смрадом тротила. На линии вздыбились несколько вывороченных из насыпи шпал и конец перебитого рельса.

Покачиваясь на неровностях дороги, танки спускались в ложбину. Переезд молчал. Передний танк приблизился к обгорелым бронетранспортерам, столкнул в канаву брошенный мотоцикл и слегка повернул, стараясь обойти препятствие – развернувшийся наискось транспортер. И тогда, не дожидаясь команды, но очень вовремя, звонко грохнуло ружье Свиста. Танк сразу стал. Еще ничего не было видно – ни дыма, ни пламени, но сбоку уже отскочила крышка люка, из которого, будто тараканы из щели, посыпались на дорогу черные фигуры танкистов. Старшина дал первую очередь.

Почти в одночасье весь этот унылый осенний простор наполнился беспорядочным визгом, треском и грохотом. Попав под обстрел, пехота поспешно залегла в поле и открыла по переезду дружный огонь. Второй танк уже осторожнее продвигался по дороге. Он оттолкнул в сторону транспортер и, приостановившись, задвигал стволом орудия, наводя его на переезд.

– Ложись!.. – голосисто крикнул Карпенко. Но не успел его крик утонуть в грохоте

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru боя, как мощный взрыв черной земляной тучей накрыл переезд: траншею, людей, сторожку. Когда пыль осела, стали видны развороченные в стороны стены сторожки, обломки досок, куски штукатурки, а на том месте, где когда-то стояла печка, курилась небольшая воронка.

Переезд смолк, казалось, никого в живых уже не осталось в траншее. Но вот в самом конце ее мелькнул присыпанный землей силуэт Свиста – боец дергал затвор и с отчаянной злостью ругался. Незаменимый его ПТР, не раз выручавший людей из беды, неуклюже выглядывал из-за бруствера коротким перебитым стволом.

– Старшина! Старшина! Что натворили, гады ползучие! Подонки! Выродки! – неистово кричал Свист, без нужды клацая затвором теперь уже бесполезного оружия. И тогда из окопа расслабленно поднялся их побледневший старшина. Станным невидящим взглядом он посмотрел на дорогу, повел рукой по раненой голове, с которой на шинель, бруствер и на приклад пулемета лилась густая темная кровь.

– Свист!.. Не пускать! – натужным голосом выкрикнул он и свалился в траншею.

Свист, минуя Овсева, который, втянув голову, корчился в ячейке, бросился к старшине. Командир тяжело хрипел, крутил головой и твердил глохнувшим голосом:

– Танки, танки... Бей танки!

Он не знал, что бить танки было уже нечем, и Свист ему не сказал об этом. Бронебойщик выхватил из кармана индивидуальный пакет, дрожащими руками начал бинтовать старшине голову.

– Ничего, ничего!

Потом он вскочил. Ему вдруг показалось, что немцы уже рядом, а они только вдвоем. В это время из-за разбитой сторожки забухали выстрелы Глечика, и обрадованный Свист схватил пулемет старшины. Немцы с поля уже перебежали в ложбину, а два танка, один по правой стороне дороги, другой по левой, обходя транспортеры, осторожно подходили к мосту. Очереди из их пулеметов секли землю, железную дорогу, бурьян, визжали в высоте, рикошетили от рельсов. Взрывы и выстрелы наполняли простор визгом и грохотом.

Свист был человеком действия, не в его характере было думать и рассуждать даже в спокойное время. Теперь он понял, что, прорвавшись к переезду, танки передавят их в этой траншее и, никем не задержанные, пойдут дальше, к лесу. Единственное место, где еще можно было задержать их, – мост, по обе стороны которого лежало болото. Эта мысль мгновенно озарила его, когда передний танк был уже в каких-нибудь пятидесяти метрах от моста.

Бронебойщик бросил пулемет и, рванувшись в конец траншеи, крикнул скорченному в ячейке Овсеву:

– Давай к пулемету!

Сам же схватил в обе руки по тяжелой противотанковой гранате, перевалился через бруствер; пригнувшись, в три прыжка достиг железной дороги и кубарем скатился в вырытую снарядом воронку. Там он осмотрелся. Танки продолжали двигаться. Пули из их пулеметов коротко и люто низали воздух над самой насыпью. Свист слегка помедлил, тяжело дыша и собираясь с силами к последнему, решительному броску. Взбивая сырую землю, наискось от шпал к канаве пробежала очередь – «вжик, вжик», оставляя на обочине неровную цепочку пятен. Бронебойщик вскочил и что было силы бросился вниз, под прикрытие невысокой дорожной насыпи.

По бедру его все же хлестнуло, боец почувствовал, как к колену сбегала горячая струйка крови, но боль была несильной, и он не обратил на нее внимания. Пригнувшись за насыпью, он бросился к мостику, на который, замедлив ход, словно конь, пробуя надежность опоры, въезжал танк. Удушливая горечь перехватила Свисту дыхание, но он добежал

Они сошлись как раз на мосту – обессилевший, раненый боец и горячее стальное страшилище. Свист, слабо размахнувшись, одну за другой швырнул под гусеницы обе свои гранаты, но сам ни укрыться, ни отскочить уже не успел...

Неизвестно, что показалось немцам, но, после того как их танк, подорванный Свистом, провалился под мост, врезавшись пушкой в торфянистую топь болота, они отошли на пригорок и стали окапываться. Третий танк дал задний ход и тоже пополз вверх. Стрельба утихала. Присыпанный землей, чумазый, измученный Глечик оторвался от своей винтовки.

Он весь трясся от пережитого и едва сдерживал себя чтобы не потерять самообладания и не расплакаться. Чувства и разум его не могли примириться с мыслью, что нет в живых Свиста, что, отброшенный взрывом в болото, тот никогда не поднимется больше. Но самым страшным для Глечика было оказаться свидетелем гибели всегда решительного, властного их старшины, без которого боец почувствовал себя маленьким, слабым, растерянным. Он не обрадовался даже отходу немцев и, охваченный новой тревогой, бросился по траншее к Карпенко.

Старшина был еще жив, но лежал без сознания. Лицо его недобро осунулось, щеки запали, стали мертвенно-бледными под ставшей торчком щетиной. Он лежал на боку, откинув голову, в набрякшей кровью повязке и, вздрагивая, судорожно шевелил губами. Глечик, упав на колени, склонился над раненым; измученное сердце бойца готово было разорваться от горя.

– Товарищ старшина! Товарищ старшина! Свиста убили, убили Свиста, – словно ребенку, мягко втолковывал он командиру, придерживая его окровавленную голову.

– Свист!.. Свист!.. – не узнавая бойца, тихо прошептал старшина. Его пересохшие губы едва шевелились, паузы между словами все увеличивались.

– Свист!.. Бей!

Глечик понял, что командир бредит, и у бойца задрожали губы от жалости к нему, к себе, к погибшему Свисту, от страха и безысходности. Не зная, чем помочь раненому, он все поправлял его голову, подкладывая под нее пилотку. Но старшина не мог лежать спокойно, дергался, скрежетал зубами, все рвался куда-то и натужно требовал:

– Свист!.. Свист... Бей же, раз-зinya!..

– Они отошли, – силился объяснить ему Глечик. – Отошли за березы.

Старшина, кажется, понял, притих, тяжело, с усилием раскрыл глаза и затуманенным взглядом посмотрел на бойца.

– Глечик! – будто успокоенно и даже обрадованно, произнес он. – Глечик, ты?

– Что вам, товарищ старшина? Может, воды? Может, шинель подстелить? Свиста уже нет, – говорил Глечик, сразу воспрянув духом оттого, что раненый очнулся. Неожиданная радость приободрила бойца, воодушевила на самоотверженность, он готов был сейчас на все, лишь бы спасти старшину. Но Карпенко опять сомкнул веки и сжал зубы, – видно, говорить он уже не мог.

И тогда в траншее появился Овсеев. Пригнувшись, с винтовкой в руке, он бесцеремонно перешагнул через раненого, обсыпав его землей, и загадочно бросил Глечику;

– Тикай к чертовой матери!

Все еще придерживая голову старшины, Глечик вздрогнул и, не поняв ничего, округлившимися глазами посмотрел вслед товарищу, который тут же исчез за поворотом траншеи. Однако через какой-нибудь миг все стало ясно, и Глечик почти физически ощутил, как жестко столкнулись в его душе два властных противоречивых чувства – жажда спастись и свежая, только что осознанная им решимость выстоять. На минуту он даже растерялся и почти застонал от этой невыносимой раздвоенности. Но на дне траншеи метался в бреду командир. Его окровавленное, потное лицо пылало жаром и судорожно кривилось от мук, а с губ лихорадочным шепотом срывались одни и те же слова:

– Свист, огонь! Огонь, скорее огонь... ох!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Что-то словно обожгло душу Глечика, из глаз его, непрошенные, неудержные, брызнули слезы. Уже не таясь от врага, он вскочил в траншею и увидел Овсева. Мелькая подошвами и бешено отмахивая левой рукой, тот изо всех сил бежал по канаве к лесу. Захлебнувшись слезами и обидой, Глечик по-мальчишески звонко крикнул:

– Стой, что делаешь?! Стой!..

Овсеев на бегу оглянулся и побежал еще быстрее. Стало ясно – он не вернется. Тогда Глечик дрожащими руками схватил пулемет, перебросил его на тыльный бруствер и, почти не целясь, выпустил вдогонку беглецу все, что оставалось в диске.

Потом, оторвав от приклада грязную щеку, он увидел далеко в канаве серый неподвижный бугорок шинели Овсева. Больше до самого леса никого не было. Обессиленный, Глечик в изнеможении опустил руки, осенний ветер быстро сушил его слезы. Боец вдруг почувствовал полное душевное опустошение, притих и, шатаясь, бесцельно побрел по траншее.

Он ходил долго, слепо натываясь на ее стены, и в его округлившись глазах застыла пустота. Споткнувшись о ноги старшины, обутые в кирзовые сапоги, он опустился возле него на колени. Старшина лежал уже неподвижно разбросав в стороны согнутые в локтях руки и слегка обнажив широкие зубы. В нем теперь уже не осталось ничего от прежней командирской строгости, только неясно угадывался в застывших чертах какой-то вопрос, удивление, будто он только сейчас понял, кому из них, шестерых, суждено будет закончить бой,

19

В поле воцарилась тишина. Ветер настойчиво гнал с неба низкие лохмотья туч. Кое-где в вышине светились прогалины лазури. Между тучами обманчивой скупой лаской проглядывало осеннее солнце, и широкие стремительные тени бесконечной вереницей быстро-быстро неслись по земле.

Это затишье стало постепенно возвращать к жизни измученного Глечика. Как ни тоскливо и безнадежно было оставаться ему одному, но, застрелив Овсева, он понял, что придется стоять до конца. Безразличный к самому себе, пренебрегая опасностью, боец ходил по траншее и готовил оружие. Пулемет старшины он перенес в ячейку Свиста, трофейный установил справа у разбитой сторожки. Потом туда же перетащил и ленты. В ячейке Карпенко отыскал последнюю противотанковую гранату, развинтил, посмотрел, заряжена ли, и положил перед собой на бровку траншеи.

Залегшие на пригорке немцы почему-то молчали, но не отходили: то и дело появляясь возле берез, что-то высматривали. Вскоре, свернув с дороги, в поле выехало несколько машин с орудиями на прицепе. Глечик понял: гитлеровцы что-то замышляют. Но прежнего страха он уже не испытывал. В его душе даже шевельнулось злорадство при виде этих многочисленных приготовлений врага против него, одного.

Шло время. Вероятно, наступил уже полдень. Небо становилось светлее, редели тучи, все чаще показывалось холодное осеннее солнце. На ветру постепенно светлели размякшие комья бруствера. Подсыхала дорога. Только шинель Глечика все еще была влажной, испачканной в глине и пудовой тяжестью давила на плечи. Испытывая невольную тягу к теплу и солнцу, боец вылез из сырой тени окопа и сел на бруствер, свесив с колен безвольные руки.

Так, пережив страх и угнетающее опасение за свою жизнь, неподвижно сидел он на переезде лицом к полю, где ездили и ходили немцы, готовясь к очередному удару. В голове бойца лихорадочно пульсировали невеселые мысли.

В сознании необычайно отчетливо предстала абсолютная ничтожность всех его прежних, казалось, таких жгучих, обид. Как он был глуп, обижаясь когда-то на мать, отца, болезненно переживая пустячные невзгоды военной службы, строгость старшины или нечуткость товарищей, стужу и голод, страх смерти. Теперь все это казалось ему таким далеким и удивительно мелочным в сравнении с нынешним его несчастьем. Да, видно, гибель товарищей была для него первым после смерти отца действительно огромным несчастьем. Подсознательно он чувствовал, что, пережив это, становился иным, уже не прежним робким и тихим Глечиком. Что-то новое,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru твердое и мужественное, властно входило в его душу...

Между тем из деревни в поле выехала новая вереница машин. Они подались в объезд, в сторону ложины. На пригорке появилось несколько орудий – враги определенно готовились к штурму его позиции. А Глечик хотелось жить! Пусть в стуже, голоде, страхе, хоть в таком кошмарном аду, как война, – все равно, только бы жить.

Прищурился глаза, он посмотрел на неяркое солнце: оно было еще высоко и не торопилось на встречу с ночью, так необходимой бойцу. В тот же миг до слуха его донеслись удивительно тоскливые звуки, отчего он еще выше запрокинул голову, всматриваясь в поднебесье. Потом улыбнулся и с непонятной, неожиданно сладкой болью долго смотрел в небо.

Там, медленно продвигаясь под облаками и надрывно курлыкая, летела в неведомую даль коротенькая цепочка журавлей.

В истерзанной душе бойца ожили полузабытые ощущения далекого детства. Глечик едва сдерживался, чтобы не заплакать, – спазмы непонятной обиды сжимали его горло. Он долго смотрел вслед стайке родных с детства птиц. И когда его глаза едва нащупывали в серой подоблачной выси маленькую живую черточку, с неба донесся новый тревожно-отрывистый звук, полный печали и тоскливого зова: "курл!.. Курл!.. Курл!.."

Вдогонку за исчезнувшей стаей, из последних сил перебирая крыльями, словно прихрамывая, летел на небольшой высоте отставший, видно, подбитый журавлик. От его почти человеческого отчаяния Глечик вздрогнул. Что-то созвучное своим страданиям услышал он в том его крике, и гримаса боли и жалости искривила круглое мальчишечье лицо. А журавль звал, бросал в воздушную бесконечность напрасные звуки тревоги, махал и махал ослабевшими крыльями, устремляясь вперед своей длинной изогнутой шеей. Но догнать стаю он уже не мог. Поняв это, Глечик обеими руками схватился за голову, заткнул уши, напрягся, сжался в комок. Так, в неподвижности, он сидел долго, сбитый с толку этой безудержной журавлиной тоской. Потом уронил руки, и, хотя в небе уже никого не было, ему все еще слышался переполненный отчаянием журавлиный крик. А в душе его росли и ширились родные образы из того далекого прошлого, которое уходило от него навсегда. Как живая, встала в памяти мать – но не та, приветливая и ласковая, какой была всегда, а убитая горем, встревоженная его, сыновней, судьбой. Вспомнилась учительница Клавдия Яковлевна с ее тихой, неиссякаемой добротой к людям. Появился перед глазами непоседа Алешка Бондарь, а с ним – детские их забавы, походы в Селицкую пушу и некогда увлекательные игры в войну – самую проклятую из всех бед на земле. Сжалось сердце от старого раскаяния за Людку, выдуманной любовью к которой некогда дразнили его в школе, за что он едва не возненавидел эту девчонку с задумчивыми синими глазами.

Охваченный властной силой воспоминаний, он не сразу заметил, как откуда-то возник тяжелый танковый гул. Боец очнулся, когда на пригорок, зажав в клещи дорогу, выползло целое стадо чудовищ с крестами на лбу. Вокруг загрохотало, задрожала земля. Соскочив с бруствера, Глечик схватил единственную гранату, прижался спиной к дрожащей стенке траншеи и стал ждать. Он понимал, что это конец, и изо всех сил сдерживал в себе готовое прорваться наружу отчаяние, в котором неистребимую жаждой к жизни все бился далекий призывный журавлиный крик...

1959 г.

Альпийская баллада

Встретиться с собой

19 июня 1945 года ему исполнился 21 год. И уже год, как дома из похоронки знали, что он «пал смертью храбрых».

Он погиб и вернулся, чтобы понять («понять» – слово тяжелое, более мучительное, чем слово «рассказать») то, что уже не избыть.

Лучшую книгу о нем Игорь Дедков назвал «Повесть о человеке, который выстоял». Это очень верное название. Он выстоял не только в войне. Тяжелее и невыносимее был вот этот самый труд понимания. Читатель, который пройдет сейчас путь его

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru героев впервые, поймет, какие были потребны силы, чтобы прожить эти немислимые жизни.

Его товарищи по поколению (Астафьев, Кондратьев, Воробьев) иногда брали «увольнительные» и писали свет детства, житейские радости, бедный и счастливый мир довоенной и послевоенной жизни. Василь Быков с самых первых рассказов говорил только о войне. В этом смысле он подлинно не вернулся оттуда. И с самого начала он не писал торжества и победы. А только последнее напряжение срыва, крайнего испытания, гибели, из которых нельзя было выбраться прежним.

Виктор Петрович Астафьев в последние годы часто говорил, что с войны вообще нельзя вернуться живым. Во всяком случае, нельзя вернуться победителем. Можно разве выстоять, что выше победы.

Тут разговор сразу приобретает тяжелый характер, каков он в последнее время неизбежно становился, когда речь заходила об Астафьеве и Быкове. Особенно об этих двоих. Они пошли в понимании войны дальше даже своих жестких, часто коримых и, к сожалению, до времени ушедших товарищей К. Воробьева и В. Кондратьева. Те еще были на святой и, при всей прямоте и резкости разговора, героической стороне.

Эти – на особицу и оба в конфликте с поколением, с общественной частью этого поколения, с теми, кто определил войну в раз и навсегда высокие и гордые, не подвергаемые резкому анализу страницы истории.

Василь Быков узнал властную силу этой общественной гордости раньше Астафьева, сразу после повести «Мертвым не больно», где двоящиеся герои (военный особист и обвинитель военного трибунала, которых солдат при послевоенной встрече принимает за одного человека) быстро нашли себе защиту в «Правде». Писателю скоро объяснили, что есть обстоятельства, в которых надо стрелять и судить своих для пользы общего дела, и изгнали повесть в молчание. Писатель еще и сам в этот час нетерпеливо спрашивал, искал прямого разговора и вполне в духе «оттепели» торопился выяснить цену человека и назвать зло злом с почти газетным простодушием: «Менялись люди, происходили революции, человечество прорвалось в космос, освободило внутриатомную энергию. А те установки, вдолбленные в сознание их исполнителей, видно, стали их убеждением. Конечно, они сейчас не распинаются о них на каждом углу, но вот, оказывается, и не стыдятся». Не только не стыдятся, а его стыдят и «народным мнением» запрещают.

Позднее он уйдет на молчаливые поля одного художественного свидетельства, оставив нас наедине с героями самим решать степень правоты героев и автора. Конфликты сюжетов пойдут затягиваться все туже. А пути героев делаться все теснее. В дело вступит судьба, которая тут поистине суд Божий, форма проявления правды. Появится странное чувство, что все они, как сам автор, живут с похоронкой внутри, которая сразу освобождает человека от общественного лицемерия и защитного быта, выставляя его на узкий высокий порог, с которого только и пути, что в гибель или в освобождающее понимание, которое внешне может закончиться той же гибелью, но внутренне – слепящим черным светом преображения. Черным, потому что никто из них не увидит победы своего прозрения, ибо она и вообще еще не совершена в мире. Человек еще остается в тенетах истории и самозащитной неправды, только на пути к подлинному человеку в себе. Автор не облегчает его путей, потому что, может быть, в высокой честности и не знает последних ответов и не торопит их самонадеянным разумом.

И если искать определение не одному автору («человек, который выстоял»), но всем его героям, всей мучающей Быкова неотступной идее, то вернее, наверное, было бы сказать: человек, который встретил себя.

...Зоська шла на очередное задание («Пойти и не вернуться»), а встретила любовь, чтобы тут же и потерять ее, и с сознанием едва открывшейся глубины мира обречено покатиться к гибели, потому что зло, оказалось расчетливее и беспощаднее ее чистоты. У войны свои правила, и их впервые понимает даже и вчера еще хороший партизан, а сегодня враг и противник Зоськи: «Видно, нельзя так все сразу – жить для себя, для других, воевать, любить женщину и быть счастливым».

...Старый солдат Агеев («Карьер») вернется во времена юности и будет долгое лето перекапывать старый карьер, чтобы успокоить себя, что четыре десятка лет назад, расстреливаемый здесь, он не погубил свою нечаянную возлюбленную, что чудо

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru сберегло ее и он заплатил за все сам. Хотя они сразу были оба умны умом войны и не обманывали друг друга: «Они старались не говорить о будущем, о том, что их ждет завтра, даже сегодня к вечеру, ночью. Они жили настоящим, каждым мгновением, ибо только это мгновение принадлежало им. Завтра для них могло не быть вовсе, вчера было давно и тоже не принадлежало им».

Их открытия кажутся просты до бедности и нынешнему изощренному, вскормленному безопасным книжным знанием уму даже странны (о чем тут говорить?), но они знают что-то, что выше и значительнее слов, когда корят нас: «Знаний о войне у вас хватает. Но вот атмосфера времени – это та тонкость, которую невозможно постичь логически. Это постигается шкурой. Кровью. Жизнью. Вам же этого не дано».

И вот эту-то «атмосферу», эту непостижимую тонкость он и пишет из повести в повесть. Его настойчивость, его желание достучаться до нашего сознания почти болезненны. Иногда кажется, что мы в его книгах кружимся на одном месте, на малом пятачке земли, никогда не знавшей солнца. Он отлично слышит плоть, материю мира, потому что до войны учился скульптуре. Эта осязательная, ненастная «ощупь» изнуряет героев и читателя. Это выстуженное, враждебное человеку пространство трагедии, где и природа не знает света. Идут долгие глухие снега, льют ненастные дожди, мороз коробит бинты. Поля враждебны, леса чужды, дороги гибельны. Против них ополчается и время – не успевают дойти, дожить до рассвета, выйти к своим. Взбунтовавшаяся против войны жизнь ломает часы и времена года. Иногда этот мертвый холод выговаривается в самом имени повести.

«В тумане» проходит короткая и бесконечная, стремительная и вязко безысходная, с порога петлей затянувшаяся операция, в которой партизану Бурову надо было «просто» убить предателя. А все оказывается буднично и неразрешимо, словно туман стал вечным временем действия, мысли и жизни, и поднимется он, пожалуй, только, когда через два дня все герои повести, ничего не развязав и не сумев никому ничего объяснить, будут мертвы.

«Стужа» гонит вчерашнего комсомольца и молодого партийца, нынешнего партизана Азевича от деревни к деревне, где вчера он тяжело строил «светлое будущее», а сегодня ему нет пристанища, потому что он строил его слишком страшно. И теперь ему одинаково чужие и свои, и немцы.

До появления в литературе Василя Быкова такие сюжеты были не особенно в тягость. Ответы у авторов были готовы заранее, и предатель получал свое, партизан – свое. А тут погибает с клеймом предателя честный мужественный человек («В тумане»), и смерть навсегда уносит его тайну, и жена, сын, односельчане навсегда определяют его в молчаливые черные списки. Так что война и по окончании доберет свое искаженными судьбами, продолжая свою страшную жатву.

Не жалко было бы районного инструктора Азевича («Стужа») – увечил жизнь деревни гибельной коллективизацией, ломал жернова, оставлял детей без хлеба – пусть теперь помечется чужим по родной земле. А только Быков таких задач с известным решением не ставит и бумагу на них не переводит. В том-то и беда, что парень-то обыкновенный, совестливый, самый-самый народ в его середине. Да только во всю его молодую жизнь «чужая воля правила свой дьявольский бал на человеческих жизнях... Он жил чужой совестью, по чужим законам (один ли он? – а мы, мы все! – В.К.). Жизнь и люди распоряжались им как хотели, он был удобным инструментом в чужих руках, всегда безвольно готовым к употреблению». И он уже давно сам увидел, что «если происходящее во вред живущим, то не на пользу и последующим», сам увидел, что «свои со своими начали воевать давно и делали это с немалым успехом». Только что же, что понял, если над ним уже НКВД кружит, сжимая круги, и некуда ему деться. У немцев – стужа, у своих – стужа. И он мечется по повести, заметаемый снегом, и плетется за ним черный молчаливый пес, возросший на трупах, не подходя и не отставая, как мысль и судьба. Не знает герой, куда деть это свое понимание. Разве только на последнем пороге утешит себя надеждой, что после войны люди будут разумнее.

Нет другого утешения у Зоськи, нет у Бурова, нет у Азевича, нет у лейтенанта Никольского («Дожить до рассвета»), ведущего людей, чтобы взорвать немецкий склад, а потерявшего и склад, и бойцов. И даже свою жизнь израсходовавшего на никчемного тылового немца. Кажется, лейтенант за всех своих товарищей по этой повести и за всех других быковских героев в последний час с особой тоской хватывается за эту бедную мысль о неведомом, не сужденном им будущем.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru «Он хотел верить, что все, им совершенное в таких муках, должно где-то обнаружиться, сказаться в чем-то. Пусть не сегодня, не здесь, не на этой дороге... Но ведь должна же его мучительная смерть, как и тысячи других, не менее мучительных смертей, привести к какому-то результату в этой войне. Иначе как же погибать в совершеннейшей безнадежности относительно своей нужности на этой земле и в этой войне? Ведь зачем-то он родился, жил, столько боролся, страдал, пролил горячую кровь и теперь в муках отдавал свою жизнь. Должен же в этом быть какой-то пусть не очень значительный, но все же человеческий смысл...»

Должен, должен же быть смысл в гибели юной Зоськи, в гибели товарищей уцелевшего, не знающего успокоения Агеева, в смерти правого Бурова и «неправого», «предателя» Сущени? Должен, но в каждой повести писателя, как и в последних страшных книгах Астафьева, смущавших его воевавших сверстников, как будто все маячит вопрос, и душа не успокаивается доводами разума. И понемногу начинаешь понимать причины расхождения этих мужественных писателей со своими старыми оппонентами, которым все кажется, что писатели умаляют их подвиг, отнимают высокий смысл у их победной жизни.

Вот Буров («в тумане»), коченея, уже видя неизбежность смерти, думает о своей и до войны незавидной жизни: «Других лет не было у Бурова. Именно эти выпали на его долю... И в этот последний час жизни ему становилось нестерпимо обидно за свою безвременно оборванную жизнь и скорую разлуку с белым светом... Не было времени жить, некогда по-человечески умереть». Значит, тогда не было, и вот теперь писатель не сулит ему утешения хотя бы в победной славе.

Это может показаться несправедливым, если только мы не поймем, что старым авторам, таким же насквозь израненным солдатам, жалко этих молодых людей, как своих детей, умирающих, не успев пожить и порой не успев даже и сказать того, что поняли, унеся в смерть правду, которая могла выправить и озарить их жизнь. Эти немые исповеди слышали только писатели. И для этого слышания им самим потребовались годы, и оттого их боль только острее боли всякого кажущегося себе насквозь правым читателя. Это тяжело прочесть, но это стократ тяжелее написать, выносить эту боль в себе, заглянуть в самое ее дно и умереть с молодым Буровым, встать под расстрел с Агеевым, кружиться в мертвой стуже с Азевичем и вместе с лейтенантом Никольским вглядываться в темную правду совершающегося.

«- Жить хочешь?»

- Жить? - почти удивился боец. - Не худо бы. Но...

Вот именно - но! Это но дьявольским проклятием встало поперек их молодых жизней, уйти от него никуда было нельзя. В то памятное воскресное утро оно безжалостно разрубило мир на две половинки, на одной из которых была жизнь со всеми ее немудрящими, но такими нужными человеку радостями, а на другой - преждевременная, страшная в своей обыденности смерть... Чтобы как-то обойти ее, обхитрить, пересилить на своем пути, продлить жизнь, нужны были невероятные усилия, труд, муки... Разумеется, чтобы выжить, надобно было победить, но победить можно было, лишь выжив, - в такое чертово колесо ввергла людей война. Защищая жизнь, страну, надо было убить, и убить не одного, а многих, и чем больше, тем надежнее становилось существование одного и всех. Жить через погибель врага - другого выхода на войне, видимо, не было».

Эта правда была понятна им там, в молодой жизни. Там они не спрашивали, а воевали и гибли. Но вот приходит время, и старые солдаты уже спрашивают не с минувшей истории - она была и ушла, и новое поколение почти не находит их книги мужественными, потому что теперь можно писать все, - они спрашивают с истории нынешней и завтрашней. Можно ли и вперед жить через погибель врага? И можно ли обрекать новые поколения на то же кружение в кровавой тьме, из которой не бывает победного выхода? Для этого они и возвращаются, возвращаются в тяжкое, истощающее силы прошедшее и растрavляют раны, которые так бойко заживила бодрая послевоенная литература.

Они выстояли в более важном. Им хватило мужества вернуться к полноте уже как будто похороненной правды, чтобы додумать то, что казалось навсегда решенным. Они не дождутся за это благодарности от старых сверстников, избравших самозащитный гнев, чтобы сохранить прошедшее только мужественно героическим (в стилистике А. Луначарского и Р. Рождественского - «Славно вы жили и умирали прекрасно»). Не дождутся и от молодых современников, которым уже скучна эта

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru «тема» в любом ее переводе и кто уже готов избирать ее для иронических, а то и глумливых контекстов.

Но есть более важный и менее поспешный собеседник – время, есть мужественный разум, который понимает необходимость отвечать перед Богом за полноту человека и который медленно, может быть, по слову в столетие накапливает грядущую «декларацию прав человека», в которой не будет места жизни, завоеванной ценой гибели как можно большего числа других людей.

Опыт Василя Быкова и каждое слово этой горячей, страдающей, не сулящей ложного утешения книги освобождают человека от укороченной «правды», от духа лукавого мира, от пассивного круговорота истории, как от общего греха человечества. Всему свое время.

В один час мира и жизни Толстой скажет в «Войне и мире»: «...дубина народной войны поднялась со всею грозною и величественною силою и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие». Но когда дело совершится, мы услышим от него же: «Война самое гадкое дело в жизни». Василь Быков прошел этот путь весь и договорил эту правду словами нового века. И как та великая книга, эта продолжает дело вразумления человека, не умеющего выйти из круговорота исторической необходимости. Когда-нибудь эту правду услышим и мы.

Автор и его герои встретились с собой, с Господней полнотою ответственного понимания мира. Нам эта встреча еще предстоит.

В. Курбатов

Альпийская баллада

Глава первая

Он споткнулся, упал, но тут же вскочил, поняв, что, пока вокруг замешательство, надо куда-то убежать, скрыться, а может, и прорваться с завода. Но в вихревых потоках пыли, поглотившей цех, почти ничего не было видно, он чуть не угодил в черную пропасть воронки, где взорвалась бомба, по краю обежал яму. Чтобы не наткнуться на что-нибудь в пыли, выбросил вперед руку, а другой сжал пистолет; опять споткнувшись, перекатился через вывороченную взрывом бетонную глыбу, больно ударившись коленом. Вскочил уже босой, растеряв колодки, и ногам стало нестерпимо больно на беспорядочно заваливших цех бетонных обломках.

Сзади слышались крики, в другом конце помещения гулко протрещала автоматная очередь. «Черта с два!» – сказал себе Иван, вскочил на сброшенную с перекрытий железную ферму, оттуда перемахнул на косо рухнувший столб простенка. По простенку взбежал выше. Потянуло ветром, пыль постепенно рассеивалась, можно было оглядеться. Балансируя руками, он пробежал по какой-то бетонной балке и очутился на краю громоздких развалин цеха. Впереди в трех шагах и ниже было последнее его препятствие – полуразрушенная стена внешней ограды, а дальше, будто ничего в целом мире не произошло, безмятежно утопали в зелени улицы, пламенели под солнцем черепичные крыши домов и совсем близко на склоне призывно темнела хвойная чаща леса.

В одно мгновение охватив все это взглядом, он сунул в зубы пластмассовую рукоять пистолета и прыгнул. Острые железные шипы в гребне ограды требовали точного расчета, но ему удалось ухватиться за них руками и быстро перемахнуть на ту сторону. Падать, однако, помедлил, на вытянутых руках опустился пониже и потом оторвался. Упал в жесткие колючки бурьяна, вскочил, перехватил пистолет и изо всех сил помчался по картофельному участку вдоль проволочной сетки.

Сзади неслись крики и захлебистый лай собак, в нескольких местах протрещали очереди, поодаль взвизгнули пули. Кажется, начиналась погоня, его шансы убывали, но он уже не мог отказаться от ставшего большим, чем жизнь, намерения уйти, перемахнул через сетку ограды и по колючей шлаковой дорожке еще быстрее устремился вверх, к недалекой уже окраине.

Взрыв в цехе, наверно, всполошил население. По дорожке от белого дома во всю прыть мчались к заводу двое мальчишек, передний был с игрушечным ружьем в руках,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru но за кустарником они не заметили его. Иван выскочил из-за кустов акаций и едва не столкнулся с девушкой, несшей полную лейку. Та испуганно вскрикнула и выронила ее. Он молча пробежал мимо, из коротенького проулка выскочил на немощеную окраинную улицу, оглянулся по сторонам – улица была пуста. Иван перебежал ее, продрался сквозь пыльные заросли насаждений и упал. Впереди домов уже не было, на огромном крутом косогоре раскинулся некошенный, густо усеянный ромашками луг, у дороги дремотно качались метелки какой-то неведомой ему травы. Дальше и выше в распадах начинался лес, а над ним в знойном июльском небе теснились сизые громады Альп.

Сдерживая дыхание, Иван прислушался: сзади доносились крики и выстрелы, заливались овчарки, но это там, на заводе, за ним же, кажется, еще не гнались. Рукавом полосатой куртки он смахнул с лица пот, заливавший глаза, и приподнялся, определяя кратчайший путь вверх. Невдалеке был распадок, ближе других подступавший к городу, туда по крутому склону сбегали сверху редкие елочки. Иван снова вскочил на ноги.

Это оказалось чертовски трудным – все время бежать в гору: тело становилось чрезмерно грузным, от слабости подкашивались ноги. На середине косогора он снова оглянулся – собачий лай, кажется, уже доносился с окраины. Полоснула близкая очередь, но пуль он не услышал – значит, еще не по нему. По другим! Видно, там разбегались. Это облегчало его положение, надо было торопиться.

Но он выбивался из сил и с трудом одолевал пригорок. Сзади как на ладони был виден весь городок, переднюю часть которого занимали длинные, похожие на ангары корпуса завода, там и сям чернели развалины – свежие следы бомбежки; длинная ограда в одном месте рухнула, за проломом дыбились искореженные фермы перекрытий – это от их бомбы. Там бегали, суетились люди. Иван пригнулся (его уже начал скрывать пригорок) и вяло побежал к ручью, возле которого наконец с облегчением распрямился. Лес был рядом, на склоне.

Иван замедлил бег, вытер рукавом лицо. Дальше путь пролегал по дну широкого травянистого распадка. Подъем становился круче, меж черных скользких камней шумно бурлил ручей. Вконец измороженный, Иван уже достиг первых разбросанных по склону елочек, когда снова услышал лай собак. Показалось, что они за пригорком, рядом, и он, опять выбиваясь из сил, побежал в гору. Хотя бы успеть добраться до хвойной чащи, там легче укрыться, как-нибудь обмануть преследователей или, если уж не суждено вырваться, погибнуть не зря.

Но добежать до леса Иван не успел.

Он взбирался по траве вверх, минуя большие и малые обломки скал с рассыпанной повсюду дресвой, и почти уже достиг еловой опушки, как сзади, будто вынырнув из-за пригорка, совсем близко залилась лаем собака. Иван кинулся к молодой елочке, затаившись, выглянул сквозь ветви – через бугор, мелькая в траве бурой спиной, по его следам мчалась овчарка.

Он понял, что до чащи ему не успеть. Шире расставив ноги, крепче сжал в руке пистолет. Он не знал, сколько в магазине патронов, интересоваться этим было поздно, хотя и понимал, что в патронах – его спасение. На минуту расслабил мускулы, стараясь дышать ровнее. Надо было успокоиться, собраться с силами, унять в груди сердце, чтоб ударить без промаха.

Собака увидела его, залилась громче, злее и, попарно выбрасывая сложенные лапы, устремилась вверх. Стоя за елью, Иван пригнулся, взглядом отмерил рубеж в какой-нибудь полсотне шагов возле каменного выступа в траве и направил туда пистолет. Овчарка стремительно приближалась, прижав к голове уши, вытянув хвост; уже стала видна ее раскрытая пасть с высунутым языком и хищным оскалом клыков. Иван затаил дыхание, напрягся, стараясь как можно лучше прицелиться, подпустил ее шагов на пятьдесят, выстрелил. И сразу же понял, что промазал. Пистолет дернулся в руке стволом вверх, в нос ударило пороховым смрадом, овчарка залаяла сильнее, и он, не целясь, наугад, поспешно выстрелил еще. Тотчас короткая радость блеснула в душе – собака отчаянно взвизгнула, взвилась, со всего маху ударилась о землю и в каких-нибудь двадцати шагах от него задергалась, забилась в траве. Он уже готов был кинуться в лес, но тут увидел: огромный, с рыжими подпалинами на боках волкодав, задыхаясь, выскочил из-за камней. За ним, петляя в траве, тянулся длинный ременный повод.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Иван, не целясь, торопливо вскинул навстречу пистолет, но выстрела не последовало, очевидно, что-то заело. Перезарядить он не успел, лишь ударил по затворной планке ладонью, однако волкодав был уже рядом и прыгнул. Иван как-то увернулся за ель, собака, задев ветки, пронеслась мимо, но, казалось, еще не долетев до земли, перевернулась в воздухе и тут же с раскрытой пастью кинулась снова. Не зная, как защититься, Иван вскинул навстречу руки.

Это был точный и сильный прыжок. Пистолет выпал из рук Ивана, сам он не устоял на ногах и вместе с собакой покатился по склону. Казалось, все скоро кончится, но Иван, падая, успел схватить волкодава за ошейник и железным напряжением рук оттянул его от себя. Собака сильно царапнула когтями, где-то с треском разорвалась одежда. Одной рукой сжимая ошейник, другой Иван поймал переднюю собачью лапу и сильно выкрутил ее в сторону. Задыхаясь в борьбе, они еще раз перекатились друг через друга, потом, чтобы как-то удержаться сверху, Иван выбросил в сторону ноги, изо всех сил стараясь подмять под себя собаку. Наконец это ему удалось, и он, навалившись на пса всем телом, начал его душить. Но волкодав был чертовски силен, и Иван вдруг понял, что долго так не выдержит. Тогда, изловчившись, он последним усилием двинул его коленом. Волкодав взвизгнул и резко дернулся, едва не вырвав из руки ошейник. Иван почувствовал, как под коленом будто хрястнуло что-то, и, выламывая пальцы, еще ту же затынул ошейник. Но задушить пса у него не хватило силы, волкодав отчаянно рванулся и выскользнул из рук.

Иван сжался в ожидании нового прыжка, но собака не прыгнула – распластавшись рядом и вытянув толстую морду с выброшенным набок языком, она часто и сипло дышала, злобно глядя на человека. Натертые ошейником, у Ивана жгуче горели ладони, от перенапряжения нервно трепетала мышца в предплечье, чуть не выскакивало сердце из груди. Опустив на траву дрожащие руки, он стоял на коленях и почти дикими глазами глядел на собаку.

Они следили один за другим, боясь упустить первую попытку к прыжку, и в то же время Иван опасался, как бы не появились немцы. Через минуту он понял, что волкодав вряд ли бросится первым. Тогда он поднялся на ноги и, отступив в сторону, схватил в траве камень. Хотел им ударить собаку, но тут же раздумал. Волкодав судорожно выгнул хребет, видно, ему досталось не меньше, чем человеку, и он беспомощно, тихо скулил. Иван сделал несколько осторожных шагов назад. Волкодав приподнялся, тоже немного подвинулся, поводок его скользнул по траве. Но он не вскакивал. Иван, еще больше осмелев, устало побежал вверх, к ели, где уронил пистолет.

Собака завизжала от бессильной ярости, немного проползла по траве и остановилась. А человек поднял с травы браунинг и медленно, задыхаясь, насколько позволял остаток сил, побежал по распадку вверх, в еловую чащу.

Глава вторая

Минут через пять он уже был в лесу и бежал вдоль стремительного, с необыкновенно прозрачной водой ручья. На склоне стоял чистый, не захлащенный валежником лес. Бежать, однако, мешали камни. Подъем становился все круче. Опасаясь новой погоны, Иван сунулся было в ручей, чтоб скрыть от овчарок след, но вода ледяным холодом обожгла ноги, и он, пробежав шагов десять, выскочил на берег. Вскарabкался на скалистую кручу, на секунду остановился, чтобы перезарядить пистолет. Затвор выбросил на камни перекошенный патрон. Иван нагнулся за ним и вдруг замер – сквозь говорливое журчание ручья сзади донеслись голоса. Оставив патрон, он торопливо подался вверх, чуть в сторону от ручья, пролез сквозь чащу елового молодняка и, еле справляясь с дыханием, опустился на четвереньки.

Подул ветер, и в небо из-за гор выплыл косматый край тучи. Видимо, надвигался дождь. Иван осмотрелся, окинув взглядом камни под елями. Внизу как будто никого не было. Он уже хотел вскочить на ноги и побежать, как вдруг до его слуха донесся слегка приглушенный, настойчивый оклик:

– Руссо!

Он пригнулся ниже, вобрал в плечи голову – нет, то был не немец, скорее какой-нибудь гефтлиг. Но тут хоть бы выбраться самому. Он знал по собственному опыту, как это трудно, где уж там вести с собой какого-то доходягу. Немцы наверняка уже подняли тревогу. Не так это просто – удрать.

И он изо всех сил побежал дальше, карабкаясь меж камней и елей вверх, наискось по горному лесистому склону, так как лезть прямо уже не хватало сил. Ручей остался где-то в стороне, говор его притих; сильнее и отчетливее стали шуметь ели – свежий ветер настойчиво раскачивал вершины; солнце скрылось, помрачневшее небо все шире заволакивала темная туча. Было душно, куртка на спине промокла от пота. Полосатый берет Иван потерял еще при взрыве и теперь вытирал лицо рукавами, все время озираясь по сторонам и чутко вслушиваясь. Один раз он услышал далекий еще, но стремительно нараставший рев мотоциклов. Тут где-то проходила дорога, и немцы, по-видимому, послали погоню. Охваченный мрачным предчувствием, Иван напряженно обдумывал, как быть дальше, и в то же время по какому-то неясному звуку догадался, что сзади кто-то бежит. Отскочив за мшистый комель ели, он щелкнул предохранителем браунинга. Треск мотоциклов приблизился: «Обкладывают, сволочи!» Иван оглянулся, опустился за елью на одно колено и приподнял сжатый в руке пистолет. Внизу снова раздался приглушенный стук по камням. Иван всмотрелся и уже отчетливо определил в зарослях место, где был человек. Вначале оттуда никто не показывался. Потом ветки закачались, и на прогалину из ельника выскочила легкая полосатая фигурка, метнула взглядом по склону.

– Руссо!

Женщина?! Этого еще не хватало! Он чуть не выругался с досады, но приближающийся рев мотоциклов переключил его внимание. Иван крутнулся на земле, не зная, куда податься: меж редких стволов его легко могли увидеть сверху. И он прыгнул в неглубокую выемку-нишу под крутоверхой скалой, весь сжался, готовясь к отпору. Полосатая фигурка внизу на минуту исчезла за краем обрыва. Он теперь не смотрел туда, а напряженно слушал, больше всего остерегаясь мотоциклов. Но вот внизу, в двадцати шагах, из-за камня снова показалась женская фигура в длинной, не по росту, куртке с закатанными рукавами и красным треугольником на груди. Это была девушка. Она быстро огляделась по сторонам, и он заметил, как под черной шапкой волос с нескрываемой радостью блеснули такие же черные, словно две маслины, глаза.

– Чао!

Он слышал уже это слово – так всегда здоровались гефтлинги-итальянцы. Однако теперь, вслушиваясь в треск над головой, он сжался и молчал, ожидая, что она вот-вот юркнет в какое-нибудь укрытие. Но она, кажется, вовсе равнодушная к опасности, снова оглянулась и торопливо заговорила по-немецки, как ему показалось, кого-то прогоняя от себя. Взглянув в подлесок, Иван увидел за камнями еще одного в полосатом, который после окрика девушки сразу же шмыгнул в заросли. Иван хотел было кинуться прочь от этих непрошенных спутников, но девушка легко выскочила из-за обрыва, нагнулась, сунула ноги в колодки, которые до сих пор держала в руках, и, застучав ими, торопливо побежала к нему.

Мотоциклы ревели чуть ли не над их головами, и эта ее нелепая дерзость вызвала у Ивана гнев – их ведь легко могли тут заметить. Пригнувшись, Иван шагнул к девушке и за руку рванул ее под скалу. При этом он тихо, но с неудержимой яростью выругался. Она легко метнулась за ним, как вдруг одна ее колодка сорвалась с ноги и, застучав по камням, отлетела далеко в сторону.

– Ой, клумпес! – приглушенно вскрикнула девушка.

Мотоциклы один за другим, обдавая их грохотом, проносились совсем близко, но она, казалось не обращая на них внимания, вырвала у него руку и бросилась за своей колодкой. Иван не успел удержать ее, только в гневе стукнул кулаком по камню и скрипнул зубами. Девушка между тем подхватила колодку и кинулась назад. И тогда Иван, встретившись с азартно блеснувшим взглядом девушки, зло ударил ее по лицу.

Удар обжег ей щеку. Она коротко вскрикнула, но не отшатнулась, не побежала, а упала под скалу рядом и из-под локтя кинула на него взгляд, полный не гнева, а скорее озорного удивления.

Гул мотоциклов удалялся, и Иван пожалел, что не сдержал себя. Девушка на минуту сосредоточилась, округлила глаза, прислушалась, казалось, только теперь осознав, что им угрожало, и, приподняв ногу в полосатой запачканной штанине, надела на

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ступню колодку. Потом еще раз взглянула на него и, по-детски неумело выговаривая слова, будто картавя, повторила его ругательство.

Это было так же неожиданно, как и его пощечина, и так необычно, что в нем будто что-то сдвинулось, сместилось – человеческое на минуту хлынуло в его заскорузлую душу, и он впервые за сегодняшний день удивленно и широко раскрыл глаза:

– Ого!

– Ого! – повторила, как бы передразнивая, она, обнаружив тем свою нарочитую обиду, и впервые с заметным любопытством оглядела его. Полные губы ее были капризно поджаты, но в глазах уже появились готовые вот-вот запрыгать озорные смешливые чертики. Казалось, он где-то уже видел их, эти непонятные глаза на смуглом, сильно исхудавшем лице, и, почувствовав что-то новое в себе, нахмурился. Обжигающая красота девушки, ее необыкновенное бесстрашие в этом их более чем сложном положении вовсе сбили его с толку.

– Ты куда бежишь? – строго спросил он, глядя на ее поджатые, в колодках ноги.

– Вас?

– Вас! Вас! Куда бежишь?

– Руссо бежишь – ихь бежишь.

Не удержавшись, он исподлобья смерил ее злым взглядом – все ее подвижное, с тонкими чертами лицо выражало желание понять его. Густые черные брови, сросшиеся над переносьем, были высоко вскинуты.

– Ты знаешь, куда я бегу? Русланд бегу. Поймают, мне будет пуф-пуф. А тебе это. – Он чиркнул себя пальцем по шее и показал вверх – красноречивый интернациональный жест лагерников.

Она поняла, коротко улыбнулась, даже, показалось ему, фыркнула: мол, что мне виселица! И это ее безрассудное легкомыслие опять разозлило его:

– Расхрабрилась! Ну беги! Только без дураков. Я тебе не помощник.

– Конечно! – дружелюбно улыбнулась девушка, и Иван подумал, что она не поняла его.

Он попытался было возразить, но в это время в стороне города опять послышались выстрелы, крики и лай собак. «Черт с ней, с этой девкой», – подумал Иван. Надо было пробираться дальше, и он быстро полез по склону.

Глава третья

Небо затянула сизая туча. Тревожно качались вершины елей. Лес беспокойно гудел, и первые капли дождя косыми трассами прочертили воздух между деревьями.

Иван, не сбавляя темпа, проворно лез меж стволов и камней, поблескивая голым коленом. Он только теперь заметил порванную собакой штанину и кровь на ноге. Пока стоял под скалой, рана, видимо, немного подсохла, а на ходу открылась и теперь кровоточила. Сбитые о камни, кровоточили на ногах пальцы. О какую-то колючку он больно уколол пятку и стал заметно прихрамывать.

Сзади все умолкло, погони не было слышно, но она должна была появиться, Иван знал, что немцы не оставят беглецов в покое. По-видимому, там уже подняли на ноги охрану, полицию. Это было очень трудно – удрать. Разве что поможет дождь, укроет, приглушит шаги, смоем следы. Острым беспокойным взглядом Иван ощупывал вокруг себя кусты, боясь наскочить на засаду. Временами он слышал за спиной торопливые шаги своей спутницы – она не отставала. Только иногда, уронив с ноги клумпес, девушка на минуту задерживалась, но потом бегом догоняла его и шла рядом. В такие моменты он слышал ее близкое частое дыхание.

Иван старался быть безразличным к ней; если бы девушка отстала совсем, он, возможно, даже вздохнул бы с облегчением, но все же, пока она была рядом, не мог прогнать ее, чтобы уйти одному. Он только думал: и откуда ее, на беду, прибило к

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru нему, поди ж ты, вырвалась с завода, догнала. Уж на что он быстро бежал в гору, а вот не отстала. Правда, он немало времени потратил на борьбу с собаками – хорошо еще, что задержались, не набежали в ту минуту немцы...

Дождь между тем усилился. Плотнее окутал лесистые склоны теплый туман. Это радовало беглецов, так как в ненастную погоду было легче укрыться в лесу и подальше отойти от города.

Только идти под дождем было не очень удобно. Промокшая до нитки куртка неприятно прилипла к телу, штанины также намокли снизу, и Иван подвернул их, как, бывало, на сенокосе, до самых колен. Он с удовлетворением заметил, что под дождем потемнела полосатая, заметная издали его одежда. Только вот проклятые круги-мишени, выведенные масляной краской, по-прежнему топорщились на груди. Они не намочили и стали еще заметнее на потемневшей куртке.

Так прошел час, а может, и больше. Продираясь сквозь мокрый молодой кустарник с натянутой между ветвями паутиной, в которой дрожали мельчайшие капли воды, Иван вдруг увидел дорогу. Гладкая, блестящая от непогоды бетонная полоса ее плавно изгибалась на повороте и исчезала вверх. Он остановился, прислушался – кажется, дорога была пуста. Тогда он оглянулся: девушка, нетерпеливо отстраняя от лица мокрые ветви, пробиралась к нему. Видимо, надо было подождать ее и дорогу перейти вместе, иначе она могла сделать что-то не так и выдать обоих.

Девушка подошла, устало остановилась рядом и, увидев дорогу, уже с большей осмотрительностью, чем недавно, отнеслась к опасности. Иван коротко скользнул взглядом по ее мокрой куртке, которая плотно облегалась гибкую и тонкую фигурку, и снова с досадой поморщился – так все это не шло к обстановке, в которой они оказались. Она же, видно, рада была минутной задержке: немного отдышавшись, взялась одной рукой за ствол сосенки, другой вылила из колодок воду и устало вздохнула.

Иван подождал немного, пока она отдышится, потом направился к дороге. Девушка осторожно пошла сзади.

Возле дороги он снова огляделся, подбежал к забетонированному кювету, остановился, шепнул ей: «Иди сюда!» – и подал руку. Она без слов ухватила за его пальцы, глухо стукнув о бетон деревяшками, прыгнула через кювет. Иван коротко бросил: «Снимай!» – девушка послушно скинула клумпесы и подхватила их свободной рукой. Взявшись за руки, они выбежали на мокрые бетонные плиты дороги. Дождик сыпал уже часто и тотчас смывал их следы. Беглецы благополучно перебрались на другую сторону. Он выпустил ее руку. За кюветом она наколола ногу о щебенку, тихонько ойкнула, потом сунула ступни в колодки и быстро полезла за ним вверх по склону.

Склон тут был крутой, со стремнинами обрывов, поросший чахлыми кривыми деревцами, сквозь вершины которых виднелась внизу блестящая дуга дороги. Иван теперь уж не очень старался выдерживать темп: устал сам, да и девушка – он это чувствовал – уже на пределе своих, по-видимому, не слишком больших сил. На крутом подъеме, который он, перевозимая усталость, одолел первым, Иван остановился, наблюдая из-под развесистой суковатой сосны за тем, как карабкается вверх его спутница. Одна колодка у нее свалилась с ноги и по камням быстро покатила вниз. Она растерянно вскрикнула: «Санта Мадонна!» – оглянулась и устало села, по всей вероятности не решаясь спускаться за ней. Но вскоре все же полезла вниз, прихрамывая на одну ногу, подобрала колодку и снизу взглянула на Ивана. В ее взгляде теплилась молчаливая благодарность за то, что он не ушел без нее. Он спокойно опустил на сухую колючую землю между извилистыми корнями, поджидая, пока девушка вылезет из-под кручи. Добравшись до него, она в изнеможении упала рядом.

– Брось ты их к черту! – сказал он, имея в виду колодки.

Она подняла на него черные широкие глаза. Он показал на ее клумпесы и махнул рукой – брось, мол. Она, очевидно, поняла и отрицательно покачала головой, пошевелив при этом своей маленькой мокрой и, как показалось ему, слишком нежной стопой. Он сразу понял нелепость своего совета, так же как и то, что немало еще хлопот причинят ей эти непомерно большие деревянные.

Его ноги, исколотые на камнях и валежнике, тоже горели и саднили. Особенно

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru донимала при ходьбе левая пятка. Теперь, невольно затягивая минуту передышки, он решил посмотреть, что там, и, поджав руками ногу, взглянул на влажную стопу.

– Руссо очень, очень фурыезо[1]. Как это дойч?.. Бёзе![2] – вдруг сказала она.

Иван за год пребывания в плену немного научился по-немецки и понял, что сказала она, но ответил не сразу. В пятке была заноза, которую он попробовал вытащить, по, как ни старался, не мог ухватить пальцами ее крохотный кончик.

– Бёзе! Доведут, так будешь и бёзе! – сердито проворчал он и добавил уже добрее:
– А вообще я гут.

– Гут?

Она усмехнулась, обеими руками пригладила мокрые блестящие волосы и, вытерев о штаны ладони, придвинулась к нему:

– О, дай!

Он никак не мог взяться за конец занозы, а она легонько и удивительно просто холодными тонкими пальцами обхватила его большую ступню, поковыряла там и, нагнув голову, зубами больно ущипнула подошву. Он нерешительно дернул ногу, но она удержала, нащупала кончик, и, когда выпрямилась, в ровных ее зубах торчала маленькая ворсинка занозы.

Иван не удивился и не поблагодарил, а, подтянув ногу, взглянул на пятку, потер, попробовал наступить – стало, кажется, легче. Тогда он уже с большей приятностью, чем до сих пор, посмотрел на девушку, на ее мокрое смуглое похорошевшее лицо. Она не отвела улыбчивого взгляда, пальцами взяла из зубов занозу и кинула ее на ветер.

– Ловкая, да, – сдержанно, будто неохотно признавая ее достоинства, сказал он.

– Леф-ка-я, – повторила она и спросила: – Что ест леф-ка-я?

Должно быть, впервые за этот день он слегка улыбнулся и потерев пяткой стриженный мокрый затылок:

– Как тебе сказать? Ну, в общем, гут.

– Гут?

– Я. Гут.

– Ду гут, ихь гут[3], – радостно сообщила она и засмеялась. А он, будто что-то припоминая или оценивая, дольше, чем прежде, посмотрел на нее. Она сразу спохватилась, зябко повела плечами, и тогда он подумал: надо идти. Ему не хотелось вылезать из-под этой сухой развесистой сосны, и все же он вынужден был встать. Дождь не переставал. С унылым однообразием шумел лес – видно, непогода сорвала облаву. Неизвестно, сколько узников прорвалось в горы, но, может, хоть кому-нибудь посчастливится уйти. Иван вспомнил третьего гефтлинга, который бежал за ними, и, прежде чем выйти из-под сосны, повернулся к девушке, вытряхивавшей сор из своих колодок.

– Это кто еще бежал за тобой?

– Бежалъ, да? Тама? Гефтлинг. Тэдэско гефтлинг[4].

– Что, знакомый? Товарищ?

– Нон товарищ. Кранк гефтлинг. Болной, – тоненьким пальчиком она прикоснулась к своему виску.

– А, сумасшедший?

– Я, я.

«Гляди ты, а с ней можно разговаривать!» – с удовлетворением подумал Иван и

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru отвел в сторону взгляд. Почему-то по-прежнему неловко было смотреть в ее черные, глубокие, широко раскрытые глаза, в которых так изменчиво отражались разнообразные чувства.

– Ладно. Черт с ним. Пошли.

Кажется, они порядком уже отошли от лагеря. Немцы, видно, упустили их. Душевное напряжение спало, и Иван, будто издалека, впервые мысленно оглянулся на то, что произошло в этот адски мучительный день.

Глава четвертая

С утра они, пятеро военнопленных, в полуразрушенном во время ночной бомбежки цехе откапывали невзорвавшуюся бомбу.

У них уже не осталось ни малейшей надежды выжить в этом чудовищном комбинате смерти, и сегодня они решили в последний раз попытаться добыть свободу, или, как говорил маленький чернявый острослов по кличке Жук, если уж оставлять этот свет, так прежде стукнуть дверями.

Небезопасная и нелегкая их работа приближалась к концу.

Подвешивая бомбу ломami, они наконец освободили ее от завала и, придерживая за покореженный стабилизатор, осторожно положили на дно ямы. Дальше было самое рискованное и самое важное. Пока другие, затаив дыхание, замерли по сторонам, длиннорукий узник в полосатой, как и у всех, куртке с цветными кругами на груди и на спине, бывший черноморский моряк Голодай, накинуд на взрыватель ключ и надавил на него всем телом. На его голых до локтей, мускулистых руках вздулись жилы, проступили вены на шее, и взрыватель слегка подался. Голодай еще раз два с усилием повернул ключ, а затем присел на корточки и начал быстро выкручивать взрыватель руками. Сильно деформировавшись при ударе о землю, взрыватель, конечно, был неисправен и в таком состоянии не годился для бомбы, минувшей ночью сброшенной с американского B-29 или английского «Москито» на этот зажатый горными кряжами Альп австрийский городок. Но при дефектном взрывателе бомба была исправная и продолжала хранить в себе пятьсот килограммов тротила. На это и рассчитывали пятеро смертников. Как только отверстие в бомбе освободилось, Жук достал из-под куртки новенький взрыватель, добытый вчера от испорченной, с отбитым стабилизатором бомбы, и худыми нервными пальцами начал ввинчивать его вместо прежнего.

Парень спешил, не попадал в резьбу, железо лязгало, и Иван, чтобы кто-нибудь не набрел на них, приподнявшись, выглянул из ямы.

Поблизости, кажется, все было тихо. Над ними свисали покореженные балки. Из многочисленных проломов в крыше косо цедились на землю дымчатые лучи света. Было душно и пыльно. За рядом бетонных опор посреди цеха в освещенной солнцем пыли с редкими возгласами и глухим гомоном шевелились, сновали десятки людей, растаскивавших завалы и убиравших хлам. Там же теперь были и эсэсманы, которые предпочитали излишне не любопытствовать, когда обезвреживались бомбы, и обычно держались поодаль.

– Ну, сволочи, теперь ждите! – тихо, сдерживая гнев, сказал Жук.

Голодай, выпрямляясь над бомбой, буркнул:

– Помолчи. Скажешь гоп, когда перепрыгнешь.

– Ничего, братцы, ничего! – вытирая вспотевший лоб, проговорил в углу Янушка, бывший колхозный бригадир, а теперь одноглазый гефтлинг. По натуре он был скорее оптимистом, если только ими могли быть пленные в лагере. Несмотря на вытекший глаз и отбитую селезенку, он всегда и всех обнадеживал – и когда подбивал людей на побег, и когда в изодранной овчарками одежде под конвоем с немногими уцелевшими возвращался в лагерь.

Так высказали они свое отношение к задуманному, кроме разве Сребникова, который, непрерывно кашляя, стоял у стены, да еще Ивана. Сребников с самого начала всю эту затею воспринял без энтузиазма, так как ему мало радости принесла бы даже удача – быстрее, чем лагерный режим и бои, его добивала чахотка. А Иван

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Терешка был просто молчун и не любил зря говорить, если и без того все было ясно.

Голодай вытер ладони о полосатые штаны и взглянул на людей: конечно, главным заводилой был он.

– Кто ударит?

Все на секунду притихли, опустили глаза, напряженно ощупывая ими длинный корпус бомбы с разбегающимися царапинами на зеленых боках. Сосредоточился невеселый, с седой щетиной на запавших щеках Янушка; погасла нервная решимость в быстрых глазах Жука; Сребников даже кашлять перестал, опустил вдоль плоского тела руки – взгляд его стал невыносимо скорбным. Видно было, что вопрос этот беспокоил их с самого начала; все молчали, мучительно каждый про себя решая самое важное.

Крупное лицо Голодая выражало нетерпение и суровую решимость поставить все точки над «і».

– Добровольцев нет! – мрачно констатировал он. – Тогда потянем.

– Ага. Так лучше, – встрепенулся и подступил ближе к нему Жук.

– Что ж, потянем. По справедливости чтоб, – согласился Янушка.

Сдержанно и, кажется, с облегчением кашлянул Сребников. Терешка молча, одним ударом вогнал в землю конец ломика. Но Голодай, хлопнув себя по бедру, выругался:

– Потянешь тут. Ни спички, ни соломинки.

Нетерпеливо оглянувшись, он схватил лежавшую в углу ямы тяжелую с длинной рукояткой кувалду.

– Значит, так... Бери выше.

И присел, обхватив ручку у самого основания. Остальные подались к нему, нагнулись, сдвинув над кувалдой головы. Выше Голодая взялся рукой Жук, еще выше сцепились узловатые пальцы Янушки, затем ручку охватила ладонь Сребникова, за ней – широкая пятерня Терешки, потом опять Голодая, Жука, Янушки. И когда над сплетением рук остался маленький кончик черенка, его медленно коснулась дрожащая потная рука Сребникова.

Все невольно с облегчением вздохнули, поднялись и, постояв у стены, с полминуты старались не глядеть друг на друга. Голодай решительным жестом протянул кувалду тому, кто должен был с нею умереть.

– Так что по справедливости. Без обмана, – по-прежнему грубовато, но с едва заметной ноткой сочувствия сказал он.

Сребников почему-то перестал кашлять, пошатнулся, взял ручку кувалды, молча повернул ее в руках, попробовал переставить и опустил. Его полные неумной тоски глаза остановились на товарищах.

– Не разобью я, – тихо, тоном обреченного сказал он. – Не осилю.

Все снова притихли. Голодай гневно сверкнул глазами на смертника:

– Ты что?!

– Не разобью. Силы уже... мало, – уныло объяснил Сребников и тяжело, надрывно закашлялся.

Голодай посмотрел на него и вдруг зло выругался.

– Ну и ну! – язвительно проговорил Жук. – Вили-вили веревочку...

– Что ж... Ясное дело, где ему разбить. Ослабел, – готов был согласиться с происшедшим Янушка.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

У Терешки внутри будто перевернулось что-то – хотя он и понимал, что Сребников не притворяется, но такая неожиданность вызвала у него гнев. С минуту он тяжело, исподлобья смотрел на больного, что-то решал про себя. Умирать он, конечно, не стремился. Как и все, хотел жить. Трижды пытался вырваться на волю (однажды дошел почти до Житомира). И тем не менее в жизни, оказывается, бывает момент, когда надо решиться закончить все одним взмахом.

И он шагнул к Сребникову:

– Дай сюда.

Сребников удивленно моргнул скорбными глазами, послушно разнял пальцы. Терешка переставил кувалду к себе и немного смущенно скомандовал:

– Ну, что стали? Берем. Чего ждать?

Суровый Голодай, нервный Жук, озабоченный Янушка с недоумением взглянули на него и, оживившись вдруг, подступили к бомбе.

– Взяли! Жук – веревку. Лаги давайте. Куда лаги девали? – с неестественной бодростью распорядился Терешка и в поисках заранее припасенных палок выглянул из ямы.

Но тут же он вздрогнул, остальные замерли рядом. Предчувствуя беду, Терешка медленно выпрямился во весь рост.

Невдалеке от ямы в пыльном потоке косых лучей стоял командофюрер Зандлер. Он сразу увидел Ивана, их взгляды встретились, и Зандлер кивнул головой:

– Ком!

Терешка выругался про себя, отставил к стене кувалду и быстро (медлить в таком случае было нельзя) по откосу вылез на раскиданную вокруг ямы землю. Сзади, настороженные, притихли, притаились товарищи.

В пыльном, пустом с этого конца цехе (боясь взрыва бомбы, немцы повытаскивали отсюда станки) было душно, повсюду из пробитой крыши струились на пол пыльные лучи полуденного солнца. В другом, разрушенном конце огромного, как ангар, сооружения, где разбирала завал команда женщин из сектора «С», сновали десятки людей с носилками; по настланным на землю доскам женщины гоняли груженные щебенкой тачки.

Зандлер стоял в проходе под рядом опор, сбоку от большого пятна света на бетонном полу, и, заложив за спину руки, ждал. Терешка быстро сбежал с кучи земли, деревяшки его громко простучали и стихли. Хмуря широкие русые брови, он остановился в пяти шагах от Зандлера, как раз на освещенном квадрате пола. Эсэсовец, вынеся из-за спины одну руку, пальцами дернул широкий козырек фуражки:

– Ви ист мит дер бомбе?[5]

– Скоро. Глейх[6], – сдержанно сказал Иван.

– Шнеллер хинаустрадаген![7]

Зандлер подозрительно поглядел в сторону ямы, из которой торчали головы четырех пленных, потом испытующе – на Ивана; тот стоял по-солдатски собранный, готовый ко всему. Острым взглядом он впился в бритое загорелое лицо немца. Оно было преисполнено сознания власти и достоинства. В то же время Иван настороженно следил за каждым движением его правой руки. Неподалеку от них, на другой половине цеха, две женщины в полосатой одежде опустили на землю носилки и, пересиливая страх, с любопытством ждали, что будет дальше. Немец, скользнув взглядом по плечистой фигуре гефтлинга, внешне выражавшей только готовность к действию, понял это по-своему. Ступив ближе, он протянул к нему ногу в запыленном сапоге.

– Чисто! – спутав ударение, кивнул он на сапог.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Иван, понимает, понял, что от него требовалось (это не было тут в новинку), но на мгновение растерялся от неожиданности (только что он подготовился совсем к другому) и несколько секунд помедлил. Зандлер ждал с угрозой на жестком скуластом лице. Дальше медлить было нельзя, и парень опустил свое возле его ног. Это унижало, бесило, и Иван внутренне сжался, подавляя свой непокорный, такой неуместный тут гнев.

Согнувшись, он чистил сапог натянутыми рукавами куртки. Сапоги были новые, аккуратно чищенные по утрам, и вскоре головка первого стала ярко отражать солнце. Потом заблестели голенища и задник, только в ранту еще осталось немного пыли да на самом носке никак не затиралась свежая царапина. Командофюрер тем временем, щелкнув зажигалкой, прикурил, спрятал в карман портсигар. На Ивана дохнуло запахом сигареты – это мучительно раздражало обоняние. Затем немец, кажется, стряхнул пепел. На стриженую голову Ивана посыпались искры, какая-то недогоревшая соринка больно обожгла шею. Гнев с большей силой вспыхнул в нем, и он еле сдерживал себя – так хотелось вскочить, ударить, сбить с ног, растоптать этого поганца. Но он чистил сапог, борясь с собой и стараясь как можно скорее отвязаться от немца. Тот, однако, не очень спешил, держал сапог до тех пор, пока он не заблестел от носка до колена. Потом отставил ногу назад, чтобы поставить вторую.

Иван немного выпрямился и в краткий миг этой передышки взглянул туда, где остановились, наблюдая за ними, несколько гефтлингов-женщин. Взглянул бегло, почти без всякого внимания, но вдруг что-то заставило его спохватиться. Тогда он посмотрел внимательнее, стараясь понять, в чем дело, и понял: лучше было бы провалиться сквозь землю, чем встречаться с таким уничтожающим презрением в этих женских глазах. Почему-то он не успел заметить ничего другого, не понял даже, было это молодое или, может, пожилое лицо, – взгляд этот будто кипятком плеснул в его душу нестерпимой болью укора. Между тем к его коленям придвинулся второй запыленный сапог с большим белым пятном на голенище. Немец нетерпеливо буркнул два слова и носком пнул пленного в грудь. Иван помедлил, что-то, еще позволявшее контролировать себя, вдруг оборвалось в нем. Его пальцы отпустили рукав и мертвой хваткой впились ногтями в ладонь. Подхваченный гневной силой, от которой неудержимой тяжестью налились кулаки, он вскочил на ноги и бешено ударил немца в челюсть. Это случилось так быстро, что Иван сам даже удивился, увидев Зандлера лежащим на бетонном полу. Поодаль, подпрыгивая, катилась его фуражка.

Все еще не до конца осознав смысл происшедшего, Иван, вобрав голову в плечи и широко расставив ноги, с туго сжатыми кулаками стоял над немцем. Он ждал, что Зандлер сразу же вскочит и бросится на него. До слуха откуда-то издалека донеслись возбужденные разноязыкие восклицания, только он не соображал уже, осуждали они или предупреждали. Эсэсман, однако, не бросился на пленного, а неторопливо, будто преодолевая боль, повернулся на бок, сел, медленно поднял с пола фуражку, несколькими щелчками сбил с нее пыль. Кажется, он не спешил вставать. Сидел, широко раскинув ноги в одном блестящем и другом нечищеном сапоге, будто безразличный ко всему, пригладил рукой волосы, надел фуражку. Только после этого поднял на взбешенного и заметно растерявшегося пленного тяжелый угрожающий взгляд и тут же решительно рванул на ремне кожаный язычок кобуры.

В голове Ивана молнией сверкнула мысль: «Все кончено!» Щелкнул затвор пистолета, и немец с внезапной стремительностью вскочил на ноги. Это сразу вывело Ивана из оцепенения, и, чтобы умереть недаром, он ринулся головой на врага.

Ударить, однако, он не успел: земля вдруг вздрогнула, подскочила, внезапный громовой взрыв подбросил его, оглушил и кинул в черную пропасть. Немца и все вокруг накрыло облаком коричневой едкой пыли.

Через секунду Иван почувствовал, что уже лежит на полу, а кругом что-то падает, сыплется, что-то дымно, зловонно шипит, жаром горит спина; почему-то с опозданием рядом упал и вдребезги разлетелся кирпич. Иван огляделся – по бетонному полу беспомощно скреб знакомый, с царапиной на носке сапог, в клубах пыли дергалась, пытаясь куда-то отползти, фигура врага. Иван схватил из-под бока тяжелый кусок бетона и с размаху ударил им немца в спину. Зандлер ахнул, мотнул в воздухе рукой. Этот жест напомнил Ивану о пистолете. На коленях он перевалился через эсэсмана, рванул из его полуразжатых пальцев пистолет и с бешеным стуком в груди бросился в вихревое облако пыли...

Мрачная бесприютная ночь застала беглецов в каком-то каменистом, заросшем кривым сосняком ущелье, которое, постепенно суживаясь, полого подымалось вверх.

Не так проворно, как прежде, Иван лез по замшелым камням, изредка останавливаясь, чтобы подождать девушку, которая из последних сил упорно продвигалась за ним. Он хотел во что бы то ни стало выбраться из этой мрачной расселины. Там, наверху, наверно, был реже мрак, который густым туманом начал заполнять ущелье. Но у него уже не хватало на это ни решимости, ни силы. Вместе с тем очень хотелось как можно дальше отойти от города, до конца использовать этот дождливый вечер, который так кстати выдался сегодня и надежно скрыл от овчарок след беглецов. Изнемогая, Иван все выше и выше забирался в горы, ибо только там, в Альпах, можно было уйти от погони, а внизу, на дорогах, в долинах, их ждала смерть.

Проклятые горы! Иван был благодарен им за их недоступность для немецких охранников и мотоциклистов, но он уже начал и ненавидеть их за то, что они так безжалостно отнимали силы и могли, как видно, вконец измотать человека. Это совсем не то, что его последний побег из Силезии: там легко было ночью шагать по полям и лугам – звезды в светлом небе указывали путь на родину. Они шли тогда небольшой группой. Тайно пробираясь в немецкие села и фольварки бауэров, добывали кое-что из съестного – главным образом овощи, а также молоко из бидонов, подготовленных у калиток для отправки по утрам в город. Весь долгий, мучительный от бездействия день, поочередно бодрствуя, сидели, забившись где-нибудь во ржи или кустарнике. Правда, страху натерпелись и там. Целый месяц, оборванные, небритые, страшные, пробирались они к желанным границам родной земли. Неизвестно, как остальным, а ему очень не повезло тогда: вырвавшись из рук эсэсовцев, он попал в руки таких же сволочей, которые с виду показались своими. Когда его везли в город, то просто не верилось, что они не шутят, – такие это были обыкновенные деревенские парни, незлобиво ругавшиеся на понятном языке, одетые в поношенные крестьянские свитки и, кроме дробовиков, не имевшие другого оружия. Только у того, что был с белой повязкой на рукаве, висел на плече немецкий карабин...

А теперь вот горы, Лахтальские Альпы – неведомый, загадочный, никогда не виданный край, и снова – маленькая упрямая надежда обрести свободу.

Иван очень устал, и, когда начал присматриваться, где бы приютиться на ночь, сзади глухо стукнуло что-то, и по обрыву посыпались камни. Он оглянулся – его спутница лежала на склоне и, казалось, даже не пыталась подняться. Тогда и он остановился, выпрямился, перевел дыхание. Уже смеркалось. Сверху почти неслышно моросил мелкий, как пыль, дождь. Вокруг тускло серели громады камней. Беспорядочными космами чернели вверху сосны. Отяжеленное непогодой и мраком, низко осело небо. Мокрая одежда, нагреваясь при ходьбе, слегка парила, и влажную спину – стоило только остановиться – сотрясала дрожь. Он видел издали темный силуэт спутницы, едва заметные движения ее головы и неподвижные, голые до локтей руки – она не вставала. Тогда он сошел вниз, сунул за пазуху пистолет и, нагнувшись, бережно приподнял ее легкое тело. Она зашевелилась, села, не открывая глаз, и он, постояв, с досадой подумал, что придется, видно, заночевать здесь.

Иван осмотрелся – с одной стороны круто вверх поднималось нагромождение скал и камней, а с другой склон терялся внизу в сумеречной чаще леса. Оттуда полз и полз густой промозглый туман. Уже не видно было, какая там глубина, только где-то далеко, в сизой парной тишине, монотонно клочкотал ручей.

Терешка тронул девушку за плечо: дескать, подожди тут, а сам двинулся дальше, всмотрелся в сумрак – в одном месте над каменистым склоном слегка нависала скала. Убежище, конечно, было не ахти какое, но от дождя защищало, а на большее рассчитывать не приходилось.

Осторожно ступая по острым камням, он вернулся назад.

Удивительно, куда девалась недавняя живость этой девушки, ее смелость перед мотоциклистами – она выглядела теперь мокрой усталой птицей, нелепой судьбой заброшенной в это ущелье. Тяжело дыша, девушка не реагировала на прикосновение его руки, не встала на ноги, а еще больше сжалась в маленький дрожащий комочек.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Пошли передохнем, – сказал он. – Отдохнем, понимаешь? Ну, шлауфен, или, как тебе сказать...

На минуту она притихла, сдержала дрожь, однако продолжала сидеть, низко опустив голову. Он немного постоял, затем обеими руками подхватил ее, намереваясь перенести в укрытие. Девушка с неожиданной силой дернулась в его руках, что-то по-итальянски вскрикнула, забила ногами, и он выпустил ее. Постояв минуту, смущенный, он со злостью подумал: «Ну и черт с тобой! Сиди тут, привереда этакая!» И ушел под скалу. Только теперь почувствовал он, как ослабел. Уже с закрытыми глазами натянул на затылок воротник куртки и уснул.

Как всегда, мир мгновенно перестал существовать для него, уступив место сумбурному кошмару снов. Этот переход был так незаметен, что казался продолжением мучительной яви. Всякий раз ему снился один и тот же сон: уже больше года почти каждую ночь он заново переживал муки одного дня войны.

Все начиналось с вполне реальной, тягостной атмосферы беды, которую приносит с собой военный разгром. И хотя переживания потеряли свою остроту, заслонились другими большими и малыми бедами, но во сне они с новой силой терзали его.

Как обычно, вначале перед ним вставала ободранная стена украинской мазанки, на углу которой углем было выведено: «Хоз. Алексеева» – и стрелка-указатель рядом. Надпись была примерно месячной давности, когда армия еще наступала на Змиев в обход Харькова. Теперь же войска двигались в обратном направлении. Ночью топили в реке тягачи – не было бензина, – разбрасывали по полю разобранные оружейные замки, жгли в садах штабные бумаги. На рассвете во дворе, где они приютились, после короткого совещания появился полковник, который командовал группой окруженных. Их роте было приказано прикрыть отход, и трое бойцов с молодым лейтенантом выкопали у крайней хаты узкий окоп-ровик.

Это запомнилось Ивану на всю жизнь, но теперь, в тревожном сне, почему-то тот полковник носился по двору с планшетом в руках и ругал Голодая, черноморского матроса, ставшего командиром роты автоматчиков. Неизвестно почему с ним, сержантом Терешкой, в окопе сидел не Абдурахманов, боец из их разбитой батареи, который почти ни слова не понимал по-русски, а флюгпункт Сребников. Вместо того чтобы готовить к бою свой пулемет, этот доходяга немецким тесаком лихорадочно соскребает с гимнастерки свои флюгпунктовские мишени и все бурчит про себя: «Ни шагу назад! Ни шагу назад!..» И вместе с тем вполне реальная картина того далекого утра: ясное весеннее небо, наискось через дорогу пролегшая синеватая прохладная тень от мазанки, под плетнем вздрагивающая крапива и так же часто вздрагивающий надетый на кол кувшин. А за околицей по большаку в село идут танки. Они вот-вот должны появиться из-за угла этой мазанки, а Иван Терешка никак не может вставить в гранату запал. Изо всех сил он запихивает его пальцами, но маленький латунный цилиндр, будто став толще, чем надо, никак не лезет в отверстие. Терешка нервничает, спешит, бьет по нему кулаком, а когда спохватывается, то видит, что в окопе он один, что все уже отошли назад. И тогда приходит понимание того, что он не слышал команды об отходе. Иван бросается грудью на бруствер, обрушивая землю, старается вылезть из окопа, но налитое непонятной тяжестью тело не слушается его, и он сползает назад.

А танки уже рядом.

Вспугнутая их грохотом, из огородов в воздух взмывает огромная, в полнеба, стая воробьев. В стремительном полете она дружно сворачивает в одну сторону, потом вся вместе – в другую, и тотчас из-за хаты, взрыхлив на повороте землю, высовывается первый танк.

Иван понимает, что убежать не удастся, бессильно размахивается и бросает на дорогу гранату. Она почему-то не взрывается, а подскакивает и шипит, и танк вот-вот объедет ее. В это время из танка замечают окоп под стеной, танк сворачивает, и тогда невыразимый ужас пронизывает Терешку – это тридцатьчетверка.

На секунду Иван теряет самообладание от страха: что он натворил! Он бросается назад и тут почти натывается лицом на широкий ножевой штык, занесенный над ним: немец делает короткий выпад, и штык мягко и неслышно, будто в чужую, вонзается в его грудь. Иван знает, что это конец, что он убит, и захлебывается от отчаяния,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
хотя боли почему-то не чувствует...

Обычно в этот момент он в страхе просыпается, но сейчас сознание его действует как бы отдельно, где-то в стороне, оно ободряет, давая знать, что это еще не все, что впереди еще плен, побеги и потому он не может погибнуть, даже будучи проткнут штыком.

Сновидения путаются, меняются, и вот он уже оказывается в деревне, в своих Терешках, на древней земле кривичей, и будто все это происходит еще до войны, даже до его призыва в армию. По прибитой овечьими копытами улице Иван бежит к колхозному амбару, куда – он это знает – пригнали со связанными руками Голодая и с ним еще нескольких знакомых гефтлингов. Сердце у Ивана разрывается от обиды, от напряжения. Кажется, он опоздает и не докажет людям, что нельзя срывать злость на пленных, что плен – не проступок их, а несчастье, что не они сдались в плен – их взяли, а некоторых даже сдали, предали – было и такое.

Но он не добегает до амбара. Босые ноги его увязают в грязи, он едва переставляет их. Немеют руки, все тело. Он бежит, как в воде, – медленно и трудно. Выбирая дорогу, сворачивает к изгороди и вдруг видит на ней чьи-то голенастые босые ноги. Он вскидывает голову: на верхней жерди сидит незнакомка – девушка с черными, высоко вскинутыми бровями, в белоснежном, сверкающем на солнце платье. Она лучисто улыбается ему черными, как созревшие сливы, глазами и говорит:

– Чао, Иван!

И он останавливается, вдруг забыв о Голодае, обо всем на свете. Он рад, счастлив, смущен встречей с ней. Она вдруг кажется ему давно знакомой, близкой, такой, что всю жизнь подсознательно жила в его мечтах. Сияя от радости, он подступает к изгороди, к девушке, но тут же, взглянув на себя, спохватывается – ведь он прибежал с поля, от трактора, на нем старые, залатанные на коленях штаны, вылинявшая на плечах рубашка и запачканные мазутом руки. Смущенный, он останавливается, мрачнеет. Она тоже сгоняет со своего необыкновенно солнечного лица светлую улыбку. Внезапно меркнет яркая белизна ее платья, и постепенно девушка исчезает, как привидение.

Тогда он бросается к изгороди, хватается за жерди, за переплетенные лозой колья, но тут перед ним возникает его мать. Положив на верхнюю жердь руки, она стоит по ту сторону изгороди в картофельной ботве и скорбно говорит:

– Фашистка она, сынок. Хлопцев твоих она немцам выдала...

«Где она? Где?» – хочется закричать ему, но он не может этого сделать, так как у него на шее веревка – черный шелковый шнурок, на котором под барабанный бой вешали заключенных в лагере. Веревка захлестывается, натягивается, другой конец ее, как поводок, тянется за недобитой им в распадке овчаркой. Овчарка сильно дергает поводок. Иван падает, хочет закричать, но у него нет голоса, и тут от какого-то внутреннего толчка он просыпается...

Глава шестая

– Ха-ха-ха! – раздается над ним звонкий девичий смех.

Он вскидывает голову, ощупывает шею, широко раскрывает заспанные глаза, и первое, что видит перед собой, – это яркая бездонная голубизна неба и белозубая девушка с веселой улыбкой.

– Конец шляуфен! Марш-марш надо!

Сразу же тело его, будто под током, содрогнулось от холода. Еще не избавившись от мучительных сновидений, он промолчал, с трудом переключаясь в реальный, со всеми его заботами, мир, взглянул на девушку, не разделяя ее веселости. А она, опершись на руку, сидела рядом и грызла стебелек травы, которым, видимо, пощекотала его. От вчерашней ее апатичности и изнеможения, казалось, не осталось и следа.

– Марш, говоришь? Ну поглядим.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Глядим, глядим, – согласилась она, с лукавыми смешинками в глазах всматриваясь в его лицо.

А он, еще раз передернув плечами, быстро вскочил, часто замахал руками, начал выбрасывать в стороны ноги и приседать – испытанный солдатский прием, если хочешь согреться. Она сначала удивилась, высоко вскинула широкие дуги-брови, потом вдруг засмеялась, коротко, но так громко, что он испуганно шикнул:

– Тише ты!

Она спохватилась, зажала ладонью рот и оглянулась. В ее глазах все еще прыгали неугомонные озорные чертики. Иван строго, с укором посмотрел на нее, потом вслушался, чувствуя, как одубевшее от холода тело понемногу наливалось теплом. Она вновь беззаботно-насмешливо приснула:

– То гимнастик?

– Ну, гимнастика. А что, лучше мерзнуть?

Он был озабочен и вовсе не склонен к шуткам. Она, видимо, поняла это и стала серьезнее, нервно подернула узенькими худыми плечиками под влажной со вчерашнего дня курткой, вздохнула и с любопытством взглянула на него снизу.

По старой воинской привычке он прежде всего осмотрелся и понял, что действительно проспал, что давно уже рассвело. Солнце, правда, еще не выкатилось из-за гор, но безоблачное небо, казалось, звенело от утренней яркой голубизны. Всеми цветами радуги сияла противоположная, освещенная сторона ущелья – серые скалы, сосны, широкие крутые расселины и высоченные утесы. Эта же сторона дымчатой серой массой терпеливо дремала, еще не распрощавшись с сумраком ночи.

– Горы карашо! – увидев, что он всматривается в окружающее, сказала она. – Как это?.. Эстетике!

Стукнув своими колодками, она вскочила с камня, на котором сидела, и тоже выбежала из-под скалы, любясь обилием солнца на противоположной стороне ущелья. Иван, однако, был безразличен к природе. Как и каждое утро в плену, вместе с пробуждением все его существо, каждую частицу тела охватило мучительное чувство пустоты – обычный, знакомый до мелочей приступ голода. Есть было нечего и теперь. Где в этих проклятых горах добыть еду, он не знал и в то же время совершенно отчетливо сознавал, что голодные они далеко не уйдут. Постояв немного, он проглотил слюну и, равнодушный к тому, что занимало ее, спросил:

– Ты куда пойдешь?

Она, не поняв, подняла брови.

– Марш-марш куда? – казалось, начиная раздражаться, повторил он и махнул в разных направлениях: – Туда или туда? Куда бежала?

– О, Остфронт! Рус фронт бежалъ.

Он удивленно взглянул на нее.

– Си, си[8], – подтвердила она, видя его недоверие. – Синьорина карашо тэдэски[9] пуф-пуф.

Вот это здорово! Ее наивность уже с утра начинала злить его. Иван, нахмурившись, глядел в это подвижное и чересчур, по его мнению, красивое лицо: не шутит ли она? Но она, по-видимому, не шутила, вполне серьезно высказала свое намерение и теперь, ожидая, что скажет Иван, бездонными глазами взглянула на него.

– Какое пуф-пуф? Глупости, – сказал он, плотнее закутываясь полами куртки.

– Вас? Что ест глупост? Руссо учит синьорина руски шпрехен?

– Посмотрим.

– Посмотрим ест карашо. Согласие, я? – шутливо допытывалась она. Но он не

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ответил – вздрогнул, ощутив на спине холодноватую влажность куртки, взглянул на нелепые круги-мишени на груди: надо позаботиться и об одежде; в этом полосатом одеянии не очень-то далеко уйдешь. И он, подцепив пальцами, с треском сорвал с куртки винкель и номер; она по его примеру сразу же принялась сдирать свои. Но ноготки ее тонких пальцев были слишком нежны, а нитки не настолько слабы, чтоб легко поддаваться. Тогда она шагнула к нему и, по-детски оттопырив полную нижнюю губу, повела плечом:

– Дай.

– Не дай, а на, – сказал он и повернулся к ней. Острые бугорки под влажной мешковиной куртки заставили его нахмуриться и сжать губы; она, заметив это, поспешно сгребла на груди складку и оттянула ее. После короткого колебания Иван взялся за уголок винкеля и сильно рванул его. Чтобы не оставлять следов, смял тряпки и сунул их в щель под камнем.

– Грации! Спасибо.

– Ты где по-русски училась? – спросил он.

– Италия, Рома училь. Лягер русска синьорина Маруся училь. Карашо русска шпрехен, я?

– Хорошо, – равнодушно согласился он.

– Понималь отшень лючше карашо, – похвасталась она, и Иван внутренне улыбнулся этой ее наивности. Он, правда, думал о другом.

– Где Триест, знаешь?

– О, Триесте! Горы, – живо отозвалась она.

– Знаю, что горы. А где, в какой стороне?

Она взглянула в одну сторону, в другую и уверенно махнула рукой туда, откуда поднималось над горами еще невидимое здесь солнце.

– Туда дорога Триесте.

«Дорога!» – невесело подумал Иван. Ничего себе дорога – через горный массив Альп, через теснины и реки, а главное – через густонаселенные долины и оживленные автострады. Не так уж близок этот партизанский Триест, о котором он столько слышал в лагере. Но выбор у них был небольшой, и если уж посчастливилось вырваться из ада, так глупо было бы теперь дать повесить себя под барабанный бой на черной удавке.

И потому надо идти. Идти, лезть, бежать! Не раскисать, собраться с силами, использовать весь опыт, все способности, перейти главный хребет, найти партизан – югославских, итальянских – все равно каких, только бы встать в строй, взять в руки оружие. В этом видел Иван теперь смысл жизни, наивысшее свое призвание и награду за все страдания и позор, пережитые им за год плена.

В сыром мрачном распадке было холодно. Остывшее за ночь тело донимала дрожь. Хотелось скорее к теплу, на солнце. Отыскав подходящее место на склоне, они полезли между камнями вверх. На этот раз, впервые с момента их встречи, впереди лезла она, а он, немного отстав, карабкался следом, и это было похоже на первое взаимное доверие между ними.

Каменистый склон тут был довольно крут, колодки скользили и падали с ее ног. Девушка наконец сняла их, взяла в одну руку и, хватаясь другой за колючие, твердые, как проволока, стебли какой-то травы, проворно, словно ящерица, прыгала с камня на камень.

– Руссо, – не останавливаясь, сказала она, – ты ест офицер?

– Никакой я не офицер. Пленный.

– Пленни, пленни. Я понималь. Кто до войны биль?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Иван помедлил с ответом. То, что она начала допрашивать, ему не понравилось (вот еще мне особый отдел!), и он сдержанно буркнул:

– Колхозник.

– Что ест колхозник?

– Не понимаешь, а спрашиваешь, – грубовато упрекнул он. – Ну вроде бауэра, ферштейн?

– А, понимай: ляндивршафт?[10]

– Вот-вот. Колхоз.

– О, я отшен люблю колхоз! – вдруг оживленно заговорила она. – Колхоз карашо. Ля вораре[11] компания. Отдых – компания. Тутто[12] компания. Карашо компания. Руссо колхоз карашо экономике. Правильна я понимаю? – спросила она и оглянулась.

Он не успел ответить. Сдвинутые ее ногами, вниз покатались камни, щебенка, разная мелочь – он едва успел отскочить в сторону. Она сверху озорно засмеялась и боком припала к склону. Иван со злостью прикрикнул:

– Тише ты!

Она снова спохватилась, закрыла рукой рот и оглянулась:

– Пардон.

– Пардон, пардон! Тихо надо. Чего разошлась?

Ее беззаботность злила, но, видно, прикрикнул он чересчур грубо, она метнула на него обиженный взгляд и поджала губы.

– Мой имя ест Джулия. Синьорина Джулия, – сказала она.

Он строго оглядел ее, заметив про себя: «Ну и что? Синьорина!» Для него это ровным счетом ничего не значило, особенно деликатничать с ней он не собирался. А она, кажется, обиделась, замолчала и торопливо полезла вверх. Иван немного отстал. Низко пригибаясь к земле, он широко ступал на шершавые холодные камни, исподлобья бросал короткие взгляды на ее подвижную полосатую фигуру и думал: кто она? Какая-нибудь девица легкого поведения – «гурен», как их называют немцы, бездомная бродяжка суетливых итальянских городов, беспечная ночная бабочка, опаленная огнем войны? Это казалось наиболее вероятным, судя по ее озорному и, видимо, падкому на приключения характеру. Правда, винкель у нее был красный, политический, она что-то там говорила о своей ненависти к немцам, но Иван не очень верил в то, что ее враждебность к фашистам имеет серьезные основания. Возможно, кто-либо из них обидел ее, потом, конечно, хлебнула горя в лагере, но такие вряд ли долго помнят обиды. Впрочем, он почти не знал ее, хотя уже не раз был свидетелем ее легкомыслия во многом, от чего зависела теперь судьба их побега. Но он понимал, что в таком положении надо быть особенно бдительным и больше полагаться на самого себя.

Глава седьмая

Когда они выбрались на край каменистого обрыва и остановились, чтобы перевести дыхание, их взгляду открылся огромный пологий косогор, поросший кривыми горными соснами. После сырого мрачного ущелья тут казалось необыкновенно тепло и просторно. Внизу широко раскинулась долина, за ней в бледно-сиреновой дымке тянулись вдаль соседние хребты гор.

– Раухен![13] – запыхавшись, сказала она. – Немножко раухен!

Иван молча опустил на край каменной плиты, торчавшей из земли. Джулия бегло глянула вверх, в сплошное нагромождение скал, потом вниз, на лесистый склон с частыми пятнами коричневой земли между соснами. И он, глядя на нее снизу, почувствовал, как она, будто зацепившись за что-то взглядом, замерла, поджав

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru одну ногу и даже забыв надеть на нее колодку. Он тогда вскочил. Далеко внизу между соснами поблескивала тропинка. Джулия, не оборачиваясь, схватила его за рукав:

– Руссо, мэнш! Человек!

Он и сам уже видел – по тропинке вверх торопливо шел человек.

Они присели. Джулия, кажется забыв уже о своей обиде, глубокими темными зрачками испытующе заглянула в его глаза. Он же отвел в сторону насупленный взгляд и достал из-за пазухи браунинг. Девушка поняла его намерение. Иван, ничего не объясняя, тронул ее за плечо – мол, сиди тут, – а сам, пригнувшись, шмыгнув в сосняк и, раздвигая на пути нижние ветки, быстро пошел по склону, надеясь выбраться на тропинку.

Выбирая места, где сосняк был погуще, он далеко отошел от ущелья и подумал, что не следовало оставлять девушку одну.

В воздухе густо пахло смолой. Каменистая, засыпанная хвоей земля беспощадно колола его и без того исколотые ступни. Вскоре из-за ближней громады гор скользнули лучи утреннего солнца, стало заметно припекать. Вспомнив о вчерашней погоне, он щелкнул пистолетом и вытащил из пластмассовой рукоятки магазин – там оказалось пять патронов, шестой был в стволе. Это немного обнадеживало. Он подумал, что, возможно, им удастся раздобыть какую-нибудь одежду, обувь, а может, и пищу. По-прежнему невыносимо хотелось есть. При мысли о еде во рту собиралась слюна, которую он едва успевал глотать.

Между соснами в десяти шагах впереди внезапно показалась тропинка. Он остановился, глянув вниз, вверх, – нигде никого. Постояв, вслушался: с ближней, причудливо изогнутой сосенки вспорхнула маленькая куцехвостая птичка, неподалеку упала на землю старая шишка, и снова стало тихо-тихо. Он поискал взглядом какое-нибудь укрытие и, пройдя немного, опустился на колючую, поросшую реденькой травкой землю за обомшелым обломком скалы.

Лежа лицом вниз, он ждал, часто поглядывая туда, где между сосновыми вершинами поблескивала тропинка, и думал, что сделать с человеком. Он не сомневался, что по тропе идет не военный, что одежду он отдаст без сопротивления (все-таки пистолет), вот только как быть дальше – убивать безоружного не позволяла совесть, оставлять же его тут было равносильно самоубийству. Но сколько он ни напрягал свой не очень подвластный ему теперь разум, ничего не мог придумать и чувствовал, что эта неопределенность к добру не приведет. Однако было бесспорно и то, что главный хребет в таком состоянии, в котором они находились сейчас, им не одолеть.

Человек показался ближе, чем Иван предполагал. На тропинке внизу вдруг появилась его согбенная под тяжелой ношей фигура, но он почему-то не шел, а почти бежал, задыхаясь от усталости, и все шарил глазами по сосняку, то и дело оглядываясь. Неужели он увидел их? Иван напрягся, сжался за камнем, стараясь скрыть свою полосатую одежду, и с неожиданной злостью выругался, ясно осознав, как мерзко и подло то, что он вынужден теперь сделать.

Но так было нужно.

Он позволил человеку подойти поближе, сам осторожно, поджав ноги, поворачивался за камнем. В рукаве шевелился, словно крапивой обжигал плечо, муравей. Австриец устало тащил на плечах тяжелый брезентовый мешок. Торопливо ступая грубыми, на толстой подошве башмаками, он уже проходил мимо, когда Иван в три прыжка выскочил на тропу. Прохожий, услышав шум сзади, оглянулся. Это был неуклюжий, пожилой толстяк в короткой кожаной тужурке, тирольской шляпе с голубой кисточкой за шнурком и поношенных, пузырящихся на коленях штанах. От неожиданности он заморгал глазами, что-то быстро-быстро заговорил по-немецки, замахал руками и двинулся на парня. Иван приподнял пистолет.

– Герр гефтлинг!.. Герр гефтлинг! – лопотал австриец. – Воцу ди пистоле!
Эсэс!.. [14]

Иван сразу весь подобрался. Он понял, но никак не хотел поверить, что снова нависает над ними беда. Проклятый муравей разгуливал уже между лопатками, но

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru парень не шевельнулся, чтобы стряхнуть его, – суровым, беспощадным взглядом он впился в австрийца.

– Эсэс! Дорт эсэс! Штрейфе[15], – беспокойно говорил человек. Он был взволнован, пот ручьем лился по его немолодому, обрюзгшему лицу; в его груди, словно гармонь, удушливо скрипело и свистело на все голоса. Иван оглянулся и прикусил губы.

– Где эсэс?

– Дорт! Дорт! Ихь мэхтэ инен гутмахен[16], – махал рукой австриец.

– Ду найн люгэн?[17]

– О найн, найн! Ихь бин гутэр мэнш![18] – горячо говорил он и, сменив тон, на ломаном русском языке произнес: – Я биль плен Сибирь.

В его встревоженных глазах мелькнуло что-то теплое, как воспоминание, и Иван понял: он не обманывал. Надо было спешить. Их вот-вот могли обнаружить тут. Исчезла последняя надежда заполучить хотя бы кусочек хлеба.

– Ду вэр? Варум хир?[19] – строго спросил Иван и за рукав тужурки бесцеремонно дернул австрийца с тропинки.

– Ихь бин вальдгютер. Дорт ист майн форстей[20].

Иван взглянул вверх, куда показывал человек, но никакого дома не увидел, зато заметил, как из чащи выскочила Джулия. Вероятно, она слышала их разговор и закричала:

– Руссо! Руссо! Бежаль! Руссо!..

Не обращая внимания на ее предостерегающий крик, Иван еще раз дернул австрийца за плечо и вырвал у него из рук мешок:

– Эссен?[21]

– О я, я, – подтвердил тот. – Брот[22].

Австриец, видимо, все понял, оглянулся, быстро опустился на колени и дрожащими пальцами расстегнул «молнию» своего мешка. Иван выхватил оттуда небольшую черствую буханочку хлеба. Австриец не протестовал, только как-то обмяк, сразу утратив недавнюю свою живость, и на мгновение в душе Ивана шевельнулся упрек. Но он тут же подавил его, отпрянув под сосну, бросил взгляд вверх, на серые снежные вершины, и оглянулся. Австриец застегивал мешок, пальцы его никак не могли справиться с «молнией», тогда Иван бросил подскочившей Джулии хлеб, а сам снова шагнул к человеку.

– Снимай!

Он забыл, как назвать по-немецки тужурку. Австриец не понял, и парень выразительно тронул его за рукав. Но австриец почему-то не спешил отдавать одежду; на старческом, красноватом от склеротических прожилок лице скользнула растерянность. Иван крикнул:

– Шнеллер! – и дернул настойчивее.

– Шнеллер! Шнеллер, руссо! – приглушенно, но очень тревожно звала его из сосняка Джулия, и австриец с какой-то безнадежностью, вдруг расслабившей все его существо, снял с себя тужурку. Иван почти вырвал ее у него из рук и в последний раз взглянул в глаза этому человеку. Иван понимал: это была черная неблагодарность, но иначе поступить не мог.

Он побежал в сосняк, где мелькнула полосатая куртка Джулии, и, уже отдалившись, оглянулся: австриец стоял на прежнем месте в синих подтяжках поверх светлой сорочки и, опустив руки, смотрел им вслед. Что было в том взгляде, Иван так никогда и не узнал.

Они изо всех сил бежали вверх.

Уже через четверть часа их лица взмокли от пота, шаги стали короче – беглецы изнемогали. Сосняк кончился. Они выбрались на пологий травянистый косогор. Тут, очевидно, проходила верхняя граница леса, и дальше высились голые, обросшие мхом скалы, глыбы камней, да высоко, в самом небе, был виден серый, будто крыло куропатки, присыпанный снегом хребет. Подъем становился все круче и упирался впереди в отвесную скалистую стену, приблизившись к которой Иван понял, что взобраться наверх тут не удастся. Тогда он свернул и побежал вдоль этой гигантской преграды в поисках удобного для укрытия места. Все время его точило сомнение – от австрийца теперь можно было ждать всякого. «Только бы не собаки, только бы не собаки», – думал Иван, с безысходной ясностью сознавая, что если немцы пустят собак, им уже не уйти.

Продолжая бежать по косогору, он то и дело поглядывал вниз. Там словно на ладони раскинулся весь этот лесистый склон: широкое ущелье, где они провели ночь, сосняк, на краю которого приютился дом с высоким каменным фронтоном и длинной деревянной галереей вдоль стен – видимо, усадьба лесника. С минуты на минуту он ждал, что там появятся немцы, но те почему-то опаздывали, и возле усадьбы было глухо и пусто. Не видно было и лесника, наверно, он еще не поднялся снизу. В эти несколько напряженных минут Иван ожесточенно проклинал тех, по чьей воле он вынужден был пойти на такое дело. Разве он разбойник с большой дороги или грабитель? Зачем ему останавливать этого мирного толстяка, угрожать ему пистолетом и тем более грабить, если б не война, не плен, не бесчеловечные издевательства и унижения, не то, наконец, на что он решился ради своей жизни, ради Джулии, ради этого австрийца тоже?

Обходя огромные камни на травянистом лугу, они взбежали на взлобок и невдалеке, в скалистой стене, увидели узкую щель расселины, которая вела куда-то в глубь каменных недр. Ивана это обрадовало. Он подумал, что там, возможно, есть ручеек, который позволит запутать следы, да и самим – чувствовал он – надо было куда-то прятаться, так как каждую секунду могли появиться немцы. Иван из последних сил бежал по траве, за ним, изнемогая, но терпеливо перенося усталость, бежала Джулия.

Ободрав в колючих рододендроновых зарослях ноги, они вскоре пробрались в расселину, но ручья, к сожалению, в ней не оказалось. Это было глухое, дикое место, где царил сырой душный мрак, с крутых каменных стен свисал колючий кустарник, в щелях между камнями пробивались пряди жесткой травы. Внизу валялись старые кости; вспугнутая людьми, со свистом шарахнулась в глубь расселины какая-то ночная птица. Очень неприветливым показалось им это место, но то, что они все же успели добежать сюда и спрятаться, несколько успокоило Ивана. Он замедлил шаг, взобрался на обомшелую каменную плиту и подождал Джулию. Взмахивая для равновесия рукой, девушка по камням бежала к нему, ее короткие черные волосы спутались, лицо горело от бега и усталости, а в глазах, когда она взглянула на Ивана, вместо обычной для нее игривости блеснул страх.

– Санта Мадонна! Ми уходиль, да? – спросила Джулия.

Он нетерпеливо бросил:

– Давай быстрее!

– Что ест бистрей? – не поняла девушка.

Иван не ответил. Тяжело дыша, Джулия подбежала ближе, и они по камням двинулись дальше.

– Много карашо фатер! Комунисто фатер! – с радостью сказала она.

– Какой там коммунист! – с досадой отозвался Иван. – Человек просто.

– Си, си, человек. Бене человек[23], – согласилась девушка, пробираясь вперед. Он в это время вслушивался в звуки снизу и не мог оторвать взгляда от зажатой у нее под мышкой буханки. Джулия инстинктивно почувствовала его взгляд и обернулась:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Эссен? Хляб, да?

Она быстро отломил от буханки краешек корки и протянула Ивану. Он не колеблясь взял, жадно откусил раза два и проглотил. Надо было торопиться. Сзади вот-вот могли появиться немцы, но он уже не мог не думать о хлебе, стал угрюм и медлителен. И Джулия, поняв, остановилась, присела, прижав буханку к груди, быстрыми пальцами отломил от нее большой кусок, который услужливо сунула Ивану в его широкие огрубевшие ладони. Крошки, осыпавшиеся на полу куртки, тщательно собрала в горсть и бросила себе в рот.

Иван, бережно взяв хлеб, повертел его в руках, будто рассматривая, исподлобья тайком взглянул на буханку и начал старательно разламывать кусок на две части. Затем, как бы взвесив на ладонях, одну половину протянул ей. Она не отказалась, усмехнулась и быстро взяла:

– Данке. Нон, грацие – спасибо!

Жадно жуя, он не ответил на ее благодарность.

Они полезли дальше. Девушка также молча начала есть, но хлеба было очень мало, крохотные кусочки его лишь раздражили их аппетит, и вскоре Джулия резко обернулась к своему спутнику:

– Руссо! Давай все-все манджаре! [24] Си?

Глаза ее в веселом прищуре загорелись прежней озорной живостью, пальцы впились в начатую буханку, готовые разломать ее, и Иван испугался, почувствовав, что она действительно раскрошит этот их более чем скудный запас. Он схватил ее за руку:

– Дай сюда!

Джулия удивленно повела бровями, а Иван выхватил у нее хлеб и быстро завернул в тужурку. Девушка сперва смутилась, а потом вдруг рассмеялась. Он недоумевающе посмотрел на нее:

– Ты что?

– Руссо правильно! Джулия нон верит хляб. Слово верит, любов верит. Хляб нон верит Джулия. Джусто – правильно, руссо!

Смеясь, она подошла сзади к Ивану и легонько коснулась ладонью его лопатки. Ощутив ее неожиданную ласку, он неловко повел плечами.

– Ладно, – буркнул Иван, намереваясь идти дальше, но в это время раскатисто прогремел далекий винтовочный выстрел. Они оглянулись и застыли на камне – снизу, откуда-то со стороны усадьбы, донеслись крики, сразу же затрещали «шмайсеры» – над ущельем загремело, загрохотало эхо. Иван сжался – он напряженно вслушивался, не прорвется ли оттуда знакомый ненавистный лай. Но лая не было. Пули в расселину не залетали, очереди трещали почему-то далеко в стороне, и это немного удивило Ивана. С полминуты послушав, он бросил тужурку на камни и по выступам и трещинам в скале, цепляясь за кусты, полез наверх, чтобы выглянуть из расселины.

Очереди трещали, гремели, вверху со свистом проносились пули, в грохоте пальбы уже был слышен далекий треск мотоциклов. Джулия, запрокинув голову, напряженно слушала и следила за Иваном, который добрался почти до середины крутой стены. Оглянувшись на выход из расселины, он пролез еще немного и, вобрав голову в плечи, замер, увидев вдаль усадьбу и мотоциклистов. Подхватив тужурку, Джулия скинула клумпесы, что-то крикнула, но он будто прилип к скале и не мог оторваться от зрелища, краешек которого приоткрылся ему с высоты.

В редком ельнике перед усадьбой металась в траве три мотоцикла, пулеметы которых торопливо били куда-то вверх. Где-то, видно пробуя прорваться выше, трещали еще несколько мотоциклов, но их не было видно из-за выступа скалы. Было ясно, что огонь и все свое внимание немцы направили в сторону от этой расселины: темп стрельбы свидетельствовал о том, что они видели цель.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Поведение немцев вызвало смутную догадку. Иван подвинулся немного в сторону, прячась за выступ в скале, взобрался выше и вдруг хорошо увидел все, что там происходило.

Снизу что-то кричала Джулия, но он не слышал ее. Вцепившись пальцами в каменный выступ, он смотрел, как по склону к скалистой стене, широко раскидывая длинные ноги, бежала фигура в полосатом. Вокруг нее вспархивали клубочки пыли – это ложились пули. Гефтлинг падал, но тотчас вскакивал и бежал, чтобы через несколько секунд снова упасть. За ним, правда в отдалении, оставив мотоциклы возле усадьбы, бежали вверх трое немцев, в то время как остальные с места, через их головы, били из пулеметов. Огонь был очень густой и дружный, и все же гефтлинг бежал. Иногда он оглядывался и, казалось, даже что-то кричал, потом падал, и Иван каждый раз думал: не встанет! Но нет! Как только ослабевал огонь, бедняга вскакивал и бежал вверх.

– Руссо! Руссо! Что смотришь? Руссо! – нетерпеливо притопывая на камне, спрашивала Джулия.

Иван молча следил за беглецом, боясь шевельнуться на скале и считая, что судьба того уже решена. И действительно, вскоре он еще раз упал почти у самой скалы, больше его не стало видно, и стрельба сразу стихла.

У Ивана будто что-то оборвалось внутри. Он быстро соскользнул по скале вниз, затаив тихую благодарность судьбе, пославшей им укрытие в этой расселине. С тяжелым чувством на душе, соскочив на землю, он коротко бросил Джулии:

– Капут.

– Капут? – широко раскрыв глаза, не поняла девушка.

– Компание твой – капут.

– Кранк гефтлинг?

– Да.

– Ой, ой!

Он взял у ошеломленной Джулии тужурку, девушка проворно подобрала колодки, и оба они начали взбираться по камням вверх.

Глава девятая

Все же они не сумели пройти незаметно, обнаружили себя, позади остался свидетель, и прежнее беспокойство с новой силой охватило Ивана: выдаст австриец или нет?

Опыт всех его побегов подсказывал, что именно такие вот обстоятельства чаще всего оказывались для беглецов роковыми. Нигде: ни в поле, ни в горах, ни на дороге – не подвергали они себя такому риску, как во время захода в деревни, усадьбы, на хутора, во время встреч с людьми. Именно там поджидала опасность очень осмотрительных и даже сверхосторожных. Там часто кончались безмерно трудные пути на волю и начинались другие, еще более мучительные – снова в плен. Но и вовсе избежать людей было невозможно – надо было питаться, узнать дорогу, переодеться. Беглецы часто надеялись на авось, на счастливый случай, на человечность. Нередко им везло, но далеко не всегда.

Го д назад Иван тоже надеялся, что все как-нибудь обойдется, как обошлось в предыдущие тридцать два дня. Втроем они довольно удачно миновали засады, переплывали реки, обходили деревни, избегали встреч с полицейскими; дважды ударили от погони – раз, правда, потеряли четвертого, ленинградца танкиста Валерия. Остальные же добрались до родной земли, до Волини. Кругом лежали украинские села, в поле на лошадях и волах пахали свои полоски крестьяне; становилось тепло – уже можно было ночевать в лесах и без лишней нужды не соваться в деревни. Если бы только не еда, из-за которой они то и дело должны были заходить в селения.

В то утро, оставив друзей на опушке, в село направился Иван. Накануне ходили

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru другие, теперь была его очередь.

Он немного опоздал выйти из леса, через который извилистой дорогой они шли ночью. Уже начинало светать, но ему не хотелось забиваться куда-нибудь в глушь с пустым желудком. Внимательно всмотревшись с опушки в село, Иван ничего подозрительного там не заметил. Большой дороги поблизости, кажется, не было, и он через болотце, держась ближе к кустам, двинулся к крайней хате. Под полой у него был немецкий автомат с двенадцатью патронами в магазине, добытый под Краковом, армейские сапоги на ногах и на плечах какая-то немудреная крестьянская свитка. Внешне он напоминал обычного сельского парубка, такого, как и все тут, без задержки дошел до огородов, потом от гумна по стежке, что вела меж плетней, свернул к ближней хате. К несчастью, хата стояла на противоположной стороне улицы, он оглянулся – вблизи никого не было, только где-то во дворе скрипнула дверь и замычала корова, – должно быть, хозяйка шла доить ее. Не успел он перебежать крохотную росой дорожку, как из соседнего двора кто-то вышел на улицу. Иван даже не взглянул на него, только почувствовал, что тот заметил его. За углом Иван оглянулся – человека на улице не было, а возле дома напротив высился огромный брезентовый кузов машины. Это было так некстати, тем более что во дворе уже встревоженно крикнули. Деваться Ивану было некуда (за хатой лежал широкий забронованный огород), и он кинулся к раскрытым в сени дверям. В дверях стоял небритый средних лет крестьянин. Он, наверно, все понял без слов, только побледнел немного, так как, видно, услышал окрик, взглянул на Ивана, у которого заметно оттопыривалась пола, и отступил на шаг, пропуская в хату. Иван без единого слова вскочил в чистенькие, прибранные сени с разбросанным по полу аиром, метнулся туда-сюда, ища какого-нибудь укрытия, и, не найдя ничего подходящего, сквозь раскрытые двери кинулся в другую комнату, где была печь. Там он увидел черную пасть подпечья, припал на колени, быстро выглянул в окно, возле которого на топчане из-под полосатого самотканого одеяла высовывались три пары коротеньких детских ног. Парня охватило дурное предчувствие – нет, попал не туда.

Но было уже поздно: во дворе затопали сапоги, и он, обдирая бока, протиснулся в смрадную узкую дыру подпечья, сжался за выступом. В сени входили люди. Только успел затаить дыхание, как сразу донеслись чужие голоса: то были немцы, двое или больше. Хозяин не понимал их или, может, не хотел понимать. Иван все слышал, переводчик ему не был нужен.

– Вэр ист? Вэр лауфт?[25] – крикнул немец.

– Ин дизем аугенблик. Их хабе гезеен![26] – настаивал второй.

– Паночки, нэ розумию. У мэнэ никого нэма. Што вы?

У Ивана враз спало напряжение, – значит, хозяин не выдаст, слава богу, хоть в этом повезло. Может, теперь не найдут. И он прижался к стенке плотнее, скорчившись в три погибели и почти не дыша. Немцы закричали громче, выругались, заплакал ребенок в углу, откуда-то, видно, с печи спрыгнув на пол, к нему бросилась женщина, начала успокаивать. Один из немцев, лязгнув затвором винтовки, вбежал в хату – возле печи мелькнула тень. Громче закричали дети, загремели топчаном: немцы разбрасывали их постели. Иван ждал, держа руку на рукоятке автомата, хоть и не знал, как в таком положении стрелять. Немцы, громко топая сапогами, заглянули на печь, звякнули заслонкой, и сразу же луч фонарика метнулся по задней стенке подпечья. Иван даже зажмурился, ожидая крика: «Хераускрихен!»[27] Но лучик был слабый (видно, разрядилась батарейка), немцы ничего не увидели, и сапоги застучали дальше. Вскоре шаги притихли – видимо, немцы искали уже в сенях. Тогда он, не шевелясь, выдохнул и опять медленно вдохнул воздух, не веря случившемуся – неужто пронесло? И действительно, шаги совсем стихли, только всхлипывали возле печи дети, и мать, стуча босыми ногами, кидалась, наверно, к окнам – немецкая речь слышалась уже со двора. Там что-то говорил хозяин, по-видимому направляя солдат подальше от хаты. И в самом деле, уже все успокоилось. Хозяин, должно быть, вошел в сени, к нему подбежала жена, она что-то быстро-быстро затараторила, в смятении чуть не плача, но хозяин строго прикрикнул на нее: «Хватит! Замолчи!» Женщина умолкла, вернулась в хату и занялась детьми.

Иван хотел уже было вылезти, чтобы перебраться куда-нибудь в более надежное место, как хозяйка испуганно запричитала:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Пэтро! Пэтро! Ой лышэнько, Гриць идэ...

Иван снова притих, хозяин вышел, с минуту его не было слышно, потом во дворе раздалось язвительно-учливое: «Добры день, герр Пэтро!» Хозяин сдержанно ответил на приветствие. Что-то щелкнуло, будто ударили кнутом по голенищу, и тот же голос буднично, словно разговор шел о пустяке, произнес:

– Кого ховаешь? А ну, давай его сюды!

– Никого я нэ ховаю, кум Гриць! Перехрысться, што вы!

– Ага! Никого. Што ж, проверимо! Ганна! – крикнул Гриц.

– Я тута, кум, – отозвалась с порога хозяйка.

– Кого Пэтро ховае, признавайся!

– Ой, хйба ж я ведаю! Никого ж вин нэ ховае, кум Гриць.

– Не ховае! А ну, Настуся, скажи: де татко ховае бандыта?

– Нэ видаю, – ответил боязливый детский голосок.

– Нэ видаешь! Побачымо, – многозначительным спокойным тоном прогнусавил Гриц.

У Ивана в подплечье от злости на этого выродка даже онемели скулы – так захотелось выскочить и всадить ему в брюхо десяток пуль. Но он не знал, сколько еще там подручных, и снова недоброе предчувствие завладело им: он понял, что этот – не немец, свое дело он знает отменно.

– Глух, нэси солому. Ты, Жупан, тэж. Зараз мы дознаемось, дэ вин ховаеця. Мы його подсмажэмо.

Во дворе затопали шаги, стукнули где-то поблизости двери – видно, люди побежали в сарайчик. Иван догадался, что задумал этот, не дожидать бы ему до воскресенья, Гриц. «Неужели он решится поджечь, неужели так поступит со своим человеком, который этого негодяя еще называет кумом?» – мучительно думал Иван.

Под окнами что-то зашуршало, свет в подпечье померк. «Наверное, положили солому», – заметил про себя Иван. Потом все притихли, не стало слышно ни шагов, ни разговора. И вдруг отчаянно и дико закричала женщина, можно было подумать, будто жгут ее самое, а не хату. За ней заголосили дети, сразу же зачадило дымом. Иван понял, что все пропало, что сгорит сам и еще загубит детей. Надо было вылезать, пристрелить этого мерзавца, но у него все еще теплилась надежда – может, не подожгут, только поугаюют. Опять же дать загореться хате, а уж потом вылезти – не слишком ли велика кара для него и для этой семьи! Иван не знал, что делать, хоть и понимал, что надо в считанные секунды на что-то решиться.

Видно, он все же выскочил бы из подпечья (он уже был готов к этому), как вдруг с причитаниями и проклятиями в хату кинулась хозяйка. Прежде чем он успел догадаться зачем, она затопала возле печи и, согнувшись, сквозь слезы закричала:

– Вылазь! Вылазь! Хату палять из-за тэбэ, проклятый! Душегуб, звидкиля тэбэ принесло? Вылазь!

Иван с облегчением вздохнул: вот и кончилось все (хотя такого конца он не ждал), сунул автомат под мусор в углу и вылез. Злости на эту женщину у него не было, стало только обидно и жалко, что так глупо оборвался такой долгий и такой трудный путь...

Он ступил на порог – отрешенный от всего и спокойный. Во дворе на него по-волчьи уставились четверо мужиков, среди которых особенно выделялся один – здоровенный верзила в светлых кортовых штанах и с голубой повязкой на рукаве. Это, видно, и был Гриц. В руках он держал немецкий карабин на взводе. Иван определил это по затвору и подумал, что убить его тут они не посмеют – передадут немцам.

Так оно и случилось.

Непрестанно ощущая в себе тревогу, Иван оглядывался и вслушивался, боясь, чтобы немцы не пустили собак, но время шло, а кругом было тихо. Тогда пришла уверенность, что австриец их все же не выдал, а мотоциклисты их следов не нашли и пока оставили беглецов в покое. К тому же, видимо, они забрали труп сумасшедшего – было с чем возвратиться в лагерь. От таких мыслей тревожное возбуждение постепенно улеглось, уступив место другим заботам и помыслам.

Расселина, напоминавшая глубокий кривой коридор, постепенно сужаясь, вела и вела их вверх. Почти не останавливаясь, они лезли по ее дну часа четыре, если не больше. Стало холодно, и, наверное, от высоты слегка закладывало уши. Солнце так ни разу и не заглянуло сюда; наконец исчезла за облаками и сияющая голубизна неба – сизые ключья тумана, цепляясь за острые вершины утесов, быстро неслись над расселиной. Откуда-то подул, все больше усиливаясь, порывистый ветер, похолодало так, что не согревала и ходьба. Они не могли увидеть отсюда, как далеко отошли от города, но Иван чувствовал, что взобрались высоко, иначе не пробирала бы так стужа. И все же тужурку с завернутым в нее хлебом Иван не надевал. Он понимал, что главное еще впереди, что похолодает сильнее, возможно, придется идти по снегу. Правда, о себе Иван не очень беспокоился, он мог бы идти и быстрее. Хоть и устал и болели сбитые на камнях ноги, но он был еще способен на большее – в который раз выручала его природная сила, нетребовательность к условиям жизни и, конечно, суровая армейская закалка. Не раз, бывало, в плену, когда другие выбивались из сил, ослабевали и падали от голода, усталости и бессонницы, он все выдерживал. Он начал уже думать, что и сейчас как-нибудь выдюжит, перейдет хребет (не может того быть, чтоб не перешел), лишь бы только жить, вынесет, стерпит все, на свободе – не в лагере.

Вот только Джулия...

Девушка с заметным усердием лезла за ним и теперь почти не отставала, но он, часто останавливаясь, испытующе и настороженно поглядывал на нее. Чувствуя его внимание, Джулия каждый раз старалась улыбнуться в ответ, сделать вид, что все хорошо, что она ничего не боится и у нее еще не иссякли силы. Однако несвойственная ее порывистой натуре замедленность движений красноречивее всего свидетельствовала о чрезмерной ее усталости.

И вот, выйдя из-за поворота, они увидели, что приютившая их расселина оборвалась, упершись в крутую скалу. Как ни хотелось, все же надо было вылезать вверх – на голые, открытые ветру скалы.

Иван повернул на крутой склон, вскарабкался почти до самого верха и, опустившись на одно колено, подождал Джулию. Она лезла несколько медленно, опустив голову; Иван оперся ногой о выступ, подал ей руку. Девушка вцепилась в нее своими мягкими холодными пальцами, и он потащил ее вверх.

Они выбрались на голый крутой каменистый гребень, но ничего вокруг не успели увидеть. Сразу им в грудь ударил упругий ветер, сверху нахлынули, обволокли все вокруг рваные ключья тумана, стремительная промозглая мокрядь закрыла небо, словно холодным паром окутала их. Правда, туман не был сплошным – в редких его разрывах там и сям мелькали мрачные скалы, далекие синеватые просветы, но рассмотреть местность было нельзя. Тогда они остановились. Джулия прислонилась плечом к выступу скалы. Ветер рвал ее одежду, трепал ее волосы. Стало еще холоднее. Иван развернул на земле потертую, из желтой кожи тужурку, вынул из нее хлеб и шагнул к Джулии.

– О нон... Нет! Я тепло, – сверкнула она на него ожившимися вдруг глазами и вскинула навстречу руку. Иван молча накинул ей на плечи куртку. Девушка, закутавшись в нее, съежилась, вобрала в воротник голову. Он присел рядом.

– Иль панэ – хляб! – поняв его намерение, сказала она и проглотила слюну. Он сперва осмотрел буханку, прикинул на руке, будто определяя вес и ту самую минимальную норму, которую они могли позволить себе в этот раз съесть, и вздохнул: уж очень мизерной оказалась она. Джулия опустилась на землю и подвинулась к нему. Боясь раскрошить буханку, Иван не стал отламывать от нее, а поднял острый обломок камня и, примерившись, начал осторожно отрезать кусочек. Девушка с каким-то радостным умилением в глазах покорно следила за движениями его пальцев, глядя, как он режет и как делит отрезанное пополам, отламывая от

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru одной половины и прибавляя к другой.

– Хорошо?

– Си, си. Карашо.

Снова будто не стало ни стужи, ни усталости. Джулия засияла глазами, с нетерпением ожидая, когда будет разрешено съесть эту пайку. Но Иван с завидной выдержкой еще раз подровнял куски и лишь тогда сказал девушке:

– А ну, отвернись.

Она поняла, не вынимая из-под тужурки рук, быстро повернулась, и он прикоснулся пальцем к кусочку с добавкой:

– Кому?

– Руссо! – с готовностью сказала она и обернулась.

Иван бережно взял маленький кусочек, чуть быстрее схватила второй она.

– Гра... Спасибо, руссо.

– Не за что! – сказал Иван.

– Руссо! – торопливо жуя и кутаясь в тужурку, позвала Джулия. – Как имеется твое имья? Иван, да?

– Иван, – слегка удивившись, подтвердил он.

Она заметила его удивление и, откинув голову, засмеялась:

– Иван! Джулия угодаль! Как ето угодаль?

– Нетрудно угадать.

– Все, все руссо – Иван? Правда?

– Не все. Но есть. Много.

Она оборвала смех, устало вздохнула, крепче запахнула тужурку и украдкой взглянула на остаток буханки. Иван, медленно доедая свой кусок, заметил этот ее красноречивый взгляд и взял буханку, чтобы сунуть ее за пазуху. Но не успел он расстегнуть куртку, как Джулия вдруг ойкнула и в изумлении застыла на месте. Почуввав неладное, он глянул на девушку и увидел на ее лице испуг – широко раскрытыми глазами она уставилась на что-то поверх его головы. Так, с хлебом в руке, Иван обернулся и сразу увидел то, что испугало Джулию.

Поодаль в прогалине, опершись на расставленные руки, сидел на скале страшный гефтлинг. Лысый череп его на тонкой шее торчал из широкого воротника полосатой куртки, на которой чернел номер, а темные глазницы-провалы, будто загипнотизированные, неотрывно глядели на них. Увидев в руках Ивана хлеб, он встrepенулcя и, подпрыгивая на месте, начал хрипло выкрикивать:

– Брот! Брот! Брот!

Потом вдруг оборвал крик, поежился и уже совсем человеческим, полным отчаяния голосом потребовал:

– Гиб брот!

– Ге, чего захотел! – саркастически усмехнулся Иван, глядя на него. Сумасшедший несколько секунд выждал и с неожиданной злобой начал кричать:

– Гиб брот! Гиб брот! ихь бешайне гестапо! Гиб брот! [28]

– Ах, гестапо! – Иван поднялся на ноги. – А ну марш отсюда! Ну, живо!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Он угрожающе двинулся к безумцу, но не успел сделать и нескольких шагов, как тот соскочил со скалы и с удивительной ловкостью отбежал вниз.

– Гиб брот – никс гестапо! Никс брот – гестапо! [29]

– Ах ты собака! – угрожающе закричал Иван. Его охватил гнев, появилось желание догнать гефтлинга, но тот из предосторожности отбежал еще дальше. Заметив, что Иван остановился, он тоже стал.

– Гиб брот!..

Иван сунул руку за пазуху. Немец застыл, ожидая. Иван выхватил пистолет и щелкнул курком.

– Пистоле! – в испуге крикнул сумасшедший и бросился назад.

Иван прикусил губу; сзади к нему подскочила Джулия.

– Дать он хляб! Дать хляб! – испуганно заговорила она.

Сумасшедший между тем отбежал, приостановился и, оглядываясь, быстро зашагал вниз.

– Иван дать хляб! Дать хляб! Нон гестапо! – тревожно требовала девушка.

«Продажная шкура, – думал Иван, злобно глядя на покачивающуюся фигуру немца. – Конечно, с ним шутки плохи – наделает крику и выдаст эсэсманам: что возьмешь с дурака! И убить жалко, и отвязаться невозможно. Придут с собаками, нападут на след – считай, все пропало».

– Эй! – крикнул Иван. – На брот!

Сумасшедший, ухватившись за скалу, остановился, оглянулся, и вскоре сквозь ветер донесся его голос:

– Никт... Ду шиссен! Ихь бешайне гестапо!

И снова подался вниз.

– Пошел к черту! Никс шиссен! На вот... на!

Иван действительно отломил от буханки кусок и поднял его в руке, чтобы сумасшедший увидел. Джулия, стоя рядом, дрожала от стужи и с беспокойством поглядывала на гефтлинга. А тот помедлил немного и опустил на выступ скалы. К ним он подходить боялся.

– Ах ты собака! – снова закричал Иван, теряя терпение. – Ну и черт с тобой! Иди в гестапо. Иди!

– Иван, нон гестапо! Нон, Иван! – затормошила его за руку Джулия. – Дать немножко хляб! Нон гестапо!..

– Черта с два ему хлеб! Пускай идет!

– Он плохо гефтлинг. Он кранк. Он гестапо...

Иван не ответил, положил за пазуху половину буханки, пистолет и пошел на прежнее место, вверх. Джулия молча шла рядом. Он чувствовал, что так обращаться с этим сумасшедшим было опасно, но теперь уже не мог уступить – злобная вспышка оказалась сильнее благоразумия. Джулия изредка оглядывалась, но на них налетела мгла, кроме серого нагромождения скал, кругом ничего не стало видно – внизу и по сторонам стремительно неся, клубился, рвался промозглый туман. Неизвестно было, остался ли гефтлинг на месте или, может, действительно повернул обратно. Заметив на лице девушки тревогу, Иван бросил:

– Никуда он не пойдет. Врет все.

Он успокаивал ее, но сам уверенности в этом не испытывал. Черт знает от каких

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru только мерзавцев зависит жизнь человека! Вот ведь больной, а выжил, прорвался в горы, ускользнул от облавы, убежал из-под пуль. Разве удалось бы это кому-нибудь стоящему? А этот жив и еще замахивается на жизнь других. Просто хотелось заскрежетать зубами от бессильной ярости, вспомнив, сколько самых лучших ребят разных национальностей полегло в лагерях. Но к чему скрежет, надо перетерпеть, перенести все, иначе – смерть!

Они уже двинулись было в обход огромного слоистого выступа, когда Иван оглянулся и сунул руку за пазуху. Джулия также посмотрела назад, но сумасшедшего нигде не было видно. И все же Иван достал кусок хлеба, вернулся и, поискав удобное место, положил его на камень, у которого они недавно сидели.

– Ладно! Пусть подавится! – будто оправдываясь, проговорил он.

Джулия согласно кивнула. Видно, она слишком хорошо знала, что такое предательство.

Глава одиннадцатая

Ветер гнал и гнал бесконечные космы тумана. Куртка на Иване отсырела, дрожь то и дело сотрясала тело. Он часто оглядывался, начиная сомневаться, найдет ли сумасшедший оставленный хлеб. Появилось даже желание вернуться, забрать этот кусок и съесть самому. Чтобы как-то отделаться от навязчивых мыслей, он быстро зашагал дальше.

Вскоре они обошли гигантский выступ, который окаменевшим птичьим хвостом торчал в небе, взобрались выше. Вдруг туманное облако перед ними разорвалось, и беглецы увидели впереди голый каменистый склон и взбегавшую на него тропку. Некруто петляя по камням, она куда-то вела наискось по склону. Тропинка была не очень заметной в этом нагромождении скал, но все же они сразу увидели ее и обрадовались.

Иван первым ступил на нее, оглянулся назад – там, среди прядей тумана, по-прежнему мелькали мрачные скалы, пропасти, кое-где проплывали сизые облака. Вверху, в высоком затуманенном небе, горел освещенный солнцем пятнистый, густо заснеженный хребет. Правда, внимательнее присмотревшись, Иван обнаружил, что хребтов там два: дальний – могучий и широкий, похожий на огромную неподвижную медвежью спину, и ближний – зубчатый, чуть присыпанный снегом, который казался выше всех гор и почти в самое небо упирался крайней своей вершиной. Эта вершина выглядела отсюда самой большой, но Иван уже постиг обманчивый закон гор, когда самая ближняя из вершин кажется и самой высокой. Видно, все же главным тут был тот дальний – Медвежий – хребет, и думалось, что за ним находится желанная цель их побега – партизанский Триест.

Здрав голову, Иван с минуту всматривался вверх, в этот порог на их пути в будущее, страстно надеясь, что погони больше не будет, что самое страшное они преодолели, что люди не встретятся на их пути – теперь им противостояла только природа, для борьбы с которой нужны были лишь сила и выносливость. Затем взглянул на притихшую спутницу, которая, будто зачарованная суровым великолепием гор, также вглядывалась в снежные хребты. И тогда, пожалуй, впервые у него появилась тихая радость оттого, что перед грозной неизвестностью природы он не одинок, что рядом есть человек. Почувствовав душевное удовлетворение, он с легким сердцем произнес любимое с детства слово:

– Айда!

Вряд ли она знала это слово, но теперь настолько созвучны были их чувства, что она поняла его и подхватила:

– Айда!

И они пошли по тропке, что опоясывала голый скалистый косогор. Вверху, в разрывах тумана, неудержимо ярко блеснуло низкое солнце; под его лучами клочья облаков преобразились и ослепительной белизной засияли на склонах гор; по скалам и безднам быстро помчались черные лоскутья теней и, чередуясь с ними, яркие пятна света. Ветер, не утихая, рвал Иванову куртку, надувал штаны. Джулия подняла кожаный воротник тужурки. Они взобрались выше. Освещенные солнцем, отчетливо стали видны черная щель расселины, каменные косогоры, на одном из

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru которых, отбросив длинную тень, стала видна торчащая ребристая скала.

Иван взглянул вниз и остановился: на том месте, где они сидели недавно, топтался безумный гефтлинг.

- Гляди ты – привязался.
- Трачико человек, – сказала Джулия. – Пикатто – жалко!
- Чего жалеть? Сволочь он.
- Он хочет руссо идет. Нон руссо бёзе. Он бояться.
- И правильно делает, – коротко заметил Иван.

Он двинулся дальше, мысленно отмахнувшись от сумасшедшего, хотя иметь сзади такой хвост было не очень приятно. Но что поделаешь с больным – и отогнать не отгонишь, и убежать некуда. Придется, видно, потерпеть так до ночи.

- Иван, – сказала девушка, делая ударение на «и». – Ты не имель зло Джулия?
- А чего мне злиться?
- Ты нон бёзе?
- Можешь не бояться.
- Нон бояться, да? – улыбнулась она.
- Да.

Однако улыбка скоро сбежала с ее усталого лица, которое стало сосредоточенным, видимо отразив невеселый ход ее мыслей.

- Джулия руссо нон бояться. Джулия снег бояться.

Иван, идя впереди, вздохнул: в самом деле, снег и такой скудный запас хлеба все больше начинали беспокоить его. Он подумал уже, что надо было у лесника прихватить еще что-нибудь и обязательно обувь – ведь с голыми ногами было более чем глупо лезть в такой снег. Хотя, как всегда, хорошие мысли появлялись слишком поздно. Вначале они, конечно, не думали, что доберутся до снежных вершин, тогда счастьем казалось ускользнуть от облавы. И так спасибо австрийцу – если бы не он, хлеба у них не было бы. Иван быстро шел по тропке, сбоку по косоугору волочились, мелькали две длинные, до самого низа, тени. Утешать, уговаривать спутницу он не хотел, только сказал:

- Куртка у тебя есть. Чего бояться? Манто не жди.

Девушка вздохнула и, помолчав, вспомнила с грустью:

- Рома Джулия много манто имел. Фир манто – черно, бело...

Он насторожился и замедлил шаг:

- Что, четыре манто?
- Я. Фир манто. Четыре, – уточнила она по-русски.
- Ты что, богатая?

Она засмеялась:

- О, нон богата. Бедна, Политише гефтлинг.
- Ну не ты – отец. Отец твой кто?
- Отэц?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Ну да, фатер. Кто он?

– А, иль падре! – поняла она. – Иль падре – коммерсанте. Директоре фирма.

Он тихо присвистнул – ну и ну! «Не хватало еще, чтобы этот фатер оказался фашистом, вот была бы прогулочка по Альпам!» – подумал он и резко обернулся:

– фатер фашист?

– Си, фашисто, – просто ответила Джулия, живо взглянув в его посуровевшие глаза.
– Командир милито.

Еще лучше! Черт знает что делается на свете! Как говорил Жук – бросишь палку в собаку, попадешь в фашиста.

Он сошел на крап тропинки, дал девушке поравняться с собой и впервые с пробудившимся интересом оглядел ее стройную, складную, хотя и неказисто одетую фигурку. Но, странное дело, эта полосатая, с чужого плеча одежда всей своей нелепостью не могла обезобразить ее врожденного девичьего обаяния, которое проглядывало во всем: и в гибкости и точности движений, и в ласковой приятности лица, и в манере улыбаться – заразительно и радостно. Она покорно и преданно посматривала на него, руки держала сцепленными в рукавах тужурки и привычно постукивала по тропке своими неуклюжими клумпесами.

– А ты что ж... Тоже, может, фашистка? – с внутренней настороженностью спросил Иван.

Девушка, наверно, почувствовала плохо скрытое подозрение и кольнула его глазами.

– Джулия фашиста? Джулия – коммуниста! – объявила она с упреком и с чувством достоинства.

– Ты?

– Я!

– Врешь! – после паузы недоверчиво сказал он. – Какая ты коммунистка!

– Коммуниста. Си. Джулия коммуниста.

– Что, вступила? и билет был?

– О нон. Нон тэсарэ. Формально нон. Моральмэндэ коммуниста.

– А, морально!.. Морально не считается.

– Почему?

Он промолчал. Что можно было ответить на этот наивный вопрос? Если бы каждого, кто назовет себя коммунистом, так и считать им, сколько б набралось таких! Да еще буржуйка, кто ее примет в партию? Болтает просто. Несколько приглушив свой интерес, Иван пошел быстрее.

– У нас тогда считается, когда билет дадут.

– А, Русланд? Русланд иначе. Я понимают. Русланд Советика.

– Ну конечно. У нас не то что у вас, буржуев.

– Советика очэн карашо. Эмансипацио. Либерта. Братство. Да?

– Ну.

– Это очэн, очэн карашо, – проникновенно говорила она. – Джулия очэн, очэн уважалъ Русланд. Нон фашизм. Нон гестапо. Очэн карашо. Иван счастлив свой страна, да? – Она по тропке подбежала к нему и обеими руками обхватила его руку выше локтя. – Иван, как до война жиль? Какой твой дэрэвня? Слюшай, тебя синьорина, девушка, любиль? – вдруг спросила она, испытующе заглядывая ему в

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru глаза. Иван безразлично отвел глаза, но руки не отнял – от ее ласковой близости у него вдруг непривычно защемило внутри.

– Какая там девушка? Не до девчат было.

– Почему?

– Так. Жизнь не позволяла.

– Что, плехо жиль? Почему?

Он вовремя спохватился, что сказал не то. О своей жизни он не хотел говорить, тем более что у нее было, видимо, свое представление о его стране.

– Так. Всякое бывало.

– Ой, неправдо, неправдо, – она хитро скосила на него быстрые глаза. – Любиль много синьорино.

– Куда там!

– Какой твой провинция? Какой место ты жиль? Москва? Киев?

– Беларусь.

– Беларусь? Это провинция такой?

– Республика.

– Република? Это карашо. Италия монархия. Монтэ – горы ест твой република?

– Нет. У нас больше леса. Пуши. Реки, озера. Озера самые красивые, – невольно отдаваясь воспоминаниям, заговорил он. – Моя деревня Терешки как раз возле двух озер. Когда в тихий вечер взглянешь – не шелохнутся. Словно зеркало. И лес висит вниз вершинами. Ну как нарисованный. Только рыба плещется. Щука – во! Что эти горы!..

Он выпалил сразу слишком много, сам почувствовал это и умолк. Но растревоженные воспоминанием мысли упрямо цеплялись за далекий край, и теперь в этом диком нагромождении скал ему стало так невыносимо тоскливо, как давно уже не было в плену. Она, видно, почувствовала это и, когда он умолк, попросила:

– Говори еще. Говори твой Беларусь.

Солнце к тому времени опять скрылось за серыми облаками. На гладкий косогор надвинулась стремительная тень, дымчатые влажные клочья быстро понеслись поперек склона.

Сначала не очень охотно, часто прерываясь, будто заново переживая давние впечатления, он как о чем-то далеком, дорогом и необыкновенном начал рассказывать ей об усыпанных желудями дубравах, о бобровых хатках на озерах, о прохладном березовом соке и целых рощах ароматной черемухи в мае. Давно он не был таким говорливым, давно так не раскрывалась его душа, как сейчас, – он просто не узнавал себя. Да и она с ее неподдельным интересом ко всему родному для него сразу стала ближе, будто они были давно знакомы и только сейчас встретились после долгой нелегкой разлуки.

Наконец он замолчал. Она медленно высвободила его руку и свободнее взяла за шершавые пальцы. Спокойно спросила:

– Иван, твой мама карашо?

– Мама? Хорошая.

– А иль падре – отэц?

Она мечтательно поглядывала на склон и не заметила, как дрогнуло его мгновенно помрачневшее лицо.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Не помню.

– Почему? – удивилась она и даже приостановилась. Он не захотел останавливаться, сцепленные их руки вытянулись.

– Умер отец. Я еще малый был.

– Марто? Умиор? Почему умиор?

– Так. Жизнь сломала.

Она деликатно выпустила его руку, зашла сбоку, ожидая, что он скажет что-то важное, разъяснит то, что она не поняла, но он уже не хотел ни о чем говорить. Через несколько шагов она спросила:

– Иван, обида? Да?

– Какая обида?..

– Ты счастливо, Иван! – не дождавсь его ответа и, видно, поняв это по-своему, серьезно заговорила Джулия. – Твой большой фатерлянд! Такой колоссаль война побеждат. Это большой, большой счастье. Обида – есть маленько обида. Не надо, Иван... .

Он не ответил, только вздохнул, уклоняясь от этого разговора. Действительно, зачем ей знать о том трудном и сложном, что было в его жизни?

Глава двенадцатая

Так думал он, карабкаясь по крутой тропе вверх, уверенный, что поступает правильно. В самом деле, кто она, эта красotka, нелепой случайностью войны заброшенная в фашистский концлагерь? Кто она, чтобы выкладывать ей то трудное, что в свое время отняло столько душевных сил у него? Примет ли ее, пусть и чуткая, честная душа суровую правду его страны, в которой дай бог разобраться самому? Разве что посочувствует. Но сочувствие ему ни к чему, за двадцать пять лет жизни он привык обходиться без него. Поэтому пусть лучше все будет для нее хорошим, именно таким, каким она это себе представляет. И он смолчал.

Отдавсь раздумью, Иван тем не менее шел быстро и не замечал времени. Джулия, поняв, что задела слишком чувствительную струну в его душе, тоже умолкла, немного приотстала, и они долго молча взбирались по склону. Между тем на величественные громады гор спустился тревожный ветреный вечер. Горы начали быстро темнеть, сузились и без того сжатые тучами дали: исчез серебристый блеск хребта – туманное марево без остатка поглотило его. На фоне чуть светлого неба чернели гигантские близнецы ближней вершины, а за ней – другая, пониже. В седловине, вероятно, был перевал, туда и вела тропа.

Обычно вечер угнетающе действовал на Ивана. Ни днем, ни ночью, ни утром не было так тоскливо, так бесприютно, тревожно и тягостно, как при наступлении сумерек. Со всей остротой он почувствовал это в годы войны, да еще в плену, на чужой земле – в неволе, в голоде и стуже. Вечерами особенно остро донимало одиночество, чувство незащитности, зависимости от злой и неумолимой вражеской силы. И нестерпимо хотелось мира, покоя, родной и доброй души рядом.

– Иван!.. – неожиданно позвала сзади Джулия. – Иван!

Как всегда, она сделала ударение на «и», это было непривычно, вначале даже пугало, будто поблизости появился еще кто-то кроме них двоих. Иван вздрогнул и остановился.

Ничего больше не говоря, Джулия молча плелась между камнями, и он без слов понял, в чем дело. Сразу видно было, как она устала, да и сам он чувствовал, что необходимо отдохнуть. Но в этой заоблачной выси стало нестерпимо холодно, бушевал, рвал одежду, гудел в расщелинах ошалелый ветер. Зябли руки, а ноги совсем околели от стужи. Холод все крепчал, усиливался к ночи и ветер. Всей своей жестокой силой природа обрушивалась на беглецов. Иван спешил, хорошо понимая, что ночевать тут нельзя, что спасение только в движении, и если

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru они в эту ночь не одолеют перевала, то завтра уже будет поздно.

– Иван, – сказала, подойдя, Джулия, – очэн, очэн уставаль.

Он переступил с ноги на ногу – ступни болели, саднили, но теперь он старался не замечать этого и озабоченно посмотрел на Джулию.

– Давай как-нибудь... Видишь, хмурится.

Из-за ближних вершин переваливалась, оседая на склонах, густая темная туча. Небо постепенно гасило свой блеск, тускло померцала и исчезла в черной мгле крошечная одинокая звезда; все вокруг: скальные громады, косогоры, ущелья и долины – заволокла серая наволочь облаков.

– Почему нон переваль? Где ест переваль?

– Скоро будет. Скоро, – обнадеживал девушку Иван, сам не зная, как долго еще добираться до седловины.

Они снова двинулись по едва приметной в каменистом грунте тропинке. Иван боялся теперь потерять спутницу и, прислушиваясь к привычному стуку ее колодок, шел несколько медленнее. На крутых местах он останавливался, ждал девушку, подавал ей руку и втаскивал наверх, сам при этом еле удерживая в груди сердце. А ветер бешено трепал одежду, тугими толчками бил то в спину, то в грудь, затрудняя дыхание, свистел в камнях, часто меняя направление – даже не понять было, откуда он дует.

Вскоре совсем стемнело, громады скал слились в одну непроглядную массу, черное, беспросветное небо сомкнулось с горами. Стало так темно, что Иван то и дело оступался, наткнулся на камни, несколько раз больно ушиб ногу, и тогда впервые им овладело беспокойство – где тропа? Он согнулся, внимательно взгляделся, попробовал наступать тропу ногами, но кругом были одни камни, и он понял, что они заблудились.

Выпрямившись, он отвернулся от ветра и стал ждать, пока подойдет девушка. Когда та доковыляла до него, Иван бросил: «Постой тут!» – а сам пошел в сторону. Джулия восприняла это молча, почти равнодушно, сразу опустилась на камень и скорчилась от холода. Он же, сдерживая в душе тревогу, отошел еще дальше, всматриваясь под ноги и время от времени ощупывая землю ногами, – тропы не было. Постепенно в воздухе что-то замерцало, он протянул руку и понял: это пошел снег. Мелкая редкая крупа косо неслась из ветреной черной мглы, понемногу собираясь в ямках и щелях. Иван стоял, вглядываясь в темноту, и напряженно думал, что делать дальше. Снег сгустился, внизу постепенно светлело, и вдруг он увидел неподалеку извилину потерянной тропы.

– Эй, Джулия! – тихо позвал он.

Девушка почему-то не откликнулась. Он, продрогнув, с растущей досадой в душе ждал. «Что она там, заснула? Вот еще дал бог попутчицу! По бульварам с такой прогуливаться», – сердился он. А ветер по-прежнему люто бился о скалы, снежная крупа густо сыпала с неба, шуршала по камням; наконец зашлись от холода ноги. Руки он спрятал в рукава; за пазухой жег тело настывший пистолет.

– Эй, Джулия!

Она не ответила, и он, выругавшись про себя, с неохотой, ступая на мокрые холодные камни, пошел туда, где оставил ее.

Джулия сидела на камне, скорчившись в три погибели, прикрыв колени тужуркой. Она не отозвалась, не поднялась при его приближении, и он, предчувствуя недоброе, остановился перед ней.

– Финита, Иван! [30] – тихо проговорила она, не поднимая головы.

Он промолчал.

– Как это финита? А ну вставай!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Нон вставай. Нет вставай.

– Ты что, шутишь?

Молчание.

– А ну поднимайся! Еще немного – и перевал. А вниз ноги сами побегут.

Молчание.

– Ну, ты слышишь?

– Финита. Нон Джулия марш. Нон.

– Понимаешь, нельзя тут оставаться. Закоченеет. Видишь, снег.

Однако слова его на девушку не производили никакого впечатления. Иван видел, что она изнемогла, и начал понимать бесполезность своих доводов. Но как заставить ее идти? Подумав немного, он достал из-за пазухи помятую краюшку хлеба и, отвернувшись от ветра, бережно отломил кусочек мякиша.

– На вот хлеба.

– Хляб?

Джулия встрепенулась, сразу подняла голову. Он сунул ей в руки кусочек, и она быстро съела его.

– Еще хляб!

– Нет, больше не дам.

– Мале, мале хляб. Дай хляб! – как дитя, жалобно попросила она.

– На перевале получишь.

Она сразу замкнулась и съежилась.

– Нон перевал!

– Какой черт «нон»?! – вдруг закричал Иван, стоя напротив. – А ну вставай! Ты что надумала? Замерзнуть? Кому ты этим зло сделаешь? Немцам? Или ты захотела им помочь: в лагерь вернуться? Ага, они там тебя давно ждут! – кричал он, захлебываясь от ветра.

Она, не меняя положения, вскинула голову:

– Нон лагерь!

– Не пойдешь в лагерь? Куда же ты тогда денешься?

Она замолчала и снова поникла, сжалась в маленький живой комочек.

– Замерзнешь же! Чудачка! Загнешься к утру, – смягчившись, сказал он.

Ветер сыпал снежной крупой, крутил вверху и между камнями. Хотя снег был мелкий, все вокруг постепенно светлело, стала заметна тропа, и проглядывались изломы камней. Без движения, однако, тело быстро остывало и содрогалось от стужи, переносить которую становилось уже не в состоянии.

– А ну вставай! – Иван рванул ее за тужурку и по-армейски сурово скомандовал: – Встать!

Джулия, помедлив, поднялась и тихо поплелась за ним, хватаясь за камни, чтобы не упасть. Иван, насупившись, медленно шел к тропе. Он уже начал думать, что все как-нибудь обойдется, что самое худшее в таком состоянии сбиться с ритма, хотя бы присесть, и тогда потребуется значительно больше усилий, чтобы встать. Вдруг уже возле самой тропы сильный порыв ветра стеганул по лицам снежной крупой и так

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ударил в грудь, что они задохнулись. Джулия упала.

Иван попытался помочь ей подняться, взял девушку за руку, но она не вставала, закашлялась и долго не могла отдышаться. Наконец, сев на камень, тихо, но твердо, как об окончательно решенном, сказала:

– Джулия финита. Аллес! Иван Триесте. Джулия нон Триесте.

– И не подумаю.

Иван отошел в сторону и тоже сел на выступ скалы.

– А еще говорила, что коммунистка, – упрекнул он. – Паникер ты!

– Джулия нон паникор! – загорячилась девушка. – Джулия партиджано.

Иван уловил нотки обиды в ее голосе и ухватился за них. «Может быть, это растревожит ее», – подумал он.

– Трусиха, кто ж ты еще?

– Нон трусиха, нон паникор. Силы мале.

– А ты через силу, – уже мягче сказал он. – Знаешь, как однажды на фронте было? На Остфронте, куда ты собиралась. Окружили нас немцы в хате. Не выйти. Бьют из автоматов в окна. Кричат: «Рус, сдавайсь!» Ну комвзвод наш Петренко тоже говорит: «Аллес капут». Взял пистолет и бах себе в лоб. Ну и мы тоже хотели. Вдруг ротный Белошеев говорит: «Стой, хлопцы! Застрелиться и дурак сумеет. Не для того нам Родина оружие дала. А ну, – говорит, – на прорыв!» Выскочили мы все в дверь, да как ударили из автоматов и кто куда – под забор, в огороды, за угол. И что думаешь: вырвались. Пятеро, правда, погибли. Белошеев тоже. И все же четверо спаслись. А послушались бы Петренко, только бы на руку немцам сыграли: никого и стрелять не надо, бери и закапывай.

Джулия молчала.

– Так что, пошли?

– Нон.

– Ну какого черта? – весь дрожа от холода, начал терять терпение Иван. – Замерзнешь же, глупая. Стоило убежать, столько лезть под самое небо?

Она продолжала молчать.

– На кой черт тогда они себя подорвали! – сказал он, вспомнив погибших товарищей. – Надо, чтоб хоть кто-нибудь уцелел. А ты уже и скисла.

Он вскочил, чувствуя, что насквозь промерз на ветру, зашагал по тропе – на сером снегу отпечатались темные следы его босых ног. Хорошо еще, что не было мороза, иначе им тут верная смерть. Минуту спустя он решительно остановился напротив Джулии.

– Так не пойдешь?

– Нон, Иван.

– Ну как хочешь. Пропадай, – сказал он и тут же потребовал: – Снимай тужурку.

Она слабо зашевелилась, сняла с себя тужурку, положила ее на камень. Потом сбросила с ног колодки и поставила их перед ним. Иван застывшей ногой отодвинул колодки в сторону:

– Оставь себе... В лагерь бежать.

А сам напялил на широкие плечи тужурку, запахнулся, сразу стало теплей. Он чувствовал, что между ними что-то навсегда рушится, что нельзя так относиться к женщине, но у него теперь прорвалась злость к ней, казалось, будто она в чем-то

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru обманула его, и потому невольно хотелось наказать ее. Мысленно выругавшись, он, однако, почуствовал, как нелегко уйти, расставание оказалось до нелепости грубым, хотя он старался заглушить все это злостью. И все же он не мог не понимать, что Джулии было очень трудно и что она по-своему была права, так же как в чем-то был несправедлив он, – Иван чувствовал это, и его злость невольно утихла.

Он сделал шага два по тропинке и повернулся к ней.

– Чао! – сжавшись на камне, тихо и, похоже, совсем безразлично сказала она. Это слово сразу напомнило ему их вчерашнюю встречу, и тот радостный блеск в ее сверкающих глазах, удививший его в лесу, и ее безрассудную смелость под носом у немцев, и Ивану стало не по себе. Это не было ни жалостью, ни сочувствием – что-то незнакомое защемило в груди, хотя вряд ли он мог в чем-нибудь упрекнуть себя и, пожалуй, ничем не был обязан ей. «Нет, нет! – сказал он себе, заглушая эту раздвоенность. – Так лучше!» Одному легче уйти, это он знал с самого начала. Ему вообще не надо было связываться с ней, теперь у него на плечах тужурка, немного хлеба – на одного этого хватит дольше, он будет экономить – съедать по сто граммов в день. Один он все стерпит, перейдет хребет, если бы даже пришлось ползти по пояс в снегу. Он доберется в Триест, к партизанам. Зачем связываться с этой девчонкой? Кто она ему?

Он торопливо взбежал на крутизну, будто спеша отрешиться от мыслей о ней, брошенной там, внизу, но совладать со смятением своих чувств так и не смог. Что-то подспудное в нем жило иной логикой, ноги сами замедлили шаг, он оглянулся раз, другой... Джулия едва заметным пятном темнела на склоне. И ее покорная беспомощность перед явной гибелью вдруг сломала недавнее его намерение. Иван, сам того не желая, обернулся и, не преодолев чего-то в себе, побежал вниз. Джулия, услышав его, вздрогнула и испуганно вскинула голову:

– Иван?

– Я.

Видимо догадываясь о чем-то, она насторожилась:

– Почему?..

– Давай клумпес!

Она покорно вынула из колодок ноги, и он быстро насунул на свои застывшие ступни эту немудреную обувь, в которой еще таилось ее тепло. Затем скинул с себя тужурку:

– На. Надевай.

Все еще не вставая с места, она быстро запахнулась в тужурку, он, помогая, придерживал рукава и, когда она оделась, взял девушку за локоть:

– Иди сюда.

Она упрямо отшатнулась, вырвала локоть и застыла, уклонившись от его рук. Из-под бровей испытующе взглянула ему в лицо.

– Иди сюда.

– Нон.

– Вот мне еще «нон»...

Одним рывком он схватил ее, вскинул на плечо, она рванулась, как птица, затрепетала, забилась в его руках, что-то заговорила, а он, не обращая на это внимания, передвинул ее за спину и руками ухватил под колени. Она вдруг перестала биться, притихла, чтоб не упасть, торопливо обвила его шею руками, и он ощутил на щеке ее теплое дыхание и горячую каплю, которая, зачекотав, покатила к нему за воротник.

– Ну ладно. Ладно... Как-нибудь...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Неожиданно обмякнув, она прильнула к его широкой спине и задохнулась. Он и сам задохнулся, но не от ветра – от того незнакомого, повелительно-кроткого, величавого и удивительно беспомощного, что захлестнуло его, хлынув из неизведанных глубин души. Недавнее намерение бросить ее теперь испугало Ивана, и он, тяжело погромыхая колодками, полез к перевалу.

Глава тринадцатая

Снежная крупа уже густо обсыпала шершавые камни. Деревяшки скользили по ним на очень крутых местах, и, чтобы не упасть с ношей, Иван старался идти боком, как лыжник при подъеме на склон. Сначала он не чувствовал тяжести ее маленького тела – слегка поддерживая ее за ноги и согнувшись, упорно лез вверх. Но скоро порыв его все же ослабел, появилось желание остановиться, выпрямиться, вздохнуть – в груди не хватало воздуха. Правда, он согрелся, разгоряченному телу нипочем стал горный ветер, внутри тоже горело, от удушья раздирало легкие.

Перевал, пожалуй, был близко – подъем постепенно выравнивался, тропинка уже не петляла по заснеженному скалистому взлобью. Справа возвышалось что-то серое очевидно громада другой горы. Значит, они уже добрались до седловины. Ветер по-прежнему безумствовал в своей неумейной ярости, вокруг, будто в невидимой гигантской трубе, выло, стонало, даже звенело – впрочем, звенело, возможно, в ушах. Мороз, очевидно, крепчал. От стужи больше всего доставалось рукам и коленям. Хорошо еще, что не было мокряди, крупчатый снег не задерживался на одежде, ветер больно сек им лицо.

Надо было отдохнуть, но Иван чувствовал, что если присядет, то наверняка больше уже не встанет. И он брел час или больше, медленно поднимаясь по извилистой тропке. Джулия молча прижималась к нему – он чутко ощущал ее движения и, странное дело, несмотря на усталость, на недавний спор и досаду, чувствовал себя хорошо. Только бы хватило силы, он нес бы ее так, покорно припавшую к нему, далеко, далеко.

Когда уже стали подкашиваться ноги и он испугался, что упадет, из снежной, мятущейся мглы выплыл огромный черный обломок скалы. Иван свернул с тропки и, скользя по камням колодками, направился к нему. Джулия молчала, крепко прижимаясь щекой к его шее. Возле камня Иван повернулся и прислонил к нему девушку. Руки ее под его подбородком разнялись, плечам стало свободнее, и только тогда он почувствовал, какая она все же тяжелая.

– Ну как? Замерзла?

– Нон, нон.

– А ноги?

– Да, – тихо сказала она. – Нёги да.

Все время она казалась необычно тихой, будто в чем-то виноватой перед ним. Он чувствовал это, и ему хотелось как-то по-хорошему, ласково успокоить ее. Только Иван не знал, как это сделать, у него просто не находилось слов, и потому внешне он по-прежнему оставался сдержанным.

Не оборачиваясь, Иван нащупал руками ее ноги. Они совсем околели – были холоднее, чем пальцы его рук. От его прикосновения она тихо вскрикнула и рванула ноги к себе.

– Э, так нельзя!

Она, видно, не поняла его, а он удобнее посадил ее на камень и набрал с земли пригоршню снежной крупы.

– А ну давай разотрем.

– Нон, нон.

– Давай, чего там «нон», – незлобиво, но настойчиво сказал он, взял одну ногу, зажал ее в своих коленях, как это делают кузнецы, подковывая лошадей, и стал

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru тереть ее снегом. Джулия дернулась, заохала, застонала, а он засмеялся.

– Ну что? Щекотно?

– Болно! Болно!

– Потерпи. Я тихо.

Как можно бережнее он растер одну ее маленькую, почти детскую, стопу, потом принялся за другую. Сначала девушка ойкала, потом, однако, притихла.

– Ну как, тепло? – спросил он, выпрямляясь.

– Тепло, тепло. Спасибо.

– На здоровье.

Она укутала ноги полами тужурки, а он, на минуту прислонившись спиной к настывшему камню, выровнял дыхание. Но без движения сразу стало холодно, ветер насквозь пронизывал его легкую куртку, почти не державшую тепла.

– Хлеба хочешь? – спросил он, вспомнив их прежний разговор внизу.

– Нон, – сразу же ответила она. – Джулия нон хляб. Иван эссен хляб.

– Так? Тогда побережем. Пригодится, – сказал Иван, и они почти одновременно проглотили слюну. Чувствуя, что замерзает, он с усилием заставил себя встать и подставил ей спину:

– Ну, берись!

Молча, с готовностью она обхватила его за шею, прижалась, и ему сразу стало теплее.

– Иван – тихо сквозь ветер сказала она, дохнув теплом в его ухо. – Ду вундершон[31].

Она уже несколько освоилась у него на спине, осмелела, чувствуя к себе его расположение, спросила:

– Руссо аллес, аллес вундершон! Да?

– Да, да, – согласился он, так как говорить о себе не привык, к тому же тропинка, казалось, вот-вот выведет их на пологое место, и он хотел одолеть крутизну как можно быстрее.

– Правда, Иван хотель пугат Джулия? Да? Иван нон бросат?

Он смущенно усмехнулся в темноте и с уверенностью, в которую сам готов был поверить, сказал:

– Ну конечно...

– Тяжело много, да?

– Что ты! Как пушинка.

– Как это – пушинка?

– Ну, пушок. Такое маленькое перышко.

– Это малё, малё?

– Ну!

Он шел по тропинке, хорошо обозначившейся на свежем снегу. Его шею сзади забавно щекотало теплое дыхание девушки. Гибкие тонкие пальцы ее вдруг погладили его по груди, и он слегка вздрогнул от неожиданной ласки.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ты научит меня говорить свой язык?

– Белорусский?

– Я.

Он засмеялся: такой странной тут показалась ему эта просьба.

– Обязательно. Вот придем в Триест и начнем.

Эта мысль вдруг вызвала в нем целый рой необыкновенно радостных чувств. Неужто и в самом деле им посчастливится добраться до Триеста, найти партизан? Если бы это случилось, они бы ни за что не расстались – пошли бы в один отряд. Как это важно на чужой земле – родной человек рядом! Иван уже ощутил ее ласковую привязанность к нему, ее присутствие здесь уже не казалось ему нежеланным или обременительным. Только теперь, пробыв с нею эти два дня, он почувствовал, как одиноко прожил все годы войны – солдатское товарищество тут было не в счет. Ее теплота и участие чем-то напоминали сестринское, даже материнское, когда не нужны были особенные слова, – одно ощущение ее молчаливой близости наполняло его тихой радостью.

Они вошли в седловину, по обе стороны которой высились склоны вершин. Тропинка еще немного попетляла между ними и заметно побежала вниз. В ночной темени сыпал редкий снежок.

– Переваль? – встрепенулась на его спине Джулия.

– Перевал, да.

– О Мадонна!

– Ну а ты говорила: капут! Видишь, дошли.

Он остановился, нагнулся, чтобы взять ее поудобнее, но она рванулась со спины:

– Джулия будет сам. Данке, грацие, спасибо!

– Куда ты рвешься? Сиди!

– Нон сиди. Иван усталь.

– Ладно. С горы легко.

Он не отпускал ее ног, и девушке, чтобы не свалиться, снова пришлось обхватить его шею. Она припала щекой к его остывшему плечу и пальцами шутиливо потрепала давно не бритый шершавый подбородок.

– О, риччо? Еож! Колуча.

– В Триесте побреемся.

– Триесте!.. Триесте!.. – мечтательно подхватила она. – Партиджан Триесте. Иван, Джулия тэдэско тр-р-р, тр-р-р. Фашисто своляч!

Он со сдержанной усмешкой слушал ее, старательно выбирая в темноте дорогу. Однако спускаться было ненамного легче, чем идти в гору. Колодки часто скользили; от постоянного напряжения начали ныть колени; в груди, правда, стало свободней. Все время рискуя упасть, он изо всех сил держался на ногах и где скорым шагом, а где и бегом стремительно спускался с перевала. Джулия на его спине то и дело испуганно вскрикивала:

– О, о, Иван!

– Ничего. Держись!

Ветер тут почему-то стал тише, и оттого, казалось, потеплело. Куда вела тропа и что их ждало впереди, увидеть было невозможно.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Через некоторое время ветер почти стих, перестали мелькать снежинки, повсюду, насколько было видно, теснились заporошенные снегом скалы. Тропа кидалась то вправо, то влево, причудливо изгибаясь на каменных склонах, которые тут стали более пологими, чем на той стороне перевала. Чувствуя сильную усталость, Иван пошел ровнее, не оглядываясь и только стараясь не сбиться с тропы. Джулия почему-то умолкла. Однажды он попробовал заговорить с нею, но девушка не ответила.

Незаметно задремав у него за спиной, она мерно посапывала, руки ее мягко и нежно лежали на его плечах. Тужурка, видимо, распахнулась, и сзади на своих острых лопатках Иван почувствовал мягкое тепло ее груди. Как назло, в правую колодку его попал камешек. Раза два Иван, не нагибаясь, повертел ногой, но не смог вытряхнуть его. Идти было очень неудобно. Однако Иван не стал будить Джулию – зашагал медленнее и так еще долго шел вниз. Кажется, он и сам задремал на ходу – вдруг перестал понимать, где находится и кто у него за спиной. Но это длилось всего несколько коротких секунд, он тут же пришел в себя, почувствовал ее дыхание и успокоился. Вокруг по-прежнему толпились мрачные утесы с пятнами подтаявшего снега на склонах. Откуда-то снизу потянуло сыростью, порой доносился смолистый запах хвойного леса, где-то далеко сбоку шумел водопад – очевидно, там было ущелье.

Под утро они спустились в зону лугов.

Снежные пятна вокруг разом исчезли, будто растаяли; стих ветер, стало тепло, только в воздухе прибавилось сырости; по камням из долины поползли влажные клочья тумана. Еще ниже на них пахло устоявшимся ароматом трав, цветов, густым хвойным настоем, и он понял – самое трудное позади. Тропа где-то пропала, но идти было легко. Пройдя еще немного, Иван почувствовал под ногами густую мягкую траву и подумал, что вот-вот упадет. Высокие, до коленей, стебли тугими бутонами цветов хлестали его по ногам. Джулия спокойно спала. Тогда он тихонько, чтоб не разбудить девушку, встал на колени и осторожно опустился вместе с ней на бок.

Она не проснулась.

Глава четырнадцатая

Против обыкновения в этот раз ему не приснился его всегдашний тревожный сон. Несколько часов он спал беспробудно и глубоко, потом призрачная смесь бреда и реальности завладела его сознанием.

В двадцать пять лет юность уже на отлете, многого из простых человеческих радостей уже не вернуть и не пережить, если не пришлось пережить их в прежние годы, и в этом смысле люди, пожалуй, достойны большего, чем то, что приготовила судьба Ивану Терешке. Правда, он редко задумывался над этим, было не до погони за счастьем – дома приходилось заботиться о том, чтобы как-то прожить, встать на ноги; позже, во время войны, понятное дело, куда большие заботы волновали его. Было не до любви. Он не знал женщины и все же, как это часто случается в молодости, к обычным взаимоотношениям парней и девчат относился скептически.

Года два назад на Северо-Западном фронте Иван был ранен одновременно со своим ротным – старшим лейтенантом Глебовым, у которого служил ординарцем.

Ранило их в лесу, когда ротный шел на совещание к командиру полка. Сжав свое рассеченное осколком плечо, Терешка кое-как выволок командира из-под огня, перевязал, потом по снегу дотащил до дороги, где их и подобрали обозники. Иван при своей легкой ране чувствовал себя сносно, а вот с ротным дело было намного хуже. Старший лейтенант потерял много крови, почти не говорил, только попросил, чтобы его сразу отправили в госпиталь, минуя дивизионный санбат. Ординарец понимал беспокойство офицера: Глебов не хотел расстраивать Анюту – тоненькую, с широко раскрытыми глазами девочку, недавнего санинструктора их роты, ставшую медсестрой санбата. Все в роте знали, что у них с Глебовым не просто игра, а самая настоящая любовь – именно поэтому ротный накануне добился перевода ее в санбат, где было все же потише, чем на передовой. Автоматчики роты по-своему тоже любили девушку – уважая ротного, уважали и его любовь. У ординарца же было свое отношение к ней – видимо, потому, что ближе других был к Глебову, он привязался и к Анюте, как к младшей сестре, а может, даже и больше.

Случилось, однако, так, что миновать санбат было нельзя. Где уж там везти

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru раненого в тыловой госпиталь, когда Иван испугался, успеют ли доставить хотя бы в санбат. Кони быстро неслись по наезженной санной дороге, а Иван все покрикивал на ездового – пожилого нерасторопного бойца в двух шинелях поверх телогрейки, – чтобы тот погонял быстрее. Глебов стал забываться, бредил, ругался. Ординарца он уже не узнавал, как не узнал и Анюту, которая с криком упала на сани, когда они подъехали к большой брезентовой палатке санбата.

Иван на всю жизнь запомнил тот вечер, звездное морозное небо, мрачные ели, привычный запах дыма, тихий гомон людей в палатке и больше всего – неутешное горе Анюты. Ее не пускали в операционную, хотя она рвалась туда и плакала. Иван тоже сидел у входа, забыв о собственной боли, ловил от выходящих сестер каждую весточку о состоянии ротного. Вести были неважные – оперировали старшего лейтенанта долго и трудно, переливали кровь, бегали за физиологическим раствором. Иван ждал, Анюту не утешал – самому было тяжело, только курил, пока не опустел, кисет.

Глебов умер во время операции. Ему не успели даже наложить швы.

Внезапное горе будто испепелило что-то в душе Ивана. Он и сам не думал, что так тяжело будет переживать эту смерть. Видимо, его переживания усиливались при виде чужого несчастья. Анюта несколько дней не являлась на дежурство, и никто ее не осуждал за это. Наоборот, раненые, лежа на походных кроватях-носилках в огромной, как рига, палатке, с уважением отнеслись к ее горю. Только Иван молчал и думал. Тогда-то у него, очевидно, и зародилось особое чувство к ней. Нет, это новое чувство не было любовью: то, что он чувствовал к девушке, скорее напоминало глубокое уважение, и только.

За долгие зимние вечера, проведенные в санбате, он, пожалуй, вовсе разучился шутить, улыбаться, только бесконечно дымил моршанской махоркой, глядя на сияющее мельканье в печи, сооруженной из железной бочки, которую докрасна накаливал санитар Ахметшин. С Анютой после памятного вечера они почти не разговаривали, и без того хорошо понимая душевное состояние друг друга. Приступив после недолгого перерыва к дежурству, она потеряла свою всегдшнюю живость, стала не по годам задумчивой и строгой. Общее горе роднило их. Иван кое в чем помогал ей в палатке, никогда ни словом не обмолвившись об их переживаниях, и она была благодарна ему.

Обычно поздно вечером, управившись с делами, Анюта присаживалась к нему на койку и тоже смотрела на огонь; кто-нибудь в это время рассказывал в темном углу трудный фронтальный случай или что-либо повеселее из довоенного прошлого. И было так хорошо.

Но время шло, раненые в санбате менялись; одних эвакуировали дальше в тыл, других, подлечив, выписывали на передовую. И вот однажды небольшая на первый взгляд перемена сразу нарушила мирный покой этой палаты.

Как-то после обеда, когда Иван принялся собирать грязные котелки, чтобы отнести их на кухню, у входа в палатку послышались голоса, топот ног, и двое санитаров втащили носилки с раненым. На носилках под полубком лежал молодой командир с двумя шпалами в черных петлицах (оказалось потом, что он из танковой части, которая поддерживала их дивизию). Майора начали устраивать в углу, всем распоряжался сам комиссар санбата. Иван, унося на кухню посуду, невольно удивился такому вниманию к раненому. Когда же он вернулся, майор уже сидел на носилках. Согревшись, он сбросил с себя овчинную безрукавку, из-под нее на широкой груди танкиста заблестели шесть орденков. Раненые в палате притихли, с любопытством повернув головы в его сторону.

Майор оказался бойким, общительным человеком, легко раненным в обе ноги. Он попусту не глядел в потолок, как другие в первые дни после ранения, а быстро перезнакомился с бойцами и санитарями, сразу стал на дружескую ногу с сестрами, обращаясь со всеми просто и весело. Через день-два к нему зачастили дружки-сослуживцы. Иногда заходило начальство. При всей своей завидной общительности командир вскоре, однако, потребовал устроить в углу перегородку. Ребята не удивились – все же он был майор, и потому понятным стало его желание как-то отделиться от бойцов, хотя это и не было принято в палате для легкораненых. Просьбу майора уважили: в углу появилась обвешанная простынями боковушка, и с тех пор самое интересное в палате происходило за этой ширмой.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Иван начал хмуриться, порой подавлял в себе, казалось бы, беспричинную злость, глядя, как повеселела, оживилась Аня, как нет-нет да и забежит по какому-нибудь делу в эту боковушку. Майор тоже заметил шустрю сестру и всяческими знаками внимания начал выделять ее среди остальных. Однажды вечером она дольше обычного задержалась у него, майор что-то все говорил ей о музыке, о какой-то опере. Аня слушала, переспрашивала и вообще с чрезмерным интересом отнеслась к его рассказу. Даже опоздала с докладом к дежурному, за что получила выговор.

С того вечера она стала еще веселее, с беззаботной ловкостью носилась по проходу между носилками, шутила с бойцами и даже запела как-то: «Синенький скромный платочек». Очевидно, она так бы и не догадалась о степени своего вероломства, если бы в эту минуту не взглянула на Ивана. Видно, взгляд попал ей в самое сердце – Аня запнулась, выпустила из рук моток бинта и, не подняв его, выбежала из палаты. Он, разумеется, ничего не сказал ей, только думал: это не так, не может она так, он ошибается, ему все кажется! Чужая любовь незаживающей раной постоянно ныла в его душе, и Иван, как умел, оберегал ее, страдал из-за нее, как, может быть, не смог бы страдать из-за своей, которой у него еще не было.

Но, видно, он ошибался, успокаивая себя. Вскоре Иван заметил, что Аня избегает его, не хочет даже встречаться взглядом, что ее настойчиво тянет туда, за простыни.

Иван еще больше замкнулся, похудел, начал реже ходить за дровами, и в палате помогать Ахметшину стали другие выздоравливающие.

Так прошло еще несколько дней.

Однажды Аня делала майору укол. Было утро, слабо брезжил рассвет, и по ту сторону занавесок мигала «катуша». Чутко прислушиваясь к каждому движению в боковушке, Иван еловым венником выметал земляной проход в палатке, как вдруг увидел на простынях две тени. Видно было, как Аня рванулась из мужских цепких рук, но затаилась, не крикнула. Иван кое-как домел пол, потом, потеряв всякий интерес к окружающему, лег на крайний в темном углу матрац и долго лежал так, погруженный в себя. Когда же утренняя суeta улеглась, он собрал свою одежду, завязал вещмешок и, ни с кем не простившись, вышел на дорогу.

К обеду он был уже в роте.

Старшина, который на другой день ездил в медсанбат за его продаттестатом, рассказал о непонятной выходке Терешки. Ребята немного позубоскалили и успокоились, а Иван долго еще молчал в темной землянке. Разве мог кто догадаться, что происходило в его душе! Рана на плече постепенно зажила, а тоска от поруганной чужой любви осталась, и Иван думал, что девчата не для него.

Глава пятнадцатая

Первым его ощущением реальности было тепло.

Даже не тепло, а жара, скорее духота. Чудилось, будто лежит он на носилках в медсанбате, возле бочки-печки, которую так немилосердно накалил Ахметшин. Пекло не только ноги, больше голову и плечи. Иван чувствовал на себе липкую мокроту пота. Ему очень хотелось пить, повернуться, чем-то заслониться от этого изнуряющего зноя. Но сонливая усталость овладела им так сильно, что он не мог даже раскрыть глаз.

Так он томился в дремоте, и сон постепенно начал отступать. Иван потянулся, откинул руку и неожиданно ощутил росистую прохладу травы. Он с усилием раскрыл глаза, и первое, что увидел, был ярко-красный цветок возле лица, робко и доверчиво подставлявший солнцу свои четыре широких глянцевитых лепестка, на краю одного из которых рдела-искрилась готовая вот-вот сорваться прозрачная, как слеза, капля. Легкий утренний ветерок тихо раскачивал его длинную тонкую ножку; где-то поодаль, в пестрой густой траве, сонно гудела оса. Вскоре, однако, басовитое жужжание оборвалось, и тогда Иван понял, что вокруг стояла полная, всеобъемлющая тишина. От тишины он давно отвык, она пугала; не понимая, где он, Иван рванулся с земли, широко раскрыл покрасневшие после сна глаза и радостно удивился невиданной, почти сказочной красоте вокруг.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Огромный луговой склон в каком-то непостижимом солнечном блеске безмятежно сиял широким разливом альпийских маков.

Крупные, лопушистые, не топтанные ногой человека цветы, взращенные великой щедростью матери-природы, миллионами красных бутонов переливались на слабом ветру, раздольно устремляясь вниз, на самый край горного луга. Иван бросил взгляд дальше, вперед, куда предстояло идти, и невольная радость его исчезла. Далеко за долиной снежными разводами светлел все тот же массивный Медвежий хребет. Он был куда выше пройденного, который двумя близнецами-вершинами высился позади; огромная тень от него прозрачной сиреневой дымкой накрывала половину широкой долины. Не заслоненный теперь ничем, этот великан оставался таким же далеким, сияющим и недоступным, как и вчера.

И тут Иван встрепенулся: только теперь до его сознания дошел тревожный смысл тишины – где Джулия? Он снова огляделся – вокруг никого не было, рядом на примятых маках одиноко валялась тужурка. Но первая тревога его тут же исчезла – пистолет и обломанная треть буханки, прикрытые, очевидно, от солнца рукавом тужурки, лежали в траве. Тогда он вскопился на ноги, его лихорадочный взгляд заметался по склону. Где она? Неужели?.. В душе возникла недобрая догадка, но он не мог поверить в нее. Почему не мог, он не знал, только не хотел – он жаждал видеть, слышать, чувствовать ее рядом. Одиночество внезапно поразило его хуже всякой неудачи.

Он схватил пистолет, хлеб, сунул под мышку тужурку и бросился по траве вниз. Влажные бутоны били по его распухшим и сбитым ногам. Он оглянулся, вспомнив про колодки, но их не было. Тогда он опять быстро зашагал по лугу, шаркая ногами в сплошных зарослях маков, отошел довольно далеко и остановился – сзади по росистым цветам пролегал его след. Вокруг лежало никем не тронутое красное море.

Это навело его на догадку. Иван перехватил под мышкой тужурку и быстро вернулся назад.

Действительно, в росистой траве заметны были другие следы. Они вели в сторону, где начинался распадок, и Иван торопливо побежал к нему. Ступни и штанины его быстро намочили от росы. Сильный аромат цветов пьянил голову, очень хотелось есть, от истома и слабости темнело в глазах. Это были старые, привычные ощущения. Крепкое от природы, закаленное тело Ивана противостояло им, он чувствовал, что силы у него еще не иссякли.

Сдерживая душевную тревогу, Иван обжегал колючие рододендроновые заросли, усыпанные большими, с кулак, красными цветами, и тут со стороны небольшого распадка услышал шум водопада. Вскоре шум усилился, стало видно, как из черного, блестящего от сырости каменного желоба, разбиваясь о скалу, ниспадала блестящая водяная струя. Вокруг в туманном мареве рассыпались мелкие брызги, а в стороне от них на мрачном каменном фоне висело в воздухе разноцветное радужное пятно. Равнодушный к этой неожиданной красоте гор, Иван взбежал выше, но вдруг остановился и тихонько опустился на землю: в полусотне шагов под струистой россыпью водопада спиной к нему стояла на камне и мылась Джулия.

Он сразу узнал ее, хотя, обнаженная, она утратила проклятые признаки гефтлинга и наедине с природой казалась совсем другой в своем чудесном девичьем совершенстве, полном таинственности и целомудрия. Девушка не видела его и, настороженно сжавшись, терпеливо подставляла свое худенькое легкое тело под густую сеть струй, готовая при первом же шорохе встрепенуться и исчезнуть. На ее блестящих от брызг остреньких плечах переливался разноцветный радужный блик.

Не в состоянии одолеть в себе застенчиво-радостного чувства, Иван медленно опустился в траву, лег, повернулся на спину – над ним сияло чистейшее, без единого облачка, небо, влажные запахи земли хмельной брагой кружили голову. Иван распластался на прохладной траве и от избытка счастья тихо засмеялся.

В тайниках его души неугасимо тлела тревога: впереди был труднодоступный хребет, сзади... Ясно, чего можно было ждать сзади. Но теперь в этом заповедном уголке, рядом с найденной девушкой, ставшей уже дорогим ему человеком, Ивану сделалось по-детски хорошо и светло на сердце, как не было, пожалуй, ни разу за все годы плена. И он лежал в траве, жадно впитывая эту неожиданную, непостижимую радость и не стараясь даже осознать, откуда она и что с ним случилось – просто был

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru по-человечески счастлив, и все. Правда, вскоре он понял, что все это ненадолго – беспокойное и трудное упрямо не оставляло его в этом мире и если забылось, то лишь на время, уступив место вдруг охватившей его безмятежности.

Он не поднимался из маков и ни разу не взглянул на нее. Стыдливая деликатность мешала ему сделать это; лежа на животе, он рвал возле себя маки и машинально складывал их в букет. Полный тихой, сдержанной нежности, он продолжал это занятие, пока не услышал торопливые шаги. Он поднял голову: под водопадом никого уже не было. На ходу надевая полосатую куртку, Джулия пробежала невядалеке, направляясь туда, где оставила его. Он опять тихо засмеялся, увидел ее нетерпеливый, озабоченный, устремленный вдаль взгляд, но не окликнул, а, схватив тужурку, не спеша пошел следом.

Поблескивая на солнце мокрыми и черными, как смоль, волосами, она быстро обежала рододендрон и, будто споткнувшись, остановилась возле измятых маков. Даже издали нетрудно было заметить ее испуг и растерянность, с какими она взглянула в одну сторону, затем в другую и кинулась по склону вниз. Однако в следующее мгновение что-то заставило ее оглянуться.

– Иван!!!

В этом восклицании прозвучали одновременно испуг, облегчение и радость; она всплеснула руками и птицей бросилась ему навстречу. Иван остановился. Казалось, целую вечность не видел он этих сияющих радостных глаз, нежной смуглости щек, беспорядочной россыпи ее коротко подстриженных волос. Все в нем рвалось к ней, но он сдержал себя, молчал. Она же, подминая колодками маки, подскочила к Ивану, обеими руками обхватила его за шею и, повиснув на ней, обожгла его пьянящим, озорным поцелуем.

Он затаил дыхание, а она, все еще обнимая его, порывисто откинула голову и захохотала, влюбленно вглядываясь в его лицо, горевшее от прикосновения ее холодных, упругих губ. Затем, не переставая смеяться, разжала пальцы, легко оттолкнула его и опустилась в траву. Глаза ее искрились и сияли, куртка, застегнутая на одну палочку-пуговицу, распахнулась, и в треугольнике-ямке меж грудей блеснул маленький синий эмалевый крестик. Этот крестик на миг задержал на себе его взгляд. Она сразу же спохватилась и запахнула куртку, по-прежнему смеясь глазами, лицом, широким белозубым ртом, каждой частицей молодого, холодного после купания тела.

Он, однако, внезапно насупился, смутился, за какие-нибудь полминуты, стоя так, почувствовал, как что-то в нем рушится, какая-то неведомая сила подчиняет себе его волю. Только теперь он уже не стал с этой силой бороться – подчинился, потому что в этом подчинении была радость, и он сделал шаг к девушке. Джулия вдруг оборвала смех и вскочила навстречу.

– Иван! – вскрикнула она, увидев цветы в его руках. – Это ест для синьорина? Да? Да?

Он и сам только теперь обратил внимание на букет маков, бессмысленно смятых в руках, и засмеялся. Она также засмеялась, понюхала цветы, утопив в букете свое маленькое милое личико. Затем положила букет на траву и быстро-быстро начала рвать вокруг себя маки.

– Джулия благодарит Иван. Благодарит – очэн, очэн...

– Не надо, что ты! – пытался остановить ее Иван.

– Очэн, очэн благодарит надо! Иван спасает синьорину! Руссо спасат итальяно! Это есть браво! – восторженно говорила она, продолжая рвать маки. Потом с целой охапкой их подбежала к Ивану и вывалила все цветы ему на грудь.

– Ну что ты! – удивился он. – Зачем?!

– Надо! Надо! – смешно коверкая русские слова, настаивала она, и он вынужден был обхватить вместе с охапкой маков и тужурку с завернутым в нее хлебом. Джулия, видно, на ощупь почувствовала там хлеб и, вдруг посерьезнев, вскрикнула:

– Хляб?!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ага, давай поедим, – оживился Иван, положил все на землю и сел сам.

Джулия с готовностью присела рядом.

Глава шестнадцатая

– Съесть бы все сразу, – сказал Иван, держа в руке черствый, с килограмм весом, кусок хлеба – измятый, обломанный по краям и все же такой аппетитный и желанный, что оба, глядя на него, опять проглотили слюну.

– Асё, асё, – как эхо, согласно отозвалась Джулия, не сводя глаз с хлеба.

Иван поверх ее головы оглядел далекий заснеженный хребет и вздохнул:

– Нет, все нельзя.

– Нельзя? Нон?

– Нон.

Она поняла и также вздохнула, а Иван разостлал на земле тужурку и положил на нее этот более чем скромный остаток припаса. Предстояло отмерить две равные пайки.

Он старательно разламывал хлеб, раскладывая кусочки на две части и чувствуя голодную несдержанность Джулии. В его душе росло новое чувство к ней – то ли братское, то ли даже отцовское, доброе и большое. Оно переполняло его уважением к ней, такой по-девичьи неприспособленной к великим невзгодам войны и такой бездумно решительной в своем почти подсознательном, словно у птицы, стремлении к свободе.

Иван сосредоточенно делил хлеб. Каждый ломтик, каждая крошка взвешивались их зоркими взглядами. Он сознательно сделал одну пайку побольше, потому что в другой была горбушка, что согласно лагерной логике считалось более ценным, нежели такой же по весу кусок мякиша. Когда все было разделено, остаток граммов двести Иван засунул в карман тужурки.

– Это тебе, это мне, – сказал он просто, без традиционного ритуала дележки, и подвинул ей кусок с горбушкой.

Она решительно вскинула смоляные брови:

– Нон. Это Иван, это Джулия. – И поменяла куски местами.

Он глянул ей в лицо и улыбнулся:

– Нет, Джулия, не так. Это тебе.

Потом быстро взял с тужурки свою порцию. Джулия с шутивным недовольством поморщилась и вдруг неожиданно сунула одну свою корку в его руку. Он с коркой тотчас подался к девушке, но та, смеясь, увернулась, вскинула руки с пайкой, чтобы он не достал их. Иван все же дотянулся до рук, Джулия отшатнулась, невольно коснувшись его грудью, и, чтобы удержаться, ухватилась за его плечо. Смех ее вдруг оборвался. Неожиданная близость заставила его смутиться. Пересилив в себе новый, неосознанно-радостный порыв, он отодвинулся в сторону и сел на полу тужурки. Она же, как девчонка, лукаво улыбнулась, взмахнула ресницами и стала поправлять на груди куртку.

– Бери, ешь. Это же твоя, – сказал он, пододвигая ей корку.

– Нон.

С озорным упрямством в глазах, поблескивая зубами, она принялась грызть свою горбушку.

– Бери, говорю.

– Нон.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Бери.

– Нон, – не сдавалась она, смеясь глазами.

– Упрямая. Ну как хочешь, – сказал Иван и откусил от своего куска.

Она быстро проглотила все, разумеется, не наелась и тайком стала поглядывать на оттопыренный карман тужурки. Иван, неторопливо жуя, замечал ее взгляды и невольно сам начал думать: а не съесть ли все без остатка, чтоб хоть один раз утолить голод? Но все же усилием воли отогнал эти мысли, потому что слишком хорошо знал цену даже и такому крохотному кусочку, как этот.

– Еще хочешь? – спросил он наконец, доев сам.

Она с подчеркнутой решимостью, словно боясь передумать, покрутила головой.

– Нон! Нон!

– А это? – кивнул он на корку, все еще лежавшую на середине тужурки.

– Джулия нон.

– Тогда давай так: пополам.

– Вас ист дас – пополам?

Девушка вопросительно сморщила носик. Солнце светило ей в лицо, и она невольно гримасничала, словно шутя дразнила Ивана.

Он разломил корку и одну часть дал ей. Она нерешительно взяла и, откусив маленький кусочек, посасывала его.

– Карашо. Гефтлинген чоколядо.

– Да уж при такой жизни и хлеб – шоколад.

– Джулия бежалъ Наполи – кушаль чоколядо. Хляб биль малё – чоколядо много, – сказала она, щуря темные, как ночь, глаза.

Иван не понял:

– Бежала в Неаполь?

– Си. Рома бежалъ. От отэц бежалъ.

– От отца? Почему?

– А, уна... Една историй, – неохотно отозвалась она, еще откусила кусочек и пососала его. Потом с чрезмерным вниманием осмотрела корку. – Отэц хотель плёхой мари-то. Русско – ето муж.

Муж! Это слово неожиданно укололо его сознание, он сжал челюсти и нахмурился. Она, видимо, почувствовала это, с лукавинкой в глазах искоса взглянула на его омрачившееся лицо и усмехнулась:

– Нон марито. Синьор не биль муж. Джулия не хотель синьор Дзангарини.

Иван, все еще хмурясь, спросил:

– А почему не хотела?

– О, то биль уно сегрето.

– Какой секрет?

Она, бросая смешливые взгляды то по сторонам, то исподлобья на него, сосала корку, а он сидел, уставившись в землю, и дергал с корнями пучки травы.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– О, сегрето! Маленько сегрето. Джулия любиль, любиль... как ето русско?.. Уно джованотто – парень Марио.

– Вот как? – сказал он и отбросил вырванный пучок травы, ветер сразу рассеял в воздухе травинки. Иван повернулся боком. Теперь он почему-то не хотел смотреть на нее и лишь мрачно слушал. А она, будто не чувствуя этой перемены в нем, говорила:

– Карашо биль парень. Джулия браль пистоя, бежалъ Марио Наполи. Наполи гуэрро, война. Итальяно шиссен дойч. Джулия шиссен, – она вздохнула. – Партиджано итальяно биль мало, тэдэски мнэго.

– Что, против немцев воевали? – догадался Иван.

– Си. Да.

– Ого! – сдержанно удивился он и спросил: – А где же теперь твой Марио?

Она ответила не сразу, поджав колени к груди, гибкими руками обхватила длинные ноги и, положив на них подбородок, посмотрела вдаль:

– Марио фу уччизо.

– Убили?

– Си.

Они помолчали. Иван уже превозмог свою скованность, взглянул на нее. Она, став серьезной, выдержала этот взгляд. Потом глаза ее начали заметно теплеть под его взглядом. Недолгая печаль в них растаяла, и она рассмеялась.

– Почему Иван смотри, смотри?

– Так.

– Что ест так?

– Так есть так! Пошли в Триест.

– О, Триесте! – Она легко вскочила с травы. Он также встал, с неожиданной бодростью размашисто перекинул через плечо тужурку. По огромному полю маков они пошли вниз.

Солнце припекало все больше. Тень от Медвежьего хребта постепенно укорачивалась в долине, знойное пепельное марево дрожало на дальнем подножии горы, окутывало лесные склоны. Только снежные хребты вверху ярко сияли, выставив, как напоказ, каждое блеклое пятно на своих пестрых боках.

– Триесте карашо. Триесте партиджано! Триесте море! – оживленно лепетала Джулия и, очевидно, от избытка переполнявших ее радостных чувств запела:

Ми пар ди удире анкора,
Ля воче туа, им мэдзо ай фьори[32].

Она негромко, но очень приятно выводила напевные слова. Он не знал, что это была за песня. Мелодичные ее переливы напоминали мерное волнение моря. Что-то безмятежное и доброе, очаровывая, влекло за собой...

Пэр нон софрире,
Пэр нон морире,
Ио ти пенсо, э ти амо...[33]

Иван, затаив дыхание, слушал этот мелодичный отголосок другого, неведомого мира, как вдруг девушка оборвала песню и повернулась к нему:

– Иван! Учит Джулия «Катуша»!

– «Катюшу»?!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Си. «Катюшу».

Ра-а-сцетали явини и гуши,
По-о-пили туани над экой... –
пропела она, откинув голову, и он засмеялся: так это было неправильно и
по-детски неумело, хотя мелодия у нее получалась неплохо.

– Почему Иван смехио? Почему смехио?

– Расцветали яблони и груши, – четко выговаривал он. – Поплыли туманы над рекой.

Она со смешинкой в глазах выслушала и закивала головой:

– Карашо. Понималь.

Ра-асцетали явини и груши... –

– Вот теперь лучше, – сказал он. – Только не явини, а яблони, понимаешь? Сад,
где яблоки.

– Да, понималь.

С усердием школьницы она начала петь «Катюшу», отчаянно перевирая слова, и оттого ему было смешно и хорошо с ней, будто с веселым, ласковым, послушным ребенком. Он шел рядом и все время улыбался в душе от тихой и светлой человеческой радости, какой не испытывал уже давно. Неизвестно откуда и почему родилась эта его радость – то ли от высокого ясного неба, щедрого солнца, то ли от картинного очарования гор или необъятности простора, раскинувшегося вокруг, а может, от невиданного торжества маков, удивительно крепкий аромат которых наполнял всю долину. Казалось, чем-то праздничным, сердечным дышало все среди этих гор и лугов, не верилось даже в опасность, в плен и возможную погоню и почему-то думалось: не приснился ли ему весь минувший кошмар лагерей с эсэсманами, со смертью, смрадом крематориев, ненавистным лаем овчарок? А если все это было на самом деле, то как рядом с ним могла существовать на земле эта первозданная благодать – какая сила жизни сберегла ее чистоту от преступного безумия людей? Но то отвратительное, к сожалению, не приснилось, оно не было призраком – их разрисованная полосами одежда ежеминутно напоминала о том, что было и от чего они окончательно еще не избавились. И тут, среди благоухающей чистоты земли, эта их одежда показалась Ивану такой ненавистной, что он сорвал с себя куртку и прикрыл ее тужуркой. Джулия перестала петь и, улыбнувшись, осмотрела его слегка загоревшие, широкие плечи.

– О, Эрколе! Геркулес! Руссо Геркулес!

– Какой Геркулес. Доходяга! – скромно возразил Иван.

– Нон, нон! Геркулес!

Она шутливо хлопнула его по голой спине и обеими руками сжала опущенную вниз руку.

– Сильно, карашо, руссо. Почему плен шель?

– Шел! Вели, вот и шел.

– Надо бить фашисто! – она решительно взмахнула в воздухе маленьким кулачком.

– Бил, пока мог. Да вот...

Подняв локоть, он повернулся к ней другим боком, и на ее подвижном личике сразу отразилась жалость, почти испуг.

– Ой, ой! Санта Мария!

– Вот и Геркулес, – вздохнул он.

– Болно? – бережным прикосновением она осторожно пощупала огромный широкий рубец

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– след ножевого штыка.

Он решительно потер бок.

– Уже нет. Отболело.

– Ой, ой!

– Да ты не бойся, чудачка, – ласково сказал он. – А ну сильней.

Она никак не осмеливалась, и он, взяв в ладонь ее тонкие пальцы, надавил ими на шрам. Джулия испуганно вскрикнула и прижалась к нему. Иван придержал девушку за плечи, и это короткое прикосновение опять заставило его поспешно отстраниться от нее. «Нет, так нельзя! Нельзя себя распускать! Надо скорее уходить».

– Вот что, – нахмурившись, сказал Иван, коротко взглянув на Джулию. – Надо быстрее идти, понимаешь?

– Я, – согласилась она, усмехнувшись и с какой-то испуганно-затаенной мыслью глядя ему в глаза.

Глава семнадцатая

Они спустились по склону от верхней границы луга к его середине. Тут маки начали постепенно редеть, уступая место другим цветам. Кое-где сидели скопления душистых незабудок, качались на ветру колокольчики, от густого аромата желтой азалии кружилась голова. Местами в цветочных зарослях попадались каменистые плечи, возле них всегда было много колючей щебенки, особенно докучавшей его босым ногам. Иван начал осторожнее выбирать путь, поглядывая под ноги. Один раз перед его глазами в траве сверкнула красная капля, он нагнулся – между зубчатыми листочками рдело несколько крупных ягод земляники. Только он сорвал их, как рядом увидел еще такие же красные ягоды. Тогда Иван положил тужурку, присел; Джулия тоже со счастливым криком бросилась собирать ягоды.

Их было много – крупных, сочных, почти всюду спелых. Иван и Джулия собирали и ели их – жадно, пригоршнями, забыв о погоне и об опасности. Прошло немало времени, солнце передвинулось на другую сторону неба и в упор освещало долину с перелесками и изрезанный извилинами расселин Медвежий хребет.

Обливаясь потом, Иван ползал на коленях, раздвигая руками траву, когда услышал позади шаги Джулии. Он оглянулся и, вытирая лоб, сел на землю. Пряча в живых глазах лукавую усмешку, девушка быстро подошла к нему, опустила на колени и развернула уголок своей куртки. На измазанной земляничным соком поле краснела рассыпчатая кучка ягод.

– Битте, руссо Иван, – нарочито жеманно предложила она.

– Ну зачем? Я уже наелся!

– Нон, нон. Эссэн! Эссэн!

Захватив в горсть ягод, она почти силой заставила его съесть их. Потом съела немного сама и снова поднесла горсть к его рту. Ягоды из ее рук имели почему-то совсем другой вкус, чем съеденные по одной. Он вобрал их в рот губами и шутливо прихватил зубами теплую душистую кожуцу ее ладони.

Джулия озорно пригрозила:

– Нон, нон!

Остатки они доели сообща. Встав с травы, Иван поднял лежавшую в маках тужурку.

– Айда?

– Айда, – согласно подхватила она.

Довольные друг другом и как-то сблизившиеся, они пошли дальше. Джулия доверчиво положила руку на его плечо.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Земляника – это хорошо, – сказал он, нарушая тихое, доброе, но почему-то неловкое молчание. – Я до войны не одно лето ею кормился. Земляника да молоко.

– О, руссо – веджитариано! – удивилась она. – Джулия нон веджитариано. Джулия любиль бифштекс, спагетти, омлет.

– Макароны еще, – добавил он, и оба засмеялись.

– Я, я, макарони, – подтвердила она и задорно поддразнила: – А руссо земляннико?

– Бывает. Что ж поделаешь, когда голод прижмет, – невесело согласился Иван.

Джулия удивленно взглянула на него.

– Почему голяд? Почему голяд? Русланд как голяд? Русланд само богато? Правда?

– Правда. Все правда.

– Почему голяд? Говори! – настаивала она, заметно встревоженная его словами.

Он помолчал, ступая по траве и нерешительно соображая, стоит ли говорить ей о том, что было. Но он уверовал уже в ее ласковое расположение к нему, потянулся к ней сам, и потому в нем начала пробуждаться давно уже не испытываемая потребность в откровенности.

– Случается, когда неурожай. В тридцать третьем, например. Траву ели...

– Вас траву?

– Какую траву? – он нагнулся и сорвал горсть травы. – Вот эту самую. Без цветов, конечно. С голоду отец умер.

Джулия удивленно остановилась, строгое ее лицо помрачнело.

Испытующе-подозрительным взглядом она смотрела на Ивана, но ничего не сказала, только выпустила его руку и почему-то сразу замкнулась. Он, опечаленный невеселым воспоминанием, тихонько зашагал дальше.

Да, голодали, и не только в тридцать третьем. Спасала обычно картошка, но и ее не всегда хватало до новой. После смерти отца в семье осталось четверо детей. Иван старший. Он вынужден был растить с матерью ребят, кормить семью. Ой, как нелегко это досталось ему!

Он задумчиво шел, поглядывая вниз, где мелькали в траве сизые колодки на ее ногах и тихо шевелились, плыли на ходу две короткие тени. Джулия, однако, начала отставать, он почувствовал какую-то перемену в ее настроении, но не оглядывался.

– И Сибирь биль? Плёхой кольхоз биль? – с каким-то вызовом в неожиданно похолодевших глазах заговорила девушка.

Почти в испуге он остановился и внимательно посмотрел на нее:

– Ты что? Кто тебе сказал?

– Один плёхой руссо сказалъ. Ты хочешь сказалъ. Я зналь!..

– я?

– Ти! Говори!

– Ничего я не хочу. Что я тебе скажу?

– Ну говори: Джулия нон правда. Джулия ошибалась!

Он смотрел на девушку – лицо ее стало злым, глаза остро блестели, ее недавнее расположение к нему исчезло, и он напряженно старался понять причину этой ее перемены, так же как и смысл ее неприятных вопросов.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Ну говори! Говори!

Видно, действительно она что-то уже услышала, возможно, в лагере, а может, еще в Риме. Но он теперь не мог ничего объяснить ей, он уже жалел, что упомянул про голод.

– Биль несправядливость? – настойчиво спрашивала Джулия.

– Какая несправедливость? О чем ты говоришь?

– Люди Сибирь гналь?

– В Сибирь?

Он испытующе взгляделся в ее колющие глаза и понял, что надо или сказать правду, или что-то придумать. Однако лгать он не умел и, чтобы разом прекратить этот разговор, неласково буркнул:

– Когда раскулачивали – гнали.

Джулия с горечью закусила губы.

– Нон правда! – вдруг крикнула она и будто ударила его взглядом – столько в ее глазах было горечи, обиды и самой неприкрытой враждебности.

– Нон правда! Нон! Иван – Власов!

Она вдруг громко всхлинула, прикрыла руками лицо. Иван испуганно подался к девушке, но она остановила его категорическим гневным: «Нон!» – и побежала по склону в сторону. Он стоял, не зная, что делать, и лишь растерянно смотрел ей вслед. Мысли его вдруг спутались. Он почувствовал, что произошло что-то нелепое, недоговоренное и дурное, но как исправить это – не знал.

Джулия добежала до голого взлобка, взобралась на него и, скорчившись, подогнула колени. На него она даже и не взглянула.

«Ну и ну! Власов!» – ошеломленный, сказал себе Иван и, вздохнув, затоптался а траве. Казалось, он действительно совершил что-то плохое, опрометчиво разрушил с таким трудом налаженное и нужное ему согласие с ней – от сознания этого все в нем мучительно заныло, увяла недавняя тихая радость, на душе стало одиноко и горько.

Ну конечно, она что-то слышала о том, что происходило в его стране в те давние годы. Возможно, ей представляли это совсем в ином свете, нежели было на самом деле, только как теперь объяснить Джулии все, чтобы она поняла и не злилась?

Перекидывая с плеча на плечо тужурку, Иван топтался на месте. Затылок и плечи его сильно обжигало солнце, а он, сколько ни думал, все не мог понять, что же между ними произошло и в чем тут его вина. Конечно, о голоде лучше бы промолчать, может, не надо было упоминать и о раскулачивании, хоть и неприятно это – скрывать правду, но теперь, по-видимому, надо было это сделать. Очень уж обидно было лишиться ее доверия именно сейчас, после всего совместно пережитого. В то же время Иван подсознательно чувствовал, что дело тут было не в нем: в душе обоих рождалось нечто великое и важное, перед которым всякая расчетливость казалась унижительной.

Вот жди теперь неизвестно чего! Можно было представить себе, как восприняла бы Джулия его правду, высказанную без обиняков, могла ли она понять всю сложность того, что происходило в его стране?

Что и говорить, действительно, положение его было более чем затруднительное.

Ну и пусть! Он не станет ей врать, скажет все как было, и, если у этой девушки чуткое сердце в груди, она поймет, что никакой он не власовец, и как должно отнесется к нему и к его достойному уважения народу. Это Иван вдруг понял с отчетливой ясностью, и ему стало легче и спокойнее – будто решилось что-то и осталось только дождаться результата.

Но дождаться у Ивана не хватило терпения.

Джулия, отвернувшись, сидела поодаль, задумчиво ковыряя землю, и он, помедлив, взял тужурку и тихонько побрел к ней. Услышав его шаги, она вздрогнула, бросила на него протестующий взгляд, быстро вскочила и побежала по склону дальше. Он неторопливо взобрался на голый пригорок и остановился. Надо было ждать, а может, и идти – он просто не знал, что делать. Девушка же отбежала немного и, не оглядываясь, укрылась за острым камнем, который, словно огромный причудливый клык, торчал из травы.

Тогда он бросил к ногам тужурку и лег на нее, решившись терпеливо ждать, что последует дальше.

Стало жарко. От нагретой солнцем известковой земли, поросшей жесткой, как сивец, травой, несло сухим пыльным зноем – совсем как от натопленной русской печи. Голые Ивановы плечи, спина изнывали от жары и пота. Вокруг в луговой траве мелькала и порхала в воздухе разноцветная мошкара. Изредка он поглядывал на камень, за которым спряталась Джулия, но та все не показывалась, и от истомы и духоты, от неопределенности ожидания его начала одолевать дремота. Видно, ягоды или зной притупили чувство голода, зато захотелось пить. «Вот еще не было заботы!» – подумал Иван. Надо бы идти, как можно ближе подобраться к снежному хребту, отыскать там какой-нибудь переход, добыть провианту. В самом деле, более чем нелепо обернулось все в этом его довольно удачном побеге. Чтобы не дать дремоте одолеть себя, он начал долбить каменным осколком землю, откуда-то из травы перед ним появился большой, черный, с огромными клешнями жук; очевидно удивленный неожиданной встречей, жук остановился, вытаращил рачьи глаза и ждал, грозно шевеля длинными подвижными усами. От легкого прикосновения камешком жук, растопырив все свои шесть пар ног, повалился на бок.

Иван занес было руку, чтобы щелчком отбросить прочь эту не очень приятную тварь, как вдруг услышал сзади шаги.

Он повернулся так резко, что человек, видимо, от неожиданности громко крикнул и с необыкновенной ловкостью отпрянул в сторону. Подкрался он совсем близко и теперь настороженно стоял в траве, умоляюще глядя на Ивана безумными глазами. Это был все тот же сумасшедший гефтлинг.

– Привет! – иронически улыбнувшись, сказал Иван. – Живем, значит?

Иван удивился, он никак не ожидал увидеть его тут, такого же дикого, загнанного, почерневшего от пота и грязи, с почти нечеловеческим выражением на иссохшем лице, в расстегнутой куртке и изодранных в клочья штанах. К тому же немец хромал, еле ступая на одну ногу. Но гляди ты, притащился, при таком состоянии просто завидным было его упрямство. Как привидение, он неотступно следовал за ними, неизвестно на что рассчитывая.

– Брот! – тихо, но с отчаянием в голосе произнес немец.

– Опять брот? – удивился Иван. – Ты что, на довольствии у нас?

Сумасшедший сделал несколько нерешительных шагов к Ивану:

– Брот!

– Ты же собирался в гестапо. К своему Гитлеру.

– Никс Гитлер! Гитлер капут.

– Капут? Давно бы так.

Вряд ли понимая его, сумасшедший, растопырив костлявые руки, терпеливо и настороженно ждал.

– Ладно, несчастный ты фриц!

Иван запустил руку в тужурку и, не вынимая оттуда буханки, отломил маленькую

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru корку хлеба. Увидев ее в руках у Ивана, немец оживился, глаза его заблестели, дрожащие кисти рук в коротких оборванных рукавах потянулись вперед:

– Брот, брот!

– Держи! И проваливай отсюда.

Иван бросил хлеб немцу, но тот не поймал его, опрометью бросился на землю, обеими руками схватил корку вместе с травой и песком и вскочил. Затем, трусливо оглядываясь, боком подался вниз по склону, все быстрее и быстрее семеня ногами, видно ожидая и боясь погони.

«Может, отвяжется теперь», – подумал Иван. То, что этот гефтлинг опередил их, было безопаснее, чем если бы он все время шел сзади. Иван задумчивым взглядом проводил его, пока тот не скрылся во впадине, и снова лег.

Вчерашний его гнев к этому человеку угас, хотя он не чувствовал к нему и жалости – слишком живы были в его памяти многочисленные образы людей, которых загубили немцы. Правда, он мог быть и антифашистом по убеждениям, доведенным до животного состояния жестокостью своих соотечественников, но мог оказаться и штрафником из нацистской шайки, которому не повезло где-то в его разбойничьей службе. В концлагере были и такие. За последний побег пленных и взрыв бомбы, например, их командофюрера Зандлера (если только он останется жив) тоже по голове не поглядят, могут бросить за проволоку вместо тех, кого он не смог укараулить. Впрочем, его поставят командовать и еще облекут властью (вот тебе и гефтлинг!). И как был он собакой по отношению к людям, так ею и останется, разве что ненависть его к гефтлингам в силу личной неудачи еще усилится.

Фашисты многого достигли в своем энтмэншунге[34] – самом подлом из всех черных дел на земле. И если их звериную жестокость к инакомыслящим еще можно было понять, то их беспощадность к своим, тем, которые не угодили в чем-либо начальству, просто была необъяснимой.

Боязнь наказания свыше стала основным побудителем их деяний: все жили под угрозой расправы, разжалования, отправки на фронт, репрессий к родственникам. И потому, должно быть, так безжалостно мстили за этот свой страх, кому это было дозволено – пленным, гефтлингам в концлагерях, оккупированным народам. И кажется странным, что на фронте немцы дрались неплохо. Может, потому, что страх наказания там приобретал двойной смысл, а выбор был небольшой: военно-полевой суд или советская пуля.

Но разве в этом было что-либо героическое? А ведь немцы явно бравировали своей храбростью, которую отказывался признать Иван, тем более что никогда не считал себя лично ни героем, ни смельчаком.

Будь он решительнее, наверное, не дал бы себя взять в плен, что-то предпринял бы в самый последний момент, который определил навсегда его прошлое и будущее. Наверно, надо было прикончить себя... На миг в его памяти возник тот день и тот ножевой, закоптившийся от выстрелов штык, на который Иван наткнулся, рванувшись от танка. Помнились лишь штык и сапог с брезентовым ушком, торчащим из голенища, да еще рукоять гранаты. Затем все заглушила пронзившая боль в боку. Что-то кричал небритый, страшный от пыли немец, у ног лежало окровавленное тело Абдурахманова, рядом громыхал танк, и на секунду Иван потерял тогда самообладание. Эта секунда дорого обошлась ему, следы от нее в душе и на теле останутся навсегда.

В полку он ничем не выделялся среди других пехотинцев. За прежние бои получил три бумажки с благодарностью от командования да две медали «За отвагу» и думал, что на большее не способен. И уже в плену, где некому было ни вдохновлять на героические подвиги, ни награждать, где за малейшее неповиновение платили жизнью, в нем как-то сами собой проявились дух непокорства, дерзость и упрямство. Тут он увидел подноготную фашизма и, видно, впервые понял, что смерть не самое худшее из всех бед на войне.

– Отдать хляб? – вдруг раздался над ним голос Джулии.

От неожиданности Иван вздрогнул и, обрадованный, порывисто обернулся.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Отдашь хляб? – с прежней напряженностью на лице спрашивала Джулия. – Ми нон идет Триесте? Аллес финита? Да?

– Ну что ты! – сказал он, улыбнувшись. – Только корку отдал.

Она нахмурила лоб и сосредоточенно уставилась на него. Тогда он вынул из кармана остаток буханки.

– Вот, только корку, понимаешь?

Преодолевая в себе какие-то сомнения, Джулия промолчала. Лоб ее постепенно разгладился.

– Ми идет Триесте? Правда? Нон?

– Пойдем, конечно. Откуда ты взяла, что не пойдем?

На ее лице все еще отражалась внутренняя борьба. Девушка теребила на груди куртку, что-то решала про себя и вдруг опустилась рядом с ним на землю. Подняв колени, она облокотилась на них и прикрыла лицо руками. Он сидел рядом, готовый помочь ей, но она, по-видимому, пересилила себя и вскоре, встряхнув волосами, вскинула голову.

– Руссо! Ти кароши, кароши, руссо, – заговорила она и пожала его руку. – Нон Власов. Буоно руссо. Джулия плёхо.

– Ну зачем так? – мягко возразил Иван. – Зачем? Не надо.

– Очэн, очэн, – не слушая его, говорила Джулия. Видно, что-то она поняла и теперь попросила: – Иван нон бёзе Джулия...

– Ничего, все хорошо.

Сидя на земле, он осторожно взял в руки ее маленькую шершавую ладошку. Девушка не отняла ее.

– Нон бёзе Иван, – сказала она и впервые взглянула ему в глаза. – Нон бёзе Джулия. Иван знай правда. Джулия нон знат правда.

– Ладно, ладно... Ты это вот что...

– Джулия очэн, очэн уважат Иван, любит Иван, – сказала она. Его рука, державшая ладонь девушки, еле заметно дрогнула. Чтобы перевести разговор на другое, он сказал:

– Ты это... Пить не хочешь? Воды, а?

Она вздохнула и умолкла, глядя на него, затаив в глубине широко раскрытых глаз раскаяние и бездну тепла к нему.

– Вода? Аква?

– Да, воды, – отозвался он. – Вон там, кажется, ручей. Айда!

Он быстро вскочил, она тоже поднялась, обхватила его руку повыше локтя и щекой сиротливо прижалась к ней. Другой рукой он погладил ее волосы, но, почувствовав, как она внутренне напряглась, опустил руку.

Так они не спеша пошли к краю луга.

Глава девятнадцатая

Ручей был неглубокий, но очень бурный – широкий поток ледяной воды бешено мчался, взбивая по камням желтую пену и бросая ее на влажный каменистый берег. На одном из поворотов он намыл в траве широкую полосу гальки, перейдя которую Иван и Джулия вдоволь напились из пригоршней, и девушка отошла к берегу. Иван закатал разорванные собакой штаны и забрался глубже в воду. Ступни заломило от стужи, стремительное течение могло сбить с ног, но ему захотелось умыться, так

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru как пот разъедал лицо. Он потерял свои колючие, заросшие щеки, намереваясь увидеть отражение в воде, но бурное течение не давало этого сделать. «Видно, зарос, как бродяга», – с неожиданным беспокойством подумал он и оглянулся на Джулию.

– Я страшный небритый? – спросил он девушку. Но та не отозвалась – неподвижно сидела в задумчивости, глядя в одну точку на берегу.

– Говорю, я страшный? Как старик, наверно?

Она встрепенулась, вслушалась, стараясь понять вопрос, и, увидев, что он тербит свои заросшие щеки, вдруг догадалась:

– Карашо, Иван. Очэн вундэршон.

Иван умывался и думал, что с ней что-то случилось – девушка явно чем-то встревожена, что-то переживает, такой сосредоточенной она не была даже в самые трудные часы побега. Вовсе не в ее характере была такая задумчивость. Значит, какую-то боль причинил ей он, Иван. Но он, наоборот, избавился от всех своих прежних тревог и на этом луговом раздолье просто отдыхал душой. Ему было хорошо с ней, хотелось рассеять ее тревогу, увидеть Джулию прежней – искренней, веселой, доверчивой. Должно быть, надо было приласкать ее, успокоить. Только Иван все не мог перешагнуть через какую-то грань между ними, хоть и желал этого. Что-то застенчиво-мальчишеское стремилось в нем к девушке, но он сдерживал себя, колебался, медлил.

Умывшись, он набрал в пригоршни воды и издали брызнул ею на Джулию – девушка вздрогнула, недоуменно взглянула на него и усмехнулась. Он тоже улыбнулся – непривычно, во все широкое, заросшее бородой лицо:

– Испугалась?

– Нон.

– А чего задумалась?

– Так.

– Что это так?

– Так, – покорно сказала она. – Иван так, Джулия так.

Несмотря на какую-то тяжесть в душе, она охотно воспринимала его шутки и, щуря глаза, с улыбкой смотрела, как он, оставляя на гальке следы от мокрых ног, неторопливой походкой выходил на траву.

– Быстро ты наловчилась по-нашему, – сказал он, припоминая недавний их разговор. – Способная, видно, была в школе?

– О, я била вундеркинд, – шутливо сказала она и вдруг, всплеснув, руками, ойкнула: – Санта Мадонна – ильсангвэ!

– Что?

– Кров! Кров! Иль сангуэ!

Он нагнулся: по мокрой ноге от колена ползла узкая струйка крови – это открылась рана. Ничего страшного: до сих пор он не нашел времени осмотреть ее, но теперь, сев возле девушки, закатал штанину выше. Нога над коленом была сильно расцарапана собакой и, намкнув в воде, закровоточила. Джулия испуганно наклонилась к нему и, будто это была бог знает какая рана, заохала:

– О, Иваню! Иваню! Очэн болно! О Мадонна! Где получаль такой боль?

– Да это собака, – смеясь, сказал Иван. – Пока я ее душил, она и царапнула.

– Санта Мадонна! Собака!

Ловкими подвижными пальцами она начала ощупывать его ногу, стирать свежие и уже

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru засохшие пятна крови. Он откинулся на локтях, ощущая ласковость ее прикосновений; на душе у него было хорошо и покойно. Правда, рана кровоточила, края ее разошлись, и, хотя было не очень больно, ногу полагалось перевязать. Джулия приподнялась на коленях и приказала ему:

– Гляди нах гора. Нах гора...

Он понял, что надо было отвернуться, и послушно выполнил ее просьбу. Она тотчас же что-то разорвала на себе и, когда он снова повернулся к ней, уже держала в руках чистый белый лоскут.

– Медикаменто надо. Медикаменто, – сказала она, собираясь начать перевязку.

– Какой там медикамент? Заживет как на собаке.

– Нон. Такой боль очэн плёхо.

– Не боль – рана. По-русски это – рана.

– Рана, рана. Плёхо рана.

Он оглянулся и, увидев неподалеку серую бахрому похожей на подорожник травы, оторвал от нее несколько мелких листочков.

– Вот и медикамент. Мать всегда им лечила.

– Это? Это плантаго майор. Нон медикаменто, – сказала она и взяла из его рук листья. Он сразу же выхватил их обратно.

– Ну что ты! Это же подорожник, знаешь, как раны заживляет?

– Нон порожник. Это плантаго майор по-латыни.

– А, по-латыни. А ты и латынь знаешь?

Она шевельнула бровями:

– Джулия мнёго, мнёго знай латини. Джулия изучаль ботаник.

Он тоже когда-то знакомился с ботаникой, но уже ничего не помнил и теперь, больше полагаясь на народный обычай, приложил листки подорожника к распухшей ране. Девушка протестующе покачала головой, но все же начала бинтовать ногу. Впервые Иван почувствовал ее превосходство над собой. Бесспорно, образование у Джулии было куда выше, чем у него, и это увеличивало его уважение к ней. Однако Ивана не очень беспокоила рана, его больше интересовали цветы, названия которых были ему незнакомы. Потянувшись рукой в сторону, он сорвал стебелек, похожий на обычную луговую ромашку.

– А это как называется?

Проворно бинтуя лоскутком ногу, она бросила быстрый взгляд на цветок:

– Перетрум розеум.

– Ну совсем не по-нашему! А по-нашему это ромашка.

Он сорвал другой – маленький синий цветочек, напоминавший отцветший василек.

– А это?

– Это?.. Это примула аурикулата.

– А это?..

– Гентина пиренеика, – сказала она, взяв из его рук два небольших синеньких колокольчика на жестком стебельке.

– Все знаешь. Молодчина. Только вот по-латыни...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Джулия тем временем кое-как перевязала рану – сверху на повязке проступило коричневое пятно.

– Лежи надо. Тихо надо, – потребовала она.

Он с какой-то небрежной снисходительностью к ее заботам подчинился, вытянул ногу и лег на бок, лицом к девушке. Она поджала под себя колени и положила руку на его горячую от солнца голень.

– Кароши руссо, кароши, – говорила она, бережно поглаживая ногу.

– Хороший, говоришь, а не веришь. Власовцем обзывала! – вспоминая недавнюю размолвку, с упреком сказал Иван.

Она вздохнула и рассудительно сказала:

– Нон влясовец. Джулия вериш Иванио. Иванио знат правда. Джулия нон понимает правда.

Иван пристально посмотрел в ее строгие опечаленные глаза:

– А что он тебе наговорил, тот власовец? Ты где его слушала?

– Лягер слушаль, – с готовностью ответила Джулия. – Влясовец говори: руссо кольхоз голяд, кольхоз плёхо.

Иван усмехнулся:

– Сам он подонок. Из кулаков, видно. Конечно, жили по-разному, не такой уж у нас рай. Я, правда, не хотел тебе всего говорить, но...

– Говорит, Иван, правда! Говорит! – настойчиво просила Джулия. Он сорвал под руками ромашку и вздохнул.

– Вот. Были неурожаи. Правда, разные и колхозы были. И земля не везде одинаковая. У нас, например, одни камни. Да еще болота. Конечно, всему свой черед: добрались бы и до земли. Болот уже вон сколько осушили. Тракторы в деревне появились. Машины разные. Помощь немалая мужику. И работать начали дружно в колхозе. Вот война только помешала...

Джулия придвинулась к нему ближе:

– Иван говори Сибирь. Джулия думаль: Иван шутиль.

– Нет, почему же. Была и Сибирь. Высылали кулаков, которые зажиточные, вроде бауэров. И врагов разных подобрали. У нас в Терешках тоже четверо оказалось.

– Враги? Почему враги?

– За буржуев стояли. Коров колхозных сапом – болезнь такая – хотели заразить.

– Ой, ой! Какой плёхой челёвек!

– Вот-вот. Правда, может, и не все. Но по десять лет дали. Ни за что не дали бы. Так их тоже в Сибирь. На исправление.

– Правда?

– Ну а как ты думала.

Лежа на боку, он сосредоточенно обрывал ромашку.

– Иван очэн любит свой страна? – после короткого молчания спросила Джулия. – Белоруссио? Сибирь? Свой кароши люди?

– Кого же мне еще любить? Люди, правда, разные и у нас: хорошие и плохие. Но, кажется, больше хороших. Вот когда отец умер, корова перестала доиться, трудно

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru было. На картошке жили. Так то одна тетка в деревне принесет чего, то другая. Сосед Опанас дрова привозил зимой. Пока я подрос. Жалели вдову. Хорошие ведь люди. Но были и сволочи. Нашлись такие: наговорили на учителя нашего Анатолия Евгеньевича, ну его и забрали. Честного человека. Умный такой был, хороший. Все с председателем колхоза ругался из-за непорядка. За народ болел. Ну и какой-то сукин сын донес, что он якобы против власти шел. Тоже десять лет получил. По ошибке, конечно.

– Почему нон защищать честно учител?

– Защищали. Писали всей деревней. Только...

Иван не договорил. Невольные яти воспоминания вызвали в нем невеселые раздумья, и он лежал, кусая зубами оборванный стебелек ромашки. Озабоченно-внимательная Джулия тихо гладила его забинтованное горячее колено.

– Все было. Старое ломали, перестраивали – нелегко это далось. С кровью. И все же нет ничего милее, чем Родина. Трудное все забывается, помнится больше хорошее. Кажется, и небо там другое – ласковее, и трава мягче, хоть и без этих букетов. И земля лучше пахнет. Я вот думаю: пусть бы опять все воротилось, как-нибудь сладили бы со своими бедами, справедливее стали бы. Главное, чтоб без войны.

– Руссо феномено Парадоксо. Удивительно, – горячо заговорила Джулия.

Иван, сплюнув стебелек, перебил ее:

– Что ж тут удивительного: борьба. В окружении буржуев жили. Армию крепили.

– О, Армата Россо побеждать! – восторженно согласилась Джулия.

– Ну вот. Видишь, силища какая – Россия! А после войны, если эту силу на хозяйство пустить, ого!..

– Джулия много слышаль Россия. Россия – само болшой сила. – Она помолчала и, будто что-то припомнив, грустно улыбнулась. – Джулия за этот мысли от фатэр, иль падре, отэц, убегаль. Рома отэц делай вернисаж – юбилей фирма. Биль много гост, биль офицер СД. Офицер биль Россия, офицер говори: Россия плéхо, бедно, Россия нон култур. Джулия сказаль: это обман. Россия лючше Германи. Офицер сказаль: фройлен – коммунисти? Джулия сказаль: нон коммунисти – так правда. Иль падре ударяль Джулия, – она прикоснулась к щеке. – Пощечин это руссо говорит. Джулия убегаль вернисаж, убегаль Марио Наполи. Марио биль коммунисти. Джулия всегда думаль: руссо – карашо. Лягер Иван бежал, Джулия Иванио бежал. Руссо Иван – герой.

– Ну какой я герой! – возразил Иван. – Солдат просто.

– Нон просто сольдат! Руссо сольдат – герой! Само смело! Само умно. Само... Само... – воодушевленно говорила она, подбирая знакомые русские слова. Во всем ее тоне чувствовалась глубокая вера в правоту идеи, которой она ни за что не хотела поступиться. – Ми видель ваш герой лягер. Ми слышаль ваш герой на Остфронт. Ми думаль: ваш фатэрлянд само сильно, само справьядливо...

– Он и есть самый справедливый, – заметил Иван. – Я вот на тракториста выучился, и бесплатно... Потом в техникум поступил. Механизации. А учителей сколько стало. Из тех же мужиков...

Нахмуренные до сих пор брови ее шевельнулись, и в глазах впервые после размолвки сверкнули смешинки:

– Удивительно! Джулия любит руссо. Руссо неправильно, феноменално. Джулия всегда любит неправильно, феноменално. Иван феномено. Аномали. Руссо коммунисти Иван спасаль Русланд, спасаль буржуазно монархия Италияно, спасаль Джулия...

– Во-первых, я не коммунист: не дорос. А во-вторых, что тут такого: весь Советский Союз спасает и Италию, и Францию, и Германию... Да мало ли кого. Хотя они и буржуазные. Ведь, кроме нас, кто бы Гитлера остановил?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Си, си. Так...

С затаенной улыбкой на губах она погладила его ногу, потом голый бок. Иван смущенно поежился, ощущая непривычное прикосновение ее ласковых рук, как вдруг она, нагнувшись, коснулась губами его синего штыкового шрама на боку. Он вздрогнул, будто его пронзили в то же место второй раз, вскинул руку, чтоб защититься от ее неожиданной ласки, но она поймала его руку, прижала ее к земле и в каком-то безудержном порыве стала целовать его шрамы: осколочный – в плече, другой, пулевой, – выше локтя, от штыка в боку, спустилась ниже и осторожно поцеловала повязку. Ошеломленный ее порывом, Иван замер, к сердцу прихлынула волна нежности, а она все целовала и целовала. И тогда какая-то грань между ними оказалась такой узкой, что балансировать на ней стало невозможно. Не зная, хорошо это или плохо, но уже отдавшись во власть какой-то неведомой, захлестнувшей его волны, он встрепенулся, приподнялся на локте, другой рукой обхватил ее через плечо, слегка прижал и, закрыв глаза, дотронулся до ее удивительно горячих упругих губ.

Потом сразу же откинулся спиной на траву, разметал руки и засмеялся, не решаясь открыть прижмуренные глаза. А когда открыл их, в солнечном ореоле растрепанных волос увидел склоненное ее лицо и полуоткрытый, сияющий, белозубый рот. В первую секунду она будто захлебнулась, кажется, хотела и не могла что-то сказать, только широко раскрыла глаза, в них были удивление, радость, неумное счастье. Припав к его груди, она обхватила шею Ивана руками и зашептала ему в лицо горячо и преданно:

– Иванио!.. Амико!..

Глава двадцатая

Что-то недосказанное, второстепенное, все время удерживавшее их на расстоянии, было преодолено, пережито счастливо и почти внезапно. Мучительные вопросы, которые до сих пор волновали Джулию, видимо, были ею отделены от главного и отодвинуты на задний план. С этого момента для обоих остались лишь пряный аромат земли, маковый дурман луга и знойный блеск высокого ясного неба. Среди дремучей первозданности гор, в одном шагу от смерти родилось неизведанное, таинственное и властное, оно жило, жаждало, пугало и звало.

Лежа на траве, Иван гладил и гладил ее узкую, нагретую солнцем спину, девушка, припав к его груди, терлась горячей щекой о его рассеченное осколком плечо. Губы ее, не переставая, шептали что-то непонятное, но Иван понимал все. Счастливо смеясь, он будто застыл в какой-то невесомости; небо вверху пьянило, кружилось, земля, словно огромное кособокое блюдо, покачивалась из стороны в сторону, готовая вот-вот опрокинуться, и оттого было сладко, боязно и хмельно.

Время, казалось ему, остановилось, исчезла опасность. У самого лица его жарко горели ее большие черные глаза. В них теперь не было ни озабоченности, ни страдания, ни озорства – ничего, кроме властного в своем молчании зова; что-то похожее Иван чувствовал на краю бездны, которая всегда пугала и влекла одновременно. У него не было сил противостоять этому зову, да он и не знал, нужно ли сдерживаться. Он снова нащупал губами ее влажный рот, твердые зубы, привлек ее обеими руками и замер. Стало тихо-тихо, и в этой тишине величественно, как из небытия в вечность, лился, kloкотал горный поток. Хотелось раствориться, исчезнуть в этих ее трепетных объятиях, унести в вечность вместе с потоком, впитать из земли ее силу и самому преобразиться в земную мощь – щедрую, тихую, ласковую...

А земля все качалась, кружилось небо, сквозь полураскрытые веки он близко-близко видел нежную округлость ее щеки, покрытую золотившимся на солнце пушком; горячей розовостью сияла освещенная сзади тонкая раковина уха. Невольно он потянулся к маленькой мочке с едва заметным следом от серьги, тихо нащупал ее зубами. Джулия упруго встрепенулась, взвизгнула. Он выпустил ухо и почувствовал под своими лопатками ее быстрые тонкие руки.

По-видимому, разбуженный ее жалобным вскриком, в нем так же растерянно отозвался незнакомый, чужой тут голос – он заколебался, запротестовал, он чего-то опасался. Однако Иван старался не слушать, заглушить в себе этот протест, он не хотел ничего знать теперь. В его сознании бурлил, плескался, шумел горный ручей, во всю глубину гудела земля, трубным хором вторил ей настойчивый и властный

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru порыв души...

И земля напоила его своими извечными соками, неумолимой силой налилось тело. Он бережно обхватил девушку, и земля с небом поменялись местами. Теперь уже ничто не имело значения – в его руках была она. Она – загадочная и неведомая, потонувшая в ярком сиянии маков, притихшая, маленькая, ослабевшая и такая властная – над землей, над собой, над ним.

Где-то совсем близко под ними, казалось, в глубинных недрах земли, гудел, бурлил, рвался шальной поток, он звал, увлекал в свои непознанные дали. Джулия забилась в его руках, на широко раскрытых ее губах рождались и умирали слова – чужие, родные, такие понятные ему слова.

Но какое значение имели теперь слова!

И земные недра, и горы, и могучие гимны всех потоков земли согласно притихли, оставив в мире только их двоих.

Глава двадцать первая

Он проснулся, испугавшись при мысли, что уснул и дал исчезнуть чему-то необыкновенно большому и радостному. Приподняв голову, сразу же увидел Джулию и улыбнулся оттого, что испуг его оказался напрасным – ничто не исчезло, не пропало, даже не приснилось, как показалось вначале.

Впервые за много лет явь была счастливее самого радостного сна.

Джулия лежала ничком, уронив голову на вытянутую в траве руку, и спала. Дыхание ее, однако, не было ровным, как у сонных людей, – порой она замирала, будто прислушиваясь к чему-то, прерывисто вздыхала во сне.

Полураскрытые губы ее шевелились, обнажая влажные кончики зубов. Он подумал сначала, что она шепчет что-то, но слов не было, губы, видимо, только отражали ход ее сновидений и так же, как и щеки и брови, слегка вздрагивали. Все эти сонные переживания ее были преисполнены нежности, наверно, снилось ей что-то хорошее, и на губах время от времени проступала тихая, доверчивая улыбка.

Они долго пробыли на этом поле. Солнце сползло с небосклона и скрылось за потемневшими зубцами гор. Погруженный в густеющий мрак, бедно, почти неуютно выглядел торжественно сиявший днем луг. Даль густо обволакивалась туманом, белесая дымка подмыла далекие сизые хребты, без остатка затопила долину. Медвежий хребет уже потерял лесное подножие и, будто подтаявший, плавал в сером туманном море. ярко сияли, отражая невидимое солнце, лишь самые высокие пики. Это был последний прощальный свет неожиданного, как награда, дня. Вдали, на тусклом небосклоне, уже зажглась и тихо горела одинокая печальная звездочка.

Он снова повернулся к Джулии. Надо было подниматься и идти, но она сладко спала, такая беспомощная, обессиленная, что он просто не посмел нарушить ее сон. Он начал жадно всматриваться в ее подвижное во сне лицо, будто впервые видел его. После всего, что между ними произошло, каждая ее улыбка во сне, каждая гримаска обретали свой особенный смысл. Хотелось смотреть на нее долго, пристально, стараясь проникнуть в тайну дорогой человеческой души. Он обнаружил в ней неожиданное – чистое и радостное – и, кажется, чуть не захлебнулся от своего первого в жизни опьянения. Теперь, правда, хмель несколько убавился, зато ощущение счастья усилилось, и он, не двигаясь, в совершеннейшем одиночестве, как на непостижимую тайну, смотрел и смотрел на нее – маленькое человеческое чудо, так поздно и счастливо открытое им в жизни.

А она все спала, прикинув к широкой груди земли. Слабо подрагивали ее тонкие ноздри, и маленькая божья коровка задумчиво ползла по ее рукаву. Поднявшись с полосатой складки на бугорок плеча, она расправила крылышки, чтобы взлететь, но не взлетела, поползла дальше. Иван осторожно сбросил козявку, бережным прикосновением поправил на шее девушки тесемку с крестиком. Она не проснулась, только слегка перевела дыхание. Тогда он осторожно одернул на ее спине завернувшийся край куртки и улыбнулся. Кто бы мог подумать, что она за два дня станет для него всем, пленит его душу в такое, казалось бы, неподходящее для этого время? Разве мог он предвидеть, что во время четвертого побега, спасаясь

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru от гибели, так неожиданно встретит первую свою любовь? Как все запуталось, переплелось на этом свете! Неизвестно только, кто перемешал все это – люди или дьявол, иначе как бы случилось такое – в плену, в двух шагах от смерти, с чужой незнакомой девушкой, явившейся из совершенно другого мира и так неожиданно оказавшейся самой дорогой и значительной из всех, кто когда-нибудь встречался на его пути.

И все же надо было идти дальше. «Не время отлеживаться, пора будить Джулию», – подумал он, но и сам прилег рядом с ней, сбоку, осторожно, чтоб не нарушить ее сна. Охваченный нежностью к девушке, он отвел от ее головы низко нависшие стебли мака, смахнул белого порхающего мотылька, намеревавшегося сесть на ее волосы. «Пускай еще немного поспит, – думал Иван, усаживаясь поудобнее на траве. – Еще немного – и надо будет идти. Идти вниз, в долину...»

Над затуманенной громадой гор в спокойном вечернем небе тихо догорал широкий Медвежий хребет. По крутым его склонам все выше ползла сизая тень ночи, и все меньше становилось розового блеска на зубцах-вершинах. Вскоре они и вовсе погасли, хребет сразу поник и осел; серыми сумерками окутались горы, и на светлом еще небе прорезались первые звезды. Однако Иван уже не видел их – он уснул с последней мыслью: надо вставать.

Разбудила его уже Джулия. Наверное, от холода она заворочалась, плотнее прижимаясь к нему, сонный Иван сразу почувствовал это и проснулся. Она обхватила его рукой и горячо зашептала незнакомые, чужие, но теперь очень понятные ему слова. Он обнял ее, и снова сомкнулись их губы...

Было уже совсем темно. Похолодало. Черными в полнеба горбами высились ближние горы, вверху ярко горели редкие звезды; ветер стих совсем – даже не шелестели маки, только, не умолкая, ровно шумел, клокотал рядом поток. Все травы этого луга ночью запахи так сильно, что их аромат хмелем наполнял кровь. Земля, горы и небо дремали во тьме, а Иван, приподнявшись, склонился над девушкой и долго смотрел ей в лицо, какое-то другое теперь, не такое, как днем, – затаившееся, будто ночь, и точно слегка настороженное. В больших ее глазах мерцали темные зрачки, а в их глубине блестело несколько звезд. По ее лицу блуждали неясные ночные тени. Руки ее и ночью не теряли своей трепетной нежности и все гладили, ласкали его плечи, шею, затылок.

– Джулия! – тихо позвал он, прижимая ее к себе.

Она покорно отозвалась – тихо, с лаской и преданностью:

– Иванио!

– Ты не сердись на меня?

– Нон, Иванио.

– А если я оставлю тебя?

– Нон, амико. Иван нон оставить. Иван – руссо. Кароши, мили руссо.

Торопливо и упруго, с неожиданной для нее силой она прижала его к себе и тихо засмеялась:

– Иван – марито! Нон синьор Дзангарини, нон Марио. Руссо Иван – марито.

Он удовлетворенно, даже с затаенной гордостью в душе спросил:

– А ты рада? Не пожалеешь, что Иван – марито?

Она вскинула пушистые ресницы, затененные его склоненной головой, и звезды в ее зрачках, дрогнув, запрыгали.

– Иван – кароши, кароши марито. Мы будем маленько-маленько филиё... Как это руссо, скажи?

– Ребенок?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Нон ребьёнок. Как это маленько руссо?

– А, сын, – слегка удивленный, догадался он.

– Да, син! Это карашо. Такой маленько-маленко, карашо син. Он будет Иван, да?

– Иван? Ну, можно и Иван, – согласился он и, взглянув поверх нее на черный массив хребта, вздохнул.

Она притихла, о чем-то думая. Оба на минуту умолкли. Каждый погрузился в свои мысли. А вокруг тихо лежали горы, скупо поблескивали редкие звезды, черной непроглядной пеленой покрылся маковый луг. Было тихо-тихо, только мерно бурлил поток; но он не нарушал тишины, и Ивану казалось, что во всем мире их только трое – они и поток. Последние ее слова постепенно согнали с его лица улыбку, исчезла шутовская легкость, он наткнулся на что-то трудное и серьезное в себе, впервые обнаружив еще одно осложнение в их и без того непростых отношениях. А Джулия, наоборот, что-то осмыслив, снова радостно встрепенулась и сжала его в объятиях:

– Иванио! Иванио, карашо! Как ето карашо – филиё! Син! Маленьки син!

Потом разняла руки, повернулась лицом вниз – звезды в ее зрачках исчезли, и лицо тускло засерело светлым пятном, на котором в глубоких тенях чуть заметно мерцали глаза. Короткое возбуждение ее внезапно сменилось тревогой.

– Иванио, а где ми будэт жить? – Она немного подумала. – Нон Рома. Рома отэц уф бёзе! Триесте?..

– Что наперед загадывать!.. – сказал он.

– О! – вдруг тихо воскликнула она. – Джулия знат. Ми будэт жить Белоруссио. Дэрэвня Тэрэшки, близко-близко два озера... Правда?

– Может быть, что ж...

Вдруг она что-то вспомнила и насторожилась:

– Тэрэшки кольхоз?

– Колхоз, Джулия. А что?

– Иванио, плёхо кольхоз?

– Ну что ты! Я же сказал... Хорошо. Война только помешала.

Большой своей пятерней он взьерошил ее жесткие густые волосы, она, уклонясь, высвободила голову и пригладила ее.

– Джулия растет большой кароши волёс. Большой волёс красиво, да?

– Да, – согласился он. – Красиво.

Она помолчала немного и потом, возвращаясь к прежнему разговору, сказала:

– Иван будэт лавораре фэрма, плантация. Джулия будэт... Как это? Виртин вилла[35]. Ми сделаем много-много маки. Как этот люг.

– Да, да, – задумчиво соглашался Иван. У него очень заломила нога, надо было поправить повязку, но он не хотел лишний раз беспокоить девушку. Он лишь выпрямил и свободнее положил ногу в траве, рассеянно слушая Джулию, которая все говорила и говорила рядом.

– Ми будэт много-много счастья... Я очэн хочу счастья. Должен бить человек счастья, правда, Иванио?

– Да, да...

Наверно, Джулию одолевал сон, голос ее становился все тише, мысли путались, и

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru вскоре девушка умолкла. Он тихонько погладил ее плечо, подумал: надо дать ей отдохнуть, выспаться, все равно сколько уж осталось той ночи – первой и, пожалуй, последней ночи их счастья. А завтра идти. Только кто знает, что уготовило им это завтра?

Он долго смотрел в небо – один на один со вселенной, с сотней звезд, больших и едва заметных, с серебристой тропой Млечного Пути через все небо, – и тревожное беспокойство все настойчивее вторгалось в его душу.

За годы войны он совсем отвык от естественной человеческой потребности в счастье. Все его силы расходовались на то, чтобы как-нибудь выжить, не дать уничтожить себя. Конечно, придет время, человечество уничтожит фашизм, люди испытают великую радость братства, свободную, без границ и запретов, любовь, только вряд ли суждено этого дожидаться им с Джулией. Милая сердечная девушка, она в мечтах залетает так высоко, совсем не представляя, что уготовано им на пути в Триест. Вырвавшись из лагеря и познав любовь в этом удивительном мире цветов, она решила, что все страшное уже позади. О, если бы это было так! Но стоит немного подумать, и станет понятно, сколько еще испытаний впереди: оживленные автострады в долине, бурные горные реки, населенные пункты. А заставы, собаки... И вдобавок ко всему огромный, недоступный снежный хребет! Как перейти его им, раздетым, разутым, голодным?

Одно лишь то, что ожидало их в ближайшие дни, могло заставить задуматься каждого, будь он на их месте. А потом? Что их ждало потом, в случае, если бы тут все удалось, – об этом даже не хотелось думать. Не вовремя, ой как не вовремя сошлись они на этой тропинке и полюбили друг друга.

А почему? Почему человек не может иметь маленькой надежды на счастье, ради которого рождается на этот свет и к которому всю жизнь стремится? Почему бы и в самом деле не приехать ей в тихие его Терешки у двух голубых озер, если она хочет этого, если он любит ее, как, очевидно, не способен полюбить ни одну девушку в мире? И – он ясно понимал это – она была бы лучшей в мире женой.

Как чудесно было бы привезти эту черноглазую хохотушку в его деревню! Разве не полюбили бы ее деревенские люди и разве она осталась бы в долгу перед ними? Что из того, что они малограмотные и, может, даже не очень культурные, зато чистосердечные, добрые, участливые в беде и щедрые в радости – почему бы не полюбить таких?

Он не мог представить себе разлуку с ней. Только с ней, пока он будет жив, а там, черт его побери, хоть бы и смерть. Смерти он не боялся, мог побороться за себя, тем более теперь, когда надо бороться за жизнь двоих. Пусть попробуют взять ее от него! А она безмятежно спала на боку, поджав к животу колени. Он встал, осмотрелся и опять сел рядом с ней, хмурый и злой, наверное оттого, что очень хотелось есть, а главное – болела нога. Голень, кажется, распухла. Сильно давила повязка. Иван немного ослабил ее, ощупал – нога пылала жаром, его начала пробирать дрожь. Пришлось взять из травы ненавистную полосатую куртку и закутаться, но теперь и она грела слабо. Через минуту, прислушиваясь к себе, Иван подумал: «Не хватало еще заболеть, что тогда будет? Нет, так нельзя! – подбадривал он себя. – Держись! Во что бы то ни стало держись!»

Но что-то уже изменилось в нем самом. Иван чувствовал это, и тревога, как вода в дырявую лодку, все больше просачивалась в его сознание. Хорошо, что Джулия ничего не подозревала и сладко спала в маках. Он тоже сел рядом, босые ноги засунул под полу тужурки, которой прикрыл ее, и стал всматриваться в ночь. Вскоре его начало клонить ко сну, одолевала усталость. Но рядом доверчиво спала она, и Иван должен был сидеть так, оберегая ее сон.

Уже на рассвете он не выдержал и незаметно задремал, уткнувшись лицом в колени.

Глава двадцать вторая

Притихшая, пока он спал, тревога внезапным толчком ударила в сердце. Иван сразу проснулся и в то же мгновение услышал близкий непонятный крик:

– Во бист ду, руссэ? Зи габэн брот! Зи габэн филе брот[36].

Постепенно светало, хотя солнце еще не взошло; вокруг было неуютно и серо. На

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru луг надвигалось облако, и гор не было видно. Косматые пряди тумана, цепляясь за поникшие росистые маки, ползли и ползли вдоль склона. Иван сорвал тужурку с ног Джулии, она вскочила, испуганно заговорила о чем-то, а он, стоя на коленях, пристально всматривался в ту сторону, откуда донесся этот крик. Вскоре Иван догадался, что это сумасшедший, но сразу же показалось – он не один, с ним люди. И действительно, не успел он в тумане что-либо увидеть, как послышался злобный приглушенный окрик:

– Хельтс мауль! [37]

Джулия поняла все и бросилась к Ивану. Вцепившись в рукав его куртки, она жадно всматривалась вниз, в серый туман, в котором мелькнули живые тени. Но Иван схватил ее за руку и, пригнувшись, бросился к ручью. В другой его руке была тужурка, колодки же остались в маках.

Молча они побежали вдоль ручья вверх.

Иван не выпускал из своей руки пальцев Джулии; девушка, растерянно оглядываясь, едва поспевала за ним. Он старался найти подходящее место, чтобы перебраться на ту сторону – там можно было укрыться в скалах и густых зарослях рододендрона. Но поток бешено мчался с гор, бросаться в его быстрину было бессмысленно.

«Хорошо, что облако! Хорошо, что облако!» – стучала в его голове утешительная мысль. Стремительные клочья тумана пока укрывали их. «Проклятый сумасшедший, почему я не убил его? Все они, сволочи, одного поля ягоды!» – в отчаянии думал Иван и безжалостно тащил вверх Джулию. Они уже миновали поворот потока, взобрались на обрывистый здесь берег, дальше было открытое место. Поток со страшной силой несся по камням, от намерения перейти на ту сторону, очевидно, надо было отказаться. Прежде чем выскочить на луговой росистый простор, Иван, тяжело дыша, упал на колени, обернулся – туман заметно редел, уже стали видны дальние камни в маках, голое пятно взлобка, где он вчера дожидался Джулию. И тут в тумане показалось несколько гитлеровцев – неширокой цепью рассыпавшись по лугу, они приближались к тому месту, где Иван с Джулией провели ночь.

Иван взглянул на Джулию – ее полусонное лицо отражало испуг и крайнюю усталость. «Хоть бы выдержала! Хотя бы она выдержала!» – страстно пожелал Иван. Теперь только ноги могли принести спасение, и, слегка отдышавшись, он снова схватил ее за руку. Она бежала с огромным напряжением, но не отставала от него.

Задыхаясь, они выбрались на верхний участок луга, ноги по колени намокли от росы. Однако с каждой минутой Иван все сильнее прихрамывал на правую ногу, которая странно отяжелела, будто стала чужой – сначала он так и подумал, что, задремав, отсидел ее. Но неподатливая вялость в ней не проходила, в сухожилиях под коленом сильно болело. Джулия вскоре заметила его хромоту и испуганно дернула Ивана за руку.

– Иванио, нёга?

Он проволоч ногу по траве, стараясь ступать как можно осторожнее, но ему это плохо удавалось. Тогда Джулия, оглянувшись, бросилась перед ним на колени и вцепилась в штанину, намереваясь осмотреть рану.

– Надо вязат, да? Я немножко вязат, да?

Он решительно отвел ее руки:

– Ничего не надо. Давай быстреей.

– Больно, да? Больно? – спрашивала она с тревогой в больших глазах, заботливо всматриваясь в него. Было заметно, как от усталости под полосатой курткой бешено билось сердце; высоко поднятые жесткие брови нервно подрагивали.

– Ничего, ничего...

Преодолевая боль, он торопливо заковылял дальше. Рука Джулии выскользнула из его пальцев, и он не взял ее – девушка, поминутно оглядываясь, бежала следом.

– Иванио, амико, ми будет жит? Скажи, будет? – в отчаянии, от которого

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
разрывалось сердце, спрашивала она.

Иван взглянул на нее, не зная, что ответить, но в ее взгляде было столько мольбы и надежды, что он поспешил утешить:

- Будем, конечно. Быстрее только...
- Иваню, я быстро. Я быстро. Я карашо...
- Хорошо, хорошо...

Они уже добежали до верхней границы луга, тут где-то в камнях начиналась тропинка, по которой они пришли сюда ночью; в скалах, пожалуй, можно было бы укрыться. Но облако уже сползло с луга, стало светлее, туман на глазах редел, в разрывах его отчетливо видны были красные заросли маков, камни; эти разрывы все увеличивались. «Черт, неужели не вырвемся? Неужели увидят? Нет, этого не должно быть!» – успокаивал себя Иван и поднимался все выше и выше. Имея уже некоторый опыт побегов, он понимал всю сложность такого положения и знал, что если немцы обнаружат их, то вряд ли упустят.

Тропы, однако, не было, они взбирались по травянистому косоугору. Хорошо еще, что подъем был не очень крутой, мешали только низкорослые заросли рододендрона, которые вконец искололи их ноги. Правда, чуть выше начинался густой хвойный стланик, в нем уже можно было укрыться. Джулия не отставала, напрасно он беспокоился об этом. Босая, с окровавленными ступнями, она пробиралась чуть впереди него, и, когда оглядывалась, он видел на ее лице такую решимость избежать беды, которой не замечал за все время их пути из лагеря. Теперь ей будто не мешали ни камни, ни усталость, ни колючки, ни скальные выступы. Словно тигрица, она яростно боролась за жизнь.

- Иваню! Скоро, скоро...

Она уже торопит его! Заметив это, Иван сжал зубы – кажется, его дела становились все хуже. Нога еще больше налилась тяжестью, распухла в колене, он украдкой поднял разорванную штанину и сразу же опустил – колено сделалось как бревно, затвердело и посинело. «Что за напасть, неужто заражение?»

А тут, как на беду, последние клочья облака проплыли мимо и полностью открыли взору край луга, ярко зардевший маками. И сразу из тумана появились одна, вторая, третья темные, как камни, фигуры немцев. Человек восемь их устало шли лугом, подминая цветы и настороженно оглядывая склоны гор.

Теперь уже можно было не скрываться...

Иван сел, бросив тужурку, рядом остановилась поникшая, растерянная Джулия – несколько секунд от усталости они не могли произнести ни слова и молча смотрели на своих преследователей. А те вдруг загалдели, кто-то, вскинув руку, указал на них, донесся зычный голос команды. Посреди цепи тащился человек в полосатом, руки его, кажется, были связаны за спиной, и двое конвоиров, когда он остановился, толкнули его в спину. Это был сумасшедший.

Немцы сразу оживились и с гиканьем кинулись вверх.

- Ну что ж, – сказал Иван. – Ты только не бойся. Не бойся. Пусть идут!

Чтобы не мешала тужурка, он надел ее в рукава и достал из кармана пистолет. Джулия застыла в молчании. Брови ее сомкнулись, на лицо легла тень упрямой решимости. Он взглянул на девушку, но страха в ее глазах не увидел. Она уже отдышалась, и от недавней тревоги в темных больших глазах осталась лишь печаль обреченности.

- Пошли! Пусть бегут – запарятся!
- Шиссен будет? – удивленно спросила Джулия, будто только теперь поняла, что им угрожает.
- Стрелять далеко. Пусть стреляют, если патронов много.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Действительно, немцы пока не стреляли, они только кричали свое «хальт!», но беглецы торопливо поднимались выше, к зарослям стланика. Оправившись от первого испуга, Джулия опять стала подвижной, быстрой, внимательной и, казалось, готовой ко всему.

– Пусть шиссен! Я не боялся. Пусть шиссен! – говорила девушка.

Непрестанно оглядываясь, она подбежала к Ивану и взяла его за руку. Он благодарно пожал ее холодные пальцы и не выпустил их.

– Иванио, эсэсман шиссен – ми шиссен! Ми нон лагер, да? Да?

Он озабоченно шевельнул бровью.

– Конечно. Ты только не бойся.

– Я не бойся. Руссо Иван не бойся – Джулия не бойся.

Он не боялся. Слишком много пережил он за годы войны, чтобы и теперь бояться. Как только немцы обнаружили их, он почувствовал странное облегчение и внутренне подобрался: в хитрости уже отпала надобность, теперь только бы дал бог силы. И еще, конечно, чтобы рядом оставалась Джулия. С этого момента начинался поединок в ловкости, меткости, быстроте – надо было удирать и беречь силы, не подпустить немцев на выстрел, пробиваться к облакам, с ночи неподвижно лежащим на вершинах гор, и там оторваться от преследователей. Иного выхода у них не было.

Глава двадцать третья

Наконец они добрались до стланика, но прятаться в нем не стали – в укрытии уже не было надобности. Осыпая ногами песок и щебень, хватаясь руками за колючие ветви, Джулия первой влезла на край крутой осыпи и остановилась. Иван, с усилием занося больную ногу, карабкался следом. На самом крутом месте, у верха обрыва, он просто не знал, как ступить, чтоб выбраться из-под кручи: так болела нога. Тогда девушка, став на колени, протянула ему свою тоненькую слабую руку. Он взглянул на синие прожилки вен на ее запястье и сделал еще одну попытку вылезти самому – разве она смогла бы вытащить его? Но Джулия что-то затараторила на странной смеси итальянских, немецких и русских слов, настойчиво подхватила его под мышку, поддержала, и он в конце концов взвалил на край обрыва свое отяжелевшее тело.

– Скоро, Иванио, скоро! Эсэс!

Действительно, немцы догоняли их: самые проворные уже перешли луг и карабкались по крутизне; остальные старались не отставать. Последним, со связанными за спиной руками, спотыкаясь, брел сумасшедший, которого подталкивал конвоир. Кто-то из передних, увидев беглецов возле стланика, закричал и выпустил очередь из автомата. Выстрелы протрещали в утреннем воздухе и, подхваченные эхом, гулко раскатились по далеким ущельям. Иван оглянулся – конечно, до немцев было далеко, а когда снова шагнул вперед, чуть не наткнулся на Джулию, лежавшую на склоне.

– Ты что?

– Нон, нон! Нон эршиссен! – оглядываясь с радостным блеском в глазах, сказала она и вскочила. Лицо ее загорелось злым озорством. – Сволячи эсэс! – звонким, негодующим голосом закричала она на немцев. – Фарфлюхтер! Швайн!

– Ладно, брось ты! – сказал Иван. Надо было беречь силы. Что пользы дразнить этих сволочей? Но Джулия не хотела просто так умирать – злость и наболевшие обиды пересиливали всякое благоразумие.

– Гитлер капут! Гитлер кретино! Ну, шиссен, ну!

Немцы выпустили еще несколько очередей, но беглецы были намного выше преследователей, и в таком положении – Иван это знал – согласно законам баллистики попасть из автоматов было почти невозможно. Это почувствовала и Джулия – то, что вокруг не просвистело ни одной пули, вызвало у нее ликование.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Ну, шиссен! Шиссен, ну! Фашисто! Бриганти![38]

Она покраснелась от бега и азарта, глаза ее горели злым черным огнем, короткие густые волосы трепетали на ветру. Видимо исчерпав весь запас бранных слов, она схватила из-под ног камень и, неумело размахнувшись, швырнула его. Подскакивая, он покатился далеко вниз.

От обрыва первым полез вверх Иван. Кое-как они карабкались вдоль стланика, подъем становился все круче. Черт бы их побрал, эти заросли. Хорошо, если бы они были там, внизу, где еще можно было укрыться от погони, а теперь они только мешали, кололись, цеплялись за одежду. Лезть же через них напрямик было просто страшно – так густо переплелись жесткие, как проволока, смоляные ветки. То и дело бросая тревожный взгляд вверх, Иван искал более удобного пути, но ничего лучшего тут не было. Вверху их ждал новый, еще более сыпучий обрыв, и он понял, что влезть на него они не смогут...

Джулия, однако, не видела и не понимала этого. Занятая перебранкой с немцами, она немного отстала и теперь торопливо догоняла его. Запыхавшись, он присел и вытянул на камнях больную ногу.

– Иванио, нёга? – испуганно крикнула она снизу. Он не ответил.

– Нёга? Дай нёга!

Он молча встал и снова посмотрел вверх, на обрыв; она тоже взглянула туда, осмотрела сыпучую стену и насторожилась.

– Иванио!

– Ладно. Пошли.

– Иванио!

Ее лицо передернулось будто от боли, она оглянулась – немцы быстро лезли по их следам.

– Иванио, морто будем! Нон Тэрэшки. Аллес нон?

– Давай быстрее! Быстрее, – не отвечая, строго прикрикнул Иван: иного выхода, как повернуть в стланик, у них не было. И он, закусив губу, сунулся в непролазную его чашу, которой чурались даже звери. Тотчас колючие иглы сотнями впились в ноги, но он, не обращая на них внимания, оберегал только колено; от боли и напряжения на лбу выступил холодный пот. Не очень остерегаясь колючек и камней, он яростно полез через стланик в обход кручи.

– Ой, ой! Ой! – с отчаянием восклицала Джулия и лезла за ним, то и дело цепляясь за колючки и падая. Иван не успокаивал ее и не торопил – он лишь посматривал на край обрыва, где вот-вот должны были показаться немцы.

Правда, на этот раз беглецам повезло: они добрались почти до верхней границы зарослей, когда внизу из-за кручи вылез первый эсэсовец. Теперь он уже был опасен, потому что разница в высоте между ними и немцами стала незначительной. Как только немец поднял голову, Иван торопливо прицелился из пистолета и выстрелил.

В горах прокатилось гулкое эхо.

Он, разумеется, не попал – было далеко, но немец из предосторожности шмыгнул под обрыв, и вслед за тем раздалась длинная автоматная очередь. «Тр-р-р-рт... р-р-р-т... р-т...» – все дальше относя ее, удлинители очередь горы. Когда эхо затихло, беглецы бросились дальше. Внезапный пистолетный выстрел испугал немцев, и на круче какое-то время никто не появлялся. Потом из-за обрыва показалась полосатая фигура – первой ее увидела Джулия.

– Иванио, гефтлинг!

Сумасшедший, широко расставляя ноги, влез на обрыв и, шатаясь, закричал своим отвратительным сорванным голосом.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Руссэ! Руссэ! Хальт! Варум ду гейст вэг? Зи волен брот габэн![39]

– Цурюк![40] – крикнул Иван.

Сумасшедший испуганно пригнулся и попятился назад. Там на него – слышно было – закричали немцы, которые немного погодя почти все сразу, сколько их было, высыпали из-за обрыва.

Положение ухудшалось. До седловины, где кончался стланик, было рукой подать, но тут немцы могли уже достать их из автоматов. Надо было во что бы то ни стало задержать эсэсовцев и прорваться за седловину. Иван опустил на колено, сунул ствол пистолета в шаткую развилку стланика и выстрелил второй раз, затем третий. Потом, пригнувшись, затаился в низкорослых зарослях. В это время к нему подоспела Джулия:

– Иван, нон патрон аллес! Нон аллес![41]

Он понял, прикоснулся к ее худенькому плечу, желая тем самым успокоить девушку – два патрона он, конечно, оставит. Он ждал выстрелов в ответ, но немцы молчали, широкой цепью они тоже полезли в стланик. Тогда он вскочил и, пригибаясь, чтоб хоть немного прикрыться, заковылял вверх, к седловине над кручей.

Наверно, немцы все же допустили ошибку, когда, глядя на беглецов, тоже подались в стланик. Эти заросли не только задерживали движение, они мешали видеть противника, прицеливаться, и, пока эсэсовцы возились там, Иван с Джулией понемногу продвигались вверх. Ожидая выстрелов сзади, они наконец выскочили из стланика, задыхаясь, добежали до узенькой седловины и почти скатились по другой ее стороне. Отсюда Иван прежде всего окинул взглядом местность: с одной стороны под низко нависшими облаками поднимался такой же, как и сзади, крутой каменистый склон; прямо из-под ног уходил спуск в лощину, за которой начиналась новая невысокая горная складка. Там и сям над горами плыли белые, как овечьи стада, облака, а над ними сплошная завеса туч закрывала снежные вершины.

Едва они выбежали из седловины, Джулия, сложив на груди ладони, упала на колени, и губы ее быстро-быстро зашептали какие-то слова.

– Ты что? Быстрее! – крикнул он.

Она не ответила, прошептала еще несколько слов, и он, сильно хромя, побежал вниз. Она торопливо вскочила и быстро догнала его.

– Санта Мария поможет. Я просит очэн, очэн...

Он искренне удивился:

– Брось ты! Кто поможет!

Не зная, куда податься, и не в силах уже лезть вверх, они спустились наискосок по склону в лощину. Седловина с кручей пока еще защищала их от немцев. Бежать вниз было намного легче, тело, казалось, само несло вперед, только от усталости подгибались колени. Иван все сильнее хромял. Джулия опережала его, но далеко не отбегала и часто оглядывалась. Очевидно, то, что они вырвались чуть не из-под самого носа немцев, вызвало у девушки неудержимый азарт. Задорно оглядываясь на Ивана, она лепетала с надеждой и радостью:

– Иванио, ми будет жит! Жит, иванио! Я очэн хотель жит! Браво, вита![42]

«Ой, рано, рано радоваться!» – думал Иван, оглядываясь на бегу, и тотчас увидел на седловине первого эсэсовца. Он с трудом вылез из-за камней, высоко, в подтянутых бриджах. Мундир на нем был расстегнут, и на груди белела рубашка. Нет, он не спешил стрелять, хотя они были и не очень далеко от него и намного ниже. С полминуты он смотрел на них, стоя на месте, а потом крикнул что-то остальным, наверно подходившим к нему сзади, и захохотал. Смеялся он долго, что-то кричал вдогонку беглецам. Потом, вместо того чтобы бежать за ними, сел на камень и снял с головы пилотку.

Джулия подскочила к Ивану и затормозила его:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Иванио, Иванио, смотри. Он благороди тэдэско! Он пустиль нас! Пустиль... Смотри!

Иван не мог понять, почему они не стреляли и не преследовали, почему они оставили их и все остановились на седловине. Один из них отошел в сторону и, размахивая автоматом, закричал:

– Шнеллер! Шнеллер! ляуф шнеллер! [43]

– Иванио, тэдэски пустиль нас! – на бегу с вдруг загоревшейся радостью лепетала Джулия. – Ми жит! Ми жит!

Иван молчал.

«Что за напасть? Что они надумали?» Все это действительно казалось ему странным. Но Иван был уверен, что это неспроста, что эсэсовцы не от доброты своей остановили погоню, они готовят что-то еще более худшее.

Но что?

Иван с Джулией добежали до самого дна лощины, сквозь рододендрон продрались на другую ее сторону – невысокий, пологий склон-взлобок – и обессиленно поплелись наверх. Выветрившийся песчаник и колючки низкорослой травы вконец искололи их ноги, но теперь они не ощущали жесткости земли. Джулия то убегала вперед, то возвращалась, оглядываясь на немцев. Радость ее все возрастала по мере того, как они отходили от седловины. Однако унылый, обеспокоенный вид Ивана в конце концов не мог не обратить на себя ее внимания.

– Иванио, почему фурыэзо? нёга, да? – обеспокоенно спросила она.

– Не нога...

– Почему? Ми будем жит, Иванио, ми убегаль...

Кажется, он уже догадался, в чем было дело. Не отвечая ей, Иван торопливо ковылял по взлобку, который дальше круто загибался вниз. Он скрывал их от немцев, это было хорошо, но... Они выходили из-за пригорка, и тут Джулия, наверное также о чем-то догадавшись, вдруг остановилась. Горы впереди расступились, на пути беглецов необъятным простором засинел воздух – внизу лежало мрачное ущелье, из которого, клубясь, полз к небу туман.

С вдруг похолодевшими сердцами они молча добежали до обрыва и отшатнулись – склон круто падал в затуманенную бездну, в которой кое-где серели пятна нерастаявшего зимнего снега.

Глава двадцать четвертая

Джулия лежала на каменном карнизе в пяти шагах от обрыва и плакала. Он не успокаивал ее, не утешал – сидел рядом, опершись руками на замшелые камни, и думал, что, наверное, все уже кончилось. Впереди и сбоку к ним подступал обрыв, с другой стороны начинался крутой скалистый подъем под самые облака, сзади, в седловине, сидели немцы. Получилась самая отменная западня – надо же было попасть в такую! Для Джулии это было слишком внезапно и мучительно после вдруг вспыхнувшей надежды спастись, и он теперь не уговаривал ее – не находил для этого слов.

Из пропасти несло промозглой сыростью, их разгоряченные тела начали быстро остывать; вокруг в скалах, словно в гигантских трубах, выл, гудел ветер, было облачно и мрачно. Но почему немцы не идут, не стреляют, столпились вверху на седловине – одни сидят, другие стоят, обступив полосатую фигуру безумного? Иван всмотрелся и понял: они развлекались. Раскуривая, тыкали в гефтлинга сигаретами – в лоб, в шею, в спину, – и гефтлинг со связанными руками вьюном вертелся между ними, плевался, брыкался, а они ржали, обжигая его сигаретами.

– Руссэ! Рэттэн! Руссэ! [44] – летел оттуда истошный крик сумасшедшего.

Иван насторожился – сволочи, что они еще выдумали там? Почему они такие

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru безжалостно-бесчеловечные и к своим и к чужим – ко всем? Неужели это только от душевной низости, ради забавы?

Похоже было, немцы чего-то ждали, только чего? Возможно, какой-либо подмоги? Но теперь ничто уже не страшно. Теперь явная финита, как говорит Джулия. Четвертый его побег, видимо, станет последним. Жаль только вот это маленькое человеческое чудо – эту черноглазую говорунью, счастье с которой было таким хмельным и таким мимолетным. Хотя он и так был благодарен случаю, который послал ему эту девушку в самые последние и самые памятные часы его жизни. После всего, что случилось, как это ни странно, умирать рядом с ней было все же легче, чем в ненасытной печи крематория.

Джулия, кажется, выплакалась, плечи ее перестали вздрагивать, только изредка подергивались от холода. Он снял с себя тужурку и, потянувшись к девушке, бережно укрыл ее. Джулия восторгалась, пересилила себя, села и запачканными, в ссадинах кулачками начала вытирать заплаканные глаза.

– Плехо, Иванио. Ой, ой, плехо!..

– Ничего, не бойся! Тут два патрона, – показал он на пистолет.

– Нон счастья Джулия. Фина вита[45] Джулия, – в отчаянии говорила она.

Он неподвижно сидел на земле, неотрывно следя за немцами, и все внутри у него разрывалось от горя и беспомощности. Перед собственной совестью он чувствовал себя ответственным за ее судьбу. Только что он мог сделать? Если бы хоть немного доступнее был обрыв, а то проклятый, нависший над бездной карниз, за ним еще один, а дна так и не видно в мрачном тумане, даже не прослушивался шум потока. Опять же нога, разве можно удержаться на такой крутизне? И вот все это, собравшись одно к одному, определило их неизбежный конец.

– Руссэ! Рэттэн! Рэттэн! Руссэ! – слабо доносился из седловины голос безумного.

Джулия, увидев на седловине немцев, привстала на колени и вскинула маленькие свои кулачки:

– фашисти! Бриганти! Своляч! Нэйман зи унс! Ну?[46]

На седловине примолкли, затихли, и ветер вскоре донес оттуда приглушенный расстоянием голос:

– Эй, рус унд гурен! Ми вас будет убиваль!..

И вслед второй:

– Ком плен! Бросай холодна гора. Шпацирен горяча крематориум!..

Лицо Джулии снова загорелось яростной злостью.

– Нейм! Нейм! – махала она кулачками. – Ком нейм унс! Нун, габен зи ангст?![47]

Немцы выслушали долетевшие до них сквозь ветер слова и один за другим начали выкрикивать непристойности. Джулия, злясь от невозможности ответить им в таком поединке, только кусала губы. Тогда Иван взял ее за плечи и прижал к себе. Девушка послушно припала к его груди и в безысходном отчаянии, как дитя, заплакала.

– Ну не надо! Не надо. Ничего, – неловко успокаивал он, едва подавляя в себе приступ злобного отчаяния.

Джулия вскоре затихла, и он долго держал ее в своих объятиях, горько думая, как здорово все началось и как нелепо кончается. Наверно, он абсолютный неудачник, самый несчастный из всех людей – не смог воспользоваться такой благоприятной возможностью спастись. Голодай, Янушка и другие сделали бы это куда лучше – добрались бы уже до Триеста и били бы фашистов. А он вот завяз тут, в этих проклятых горах, да еще, как волка, дал загнать себя в ловушку. Видно, надо было, как и взялся, рвать ту бомбу – пусть бы бежали другие. А так вот... И еще погубил Джулию, которая поверила в тебя, побежала за тобой, полюбила... Оправдал

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ты ее надежды, нечего сказать!

Он прижимал к груди ее заплаканное лицо, неясно, сквозь собственную боль ощущая трепет ее рук на своих плечах. Это вместе с отчаянием по-прежнему вызывало в нем невысказанную нежность к ней.

Потом Джулия села рядом, поправила рукой растрепанные ветром волосы:

– Малё, малё волёс. Нон большой волёс. Никогда!

От горя он только стиснул зубы. Рассудок его никак не мог примириться с неотвратимостью гибели. Но что сделать? Что?

– Иванио, – вдруг оживившись, воскликнула она. – Давай манджаре хляб. Есть хляб!

Она достала из кармана остатки хлеба и с неожиданно вспыхнувшей радостью в заплаканных глазах разломала его пополам:

– На, Иванио.

Он взял большой кусок, но на этот раз не стал делиться, уравнивать порции – теперь это не имело смысла. С наслаждением они проглотили хлеб – последний остаток своего запаса, который берегли до Медвежьего хребта. И тут Иван с новой остротой почувствовал неизбежность конца. Странно, но с этим куском вдруг исчезла последняя надежда выжить – съев его, они тем самым как бы подытожили все свои жизненные заботы, и теперь осталось только одно – прожить недолгие минуты и умереть. Ивана снова охватила тоска при мысли о напрасной трате стольких усилий и в такое время! Ребята на востоке уже освободили родную землю, вышли за границы Союза, идут сюда, и он уже не встретит их, хотя так рвался навстречу...

Джулия бросала полные отчаяния взгляды на мрачные ущелья, то и дело посматривала на тех, вверху, что не уходили, сидели, караулили их тут.

– Иванио! Где ест Бог? Где ест Мадонна? Где ест справьядливость? Почему нон кара фашизм? – спрашивала она, в горе ломая тонкие смуглые руки.

– Есть справедливость! – точно очнувшись, крикнул он. – Будет им кара! Будет!

– Где ест кара? Где? Энглиш? Американ? Совет Унион?

– Конечно! Советский Союз. Он свернет хребты этим сволочам.

– Совет Унион?

– Ну конечно.

Джулия с внезапной надеждой в глазах устремилась к нему.

– Он карашо? Люче, люче все?

Иван не понял, спросил:

– Что?

– Россия карашо? Справьядливо? Блягородно! Иванио вчера говори правду, да?

И вдруг будто в новом свете и совершенно другими, чем прежде, глазами увидел он и ее, и себя, и далекую свою Родину – то, чем она была для него всю жизнь и чем могла быть.

– Да, – твердо сказал он. – Россия – чудесная, хорошая, справедливая страна. Лучше ее нет! А что еще будет! После войны! Когда раздавим Гитлера. Вот увидишь... Эх, если бы хоть один день!.. Один только день!..

В неудержимом порыве Иван сорвал с камня жесткую поросль мха. Захлестнутый бурной волной нестерпимо жгучей любви к далекой своей Отчизне, он больше ничего не мог сказать, чувствуя, что готов заплакать, чего никогда с ним не случалось. Джулия, видно, поняла это и ласково прикоснулась к его колену.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Я знат, – почти сквозь слезы, но со светлой улыбкой произнесла она. – Я знат. Я верит тебе. Я думаль, немножко Иван говорит неправда. Я ошибалься...

Она как-то сразу приободрилась. Было холодно, из ущелья дул пронизывающий ветер, и она запахнула полы тужурки. Только красные, окровавленные ступни ее стлы на камне – прикрыть их было нечем. Вдруг она, будто вспомнив о чем-то, привстав на колени, просто, без всякого перехода, запела:

Расцетали явини и гуши,
Попили туани над экой...

Иван удивился: уж очень неуместной показалась ему песня на краю этой могилы. Но увидев, как застыли на седловине немцы, тоже стал подпевать.

Видно, песня удивила немцев, они что-то закричали. Иван не слышал этих выкриков, он проникся простенькой этой мелодией, которая внезапно вырвала их из состояния обреченности и унесла в иной, человеческий и несказанно светлый мир.

Однако немцы недолго удивлялись их дерзости – вскоре кто-то из них сорвал автомат и выпустил очередь. На этот раз тут и там пули высекали на камнях стремительные дымки, которые сразу подхватил ветер. Иван дернул Джулию за полы тужурки, девушка неохотно пригнулась и спрятала голову за камень. «Стреляйте, сволочи, стреляйте! Пусть слышат! – подумал он, имея в виду лагерь, в котором всегда прислушивались к каждому выстрелу с гор. – Пусть знают: еще живы!»

Несколько минут они лежали за каменным барьером, пережидая, пока над ущельем громом отгрохочут очереди. Пули все же редко попадали сюда: немцы больше пугали, стараясь держать их в страхе и покорности. Потом автоматы умолкли. Далеко раскатилось эхо, и не успело оно заглухнуть, как откуда-то со стороны луга прорвались сквозь ветер новые, знакомые звуки. Вскинув голову, Джулия хотела что-то сказать, но Иван жестом остановил ее – они стали вслушиваться, напряженно глядя друг на друга. Несмотря на то, что рядом была Джулия, Иван зло выругался – за седловиной заливались лаем собаки.

Долго подавляемый гнев вдруг прорвался в Иване, он поднялся на широко расставленные ноги – разъяренный и страшный.

– Звери! – закричал он на немцев. – Звери! Сами боитесь – помощников ведете! Все равно нас не взять вам! Вот! Поняли?

Конечно, они легко могли застрелить его, но не стреляли. Кажется, они старались понять, что прокричал им этот флюгпункт. От нервного возбуждения Иван весь трясся, его знобило – начинался жар. Он оглянулся – вверху немного прояснилось, в разрыве облаков стали видны блестящие от утренних лучей просветы голубизны. Казалось, вот-вот должен был выплыть из туч Медвежий хребет, до которого они не дошли. Очень хотелось увидеть его и солнце, но их все не было, и оттого стало невыносимо горько.

Иван опустил на землю – то, что вот-вот должно было произойти, уже не интересовало его, он знал все наперед. Он даже не оглянулся, когда собаки появились на седловине. Овчарки шли все время по следу и были разъярены погоней. Джулия вдруг бросилась к Ивану, прижалась к нему и закрыла лицо руками:

– Нон собак! Нон собак! Иваню, эршиссен! Скоро!.. Эршиссен!

Гнев и первое потрясение, прорвавшиеся в нем, сразу исчезли, он снова стал спокойным. Убить себя было просто, куда страшнее то же самое сделать с Джулией, но он должен это сделать. Нельзя было позволить эсэсовцам взять их живыми и повесить в лагере – пусть волокут мертвых! Если уж не удалось вырваться на свободу, так надо досадить им хотя бы своей смертью.

В это время немцы пустили собак.

Одна, две, три, четыре, пять пегих, спущенных с поводков овчарок, распластавшись на бегу, устремились по склону; за ними бежали немцы. Поняв, что вот-вот они окажутся тут, Иван вскочил, схватил за руку Джулию, та бросилась ему на шею и захлебнулась в плаче. Он чувствовал, что надо что-то сказать. Самое главное,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru самое важное осталось у него в сердце, но слова почему-то исчезли, а собаки с визгом неслись уже по лощине. Тогда он оторвал ее от себя, толкнул к обрыву – на самый край пропасти. Девушка не сопротивлялась, лишь слабо всхлипывала, будто задыхаясь, глаза ее стали огромными, но слез в них не было – стыл только страх и подавляемый страхом крик.

На обрыве он кинул взгляд в глубину ущелья – оно по-прежнему было мрачным, сырым и холодным; тумана, однако, там стало меньше, и в пропасти ярко забелели снежные пятна. Одно из них узким длинным языком поднималось вверх, и в сознании его вдруг сверкнула рискованная мысль–надежда. Боясь, что не успеет, он ничего так и не сказал Джулии, а опустил уже поднятый пистолет и толкнул девушку на самый край пропасти:

– Прыгай!

Джулия испуганно отшатнулась. Он еще раз крикнул: «Прыгай на снег!» – но она снова всем телом качнулась назад и закрыла руками лицо.

Собаки тем временем выскочили на взлобок. Иван почувствовал это по их лаю, который громко раздался за самой спиной. Тогда он сунул в зубы пистолет и подскочил к девушке. С внезапной яростной силой он схватил ее за воротник и штаны и, как показалось самому, бешено ногами вперед бросил в пропасть. В последнее мгновение успел увидеть, как распластанное в воздухе тело ее пролетело над обрывом, но попало ли оно на снег, он уже не заметил. Он только понял, что самому с больной ногой так прыгнуть не удастся.

Собаки бешено взвыли, увидев его тут, и Иван подался на два шага от обрыва. Впереди всех на него мчался широкогрудый поджарый волкодав с одним ухом – он перескочил через камни и взвился на дыбы уже совсем рядом. Иван не целился, но с неторопливым, почти нечеловеческим вниманием, на которое был еще способен, выстрелил в его раскрытую пасть и, не удержавшись, сразу же в следующего. Одноухий с лету юзом пронесся мимо него в пропасть, а второй был не один – с ним рядом бежали еще два, и Иван не успел увидеть, попал он или нет.

Его недоумение оборвал бешеный удар в грудь, нестерпимая боль пронизала горло, на миг мелькнуло в глазах хмурое небо, и все навсегда погасло...

Вместо эпилога

«Здравствуйте, родные Ивана, здравствуйте, люди, знавшие Его, здравствуй, деревня Терешки у Двух Голубых Озер в Белоруссии.

Это пишет Джулия Новелли из Рима и просит вас не удивляться, что незнакомая вам синьора знает вашего земляка, знает Терешки у Двух Голубых Озер в Белоруссии и имеет возможность сегодня, после нескольких лет поисков, послать вам это письмо.

Конечно, вы не забыли то страшное время в мире – черную ночь человечества, когда с отчаянием в сердцах тысячами умирали люди. Одни, уходя из жизни, принимали смерть как благословенное освобождение от мук, уготованных им фашизмом, – это давало им силы достойно встретить финал и не погрешить перед своей совестью. Другие же в героическом единоборстве сами ставили смерть на колени, являя человечеству высокий образец мужества, и погибали, удивляя даже врагов, которые, побеждая, не чувствовали удовлетворения – столь относительной была их победа.

Таким человеком был и ваш соотечественник Иван Терешка, с которым воля Провидения свела меня на трудных путях победной борьбы и огромных утрат. Мне пришлось разделить с Ним последние три дня Его жизни – три огромных, как вечность, дня побега, любви и невообразимого счастья. Судьбе не угодно было дать мне разделить с Ним и смерть – рок или обычный нарастающий сугроб снега на склоне горы не дали мне разбиться в пропасти. Потом меня подобрала добрая люди – отогрели и спасли. Конечно, это случилось позже, а в тот первый миг после моего падения в пропасть, когда я открыла глаза и поняла, что жива, Ивану в живых уже не было – вверху под облаками утихал вой псов, и лишь эхо Его последних двух выстрелов, отдаваясь, грохотало в ущелье.

Постепенно я возвратилась к жизни. Она поначалу казалась мне лишенной всякого смысла без Него, и долгие месяцы моего одиночества были полны лишь теми скорбными и счастливыми днями, прожитыми с Ним. Я могла бы описать вам, какой

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru это был человек, но думаю, вы лучше меня знаете Его. Я хочу только сообщить, что вся моя последующая жизнь была неразрывно связана с ним, так же как и моя скромная общественная деятельность в Союзе борьбы за мир, в издании профсоюзной газеты, наконец, в воспитании сына Джиованни, которому уже восемнадцать лет и который готовится стать журналистом. (Между прочим, это он перевел на русский язык мое письмо, хотя и я изучила ваш язык, но, конечно, не столь совершенно, как сын.) Еще в моей комнате висит карта Белоруссии – страны, так горячо любимой Иваном. Жаль, что у меня нет фото Ивана. Хоть бы какое-нибудь: детское, юношеское или еще лучше – солдатское...

Иногда, вспоминая Иванио, я содрогаюсь от мысли, что могла бы не встретиться с ним, попасть в другой лагерь, не увидеть Его схватки с командфюрером, не побежать за ним после страшного взрыва – пройти в жизни где-то мимо него, не соприкоснуться с ним. Но этого не случилось, и теперь я говорю спасибо Провидению, спасибо всем испытаниям, выпавшим на мою долю, спасибо случаю, сведшему меня с ним.

Вот и все. Финита.

С благодарностью ко всем – родившим, воспитавшим и знавшим Человека, истинно русского по доброте и достойного восхищения по своему мужеству. Не забывайте Его!

Спасибо, спасибо за все.

Уважающая вас

Джулия Новелли из Рима».

Мертвым не больно

Глава первая

Звонит телефон, и она берет трубку.

Мы враз притихаем. Навалившись на отполированный, широкий, точно прилавок, барьер, мы с нетерпением ждем ее слова, которое должно либо разочаровать нас, либо обрадовать. Вообще-то мы готовы ко всему, было бы только что-то окончательное. Хуже всего в жизни – неопределенность: она отнимает волю к действию. Но женщина, словно избегая того и другого, озабоченно хмурит тонкие подведенные брови. Минута внимания, торопливые отметки в бланках, что лежат перед ней на стекле, скупые профессиональные вопросы кажутся необыкновенно долгими. Наконец она отрывает от уха трубку.

– Товарищи, мест нет.

Над барьером – трудный, продолжительный вздох, разрозненные движения уставших от долгого стояния людей.

– И не будет?

– Не могу сказать.

Снова неопределенность? Жаль.

А гостиница добротная. Считаю, в самом центре. С одно-, двухместными номерами. Белокафельными ваннами. Зеркальной желтизной паркета. Царской ширины кроватями в номерах. В длинных, на целую улицу, коридорах такие же длинные мягкие дорожки. Между этажами снуют быстроходные лифты. Вежливые тети-горничные первыми здороваются с постояльцами. Такое запоминается. Особенно провинциалу, который раз в год попадает сюда по делам службы. Правда, немного пугает цена, к командировочным приходится добавлять из своего кармана. Но изредка это можно себе позволить. Тем более в годовщину Победы. К тому же выбирать не приходится – в других гостиницах давно уже ни одного места.

Вот только это ожидание...

Напротив за круглым столом освобождается стул (кто-то не выдержал), и я вылезаю

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru из очереди. Лысый, сутуловатый человек с «Известиями» делает за мной шаг вперед. Он побережет место, а мне уж невмоготу: ноет нога. Мой мучитель – протез – с первого же шага противно скрипит. Сосед сзади опускает газету. «Молодой, а гляди ты! Калека...» – наверняка думает он. Я отлично угадываю слова и мысли, которые возникают у людей при виде моего увечья, и мне это, признаться, довольно-таки осточертело. К своей незавидной судьбе я уже привык. Правда, за двадцать лет бывало всякое. Случалось, и мучился. В самом деле, еще подмывало припустить за мячом, как стал инвалидом.

Стараюсь ступать как можно ровнее. Кажется, получается лучше, во всяком случае тише. Но скользкий паркет выдает мою скованность, и опять – приглушенный скрип протеза. Жуликоватый на вид мастер, который его ремонтировал сегодня, говорил, что «притрется». Но вот не «притирается». За столом молодой парень в таком же пестром, как и на мне, пиджаке уважительно подбирает ноги.

– А вы бы ей документы показали. Зачем торчать в этой очереди?

Как всегда, от чужого сочувствия становится немного не по себе, и я бормочу что-то виновато-неразборчивое.

– Должны найти. Неужто для инвалида войны не найдут одного места? – говорит он и, нахмурившись, начинает приводить в порядок ногти.

Я не очень ловко опускаюсь на стул. И откуда ему известно, что я – инвалид войны? А может, несчастный случай? нарушение правил техники безопасности? Хотя, конечно, выдает возраст...

Парень между тем держит себя так, будто больше меня не замечает. Все его эмоции скрыты под маской холодной сдержанности. Но я чувствую: ко мне он дружелюбен, только маскирует это свое чувство, так же как и любопытство. Почему-то в отношениях между мужчинами так принято, будто выдать свое расположение – слабость.

А мне он чем-то положительно нравится. Может, именно вот этой замкнутостью, которая всегда заставляет предполагать серьезность и независимость характера. Хотя молодости, пожалуй, больше импонирует искренность. Серьезность и характер приходят с годами, а у молодых подкупает открытость. У этого же сосредоточенное, не очень располагающее к себе лицо. Аккуратная свежая «канадка». На лацкане однобортного пиджака синий эмалевый ромбик. Ясно, технический вуз. Видно, какой-нибудь инженер, приехал издалека по делам производства. Дома молодая жена, ребенок, малогабаритная квартира где-нибудь на верхнем этаже в новом квартале. И, понятное дело, самая интересная в мире отрасль – электроника или радиотехника. Теперь это сфера увлечения многих. К сожалению, мы в таком возрасте занимались другим, потому и остались, по существу, недоучками. Хотя ничего не поделаешь: время было иное. Каждый мужчина мерил свою ценность солдатской меркой. Артиллерия, танки, авиация – думалось, это надолго, если не на всю жизнь. Но война порешила иначе. Сколько она отняла сил, засушила талантов. И вот результат – сельский культпросветработник. Сорок рублей зарплата.

Парень замечает мой взгляд и мое затаенное к нему любопытство. Дальше молчать нам уж просто неловко. Он вынимает из кармана пачку «Шипки» и привычным жестом протягивает ее мне:

– Курите?

– Нет, спасибо.

– Бросили или не начинали?

– Когда-то начинал, да помешало ранение.

В секундном недоумении он поглядывает на мои ноги, затем более продолжительным взглядом окидывает борты пиджака. Я его понимаю без слов: какая может быть связь между ранением и куревом? Но стоит ли упоминать еще и о ранении в грудь, которое чуть не окончилось для меня финалом? К тому же парень, наверно, ожидал увидеть на пиджаке орденские планки. Конечно, он человек образованный, кое-что читал про войну и, пожалуй, готов видеть во мне героя. Но оттого, что уже надоело

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru объяснять все это, теперь я молчу. Парень прикуривает сигарету и круто поворачивается на стуле. Возле администратора начинается оживление. Не появились ли вдруг места?

Нет, кажется, тревога напрасная. В очередь пробует влезть какой-то простодушный дядька. Он в новой стеганке, с огромным чемоданом-сундуком и полной сеткой батонов. Наверное, из деревни. Становиться в хвост очереди дядька не хочет и плечом и локтем пробует втиснуться между толстяком с пакетом под мышкой и человеком в кожаной куртке. Толстяк с опозданием поднимает тревогу:

– Куда лезете? Куда лезете? Вы где стояли?

– Ну стоял. Ну! А как же, если бы не стоял! Стоял. Что я, врать буду?

– Где, покажите, где вы стояли?

Дядька, видно по всему, нигде не стоял, но он во что бы то ни стало хочет занять место поближе к администратору. К тому же он успел уже просунуть между людьми руку и вцепиться в никелированный бортик барьера. Теперь дядьку не сдвинуть. Многотерпеливой очереди это, ясное дело, не нравится, и она множеством глаз молчаливо осуждает нарушителя гостиничной этики. Из-за барьера в конфликт уверенно вступает администраторша.

– Дядька, а паспорт у вас есть? – искушенно бьет она в его самое уязвимое место.

Дядька растерянно переспрашивает:

– Кого?

– Паспорт! Паспорт, говорю, у вас есть?

Должно быть, понимая всю сложность своего положения, дядька старается выиграть время. Мнется, дергает плечом, лезет зачем-то в карман, сдвигает на затылок черную кепку. Но очередь ждет, и отвечать, хочешь не хочешь, надо.

– Паспорт? Да это самое... Какой паспорт? Паспорта нету.

– А что же вы лезете? У нас строгий паспортный режим. Мы вас не можем поселить без паспорта.

Дядька внимательно выслушивает женщину. Голос администраторши незлобивый, с нотками сочувствия, обмана не должно быть, и дядьку это повергает в смущение. На морщинистом лбу его бисером выступает пот. Минуту дядька раздумывает, но руки от барьера не отнимает. На всякий случай.

– Вам же русским языком объяснили! – нервничает толстяк. – Вы что, не понимаете? Это хамство, в конце концов.

Однако действительно похоже, что дядька не понимает или, может, не хочет понять. Тогда из очереди к нему выскакивает вертлявый, разбитной с виду человек. Всепонимающим взглядом гостиничного старожилы он бегло окидывает дядьку. Черный плащ на его плечах шуршит, как жестяной.

– Я сейчас ему разъясню. А ну, гражданин, чуток в сторонку, чтоб не мешать и так далее. Куда вы встречаете? Вы понимаете? Вы что же себе думаете? А вон, гляньте, милиция. Да не туда смотрите – вон, возле швейцара. Видите? Ну вот! Стоит доложить и... Понятно?

Дядька озабоченно посматривает то на человека в плаще, то на милиционера у входа и начинает оправдываться:

– Да я что?.. Я ничего. Думал...

– А вы не думайте! Вы выполняйте. Порядок положено выполнять. За нарушение порядка – уголовная ответственность. А как же вы думали?

Очередь снисходительно наблюдает за говоруном и дядькой. Это забавляет. Некоторые про себя улыбаются. Ишь, «заливает»! «Заливает» действительно неплохо.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Видно, опытный спец по такого рода делам, так как дядька вскоре, оглядываясь, боком подается к выходу.

– Дремучий народ! – пожимает плечом человек и облакачивается на барьер. – Так и норовит обойти закон.

– Законник! – язвительно проговаривает мой сосед и вытягивает под столом ноги.

«Законник» откровенно плутовским взглядом снизу вверх окидывает администраторшу и налегает на барьер. Через минуту он уже сыплет там шутками. И все у него получается легко и просто. Со стороны кажется: весельчак-человек! Не то что остальные, в дремотном ожидании понуро стоящие возле барьера.

Мой сосед, однако, придерживается иного мнения.

– Развелось паразитов... Думаете, он так себе увивается? Тоже хочет без очереди влезть. Разве не видно?

Кто его знает? Возможно, и так. Минуту я наблюдаю, как он распинается перед администраторшей. Но очередь молчит, ничего плохого не подозревая, и я отворачиваюсь.

Сосед откидывается на спинку стула.

– Приспособились, как микробы к антибиотикам. Ни уголовным кодексом, ни дружинниками, ни милицией – ничем их не примешь.

Это, конечно, верно. Но мне как-то неловко хаять человека, которого совсем не знаешь. Парень подвигается на угол стола.

– Скажите, вот вы воевали. Неужто так же было? Или там все-таки по-другому с ними обращались?

Да, видно, на войне было несколько проще. Подлость там более заметна. Перед смертью, ясное дело, маскироваться труднее. Но такого рода типы приспособлялись и на войне. Парень с легким недоверием выслушивает меня, вздыхает и вдруг окончательно сбрасывает с себя маску отчужденности.

– И все же я завидую вам.

Это у него вырывается по-мальчишески просто и так естественно, что не оставляет никакого сомнения в искренности. И хотя я уже не первый раз слышу подобное, все же не могу не удивиться: чему люди завидуют? Знают ли они то, о чем говорят? Парень коротко поясняет:

– Вы если на что решались, так без оглядки. Не кривя душой. Если уж били, то размахнувшись – и до обуха!

Отчасти так, но на деле все было сложнее. На войне не слишком лицемерили, это правда. Но ударить на полный взмах не всегда удавалось. Были причины, которые придерживали за руку. Мой сосед курит, сквозь дым выжидательно поглядывает на меня. Я же молчу. Видно, надо ответить. Но одной фразой не обойтись. Нужен долгий разговор, который тут не к месту.

Глава вторая

В вестибюле приглушенный говор, стук дверей, то и дело доносится грохот машин с улицы. По ту сторону большого окна безостановочно снуют люди. К вечеру на дворе потеплело. Унялся ветер. После долгих дождей распогодилось, подсохли тротуары. Кажется, началась несколько запоздавшая, но оттого еще более желанная весна.

Но вот в гостиничную суету врываются незнакомые голоса – незнакомые слова, чужой напевный акцент. Несдержанный женский смех многих заставляет оглянуться. Толпа туристов, неторопливо вливаясь сквозь двери, заполняет просторный вестибюль. У подъезда за стеклянными дверями высится огромный, в эмали и никеле, заграничный автобус.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Возле барьера умолкают разговоры, лица поворачиваются к входу. Туристы не спеша, степенно и даже с какой-то ленцой вносят свои сумки, чемоданы, пледы. Усердствуют швейцары. На середине вестибюля, возле колонны, складывается багаж – целая гора из чемоданов. Мой сосед определяет:

– Французы! Нет, итальянцы! Хотите посмотреть?

Предусмотрительно оставив на стульях газеты, мы встаем и подходим к ним ближе. Туристы на нас не обращают никакого внимания. Они преисполнены собственных впечатлений. Изящные женщины в брюках и клешах и все в туфлях на острых каблуках смеются и курят. Роскошные черные, светлые, рыжие прически. Ярко накрашенные губы. Чернявые плечистые мужчины великодушно сдержанны, как мудрецы среди строптивых кокеток. Что ж – у них праздник: поездка, новая страна, про которую они столько слышали и теперь только ее увидели. Озабоченность и суета будней они оставили дома. Завидная черта характера – отграничивать будни от праздников, беспокойство от радости. У нас, к сожалению, так не получается. Видно, в нашей истории слишком много такого, о чем не просто забыть. И потому даже в годовщину Победы печать пережитого незримо лежит на нашем настроении.

Мы молча стоим возле гардероба. Мой сосед с любопытством всматривается в лица иностранцев. Это интересно – постигать скрытый смысл характеров. Но я и не пытаюсь. Французы, англичане, итальянцы для меня – закрытая книга. Их сущность где-то вне сферы моего понимания. Другое дело – немцы. С немцами мы пережили общее несчастье. Они нам причинили немало горя, но мы незлобивы: пусть живут на здоровье. Главное, чтоб в мире. За прошлое, сдается, мы расквитались.

Однако мы зазевались. Пока туристы толпились в ожидании чего-то, мимо нас быстрым шагом проходят один, другой – от барьера. В руках – знакомые бланки пропусков, кажется, появились места. Я круто оборачиваюсь назад и едва не сталкиваюсь с «законником». Он обдаёт меня жестяным шуршанием плаща и бежит к лифту. На лице озабоченность. Маску оживления и легкости он уже сбросил за ненадобностью. Я удивляюсь:

– Смотри, отхватил?

Парень иронически хмыкает:

– Ну! Я же говорил.

Мы подбегаем к очереди и конечно же опаздываем. Мест нашлось только четыре, и все они розданы. Четверо счастливых уже на этажах. В том числе и тот, без очереди.

Остальным опять ждать.

Одно место за столом пусто. На моем же сидит усталая с виду немолодая женщина. Сосед, неловко потоптавшись, молча отходит к барьеру. Я опускаюсь на его стул.

Очередь возмущается. Особенно теперь, когда «законника» уже и след простыл. Когда он уже располагается в номере. А они спорят. Странные люди! Когда же он лез к администраторше, тогда все молчали, а теперь размахались руками.

– Безобразие!

– В книгу жалоб им записать!

– Хамство!

Особенно возмущается один. Кажется, ему едва не перепало место. Теперь он, надвинув на лоб зеленую велюровую шляпу, сердито топчется возле барьера. Длинные полы его легкого пальто широко распахнуты.

– Возмутительная наглость!

Сунув руки в карманы, он нервозно поворачивается от барьера и бросает на меня невидящий взгляд. И вдруг у меня перед глазами вздрагивает и расплывается горячий, знойный туман. Тугой колокольный удар в ушах мигом отбрасывает меня в прошлое. В смятенном сознании вспыхивает одно только слово – «Сахно». Нет, я не

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru вспомнил этого человека, просто я никогда о нем не забывал. И теперь вот он – в пяти шагах от меня. Несколько обрюзгший с лица, бровастый и по-прежнему угрожающе-решительный. На голове небрежно надета шляпа. Китайское габардиновое пальто не застегнуто и низко свисает полами. На желтых ботинках лежат светлые обшлага брюк. «Широковаты», – замечаю я совершенно некстати. Окинув меня бессмысленным взглядом, он как ни в чем не бывало поворачивается к барьеру.

Мое вдруг напрягшееся тело расслабляется, и я съезживаюсь на стуле. Какой-то контролируемой частью сознания отмечаю, что растерялся. Никогда не думал, что так можно спасовать перед ним. Впрочем, я совершенно иначе представлял себе нашу с ним встречу. У меня на такой случай были приготовлены полные гнева слова, и вот – на тебе! Если бы он теперь подошел и ударил меня, пожалуй, я не нашелся бы, как ответить. Бывает, что наглость парализует. Теперь меня парализовал один вид этого человека.

Однако я все же овладеваю собой и в следующую минуту поднимаюсь со стула. Проклятый протез! Теперь он мешает. Теперь мне нужны железные ноги и стальные кулаки. Видно, на моем лице отражается что-то недоброе. Несколько человек в очереди с готовностью расступаются, и я боком прислоняюсь к барьеру. Я уже возле него. Безразличный ко мне, он гневно наступая на администраторшу:

– А если я за тысячу километров приехал. Так где я ночевать должен? Скажите, где?

– Это не мое дело.

– А чье дело? Вы для чего здесь сидите? – Он отстраняется от барьера и резко поворачивается: ему нужен союзник. – Слышали, не ее дело! Удивительная логика!

Мой вид, должно быть, его охлаждает. Он срывает шляпу и ладонью вытирает мокрую от пота полосу подкладки. Я дико гляжу в его обозленные глаза и чувствую, как горячая волна в моей груди постепенно остывает. Я узнаю и не узнаю. Черт, неужели ошибаюсь? Он с заметным животиком и довольно-таки лысоватый. Тот был при отличной строевой выправке, с жесткой шевелюрой на голове. Глаза наглые, слегка припухшие снизу – видно, пошаливают почки. Рост... Рост почти тот же, только этот гораздо тучнее.

Но ведь прошло двадцать лет.

Преодолев какое-то внутреннее оцепенение, я отхожу. Поодаль от всех расслабленно облакачиваюсь о барьер. Смятение и растерянность мои понемногу проходят. Исподлобья я неотрывно наблюдаю за ним. Он или не он? Несколько опасаясь, чтобы он меня не узнал. Тогда наверняка скроется. Впрочем, узнать меня, пожалуй, не просто. В то время я был почти мальчишкой. Девятнадцатилетний младший лейтенант. К тому же я для него – убит.

А он не отстает от женщины-администратора. В край барьера вцепились его пальцы – короткие и толстые. Он вперяет в женщину тяжелый взгляд. Я видел его разным: угрожающим, растерянным и омерзительно угодливым. Теперь он обозленно-требователен. Женщина делает вид, что занята бумагами и не замечает его. Но не заметить его невозможно. Наверно, человек знает это и массивной глыбой возвышается над барьером. Уж он своего добьется.

Тягучий, надсадный звон в моей голове медленно отдаляется. Временами я теряю решимость. То кажется – окончательно и бесповоротно: он! То вдруг в его лице появляется что-то незнакомое мне, чужое, первый раз увиденное. Я не знаю, как поступить, и стою. На плечи гнетущей тяжестью ложится усталость.

В этом оцепенении проходит, пожалуй, немало времени, и в очереди выясняется, что мест больше не будет. Люди начинают расходиться. Кто-то предлагает: «Пошли посмотрим салют!» Кто-то не соглашается: «Лучше на вокзал, пока скамейки не заняли».

Очередь быстро редеет. Как-то нечаянно я теряю его из виду. Спohватившись, подхожу ближе, оглядываюсь, но его уже нет. Нет возле администратора, не видно в вестибюле. Как будто провалился сквозь землю. Чудно!

Я останавливаюсь перед барьером и ничего не соображаю. В душе такое чувство,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru будто по моей вине случилось непоправимое. Людей становится все меньше. Женщина из-за стола уходит, и оба стула пустуют. Как-то надо собраться с мыслями. Обидно, если все это только показалось. Столько душевных терзаний – и все прахом. А вдруг это он? Что тогда? Что я должен предпринять?

Надо бы все обдумать и что-то решить. Или, не раздумывая, догонять его, обратиться в милицию? Впрочем, милиция здесь ни при чем.

Наконец в вестибюле остается только администраторша за перегородкой и какой-то подвыпивший гуляка. Подпирая спиной колонну, он не может произнести ни слова и тупо смотрит в паркет.

Туристы куда-то ушли. Вестибюль тесно заставлен их чемоданами. Швейцары грузят их в лифт. У входа, возле телефона-автомата, переминаются с ноги на ногу девушка и парень. Звонить не звонят, похоже – выясняют отношения.

Туго бряцает входная дверь, и меня поглощает уличная суматоха. На тротуарах людно. Все куда-то идут, идут, идут – видно, к памятнику на площадь. В ясном предвечернем воздухе – горьковато-скипидарный запах тополиной листвы. Поредевший к вечеру поток машин изрыгает бензиновый чад. Кучка людей возле мороженщицы терпеливо дожидается своей очереди. Тут же бабка с пучком подснежников в старческих руках. Я бреду как лунатик. Начинает болеть голова. Всегда, когда разнервничаюсь, у меня болит голова. В карманах, к сожалению, никакой таблетки. Видно, надо бы где-то поискать пристанища. Но я почти ничего не замечаю. В растревоженной памяти будто весенним паводком начинают размываться напластования лет и событий. Отчетливо встающие образы воскрешают давнишнее и навеки памятное. Я уже знаю, что от него не отделаться. Его не залить водкой, не забыть в бесшабашном разгуле. Оно всегда в сердце, потому что оно – это я.

Глава третья

...Снег. Дорога. Колонна...

Мелькают сапоги, валенки, ботинки. Треплются на ветру заснеженные полы шинелей. Шуршат залубневшие промерзшие палатки.

– Старший лейтенант Кротов, в голову колонны!

Повторенная зычными, глухими и сиплыми от простуды голосами, катится по колонне команда. Последним ее выкрикивает кто-то из тех, что замыкают колонну передней роты. Выкрикивает и довольно оборачивается, словно для того, чтобы увидеть, какое впечатление на батальон произвел его надсадный, хрипловатый, вовсе не командирский голос. Это совсем близко, и я, идя сзади, вижу немолодое, одутловатое от мороза лицо, стиснутое ушами завязанной под бородой шапки. Всмотриваясь, боец вытягивает из воротника морщинистую шею и останавливает на ком-то свой взгляд. Тогда и я оборачиваюсь. Командир шестой роты Кротов, опоясанный по телогрейке двумя кавалерийскими портупелями, будто не слыша вызова, с развальцовкой идет по сыпучему снегу обочины. Как всегда, в его темных недовольных глазах излишек командирской строгости.

– Вас – в голову колонны, – говорю я, решив, что ротный недослышал команды.

Кротов, однако, не взглянув на меня, угрюмо бросает:

– Слышу. Не оглох!

Колонна тем временем медленно останавливается. Задние еще устало бредут по растоптанному сотней ног сыпучему снегу, а передние уже спешат использовать неурочный коротенький перерыв и торопливо снимают с себя отяжелевшее за дорогу оружие. Прикладами в снег ставят длинные стволы ПТР, осторожно, рукоятками вниз опускают на землю грузные тела «максимов». Минометчики с явным облегчением сбрасывают с плеч тяжелые ребристые плахи опорных плит. И вот уже кто-то блаженно разваливается на нетронутом снегу полевой обочины, кто-то бредет по нужде в заросли кукурузы, что широким клином подступает к дороге. В предвечерних сумерках над заснеженной степью веет сладковатым, удивительно ароматным и домовитым дымком махорки.

– Ну что ж, перекурим это дело, – говорит все тот же немолодой, видно,
Страница 129

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru старательный боец и с сознанием заслуженного отдыха сворачивает на обочину. Помятые полы его шинели аккуратно подоткнуты, на спине, пристегнутая к вещмешку, пока без надобности болтается каска. Сегодня меня невольно занимают головные уборы, хотя я наверняка знаю, что ни каска, ни шапка мне не подойдут: надо было думать о том раньше. Но раньше о каске я мало заботился, и осколок от немецкого снаряда кромсанул меня по затылку. Правда, ничего страшного не случилось, только после перевязки оказалось, что шапка поверх бинтов не налазит, а каска причиняет боль. Так я и остался с замотанной бинтами головой. На беду санинструктор не смекнул заодно забинтовать и уши, которые прошлой ночью изрядно прихватил морозец.

Я тоже схожу на обочину, туда, где стоит пулеметчик из третьего взвода нашей роты с удивительно незапоминающейся фамилией. Это – молодой подвижный боец в низко накрученных обмотках. Зачерпнув серой домашней варежкой чистого снега, он с наслаждением сосет его, поглядывая вокруг живыми глазами. Другой рукой парень придерживает опущенного прикладом на дорогу «Дегтярева».

– Видно, шестую роту в ГПЗ? – говорит он. – Теперь, считай, все трофейчики ихние.

И, сдвинув на затылок шапку, снова черпает снегу. Белобрысое лицо его таит любопытство и сдержанное мальчишеское добродушие. Я молчу. Тот, старший из четвертой роты, также подходит к нам и лаконично соглашается:

– Да, повезло этим...

Он шарит руками в карманах, по-видимому, доставая кисет и провожая взглядом четверых разведчиков, что торопливо идут куда-то в хвост колонны. Разведчики в белых перепачканных маскхалатах, поверх которых висят автоматы и брезентовые сумки с магазинами. Хлопцы заметно спешат, и вид у всех недовольный. Наверно, где-то не ладится с разведкой.

– Марухов, привет! – бросает пулеметчик, узнав среди них знакомого. – Что, шестую в ГПЗ?

– Какой черт – ГПЗ! – зло ворчит передний. – Кротову шею мылят.

Пулеметчик в сдвинутой шапке от удивления раскрывает рот. На его высунутом языке – снег.

– Наверно, за Ивановку? Ага?

– Ага.

– Ну и ну! – говорит пожилой, держа в заскорузлых пальцах кисет с кресалом. – Коли за Ивановку, то похоже – всыпят.

Он начинает скручивать сигарку. В недоуменном любопытстве умолкают бойцы. Кто-то за моей спиной охотно подтверждает:

– Знамое дело. Не первый раз.

Они только догадываются, а я уже с утра размышляю над всем этим делом. Еще на рассвете в Большую Северинку к комбату приезжал особист Сахно. Запершись в хате, они долго обсуждали что-то, вызывали бойцов и сержантов, потом Сахно уехал. Но вот четверть часа назад вдоль колонны проскакал на коне старшина Шашок – ординарец, вестовой или, как там его называют, словом, писарь из штаба. Не остановившись, он спросил у меня, где комбат, и я махнул рукой туда, в голову колонны. Видно, потому и остановили батальон в степи. Кажется, в самом деле этому Кротову несдобровать.

Пулеметчик тем временем утоляет жажду и обивает одну о другую рукавицы.

– Эй, бомболовы! – озорно кричит он бойцам шестой роты. (Их у нас еще с курской дуги зовут бомболовами, хотя мало кто уже и помнит, что означает это прозвище.) – Через левое плечо кругом марш! В штрафную!

Однако шестая не хочет оставаться в долгу.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ага, в штрафную! А кто же тогда вас будет от танков спасать?!

Это – всем понятный намек. Неделю назад шестая фланговым огнем крепко помогла нашей роте, которую атаквали немецкие танки с пехотой.

– Тоже нашлись спасители! Вы ж побратались! – въедливо упрекает пулеметчик.

Но это уж слишком, и я оборачиваюсь к бойцу:

– Ну-ну! Хватит!

Пулеметчик неловко щурится, чувствуя, что переборщил, и мне хочется напомнить ему что-то вроде: «Шути, да знай меру». Однако спереди доносится новая команда:

– Младший лейтенант Василевич, в голову колонны!

Это уже меня. Но зачем? Вроде бы я не замешан в таких малоприятных делах, как Кротов, рота которого недавно заночевала в одном селе с немцами. Случилось так, что «бомболовы» мирно проспали ночь и увидели фашистов только утром, когда те, выстроившись в колонну, подались себе на большак. По крайней мере так рассказывают бойцы. Начальство же, видно, имеет на сей счет иное мнение.

– Ну что! Ага, сами влипли! – услышав команду, начинают злорадно кричать из шестой.

– Нам не за что! А вот вы...

– А ну прекратите! – приказываю я пулеметчику.

За головами бойцов слышится нетерпеливый голос самого комбата:

– Василевич! Тебя долго ждать?

– Иду, иду!

Придерживая на груди ППС, я устало бегу размятой дорогой. Я не могу позволить себе по вызову идти шагом. Из всех ротных в батальоне я самый младший – и по годам, и по званию. Видно, по этой причине мне от комбата достается больше других, и потому я вынужден всегда поторапливаться.

Комбат сидит на бугорке возле межевого столбика и мерзлым кукурузным стеблем ковыряет в снегу. Рядом, шурша на коленях картой, пристраивается наш усатый начштаба. Напротив стоит мрачный темнолицый Кротов, а чуть в сторонке, держа за поводья усталого коня, ждет чего-то старшина Шашок. Новенькая, из сизого комсоставского сукна шинелка плотно облегает его широкую спину.

– Ну, как голова? – коротко взглянув на меня, спрашивает комбат.

– Ничего.

– А уши? Спеклись, наверно?

– Немного, – осторожно отвечаю я, не совсем схватывая суть его несколько необычных вопросов. Но чувствую, что это неспроста.

– Пойдете в санчасть, – объявляет комбат и бьет стеблем по снегу. Снежная мелочь летит на мои сапоги, попадает начштабу на карту, и тот с досадой стряхивает ее покрасневшей ладонью.

– Товарищ капитан, – пытаюсь возразить я, но комбат не хочет меня и слушать. Как и все командиры на свете, он не любит чужих возражений.

– Пойдешь в тыл. Все равно с такой головой – не вояка.

– Так ведь в роте никого не останется. Вы же знаете.

– Знаю. Завтра Басмак придет. А пока старшина Дорофеев покомандует.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Известное дело, наш старшина может покомандовать и сегодня и завтра, человек он самостоятельный и стреляный. И все-таки мне вовсе не хочется покидать роту и отправляться в санчасть. Если бы он послал меня туда днем раньше, хотя бы прошлой ночью, когда мы мерзли под огнем в снегу после неудачной атаки. А то легко ему теперь ставить на роту старшину, когда части входят в прорыв, огибают немецкие фланги, и уже вон он, Кировоград. Днем из Северинки видны были его пригороды, дымы пожаров и высокие строения, которые штурмовали наши «Илы».

– Вот с Кротовым и пойдете, – говорит комбат, кивая головой в сторону командира шестой роты. Тот стоит черный, как земля, и не смотрит на людей. – Да еще этих субчиков прихватите. Заодно, чтоб конвоиров не посылать.

Это он про трех немцев, которые плечом к плечу замерли напротив и настороженно поглядывают на начальство. Один из них – простоволосый, без шапки крепыш, второй – без шинели, в мундирчике, с отвисшими карманами и большими профессорскими очками. Третий – пожилой, нерасторопный толстяк, простуженно оттирает красный распухший нос. Веселая компания, черт бы ее побрал, думаю я. Удружил комбат, нечего сказать. Комбат же, нарочито не замечая моего неудовольствия, так же как и мрачного вида Кротова, достает из кармана алюминиевый портсигар, густо испещренный резьбой.

– Угощайтесь, старшина, – протягивает он портсигар Шашку.

Тот не заставляет себя уговаривать, делает шаг навстречу и жестом равного берет папиросу. Потом к портсигару тянется рука начштаба. Кротов из-под нахмуренных бровей поблескивает злым взглядом, как мне кажется, тяжело, осуждающе вздыхает. Нам папирос комбат не предлагает. Они втроем молча прикуривают, и старшина, отставив в сторону обутую в немецкий валенок ногу, сквозь дым косится на меня одним глазом.

– Ты что же это, младшой, с таким скрипом приказ выполняешь?

Я поглядываю в его самоуверенное начальническое лицо и, сдерживая в себе злость, молчу. Какое ему, в конце концов, дело, и кто он такой, чтобы делать мне замечания?

Кротов, которого занимают свои заботы, нервно оборачивается к комбату:

– Так мне что? Роту сдавать, или как?

Комбат морщит лоб и старательно раскуривает папиросу.

– Ну почему сдавать? Что это вы уж... Сразу в панику...

– Роты пока не сдавать, – уверенно объявляет старшина, и комбат вслед за ним подтверждает:

– Да, пока не сдавать. Нет такого приказа.

– Дело ясное, – мрачно вздыхает Кротов. – Дело ясное, что дело темное. Ну и черт с ним! Пусть!

Он отчаянно ругается и отходит в сторону, угрюмым видом давая понять, что безразличен ко всему и ничего не боится. Комбат встает с бугра и вытягивает голову, заглядывая в хвост колонны.

– Ну, где там Косенко? Не дожدهшься, черт побери!

Косенко, которого он ждет, – командир взвода разведки, и я начинаю думать, что, возможно, и его пошлют в тыл полка. С Косенко, конечно, было бы веселей. Парень он решительный и разговорчивый. Только вряд ли его направят с нами – теперь, когда идет наступление, он нужен здесь, впереди.

Тем временем над степью начинает темнеть. Стихает в зимнем небе гул самолетов, становится явственнее шелест кукурузы на ветру. К ночи сильнее донимает мороз, и я поднимаю воротник шинелки. Уши мои теперь как термометр – чутко реагируют на каждый градус похолодания. То и дело трещь их. Не хватало заботы.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Комбат ждет. Однако вместо Косенко на дороге появляется разведчик, который, лихо щелкнув каблуками, останавливается перед начальством.

– Товарищ капитан, лейтенант Косенко коня не дают.

Комбат недоуменно вскидывает русые брови:

– Как это – не дают?

– Не дают, и все. Говорят, хутор надо разведать. Хуторок там впереди.

– Хутор, хутор. Вот и на этом разведает, – тычет он будылиной в сторону коня старшины. – Чем не рысак? А то еще хорохорится. Тоже мне кавалерист!

Разведчик переступает с ноги на ногу. На его круглом, покрасневшем лице ни тени смущения – мол, мне что: лейтенант не дает, а я тут при чем? Но комбат, кажется, этого не понимает и, хмурясь, строго оглядывает бойца.

– Они говорят, пусть старшина Шашок на своей дохлятине и ездит, коли лучшего не умеет приобрести.

– Вы мне оставьте эти разговорчики! – распаляется комбат и с силой тычет стеблем кукурузы в снег. – Я приказываю! А его дело исполнять. Понял?

– Я-то понял, – охотно соглашается разведчик.

– Так исполняйте!

Рядом стоят, слушая эту не совсем обычную ссору, бойцы, зябко перестукивают каблуками немцы. То на комбата, то на разведчика поглядывает старшина. Я терпеливо жду и думаю, что коник Косенко уже, видно, сдох. А ничего себе был трофейный рысачок в белых чулочках на передних ногах. Однако недолго погарцевал на нем взводный. Раз уж тем приглянулся, то пиши пропало, рано иль поздно отберут. На это они мастера.

Краем глаза я замечаю, как старшина строго поджимает тонкие на мясистом лице губы и что-то решительное появляется в его глазах. И тут он поворачивается ко мне:

– Ладно, вы идите. Берите тех, – кивает он на немцев, – и дуйте напрямки. Я догоню.

Он говорит это почти по-приятельски, и я не знаю, как понимать его: то ли это заявка на дружбу, то ли он, возможно, видит во мне здесь старшего. Но ведь Кротов старше меня по званию и должность у него постоянная, не то что у меня, временного ротного. Я вопросительно поглядываю на комбата, тот недовольно бросает «идите», и я поворачиваюсь к озябшим немцам:

– А ну марш! Марш, фрицуки пархатые!

Глава четвертая

Через минуту мы идем в кукурузе по следу глубоко вдавленных в снег танковых гусениц: Кротов и я – по правой колее, а немцы напротив – по левой. Кротов никак не может примириться со снятием его с должности и зло, в три этажа ругается. Гнев его, как и всегда, имеет определенный адрес и теперь направлен против комбата.

– Обормот! Лакейская морда!..

Немцы покорно шагают рядом – очкастый в мундирчике впереди, за ним тот, что без шапки, – мрачный чернобровый парень, внешностью вовсе не похожий на немца. Пожилой же с трудом ковыляет сзади, то и дело отстает, шмыгая большим простуженным носом. К плену он хорошо подготовился, сразу узнаешь хозяйственного человека – на ремне котелок, фляжка, через плечо перекинута свернутое в скатку одеяло, на боку висит, похожая на охотничий ягдташ, брезентовая сумка. Не удивительно, что и отстает с таким грузом, и я, время от времени оглядываясь, с

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru нарочитой строгостью покрикиваю:

– Шнель! Шнель, фриц!

Передний в очках также поворачивается и, будто старший среди них, что-то лопочет последнему. Я понимаю только:

– Шнеллер, камараде...

Пожилой несколько ускоряет шаг, разбрасывая коленями заснеженные полы шинели, и ворчит про себя. Кажется мне, в том смысле, что, мол, хорошо тебе, молодому, легко одетому, а я уморился уже, хочу закурить, да и вообще по самое горло сыт войной и фашизмом. Это вполне естественно для него, так как год уже сорок четвертый и немцы на фронте далеко не те, что были в сорок первом.

Передний чем-то похож на унтера, хотя китель на нем без всяких знаков различия. Лицо у него продолговатое, в меру худощавое, с прямым носом и широким лбом – типичное немецкое лицо с сильно развитой нижней челюстью. Под толстыми стеклами очков – настороженные, но, кажется, рассудительные, без злобы глаза. Простоволосый же, что идет следом, выглядит уж очень унылым и мрачным. За все время он не произнес ни единого слова и ни разу не взглянул ни на кого.

Кротов с виду явно безразличен к пленным и то помолчит, то снова начинает ругаться:

– Чуть что из полка – и он уже на задние лапки. Своего мнения не имеет...

Мне кажется, это напрасно. Не такой уж комбат наш и угодливый, каким его представляет теперь обиженный ротный, – просто перед старшими пасует малость, как, впрочем, и многие в армии. Желая несколько смягчить его гнев, я обнадеживаю Кротова.

– Может, надолго не задержат там, – говорю я, имея в виду полковой штаб, куда его вызывают. – Напишите объяснительную и завтра будете в роте.

– А мне наплевать! Пусть задерживают. Что мне, в тылу хуже, чем на передовой? Я о том, почему они придираются с дуру.

– Бдительность.

– Бдительность! Дурость это, а не бдительность. Делать ему нечего, этому бабнику, вот он и цепляется. Ну влезли впотьмах в деревню, не разглядели, не развели. Так что тут особенного? Что в этом преступного? Ведь ни одного человека не погубили. Разве лучше, если бы в степи пообморозились? Или, как тот дурень Сарафьянов, за два дня всю роту уложил? – рассуждает Кротов, уже не оглядываясь на меня.

Я молча нес на плече свой ППС, глядя на сапоги ротного, которые мнут туго спрессованный снег гусеничного следа. Походка у Кротова энергичная и легкая, какая бывает только у закаленных пехотинцев. Старший лейтенант не признает полушубков и с осени ходит в туго перетянутой ремнями телогрейке. На руках у него теплые овчинные рукавицы на тесемке, перекинутой через шею, и он в гневе широко размахивает ими.

– Приказано атаковать, ну и атаковал. Пока восемь человек не осталось. Небось его за это в особый отдел не потащат!

Да, за это, пожалуй, не потащат, соглашаюсь я. Напротив, могут представить к ордену за усердие и настойчивость в выполнении боевого задания. Кому там разбираться, что Сарафьянов набитый дурак и горлопан, что его давно надо гнать из батальона? Но комбат наш все же не такой, вообще он неплохой командир, не крикун и не трус. Разве что излишне тянется перед начальством. Однако в армии таких принято считать дисциплинированными.

Кротов, будто угадав мои мысли, возражает:

– Дисциплинированный. Перед каким-то там старшиной расшаркивается, папиросочками угощает. Забыл, что и капитан, что и командир батальона. И если подумать, кто

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru этот старшина? Холуй, самый настоящий.

Я молча вздыхаю. Да, конечно, старшина – невелика шишка, штабной писарь, но вся беда в том, что писарь не простой, не из какой-нибудь хозчасти или финсектора, а помощник и доверенное лицо капитана Сахно.

На повороте танковой колеи я оглядываюсь. Мы прошли по кукурузе уже далеко, батальонная колонна без следа исчезла в вечерней степи. Шашка почему-то нигде не видать. Но ведь старшина догонит, это нетрудно по хорошо приметному следу, а ночь обещает быть светлой. Еще не успело стемнеть, а на безоблачном морозном небе уже вовсю светит цыганское солнце – месяц. Хуже вот, что третий, пожилой, немец все время отстает, видно, устал и на мое строгое «шнель» почти не реагирует. Тогда я бросаю Кротову: «Стой!» Надо подождать, так как все же настает ночь и я, признаться, немного беспокоюсь, как бы этот фриц ненароком не шмыгнул в кукурузу. Старший лейтенант недовольно останавливается, охотно прекращают шаг немцы, и все мы ждем, пока добредет по колее их «камарад». Кротов, наверное, уже примирился с моим тут командирством, и все же, чтобы смягчить некоторую неловкость, я достаю из кармана два сухаря.

– Хотите погрызть?

Завтракали мы на рассвете еще в Северинке, уже крепко проголодались за день, и потому сухарь кажется необычайно вкусным. Я слышу, как Кротов с наслаждением откусывает от него, и с полминуты мы сосредоточенно грызем жесткие куски. Потом невольно поглядываем на немцев, стоящих напротив, и перехватываем пристальный взгляд очкастого. Жесткий кадык на его длинной шее скользит вверх и вниз. Кротов перестает жевать.

– Что, доняло? – будто впервые заметив пленного, язвительно говорит он. – Навоевался, собачий сын? Жрать захотелось? Держи!

Старший лейтенант разламывает сухарь и бросает кусок очкастому. Тот, сноровисто подхватив его, с удовольствием вгрызается зубами. Рядом сдержанно стоит второй, без шапки, и я засовываю руку в карман. Там еще один кусок сухаря, последний из моей сегодняшней нормы, и я не без сожаления протягиваю его через дорогу. Немец секунду медлит, потом берет сухарь и, отставив нижнюю губу, неопределенно чмыхает. Я не успеваю сообразить, в чем дело, как он коротким взмахом через плечо швыряет сухарь в кукурузу.

Кротов перестает жевать. Какое-то время он молчит с желваком за щекой, потом, изломив одну бровь, шагает между колеями в снег:

– А ну подбери!

Немец, насупившись, молчит и не трогается с места.

– Подбери, гнида! – жестко приказывает Кротов и, выждав, коротко бьет его в челюсть.

Пошатнувшись, тот, однако, удерживается на ногах, и старший лейтенант кричит почти в бешенстве:

– Сволочи! Вши ползучие! Мою деревню сожгли! Из-за вас меня начальство таскает! На еще, гад!

Немец снова отшатывается, хватаясь рукой за щеку, но так ничего и не произнеся. Своенравное упрямство его и во мне отзывается неподвластной озлобленной вспышкой. Какая-то животная ненависть так и подмывает захватить ему по морде, как это сделал Кротов, и я, чувствуя, что не сдержусь, делаю шаг к Кротову:

– Ладно. Оставьте его!

Пожилой тем временем догоняет нас и, видно смекнув в чем дело, услужливо лезет в кукурузу. Сдунув с сухаря снег, он почтительно подносит его разъяренному Кротову. Тот бьет немца по руке, и сухарь отлетает в снег еще дальше.

– Прочь! Прочь, гады! Я вас всех сейчас!..

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Ротный хватается за кобуру на ремне, и я едва успеваю остановить его:

– Бросьте! Ну их к чертовой матери.

Смерив всех троих ненавидящим взглядом, Кротов неохотно переходит в правую колею.

Вот же гад фашистский, думаю я, приотстав и украдкой наблюдая за немцем. Волосы у того черные, жесткие, к ушам он и не притронется, будто и не ощущает мороза. За всю дорогу не произнес ни одного слова, ни разу не взглянул на нас. Во всей его фигуре чувствуется опасный, затаившийся враг. После случая с сухарем я невольно настораживаюсь и передвигаю свой ППС на грудь: мало ли что еще может выкинуть этот злыдень!

Степь затихает к ночи, но все же множество неясных разрозненных звуков свидетельствует о присутствии вокруг огромной силы войны. Идет наступление. Отзвуки его то и дело доносятся до слуха приглушенным танковым гулом, конским ржанием, далекими взрывами. Где-то на юге, за Кировоградом, пылает край неба: огненное зарево на небосклоне то ширится, разгораясь, то медленно притухает. Откуда-то долетают невнятные голоса людей, наверно, поблизости проходит дорога. Всюду в степи движение, выстрелы, люди. Из кукурузы, правда, мы не много вокруг себя видим...

Глава пятая

Шашок догоняет нас, когда уже устанавливается ночь и в высоком январском небе с острым блеском густо высыпают звезды. В полную силу светит луна. В степи светло, хоть собирай иголки. Густые синие тени неслышно скользят за нами. Тускло сереет кукурузное поле. На краю его мы с Кротовым замечаем подвижную тень. Коня почти не видно в кукурузных зарослях, но над стеблями скользит силуэт всадника. Мы останавливаемся и ждем.

– Фу, думал, не догону, – с заметным облегчением, что наконец избавился от одиночества в ночном поле, говорит Шашок и придерживает коня. – Ну как, не разбежались фрицы?

– Не разбегутся, – говорю я.

Старшина направляет коня по левой колее и вплотную подъезжает к немцам. Кротов на ходу оглядывается (кажется, он стал спокойнее) и присматривается к всаднику и его лошади.

– Ну что, не откололось?

– Не откололось, – охотно отвечает Шашок. – Заупрямился разведчик. Не хотелось скандал учинять.

Все ясно: Шашок на той самой мухортой лошадке, на которой и приехал в батальон. Значит, Косенко проявил характер до конца. Он такой, наш лейтенант-разведчик!

– Я бы тому коню – лучше пулю в ухо, чем вам отдавать, – говорит Кротов.

Шашок не отвечает, пропуская мимо ушей открыто неприязненную реплику, и развязно кричит на немцев:

– Шнель! Шнель, вашу мать! Затопчу, фашисты!

Он и в самом деле подстегивает поводьями коня. Задний немец пугливо выволакивается из колее, простоволосый едва уклоняется от лошадиных ног. Старшина довольно хохочет.

– Фашисты, такую вашу!.. Уступай дорогу русскому воину!

– А ну кончай! – строго оглядывается Кротов. – Сперва в плен возьми, а потом будешь конем топтать.

Шашок настороженно притихает.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– А вам что, жалко?

– Не жалко, а гадко!

– Значит, защищаете? Немцев защищаете?

– Пошел ты к черту! – взрывается Кротов. – Хочешь дело пришить? Не боюсь я вас!

– Так, так! – многозначительно говорит Шашок и осаживает лошадь.

Немцы переглядываются, видно что-то поняв из этой перебранки, и мне становится неловко: нашли место ругаться! Но это все Кротов. Конечно, он злой, расстроенный, и потому недалеко и до скандала.

Только я напрасно тревожусь, поругаться как следует они не успевают. На очередном повороте колеи в кукурузе нам встречаются люди.

Это связисты. Обвешанные катушками с кабелем, телефонными аппаратами и с оружием на груди, они, завидя нас, испуганно бросаются из колеи. Потом, видно признав в нас своих, несмело выходят из редкой кукурузы и выжидающе застывают на дороге. Взгляды всех четверых почему-то опасливо направлены в сторону.

– Что такое? – спрашивает Кротов:

Связисты топчутся на месте, движения у них робкие, голоса притишенно встревоженные.

– Там немцы, – наконец сообщает один с карабином на шее.

– Чуть не напоролись, – охотнее добавляет второй, не отводя взгляда от сумеречных кукурузных зарослей.

Двое других молча вглядываются в ночь. Я также всматриваюсь в том направлении, но нигде ничего не вижу. Кажется, повсюду все та же густо исчерченная теньями кукуруза, сверкающее звездами небо и сонная тишина.

– А в штанах у вас еще не того? – вглядевшись в ночь, с издевкой спрашивает Кротов.

– Ей-богу, товарищ командир, – испуганно шепчет первый. – Тянем нитку, вдруг – голоса. Присмотрелись – сидят в кукурузе двое. Один другому прикурить дает, и по-немецки гергечут.

– Иди ты, парень, знаешь куда! – злится Кротов. – Откуда им тут взяться? Вон где немцы! – показывает он назад, на зарево за Кировоградом.

– Безусловно, – с уверенностью подтверждает Шашок. – Я еще засветло тут проезжал, никого не было.

Действительно, откуда тут взяться немцам, уже почти что в глубоком тылу полка? Батальоны ушли далеко вперед, танки еще дальше. Если бы случилось неладное – начальство уже приняло бы нужные меры.

– И танк! Стоит, кукурузой обложенный. «Тигр»! – будто не слыша наших возражений, в каком-то невразумительном трансе твердит связист.

Кротов с нарочитой простоватостью в голосе спрашивает:

– Танк?

– Танк.

– «Тигр»?

– Ага. Наверно, «тигр». Очень большой. Прямо огромный.

– Знаешь, боец! Был бы ты в моей роте, я бы тебе показал «тигра»! Он бы тебе котенком сдался, – грозит Кротов. – А ну, тяните связь, куда приказано. И без

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru паники мне! Живо!

Связисты топчутся на месте. От командирской категоричности у них, судя по всему, мало прибыло решимости.

О чем-то переговариваясь, они остаются, а мы идем дальше. Я начинаю зорче, чем до сих пор, всматриваться в ночные сумерки, Кротов сдвигает на поясе кобуру. Немцы, вряд ли поняв что-нибудь из нашего разговора, тихо бредут своей колеей. Молчаливую настороженность первым нарушает Шашок.

– Младшой, – обращается он ко мне. – Ты это вот что...

Я гляжу на старшину, он, сверху осматриваясь по сторонам, что-то решает.

– Ты вот что... Веди их прямо, а я... А я подскочу в батальон. Забыл одно дело.

Что ж, скажи. Мне что? Только никакого у тебя дела там нет. Просто ты испугался, писарская душа, думаю я. Кротов, недобро сверкнув глазами, оглядывается на него, но молчит. Шашок торопливо заворачивает коня и с места пускает его в галоп.

– Уже наложил, – бросает Кротов.

– Что?

– Наложил, говорю, – громче повторяет ротный. – Ну и черт с ним. Баба с воза – кобыле легче.

Немцы, видимо, все же что-то поняли из нашей заминки. Передний, в очках, не оборачиваясь, сообщает что-то остальным, и чернявый с явной заинтересованностью всматривается в сумеречную даль. Стараясь внимательнее следить за ними, я правой рукой нащупываю рукоятку затвора.

Так мы проходим километр или больше. Никто нам не встречается, поблизости, сдается, ни одного подозрительного движения. Кротов решительно сплевывает на снег.

– Этим тыловикам завсегда черти снятся. Такой уж на...

Он, видно, хочет сказать «народ», но замирает на полуслове и останавливается. Я едва не наскაკиваю на него сзади, и тут отчетливо, хоть и не совсем реально (словно во сне), вижу впереди людей. Человек пять стоят в кукурузе, всматриваясь в нашу сторону. Рядом темнеет неопределенное пятно – куча кукурузы или какой-нибудь куст. Чуть подальше – другое, а там еще и еще. Все это появляется перед глазами так неожиданно, что, еще ничего не поняв из увиденного, я вздрагиваю от первой и самой страшной догадки: немцы!

Я еще не успеваю вполне осознать опасность, как Кротов сильным рывком выпрыгивает из колеи. Из его груди вырывается приглушенный вскрик, и старший лейтенант, пригнувшись, как хищник, бросается по ту сторону дороги. Секунду я не соображаю, в чем дело. Удивленный взгляд мой устремляется за Кротовым, и тогда я вижу, как один из наших немцев бежит в кукурузу.

– Стой! Стой, гад!..

Это кричит Кротов. На бегу он пытается выхватить из кобуры пистолет, но тот почему-то застрял и не вынимается. Зацепившись за стебель, Кротов падает, тут же пытается вскочить, и тогда первая трескучая очередь прошивает морозный воздух. Я падаю в колею, дергаю рукоятку затвора. Невдалеке в кукурузе что-то вспыхивает. Взрыв обдаёт лицо снегом. На мгновение в глазах мелькает рука Кротова с задранной локтем. В ней пистолет. Затем радужное пятно в глазах гасит зрение. Не сразу затем из звездной темноты вверху проступают спутанные стебли кукурузы. Над ними неподвижно висит низкий месяц и еще ниже, на снегу, – две тени. Одна лежит в колее, а вторая, падая и вскакивая, уходит в кукурузу. Правда, не к немцам и не назад, а куда-то в сторону от всех. «Удерет», – мелькает в сознании, и я, не целясь, нажимаю на спуск. Автомат коротко вздрагивает, и треск его выстрелов возвращает меня к реальности. На руках и коленях я бросаюсь к немцу, тот впереди также вскакивает и, пригнувшись, широко сигает меж редких стеблей. Я, задыхаясь, кричу: «Назад!» Он испуганно бросается в сторону. Но в несколько прыжков я все

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru же настигаю его и падаю почти рядом. Шумно дыша, он лежит, вглядываясь в меня, и ждет. Одежда его и голова в снегу. Я вскидываю автомат и в лютой ярости хрипло команду: «Назад!» Немец послушно поднимается на колени и торопливо ползет между изломанных стеблей кукурузы. За ним на четвереньках ползу я. Откуда-то сбоку отчетливо доносится встревоженная немецкая речь. Кротова нет. Мерзлые тугие кукурузные стебли путаются под руками, задевают плечи и голову. Но кукуруза все же скрывает нас, и мы торопливо удаляемся от того места, где нас положила очередь. Нас всего двое. Тот, в колее, так и не поднимается. Я не знаю даже, который это из них, как не знаю, который ползет со мной. И непонятно, что с Кротовым! На секунду задержавшись, я оглядываюсь, немцев не видно. Уже начинает казаться, что мы оторвались от них, как вдруг совсем рядом в кукурузе раздается крик:

– Хальт!

– Хальт!

– Хальт, рус!..

И очередь – одна, вторая, две сразу. Мы падаем и по рыхлому снегу опять бросаемся в сторону. Мое внимание раскладывается надвое – одновременно я ловлю все, что угрожает нам сзади, и не упускаю из виду немца. Он вертится как уж, ползет, и я тоже извиваюсь, кувыркаюсь, ползу, чтобы не отстать.

В кукурузе тем временем раздается одиночный пистолетный выстрел, и затем снова, приглушенные расстоянием, доносятся крики немцев. И тут какой-то хриловато-отчаянный крик, отдаленно напоминающий голос Кротова, останавливает меня:

– Нет! Нет! Сволочи-и...

И снова щелкает слабый пистолетный выстрел – второй. Третий, видно, накрывает очередь, и после ее треска все там стихает.

«Что же это? Как это? Почему такое?» – точно дрожь бьет меня растерянная мысль. Вываленный в снегу, я лежу меж спутанных будылей кукурузы. Передо мной лежит немец. Я только теперь узнаю его, это тот, очкастый, в мундирчике. Правда, очков у него уже нет. Он тяжело дышит и растерянно моргает своими белесыми глазами. Я вскакиваю на ноги и тут же приседаю от боли в стопе. Нога заметно тяжелеет, что-то горячее, остро-жгучее расползается по стопе. В сапоге становится мокро. «Ну вот и все!» – сжимает сердце тоскливая мысль. Однако я тут же овладеваю собой, поняв, что, растерявшись, погибну. Воля моя свивается в клубок, внимание предельно напрягается, время четко отмеривает решающие для меня секунды.

Привстав на колени, я наступаю на раненую ногу – цела ли хоть кость? Если надломится – тогда все пропало. Но, слава Богу, нога выдерживает, только сильно болит в стопе и жжет. Правда, боль не в счет – боль мы как-нибудь стерпим. Пригнувшись, я толкаю автомат немца, и мы скрываемся в кукурузном массиве.

Глава шестая

Люди идут, идут, идут...

И я иду. Иду бесцельно, неведомо куда, навстречу теплой весенней ночи. Вечерняя тишина высокого погожего неба миром и благостью вливается в растревоженную душу. Мелкой трелью рассыпается-журчит «Спидола». Это впереди размеренно шагают, словно плывут в людском потоке, трое молодых парней. Черные вечерние костюмы, остроносые туфли, аккуратно причесанные шевелюры...

Теперь, через двадцать лет, можно судить по-разному, хотя, признаться, я и до сих пор толком не знаю, как все это случилось. Возможно, отступая, немцы намеренно оставили в нашем тылу танковую группировку, а может, наши части в ходе наступления сами обошли ее. Вперед, не обращая внимания ни на что, как можно глубже в оборону противника – было неписаным правилом каждой наступательной операции. А танки остались. Скорее всего, это произошло именно так. Важно было окружить Кировоград, поставить под угрозу разгрома десятков немецких дивизий. И вот в каком-то месте нашего боевого порядка образовалась брешь, в которую вклинились немцы.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Для фронта это было не страшно, для армии тоже. Дивизии было хуже. А вот для нас... Для меня, Кротова, беодолаг раненых, так же как и для беспечных тыловиков, это стадо вопросом жизни и смерти.

Людской поток с тротуара вливается в огромную толпу на площади. Тут памятник. Высоченный, не очень оригинальный монумент, сооруженный по привычным стандартам своего времени. Наверху – орденская звезда Победы. Хлопцы уверенно прокладывают себе путь в толпе, ближе к памятнику. Там же Вечный огонь. Конечно, на могиле Неизвестного солдата. Вокруг шум и толчея. Толпа теснится, сдвигается в сторону, пропуская вовнутрь строй пионеров со знаменами. Лесной аромат хвои от венков настраивает на похоронный лад. Торжественная минута возложения. Людской шум немного притихает, громче звучит марш из репродукторов. Возле памятника слышится какая-то команда, и я думаю: возможно, тут будет митинг? Хотя на митинг как будто не похоже – нет ни трибун, ни руководства. Отработанным, хорошо поставленным голосом юная воспитанница школьной самодеятельности читает стихи. «Никто не забыт, ничто не забыто», – звонкой медью разносятся над площадью бодрые, полные оптимизма слова.

Я пробираюсь меж людей к памятнику. Что мне там надо увидеть? Всюду лица, лица, лица. На меня никто не обращает внимания. Тем лучше. Я понимаю, что найти тут кого-нибудь – безнадежное дело. Иголка в стогу сена. И все же я проталкиваюсь в середину. Гранитное подножие монумента завалено зеленью венков. Сколько еловых веток! На войне они сопутствовали убитым в их последнем земном пути. Вместе с ними клались в могилы, устилая вечное пристанище. Терпкий смолистый запах стоит над площадью.

К огню, однако, не подступиться. Оттуда идут пионеры. Стройные ряды белых рубашек и кофточек. Торжественно алеют галстуки. Я застаю в плотной группе молодежи. Снова остроносые туфли, каблочки-шпильки, пышные нарядные прически. И откуда-то из-под пиджаков, из карманов – та же приглушенная россыпь транзисторов:

А за окном то дождь, то снег,
И спать пора-а-а-а...
Но никак не уснуть...
– Старина, что смотреть! Провыремся?

– Эдик, нахал! Ну тебя!

– Посмотри, вон та. С ямочкой.

– ...Такой чудак! Он мне говорит... Я ему говорю...

Торжественная церемония у памятника их мало занимает. Они живут своим, куда более привычным и близким. И я их понимаю. В самом деле: прошло двадцать лет. Одни ничего уже не помнят из своего раннего детства. Другие родились после войны. Война для таких своего рода абстракция. Как крепостное право. Оледенение Европы. Неолит.

Медленно я пробираюсь между их плотных рядов. Мне нужен Вечный огонь. Зачем – не знаю и сам. Разве чтобы приблизиться, посмотреть. Во всяком огне есть что-то неизъяснимо притягательное. Возможно, это инстинкт, унаследованный из глубины веков. У древних огонь был источником жизни, средством очищения и жертвоприношений. Теперь он символ другого смысла. Мне хочется только взглянуть на него и тем приобщиться к памяти мертвых.

Не очень деликатно раздвигая людей, я приближаюсь к обелиску. Правда, огня почти не видать. Низкая бронзовая горелка со всех сторон обложена венками. Над хвоей прозрачными волнами струится горячий воздух. В широком молчаливом кругу замерли люди – взрослые и дети, мужчины и женщины. Строгие взгляды всех прикованы к одной точке. Лица торжественно сосредоточены. Они мудры и светлы, эти лица. Мне кажется, я никогда не видел такими наших людей. Даже не верится, что это обычные лица самых обыкновенных людей. Впрочем, это те, по судьбам которых всей своей тяжестью прошла война. Едва взглядевшись, я сразу понимаю это.

Что ж, пожалуй, я не буду тут лишней.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Я вытягиваю голову из-за чьей-то широкой спины и молча стою со всеми. Горелка струит едва приметный на зеленом фоне дымок. Мягкой позолотой поблескивают литые рельефы памятника. Напротив, будто мраморное изваяние, – неподвижно скорбное лицо женщины. Она в большом темном платке, из-под которого выбивается на лоб прядь белых волос. Невдалеке, скрестив на рычагах руки, инвалид в коляске. И вдруг я слышу тихий вопрос впереди стоящего:

– Он какой, огонь-то? Настоящий?

– Самый вправдашний, папка. Это от газа огонь. Как на кухне у Кузьмичевых.

Восьмилетний мальчонка тормозит за руку человека. Тот, однако, стоит ровно, едва склонив голову.

– Большой?

– Большой, папка. Только венками завалили – не видеть.

– А венков много?

– Много. На мазовский самосвал не вместится.

– Самосвал, он как «студебеккер»? Да?

– Что?

Мальчик не расслышал или не понимает незнакомого слова. Я объясняю:

– Много венков. Пожалуй, на «студар» с верхом.

Человек вполборота поворачивает ко мне побитое порохом лицо:

– Спасибо. Большое спасибо.

Пожалуйста. Хотя зачем благодарности? Зло меченные войной, мы и так отлично понимаем друг друга. Я обхожусь без ноги, он – без глаз. Мы – братья одной судьбы. И мне становится хорошо здесь, в этом тесном строю. На этом стихийном митинге без ораторов. Мальчонка из-под отцовской руки с уважительным любопытством поглядывает на незнакомого человека.

Однако хорошего понемножку. Сдается, долг мой исполнен, и я начинаю выбираться из толпы. Все-таки вечный огонь в память о павших – это здорово. Если только вечность его не окажется слишком короткой. Как те навечные зачисления героев в списки частей, впоследствии расформированных.

Я решительно выбираюсь из толпы. Вдоль тротуара – плотные ряды людей. Кто-то клацает «Зорким». Женщина на вытянутых руках высоко поднимает ребенка. Пусть видит и помнит. Пригодится.

Перейдя тротуар, натыкаюсь на ряд красных газировочных автоматов. Возле них тоже толпятся люди. Щелкают медяки, неторопливо гудят железные механизмы, аккуратно отмериваются ровные порции. Стараясь не ступить в лужу на асфальте, ищу стакан. Возле крайнего автомата, заслоня друг друга, что-то хитрят двое уже немолодых людей, по возрасту, похоже, фронтовики. У обоих в руках стаканы. Ясно, не с газировкой.

Один из них, перехватив мой озабоченный взгляд, с обезоруживающей фамильярностью подмигивает:

– Одну минутку.

И прячет за автомат бутылку. Я останавливаюсь в сторонке и жду. Мужчины украдкой чокаются. Один рослый, тяжеловатый, с кирпичного цвета лицом. На его пиджаке три ряда орденских планок. Два – Красного Знамени, по одному – Александра Невского и Отечественной войны. У второго, который чуть помоложе, с каким-то простецким помятым лицом, лацкан коричневого пиджака оттягивают две Красные Звезды. Видно, привинтил специально к празднику. Мужчины торопливо пьют и, крякнув, заедают

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
сушеной воблой. Старший выразительным кивком головы указывает на мою ногу:

– Что, на войне?

– На войне.

– А газировку пьешь. Иль не заработал? – грубовато упрекает он и спрашивает: –
Стукнуло где?

– На Втором Украинском.

– Сосед. Я с Первого. А этот с Ленинградского, – с треском ломая воблу, кивает
он на собутыльника.

Я жду, а он, помедлив, наклоняется над бутылкой. Широкая большая его рука щедро
наливает почти полный стакан.

– Давай! За тех, кто хочет, да уже не может.

– Не пью, к сожалению.

На глазах хмелея, человек готов возмутиться:

– Как это не пьешь? Тогда ты не фронтовик. Ты – железнодорожник!

У него неторопливые движения, непререкаемый командирский тон, самоуверенный
взгляд человека, знающего себе цену. Тот, что помоложе, напротив, все время
смеясь глазами, грызет металлическими зубами воблу и подмаргивает.

– Давай, друг! За русских Иванов.

Мне вовсе не хочется пить, но их непререкаемая категоричность обезоруживает.
Неудобно, но разве что за Иванов. Младший отламывает кусок воблы, и я торопливо,
захлебываясь, пью. Как на фронте. Случайная чарка среди незнакомых соседей –
танкистов или минометчиков. Правда, там не было и следа неловкости.

– Ну и ничего! – одобряет старший. – Справился. Трепался только. В каком звании?

– Я?

– Ну не я же.

– Младший лейтенант.

– Понятно. Ванька-взводный?

– Да. Хотя и ротным был.

– Я тоже. До Берлина вырос в дивизионного.

Соленый кусок рыбы обжигает во рту. Настроением быстро овладевает хмельная
благость. Из репродукторов гремит «Священная война». Рядом ходят, толкаются
люди, но мы уже не обращаем на них внимания. Меня интересует мой собутыльник.
Насчет дивизионного, по-видимому, он все же загнул.

– Не слишком ли высоко?

– Высоко? Думаешь, до дивизии недобрал? Да? А ну, подсчитаем. Один комплект роты
двести человек...

– Смотря какой роты.

– Какой? Штрафной, конечно.

– Штрафной?

Я с новым интересом поглядываю на этого человека. Плечом тот прислоняется к
красной обшивке автомата.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ну и вот. Двести умножь на двенадцать. Двенадцать раз формировались. Не считая частичных пополнений. Дивизия!

Ну, может и не дивизия, но тоже немало. Я впервые встречаю человека, который на фронте командовал штрафной ротой, и с нескрываемым любопытством гляжу на него. Младший разрывает пачку «Беломора». Возле нас появляется женщина в прозрачной косынке и с медяком в пальцах.

– Стаканчики свободны?

– Заняты! – бросает старший.

– Пьяницы проклятые!

– Цыц, тетка! У нас поминки!

Женщина, отойдя, грозитя:

– Вот позову дружинников, тогда помянете. В отрезвитель вас, алкоголиков!

– Что? Дружинников? Зови! Зови дружинников! – начинает распяляться старший и угрожающе ступает от автомата.

Младший, блеснув металлическими зубами, хватает его за руку:

– Кузьмич, спокойно! Спокойно, Кузьмич!

– Что спокойно? – кричит Кузьмин. – Пошли вы!.. Давай еще стакан.

Младший достает из-за пазухи новую бутылку, и Кузьмич натренированно срывает с нее белую головку. Руки его дрожат.

Водка через край стакана льется на асфальт. На этот раз они пьют вдвоем и молча. Я понимаю: пора идти. Но Кузьмич, выплеснув остаток спиртного под ноги, поднимает на меня покрасневшие недовольные глаза:

– Что смотришь? Осуждаешь, да? Осуждаешь? Двенадцать на двести, думаешь, где? В земле! Из плена прибегали! Не усидели до конца войны. Вот! Кто сегодня в героях? Брестская крепость и так далее! А я четверых из Брестской на Сандомирском плацдарме закопал. Вот! Тогда не спрашивали, как в плен попал! Спрашивали, почему не застрелился! Ясно? Ты! Железнодорожник! – с яростью заканчивает он.

– Кузьмич, спокойно! Тихо, Кузьмич, – берет его за пиджак младший.

Кузьмич зло и почти бессмысленно смотрит на меня. Кажется, он уже забыл, кто я, и готов обрушить на меня весь свой накопленный с войны гнев.

– Ладно. Будьте здоровы! – говорю я. – Спасибо.

Младший сжимает мою руку:

– Не за что. Ты не обижайся. Знаешь... Кузьмич, он добрый...

Прихрамывая, я не спеша иду по тротуару. У выпившего хромота становится всегда заметнее. И я не обижаюсь. Вообще пьяницы омерзительны, тем более скандалисты. Но этого, «дивизионного», можно понять. Двести на двенадцать! Невольно озвереешь. Особенно с годами. Когда все это отстоится, усилится в эмоциональном восприятии и прозреет в памяти. Тогда и замелькают мальчики кровавые в глазах.

А Сахно? Видит ли он своих мальчиков? Тех, что погибли от него и из-за него?

Нет, я никудашная размазня. Надо было сразу же задержать его, спросить документы. Если что – позвать на помощь людей. Столько передумано о нем, а когда представилась наконец просто невероятная, может, единственная в жизни возможность, так я растерялся. Фронтовик, называется!

Водка заметно будоражит мое сознание. Хочется что-то предпринять, на что-то

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru решиться. И я бреду, куда ведут меня улицы. Сначала по проспекту, потом на перекрестке сворачиваю за угол. Постепенно поток прохожих на тротуаре редет. Разом, вспыхнув, загораются вверху фонари. Их круглые шары, как спаренные луны, тускло светятся в небе, над мелкой еще листвой лип. По мере того как темнеет небо, они разгораются все сильнее...

Глава седьмая

Не скоро еще мы выбираемся из кукурузы в чистое поле с разбросанными там скирдами, и я вслушиваюсь. Откуда-то доносятся голоса, но это далеко и не сразу определишь – свои или немцы. В сапоге хлюпает кровь, руки заоченели от мороза. Рукавица осталась только одна, и та мокрая от снега и не греет.

Немец плетется сзади, натываясь на кукурузные стебли, часто цепляется за них сапогом и падает. Без очков он совсем стал слепым, и я, сжимая от боли зубы, время от времени покрикиваю на него. Внутри у меня все горит от усталости и изнеможения, спина вся в холодном поту, сердце того и гляди выскочит из груди.

Что же это случилось, как же это? – не могу я понять. Как это в своем тылу мы угодили в такую ловушку, как нарвались на засаду? Бедный Кротов! Мне то жалко его, то я чувствую в себе жгучую злость на него. Впрочем, я ругаю себя, комбата, старшину Шашка, хотя руганью уже ничего не исправишь.

Танки! Откуда они взялись тут, и что мне, подстреленному, теперь делать? Надо как можно скорее доложить начальству. Надо принять какие-то меры, нельзя допустить, чтобы в тылах батальонов хозяйничали вражеские танки. Это – разгром и гибель.

Но кому скажешь? Как назло – нигде никого из своих. Хотя бы связисты, они помогли бы. Только связистов уже давно простыл и след. Кругом дремотно покоится широкая степь, залитая ярким светом высокого месяца. Пересыпается под ногами неглубокий снег. Поодаль толпятся заснеженные скирды.

Я не могу сдержать нетерпеливости и то и дело пытаюсь бежать. Только нога моя болит все сильнее, я хромаю, и немец начинает обгонять меня. Так мы добредаем до ближайших скирд, и тогда я вижу невдалеке повозки. Глухо стуча колесами, они неторопливо катятся куда-то в снежную даль.

– Эй! Эй! – кричу я, бросаясь бежать.

Нет, упустить их мы не можем. Это последняя наша возможность предотвратить беду, которая нависла над батальонами, а может, и над полками тоже.

– Эй! Стой! Стой!

Передняя повозка все катится, наверно, никто там меня не слышит, а задняя и в самом деле вдруг останавливается. Но это все же далеко, и я изо всех сил нестерпимо долго бегу, загребая сапогом рыхлый, рассыпчатый снег. Мне все кажется, что ездовой не дожидается нас и повозка вот-вот тронется следом за первой. Но он все же терпеливо дожидается, и мы с немцем наконец добираемся до дороги. В подводе несколько человек. Все молча и не очень дружелюбно всматриваются в нас.

– Там танки!.. В кукурузе!.. – говорю я, сдерживая дыхание и стараясь выглядеть как можно спокойнее. Только это, видать, мне плохо удается.

На повозке молчат.

– Танки! Немецкие танки. Понимаете? Где командир? Давайте к командиру! – с запальчивой решимостью требую я.

И тогда на повозке отзывается недоверчивый женский голос:

– Видно, здорово ткнуло? Может, и контузия, а?

Эта ничем не прикрытая ирония выбивает из меня остатки квелого моего самообладания.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Какая контузия?! Пошли вы к черту! Танки! Понимаете, немецкие танки! В кукурузе!

На подводе зашевелились, кто-то, опершись на плечо ездового, соскакивает на снег. Оказывается, это девушка в полушубке и шапке. Но она мне незнакома, видно, подвода не нашего, а какого-либо другого полка.

– А ну покажи голову!

– Да не голова! Ты вот ногу перевяжи. В ногу ранило! – кричу я, теряя терпение от этой нелепой ее невозмутимости.

– Ногу?

– Да! Ногу! Не веришь?

Я опускаюсь на снег и, чтобы не завывать от боли, сжав зубы, стаскиваю с раненой ноги сапог. Там мокро, и я опрокидываю его голенищем вниз – на снегу появляется темное пятно крови.

Это убеждает. Девушка вскидывает голову и вдруг настораживается.

– Постой! А тот кто?

– Немец. Не бойся, не укусит: пленный! – раздраженно чуть не кричу я.

Нога дико болит, мокрые пальцы стынют на морозе, я уже готов возненавидеть эту «помощницу смерти» за ее недоверие и медлительность.

– Давай на подводу! – говорит она. Затем уверенно берет меня под руку и прикрикивает на немца: – А ну помоги! Что глядишь, как Гитлер?

Немец понимает и с неловкой деликатностью подхватывает меня под локоть.

– Ладно, идите вы! Я сам...

На одной ноге я допрыгиваю до повозки. Там, оказывается, лежат на соломе еще двое раненых. Один тихо стонет, запрокинув голову, второй, приподнявшись, запавшими глазами на исхудалом лице смотрит на меня.

– Вот тут, в уголок.

Девушка с ездовым устраивают меня на подводе. Затем она ловко и туго перевязывает бинтами мою простреленную стопу. Но тут обнаруживается новая беда – сапог на перевязанную ногу уже не налазит, да и боль такая, что нет сил вытерпеть это мучительное обувание. Напрасно помучившись с минуту, я бросаю сапог в солому. На снегу возле дороги остается окровавленная портянка.

– Повезло, – говорит девушка. – Еще бы на миллиметр, и – кость вдребезги.

«Кость, кость!» – меня раздражает теперь это ее неуместное сочувствие. Сам знаю – вдребезги. Кость – не железо.

– Давай быстрее! – кричу я. – И немца посади.

– Некуда! Пусть бежит. Протрясется.

– Протрясся уже. Последний остался. Второго ухлопали. И Кротова! – говорю я, почти физически ощущая, как в тревожной тоске сжимается сердце. Эх, Кротов, Кротов!..

В который уже раз я не могу примириться с такой внезапной и скорой гибелью человека. Просто это невозможно постичь. Ведь только же был с тобой рядом, шел, ел, ругался. И вот его нет. И никогда уже не будет.

Девушка, примачиваясь возле ездового, удивленно оглядывается:

– Кротов? А что Кротов?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Убили, что!

– Кротова? Командира роты?

– Ну.

– А ты не треплешься, младшой?

Она впервые настораживается, кажется, только сейчас проникшись моей тревогой и моей бедой.

– Только мне и не хватало еще трепаться с вами! Гони в полк! Танки вон в километре! – кричу я. – Ты понимаешь или нет?

– А ты не кричи! Тоже командир нашелся! – злится девушка.

Я умоляюще гляжу на нее и думаю: «Не буду, не буду кричать, только давай же быстрее! Милая, хорошая, или как там тебя назвать, гони же!» Девушка настороженно поглядывает в ночную степь, секунду вслушиваясь, потом толкает притихшего ездового:

– А ну погоняй!

И ездовой быстро гонит пару шустрых лошадок, от которых курит паром, и все оглядывается по сторонам. Повозка то дребезжит и подскакивает на кочковатых выступах ненаезженной полевой дороги, то стихает, увязая колесами в сыпучем снегу. Сидеть мне страшно неудобно. Коченеет нога, горячей болью жжет рана. Но и подвинуться нельзя ни на сантиметр. Я и так сижу чуть ли не на самых ногах раненого, который стонет, ругается и умоляет девушку:

– Катерина! Катя! Тише! Черт бы тебя побрал. Живодер ты, а не сестра, тише! Ух!.. Ох! Катюшенька!..

Катя наклоняется с передка, одной руки придерживает его голову и просит с той непривычной на фронте нежностью, которая уместна только по отношению к тяжелораненым:

– Потерпи, миленький. Потерпи, родной! Сейчас уже. Скоро...

И тут же, повернув лицо к немцу, который, уморившись, бежит за подводой, кричит:

– Быстреей, немчура проклятая! Быстреей!

Я молчу, ничем не высказывая своего отношения к ее окрику, и, видно, потому она поясняет:

– Была бы моя власть, я бы его бегом прогнала на Северный полюс и обратно. На Колыму б его, собаку! За наши муки! Пусть бы померз, помучился, сколько русский народ мучается.

Затем с твердостью человека, привыкшего, чтоб его слушались, негромко приказывает ездовому:

– Погоняй!

И тут же наклоняется к раненому:

– Потерпи, потерпи, миленький!

Да, уж терпи как-нибудь; надо спешить. Я и сам едва держусь, нога мало того что болит, еще и мерзнет под полкой шинели. Только надо терпеть до села. Там люди, штабы, командиры, они что-нибудь предпримут.

Глава восьмая

Село возникает неожиданно. На лунной белизне длинной, пологой балки появляется ряд белых мазанок с изгородями, плетнями, зарослями вишенника на межах. Местами

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru мирно светятся окна, на улице – урчание машин и голоса. В селе свои. Правда, меня немного удивляет такая идиллия под носом у немцев. Но ведь это тылы. Полки наступают неплохо, впереди танки, артиллерия, чего им бояться?

Дорога катится вниз; дребезжит, грохочет повозка; Бога и всех чертей поминает бедолага раненый. Даже второй, что поспокойнее, и тот поднимается на локте под шинелью. На его белом, неестественно ошетилившемся лице отчетливо проступает гримаса страдания. Катя на передке заикающимся от тряски голосом успокаивает:

– Счас, счас, родненькие... Счас...

Мы быстро спускаемся по отлогому склону и, проехав короткую, обсаженную вербами греблю[48], сворачиваем в улицу. Но по улице не проедешь. Впереди, перегородив дорогу, урчит многосильный «студебеккер». Из приоткрытой дверцы кабины высовывается шофер, привычным движением руля он помаленьку сдает назад. У плетня спиной к нам кто-то в полушубке командует нервным осипшим голосом:

– Лево руля! Лево! Еще лево! Давай, давай!..

«Студебеккер» пролезает в непомерно узкие для него ворота, тяжелыми скатами вминает снег, и вдруг обмазанный глиной плетень с хрустом кладется на землю. Человек в полушубке вскидывает кулаки:

– Куда даешь?! Куда даешь, собачий ты сын? Где у тебя глаза? Где глаза у тебя, я спрашиваю?

Он почти в бешенстве подскакивает к кабине, кажется, вот-вот набросится на шофера. Но не набрасывается, и шофер неожиданно спокойно басит:

– Во лбу глаза, товарищ капитан.

– Во лбу? – удивляется капитан. – Разве они у тебя во лбу? В другом месте они у тебя! Давай вперед!

– Стой, – говорю я.

Ездовой придерживает коней. Катя соскакивает с передка.

– Товарищ капитан!

Капитан не слышит или не хочет слышать. Отступив на шаг, он снова кричит шоферу:

– Вперед и право руля! Еще, еще право! Давай, давай!

– Капитан! В степи танки! Кому доложить?

Катя вплотную подступает к командиру. Я слезаю с повозки и на одной ноге тоже скачу к нему.

– Товарищ капитан! Там немецкие танки! – надеюсь я удивить его этим сообщением. Но капитан будто не слышит.

– Право, еще право! Так, так! – Он приседает, заглядывая под кузов машины.

«Студебеккер», урча, как рассерженный мамонт, начинает въезжать во двор.

– Что, танки? Много? – И сразу же к шоферу: – Давай, давай! Прошло! – с облегчением объявляет он и будто впервые замечает рядом меня с Катей.

– Танки! Немецкие! Вы слышите? – кричит Катя. – Вот турнут, будет вам тогда «давай, давай».

– Что? – удивляется капитан, и осипший голос его снова становится сварливым. – А что вы на меня кричите? Что я – ИПТД[49]? Идите в артполк и докладывайте. Мне приказано, я ДОП[50] разгружаю.

Он разгружает ДОП! Эта его неуязвимость просто бесит. Я хочу разъяснить капитану, что нависло над его ДОпом, но Катя, меньше церемонясь в обращении,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru обрывает меня:

- Какой, к черту, ДОП! Вот стукнут по селу – будет тогда и ДОП и поп.
- Товарищ капитан!..

Катя машет рукой:

- Да ну его, младшой! Он чокнутый.
- Ага, чокнешься! Мне к двадцати четырем ноль-ноль надо шесть «студеров» разгрузить. Понимаете? Плевать мне на ваши танки.
- Ладно. Дурака кусок, – бросает Катя. – Давай дальше.

Она вскакивает в передок, я заваливаюсь в повозку. Ездовойогревает коней, и, объехав «студебеккер», мы мчимся по улице. А в селе так по-вечернему уютно и мирно, что мне даже становится страшно. С все возрастающей тревогой я предчувствую, чем может кончиться такая идиллия. Нет, во что бы то ни стало надо найти какой-нибудь штаб, пусть что-нибудь сделают.

В одном дворе, аккуратно «притертый» к стене, стоит «виллис». Возле него молча копаются двое – кажется, выгружают имущество. Где «виллис», там, конечно, начальство, и Катя, завидев машину, сразу останавливает повозку.

- Сиди, младшой, я сама.

Я остаюсь на подводе, а она бежит во двор и что-то встревожено там объясняет. Вскоре все вместе они выходят на улицу.

- Вот младшой лейтенант наткнулся. Командира роты убило, – говорит девушка и умолкает, с надеждой поглядывая на впереди стоящего человека.

Я также всматриваюсь в него. Это – высокий, поверх шинели затянутый ремнями мужчина, на его плечах широкие с двойным просветом погоны. Других знаков не видно. Но он в ушанке, и я определяю: майор или подполковник.

- Вы где видели танки? – спокойно обращается он ко мне.
- В степи, товарищ подполковник. (На всякий случай беру с запасом, за это не обидится.) Километрах в трех отсюда. Штук двенадцать стоят стволами сюда.
- Вы думаете, это немецкие?
- Немецкие, – говорю я. – Нас обстреляли. Командира роты убили. Мы вот едва выскочили с пленным.

Подполковник молча оглядывает меня, затем немца, который в терпеливом ожидании стоит возле подводы, подрагивая от стужи.

- Так. Хорошо. Можете ехать, – помедлив, говорит командир.

Мало что понимая из этого разрешения, я спрашиваю:

- А куда пленного сдать?
- Пленного в Ивановку. Согласно распоряжению командующего, сборный пункт для военнопленных в Ивановке.
- Да тут все ранены, – говорит Катя. – Возьмите вы немца.
- Нет. Отправляйте в Ивановку, – спокойно, с непоколебимой твердостью говорит командир. – И попутно сообщите там о танках. Скажите, подполковник Волох послал, – неожиданно приказывает он.

Вот тебе и раз. Мы – им, а они – нам. Договорились! Получили приказ! Подполковник с тем, что в телогрейке, отходят к хате и закуривают. Мы стоим на месте и удивленно переглядываемся. Слышно, как тот, второй, тихо предлагает

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru начальнику:

– Видно, надо смываться... Ну их к дьяволу, эти танки...

Я не слышу, что отвечает подполковник, скоро они вдвоем скрываются во дворе, и что-то во мне надрывается. Выдержка моя на том кончилась, и я готов ругаться – что же это делается? На повозке стонут раненые.

Катя вспыхивает:

– Тыловики проклятые! Концентраторов отъелись – не прошибешь! Хоть караул кричи!

– Гони! – кричу я ездovому. – Гони дальше!

Я целиком во власти нетерпения. Черт с ними, поедem в Ивановку. Только где она, эта Ивановка? Легко ли ее найти ночью, и сколько на это понадобится времени? А тут еще два человека на подводе!.. И немец, что трусит сзади. И моя мокрая от крови нога, которая уже омертвела и дико болит от раны и мороза...

На повороте улицы мы чуть не сбиваем нескольких бойцов. Спасаясь от коней, они с руганью вскакивают на завалинку хаты. Один прижимается к плетню, и по новой цигейковой шапке на голове, а скорее по сумке на боку я узнаю в нем командира. Неожиданная надежда вспыхивает во мне. Я хочу остановить подводу, но он останавливает ее сам – в ярости хватает за уздечки коней и заворачивает их поперек улицы.

– Стой!

Голос его злой, властно-нетерпеливый, пожалуй, некстати такая встреча. А впрочем, к черту этикет, если в тылы прорвались танки! Но прежде чем я успеваю раскрыть рот, чтобы сообщить ему об этом, человек строго спрашивает:

– Кто такие?

– Да раненые! Не видите разве? Из батальона Шаронина, – отвечает Катя.

– Товарищ командир, – говорю я. – Надо как-нибудь передать в штаб, в разведотдел... Комдиву. В степи недалеко отсюда танки. Немецкая засада.

Командир выслушивает это с мрачной затаенностью. Потом подходит к повозке, заглядывает в нее и, будто не слыша моих слов, тоном, исключавшим возражения, приказывает:

– Слезть всем!

– Да вы что? – вскакивает на передке Катя. – Вы что: тут тяжелораненые.

– Санинструктор, да? Ко мне, санинструктор! Вы, раненый, тоже! – не принимая во внимание ее слов, кивает он мне.

Откуда-то возле него появляется автоматчик, теперь их уже двое. Командир стоит в двух шагах от нас, грозный и неумолимый, как генерал. Я всматриваюсь в его плечи, стараясь определить воинское звание, но там ничего не поймешь. Вверху сияет месяц, и мне не видно лица командира, затененного шапкой. Но я чувствую, что лицо это не предвещает добра.

– Повторяю: санинструктор, вы – с забинтованной головой, повозочный и вы, – кивает он в сторону немца, – следуйте за мной.

Ничего не поделаешь. Тихо выругавшись, Катя первая соскакивает с передка, неохотно покидает свое место ездовой. Держась за края повозки, слезаю и я. Командир ступает вперед.

– Марш в помещение.

Я думаю, что это – не более чем недоразумение. Куда он нас поведет, и что плохого мы ему сделали? И я хочу объяснить:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Вы понимаете: танки. Мы спешили доложить. Через час-другой они могут быть тут.

Командир оглядывается:

– Попрошу помолчать. Пока вас не спрашивают.

– Ну пошли, подумаешь! – со злой решимостью говорит Катя и шагает во двор.

За ней идет ездовой, потом немец. Я, хватаясь за изгородь, на одной ноге прыгаю следом за ними. Возле повозки с двумя ранеными остается автоматчик.

Командир ведет всех через двор, затем в темные сени и открывает дверь в хату. На оконном косяке тускло горит коптилка, окна завешены каким-то тряпьем. Несколько малышей пугливо бросаются на печь, и вскоре из-за каминка появляются их любопытные личики.

– Прошу документы! – говорит начальник, подходя к коптилке, и оборачивается.

Я оглядываю его плечи – вот тебе и на. Всего лишь капитан, а держит себя, как генерал, не меньше. Столько напускной строгости!

– Пожалуйста! – с готовностью, но и с подспудным вызовом говорит Катя и лезет за пазуху.

Сдерживая в себе неуместный тут гнев, я нащупываю под шинелью нагрудный карман и достаю удостоверение. Ездовой наш, довольно пожилой, с крестьянским лицом дядька, неторопливо распоясывается и долго копается в складках одежды, пока находит аккуратно завернутую в бумагу красноармейскую книжку. Минуту капитан молча изучает наши документы. На его чернявом лице непреклонная строгость службиста. Но вот наконец он поднимает лицо, обводит всех придирчивым взглядом и останавливается на четвертом – немце, который сутулится в полумраке у самого порога.

– А вы что?

– Это пленный, – говорю я. – На сборный пункт ведем. В Ивановку.

Я думаю, что он сразу прицепится ко мне и пленному, документов на которого у меня никаких нет, а его остались в батальоне. Видно, в том виноват я. Только кто предполагал, что мое конвоирование обернется таким образом! Но капитан, кажется, не намерен излишне придираться к пленному и складывает вместе наши документы.

– Где вы видели танки? – спрашивает он у меня, стоя под самой коптилкой.

– В кукурузе. Километра за три отсюда.

– Кому вы о том доложили?

– Кому тут доложишь! – запальчиво опережает меня Катя. – Тут у вас все как пыльным мешком побитые.

Она так вольно и независимо держит себя перед этим придирой капитаном, будто он и вовсе никакой не начальник. Я, к сожалению, так не могу и покорно стою, прислонясь к скамье и поджав свою простреленную ногу.

– Двум человекам докладывали, – говорю я. – Капитану из ДОПа и одному подполковнику.

– Так вот зарубите себе на носу! – строго говорит капитан. – Чтоб больше ни слова. Поняли? А то панику мне развели! Как в сорок первом. Я вам покажу танки! – заканчивает он нелепой угрозой.

– При чем тут паника! – дерзко бросает Катя. – Мы докладываем. Что мы, на всю улицу кричим, что ли? Да тут у вас хоть голоса – никого не проймешь.

Капитан выслушивает ее слова и оставляет их без ответа. Обращается он ко мне одному:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Вы поняли, младший лейтенант? А теперь марш отсюда! – строго приказывает командир и добавляет чуть мягче: – В третьей от церкви хате сбор раненых.

Потом отдает наши документы и засовывает руки в карманы шинели.

– А пленного? – спрашиваю я. – Возьмите у нас пленного. У меня вот нога...

– Я не конвоир! – отвечает капитан.

Я растерянно стою, начиная понимать, что и от этого больше ничего не добьешься.

Помолчав, мы нерешительно направляемся к порогу и, ощупывая холодные стены в темных сенях, выбираемся на двор. Морозный снег поскрипывает под ногами.

– Ну и черт с ним! Поехали. О тех надо подумать, а то поокочурятся, – говорит Катя и направляется к повозке.

Глава девятая

Хата санчасти приветливо встречает нас огнями в двух окнах (третье заткнуто охапкой соломы) и песней. Кто-то во все осипшее горло натужно тянет под нестройный басовитый гул нескольких струн гитары:

Шаланды, полные кефали,
В Одессу Костя привозил.
И все биндюжники вставали,
Когда в пивную он входил...

Знака или флажка на хате нет никакого. Во дворе также ничто не свидетельствует о наличии тут санитарной части. Но, как говорил капитан, это третья хата от церквушки, что скромно сереет невдалеке побеленными стенами, и Катя останавливает коней. Ездовой соскакивает на снег, слезает с передка Катя. Я также вываливаюсь из подводы, бросаю немцу: «Ком!» – и на одной ноге прыгаю к раскрытым в сенях дверям. Пленный уныло идет следом.

Песня и гитара сразу обрываются. В углу и на припечке лихорадочно трепещут огоньки двух «катуш». Под потолком висит плотный слой дыма, и в углах царит не побежденный копилками мрак. Резкий запах свежих бинтов, крови и прокисшая вонь шинелей бьют в нос, тем самым, однако, убеждая, что хатой мы не ошиблись.

– Рама! В укрытие! – после секундной паузы в фальшивой тревоге выкрикивает чей-то голос.

Вслед за Катей я пропускаю немца и перескакиваю через порог. Первым на глаза попадает гитарист. Вытянув на кровати у порога обмотанную бинтами ногу, он замирает с гитарой в руках и, сверкнув озорными глазами, упирается взглядом в Катю. В углах на соломе сидят еще раненые. Кто-то чуть не до пояса перевит бинтами – и грудь, и голова, – должно быть, обгоревший танкист.

– Дурной! – с хода бросает Катя. – Чего орешь? А ну встать! Кто старший?

Гитарист, не выпуская гитары и не сдвигая с места раненой ноги, всем корпусом разворачивается к Кате. Под накинутой на плечи курткой десантника тихо побрякивает связка медалей. На потолке замирает большая изломанная тень.

– Отставить! Уже навставались. Теперь всё! Крышка!

– Кто старший?

– Старший? Был, да весь вышел. К начальству. Хошь – буду я?

– Обойдемся без самозванцев. А ну слазь! – Катя бесцеремонно дергает его за рукав. Куртка сползает – на погонах сержантские нашивки. – Тяжелых положим. Где санитары?

– Стоп, рыжая! Не трожь! Я контуженый! – паясничает гитарист и, сменив тон, с силой бьет по струнам. – Санитары! Эй, санитары!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Откуда-то из-за перегородки, откинув одеяло, выходят двое в неподпоясанных шинелях. Один высокий и худой, второй низкий – оба пожилые, мешковатые, видно, недавно мобилизованные дядьки.

– Тяжелых внести! Живо! – чувствуя себя начальством, приказывает гитарист и тычет в санитаров пальцем. – Ты и ты! Этот ихний поможет, – указывает он на пленного и вдруг недоуменно моргает. – Ого, Гансик! Братва, Гансик! Ей-богу! Айн, цвай битерфляй... Ком!

Все из углов оборачиваются к порогу. Забинтованный на полу неестественно выпрямляется, ногами скидывает с себя полушубок и выбрасывает вперед руки, также забинтованные до локтей.

– Кокнуть! Кокнуть к чертовой матери! – с надрывом выкрикивает он.

Второй, что лежит рядом, что-то приговаривая, укрывает его полушубком. Сержант быстренько соскакивает с кровати и, неся перед собой прямую и толстую, как бревно, ногу, подступает к немцу.

– Спокойно! – говорю я. – Это пленный.

– Ну конечно, спокойно. Зачем спешить? Успеем!

Сержант недобро ухмыляется и с нарочитой вежливостью берет немца за концы воротника.

– Он же добрый. Он сознательный. Гитлер капут? – ехидно спрашивает он.

– Гитлер капут, – не очень уверенно, но с готовностью соглашается немец. Губы у него, однако, заметно подрагивают.

Сержант все с той же ухмылкой на лице поворачивается к остальным:

– Вот видите! Он добрый. Он перевоспитался. Трофейчики, конечно, все выпотрошили? Ур нету? – миролюбиво спрашивает сержант и живо лапает немца по пустым, отвисшим карманам. – Ну, конечно, в кармане вошь на аркане.

И вдруг озорно дергает за длинный козырек шапки, которая налезает немцу на самые глаза. Сержант возвращается назад к койке. Немец покорно поправляет шапку, а я отхожу от порога и опускаюсь у стены на солому. Больше сесть тут негде. На единственной скамейке в простенке кто-то лежит, койку займут тяжелораненые. Гитарист, бережно уложив на прежнее место ногу, берет гитару. К «гансичку» он уже потерял интерес.

– Я вот не понимаю, – громко говорит он, забренчав струнами. – Какой смысл немцу воевать с нами? Ну что пользы: ворвется ежели в траншею, что он найдет? Ни фига! Разве портянку грязную на бруствере. А у них! Ого! Сколько у них барахла разного остается! Я так, если приказ: «Вперед!» – лечу как очумелый. А что? Люблю трофейчики! Вот только вшей у них много, холера!

Из раскрытых дверей вкатывается облако холода – санитары вносят раненых. Катя укладывает обоих на койку и укрывает рваной шинелью:

– Полежите до завтра. Утром в госпиталь отправка. Доктор сказал.

Один из них, видно, уже доходит – глаза полузакрыты, нос заострился, из опавшей груди слышен трудный пузыристый хрип. Второй прерывисто стонет, борется с муками и, повернув набок голову, безучастно оглядывает людей.

– Браток, сверни закурить, – обращается он к сержанту. – В кармане там, браток... И бумага...

Сержант с готовностью откладывает гитару.

– Пожалуйста, отец. Это можем. Пока руки целы. Откуда будешь, землячок?

– Воронежский я.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Раненый сводит челюсти, будто глотает слюну. Взгляд его беспокойно мечется по темному потолку хаты.

– Ну так почти земляки. Что Воронеж, что Ростов – одна Расея. На, потяни, полегчает, – участливо обещает сержант и справляется: – Пехота?

– Пехота, – выдыхает затаенно раненый и жадными губами снова ловит сигарку.

Немец неловко топчется у печи, не зная, где приткнуться. Держит он себя уважительно и даже будто несколько робко. Я замечаю это и подзываю его к себе:

– Ком! И садись! Нечего торчать.

Он понимает и, поджав длинные ноги, неуклюже опускается напротив на земляной пол. Глаза его осторожно скользят по мне, по сержанту и останавливаются на гитаре. Катя у печки, при тусклом свете «катюши» копошится в медицинской сумке – готовит лекарства. Сержант с силой дергает басовую струну и фальшиво затягивает солдатскую песню:

Первая болванка попала в бензобак...

– А ну прекрати свое трень-брень! – строго приказывает от печки Катя.

Кто-то из угла добродушно перечит:

– Пусть играет. Может, боль немного заглушит.

Сержант энергично откашливается, собираясь запеть если не лучше, то во всяком случае громче.

Первая болванка попала в бензобак,

Вылез я из танка сам не знаю как...

– снова фальшивит он, видно, понимает это и, встретившись с немцем взглядом, зло обрывает запев.

– Чего зенки выпучил, фриц? Не нравится? Может, лучше умеешь? Что ты вообще умеешь, фрицевская морда?

– Нэмножко, – вдруг отчетливо произносит немец и протягивает руку к гитаре.

Сержант, набычив голову, с полминуты почти в неистовом недоумении смотрит на него, будто решая, стоит ли всерьез принимать произнесенное им слово.

– А ну, а ну! Изобрази-ка... Посмотрим, что ты умеешь. Ну! Давай! Дуй! – неожиданно решает он и отдает гитару.

Немец осторожно берет ее, устраивает на коленях и, тихо перебирая струны, левой рукой подвинчивает шурупы. В углу снова вскидывается забинтованный. Он ничего не видит и сквозь едва сдерживаемую боль кричит с отчаянием в голосе:

– Ага, фриц! Почему вы его не прикончите? Почему вы с ним цацкаетесь?

С соломы поднимается его сосед и легонько, словно ребенка, кладет обгоревшего на спину:

– Ладно. Тихо. Я сам. Подождите.

Глаза этого человека из-под нахмуренных бровей в тусклом свете «катюши» недобро сверкают в сторону немца. Обгоревший корчится в муках и стонет, сжав зубы.

Немец не спеша настраивает гитару, мы все с затаенным вниманием следим за ним – все же не часто приходится видеть, как фашист упражняется в музыке. Интересно, что у него получится. У сержанта на узколобом лице уже не ухмылка, а строгость и угроза. Мне кажется, если немец чем-то не угодит, то ему уже не спустят – придется тогда защищать. Тяжелораненый на койке поворачивает набок вспотевшее лицо и с мучительной обреченностью в расширенных глазах также следит за немцем. Похоже, он ждет чего-то, и это ожидание на короткую минуту словно притупляет его

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru страдание. С девичьим любопытством коротко оглядывается Катя и хмурится. Почему-то я начинаю хотеть, чтобы немец действительно сыграл неплохо. Невольно мною уже овладевает сочувствие к нему в этой хате. Все же он «мой» немец.

И действительно, он быстро настраивает гитару и начинает сноровисто перебирать струны. Простой, всем известный мотивчик наполняет сумеречную тишину хаты:

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч...

Вот так чудо – вот тебе и немец! Играет наше, русское, как заправский русак. И раненые, гляди ты, притихли, ни один не вякнет ни слова – слушают. Сержант, видно, тоже теряет свое грозное намерение. Кто-то в углу вздыхает, потом всхлипывает – ага, плачет. Кажется, это обожженный. Ну да что же ты сделаешь! Что мы все тут, в этой хате, можем сделать, кроме как терпеть боль. Кто больше, кто меньше, кто на день-два, кто на долгие месяцы. Ожоги же будут болеть до самого конца, пока не заживут начисто, – нет худшей боли, чем от ожогов. Теперь нам одно – сжав зубы, свыкаться с болью, думаю я. Там, в степи за Кировоградом, наступают, окружают, отбивают атаки, освобождают села и станции, а мы тут – сплошная концентрация боли. И потому плачь, боец, не стыдись. Говорят, от плача становится легче. И не приставай к немцу, черт с ним, пусть живет, все же и он человек. Вон как играет!

Немец тем временем кончает играть. Сержант на краю кровати смущенно сдвигает измятую, с растопыренными ушами, шапку:

– Здорово, шельма! Ничего не попишешь!

– Хорошо шпарит, – сдержанно одобряют в углу. – А ну еще что.

Немец легонько прикасается пальцами к струнам, пробуя их звучание. Сержант подобрешими глазами разглядывает его сверху. Видно по всему, эта игра пошатнула в нем привычную грубоватую самоуверенность и затронула приглушенное чувство обычного человеческого любопытства.

– Ты кто, фашист? – спрашивает он, в упор глядя на немца. – За Гитлера?

– Гитлер капут! Гитлер плёхо, – быстро отвечает немец привычной фразой.

Я смотрю на него и чувствую, как что-то в нем уже переменялось, будто ожило. Взгляд избавляется от заметного страха и перестает пугливо бегать по лицам. Снисходительное внимание русских заметно ободряет его.

– Вот это я понимаю! – говорит сержант и бесцеремонно, но уже без угрозы хлопает его по плечу. – Что, сам сдался? Сам плен ком?

– Я, я. Сам, – подтверждает немец.

– Правильно. Одобряю. Дай пять.

Сержант коротко пожимает локоть его занятой гитарой руки и уже почти дружелюбно предлагает:

– А ну изобрази еще что-нибудь! Может, вот эту: «На позицию девушка провожала бойца...»

– Огоньёк! – догадывается немец и быстрым пробегом по струнам повторяет мелодию.

Удовлетворенный его догадливостью, сержант одобрительно кивает:

– Вот, вот!

Немец вполне прилично наигрывает «Огонек», и я удивляюсь его умельству по части наших песен. Сержант хрипло подпевает, а меня начинает клонить в расслабляющую сладость дремоты. Я чувствую: не надо поддаваться ей, нельзя, мало ли что... Тревога в душе какое-то время борется со сном, но постепенно сон осиливает все – и заботу, и тревогу, и мою боль в ноге...

Мне что-то мешает, тревожит. Подсознательно я стремлюсь во власть забытья, где нет ничего, только сон. Но это «что-то» сильнее меня, сильнее моей усталости, оно вырывает меня из сладостного отсутствия, и я просыпаюсь. Только где я? Какие-то люди, встревоженные выкрики, далекие и близкие голоса. И вдруг сквозь сонливое оцепенение прорываются слова, которые сразу возвращают меня к реальности:

– Младшой! А младшой! Твоего немца забирают...

«Немца? Какого немца?.. Ага! Я же в санчасти». Я вскидываю тяжелую голову – напротив в хате, все в том же призрачном свете коптилок, стоит «мой» немец и возле него двое – один в шинели, второй в полушубке. Это – Шашок и Сахно.

Сахно оборачивается на голос, затем – ко мне. На его выбритом лице с низко надвинутой на лоб черной кубанкой угрюмая важность начальника.

– Вы куда? – осипшим голосом говорю я. – Это пленный.

– Младшой, не давай! Пусть сами попробуют в плен взять, – подбивает с койки сержант.

Сахно круто поворачивается к нему:

– А ну замолчать! Вас не спрашивают, товарищ сержант!

И ко мне, несколько сдержаннее, но все тем же приказным тоном:

– Василевич! Проходите с нами!

– Куда он пойдет? У него нога!

Это – Катя. Она тут же за их спинами – в мигающем свете «катюши». Я вижу ее светлые, рассыпанные на голове волосы и, не понимая еще, в чем дело, но чувствуя, что мне не надо поддаваться им, говорю:

– У меня нога. Вот!

Сахно окидывает меня недоверчивым взглядом и, не произнеся ни слова, возвращается к немцу:

– А ну вэк!

Шашок открывает дверь, Сахно легко толкает в нее пленного, который на глазах мрачнеет, и, не взглянув ни на кого, выходит.

Взяли – пусть. Мне его не жалко, только развяжет руки. Раненым же, которых, кстати сказать, прибыло в этой хате, самоуправство этого человека не нравится.

– Вот и доигрался! Сидеть бы да сопеть в две дырки.

– Повели и шлепнут.

– Факт, шлепнут.

– А кто они? – спрашивает кто-то из угла.

Ему никто не отвечает. Катя от порога взмахивает рукой, давая тем знак замолчать. Все настороженно прислушиваются, я тоже. В сенях слышна какая-то возня. Сквозь щель в двери мелькает свет фонарика, доносятся приглушенные голоса:

– Повернись, живо!

– Держи!

– А ну, посмотри сапоги.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

- Карманы обшарил?
- Пусто. Все очистили.
- Ладно. Черт с ним...

Сержант ворочается на койке и плюется:

- Стервятники! Была б моя власть – я б их!..

Катя надевает на голову шапку и подпоясывает полушубок. Ее подвижные глаза осуждающе косятся на сержанта.

- Чья бы коровка мычала, а твоя б молчала. Сам такой.
- Я такой? Я не такой! – деланно распаляется сержант. – Я кровь проливал. Если что – я кровью плачу. А эти?..
- Ладно тебе. Наплатился...

Круглое рябоватое лицо сержанта расплывается в шутовой улыбке:

- Ты меня не трожь, рыжая. Я злой и контуженый.
- Ханыга ты! – в упор объявляет Катя, шевельнув русыми бровями. В глазах ее, однако, игривость. Видно по всему – этот ершистый десантник все-таки ей нравится.
- Рыжая! Ах ты!..

Сержант делает стремительный выпад, чтобы ухватить Катю, но та бьет его по парусиновому рукаву и уклоняется.

- Ханыга!

Девушка прорывается к двери, но не успевает ее толкнуть, как дверь распаивается. На пороге опять появляется немец, за ним входят Шашок и Сахно. Кубанка у Сахно лихо сдвинута на ухо, колющий взгляд подозрительно бегаёт по лицам людей, будто говоря: «А ну, что вы тут без меня думали?» Поведя сюда-туда фонариком, он подступает ко мне.

- Вы что, в самом деле не можете? И встать не можете?
- Нет, почему же...
- Тогда встаньте.

Я немного удивляюсь, зачем понадобился ему, и пробую встать. Нога почему-то отяжелела, повязка набрякла кровью. Где-то в глубине раны дергает – кажется, в эту ночь обработать рану уже не придется. Но куда он меня поведет?

- Оружие брать?
- Не надо.

Я кладу на солому свой ППС, который мне, одноногому, довольно-таки мешает, и опираюсь на чью-то спину. Сахно неуверенно окидывает фонариком обшарпанные стены мазанки. Яркий глазок света останавливается на завешенном одеялом проходе.

- А ну пройдем туда!

Вслед за ним, хватаясь по очереди за кровать, лавку и печку, я допрыгиваю до перегородки. Капитан отворачивает одеяло и, посветив фонариком, выгоняет оттуда двух сонных раненых. Мы заходим в темноту, и Сахно приказывает Шашку:

- Давай свет!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Шашок быстро вносит «катюшу», возле фитиля густо присыпанную солью, ставит ее на стол и сам удобно пристраивается на скамье. Я присаживаюсь на какой-то сундук в конце стола. Сахно садится напротив. Взгляд его придирчиво впивается в меня:

– Давно тут?

– С вечера.

– А ногу где ранило?

– В степи, где же. На танки напоролись. Да вот он знает, – киваю я на Шашку.

Тот, однако, не двинет и бровью, будто ничего и не помнит, будто и не был с нами в кукурузе. Безразличный ко мне, он копается в полевой сумке, выкладывая из нее бумаги.

– А где Кротов? – вдруг быстро спрашивает Сахно и во все глаза, не моргнув, смотрит на меня.

– Кротов погиб.

– А двое пленных?

– Те удрали, видно. Хотя один тоже убит. Остался в кукурузе.

– Убит? – с язвительной иронией переспрашивает Сахно.

Я недоуменно заглядываю в его ярко освещенное «катюшей» лицо. На нем маска сдержанной до времени подозрительности и недоверия.

– Убит, факт.

– Кем убит?

– Ну немцами, кем же еще?

Сахно кивает Шашку:

– Так, записывай.

Тот разворачивает на столе блокнот в частую мелкую линейку с черным немецким орлом на обратной стороне обложки. Блокнот – трофейный, это точно, но я невольно задерживаюсь взглядом на этой эмблеме, и что-то вызывает во мне неосознанный еще протест.

– Значит, пленный немец убит немцами? Так? И Кротов также убит немцами?

– Ну конечно.

– А ну расскажите подробней.

– Что рассказывать! Вон старшина с нами ехал. А потом он вернулся, а мы и наскочили.

Я коротко, без особой охоты передаю суть нашей злополучной стычки с немцами.

– Так-так, – оживляется Сахно и грудью налегает на стол. Стол скрипуче поддается в мою сторону. От капитана сильно разит овчинной кислятиной нового полушубка.

– Так, так, интересно. Ты записывай, Шашок.

– Записываю.

Шашок, оттопырив нижнюю губу, не очень сноровисто, но старательно скребет авторучкой в блокноте. «Что тут записывать? – думаю я. – Что тут непонятно, в чем они сомневаются? Неужели подозревают в чем-то недобром Кротова?» Глаза мои не могут оторваться от фирменного орла на обложке, и гнев во мне все увеличивается.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Сахно тем временем продолжает допрашивать:

– А почему вы не побежали за ним?

– Я и побежал. Как ударила очередь – сразу побежал. Не за ним – за немцем.

– А что было раньше – очередь, или раньше он побежал?

– Очередь.

– Очередь, так? А вы же сказали, что Кротов кинулся бежать до очереди.

«Путает. Ловит. Пошел ты к чертям! Попал бы туда, пусть бы тогда и замечал, что раньше, а что позже», – раздраженно думаю я и говорю:

– Это все почти разом. Немец кинулся в сторону, Кротов за ним. Тут и очередь.

– Значит, все же раньше Кротов побежал за немцем. Так и запишем.

Что они меня ловят! Что ему надо, этому человеку? Что им до мертвого кротова?

Но Сахно, очевидно, знает, что ему надо. Он удовлетворенно откидывается на лавке, достает из-за портупей на груди засунутые туда перчатки и громко хлопает ими по ладони.

– Вот это и требовалось доказать.

– Что?

– А это самое.

Сахно встает, привычно поправляет кобуру на ремне и начинает аккуратно натягивать на пальцы перчатки. Они чего-то добились от меня, но я не понимаю их цели. Я только чувствую, что они перехитрили, и гневный протест во мне против этого их бесцеремонного наскока продолжает расти.

– А теперь подпиши, младшой, – говорит Шашок и подсовывает мне тот самый блокнот.

Невольно во мне что-то завязывается в тугой непокорный узел.

– Не буду подписывать.

Шашок замирает рядом. Сахно останавливается за моей спиной.

– Как это не будешь?

– Не буду, и все!

Оба на несколько секунд умолкают. Я чувствую их растерянность и знаю, что для меня это может кончиться плохо.

– Это почему? – с недоумением и некоторым даже любопытством спрашивает Сахно. Освещенное снизу тупоносое, старательно выбритое лицо капитана скрывает угрозу.

– А что вы цепляетесь к Кротову? Что он вам сделал?

Не отвечая на мой вопрос, Сахно подступает ближе.

– Не прикидывайтесь! Вы отлично понимаете, что он сделал!

– Ничего он не сделал! Он погиб!

– Ах, погиб! – вдруг взрывается капитан и хватает со стола блокнот. – Погиб! Ну тогда пеняй на себя, сопляк! Понял?

И тычет под нос блокнотом:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– А ну подписывай!

– Сказал – не буду!

– Пожалеешь! Да поздно будет.

Пусть – пожалею. Но я не хочу возводить напраслину на человека, который мне не сделал плохого. Хлопцы за перегородкой утихают. Наверно, отсюда слышно все, но пусть! Что они мне в конце концов сделают?

Я жду нового взрыва крика, может быть, даже угроз с пистолетом – жду схватки и готов к ней. Я не боюсь. Я уже решился на все и намерен держаться твердо. Но Сахно вдруг шагает к двери.

– Хорошо! Мы еще вернемся! Мы еще поговорим с тобой! Понял?

Шашок торопливо пихает в сумку бумаги, блокнот и вслед за капитаном выходит. Я не спеша поднимаю со стола «катюшу». Руки мои дрожат.

В хате гул. От порога ступает Катя. Оказывается, она не выходила, была тут и все слышала. Я знаю, она заступится. У меня уже родилась и живет где-то в душе тихая признательность к этой девушке. Только теперь я хочу сказать ей: «Не надо».

– Что пристали к младшему? – бесцеремонно говорит Катя. – Кротов убит.

Сахно щелкает фонариком и направляет его в круглое, по-мальчишески обветренное и грубоватое лицо Кати. Девушка мучительно хмурит брови, но не закрывается от света – выдерживает все с вызовом в серых глазах.

– А ты видела?

– Видела! – моргнув наконец от резкого света, говорит Катя. – Если б не видела, не говорила бы.

– Проверим! – многозначительно обещает Сахно, не сводя кружка света с ее лица.

Катя вдруг резко бьет его по руке:

– Иди ты со своим фонарем. Чего слепишь?!

Сахно сдержанно опускает фонарик.

– Проверим!

– Вот фрица лучше проверь. Если такой проверяльщик ловкий.

С койки отзывается сержант:

– Проверяли уже и фрица. Сколько можно!

– Не ваше дело! – Сахно зло оглядывается. – Надо будет – еще проверим. Кого нужно.

Они идут к двери. Шашок откидывает на толстый зад не менее толстую полевую сумку. Забирать немца как будто они не намерены.

– Нечего угрожать, – говорит кто-то из угла. – Нас уже проверили. Осколками проверили. А то наел харю и угрожает!

– А ну тихо, пехота! – прикрикивает сержант.

Сахно и Шашок не задерживаются. Делают вид, что эти выпады их не касаются. И только сильнее, чем нужно, грохают дверь снаружи.

Возбужденный, я ставлю на припечек «катюшу» и перевожу взгляд на свое место у стены. Там в полумраке, сгорбившись, сидит на соломе немец.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– А ну марш отсюда! – прикрикиваю я тоном Сахно.

Немец спохватывается и вскакивает, уступая место. На койке поворачивает голову сержант:

– Ганс, садись передо мной. Посадил бы рядом, да некуда.

Действительно, на койке тесновато, хотя там уже только один раненый. Того, что хрипел, уже нет. Немец, потоптавшись, неохотно подбирает длинные ноги и садится напротив сержанта. Тот, видно, уже непрочь помириться с пленным. С «моим» пленным.

А, в конце концов, черт с ним! Чем он дальше от меня, тем лучше! Что я, обязан все время заботиться о нем, оберегать, заступаться? Такой он «мой», как и сержанта, Кати или кого-либо еще. К тому же, может, какая-нибудь сволочь, из-за которой опять потащат к капитану Сахно.

Я злой и недобрый. Болит натруженная нога, на душе противно, будто я совершил подлость. Скорее бы дожидаться утра да оставить эту хату, это село, которые принесли мне одни неприятности.

Глава одиннадцатая

Га-ах!

Улица вдруг озаряется разноцветной огненной вспышкой. Пешеходы, радостно вздрогнув, вскидывают вверх лица. Мерцающие красно-зеленые отсветы разливаются по мостовой.

Га-ах! Га-ах! – туго отскакивают от фасадов второй и третий упругие воздушные удары. Разноцветный ракетный веер зажигает над улицей небо. Величественный каскад огней над головой достигает зенита и, не задерживаясь там, с шуршанием оседает вниз. Тени от деревьев и фонарных столбов торопливо бегут по блестящему булыжнику мостовой. В окнах этажей мелькают сине-красно-зеленые огненные сполохи.

Фейерверк вырывает меня из прошлого. Я оглядываюсь. Незнакомые строения, узкий, малолюдный тротуар. Булыжную мостовую пререзают трамвайные колеи. Несколько дальше – глухой неокрашенный забор с козырьками и обрывками афиш на досках. Черт знает, куда меня занесло.

Под тусклым фонарем на краю тротуара смущенно останавливается низенькая старушка с посошкой и сумкой в руках. Испуганно вглядывается в полное отсветов небо. Из сумки блестят фольгой головки молочных бутылок. Кончик посошка мелко дрожит на асфальте.

– Не бойся, бабка. Это салют.

Старушка поднимает на меня морщинистое лицо. Под ее костлявым подбородком торчат два уголка старомодно подвязанного платка. Видно, она не слышит и пристально смотрит на меня с раскрытым беззубым ртом.

– Сынок, не война ли это опять? Га?

– Рано, бабка. Еще солдат неросло.

– Слышать, будто орудия стреляют. В аккурат, как тогда.

К уличному перекрестку с визгом и грохотом катится трамвай. Из переулка выскакивает «Волга». Старушка нерешительно ступает на мостовую и испуганно возвращается на край тротуара.

– Может, помог бы? А, сынок?

Я беру ее под руку. Старушка отрывает от тротуара свой посошок и мелкими шажками идет со мной на середину улицы. Рядом, легко опередив нас, перебегают две девушки.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
На середине нас настигает новый воздушный залп. Многоцветная вспышка захлестывает над крышами небо. Девушки, проворно мелькнув лодыжками, вскакивают на тротуар и оборачиваются.

– Линочка, какая прелесть!

– Чудо!

Старушка вся сжимается и от страха, кажется, вот-вот готова присесть.

– Ой, Боже милостивый! Ой!

– Не бойтесь! Что уж вам за себя-то бояться?

– За себя, – недослышав, охотно соглашается старушка. – Больше за кого же? За сынков уже отбоялся. Нет уже сынков.

Я догадываюсь о ее беде и не хочу беречь материнскую память. Откровенно говоря, нет уже желаний и сочувствовать. Слишком часто это приходится делать. Теперь я только сухо успокаиваю:

– Ничего, ничего, бабуся.

Мы переходим улицу. Сзади с грохотом проносится трамвай. Девушки жмутся одна к другой локтями и, притопывая от нетерпения, поглядывают в небо. Должно быть, для них самое яркое олицетворение войны – вот этот салют. Книжки о ней – скука. История – тоже. Но салют – это зрелище, и они его обожают.

– Ах, сынок, за кого же мне осталось бояться? – просто, как о чем-то будничном, говорит старушка. – Старик в блокаду в лесу голову сложил. Старший, Семёнка, под городом Воронежем от ран умер. Гришутку в студенческой стороне – как же это ее, уж и забыла... Мурманской, кажется, зовется. Там убили. А младший, Витяшка, так тот в Черном море. утоп. Капитаном был. Правда, за среднего Миколку еще и теперь сердце болит. Что ж... Столько лет. Если бы жил где, то отозвался бы. А то как пошел под Аршаву, так и пропал.

«Целая география», – думаю я. География и история в одном сердце. А сколько их по стране, таких старушек, что вырастили и отдали войне своих сыновей, чтобы вот так коротать немощные годы в тоске и одиночестве.

Старушка тяжело взбирается на тротуар и успокаивается, будто тут взрывы ее не достанут.

– Ну что же они? Так долго! – нетерпеливо притопывают на краю тротуара девушки.

Замедляя шаг, мы подходим к первому же подъезду, и старушка останавливается.

– Ну спасибо тебе, сынок. А то так боязно ходить тут. Знаешь, раньше мы на Комаровке жили, да вот дом на ремонт взяли. Так теперь восьмой месяц у чужих маемся. Ну пойду. Пока сготовишь поужинать... Да и Витенька заждался. Один дома.

– Ну, так Витя все же дома? А говорила – утоп...

– Так это же внучек. Дочернин. С ней и живу. Сынков Бог отобрал, одна дочушка осталась. И то первый ее, с войны придя, вскорости умер. С другим живет. Трое деток у нее.

Старушка пробует улыбнуться мягким беззубым ртом. Морщинистое ее лицо на секунду распрямляется от светлого проблеска ласковости и доброты.

– Ну бывай, бабка!

По-старчески сосредоточившись, она клюет посошком в асфальт, чтобы идти, но тут же оборачивается:

– Сынок, ты, вижу, добрый. Что я тебя хотела спросить: ты не по строительству, случайно, начальник?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Нет, бабка. Не по строительству. И вообще никакой не начальник.

– Не начальник, говоришь. А я гляжу – рассудительный. Да и на войне, кажись, был: хромаешь, ранитый, значит. Думала: начальник. А то, может, помог бы? Так долго ремонтируют, из силы выбились.

– Нет у меня такой власти, – говорю я. – Да и не здешний я. Проездом.

– Проездом! – упавшим голосом повторяет старушка и, как-то быстро повернувшись, неслышно исчезает в мрачной щели подъезда.

Я окликаю девушек:

– Скажите, это какая улица?

Как по команде, они вдруг поворачиваются. Из-под мохнатых ресниц стреляют любопытствующие взгляды. Какие-то уж очень стройные, легонькие и похожие одна на другую. Как сестры.

– А вам какую надо?

– Да мне чтоб, к центру.

– К центру – туда. К вокзалу – туда, – машет одна поочередно в оба конца улицы.

На минуту я останавливаюсь. Зачем мне идти к центру? Все равно в гостиницу уже не устроишься, время позднее. Не лучше ли отправиться на вокзал? Там хоть можно как-нибудь скоротать ночь. Среди людей всегда веселее, не так донимают мысли. Опять же хочется есть. Кажется, я так и не поел сегодня. Только выпил водки.

И я поворачиваю к вокзалу. Девушки сзади кричат:

– Гражданин, не в ту сторону! Центр – туда.

– Спасибо. А я – сюда.

Не оглядываясь, я слышу, как они там хихикают:

– Чудак. Он действует от обратного.

– А может, это шпион? Я читала...

Я внутренне улыбаюсь. Конечно, они читали про разные удивительные истории. Как по окраинным улицам поздно ночью рыскают шпионы, выпытывающие у простаков важные сведения. В карманах у них пистолеты, вмонтированные в авторучку. В протезах фотоаппараты. Надо быть бдительными.

Не бойтесь, девушки, я не шпион. Просто я чересчур разбередил свою душу сегодня. Может, это и не совсем подходяще в такой светлый, торжественный день с красочными салютами в майском небе. Но на то есть причины.

Покоем и вечерним уютом светятся окна домов. Тускло горят витрины промтоварных магазинов. На углу из большого гастронома выгружают тару. Высокие штабеля проволочных ящиков с бутылками, мелко звякая, сдвигаются на тротуар. Рабочие ловко орудут железными крючками. Одна за другой спешат женщины-хозяйки: с сумками, хлебом, кульками – торопливые покупки на исходе дня. Им не до праздника. До отдыха им также еще не близко – надо прибрать, накормить, приготовить что-нибудь к завтраку. Мужчина на краю тротуара, бережно придерживая, катит велосипед с картонным ящиком, хитроумно прикрепленным к багажнику. Не иначе телевизор из универмага. Рядом – жена. Они о чем-то оживленно спорят – видно, никак не решат, в каком углу комнаты «утвердить» покупку. Что же, в час добрый!

За магазином на углу открывается более широкая улица, в конце которой – залитая светом площадь. Это вокзал. На тротуаре поток пешеходов оттуда – с чемоданами, узлами, свертками, кажется, пришел поезд. Встречные идут по-одному, группками, парами. Проходят счастливые влюбленные, наверно, только что встретившиеся после разлуки. Он в нейлоновой рубашке с закатанными рукавами, она – в узкой

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru коротенькой юбчонке, из-под которой доверчиво поблескивают белые коленки. А вот мать ведет за руку девочку, которая все время оборачивается назад, и мать то и дело строго на нее прикрикивает. Но позади интересно! Двое в сбитых, перевернутых козырьками назад кепках уже едва держатся на ногах и, вцепившись один в другого, ведут далеко не праздничный диалог:

– Костя, сукин сын! Ты мне друг или нет?

Костя, однако, не слушая, широко размахивает рукой:

– Мы их били? Били! И будем бить! Чтобы дух из них вон! Кишки на телефон!

Широкий тротуар становится им тесен, и они взбираются на газон. Но там деревья. Тогда, наткнувшись на одно из них, гуляки принимают самое уместное в таком случае решение:

– Лешка! Леш... Отдохнем?

– Лады!..

И падают оба под липу.

Глава двенадцатая

Времени между тем проходит немало. Видно, уже полночь или даже позже. Я не сплю и после всего, что произошло тут, невесело гляжу в печь, которая жарко пылает, гоняя по стене над койкой мерцающие отсветы.

Возле печки, шурша соломой, хлопчут санитары и Катя – они варят картошку. Катя без полушубка, раскрасневшаяся, вся как-то по-хорошему оживившаяся от этой домашней женской работы, хлопотливо двигает казанами на припечке. Сержант, наверно, потеряв интерес к немцу, который молча сидит рядом, перевешивается грудью через койку и своими широкими лапищами все норовит ухватить девушку. Та едва ускользает от его рук, изредка не очень больно хлопая его черенком ухвата по голове. Сержант хохочет, сдержанно улыбается немец. Санитары, однако, привычно не обращают внимания на молодых.

В хате приглушенный гомон; дым от сигарок перемешивается с гарью жженой соломы. Тихо стонет в полумраке кто-то из раненых, и скользят по потолку и простенкам огромные, неуклюжие тени. Мерцающие отсветы от печи то горячо вспыхивают, то тускло трепещут на облупившихся стенах мазанки.

Скоро, наверно, сварится картошка. Я уже ощущаю ее душистую парность в хате и порой забываю о ране, о степи с танками, о своей стычке с Сахно, которая черт знает чем еще кончится. Я прислушиваюсь к каждому стуку в сенях – только скрипнет дверь, а мне уже кажется – это за мной. Но это ходят бойцы, носят солому, воду. А раз в хату вваливается высокий, в расстегнутой шинели санитар. В обеих руках у него что-то серое и мягкое, которое он сразу бросает на пол.

– Ой, что это?

Катя испуганно шарахается в сторону. Санитар тихо смеется, осклабив широкие, будто лошадиные зубы. На полу у его ног две неподвижные кроличьи тушки.

– Где ты их взял? – удивленно спрашивает Катя. Испуга в ее голосе уже нет, есть удивление и радость – в самом деле, довольны были картошкой, и вдруг крольчатина.

– Там, в сенях, – кивает санитар. – Норы ого!

Он снова выходит добывать из нор хозяйских кроликов. Катя с нескрываемым сожалением на лице поднимает за длинные уши серую мягкую тушку, минуту в тихом раздумье смотрит на нее и протягивает низкому санитару:

– На-ка, освежуй!

Санитар озабоченно сдвигает на затылок шапку. Оказывается, он не умеет или не хочет исполнить это крестьянское дело, так же как и сержант и Катя. У других

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ранены руки. Тем временем санитар приносит из сеней еще одного убитого кролика. Но он тоже не мастер свежевать и кивает в сторону немца:

– Вон фриц пусть! Нечего нахлебничать...

Немец, кажется, уже освоился в этой хате и с затаенным интересом наблюдает за тем, что происходит возле печи. Видно, он догадывается, в чем дело, и не заставляет себя упрашивать:

– О фройлен! Могу это сделаит.

Катя секунду медлит. Округлив глаза, испытующе смотрит на немца, затем глаза ее, заметно наливаясь гневом, сужаются:

– Ах ты, шкуродер проклятый! Набил на людях руку!

– Ладно, ладно! Пусть! – обрывает ее сержант. – Давай делай, арбайт, Ганс.

– Нехай повозится, чего там, – замечает санитар. – Держи финку.

Он достает из кармана кривой садовый нож на цепочке, отцепляет и отдает его немцу. Тот с готовностью приседает на колени и при свете из печи прямо на полу начинает свежевать тушки.

– Айн момент, фройлен. Бистро. Бистро.

Мы все с любопытством следим, как он надрезает задние лапки, распарывает кожу и, словно чулок, снимает с тушки мягкую влажную шкурку. Сержант с койки похваливает:

– О, правильно, Гансик! Покажи класс. Сразу видать: спец! А то обленились, распанели на войне. Колхознички, мать вашу за ногу!..

Катя хмурит брови, наблюдая за ловкими движениями рук немца. Светлые отросшие волосы на его голове рассыпаются, и он оттопыренным большим пальцем то и дело откидывает их назад.

– Ага, гляди ты! Молодец! И тут мастер, – говорит кто-то из угла.

– Рукастый!

– Потому что работага. Не то что вы, – говорит сержант. – Вот смотри, какую мне трубку подарил.

С озорной улыбкой на широком лице он показывает замысловато изогнутый мундштук с мефистофельской головкой на конце, повертывая его так, чтобы все видели. Но подарил – это уже слишком. Конечно, сержант взял его сам.

– Айн момент, фройлен! – бодро приговаривает немец. – Дас ист кароши братен. Жаркёя.

– Жаркое! Смотри, понимает! – восхищаются в углу.

– А что ж ты думал! Мало нашего добра пережарили за три года? Научились.

– Буде, не ворчи. Он хороший.

– Все они хорошие. Вот налетят под утро, так одни головешки останутся, – рассудительно говорит кто-то возле перегородки.

В углу вскидывается на соломе спеленатый бинтами обгорелец:

– Доктор! Доктор тут есть?

В хате все умолкают при виде этого белого, как привидение, всего в бинтах человека.

– Доктора нету, – говорит Катя. – Он оперирует. А что вам?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Выбраться отсюда. Сколько можно ждать?

– Сказали, утром.

– Что значит – утром? – раздражается обгорелый. – Майора вон когда увезли!

– А майора в авиаторский госпиталь. Он – летчик, – говорит на кровати сержант.

– Летчик? Я тоже летчик. Вы что – не видите? Я обгорел! Отправляйте и меня.

Все неприятно молчат. Действительно, это не шутка, если обгорела половина кожи. К тому же – летчик. Летчиков мы уважаем. Было бы на чем везти, наверно, каждый уступил бы ему свое место.

– Ладно, потерпите немного. Вот скоро крольчатины наварим, – примирительно говорит Катя и прикрикивает на немца: – А ну, Гитлер, шевелись живей!

Но немец и так усердствует, даже вспотел. Нашей болтовни он не слушает – все его внимание сосредоточено на деле. Пожалуй, он неплохой дядька. Правда, как почти и все пленные, несколько глуповат с виду, потому что не понимает по-нашему. А так прост и услужлив, легок на руку и охоч к работе. Видно, отвоевался фриц, и теперь, должно быть, пробуждается в нем человек, мирный обыватель, работяга. Что ж – пусть! Мы добрые, расстреливать его не будем, а доброта тоже своего рода оружие.

Глава тринадцатая

Вкусно пахнет отварной картошкой и мясом. Катя, склонившись над казанами, раскладывает картошку в котелки, миски и даже пустую каску, которую, присев на корточки, держит перед ней широкоскулый боец-узбек. Напротив, на полу, с видом обиженного родственника сидит немец. Поварская работа у печи окончилась, нужда в пленном отпала, и он, видно по всему, без дела снова чувствует себя лишним.

В это время за Катиной спиной открывается дверь, и с облаком холодного воздуха через порог стремительно вваливается кто-то в густо заиндевевшей шинели.

– Привет! – весело бросает вошедший.

Молодое курносое лицо покраснелось от стужи, голос также выдает совсем еще мальчишеские годы. Он ранен и правую руку держит на бинте-подвязке.

– О, тут и фрицы! – удивляется парень, увидев немца. – Гут абенд, фриц!

Немец вскакивает с пола и привычно щелкает каблуками:

– Гутен абенд, герр офицер!

– Вольно! – усмехается офицер.

И тут я улавливаю что-то знакомое в этой веселой заиндевевшей фигуре. В голосе, осанке, смехе пробивается что-то близкое, но неизвестно где слышанное и виденное. Постой, да это же...

– Стрелков! Юрка! – кричу я, пытаюсь встать у стены.

Парень бросает в мою сторону несколько растерянный взгляд и в недоумении раскрывает рот. Он не узнает. Впрочем, как тут узнать кого-нибудь в этой темени, которую едва разреживает одна мигалка на припечке (вторая уже потухла, кончилась «горючка»). И все же парень догадывается:

– Василевич?

– Я самый! Давай сюда!

Действительно, это Юрка, и я на минуту забываю о всех моих бедах, неудачах и даже о боли в ноге. Да и как не забыть, если это Юрка Стрелков, мой однокашник, друг, младший лейтенант, пехотинец, с которым мы полгода назад закончили одно

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru училище и попали в одну армию. После того дождливого дня под Харьковом, где нас разлучили кадравики, я, по правде, уже и не надеялся увидеть его. И теперь вот такая встреча!

Широко ставя между лежащими свои заснеженные валенки, Юрка торопливо лезет ко мне, хватая левой рукой мои пальцы и крепко жмет их.

– Ленька! Ты жив, Ленька!

– Да вот видишь. А ты? – неуместно спрашиваю я. – Да, брат, сколько мы пережили врозь, друг без друга, сколько перечувствовали, перестрадали. Были мы зеленые салажата, только и заботились о своем внешнем виде да свежеиспеченном офицерском достоинстве. Как-никак получили по одной звездочке на погоны. А теперь?

Едва справляясь с волнением, я гляжу в затемненное сумерками такое знакомое, оживленное лицо друга. И я замечаю на нем что-то новое, прежде неизвестное мне. Отпечаток трудно пережитого даже сквозь радость встречи явственно пробивается в его взгляде. В остальном же это лицо прежнее – тонкие юношеские черты, нежная округлость подбородка, которого еще не касалась бритва. Юрка тоже оглядывает меня и смеется:

– Какой ты обвязанный – не узнать!

– Ерунда! Бинтов намотали... А у тебя что – рука?

– Да, понимаешь, угодил я ненароком.

– Легко?

– Царапина. Вот только стрелять мешает. А так... Ну да знаешь, мы отыгрались! – Юрка вдруг радостно оживляется, глаза его блестят. – Уж так дали, так дали, чтоб ты только знал! Учинили побоище не хуже Ледового...

– Ты садись! Вот на солому.

Юрка опускается под стену со мною рядом, хлопцы отовсюду глядят на него – такого заснеженного, разговорчивого, веселого. А он, кажется, безразличный ко всему здешнему, полнится чем-то своим – большим и радостным.

– Ты понимаешь! Ты понимаешь! Я же только из степи. Вот час назад! Ну мы им там и задали! Да так ловко, без выстрела, без звука подпустили на пятьдесят метров... Комбат на этот раз просто молодчага...

– Постой, постой!.. Ты где? Я даже не знаю, в какой ты дивизии. У Терехова?

– У какого тебе Терехова? – готов рассердиться Юрка за такое мое предположение.
– У полковника Калюжного. Гвардия!

– Так, так...

– Ты понимаешь! За десять минут мы сделали из них мясокомбинат. Разом как ударили из всего оружия. Шесть станкочей, две сорокапятки. Ты бы поглядел, что там делалось!..

Я и так рад. Еще толком не зная, что там произошло, я уже готов завидовать Юркиной ратной удаче. Да я и завидую. Что и говорить, пехоте не часто перепадают на фронте минуты вроде только что пережитых Юркой, когда грудь распирает от хмельного счастья удачи. Нам привычнее серые будни войны – стужа, мокрые ноги, кровавые бинты на невымытом теле, уничтожающий немецкий огонь и как награда за все – короткий тревожный сон где-нибудь на соломенном полу в хате. У него же случилось что-то совсем другое, что-то огромное, удачливое, и я рад. Я слушаю и во все глаза гляжу на недавнего моего друга-курсанта. Шинелка на Юрке солдатская, но аккуратно пригнанная по росту (на это он был мастак и в училище, ничего не поделаешь – немного форсун и аккуратист). На воротнике ровно пришитые петлицы, наискось через грудь портупея, конечно, не в ОВС[51] полученная, а, видно, честно добытая на поле боя. Юрка, я очень, очень рад, что ты жив, что мы наконец встретились.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Понимаешь, целую колонну, человек триста с артиллерией! Ты понимаешь или нет?
– тормозит он меня за рукав.

– Понимаю, понимаю, Юрка. Но давай сперва подкрепимся. Эй, ты! – кричу я на немца. – Подай котелочек. На двоих.

Немец охотно подает нам плоский котелок, полный картофеля. Потом на погнутую крышку Катя кладет кусочек крольчатины.

– Вот вам и ножка, товарищи командиры, – говорит санитар, передавая крышку через головы других.

Юрка подвижными ноздрями жадно вдыхает воздух и удивляется:

– Что? Мясо? Вот это да! Ну коли так, то... Держи!

Он решительно отстегивает от ремня немецкую фляжку и протягивает ее санитару. Тот, не понимая, вертит ее в руках. Но тут над его плечом мелькает цепкая рука сержанта, и фляжка оказывается на койке.

– А ну, а ну...

В хате легкое замешательство, все поворачиваются в нашу сторону. Сержант же, придав комически глубокомысленное выражение хмурому лицу, исследует фляжку. Для этого он сперва тихонько взбалтывает ее и прислушивается.

– Шнапс?

– Что-то в этом роде! – живо отвечает Юрка. – Трофеи наших войск.

Сержант важно открывает пробку, гримасничая, нюхает рыльце и выразительно крякает от удовольствия.

Кто-то из угла кричит:

– Не ломай комедию! Разливай!

Сержант округляет глаза:

– А если отравлена? Нужна проба.

– Иди ты! Какая еще проба!

Ну конечно же, пробу берет он сам. Задирает голову и громко глотает, правда, только один раз. Раненые не отрываясь следят за его лицом, а сержант на минуту застывает, будто прислушивается к движению водки внутри. Потом решительно объявляет:

– Люкс! А ну давай тару! Младшой, от лица службы тебе благодарность!

– Служу советскому народу, старшине и помкомвзводу! – смеется Юрка и тут же обращается ко мне: – Ты понимаешь, я сам опорожнил восемь лент. Восемь лент – ты понимаешь? «Максим», как самовар, раскалился. Пятнадцать минут, и на снегу три сотни трупов.

Неожиданно тревожное предположение заставляет меня спохватиться:

– Стой! Это где? Не возле Алексеевки?

– Ага. Невдалеке. Видно, прорывались на запад, к своим.

– Пехота?

– Пехота и артиллерия.

– А танки?

– Что?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Танков не было там?

– Нет, танков не было. Пехота. Глядим: идут к кукурузе, растянулись, как кишка. Ну комбат положил всех и командует: замри. Так удачно подпустили, луна светит, уже пуговицы на шинелях видны стали. И как врезали! – восторгается Юрка и несколько тише сообщает: – На меня наградной написали. На «Отечественную»... Второй степени.

«Отечественная» – это здорово. Надо бы поздравить, но я не поздравляю – я сосредоточенно вглядываюсь в раскрасневшееся лицо товарища, и его слова начинают отдаляться, глохнуть в моих встревоженных мыслях. Действительно, это уходила пехота, а где же танки? Значит, танки остались? Они на прикрытии. Пехота, очевидно, двинулась раньше, подтягивалась к Алексеевке, а танки... Танки, выходит, нацелились на нас.

Черт возьми, мне снова становится не по себе. Внимание невольно переключается на слух, и мысленно я оказываюсь во дворе. Не слышно ли чего? Нет, кажется, гула не слышно, только вдалеке проржал конь да кто-то, проскрипев на снегу, прошел возле хаты.

В деревне постепенно устанавливается ночная тишина.

А в хате тем временем начинается шумный беспорядочный говор.

– Ну, будем здоровы!

– Чтобы скорей раны залечивались.

– Катюша, не отказываться. Хоть немножко! За разведчиков.

– За пехоту-матушку.

– А фрицу? Хлопцы, фрицу налили? – беспокоится кто-то в углу.

– Нет, тебя ждали, – простуженным басом отзывается сержант и с полной алюминиевой чашкой для бритья поворачивается к немцу: – Ганс!

Немец с несколько чрезмерной торопливостью вскакивает от печи и щелкает каблуками:

– Яволь!

– Держи.

Пленный аккуратно принимает из рук сержанта чашку. Лица его, повернутого от света, не видно, но, кажется мне, на нем – довольная добродушная улыбка. Немец слегка приподнимает чашку и провозглашает в полупоклоне:

– Гитлер капут!

– Давай, давай! – одобряют кругом.

– Ну поехали, ребята! За победу!

Я также поднимаю большую – на пол-литра – луженую кружку, на дне которой плещется немного жидкости: это нам с Юркой. Кажется, мы пьем с ним вместе первый раз в жизни, хотя почти год пробыли в училище. Но тогда было не до выпивки – тогда мечтали хотя бы поесть досыта. Известно, полуголодные тыловики. Теперь вот повоевали, уже оба ранены и потому пьем, как мужчины. А что же, разве не заслужили такого права? Мы убивали врагов и пролили свою кровь, сколько раз гонялась за нами смерть-матушка, но мы перехитрили ее и живем. Разве этого мало на войне?

Прежде чем выпить, я немного колеблюсь и влюбленно гляжу на Юрку.

– Юрка, дружище! Холера! Как хорошо, что мы встретились!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Юрка беззаботно смеется:

– Ну давай! До дна.

Нет, до дна нельзя. Три глотка обжигающей жидкости, потом – захватывает дыхание и – предательский кашель. Ого, видно, это не шнапс, похоже, спирт. Но тут – горячую картошину в рот и прядочку волокнистого белого мяса. После меня, также поперхнувшись, из кружки допивает Юрка.

А ничего себе – и выпивка, и горячая картошка (если бы еще хлеба!). Торопливо, с усиливающимся шумом в голове, едим, а из души уже рвется вместе пережитое, то, что отошло в прошлое, но вдруг воскресло во мне с приходом Юрки.

– Слушай, а ты Дроздовского не встречал?

– Дроздовский же погиб. Еще на Днепре. Под бомбежку попал.

– Гляди ты! Такой осторожный. А где это наш помстаршина Одинокоев?

– Одинокоев – ого! Одинокоев комбатом стал.

– Комбатом?

– Правда, ненадолго. Ноги оторвало. Под Пятихаткой.

– Жаль. А может, и нет? Зануда он.

– Зануда, – соглашается Юрка.

– А не знаешь, куда Кузнецов Валька пропал?

– Кузнецов? Понимаешь, не знаю даже, где он и воевал. У него же отец генерал. Помнишь, ехали на фронт, все шутили над ним: Кузнецов, мол, к отцу адъютантом пойдет. А я как-то однажды – погоди ты, не знаю уж, где это и было... – как-то отошел в сторону от дороги, к могиле. Гляжу, табличка. Читаю и вдруг: младший лейтенант Кузнецов В. С. Точно, наш Валька. Вот тебе и адъютант.

– Да-да... Ну, ты ешь. Бери вот кость.

– Нет уж, кость ты бери. Я картошку.

Картошку мы едим дружно. Кость на крышке остается – ее не поделишь. Черт с ними – с танками, я уже их не боюсь. В конце концов, ни черта они нам не сделают. Ротмистровцы из пятой танковой уже, видно, окружили Кировоград, мы наступаем, наша берет. Плевать нам на танки! Пусть себе утюжат в степи кукурузу, завтра привалят «Илы», устроят им Сталинград.

Мне становится хорошо, легко, даже весело. Я люблю Юрку, Катю, этого арапистого сержанта в куртке десантника и тех вон санитаров, что с блаженными улыбками на щетинистых лицах подпирают плечами печь. И даже немца. О, как он старательно выскребает картошку из котелка – любо поглядеть.

Разговор в хате усиливается, оживление растет. Нет-нет да и раздастся смех. Раненые забывают про свою боль. И все Юркина фляжка!

В углу, под клубами табачного дыма, кто-то, смакуя сигарку, рассудительно, со скрытым желанием поразить своей удачливостью, рассказывает:

– Да-а. Я это давно заметил. Душа, она чутье свое имеет. Она, брат, тоже командует. Как-то лежу под тыном – село одно брали. Лежу тихо, пули верхом идут. Кажется, чем не укрытие. Да что-то меня будто подмывает – а ну, Петро, перебегай. Не хочется вставать, пули свистят, но как-то встал и через плетень сиганул к хате. И только я это упал под стенку, сзади ка-ак шархнет! В аккурат на том самом месте. Вот, брат, как бывает.

В другом углу, возле перегородки, видно, собрались бывалые солдаты, и у них уже другая тема и другой разговор.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Пуля что! Пуля аккуратная. Тукнет – и маленькая дырочка.

- Особенно если навылет.
- Точно комар укусит. Месяц – и все готово, заживет, как и не было.
- Ну не говори. Бывает, рикошетом которая, та уж продырявит здорово.
- Пуля – что?! Осколок – вот это калечит!
- Осколок, оно, конечно.
- На четверть разворотит. Да еще доктора на две четверти располосуют.
- Ага. Рассечение называется. Я знаю. Уже четвертый раз попадает.
- Ну. Вот тогда поवेशь. На квартал, не меньше.

А откуда-то неподалеку из шума и говора пробивается тихий, рассудительный голос человека, у которого, наверное, наболело на душе, ноет. И он делится, но не со всеми, а, видно, с одним, с тем, кто поймет и не высмеет:

– Понимаешь, пришел. А она возле меня увивается... Говорю: «Как живешь, Глафира?..» Так спокойна, но гляжу, мельтешит у нее что-то в глазах. А знаешь, люди мне уже кое-что шепнули... «Стерва, – говорю, – кому изменяешь?..» Понятное дело, ремень, он хоть и брезентовый, но твердый... Ну, завязал вещмешок и на станцию... Капитан говорит: «Ты что, Сокольников, досрочно?» – «Досрочно, – говорю, – желаю быстрее врагов бить...» – «Молодец, – говорит, – патриот. Берите, товарищи, пример с рядового Сокольникова».

Накинув на плечи полушубок, по ногам к нам пробирается Катя.

- А ну, подвинься.
- Пожалуйста, сестра, – говорит Юрка, с готовностью давая ей место у стены.

Катя молча садится, прикрыв колени полый полушубка. На койке с хмельным удовлетворением на лице ощеривается сержант:

– Ганс, ком!

Немец выдрессированно вскакивает с пола.

– Ты за кого? А ну скажи? Чтоб все слышали!

Пленный старается понять, но это ему не удается, и он мучительно моргает глазами. Сержант старательно разъясняет:

- Ну кто ты? Буржуй? Рабочий? Фашист?
- Их бин дейч лерер! – наконец догадавшись, отвечает пленный.

Но бойцы вряд ли понимают его и вопросительно глядят из углов, со скамьи, с пола. Они пока что отвоевались и теперь хорошие. В глазах удовлетворение и покой. И хотя белеют в сумраке забинтованные руки, ноги, головы, но это теперь не беда, а скорее удача, ибо главное – живы. И если все же болит где-то, то разве в том вина этого вот покорного, услужливого и даже пугливого немца, который сам сдался в плен? Немец, наверно, чувствует это и спокойно смотрит, как из угла пробирается к нему низенький в обмотках пехотинец с рябоватым от оспы лицом. Под накинутой шинелью у него толсто забинтованное плечо. Это, кажется, тот, что беспокоился, налили ли немцу выпить.

– Слушай, фриц! А у тебя дети есть? – спрашивает он.

Немец не понимает.

– Ну дети, кумекаешь? Пацаны, вот такие? – ладонью он отмеривает высоту вровень с поясом.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Киндер? – догадывается немец и торопливо отвечает: – Цвай киндер. Два ребьенка.

– И у меня двое детей! – радостно удивляется пехотинец, и его рябоватое лицо сияет в простодушном восторге.

И тогда из-под шинели в углу поднимается темная большая фигура. Не разбираясь, что под ногами, на кого-то наступив и пошатнувшись, этот человек бросается к немцу.

– Врешь, гад!

Большой и неуклюжий, в промазученной телогрейке, он дрожащими руками выхватывает из кирзовой кобуры наган и, взвоя, щелкает курком. Немец отступает на шаг, руки его инстинктивно вскидываются навстречу танкисту.

– Стой! – кричит с койки сержант.

– Ты что? – кричу я, неловко вставая из-под стены. Кто-то еще кричит. Рядом быстрее меня вскакивает Юрка. Одной рукой он хватается танкиста за локоть:

– Спокойно! Спокойно!

Сержант, вскочив с койки, заслоняет немца.

– А ну спрячь свою пушку! – властно приказывает он. – Вояка!

– Зачем... это самое... детей сиротить? – спрашивает рябоватый боец.

И тогда высокий взрывается:

– Ах, детей! Такую вашу... Его детей жалко! А моих кто жалеть будет?

Он бьет кулаком в свою грудь. На крупном костистом лице его ярость, губы дрожат, глаза ушли под лоб и не предвещают добра. Но все же хлопцы не дадут ему здесь учинить убийство. За сержантом, заметно испугавшись, стоит немец.

– Ты чего разошелся, как Гитлер? – говорит бойцу сержант и кладет руку на его плечо. – Ты же русский. Русский, да? Ну так чего ж ты, как бандюга, за пушку хватаешься? Он же пленный...

В хате становится тихо. Слышно, как в углу кряхтит обгоревший летчик. Его высокий сосед еще раз наделяет немца ненавистным взглядом и неохотно возвращается к товарищу. Кажется, конфликт кое-как улажен. Сержант, прежде чем залезть на кровать, легонько толкает немца:

– Не дрейфь, Гансик. Давай травы дальше.

Немец нерешительно отступает на свободное место.

– Их никс наци. Их бин ляндререр, – говорит он поникшим голосом.

Я снова опускаюсь на солому возле стены. Рядом садится Юрка. Катя, кутаясь в полушубок, говорит:

– Не верю я ему.

– Ну почему? – не соглашается Юрка. – Бывают и среди них люди.

– Ирод он, а не человек.

– Почему так?

– Так.

– Вот те и раз! Это что такое? – вдруг удивляется сержант. В его руке колпачок от Юркиной фляжки, в который он наливал соседу по койке. Спирт в колпачке

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru остался нетронутым.

– Эй, землячок, ты что махлюешь?

Он тихонько толкает раненого в плечо, еще недавно тот стонал и метался, а теперь и не пошевелится.

– Эй! – сержант встревожено присматривается к нему. – Да он уже готов!

К кровати подходят санитары, встает Катя. Они долго щупают у бойца пульс.

– Фу ты, холера! – не сдерживает досаду сержант. – И сто грамм не допил, чудак.

Санитары в молчаливой угрюмости за полы шинели стаскивают труп с койки и, напустив холоду, выносят его из хаты. Им помогает немец, который затем, не зная, куда себя девать, жметя к порогу. Но его скоро замечает сержант.

– Ганс, ком сюда. Место есть. Ну, что ж – помянем земляка, – говорит он и лихо опрокидывает колпачок.

Немец учтиво садится на койку:

– На здоровье!

Сержант крикает от удовольствия и хлопает немца по плечу:

– Правильно, Ганс. А ты где по-русски наловчился?

– Руссише шпрехен? О, биль фаль[52], – скромно отвечает немец.

Фаль! Будто знакомое слово, только я уж не припомню, что оно означает. В голове моей все устало путается, и я зову друга:

– Юрка! А, Юрка!

Юрка же, прислонившись к стене, молчит. Я заглядываю в его затененное лицо: вот тебе и на – он уже уснул.

Глава четырнадцатая

Юрка устало спит, уронив на грудь светлую голову. Здоровой рукой он осторожно поддерживает раненую и тихо посапывает в нос – по-домашнему мирно и сладко. Кругом успокаиваются, устраиваясь на ночь, раненые. Шум в хате постепенно утихает. Густо, не продохнуть, воняет шинелями, потом, бинтами. У меня сильнее начинает болеть нога. Уснуть я уже не могу и молча гляжу на моего сонного друга.

Эх, Юрка, Юрка! В самом деле, как это здорово, что мы вот так неожиданно-негаданно встретились сегодня, а завтра, возможно, сядем в санитарную машину и рванем в тыл – подалее от танков, от огня и бесконечных фронтовых тревог. А там – койка, чистое белье, покой и сон, сон... Может, нам повезет еще больше и мы попадем в один госпиталь. Вот было бы счастье.

Так же вот полтора года назад, совсем случайно и еще не зная друг друга, мы попали в один строй в училище и оказались в одной роте, в одном взводе и даже в одном отделении. Го д мы проспали на нарах рядом, и почти каждую ночь, под утро, он нетерпеливо толкал меня в бок за мою дурную привычку храпеть. Было нам очень несладко начинать службу по существу подростками, вчерашними школьниками, вдруг оторванными от книжной науки и брошенными в беспощадную строгость военного училища с его уплотненной учебой, бессонными нарядами, дежурством, изнурительной усталостью оборонительных работ. Постоянно хотелось спать, есть, отдохнуть, а взводные, из нашего же брата – курсантов предыдущих выпусков, сами не знавшие тут поблажек, не баловали ими и нас. Говорили: так нужно, для того чтобы фронт потом показался раем после того предельного напряжения, в котором нас держали в училище. В самом деле, десять часов занятий при полной выкладке, марши, учения, земляные работы на окраинах города (строился внешний оборонительный рубеж Саратова), ночью – дежурства на самолетостроительном и крекинге, которые бомбили немцы. Там, еще до фронта, мы познали войну, огонь и острую скорбь по друзьям, растерзанным бомбами или заживо сгоревшим в огромных нефтяных пожарах на

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru крекингзаводе.

Это было очень даже нелегко, особенно если учесть сиротство многих из нас, родные места которых были заняты врагом. А немцы все перли и перли на восток, на Сталинград, Кавказ, стояли неподалеку от Москвы. И если все же нашлось такое, что давало нам душевную силу выдержать, то в нем немалую долю составило чувство товарищества с его неизменным юмором, добротой, искренностью. Все, оказывается, можно пережить, если у тебя есть друг, с которым многое делится пополам. Тогда все заботы и печали уменьшаются ровно вдвое, а радость – странное дело – вдвое увеличивается. И каким бы он ни был, твой друг, он становится второй половиной тебя самого и ты уже не можешь представить себя отдельно от него. Одним из таких друзей был для меня Юрка Стрелков.

Может, это и неприятно вспоминать теперь, но наше сближение началось с того, что мы поссорились.

Поссорились, как дурни, без серьезной на то причины, просто потому, что еще плохо знали друг друга. На политзанятиях, которые у нас проводили прямо в казарме на проходе между нарами, политрук Шаяхметов спрашивал о задачах, поставленных в первомайском приказе Верховного, и я не мог их перечислить правильно. Не то чтобы я не знал этих задач, но политрук был формалист и требовал ответить слово в слово, как это было напечатано в газете. Я же выучить их на память накануне не имел времени. Когда было опрошено полвзвода, оказалось, что только курсант Стрелков может ответить более менее правильно. Вот тогда политрук и прикрепил Стрелкова к трем отстающим по политграмоте. Но когда Юрка подошел к нам после занятий, мы его не послушались. Более того, мы с ним поругались (подумаешь, нашелся без пяти минут замполитрука!). Мы сами не хуже его могли выучить четыре или пять пунктов приказа, только мы не учили.

Стрелков, разумеется, обиделся, брякнул дверью и ушел – думали, докладывать начальству, но докладывать он не стал. Последнее обстоятельство несколько поколебало нашу к нему неприязнь, и, чтобы не подвести его (и себя тоже), к следующим занятиям мы все как следует вызубрили.

Зимой в училище стало очень голодно. В нетопленных огромных казармах гуляла стужа. Леденящий заволжский ветер на многочасовых полевых занятиях насквозь продувал наши потертые, на «рыбьем меху», шинели. Мы мерзли, и оттого еще больше хотелось есть. Про еду мы думали всегда – на занятиях, в наряде, на вечерней поверке и даже, просыпаясь, в казарме ночью. Возле столовки и около продсклада всегда толклись курсанты – больные, освобожденные от занятий, те, у кого порвалась обувь и не было в чем идти в поле. Все с голодной тоской в глазах ждали счастливого случая раздобыть что-либо съестное.

Однажды мы с Юркой были в карауле и простояли ночь на двухсменном посту, который на день обычно снимался. Этот пост давал нам право отлежаться в караулке на нарах (если только не было к нам никаких дел у грозного бога роты – старшины Шквары). Впрочем, в тот день с рассвета первым завалился спать я, так как отстоял свое время на посту, и прохрапел до самого завтрака. Юрка же, сменившись позднее, побегал к столовке раздобыть харчей, и там ему подвернулся прямо-таки невероятный по тому времени случай.

Возбужденный, он пулей влетел в караульное помещение и, с трудом растолкав меня, еще не пришедшего в себя ото сна, потащил к продскладу. Оказывается, там нас ждала автомашина-фургон, в которой возили из города хлеб и к которой Юрка только что подрядился в грузчики. Заведующий складом, молчаливый пожилой мужчина в куртке, терпеливо ждал Юрку, хотя рядом, наперебой предлагая услуги, стояли человек шесть курсантов. И все же Юрка, рискуя остаться ни с чем, бегал за мной, и мы, едва переводя дыхание от усталости, наконец залезли в кузов машины. Заведующий сел в кабину.

Мы ехали, рассчитывая через час вернуться, наевшись свежего хлеба и (если повезет), может, еще и прихватив буханочку-другую про запас. Ради хлеба мы сознательно жертвовали завтраком – двухсотграммовой пайкой, миской супа и чаем, нам дороже был хлеб.

Правда, заведующий складом вскоре разочаровал нас. Оказалось, что, прежде чем ехать за хлебом, надо привезти мясо. Это было все же не то, что хлеб, но что поделаешь – раз влезли в кузов, то должны были слушаться. Около часу мы таскали

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru на мясокомбинате бараньи туши в машину и наложили их столько, что едва поместились сами.

Потом, голодные, мы сгружали туши на складе и, не позавтракав (так как уже опоздали), на той же машине снова отправились в город. Но и на этот раз хлебозавод остался в стороне, мы приехали на базу, где нам была подготовлена еще более трудная работенка – погрузить целый штабель мешков с мукой. Пожалуй, каждый из нас в отдельности весил меньше, чем любой из этих стандартных шестидесятикилограммовых мешков, которые мы просто не могли поднять. Но что мы могли сделать, коли вызвались в грузчики? Правда, помог завскладом, и, когда мы муравьиным способом перетасили муку в машину, оказалось, что сил у нас осталось только на то, чтобы самим залезть в кузов. А впереди еще ждала разгрузка. К тому же мы прозевали обед и опоздали в караульное помещение. В перспективе была гауптвахта, а может быть, и того хуже.

Но третий рейс действительно был за хлебом, и мы рискнули – все равно влипли. Что уж горевать по лишнему часу самовольной отлучки, если мы отсутствовали в казарме уже не меньше восьми часов.

Хлебозавод встретил нас такой концентрацией хлебного запаха, что мы готовы были забыть про все наши беды и вообще не возвращаться в тот день в училище. Поджаристыми, душистыми до охмеления буханками были уложены десятки ячеистых стеллажей с узкими проходами между ними. Целыми стеллажами взвешивали и отдавали на погрузку в машины. Мы были более чем голодны, казалось, могли съесть десяток буханок, но съесть даже кусочка тут было нельзя, и мы думали: пусть – наедемся потом.

Это «потом» представилось только тогда, когда в закрытой машине мы тряслись рядом с теплой грудой буханок и глотали, почти не жуя, мягкие, распаренные корки. Впрочем, много ли их можно было проглотить за каких-нибудь пятнадцать минут дороги по ухабам окраинной улицы? Потом мы разгружали – честно, до последней буханки. Кстати, контроль за нами всюду был более чем строгий, но мы надеялись, и надеялись не напрасно.

Завскладом немало помучил нас, но и неплохо отблагодарил. Мы получили три еще теплые буханки и побежали в свои казармы. Спешить, в конце концов, не имело смысла, так как на поверку мы давно уже опоздали. В городке все утихло, только по дорожкам возле казарм ходили патрули. Они-то и задержали двух похожих на воров или диверсантов нарушителей воинского порядка.

Стычка с ними была не очень приятной, зато недолгой. Чтобы не попасть к дежурному по училищу и не потерять все, пришлось пожертвовать одной буханкой. Вторую мы предусмотрительно припрятали в снегу возле забора, а с последней под полой у Юрки, едва преодолевая страх, открыли двери казармы.

Нам решительно не везло в тот день, и мы окончательно поняли это, как только переступили порог и увидели между нар на проходе нашего старшину Шквару. Двое дневальных начинали мыть полов, а старшина, по-наполеоновски скрестив на груди руки, холодным взглядом всевидящих очей глядел на нас. «Где были? Отвечайте! Молчать, когда разговариваете со старшиной! Я вас спрашиваю, где были? Молчать! На губу захотели?..» И вдруг старшина сменил гнев на ехидную милость: «А ну, а ну, что это у вас? А ну?..»

Так безвозвратно погибла наша вторая честно заработанная буханка, вместо которой старшина тут же наградил нас четырьмя нарядами (мало в тот день нам пришлось потрудиться!). Сняв шинели и почти глотая слезы, мы принялись драить пол.

Мы проклинали тогда старшину, ледяную воду, которую надо было таскать в ведрах от самой столовки, проклинали заведующего складом, доведшего нас до стольких мучений, и все на свете. Единственным нашим утешением была третья буханочка, которая ждала нас под забором.

Но ту буханку, ту последнюю надежду голодных, раньше нас отыскивали собаки.

Когда мы, далеко за полночь справившись с полами, увидели возле забора примятый собачьими лапами снег с красными, как кровь, крошками хлеба, то на минуту онемели. Я готов был взбеситься. Юрка, видно, первый раз в жизни выругался и в отчаянии опустил на снег. Я хотел кого-то убить. Мы едва добрались до нар...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Правда, наутро, позавтракав, уже гораздо меньше переживали все это, а еще через неделю даже рассказали ребятам про наш злополучный заработок. И хлопцы надрывались от смеха. Да и мы тоже.

...В хате густой – не продохнуть – смрад. Кто-то бормочет во сне, кто-то стонет. В двух местах слышится храп. На припечке догорает последняя «катюша». Немец на кровати тоже утих и, навалившись на колени, спит сидя. На стене за ним зловеще чернеет его косая и широкая тень. Дремлет у порога санитар. Один только сержант возится в изголовье, поудобнее устраивая ногу и кутаясь в десантную куртку. Потом он собирается закурить и достает из кармана свой мефистофельский мундштук.

В который раз я поправляю на полу изболевшую ногу.

Сержант поднимает голову:

– Болит?

– Болит, зараза!

– Моя тоже. Днем еще терпимо, а ночью жжет, не уснуть.

– Наверно, ночью все раны сильнее болят.

– Ну, а ты думал, – соглашается сержант и после паузы сообщает: – Слушай, младшой, а твой немец, кажись, ничего.

– Кто его знает? Может, и ничего.

– Понимаешь... – Сержант сосредоточенно прикуривает от зажигалки. – Понимаешь, я было хотел его шпокнуть. Поначалу. Зол я на них, есть причина. Да гляжу – какой-то уж очень он не такой, этот фриц. Учитель. Двое детей. Хотя бы уж буржуй какой-нибудь. Или эсэсовец.

Я молчу. Я понимаю его злобу на немцев. Только вот думаю: очень уж легки стали у нас на суд и расправу. Ни тебе начальства, ни трибунала, так просто, за здорово живешь – шпокну! Какое самоуправство! А может, он нужен где-нибудь в штабе? Впрочем, видно, виноват и я – пленных надо доводить до места, а не отираться с ними по санитарным частям, где раненые нервные, злые. Но это уже другой разговор.

– Понимаешь, третий раз не везет, – выдыхая дым, тихо говорит сержант. – Все не могу. Или, может, тютхтяй такой стал. Первый тяжелораненый попался, подняться не мог. Взял его винтовку, думаю, сейчас я тебя доконаю. Загнал патрон в патронник, а он так глянул на меня и говорит: «Данке, рус! Найн Сибир!» Ах ты, думаю, гад, Сибири боишься. Тогда живи, отведай Сибири! Не стал стрелять. Другого под Золачевом схватили. В разведке. Хотел пырнуть финкой, да не смог – молодой такой, пацан пацаном. Как наш Маковчик. Был такой в роте. Худенький, тонкий и кашляет. Ну, отвел в штаб, черт с ним, думаю. Попадется же в конце концов эсэсовец, тогда расквитаясь.

Сержант, кряхтя, удобнее прилаживается на койке и прислушивается к грохоту какой-то машины за окном.

– Завтра эвакуируют. На месяца два теперь отдых... Перевязки. Сестра – утку! Паскудство одно. Не люблю! – отрезает он и затягивается из трофейного мундштука. Потом хмурится. – А Маковчика через неделю осколком в позвоночник. Эх! Разрази тебя в тысячу трах-тарарах!..

Он остервенело ругается пятиэтажным матом и злобно плюет в порог. Рядом поднимает голову Катя, и я удивляюсь: оказывается, она не спит – печально сидит, опершись на коленки, словно обособившаяся от всего и всех в этой хате. В ее невеселых глазах слезы. Я почти пугаюсь:

– Вы что?

Она даже не повернет головы.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– А тебе что за дело?

– Да я так. Думал...

– Отстань.

Можно и отстать, коли нет желания ответить. В самом деле, чего мне набиваться с сочувствием, как будто мне мало своих забот и своей боли? К тому же усталость берет свое, и меня снова начинает одолевать сон. До утра, видно, еще далеко...

Глава пятнадцатая

Чем ближе к вокзалу, тем все больше людей. На стоянке такси – большущая очередь, которой лихо распоряжается дежурный с красной повязкой. Запоздалые пассажиры спешат на пригородный поезд. С флегматичной неторопливостью, убивая время, по тротуару проходит комендантский патруль – двое солдат и майор. В петлицах технические эмблемы, майору на вид лет сорок пять. Да, постарел офицерский корпус, думаю я, не то что в войну. Когда-то у нас в полку самый старший офицер – начальник артвооружения – имел тридцать восемь. Командиру полка было тридцать два. Батальонами командовали двадцатипяти – двадцативосьмилетние хлопцы. Впрочем, нам, взводным, они в то время казались почти пожилыми.

Вокзальный вестибюль гудит от народа. Суета, толчея и гомон. Слышен и плач. Действительно, у выхода на перрон плачет женщина, только ничего не видно – толпа любопытных отгораживает ее плотной стеной. Наверно, что-то случилось.

Задетый любопытством, я поднимаюсь по ступенькам на второй этаж и останавливаюсь возле перил. Отсюда уже можно кое-что разглядеть. Однако сцена кажется не совсем обычной, по крайней мере для нашего времени. На шее у растерянного мужчины с почти уже седой головой виснет женщина. Косынка ее сбилась на плечи, волосы растрепались. Навзрыд плача, она приговаривает что-то невнятное. Прощается, что ли? Но куда же он уезжает? Мужчина с тоской во взгляде сдержанно утешает ее, гладит по плечу рукой. Кажется, там есть и близкие им люди. Два вполне взрослых парня – в пестрой тенниске и в вельветовой куртке – тоже пытаются успокоить женщину:

– Мама, ну хватит!

– Ну что ты? Люди смотрят. Кончай!

– Ну и пусть смотрят! – закидывает голову женщина. На ее покрасневшем, залитом слезами лице – боль и отчаяние. – Пусть глядят на мое горюшко! Родной ты мой Колюшка, зачем же я тебя спознала?! – причитает она совсем уж по-бабьи и снова припадает к груди смущенного человека.

Непривычное и странное какое-то прощание. Будто в сорок первом. Я недоуменно схожу по ступенькам. В вестибюле появляется дежурный по вокзалу:

– Граждане пассажиры! Прошу разойтись! Прошу разойтись, не нарушать правил! Граждане пассажиры!..

Но пассажиры его не слушают – их продолжает волновать этот отчаянный крик человеческой души. Только никто еще ничего не знает, и каждый старается заглянуть в середину толпы.

Однако через минуту плач притихает, и женщина с седовласым мужчиной направляется к выходу. За ними, неся чемодан, идут двое парней. Люди неохотно расступаются. Женщина все еще всхлипывает.

Из толпы вылезает тетка с корзинкой, ставит ее на пол и начинает перевязывать на голове платок. Ее быстро окружает вокзальный люд, которому не терпится что-то узнать. На лице тетки почти что испуг.

– Ой, бабоньки! Эту женщину ейный муж отыскал. С войны растеряли один другого. Теперича это он приехал. Да ведь с ним новая женка. Вон, в зеленой кофте, – шепотом сообщает она, оглядываясь на выход.

Еще мало что понимая, все сразу поворачивают лица на середину. Действительно,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru прислонившись плечом к мраморной колонне, стоит, сведя брови, женщина. Ни на кого не обращая внимания, она в растерянной задумчивости смотрит на пол. Потом, словно вдруг что-то поняв, круто поворачивается и решительно выходит в другую дверь – на перрон.

– Ой, бабоньки! Как же это? – спрашивает какая-то молодуха, видно, первой осознав весь драматизм этой необычной ситуации.

Однако все ясно. Я больше не хочу видеть такое. Это дико и страшно. Это выворачивает наизнанку душу. Не хватит ли, проклятое чудовище – война! Или тебе мало того, что ты натворила на земле двадцать лет назад? Зачем же ты еще и теперь жалишь людей своим ржавым затупленным жалом?

Но я знаю: дьявольским козням ее нет предела. Страдают матери, потерявшие детей. Годами болят у калек оторванные руки и ноги. Притаившись в земле, поджидают своих жертв мины. С опозданием открываются людям неслыханные злодеяния бесноватых выроdkов. На счету истории все увеличивается число невинных, неотмщенных жертв. Где же виновники?!

Конечно, одни в земле. Других судили и прах развеяли по ветру. Третьи готовятся начать все сначала. Но есть и четвертые, которые искренне удивятся, если им предъявить счет за некоторые их давние уже дела.

Держась за искромсанные перила, я поднимаюсь на второй этаж. Вдобавок ко всему с каждым годом сдает мое сердце. Одышка заставляет останавливаться и хватать ртом воздух. Вот тебе и молодой человек! Впрочем, я знаю: вылечив легкие, я «посадил» сердце. Проклятый тришкин кафтан. Рваные ошметки вместо здоровья.

Я раздражен и зол. Бывают такие минуты. Возле буфета, в зале транзитных пассажиров, – очередь. Длинный ряд людей вдоль прилавка до самой двери. Хотелось бы выпить чашку кофе и кое-что съесть. Только придется долго стоять. Однако куда мне спешить!

– Кто последний?

– Я.

Короткий, словно блеск, взгляд. Миловидное юное личико под бронзовой копной волос. Мгновенно вспыхивает и гаснет любопытство в широких глазах. Конечно, чем тут интересоваться? Худой, с залысинами на лбу дядька, увядшее, потрепанное жизнью лицо. К тому же хромой. Но, черт возьми, все-таки я хотел бы ей чем-то понравиться. Только зачем? Опять же я понимаю, что это невозможно. И удивляюсь своему желанию.

Нет, видно, об этом надо забыть. Мое отошло, отгремело.

Рядом, высматривая кого-то в очереди, ходят двадцатилетние парни. Ничего не скажешь – симпатичные ребята. Спортивная осанка, свежее воротнички отглаженных белых рубашек. Какие неведьды когда-то с таким усердием ополчались против узких штанов! Ведь это красиво. А для молодежи красота, может быть, главное. По крайней мере, лет в двадцать. У нас, правда, все было иначе. Мы носили неуклюжие шаровары хабе и кирзачи. Они мало благоприятствовали любви, хотя и не в состоянии были подавить наши чувства. Помню, когда мы с ней где-либо садились рядом, ноги у нас были одинаковые, не отличишь. Разве что ее сапоги – немножко меньше размером. И такие же одинаковые шинелки – жесткие, тяжелые в мокрядь и жару и холодные в стужу. И лицо было мало ухожено. Однажды мы лежали под обстрелом в борозде, и взрывом ее всю залепило грязью, попало в лицо и в глаза. Она умывалась слезами и ничего не видела. И надо было бежать. Тогда я схватил ее за руку. Бойцы в залегшей цепи удивлялись: чего это они бегут, взявшись за руки, словно на прогулке?

Та прогулка под минными взрывами сделала свое дело. И без того к немалым заботам прибавилась новая. Я подкарауливал ее где только мог. При каждом удобном случае норовил сбегать в батальон, имел несколько неприятностей с ротным. Я собирался ей что-то сказать. Самое важное и самое мое первое слово. Только я опоздал. Смерть опередила меня. В большом приднепровском селе над плавнями остался свежий гравийный холмик, который отделил ее от живых. Все остальное, что случилось со мной потом, было не то и не такое. Да и сам я стал другим...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Однако очередь почему-то расходится. Кончились пирожки. Мило хмыкнув вздернутым носиком, уходит и моя девчушка. Оставшиеся в ряду продвигаются, и я оказываюсь у самого прилавка. Кофе еще есть, и то неплохо. После водки донимает жажда.

И вдруг я вижу его.

Какое-то время, словно окаменев, я молча гляжу в его нахмуренное лицо. Он отходит от очереди и останавливается. Потом снова возвращается к стойке и что-то рассматривает под стеклом. Бряцает мелочью в горсти. Вид у него молчаливо-озабоченный. Сахно! Ей-богу, Сахно. Да, теперь или никогда! Я буду размазней, если упущу его. Нет, бить я не буду. Зачем бить? Я скажу ему, что он гад. И предатель. Изменник родины! Скажу прямо в глаза. Пусть тогда бьет он. Будет скандал, прибежит милиция, и я объясню, почему я так поступил. Пусть тогда меня судят.

Я выхожу из очереди и делаю два шага вперед. Сердце мое тут же срывается в галоп. Однако держись, сердце! Не подведи!

Но тут кто-то подходит к прилавку и становится между нами. Я прикусываю губу – он мне мешает. Вдруг Сахно поворачивается, и его брови вздрагивают. Узнал, гад! Но глаза тут же становятся спокойными. Он сует в пальто руку и звонко ссыпает мелочь в карман. Потом спрашивает:

– Не удалось?

– Что?

– А в гостинице?

– Нет, не удалось, – говорю я не своим голосом и, будто загипнотизированный, гляжу в его выцветшие, малоподвижные глаза.

– Проклятый город, поесть не добьешься. Вы ужинали?

– Нет.

– Может, пройдем в ресторан? Тут напротив.

Поникший, я стою, как дурак, как идиот. По-видимому, он и считает меня идиотом. Но я снова не знаю, что делать. Я не узнаю его. Сахно и не Сахно.

– Ну? Составите компанию?

Он идет меж людей к двери, и я растерянно иду за ним. Первый, самый удобный момент упущен, Теперь я уже не могу отважиться, меня колеблют сомнения. Может, потребовать у него документы или спросить фамилию? Однако это не может тянуться долго. Так я не выдержу.

Мы выходим из зала ожидания. Он доверительно оборачивается ко мне:

– Бордель, а не город. У нас стоит позвонить в коммунхоз, и гостиница обеспечена. А тут не могут забронировать одно место. Республика, называется.

Сволочь! Что ты знаешь про эту республику? Не досталось места в гостинице? Кончились пирожки? А про полумиллионную армию партизан в этой республике ты слышал? Про девять тысяч белорусских орадунов и лидице ты знаешь? Про два с лишним миллиона жертв? Про то, что и до сих пор эта республика не достигла довоенного числа жителей?

Я едва сдерживаю нервную дрожь внутри. А он раздевается в гардеробе. Перед зеркалом старательно расчесывает на затылке остатки своей шевелюры. Потом мы заходим в зал. Тут также битком народу. Свободных столов нет, и мы медленно идем между рядами. Но вот у окна вылезает из-за стола четверо офицеров. Мы сразу занимаем их места. На скатерти гора неубранной посуды. Он брезгливо отодвигает от себя тарелки.

Разговаривать со мной у него, видно, пропало желание. Но и мне не до разговоров.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Меня изводит вопрос: он или не он? В голове начинается пронзительный звон, руки заметно дрожат. Он же, очевидно, не узнает. Что ж, тем лучше! Я напрягаюсь, как перед рывком в атаку, и спрашиваю его в упор:

– Вы – Сахно?

– Что? Нет, не Сахно.

Не Сахно! Другой возможности узнать, кто он, у меня пока нет. Я напряженно стараюсь сообразить, как поступить дальше. Он забрасывает ногу за ногу и откидывается на спинку стула. Достает из кармана газеты. Кажется, он совершенно спокоен, целиком поглощен собою. Ни одна жилка на его лице не дрогнет. Шурша газетой, бросает на меня взгляд:

– А почему вы спросили? На кого-то похож? Да?

– Похож.

– Бывает, – вздыхает он и оживляется. – Я в Ростове одного инженера год путал с бухгалтером управления. Похожи как две капли воды.

Черт! Кажется, я влип! Неужели действительно не он? А может, притворяется? Что-то чувствует и боится? Пожалуй, кое-что из своего прошлого скрыл.

Однако нет. Держит себя без притворства, уверенно. Широко разворачивает «Правду», «Труд» протягивает мне:

– Почитайте. Пока тут дожدهшься...

И, не договорив, погружается в чтение. Я машинально просматриваю заголовки и ничего не понимаю.

Если не Сахно, то это ужасно. Я же мог его опозорить. А если, несмотря ни на что, все же он? Неужели я и теперь останусь в дураках, как и двадцать лет назад?

Что ж, подождем.

Он читает сосредоточенно, всерьез. К нам больше никто не садится. Официантка тоже не идет. Я невидящим взглядом смотрю на петитные строчки газеты и не могу заглушить в себе почти отчаянного крика памяти...

Глава шестнадцатая

Сон мой прерывается взрывом:

Тр-р-рах!.. Лоп-лоп-лоп... Ши-ш-ш-р-р-ш-ш-ш...

И еще:

Тр-р-рах! Тр-р-рах!.. Шр-рик!

Что это? Где? Фу ты, сыпануло чем-то за шиворот. На спине – будто муравьи или, может, песок. Я вскакиваю и сразу понимаю: беда!

В хате почти светло, за окнами – раннее рассветное утро. Меня обдает холодом, снежная пыль сыплется на лицо, голову, за воротник. На полу удивленные лица людей. Возле кровати, обхватив голову, согнулся, выжидая чего-то, сержант. С потолка осыпается перемешанная со снегом штукатурка.

Тр-р-рах! – кажется, под самым окном гремит новый взрыв. В окно врывается туча снега с землей. Мелкие осколки стекла, дробью осыпая раненых, оседают в складках шинелей. Невольно отшатнувшись от взрыва, я окончательно лишаюсь сонливого замешательства и пугаюсь – где Юрка?

Но Юрка рядом, он также недоуменно моргает заспанными глазами и спрашивает:

– Что такое? А? Бомбежка, а?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Нет, Юрка, не бомбежка и даже не обычный огневой налет. Это другое. Я боюсь его, этого «другого», от одной только мысли о нем у меня холодеет в груди. Тр-р-рах! Тр-р-рах! – рвутся снаряды дальше, в огородах. Там кто-то яростно матерится – слышны испуганные выкрики, топот бегущих ног. Что-то там происходит неладное. А я с душевной дрожью вслушиваюсь в эту сумятицу звуков и – пропади оно пропадом, это вчерашнее мое предчувствие – оно оправдывается. В промежутках между разрывами откуда-то издали доносится тяжелый прерывистый гул танков.

Ну вот и дождалась! Доспались, доотдыхались, донадеялись, черт возьми! Теперь расхлебывай!

Наверно, другие также что-то уже слышат. Сержант, за ним Катя и Юрка бросаются к вдребезги разбитым взрывами окнам. Вскрываю на одной ноге и я. Еще кто-то припадает к окну. Вот так картина! Самая противная и страшная из всех картин на войне – драп.

По улицам, по огородам, мимо нашей хаты и дальше одиночками и группами бегут из села люди. Бешено несутся кони, разбрасывая скатами снег, по одной мчатся машины. Видно, все, кто тут был, ринулись за околицу, мимо разбитых осколками мазанок, перепрыгивая через плетни, падая и вскакивая. Неподалеку на улице пылает разнесенный взрывом «студебеккер». Возле опрокинутой повозки, издыхая, бьется головой о дорогу конь. Тр-р-рах! Тр-р-рах! Пи-и-иу... Пи-у-у-у... Тр-р-рах! Там и тут рвутся снаряды. Но мы уже не обращаем внимания на них – мы всматриваемся вдаль, за село.

По отлогому склону из степи ползут в село танки.

Жвик-жвик-жвик! Тр-р-рах!

Взрыв отбрасывает нас на пол. Хата приподнимается и оседает. Кажется, рушится потолок. Сухим пыльным смрадом забивает дыхание. Кто-то стонет, кто-то ругается и, вскочив, бросается к двери.

– Ложись! Ложись, черт вас побери! – кричит в этом пыльном хаосе Катя. Она по-мужски ругается, но теперь это никого не удивляет – да и как же иначе, если такое творится кругом.

Штукатурка со стен и потолка густо запорашивает головы и спины. Юрка поднимает лицо, его не узнать – один только, полный тревоги и недоумения, взгляд: что делать?

– Сестра! Сестричка! Ой, спаси же!.. Ой! – кричит кто-то в хате.

Пыль быстро выдувает ветром, не ветром – настоящим вихрем, ибо уже ни окон, ни дверей нет. Дверь, очевидно, раскрыта, и на пороге распласталась неподвижная фигура. Это наш санитар, что вчера на том самом месте бросал кроликов. Над углом, в потолке, пролом с дыркой наружу. В ней курится снег и под ним, внизу, на соломе, слепо мечется обвязанный бинтами летчик. Коленями и локтями он толкает, тормошит соседа:

– Эй, товарищ! Товарищ!

Из-под шинели торчат длинные ноги в кирзачах, они не двигаются. Кажется, его сосед, который вчера бросался на немца, – «уже». Но попало в хате, видно, не только ему одному.

– Сестра! Сестрица! – причитает кто-то в другом углу (не тот ли рябой). – Кровь... Второй раз гвозданули, гады!!!

– Что же это творится, братцы? надо же что-то делать!

– Тихо! Тихо! Ложись! – командует Катя и с треском разрывает очередной перевязочный пакет. Она, с распущенными волосами, без шапки, мечется по хате то к порогу, то к углу, где не унимается обезумевший незрячий летчик:

– Где сестра? Сестра!!!

Катя склоняется над обгоревшим и, безразличная уже к соседу, уговаривает его:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ладно, ладно. Все будет хорошо. Ты ляг! Лежи! Все будет хорошо...

Ее удивительно ровный, сочувственный голос на минуту кое-как успокаивает бойцов. Обожженный нерешительно умолкает. Катя, переступая через людей, подается в другой угол, к перегородке. Там тоже кто-то надрываясь стонет.

Возле печки поднимается с полу последний наш санитар – маленький напуганный пожилой человек, и Катя кричит ему:

– Ты! Бегом к начальству! Ну, живо! Повозки живо!

Санитар, пригнувшись, трусливо перелезает через труп напарника на пороге и исчезает в сенях. За окном с грохотом мчится подвода. Задворками бегут люди. Трещат разрозненные автоматные очереди.

– Счас, родненькие! Счас! Все будет хорошо. Все хорошо, – приговаривает Катя.

Я поглядываю на Юрку, он лежит на боку рядом и кусает губы. В глазах моего друга предельная напряженность. Наверно, в моем взгляде он улавливает немой вопрос и пытается успокоить дружеским пожатием руки:

– Ладно. Подожди. Подожди чуток.

Ждать, конечно, не самое лучшее – скорее, худшее. Как раз ждать теперь и нельзя. Каждая минута промедления, видно, вскоре будет нам стоить многого. Но что делать? Попали из огня да в полымя! Называется, покимарили ночь – все прокимарили. Запоздалое сожаление о вчерашнем; боль, досада и страх овладевают моими чувствами. Хочется немедля что-то предпринять, кого-то обвинить. Только кто тут виноват? Разве что я сам. Надо же было вчера так успокоиться, забыться в этой тишине, отдаться радости встречи с Юркой, махнуть рукой на танки в степи – и вот теперь получай. Понадеялись, называется, на предусмотрительность и заботу других.

Скорчившись на соломе, я вслушиваюсь в канонаду на улице. Рядом – также весь в слухе – Юрка. Взрывы прижали нас к полу, и мы живем болезненно напряженным слухом. Во дворе топот ног, стоны, короткие выкрики. Вдруг слух улавливает прерывистое дыхание. Я оборачиваюсь – в окне потное, встревоженное лицо.

– Эй, славяне, где тут сестра?

– А что, повозка? Ага? Давай сюда!

С пола неуклюже вскакивает сержант и хватается за подоконник. Но лицо там исчезает. Коротенькая надежда вспыхивает в сознании – а вдруг за нами? Хотя для одной подводы нас многовато. И тут я впервые за это утро встречаю забытый уже печально-терпеливый взгляд. Это из-под койки, где лежит «мой» немец. Как гость на чужой беде, он забился туда и ждет. Только чего ждет?

Пули и осколки прошивают крышу. Ветром заносит в хату соломенную труху со снегом. Мы вбираем головы – видно, они все же нас доконают. В сенях слышится топот. Сквозь раскрытую дверь, переступив через санитара, вваливается боец в телогрейке. За ним второй с винтовкой за спиной – они втаскивают кого-то в шинели и опускают возле печи.

– Сестра! Где сестра?

Катя, торопливо забинтовав чье-то окровавленное плечо, по солдатским телам лезет к порогу.

– А что вы мне его принесли? – через минуту кричит девушка. – Я не похоронная команда. А ну тащите назад!

На потном лице бойца – удивление, почти что испуг.

– Как это назад? – тихо спрашивает он.

– А так. Не знаете как? – бросает она и спешит в угол к почти обезумевшему

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru летчику.

– Ляг! Ляг! Ну что ты – ляг! – уговаривает его Катя.

Боец растерянно стоит возле печи. Мне хорошо видны отчаяние, удивление и испуг, что одновременно отражаются на его заросшем щетиной лице. С минуту он недоуменно вглядывается в труп на полу, потом поднимает рукавицу, чтобы вытереть пот. И тут: тр-р-рах!

Это близко, но все же не так, как в предыдущие разы. На Юркину шинель отскакивает гниловатая щепка от подоконника, а боец с рукавицей, вытирая спиной побелку, быстро сползает на пол. Я еще не успеваю сообразить, что произошло, как он, обмякнув, падает на бок, глухо ударившись головой об пол. Из рта его хлещет кровь. Его напарник бросается в сени.

На полу матерится сержант:

– Где санитар? Где начальство?..

Хватаясь за койку, он неуклюже встает и, неся впереди прямую, как бревно, ногу, поворачивается ко мне:

– Ты, дай автомат! Я им наведу порядок!..

Это так уверенно и категорично, что я сразу, не подумав, отдаю ему свой ППС. Сержант торопливо скачет к двери. Катя кричит из угла:

– Подводы! Подводы давай сюда! Слышишь?!

– Не глухой! – долетает уже из сеней.

Мы снова ждем, припав к заброшенному штукатуркой полу. В селе бой. Вовсю гремят танки, бьют их пушки, неистово заливаются пулеметы. Однако что-то там застопорилось – все же, видать, опомнились славяне, зацепились на той окраине и оказывают сопротивление. Только надолго ли?

Юрка, должно быть, обеспокоен тем же и, привстав, выглядывает из-за косяка. Я гляжу на него снизу, но на лице друга ни капельки облегчения. Пожалуй, на этот раз беда обрушилась на нас со всей ее неотвратимостью.

Вскоре Юрка опускается на солому.

– Ты идти не можешь?

Я шевелю раненой ступней. Болит, холера, как тут идти? Юрка понимает без слов.

– Так. Значит, так. Я... Надо туда, – он кивает головой за окно. – Там мало народу.

Все ясно. Придется драться. Оказывается, война для нас еще не окончилась, передышки не будет (глупые, наивные мечты). Борьба продолжается, и надо идти в бой. Легко здоровым – вон сколько их дало волю ногам! У нас же выбор небольшой: плен или смерть. Ну что ж!.. Только вот рана...

Юрка тем временем сдвигает наперед кирзовую кобуру, левой рукой достает «ТТ». Магазин у него неполный. Одной рукой он шарит в карманах, достает несколько патронов, неловко запихивает их в магазин. Я также выгребаю из своих карманов остатки боеприпаса. Набирается десяток автоматных патронов, и я отдаю их Юрке. Тот решительно поднимается на ноги:

– Ну, держись!

Он пытается улыбнуться одними губами, и в этой его улыбке – проблеск надежды, в которую он и сам слабо верит. Значит, снова расставание, снова он уходит, и, наверное, уже навсегда. Ну конечно, вряд ли он вернется оттуда. Тогда и я не хочу быть тут – умирать, так вместе. Я вскакиваю в хмельном порыве – была не была! Так или не так – додумывать теперь некогда.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Дай руку.

Он недоуменно смотрит на меня, секунду медлит и нерешительно подает здоровую руку. Я встаю и, придерживаясь за койку, прыгаю к порогу. Черт, на одной ноге все-таки неудобно. Если бы на что-нибудь опереться. Я приостанавливаюсь, Юрка впереди, поняв мои заботы, оглядывается. В углу, у порога, стоит чья-то винтовка, он хватает ее и сует мне. Это обыкновенный немецкий карабин с черной ложей, и я опираюсь на него, как на палку.

Уже с большей уверенностью мы перелезаем через троих убитых и выбираемся на закиданный комьями земли двор.

Глава семнадцатая

Во дворе нас сразу оглушает взрыв, мы оба падаем, потом Юрка, вскочив, перебегает за угол какого-то сарайчика. Там он оглядывается, намереваясь бежать дальше, но я в этом деле ему не ровня. И он, присев за углом, терпеливо поджидает меня. Я прыгаю на одной ноге и шарю вокруг глазами – авось где увижу гранату. Нужны гранаты. С винтовкой да пистолетом мы не долго навоюем против танков. От сарайчика Юрка подбегает к полуповаленному взрывом плетню и опять приседает. За плетнем на снегу серое пятно воронки, дальше забросанный грудями земли огород.

Пи-у-у-у!.. Пи-у-у-у!.. Пи-у-у-у-у-у-у-у...

Эге, да тут не одни танки – тут еще и мины! Три громовых взрыва сотрясают поблизости землю. Меж хат взлетает в небо сизое снежное облако. Юрка хочет перескочить через плетень, но оборачивается и опять приседает. Доковыляв до него, я опускаюсь на колени, пережидая длинный пронзительный визг мин. Бьют с околицы навесными крутыми траекториями. Мины летят долго и своим визгом, кажется, переворачивают все внутри. Сколько я на фронте, а все никак не могу привыкнуть к этому их проклятому визгу. Я гляжу на Юрку – мне еще не приходилось видеть его под огнем. Э, да он молодчина: собранный, сосредоточенный, быстрый. Он бы, конечно, одним махом перескочил этот огород и уже был бы там. Вот только я...

– Если тут не сдержим – в поле хана! – кричит Юрка сквозь скрежет, который в это время достигает наибольшей силы и вот-вот оборвется взрывами.

В такой момент не до разговоров, и я мысленно соглашаюсь: в поле, конечно, гибель.

Тр-р-рах! Тр-р-рах! Тр-р-рах! – сзади и с боков рвут мерзлую землю взрывы. Мы распластываемся под плетнем. Большие комки земли бьют по спинам, головам, ногам, потом на снег падают куски поменьше, а земляная мелочь еще долго будет сыпаться с неба. После третьего взрыва Юрка оглядывается:

– Ты, если что... Адрес не забыл?

– Ну что ты!

Адрес я помню: Ачинск, Набережный переулок. Там живет Юркина мать – бухгалтер детского сада. О себе я молчу. Мой адрес теперь не понадобится – он по ту сторону, под немцем.

– Ну, давай первый! – легонько толкает меня в плечо Юрка.

Ясное дело, он не хочет отрываться, терять меня, одноногого, из своего поля зрения и дает мне эту поблажку. Чтоб не отстал.

Опираясь на карабин, я перелезаю через полуповаленный плетень, раз-другой наступаю на забинтованную пяту. Болит, но надо держаться, иначе мне не пройти. На одной ноге далеко не уйдешь. Юрка, пригнувшись, бежит в трех шагах рядом. Порывистый ветер низко стелет черные космы дыма от «студебеккера» с улицы, временами накрывал им середину огорода, которая от копоти будто посыпана золой. Мы бросаемся туда, в этот дым, и тут снова: пи-у-у-у... пи-у-у-у...

– Ни черта они нам не сделают! – кричит Юрка. – А ну, давай быстрее!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Он резко вырывается вперед. Нас окутывает дым. Рядом рвутся мины. В воздух взмываются клубы дыма. На несколько секунд я перестаю видеть и, пригнувшись, устремляюсь вперед, в сумеречную зловонную полосу дыма. Глаза заливают слезы, я едва не налетаю на обрушенную глинобитную стену. Взрыв! Падаю, отчетливо чувствуя, как осколок с лета пропарывает полу моей шинели. Но ноги, кажется, уцелели – это главное. Под стеной протираю запорошенные глаза и оглядываюсь.

Юрки нет.

Сначала ни испуга, ни сожаления, одно лишь недоумение – он же только что был рядом. Затем внезапная тревога заставляет меня вскочить. Сизое облако от мины рассеивается, ветер понемногу относит дым в сторону, и тогда я вижу на снегу Юрку. Он лежит ничком, широко разметав руки, и не двигается.

Минутный испуг во мне сменяется страхом. Не оберегая больше раненую ногу, я кидаюсь назад и через несколько шагов распластываюсь возле Юрки. Я переворачиваю его на бок. Подстриженная под бокс светловолосая голова его беспомощно запрокидывается на снег. Шапки на ней нет. Полузакрытые веки быстро-быстро синеют, и глаза совсем закрываются.

– Юрка! Юрка! – кричу я, бессмысленно ощупывая его тело, так как не вижу раны и не могу понять, куда ему попало. Все во мне дико протестует против этой самой большой беды: нет, нет, он выживет! Возникает надежда, что его только оглушило, контузило.

Но он, видно, не слышит меня, зубы его почему-то судорожно стискиваются, и, не разнимая их, он тихо, на выдохе, говорит:

– Черт... Не удалось...

И затем только хрипит. На губах появляется кровавая пена, он захлебывается ею. Тело его напрягается в моих руках, будто пытаюсь повернуться на другой бок. Я пугаюсь, чувствуя, что он кончается, но я бессилён что-либо сделать.

– Юрка! Юрочка, куда тебя? Что тебе?.. – глупо кричу я, все ощупывая его, и только теперь ощущаю на руках кровь. Да, кровь на шинели и на снегу под ним.

Жвик-жвик-жвик! – пронесится близкая очередь и тут же: тр-р-рах!

Нас снова накрывает взрывом. Возле моего локтя, зашипев, вонзается в снег горячий осколок. Рыжее глиняное облако стелется по огороду. Это угодили в мазанку, от которой я отбежал сюда. В сознании вспыхивает секундная радость – пронесло! Но только меня, а не его. Его не миновало, и в этом мое несчастье и, пожалуй, моя гибель. Я чувствую, что немцы приближаются, бой с окраины перемещается в центр села. Они взяли нас в огневые клещи, которые сжимаются все теснее. Кругом уже никого не видно, и я не знаю, как спасти Юрку. Но рядом на прежнем месте еще стоит хата, из которой мы только что высочили. Ой, не вовремя высочили, с запоздалым сожалением думаю я.

Я закидываю за спину карабин, хватаю Юрку под мышки и тут же падаю вместе с ним в снег. Поднять я его не смогу. Тогда я вцепляюсь в его портупею и, низко склонившись, волоком тащу его к поваленному плетню, назад в хату.

Вжик-вжик-вжик-вжик! Фить-фить!

Это очереди. Они в клочья разносят соломенные крыши, дырявят глиняные стены мазанок. В паузах между разрывами прорывается угрожающе близкий стрекот и лязг гусениц – танки уже на улице.

Задыхаясь, весь в холодном поту, я затаскиваю отяжелевшее Юркино тело в сени. Как и прежде, дверь в хату распахнута. На полу кто-то из раненых. Из угла на меня удивленно оглядывается Катя.

– Э, помогите! – кричу я, так как уже не в состоянии перетащить Юрку через порог.

К тому же я боюсь, что будет поздно. Я злой и жду, что они все кинутся ко мне.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Но кидаться тут некому – людей стало мало. Раненые, наверно, не дожидаясь худшего, разбрелись кто куда. Я вижу только Катю, которая хлопчет возле обгоревшего, и все те же трупы у порога. Да еще немец! Действительно, какой-то несурзанный фриц! Он не сбежал и, увидев Юрку, удивляется:

– О, майн гот! Юнг офицер!

– Майн гот тебе! – от злости нелепо кричу я и обращаюсь к Кате: – Сестра! Спасай! Быстрее!

Только Катю торопить не надо. Она уже рядом и быстро расстегивает на Юрке ремень, портупею, шинель. Задыхаясь от изнеможения, я падаю на пол.

– Танки... Танки уже там!..

Катя бросает на меня жесткий ненавидящий взгляд, будто я виноват во всей этой беде.

– Где сержант? Где та сволота? Ты не видел?

Я отрицательно качаю головой. Катя приходит в ярость:

– Сбежал, зараза! Болтун, трепло! Расстреливать таких гадов! Подлец! Теперь погибай из-за него!

До этого недалеко. Дела наши – хуже некуда. Однако расстреливать некого, да и вряд ли этим можешь. И все же напрасно я отдал автомат. Чем теперь будем отбиваться? Разве что одним карабином. Ну и ну!

Несколько пуль с улицы бьет по стенам. Одна через окно откалывает кусок угла от печи. Нас осыпает глиной. Катя склоняется над Юркой, покрикивает на немца – теперь тот помогает. Я приподнимаю голову Юрки – на висках у него сильно вздуваются вены, он еще жив.

– И на кой черт я с вами связалась! Мало мне в батальоне было! – зло говорит Катя.

– Быстрее! Быстрее, Катя! Он же задыхается... – раздраженно прошу я.

– погоди ты! А, вот оно что... – говорит Катя.

Она возится под верхней завернутой одеждой Юрки. Там все окровавлено, я не могу смотреть. Сколько я уже видел их – окровавленных – живых и мертвых, своих и немцев, и ничего – смотрел. А тут не могу: это же Юрка.

– Та-ак, – сосредоточенно говорит Катя и, быстро заправив края рубашки поверх гимнастерки, обматывает бинтом грудь.

Я, с трудом сдерживая отчаяние, спрашиваю:

– Он выживет, а? Выживет, Катя?

– А я что – Бог? – кричит в ответ Катя. – Я не Бог тебе.

Она поспешно запикивает в сумку бинты и бросается к окну:

– Где повозки? Где повозки? Где та сволочь болтливая?

Но нет ни сержанта, ни повозок. В этом конце села мы, кажется, остались одни.

Хату сотрясает разрыв. В окно несет пылью и тротильным смрадом. Катя падает, мы все принимаем к полу. А когда поднимаем головы, видим в двери огромную фигуру в темно-серой незастегнутой куртке с меховым воротником, надетой прямо на нижнюю сорочку. В ее разрезе лохматится волосатая грудь.

– Бинта надо! У кого есть бинт?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Человек одной рукой зажимает на шее рану, из которой меж пальцев в рукав и на куртку течет кровь. В другой руке у него автомат. И тут я удивляюсь – это же мой ППС! Вон и медная проволочка на ремне, которую я приспособил когда-то вместо оборванного тренчика.

Но, прежде чем я успеваю что-то сказать, к человеку подскакивает Катя.

– Где взял? Откуда это? – Она резко дергает его за полу куртки. На лице девушки ярость.

Человек сперва не понимает, хлопает глазами то на Катю, то на свою куртку. И тогда я вдруг догадываюсь, что как автомат, так и куртку он взял у сержанта, которого мы ждем.

– Это? – наконец догадывается человек. – Не украл. У убитого взял.

– Где убитый? – кричит, содрогаясь, Катя.

Человек, тоже раздражаясь, в тон ей отвечает:

– А ты что – прокурор? Вон на дороге лежит. Сходи погляди.

Катя, сразу обвев, уныло опускается на пол. На ее лице – мучительная спазма боли. Не преодолев этой боли, она расслабленными движениями застегивает сумку и упавшим голосом спрашивает:

– Прут танки?

– Прут, сестра. Вам тут не место.

В углу кричит летчик:

– Сейчас же отправляйте нас! Не имеете права. Я к Герою представлен. Я требую...

Катя вскидывает на нас острый, моментально оживший взгляд, в котором уже решение:

– Выносить! Выносить всех! На дорогу! Быстро! Пулей! живо!

Да, выносить! Но выносить – значит дальше тащить на себе. Только далеко ли утащишь от танков?..

Делать, однако, нечего. Сидя тут, пожалуй, дождемся худшего, и я под мышки поднимаю Юрку. Человек в сержантовской куртке торопливо обматывает бинтом шею и, закинув за воротник концы, подхватывает Юрку с другого бока. Немец без понуждения услужливо подбегает к Кате. Он уже в чьей-то шинели и похож на красноармейца, только шапка у него немецкая. Вдвоем они берут летчика.

– Огородами, огородами давай! Дорогой не пройдешь, – командует им мой помощник.

Мы выбираемся во двор, обходим разбитый угол хаты, которая давала нам пристанище, и бежим огородами. Сбоку высокий тын с натянутой поверху колючей проволокой. Мы бежим вдоль тына. Только бегун из меня все же плохой. Катя с немцем вырываются далеко вперед. Хорошо еще, что хата прикрывает нас сзади. И все-таки с улицы нас видят немцы. Не успеваем мы отбежать и сотни метров, как длинная очередь врывается в крышу этого строения. Наверху вдребезги разлетается труба, и осколки ее градом сыплются во все стороны. В воздухе летает солома и снег. Мимо наших голов проносятся пули.

– Дают, сволочи! – зло оглядывается боец. – Не война, а расправа. Я было кидался, кидался с тем одноногим. Человек двадцать задержали, да вот напоролись...

Я в каком-то душевном онемении. Мысли перепутались. Запальчивая горячность не позволяет сообразить, как действовать лучше. Я только чувствую, что погибает Юрка, что я не спасу его, не успею. Меня не перестает пугать его хрип. Изо рта у него сочится кровавая пена, и мне кажется, что он вот-вот задохнется. Я то и дело сдерживаю шаг и неловко подхватываю его за голову, которая откидывается

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru вниз. Юрка то стонет, то вдруг умолкает, и мне тогда кажется: конец! Нога моя ооченела и сильно болит в мокрых бинтах. Но я безжалостен к ней – я наступаю через боль, которая до бедра распирает ногу. Теперь не до боли! Надо быстрее, иначе смерть всем.

В конце тына мы продираемся через жесткие, как проволока, заросли вишенника на меже. Новая очередь укладывает нас в бурьян. Как только она идет стороной, мой помощник вскакивает и отстраняет меня от Юрки:

– Пстой! Давай я!

Длинный, рукастый и, видимо, очень сильный, он одним махом взваливает на спину Юрку. Пригнувшись, широким шагом спешит по снегу. Я оглядываюсь – все танки уже вползли в село. На косогоре по ту сторону пусто. Скоро они будут тут.

– А ну быстрей!

Обеими руками опираясь на карабин, я бегу за человеком. Теперь немного легче. Если бы не нога...

– Вот холера! – говорит он, неуклюже оборачиваясь ко мне под ношей. – Выскочил без гимнастерки. С ней все документы накрылись. И надоумил же дьявол заночевать в крайней хате!

«Заночевали! – механически повторяю я, так как другого ничего и не слышу. Другое не доходит до моего сознания. – Заночевали. И проспали – проворонили все на свете...»

– А вы кто? – спрашиваю я сзади.

– Я? Да старшина из ДОПа. Евсюков. Не слышали разве? – говорит он, широко шагая по снегу.

Кто его знает, может, и слышал. Действительно, в ДОПе – не в батальоне – там даже сержанты известны по всей дивизии. Только теперь я уже не припомню. Теперь это уже неважно. Я отбрасываю в сторону жердь, которая мешает ему, и мы перелезаем в соседний огород. Впереди бегут Катя с немцем.

– Ничего! – успокаивает меня или, может, самого себя старшина. – Сдержат! Должны сдержать! Иначе что же за безобразие такое!

Да, безобразие, несчастье, позор! Ну и село! Ну и утро!

Вдруг мы слышим: Катя с немцем что-то кричат нам, а сами сворачивают меж хат к улице. Я приостанавливаюсь и слухом улавливаю, как где-то невдалеке за хатами дребезжит повозка. В грохоте разрывов мы не сразу услышали ее и, наверно, опоздали. Старшина пускается бегом, я опять отстаю. Вскоре, однако, мы пересекаем забросанный соломой двор и выскакиваем на улицу. По середине ее прямо на нас бешено мчит нагруженная с верхом повозка.

Глава восемнадцатая

– Стой! Стой! – кричу я отчаянно и зло, сознавая, что это – последняя наша возможность спастись. Другой уже не будет.

– Стой! – ревет Евсюков. На мои руки он сваливает Юрку и бросается прямо под коней.

Но пара рыжих, видно, напуганных не меньше людей, пронесется мимо. Из-под копыт в лицо мне летят крошки снега. На подводе целая гора каких-то тряпичных тюков, на которых, как на возу с сеном, – боец. Второй на передке яростно стегает коней.

– Стой! Хусаинов, стой!

Старшина после секундной остановки бросается вдогонку. Повозка, свернув на обочину, останавливается. К ней уже бегут Катя с немцем, им ближе. Я волоку под мышки Юрку. Он все еще в забытьи и наверно, оттого непомерно тяжелый. Ноги мои

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru вязнут в мягком, будто песок, перетертом колесами снегу – хоть бы успеть! Сзади нас прикрывает поворот у хаты, где мы ночью наскочили на придирчивого капитана. Танки нас здесь не видят.

Тр-рах! Тр-рах! Тив-в... Бах!

Это все еще там – за поворотом, откуда, на наше счастье, выскочила эта повозка. Хорошо, что в ней какой-то знакомый старшины. Но, кажется, мы все в ней не поместимся. Разве положим Юрку. Старшина подбегает к повозке и хватается за веревку, которой перевязан груз.

– Скидай тряпье! Сгружай все! Быстро! – кричит он тому, что на самой макушке воза.

Но тот вроде не спешит разгружаться. Он еще ниже втискивается в тюки и толкает ездового.

– Пашел! Нельзя скидай! Не разрешал!

– Хусаинов, ты что, очумел? Вон раненые! – кричит старшина и срывает с воза веревку.

Два тюка с угла тяжело падают на дорогу. Несколько их скидывает старшина. Боец на повозке вскакивает во весь рост.

– Нельзя! Я отвечал! Я расписка давал!

Он сверху ногой толкает в грудь старшину. Тот хватается за валенок и с силой рвет вниз.

– Дурак! Прочь отсюда!

Хусаинов, неуклюже выгнувшись, падает с воза задом на снег. Старшина в мгновение вскакивает на повозку и начинает отчаянно скидывать все на землю.

– К чертовой матери! А ну помогай! Быстро! – командует он ездовому, который в испуге едва сдерживает коней.

Я волоку Юрку и со все возрастающей надеждой думаю: авось успеем! Успеем. Возле повозки уже Катя с немцем. Они подтаскивают туда обгоревшего и, усадив его на снегу, также начинают кидать с повозки тяжелые тюки. Теперь мне видно, это – телогрейки, должно быть, с какого-то склада ОВС.

Хусаинов тем временем поднимается с дороги. Что-то невнятно прокричав, хватается за карабин, который торчит у него за спиной. Он снимает его через голову и отскакивает на шаг. В тот же момент раздается выстрел. Схватившись за руку ниже локтя, старшина на возу приседает и недоуменно выпрямляется. На его пальцах кровь.

– Ах ты, гад! – после секундной растерянности выверивается он на Хусаинова. – Ты так? Так, сволочь?!

– Стойте! Постойте! Что вы делаете! – кричу я.

К Хусаинову прямо на его винтовку кидается Катя. Но он уклоняется.

– Стрелял вас буду! Убивал буду. Я расписка давал. Приказ бирал! – разъяренно кричит Хусаинов, снова клацая затвором.

Старшина все же опережает его и, дернув рукоятку автомата, прямо с груди бьет короткой, в три пули, очередью. Хусаинов взмахивает рукой, будто пробуя заслониться, и ноги его подкашиваются.

– Дурень! Идиот! – кричит на подводе старшина.

Я опускаю Юрку на снег – Бог ты мой, что это делается! Что творится, зачем это? Но мое недоумение тут же обрывается, сзади и совсем близко рвется снаряд.

Тр-р-рах! Пыльные куски глины градом осыпают дорогу. Одним углом оседает в снег

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru мазанка на повороте. Но это не мина – это уже танки. Они на подходе. Скоро влупят и нам.

Взрыв нас отрезвляет. Я подхватываю Юрку. От подводы ко мне бегут Катя с немцем – спасибо им обоим. На лице у Кати гнев и решимость. Волосы выбились из-под шапки, полушубок расстегнут.

Немец, неподвижно-напряженный и молчаливый, кажется, весь собран в слух. Будто его внимание не тут, а где-то далеко, возможно, там, где гремит бой. Вслушивается, ждет своих, что ли? Только теперь черт с ним, теперь бы скорее.

– Быстрее! – кричит с повозки старшина.

В ней почти уже пусто, на дне лежит обгоревший. Сбоку на дороге разбросанные связки стеганок. Мы укладываем на повозку Юрку. Следом в угол забиваюсь я. Катя вскакивает уже на ходу. Ездовой безжалостно стегаёт коней. Повозка вздрагивает, я едва удерживаюсь в ней и оглядываюсь – из-за поворота пока никого не видно. Неужели вырвемся?

И вдруг впереди огонь, треск и грохот. Туча земли со снегом взлетает к небу, и мы с ходу вскакиваем в это мрачное пекло дыма, земли и снега. Кони шарахаются в сторону, повозка клонится набок. Чтобы не вывалиться, я обеими руками цепляюсь за ее борт. Рядом в отчаянии ругается Катя:

– В сторону! Сворачивай в сторону!.. Раззява!..

Ездовой, едва не угодив с лошадьми в глубокую воронку на улице, кое-как объезжает ее. Кажется, пронесло. Повозка выпрямляется, кони рвут в галоп. Но тут же под колесами треск – что-то ломается. Это мы насканиваем посреди дороги на разбитую пустую телегу. В оглоблях бьется на снегу конь, под его брюхом – лужа крови. Поодаль у плетня распласталась неподвижная солдатская фигура в задранный измятой шинели.

Я хватаюсь за Юрку, оглядываю своих. Кажется, обошлось – все целы. Только старшины почему-то здесь нет. Он сзади. Вместе с немцем, ухватившись за перекладину, вприпрыжку бежит за повозкой. С его пальцев на полы моей шинели течет кровь.

Сквозь взрывы и густое тивканье пуль мы прорываемся на околицу. Дальше, за гатью, – широкая балка-лощина. Снег истоптан множеством ног людей и коней, изрыт колесами повозок, машин. Все из этого села устремились туда. Мы, наверно, последние. На гати низко осел брошенный «ЗИС» с раскрытыми дверцами.

Повозка наша сворачивает в балку. Тряска становится сильнее. Я хватаюсь за борта обеими руками.

– Ой! Ой! Стойте! Не могу. Что же это делается! – кричит закутанный в полушубок летчик.

Катя молча придерживает его забинтованную голову, чтоб не билась о доски передка. Позади потные лица немца и старшины. Евсюков все еще не может успокоиться от своей стычки на улице и остервенело ругается:

– Дурак набитый! Обормот! За расписку – пулю. За кучу вшивого тряпья. Вот гад! Остолоп! Лучше б уж разгильдяй, да с головой чтоб!..

В самом деле это ужасно: свой – своего! И за что? Хорошо еще, что попал в руку. Рана у старшины, кажется, не опасная, крови он теряет немного.

По балке везде бойцы. Бегут в одиночку и группами. Конных уже не видно. Далеко впереди скрываются за поворотом повозки. Некоторых пешеходов мы уже и обгоняем. Теперь мы – не самые последние. Появляется надежда – а вдруг вырвемся! Я прижимаюсь к Юрке. Шинелка на нем окровавлена, наверно, сдвинулась повязка. Он по-прежнему молчит, сжав зубы. Эх, Юрка! Держись, брат, крепись, перетерпи, молю я мысленно, сам едва удерживаясь за борта повозки. И в такой вот момент над нашими головами размашистый сверк молнии. Невольно мы пригибаемся – далеко впереди взлетает вверх столб снежной пыли. Это болванка.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Все, как по команде, мы оглядываемся. Так и есть – они уже вышли на окраину. На гать возле «ЗИСа» из-за крайних хат их выползает около десятка. Некоторые останавливаются, сверкают огненной вспышкой с дымом и опять направляются по балке вслед за бегущими.

Тр-рах! Трах! – рвет сзади и сбоку. Над нами в воздухе еще проносится снаряд. Его прерывистое фыркание укладывает нас в повозку. Впереди на склоне балки вырастает красивый клубчато-пушистый разрыв. Сзади в снежном просторе густо рассыпается пулеметная трескотня.

– Гони! – кричит Катя. – Гони ты, растяпа!

Ездовой приподнимается на передке и из-за плеча кнутом лупит коней. Те все в мыле и мчатся так, что, кажется, разнесут повозку. Мы нагоняем нескольких бойцов в расстегнутых шинелях, без ремней. Один, молодой, без шапки, с круглой, под нулевку остриженной головой, на ходу пробует вцепиться в подводу. Старшина гонит его:

– Куда? Куда прешь?! Тут раненые.

Парень с отчаянием в глазах сворачивает и какое-то время трусит рядом. Я жду нового взрыва. В самом деле, сколько так можно проехать на прицеле у танков? Хоть бы они не останавливались – с ходу все же труднее попасть. Но ведь нагонят. Черт побери – где же выход?

Да, скверно! «Гони, браток, гони!» – мысленно прошу я ездового. Впрочем, он и без того гонит изо всей силы. Только надолго ли? Впереди, кажется, поворот, вот бы успеть до него.

А пулеметная трескотня все ближе.

Тут уже много бойцов – молчаливые, раскрасневшиеся, со страхом в расширенных глазах. Ими никто не командует. Это тылы – обозники, кладовщики, ездовые, техники... Многим такая горячка, видно, в диковинку, к огню они не привыкли. Я знаю: единственное, что теперь правит их чувствами, – это власть страха. Средство к спасению у них теперь одно – ноги. Только средство это не самое надежное. Скорее, наоборот.

Старшина дико ругается:

– Стойте, растакую вашу неладную! Куда прете! Раздушат, расстреляют, как зайцев. Стойте! Остановитесь!

Люди оглядываются на крик, только никто не останавливается. Незнакомый человек в куртке для них не начальство. Тем временем над самой повозкой снова фыркает снаряд. В полусотне шагов впереди грохочет разрыв. Кони вскакивают дыбом и кидаются в сторону. Нас обдаёт снегом. Повозка едва не переворачивается. Кажется, она вот-вот опрокинется на косогоре. Каким-то чудом мы минуем занесенную снегом рытвину.

И вдруг совсем рядом на склоне я вижу знакомую фигуру в полушубке и черной кубанке. Одна рука у него под полый: наверное, ранена. Пустой рукав болтается на ветру. Это Сахно. Капитан оглядывается, на его чернявом потном лице растерянность. Ко лбу прилипла черная прядь волос, рот широко раскрыт от усталости.

– Эй, ребята! Постой!

– Придержи! – бросает ездовому Катя.

Кони замедляют бег. Капитан обессиленно подбегает к повозке, хватается рукой за борт и, придерживая на голове кубанку, неловко вваливается в повозку. У меня все омрачается внутри: зачем он тут?

Ездовой гонит коней. Повозку сильно подбрасывает на присыпанных снегом кочках. Где-то сзади рвутся подряд два снаряда. Старшина ругается:

– Что только делается, а? И где начальство? Проспали, проворонили весь

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Кировоград!

Сахно на повозке медленно приходит в себя, то и дело начинает оглядываться. Но молчит.

Старшина злится все больше:

– Разведка, хрен ей в глаза! Шнапсу, конечно, надулась! На радостях! Еще бы: ударили, прорвались, пошли без оглядки! Давай наградные писать. Ясное дело, лишь бы на передовой все по графику. А тут что делается – наплевать!

Сахно вдруг круто оглядывается. Впервые в его ястребиных глазах вспыхивает строгость. Недобрым, злым взглядом он окидывает старшину, но тот сознательно этого не замечает. Кажется, старшина может сказать и больше, и не только такому начальнику, как этот капитан. Он производит впечатление человека, сильного во всех отношениях.

Тряска тем временем становится невыносимой. Кажется, разнесет повозку. Обожженный под полушубком кричит:

– Сестра! Не могу я! Стойте! Остановите коней!.. Я не могу...

С передка в злой несдержанности оборачивается Катя:

– Замолчи! Замолчи сейчас же! Что ты кричишь! Не можешь – слезай к черту!

– Болит! Болит же, у-у-у-у-у...

– Терпи!

Мы взлетаем на бугорок. За ним спуск, там нас уже не достать. Ну еще минутку, полминутки... От напряжения я впиваюсь зубами в губу, будто так легче. Еще немножко... И тут...

Тр-р-рах! И-у-у-у-у-у...

Что это?.. Откуда?.. – ошеломляет меня недоумение. Повозка взлетает передком вверх, перекашивается. Какая-то сила подхватывает меня в воздух и больно швыряет головой в снег. Рядом, возле плеча, пропахав в снегу борозду, вдруг останавливается расколотый угол повозки.

Я тут же подхватываюсь и на руках и коленях отскакиваю в сторону. Повозка опрокинута набок. Кто-то отчаянно матерится. Катя поднимает со снега летчика. Один конь, упав на передние ноги, бьется головой о снег. Второй дергает повозку. Его хватает за уздечку старшина.

Но я, кажется, цел и, вскочив, бросаюсь к обернутой набок повозке. Юрка чудом держится в перекошенном кузове. Меня опережает немец. Плечом он сильно поддает снизу и ставит повозку на колеса. Впереди крик Сахно:

– Режь постромки! Постромки!

Старшина хватается за постромки, а Сахно заваливается в повозку. Немец уже суетится возле Кати. Вдвоем они через борт втаскивают в кузов летчика. На снегу сбоку лежат ездовой. Голова у него... Впрочем, головы нет. Лучше туда не глядеть.

Старшина чем-то перерезает пару толстых постромок и хлещет коня. Последнего нашего коня, который обессиленно дергает повозку. Второй остается сзади и гребет ногами по снегу. Ему уже не подняться.

– Быстрее! Быстрее!

Я не знаю, это кричит кто-нибудь или, может, это вопль моей души. Я только каждой частицей тела чувствую, что надо торопиться. Вот-вот снова ударят танки, они уже настигают нас. Над балкой гул и лязг. Гремят выстрелы, танковые пулеметы захлебываются в огневой ярости. Кругом крик и ругань. К повозке подбегает какой-то сержант в гимнастерке, без шинели. Его грудь с орденом Славы густо

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru залита кровью. Он удушливо хрипит и молча переваливается в кузов. Я едва успеваю отодвинуть Юрку.

Наконец мы за пригорком. Тут уже нас не достанут. Впереди в балке, в полукилометре отсюда, село. Заснеженные мазанки, плетни, утренние дымки из труб и – дорога. Бегущих тут уже больше. Наверно полагая, что в селе спасение, они мчатся туда изо всех сил. Но я замечаю, что в селе пусто. Организованной обороны тут нет. Тут вообще уже никого не осталось. Видно, поддавшись панике, драпанули и здешние подразделения. А дорога вот она – отличное шоссе, ведущее на Кировоград. Займут, перережут – быть тогда и еще большей беде.

Все время боком, рискуя перевернуться, повозка катится по снегу. К нам бегут люди. Кто-то еще заваливается в кузов, несколько раненых цепляются за борта. Пожилой боец в разорванной шинели, устало трусая рядом, глухо и молча плачет без слез. Его щетиный подбородок судорожно дергается сверху вниз. Старшина не переставая лупит коня. Мы минуем группу, несколько одиночек и еще, видно, человек десять. И тогда Сахно решительно соскакивает на снег.

– А ну, стой! Стой! – кричит он на бойцов и выхватывает из кобуры пистолет. – Назад! Пристрелю всех как изменников! Назад!

Бросив вожжи Кате, соскакивает с подводы и старшина. Он также начинает кричать «Стой!» и кого-то догоняет. В шею толкает его к капитану. Сахно направляется в другую сторону. Вдали по склону пригорка бегут несколько человек, и он, не целясь, стреляет туда из пистолета. Беглецы сначала останавливаются, потом, разбредясь, идут вниз. Около старшины набирается десятка полтора случайных людей.

– На бугор! Марш на бугор! – кричит Сахно и выбрасывает в поле руку.

От группы отделяется старшина:

– Братва, а ну бегом! У кого гранаты – ко мне! Покажем им кузькину мать!

Усталые, они не очень решительно бегут назад на пригорок. Сахно еще кого-то останавливает и гонит за всеми. Кого-то бьет рукояткой по шее. Что ж, может, так и надо. Надеяться теперь не на кого, никто тут нас не защитит. Разве что сами себя.

В какой-то неопределенной решимости я также соскакиваю с повозки. Соскакиваю и приседаю на одну ногу (поспешил все же!). Ну, черт с ним! Погибать, так на поле боя. На мое место сразу кто-то влезает.

Я ковыляю в степь. Сзади, отдаляясь, стучит повозка, только я не оглядываюсь. Я знаю – нам уже больше не встретиться.

Уже немало пройдя по свежим следам, я бросаю короткий взгляд назад. Вблизи никого. Далеко внизу повозка въезжает в село. Но где же Сахно?

Капитана нигде не видно. Впереди его нет, а сзади... А сзади на повозке чернеет знакомая кубанка.

Между тем небольшая группа со старшиной во главе быстро разворачивается в цепь. Давясь обидой, я достаю из-за спины карабин и выхожу на пригорок.

Глава девятнадцатая

Однако довольно.

Нам приносят ужин и обед – на сегодня все сразу. Немолодая полнолицая официантка в наkolке ставит две тарелки с бифштексом и по селедке с луком. Наблюдая за быстрыми движениями ее ловких рук, я думаю, что так можно сойти с ума. Вспоминать все это не намного легче, чем когда-то было переживать. Все муки повторяются почти с прежней силой. Впрочем, оно и понятно: слишком много душевных и физических сил все это мне стоило.

Мой сосед оживляется. Откладывает газету и, довольный, придвигается к столу. Перво-наперво берет пузатый графинчик и наливает две рюмки.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ну что ж! Глотнем. Кстати, я не знаю, как вас величать, – говорит он, задерживая поднятую рюмку.

Я рассеянно беру свою.

– Василевич.

– Василевич? Белорусская фамилия. А я Горбатюк. Павел Иванович.

Исподлобья я вглядываюсь в его лицо. Нет, черт возьми, для Сахно он ведет себя чересчур уверенно. Пожалуй, там, в гостинице, мне померещилось все это, и я едва не наделал глупостей. Он бросает на меня короткий, почти приятельский взгляд:

– Ну, будем здоровы!

И со сдержанным наслаждением выпивает. Хакнув, берется за вилку. Я сижу со своей рюмкой в руке. Чтоб выпить за здоровье, надо его иметь, иначе это пустой и формальный тост. У меня есть другой. Я буду пить не «за». Я выпью «против». Против того, что меня привело сюда. Чтобы больше оно мне не мерещилось.

Мы принимаемся за еду. Я перетерпел и без особой охоты выбираю с тарелки лук. Внимание мое переключается на соседей, что за спиной Горбатюка (если только он Горбатюк). За двумя сдвинутыми столами четверо парней и три девушки пьют шампанское. Одна, что сидит напротив в конце стола, – маленькая, вся в черном, милостивая брюнетка, – кажется, само оживление. Там она центр внимания. Глаза ее так и горят восторгом. К ней обращены обожающие взгляды парней. Да и блондинок тоже.

– Вы воевали? – ни с того ни с сего прямо в лоб спрашиваю я Горбатюка.

Тот с достоинством выпрямляется на стуле:

– А как же. Всю войну. На Западном, а потом на Втором Белорусском.

– А на Втором Украинском не были?

– Украинском? Нет, не был. На Украине, к сожалению, не пришлось. Больше в Белоруссии. В Польше. Берлин брал. Вот где была баталия!

Он энергично и с аппетитом работает сильными квадратными челюстями. И снова то же спокойствие с нотками горделивости в тоне – брал Берлин! Нет, пожалуй, я круглый дурак. Идиот! Едва не устроил скандал. И все потому, что двадцать лет держу в памяти каждую мелочь из моего не столь уж богатого военного прошлого. Не лучше ли махнуть на все и забыть? Как это сделали многие другие.

Если бы только это было возможно!..

Горбатюк тем временем отодвигает пустую тарелку и снова поднимает графинчик.

– Ну так что? По второй? За Победу.

Припомнил! После своего дорогого здоровья он пьет за Победу. Ничего себе ветеран! На этот раз он протягивает руку, и мы чокаемся. Горбатюк сразу опрокидывает рюмку. Я нерешительно держу свою двумя пальцами. За соседним столом, лукаво улыбаясь глазами, пригубливает бокал чернушка. Ее компания за столом взрывается хохотом.

– Эрна, восхитительно!

– Два ноль в пользу Эрны!

– Любушка, твою лапушку!

Плечистый блондин в серой, с карманами на груди рубашке склоняется над ее рукой. Горбатюк оглядывается и со значением кивает головой.

– Тунеядцы белорусские?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Я не отвечаю. Посуда на столе сверкает россыпью ресторанных огней. Рядом возле своего столика в простенке хлопчет официантка. В зале – приглушенный гул. Хорошо еще, что вокзальные рестораны обходятся пока без оркестра. Иначе раскололась бы голова.

Тем временем Горбатюк берет за нож и вилку.

– Вы офицер? – спрашиваю я.

– Гвардии майор запаса.

Отрезав кусок бифштекса, он посылает его в рот. Майор? Может быть. Конечно, после капитана следует майор. Если действительно не Сахно, то, видно, какой-нибудь командир батальона. А может, политработник? Или помпотех. Если, скажем, служил в танковых войсках. Если танкист – я ему признаюсь во всем и попрошу извинения. Перед танкистом я снимаю шапку.

В графинчике колюче блестят, сходятся и разбегаются огоньки-искры. Потеют выпуклые стенки фужеров. Радужная подковка нежно лежит на белом полотне скатерти...

Глава двадцатая

Ну вон и танки. На суженных интервалах, выстроившись все в ряд, они ползут по широкой балке-лощине. Правда, ползут осторожно, видно, не стараясь давить бойцов гусеницами – они их уничтожают огнем. Глубинный, металлический гул, все усиливаясь, плывет над землей.

На фланг я уже не бегу. Пригнувшись, вхожу в цепь, где она несколько реже, и падаю в снег. Снег тут неглубокий и рыхлый, повсюду торчат серые стебли бурьяна. Справа от меня шевелится кто-то в полушубке. Возможно, какой-нибудь командир. Только он не командует. Теперь он, как и все, рядовой в цепи старшины Евсюкова. С другой стороны от меня торопливо устраивается на снегу длинноногий боец в короткой шинелке. Над заснеженной морозной степью сквозь дымку просвечивает невысокое зимнее солнце.

– Огонь! Какого черта лежать! Огонь!

Это в цепи встает на коленях старшина. Его темная десантная куртка резко выделяется на свежем снегу.

Да, конечно, нужен огонь. Иначе чем мы можем сдержать эти танки? Вот только что мы им сделаем нашим огнем? Если бы хоть парочку ПТР. Да чтоб гранаты...

Из цепи редко и недружно начинают бахать винтовки. Кто-то пускает длинную очередь из автомата. Танки, наверно, пока нас не видят. Я лежу в каком-то оцепенении, вобрав руки в мокрые рукава шинели. Мерзнут пальцы. До самого колена горит, ноет нога. В карабине всего пять патронов, и я выпущу их, когда танки подойдут ближе. Чтобы попасть хоть в какой-нибудь триплекс.

Танки приближаются с каждой минутой. В балке тяжелый моторный гул, приглушенный лязг гусениц. Беглецов перед ними уже не видно – живые все за пригорком. На широком пологом склоне, истоптанном сотней ног, несколько трупов, разбитая повозка, а чуть ближе – наш издохший конь. И вдруг кто-то там оживает и начинает ползти. Изнеможенно волочит по снегу, видно, перебитые ноги. Сразу же на лобовой броне переднего танка вспыхивает огненный сверк, и человек навсегда вытягивается на снегу.

– Огонь! Огонь, черт бы вас побрал!.. – кричит Евсюков.

Я кладу на ладонь карабин и прицеливаюсь. Приклад туго отдает в плечо, и мне жалко напрасно истраченного патрона. Скоро он мне ой как понадобится. Неторопливо начинаю целиться снова. И тут рядом рвется снаряд. Взгляд теряет цель, меня обдает тротильным смрадом и снегом. На взрыв я не оглядываюсь – я только чувствую: ну вот и увидели! Теперь держись! Теперь дадут жару.

Но что это? Сбоку на снегу через балку, будто стремительно натягиваясь и

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru обрываясь, нет-нет да и сверкнет красноватая нить. Раз, второй. И над танком на косогоре появляется дымок. Я кидаю взгляд на соседа в полушубке. Так и есть – это он бьет трассирующими. Только почему дым? Неужели поджег?

Тр-р-рах! Тр-р-рах!

Рвет с недолетом, перед цепью. На несколько секунд танки пропадают за снежно-земляной тучей разрывов. Я утыкаюсь лицом в землю. Вокруг шаркают комья, и, когда ветер сгоняет с воронок дым, впереди открывается чудо: один танк горит.

Просто не верится, но так. Танкисты из него уже повыскакивали. В борту и в башне раскрыты люки, корма его вся в огне. Два ближних к нему танка останавливаются. Бугор отзывается трескучей огневой яростью.

– По бочкам огонь! По бочкам! – сквозь гул и грохот прорывается издалека крик Евсюкова.

И только тут я понимаю: на танках – бочки с горючим. Потому и такая удача.

Я торопливо прицеливаюсь в ближний к нам танк, который медленно поворачивает свою широкую грудь в сторону нашего пригорка. Кажется, у него на борту что-то торчит. Бочки или что-то другое – отсюда не рассмотришь. И я быстро стреляю сбоку, пока это «что-то» еще не закрыла башня. Только знака от моего выстрела никакого – ни огня, ни дыма. А рядом посверкивают трассирующие соседа.

Задний уже горит густым пламенем. Красные космы огня шугают на ветру, и черный хвост дыма размашисто стелется над степью. Остальные его оставили, обошли и торопливо разворачиваются на нас. Воздух над цепью туго пронизывают их густые малоприцельные очереди.

«Нет, это вам не в балке! Это вам не в балке!» – кричит во мне злой мстительный голое. Недавнее уныние исчезает. Я уже готов драться. Я даже хочу, чтобы они скорее подошли ближе. Странное, непонятное желание! Но все равно хочу. Меня распирает азарт боя и жажда отмщения. И, видно, только потому, что горит их подожженный пулей танк. Остальные одиннадцать двигаются ближе. Вскоре нам будет туго.

Но пусть!

Цепь отвечает нестройным залпом, беспорядочно грохочет выстрелами. Торопливо бьет трассирующими сосед. Я присматриваюсь к его винтовке – кажется, она трофейная, как и мой карабин. И сразу же возникает решение. Я подхватываюсь со своего места и бросаюсь в снег. Сзади близко рвется снаряд. Земля подо мной упруго вздрагивает, осколки с визгом распарывают небо. Я подползаю к человеку в полушубке.

– Как бы патрончиков? Хоть обоймочку, а?

Человек, не реагируя на мое появление, сосредоточенно целится и стреляет. Потом судорожно хватается за рукоятку затвора. Он уже немолодой, с седыми висками. Под белым воротником полушубка виден красный кант кителя – значит, командир.

– Нет патронов! Нет патронов! – хрипит он прокуренным шепелявым голосом, который мне кажется знакомым. Да это же тот капитан, который ночью в селе разгружал «студебеккеры». Вот тебе и ДОП! Не слушал тогда, а теперь приперло. Из его оттопыренного кармана торчат цветные головки патронов. Но вот не дает.

– Хоть одну обойму! – раздраженно прошу я.

Капитан отрывается от карабина:

– Катись отсюда! И не демаскируй!

Он коротко поглядывает на меня, и я впервые вижу его растерянное лицо, бегающие глаза, раскрытый рот – он явно боится. Но как же он тогда подбил танк? Боясь? Наперекор страху? Впрочем, и я, пожалуй, такой же, только не вижу себя! Все мы тут не в лучшем виде, и ничего удивительного. Выругавшись с досады, я по снегу бросаюсь от него на свое место. Но не проползаю и половины пути, как сзади в

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru неистовом грохоте разверзается земля, меня совершенно оглушает. Одновременно что-то сильно бьет по бедру и по шее. И все же я смутно чувствую: это не осколок, это – комья. Крутнувшись на снегу, сразу же оглядываюсь – вдогонку шугает тугой клуб дыма. Секунд пять капитана не видно, затем в дымном месиве на земле начинает обозначаться воронка. Одна пустая, свежая, пыльная воронка, и больше ничего и никого. Я круто поворачиваюсь и, разгребая руками снег, почти обрадовано бросаюсь к ней. Теперь там укрытие, а возможно, и спасение: второй раз в одно место снаряды не падают.

Мягкая и теплая воронка скрывает меня от огня. Правда, здесь сильно воняет тротилом и неглубоко, не больше чем на одного человека. Но пулям тут меня не достать. Капитана нигде нет. Даже странно! Только под боком что-то твердое, я шарю рукой и вытаскиваю закоптелый приклад карабина с обрывком ремня. И все. Выбрасываю обломок в снег и невдалеке вижу нечто бессмысленное. Это помятый, вывернутый шерстью наружу полушубок с обрывками ремня и портупей. И возле него еще что-то сизо-парное, залитое кровью. Кровь и рядом, на перемешанном с землей снегу. Эх, капитан, капитан!.. Но мысль о патронах придает мне неожиданной прыти. Оглянувшись, я выскакиваю из воронки и ползу к окровавленным останкам человека, от которых на морозе клубится легкий парок. Подавив брезгливость, лихорадочно разгребая ключья одежды. В дырявом кармане нахожу две обоймы бронебойно-зажигательных патронов. Одна, правда, уже начата, но Бог с ней. Рядом, в рукаве полушубка, коченеет на снегу полуоторванная капитанова рука. Воскового цвета пальцы медленно растопыриваются и замирают. Я хватаю патроны и бросаюсь в воронку.

Ну, гады, теперь идите! Теперь мы продырявим ваши бочки! – думаю я, запихивая в магазин патроны. Тем более что танки уже гораздо ближе. Теперь можно выбирать, куда целиться.

Только почему-то они не идут. Они становятся в ряд, метрах в четырехстах от цепи, и направляют на бугор пушки. Я удобнее устраиваюсь на краю воронки и не успеваю еще сообразить, как быть дальше, как бугор во всю глубину сотрясается от нескольких взрывов. Высоко над головой фыркают осколки. По ветру несет сернистой гарью тротила. Я прижимаюсь к мягкому, утыканному осколками боку воронки, втягиваю в плечи голову. Танки начинают беглый огонь из орудий.

Тр-рах! Тр-р-р-рах! Трах-рах!

Ого, сволочи, вот это дают! Бугор заволакивает пылью, в воздухе сумеречный туман от разрывов. Снежный покров быстро темнеет от множества оспин-воронки. Я вижу, как на том фланге кто-то перебегает. Но не поймешь, куда – назад или в воронку. Теперь тем, кто на поверхности, – гибель.

Выждав минуту, я начинаю стрелять. Правда, пользы от этого никакой. Впереди только сверкнет короткая молния – и все. Куда попадают пули, и не поймешь. На танках если и есть бочки, то они уже все прикрыты башнями. Теперь их не возьмешь – это не с борта. Бить же по броне – мало толку.

И тут совсем рядом – разрыв. Меня снова оглушает, будто ватой затыкает уши. Сверху сыплется пыль. Ну и ну! Полой шинели я прикрываю карабин и сжимаюсь в воронке. Рвет еще и еще. При каждом разрыве тело невольно и до боли сжимается. Нутро мое то и дело содрогается, кажется, вбирая в себя болезненные толчки земли. Но надо поглядеть, где танки. Оказывается, они не спешат. После первого дружного напора их стрельба становится реже. Разрывы тоже редуют. Теперь они бьют прицельным огнем. Сволочи! Что делают! Выстрел – разрыв, и одного бойца в нашей цепи нет. Потом разрыв на месте другого. Вот это тактика! Такой я еще не видел. Они выбивают нас по одному. На местах бойцов в цепи – ряд черных воронок. Так нас ненадолго и хватит.

Хоть бы повезло попасть в триплекс! Ослепить какой-нибудь танк! Я снова прикладываюсь и торопливо стреляю в колпак перископа, что едва угадывается на плоской верхушке башни. Только не попадешь – далеко. Хватаюсь за рукоятку, чтобы перезарядить, как вдруг по лицу размашисто хлещет что-то, залепляет глаза, рот... Утеревшись рукавом, вижу – в двух шагах впереди торчит из снега снаряд. Рванет! Я сжимаюсь в воронке, обхватив голову, но тут же догадываюсь: не рванет, это болванка. Они уже бьют по нас и болванками!

Выругавшись, осторожно высовываюсь из воронки. Нетрудно догадаться, какой из

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru танков выпустил по мне болванку. Он вон, неподалеку от того, что догорает сзади. Отсюда хорошо виден черный зрачок его пушки. Он смотрит в меня. Значит, выстрелит еще. Хотя бы не осколочным! Я прицеливаюсь в этот зрачок, думается: а вдруг попаду в кого-нибудь через пушку. Может же так случиться, когда перезаряжают орудие и открыт затвор. Конечно, это маловероятно, но чем черт не шутит. Старательно целюсь, теперь я не имею права промахнуться. Однако еще не успеваю нажать на спуск, как сзади, тяжело дыша, кто-то вваливается в воронку. Выстрел получается преждевременный, и я чувствую – не попал.

Я поджимаю ногу и оглядываюсь. В воронке молодой боец. Он с испачканным землей лицом и в каске, которая сползла ему на глаза. Один рукав его шинели порван и залит кровью. Я думаю, парень попросит перевязать.

– Фу, добежал! – запыхавшись, говорит он, взглянув на мои погоны. – Мне бы вот связать чем.

Из-за пазухи на полу шинели он выкладывает несколько гранат. Это «лимонки». Я гляжу на них и не понимаю, зачем их связывать? Обычно связывают РГД, когда бросают под танки, а «лимонки»?.. Всего три, да и те неизвестно, как скрепить вместе.

– Я бы сам, да вот!.. – шевелит он окровавленной левой рукой. – Одной не управлюсь.

– А кинешь? – недоверчиво спрашиваю я.

Парень поднимает на меня свои озабоченные глаза:

– Кину. Правая же вот! Пусть подойдут.

Действительно, может, стоит попробовать. Только чем их связать?

– А если обмоткой? – подсказывает парень.

– Давай.

Мы быстро раскручиваем на его ноге зеленую заскорюзлую обмотку. Отложив карабин, я связываю ею все три гранаты. Гранаты черные с зелеными взрывателями. Па планке одной из них выцарапано чем-то острым: «М. Коваль».

Рядом снова грохот, на голову сыплется снег. Я торопливо поглядываю на цепь – видно, скоро тут уже никого и не останется. Вот тогда они, ясное дело, и пойдут. А так зачем рисковать?

– А вы, наверно, снайпер? – говорит парень и кивает головой на танки. – Ловко его! Бронебойно-зажигательной, да?

– Это не я.

– Да ну? Я же видел, – возражает Коваль, устраиваясь рядом на боку воронки.

Он молод и самонадеянно упрям в своем мнении. Меня это начинает раздражать.

– Ничего ты не видел, – говорю я. – Шпарь-ка лучше в тыл. Ранен – нечего тут отираться.

Парень косит на меня недовольным взглядом:

– Нет. Я подорву хоть одного гада.

– Подорвешь! Вот сейчас как влепит – так сам сперва подорвешься!

Боец недоверчиво выглядывает из воронки. Кажется, он действительно намеревается своими «лимонками» подорвать танк.

А они все стреляют. Они на глазах выбивают нашу цепь. Бьют болванками и осколочными. Для каждого – персональный снаряд. Не слишком ли много чести! Должно быть, снарядов у них хватает. Наверно, это в отместку за тот догорающий

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru уже танк. Капитана давно нет, а танк, им подожженный, еще горит.

Трах!

Мы оба пригибаемся, стукнувшись в воронке головами. Разрыв окатывает спины волной земли и снега. Это, кажется, по нас. Но воронка спасает. Парень поднимает глаза. В них, однако, ни капельки страха, только настороженность и терпеливость упряма.

– Герой!

– Чего? – не понимает парень.

– Говорю, герой! – кричу я сквозь грохот разрывов.

– Конечно, злой! Потому, что безобразие!

Безобразие – это факт. Отбили половину Украины, прорвали фронт, окружили Кировоград. А тут вот заминка – гоняют, как зайцев по степи.

Мы стряхиваем с себя снег, землю, и я думаю, не слишком ли они израсходовались на нас? Два снаряда на одну цель! Хотя третий, наверно, уже будет последним. Идиотское все же дело – лежать и в совершенной беспомощности ждать смерти. Появляется желание, чтобы танки двинулись с места, пошли хоть назад, хоть вперед, лишь бы только прекратили огонь. Со временем я также начинаю поглядывать на серую обмотку, которой связаны три «лимонки».

И в такое вот время где-то вдаль над степью мелькает трассер. Нет, это не пуля. Красная огненная звездочка, сверкнув на башне крайнего танка, высоко взвивается в небо. Я сразу оглядываюсь на село – в вишеннике возле мазанки стоит танк. Откуда он взялся? А второй выползает со двора и останавливается за плетнем. И на улице – за хатами и вишенником – шевелятся серые, в облезшем зимнем камуфляже, танки. Они только что подошли. Это наши танки, их не очень густо, но все же это подмога. С ними нам уже легче. «Ага, не нравится!» – внутренне кричу я. Немецкий танк, по которому ударил снаряд, дергается на месте, дрыгает гусеницей и торопливо разворачивает башню. Еще одна молния широко сверкает над пригорком и балкой, но – мимо. Бронебойный бросает охапку снега в бок рябого танка, потом, отскочив, рикошетом бьет в снег еще раз и исчезает. Но тут проносятся новые трассеры. Село начинает яростную оружейную пальбу, и она теперь так нам по душе!

Из цепи уже кто-то бежит вниз, к хатам. Кто-то встает и падает. Мелькает среди закопченной, перемешанной со снегом земли и, видно, прячется в воронку. Отход? Кажется, да. Вскоре я вижу на снегу знакомую фигуру в куртке – это Евсюков. Он бежит меж воронок и рукой машет оставшимся: назад!

А немецкие танки на склоне балки один за другим дают задний ход. Разрывы на пригорке почти одновременно стихают. Весь свой огонь немцы переносят в село. Через наши головы с двух сторон вжигают трассеры. Фурк, фурк – едва не сшибают головы болванки. Но из балки танки не уходят – они перестраиваются и берут вправо, в сторону от села. И мы ничем не можем помешать им – там мы бессильны.

Что делать дальше? Может, теперь мы тут и не нужны? Действительно, надо убираться – гибель пока откладывается. Возможно, еще все обойдется? Я встаю в воронку и окликаю бойца. Он, однако, нахмутив светлые брови, почему-то не проявляет никакого проворства.

– А ну, перебежками!

Коваль сопит и замирает на дне:

– Не пойду.

– Что? Ты команду слышал?

– А что команда? Я ранен.

Он притворно несгибающейся левой рукой, правой прижимая к груди сверток с гранатами.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Чудак! – кричу я. – Что ты им теперь сделаешь?

Наши перебегают по склону вниз. Немецкие танки там уже их не видят. Грохочет в степи и на той стороне, в селе. Началась танковая дуэль, в которой пехоте уже нет дела.

– Гады! – ершится парень и вытягивается на моем належанном месте. – Они Москальчука убили.

Он вдруг всхлипывает и грязным кулаком размазывает по лицу слезы. Взгляд его понуро упирается в немецкие танки. А те куда-то ползут и ползут. Видно, обходят село.

Тогда парень всхлипывает сильнее и выскакивает из воронки.

– Стой! Ты куда?

Но он даже не оглядывается. Вскоре падает в воронку, потом вылезает из нее и бежит дальше. Как будто наперерез танкам.

Вот же дурень! Упрямства и ярости хоть отбавляй, а соображения ни на грош. Допустим, он их нагонит, но что он там сделает со своими тремя «лимонками»?

Скоро он пропадает где-то среди воронок, мне же надо в село. Как это ни странно, а кажется, еще доведется увидеть Юрку. Как он там, дружище?..

И я вылезая из воронки на разметанный и искромсанный взрывами снег.

Глава двадцать первая

Обессиленные и подавленные, мы бредем по неглубокому снегу в село.

Нас немного – человек двенадцать. Одного двое несут на шинели. Второй изнеможенно плетется, опершись на товарища. Все молчат. Многие с обнаженными головами. Кто-то прижимает к боку обвисшую, как плеть, руку. Я ковыляю последним. Карабин, который ничем не послужил мне в бою против танков, теперь с успехом заменяет костыль.

Узкой тропкой вдоль тына мы выходим на улицу и сразу натыкаемся на «виллис» и «додж». Машины аккуратно приставлены к самой завалинке хаты. Возле них несколько командиров. Впереди видна высокая смушковая папаха на маленьком вертлявом полковнике. Этот полковник злым окриком останавливает всю нашу группу:

– Кто командир?

Хлопцы по-одному подходят и останавливаются. Все хмуро молчат, полные еще не до конца пережитого страха. Даже не верится, что мы уцелели. А сколько погибло в воронках!.. Полковник нетерпеливо переступает валенками и зло щелкает себя прутиком по голенищу. Рядом молча стоят несколько командиров из его группы. Все мрачно смотрят на нас.

– Кто старший, я спрашиваю? – со скрытой угрозой выкрикивает полковник.

– Ну, я старший, – подходя к начальству, хриплым басом говорит Евсюков. По-прежнему он распахнут, из-под куртки видна нательная рубаха. Бинт на шее в крови.

– Кто вы такой? Ваше звание? – спрашивает полковник и сводит над переносицей брови.

– Старший артмастер старшина Евсюков, – мрачно рапортует старшина, приставив ногу к ноге.

Полковник в упор приближается к старшине. Тот внутренне весь напрягается и сверлит полковника упрямым неуступчивым взглядом.

– Почему ушли с высоты? Кто разрешил?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– А кто нам приказывал там быть?

Видно, как полковника передергивает от этой дерзости, и он деланным басом кричит:

– Что? Я вас спрашиваю: кто разрешил оставить высоту? Вы что – в трибунал захотели?

Евсюков, как-то не в лад с этой строгостью, тяжело вздыхает и расслабляется всей своей сильной фигурой.

– Эх, где вы раньше были, товарищ полковник?

Бритое лицо полковника краснеет от возмущения:

– Молчать! Вы с кем разговариваете?..

– Идите вы!.. – вдруг бросает старшина и, склонив голову и пошатнувшись, шагает на улицу.

Кто-то из командиров отступает в сторону, давая ему дорогу. Двое поднимают с земли раненого. Хлопцы медленно идут за своим командиром.

– Старшина! Приказываю вернуться! – кричит полковник, резко повернувшись назад.

Поравнявшись с ним, я тоже останавливаюсь. В душе у меня вдруг вспыхивает гневное чувство обиды:

– Он танки остановил. Если бы не он, немцы бы давно село заняли.

Полковник впивается в меня сокрушающим взглядом и минуту бессмысленно смотрит, будто не понимая, что я сказал.

– Вы кто такой?

– Младший лейтенант Василевич! – выпаливаю я, с вызовом уставясь в его злое лицо.

Я не боюсь. Что он мне сделает, раненому? Все, чего мы добились и что сумели, было совершено по нашей доброй воле. Не надеюсь уже остаться в живых, мы легли под самые танки. Действительно, где ты тогда был, товарищ полковник?

– Марш туда, младший лейтенант! Приказываю подразделению оборонять высоту!

– У меня нет подразделения.

– Как нет? Где ваше подразделение? Марш один, сам! Черт вас возьми! Я вас заставляю!..

– Я ранен! Вот, не видите? – кричу я в ответ. После пережитого этот тон и требовательность, этот наскок неизвестного полковника раздражает и злит до бешенства. Пусть бы шли и защищали – вон сколько их тут, свежих, здоровых, высоко образованных в военном деле! Зачем заставлять калек!

Полковник что-то кричит и замахивается на меня прутом. Но тут где-то рядом раздается взрыв, который, видно, впервые в жизни меня не пугает. Соломой и какой-то трухой бьет в наши лица, чем-то горелым густо посыпает возле машин снег. Полковник падает, и тогда я невольно спохватываюсь: не убит ли? Черт с ним, пусть бы уж жил. Все же командир. Но я напрасно пугаюсь. Вскоре полковник поднимается, выползает из-под машин его командиры, и чей-то встревоженный голос предостерегающе вскрикивает:

– Товарищ полковник, генерал!

С улицы к нам сворачивает еще один «виллис». Полковник торопливо отряхивает с бекешки снег, а я, уже безразличный к его тревоге, бреду себе, куда пошли наши. Меня уже никто и не останавливает: им не до меня. Вскорости слышу, как генерал

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru принимается отчитывать полковника:

– Что у вас тут делается? Почему дорога не перекрыта? Почему не выполнен приказ о выдвижении ИПТАПА? Разгильдяйство и головопатыство! Я отстраняю вас от командования...

Оказывается, он сам не выполнил приказ, потому так и накинулся на нас. Но мы не в силах заменить противотанковый полк. Мы не можем искупить его оплошность. Мы можем только погибнуть. Однако мы уже совершили что-то значительное, к чему не имеет касательства полковник, и это дает нам право не подчиниться несправедливому приказу. Не вполне осознанно еще, но я чувствую нашу правоту в этом конфликте.

Я вижу, как впереди какой-то боец с забинтованной рукой спрашивает о чем-то второго, встречного, и тот указывает ему вдоль улицы. Нетрудно догадаться, что они имеют в виду. Я иду за этим, перевязанным, стараясь не упустить его из виду. Тем более что уже темнеет: солнце скрылось и меж мазанок сгущаются сумерки. Просто странно, как быстро пролетел день, который там, на пригорке, казался таким бесконечным. Танки в другом конце села куда-то уходят. Теперь стрельба и скрежет болванок слышны за бугром в степи. Там же дым. То ли от того, подожженного капитаном, то ли на этот раз уже от нашего. Возможно и такое.

Прежние переживания отступают, и меня все больше охватывает беспокойство за Юрку. Жив ли он хоть? Неужели не выживет, погибнет теперь, когда чудом выбрались из самого ада? Теперь наши танки, видно, немцев сюда уже не пустят. Тем более когда появился генерал. Уж он наведет порядок. Так я полагаю, ковыляя по улице. Вернее, мне хочется, чтобы было так. Я совершенно выбился из сил, чувства мои одеревенели. Единственное желание владеет мной – прибиться где-либо к теплу и свалиться.

Боец, идущий впереди, сворачивает к домику с обведенными синей краской окнами. Похоже, это нежилой дом, может, сельсовет или немецкая управа, под жестью, с высоким крыльцом. С помощью костыля-карабина добираюсь туда и я. Скрипучая дверь неохотно открывается, пропуская меня вовнутрь.

Глава двадцать вторая

– Ну, может, и по третьей? Раз не повезло с гостиницей, так хоть выпьем, – раскрасневшись с лица и заметно поправившись, говорит Горбатюк. – А ты почему не ешь?

– Я ем.

– Что это за еда? Вспомни, как, бывало, на фронте ели. Котелок пшенки на двоих и – как вылизанный. Ординарцу и мыть не надо.

– Котелок давали на четверых. По крайней мере в пехоте.

– Ну, в пехоте я не был, – благодушно признается Горбатюк.

Перед нами еще что-то блестит в графине. Горбатюк наелся, полноватые его щеки сыто лоснятся, глаза щурятся в снисходительной доброте. Я также готов подобреть. В конце концов, черт с ним, с этим Сахно! Ошибся, так, может, и лучше. Зачем мне встречаться с ним?

Горбатюк откладывает нож и вилку и мнет в кулаке бумажную салфетку. Я облакачиваюсь на стол. Не терпится узнать о нем до конца. Чтоб уж без всяких сомнений.

– Скажите, вы не танкист?

– А как же! Танкист! – с горделивой радостью восклицает Горбатюк. – Три года в танковой армии. От Курска до Берлина. Все стежки-дорожки прошел. Что, может, тоже танкист?

– Нет, пехота, – отвечаю я.

Но мой ответ его не разочаровывает.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Пехота – царица полей. Основной род войск.

Взрыв веселого смеха за соседним столом заставляет его оглянуться. Возле чернушки, положив ей на плечо широкую руку, улыбается плечистый блондин.

– А тише нельзя? – строго спрашивает Горбатюк.

– Можно, – отвечает крайний за столом, круглолицый и светлобрый, в темном костюме парень. – Эрна, просят на полтона ниже.

– На полтона ниже! – с озорной властью приказывает Эрна соседу.

Тот, выждав, пока за столом уймется оживление, несколько тише, но все с тем же нарочитым пафосом продолжает:

– Ну скажите! Скажите, почему я ее люблю? Что в ней? Осанка? Грация? Красота? – наивно округляя глаза и жестикулируя широкими ладонями, спрашивает он. – Шпингалет! Кого она может родить, такая блоха? Разве что другую блоху! Это в биологическом, так сказать, плане. А в общественно-политическом?..

– Отставака! Хвост по политэкономии, – саморазоблачительно напоминает Эрна.

– Грубиянка! – подсказывает ближайшая к ней блондинка.

Остальные за столом кричат:

– Задира и насмешница!

– В стенгазете не зря продернули!

– Поспорила с ректором.

– Правильно! Все правильно! Спасибо за помощь. Сплошной пережиток прошлого. И частично будущего. А вот люблю. И все! Так объясните, почему? Вы! Философы! Моралисты! Комсорги! Почему, а?

Он притворно недоумевает. Ребята наперебой пробуют что-то объяснить. Одна Эрна лукаво улыбается. Она-то отлично понимает это его «почему».

– Ну так что? Взяли? – для приличия спрашивает Горбатюк и разливает остаток водки. – Как говорят, дай Бог не последнюю.

– Ну!

– А впрочем, куда спешить? Посидим до закрытия. – Он отставляет рюмку и закуривает. Жадно затягивается. Потом окидывает меня пристально-испытующим взглядом.

– Что-то невеселый, гляжу. Или характер такой?

– Характер.

– Откуда приехал?

– Да тут недалеко. Из-под Менска.

– Ага. Белорус, значит. А где работаешь?

– В клубе.

– Значит, по культурной линии?

Мне неприятен этот сухой допрос, и, чтобы прервать его, я, в свою очередь, спрашиваю:

– А вы по какой линии?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Я? Юрисконсульт. На полставке. Больше не выгодно – пенсию режут.

– Понятно. Пенсионер?

– Вроде этого. Пятьдесят два года. Но у меня выслуга. Всего двадцать восемь. С льготными, конечно.

Ничего себе, как говорят, протрубил человек! Двадцать восемь лет солдатской лямки – не шуточки. У меня три – и то переживаний на всю жизнь.

– Эх, жаль, пивка не заказали. Духотища такая!

Он поворачивается к залу и зовет официантку:

– Девушка! Девушка! На минутку.

Но «девушка» не слышит или не хочет слышать и идет себе меж столов на кухню. Тогда он встает.

– Ты посиди. Я закажу все же...

За столом я остаюсь один.

Глава двадцать третья

В хате совсем темно (или, может, так кажется) и очень людно. Так людно, что я не знаю, куда ступить от порога. И я стою, вглядываясь сквозь сумрак в неясные пятна лиц, бинтов, темные фигуры людей на скамейках и на полу. В нос бьет острый запах лекарств. Это обнадеживает – значит, медик тут есть, будет на кого положиться.

– Вот еще один защитничек! – с легким юморком отзывается кто-то у стены. – Ну как там: турнули немецких захватчиков?

Я вовсе не расположен к разговорам, тем более в таком вот тоне. Но легкая игривость в его голосе дает понять, что где-то тут женщина, и я всматриваюсь в полумрак – не Катя ли? От черной круглой голландки, возле которой копошатся бойцы, оборачивается кто-то в полушубке. Действительно, под шапкой знакомое лицо Кати.

– А, младшой! А тут дружок твой совсем нос повесил. Думали, крышка тебе.

Катя встает, и тогда я, уже несколько привыкнув к темноте, вижу на разостланной шинели Юрку. Он лежит на спине, без гимнастерки, по груди туго перевитый бинтами; и еле заметно пытается улыбнуться мне уголками губ.

На кого-то наступив, не обращая внимания на брань, я бросаюсь к другу и неловко опускаюсь возле него на пол.

– Юра! Юр!.. Ну как тебе? Легче? А, Юрка?

Я всматриваюсь в его серое, без единой кровинки лицо с острым, каким-то не Юркиным носом. Не дождавись ответа, чувствую: дела его плохи. Плохо Юрке, и еще как плохо!

– Так, ничего... Легче, – шепчет губами Юрка. В его запавших глазах на секунду вспыхивает радость, которая, однако, тут же и тускнеет.

Я все это вижу. Я понимаю и хочу его ободрить.

– Знаешь, отбились! Танки подошли. А то была бы хана всем. Теперь мы тебя, Юра, в госпиталь. В первую очередь, – говорю я, веря, что отправлю его. Теперь уж я этого добьюсь.

Но тут кто-то недоверчиво сопит рядом:

– Гляди, отправишь! На самолете разве?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Эта реплика меня настораживает. Я поворачиваю голову – у стены возле двери с винтовкой меж колен сидит и посасывает сигарку какой-то боец. И рядом (гляди ты: снова тут как тут) дремлет «мой» немец.

– Почему самолетом? – подозревая недоброе, спрашиваю я. – Машиной, подводой отправим. Видите, тяжелораненый?

– Гм!.. Мы-то видим. А вот ты?..

– А что? Чего я не вижу?

Я уже готов взорваться – не хватает выдержки, сдают нервы. Что тут еще произошло?

– Влопались, вот что. Промеж молотом и наковальней.

– Ну ты, там! – строго раздается из угла от стола знакомый голос. – Прекращай разговорчики!

Ну конечно же, тут и капитан Сахно. В темном углу. Его отсюда почти не видно, он же, наверное, видит всех. И что-то он чересчур уж начальственно покрикивает – наверно, тут старший по званию. Как от боли, сжавшись в недобром предчувствии, я поглядываю то в угол, то на бойца возле порога. Но тот, подмигнув мне одним глазом, тихо спрашивает:

– Понял?

Да, понял. Конечно, не хитрое дело снова попасть под удар, если в тылу черт знает что делается. Чего еще ждать, кроме как удара, окружения, разгрома? Но есть же и наши танки. Это не сорок первый год. Нет, паниковать все же рано. Еще посмотрим, кто попадет на наковальню.

– Ладно, хватит вешать носы, – говорит Катя, пробираясь от двери. Она несет котелок с горячей водой. Из-под крышки густо идет пар. – А ну, славяне, у кого полушубок лишний? – обращается девушка к раненым. – Тут тяжелого согреть надо.

– Бери мой, – слышится в темноте. – Все равно не надеть. Вот только рукав оторван.

Кто-то с забинтованным плечом подает ей полушубок. Катя заботливо укутывает им Юрку. Затем, проливая воду, поит его. Зубы Юрки тихо стучат по краю алюминиевого котелка. Напившись, он часто, тяжело дышит.

– Вот так... Теперь легче...

– Ну и хорошо, – говорит Катя. – Согрейся и усни. Сон лучше профессоров лечит.

– Ладно, спасибо... – шепчет Юрка, и его посиневшие веки устало смыкаются.

Катя поворачивается ко мне:

– А как нога, младшой? Ну-ка покажи. – Она решительно и бесцеремонно берет на колени мою беднягу ногу и ругается:

– И это называется повязка? Погляди, что тут у тебя делается!

Я и без того знаю, что там делается. Бинты мои раскисли от снега, сползли, размотались. Все там в крови, мокро. Болезненно-чуткая к твердым Катиным рукам, нога вдобавок ко всему, кажется, еще и обморожена. Пальцы вовсе онемели. Чтоб не растравлять себя ее видом, я, сжав зубы, отворачиваюсь. Напротив у стены сидит «мой» немец. Держится он тихо, несколько даже пугливо, с покорным выражением на лице. На его плечах все та же шинелка, на голове – козырчатая шапка. Обхватив руками колени, он будто бы дремлет. Его конвоир, заросший щетиной дядька, сидя возле порога, докуривает сигарку.

– Сороковочку оставь, браток, – просит кто-то из сумрака.

Боец еще раза два торопливо затягивается и, ступив между ранеными на полу,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru тянется к выставленной навстречу руке. Мои глаза уже начинают кое-что видеть в этой темноте. Среди бойцов я различаю на скамейке под окном вывезенного нами летчика. Он неподвижно лежит, словно неживой, под бинтами и только время от времени сдержанно стонет. Но стонут кругом. Тихих стонов, вздохов и охов тут полна хата.

– А ну назад! – сразу же раздаётся из-за стола команда Сахно. – Не забывайте, к кому приставлены!

Боец вяло оправдывается:

– Да не сбежит! я же вижу.

– Плохо видите!..

В это время рядом со мной начинает шевелиться кто-то в полушубке с поднятым воротником. Кажется, он до сих пор дремал, прислонившись к стене, и теперь голосом, осипшим от сна, говорит:

– Не беспокойтесь. Я присмотрю.

Затем прокашливается и, будто самый настоящий немец, скороговоркой обращается к пленному. Это меня удивляет: гляди-ка, знает немецкий! На фронте не часто случается, чтобы красноармеец так складно говорил по-немецки. Пленный тихо что-то бормочет, и сосед, заметив мое любопытство, объясняет:

– Он говорит, что сам сдался в плен и обратно перебежать на собирается.

– Прижали, так сдался. А вообще я не спрашиваю, что он там говорит! – сухо обрывает его Сахно. – И вы бы лучше помолчали, лейтенант.

Лейтенант безобидно умолкает, а мою ногу вдруг пронзает острая боль. Невольно я вздрагиваю, и Катя незлобиво прикрикивает:

– А ну тихо! Что брыкаешься, как девочка?

– Ого! Так рванула!

– Ладно, выдержишь. А голова как? Ничего?

– Голова ничего, – говорю я, лишь бы не трогать раны.

Катя начинает туго забинтовывать стопу, и я снова поглядываю на лейтенанта, который не спеша свертывает сигарку. Он вызывает у меня интерес. То, что он так складно заговорил по-немецки, его тон и еще что-то, едва заметное в интонации голоса, выдают в нем интеллигента, командира, наверно, призванного из запаса. Эти люди всегда вызывают во мне уважение, так как есть в них что-то интересное и значительное, чего часто недостает кадровым. И хотя мне неловко теперь навязываться со знакомством, все же я спрашиваю:

– Вы не из сто одиннадцатой?

Лейтенант слюнявит сигарку и не очень сноровисто обрывает ее концы. Видно, что с самокрутками имеет дело недавно.

– Нет. Я из управления армии. Из газеты.

– Из редакции?

– Ну да. А что вас удивляет?

– Да так, ничего, – отвечаю я, несколько даже смутившись от такого знакомства. Мне еще не приходилось встречать журналистов, тем более на фронте, и я уже не могу скрыть моего любопытства к этому человеку. А он, кажется, безразличен ко всему тут. Сосредоточенно прикуривает от спички и смачно затягивается. Щеки его, колючие от густой черной щетины, кажутся болезненно запавшими. Тонкое, почти изможденное лицо выглядит худым и некрасивым. Хотя по званию этот человек почти ровня нам, по возрасту он старше нас лет на пятнадцать. Во взгляде Юрки я также

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ловлю слабенький огонек любопытства. Понятно, конечно: я помню, как Юрка рассказывал когда-то о своем намерении стать после войны журналистом.

Но лейтенант молча курит, и разговор у нас не вяжется.

– Ну вот и все, – говорит Катя, наконец обрывая бинт. – Береги рану, а то столько грязи набилось.

Она поглядывает на Юрку, но глаза у того уже закрыты, и девушка тихо, только мне одному сообщает:

– Слаб он. Смотреть надо. Чтоб ненароком не...

Я вздыхаю. Кажется мне, Юркины веки тихонько вздрагивают в темноте. Наверно, он чувствует наше внимание к себе.

– Ничего, как-нибудь.

– Сестра! Мне вот перевязать надо! – зовет кто-то Катю.

– Сперва мне. Я уже давно жду.

– Сейчас, сейчас, родненькие. Не всем сразу.

Катя пробирается меж людей дальше, а Юрка, заметно напрягаясь, чтобы сдержать стон, спрашивает:

– Что, пехоты у немцев много?

– Знаешь, пехоты не было, Юра. Если б пехота, нам бы не удержаться. А так с дюжину танков. Два подожгли.

Юрка раскрывает глаза и неподвижным взглядом уставляется куда-то в невысокий сумеречный потолок.

– Знаешь, десант – это сила. Если придется участвовать, старайся как можно... ближе подъехать. Главное... не спешить соскакивать. Чем ближе к ним, тем... лучше. Я знаю...

– Ну конечно, – соглашаюсь я, хотя в танковом десанте еще не участвовал.

Но я вижу, как тяжело Юрке говорить, его запекшиеся губы едва шевелятся:

– Так... Дай воды... Жжет, холера...

Я приподнимаю его голову и наклоняю котелок. Юрка пьет маленькими частыми глотками.

– Плохо? Ты лежи. Молчи лучше.

Юрка страдальчески опускает веки и вздыхает:

– Теперь я не скоро. Кажись, долбануло как следует. Теперь поваляюсь. А когда будут машины?

– Машины? Будут, Юр... Ты потерпи немножко. Я слышал, там генерал обещал.

– Ну что ж... – терпеливо соглашается Юрка. – Что-то я хотел сказать?... Будешь воевать... раздобудь «эмга сорок два». Не смотри... что немецкие. Это пулеметы... классные. Научишь ребят... лучше станкачей будут. Патронов... в наступлении хватит. У меня четыре было. Подобрал...

Смысл его последних слов наводит меня на некоторые подозрения. Похоже, что он уже лишается надежды использовать свой опыт и хочет передать его мне.

– Хорошо, Юрка. Еще повоюем. И «дегтярями», и «эм-га». Не унывай, Юра.

– Та-ак! И еще – надо стрелять. В наступлении, а то... они нас изничтожат, а

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
мы... Слабый огонь у нас. Стрелковый. Понимаешь? Слабина...

Он умолкает, и я не отзываюсь. Сдается, он засыпает. Я только внимательно всматриваюсь в его похудевшее за этот день лицо, которое неподвижно сереет на помятом сукне шинели. Мысль-сомнение точит меня: выберемся ли мы отсюда? Я-то кое-как креплюсь, а вот Юрка... Эх, Юрка, Юрка!..

Я начинаю прислушиваться к сдержанным разговорам в хате, к звукам снаружи. Теперь в таком нашем положении все осложняется. Я думаю, что раненых пора бы уже отправить в тыл, если бы была дорога. Но коли об этом пока никто не заботится, то, видно, действительно ходу отсюда нет. Тогда надо ждать. Только чего дождемся?

За окном как-то сразу светлеет – это восходит луна. Край ее ярко врезается в стекло, подернутое слабым морозным узорцем. В хате становится виднее. Только в углах и под потолком еще сохраняется мрак.

Лейтенант у стены все же разговаривает с немцем. Я прислушиваюсь, и корреспондент, заметив это, сообщает:

– Он говорит, что вы его в плен взяли.

– Не взял. Только вел. Да не довел.

– Это почему?

– На танки наскочили. Было трое, один вот остался.

Лейтенант обращается к немцу с какой-то длинной фразой. Немец охотно и подробно отвечает. Из их разговора я понимаю только несколько слов: лерер, Бунцлау, ефрейтор. Лейтенант выслушивает и поворачивается ко мне:

– Его фамилия Энгель. Он сельский учитель из Силезии. А его камарад был нацист. Тот случайно попался в плен. Обычно такие не сдаются.

И они вполголоса переговариваются снова.

Я невольно затаиваю дыхание, надеясь услышать что-нибудь интересное. Правда, понимаю по-немецки не много, и мне трудно уловить смысл их быстрых, невыразительных фраз. Лейтенант при этом оживляется. Энгель отвечает коротко, нередко пожимая плечами.

Однако они упускают из вида Сахно, который не медля напоминает о себе.

– Лейтенант, подойдите сюда! – приказывает он из-за стола.

– Вы хотите мне что-то сообщить? – спрашивает лейтенант.

Но Сахно замолкает, и лейтенант, помедлив, неторопливо встает.

С минуту у стола происходит не очень приятное для обоих объяснение. И когда лейтенант возвращается на свое место, я догадываюсь по его виду, что разговора с немцем у него уже не будет. Лейтенант многозначительно вздыхает:

– Да, странная командировочка!.. Поехал за очерком о наступлении. Да вот так все обернулось, что сам на карандаш попал.

– А вы напишите и про это. Про все напишите.

Лейтенант двигает бровями:

– Про это не напишешь. Не тот материалчик.

Глава двадцать четвертая

В хате становится тихо...

Должно быть, я начинаю дремать, так как вдруг тревожно спохватываюсь, – кажется,
Страница 207

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru что-то говорит Юрка. Действительно, он беспокоенно мотает головой. Полушубок сбился с его груди, глаза закрыты. В тревоге я прикладываю ладонь к его лбу. Он сухой и пылает жаром. Юрка на мое прикосновение не реагирует.

В хате по-прежнему светло. Разговор, впрочем, утих, видно, раненные спят. Хоть вряд ли все спят – у порога шевелится конвоир. На неподвижном лице соседа-лейтенанта у стены напряженно раскрыты глаза, и в них знакомое мне беспокойство – чем все это обернется?

– Юр... Воды, а? На воды, Юра...

Юрка не отвечает, только мотает откинутой головой и лихорадочно дышит. В груди у него булькающий хрип, который слышится издали. На губах – отчаянно-тревожный шепот:

– Ну!.. Что ты? Мамочка!.. Не надо!.. Не надо... Ну что ты! Так!.. Иначе нельзя...

Я прислушиваюсь и понимаю: Юрка бредит. Это уже плохо, он без сознания.

– Почему ты не идешь?.. Оля!.. Оленька! Прости!.. Я все понимаю... Оленька!.. Мама!..

Конечно, это бред, но какое-то время я невольно стараюсь проникнуть в смысл бессвязных Юркиных слов. Только напрасно. Тогда я начинаю бояться, как бы с Юркой не случилось то самое худшее, что теперь так близко бродит возле него. И в это время отзвук новой беды доносится до нашей хаты.

Сначала кто-то будто спросонок, неуверенно замечает: «Гудят, а?» Занятый своей заботой, я не обращаю на то особенного внимания. Затем слух начинает различать знакомый высотный гул. Он быстро усиливается, и вот дощатый пол в хате вздрагивает от первых взрывов бомбежки. Правда, бомбят где-то далеко. Во всяком случае, не в этом селе. Но бомбят, слышно по всему, немцы. Кто-то, напустив в помещение холоду, выходит на улицу. За ним к двери пробирается второй. Сонное спокойствие в хате нарушается. По углам начинаются разговоры, кашель.

– Налетели коршуны проклятые. Теперь дадут прикурить.

– Хоть бы не сюда. Чтоб их черт!.. Страх не люблю бомбежек.

Кто их любит!..

И вдруг гул сверху прорывается близким обвальным грохотом. Где-то уже совсем близко (не на окраине ли села?) раскатисто громяхают несколько бомбовых взрывов. Наш дом вздрагивает всеми четырьмя стенами. В углу с лязгом падает на пол пустой котелок.

– Дождались! – выпаливает кто-то, и по резкому обиженному голосу я узнаю нашего знакомого летчика. – Дождались, черт бы их побрал! Где начальство?! – почти в отчаянии выкрикивает он.

Но начальства нет. Мы все тут одинаково рядовые – раненные. И только Катя, как и всегда в таких случаях, грубовато прикрикивает:

– А ну все вниз! Прочь со скамеек. Все на пол!

Раненные неохотно слезают со столов, скамеек и размещаются на полу.

Я поглядываю в угол – за столом уже никого нет. Сахно, очевидно, где-то укрылся. И только на середине хаты – слабо освещенная луной фигура Кати в накинутах на плечи полушубке.

– Ложись, ложись! И чтоб тихо. Никакой паники.

Вблизи за селом начинается громовой грохот бомбежки. Взрывы один сильнее другого сотрясают ночь. Земля каждый раз вздрагивает. С потолка на наши головы что-то сыплется. Мы, затаив дыхание, жмемся к полу, вслушиваемся и напряженно ждем, когда же наконец кончится это проклятое испытание. Кто-то зло и гадко ругается.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Кто-то тихо про себя стонет. На улице беготня и встревоженные редкие выкрики. А возле меня всем телом дрожит, бьется в горячке Юрка.

– Мам... Мамочка, стой! Не иди. Огонь... Куда он? Куда катится? Держите ж вы...

Над хатой тяжелый моторный вой. Кажется, с неба обрушивается что-то ужасающе огромное. Но оно проносится мимо, и ночь раскалывают два близких взрыва. Огненные вспышки в окнах на несколько секунд ослепляют нас. Кажется, разлетится вдребезги хата, и даже странно, когда через мгновение оказывается, что она стоит, как стояла. Только почему-то с запоздавшим скрипом открываются на крыльцо двери. Но это не от бомбы. Это в наше пристанище врывается какой-то боец.

– Эй, славяне! – запыхавшись, кричит он с порога. – На том конце немцы!

В хате на секунду все онемевает. Нас сковывает растерянность. Затем кто-то ругается:

– Погибать, что ли? В конце концов...

– Почему нас бросили? Где справедливость? Где забота о раненых?

– Тихо! Ти-хо! – прерывая шум, снова кричит Сахно. – Я запрещаю! Прекратить разговоры!

– Кто там запрещает? Ты вон запрети нас бросать! Где начальство? Давай начальство!

– Надо к начальству.

– Генерала сюда! – гудят встревоженные голоса.

Кто-то, хромя, быстро выходит из хаты. За ним к двери пробираются еще двое. На порог откуда-то из угла торопливо лезет сутулая фигура Сахно.

– Стой! Прекратить панику! Я приказываю!

Хата становится как разъяренный, растревоженный улей.

– При чем тут паника?

– Пошел ты...

– Нашлось пугало! Не таких видали!

– Ты начальство давай сюда!

– Давай транспорт! Нам тоже жить хочется.

Люди встают, кто может. Остальные лежат. Бомбежка, кажется, утихает. Гул удаляется. Видно, самолеты поворачивают назад. Зато усиливается пулеметная трескотня. Из раскрытой двери в хату ползут клубы холодного воздуха.

Негромко, по-мужски выругавшись, к выходу пробирается Катя.

– Нет, уж вчерашнего не будет! – говорит она. – Я скоро...

Девушка хочет выйти, но путь ей преграждает Сахно. Упершись ногой в косяк, он стоит в раскрытых дверях. В здоровой его руке пистолет.

– Назад!

– Ты что – очумел? А ну пусти! Я к начальству.

– Назад! – в каком-то остервенении кричит Сахно.

Катя вдруг с силой толкает его и, пригнувшись, шмыгает в дверь.

– Назад! Застрелю!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Он и в самом деле стреляет, неожиданно оглушая всех нас. У меня содрогается сердце: не сошел ли с ума этот законник? Рядом поднимается с пола лейтенант и взволнованно обращается к разъяренному капитану:

– Послушайте, что за спектакль? Надо же доложить начальству. Надо подумать о раненых. Что вы уперлись?

– Молчать! Я приказываю замолчать!

Широко расставив ноги, Сахно серой неподвижной глыбой стоит в дверях. Пистолет его направлен в хату. Из раскрытой двери вовсю валит морозная стужа.

– Ему лишь бы молчать! – зло бросает кто-то.

И в хате действительно умолкают. Кто знает, чего можно ждать от этого человека.

Сахно стоит так довольно долго, и мы все молчим. Только обожженный летчик сильнее, чем прежде, стонет под окном. Юрка стихает, но в груди у него что-то часто и мелко булькает. Я не могу сообразить, что делать с ним, если опять, как и утром, придется удирать из села. Не лучше ли уж сразу застрелить его и себя?.. Автоматные очереди за околицей то притихают, то снова густо рассыпаются в ночной тишине.

Но вот на улице слышится гомон. За окном – чьи-то торопливые шаги, там группа людей. Не за нами ли? Скрипит крыльцо, и луч фонарика упирается в фигуру Сахно.

– Тут кто?

– Тут раненые, – со злым недовольством отвечает Сахно. Однако с порога не сходит.

– А вы кто? Что вы тут делаете? – осветив пистолет в руке капитана, строго спрашивает командир.

– Я пресекаю панику! – все тем же тоном говорит Сахно.

– Панику?

– Так точно. Панику.

– Какую там панику! – рассудительно вставляет кто-то из темноты. – Нас в госпиталь надо. Тут тяжелораненые есть.

Неизвестный командир поворачивается к людям. Его сильный фонарик обегает сидящие и лежащие фигуры людей и останавливается. Повсюду – шинели, полушубки, бинты и ожидающие, настороженные лица.

– Я не уполномочен насчет эвакуации, – твердым голосом объявляет опоясанный ремнями человек. – Село обходят немцы. Полковник Гордеев приказал: всех в строй. Кто может – прошу за мной! Немедленно!

– Это другое дело, – после короткой паузы отзывается голос в углу.

– По-людски. А то пистолетом грозит...

– А ну выходи, кто может!

– Известно, выходи. А то всем крышка.

Из угла вскоре выбираются двое. Встает кто-то от порога. Вздыхнув, нелегко поднимается лейтенант из редакции. Я не знаю, как быть. Неловко отставать от других и не хочется бросать Юрку. Чувствую, что без меня он погибнет. И проклятая нога опять остро разболелась на ночь.

– Стой! – будто спохватившись, кричит Сахно. – Майор, остановите людей. Тут непроверенный элемент.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Майор, который уже хотел было уйти, останавливается и коротко сверкает на Сахно фонариком.

– Какой элемент?

– Антинастроенный элемент. Тут разговоры...

– Да бросьте вы, капитан! Какие разговоры...

Майор выключает фонарик и исчезает на крыльце. За ним выходят четверо бойцов. Сахно несколько секунд удивленно стоит у двери, потом бросается за ними вдогон.

– Майор, вы будете отвечать! Я доложу полковнику Косову! – доносится уже снаружи.

Кто-то в хате снова ругается.

Лейтенант у стены не спеша готовится выйти. Сначала он тщательно отворачивает уши своей шапки. Потом достает из кармана трехпалые рукавицы и натягивает их на руки. Все его движения неестественно замедлены. Я вижу все и понимаю, как не хочется ему идти туда, откуда неизвестно еще, суждено ли будет вернуться. У его ног покорно сидит, ожидая чего-то, немец. Я в растерянности – что делать?

Лейтенант бросает взгляд на меня, потом – на Юрку. И я думаю: если только он скажет «пойдем!» – я встану. Но он аккуратно заправляет рукавицы и коротко улыбается в полумраке:

– Ну, счастливо оставаться. Желаю как-нибудь выбраться отсюда.

– До свидания! – говорю я, растроганный. Не знаю почему, но в душе моей незаметно созрело неосознанное еще расположение к этому человеку. И теперь, когда он уходит туда, мне оставаться здесь более чем неловко. Наверно, чтобы смягчить эту неловкость, я предлагаю: – Возьмите мой карабин.

– Нет, спасибо. У меня пистолет, – трогает он кирзовую кобуру на ремне. – Впрочем, все равно. Там танки.

Затем, переступив через мою ногу, выходит в раскрытую дверь на залитый лунным светом двор. Я же остаюсь, мучительно раздумывая над невеселым смыслом его последних слов. В хате становится тоскливо и пусто.

Ясное дело, не первый раз – каждый день вот так навсегда уходят люди. Друзья, малознакомые и вовсе не знакомые. Уходят, чем-то задев душу и оставив в ней свой не всегда понятный нам след. Многие больше не возвращаются в нашу жизнь, и среди них – славные, так себе, а то и плохие. И нам невдомек порой, что все они известным образом формируют нас, нередко вопреки нашей воле лепят наши характеры, наши человеческие качества. Ушел вот и Сахно, и как-то сразу наступило облегчение – ну и человек! А с лейтенантом я не хотел бы никогда разлучаться. Хотя и вовсе не знаю его.

Юрка, что мне делать с тобой? Неужели нам не выбраться из этого водоворота, в который нас так неожиданно втянула война? Неужели я так и не уберегу тебя? И где же это наша спасительница Катя, что-то уж больно долго она задерживается. А может, оставила нас? Действительно, кто мы ей? Случайные спутники. Зачем ей погибать с нами?

В хате становится просторно и холодно. На полу лежат одни тяжелораненые. У порога на прежнем месте, кутаясь в шинель, сидит немец. Конвоира возле него уже нет. Исчез Сахно, видно, сбежал и конвоир. А немец не убегает. Съежился и чего-то ждет, забытый и покинутый бедолага пленный, до которого тут никому нет дела. Под окном в каком-то нервном пароксизме дрожит обожженный летчик. Я подтыкаю под Юрку края полушубка и на коленях подползаю к нему. Хоть, по правде говоря, этот крикун уже изрядно и надоел нам. Но и ему не сладко.

– Как вы? Может, помочь чем?

– Да. Ты должен помочь! – быстро и настойчиво просит летчик. – Друг! Не дай погибнуть. Меня командующий знает. Я к Герою представлен. Ты должен связаться с командующим. Ты понимаешь?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Как тут с ним свяжешься?

– Ты должен связаться. Или пусть выделяют танк. Пусть отвезут меня в танке. Я не должен погибнуть...

Нет, это не то. Это слишком банально. Он боится погибнуть! Будто остальным тут безразлично: жить или умереть. Как будто оттого, что он представлен к Герою, его жизнь возымела большую ценность. А Юрка представлен к «Отечественной». Так что же ему – погибать? Сочувствие к летчику вдруг сменяется во мне досадой. Дает же Бог таких вот людей!

– Друг, ты понимаешь? Иначе я погибну. Ты слышишь?

Да, я слышу. Но я возвращаюсь к Юрке, так как не хочу его утешать. У самого от тоскливого предчувствия замирает сердце. За околицей всю гремит бой – и танковые выстрелы, и автоматы. Я чувствую: будет плохо! Хотя бы вернулась Катя, с ней как-то спокойнее. Мы уже привыкли за эти сутки к ее грубоватой заботе о нас. Я удивляюсь: действительно, только одни сутки как я встретил ее, а кажется, знаю давно. Странно, она некрасивая, резкая, а в общем, такая прямая и надежная. Видимо, на войне это главное.

Я прислоняюсь спиной к стене возле Юрки. Вслушиваюсь в трескотню боя и начинаю ждать Катю. Вскоре кто-то взбегает на крыльцо, потом шарит рукой по двери. Я уже готов обрадоваться, но вместо Кати на пороге появляется Сахно.

– Так. Кто днем был на высоте? – сухо спрашивает он тоном командира, который получил незаслуженный нагоняй от начальства.

Люди в хате настороженно умеряют стон.

– Я спрашиваю: кто оборонял высоту?

– Какую высоту? – спрашивает кто-то с обвязанной, в шинах, рукой. – Ту, где танки?

– Да. Ту.

– Ну и я оборонял. А что?

– Фамилия? – настойчиво спрашивает Сахно.

– А зачем? Орден дадите, что ли? – совсем не в тон капитану шутит раненый. – Цвиркун, ну?

– Как?

– Ефрейтор Цвиркун.

– Младший лейтенант Василевич, записывайте! – приказывает мне Сахно.

Не хватало забот, думаю я. У самого рука подвязана, так он заставляет меня. И откуда его пригнало на наши головы? В оборону, гляди ты, не пошел, а снова что-то расследует. Кого-то уже подозревает и обвиняет. Тоже воет!

– Еще кто? – снова спрашивает и ждет ответа Сахно. Но больше, кажется, защитников того бугра тут нет. Все, недобро понурившись, молчат.

– А вы, Василевич, там не были? – вдруг поворачивается ко мне Сахно.

– Ну был. А что?

– Почему скрываете? Записывайте и себя.

– Я и так не забуду.

– Вы все помните, да? А где старшина Евсюков? – вдруг многозначительно спрашивает Сахно. – Вы же, кажется, вместе были?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Вместе. Да тут разошлись. В селе.

Все напряженно молчат, глядя на капитана. Он также молчит, о чем-то соображая. Становится тихо, и в этой тишине появляются новые звуки. Где-то по улице идут танки. Их грохот придвигается все ближе и ближе... Хоть бы свои, не немецкие! Но если и наши, то куда они идут?

– А что, капитан, случилось?

– Что случилось? – вѣдливо переспрашивает Сахно. – Не знаете, что случилось? Оборону бросили, вот что случилось!

Ну ясно, где-то неполадки, кто-то проворонил, и теперь ищут виноватого, стрелочника – Евсюкова. Но при чем тут Евсюков?

Заглушая грохотом недалекую беспорядочную стрельбу, мимо окон проносится один танк, затем второй. Кто-то в шапке с растопыренными ушами ползет к подоконнику и всматривается в светловатое, тронутое морозцем стекло. Первые танки, слышно, отдаляются. Но с другого конца села снова нарастает грохот.

– Вот тебе, кума, и Юрьев день! – громко говорит от окна боец. – Танки-то уходят.

– Как уходят?

– Куда уходят?

И вдруг с обмершим сердцем я также бросаюсь к окну. Действительно, наполняя село грохотом, несколько танков быстро катятся по улице. Их броня густо облеплена серыми тенями автоматчиков.

Сахно, вдруг забыв про нас, молча выскакивает во двор. Я подползаю к Юрке. Что же это делается? Я начинаю тормозить друга, думая, может, очнется, иначе как бы не угодить в новую западню. Раненые торопливо один за другим выползают из хаты. Кто со стоном, а кто и молча. Теперь бы только на улицу, на которой последняя возможность спастись.

– Ох, братцы! Добейте, братцы, – глухо стонет кто-то в углу. – Лейтенант, браток! Сделай одолжение...

На улице бегут люди, фыркают танки. У них свои заботы, свои боевые задачи, что им раненые? Летчик, ругаясь, встает на колени и слепо ползет к выходу. В это время в углу раздается выстрел, и глухой стон там обрывается. «Так лучше», – говорит кто-то, и больше на выстрел в хате уже не обращают внимания. Сам или его кто-нибудь? – не могу понять я. Снаружи подлетает под самые окна и, очевидно, останавливается танк. Грохот его сразу затихает. Кажется, следом останавливается еще один. Вот бы успеть, может, возьмут...

Кое-как надев на Юрку полушубок, я укутываю им друга, затем хватаю его, чтоб тащить в дверь. И тут в хату врывается разгоряченная Катя. Я едва не вскрикиваю от радости, сразу почувствовав: это за нами! И действительно, Катя громко выпаливает:

– А ну – на машины! Быстро! Кто сам не может – крикни!

«Поторопился!» – с сожалением мелькает в сознании о том несчастливце в углу, и я тут же забываю о нем. Я подхватываю Юрку под мышки, немец услужливо поднимает его за ноги. Катя нам уступает дорогу и сама бросается к летчику, который копошится у порога. Мы вытягиваем Юрку на двор и там натываемся на высокого и неуклюже толстого командира в комбинезоне и танковом шлеме. С шутилой легкостью он притоптывает валенками и хлопает рукавицами.

– Живее, орлы! Поторопитесь, всаднички! А то коники остынут. А ну, давай подсоблю.

И подхватывает за полушубок Юрку. К нему подсакивает второй в шлеме: «Товарищ подполковник, дайте я!» Они вдвоем принимают из моих рук Юрку. И я чувствую

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru щемящую благодарность к этому подполковнику. Какой молодец, остановил для раненых танки! Но, видно, это постаралась Катя? Они вдвоем с помощью немца взволакивают Юрку на броню танка, следом, неуклюже цепляясь за боковой трос, взбираюсь я. А подполковник легко соскакивает, чтобы помочь Кате.

– Давай этого туда, на тройку. Эй, герой, подсоби! – обращается он к немцу.

Тот сквозь шум малых оборотов мотора не слышит или не понимает. Стоит внизу возле танка, видимо не зная, можно ли ему сюда взлезть. И тут между танков откуда-то появляется Сахно.

– Товарищ подполковник, немца надо ликвидировать. Немедленно!

Подполковник, неся с Катей раненого, удивленно вскидывает голову. Сахно тем временем расстегивает кобуру. Он уже уверен, что подполковник не возразит. Его самонадеянность отзывается во мне бешенством. Не от жалости к немцу, а чтобы досадить Сахно, я кричу:

– Не слушайте! Товарищ подполковник... Это «язык». Его к генералу приказано доставить.

– Какому генералу? – недоуменно спрашивает подполковник и тут же машет рукой: – Пусть едет, черт с ним. Шлепнуть успеете.

«Ага, выкуси!» – злорадно думаю я и кричу немцу:

– Ком! Быстро!

Сахно, вижу, хочет возразить, но танкисты спешат. Башенный люк за моей спиной, лязгнув, закрывается. Оба танка, лихо заурчав, увеличивают число оборотов, и Сахно, сдвинув кобуру, бросается к нам на броню.

– Ты имей в виду: сбежит – под трибунал загремишь! – взобравшись, кричит он мне в самое ухо.

«Пошел ты к чертовой матери!» – с ненавистью думаю я.

Глава двадцать пятая

Убивая время, мы с ленивым наслаждением пьем пиво. Горбатюк разделся и сидит в светлой шелковой тенниске. Пиджак он повесил на спинку стула, ему душно. С моих плеч, кажется, спадает гора. Он – не Сахно. Совсем другой характер, другое отношение к людям. Да и вид окончательно не тот. Я все удивляюсь: какая нечистая сила ослепила меня тогда, не дала понять, что я ошибаюсь? Ведь это совсем другой человек.

Людей в ресторане становится меньше. Некоторые столики вовсе освободились, и официантки сметают скатерти. Наши молодые соседи все еще сидят, живо переговариваясь между собой. На столе у них три порожних бутылки с ободранной фольгой. Горбатюк ворочается, сопит, облакачивается на спинку стула и с блаженной сытостью осматривает зал. Насколько это можно понять за вечер, он немножко с гонорком, но вообще простой, добродушный дядька.

– Знаете, а я вас принял за другого, – искренне признаюсь я. – За одного сволочного человека. С фронта еще.

Горбатюк понимающе улыбается:

– За какого-нибудь предателя?

– Да нет, он не предатель.

– Трус?

– И не трус. Иногда он даже был смелым. И другим трусить не давал.

– Строгий, значит?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Строгий – не то слово. Скорее жестокий.

Горбатьк поворачивается к столу:

- Ну, на войне жестокость – не грех.
- Возможно. Но не настолько, чтобы добивать раненых?
- При отступлении?
- В окружении.
- Как сказать. А если бы они в плен попали? На этот счет, дорогой мой, был приказ Сталина. Ничего не попишешь. Тут уж он выполнял приказ.

Как-то мы теряем взаимопонимание. Похоже, он со мной не согласен. Но это недоразумение. Как бы ему лучше объяснить, что тут не просто выполнение приказа. Тут другое. А Горбатьк тем временем снисходительно ухмыляется: в нашем маленьком споре он чувствует свое превосходство. С этой ухмылкой он доликает в фужеры пива – сначала в мой, а потом в свой – и придвигается ко мне поближе.

– Я тебе скажу по собственному опыту. На войне там был порядок, где солдаты боялись командира больше, чем немца, – многозначительно сообщает он и ребром ладони бьет по столу. – У такого командира все: и задача выполнена, и грудь в орденах.

- А люди?
- Что люди?
- А люди – в могилах?

Горбатьк недоуменно моргает глазами и ерзает на стуле. Видно по всему, мой вопрос застаёт его врасплох. Где у такого командира люди – он о том не подумал.

– Ну, знаешь... На войне с этим не считаются.

Ну и ну! Что-то я вовсе перестаю его понимать. Этот танкист начинает меня удивлять. Я давно уже не слышал подобных высказываний. Просто нелепо слышать такое от фронтовика в наше время.

Горбатьк между тем залпом выпивает пиво и снова наклоняется ко мне:

– Слушай сюда! Вот ты говоришь: люди, люди. Помню такой случай. Под Витебском судили одного. Молодой такой Ванька-взводный. Скороиспеченный лейтенантик. Вел батарею. Отступали. Впереди речушка. Надо найти брод. Ему бы, дурню, послать кого-нибудь. А он пожалел: тот ранен, тот болен, тот стар, а тот плавать не умеет. Ну и пошел сам с ординарцем. Брод нашел, перебрался на другую сторону. А там немцы. Ну и сцапали. Раненого. А у него карта. И маршрут. В батарее же ни одного командира. Так и накрылась батарея. Лейтенант, правда, вырвался из плена, через неделю приходит. Тут, конечно, и погорел. А как же? Пожалел людей.

– Просто он дурак, этот лейтенант.

– Вот именно – дурак, – добродушно соглашается Горбатьк. – Или вот другой пример. Судили командира танка. Выскочил с экипажем раньше, чем подбили машину. Ударил болванка, ну он и скомандовал: покинуть машину! На суде говорит: экипаж пожалел. Видишь ли, был уверен, что вторым выстрелом его подожгут. «Тигр» стрелял. Поджег действительно. А лейтенант прямо из танка в штрафную загремел.

Горбатьк сладко затягивается сигаретой. Неожиданная догадка заставляет меня вздрогнуть.

– А вы не прокурором были?

Он почему-то оглядывается и прищуривает в дыму один глаз.

– Председателем трибунала.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Мне кажется, я недослышал.

– Чего?

– Военного трибунала, – тихо, но выразительно повторяет Горбатюк.

Я не знаю, что сказать дальше, и медленно перевожу взгляд на стол. Теперь все понятно. Теперь мне его рассуждения знакомы, как дважды два. Как это ни удивительно, но за двадцать лет они не изменились. Менялись люди, происходили революции, человечество прорвалось в космос, освободило внутриатомную энергию. А те установки, вдолбленные в сознание их исполнителей, видно, стали их убеждениями. Конечно, сейчас они не распинаются о них на каждом углу, но вот, оказывается, и не стыдятся. Попался же мне фронтовичек!

Горбатюк, наверно, замечает мою короткую растерянность и отчужденно хмурит брови.

– А что это вы так... удивляетесь?

– Да так.

Обеими руками я поворачиваю на скатерти фужер, бессмысленно разглядывая, как переливаются на его гранях искристые отражения бра.

Горбатюк с каким-то предостережением оглядывается на молодежный стол и вздыхает:

– Ты, наверно, думаешь: трибунал – это сплошное нарушение законности? Теперь так модно считать. Модно реабилитировать. Модно валить все на судей. И никто не задумается: во имя чего они все то делали? Распутывали преступления, не спали, недоедали, мотались по передовым, попадали под бомбежку. Во имя чего?

Однако деланный его запал меня не трогает.

– Может, во имя победы? – спрашиваю я с иронией.

– А как же? Ты что думаешь, в ней нет и нашего вклада?

Недавнее мое расположение к нему начисто исчезает.

Я не знаю, что он за человек и каким был председателем трибунала. Но я чувствую, что эта его горячность имеет свои корни. Он явно чем-то обижен, с чем-то не согласен и уже готов спорить, отстаивая свою непонятную мне правду.

Но я с ним спорить не буду.

Я не хочу с ним спорить, так как отказываю ему в этой его правде. Не может быть его правды там, где есть его перед людьми вина. В моих чувствах и памяти до сих пор живет немало несправедливо-обидного из тех давних времен, в которые неплохо хозяйничали такие вот председатели трибуналов. Не забылось, как ушли из полка и не вернулись ребята за сдачу позиций, которые невозможно было удержать, за неисполнение невыполнимых приказов, за стычки с начальством и за так называемые недозволенные разговоры тоже. Я помню, наконец, старшего лейтенанта Кротова, который на счастье свое или на беду не дошел до рук такого вот председателя. И за что? Я-то знаю, что ни за что, но это вовсе не означает, что Кротов вернулся бы назад, в батальон. Так неужели теперь, через много лет после войны, когда столько перевернулось в общественной жизни страны, неужели не коснулось этих людей чувство вины или хотя бы угрызения совести?

Я хочу спросить его об этом, но Горбатюк опережает меня.

– А я и не думаю скрывать, кто я и что я, – с заметным отчуждением говорит он. – Я поступал согласно закону. Если что – можно поднять архивы. Там все налицо. Оформлено и утверждено. Я грехов за собой не чувствую. Можно справиться у сослуживцев, начальства. Я не прохвост какой-нибудь. Бывало, приеду в полк – почет и уважение. Командир полка первым честь отдает. Хоть я капитан, а он подполковник. Вот как!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Я молчу. Он, чувствую, однако, волнуется: то ерзает на стуле, то откидывается на спинку. На его мясистом лице – выражение обидчивой замкнутости.

– Война – не мать родная. Там твердая рука нужна. На смерть никому не хочется идти. А что же – сознательность? Сознательность – в газетах, а тут принудить надо. Чтоб боялись.

– Слушайте, Горбатюк! А не могло так случиться, что кто-нибудь из осужденных вами сейчас реабилитирован?

Горбатюк делает наивные глаза:

– Ну и что ж! Вполне естественно. Реабилитирован – и с Богом. Я всецело одобряю и поддерживаю.

– А вы не боитесь с таким вот на улице встретиться?

Горбатюк бросает на меня настороженный взгляд и, кажется, искренне удивляется:

– А чего мне бояться? При чем тут я? Тогда были одни законы, теперь – другие. – Он оглядывает зал и добавляет уже спокойнее: – Да и не встретятся. Еще не встречались.

– Что, разве всех – к высшей?

– Почему всех? Не всех. Разбирались, – говорит он и засовывает руки в карманы брюк. В глазах его появляется выражение нагловатой самоуверенности, он смотрит на меня почти враждебно.

Да, это его успокаивает. Не вернутся. Все сделано чисто. Все по правилам оформлено, утверждено. Осужденные не угрожают, совесть не грызет. А за все подлое и противозаконное пусть отвечает Берия.

Горбатюк встает и, отодвинув штору, решительно открывает окно. Широкий поток прохлады врывается в зал. Через минуту становится довольно холодно, и он надевает темный в мелкую клеточку пиджак с очками и двумя авторучками в нагрудном кармане. Он замкнут, однако мысленно, так же как и я, видно, продолжает наш не очень приятный разговор.

– Нет, дорогой, ошибаешься. Это теперь развели демократию. Готовы всех сволочей реабилитировать. Презумпция невиновности! Доказательства! Болтовня все это. Если что, он тебе так все перекрутит, что хоть ты его награждай. Тут нужно чутье иметь. Нюх. Правда, у меня глаз был наметан. Я, бывало, на такого взгляну – и насквозь вижу. Доказательства – десятое дело. Доказательства, если понадобятся, на каждого можно составить.

От соседнего стола встает плечистый, в серой куртке блондин:

– Окошко можно закрыть? Девчата просят.

Горбатюк резко поворачивается и недоуменно смотрит на парня. Тот широким жестом захлопывает фрамугу.

– А ну откройте! – мрачно приказывает Горбатюк и встает.

Блондин подходит к своему столу, и Горбатюк широко распахивает окно.

– Не вы открывали, без вас и закроют.

На лице у парня короткая растерянность. В его серых живых глазах вспыхивает острый огонек.

– Девчата замерзли! Вы понимаете?

– Замерзли – пусть дома сидят. В ресторан, как и в монастырь, со своим уставом не ходят.

– Ну, знаете!..

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Сделав почти фехтовальный выпад, парень с треском захлопывает окно. Горбатюк резким рывком его открывает. Молодежь за столом оборачивается в их сторону.

– Игорь, хватит! Нам уже не холодно.

– Игорь! Игорь! Оставь ты. Мы сейчас пойдем! – вскочив, зовет друга Эрн.

Игорь сквозь зубы бросает что-то оскорбительное и возвращается за свой стол. Горбатюк, удушливо сопя, садится на место. Хватается за сигарету. Руки у него дрожат.

– Видел? – кивает он мне. – Видел, что делается? Пацан, молоко на губах не обсохло, а гляди ты! Нахальство какое!

Он прикуривает, бросает на пол спичку, на стол – коробку.

– Распустились, умники. Как те в войну. Старший который, так помалкивает или просит дать искупить вину в бою. А попадется лейтенант, только из училища, на губе пушок, а уже философию разводит. Как же – десятилетку закончил! То оружие ему не нравится. То приказ неправильный. Наглецы!..

Я поглядываю на его заметно помятое жизнью лицо, морщинистую короткую шею. В глубоко упрятанных под бровями глазах зло поблескивает что-то, не то испуганное, не то нагловатое. Отражение какой-то затаенной мысли блуждает в их глубине. Я не хочу думать об этом человеке предвзято. Но я не вижу в нем и того, что хотелось бы видеть, – ни тени сожаления, раскаяния, отражения передуманного и пережитого. Передо мной с обиженным видом сидит обозленный мужчина, который не намерен ни в чем отступить. И от этого его упрямства у меня потихоньку накапливается гнев. С усилием я борюсь с собой. Надо быть спокойным. Мое оружие теперь – только логика, она мне послужит верно, ибо я – прав.

– Скажите, Горбатюк! А вы убили на войне хоть одного фашиста? – спрашиваю я спокойно, насколько мне это удастся.

– Я? А зачем? Зачем мне их было убивать? Это не мое дело. В двадцатое столетие – полное разделение труда. В том числе и на войне. Кому бежать в атаку, кому стрелять из пушки. Кому летать в небе. А другой всю войну просидел за столом в штабах или варил сталь. У каждого свое дело.

– Ваше было – судить.

– Ну и что ж? Судил.

– Несчастных за плен? Командиров – за невзятие высот и деревень? Лейтенантов – за разговоры. За выдуманный контакт с врагом? За ночлег в одной деревне?

Я почти кричу. Что-то в моем поведении его, видимо, насторожило. Он оглядывается и кричит в гримасе губы:

– Случалось. Судили и за это.

– А теперь вы не раскаиваетесь?

Он вскидывает голову. В глазах его ненависть.

– В чем?

Мы уже оба кричим. За соседним столом оборачиваются в нашу сторону. В другом ряду оглядываются офицеры. А перед моими глазами – снова чадный туман. Я вскакиваю из-за стола. Он откидывается на стуле. Сердце мое делает несколько пропусков, затем судорожных сильных ударов. В груди знакомая пустота и слабость. Зал шатается. Я хватаюсь за грудь и, задев стулья, торопливо шагаю к выходу.

Возле швейцара одеваются двое молодых. Он бережно прикрывает ее плечи плащом. Она нежно улыбается в трюмо, и я падаю рядом на стул. Пол плывет из-под ног, стены шатаются. Сердце редкими, сильными ударами бьется в груди.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Старый швейцар облакачивается на стойку и с презрительным осуждением смотрит на меня. Я понимаю его молчаливый упрек и думаю: как глупо все это! И отвратительно. Не хватает разве свалиться и оказаться в больнице. Скажут, от перепоя.

– У вас, случайно, валидола нет?

Швейцар, прежде чем ответить, вздыхает.

– Зачем он тут мне? Ресторан – не больница, – ворчит он. – Надо пить, да знать меру.

– Не в питье дело, отец. Вот... понервничал.

– Нервы! Теперь все нервные стали, – смягчаясь, ворчит старик и направляется в угол. Вряд ли он верит мне, но все же возвращается к стойке с какой-то бумажкой. Неторопливо разворачивает ее и прокуренными до желтизны пальцами достает беленький круглячок таблетки.

– Что это?

– А ты глотни. Поможет, если что...

Подумав, я глотаю таблетку. Во рту остается неприятный металлический привкус.

– Ну как? – спрашивает он спустя некоторое время.

– Немного проходит. Сердце, знаете...

– Эх, сердце, сердце! – с мудрой старческой рассудительностью ворчит швейцар. – Сердце, оно – мотор. Испортилось – и с ног долой. Не бережете вы, молодые, сердца.

– Не такое время, чтобы беречь.

– Не такое? А какое же вам еще нужно время? Деньги есть, квартиры государство дает. Должности. Почет. Что вам еще надо? Какого рожна не хватает? Мы, бывало, в ваши годы – лишь бы поесть вволю. А вы?

– Видите ли, к еде вволю хочется еще и справедливости.

– Справедливости? – с иронией переспрашивает швейцар и упирается в меня маловыразительным взглядом выцветших, немало повидавших на веку глаз. – Вон побледнел как. В поту. Вот тебе и справедливость. Ты возле окна сядь. На ветерке лучше будет.

Я пересаживаюсь к окну. Фрамуга немного приоткрыта. Ночной ветер шевелит занавеску. За окном где-то неподалеку на путях сипло пыхтит паровозик. На запасных – длинные составы зеленых вагонов. Несколько женщин со шлангом моют их блестящие железные бока. На виадуке торопятся редкие пешеходы. По ту сторону станции светится длинный ряд уличных фонарей. Где-то далеко одиноким угольком в небе горит красный сигнал на заводской трубе.

Глава двадцать шестая

Залитая лунным сиянием степь. Грохот танков, смрад от двигателей, колючий ветер в лицо и – тепло. Да, тепло. Правда, греет больше у ног, где поддувает нефтяным духом сквозь жалюзи. И все же рай! Надо только держаться, чтоб не свалиться от мягкой, но размашистой танковой качки.

И мы держимся за башню, вцепившись в ее настывшие поручни. На моих коленях лежит голова Юрки. Я одной рукой придерживаю ее; немец же, пристроившись сбоку, занят собственными заботами и безразличен ко всем нам. Возле него, у самой башни, сидит Сахно. На боках и закрылках танка какие-то ящики (наверно, снаряды), рядом со мной скользкое окоренное бревно. Следом грохочет второй танк. Там Катя. Ее плотная фигурка едва высовывается из-за башни. Кажется, нам наконец повезло – теперь-то уж вырвемся.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Но мы несколько отстали от головной колонны и быстро нагоняем ее. Морозный ветер обжигает лица. Небо вверху ярко сверкает мириадами звезд, и в их гущине во всю силу светит луна. Резкие синие тени от придорожных столбов перечеркивают обе колеи. Вокруг видно далеко-далеко. Позади остались немцы – на горизонте то и дело взлетают в ночь стремительные молнии трасс. Там бой. Там те, что по приказу полковника остались на буфе, чтобы дать нам возможность вырваться из беды. Только куда? Кажется, мы едем дальше на запад, не в свой тыл, а туда – глубже, в немецкий.

Это, конечно, не очень радует. Но я не хочу думать плохо. Там, впереди, – войска, мощь боевых частей, начальство, там не дадут пропасть. Правда, сзади, пожалуй, не отстанут от нас и немцы. Им, окруженным, также надо прорываться туда, на запад.

Я отворачиваюсь от встречного ветра, глубже в воротник втягиваю забинтованную голову. Но в таком положении мешает за спиной карабин. Я снимаю его и с тоской в душе вглядываюсь в далекие приметы боя, что сверкают в ночной тишине. Только мы все же отдаляемся от того злополучного села. Мощно ревя на подъеме, танки обходят степную балку, проскакивают клин полегшего, не убранного осенью подсолнуха. Искры-трассеры вдали постепенно исчезают, лишь изредка короткая очередью невысоко взлетит над горизонтом и тут же погаснет. Кругом спокойно, и все было бы хорошо, если б не Юрка. Он без сознания. Я плотнее прикрываю его полушубком. Тело его кажется неуклюжим и длинным, сапоги едва не достают выхлопных труб. В качке того и жди – может сползти и свалиться в снег. Хоть бы живым довести его до какого-нибудь санбата. Хоть бы успеть! Наш танк нагоняет колонну машин, качка и толчки становятся умереннее.

Неожиданно ко мне наклоняется и что-то говорит Сахно.

– Что?

– Говорю, приедем, пойдете со мной! – громче кричит он прямо в лицо.

– Куда?

– Неважно. Куда прикажу.

Вот тебе и радость! Не успели вырваться из одной беды, как в перспективе маячит новая. И странное дело – эти скупые слова Сахно впечатляют тут куда больше, чем все его угрозы там, под носом у немцев. Тут он – сила, а я – маленький винтик, тут уже не пошлешь его куда не следует – должен подчиняться.

Я сижу, прислонившись плечом к шершавому боку башни, и поглядываю в заросли подсолнуха, что снова обступают дорогу. Напряжение мое спадает, и я чувствую себя совершенно измотанным за эти сутки. Ноги согрелись, и в раненой стопе будто шевелятся муравьи: зашласть или отходит – не сразу и поймешь. Зато чертовски мерзнет рука на башне. Я хочу погреть ее за пазухой, но не успеваю расстегнуть крючок шинели, как громовой взрыв раскалывает землю. Танк становится на дыбы и на мгновение словно зависает в воздухе. Какая-то бешеная сила подхватывает меня с брони и швыряет в снежную пропасть.

В первую секунду я не понимаю, что произошло, и, только почувствовав под собой землю, догадываюсь: мина?! Затем, выплюнув изо рта хлопья снега, вскакиваю среди стеблей подсолнуха на колени и снова падаю... На дороге, сбоку от нее и еще где-то впереди ночную тьму разрывают огненно-красные взрывы.

Гр-р-р-рах! Гр-рах! Грах-х-х-х!..

Нет, это не мина... Но тогда что? Откуда? Почему? В горячке я никак не могу чего-то сообразить. Я только чувствую: влопались! Снова в следующее мгновение меня пронизывают страх за Юрку. Спотыкаясь о комья, я бросаюсь к танку. Он стоит наискось дороги. На башне живо мелькает чья-то фигура – кто-то будто выскакивает через люк. И вдруг в трехсекундную паузу до слуха моего доносится тяжелый, густой гул.

Бомбежка...

Худшего не придумаешь! Такая светлая ночь. В снежной степи видна каждая былинка,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru а тут, на дороге, – танки. Хотя – ясное дело, чего еще было ждать? На что надеяться? Все очень просто, иначе и не могло случиться...

В тревоге я добегаю до танка. Обсыпанный снегом, он все же уцелел. Сверху на прежнем месте раскинутые ноги Юрки. «Неживой!» – пугаюсь я и бросаюсь к борту, чтобы залезть наверх, но тут же едва не падаю, споткнувшись о немца. Тот корчится на земле, прижавшись к опорным каткам, обхватив голову руками. Будто на мертвеца, наступив на его спину, я взваливаю грудь на танк.

Вверху опять обвальный грохот и визг. Но в звездной черноте неба решительно ничего не видно. Я ужасаюсь, что не успею, и глупо кричу немцу:

– фриц! фриц!..

Он понимает и сразу же вскакивает. Я хватаю за плечи Юрку. Немец, протянув снизу длинные руки, принимает на них Юркино тело. Оба они сразу же падают на снег. Землю сотрясают мощные бомбовые взрывы. Я не успеваю соскочить с танка, как самый ближний из них швыряет меня в яркую, на полнеба огненную бездну, и я оказываюсь где-то в снегу. Однако тут же чувствую: цел и на этот раз. Сразу вскакиваю на четвереньки. Только почему-то ничего не вижу – ни танка, ни Юрки. В глазах багровая слепота, заслонившая собой весь мир. На минуту я вообще теряюсь, не понимая, что со мной и где я.

Руками отчаянно гребу снег, хватаюсь за мерзлые стебли, куда-то ползу. В рукавах до локтей снег, снег и за воротником, в ушах...

Новые взрывы снова укладывают меня ничком. Снежным пластом заваливает спину, голову, ноги. Но я жив и снова вскакиваю на колени. Ничего не видя, верчусь на снегу меж взрывами, не зная, куда податься. И вдруг из темноты прорезывается что-то яркое и острое – какой-то огонь... Ага: это горит танк. Нет, не наш, дальше на дороге. Багровый мрак перед моими глазами постепенно редет. Я вижу заброшенный землей снег, черное небо и знакомый силуэт нашего танка. С внезапным облегчением бросаюсь к двум ближним фигурам – к немцу и распластанному на дороге Юрке.

Юрка лежит на боку. Я запахиваю на нем полы шинели и рывком передвигаю его отяжелевшее тело ближе к гусенице. Потом, припав к нему, переживаю новую серию взрывов. Они продолжают вечность. Я жду, подавив в себе все чувства – и страх, и надежду, призвав на помощь только одно – выдержку. И взрывы, даже не верится, будто стихают. Задыхаясь от тротиловой вони, я несколько секунд жадно хватаю ртом воздух и жду нового визга. Но его почему-то нет. Пауза увеличивается, в ушах усиливается звон. Я не могу сообразить – то ли это тишина, то ли я оглох... Но вот впереди доносятся неясные голоса, брань – кажется, там что-то кричат или, может, командуют. Танк рядом, словно живое существо, вздрагивает. Ехать?

Я вскрикиваю. Немец сноровисто вскакивает на танк. Напрягшись изо всех сил, я поднимаю Юрку. Немец с натугой взволакивает его за воротник на броню.

И тут танк, резко взревев мотором, срывается с места.

Обида и злость, свившись в клубок, однако, придают мне силы. Танк проскакивает мимо, но я в последнее мгновение бросаюсь сзади в горячие струи его выхлопов. К счастью, под руки попадает петля троса, и я хватаюсь за нее. Но она вдруг подается и вытягивается. Я тяжело сползаю с брони и какое-то время отчаянно волочусь в дымной трескотне выхлопов. Я хочу крикнуть, но в грохоте дизеля не слышу даже своего голоса. И вдруг вверху – согнутая фигура немца. Он наклоняется и с силой подхватывает меня под мышку. С его помощью я взбираюсь на танк и распластываюсь на жалюзях.

Немец молча перебирается к башне, я остаюсь лежать. Мне как никогда за сегодняшний день хочется кричать и ругаться: что же это делается? Но я молчу. Я чувствую, как мной овладевает безразличие. Ко всему. И так соблазнительно поддаться ему. Сахно, кажется, тут уже нет, видно, достукался. Черт с ним: у меня ни радости от того, ни горя. Мне все осточертели, и немец тоже. Остается один только Юрка. Он лежит рядом. Его голова бьется об угол запорошенного снегом ящика. Немного отдышавшись на броне, я с особой остротой чувствую, что Юрка – моя извечная боль и моя забота. Роднее его у меня нет никого на свете. Встав на колени, я пододвигаю его к башне и в какой-то необыкновенно обостренной к нему

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
чуткости догадываюсь: он стонет. Значит, еще живой.

Это, меня вдруг обнадеживает. Слишком дорогой душевной ценой оплачена его жизнь, чтобы так скоро согласиться на его смерть. Я наклоняюсь над Юркой, веки его вздрагивают, и серое, восковое лицо оживает.

– Юрка!.. Юрочка!.. Юр!.. – кричу я, не зная, что сказать, чем утешить его. Но я вижу – он узнает меня, только не улыбается, как прежде, а скашивает взгляд в сторону и секунд пять, будто силясь припомнить что-то, глядит на луну. Губы его тихо шевелятся, я низко наклоняюсь, – кажется, он о чем-то спрашивает.

– Все хорошо! Все хорошо, Юра! Скоро приедем! Скоро! Потерпи, браток!..

– ...куда?

– Куда едем? В госпиталь, Юра! В Знаменку! Там армейский госпиталь, ты же знаешь! – отчаянно вру я.

Нас резко бросает в сторону, я хватаюсь за башню. Рядом пылает развороченный бомбой танк. Груда железного хлама перегораживает дорогу; крутыми рывками мы поспешно объезжаем ее. А там горит снег, резина, броня. В колеях перекрутились гусеницы, за канавой валяется сорванная взрывом башня. В воздухе гарь, дым, смрад. По обе стороны дороги – вывороченные глыбы мерзлой земли, и повсюду – глубокие ямы воронок. Я осторожно поглядываю в небо, не ударят ли снова? Неужто они отвязались от нас?

На башне лязгает люк. Видно, чтобы лучше видеть дорогу, оттуда вылезает черная фигура в шлеме. Человек оглядывается на огонь и кричит нам:

– Ну что? Целы?

– Целы, – отвечаю я, хоть он вряд ли слышит.

– Ну-ну! Держитесь! Это вам не пехота-матушка. Танки!

Пошел ты со своими танками, думаю я. Хорошо тебе в этом стальном ящике, а каково нам? Но я не успеваю что-либо ответить, как на башне открывается второй люк, из которого высовывается сбитая набок кубанка. Сахно?

Да, Сахно. А я уже думал, что он пропал. Но он не пропал! Он сразу окидывает нас молчаливым взглядом, будто считает, и, видно, довольный тем, что все на месте, отворачивается, чтобы смотреть вперед.

Только долго глядеть им не приходится. Я, наверно первый, замечаю, как в звездном небе что-то мелькает, или мне кажется так. И тут же вдоль дороги в снегу снова вырастает несколько высоченных взрывов. Правда, в этот раз они слабее, чем прежде. Может, потому, что дальше? Я клюю головой о броню. Рядом размашисто лязгают люки. Танк прибавляет газу.

Как можно плотнее мы жмемся к броне. Танк бешено мчит нас, и мы едва удерживаемся наверху. А кругом начинается ад. Земля перемешивается с небом, гаснут все до единой звезды. Над дорогой, густо начиненный осколками, бушует снежно-земляной смерч. Я пластом лежу на броне, тесно прижавшись к выступу башни, и обеими руками держу Юрку. Будь что будет, лишь бы только не сбросило с танка. Пусть убивает сразу – черт с ним! Если суждено погибнуть от бомбы – не страшно. Не такая она драгоценная, наша жизнь, чтоб за нее столько бороться. Гибнут и не такие!.. Так думаю я, пожалуй, в отчаянье. И все же мучительно и страшно ждать момента, когда в твое тело врежется зазубренный стальной черепок, способный перебить рельс.

В воздухе сплошной бесконечный гром. Взрывы, грохот танков, бомбовый визг, скулеж осколков. Хорошо еще, что с одной стороны нас прикрывает башня и наша машина последняя. Достается больше передним, но перепадает и нам. Особенно с боков. На шинели летят крупные щепки от бревна. На башне с той стороны, где немец, ярко сверкает вспышка – словно замыкание в сети. Сверкает и второй раз, уже совсем рядом – возле моего плеча... С необыкновенной, почти физической осязаемостью я ощущаю ужасающую незащищенность моего тела. Как просто его пронизать, пробить, растерзать. Раз за разом осколки высекают из брони горячие

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru искры, брызжут на нас окалиной. Но танк, молодчина, не останавливается. Он мчит по дороге, кое-где сворачивая. В одном месте обходит подбитую машину с откинутыми люками и цифрой «20» на башне. Потом вдруг тормозит. Несколько человек цепляются за борта, за трос сзади и взбираются к нам. Я боюсь, что затопчут Юрку, они и в самом деле не очень осторожничают. Один из них ранен и прижимает рукой окровавленный бок. Второй, что в расстегнутой телогрейке, ругается и, взобравшись, сразу запускает автоматную очередь в небо.

– Огонь! Всем огонь! Чего горбитесь, огонь! – кричит он на нас с немцем.

Танк бросает с боку на бок, я одной рукой снова хватаюсь за скобу на башне, а немец вместе со всеми начинает палить в небо. Я не сразу догадываюсь, что у него – мой карабин, и удивляюсь: по своим? Хотя тут не до соображения морали, тут – бой, и надо защитить свою жизнь.

Они то беспорядочно, то залпами палят в воздух, и, видно, никому невдомек, что крайний возле них – немец. И я молчу – пусть стреляет. Теперь я не боюсь, что у него оружие. Я почти уверен: нам он плохого не сделает.

Я теряю ощущение времени и не знаю, сколько продолжается бомбежка.

И все же самолеты наконец уходят. Становится вроде тихо, и в этой тишине слышен только рев танковых моторов и стрекот гусениц. Видно, скоро утро, небо становится особенно черным. (Проклятое ночное небо, от которого мы столько натерпелись сегодня!) Три машины из двенадцати остались на дороге.

Под утро девять танков въезжают в какое-то большое, по-ночному пустынное село.

Я думаю, что мы его быстро проскочим и где-нибудь наконец присоединимся к передовым частям. Но танки почему-то сворачивают к плетням и по одному останавливаются.

Сонная глухая тишина непривычно охватывает нас. Обнадеживает и озадачивает. Что дальше?

Глава двадцать седьмая

Нас ссаживают с танков и сводят в одно место на улице. Набирается человек десять – здоровые, что ночью присоединились к нам из других частей, и раненые. В том числе трое тяжело – Юрка, автоматчик с простреленным животом и все тот же наш летчик. Странно, какой он живучий – должно быть, переживет всех! К счастью, с нами опять Катя. Грубовато покрякивая, она тут же распоряжается перенести лежачих в хату.

Остальным приказано ждать. И мы молча стоим под глухой, искромсанной углем стеной мазанки, пока от головных танков быстрым шагом к нам не подходит знакомый подполковник. С ним рядом Сахно. Пустой рукав его полушубка слегка болтается при ходьбе.

– Ну как, орлы? Дали жару? – живо спрашивает подполковник и сам себе отвечает: – Дали, сволочи! Лучшие экипажи угробили. Значит, так: дальше пойдете сами. Утречком у нас контратака. А вы до Лелековки. Восемь километров. Ясно?

Мы все молчим. Восемь километров – немного, если здоровые ноги. А если прострелены? Да еще трое тяжелораненых? Как их дотащить? Только о чем спрашивать – и так спасибо этому человеку за его доброту. Не оставил, как другие, – выхватил почти из огня. Теперь у танкистов свои заботы.

– Ну, ясно не ясно – ничего не попишешь. С собой я вас не возьму. Сами понимаете. Тут оставаться не советую. Утром они могут ударить снова. – Подполковник машет рукой по дороге. – Вот так: старший – этот капитан, – кивает он на Сахно, и тот переступает на снегу. – Он поведет.

Здорово! – думаю я. Как говорят, всю жизнь мечтали иметь такого старшего. Судьба или дьявол словно насмеваются над нами. Но черт с ним, пусть ведет. Командиров, к сожалению, не выбирают.

Подполковник поворачивается и скорым шагом уходит к передним машинам, которые

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru уже заводят моторы. Сразу же они начинают срываться с мест, и вскоре мы остаемся одни. Луны в небе уже нет, вверху гаснут звезды, тускнеет неровная полоса Млечного Пути. Кажется, скоро начнет светать. Непривычно тихо и пусто становится на улице этого молчаливого села, в хатах которого кое-где слепо просвечивают окна.

Когда танковый грохот на улице глохнет, Сахно поворачивается к нашей приунывшей группе:

- Так... Все тут? Раз, два, три, четыре, пять...
- Трое тяжелых в хате, - говорит кто-то из раненых.

Сахно снова начинает считать.

- Почему это в хате? А ну всех сюда!

Несколько человек идут через улицу в хату и выволакивают оттуда двоих. В одном я еще издали узнаю Юрку. Его несут немец и танкист в телогрейке - мешковатый, плечистый парень, видно, один из немногих, кому ночью посчастливилось, потеряв танк, остаться в живых. Второго несут двое разведчиков в рваных маскхалатах, которых подполковник присоединил к нашей группе. Сзади идет Катя.

Сахно нетерпеливо шагает навстречу:

- А где третий?
- Там, - кивает на хату Катя. - Не стоит трогать.
- Это почему?
- Почему, почему... Безнадежный. Кончается.

Сахно минуту молчит, видно, что-то решает, а потом оглядывается и указывает на меня:

- А ну давайте за третьим.
- Я не могу.
- А если через «не могу»? Это приказ!
- Зачем его брать? - огрызается Катя. - Умирает человек. Для чего мучить?
- Не ваше дело. Берите раненого! - ледяным тоном приказывает Сахно, стоя в надвинутой на лоб кубанке.

Катя вполголоса кидает ему что-то обидное и возвращается во двор. За ней, прихрамывая, иду я. Скрипнув дверью, мы влезаем в хату.

Раненый, весь мокрый от пота, неподвижно лежит на кровати. Над его головой чадит коптилка. У порога кутается в полушубок испуганная, с заплаканным лицом женщина.

- Ой, диточки, ой, лышэнько! Куда ж вы йёго! Вин же таки слабы...
- А ну помоги, тетка, - безучастно к причитанию этой женщины говорит Катя и приподнимает больного. - Дайте какое-нибудь рядом.

Покопавшись в тряпье, хозяйка расстилает на полу одеяло, и мы перекладываем на него раненого. Но он раздет, весь в бинтах и без шинели. Как его нести?

- Цэ ж вин змэрзнэ, помрэ, а у йёго ж маты е дэсь, - едва не плачет женщина и скидывает с себя полушубок. - На-тэ, ухутайтэ, все тэплишэ буде.

Тетка начинает светить над головами коптилкой. Катя укутывает автоматчика в полушубок и невзначай наступает на мою неуклюже обинтованную ногу. Я едва не падаю от боли.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Еще не отморозил? Ну так отморозишь! – твердо обещает Катя, – И гангрена еще прибавится. Жди! – И вдруг прикрикивает: – А ну, рвани! Хватит корчиться.

Наступив ногой на рукав полушубка, она пробует его оторвать, но не справляется и бросает мне. Я рву сильнее, она придерживает, и рукав с треском отрывается.

– Ой, што вы робытэ? Што вы рвитэ мою одэжыну? Штоб вам руки одирвало, ноги пэреломало! – вдруг сварливо кричит женщина.

Катя строго прикрикивает на нее:

– Замолчите! Вам не все равно? Того жалко, а этого нет?

– Нелюдска ты людына! Лайдачка! Моя свитка, што вы наробылы?

Черт, связались еще с этой женщиной. Раскричалась, будто ее ограбили. Мне неловко, и хочется кинуть ей и рукав, и полушубок, чтоб только отвязалась. Но Катя, не обращая внимания на перепалку, приказывает:

– Вот и натягивай. Тепло и мягко будет. На морозе спасибо скажешь.

Я молчу, затаив в душе благодарность к этой огонь-девке за ее заботу. Ноге в рукаве действительно становится тепло и мягко, немного, правда, неудобно, но не беда. Главное – тепло, к боли я уже притерпелся.

Мы выносим человека на улицу, где нас ждут, и Сахно нетерпеливо подходит к Кате:

– Все?

– Все.

Капитан еще раз окидывает нас продолжительным молчаливым взглядом (наверное, считает) и, ничего не сказав, идет в ту же хату. Когда шаги его стихают на снегу, Катя опускает раненого на снег.

– Гад!

Я не спрашиваю – я уже знаю, про кого она это. Конечно, он пошел проверять, не остался ли кто-нибудь в хате. Нам он не верит. Ну и как раз кстати: там расплачется эта женщина, поднимет скандал. И действительно, вскоре вернувшись, Сахно строго объявляет:

– Вот что! Без моего разрешения в хаты не заходить! Каждый отвечает за себя и за соседа также. Раненых не покидать, чтобы там ни угрожало. Населению излишне не доверять. Половина из них националисты – немцев ожидают.

– Неужто? – вполголоса сомневается кто-то сзади.

Сахно оставляет реплику без ответа.

– Если в случае припечет, живыми не сдаваться. Ясно? Оружие есть? У кого нет – я помогу. Слабонервным тоже. Вопросы будут?

– Ясно. Не на лекции. Быстрее надо, – говорит танкист.

– Это не лекция! – мрачно объявляет Сахно. – Это приказ, и я требую его исполнения.

Глава двадцать восьмая

Горбатюк выбегает из зала и в чем был, в пиджаке и без шляпы, бросается в другую дверь – к выходу. Но дверь заперта, он резко дергает ее, и тогда из-за перегородки выходит с ключом швейцар, который его выпускает.

Я недоумеваю: что там случилось? Почему он не оделся и даже не оглянулся. Возможно, и не рассчитался. Удрал, что ли? Но тогда забрал бы пальто и шляпу.

Несколько оправившись от внезапной слабости, я возвращаюсь в зал. Сразу же

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru замечая, как молодежь из-за стола поворачивает головы в мою сторону. Все смотрят на меня. Там же, ожидая, стоят две официантки. Когда я подхожу к своему столу, одна выдирает из блокнота страничку:

– Одиннадцать тридцать с вас.

Оказывается, он не расплатился. Я отсчитываю половину. В кармане остается трешка, как раз на дорогу. Официантка недовольно косит взглядом:

– А вы разве не вместе?

– Нет. Не вместе.

– Пить так вместе. А платить...

Она уходит, оставляя во мне отвратительное чувство униженности. Связался на свою голову. Надо было.

Садиться за этот стол мне больше не хочется. Видно, лучше уйти. Перехватив мой взгляд, из-за соседнего стола оборачивается Игорь:

– Ну и товарищ у вас! Сплошной пережиток!

– За милицией побежал, – дружески, как союзнику, улыбается мне Эрн. – Сейчас приведет. Посидите с нами.

Ах, вот что! Впрочем, так оно и должно было случиться. Старая привычка взяла верх. Но черт с ним! Пусть ведет милицию. Не те времена, чтобы бояться.

– Садитесь, садитесь! – приглашают девушки и Игорь.

Я сажусь за их стол – между Эрной и блондинкой с густо начерненными ресницами. Говорить мне ничего не хочется – только слушать. Они все возбуждены происшедшим, но, кажется, нисколько не теряют своей беззаботной шутливости.

– Чуть не подрался с Игорем, – сообщает Эрн.

Соседка с другой стороны спрашивает:

– Он ваш сослуживец? Или бывший однополчанин?

– Однополчанин, – подумав, говорю я.

– Сволочь он!

Игорь привстает и тянется ко мне с бутылкой:

– Раскричался, будто я у него планки сорвал. А я не видел у него никаких планок. Разве у него были какие-нибудь планки?

– Не в планках дело.

Игорь наливает полбокала шампанского.

– Ладно, черт с ним! Пусть ведет. Давайте выпьем. А то посадят еще.

Эрн, хлопнув в ладоши, подпрыгивает на стуле:

– Ой, как здорово! Я буду тебе носить передачи, Игорешка! Медовый месяц в тюрьме!

– Полмесяца, – бросает парень в черном костюме. – Больше не дадут.

– Смотри чего. Пятнадцать суток, а может, пятнадцать лет.

– Черта с два – лет! Минулось!

Я тихо сижу, как гость на чужом пиру, и чувствую: начинаю улыбаться. Мне хорошо.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru А они беззаботно радуются, как дети. Хотя, конечно, давно уже не дети, особенно Игорь. Рослый, рукастый, широкий в кости мужчина. И все же мне в два раза больше, чем каждому из них. Мы – разные поколения, у нас разный жизненный опыт, образование, да, видно, и отношение к тому, что здесь произошло. И тем не менее я их понимаю. А это главное.

– Ну так взяли! – Игорь поднимает бокал и, заметив мою нерешительность, поясняет: – Есть маленький повод: мы с Эрной женимся.

– Вот как! Ну, поздравляю!

– Благодарим! – Он левой рукой нежно склоняет к себе невесту. – В годовщину Победы. Так сказать, по семейной традиции, как дети военных родителей. У Эрны – генерал-лейтенант. У меня – просто лейтенант. Небольшая разница.

– Почти никакой, – вставляет Эрна и нетерпеливо пригубливает бокал.

Я по справедливости оцениваю ее иронию. Трепетно живое, словно ртуть, лицо этой девушки таит столько шутилой и игривости, что просто не верится в серьезность их намерения.

– А где же... ваши отцы лейтенанты? Или вы без них?

– К сожалению, без них, – коротко вздыхает Игорь и, разлив по бокалам остатки вина, садится. – Лейтенанты далеко. Ее – под Харьковом, мой в Демьянске. На вечной прописке.

Поначалу я не нахожу что ответить. Это невесело. Это даже более чем печально. Только свою печаль они, видно, давно уже пережили, и после минутной паузы Игорь поднимает бокал:

– Значит, салют!

– Ну что же! За ваше счастье, лейтенантские дети! – говорю я. Что-то светлое щемящей добротой наполняет меня. На минуту я забываю и про Сахно, и про Горбатюка, и обо всех моих сегодняшних заботах.

Все за столом выпивают. Игорь отставляет бокал и срывает обертку с конфеты.

– Только тот дурень вечер испортил. Все шло хорошо...

– Ничего. Это еще не самое худшее...

Я не успеваю закончить мысль, как рядом вскакивает блондинка:

– Вон идут! Девочки, даже двое! Задний, смотри, какой бравый! Симпатыга!

По проходу к нам быстро шагает Горбатюк. За ним, несколько приотстав, со служебной степенностью на лицах идут два милиционера в белых кителях и красных фуражках. Передний – довольно уже пожилой, с морщинистым лицом старшина, задний – действительно симпатичный малый.

Горбатюк останавливается возле стола и поворачивается к милиционерам:

– Вот, пожалуйста! Пьяные. Нахальство, хулиганство и, наконец, политические выпады. Вон тот, высокий. И этот, в черном.

Старшина милиции официально-бесстрастным взглядом окидывает всех за столом, осматривает бутылки, дольше задерживается на мне.

– Так. Прошу названных пройти с нами.

За столом вскакивает Эрна. Встают девушки и ребята.

– А мы?

– Вы можете оставаться.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Нет. Если забирать, то всех. Я Игоря одного не пушу! – резко заявляет Эрн.

Я тоже встаю.

– Все же они – свидетели. Если уж вести, то вместе.

Горбатюк пронизывает меня ненавидящим взглядом:

– В свидетели вы не набивайтесь. Вы мне тоже ответите. За оскорбление.

– Ах, за оскорбление! Ну что ж! Я готов! Пошли!

Я первым выхожу из-за стола. За мной остальные. Младший милиционер проходит вперед. Вдоль ряда столов мы идем к двери. Со всех сторон на нас глядят люди. Откуда-то слышится:

– Достукались!

– Тунеядцы!

– Наверно, валютчики!

Подавляя в себе неловкость, мы как можно скорее проходим мимо швейцара, спускаемся по ступенькам. Передний милиционер услужливо открывает дверь, от нее испуганно шарахается в сторону женщина. Девушки позади тихо посмеиваются. Игорь выдавливает на щеках желваки. (Вообще это не смешно.) Мы выходим на площадь.

Когда-то в запасном полку я попал на гауптвахту. Попал самым нелепым образом по милости нашего взводного лейтенанта Коржа. Этот сравнительно еще молодой человек среди остальных командиров выделялся своей феноменальной строгостью. Больше, чем за все другие проступки, он преследовал за так называемые «пререкания». И надо же было случиться, что на занятиях по физподготовке, когда Корж показывал перед взводом прием на брусьях, кто-то в строю хихикнул. Корж сразу соскочил со снаряда и, окинув строй зверским взглядом, приказал:

– Рядовой Василевич! Выйти из строя!

Как и полагалось, я сделал три строевых шага и повернулся лицом к ребятам.

– За нарушение дисциплины объявляю выговор!

Мне стало смешно.

– А это не я.

– Молчать! Один наряд вне очереди.

– За что?

– Молчать! Два наряда вне очереди.

– Вы разберитесь сначала. Это не я смеялся.

– Три наряда!

– За что наряды?!

– Молчать! Сутки ареста с содержанием на гауптвахте.

Тут я впервые смолчал. Я кусал губы и глядел на него.

Он – со злобой – на меня. Оба мы понимали, что зашли в своем упрямстве далеко и кому-то надо уступать. Но я уступать не хотел. Тем более что дисциплинарные права у лейтенанта должны же были в конце концов кончиться.

И я выпалил:

– А я не боюсь.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Двое суток!

– Хоть десять.

– Трое суток!

После этого лейтенант впервые растерянно моргнул своими белесыми глазами. Но тут же нашел выход:

– Не думайте! Не хватит своих, я у комбата займу. Я вас проучу.

И он занял. Я ни за что получил восемь суток простого ареста с содержанием на гауптвахте. Помню, шел туда без ремня, с шинелью, в сопровождении старшины, кругом стояли бойцы, и их лица расплывались от ободряюще-насмешливых улыбок. Такая же улыбка была и у меня. Никакого ощущения вины. Дурной каприз, глупый выпад взводного – и только.

Теперь совсем другое.

Во мне все кипит. Я знаю, что причин для серьезных выводов никаких нет. И я не боюсь милиции. Но сам факт этого привода возмущает до глубины души. Я вижу месть. Мелочную, глупую, подлую. И я жажду отмщения. Только до отмщения еще далеко. Еще неизвестно, как отнесутся к нам в той милиции. Неизвестно, кто там. А вдруг такой же бывший председатель трибунала?

Милиционеры проводят нас через служебный ход и останавливаются у двери с табличкой. Старшина поворачивается ко всей группе.

– Зайдете только вы, вы, вы и вы, – указывает он на меня, Игоря, парня в черном и Горбатюка. Эрн хватает Игоря за руку.

– И я тоже.

– Прошу остаться.

– Я не останусь. Он мой муж! – выпаливает она тоном, рассчитанным на то, чтобы сразить старшину.

Однако тот не повел и бровью:

– Это неважно.

– Нет, важно!

– Ну хорошо, ступайте. Остальные свободны.

Глава тридцатая

Мы долго бредем притихшей ночной улицей, пока выходим из села.

Тем временем настает утро. Небо окончательно растворяет в себе предрассветную синеву и яснее. Гаснут мелкие звезды. Из серых сумерек проступает пестрота сельской околицы. Возле моста через ручей стоит покосившийся, с открытыми люками танк, подбитый или брошенный – не разберешь. Поодаль, остро воняя разлитым на снегу бензином, валяются два мотоцикла с колясками. Еще дальше на обочине лежит конский труп с вмятой в снег гривой. У дороги несколько зияющих чернотой воронок – значит, и тут бомбили. Тут уже начинается поле, большое село кончилось. На столбе указатель с готической надписью: «Mіnen».

Вместе с танкистом и Катей я несу Юрку. Мой друг тихо качается на треугольной немецкой палатке и даже не стонет. Мне почему-то кажется, что он просто утомился и спит. Впрочем, мне очень хочется, чтобы было так. Пусть поспит еще, пусть! Иначе что я скажу ему, когда он очнется? Чем обнадежу его, если сам не знаю, где мы и куда держим путь.

Дорога за селом круто заворачивает по склону вверх. Намотав на руку парусиновый угол палатки и все время оберегая раненую ногу, я устало ковыляю по снегу. С

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru другой стороны идет танкист – черный, как грач, чубатый парень в промазученной телогрейке. На его голове добротный, подбитый мехом танковый шлем с лорингофоном, провод от которого болтается на плече. Дорога на подъем разогрела танкиста, и он то и дело сдвигает шлем на затылок. А у меня уже, кажется, окоченела голова. Катя придерживает палатку сзади. Двое разведчиков впереди волокут автоматчика. Позади всех, низко согнувшись, тащит на себе беспомощного летчика немец. Это его заставил Сахно. Впрочем, иначе и не понесешь – некому. И летчик уже не требует, как прежде, убить немца, а молча обнимает забинтованными руками-култышками его длинную шею. Один только капитан налегке шагает сбоку. Но он тоже ранен, и к тому же – начальство.

Наконец, выбравшись по косогору на степной простор, небольшая наша группа останавливается. Не сговариваясь, мы кладем раненых на снег и обессилено падаем рядом.

Сахно несколько медлит, но соглашается:

– Пять минут!

Мой напарник-танкист широко расставляет в колее свои «кирзачи» и говорит с легкой завистью:

– Строгий!

– Дурной, а не строгий, – поправляет Катя.

Лежа на боку, она заботливо укутывает Юрку полушубком. Юрка часто и молча дышит. Танкист поворачивает к ней голову:

– Ну почему? А я люблю строгих. С ними в бою уверенней.

– Недолго ты, видно, в бою пробыл, – замечает Катя.

Танкист снова поднимает разгоряченное лицо. Взгляд его как-то недовольно темнеет.

– Да уж больше тебя. Из-под самого Курска газую.

Катя хмыкает:

– Из-под Курска! Тоже вояка! Ты бы в сорок первом погазовал. Или в сорок втором. А теперь что газовать!..

– Ты уж с сорок первого!

– Вот именно! С августа сорок первого. Насмотрелась таких вас... Строгих и ласковых.

– Оно и видно! – многозначительно замечает танкист и одним глазом подмигивает мне.

Но я не разделяю его иронии – Катя в моих глазах уже прочно утвердила свои человеческие достоинства, которые не может унижить ничто из того, что он имеет в виду. И я лежу молча. В груди еще все горит от усталости, а мокрая от пота спина начинает мерзнуть. Опять же – нога. В стопе будто дергает кто-то самый болезненный нерв, нога на снегу сама собой заметно подрагивает. Пальцев я, однако, не чувствую, они мне уже стали чужими.

Проходит значительно больше пяти минут. Ребята устало сопят, развалившись на снегу. Я поглядываю вперед, где сидят двое разведчиков, и думаю: хотя бы уж скорее кончался их автоматчик. Может, это подло – желать смерти товарища, но иначе мы тут, видно, засядем. Однако там, кажется, что-то происходит. Один разведчик, поворотив бедолагу, зовет Катю:

– Эй, сестра! Глянь-ка сюда...

Катя устало поднимается и идет к разведчикам. К ним же подходит Сахно. Они там еще что-то возьмется, но уже ясно: автоматчик скончался. (Надо было тащить его из

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru села!) Рядом поворачивается в колее танкист. Даже апатичного, вконец усталого немца задевает любопытство, и он приподнимается на дороге. Что ж, может, так лучше. Бедняга автоматчик простит нас.

Однако что это время от времени гудит? Будто где-то невдалеке прогазует и стихнет мотор. В селе или дальше? Нет, пожалуй, в степи. Я всматриваюсь в кривизну сельских улиц, но ничего подозрительного там не видно. Правда, дальний конец села скрывается за поворотом балки. Не подходят ли туда немцы? Я напрягаю слух, только гул вскоре гложет. Или это мне кажется так от переутомления?

Тем временем над селом, над широкой балкой и степью в утренней морозной дымке восходит солнце. Какое-то оно сегодня удивительно большое и красное. Просто непривычно видеть такой его ярко-багровый шар, который выкатывается из-за горизонта и не спеша движется вверх. И весь небосклон на востоке широко и густо залит какой-то мутной, слабо подсвеченной краснотой. Что-то недоброе чудится в этом сегодняшнем восходе... Нечто беспокойно-загадочное рождается вместе с днем и гнетет. Я не могу осмыслить своего предчувствия, но смутная тревога все больше охватывает меня, и я уже знаю: не к добру это. Стараясь, однако, не выдать моего беспокойства, я поглядываю на Юрку. В высоко поднятом воротнике полушубка тихо покоится его сосредоточенно-отрешенное лицо. Юрка в забытьи, и, если бы не его редкие тихие стоны, он бы выглядел почти неживым. Танкист рядом спокойно хрупают снег, будто вокруг ничего особенного не происходит. Я же прислушиваюсь к возбужденным голосам тех, что возле автоматчика, и понимаю: Сахно приказывает нести покойника дальше, а разведчики отказываются. Конечно, негоже покидать его на дороге, но и мы не железные. Я встаю и, больше, чем до сих пор, прихрамывая, подхожу к капитану. Сахно, откинув полу полушубка, засовывает в карман документы умершего.

– Надо о живых больше думать!

Капитан круто поворачивается ко мне:

– Что вы имеете в виду?

– То, что слышали. Пусть бойцы берут младшего лейтенанта.

– Вашего дружка?

– Дружка, ну и что ж? Или того, – киваю я в сторону летчика, который молча лежит возле немца.

– Что, немца жалко?

– Не жалко. А гадко.

– Ах, гадко! А я думал, жалко. Сочувствие, так сказать, – сжав квадратные челюсти, цедит Сахно. И вдруг властно приказывает разведчикам: – Взять труп!

Потные и усталые разведчики переступают с ноги на ногу. Перепачканные их халаты подпоясаны кожаными немецкими ремнями. И у одного из них возле пряжки я вижу знакомые гранаты. Так и есть: на одной чем-то острым выцарапано «М. Коваль». Я не могу сдержать своего удивления и делаю шаг к разведчику:

– Слушай, где ты их взял?

Вместо ответа разведчик почему-то дергает головой, клонится, клонится на меня и вдруг всем телом грузно валится на дорогу. В следующее мгновение, не успев удивиться, я также падаю. В воздухе над головами проносится близкая череда пуль: жви-у, жви-у, жви-у... Немцы?

Выждав десяток секунд, я всем телом круто оборачиваюсь назад. Ну конечно, мы проворонили – в селе немцы! Четыре или пять автомашин или транспортеров (а может, и танков) двигаются по улице, и с передней в нашу сторону сверкают блеклые при утреннем свете трассеры.

Поняв все, я рывком кидаюсь к Юрке. Рядом вскакивает танкист. Сразу же к нам подбегает Катя. Танкист оглядывается и матерится.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Гад, с ума сошел, что ли? Наверное, свой...

– Свой! Нашел свояка! Держи палатку! – кричит Катя.

– Бегом! Бегом! – торопит издали Сахно (или, может, разведчик).

Мы втроем неловко хватаем Юрку, но его тело тут же соскальзывает с узкой палатки наземь. Новая очередь брызжет нам в лица снегом. Чтобы прикрыться от пуль, я резко толкаю друга в колею, где глубже, и валюсь туда сам. Когда очередь минует, подхватываю его под мышки. Рядом вскакивает танкист. Ругаясь, он помогает. Над головами снова стремительно проносится огневая струя, но мимо. Кажется, мы целы. Чувства мои притупляются, в горячке я плохо соображаю, и единственное, почти бессознательное стремление побуждает: «Быстрее!» Больше я не оглядываюсь, все мое внимание устремляется только вперед. Сахно и разведчик, пригнувшись, уже далеко бегут по дороге. За ними тащит летчика немец. Второй разведчик лежит между колеями, рядом с трупом автоматчика. Конечно, те их оставили. Но и нам некогда задерживаться – быстрее! Хотя бы шагов сто за пригорок – там бы мы укрылись.

Пули то взбивают снег под ногами, то проносятся в воздухе рядом, ветер обдаёт нас снежной пылью. Мы вскакиваем и сразу же падаем, но изо всех сил волочим Юрку. Наконец, в который уже раз распластавшись в колеях, видим – скрылись. Село остается за пригорком, пули идут верхом. Тогда мы расслабленно поднимаемся. Юрку у меня забирает танкист, который за воротник сильно тянет его за собой в колею. Я плетусь последним и жду: вот-вот загрохочут моторы.

Ах черт, если бы были гранаты! Как теперь нам нужны гранаты! И я ругаю себя, что не взял их у разведчика. Только как было взять?..

Впереди снежная гладь, по которой пролегает дорога. Дальше два ряда столбов, какая-то постройка – кажется, там железная дорога. Туда устало бредут Сахно и разведчик. Разведчик останавливается и, подождав, начинает помогать немцу. Юрка в надежных руках танкиста и Кати. А я уже не могу. Я достаю из-за спины карабин и ложусь в колею.

Умереть, что ли? Пожалуй, это было бы блаженством – так вот тихо закрыть глаза и умереть. Да, знаю, такая смерть – роскошь. Будет совсем по-другому: перебитые кости, разорванное тело, кровь и муки. И будет скоро – вот-вот. Как только покажутся из балки немцы.

Однако в магазине у меня четыре патрона. Я перезаряжаю карабин и начинаю ждать. Колея подо мной мелкая и широкая. Грубые следы «студебеккера» полузатерты Юркиным телом. Комья снега. Следы. Лошадиный помет. Если хорошо прицелиться – я могу подстрелить пару фрицев. На большее рассчитывать трудно. Но и для этого надо отдышаться, успокоиться. Хотя бы успеть!..

Но немцы не показываются. И за пригорком ничего не слышно. Что за напасть? Уж больно они медлят. А может, им наплевать на нас? Может, повернули на другую дорогу?

Я оглядываюсь. Танкист с Катей во весь рост несут Юрку. Остальные уже возле постройки. Похоже, там переезд. Как-никак – укрытие. А значит, и жизнь.

Это вдруг обнадеживает. Возможно, и я успею. Немцев все нет. Тогда я вскакиваю и, сильно хромя, быстро иду по дороге. Карабин в который раз служит мне костылем.

Хоть бы успеть! Хоть бы успеть! – в такт шагам пульсирует мысль, и я то и дело оглядываюсь.

Глава тридцать первая

Не веря, что все обошлось, я пересекаю шоссе, которое по эту сторону бежит рядом с железной дорогой, и иду к переезду. Но это не переезд, а скорее будка обходчика – кирпичное строение, сарайчик, штабель шпал и несколько присыпанных снегом рельсов на невысокой подставке. Шлагбаумов тут нет.

Ребята лежат в снегу за редким поломанным штакетником. Сквозь его щели торчат на

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
дорогу два автоматных ствола. Ждут. И ругаются. Впрочем, ругается один Сахно:

– Какое вы имели право? Я вас спрашиваю?

Его сосед разведчик, ворочаясь в снегу, запальчиво оправдывается:

– Так ведь убит! Что я, слепой, что ли? Прямо в голову.

Доковыляв до штакетника, я боком падаю возле танкиста и просовываю в дырку свой карабин. Впереди так никого и не показалось. Видно, в самом деле плевали на нас немцы. Напугали, одного угробили, тем и ограничились.

– Василевич! – зовет меня Сахно.

– Я!

– Вы убитого видели?

– Ну, видел. А что?

– А вы уверены: он убит, а не ранен?

– Я не смотрел. Вы же там стояли. Могли поинтересоваться.

Сахно минуту молчит, раздумывая. Потом решительно встает на кодени.

– Вот что! – категорически объявляет он разведчику. – Сейчас же пойдете и доставите сюда труп. Поняли?

Разведчик тоже встает:

– А зачем труп?

– Чтобы я видел, что он убит! – теряя терпение, кричит вдруг Сахно. – Вы понимаете или нет? Или вам это нужно пистолетом внушить?! Ну!

Он размахивает пистолетом, и я теперь не завидую парню. Уставившись в лицо капитану, видно, понимает это и разведчик. Немного помедлив, он зло плюет в снег и, ни на кого не взглянув, идет на дорогу. Под забором остаются трое. Остальные, кажется, в будке.

– Сопляки! Разгильдяи! – бушует Сахно. – Я вам покажу, как надо выполнять приказы!

Здорово, думаю я. Видна командирская хватка. И принципиальность. Однако зачем столько крику?

Сахно стискивает, словно замыкает, свои челюсти и ложится в снег. Мы смотрим на дорогу. Разведчик быстро идет с автоматом под мышкой. Справа, где-то совсем близко, – Кировоград. В небе над ним расплываются гривы дымов. От близкой канонады мелко дрожит под нами земля. В какой стороне передний край – не понять: кажется, грохочет повсюду. Невысоко, обрушив на землю гул, проносится стая «Илов» – пошли на штурм. На небосклоне бледным пятном сквозь реденькую дымку блестит холодное солнце.

На дороге по-прежнему пусто.

Я начинаю мерзнуть. И голова, и нога. В овчинный рукав набилось снегу, там мокро. Беспокоит мысль – как Юрка? По такой дороге, по-видимому, досталось и ему. И тут будто в ответ на мое беспокойство из-за угла будки появляется Катя:

– Младшой! А, младшой! Друг зовет.

В скверном предчувствии замирает сердце. Я вскакиваю. Вдали вскидывает голову. Сахно. В его взгляде – придирчивая строгость службиста.

– На минуту, – говорю я и ковыляю за угол.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru В будке полумрак. Выбитые окна завешены каким-то тряпьем. На полу слежавшаяся солома. (Пожалуй, за эти сутки заходим сюда не мы первые.) Но тут тепло. Меня встречает пожилой, согбенный человек в черной телогрейке. В углу на соломе уныло сидит немец. Рядом на пестрой дерюжке дрожит-трясется в грязных бинтах летчик. Немец время от времени прикрывает его шинелью. Ближе к окну смиренно вытянулся на полу мой пострадавший Юрка.

– Сядь, – тихо говорит он.

Я опускаюсь подле него на солому и молчу. Я не знаю что с ним. Не самое ли худшее?..

– Тебя там не ранило? – тихо спрашивает Юрка.

– Нет, Юра. Обошлось. А ты слышал? – спрашиваю я, затаив дыхание. Неужели он все слышал, что делалось на дороге?

– Я понимаю, – имея в виду что-то свое, говорит Юрка. – С нами возни!.. Самим столько горя! Но знаешь... Не оставляй. Очень прошу. Я-то – черт с ним... Но мать... Ты же знаешь.

Он умолкает, и мне становится легче.

– Юр! Ну что ты! – удивляюсь я, чувствуя свою неискренность. Я ведь еще не знаю, куда мы подадимся, как выберемся из этой западни. Сумеем ли вынести его живым? Не знаю почему, но моя решимость спасти его с сегодняшнего дня поколеблена. И все же я с внезапной уверенностью обещаю: – И не думай даже: не оставим!

Юрка зябко ежится и вздрагивает.

– Знобит, холера. А вообще сегодня мне лучше. Я теперь чувствую: выживу. Вчера, признаться, думал, хана. – Он виновато улыбается уголками губ и снова становится печально-серьезным. – Выбраться бы только.

– Выберемся, Юра. Тут уже недалеко. Вот немец поможет. Еще есть двое здоровых. Не беспокойся.

Я поглядываю на Катю, которая стоит сзади, и вдруг вижу кого-то на полу у стены. Прикрытый шинелью, он неподвижно лежит в тени. Только ноги в немецких, аккуратно подкованных сапогах вытянулись к порогу.

– Кто это?

– Немец, кто же еще, – говорит Катя.

– Немец, сынок, немец, – подтверждает старик, видно, хозяин этого домика. Он расслабленно шаркает от порога и садится на край топчана. Потом в раздумье снимает шапку. На белой голове топорщатся спутанные поседевшие космы.

– Откуда немец?

– Да тут вчера... Помирал на шоссе. Ну, подобрал.

Я встаю, отворачиваю край шинели. На окровавленной соломе – пожелтевшее молодое еще лицо. Полураскрытые неподвижные глаза. Худая кадыкастая шея. На погонах по офицерскому значку. Обер-лейтенант вермахта.

– Всю ночь бился. И плакал, как дитя. Нелегко отходил, не дай Бог. Теперь уже что?.. Теперь царство небесное.

– Ты что: у немцев служил? – зло кольнув его взглядом, спрашивает Катя.

Человек поднимает глаза и снизу вверх глядит на нее с упреком:

– Почему так говоришь, дочка?

– Больно уж жалостливый.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Может, и жалостливый. А немцам я не служил. Я работал. Двадцать лет в этих местах работал на железной дороге, – обиженно говорит человек. – Себя кормил. Невестку с детьми да еще ваших двоих в сорок первом выхаживал. Пока раны затянулись. Что же, сам солдатом был. В ту, николаевскую, натерпелся лиха. В плену у них был. Знаю.

– А этот? – киваю я на труп под шинелью.

– А что этот? Когда умирал – Бога вспоминать стал. Гота по-ихнему. Перед кончиной-то. Смерть, она всех уравнивает. Теперь он человек просто. Покойник.

– Очеловечишь его! – говорит Катя. – Мало ты, наверно, повидал их!

– Да уж сколько пришлось, – ворчит старик, и потрескавшиеся его руки свиваются в узел.

Мне кажется, что у немца на ремне оружие. Нагнувшись, я дергаю за язычок кобуры – действительно, там маленький вороненый пистолет. На боку надпись какой-то бельгийской фирмы. Удивительно удобная рукоятка, словно вливается в ладонь. Остальное меня мало интересует, а оружие пригодится. Тем более что магазин полон патронов. Ударом ладони я загоняю магазин в рукоятку и ловлю на себе взгляд Юрки.

– У тебя есть? Нету? На, возьми, – говорю я. – Пусть будет.

Юрка ослабевшей рукой берет пистолет. Но в его глазах уже нет и капельки интереса, обычного в таких случаях. Я уже заметил, что за время ранения во взгляде моего друга появилось что-то новое, неведомое мне прежде. Какая-то отчужденная настороженность все настойчивее овладевает им, делая почти неузнаваемым такого знакомого и привычного мне Юрку. Это огорчает и как-то невольно начинает отстранять его от меня, и я не знаю, что говорить дальше. Недавно еще бывшее прочным единство меж нами нарушается, бессловесная связь исчезает. И я молчу. Молчит, переобуываясь на полу, Катя. Молчит старик на скамейке. И вдруг под окнами раздается оклик Сахно:

– Василевич!

Вздрагнув, я бросаюсь к двери и на пороге сталкиваюсь с Сахно. Едва не сбив меня с ног, капитан хватается за карабин.

– Дай сюда!

И бежит за угол к штакетнику.

Я выскакиваю из-за угла. Однако танкист беспечно лежит на своем месте и как-то уж очень спокойно всматривается вдаль. После сумерек слепит снежная яркость, однако мне кажется, будто по полю кто-то идет. Далеко и вроде один. Тем временем Сахно быстро перезаряжает карабин и, приткнув его к штакетнику, целится. Вскоре раздается выстрел.

– Что такое?

Танкист оглядывается и во взгляде его – ни тени тревоги. Парень кивает в степь:

– Да вон тот драпанул.

Разведчик? Ну так и есть. Далеко, под самым пригорком, шевелится одинокая белая фигура. Видно, порядком отойдя от нас, он свернул с дороги и теперь напрямик шпарит куда-то по снежной целине. Эта новость сначала обжигает меня гневом, потом сменяется удивлением – куда же он направляется? Если к немцам, то не надо было сворачивать с дороги, немцы ведь так близко в селе. Сахно стреляет опять.

– Стойте! – кричу я. – Что вы делаете?!

Капитан, не отвечая, стреляет еще, только все же далеко и попасть трудно. Разведчик, наверное, услышав его выстрелы, останавливается и раза два взмахивает над головой: мол, черта с два вы меня достанете!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Что вы делаете? Разве он к немцам!

Сахно, как затравленный волк, оглядывается и вскакивает на ноги.

– А вы замолчите! Замолчите! – кричит он. – Вы разгильдяй! Вы разлагаете дисциплину. Я в трибунал вас передам!..

Я внутренне смеюсь. Напугал! Трибунал! Дурень ты, хочется мне сказать, но я знаю – теперь с ним лучше не связываться. Я наклоняюсь за карабином, который он одной рукой бросает мне под ноги, и отхожу. Сахно торопливо идет к помещению. На углу встречается с Катей. За ней ковыляет старик. Катя встревожена:

– Что за пальба?

Не отвечая, капитан вскидывает своей подбородок:

– А ну, собирайте монатки! Марш отсюда!

– Куда марш? Кругом немцы, – спокойно говорит Катя.

Сахно с недоумением смотрит на нее.

– Туда! Вперед! К своим! – машет он в поле.

Девушка вздыхает и отворачивается. К Сахно, кутаясь в телогрейку, подходит старик.

– Там мины, сынок. Недавно немцы раскладывали. Сам видел, тут аккурат грузовики стояли. А они по полю разносили.

Катя застегивает полушубок. Танкист, подойдя сзади, сдвигает на затылок свой шлем и прислушивается к разговору. Сахно пронизывающе смотрит на старика.

– Где край минного поля? Где обход? Будешь показывать! – приказывает Сахно.

Старик разводит руками.

– А разве ж я знаю? Сперва так видел, а потом они меня в город отвезли. Сколько они тут разбросали – леший их знает.

Наступает тягостная пауза. Слышнее становится самолетный гул. Несколько воробьев слетает с крыши на снег и проворно суетится у ног. Сахно оглядывает окрестность.

– Так, – решает он. – Раненых оставить. Немца шлепнуть. Хотя нет! Немец пойдет с нами.

Подавшись вперед, я останавливаюсь перед капитаном:

– Младшего лейтенанта также возьмем!

Мой голос дрогнул. На этот раз я ему не уступлю. И Сахно, кажется, понимает это. Строго сверкнув на меня злым взглядом, он отворачивается.

– Только при условии, что сам его понесешь.

– Помогут. Они помогут, – говорю я и умоляюще гляжу на Катю.

Та, однако, отводит свой взгляд в поле, и я обращаюсь к танкисту:

– Друг, ты же сможешь?

Танкист недовольно хмыкает:

– А я что – лошадь?

Надежда моя рушится. Я едва сдерживаю слезы. Сволочи оба! И Катя тоже. А я полагался!.. Тяжко! Страшно! Конечно, своя рубашка ближе к телу. Трусы проклятые! Ну, да черт с вами! Еще поглядим – кому повезет.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Меня душит обида и гнев. Надо было бы им что-то сказать. Но я не нахожу слов и, сдерживаясь, чтобы не закричать, бросаюсь к крыльцу.

Дверь за собой я не закрываю – теперь мне плевать на все в целом мире. Я склоняюсь над Юркой. Он с усилием поднимает запавшие веки.

– Юр, ну как ты?

– Так, ничего, – тихо, пересиливая стон, говорит он и спрашивает: – Почему выстрелы были?

Я не отвечаю.

– Юра, ты можешь? Берись как-нибудь, а?

С внезапной тревогой в глазах он послушно протягивает ко мне руки. Я поворачиваюсь боком, чтобы подставить ему плечи. В это время в помещение неслышно входит Катя. Рядом на полу я вижу ее валенки.

– Ну как раз! Только тебе и нести! – злится она, и от этого ее тона что-то во мне расслабляется.

Катя оглядывается:

– Эй, Фриц, а ну подсоби!

– Яволь. Айн момент!

Немец с готовностью вскакивает. Я слышу, как стучат по полу его подкованные сапоги. С помощью Кати он принимает с моих плеч довольно-таки тяжелое тело Юрки. Палатки на этот раз нет, и они берут Юрку за воротник и полы полушубка. И тогда на полу вскрикивает летчик:

– А я? А меня? Бросаете? Завели в окружение и бросаете? Сволочи вы! Пехота! – дико кричит он, размахивая в воздухе руками-култышками. И вдруг истерически всхлипывает: – Братцы! Что же вы делаете! Спасите! Я же командующего возил. Я его личным шофером был. Он из вас души повытрясает! Вы слышите! Сволочи! Я не прошу!

– Ах, вот что! – приостанавливаясь, говорит Катя. – Вот ты какой летчик!..

– Я не летчик! Я личный шофер командующего. Поняли? Вы меня не оставите. У меня военная тайна. Я тайну имею!

В растерянности я не знаю, что делать. Противно и странно одновременно слышать все это. Но он такой здоровенный – нам его не поднять. Впрочем, может поднимет танкист? Надо бы перенести его отсюда куда-нибудь в более подходящее место.

Мы выносим Юрку на крыльцо, и я кричу танкисту, который рядом с Сахно стоит на дворе. Оказывается, они тут все слышали.

– Эй, слышишь? Возьми!

Танкист без слов закидывает за плечо автомат, но Сахно грубо отстраняет его:

– Стой! Я сам...

И решительно протискивается мимо нас в хату.

Сгибаясь, мы выносим Юрку во двор и удобнее берем его снова втроем: я, немец, Катя. В помещении слышатся ругань и крик. И вдруг раздается выстрел.

Танкист бросается к двери и сталкивается там с Сахно. Капитан с окаменевшим лицом на ходу запихивает в кобуру «ТТ». В удивлении, граничащем с испугом, мы смотрим на него.

– Вот так будет с каждым! – властно объявляет он и, заметив наши неодобрительные

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
взгляды, кричит: – С каждым паникером и нытиком! У меня не дрогнет рука. Ясно?

Холодом пахнуло в душу – такого мы не ожидали. И все ясно чувствуем – это не пустые угрозы. Решимости у него хватит.

Сахно выходит со двора:

– Ну! Шире шаг!

Примолкнув, мы быстро идем по дороге в поле. Сзади в воротцах остается старик. Он молча смотрит нам вслед.

Глава тридцать вторая

В милиции нас, видно, не ждут. Пока мы по одному проходим через узкую дверь, за столом в комнате доигрывается партия в шахматы. Играют младший лейтенант в серебряных погонах, который сидит за столом, и милиционер, стоящий сбоку. При нас они поочередно делают несколько торопливых ходов. Но до мата, пожалуй, далеко, и милиционер осторожно убирает со стола доску. Младший лейтенант встает и, хмуря светлые бровки, окидывает нас взглядом, в котором начальническая строгость борется с обычным юношеским любопытством.

– К стенке! К стенке! Не толпитесь у двери.

– Не убежим! – говорит парень в черном.

Выдерживая определенную дистанцию во взаимоотношениях, офицер сухо бросает:

– Охотно верю.

Он совсем еще молод, видно, недавний выпускник милицейского училища, но деланной строгости на его лице предостаточно. Старшина, приведший нас, становится у двери. Мы все выстраиваемся в ряд, в трех шагах от единственного тут стола, и младший лейтенант опускается на стул.

– Ну, в чем дело? Кто объяснит?

Горбатьюк подходит к столу:

– Они оскорбили меня. Кроме того, планки...

– Вас мы уже слышали, – довольно решительно перебивает его офицер и кивает на меня: – Говорите вы!

– Что говорить? Планок у него не было. Я их не видел.

Младший лейтенант бросает беглые взгляды на остальных и останавливается глазами на Игоре:

– А вы что скажете?

– Я присоединяюсь к товарищу. К сожалению, не знаю фамилии.

– Так. Значит, не признаетесь. Тогда будем писать.

Он разворачивает на столе канцелярскую книгу. Из кармана кителя достает авторучку.

– Та-ак! Пишем. По порядку. Вас первым. Фамилия, имя, отчество.

– Василевич, Леонид Иванович.

– Год рождения?

– Тысяча девятьсот двадцать четвертый.

Ручка его почему-то не хочет писать, царапает бумагу, и младший лейтенант стряхивает ее в сторону. На красной скатерти, заляпанной чернилами, появляется

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
новая клякса.

– Ч-черт! Дальше?

– Ковалев Игорь Петрович. Тысяча девятьсот тридцать четвертый.

– Так. Дальше.

– Теслюк Виктор Семенович, тридцать восьмого.

Ручка офицера снова царапает, и он, повернувшись, резко стряхивает ее в этот раз над полом.

– Теслюк. Дальше?

– Фогель, Эрна Дмитриевна. Тысяча девятьсот сорок второго.

Младший лейтенант поднимает голову:

– А вы что – свидетель?

– Она ни при чем, – объявляет Горбатюк и с мрачным выражением закладывает руки за спину.

– Нет. Я при чем. Пишите и меня.

Офицер с недоверием спрашивает Горбатюка:

– Она, значит, не оскорбляла вас?

– Нет. Она нет.

Младший лейтенант колеблется, и Эрна с внезапной решимостью на лице подскакивает к столу:

– Пишите, пишите! Я еще оскорблю.

Младший лейтенант удивленно снизу вверх смотрит на нее. В черных глазах девушки протест и решимость. Офицер, не отрывая от нее взгляда, вяло стряхивает ручку.

– Фогель?

– Фогель, Эрна Дмитриевна. Тысяча девятьсот сорок второго года рождения. Так? Записали? А теперь я скажу.

Крутнувшись от стола на тоненьких каблучках, она оказывается лицом к лицу с Горбатюком:

– Вы подлец! Слышали? Подлец!

Игорь, шагнув к девушке, хватает ее за руку:

– Эрна!

– Эрна! Брось ты! – с другой стороны подскакивает к ней Теслюк.

Игорь ставит ее рядом с собой. Живое, мягко очерченное лицо девушки горит возмущением.

– А я не боюсь. Ваше счастье, что их у вас не было. Я бы их сама сорвала. Вы их недостойны. Вы провокатор!

– Вы слышите? Вы слышите, товарищ младший лейтенант? Я прошу записать! – густым басом требует Горбатюк.

Младший лейтенант вскакивает из-за стола и становится перед девушкой:

– Замолчите!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Эрна умолкает, все еще дрожа от возбуждения.

Горбатьк тычет в ее сторону пальцем и кричит офицеру:

– Вы видели? Она пьяна! Они все пьяные! Прошу записать!

– А ну, ведите себя пристойно. Тут не ресторан, – строго приказывает младший лейтенант.

Эрна постепенно успокаивается. Обхватив ее за плечо, Игорь приближает девушку к себе. Я изо всех сил стараюсь сдержаться, чтобы выглядеть спокойным. Хотя чувствую. – выдержки моей хватит ненадолго.

Хмуря редкие брови, младший лейтенант заходит за стол. У порога стоит милиционер. Затаив в себе гнев и неловкость, стоим мы. Один только Горбатьк в мрачном оживлении порывается к столу:

– Вот видите! Вот видите! Ведь это – прямые выпады! Да! Да! Правительственные награды есть акт Советского правительства. А она что сказала? Попрошу все записать. Я эти награды заслужил в боях!

– Безусловно, – нарушает напряженное молчание офицер. – Никто не дал права оскорблять то, что заслужено на фронтах Великой Отечественной войны.

Со сдержанной строгостью, которая вовсе не идет к его молодому лицу, он садится. Еще раз бросив осуждающий взгляд на Эрну, сильно встряхивает ручку.

– Ну, не все, что блестит на груди, в бою заслужено, – говорит в тишине Теслюк. Этот парень все время держится как-то удивительно ровно и спокойно. На его полных симпатичных губах, кажется, постоянно блуждает добродушная улыбка. Будто все, что тут происходит, его ничуть не касается.

Младший лейтенант замирает с занесенной над бумагой ручкой:

– Вы не мудрите мне тут.

– А я не мудрю, – во все свое кругловатое лицо улыбается парень. – У меня дядя – отцов брат – подполковник в отставке. Всю войну просидел в Архангельске в военном училище. фронта и не нюхал, а уволился – четыре ордена.

Младший лейтенант недоверчиво хмыкает:

– Расскажите это кому-нибудь другому.

– Вполне вероятно, – говорю я. – Может и так быть.

– Бувае, – поддерживает меня старшина. Он прислоняется к стене и достает портсигар.

– Факт! – говорит Теслюк. – За выслугу лет и безупречную службу.

Младший лейтенант кладет на стол ручку и поворачивается к старшине:

– Прохоренко, у тебя «Шипка»? Дай-ка одну.

Он разминает конец сигареты и, будто раздумывая о чем-то, продолжает осматривать нас. Мы все уставились в него. Теперь он – наш бог, властелин нашей судьбы. И мы уже чувствуем в его недавней настроенности против нас маленькую щербинку.

Старшина Прохоренко тем временем закуривает сигарету и сдвигает на ухо фуражку. Его грубое немолодое лицо расплывается в добродушной ухмылке.

– В тылу их бильш давалы, ниж на фронти, – рассудительно говорит он. – Я пришов з армии у сорок девятому роцы и имев тры медали. А суседка Гануся на буряках запрацювала тры ордены Ленина. За тры роки – три ордены. Бильш, ниж наш командир полка. Бурячки родили, от начальство и не обижало. И ей вишалы, и соби. А ей не орденны трэба було давать, а стреху видрамантуваты. А то стреху я рамантував. Тры

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
роки текла.

Горбатюк круто поворачивается к старшине:

– Это не ваше дело.

– Почему ж не наше? Наше.

– Если не наше, то чье? – говорю я с вызовом. – Это что, справедливо, по-вашему, когда у звеньевой орденов полна грудь, а крыша дырявая?

Горбатюк, гляжу, вызов принимает. Глаза его загораются недобрым огнем:

– Да, справедливо! Если правительство и ЦК считают, что у звеньевой должны быть ордена, то справедливо.

– Вы за высокие слова не прячьтесь! – говорит Игорь.

Я наседаю дальше:

– А когда сажали в тридцать седьмом, вы тоже считали это справедливым?

– А это не нашего ума дело! – трясет головой Горбатюк и сам начинает дрожать. – То была государственная политика. Что в ней не так – партия поправила.

За столом снова вскакивает младший лейтенант:

– Прекратить эти разговоры! Прекратить сейчас же!

Он покраснелся и волнуется. Я также волнуюсь. И все же жалко, что нам не дают тут скрестить шпаги как следует. Я бы вывел его на чистую воду.

– Товарищ младший лейтенант! Я попрошу это записать в протокол! – тычет пальцем в бумаги Горбатюк. Красное, вспотевшее его лицо пышет возмущением.

– Запишем! А как же? Это так не пройдет! – с угрозой говорит младший лейтенант и начинает торопливо излагать на бумаге нашу стычку.

Горбатюк с мстительной важностью поджимает губы. Похоже, что он победил.

– Сволочь ты, Горбатюк! – говорю я с едва сдерживаемой яростью.

– Гад! – поддерживает меня Игорь. Его глаза полны презрения к этому человеку.

Горбатюк хочет что-то ответить, но сзади через широко открытую дверь в комнату входят двое. Оба офицеры милиции.

– Э! Что за грубость? Молодые люди! По какому поводу?

Лейтенант за столом вскакивает и отдает честь:

– Товарищ капитан!..

– Так, что случилось? – миролюбиво спрашивает капитан и снимает фуражку. Потом, приглаживая редкие волосы, поворачивается ко мне: – По какому праву вы обругали этого гражданина?

– По праву фронтовика! – говорю я слишком твердо и, возможно, чересчур возбужденно.

Но благодушно настроенный капитан на мой ответ никак не реагирует. Он переводит взгляд на Игоря.

– А вы, молодой человек, по какому праву? Вы-то уж, пожалуй, не фронтовик?

Серые глаза Игоря становятся жесткими, тугие скулы выпирают еще больше.

– Я сын фронтовика.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Капитан сцепляет на животе пальцы рук и поворачивается к Горбатюку:

– Ну да ведь и вы-то, наверно, фронтовик?

Горбатюк подбирается всей своей довольно осевшей фигурой:

– Так точно. Гвардии майор запаса.

– Ай-яй-яй! – притворно сожалеет капитан. – Товарищи фронтовики! В День Победы и такие оскорбления! Как вам не стыдно! Что у вас такое случилось? А ну, Семенов, дай-ка протокол.

Младший лейтенант подает лист бумаги и с важностью поясняет:

– Политические выпады, товарищ капитан.

– Так, так, так... Так, – приговаривает капитан и быстро пробегает глазами по строкам протокола. – Так! Гм! Да глупости это все! Чепуха! Глупая ссора. Курам на смех...

Младший лейтенант хмурится и смущенно краснеет.

– И такими пустяками вы морочите мне голову? – наконец спрашивает у него капитан. – Пустячное дело. Согласен, Семенов?

– Так точно. Я думал...

Поскрипывая новыми сапогами, капитан проходит вдоль нашего притихшего ряда.

– Ну что вы, как дети? Ай-яй-яй! Фронтовики! Стоит ли сводить старые счета? Да в такой день? Мало ли что, может, и было в войну. Так стоит ли вспоминать? Столько лет! Миритесь и – с Богом. Даже протокола писать не будем.

– Нет! Пишите. Раз мы тут оказались, то все пишите, – говорю я.

Меня поддерживает Игорь:

– У нас не ссора. Мы принципиально.

Капитан подходит к нему и останавливается:

– Бросьте вы! Какие там принципы! Ну, выпили и поспорили. Завтра проспите – самим стыдно будет.

– Мы не пьяные.

– Ну тогда просто вы злые. Молоды и злы... Ай-яй...

– Мы не злые! – говорит Эрн. – Мы за справедливость! Должна же быть хотя бы элементарная справедливость.

– Справедливость? Это похвально. Почему же тогда вы оскорбили этого гражданина? Он же вам в отцы годится.

– Не обо мне разговор! – со страдальческим оттенком в голосе отзывается от порога Горбатюк. – Я докладывал и просил записать: они допустили выпады против органов.

Капитан умолкает и, осторожно шагая блестящими сапогами, направляется к Горбатюку:

– Каких именно органов?

– Органов! – твердо произносит Горбатюк. – Вы понимаете каких.

– Враки, – говорю я. – Этого не было.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Капитан останавливается посреди комнаты. Губы его строго поджимаются.

– Нет, было! – горячится Горбатюк – Я не могу тут при всех повторить, что он говорил в ресторане. Но я напишу. Если вы не примете соответствующих мер, я напишу куда следует.

Капитан делается строгим. Добродушный его тон меняется на отрывистый:

– Свидетели есть?

– Я свидетель! Я человек особого доверия. Этого достаточно.

– Вы ошибаетесь, гражданин. Этого недостаточно. Не те времена.

Мною овладевает злорадство. Ага – правда за нами. Черта с два он нас проглотит! Подавится! Он только играет на нервах. Проклятый бериевский рудимент. Из какой только щели он выполз? Прилив гнева и решимости подхватывает меня из ряда и толкает к злему, раскричавшемуся Горбатюку.

– Слышал? Не те времена! Ты немного опоздал, провокатор!

Я едва владею собой. До боли в орбитах округляются мои глаза. И сжимаются кулаки. Сзади кричит младший лейтенант:

– Гражданин! Прекратить! Сейчас же отойдите на место!

Но потное лицо Горбатюка также в ярости. С ненавистью он подсакивает ко мне:

– Возможно! Твое счастье. Я опоздал! А то бы я сломал тебе хребет! Не таким ломал. Жалко, мало! Не всем. Остались...

Мои кулаки становятся вдруг тяжелыми. В глазах туман, и в этом тумане – не Горбатюк – Сахно. Сзади требовательный, суровый окрик, которого я уже не слушаю. Кто-то подсакивает сбоку, чтоб схватить меня за руку, но я опережаю и, подавшись всем корпусом, бью его в челюсть.

Дальше – крик, визг. Горбатюк бросается на меня. Но его уже хватают. Меня схватили за руки раньше. Возле плеча нахмуренное лицо старшины. Я не вырываюсь. Я его больше не ударю. Это один раз. И – странно – мне становится легче. Я быстро успокаиваюсь. Рядом слышу одобрителное «правильно». Это Эрна.

А он еще рвется из милицейских рук. Но напрасно. Хлопцы держат крепко.

– Это безобразие! Дайте мне начальника отделения! Я буду жаловаться!

Молодежь возле стенки оживляется.

– Сколько влезет!

– Ведь труп же! Воняет, а не выносят. Почему их терпят? Почему так долго не выносят? – быстро говорит Эрна.

– Надеются, что сами выползут! – отвечает ей Теслюк.

Горбатюка сажают в угол на табуретку. Его держит молодой милиционер. Капитан строго обращается к молодежи:

– А ну, марш отсюда!

И ко мне:

– А вы останьтесь. Мы вас оформим.

Хлопцы и Эрна нерешительно топчутся у стены, с сочувствием поглядывая на меня.

Капитан повышает голос:

– Вам ясно или нет? Освобождайте мне помещение! живо!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

С его лица исчезает и след недавнего благодущия. Теперь это лицо не обещает добра. Но это уже касается только меня.

– Ладно, счастливо, – говорю я ребятам и Эрне.

Игорь первый делает шаг в мою сторону:

– Дайте вашу руку.

Он молча и твердо жмет мне пальцы и отходит. Эрна, улыбаясь, подает мягкую теплую ладонь.

– Не бойтесь!

– Пустяки! Я не боюсь. Счастливо вам!

С заметным облегчением они пропускают Эрну и закрывают за собой дверь. В комнате сразу становится просторнее. За стол садится капитан. Сосредоточенно прикуривает от зажигалки. Подвигает к себе бумагу.

– Ну, фронтовички! Подали пример молодежи! Очень красиво! Что ж, теперь я разберусь с вами.

Глава тридцать третья

«Мінен» – предупреждает надпись на доске, прибитой к палке, торчащей на краю дороги. Надпись не сняли – значит, наших тут не ждали, мы первые. Это, конечно, хорошего не сулит. Но танковые части все же где-то прошли. О том свидетельствует грохот боя, который слышится впереди. Там же, низко над горизонтом, вьется карусель «Илов», которые штурмуют немцев. Слева, далеко за балкой, видны длинные приземистые строения пригородного совхоза. Под их стенами – машины и повозки. Там немцы. Мы останавливаемся, кладем на снег Юрку. Сахно выдергивает из снега палку, ногой отрывает от нее доску, которую швыряет в снег. Затем с палкой в руке поворачивается к нам.

– Так! Пойдем через минное поле! – решает он и по очереди, будто испытывая, исподлобья оглядывает каждого.

Катя вскидывает голову:

– Вы в своем уме?

– Не ваше дело. Я с вами не шучу. Я приказываю! – уставившись в дорогу, мрачно объявляет Сахно. – А если кто дрейфит, говорите сразу. Я найду другой выход.

Мы все молчим. Я не совсем понимаю его. Если бы он отправлял нас одних, то все было бы ясно. Но ведь по минному полю придется идти и самому.

– Пошли вы к черту! – в гневе кричит Катя. – Вы же всех поугробите! И раненых. С ума вы сошли!..

Сахно терпеливо выслушивает Катю, стоя вполоборота к ней, и брови его оседают все ниже.

– Я приказываю, а не советую. А в армии полагается подчиняться. Опять же, кроме как через мины дороги у нас нет. Немцам живыми я вас не оставлю.

В глазах его железная твердость. Набывчив голову, он пронизывает Катю острым, недобрим взглядом.

– Почему это немцам? Если оставлять, то обязательно немцам? – говорит Катя.

Сахно, сжав челюсти, что-то обдумывает. Наступает мучительная пауза, и, чтобы разрядить ее, я говорю:

– А не подорвемся?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Сахно отвечает не сразу:

– Подорвется один – вперед пойдет другой. А вы как думали?

Самонадеянности у него с избытком. Будто перед нами не минное поле, а учебный плац. Но что делать – податься больше в действительности некуда: с трех сторон немцы. Авань проскочим. Капитан тем временем, бережно держа за пазухой раненую руку, поворачивается к нам:

– Ну! Кто первый?

Мы притихли и молчим. Глядим каждый себе под ноги. Одна Катя, нисколько не теряясь, злым взглядом меряет немца:

– Если так, пусть фриц! Их мины. Пусть по ним и топают.

Сахно несогласно бьет палкой по снегу:

– Ну да! Фриц тебя заведет!

Может, и так. Может, и заведет. Или бросится наутек. Догоняй тогда по минам. Может, и вправду пускать его первым нельзя. Но тогда кого? Не Катю же! И не меня. У меня нога сразу две мины зацепит. Остается танкист.

Исподлобья я тайком поглядываю на этого чернявого парня. Сахно же почти в упор смотрит на него. Танкист нерешительно мнетяся, поглядывая в сторону, но видно, чувствует, что первым придется идти ему.

– Вот так! – говорит Сахно. – Берите палку и марш.

Танкист вяло закидывает за спину автомат и промазученной рукой молча берет палку. Капитан, посторонившись, пропускает его вперед на снежную целину.

– Так. Дистанция пятьдесят метров. За ним пойдете вы! – тычет он в меня и прикрикивает на танкиста: – Быстрей! Не взорвешься.

Мы сворачиваем в степь, к трем скифским курганам, что возвышаются поодаль белыми шлемами. Юрка на этот раз достается Ангелю, который без приказа взваливает его на себя. Начинается поземка. Снежные пряди, вырываясь из-под ног, далеко расползаются по полю. Повсюду в степи дрожат на ветру стебли бурьяна. Невысоко в небе сквозь белесую дымку сиротливо блестит зимнее солнце. Я стараюсь идти по следам танкиста. За мной идет Катя. За ней – согнутый под тяжестью ноши немец. Сахно замыкает пятерку.

Внутри у меня все напряжено. Дыхание поверхностное – чуть-чуть. Идешь как по лезвию бритвы, как по горячим угольям. Все время надо глядеть под ноги, чтоб ступать след в след. А глаза невольно устремляются вперед, туда, к танкисту, где – неизвестность и смерть. На заметенной снегом земле действительно кое-где видны старые следы, они едва заметны. Мины же все в снегу, который тут не глубок – до щиколотки. Отличная маскировка!

Порядком отойдя от дороги, танкист останавливается и, поворотив палкой в снегу, вываливает на поверхность что-то большое и круглое. Это мина. Сзади кричит Сахно:

– Не трогай! Не трогай! Марш вперед!

– Противотанковая! – басит танкист и, пренебрежительно толкнув ногой это смертоносное колесо, идет дальше.

На сердце у нас немного отлегло. Если мины противотанковые, то еще полбеды. Под нами они не взорвутся. Если только нет противопехотных. Тогда, считай, нам повезло.

Танкист впереди, вижу, оживляется. Движения его делаются менее скованными. Видно, и у него поубавилось страху. Парень шагает шире. Я же, хромая, не могу поспевать за ним и постепенно отстаю. Но сзади меня подпирает Катя. Слишком вырвавшись вперед, танкист замечает это и останавливается.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Шире шаг! Ни черта тут нет! – бодро говорит он издали.

Я стараюсь шагать быстрее, и вдруг все во мне обрывается. Громовой взрыв, кажется, низвергает небо. Что-то со свистом пронесется вверху. От неожиданности я приседаю, вскинув над головой руки. В сотне шагов впереди зияет черное рваное пятно на снегу.

Облако дыма и пыли, быстро редая, стелется по полю. А танкиста нет. На том месте, где он только что был, – вывороченные комья мерзлой земли и груды снега. В следующую секунду я оглядываюсь. Сзади все лежат, но, кажется, живы. Приникли к земле и замерли.

Меня обдаёт холодным потом. Рот полон горькой слюны. Становится тихо-тихо, и в этой тишине откуда-то из-за балки, от совхоза доносится далекая пулеметная очередь.

Первой вскакивает Катя. Снова, как и в хате, она решительно по-мужски ругается:

– Растакую твою!.. Куда завел? Куда ты нас завел, сволочь!

Сахно приподнимается на одно колено и стоит, вобрав голову в плечи.

– Вперед! – неистовым басом заглушает он крик Кати. – Вы, вперед!

– Ах, теперь я вперед? Меня гонишь! Самому страшно? Не хочется умирать? Детей жалко? Ласковой женушки?

Сахно, сжав челюсти, ждет. Катя кричит. Я молчу. По справедливости идти первым теперь надо мне. Но решиться на это непросто. И я оттягиваю время. Мне нужен приказ. Но приказ он отдает Кате. И, видно, не намерен его менять.

Не сводя осатанелого взгляда с девушки, он дрожащей рукой вырывает из кобуры пистолет.

– Гад ты! Душегуб! Думаешь, я боюсь? За себя дрожу? Догоняй, гад! – кричит Катя и срывается с места. Бегом она достигает воронки и, ни секунды не медля, бросается дальше. На сером, запорошенном землей и гарью снегу пролегает ровная цепочка ее свежих следов.

Какое-то время мы еще стоим, не в состоянии превозмочь нерешительности. Но вот из совхоза снова строчит настырная очередь. Несколько пуль, взвизгнув, прорезают воздух. Это отрезвляет, и мы живо срываемся с места.

Под пулеметный стрекот мы добегаем до неглубокой воронки. Тут мин нет. Но тут хуже, чем на снегу. Тут властвует уже не возможная, а реальная смерть. Смерть товарища. И то, что смерть досталась другому, а не тебе, теперь уж не обнадеживает. Я снова напрягаюсь, стараясь как можно ровнее ступить в Катины следы. Под ногами какой-то лоскут обмундирования, сбоку из снега торчит кость – кроваво-белая на земляной серости. Поодаль, отброшенный взрывом, валяется черный шлем танкиста. Это все, что осталось от человека. Остальное растерзано и разметано с землей и снегом.

Но Катя почти обезумела. Что она делает? Без палки, не разбирая дороги, она быстрым шагом, иногда бегом, без всякой предосторожности приближается к недалекому уже кургану. Будто ей известно, что там конец минного поля. Сахно что-то кричит ей, но она даже не оглянется. И мы идем по ее следам. Мы должны идти. Остановиться тут невозможно.

И происходит чудо. Катя целой и невредимой достигает кургана. Останавливается, поворачивается к нам и стоит. Во всей ее маленькой фигурке – вызов и укор. По полю к ней бежит спасительная для нас цепочка следов.

На сердце становится спокойнее. Я прибавляю шагу и вскоре догоняю ее. За мной спешит немец с Юркой на спине. Он устал и прямо-таки шатается. Видно умышленно отстав, сзади за всеми бежит Сахно.

– Разминировано! Куда дальше? – спокойно, но с оттенком недавнего гнева говорит

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Катя.

И мне почему-то неловко смотреть на ее покрасневшее, злое лицо. Конечно, мы виноваты перед ней, перед ее безрассудной смелостью, которой теперь обязаны жизнями. Но в этом не хочется признаться даже себе.

Минуту мы стоим рядом. Немец из-под Юрки старается взглянуть вперед. Юрка ничком распластался на его широкой спине. Серое лицо друга повернуто набок. Глаза чуть-чуть приоткрыты.

Тем временем нас настигает хмуро сосредоточенный Сахно. В пятидесяти шагах он останавливается и командует сорванным голосом:

– Василевич, вперед!

Да, теперь ничего не скажешь. Теперь должен идти я. Властная требовательность капитана полностью подчиняет меня. Я пойду.

Только куда вперед?

Приплюснутый пригорок от кургана покато спускается вниз. Из совхоза нас уже не видно. Несколько в стороне и сзади в неглубокой низине пролегает насыпь железной дороги. В насыпи чернеет круглое отверстие дорожной трубы.

– Вперед! – с пистолетом в руке яро требует Сахно.

Иду, иду. Я и сам чувствую, что надо идти! Надо вырваться из этого проклятого поля. И как можно скорее.

С еще большей, чем прежде, осторожностью я шагаю по снегу. Мой сапог грузнет до голенища. Раненая стопа в рукаве неуклюже загребает снег. Катя отправляется следом.

Сзади опять раздается голос Сахно:

– Дистанцию! Дистанцию!

Девушка огрызается, но приостанавливается, позволяя мне отойти дальше. Правда, мне вовсе не хочется отрываться от них. Как-то вместе со всеми спокойнее. Стараясь шагать как можно осторожнее, я осматриваю перед собой снег. Чужих следов тут, кажется, нет. Кое-где снег спрессован метелью до твердого наста, и я невольно выбираю ногами эти места. На них мне спокойнее и не так грузнут ноги.

Исподволь укрепляя в себе уверенность в удаче, я перехожу гривку бурьяна, в которой, тихонько пересыпаясь, шуршит снег, и оглядываюсь. Уже не видно и будки обходчика. Мы в ложине. Надо бы идти быстрее, но боль в ноге не дает шагать шире. К тому же со стопы сползает рукав. Остановившись, чтобы подтянуть его, я наклоняюсь и вдруг застываю в ужасе. Моя рука сама по себе, словно обжегшись, испуганно отдергивается. Из снега возле ноги, смертоносно напрягшись, торчат в стороны три проволочных усика. Между ними, словно шляпка гриба, выпирает из-под снега круглая зеленоватая крышка «шпрингмине».

Почувствовав, как похолодело внутри, я резко отстраняюсь. Но выпрямиться уже не успеваю. Трескучий взрыв гулко раскатывается сзади. Осколки или комья снега жестко хлещут по полам моей шинели. Я едва удерживаюсь, чтобы не опрокинуться на те предательски вытянутые усики.

Какую-то секунду затем я медлю, хотя уже знаю, что произошло страшное. Но я не могу оглянуться сразу, так как это сверх моих сил. Смысл того, что случилось, будто издалека, медленно доходит до моего сознания. Только через какое-то время, преодолев оцепенение, я поворачиваюсь. Недалеке с Юркой на сгорбленной спине, широко расставив ноги, стоит немец. За ним, ссутулясь, ждет чего-то Сахно. А между ними и мною корчится на снегу Катя.

Ноги мои вдруг наливаются неодолимой тяжестью. С усилием и необыкновенной осторожностью я вытягиваю из снега раненую стопу, затем сапог здоровой. Переступаю назад – след в след. Затем, высоко поднимая колени, ступаю еще. Нет, пока не рвет. Тогда, немного осмелев, бросаю взгляд на Катю. Там снова черная

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
копоть на снегу. Комья земли. Катя, беспорядочно перебирая вокруг себя руками,
кажется, пытается встать.

Меня охватывает гнев. Гнев против Сахно. Ведь это он виноват во всем. Он погубил Катю! Захлебнувшись от обиды, я порываюсь к капитану, но все мои намерения гасит Катя. Девушка судорожно поднимает навстречу свое широкое, теперь особенно некрасивое лицо. Его перекашивает гримаса боли. Зубы у нее сжаты. И внутри гложет стон.

– Катя! Катюшенька! Катя!..

Упав перед ней на колени, я хватаю ее за плечи, потом за талию. И вдруг понимаю: ноги! Из рассеченного осколками валенка льется на снег теплая кровь. Другого валенка нет вовсе. Впрочем, нет и ноги до колена. Страшный, измочаленный взрывом мокрый обрубок. Ватные штаны и полы полушубка безжалостно иссечены осколками. Из множества дыр торчат клочья ваты и шерсти.

К нам подбегает немец. Дрожащими руками я приподнимаю девушку. Но что с ней делать? Кровь льется по моим рукам, в рукава, на шинель. Немец также беспокойно суетится и бормочет:

– Римен! Римен! [53]

Он подает мне узкий брючный ремешок, и я понимаю: надо наложить жгут. Катя, сжав зубы и подавляя стон, закидывает голову, но молчит. Ее лицо на глазах белеет и быстро покрывается мелкими капельками пота.

Суетливыми движениями озябших рук я кое-как перетягиваю над коленом то, что осталось от ее ноги. Немец тем временем отстегивает, ремень от моего карабина. Этим ремнем мы кое-как обкручиваем вторую ногу, в валенке. Потом я вскидываю голову. Напротив, опираясь рукой о колено, стоит Сахно.

– Ну, доволен? Доволен? Ты этого хотел?

Сахно резко выпрямляется. Быстро оглядывается вокруг и молчит. Но я вижу – глаза его расширяются и как-то глупеют, теряя свое всегдашнее выражение властности. Он растерялся. Но тут же волевым усилием он преодолевает себя и опять становится прежним – суровым и решительным.

– Замолчи! – с тихим бешенством шипит он и приказывает: – Бери Катю! Живо!

Да, пожалуй, надо уходить. Два взрыва на минном поле вряд ли остались незамеченными. И я подчиняюсь Сахно, уже зная: на мины мы больше не пойдем.

Опершись на карабин, я наклоняюсь. Сахно с немцем взваливают на меня обмякшее тело Кати. Затем они подбегают к Юрке, который покорно лежит на снегу. Его берет на себя Сахно. Я не совсем понимаю, что он задумал. Видно, не понимает этого и немец, которому капитан что-то объясняет.

Наконец догадавшись, немец налегке отбегает полсотню шагов и оглядывается. По его следам медленно трогается Сахно. За ним, опираясь на карабин, я.

По неглубокой впадине мы тащимся назад, к железной дороге.

Глава тридцать четвертая

Но за железной дорогой по шоссе движутся немцы.

Мы их не видим за насыпью, однако еще издали слышим – множество машин без конца ревет, гудит, воеет моторами, сигналит – рвется из Кировограда. Они отступают. Но куда деться нам?

На счастье или на беду нам попадается труба.

Мы заползаем в ее бетонный туннель и обессилено падаем в самом начале. Труба широкая, почти в рост человека. Внизу пласт спрессованного снега. Тут очень ветрено, пронизывающе холодно. Зато с шоссе нас не видно.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Опустившись на колени, я сваливаю с себя Катю и тут же падаю сам. Сзади на свежем снегу – мелкие пятна крови. Полы моей шинели также в подмерзшей крови. Катя просто истекает кровью. Глаза ее широко раскрыты, но зрачки все время закатываются. Ее надо перевязать. Но перевязать нечем. Санитарную сумку мы в спешке оставили в поле, на месте взрыва. Чтобы как-нибудь помочь девушке, я вконец замерзшими руками начинаю расстегивать снизу ее полушубок. Там также все в крови. Катя как-то сжимается, руками упрямо придерживает полы. Глаза ее умоляюще, почти в страхе глядят на меня.

Я снова настойчиво расстегиваю на ней полушубок, но девушка сводит колени, подтягивает их к животу и сжимается.

Я не понимаю ее и вопросительно гляжу на немца. Тот, стоя на коленях, пристально смотрит в другой конец трубы, где с пистолетом в руке замер Сахно. У наших ног на снегу, тихо стонет Юрка.

– Капитан! Капитан! – приглушенно зову я.

Катя вдруг начинает дергаться и протестующе мотает головой. Кажется, я начинаю понимать ее. Но это уже черт знает что!

– Перевязать надо! – говорю я. – А ну пусти руки!

Пригнувшись, по трубе пробирается Сахно. Катя еще больше сжимается и дрожит всем телом.

– Вот, не дается.

– Да? – поглядывая на выход и, видимо, думая о другом, переспрашивает Сахно.

Катя расслабляется. Серая тень ложится на ее еще недавно краснощекое лицо. И тут я понимаю: она умрет! Но это нелепо и противоестественно – погибать девушке, если мы, трое мужчин и солдат, остаемся живыми!

– Катя! Катя! Что ты делаешь? – начинаю я невнятно упрекать ее. – Ты что – стыдишься?

Катя прерывисто, тяжело дышит и умоляюще смотрит на меня. Кажется, она слышит, только говорить не может. Потом взгляд ее устремляется куда-то в сторону и останавливается на немце.

Я догадываюсь:

– Он, да? Пусть он перевяжет? Да?

Катя протяжно выдыхает и расслабляется. Глаза ее медленно закрываются. Я не знаю – или это согласие, или, может, силы насовсем оставляют ее. Почти в испуге я зову немца:

– Ком! Перевязать! Бинтовать, ферштейн?

– Я, я.

Немец начинает торопливо расстегивать на ней одежду: полушубок, ватные брюки – окровавленные, иссеченные осколками клочья. Катя тихо лежит, безразличная к его прикосновениям, и я начинаю помогать ему. Вдвоем мы, не стесняясь, обнажаем Катино тело – окровавленное, израненное девичье тело, которому уже не жить. Это я понимаю сразу, с первого взгляда.

Впрочем, принять смерть тут, наверное, придется всем.

Мы еще не заканчиваем перевязку, как где-то поблизости раздаются немецкие голоса. Сахно с пистолетом в руке сразу бросается в дальний конец трубы. Отшатнувшись от Кати, я хватаю вдавленный в снег карабин и устремляюсь туда же. Сзади пробует приподняться Юрка.

Вобрав головы, мы прислоняемся спинами к настывшему бетону трубы и вслушиваемся. Я медленно снимаю затвор с предохранителя, то и дело поглядывая на второй выход.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Однако там пусто. Юрка держит в кулаке пистолет и не сводит с нас полного тревоги взгляда. Его глаза резко горят на бледном, каком-то уже не юношеском, слишком сосредоточенном на чем-то своем лице. Немец, в неудобной позе, настороженно ждет возле Кати.

Отчетливо слышится немецкая речь, потом голоса умолкают. Настает тишина, в которой натужно гудит, грохочет шоссе. Сахно осторожно выглядывает из трубы и тут же резко отскакивает.

Совсем рядом слышится:

– Верден унс ди панцер ниht бис цум абенд цердрюккен, зо шлюpfен вир дурьх[54].

И в ответ несколько дальше:

– Мит дем оберст фон Майер верден вир унс шон дурьхшлаген. Об тод одер дебендиг цвинтер унс дацу[55].

Это уже плохо. Они возле самой насыпи. На дороге, слышно, брякают дверцы кабины, значит, машины стоят. Но другие идут, видно, остановилось несколько. Только зачем?

Меня пугает немец. Наш Энгель. Его лицо напряженно вытянуто, в глазах не то страх, не то последняя степень решимости. Руки ладонями лежат на снегу, как у спринтера на старте. Того и гляди бросится наутек. Я круто поворачиваю карабин:

– Хальт!

Немец бросает на меня бессмысленный взгляд и опускается. Ноги его расслабляются. Черт, наверное, надо бы его пристрелить. Да стрелять нельзя...

И тут все оттуда же, от насыпи, долетает новый звук – слабое бряцание солдатской пряжки. Оглушенный обидной догадкой, я осторожно выглядываю. Так и есть. Сделав свое дело в кювете, два немца торопливо сворачивают к шоссе. На ходу застегивают амуницию. Они увешаны катушками с кабелем. Очевидно, снимали связь.

Разом потеряв силы, я бреду к Кате. Возле нее падаю в снег. Потом, кое-как совладев со своими чувствами, поднимаю голову. Катя умирает. Я знаю, как умирают люди, и в этом, пожалуй, не ошибаюсь. Она напрягается, дергается, выдыхает. Голова ее неестественно запрокидывается, русые волосы разметаны на снегу. Глаза полуоткрыты. Рукой она раза два машет возле лица, словно отгоняя мух.

И вдруг говорит:

– Отойди. Не темни.

Меня это удивляет. Так трезво и так внятно! Невольно я оглядываюсь. Кто темнит? Я? Или немец?

Она говорит снова:

– Митя! Митенька! Темно очень...

– Катя!

Но она выдыхает и успокаивается. Глаза ее задерживаются на чем-то вверху, взгляд постепенно угасает. Опершись на руку, я сижу рядом. С другой стороны сидит немец. Лицо у него окаменело. Он весь напряжен. И не удивительно: в каких-нибудь двухстах метрах свои. Стоит ему закричать, и нас схватят. Но он не кричит. Мне даже кажется, что он не менее нас боится.

А мне уж, пожалуй, ничего не страшно. Смерть Кати меня ошеломляет. Сколько уже погибло на моих глазах – знакомых и неизвестных, но я никогда не раскисал так. Возможно, потому, что они были мужчинами и солдатами. Как-никак к их смертям мои чувства были подготовлены. Смерть на войне – очень простая штука. Но почему здесь умирает девушка? Кто ее послал на войну и зачем? Разве что сама напросилась? Но что она знала о войне? То, что писали газеты. А умирает вот в какой-то трубе, растерзанная миной, и мы ей ничем не можем помочь. И зачем это

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru нужно? Разве у нас мало мужчин? На передовой, в тылах, в стране вообще? На каждый десяток в цепи – добрая сотня в ближних тылах. И каких мужчин! Зачем же под смерть подставлять девчат?

– Документы забрали? – спрашивает вдруг Сахно и опускается на колени рядом.

Я не отвечаю. Кому что, а этому первое дело – документы. Для него главное – соблюсти формальность. Документы не должны попасть к врагу. Но что в тех документах? И кому они теперь нужны? Ее жизнь он не берег, а вот о бумажках гляди, как заботится.

Сахно тем временем засовывает руку под Катин полушубок и долго там шарит. Я на него не гляжу. Без раздражения я не могу видеть этого. Теперь она мертвая, и ей все равно. Но будь она жива, засветился бы у этого капитана фонарь под глазом.

Вынув из нагрудного кармана красноармейскую книжку, Сахно заглядывает в нее.

– О, Щербенко Екатерина Ивановна. Знакомая фамилия! – с ехидной ухмылкой сообщает он.

Я напрягаю память. Действительно, фамилия и мне кажется знакомой. Только где я ее слышал? Я вопросительно смотрю на Сахно. Тот, запихивая в карман документы, замечает мой взгляд.

– Не припоминаете? Пэпэжэ комбата Москалева из девяносто девятого, – говорит он и направляется в другой конец трубы. – Приказ по дивизии был.

Похоже, это его забавляет. Что она пэпэжэ и что был приказ насчет ее недозволенных отношений с комбатом Москалевым. Он доволен, что хоть после смерти нашел, чем упрекнуть ее.

– Ну и что? – едва сдерживая себя, спрашиваю я.

Сахно, оглянувшись, сверкает из-под бровей злым взглядом, и я срываюсь:

– Ну и что, если и пэпэжэ? Ну и что?

– Замолчите! Вы что?

Он замирает, вобрав голову в плечи, и внутри у меня все опадает. Я едва владею собой. Видно, он меня доведет до бешенства. Я не могу его терпеть. Странно, какие мы разные! Офицеры одной армии. Граждане одной страны. Черт его знает, отчего все это? Почему соседство вот этого немца мне легче сносить, чем его?

Немец встает и тоже идет туда, где Сахно. Я уже заметил, что с недавнего времени он вообще старается держаться поближе к капитану. Мной как будто стал пренебрегать. Жестикулируя костлявыми руками, он произносит какую-то длинную фразу.

Сахно устрашающе взмахивает пистолетом:

– А ну назад! Назад!

Немец отступает, но все еще что-то старается доказать капитану. Тот, разумеется, не понимает, но настораживается:

– Что он говорит?

– Он же вам говорит. Вы и должны понимать.

Капитан хмурится:

– Ну, знаешь!.. Я институтов не кончал. Этой гадости не учился.

Конечно, этой гадости он не учился. Чему он вообще учился? В школе я также не увлекался немецким языком, но горе и война научат всему. Несколько слов, произнесенных немцем, я все же понимаю. Про остальное догадываюсь. Немец доказывает, что надо куда-то убегать, ибо если начнется бомбежка (шлахтангриф),

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
то солдаты (лес реннен децкунг) – побегут сюда, в укрытие.

Это похоже на правду. Но пусть начнется штурмовка. Хуже, если штурмовики не налетят и колонна прорвется из Кировограда. А может, и хорошо? По крайней мере для нас. Черт знает, что делается в моей голове. Я уже не могу разобраться, что хорошо, а что плохо.

Немец невесело возвращается от капитана и молча садится около Юрки.

– Вот налетят «Илы» и сделают из ваших мясокомбинат! – не скрывая своей злости, говорю я немцу.

Тот, неожиданно соглашаясь, кивает головой:

– Я, я.

Это меня злит еще больше. Скажи, какая покорность! Может, этот фриц сейчас скажет, что он коммунист? Что с колыбели был против Гитлера? Бывало же такое. Сорок четвертый – далеко уже не сорок первый.

– Мы же вас перещелкаем, как вшей! Понимаешь? К ногтю! – красноречиво показываю я пальцами. – Вокруг гебт ойх ниht gefанген?[56]

Немец, кажется, понимает, но почему-то морщится и тихо про себя бормочет:

– Вир зинд айнфахе зольдатен!! Ден криг бефильт дер фюрер унд ди генерэле[57].

Эта их песня мне уже знакома.

– Ах, фюрер? А сами? Сами вы что делаете? Пленных добивать вас тоже заставляет фюрер? Посылки с награбленным в Германию посылаете тоже по приказу фюрера? Вон целый эшелон в Знаменке остался. Фюрер разрешает, вы и рады. Вас это устраивает. Вы айнфахер менш, конечно.

Немец вздыхает. Чем-то он озабочен или, может, чувствует мое бешенство и побаивается. И он сидит так, надувшись, в русской помятой шинели, одетой поверх своего широкого в воротнике мундира. Его зимняя, с длинным козырьком шапка сбилась набок. Вздохнув, он соглашается:

– Я, я, их бин айн айнфахер менш!

– Что он говорит? – издали опять спрашивает Сахно.

– Говорит, что он маленький человек. Ни в чем не виноват.

– Задушить его надо, – просто решает капитан.

Я не возражаю. Черт с ним, пусть душит. Теперь мне его не жалко. У меня столько накипело в эти дни за Юрку, за себя, за всех ребят, которые уже никогда не встанут со снега. И особенно теперь вот за Катю. Только без немца мы, пожалуй, не управимся с Юркой. Сахно одорукий, я, считай, одноногий. А если придется удирать? Нет, видно, немца надо оставить. К тому же к своим он вроде не очень стремится.

Однако я молчу, начиная думать о другом. Хорошо, если мы просидим тут до ночи. Ночью мы, может, и вырвались бы, а днем-то уж вряд ли. Разве что откуда-нибудь появятся наши. Я прислушиваюсь: кажется, на дороге стало тише – колонна будто прошла. Теперь не двинулась бы пехота. С ней будет хуже.

Сахно тем временем разряжает пистолет. У него, вижу, какая-то неисправность с магазином. Зажав меж колен рукоятку, капитан одной рукой исправляет его. А я уныло сижу возле Кати. Она уже, видно, остыла, скорчившись на снегу. С другой стороны синее восковое лицо моего Юрки. Тут очень холодно, в этой проклятой трубе. И все внимание сосредотачивается на звуках.

– Василевич! – тихо зовет Сахно и, умолкает, то ли прислушиваясь, то ли что-то обдумывая. – Залазь-ка на насыпь и понаблюдай. А то накроят еще. Как цыплят.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Помедлив, я беру карабин и вылезая из трубы. Солнечная яркость степи ослепляет. Освещенный солнцем, сияет широкий откос насыпи. Сбоку от него из-за дальнего пригорка проступают крыши строений. Там какое-то село. Вдруг у меня появляется мысль... А что если вдоль насыпи проскочить туда? Конечно, если, там нет немцев? Только вот Юрка...

Прежде чем лезть на насыпь, я говорю в трубу:

– Немца пока не трогайте. Пригодится.

Сахно оглядывается, но не отвечает.

Глава тридцать пятая

Присыпанный снегом откос шуршит под локтями прошлогодней, жесткой от мороза травой. Обжигает лицо северный ветер. Ноги скользят, и я, упираясь руками и коленями, лезу вверх. Позади минное поле с курганами и длинной цепочкой наших следов. Правда, я туда не смотрю – кажется, я чувствую его спиной. Нелепая попытка Сахно перехитрить смерть обошлась нам чрезмерно дорого и самым большим страхом продолжает жить в моей душе.

Достигнув бровки, я поочередно поглядываю в оба конца железной дороги. Кажется, на полотне – никого. Тогда, приподнявшись, выглядываю из-за широкого промазученного рельса.

О, шоссе просто гудит от движения – правда, теперь там вместо машин – обозы. Немецкие фуры, открытые и под брезентом, двуколки, кухни, какие-то повозки, доверху набитые имуществом и туго увязанные веревками. Ржут, бряцают удилами кони. Две черные легковые машины, настойчиво сигналивая, медленно прокладывают себе путь по обочине.

Хорошо, что от железной дороги до шоссе не очень близко, а то бы они уже добрались до нас.

Немного присмотревшись, я прячу за рельс свою забинтованную голову. В душе коротенькое удовлетворение от того, что я их вижу, а они меня нет. Впрочем, эти обозники вовсе не смотрят по сторонам, наверно, им теперь не до окрестных пейзажей. Им бы как-нибудь вырваться из котла, если только еще остался проход.

Снова высовываюсь, удивленный какими-то криками, и сразу же замираю в любопытстве: на шоссе драка. Одна повозка разворачивается поперек движения. Какой-то немец в короткой шинели хватается за удила коней. Толстозадые неуклюжие битюги высоко вскидывают головы. Он бьет их снизу по мордам. К нему тут же соскакивает с повозки ездовой, и вот на шоссе – крик, солдатская ругань. Тот, что в короткой шинели, бьет ездового по уху, ездовой хватается противника за грудь. Несколько повозок останавливается, несколько пробует объехать их. Кажется, вот-вот образуется пробка. Это здорово, думаю я, и поглядываю на небо: вот бы теперь самолеты! К сожалению, самолетов нет, только сзади, за курганами, невысоко кружит рама. Но и так неплохо: не каждый день приходится видеть, как дерутся между собой немцы.

Правда, они не успевают надавать друг другу, как между повозок появляется всадник. Плотно сидя в новеньком желтом седле, он без лишних слов размахивается из-за плеча кнутом и чинит скорую расправу над обоими. Это незамедлительно действует. Тот, в короткой шинели, куда-то исчезает, а ездовой, ругаясь, начинает сворачивать с обочины повозку.

И тут, глянув в сторону, я вздрагиваю – от будки по линии идут немцы. Они уже близко, и, видно, заметили меня. Крутнувшись на мерзлой земле, я быстро соскальзываю по откосу вниз, до самой трубы. Над трубой, разворотив каблуком снег, на секунду задерживаюсь. Немцы идут по другой стороне линии. Отсюда мне видны только винтовочные стволы на их плечах да каска переднего. В сознании мучительный вопрос: заметили или нет? Если заметили, тогда все кончено: надо стрелять. Придется драться и погибнуть. Возможности спастись у нас почти нет. Но я жажду надежды. А может?.. А может, не увидели?

И вдруг до слуха, будто откуда-то издалека, доносятся из трубы голоса. Сначала я не понимаю их смысла – я только дрожу от напряжения, до судороги сжимая в руке

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru карабин. Затем слышу слова, которые повергают меня в замешательство:

– Ленька! Лень!..

Меня зовет Юрка. Что с ним? Но ведь там Сахно. И действительно, я слышу, как капитан раздраженно шикает:

– Что ты заблажил? Он ушел.

«Я тут, Юр!.. Я не ушел. Почему он говорит: ушел?» – мысленно кричу я, грудью вминая снег возле трубы. Головы немцев скрываются. Остается только одна – последнего. Это на той стороне. Еще немножко, и они все пройдут. Еще секунда...

Но из-за насыпи снова прорывается крик:

– Василевич!

И тут же его заглушает более громкий – Сахно:

– Кончай к чертовой матери! Поимей мужество!..

Они обезумели! Что они делают? Я вскакиваю со снега, и тут нелепо и неожиданно в трубе бахает выстрел.

У меня темнеет в глазах. Кажется, в какую-то бездну проваливается сердце. Что он наделал?! В кого это он? В немца? В Юрку? А вдруг это пленный? Охваченный предчувствием непоправимой беды, я скатываюсь под насыпь. Вскрываю на одну ногу. В другой острая боль, от которой перехватывает дыхание.

В трубе возле Юрки стоит Сахно.

– Что вы натворили? Немцы!!

Сахно с маленьким пистолетом прытко отскакивает в конец трубы. Серым привидением шарахается куда-то Энгель. Зацепившись за Катину ногу, я нечаянно падаю чуть не на Юрку. У самого моего лица – его голова. Из разбитого виска торчит маленькая острая косточка, и красная струйка из-под нее быстро заливает ухо. На снегу возле плеча расплывается розовое пятно крови.

Кажется, я схожу с ума. Перестав что-либо понимать, вскакиваю на колени. «Кто? – кричу я. – Кто его?» Но я не слышу собственного голоса. И мне никто не отвечает. Что же это делается? Кто это? Немец?

Я не обращаю внимания на тех, что уже, видно, над нами, и хватаюсь за карабин. Впопыхах не сразу нахожу рукоятку. В том конце, пригнувшись, замер с пистолетом Сахно. Ждет.

– Кто? – кричу я во все горло.

Но из моей груди вырывается лишь чужой сдавленный хрип.

Сахно оглядывается и неистово машет рукой. Я едва различаю его шепот:

– Замолчи! Не видишь, что ль?

Пожалуй, действительно я чего-то не вижу. Впервые я бросаю на друга несколько осмысленный взгляд. Юрка мертв. Перекошенное смертью лицо. Один глаз с силой приплюснут. Второй бессмысленно смотрит мимо меня куда-то в бетонный потолок. Из обоих висков льется на затылок кровь. И тут я окончательно понимаю, что произошло. Он застрелился.

– Юрка!!

Это последний мой крик. В нем – вся беспредельность отчаянья. Мой гнев и ужас. В следующую секунду, словно удар грома с неба, в трубе раздается выстрел. Снаружи бешено бьет автоматная очередь. Я вскидываю карабин. Сахно в том конце падает на снег. Там, где он стоял» о бетонную стену лязгает что-то круглое и отскакивает к стенке напротив. Граната! Я падаю головой к Юрке. Громовой взрыв сотрясает

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru насыпь.

Оглушенный, я на несколько долгих секунд лишаюсь всех чувств. Все в трубе поглощает горячий удушающий смерч. Легкие захлебываются от снега, пыли и резкого смрада серы. Жгучая боль клещами сжимает колено. Она все увеличивается, растекается по ноге. И охватывает ее всю, от бедра до мизинца. Бедная, несчастная моя нога! Кажется, ее доконали. От боли я не могу шевельнуться и мычу, сжав зубы.

Снежный вихрь тем временем утихает. Я приподнимаю голову. Во рту снег и песок. В ушах и в рукавах тоже. Я щупаю вокруг руками. На пальцах теплая липкая мокрядь. Это от Юрки. Видно, его растерзало гранатой. Рядом чья-то нога в валенке... Где мой карабин? Становится немного светлее, я различаю низ и верх. Напротив исцарапанный и закопченный бок трубы. И светлый круг недалекого отверстия. И вдруг в этом светлом пятне появляется неподвижная тень. Отставленный в сторону локоть. Тонкий, как щупальца осьминога, автоматный ствол. Немец!

Что-то во мне подламывается, и я вытягиваюсь на снегу. Весь ужас положения уже не воспринимается. Явь затуманивается в сознании, и я плохо понимаю, что происходит. Мое тело – ком ваты, пронизанный болью. Голова также набита ватой. Что-то тошнотворное и соленое подступает к горлу. Инстинктивно я сплевываю на снег. Кровь.

Тем временем тень у входа в трубу широко и неслышно шагает ближе. Я лежу ничком и ошеломленно гляжу на нее. Я вижу только силуэт. Знакомый и безликий, как, бывало, зеленая мишень на стрельбище. Ступив шага четыре, он останавливается перед Катей. Он – воплощение испуга и отваги одновременно, этот призрак. Словно сомнамбула в нереальной среде. Просыпается он, когда сзади появляются еще двое. Тогда он скидывает с себя скованность и совсем по-земному кричит:

– Отто! Зи маль! Айне руссише валькюре[58].

И со злой решимостью поддевает ногой Катину тело. Оно податливо переворачивается на бок, спиной к свету. Рассыпаются по снегу ее волосы. Одна рука неестественно заламывается за спину. Вдвоем они наклоняются над телом девушки. Первого, однако, тянет дальше, и он, присмотревшись переступает через единственную Катину ногу. И тут вдруг встречает мой взгляд.

– Хенде хох! Ауфштэен! [59]

Он испуганно отскакивает назад. Однако тут же осмелев, решительно шагает вперед и тычет мне в лицо автоматом. Удивительно, но я ничуть не боюсь. Постепенно ко мне возвращается чувство реальности. И я сквозь боль отмечаю: ага, испугался! Если бы знал, не пугался бы. Я уже не могу его убить. Не могу ударить. Я не могу ничего. Жить не могу тоже. Хочешь – стреляй, черт с тобой! Во мне все сгорело от боли, и нету больше сил переносить все это. Да и ни к чему. Пусть убивает скорее!

Однако он не убивает.

– Рус! Ауфштэен! Бистро!

Возле меня уже трое. Один коротко и больно бьет стволом карабина в плечо. Напрягшись, я немного привстаю на руках. Дальше не позволяет боль. Да и незачем стараться. Все равно убьют. Я же знаю. Так пусть убивают сразу. И они тремя парами глаз с холодной враждебностью смотрят на меня. Потом один из них замечает поблизости Юрку. Смазанными чем-то чужим и вонючим сапогами он переступает через меня и наклоняется к покойнику. Я вижу, как он шарит в Юркиных карманах, что-то достает и швыряет наземь. Потом подбирает из-под ног отброшенный взрывом карабин. Черный мой карабин опять возвращается к своим хозяевам – немцам.

Третий раз они уже не командуют. Они хватают меня за руки и рывком, как мертвеца, выволакивают из трубы. Я понимаю, что все уже кончено. От боли, от солнечного света, а больше от невыразимой обиды я прищуриваюсь. Какой жестокий, нелепый конец! И именно тогда, когда меньше всего его ждал. Оказывается, вот где он был – последний мой Сталинград. Выигранный фронтом, страной и навсегда и непоправимо проигранный мною.

Вскоре, однако, меня больно бросают на твердые под снегом комья земли. Чья-то рука расстегивает и снимает с шинели трофейный офицерский ремень из желтой кожи. Обшаривает мои брючные карманы. Я слабо приоткрываю глаза и промеж чьих-то расставленных ног невдалеке вижу Сахно. Короткое удивление оттого, что и он в плену, на минуту позволяет забыть о боли. Капитан стоит в гимнастерке и тоже уже без ремня. С орденом Отечественной войны на гимнастерке. Подвязку у него, видно, сорвали, и забинтованную в локте руку он притискивает к животу. Его нахмуренный взгляд растерянно бегаёт по немцам. Вид какой-то оглушенный. Но как же это он не застрелился? Он же должен был застрелиться. Ведь не мог же он поднять руки и сдаться в плен.

Я чего-то не в состоянии понять. Очень болит нога. От боли и слабости то и дело мутится сознание. К горлу подкатывает комок и тошнит. Немцы молчат. Молчат те двое, что победили меня в этой войне и выволокли из трубы. Теперь я хорошо вижу их перед собой. Один весь какой-то рыжий – рыжая щетина на щеках, рыжие брови, рыжие, будто даже с золотистым отливом, ресницы. Через плечо у него на неподпоясанную шинель надета чем-то набитая сумка с привязанным к ней котелком. Второй значительно моложе, почти мой ровесник, с прыщеватым лицом и в очках, прикрепленных черными тесемками к ушам. Чуть дальше от них стоит еще один – широкоплечий, в длинной шинели и каске. Флегматичное лицо его едва заметно брезгливо кривится, черная кобура парабеллума на животе расстегнута. Мне кажется, что он тут главный, возможно, офицер. За его спиной выжидающе застыли еще несколько солдат. Никто из них не обращает на меня никакого внимания.

Истерзанный болью, я не сразу догадываюсь, почему они все молчат. Однако какая-то тень, что шевелится рядом на снегу, заставляет меня поднять голову. И тогда несколько в стороне от них я вижу нашего Ангеля, о котором почти уже забыл. Неловкими движениями озябших рук он пытается расстегнуть на себе шинель. Но его пальцы не могут совладать с непривычными для них крючками русской шинели. Лицо у него какое-то растерянное и виноватое. И мне вдруг кажется, что они собираются его расстрелять. Офицер из-под сурово сведенных бровей терпеливо следит за ним. Потом, сделав три шага вперед и коротко размахнувшись, бьет его по обеим щекам. Ангель выдерживает пощечину, не шевельнувшись, как заслуженное. Наконец, с силой дернув полу, выдирает крючок и торопливо сбрасывает с себя шинель. Прыщеватый в очках, поддев ее концом карабина, швыряет подальше в снег. Тонкие губы его кривятся в брезгливой гримасе, будто он прикоснулся к чему-то нечистому.

Кажется, то, что занимало их, кончилось. На минуту я расслабляюсь от непосильного для меня напряжения и перестаю их видеть. Слышу только, как офицер, отчетливо произнося каждое слово, ругается и что-то приказывает. Солдаты, бряцая пряжками, поднимают с земли зеленые ящики на лямках (наверно, инструменты или приборы). Поскрипывая морозным снегом, ко мне кто-то подходит. Немалым усилием раскрываю глаза. Это Ангель. Теперь он снова в своем мундирчике с отвисшими пустыми карманами. В его виноватых глазах терпеливая покорность и опасение. Один из солдат толкает в спину Сахно. Капитан, видно, не сразу понимает, чего от него хотят. Тогда рыжий бьет его сапогом в зад, и Сахно оказывается рядом с Ангелем. Вдвоем они берут меня под мышки. В моих глазах вдруг темнеет, и я едва удерживаюсь, чтобы не потерять сознание.

Глава тридцать шестая

Около часа я хожу вокруг привокзальной площади и не могу успокоиться.

Над городом – глубокая ночь. Площадь непривычно пуста и огромна. Ровно и дремотно горят вверху матовые шары фонарей. Скамейки на бульваре пустуют. На троллейбусной остановке никого. Пусто и на стоянке такси. Подсознательно я испытываю такое чувство, будто в мире что-то случилось и люди исчезли. Кажется, я знаю, что, только не могу вспомнить. Вообще от пережитого сегодня и от переутомления я стал словно контуженый. Ноет в ремнях протеза остаток моей натруженной голени. Я хожу от фонаря к фонарю. Под каждым на краю тротуара останавливаюсь и с освещенного пятна всматриваюсь в сумерки меж деревьев. Кажется, там кто-то шевелится, двигается, стоит. Я знаю: это лишь кажется – никого там нет. Как нет никого на тротуаре, за витринами закрытых магазинов, в киоске «Союзпечати», на углу и на троллейбусной остановке. Люди отсутствуют, и оставленные ими на ночь вещи продолжают свой привычный дневной порядок.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Особенный интерес вызывают ночью книжные витрины. Целые роты самых различных изданий. Когда-то я очень любил рассматривать их именно ночью. Ночью они выглядят совсем иначе, чем днем. Книги в них в это время как умные люди из жизни. Каждая в себе. Из-за всех стекол киоска они смотрят на меня со скрытым глубокомыслием мудрецов. В каждой – сплав эмоций, свидетельство эпох, концентрация разума. И, наверное, ни в одной – того, что так болит во мне. Они глухи к моим болям, так как каждая полна своих. В них – то, что переболело и ушло вместе с уходом многих поколений. Но в книгах оно не умирает, там оно будет жить долго. И вот через толщи веков, головы исчезнувших поколений человеческий опыт перекидывает свой магистральный мост в будущее. Прежде всего он свидетельствует о непрекращающейся схватке добра со злом. И в этом смысле его урок бесценен.

Правда, зло тоже не дремлет. За многие столетия жестокой борьбы оно неплохо набило свою черную руку на подлых делах и не так уж редко добивается успеха. Медленно отступая и обороняясь, оно еще больно жалит. Порой в самое сердце.

– Который час – не скажете?

Невольно я вздрагиваю, не сразу сообразив, что это – сторожиха. Одетая в грубый брезентовый плащ тетка подозрительно смотрит на меня. Чего-то ждет. Ах, времени! Я поглядываю на руку – половина четвертого.

Тетка не уходит, а прислоняется к железному пруту возле стекла и зевает. Я медленно бреду дальше. В груди, постепенно успокаиваясь, сильнее обычного бьется сердце.

Надо успокоиться. Пора успокоиться. Ничего, по существу, не случилось. Гнался за одним негодяем, напал на другого. Ну и что! Разве их всего двое на свете? Сколько их встречалось раньше и, наверняка, еще встретится в будущем. Протокол? Пустяки, что мне протокол! Попугают – не больше.

Как бы там ни было, я ни о чем не жалею и ни в чем не раскаиваюсь. Правда, я не победил. Он ушел не сломленный и даже не обезоруженный. Упрямой уверенности в своей правоте ему хватит, пожалуй, на всю жизнь. Он не из тех, у кого кровоточат раны совести. Если когда-то и была у него эта совесть, то с годами от нее ничего не осталось. Все его жизненные способности развивались лишь в направлении приспособляемости. Волевое начало подавило все остальные. Жизненным принципом стала сила. Тот прав, у кого больше прав. У кого сила, тому не нужна правда. Этот конек всегда неплохо вывозил его в жизни и сдал разве что в середине пятидесятых. Но и теперь такие не теряют подленькой жалкой надежды на возврат к старому. Ишь ты, разошелся в гневе. Уже с порога кричал милиционерам: «Распустили народ! Демократию развели! Опытных работников шельмуете! Ждите, припечет – позовете! Снова нас позовете! Да поздно будет!»

Вообще это смешно. Он еще на что-то надеется. Но вместе с тем это заставляет задуматься. Ведь пока они будут лелеять подлую надежду всплыть наверх, в других будет жить страх. Будет таиться, скрываться, чтобы когда-нибудь взять верх. Слишком глубоко и прочно вбита в сознание многих позорная рабская мораль: как бы чего не вышло. И если случится, что где-нибудь слезами обольется правда, разве не подумает кто-то: а не лучше ли пересидеть, промолчать, переждать за углом, отвернуться? А они будут ловить удобный для себя момент. Опыт у них богатый.

Я забредаю в самый темный угол на площади. В густой тени под деревьями на скамейке притаилась пара. Замолчала, насторожилась и ждет. Нет, я туда не пойду. Им нужно уединение, мне тоже. Тут царство покоя и тишины. Тут ночь. А напротив, по другую сторону площади, всеми окнами светится огромное здание вокзала. Пожалуй, там никогда не бывает ночи. Там вечно, доколе жить городу, будет биться его бессонный железнодорожный пульс. Миллионы людей. Столетия. Эпохи. Вулканы людских эмоций – под его стенами.

Сильно и пряно пахнет молодая листва тополей. В переулке на недалекой стройке сверкают отсветы электросварки. Иссиня-холодные всплески света трепетно пульсируют в небе. С бульвара на площадь выскакивает машина «скорой помощи» и, стремительно пересекши ее простор, исчезает за поворотом. Тихие, сдержанные отзвуки жизни наполняют ночь. Нужно только уметь слушать их.

Начинает накрапывать дождь. Со временем он густеет, асфальт пахнет сыростью и

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru пылью, капли мерно барабанят по крыше киоска. Я не спеша иду по краю площади вдоль сквера. Видно, надо возвращаться на вокзал. Рядом за железной изгородью сплошное царство ночи, в нем приглушенный шепот дождевых капель. Поблизости слышится еще шорох газетных страниц – там укрываются от дождя. Упрямая в своей тяге к одиночеству любовь. Зимой, весной, летом. В жару, ночью, в дождь – там пары. И это вечно.

Да, все на земле рождается земными условиями и к этим условиям приспособляется. Время и материя, неутомимо отбирая лучшее, создают жизнеспособное. В природе этот отбор длится миллионы лет. Терпеливый, заботливый, в строгом соответствии с извечными законами бытия. Эти же приспособились за три десятилетия. Теперь все валят на культ. Это верно, культ их породил. Он умело использовал их динамизм для своих весьма неблагоприятных дел. Но и они не бессребреники. Где это было возможно, они тоже старались отхватить от общего пирога куски покрупнее и послаще. Культ с его системой подавления стал их стихией. Он развил их хватательные способности. Другие же за ненужностью атрофировались. И теперь, когда обнаружилась их общественная неполноценность, они удивились: за что? Ведь они так старались!

На вокзале объявляют посадку. В вестибюле и на ступеньках начинается беспорядочная толчея, усиливается гомон. Спешат женщины с сумками. Бредут заспанные дети. Свесив с плеч связанные чемоданы, проталкиваются к выходу дядьки. Лет пяти девочка тащит вслед за матерью всякой всячиной набитую авоську. Мать с узлами в обеих руках сердито покрикивает на нее. Бравый молодой лейтенант бережно ведет под руку согбенную старушку в плюшевом жакете. В людском потоке медленно пробирается к выходу подполковник в сером плаще. На его плече огромный оранжевый обруч – модное занятие для стареющей где-нибудь в лесном гарнизоне супруги. Обходя встречных, я взбираюсь на второй этаж – там теперь свободные скамейки. Неплохо бы подремать. Мой поезд еще не скоро.

Свободных мест тут, однако, немного. У окна в самом углу половина незанятой скамейки, и я с наслаждением вытягиваю ноги. Спину подпирает подлокотник. Не очень удобно, но утомленное тело враз расслабляется. Рядом клюет носом какой-то парнишка в черном пиджачке и клетчатой рубашке. Кепка его уже на паркете, а голова все ниже и ниже клонится к коленям и когда, кажется, прикасается к ним, парень просыпается. Испуганно бросает по сторонам два-три взгляда и снова начинает дремать.

Неизвестно, выжил ли в этой войне Сахно. Хотя такие люди живучи. И если случилось, что он остался в живых, я уверен – он опять тот же. Всю жизнь он совершенствовался в одном ремесле – принуждении – и на другое попросту неспособен. Я знаю, встреча с ним мне тоже не дала бы радости. Он из породы Горбатьюков, десять лет для перевоспитания которых – слишком недостаточный срок.

Этот человек всегда был себе на уме. Теперь я понимаю: он вовсе не был кремневым, каким старался казаться, потому что всегда приспособлялся. Главным для него было удержаться на середине течения. Что он ни делал, он прежде всего думал о себе – о своей карьере и своей выгоде. Остальное его мало заботило. Я и начальство были для него теми двумя полюсами, между которыми размещалось все мироздание.

Однако я все же устал. Глаза сами собой закрываются, приглушенный гомон как бы усиливается и сосредотачивается в мозгу. Сон не приходит, а тело погружается в немощное оцепенение. Малейшее движение исключается. Только мысли, образы, обрывки неясных фраз роятся в сознании.

А напротив за большим окном шумит напористый майский дождь. Будто очарованная его неумолчным шумом, у запотевшего стекла стоит женщина. Видать по всему – из деревни. Блестящие резиновые сапоги, простенькая измятая юбка, темный поношенный жакет. На голове аккуратно повязан темный с красными цветами платок. Невеселое, сосредоточенное на чем-то своем лицо с сеткой морщин на лбу выглядит немолодым и усталым. Мне думается, что она одних со мной лет или немного моложе и, должно быть, одинокая. Я не знаю почему, но что-то неуловимое выдает в ней многолетнюю горечь неудавшейся жизни. Впрочем, откуда взяться удачам? Где те ее ровесники и ребята постарше, с кем промелькнула ее короткая молодость? Теперь бы им тоже было по сорок, если бы проклятая война не отмерила многим по двадцать. Вечно молодые и неженатые, молчаливо спят они в тысячах братских могил на широких просторах от Волги до Эльбы. И неизбежная тоска тлеет в изнуренных неженскими

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru заботами, до времени постаревших глазах их бывших друзей.

Так, может, мается где-то и Юркина Лида. Помню, с каким нетерпением в училище он выхватывал из рук дневального ее письма, раскрашенные цветными карандашами. Сколько в них было ласки и преданности! Это была яркая и сильная любовь, которой я завидовал и о которой мечтал всю молодость. Где она теперь, его Лидка?

Женщина у окна поправляет на голове платок, запахивает жакетку. Возле ее ног небольшой коричневый чемоданчик. Откуда и куда она едет? Какие судьбы правят ее не очень радостной жизнью? Что вынуждает ее обособиться от людей в этом зале и влечет к тоскливому одиночеству в бессонной ночи?

Нет, я не хочу видеть Юркину Лиду такой вот сработавшейся на мужской работе, преждевременно постаревшей, с безразличием в уставших глазах. Я не могу это себе представить. Отказываюсь поверить. И не в состоянии избавиться от навязчивых мыслей о именно такой судьбе.

Эх, Юрка, Юрка! Ты – самая большая моя боль в жизни. Ты – незаживающая моя рана. Другие уже все зарубцевались, а ты кровоточишь и болишь, видно, потому, что ты – рана в сердце. Совесть моя подрублена твоей смертью, от которой я не могу оправиться долгие годы.

Да, я виноват тоже. Виноват перед тобой и перед твоей матерью, о которой ты столько беспокоился при жизни. Я не забыл ее адрес, но что я мог написать ей? Каюсь, я долго колебался и года через два после войны послал ей открытку с сообщением, что ты без вести пропал под Кировоградом. Это была маленькая хитрость, которая помогла мне решить, как поступить лучше. Я знал твою мать по письмам к тебе, каждое из которых было на четырех листах и под номером. Я не забыл, как заботилась она о тебе, твоей судьбе. Но я не помню письма, где бы она просила тебя, как другие, во что бы то ни стало сберечь на войне жизнь. Она призывала тебя, когда придет самый трудный твой час, не забыть, что ты комсомолец, и поступить по велению долга. На другое она не могла согласиться.

Вскоре я получил от нее ответ. Небольшой листок, несколько скупых слов материнского утешения... Она писала, что ты героически погиб на фронте в единоборстве с фашистскими танками. Будто два из них ты подорвал гранатами, а под третий бросился сам и погиб.

Мог ли я после этого сообщить ей всю правду о твоей гибели?

Что ж, я виноват перед тобой и каюсь. Но мы умнее с годами, а воевать нам пришлось почти пацанами. Теперь бы я поступил иначе. Я бы постарался не отдалиться от тебя, как это случилось на том кировоградском переезде. Теперь я понимаю, что по отношению к тебе, раненому, совершил почти что предательство, поддавшись мужественному обаянию Кати и потянувшись за ней, такой независимой и решительной. Наверно, нельзя было оставлять тебя одного и в трубе. Будь я с тобой, я бы раньше понял твое отчаянье и, возможно, оно не оборвалось бы чудовищным выстрелом, на который тебя толкнул Сахно.

Правда, так я рассуждаю теперь. Я жив, и мне обидно, что путаются под ногами Горбатюки и покоятся в земле Стрелковы. Тогда же все было иначе. Тогда я люто тебе завидовал. Если бы ты видел, что было дальше со мной, ты бы простил мне и мою не слишком удавшуюся жизнь, и свою преждевременную смерть.

Да, тогда мне досталось...

Глава тридцать седьмая

Ощущения мои то проясняются, то глохнут в тошнотворных провалах сознания. В голове все плывет и кружится. Однако я понимаю, что меня волокут по откосу в гору. Потом моя здоровая нога больно ударяется о рельс. Я касаюсь ею земли и начинаю прыгать по заснеженным шпалам. Каждый прыжок отзывается нестерпимой до отупения болью. Другая, мне уже неподвластная, нога судорожно поджимается и лихорадочно, мелко дрожит.

Мое тело в липком холодном поту. Порой я раскрываю глаза и вижу, как внизу плывут-качаются присыпанные снегом шпалы и два черных рельса с обеих сторон. Рядом мелькают сапоги. С одной стороны кирзовые, потертые на щиколотках, –

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Сахно, с другой – тупоносые кожаные – Энгеля. Возле них черный приклад карабина, и я догадываюсь: им вооружился мой штрафной конвоир. Значит, его не расстреляют. Это почему-то отзывается во мне удивительным, появляется даже надежда: а вдруг он поможет? Если только мне еще можно чем-либо помочь.

Вскоре неодолимая слабость липким туманом заволакивает глаза, и я перестаю видеть. Смутно чувствую, что меня ведут в плен. Ведут два человека, которые менее всего подходят для этого. Действительно, одного сутки назад я сам должен был сдать в плен, а второй... Не хочется даже и думать, кто этот второй.

И вот теперь они – мои конвоиры.

Но зачем я, такой искалеченный, понадобился немцам? Разве чтобы допросить, прежде чем расстрелять? Тогда почему я иду? Пусть убивают сразу. Правда, я всегда хотел жить. И теперь тоже. Если бы только не боль. Даже наперекор боли. Только чем для меня обернется какой-нибудь лишний час жизни? Не худшим ли, чем сама смерть?..

Голова моя раскалывается от путаных мыслей и неодолимых в моем состоянии вопросов. Чего-то очень важного я никак не могу понять. Я только чувствую, что произошло непоправимое. Временами я забываю, где я и куда иду. Невольно кажется, что рядом Катя. Даже слышится где-то поблизости ее голос. Я не могу себе представить, что ее нет и никогда уже не будет... И что навсегда уже ушел из жизни мой Юрка. Я все еще не могу представить себе весь ужас моего положения. Кажется: не сон ли это? Бывало же сколько раз во сне, что попадал в руки немцев, которые даже пытались меня убить. Но затем наступало пробуждение, и все становилось на свои места. Может, и теперь будет так? Вот только невыносимая, нечеловеческая боль! Такая не может присниться.

Надо собраться, сосредоточиться и что-то понять, в чем-то разобраться. Ведь я неплохо разбирался в каверзах, которые иногда устраивала мне жизнь. Дома, в школе, в училище. Правда, тут – война. Огромная, яростная, небывалая на земле война. В ней сам дьявол с Богом самым хитроумным способом все перепутали. Ни одна закономерность тут не является правилом. Самая нелепая случайность порой становится властительницей твоей судьбы. Разберись, что тут надежно и постоянно. И неизменно.

Видно, я все же мог бы что-то понять, если бы не такое страдание. Боль мне не дает ни о чем думать. Она отбирает силы, тисками сжимает сердце. Столько лет тренированное на кроссах и на утренних зарядках сердце. Кажется, никуда я не дойду. Я просто умру на руках конвоиров. На этой железной дороге. В нескольких километрах от Кировограда.

Да, я хочу умереть. Я не хочу идти в плен. Я не буду давать им никаких показаний. Я не хочу и не могу больше страдать. Страдания становятся сверх моих сил. Я даже не знаю, где и что у меня болит. Боль самовластно хозяйничает во всем теле, неизвестно чего добиваясь. И я завидую Юрке. Ему уже не больно. Он переступил свой последний рубеж и теперь неподвластен немцам. Силы над ним у них уже нет. И смерть начинает казаться мне желанным избавлением. Только где оно, это избавление?

Я раскрываю глаза и дико оглядываюсь. Вокруг простирается степная гладь, прорезанная железной дорогой с рядами телеграфных столбов по сторонам. Мерно и настойчиво гудят провода. Впереди по шпалам шагает немец. Коробка закинутого за спину противогаза лягает по затвору его карабина. Я поднимаю голову и вижу сведенные челюсти Сахно. Он все еще не стреляется и не убегает. Неужели и он пойдет в плен?

– Убей меня!

Сахно, кажется, даже вздрагивает. Каким-то незнакомым взглядом уставляется в меня. Видно, в эту минуту я ужасен, и в глубине его зрачков мелькает испуг.

– Убей меня! Будь человеком!

Я и сам понимаю нелепость моего требования. Но это кричит моя боль. И мое истерзанное тело. Они самые властные теперь во мне, и я им подчиняюсь. Единственная моя нога подкашивается, и я окончательно повисаю на чужих руках.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Сахно сильно дергает за плечо и, склонившись, дышит предостерегающим шепотом:

– Если что – меня ты не знаешь. Понял?

Ага, теперь он меня уговаривает. Похоже, он уже переиначивается. Остальных уничтожил, а сам медлит. Может, думает выжить?

Сглотнув тугой ком обиды, я дергаюсь в их цепких руках. Ангель что-то недовольно ворчит и поудобнее подхватывает меня за руку. Сахно же одной рукой не удерживает, я падаю на шпалы и лежу, корчась от боли. Сзади раздается суровый гортанный крик. Сахно, пугливо заглядывая мне в глаза, дергает за рукав:

– Ты что? Вставай!

– Не встану! Убивайте! Не встану!

В этом теперь мой выход. Из жизни – в небытие. Другого нет. Пусть стреляют.

Но они не стреляют.

Ангель несколько раз незлобиво дергает за руку, старается подхватить за другую Сахно. Но я настойчиво им не поддаюсь. Тогда напротив появляется тот, в каске. Его взгляд круто упирается в меня где-то между бровей. Сильный удар сапогом в живот прерывает мое дыхание.

– Ауфштэен! [60]

Нет, уж черта вам, а не ауфштэен. Задыхаясь, я хватаю ртом воздух и, к сожалению, ничего не могу им сказать. Мир снова проваливается в тягучую сумеречную бездну. Частицей сознания я отмечаю, как они хватают меня за руки, за ногу, за рваные полы шинели, и земля подо мной исчезает.

Прихожу в себя также от удара. Кажется, чем-то жгуче-холодным тупо бьют по лицу, и я чувствую себя на скрипучей морозной тверди. Поведа руками, я понимаю, что они бросили меня ничком в снег. Неторопливо и вяло, едва преодолевая слабость, в которой растворяется боль, поворачиваю голову. Подо мной наезженная зимняя дорога, ноздреватое желтое пятно лошадиной мочи, натрушенные клочья сена и рядом ноги. Много ног в сапогах, ботинках, коротких кожаных и матерчатых крагах. Двое в валенках. Ближе других узнаю выскользненные в снегу «кирзачи» Сахно. На их кожаных головках пятна крови. Кажется, это моя кровь. Однако немецкая речь заставляет меня взглянуть дальше, и мой взгляд упирается в узенькую, грязную снизу подножку «опеля». Один ее край украшен блеклой полоской никеля, конец пригнут случайным ударом. На середине подножки шаркает подошвой хорошо начищенный хромовый сапог.

С усилием я перевожу взгляд выше, догадываясь уже, что это – начальство. И действительно, в машине какой-то важного вида офицер. Пожилой, худощавый и даже в сидячем положении очень прямой. На голове высокая фуражка. Выбритый подбородок лежит на меховом воротнике кожаного реглана. Глаз не видно, вместо них блестят стекла пенсне. Впервые вижу такого важного немца, но теперь он мне безразличен. Мне плевать на его высокий чин. Я ему сразу же это и скажу. Рисковать мне уже нечем.

Но почему они все молчат? Молчит чин. Молчит, «поедая» его взглядом, знакомый офицер в каске. Вывернув от себя локти, он на вытяжку стоит перед машиной. И я думаю: может, они решают нашу судьбу?

Напряжение мое кончается. Я без остатка выдыхаю грудью и закрываю глаза. Снова все подо мной плывет и кружится. Последним усилием воли удерживая себя в сознании, думаю: почему я не скончался дорогой? Зачем я живу? Я знаю, они будут допрашивать. Им нужно что-то узнать, и потому они ведут нас обоих. Второй – для контроля. Для того они приволокли нас в село. Это – улица. В морозном воздухе пахнет мешаниной дымов – бензинового и от соломы. Слышится далекая стрельба, гомон и топот ног. Рядом идут и бегут солдаты. И вдруг в этой сумятице звуков я начинаю различать настырный воздушный гул. Так вот почему они замолчали: в небе летят наши. Это штурмовики, наши родные «Илы». Они идут сюда! Они устроят им кровавое воскресенье.

Напрягшись от боли, я переворачиваюсь на спину. В глаза ударяет пронзительная яркость неба. До боли в глазах я всматриваюсь в белесую дымку. И напрасно. Там пусто. Только внизу тычки неподвижных голов – в пилотках, в шапках, в касках. Они также уставились в небо. Самолетов нет. Есть только гул. Гудит где-то поблизости. И этот гул на минуту возвращает мне силы. Я рад, что еще живу. Я еще поборюсь с ними. Я им ничего не скажу. Не на того напали! Я плюну в глаза этому оберсту, или как там его величать. Пусть стреляют!

Однако гул скоро глохнет. Видно, самолеты проходят мимо, куда-то в другую сторону. Короткая радость моя сменяется немым внутренним стоном. Я едва замечаю, как их лица уже не задираются в небо. Они поворачиваются к легковушке. Немец в машине сбрасывает с себя неподвижность, щелкает портсигаром, деловито прикуривает. Худые щеки его то проваливаются, то снова полнятся, и подбородок опускается на мех воротника. Он что-то приказывает.

– Яволь! Яволь! – щелкает каблуками офицер и коротко, скороговоркой докладывает. Кажется, это о нас («Вас махен цвай рус офицерен?»).

Вот когда все решится. Взглядом я впиваюсь в бритое холодное лицо. Сейчас он определит нам кару, прикажет, чего от нас добиться и как расстрелять. Или, может, даже повесить. Но он почему-то не спешит. Тонкими губами стискивает сигарету и небрежно машет рукой в серой перчатке.

Я не понимаю. Что это значит? Расстрел? Или, может, вести дальше по улице? Видно, чего-то не понимает и офицер в каске. Во всяком случае, я не слышу его «яволь». Я только вижу, как, сыпанув снегом, подхватывается в колее колесо. На ходу бряцает дверца.

Офицер круто оборачивается к солдатам и уже другим тоном – зло и решительно – что-то приказывает. Все слушают. Потом разом берут оружие и имущество, что лежит на обочине. Снова звякают пряжки и застёжки их желто-зеленых ящичков. Резко скрипит снег. Кто-то сильной рукой хватается за шиворот и ничком, как собаку, волочит поперек улицы. По снегу, через колеи, разгребая моим телом мерзлые конские катыши. Крючок шинели впивается мне в горло, я задыхаюсь. Я не знаю, куда это? Но я не хочу тут умереть. Я хочу еще побороться с ними. Они меня обрекли, но за мной еще последнее слово. Боже, дай мне еще час жизни! И силы! Я никогда не верил в Бога, однако теперь он мне нужен. Хоть настоящий, хоть выдуманный. И я умоляю его помочь мне.

Рядом скрипят на снегу окостеневшие от мороза сапоги, движется мимо плетень, калитка, брошенная пустая канистра и прислоненная к завалине автопокрышка. Возле нее охапка соломы, на которую они меня и бросают. Ударившись головой о тугий резиновый бок покрышки, я не сразу открываю глаза. Лежу как пласт, от боли закусив губу, и дрожу. Рядом, слышу, опускается на завалинку и также дрожит от стужи Сахно.

Глава тридцать восьмая

Проходит, видно, немало времени, пока я, притерпевшись к боли, раскрываю глаза.

Во дворе шум.

Хата, возле которой мы оказались, пуста. В выбитых окнах торчат осколки стекла. Дверь – настезь. Немцы все во дворе. В полах шинелей они приносят откуда-то сухой паек и принимаются за обед. На тех же составленных ящиках делят галеты и отдельно консервы. Оставив нас без всякого внимания, они толпятся на середине двора и дружно разбирают свои порции. Энгель там тоже. Как равный с равными. И, кажется, никто ему ничего не говорит, ничем не упрекает. Будто и не было у него ни плена, ни контакта с русскими. Будто он такой же верный служака фюрера, как и все прочие тут. Он забирает с ящика свои галеты, и вдвоем с рыжим, что выволок меня из трубы, они одной ложкой поочередно начинают выскребывать консервную банку. Сахно, скорчившись на завалине, зорко следит за ними исподлобья и ежеминутно глотает слюну. И дрожит. А я уже не дрожу. Я медленно и неотвратимо замерзаю. Ног своих я уже не чувствую. Чужие для меня и руки, на которых давно нет рукавиц. И еще нестерпимо хочется пить. От потери крови внутри у меня все сохнет и жжет. «Ну где же, где их начальство? Неужели никому здесь мы не нужны?» – уныло думаю я и жду, когда кто-нибудь наконец подойдет.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

И он подходит. Молодой, вполне симпатичный с виду солдат с насмешливым взглядом голубых глаз. Шагнув от ящиков, дожевывая галету, он распахивает полы шинели. Делая свое дело в двух метрах от завалины, немец невзначай встречает мой взгляд. Я жду злого слова, ругательства, может, и выстрела, а он вдруг озорно вихляет задом. Рыжая струя перечеркивает рядом снег, мелкой дробью пробегает по моей спине – раз и второй. Немчик довольно ржет, застегивается и отворачивается, поправляя на спине автомат.

Первый раз я не могу сдержать стона. От мук другого рода, чем те, что донимали меня прежде. Это ни с чем не сравнимые муки. Их нельзя понять, не стерпев хоть однажды, в отчаянии передо мной всплывают из памяти все мои фронтовые неудачи. Как я стрелял из «дегтяря», впопыхах не поставив на планке прицел, и десяток немцев успели скрыться в траншеях. И как мы под Знаменкой промедлили с атакой и дали их машинам выскочить из села. И тот вечер, когда мой взвод захватил шестерых пленных. У ребят были мокрые валенки, но я не разрешил им разуть немцев, обутых в исправные кожаные сапоги. Если бы тогда знать, что ждало меня в будущем!

Но, видно, все мои муки напрасны. Ни одного из них я уже не убью и ничего им не сделаю. На меня им наплевать. Они уходят. Дожевывая хрустящие галеты, они поудобнее прилаживают на спинах сумки, противогазы, закидывают на плечи оружие и один за другим выходят на улицу. На нас даже ни один не глянет. Во дворе остаются знакомые ящики и возле них трое: наш Энгель, молодой очкарик и еще один, новый. Он с вьедливыми темными глазами и ефрейторским шевроном на рукаве. Судя по всему, этот здесь старший.

Я уже не знаю, что и думать. Обидно погибнуть, как гибнет подстреленная собака. До ночи, пожалуй, мне не дожить. А она совсем близко. Солнца в небе уже не видно, в прозрачные синие сумерки медленно погружается земля. Под крышами густеет мрак. Все настойчивее властвует под шинелью мороз. Кажется, ночь обещает быть звездной и лунной, как и вчера. Только мне ее уже не увидеть.

Немцы, усевшись на ящиках, курят. И молчат. Вижу – чутко вслушиваются в звуки, которые долетают сюда с окраины села. Однако те, кого ждут, наверно, задерживаются. На улице становится пусто. Немцы уже выехали отсюда. Чего же тогда ждут эти трое?

И тут у меня появляется нелепая мысль: а может, они ждут наших? Чтоб сдать! И спасти нас!.. Тут же я, однако, понимаю: глупая надежда. Не для того они оставлены. Да и Энгель, подлюга, даже не подойдет ни разу. Ни разу не взглянет на нас, точно боится. Но ведь совсем недавно еще не боялся. А я так хочу попросить у него воды... Кажется, только бы напиться, а там можно и умереть. Зато Сахно как-то неестественно оживляется. Будто наконец преодолевает в себе замешательство, которое владело им с начала пленения. Он позволяет себе встать с завалины и начинает часто приседать – греться. И на него не кричат. Только очкарик что-то ворчит, но ефрейтор помалкивает, и тот тоже смолкает, Сахно, усевшись, громко стучит сапогами. Мерзлая земля тупо дрожит под ним и болью отдается во всем моем теле.

Окоченевший и обессиленный, я не сразу замечаю, как с этой дрожью сливается дальний знакомый треск. Я только вижу, как все трое немцев враз поворачивают головы. Очередь повторяется раз, второй, третий. Немцы вскакивают. Двое коротко поглядывают на ефрейтора, и снова все троим слушают.

Неужели наши? Мне даже не верится. Неужели возможно спасение? Сахно снова замирает, сведя на переносье широкие брови. Мне кажется – это «максим». Нет, пожалуй, скорее похоже на танковый. Только какого танка?

Очереди, однако, умолкают. Ефрейтор тихо ругается и вынимает из кармана круглую, точно гусиное яйцо, с ободком поперек гранату. Попробовав чеку, планкой цепляет гранату за ремень.

– Их коме бальд! [61]

Он куда-то торопливо уходит со двора. Энгель и очкарик снова садятся на ящики. Энгель, понунив голову, начинает ковырять прикладом в снегу. Очкарик то всматривается в огороды с вишенником, то оглядывается на улицу. Видно, он

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru побаивается. Сахно снова осторожно начинает разминку. Я уже не могу терпеть. Жажда, кажется, добьет меня раньше, чем это сделают раны и мороз.

– Энгель, – говорю я и не узнаю своего ослабевшего голоса. – Энгель! Вассер! Тринкен вассер!

Энгель чуть ли не в испуге вскидывает голову.

– Вассер! Ферштейн? Вассер!

– Швейг! Вассер никс! [62] – говорит очкарик.

Энгель, вижу, в задумчивой нерешительности смотрит на меня. На фоне вечернего неба выражение его лица от завалины почти не просматривается.

– Вон же колодец! Дай воды, если ты человек! – показываю я на улицу. Там под заснеженной крышей вытянул шею колодезный журавль.

Энгель встает и нерешительно топчется возле ящиков. Оглядывается. Прислушивается. На одном ящике сумка, и возле нее плоский котелок – видно, ефрейтора. Энгель отстегивает котелок и, еще немного прислушавшись, идет к воротам. Карабин он держит под мышкой. Очкастый, сидя на ящике, поворачивается к нам всем телом и с лязгом взводит затвор автомата.

– Швейг!

Сахно садится. Тихо про себя ругается. Немец на это не обращает внимания. Он слушает. Я вслушиваюсь также.

Кругом все тихо. Но издали все же доносятся звуки. Их не сразу и поймешь. Не то крики, не то топот множества ног. Кони или люди? Но выстрелов нет. Гремит где-то артиллерия, только это в другой стороне и далеко. А переполох – за селом. Не больше, чем в километре отсюда.

Проливая из котелка воду, во двор входит Энгель. Значит, все-таки еще человек, думаю я. Мое представление о немцах несколько поколеблено. Я уже склонен думать, что среди них бывают разные. И так себе. И ничего. И сволочи. Впрочем, как и у нас. И, пожалуй, как всюду. Люди есть люди. В общей своей массе – не плохие и не хорошие – разные. Он протягивает мне котелок. Я приподнимаюсь. Одной рукой беру его снизу. В голове шаткая карусель.

И тут за спиной – тяжелый топот бегущего человека. Что-то случилось. Но я не обращаю внимания. Я пью. Хоть бы взрыв – прежде чем умереть, я напьюсь. Но раздается немецкая ругань. Бешеный удар сапога выбивает у меня котелок. Звякая, тот катится по двору. Второй удар – в ухо – получает Энгель. Во дворе беснуется ефрейтор. Захлебываясь, он выкрикивает ругательства.

Гневная обида затмевает мое сознание. Я хочу пить. Но, кажется, уже не напьюсь. Энгель виновато моргает подслеповатыми глазами. Ефрейтор что-то кричит, размахивая перед ним кулаком. Очкарик берется за ящик. Сердце мое рвется из груди – я чувствую, сейчас произойдет что-то решающее.

Вскоре они все хватают ящики. Ефрейтор, ругаясь, бежит к хлеву за своим котелком. Очкарик один ящик взваливает на спину, второй – продолговатый и чуть поменьше – берет за ляжку. Самый большой взваливает на плечи Энгель. Торопливо цепляет на себя почти кубической формы зеленый ящик ефрейтор. Но на снегу остается еще два. Ефрейтор запыхавшись, оглядывается на нас. И тогда – о чудо! – с завалинки вскакивает Сахно. Я даже не понимаю куда. Видно, не понимают этого и немцы. А он без единого слова хватается за ящик, второй и оба вскидывает ремнями на свое правое, здоровое плечо. Ефрейтор удивленно раскрывает рот, а потом с силой хлопает его по спине:

– Гут, капитан!

И хохочет.

А я перевожу взгляд вверх. Я не удивляюсь и не возмущаюсь. Чувства мои уже мало на что и реагируют. Я уже все пережил. Я только гляжу в небо.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Там прорезалась и блестит маленькая одинокая звездочка. Она, пожалуй, как раз над Кировоградом, до которого я не дошел. Как не дошли многие. Интересно, сколько тысяч живет в этом городе? Получится ли хотя бы по одному на убитого. Было бы здорово на минутку взглянуть на его улицы. Наверно, когда-нибудь там будут цвести цветы, зеленеть тополя. И на бульварах будут гулять девушки. Ребята будут поступать в вузы и увлекаться футбольными матчами. Звездочка в небе вздрагивает и раскалывается на две и три. Туманом заволакивает взгляд. Это мороз. Он, кажется, меня добивает. Видно, скоро меня не станет. А Сахно будет жить. Будет. Он уже преодолел свой шок. И я думаю: недаром говорят, что война любит смекалку. Кто раньше смекнет, тот и победит. Он смекнул вовремя. Там он был образцовый особист. Тут будет образцовый пленный.

Все остальное доходит до меня будто с другого света. Немцы торопливо закуривают и выходят за ворота. Я все это слышу. Но я вижу только ту малюсенькую звездочку в далекой зеленоватой голубизне. Она мелькает, прыгает, рассыпается на две, четыре и колючими осколками сверкает в высоте. Веки мои смерзаются, и я закрываю глаза.

Кажется, немцы меня оставляют.

Однако в воротах они вдруг задерживаются. Слышится голос ефрейтора. Сначала тихий, потом приказной, властный. И сразу же резкий скрип сапог.

Я открываю глаза.

Сгорбившись под ящиком на спине, надо мной стоит Ангель. Он нерешительно, словно боясь, заглядывает мне в лицо. Взгляд у него испуганно-настороженный. И я вдруг догадываюсь, зачем он вернулся. Я знаю! Иного я и не ждал.

Но почему Ангель?

На руках я откидываюсь к завалине. Упершись каблуком в землю, поворачиваюсь к нему лицом:

– Ты?

Ангель отступает на шаг и дрожащими пальцами берется за рукоятку затвора. Он с усилием загоняет в патронник патрон и бормочет:

– Эс тут мир зер ляйд... [63]

Я понимаю. Он просит извинения. Это чудовищно. И невообразимо. Это ужасно. Видали ли вы таких убийц? Читали ли о них в книгах?

– Эс тут мир зер ляйд. Абэр их хабе айнен бефэль! [64]

Да, конечно, он имеет приказ! Это уже знакомо. Это безусловно.

Ну что ж! Надо кончать. Мне нечего плакать. Тщетно также просить. Руками я распинаю на груди шинель. На, стреляй, гадина! Целься в самое сердце. Чтоб долго не мучиться! Мне уже невоготу эти муки.

– Беайльт ойх!.. [65] – кричит с улицы ефрейтор.

Оказывается, они пошли. Ему теперь их догонять. Они спешат. Может, через час тут будут наши? Эта мысль переворачивает во мне все. До слез становится обидно.

– И ты меня убьешь? – кричу я в растерянные подслеповатые глаза Ангеля. – Ты в меня выстрелишь?

В моей душе вдруг вспыхивает слабенький отблеск надежды. Я же его не убил. Я его защищал. Неужели он не вспомнит этого?

На одном колене я подаюсь от завалины к Ангелю. Он на шаг отступает. Похоже, он боится меня и почему-то оглядывается. Глаза его округляются. Рукой он снова дергает рукоятку затвора. Из карабина туго выщелкивает патрон и падает в снег.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Их хабе айнен бэфель! – дрожащим голосом, словно оправдываясь, говорит он и быстро отступает еще на два шага.

Выстрел, как гром, пахнув в лицо красным пламенем, валит меня на снег.

Какое-то время затем я еще чувствую звучные удары под собой – дуг-дуг-дуг... Я не знаю, что это – его шаги или замирающий стук моего сердца. Постепенно они затихают...

Глава тридцать девятая

– Гражданин! Гражданин! А ну встаньте!

– Что разлеглись? Не дома!

– Вставайте! Сейчас же встаньте!

Между скамеек ходит дежурная с красной повязкой на рукаве, и с ней милиционер. Они будят пассажиров, так как спать в зале не разрешается. Женщины, мужчины и парни, крихтя и сопя, поднимаются. На их сонных лицах крайняя степень неудовлетворенности.

После бессонной ночи тупо болит голова. Надо бы таблетку пирамеина, но аптечный ларек, конечно, еще закрыт. В огромных вокзальных окнах – прозрачная синева рассветного неба. Начинается погожее утро.

Парня на скамейке возле меня уже нет, наверно, отправился своей дорогой. На его месте сидит знакомая женщина в цветастом платке. Подперев рукой щеку, она сосредоточенно смотрит в пол. Видно, также не вздремнула за ночь. Из другого ряда скамеек к нам забредает ранний на подъем малыш с побрякушкой в руках. Широко расставив искривленные ножки, доверчиво всматривается в меня, затем смотрит на женщину. Выражение лица у той не меняется. Малыш, неловко повернувшись, торопливо убегает за скамейку. Нас он побаивается.

1).

Мне больше тут не сидится, и я иду к двери.

На площади еще по-ночному прохладно и пусто. Фонари уже не горят. В чистом просторном небе над городом почти уже светло. Вот-вот должно взойти солнце. Напористый майский дождь быстро пронесся по улицам, крышам и бульварам, оставив после себя ароматную свежесть утра, мокрую листву и зеркальные лужи-озерца на асфальте. Лужи быстро округляются – сохнут.

Резкий скипидарный запах тополей наполняет сквер. Весенней сыростью и прелью пахнет набрякшая влагой земля. С ночи листвы на деревьях будто прибавилось, и она густо зеленеет, отрясая на землю холодные крупные капли. На пустой крайней скамейке – просиженная мокрая газета. Я опускаюсь рядом.

Энгель все же оказался нерадивым солдатом фюрера. В своем усердии выполнить приказ он поспешил. То ли из-за нежелания отстать от своих. То ли из-за боязни наших, которые где-то обходили село. Или, может, питая какое-то подспудное сочувствие ко мне. Не очень целясь, он выстрелил всего один раз. А надо было бы два. Один выстрел меня не убил. Только на многие годы наделал заботы докторам. И если я сейчас жив, то земной поклон их золотым рукам и их многотрудным заботам. Но наипервейший поклон тетке Гарпине. Это она, пожилая сельская бобылка, не дала мне изойти кровью и замерзнуть. Ее руки задержали во мне крохотные остатки жизни, хоть это было не просто. И теперь вместе с ненавистью к подлости в моей груди живет великая любовь и благодарность к милосердию чуткой женской души, так часто отводившей от нас погибель.

Широкие косые лучи невидимого за домами солнца зажигают в вышине небо и оно горит, сияет, звенит первозданной утренней свежестью. Кошмарно долгая ночь позади, и я думаю: какой удивительной силой обладает утро! Восходит солнце, и все на душе просветляется. Куда только деваются ночные терзания; утром все видится намного проще и легче, чем представлялось ночью. Огромным зарядом бодрости утро преображает человека. Правда, в войну все было иначе. Утро и день редко приносили радость солдату.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Струи свежего воздуха легко и сладко вливаются в мою грудь. Мне хорошо. И даже неизвестно почему становится радостно. Может, оттого, что я вот, несмотря ни на что – живой. Хоть и с протезом вместо левой ноги. С не так давно залеченным очагом в легких. Растеряв по больницам молодость, недоучившись, недолюбив. С двадцати лет инвалид. И все-таки жизнь – главное. Только в ней – счастье и беда, наказание и награда.

С привокзальной площади в сквер входит молодая пара с вещами. Впрочем, вещей немного: у высокого длиннорукого парня – чемодан с металлическими наугольниками и пальто. У нее – маленькой и остроносенькой, с виду совсем еще девчонки – громоздкая дорожная сумка. Из-под простенького поношенного плащика сильно выдается живот. Щеки и переносье густо усыпаны веснушками.

– Вот давай тут и присядем, – говорит она, ставя на скамейку напротив сумку. И вдруг спохватывается: – А где твоя куртка?

Он, угловатый и неуклюжий, недоуменно оглядывается.

– В зале оставил! – догадывается парень и опрометью бросается из сквера.

– Маша ты растеряша, – смеется она вдогонку. Потом садится рядом с вещами. Заметив мое к ней внимание, торопливо запахивает полы тесного на ней плащика. – Такой забывака – страсть!

– Ничего, привыкнет, – говорю я.

– Третий раз уже забывает. В деревне у моих оставил, когда отъезжали. Потом в автобусе забыл. Прямо беда. Как профессор какой, – добродушно усмехается она.

– Далеко едете?

Она враз становится серьезной и легонько вздыхает.

– Ой, на целину едем. В Кокчетав и дальше еще километров двести. Первый раз из дому – прямо страсть. Говорят, там ни деревца нет, а я так лес люблю. У нас такие леса... Вот поехала и все сомневаюсь: а вдруг плохо будет.

– А он как? Хороший?

– Кто? Сашка-то? – Она смущенно улыбается, и серые глаза ее наполняются теплым светом. – Он хороший, – говорит она нараспев. – Шebutной только. После армии на целину завербовался, комбайнером. Вырос в степи, так уж больно простор обожает.

– Тогда ничего. Привыкнете. К степи, разумеется.

– Правда? Ну что ж! Как-нибудь надо. Семья ведь теперь...

Она вздыхает и нетерпеливо поглядывает в сторону вокзала, откуда с курткой в руке уже бежит ее рассеянный избранник.

Минуту спустя они устраиваются на скамье завтракать. Она деловито достает из сумки еду. Чтобы не смущать их, я отворачиваюсь. Мимо по дорожке сквера, полязгивая каблуками кирзачей, проходит солдат. Очень спешит, наверно, опаздывает из увольнения. Щеки его покраснелись, лоб мокрый. Тихо переговариваясь о чем-то, соседи мои начинают завтракать. Я слышу, он ее называет Катюшей, и мне очень невтерпеж обернуться. Но нет, я знаю, той Кати не будет. Это другой человек, иная судьба. Впрочем, что ж – жизнь продолжается.

Я гляжу в дальний конец сквера, где появляется еще одна пара. Тесно прильнув друг к другу, они медленно идут к последней в ряду скамейке. Он бережно укрывает ее своим пиджаком. У самого плечи облегает мокрая рубашка. Но что там рубашка, если темноволосая головка так преданно и счастливо льнет к плечу. Глядя на них, я слушаю быстро удаляющиеся солдатские шаги и думаю: этим ребятам принадлежит будущее, и в том их преимущество.

Пусть же они будут счастливее нас.

Глава первая

Они шли лесом по глухой, занесенной снегом дороге, на которой уже не осталось и следа от лошадиных копыт, полозьев или ног человека. Тут, наверно, и летом немного ездили, а теперь, после долгих февральских метелей, все заровняло снегом, и, если бы не лес – ели вперемежку с ольшаником, который неровно расступался в обе стороны, образуя тускло белеющий в ночи коридор, – было бы трудно и понять, что это дорога. И все же они не ошиблись. Вглядываясь сквозь голый, затянутый сумерками кустарник, Рыбак все больше узнавал еще с осени запомнившиеся ему места. Тогда он и еще четверо из группы Смолякова как-то под вечер тоже пробирались этой дорогой на хутор и тоже с намерением разжиться какими-нибудь продуктами. Вон как раз и знакомый овражек, на краю которого они сидели втроем и курили, дожидаясь, пока двое, ушедшие вперед, подадут сигнал идти всем. Теперь, однако, в овраг не сунуться: с края его свисал наметенный вьюгой карниз, а голые деревца на склоне по самые верхушки утопали в снегу.

Рядом, над вершинами елей, легонько скользила в небе стертая половинка месяца, который почти не светил – лишь слабо поблескивал в холодном мерцании звезд. Но с ним было не так одиноко в ночи – казалось, вроде кто-то живой и добрый ненавязчиво сопровождает их в этом пути. Поодаль в лесу было мрачновато от темной мешанины елей, подлеска, каких-то неясных теней, беспорядочного сплетения стелющихся ветвей; вблизи же, на чистой белизне снега, дорога просматривалась без труда. То, что она пролегла здесь по нетронутой целине, хотя и затрудняло ходьбу, зато страховало от неожиданностей, и Рыбак думал, что вряд ли кто станет подстерегать их в этой глуши. Но все же приходилось быть настороже, особенно после Глинян, возле которых они часа два назад едва не напоролась на немцев. К счастью, на околице деревни повстречался дядька с дровами, он предупредил об опасности, и они повернули в лес, где долго проплутали в зарослях, пока не выбрались на эту дорогу.

Впрочем, случайная стычка в лесу или в поле не очень страшила Рыбака: у них было оружие. Правда, маловато набралось патронов, но тут ничего не поделаешь: те, что остались на Горелом болоте, отдали им что могли из своих тоже более чем скудных запасов. Теперь, кроме пяти штук в карабине, у Рыбака позвякивали еще три обоймы в карманах полушубка, столько же было и у Сотникова. Жаль, не прихватили гранат, но, может, гранаты еще и не понадобятся, а к утру оба они будут в лагере. По крайней мере, должны быть. Правда, Рыбак чувствовал, что после неудачи в Глинянах они немного запаздывают, надо было поторапливаться, но подводил напарник.

Все время, пока они шли лесом, Рыбак слышал за спиной его глуховатый, простудный кашель, раздававшийся иногда ближе, иногда дальше. Но вот он совершенно затих, и Рыбак, сбавив шаг, оглянулся – изрядно отстав, Сотников едва тащился в ночном сумраке. Подавляя нетерпение, Рыбак минуту глядел, как тот устало гребется по снегу в своих неуклюжих, стоптанных бурках, как-то незнакомо опустив голову в глубоко надвинутой на уши красноармейской пилотке. Еще издали в морозной ночной тишине послышалось его частое, затрудненное дыхание, с которым Сотников, даже остановившись, все еще не мог справиться.

– Ну как? Терпимо?

– А! – неопределенно выдавил тот и поправил на плече винтовку. – Далеко еще?

Прежде чем ответить, Рыбак помедлил, испытующе вглядываясь в тощую, туго подпоясанную по короткой шинели фигуру напарника. Он уже знал, что тот не признается, хотя и занемог, будет бодриться: мол, обойдется, – чтобы избежать чужого участия, что ли? Уж чего другого, а самолюбия и упрямства у этого Сотникова хватало бы на троих. Он и на задание попал отчасти из-за своего самолюбия – большой, а не захотел сказать об этом командиру, когда тот у костра подбирал Рыбаку напарника. Сначала были вызваны двое – Вдовец и Глущенко, но Вдовец только что разобрал и принялся чистить свой пулемет, а Глущенко сослался на мокрые ноги: ходил за водой и по колено провалился в трясину. Тогда командир назвал Сотникова, и тот молча поднялся. Когда они уже были в пути и Сотникова начал донимать кашель, Рыбак спросил, почему он смолчал, тогда как двое других отказались, на что Сотников ответил: «Потому и не отказался, что другие отказались». Рыбаку это было не совсем понятно, но погодя он подумал, что в

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
общем беспокоиться не о чем: человек на ногах, стоит ли обращать внимание на какой-то там кашель, от простуды на войне не умирают. Дойдет до жилья, обогрется, поест горячей картошки, и всю хворь как рукой снимет.

– Ничего, теперь уже близко, – ободряюще сказал Рыбак и повернулся, чтобы продолжить путь.

Но не успел сделать и шага, как Сотников сзади опять поперхнулся и зашелся в долгом нутряном кашле. Стараясь сдержаться, согнулся, зажал рукавом рот, но кашель оттого только усилился.

– А ты снега! Снега возьми, он перебивает! – подсказал Рыбак.

Борясь с приступом раздирающего грудь кашля, Сотников зачерпнул пригоршней снега, пососал, и кашель в самом деле понемногу унялся.

– Черт! Привяжется, хоть разорвись!

Рыбак впервые озабоченно нахмурился, но промолчал, и они пошли дальше.

Из оврага на дорогу выбежала ровная цепочка следа, приглядевшись к которому Рыбак понял, что недавно здесь проходил волк (тоже, наверно, тянет к человеческому жилью – не сладко на таком морозе в лесу). Оба они взяли несколько в сторону и дальше уже не сходили с этого следа, который в притуманенной серости ночи не только обозначал дорогу, но и указывал, где меньше снега: волк это определял безошибочно. Впрочем, их путь подходил к концу, вот-вот должен был показаться хутор, и это настраивало Рыбака на новый, более радостный лад.

– Любка там, вот огонь девка! – негромко сказал он, не оборачиваясь.

– Что? – не расслышал Сотников.

– Девка, говорю, на хуторе. Увидишь, всю хворь забудешь.

– У тебя еще девки на уме?

С заметным усилием волочась сзади, Сотников уронил голову и еще больше ссутулился. По-видимому, все его внимание теперь было сосредоточено лишь на том, чтобы не сбиться с шага, не потерять посильный ему темп.

– А что ж! Поесть бы только...

Но и упоминание о еде никак не подействовало на Сотникова, который опять начал отставать, и Рыбак, замедлив шаг, оглянулся.

– Знаешь, вчера вздремнул на болоте – хлеб приснился. Теплая буханка за пазухой. Проснулся, а это от костра пригрело. Такая досада...

– Не диво, приснится, – глухо согласился Сотников. – Неделю на пареной ржи...

– Да уж и паренка кончилась. Вчера Гронский остатки роздал, – сказал Рыбак и замолчал, стараясь не заводить разговора о том, что в этот раз действительно занимало его.

К тому же становилось не до разговоров: кончался лес, дорога выходила в поле. Далее по одну сторону пути тянулся мелкий кустарник, заросли лозняка по болоту, дорога от которого круто сворачивала на пригорок. Рыбак ждал, что из-за ольшаника вот-вот покажется дырявая крыша пуньки, а там, за изгородью будет и дом с сараями и задраным журавлем над колодцем. Если журавль торчит концом вверх – значит, все в порядке, можно заходить; если же зацеплен крюком в колодезном срубе, то поворачивай обратно – в доме чужие. Так, по крайней мере, когда-то условились с дядькой Романом. Правда, то было давно, с осени они сюда не заглядывали – кружили в других местах, по ту сторону шоссе, пока голод и жандармы опять не загнали их туда, откуда месяц назад выгнали.

Скорым шагом Рыбак дошел до изгиба дороги и свернул на пригорок. Волчий след на снегу также поворачивал в сторону хутора. Очевидно чувствуя близость жилья, волк осторожно и нешироко ступал обочиной, тесно прижимаясь к кустарнику. Впрочем,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Рыбак уже перестал следить за дорогой – все его внимание теперь было устремлено вперед, туда, где кончался кустарник.

Наконец он торопливо взобрался по склону на верх пригорка и тут же подумал, что, по-видимому, ошибся – наверно, хуторские постройки были несколько дальше. Так нередко случается на малознакомой дороге, что некоторые участки ее исчезают из памяти, и тогда весь путь сдается короче, чем на самом деле. Рыбак еще ускорил свой шаг, но опять начал отставать Сотников. Впрочем, на Сотникова Рыбак уже перестал обращать внимание – неожиданно и как будто без всякой причины им завладела тревога.

Пуньки все еще не было в ночной серости, как не было впереди и других построек, зато несколько порывов ветра оттуда донесли до путников горьковато-едкий смрад гари. Рыбак сначала подумал, что это ему показалось, что несет откуда-то из леса. Он прошел еще сотню шагов, силясь увидеть сквозь заросли привычно оснеженные крыши усадьбы. Однако его ожидание не сбылось – хутора не было. Зато еще потянуло гарью – не свежей, с огнем или дымом, а противным смрадом давно остывших углей и пепла. Поняв, что не ошибается, Рыбак вполголоса выругался и почти бегом припустил серединой дороги, пока не наткнулся на изгородь.

Изгородь была на месте – несколько пар перевязанных лозой кольев с жердями криво торчали в снегу. Тут, за полоской картофляница, и стояла когда-то та самая пунька, на месте которой сейчас возвышался белый снеговой холмик. Местами там выпирало, бугрилось что-то темное – недогоревшие головешки, что ли? Немного в отдалении, у молодой яблоневого посадки, где были постройки, тоже громоздились занесенные снегом бугры с полуразрушенной, нелепо оголенной печью посередине. На местах же сараев – не понять было – наверно, не осталось и головешек.

Минуту Рыбак стоял возле изгороди все с тем же неумолкавшим ругательством в душе, не сразу сообразив, что здесь случилось. Перед его глазами возникла картина недавнего человеческого жилья с немудреным крестьянским уютом: хатой, сенями, большой закопченной печью, возле которой хлопотала бабка Меланья – пекла драники. Плотно закусив с дороги, они сидели тогда без сапог на лежанке и смешили хохотунью Любку, угощавшую их лесными орехами. Теперь перед ним было пожарище.

– Сволочи!

Преодолев минутное оцепенение, Рыбак перешагнул жердь и подошел к печи, укрытой шапкой свежего снега. Совершенно нелепым выглядел на ней этот снег, плотным пластом лежавший на загнетке и даже запечатавший устье печи. Трубы наверху уже не было, наверно, обвалилась во время пожара и сейчас вместе с головешками неровной кучей бугрилась под снегом.

Сзади тем временем притаился Сотников, который молча постоял немного у изгороди и по чистому снегу подворья отошел к колодезному срубу. Колодец, кажется, был тут единственным, что не пострадало в недавнем разгроме. Цел оказался и журавль. Высоко задранный его крюк тихо раскачивался на холодном ветру. Рыбак в сердцах пнул сапогом пустое дырявое ведро, обошел разломанный, без колес, ящик полузаметенной снегом телеги. Больше тут нечем было поживиться – то, что не сожрал огонь, наверно, давно растащили люди. Усадьба сгорела, и никого на ней уже не было. Даже не сохранилось человеческих следов, лишь волчьи петляли за изгородью – наверно, волк тоже имел какие-то свои виды на этот злосчастный хутор.

– Подрубали называется! – бросил Рыбак, уныло возвращаясь к колодцу.

– Выдал кто-то, – сипло отозвался Сотников.

Боком прислонившись к срубу, он заметно поеживался от стужи, и, когда переставал кашлять, слышно было, как в его груди тихонько похрипывало, словно в неисправной гармонии. Рыбак, запустив в карман руку, собрал там между патронов горсть пареной ржи – остаток его сегодняшней нормы.

– Хочешь?

Без особой готовности Сотников протянул руку, в которую Рыбак отсыпал из своей горсти. Оба принялись молча жевать мягкие холодные зерна.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Пожалуй, им начинало всерьез не везти, и Рыбак подумал, что это невезение перестает быть случайностью: кажется, немцы зажимали отряд как следует. И не так важно было, что вдвоем они остались голодными, – больше тревожила мысль о тех, которые мерзли теперь на болоте. За неделю боев и беготни по лесам люди измотались, отощали на одной картошке, без хлеба, к тому же четверо было ранено, двоих несли с собой на носилках. А тут полицаи и жандармерия обложили так, что, пожалуй, нигде не высунуться. Пока пробирались лесом, Рыбак думал, что, может, эта сторона болота еще не закрыта и удастся пройти в деревню, на худой конец тут был хутор. Но вот надежда на хутор рухнула, а дальше, в трех километрах, было местечко, в нем полицейский гарнизон, а вокруг поля и безлесье – туда путь им заказан.

Дожевывая рожь, Рыбак озабоченно повернулся к Сотникову.

– Ну ты как? Если плох, топай назад. А я, может, куда в деревню подскочу.

– Один?

– Один, а что? Не возвращаться же с пустыми руками.

Сотников зябко подрагивал от холода: на ветру начал люто пробирать мороз. Чтобы как-то сохранить остатки тепла, он все глубже засовывал озябшие руки в широкие рукава шинели.

– Что ты шапки какой не достал? Разве эта согреет? – с упреком сказал Рыбак.

– Шапки же в лесу не растут.

– Зато в деревне у каждого мужика шапка.

Сотников ответил не сразу.

– Что же, с мужика снимать?

– Не обязательно снимать. Можно и еще как.

– Ладно, давай потопали, – оборвал разговор Сотников.

Они перелезли через изгородь и сразу оказались в поле. Сотников враз ссутулился, глубже втянул в воротник маленькую в пилотке голову, норовя на ходу отвернуться от ветра. Рыбак откуда-то из-за пазухи вытащил замусоленное, будто портянка, вафельное полотенце и, стряхнув его, повернулся к напарнику.

– На, обмотай шею. Все теплей будет.

– Да ладно...

– На, на! А то, гляди, совсем окочуришься.

Сотников нехотя остановился, зажал между коленей винтовку и скрюченными, негнувшимися пальцами кое-как закутал полотенцем шею.

– Ну во! – удовлетворенно сказал Рыбак. – А теперь давай рванем в Гузаки. Тут пара километров, не больше. Что-нибудь расстараемся, не может быть...

Глава вторая

В поле было еще холоднее, чем в лесу, навстречу дул упругий, не сильный, но обжигюще-морозный ветер, от него до боли заходились ооченевшие без перчаток руки: как Сотников ни прятал их то в карманы, то в рукава, то за пазуху – все равно мерзли. Тут недолго было обморозить лицо и особенно уши, которые Сотников, морщась от боли, то и дело тер суконным рукавом шинели. За ноги он не опасался: ноги в ходьбе грелись. Правда, на правой отнялись, потеряв чувствительность, два помороженных пальца, но они отнимались всегда на морозе и обычно начинали болеть в тепле. Но на холоде мучительно ныло все его большое простуженное тело, которое сегодня вдобавок ко всему начало еще и лихорадить.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Им еще повезло – снег в поле был достаточно тверд или не слишком глубокий, они почти всюду держались поверху, лишь местами проваливаясь то одной, то другой ногой, проламывая затвердевший от мороза наст. Теперь шли вдоль грядки бурьяна по склону вниз. В поле было немного светлее, чем в лесу, серый призрачный сумрак вокруг раздвинулся шире, внизу на снегу мельтешили от ветра сухие стебли бурьяна. Спустя четверть часа впереди затемнелся какой-то кустарник – спутанные заросли лозняка или ольшаника над речкой, и они не спеша пошли к этим зарослям.

Сотников чувствовал себя все хуже: кружилась голова, временами в сознании что-то как будто проваливалось, исчезало из памяти, и тогда на короткое время он даже забывал, где находится и кто с ним. Наверно, в самом деле надо было воротиться или вовсе не трогаться из леса в таком состоянии, но он просто не допускал мысли, что может всерьез заболеть. Не хватало еще болеть на войне. Никто из них не болел так, чтобы освобождали от заданий, да еще таких пустяковых, как это. Кашляли, простуживались многие, но простуда не считалась в лесу болезнью. И когда там, у костра на болоте, командир вызвал его по фамилии, Сотников не подумал о болезни. А узнав, что предстоит сходить в село за продуктами, даже обрадовался, потому что все эти дни был голоден, к тому же привлекала возможность какой-нибудь час погреться в домашнем тепле.

И вот погрелся.

В лесу все-таки было легче, а тут, на ветру, он почувствовал себя совсем плохо и даже испугался, что может упасть: так кружилась голова, и от слабости вело из стороны в сторону.

– Ну, как ты?

Остановившись, Рыбак обернулся, подождал, и от этого его простого вопроса, на который не обязательно было отвечать, у Сотникова потеплело в душе. Больше всего он боялся из напарника превратиться в обузу, хотя и знал, что, если случится наихудшее, выход для себя найдет сам, никого не обременяя. Даже и Рыбака, на которого как будто можно было положиться. После недавнего перехода шоссе, когда им двоим выпало прикрыть отход остатков разбитого отряда, они как-то сблизились между собой и все последние дни держались вместе. Наверно, потому вместе попали и на это задание.

– Вот лошину протопаем, а там за бугром и деревня. Недалеко уже, – подбадривал Рыбак, замедляя шаг, чтобы идти рядом.

Сотников догнал его, и они вместе пошли по склону. Снег тут стал глубже, чем был на пригорке, ноги чаще проламывали тонковатый наст; месяц теперь блестел за их спинами. Ветер сильными порывами раздольно гулял в снежном поле, короткие полы шинели хлестали по озябшим коленям Сотникова. Рыбак вдруг обернулся к товарищу:

– Все спросить хочу: в армии ты кем был? Наверно, не рядовым, а?

– Комбатом.

– В пехоте?

– В артиллерии.

– Ну тогда ясное дело: мало ходил. А я вот в пехоте всю дорогу топаю.

– И далеко протопал? – спросил Сотников, вспоминая свой путь на восток.

Но Рыбак это понял иначе.

– Да вот как видишь. От старшины до рядового дошел. А ты кадровый?

– Не совсем. До тридцать девятого в школе работал.

– Что, институт окончил?

– Учительский. Двухгодичный.

– А я, знаешь, пять классов всего... И то...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Рыбак не договорил – вдруг провалился обеими ногами, негромко выругался и взял несколько в сторону. Тут уже начинался кустарник, заросли лозы, камыша, снег стал рыхлее и почти не держал наверху; под ногами, кажется, было болото. Сотников в нерешительности остановился, выбирая, куда ступить.

– За мной, за мной держи. По следам, так легче, – издали сказал Рыбак, направляясь в кустарник.

Они долго пробирались по широкой пойменной лощине, пока вылезли из зарослей мерзлого тростника, отчаянно шелестевшего вокруг, перешли засыпанную снегом речушку и снова пошли лугом, разгребая ногами рыхлый, глубокий снег. Сотников совершенно изнемог, тяжело дышал и едва дождался, когда кончится эта болотистая низина и начнется поле. Наконец кустарник остался позади, перед ними полого поднимался склон, снега здесь стало меньше. Но идти вверх оказалось не легче. Сотникова все больше одолевала усталость, появилось какое-то странное безразличие ко всему на свете. В ушах тягуче, со звоном гудело – от ветра или, может, от усталости, и он огромным усилием воли принуждал себя двигаться, чтобы не упасть.

На середине длинного склона стало и вовсе плохо: подкашивались ноги. Хорошо еще, что снегу тут было мало, а местами его и вовсе посдувало ветром, и тогда под бурками проступали пыльные глинистые плешины. Рыбак вырвался далеко вперед – наверно, старался достичь вершины холма, чтобы оглядеться, – кажется, уже скоро должна была появиться деревня. Но еще не дойдя до вершины, он остановился. Сотникову показалось издали, что он там что-то увидел, по отсюда ему плохо было видно, что именно. Снеговой холм полого поднимался к звездному небу и где-то растворялся там, исчезая в тусклом мареве ночи. Позади же широко и просторно раскинулась серая, притуманенная равнина с прерывистой полосой кустарника, слабыми очертаниями каких-то пятен, расплывчатых теней, а еще дальше, почти не просматриваясь отсюда, затаился в темени покинутый ими лес. Он был далеко, тот лес, а вокруг стыло на морозе ночное поле – если что случится, помощи ждать неоткуда.

Рыбак все еще стоял, отвернувшись от ветра, когда Сотников кое-как приволокся к нему. Он уже не придерживался его следа – ступал куда попало, лишь бы не упасть. И, подойдя, неожиданно увидел: под ногами была дорога.

Они ничего не сказали друг другу, вслушались, вгляделись и медленно пошли вверх – один по правой, а другой по левой колеям дороги. Дорога, наверно, вела в деревню – значит, может, еще удастся дойти туда, не свалиться в пути. Вокруг простирался все тот же призрачный ночной простор – серое поле, снег, сумрак со множеством неуловимых теневых переходов, пятен. И нигде не было видно ни огонька, ни движения – смолкла, затихла, притаилась земля.

– Стой!

Сотников шагнул и замер, коротко скрипнул и затих под его бурками снег. Рядом неподвижно застыл Рыбак. Откуда-то с той стороны, куда уходила дорога, невнятно донесся голос, обрывок какого-то окрика вырвался в морозную ночь и пропал. Они тревожно вгляделись в ночь – недалеко впереди, в ложбинке, похоже, была деревня: неровная полоса чего-то громоздкого мягко серела в сумраке. Но ничего определенного там нельзя было разобрать.

Замерев на дороге, оба всматривались, не будучи в состоянии понять, действительно ли это был крик или, может, им показалось. Вокруг с присвистом шуршал в бурьяне ветер и лежала немая морозная ночь. И вдруг снова, гораздо уже явственней, чем прежде, донесся человеческий крик – команда или, может, ругательство, а затем, разом уничтожая все их сомнения, вдали бабахнул и эхом прокатился по полю выстрел.

Рыбак, что-то поняв, с облегчением выдохнул, а Сотников, наверно, оттого, что долго сдерживал дыхание, вдруг закашлялся.

Минуту его неотвязно бил кашель, как он ни старался унять его, все прислушиваясь, не донесутся ли новые звуки. Правда, и без того уже было понятно, чей это выстрел: кто же еще, кроме немцев или их прислужников, мог в такую пору стрелять в деревне? Значит, и в том направлении путь им закрыт, надо

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru поворачивать обратно.

Выстрелов, однако, больше не было, раза два ветер донес что-то похожее на голос – разговор или окрик, не разобрать. Выждав, Рыбак сквозь зубы зло сплюнул на снег.

– Шуруют, сволочи! Для великой Германии.

Они еще постояли недолго, прислушиваясь к ветреной тиши, обеспокоенные вопросом: что делать дальше, куда податься? Будто еще на что-то надеясь, Рыбак продолжал вглядываться в ту сторону, где во мраке исчезала дорога; Сотников же, отвернувшись от ветра, начинал мелко, простудно дрожать.

– Значит, туда нечего и соваться, – решил Рыбак, озадаченно переминаясь на скрипучем снегу. – Может, давай ложбинкой пройдем? Тут где-то, помнится, еще должна быть деревушка.

– Давай, – односложно согласился Сотников и зябко передернул плечами.

Ему было все равно куда идти, лишь бы не стоять на этом пронизывающем ветру. Чувства его дремотно тупели, по-прежнему кружилась голова. Все его усилия теперь уходило только на то, чтобы не споткнуться, не упасть, ибо тогда он, наверное, уже не поднялся бы.

Они свернули с дороги и по снежной целине направились туда, где широким пятном темнел какой-то кустарник. Снег на склоне сначала был мелкий, по щиколотку, но постепенно становился все глубже, особенно в низинке. К счастью, низинка оказалась неширокой, они скоро перешли ее и повернули вдоль зарослей мелколесья, близко, однако, не подходя к ним. Сотников плохо ориентировался на этой местности и во всем полагался на Рыбака, который облазил здешние места еще осенью, по черной тропе, когда их небольшой отряд только еще собирал силы на Горелом болоте. Начав с небольшой диверсии на дороге, этот отряд затем перешел к делам поважнее – взорвал мост на Ислянке, сжег льнозавод в местечке, но после убийства какого-то крупного немецкого чиновника оккупанты всполошились. В конце ноября три роты жандармов, оцепив Горелое болото, начали облаву, из которой они едва вырвались тогда в соседний Борковский лес.

Сотников, однако, в то время был далеко отсюда и едва ли помышлял о партизанах. Он делал третью попытку пробиться через линию фронта и не допускал мысли, что может оказаться вне армии. Двенадцать суток пробиралась из-под Слонима на восток небольшая группа артиллеристов – тех, кто уцелел из всего когда-то мощного корпусного артиллерийского полка. Но на Березине во время переправы почти вся она была расстреляна из засады, а кто уцелел или не пошел ко дну, очутился в плену у немцев. В числе этих последних, на счастье или беду, оказался и Сотников.

Да, это были отличные ребята, его артиллеристы, разведчики, огневики и связисты. Круглый год он получал с ними только пятерки и благодарности от начальства за боевую подготовку, мастерство и меткую стрельбу на полковых, армейских и показательных учениях. Думалось, разразится война, и им будут обеспечены блестящая победа, ордена, газетная слава и все прочее, к чему они были вполне подготовлены и чего, безусловно, заслуживали. По крайней мере, больше других.

Но на войне все получилось иначе. Случилось так, что в распоряжении батареи осталось несколько считанных секунд, и наибольший результат дали те, кто скорее сориентировался, проворнее успел зарядить, кто просто оказался ловчее и не растерялся в момент, когда у него самого задрожали руки.

Рыбак уверенно шагал впереди вдоль опушки леса. Сотников опять приотстал, его суконные растоптанные бурки, недавно доставшиеся ему от убитого партизана из местных, ровно шорхали по снежной замяти. Их путь лежал вниз, ветер заходил сбоку, месяц тускло и ровно блестел с небосклона. По-прежнему было морозно и ветрено, от стужи у Сотникова все сжалось, одеревенело внутри. Казалось, никогда в жизни он не испытывал такого собачьего холода; как в эту февральскую ночь. От усталости и однообразного шуршания ветра в бурьяне голова его наполнилась гулом и путаницей невнятных фраз, разговоров. В тусклой сумятице мыслей порой явственно проглядывало что-то из его прошлого...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Наихудшее из всего состояло для Сотникова в том, что это был его первый и его последний фронтовой бой, к которому комбат готовился в течение всей своей службы в армии. К сожалению, этот злосчастный бой еще раз засвидетельствовал тот непреложный, но нередко игнорируемый факт, что в усвоении опыта предыдущей войны не только сила, но, наверное, и слабость армии. Наверно, характер каждой следующей войны складывается не столько из типических закономерностей предыдущей, сколько из незамеченных или игнорированных ее исключений и неожиданностей, что и формирует как ее победы, так и ее поражения. Жаль, что Сотников понял это слишком для себя поздно, когда уроки его короткой фронтовой науки были для него уже бесполезны, а вся его батареиная мощь превратилась в груды покоренного металла на булыжном шоссе под Слонимом.

Все это представлялось теперь как страшный, кошмарный сон, и, хотя и потом на его долю выпало немало чудовищных испытаний, тот первый бой никогда не изгладится в его памяти.

...Четвертый день грохочущая колонна полка тащилась по лесным и проселочным дорогам на запад, потом свернула на юг, но не проехала и десятка километров, как ее повернули на север. Трактора своим неумолчным ревом оглушали окрестность, от перегрева кипела вода в радиаторах, пот и пыль разъедали лица бойцов. С раннего утра до темноты над ними висела немецкая авиация, «юнкерсы» непрерывно осыпали колонну бомбами. Все на дороге было завалено песком и землей, смрадно горели тягачи, уцелевшие безостановочно объезжали их: колонна не прекращала движения. Бойцы со станин беспорядочно палили вверх из винтовок, но пользы от такой их стрельбы было мало. Они даже не могли заставить самолеты подняться выше, и те носились над дорогой, едва не задевая верхушки посадок.

Сотников сидел на головном в батарею тракторе и как избавления, как самого большого счастья жаждал команды съехать с этой проклятой дороги и развернуться. Уж он бы тогда встретил немцев. Он бы обрушил на их головы такое, что им и не снилось. Но не было даже команды остановиться, полк все двигался и двигался, и каждые два часа над ним разгружались обнаглевшие «юнкерсы» и «хейнкели», перед которыми вся эта огневая мощь была беззащитной.

Так наступила последняя ночь их блуждания по западно-белорусским дорогам.

Полк был уже далеко не тот, что вначале: несколько расчетов погибло, в его батарею почти прямым попаданием бомбы разворотило на дороге орудие. Правда, три еще оставались исправными, разве что со вмятинами на щитах, с изодранной гусматикой колес и множеством осколочных шрамов на стволах и станинах. У второго орудия потек пробитый накатник. Четверых погибших батареицы везли, в прицепе на снаряжных ящиках, семерых раненых отправили в тыл. Впрочем, это были еще не самые большие потери – другим батареям досталось хуже. Полковая колонна сократилась едва не наполовину, несколько орудий осталось на дороге: поврежденные трактора не могли их тянуть, а запасных не было. Теперь почти всю ночь двигались на восток, и в этом был плохой признак: ПНШ, закуривший из его пачки, наемкнул на окружение, оно и в самом деле было похоже на то. Бойцы не спали все четверо суток, некоторые, сидя на станинах, немного вздремнули под утро – ночь была самой спокойной порой, если бы не эта неопределенность в обстановке, черной плахой нависшая над полком. Перед рассветом сделали короткую остановку в какой-то деревне, навстречу шли пехотинцы; невдалеке, видно было в ночи, зажженное авиацией, что-то горело ярким, на полнеба, пламенем – говорили, станция. Никто им не объяснил ничего, видно, командиры знали не больше бойцов, но людям как-то само собой передалось, что совсем близко немцы. Вскоре командир полка майор Парахневич повернул колонну на боковую, обсаженную вербами дорогу. Поехали куда-то на юг. Ночью было спокойнее без авиации, зато они были слепы и глухи: за ревом тракторов ничего невозможно было услышать, а в летней ночной темноте не много увидишь. Перед самым рассветом Сотников не выдержал и только задремал на сиденье, как громовой взрыв на обочине вырвал его из сна. Комбата обдало землей и горячей волной взрыва, он тут же вскочил: «Комсомолец» сильно осел на правую гусеницу. И тут началось...

Как раз светало, за вербами ярко синел край неба и серело овсяное поле, а откуда-то спереди, от головы колонны, их начали расстреливать танки. Не успел Сотников соскочить с трактора, как рядом запылал тягач третьей батареи, провалилась в воронку гаубица. Оглушенный близкими ударами взрывов, он скондировал батарею развернуться вправо и влево, но не так просто было вывернуться с громоздкими орудиями на узкой дороге. Второй расчет бросился через

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru канаву в овес и тут же получил два снаряда в трактор, гаубица опрокинулась, задрав вверх колесо. Утро осветилось ярким пламенем горящих тракторов, посадки застлало соляровым дымом – танки расстреливали полк на дороге.

Это было наихудшее, что могло случиться, – они погибали, а вся их огневая мощь оставалась почти неиспользованной. Поняв, что им отведено несколько скупых секунд, Сотников с расчетом кое-как развернул прямо на дороге последнюю уцелевшую гаубицу и, не укрепляя станин, едва успев содрать чехол со ствола, выстрелил тяжелым снарядом. Сначала нельзя было и разглядеть, где те танки: головные в колонне машины горели, уцелевшие бойцы с них бежали назад, дым и покореженные трактора впереди мешали прицелиться. Но полминуты спустя между вербами он все же увидел первый немецкий танк, который медленно полз за канавой и, свернув орудийный ствол, гахал и гахал выстрелами наискосок по колонне. Сотников оттолкнул наводчика (орудие было уже заряжено), дрожащими руками кое-как довернул толстенный гаубичный ствол и наконец поймал это еще тусклое в утренней дымке страшилище на перекрестие панорамы.

Выстрел его грохнул подобно удару грома, гаубица сильно сдала назад, больно ударила панорамой в скулу; внизу, из-под незакрепленных сошников, брызнуло искрами от камней, одна станина глубоко врезалась сошником в бровку канавы, вторая осталась на весу на дороге. Сквозь пыль, поднятую выстрелом, он еще не успел ничего разглядеть, но услышал, как радостно закричал наводчик, и понял, что попал. Он тут же опять припал к панораме – едва не закрывая собой все ее поле зрения, за дорогой двигался второй танк, комбат вперила гаубичный ствол в его серое лбище – так близко тот казался в оптике – и крикнул: «Огонь!» Замковый отреагировал вовремя, выстрел опять оглушил его, но в этот раз он успел уклониться от панорамы и за пылью перед стволом увидел, как то, что за секунду до выстрела было танком, хрястнуло, будто яичная скорлупа, и от мощного внутреннего взрыва частями развалилось в стороны. Неповоротливая, тяжелая, предназначенная для стрельбы из далекого тыла гаубица своим мощным снарядом разнесла танк вдребезги.

Неожиданно их охватил азарт боевой удачи. Уже не обращая внимания на потери, на убитых и раненых, что, истекая кровью, корчились на пыльном бульжнике, на огонь, пожиравший их технику, и град пуль оттуда, из танков, несколько уцелевших расчетов вступили в неравный бой с танками. Тем временем рассвело, уже стало видать, куда целиться. Несколько пожаров дымно пылали за дорогой: немецкие машины горели.

Сотников выпустил шесть тяжелых снарядов и разнес вдребезги еще два танка. Но какое-то подсознательное, обостренное опасностью чувство подсказало ему, что удача кончается, что судьбой или случаем отпущенные секунды использованы им полностью, что следующий, второй или третий снаряд из танка будет его. Впереди живых, наверное, уже не осталось, последним притащился оттуда и упал, обливая кровью станину, командир полка; рядом в канаве бахали из карабинов несколько бойцов – метили в танковые щели. Возле ящиков уткнулся головой в землю заряжающий Коготков, сзади никого больше не было. Тогда Сотников на четвереньках сам бросился к снарядному ящику. Однако он не успел доползти до него, как сзади оглушающе грохнуло, тугая волна взрыва распластала его на бульжнике, и черное удушливое покрывало на несколько долгих секунд закрыло собой дорогу. Задыхнувшись от земли и пыли, он краешком сознания все же почувствовал, что жив, и тут же под лавой земляной трухи, которая низринулась сверху, рванулся к орудию. Но гаубица уже немощно скособочилась на краю воронки, ствол взрывом свернуло в сторону, смрадно горела резина колесного обода. И тогда он понял, что это конец. Он плохо еще соображал, сам уцелел или нет, но чувствовал, что оглох: взрывы вокруг ушли за непроницаемую толстую стену, другие звуки все разом исчезли, в голове стоял протяжный болезненный звон. Из носа показалась кровь, он грязно размазал ее по лицу и сполз с дороги в канаву. Напротив, за вербами, тяжело переваливаясь на гусеницах, шел, наверно, тот самый, подбивший его танк. Свежий утренний ветер стлал черные космы дыма от пылающего трактора, жирно воняло соляровкой и тротилом от взрывов, дымно тлела гимнастерка на плече уже неживого командира полка.

Потрясенный неожиданностью разгрома, Сотников минуту осоловело смотрел на ползущие за дорогой немецкие танки, их номера и черно-белые, выбитые по трафарету кресты. И тогда кто-то дернул его за рукав, он повернул голову – рядом появилось запачканное сажей и кровью лицо старшины батареи, который что-то кричал ему и показывал рукой в тыл, куда по канаве бежали бойцы.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Они вскочили и сквозь вонючий дым над дорогой, пригнувшись, также побежали туда...

Глава третья

Рыбак обошел мысок мелкоlesia и остановился. Впереди, на склоне пригорка, в едва серевшем пространстве ночи, темнели крайние постройки деревни. Как она выглядела отсюда, Рыбак уже не помнил: когда-то, в начале осени, они проходили стороной по дороге, но в деревню не заходили. Впрочем, сейчас это его мало заботило – важнее было определить, нет ли там немцев или полицаев, чтобы ненароком не угодить в западню.

Он недолго постоял возле кустарника, прислушиваясь, но ничего подозрительного в деревне вроде не было слышно. Донеслось несколько разрозненных, приглушенных ночью звуков, лениво протявкала собака. По-прежнему упруго и настойчиво дул ветер, тихо посвистывая рядом в мерзлых ветвях, пахло дымом – где-то, наверно, топили. Тем временем сзади подошел Сотников и, остановившись, тоже всмотрелся в сумерки.

– Ну что?

– Вроде тихо, – негромко сказал Рыбак. – Пошли помалу.

Было бы удобнее и короче свернуть к крайней в этой деревне избушке, что темнела невдалеке, по самые окна увязнув в сугробе, – там начиналась улица. Но возле крайней всегда больший риск напороться на неприятность: в конце улицы обычно заканчивают свой маршрут караульщики и патрули, там же устраивает засады полиция. И он свернул по снегу в сторону. Вдоль проволочной в две нитки ограды они перешли лошину, направляясь к недалеким постройкам, тесно сгрудившимся в конце огорода на отшибе. Это было гумно. Там еще постояли минуту за растрескавшимся углом пуньки или тока с продранной крышей, прислушались, и Рыбак с оглядкой вышел на пригуменье. Отсюда было рукой подать до низенькой, сиротливо покосившейся избушки при одном сарайчике, куда вела утоптанная в снегу тропинка. Рыбак сделал по ней два шага, но тут же сосступил в снег – на тропке пронзительно заскрипело под сапогами. За ним принял в сторону Сотников, и они пошли так, по обе стороны стежки, к избе.

Они еще не достигли сарайчика, как до их слуха явственно донесся стук – во дворе кто-то рубил дрова, рубил вроде бы с неохотой, вполсилы. Рыбак обрадовался: если рубят дрова – значит, в деревне, наверно, все тихо, чужих нет. К тому же не надо стучать в окно, проситься впустить – обо всем можно будет расспросить дровосека. Правда, он тут же подумал, что неосторожностью можно спугнуть человека – завидев чужих, запрется, тогда попробуй его вытащить из избы. И он как можно тише обошел сарайчик, переступил через концы брошенных на снегу жердей и вышел из-за угла.

В темновато-серых сумерках двора у ограды кто-то возился с поленом. Он не сразу понял, что это женщина, которая, заслышав сзади шаги, вдруг испуганно вскрикнула.

– Тихо, мамаша! – негромко сказал Рыбак.

Растерявшись, она замерла перед ним – низенькая пожилая тетка в грубом, толсто повязанном на голове платке – и не могла вымолвить слова. Рыбак из предосторожности взглянул на ведущую в сени дверь, та была закрыта, больше во дворе вроде никого не было. Впрочем, он не очень и опасался – он уже знал, что в этой деревне спокойно. Полицаи, пожалуй, засели за самогон, а немцы вряд ли тут появлялись.

– Ой, господи боже, и напугалась же! Ой, господи...

– Ладно, хватит креститься. Полицаев в деревне много?

– А нет полицаев. Был один, так в местечко перебрался. А больше нет.

– Так, – Рыбак прошелся по двору, выглянул из-за угла. – Деревня как называется?

– Лясины. Лясины деревня, – полная внимания и еще не прошедшего испуга, отвечала

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
тетка.

Ее топор глубоко сидел в суковатом еловом полене, которое она, очевидно, тщетно пыталась расколоть пополам.

Рыбак уже прикинул, что неплохо бы тут и отовариться: подход-выход хороший, на пути гумно, лесок – если что, все это прикроет их от чужого глаза.

– Кто еще дома?

– Так одна ж я, – будто удивившись их неосведомленности, ответила женщина.

– И больше никого?

– Никого. Одна вот живу, – вдруг пожаловалась она, все не сводя с него выжидательно-тревожного взгляда, наверно старалась угадать тайную цель их ночного визита.

Рыбака, однако, мало тронул этот ее жалостливо-покорный тон, ему уже были знакомы эти наивные повадки деревенских теток, разжалобить его было трудно. Теперь он изучал обстановку на дворе – увидел раскрытые ворота в сарай и заглянул в его глухой, полный навозного запаха мрак.

– Что, пусто?

– Пусто, – упавшим голосом подтвердила женщина, не отходя от топора. – Забрали все чисто.

– Кто забрал?

– Ну, известно кто. Как у красноармейской матери. Чтоб им подавиться, иродам!

Тут Рыбак с мимолетным сочувствием взглянул на женщину – если та перешла на проклятия, значит не врет, можно верить. И он про себя недовольно чмыхнул, поняв, что и здесь, наверно, ничего не выйдет, – не до нитки же обирать ее, и без того обобранную немцами. Придется искать дальше.

Сотников, ссутулясь, уныло ожидал под стеной, и Рыбак шагнул к женщине.

– Что, не расколешь?

Тетка догадалась, что он поможет, и, заметно обрадовавшись, как-то сразу сбросила с себя пугливую настороженность.

– Да вот, лихо на него, вбила – не выдеру. С вечера бьюсь, ни туда ни сюда.

– А ну дай!

Рыбак закинул за спину карабин и обеими руками взялся за гладкое сухое топориче. Хакнув, сильно ударил поленом о колоду, потом еще. Ударял метко, с удовольствием, ощущая силу в руках и привычную с детства сноровку, когда так же вот зимними вечерами колот на утро дрова. Пилить не любил, а колоть всегда был готов с охотой, находя как бы извечное удовлетворение в этой трудной, не лишенной мужского удалства работе.

На четвертом ударе трещина криво обежала сук, и полено развалилось надвое. Он расколол еще и половинки.

– От спасибо, сынок. Дай тебе бог здоровычка, – без тени недавней скованности благодарила тетка.

– Спасибом не отделаешься, мать. Продукты имеются?

– Продукты? А какие продукты? Бульбочка есть. Мелкая, правда. Если что, заходите, сварю затирки.

– Это что! Нам с собой надо. Скотину какую.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Э, скотину. Где ее взять теперь...

– А там кто живет? – Рыбак показал рукой через огород, где за островерхим тыном белела снежная крыша соседней постройки. Кажется, там топили: ветер заносил во двор запах дыма и чего-то съестного.

– А Петра Качан. Он теперь старостой тут, – простодушно сообщила тетка.

– Да? Здешний староста? Ты слышишь? – Рыбак повернулся к Сотникову, который, прислонясь к бревну, терпеливо стоял под стеной.

– Ну. Поставили старостой.

– Сволочь, да?

– А не сказать. Свой человек, тутошний.

Рыбак, помедлив, решил:

– Ладно, пошли к старосте. Он-то уж, наверно, побогаче тебя.

Они не стали искать стежку, подлезли под жердь в изгороди, перешли засыпанный золой и картофельной кожурой огород и через дыру в старом тыне пролезли во двор старосты.

Тут порядка было побольше, чем на соседнем дворе, во всем чувствовалась заботливая рука хозяина. С трех сторон двор обступали постройки: изба, сарай, легкий навес; у крыльца стояли сани с остатками сена в розвальнях – верное свидетельство того, что хозяин находится дома. Под крышей сарая высился ладный штабелек наготовленных, напиленных и поколотых дров.

Когда они еще переходили огород, Рыбак заметил в замерзшем окошке тусклые отблески света – наверно, от коптилки – и теперь уверенно ступил на скрипучие доски крыльца.

Он не стучал – дверь была не заперта, справиться с ней ему, сельскому жителю, было привычно и просто: повернул на четверть оборота заветку, и дверь, тихо скрипнув, сама растворилась. Он прошел в темные сени, вдыхая полузабытые, густо устоявшиеся крестьянские запахи, осторожно повел рукой по стене. Пальцы его наткнулись на какую-то залубеневшую от стужи одежду, затем на дверную планку. Нашупав подле нее прокаленную морозом завесу, он легко отыскал одинаковую во всех деревенских домах скобу. И эта дверь оказалась незапертой, он потянул ее на себя и переступил высоковатый порог, передавая скобу в холодные руки Сотникова.

На опрокинутой посреди стола миске горела коптилка, огонек ее испуганно выгнулся от клуба холодного воздуха. Пожилой, с коротко подстриженной бородой человек, сидевший за столом в наброшенном на плечи тулупчике, поднял седую голову. На его широком, непривычно освещенном снизу лице коротко блеснул недовольный взгляд, тут же, однако, и потухший под низко опущенными седыми бровями.

– Добрый вечер, – со сдержанной вежливостью поздоровался Рыбак.

Конечно, можно бы и без этого приветствия немецкому прислужнику, но Рыбаку не хотелось сразу начинать неприятный для него разговор. Старик, однако, не ответил, даже не пошевелился за столом, только еще раз, уже без всякого любопытства, поглядел на них.

Сзади все несло холодом – Сотников неумело громыхал дверью, тщетно стараясь захлопнуть ее. Рыбак обернулся, с привычным пристуком закрыл дверь. Хозяин наконец медленно выпрямился за столом, не меняя, однако, безучастного выражения на лице, будто и не догадывался, кто они, эти непрошенные ночные пришельцы.

– Ты здешний староста? – официально спросил Рыбак, вразвалку направляясь к столу. В трофейных его сапогах было скользко с мороза, и он невольно сдерживал шаг.

Старик вздохнул и, наверно поняв, что предстоит разговор, закрыл толстую книгу, которую перед тем читал у коптилки.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Староста, ну, – сказал он ровным, без тени испуга или подобострастия голосом.

В то время в запечье послышался короткий шорох, и из-за занавески, поправляя на голове платок, появилась маленькая, худенькая и, видно по всему, очень подвижная женщина – наверно, хозяйка этой избы. Рыбак снял с плеча и приставил к ногам карабин.

– Догадываешься, кто мы?

– Не слепой, вижу. Но ежи за водкой, так нету. Всю забрали.

Рыбак со значением взглянул на Сотникова: старый пень – не принимает ли он их за полицаев? Впрочем, так, может, и лучше, подумал он и, сохраняя добродушную невозмутимость, сказал:

– Что ж, обойдемся без водки.

Староста помолчал, будто размышляя над чем-то, подвинул на край стола миску с копилкой. На полу стало светлее.

– Если так, садитесь.

– Ага, садитесь, садитесь, детки, – обрадовалась приглашению хозяина женщина. Подхватив от стола скамейку, она поставила ее у печки, в которой, видно было, догорали на ночь дрова. – Тут будет теплее, наверно же, озябли. Мороз такой...

– Можно и присесть, – согласился Рыбак, но сам не сел – кивнул Сотникову: – Садись, грейся.

Сотникова не надо было уговаривать – он тотчас опустился на лавку и прислонился спиной к побеленному боку печи. Винтовку держал в руках, будто опирался на нее, пилотку на голове не поправил даже – как была глубоко насунута на примороженные уши, так и осталась. Рыбаку тем временем становилось все теплее, он расстегнул сверху полушубок и сдвинул на затылок шапку. Хозяин оставался за столом с независимо-бесстрастным видом, а хозяйка, сложив на животе руки, настороженно и трепетно следила за каждым их движением. «Боится», – подумал Рыбак. Следуя своей партизанской привычке, он, прежде чем сесть, прошелся по избе, будто невзначай заглянул в темный запечек и остановился возле красного фанерного шкафа, отгораживавшего угол с кроватью. Хозяйка уважительно отступила в сторону.

– Там никого, детки, никого.

– Что, одни живете?

– Одни. Вот с дедом так и коптим свет, – с заметной печалью сказала женщина. И вдруг не предложила, а как бы запросила даже: – Может, вы бы поели чего? Верно ж, голодные, а? Конечно, с мороза да без горячего...

Рыбак улыбнулся и довольно потер озябшие руки.

– Может, и поедим. Как думаешь? – с деланной нерешительностью обратился он к Сотникову. – Подкрепимся, если пани старостиха угощает...

– Вот и хорошо. Я сейчас, – обрадовалась женщина. – Капусточка, наверно, теплая еще. И это... Может, бульбочки сварить?

– Нет, варить не надо. Некогда, – решительно возразил Рыбак и искоса взглянул на старосту, который, облокотясь на стол, неподвижно сидел в углу.

Над ним, повязанные вышитыми полотенцами, темнели три старинные иконы. Рыбак тяжело протопал сапогами к простенку и остановился перед большой застекленной рамой с фотографиями. Он умышленно избегал прямо взглянуть на старосту, чувствуя, что тот сам, не переставая, втихомолку наблюдает за ним.

– Значит, немцам служишь?

– Приходится, – вздохнул старик. – Что поделаешь!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– И много платят?

Дед не мог не почувствовать явной издевки в этом вопросе, но ответил спокойно, с достоинством:

– Не спрашивал и знать не хочу. Своим обойдусь.

«Однако! – заметил про себя Рыбак. – Видно, с характером».

В березовой раме на стене среди полдюжины различных фотографий он высмотрел молодого, чем-то неуловимым похожего на этого деда парня в гимнастерке с артиллерийскими эмблемами в петлицах и тремя значками на груди. Было в его взгляде что-то безмятежно-спокойное и в то же время по-молодому наивно уверенное в себе.

– Кто это? Сын, может?

– Сын, сын. Толик наш, – ласково подтвердила хозяйка, останавливаясь и через плечо Рыбака заглядывая на фото.

– А теперь где он? Не в полиции случайно?

Староста поднял нахмуренное лицо.

– А нам откуда знать? На фронте был...

– Ой, божечка, как пошел в тридцать девятом, так больше и не видели. С самого лета ни слуху ни духу. Хотя бы знать: живой или, может, уже и косточки сгнили...
– ставя на стол миску со щами, заговорила старостиха.

– Так, так, – сказал Рыбак, не отзываясь на ее жалостливое причитание. Выждав, пока она выговорится, он с нажимом объявил старику: – Опозорил ты сына!

– А то как же! И я ж ему о том твержу день и ночь, – с жаром подхватила от печи хозяйка. – Опозорил и сына и всех чисто...

Это было несколько неожиданно, тем более что старостиха говорила вроде бы с искренней болью в голосе. Староста, однако, никак не отозвался на ее слова, неподвижно сидел с поникшим видом, и Рыбаку показалось, что этот дед просто недоумок какой-то. Но только он подумал о том, как хмурое лицо старосты нахмурилось еще больше.

– Будет! Не твое дело!

Женщина тотчас умолкла, остановившись на полуслове, а староста вперил укоряющий взгляд в Рыбака.

– А он меня не опозорил? Немцу отдал – это не позор?

– Так вышло. Не его в том вина.

– А чья? Моя, может? – строго, без тени стеснения или страха спросил старик и многозначительно постучал по столу: – Ваша вина.

– Да-а, – неопределенно произнес Рыбак, не поддержав малоприятный для него и не очень простой разговор, которому, знал, по нынешним временам нету конца.

Хозяйка расстелила коротенькую, на полстола, скатерку, поставила миску со щами, мясной запах от которых властно заглушил все его другие чувства, кроме враз обострившегося чувства голода. Рыбак не испытывал к этому человеку никакого почтения, его общие рассуждения и причины, почему он стал старостой, Рыбака не интересовали – факт службы у немцев определял для него все. Теперь, однако, очень хотелось есть, и Рыбак решил на время отложить дальнейшее выяснение взаимоотношений старика с немцами.

– Сядьте, подкрепитесь немножко. Вот хлебушка вам, – с ласковой приветливостью приглашала хозяйка.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Рыбак, не снимая шапки, полез за стол.

– Давай подрубаем, – сказал он Сотникову.

Тот вяло повертел головой:

– Ешь. Я не буду.

Рыбак внимательно посмотрел на товарища, который, покашливая, ссутулился на скамейке. Временами он даже вздрагивал, как в ознобе. Хозяйка, видно мало понимая состояние гостя, удивилась:

– Почему же не будете? Может, брезгуете нашим? Может, еще чего дать?

– Нет, спасибо. Ничего не надо, – решительно сказал Сотников, зябко пряча в рукава тонкие кисти рук.

Хозяйка чистосердечно встревожилась.

– Божечка, может, не догодила чем? Так извините...

Рыбак удобно уселся на широкой скамье за столом, зажал меж коленей карабин и не заметил, как в полном молчании опорожнил миску. Староста все с тем же угрюмым видом неподвижно сидел в углу. Хозяйка стояла невдалеке от стола с искренней готовностью услужить гостю.

– Так, хлебушко я приберу. Это на его долю, – сказал Рыбак, кивнув в сторону Сотникова.

– Берите, берите, детки.

Староста, казалось, чего-то молча ожидал – какого-нибудь слова или, может, начала разговора о деле. Его большие узловатые руки спокойно лежали на черной обложке книги. Засовывая остаток хлеба за пазуху, Рыбак сказал с неодобрением:

– Книжки почитываешь?

– Что ж, почитать никогда не вредит.

– Советская или немецкая?

– Библия.

– А ну, а ну! Первый раз вижу библию.

Подвинувшись за столом, Рыбак с любопытством взял в руки книгу, отвернул обложку. Тут же он, однако, почувствовал, что не надо было делать этого – обнаруживать своего интереса к этой чужой, может, еще немцами изданной книге.

– И напрасно. Не мешало бы и почитать, – проворчал староста.

Рыбак решительно захлопнул библию.

– Ну, это не твое дело. Не тебе нас учить. Ты немцам служишь, поэтому нам враг, – сказал Рыбак, ощущая тайное удовлетворение от того, что подвернулся повод обойтись без благодарности за угощение и переключиться на более отвечающий обстановке тон. Он вылез из-за стола на середину избы, поправил на полушубке несколько туговатый теперь ремень. Именно этот поворот в их отношениях давал ему возможность перейти ближе к делу, хотя сам по себе переход и нуждался еще в некоторой подготовке. – Ты враг. А с врагами у нас знаешь какой разговор?

– Смотря кому враг, – будто не подозревая всей серьезности своего положения, тихо, но твердо возразил старик.

– Своим. Русским.

– Своим я не враг.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Староста упрямо не соглашался, и это начинало злить Рыбака. Не хватало еще доказывать этому прислужнику, почему тот, хочет того или нет, является врагом Советской державы. Заводить долгий разговор с ним Рыбак не имел никакого желания и спросил с плохо скрытой издевкой:

– Что, может, силой заставили? Против воли?

– Нет, зачем же силой, – сказал хозяин.

– Значит, сам.

– Как сказать. Вроде так.

«Тогда все ясно, – подумал Рыбак, – не о чем и разговаривать». Неприязнь к этому человеку в нем все нарастала, он уже пожалел о времени, потраченном на пустой разговор, тогда как с самого начала все было ясно.

– Так! Пошли! – жестко приказал он.

Вскинув руки, к Рыбаку бросилась старостиха.

– Ой, сыночек, куда же ты? Не надо, пожалей дурака. Старик он, по глупости своей...

Староста, однако, не заставил повторять приказ и с завидным самообладанием неторопливо поднялся за столом, надел в рукава тулуп. Был он совсем седой и, несмотря на годы, большой и плечистый – встав, заслонил собой весь угол с иконами.

– Замолчи! – приказал он жене. – Ну!

Видно, старостиха привыкла к послушанию – всхлипнула напоследок и подалась за занавеску. Староста осторожно, будто боясь что-то задеть, вылез из-за стола.

– Ну что ж, воля ваша. Бейте! Не вы, так другие. Вон, – он коротко кивнул на простенок, – ставили уже, стреляли.

Рыбак невольно взглянул, куда указывал хозяин; действительно, на белой стене у окна чернело несколько дыр – похоже, от пуль.

– Кто стрелял?

Готовый ко всему, хозяин неподвижно стоял на середине избы.

– А такие, как вы. Водки требовали.

Рыбак внутренне передернулся: он не хотел уподобляться кому-то. Свои намерения он считал справедливыми, но, обнаружив чьи-то, похожие на свои, воспринимал собственные уже в несколько другом свете. И в то же время не верилось, чтобы староста его обманывал – таким тоном не врут. Тихонько всхлипывая, из-за занавески выглядывала старостиха. На скамейке, сгорбившись, кашлял Сотников, но он ни одним словом не вмешался в его разговор с хозяином – кажется, напарнику было не до того.

– Так. Корова есть?

– Есть. Пока что, – безо всякого интереса к новому обороту дела отрешенно ответил староста.

Старостиха перестала всхлипывать и затихла, прислушиваясь к разговору. Рыбак раздумывал: было весьма соблазнительно пригнать в лес корову, но, пожалуй, отсюда будет далеко, можно не успеть до утра.

– Так, пошли!

Он закинул за плечо карабин, староста покорно надел снятую с гвоздя шапку и молча распахнул дверь. Направляясь за ним, Рыбак кивнул Сотникову:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ты подожди.

Глава четвертая

Как только дверь за ним затворилась, хозяйка бросилась к порогу.

– Ой, божечка! Куда же он его? Ой, за что же он? Ой, господи!

– Назад! – хрипло выдал Сотников и, не поднимаясь со скамьи, вытянул ногу, преграждая путь к двери.

Женщина испуганно остановилась. Она то всхлипывала, то смолкала, напряженно прислушиваясь к звукам извне. Сотников плохо уловил смысл недавнего здесь разговора, но то, что дошло до его затуманенного горячкой сознания, давало основание думать, что Рыбак, наверное, пристрелит старосту.

Но шло время, а выстрела не было. Закрывая рот уголком платка, женщина все охала и причитала, а Сотников сидел на скамье и стерег, чтобы она не выскочила во двор – не подняла бы крик. Чувствовал он себя плохо. Донимал кашель, очень болела голова, возле горячей печи его бросало то в жар, то в холод.

– Сынок, дай же я выйду! Дай гляну, что они там...

– Нечего глядеть.

Женщина слепо кидалась в полумраке избы, все причитая, наверно, чтобы разжалобить его и прорваться к двери. Но ничего не выйдет, он не поддастся на эти ее причитания. Он очень хорошо помнил, как прошлым летом его чрезмерная доверчивость к такой же вот тетке едва не стоила ему жизни. И та с виду тоже сама простота, с благообразным лицом, в белом платочке на голове.

Выйдя из леска, он сразу заметил ее среди свекольной ботвы на огороде и подумал: вот хорошо! Она укажет, как попасть на тропу через болото Черные Выгоры, которое, как сказали ему вчера, можно перейти, лишь разыскав единственную тропку, берущую начало вот от этой деревни.

Он выбрался из мокрого кустарника и вдоль полоски рослой конопли, никем не замеченный, близко подошел к ней, сосредоточенно колупавшейся в грядках. До сих пор его глазам видится ее подоткнутая темная юбка, белые, незагоревшие икры ног и какая-то поношенная куртка с заплаткою на плече. Женщина ломала ботву и не сразу увидела его. Он сдержанно поздоровался, и она, к удивлению, не испугалась, только пристально вгляделась в него, слушая и будто не понимая его такой простой просьбы.

Потом она все очень толково объяснила – и как попасть на тропинку и перейти кладки, и по какую руку оставить хвойный грудок, чтобы не угодить в трясину. Он поблагодарил и хотел уже идти дальше, как она, оглянувшись, сказала: «Погоди, наверное же, голодный», – торопливо сложила в подол ботву и повела его по меже на усадьбу. И надо же было ему согласиться! Но он и в самом деле, как весенний волк, был выморен голодом и покорно пошел за ней, радостно предвкушая сытный деревенский завтрак.

Пока они шли, она так же ласково обращалась к нему «сынком» и еще, помнил, раза два назвала его «горотничком» – был он небритый, как и сейчас, неумытый, мокрый по колени от росы и вообще весьма жалкий на вид. Разговаривать по-здешнему тоже не умел и скрыть свое явно армейское происхождение не мог – сразу было видеть, кто он и откуда. Оружия в то время у него никакого не было – лишь накануне чудом удалось избежать смерти, когда уже не оставалось малейшей надежды спастись...

Старостиха тем временем все не могла успокоиться, металась по избе и плакала.

– Сыночек, ну как же это? Он же его застрелит!

– Надо было раньше о том думать, – холодно сказал Сотников, стараясь прислушаться к звукам со двора.

– А, деточка, разве я не говорила, разве мало просила! На какое же лихо ему было

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru братья? Были которые помоложе. Но хорошие сами не хотели, а недобрых люди боялись.

– А его не боятся?

– Петра? Ай, так его же тут все знают, мы же тут весь век свой живем, нашей вон родни полсела. Он же старается ко всем по-хорошему.

– Так уж и по-хорошему!

– Может, и не совсем так. Может, и правда твоя, сынок, – не выходит ко всем по-хорошему. Его же заставляют: то хлеб сдай, то одежду какую собери, то на дорогу приказывают выгонять снег чистить. А он же где возьмет – людей надо принуждать. Своих же обирать.

– А вы как думали? На то и оккупанты, чтоб грабить.

– Грабят. А как же? Чтоб их бог ограбил! Приехали на машинах, побрали свиней. А у нас телку забрали. Говорят: сын в Красной Армии, так чтоб вину сгладить перед Германией. Чтоб она ясным огнем сгорела, та их Германия!

«Проклинай, но не очень я поверю тебе», – сонно думал Сотников, не убирая вытянутой ноги. Помнится, та тоже говорила что-то про Германию, пока собирала ему на стол и резала хлеб. Несколько раз выбегала в сени за салом и молоком в кувшине, а он сидел на скамье у стола и, глотая слюну, дождался, дурак, угощения. Правда, однажды ему послышалось, будто в сенях кто-то тихо отозвался, потом долетел коротенький шепот, но тут же он узнал в нем сонный голос ребенка и успокоился. Да и хозяйка вернулась в избу спокойная и по-прежнему ласковая, налила ему кружку молока, нарезала сала, и его, помнится, почти что растрогала эта ее доброта. Потом он с жадностью ел хлеб с салом, запивая его молоком, и так, наверное, пропал бы ни за что, если бы какой-то инстинктивный, без видимой причины, испуг не заставил его взглянуть в заслоненное цветами окно. И он обмер в растерянности: по улице быстро шли двое с винтовками, на их руках белели повязки, а рядом, объясняя что-то, бежала маленькая, лет восьми девочка.

Жаль, у него тогда отнялся язык и он ничего не сказал той ласковой тетке, – он только оттолкнул ее от двери и бешено рванул на огород, через забор на выгон, в овраг. Сзади стреляли, кричали, ругались. Уже, наверно, в овражке он расслышал среди других голосов крикливый, совсем непохожий на прежний голос той женщины – она показывала полицаям, где он скрылся в кустарнике.

А теперь вот и эта – «сынок», «деточка»...

Старостиха не слыша ничего страшного со двора, немного успокоилась и присела перед ним на конец скамьи.

– Деточка, это же неправда, что он по своей воле. Его же тутошние мужики упросили. Он, как же он не хотел! А тут бумага из района пришла – старост на совещание вызывали. А у нас, в Лясилах, еще никакого старосты нету. Ну, мужики и говорят: «Иди ты, Петро, ты в плену был». А он и взаправду в ту, николаевскую, два года в плену был, у немца работал. «Так, – говорят, – тебе их норов знаком, потерпи каких пару месяцев, пока наши вернутся. А то Будилу поставят – беды не оберешься». Будила этот тоже из Лясин, плохой – страх. До войны каким-то начальником работал, по деревням разъезжал – еще тогда его мужики боялись. Так он теперь нашел место в полиции. Влез как свинья в лужу.

– Дождется пули.

– И пусть, черт бы по нем плакал... Так это Петра, дурака, и уговорили, пошел в местечко. На свое лихо, на горюшко свое. А теперь разве ему хочется немецким холуем быть? Каждый день божий грозятся, кричат да еще наганом в лоб тычут, то водки требуют, то еще чего. Переживает он, не дай бог.

Сотников сидел, пригревшись возле печи, и, мучительно напрягаясь, старался не уснуть. Правда, бороться с дремотой ему помогал кашель, который то отставал на минуту, то начинал бить так, что колело в мозгу. Старостиху он слушал и не слушал, вникать в ее жалобы у него не было охоты. Он не мог сочувствовать человеку, который согласился на службу у немцев и так или иначе исполнял эту

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru службу. То, что у него находились какие-то к тому оправдания, мало трогало Сотникова, уже знавшего цену такого рода оправданиям. В жестокой борьбе с фашизмом нельзя было принимать во внимание никакие, даже самые уважительные, причины – победить можно было лишь вопреки всем причинам. Он понял это с самого первого боя и всегда придерживался именно этого убеждения, что, в свою очередь, во многом помогло ему сохранить твердость своих позиций во всех сложностях этой войны.

Спohватившись, что дремлет, Сотников попытался подняться, но его так повело по избе, что он едва не ударился о стену. Хозяйка, сама испугавшись, кое-как поддержала его, и он подобрал с пола винтовку.

– Фу, черт!

– Сынок, да что же это с тобой? Да ты же больной! Ах божечка! В жару весь! Тебе же лежать надо. Вон как хрипит все в груди. Подожди, посиди, я зелья скоренько заварю...

Она с искренней готовностью помочь, юркнула в запечек, зашумела там чем-то. И он подумал, что, наверно, и впрямь его дело дрянь, если так забеспокоилась эта тетка.

– Не беспокойтесь, мне ничего не надо.

Ему и в самом деле не хотелось уже ни пить, ни есть и ничего не нужно было, кроме тепла и покоя.

– Как же не надо, сынок? Ты же хворый, разве не видно? Я давно уже примечаю. Если, может, некогда, то на малинки сухой, может, заваришь где-либо, попьешь. А это вот зельечко...

– Ничего не надо.

Она совала ему что-то из мешочков, которые достала с печи, а он не хотел ничего брать. Он не желал этой тетке хорошего и потому не мог согласиться на ее сочувствие и ее помощь. В это время в сенях застучали, послышался голос Рыбака, и в избу заглянул староста.

– Идите, товарищ зовет.

Он встал и с гулом в голове, шатаясь от слабости, выбрался в темные сени. Сквозь раскрытую дверь на снежном дворе был виден Рыбак, у его ног лежала на снегу темная тушка овцы, которую тот, кажется, собирался поднять на плечи.

– Так. Ты иди, – ровным, без недавней неприязни голосом сказал Рыбак старосте, – и прикрой дверь. Нечего глядеть.

Староста, похоже, хотел что-то сказать, да, наверно, раздумал и молча повернулся к дому. Сенная дверь за ним плотно закрылась, потом слышно было, как стукнула дверь в избу.

– Что, отпускаешь? – сипло спросил Сотников, когда они вдвоем остались посреди двора.

– А, черт с ним.

Рыбак сильным рывком забросил на плечо овцу и шагнул за угол сарая, оттуда свернул по целине к знакомому гумну, кособокие постройки которого темнели невдалеке на снегу.

Сотников потащился следом.

Глава пятая

Они шли молча по прежним своим следам – через гумно, вдоль проволочной ограды, вышли на склон с кустарником. В деревне все было тихо, нигде не проглянуло ни пятнышка света из окон; в сумерках по-ночному сонно серели заснеженные крыши, стены, ограды, деревья в садах. Рыбак быстро шагал впереди с овцой на спине –

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru откинута голова ее с белым пятном на лбу безучастно болталась на его плече. Время, наверно, перевалило за полночь, месяц взобрался в самую высь неба и тихо мерцал там в круге светловато-туманного марева. Звезды на небе искрились ярче, нежели вечером, громче скрипел снег под ногами – в самую силу входил мороз. Рыбак с сожалением подумал, что они все-таки задержались у старосты, хорошо еще, что недаром: отдохнули, обогрелись, а главное, возвращались не с пустыми руками. С овцы, конечно, не много достанется для семнадцати человек, но по куску мяса будет. Хотя и далековато, но все-таки раздобыли, сейчас успеть бы принести до рассвета.

Он споро шагал под ношей, не слишком уже и остерегаясь на знакомом пути в ночном поле. Если бы не Сотников, которого нельзя было оставлять одного, он бы, наверно, ушел далеко. Пожалуй, впервые за эту ночь у Рыбака шевельнулось легкое недовольство напарником, но что поделаешь: разве тот виноват? Впрочем, мог бы где-нибудь разжиться и более теплой одежкой и тогда, наверно, был бы здоров, а теперь вот еще и помог бы нести эту овцу. Поначалу та показалась совсем нетяжелой, но как-то постепенно стала наливать заметным грузом, который все больше давил на его плечи, заставляя пригибать голову, отчего было неудобно смотреть вперед. Рыбак начал перемещать ношу с плеча на плечо: пока груз был на одном, другое недолго отдыхало – так стало легче.

На ходу он хорошо согрелся в теплом черном полушубке, недавно совсем еще новом, который неплохо послужил ему в эту стужу. Без полушубка он бы, наверно, пропал. А так и легко, и тепло, и надеть, и укрыться где-нибудь на ночлеге. Спасибо дядьке Ахрему: не пожалел, отдал. Хотя, конечно, у Ахрема были свои на это причины, и главная из них, безусловно, заключалась в Зосе, сердце которой – это он знал точно – очень уж прикипело к нему, завидному, но такому недолгому по войне примаку.

Ну что ж, если бы не война! Впрочем, если бы не война, где бы он встретил ее, эту Зосю? Каким образом старшина стрелковой роты Рыбак мог оказаться в той их Корчевке – маленькой, глуховатой деревеньке у леса? Наверно, и не заглянул бы никогда в жизни, разве что проехал невдалеке большаком во время осенних учений, и только. А тут вот пришлось притащиться с раненой ногой, толсто обмотанной грязной сорочкой, попроситься в избу – боялся, днем начнут ездить немцы и за здорово живешь подберут его на дороге. С рассветом они и в самом деле на мотоциклах и верхом начали объезжать заваленное трупами поле боя, но в то время он уже был надежно припрятан под кучей гороховин в пуньке. Ахрем и Зоська караулили его днем и ночью – сберегли, не выдали. А потом... А потом вокруг все утихло, водворилась новая, немецкая, власть, не стало слышно даже артиллерийского гула ночью; было очень тоскливо. Казалось, все прежнее, для чего он жил и старался, рухнуло навсегда. Очень горько ему было в то время, и тогда единственной утехой в его потайной деревенской жизни стала пухленькая, ласковая Зоська. И то ненадолго.

Здоровье никогда не подводило его, молока и сметаны хватало, рана на ноге за месяц кое-как зажила и лишь слегка напоминала о себе при ходьбе. Он все больше начинал думать о том, как быть дальше. Особенно когда узнал, что после летних успехов немец неожиданно застрял под Москвой, и, несмотря на то, что трубили, будто большевистская столица со дня на день падет, Рыбак думал: наверно, еще подержится. Москва не Корчевка, защитит ее, пожалуй, сыщется сила.

А тут объявились дружки, такие же, как он, окруженцы – кто выздоровев от ран, кто просто оправившись по хуторам и селам от первого шока разгрома, – начали сходить, договариваться, повытаскивали припрятанное оружие. Решили: надо подаваться в лес, сколько можно сидеть по крестьянским закуткам возле добросердечных молодок, нерасписанных и невенчанных деревенских жен. И пошли.

Невеселым было его прощание с корчевкой. Правда, он не стал, как другие, обманывать или, еще хуже, уходить тайком – объяснил все как было, и, к удивлению, его поняли, не обиделись и не отговаривали. Зоська, правда, всплакнула, а дядька Ахрем сказал: «Раз надо – так надо: дело военное». И он, и тетка Гануля собрали его как сына, которого у них не было. Рыбак пообещал давать знать о себе и наведываться при случае. Однажды и наведалься, в конце осени, а потом стало далеко – а главное, не тянуло: наверно, отвык, что ли? А может, не было того, что привораживает всерьез и надолго, а так – появилось, перегорело и отошло. И он о том не жалел, собой был доволен – не обманывал, не лгал, поступил честно и открыто. Пусть люди судят как знают, его же совесть перед Зосей была

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru почти чистой.

Он не любил причинять людям зло – обижать невзначай или с умыслом, не терпел, когда на него таили обиду. В армии, правда, трудно было обойтись без того – случалось, и взыскивал, но старался, чтобы все выглядело по-хорошему, ради пользы службы. Теперь злой, измученный простудой Сотников упрекнул его в том, что отпустил, не наказал старосту, но Рыбаку стало противно наказывать – черт с ним, пусть живет. Конечно, к врагу следовало относиться без всякой жалости, но тут получилось так, что очень уж мирным, по-крестьянски знакомым показался ему этот Петр. Если что, пусть его накажут другие.

В избе, пока шел неприятный разговор, у Рыбака еще было какое-то желание проучить старосту, но потом, когда занялись овцой, это его желание постепенно исчезло. В сарае мирно и буднично пахло сеном, навозом, скотом, три овцы испуганно кидались из угла в угол: одну, с белым пятнышком на лбу, Петр словчился удержать за шерсть, и тогда он ловко и сильно обхватил ее шею, почувствовав какую-то полузабытую радость добычи. Потом, пока он держал, а хозяин резал ей горло и овца билась на соломе, в которую стекал ручеек парной крови, в его чувствах возникло памятное с детства ощущение пугливой радости, когда в конце осени отец вот так же резал одну или две овцы сразу, и он, будучи подростком, помогал ему. Все было таким же: и запахи в скотном сарае, и метание в предсмертном испуге овец, и терпкая парность крови на морозе...

Поле, на которое Рыбак свернул от кустарника, оказалось неожиданно широким и длинным: наверно, около часа они шли по его целине. Рыбак не знал точно, но чувствовал, что где-то на их пути должна быть дорога, та самая, по которой недолго они шли сюда, потом начнется склон в сторону речки. Однако прошло много времени, они отмерили километра два, если не больше, а дороги все не было, и он начал опасаться, что они могли перейти ее, не заметив. Тогда нетрудно было потерять направление, не вовремя повернуть влево, в низину. Плохо, что эта местность была ему мало знакома и он даже не расспросил о ней у местных партизан в лесу. Правда, тогда он не думал, что им придется забрести так далеко.

Рыбак остановился, подождал Сотникова, который, отстав, обессиленно тащился в сумраке. На месяц наплыла сизая плотная мгла, ночь потемнела, вдали и вовсе ничего нельзя было различить. Он сбросил на снег овцу, положил на ее бок карабин и с облегчением расправил натруженные плечи. Минуту спустя заплетающимся шагом к нему притащился Сотников.

– Ну как? Ничего?

– Знаешь... Ты уж как-нибудь. Сегодня я не помощник.

– Ладно, обойдется, – отсapyваясь, сказал Рыбак и перевел разговор на другое: – Ты не заметил, мы правильно идем?

Тяжело дыша, Сотников посмотрел в ночь.

– Вроде бы правильно. Лес там.

– А дорога?

– Тут где-то и дорога. Если не свернула куда.

Оба молча вгляделись в сумеречную снежную даль, и в это время в шумном порыве ветра их напряженный слух уловил какой-то далекий неясный звук. В следующее мгновение стало понятно, что это чуть слышный топот копыт. Оба враз повернулись навстречу ветру и не так увидели, как угадали в сумерках едва заметное, неясное еще движение. Сперва Рыбаку показалось, что их догоняют, но тут же он понял, что едут не вдогон, а скорее наперерез, наверно, по той самой дороге, которую они не нашли. Ощувив, как дрогнуло сердце, он скоренько закинул за плечо карабин. Однако тут же чутье подсказало ему, что едут в отдалении и мимо, правда, останутся ли они незамеченными, он определить не мог. И он, нагнувшись, сильным рывком опять вскинул на себя косматую тушу овцы. Поле поднималось на пригорок, надо было как можно быстрее перебежать его, и тогда бы, наверно, их уже не увидели.

– Давай, давай! Бегом! – негромко крикнул он Сотникову, с места пускаясь в бег.

Ноги его сразу обрели легкость, тело, как всегда в минуты опасности, стало ловким и сильным. И вдруг в пяти шагах от себя он увидел дорогу – разъезженные ее колеи наискось пересекали их путь. Теперь уже стало понятно, что это та самая дорога, по которой ехали, он взглянул в сторону и отчетливо увидел поодаль тусклые подвижные пятна; был слышен негромкий перезвон чего-то из упряжи, сани уверенно приближались. Совладав с коротким замешательством, Рыбак, будто заминированную полосу, перебежал эту проклятую дорогу, так неожиданно и не ко времени появившуюся перед ними, и тут же ясно почувствовал, что сделал не то. Наверно, надо бы податься назад, по ту сторону, но было уже поздно о том и думать. Проламывая сапогами наст, он бежал на пригорок и с замиранием сердца ждал, что вот-вот их окликнут.

Еще не достигнув вершины, за которой начинался спуск, он снова оглянулся. Сани уже явственно были видны на дороге: их оказалось двое – вторые почти впритык следовали за первыми. Но седоков пока еще нельзя было различить в сумерках, крику также не было слышно, и он с маленькой, очень желанной теперь надеждой подумал, что, может еще, это крестьяне. Если не окликнут, то, наверно, крестьяне – по какой-то причине запоздали в ночи и возвращаются в свою деревню. Тогда напрасен этот его испуг. Обнадеженный этой неожиданной мыслью, он спокойнее раза два выдохнул и на бегу обернулся к Сотникову. Тот, как назло, шатко топал невдалеке, будто не в состоянии уже поднапрячься, чтобы пробежать каких-нибудь сотню шагов до вершины пригорка.

И тогда ночную тишь всколыхнул злой, угрожающий окрик:

– Э-эй! А ну стой!

«Черта с два тебе стой!» – подумал Рыбак и с новой силой бросился по снегу. Ему оставалось уже немного, чтобы скрыться за покатою спиной пригорка, дальше, кажется, начинался спуск – там бы они, наверно, ушли: Но именно в этот момент сани остановились, и несколько голосов оттуда яростно закричали вдогон:

– Стой! Стой! Стрелять будем! Стой!

В сознании Рыбака мелькнула сквернейшая из мыслей: «Попались!» – все стало просто и до душевной боли знакомо. Рыбак устало бежал по широкому верху пригорка, мучительно сознавая, что главное сейчас – как можно дальше уйти. Наверно, на лошадях догонять не будут, а стрелять пусть стреляют: ночью не очень попадешь. Овцу, которая так некстати оказалась теперь на его плечах, он, однако, не бросил – тащил на себе, не желая расставаться со слабой надеждой на то, что еще как-либо прорвутся.

Вскоре он перебежал и пригорок и размашисто помчался по его обратному склону вниз. Ноги так несли его, что Рыбак опасался, как бы не упасть с ношей. Немецкий карабин за спиной больно бил по бедру прикладом, тихонько – звякали в карманах патроны. Еще издали он заметил что-то расплывчато-темное впереди, наверно, опять кустарник, и повернул к нему. Крики позади умолкли, выстрелов пока не было. Похоже было на то, что они с Сотниковым уже скрылись из поля зрения тех, на дороге.

Но вот склон пригорка окончился, стал глубже снег, и Рыбак, охваченный новой заботой, глянул назад. Сотников отстал так далеко, что показалось: вот-вот его схватят живьем. Впрочем, тот и теперь как будто совсем не спешил – не бежал, а едва тащился в снеговом сумраке. И самое скверное было то, что Рыбак ничем не мог пособить ему, он только безостановочно стремился вперед, тем самым увлекая товарища. Надо было добежать до кустарника, который вроде уже недалеко чернел впереди.

– Стой! Бандитское отродье, стой! – опять раздалась сзади угрожающие, с ругательством крики.

Значит, все-таки догоняют. Не оглядываясь – неудобно было оглянуться с овцой, – Рыбак по крикам понял, что те уже на пригорке и, наверно, увидели их. Слишком невыгодным оказалось их положение, особенно Сотникова, которому до кустарников еще бежать и бежать. Ну что ж... Как всегда, в минуту наибольшей опасности каждый заботился о себе, брал свою судьбу в собственные руки. Что до Рыбака, то который уже раз за войну его выручали ноги.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Кустарник, оказывается, был значительно дальше, чем показалось в ночи. Рыбак не одолел еще и половины пути к нему, как сзади загрохали выстрелы. Стрелки были, однако, более чем никудышные, он, не оглядываясь, понял это по тому, как тугой струной над ним прошла пуля. Слишком высоко прошла, это он понял точно. И он заставил себя под теми пулями добежать до кустарника.

Наверно, тут начиналось луговое болотце – на снежной равнине оцетинился голыми ветвями ольшаник, в рыхлом снегу под ногами мягко бугрились кочки. Рыбак упал в самом начале кустарника, свалил со спины овцу. Пожалуй, надо было бежать дальше, но у него уже не оставалось сил. Сзади вовсю шла перестрелка, и он понял, что их задержал Сотников. Сначала это обрадовало Рыбака: значит, оторвался, теперь в кустарнике можно запутать свой след и уйти. Но прежде надо было оглядеться. С карабином в руке он привстал на коленях и увидел вдали Сотникова, который слабо шевелился под самым пригорком. Однако отсюда сквозь серый сумрак ночи невозможно было понять, куда он двигался или, может, вовсе стоял на одном месте. После трех-четырёх выстрелов с пригорка один грохнул ближе – в нем Рыбак отчетливо узнал выстрел Сотникова. Но все-таки какой смысл в их положении начинать перестрелку с полицией, этого Рыбак не знал. Наверно, надо было как можно скорее уходить – кустарник на их пути позволил бы оторваться от преследователей. Но Сотников будто не понимал этого, похоже, залег и даже перестал шевелиться. Если бы не его выстрелы, можно было бы подумать, что он убит.

А может, он ранен?

От этой мысли Рыбаку стало не по себе, но чем-либо помочь Сотникову он не мог. Полицаи сверху, с пригорка, наверное, отлично видят одинокого на снегу человека, и, хотя пока не бегут к нему – они, безусловно, расстреляют его из винтовок. Если же Рыбак бросится на помощь, убьют обоих – в этом он был уверен. Так случилось во время финской, когда проклятые кукушки набивали по четыре-пять человек за минуту, и все тем же самым примитивным способом: к первому подстреленному бросался на выручку сосед по цепи и тут же ложился рядом; потом к ним полз следующий. И каждый из этих следующих понимал, что его ждет там, но и не мог удержаться, видя, как погибает товарищ.

Значит, пока есть возможность, надо уходить: Сотникова уже не спасешь. Решив так, Рыбак скоренько забросил за спину карабин, решительным усилием взвалил на плечи овцу и, спотыкаясь о кочки, припустился краем болота.

Наверно, он далеко уже ушел с того места и снова выбился из сил. Выстрелы сзади стихли, и он, прислушиваясь к тишине, с неясным облегчением думал, что, по-видимому, там все уже кончено. Но спустя минуту или две выстрелы раздались снова. Бабахнуло три раза, одна пуля с затухающим визгом прошла над болотом. Значит, Сотников еще жил. И именно эти неожиданные выстрелы отозвались в Рыбаке новой тревогой. Они сдерживали его бег и будоражили его обостренные опасностью чувства. Овца все тяжела, порой ее мягкий, податливый груз казался чужим и нелепым, и он механически тащил ее, думая совсем о другом.

Через минуту впереди показался неглубокий овражек-промоина, возможно – берег замерзшей речушки. Наверно, следовало перейти на другую сторону, но только Рыбак сунулся туда, как, поскользнувшись, выпустил ношу и на спине сполз по снегу до низа. Выругавшись, вскочил, разгребая руками снег, выбрался наверх и вдруг отчетливо понял, что уходить нельзя. Как можно столько силы тратить на эту проклятую овцу, если там оставался товарищ? Конечно, Сотников был еще жив и напоминал о себе выстрелами. По существу, он прикрывал Рыбака, тем спасая его от гибели, но ему самому было очень плохо. Ему уже не выбраться. А Рыбаку так просто было уйти – вряд ли его теперь догонят.

Но что он скажет в лесу?

Вся неприглядность его прежнего намерения стала столь очевидной, что Рыбак тихо выругался и в смятении опустил на край овражка. Вдали, за кустарником, грохнул еще один выстрел, и больше выстрелов с пригорка уже не было. «Может, там что изменилось», – подумал Рыбак. Наступила какая-то тягучая пауза, в течение которой у него окончательно созрело новое решение, и он вскочил.

Стараясь не рассуждать больше, он быстрым шагом двинулся по своему следу назад.

Сотников не имел намерения начинать перестрелку – он просто упал на склоне, в голове закружилось, все вокруг поплыло, и он испугался, что уже не поднимется.

Отсюда ему хорошо было видно, как Рыбак внизу изо всех сил мчался к кустарнику, руки его по-прежнему были заняты ношей, и Сотников не позвал его, не крикнул, потому как знал: спастись уже поздно. Задыхаясь от усталости, он неподвижно лежал в снегу, пока не услышал сзади голоса и не понял, что его скоро схватят. Тогда он вытащил из снега винтовку и, чтобы на минуту отодвинуть от себя то самое страшное, что должно было произойти, выстрелил в сумерки. Пусть знают, что так просто он им не дастся.

Наверно, его выстрел подействовал: они там, в поле, вроде бы остановились. И он подумал, что надо воспользоваться случаем и все же попытаться уйти. Хотя он и знал, что шансы его слишком ничтожны, он все же совладал со своей слабостью, напрягся и, опершись на винтовку, встал. В это время они появились неожиданно близко от него – три неподвижных силуэта на сером горбу пригорка. Наверно заметив его, крайний справа что-то вскрикнул, и Сотников, почти не целясь, выстрелил второй раз. Было видно, как они там шарахнулись от его пули, присели или пригнулись в ожидании новых выстрелов. Он же, загребая бурками снег, шатко и неуверенно побегал вниз, каждую секунду рискуя снова распластаться на заснеженном склоне. Рыбак уже был далеко, под самым кустарником, и Сотников подумал: может, уйдет? Он и сам из последних сил старался подальше отбежать от этого пригорка, но не сделал и сотни шагов, как сзади почти залпом ударили выстрелы.

Несколько шагов он еще бежал, уже чувствуя, что упадет, – в правом бедре вдруг запекло, липкая горячая мокрядь поползла по колену в бурок. Еще через несколько шагов почти перестал чувствовать ногу, которая быстро тяжелела и с трудом подчинялась ему. Через минуту он рухнул на снег. Сильной боли, однако, не чувствовал, было только нестерпимо жарко в груди и очень жгло выше колена. В штанине все стало мокрым. Некоторое время лежал, до боли закусив губу. В сознании уже не было страха, который он пережил раньше, не было даже сожаления – пришло лишь трезвое и будто не его, а чье-то постороннее, чужое и отчетливое понимание всей неотвратимости скорой гибели. Слегка удивляло, что она настигла его так внезапно, когда меньше всего ее ждал. Сколько раз в самые безвыходные минуты смерть все-таки обходила его стороной. Но тут обойти уже не могла.

Сзади опять послышались голоса – наверно, это приближались полицаи, чтобы взять его живым или мертвым. Испытывая быстро усиливающуюся боль в ноге и едва преодолеваемая слабость, он приподнялся на руках, сел. Полы шинели, бурки, рукава и колени были густо вывалены в снегу, на штанине выше колена расплывалось мокрое пятно крови. Впрочем, он уже перестал обращать на это внимание – двинув затвором, выбросил из винтовки стреляную гильзу и достал новый патрон.

Он снова увидел троих на склоне – один впереди, двое сзади, – неясные тени не очень уверенно спускались с пригорка. Сжав зубы, он осторожно вытянул на снегу раненую ногу, лег и тщательнее, чем прежде, прицелился. Как только звук выстрела отлетел вдаль, он увидел; что там, на склоне, все разом упали, и сразу же в ночной тишине загрохали их гулкие винтовочные выстрелы. Он понял, что задержал их, заставил считаться с собой, и это вызвало короткое удовлетворение. Расслабляясь после болезненного напряжения, опустил лбом на приклад. Он слишком устал, чтобы непрерывно следить за ними или хорониться от их выстрелов, и тихо лежал, приберегая остатки своей способности выстрелить еще. А те, с пригорка, дружно били по нему из винтовок. Раза два он услышал и пули – одна взвизгнула над головой, другая ударила где-то под локоть, обдав лицо снегом. Он не пошевелился – пусть бьют. Если убьют, так что ж... Но пока жив, он их к себе не подпустит.

Смерти в бою он не боялся – переболел уже за десяток самых безвыходных положений, – страшно было стать для других обузой, как это случилось с их взводным Жмаченко. Осенью в Крыжовском лесу тот был ранен осколком в живот, и они совершенно измучились, пока тащили его по болоту мимо карателей, когда каждому нелегко было уберечь собственную голову. А вечером, когда выбрались в безопасное место, Жмаченко скончался.

Сотников больше всего боялся именно такой участи, хотя, кажется, такая его

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru минует. Спасти, разумеется, не придется. Но он был в сознании и имел оружие – это главное. Нога как-то странно мертвела от стопы до бедра, он уже не чувствовал и теплоты крови, которой, наверно, натекло немало. Те, на пригорке, после нескольких выстрелов теперь выжидали. Но вот кто-то из них поднялся. Остальные остались лежать, а этот один черной тенью быстро скатился со склона и замер. Сотников потянулся руками к винтовке и почувствовал, как он ослабел. К тому же сильнее стала болеть нога. Болело почему-то колено и сухожилие под ним, хотя пуля попала выше, в бедро. Он сжал зубы и слегка повернулся на левый бок, чтобы с правого снять часть нагрузки. В тот же момент на пригорке мелькнула еще одна тень – сдается, они там по всем правилам армейской тактики, перебежками, приближались к нему. Он дождался, пока поднимется третий, и выстрелил. Выстрелил наугад, приблизительно – мушка и прорезь были плохо различимы в сумраке. В ответ опять загрохали выстрелы оттуда – на этот раз около десятка, не меньше. Когда выстрелы утихли, он вынул из кармана новую обойму и перезарядил винтовку. Все-таки патроны надо было беречь, их оставалось всего пятнадцать.

Наверное, много времени он пролежал в этом снегу. Тело начало мерзнуть, нога болела все больше; от стужи и потери крови стал донимать озноб. Было очень мучительно ждать. А те, постреляв, смолкли, будто пропали в ночи – нигде на пригорке не появилось ни одной тени. Но он чувствовал, что вряд ли они оставят его тут – постараются взять живым или мертвым. И он подумал: а может, они подползают? Или он стал плохо видеть? От слабости в глазах начали мельтешить темные пятна, слегка поташнивало. Он испугался, что может потерять сознание, и тогда случится то самое худшее, чего он больше всего боялся на этой войне. Значит, последнее, для чего он должен сберечь остатки своих малых сил, – не сдаться живым.

Сотников осторожно приподнял голову – в морозных сумерках впереди что-то мелькнуло. Человек? Но вскоре он с облегчением понял, что ошибся: перед стволом мельтешила былинка бурьяна. Тогда, сдерживая стон, он пошевелил раненой ногой, которую тут же пронзила сквозная судорога боли, немного подвигал коленом. Пальцев ступни он уже не чувствовал вовсе. Впрочем, черт с ними, с пальцами, думал он, теперь они ни к чему. Вторая нога была вполне здоровой.

Времени, наверно, прошло немало, а может, и не так много – он уже утратил всякое ощущение времени. Его тревожила теперь самая главная мысль: не дать себя захватить врасплох. Подозревая, что они ползут, и чтобы как-нибудь задержать их приближение, он приложился к винтовке и опять выстрелил. Но полицаи медлили что-то, и он подумал, что, может, они заползли в ложину и пока не видят его. Тогда он также решил воспользоваться этой маленькой передышкой и мучительно перевалился на бок.

Смерзшийся бурок вообще плохо снимался с ноги, сейчас его надо было содрать, не вставая. И Сотников скорчился, напрягся, до скрипа сжал челюсти и изо всех сил потянул бурок. Первая попытка ничего не дала. Через минуту он уже изнемог, жарко дышал, обливаясь холодным потом. Но, передохнув немного и оглядевшись, с еще большей решимостью ухватился за бурок.

Он стащил его после пятой или шестой попытки и, вконец обессилив, несколько минут не мог пошевелиться на снегу. Потом, боясь не успеть, бросил на снег бурок и приподнял голову. Сдается, перед ним никого не было, теперь пусть бегут – он был готов прикончить себя, стоило только впереть в подбородок ствол винтовки и пальцем ноги нажать спуск. И он порадовался тихой злой радостью: все-таки живым его не возьмут. Но у него еще были две обоймы патронов – ими он даст последний свой бой. Он привстал выше – где-то должны же они быть, эти его противники, не сквозь землю же они провалились...

Почему-то их не оказалось поблизости. Или, может, он уже плохо видел в ночи? Впрочем, ночь как будто потемнела, месяц вверху опять куда-то исчез. Значит, жизнь все-таки окончится ночью, подумал он, в мрачном, промерзшем поле, при полном одиночестве, без людей. Потом его, наверно, отвезут в полицию, разденут и зароят где-нибудь на конском могильнике. Зароят, и никто никогда не узнает, чей там покоится прах. Братская могила, которая когда-то страшила его, сейчас стала недостижимой мечтой, почти роскошью. Впрочем, все это мелочи. У него уже не оставалось ничего такого, о чем бы стоило пожалеть перед концом. Разве что эта винтовка, безотказно прослужившая ему на войне. Ни разу она не заела, ни единым механизмом не подвела при стрельбе, бой ее был удивительно справен и меток. Другие имели скорострельные немецкие автоматы, некоторые носили СВТ – он

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru же не расставался со своей трехлинейкой. Ползими она была его надежной защитницей, а теперь вот, наверно, достанется какому-нибудь полицаю...

Начала мерзнуть его босая нога. Не хватало еще отморозить ее – как тогда нажать спуск? Превозмогая слабость и боль, он пошевелился в снегу и вдруг заметил на пригорке движение. Только не оттуда к нему, а туда. Две едва заметные, размытые в сумерках тени медленно двигались по склону вверх. Скоро они были уже на самом верху пригорка, и он не мог понять, что там случилось. Они наверняка куда-то отправлялись – возможно, к саням или за помощью, он не смел даже и подумать, что они оставляли его. Но он явственно видел: они возвращались к дороге.

Значит, он оставался один. Но ведь он все равно долго не выдержит так на морозе, посреди поля и будет лишь медленно погибать от стужи и потери крови. Будто злясь на них за это их вероломство, Сотников кое-как прицелился и выстрелил.

И тут он понял, что опасался напрасно: невдалеке под пригорком прозвучал выстрел в ответ. Значит, караульщик все же остался. Те, наверно, отравились за помощью, а одного оставили следить за ним и держать его под обстрелом. Наверно, они сообразили, что он ранен и далеко не уйдет. Что ж, все правильно.

Однако новый поворот дела даже воодушевил его – с одним можно было побороться. Плохо, правда, что он не видел своего противника – наверно, удачно замаскировался, гад. А по выстрелам ночью не очень угадаешь, где тот засел. Полицай же, по всей вероятности, держал его на прицеле – стоило Сотникову приподнять голову, как вдали грохал выстрел. Значит, придется лежать и мерзнуть. Озноб уже тряс его непрерывно, и Сотников подумал, что долго так не протянет.

Но он тянул, неизвестно на что надеясь, хотя так просто мог бы покончить со всем. Может, он захотел спастись? По-видимому, захотел, особенно теперь, когда те сняли осаду. Только как? Ползти он не мог, раненой ногой старался не двигать даже. Но здоровая его нога уже замерзала – значит, он вовсе оставался без ног. А без ног какое спасение?

Оставив в снегу винтовку, он повернулся на бок и, не поднимая головы, искал бурок. Тот лежал близко, голенищем в снегу. Он дотянулся до бурка, высыпал снег и начал нащупывать его окоченевшей ногой, чтобы надеть. Надеть, однако, не удалось – это оказалось труднее, чем снять. Нога только вошла в голенище, как опять закружилась голова, и он сжался, стараясь перетерпеть приступ слабости и боли. В это время бахнул и гулким морозным эхом покатился по полю выстрел – оттуда же, из-под пригорка. Потом бахнуло в другой раз и в третий. Пуль, однако, он не услышал, да он и не вслушивался вовсе. Боком, скорчившись в своем снежном лежбище, он изо всех сил старался натянуть бурок. И он натянул его хотя и не до конца, кое-как, и ему стало легче. Он даже повернул лицо, чтобы не так сильно жгло на снегу щеку и лоб.

И вдруг он услышал непонятно откуда донесшийся голос:

– Сотников, Сотников...

Это поразило его, и он подумал, что, наверно, ему уже мерещится. Тем не менее он оглянулся – сзади в темноте ворошилось что-то живое, вроде бы даже полз кто-то и повторял с тихой настойчивостью:

– Сотников, Сотников!

Ну, разумеется, это Рыбак! Сотников отчетливо расслышал его низкий встревоженный голос и тогда разом обмяк в своем мучительном напряжении. Хотя еще было неясно, хорошо это или нет, что Рыбак вернулся (может, путь к отходу был также отрезан), но он вдруг понял: гибель откладывается.

Глава седьмая

Они поползли к кустарнику – впереди Рыбак, за ним Сотников. Это был долгий, изнурительный путь. Сотников не успевал за товарищем, а иногда и вовсе замирал в снежной борозде, и тогда Рыбак, развернувшись, хватал его за ворот шинели и тащил за собой. Он также выбился из сил – мало того, что помогал Сотникову, еще волок, на себе обе винтовки, которые все время сваливались со спины и застревали в снегу. Ночь потемнела, в сумрачной дымке совсем пропал месяц – это, возможно,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru и спасло их. Правда, из-под пригорка два раза хлопнули выстрелы – наверно, тот полицаи все же что-то заметил.

Кое-как добравшись до края кустарника, они залегли между мягких заснеженных кочек – темные ветки ольшаника неплохо скрывали их в ночных сумерках. Рыбак был весь мокрый – таял снег в рукавах и за воротником полушубка, от обильного пота взмокла спина. Он так устал, как не уставал, наверно, никогда в жизни, и беспомощно лежал ничком, лишь поглядывая в сторону пригорка: не бегут ли за ними. Но сзади никого не было, полицаи хоть и заметил что-то, но преследовать, наверно, не отважился – тут недолго было и самому схлопотать пулю.

– Ну, как ты? – подал голос Рыбак, все еще жарко дыша густым, видимым даже в сумерках паром.

– Плохо, – едва слышно признался Сотников.

Он лежал на боку, запрокинув голову в плотно облежавшей ее смерзшейся пилотке. Раненая его нога была слегка приподнята коленом вверх и мелко, нервно дрожала. Рыбак тихо про себя выругался.

– Давай трогать. А то... обложут – не вырвешься.

Он приподнялся, но, прежде чем встать, вытащил из-за воротника у Сотникова смятое свое полотенце и дрожащими от усталости руками туго перевязал его ногу выше колена. Сотников раза два дернулся от боли и задержал дыхание, подавляя стон. Рыбак, привстав на колени, подставил ему спину:

– Ну, цепляйся.

– Подожди, я сам, может...

Слабо заворотившись на снегу, Сотников кое-как поднялся на одно колено, с болезненной осторожностью отставляя в сторону раненую ногу, попытался подняться совсем, но это ему не удалось.

– Куда тебе! А ну держись!

Рыбак подхватил его под руку, и Сотников наконец встал; сильно припадая на раненую ногу, сделал два шага. Это ободрило Рыбака – если человек на ногах, то, наверно, не все потеряно. А то, как приполз к Сотникову и узнал, что тот ранен, стало не по себе: что он мог сделать с ним в таком положении? Теперь Рыбак понемногу стал успокаиваться, подумав, что, может, еще как-либо удастся вывернуться.

С помощью Рыбака Сотников неуклюже переступил раз и другой. Они полезли в негустой здесь, низкорослый кустарник с его рыхлым и довольно глубоким снегом. Сотников одной рукой держался за Рыбака, а другой хватался на ходу за стылые ветки ольшаника и, сильно припадая на раненую ногу, изо всех сил старался ступать быстрее. В груди у него все хрипело с каким-то нехорошим присвистом, иногда он начинал глухо и мучительно кашлять, и Рыбак весь сжимался: их легко могли услышать издали. Но он молчал. Он уже не спрашивал о самочувствии – не давая себе передышки, настойчиво тащил Сотникова сквозь заросли.

За кустарником после лощины, оказавшейся довольно просторным замерзшим болотом, опять начался крутоватый подъем на пригорок. Они наискось вскарабкались на него, и Рыбак почувствовал, что силы его на исходе. Он уже не в состоянии был поддерживать Сотникова, который все грузнее оседал книзу, да и сам так изнемог, что они, не сговариваясь, почти одновременно рухнули в снег. Потом, сосредоточенно и громко дыша, долго лежали на склоне с удивительным равнодушием ко всему. Правда, Рыбак понимал, что с минуты на минуту их могут настичь полицаи, он все время ждал их рокового окрика, но все равно тело его было бессильно одолеть сковавшую усталость.

Может, четверть часа спустя, несколько справясь с дыханием, он повернулся на бок. Сотников лежал рядом и мелко дрожал в ознобе.

– Патроны остались?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Одна обойма, – глухо прохрипел Сотников.

– Если что, будем отбиваться.

– Не очень отобьешься.

Действительно, с двадцатью патронами не долго продержишься, думал Рыбак, но другого выхода у них не оставалось. Не сдаваться же в конце концов в плен – придется драться.

– И откуда их черт принес? – Рыбак с новой силой начал переживать случившееся. – Вот уж действительно: беда одна не ходит...

Сотников молча лежал, с немалым усилием подавляя стоны. Его потемневшее на стуже, истерзанное болью лицо с заиндевевшей от дыхания щетиной вдруг показалось Рыбаку почти незнакомым, чужим, и это вызвало в нем какие-то скверные предчувствия. Рыбак подумал, что дела напарника, по-видимому, совсем плохи.

– Очень болит?

– Болит, – буркнул Сотников.

– Терпи, – грубовато подбодрил Рыбак, подавляя в себе невольное и совершенно неуместное теперь чувство жалости. Затем он сел на снег и начал озабоченно осматривать местность, которая показалась совсем незнакомой: какое-то холмистое поле, недалекий лесок или рощица, а где был большой, нужный им лес, он не имел о том никакого понятия. Закрутившись во время бегства в кустарнике, он вдруг перестал понимать, где они находились и в каком направлении можно выйти к своим.

Это отозвалось в душе новой тревогой – не хватало еще заблудиться. Он хотел заговорить об этом с Сотниковым, но тот лежал рядом, будто не чувствуя уже ни тревоги, ни стужи, которая становилась все нестерпимее на холодном ветру в поле. Разгоряченное при ходьбе тело очень скоро начал пробирать мороз. Пока, однако, усталость приковывала их к земле, и Рыбак всматривался в сумеречные окрестности, мучительно соображая, куда податься.

Он пытался определить это, тщетно восстанавливая в памяти их путаный путь сюда, а инстинкт самосохранения настойчиво толкал его в направлении, противоположном кустарнику, за которым их настигла полиция. Казалось, полицаи опять появятся по их следу оттуда, следовательно, надо было уходить в противоположную сторону.

Когда это чувство окончательно овладело им, Рыбак встал и повесил на плечо обе винтовки.

– Давай как-нибудь...

Сотников начал с трудом подниматься, Рыбак и на этот раз поддержал его, но тот, оказавшись на ногах, высвободил локоть.

– Дай винтовку.

– Что, пойдешь?

– Попробую.

«Что ж, пробуй», – подумал Рыбак, с облегчением возвращая ему винтовку. Опираясь на нее, как на палку, Сотников кое-как ступил несколько шагов, и они очень медленно побрели по снежному полю.

Час спустя они уже далеко отошли от болота и слепо тащились пологим полевым косогором. Рыбак чувствовал, что скоро начнет светать, что на исходе последние часы ночи и что они теперь очень просто могут не успеть. Если утро настигнет их в поле, тогда уже наверняка им не выкрутиться.

Пока их спасало то, что снег тут был неглубокий, ноги проваливались не так часто, как на болоте. Вокруг на снегу серели высохшие стебли бурьяна, местами они казались чуть гуще, и Рыбак обходил эти места, выбирая, где было помельче. Он старался не спускаться в ложину, боясь залезть там в сугробы, на пригорках

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru было надежнее. Но их след слишком отчетливо обозначился на снегу – раз, оглянувшись, Рыбак испугался: так просто было их догнать даже ночью. Оглядываясь вокруг, он подумал, что какой бы опасной для них ни была дорога, которая уже едва их не погубила сегодня, но, видимо, опять надо выбираться на нее. Только на дороге можно спрятать среди других два своих следа, чтобы не привести за собой полицаев в лагерь.

Из сгустившихся ночных сумерек едва проступало снежное поле с редкими пятнами кустарника, одинокими полевыми деревцами: в одном месте что-то неясно зачернело, и, подойдя ближе, Рыбак увидел, что это валун. Дороги нигде не было. Тогда он круто повернул вверх – идти так стало труднее, но появилась надежда, что наверху, за пригорком, все-таки появится лес. В лесу удалось бы скрыться, потому что полицаи вряд ли сразу сунутся следом – наверно, сначала подумают и тем дадут возможность оторваться от преследователей.

Рыбак не впервые попадал в такое положение, но всякий раз ему как-то удавалось вывернуться. В подобных случаях выручали быстрота и находчивость, когда единственно правильное решение принималось без секунды опоздания. И он уходил. Тут тоже была такая возможность, по неизвестной причине предоставленная им полицаями, и он бы отлично воспользовался ею, если бы не Сотников. Но с Сотниковым далеко не уйдешь. Они еще не взобрались на холм, как напарник в который уж раз трудно закашлял, несколько минут тело его мучительно содрогалось, как будто в напрасных потугах выкашлять что-то. Рыбак остановился, потом вернулся к товарищу, попробовал поддержать его под руку. Но Сотников с трудом стоял на ногах, и он опустил его на твердый, вылизанный ветром снег.

– Что, плохо?

– Видно, не выбраться...

Рыбак промолчал – ему не хотелось заводить о том разговор, неискренне обнадеживать или утешать, он сам толком не знал, как выбраться. И даже в какую сторону выбираться.

Он недолго постоял над Ситниковым, который немощно скорчился на боку, подобрав раненую ногу. В сознании Рыбака начали перемешиваться различные чувства к нему: и невольная жалость оттого, что столько досталось одному (мало было болезни, так еще и подстрелили), и в то же время появилась неопределенная досада-предчувствие – как бы этот Сотников не навлек беды на обоих. В этом изменчивом и неуловимом потоке чувств все чаще стала напоминать о себе, временами заглушая все остальное, тревога за собственную жизнь. Правда, он старался гнать ее от себя и держаться как можно спокойнее. Он понимал, что страх за свою жизнь – первый шаг на пути к растерянности: стоит только поддаться испугу, занервничать, как беды посыплются одна за другой. Тогда уж наверняка крышка. Теперь же хотя и пришлось туго, но не все еще, возможно, потеряно.

– Так. Ты подожди.

Оставив Сотникова, где тот лежал на снегу, Рыбак потащился по склону вверх, чтобы осмотреться. Ему все казалось, что за холмом лес. Они столько уже прошли в этой ночи, и если шли правильно, то должны очутиться где-то поблизости от леса.

Плохо, что совсем пропал месяц и поодаль ничего не было видно – ночь тонула в морозной туманной мгле: глухие предутренние сумерки обволакивали все вокруг. Тем не менее леса поблизости не было. За пригорком опять простиралось неровное, с пологими холмами поле, на котором что-то смутно серело, наверно рошица, очень уж куцая рошица – гривка в поле, не больше. Всюду виднелись неопределенные пятна, темные брызги бурьяна, размытые, нечеткие силуэты кустов. По вот из снежного полумрака выглянула коротенькая прямая черта – обозначилась на земле и исчезла. Рыбак с неожиданной легкостью заторопился к ней ближе и не заметил, как черточка эта как-то вдруг превратилась на снегу в темноватую полосу дороги. Довольно накатанная, с уезженными колеями и следами конских копыт, она явилась как никогда кстати. Рыбак завернул назад и легко сбегал с пригорка к скрюченному на снегу Сотникову.

– Дорога тут! Слышь!

Тот вяло приподнял кругловатую, неестественно маленькую в пилотке голову,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru заворошился, вроде начал вставать.

– С дороги где-нибудь сошмыгнем – не найдут. Только бы успеть – не напороться на какого черта.

С помощью Рыбака Сотников молча поднялся, непослушными пальцами удобнее охватил ложе винтовки.

Они медленно побрели к дороге. Рыбак тревожно оглядывался в сумерках – не покажутся ли где люди. Его напряженный взгляд привычно обшаривал поле, с наибольшим усилием стремясь проникнуть туда, где исчезал дальний конец дороги. И вдруг совершенно неожиданно для себя он заметил, что небо над полем как будто прояснилось, сделалось светло-синим, звезды притушили свой блеск, только самые крупные еще ярко горели на небосклоне. Этот явный признак рассвета взволновал его больше, чем если бы он увидел людей. Что-то в нем передернулось, подалось вперед, только бы прочь от этого голого, предательски светящегося поля. Но ноги были налиты неодолимой усталостью, к тому же сзади едва ковылял Сотников. Хочешь или нет, приходилось медленно тащиться подвернувшейся дорогой – другого выхода не было.

Поняв это, он приглушил в себе нетерпение, тверже сжал зубы. Он ни слова не сказал Сотникову – тот и так едва брел, видно расходуя последние свои силы, и у Рыбака что-то сдвинулось внутри – он уже знал: удачи не будет. Ночь кончалась и тем снимала с них свою опеку, день обещал мало хорошего. И Рыбак с поникшей душой смотрел, как медленно и неуклонно занималось зимнее утро: светлело небо, из-под ночных сумерек яснее проступал снежный простор, дорога впереди постепенно длиннела и становилась видной далеко.

По этой дороге они потащились в сторону рощи.

Глава восьмая

Сотников не хуже Рыбака видел, что ночь на исходе, и отлично понимал, чем для них может обернуться это преждевременное утро.

Но он шел. Он собрал в себе все, на что еще было способно его обессиленное тело, и, помогая себе винтовкой, с огромным усилием передвигал ноги. Бедро его мучительно болело, стопы он не чувствовал вовсе, мокрый от крови бурок смерзся и заостенел; другой, не до конца надетый, неуклюже загнулся на половине голенища, то и дело загребая снег.

Покамест они добрались до леса, рассвело еще больше. Стало видно поле окрест, покатые под снегом холмы; слева, поодаль от дороги, в ложине тянулись заросли мелкоколосья, кустарник, но, кажется, это был тот самый кустарник, из которого они вышли. Большого же леса, который сейчас так нужен был им, не оказалось даже на горизонте – будто он провалился за ночь сквозь землю.

Рыбак, как обычно, настойчиво стремился вперед, что, впрочем, было понятно: они шли как по лезвию бритвы, каждую секунду их могли заметить, догнать, перехватить. К счастью, дорога все еще лежала пустая, а хвойный клочок впереди хотя и медленно, но все-таки приближался. Опираясь на винтовочный приклад и сильно хромя, Сотников сквозь боль то и дело бросал туда нетерпеливые взгляды – он жаждал скорее дойти, и не столько затем, чтобы скрыться с дороги, а больше чтобы обрести покой.

На беду, не успели они одолеть и половины пути к этой рощице, как Рыбак, выругавшись, будто вкопанный, встал на дороге.

– Твое-мое! Это ж кладбище!

Сотников вскинул голову – действительно, теперь уже стало видать, что хвойный клочок, показавшийся им рощицей, на деле был сельским кладбищем: под раскидистыми ветвями сосен ясно виднелись несколько деревянных крестов, оградка и кирпичный памятник в глубине на пригорке. Но самое худшее было в том, что из-за сосен выглядывали соломенные крыши близкой деревни: ветер, видно было, косо тянул в небо хвост дыма из трубы.

Рыбак высморкался, рассеянно вытер пятерней нос.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ну, куда деться?

Деваться действительно было некуда, но и не стоять же так, посреди дороги. И они, еще более приунывшие и встревоженные, потащились к деревне.

Поначалу им вроде везло: деревня, наверно, только еще просыпалась, и они, никого не встретив на своем пути, благополучно добрались до кладбища. Разных следов тут было в избытке – на дороге и возле нее в поле. По слабо обозначенной на снегу тропинке они поспешно свернули под низко нависшие ветви сосен. Обычно Сотников с трудом преодолевал в себе какое-то пугающе-брезгливое чувство при виде этого печального пристанища, всегда старался обойти его, не задерживаясь. Но теперь это кладбище, казалось, послано богом для их спасения – иначе где бы они укрылись на виду у деревни.

Они торопливо прошли мимо свежего, еще не присыпанного снегом глинистого бугорка детской могилки, и раскидистые суковатые сосны да несколько оград на снегу заслонили их от деревенских окон. Идти тут стало легче – Сотников, усердно помогая себе руками, хватался то за крест, то за комель дерева или штакетник ограды. Порядком отойдя от дороги, он подобрался к толстому комлю сосны и тяжело рухнул в снег. За эту проклятую ночь все в нем исстрадалось, намерзлось, зашлось глубинной неутрахающей болью.

Он страдал от своей физической беспомощности и лежал, прислонясь спиной к шершавому комлю сосны, закрыв глаза, чтобы не встретиться взглядом с Рыбаком, не начать с ним разговор. Он знал, о чем будет этот разговор, и избегал его. Он чувствовал себя почти виноватым оттого, что, страдая сам, подвергал риску товарища, который без него, конечно, был бы уже далеко. Рыбак был здоров, обладал большей, чем Сотников, жаждой жить, и это налагало на него определенную ответственность за обоих. Так думал Сотников, нисколько не удивляясь безжалостной настойчивости Рыбака в попытках выручить его минувшей ночью. Он относил это к обычной солдатской взаимовыручке и не имел бы ничего против Рыбаковой помощи, будь она обращена к кому-нибудь третьему. Но сам он, хотя и был ранен, ни за что не хотел признать себя слабым, нуждавшимся в посторонней помощи – это было для него непривычно и противно всему его существу. Как мог, он старался справиться с собой сам, а там, где это не получалось, умерить свою зависимость от кого бы то ни было. И от Рыбака тоже.

Однако Рыбак, видно мало вникая в переживания товарища, продолжал заботиться о нем и, немного передохнув, сказал:

– Подожди тут, а я подскочу. Вон хата близко. В случае чего в гумне перепрячемся.

«Подождать – это хорошо, – подумал Сотников, – лишь бы не идти». Ждать он готов был долго, только бы дожидаться чего-нибудь обнадеживающего. Рыбак устало поднялся на ноги, взял карабин. Чтобы тот не бросился в глаза, перехватил его, словно палку, за конец ствола и широко зашагал по заснеженному буграм могил. Сотников раскрыл глаза, повернувшись немного на бок, подобрал поближе винтовку. Между стволов сосен совсем недалеко была видна крайняя изба деревни, развалившийся сарай при ней; на старом, покосившемся тыне ветер трепал какую-то забытую тряпку.

Людей там как будто не было.

Рыбак вскоре пропал из его поля зрения, но в деревне по-прежнему было тихо и пустынно. Чтобы удобнее пристроить раненую ногу, Сотников ухватился за шероховатую, в лишаях палку ограды, и та, тихо хрустнув, осталась в его руке. Могила была старая, наверно, давно заброшенная, в ее ограде из-под снега торчал одинокий камень, не было даже креста. Струхлевшая оградка доживала свой век – видно, это было последнее, что осталось от человека на земле. И вдруг Сотникову стало нестерпимо тоскливо на этом деревенском кладбище, среди могильных оград и камней, гнилых, покосившихся крестов, глядя на которые он с печальной иронией подумал: «Зачем? Зачем весь этот стародавний обычай с памятниками, который, по существу, не более чем наивная попытка человека продлить свое присутствие на земле после смерти? Но разве это возможно? И зачем это надо?»

Нет, жизнь – вот единственная реальная ценность для всего сущего и для человека

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru тоже. Когда-нибудь в совершенном человеческом обществе она станет категорией-абсолютом, мерой и ценою всего. Каждая такая жизнь, являясь главным смыслом живущего, будет не меньшею ценностью для общества в целом, сила и гармония которого определятся счастьем всех его членов. А смерть, что ж – смерти не избежать. Важно только устранить насильственные, преждевременные смерти, дать человеку возможность разумно и с толком использовать и без того не так уж продолжительный свой срок на земле. Ведь человек при всем его невероятном могуществе, наверно, долго еще останется все таким же физически легко уязвимым, когда самого маленького кусочка металла более чем достаточно, чтобы навсегда лишить его единственной и такой дорогой ему жизни.

Да, физические способности человека ограничены в своих возможностях, но кто определит возможности его духа? Кто измерит степень отваги в бою, бесстрашие и твердость перед лицом врага, когда человек, начисто лишенный всяких возможностей, оказывается способным на сокрушающий взрыв бесстрашия?»

Сотников на всю жизнь запомнил, как летом в полевом штаблагне немцы допрашивали пожилого седого полковника, искалеченного в бою, с перебитыми кистями рук, едва живого. Этому полковнику, казалось, просто неведомо было чувство страха, и он не говорил, а метал в гестаповского офицера гневные слова против Гитлера, фашизма и всей их Германии. Немец мог бы прикончить его кулаком, мог застрелить, как за час до того застрелил двух политруков-пехотинцев, но этого человека он даже не унижил ругательством. Похоже, что он впервые услышал такое и просто опешил, потом схватился за телефон, что-то доложил начальству, видно ожидая решения свыше. Разумеется, полковника затем расстреляли, но те несколько минут перед расстрелом были его триумфом, его последним подвигом, наверно, не менее трудным, чем на поле боя; ведь не было даже надежды, что его услышит кто-то из своих (они случайно оказались рядом, за стенкой барака).

Медленно и все глубже промерзая, Сотников терпеливо поглядывал на край кладбища, где сразу же, как только он появился, увидел Рыбака. Вместо того чтобы пойти напрямик, Рыбак старательно прошел вдоль ограды к полю, наверно, чтобы не было видно из деревни, и только потом повернул к нему. Минуту спустя он был уже рядом и, запыхавшись, упал под сосной.

– Кажись, порядок. Понимаешь, там хата, клямка на щепочке. Послушал, будто никого...

– Ну?

– Так это, понимаешь... Может, я тебя заведу, погреемся, а потом...

Рыбак умолк в нерешительности, озабоченно поглядел в утренний простор поля, который уже был виден далеко. Голос его сделался каким-то неуверенным, будто виноватым, и Сотников догадался.

– Ну что ж! Я останусь.

– Да, знаешь, так лучше будет, – заметно обрадовался Рыбак. – А мне надо... Только где тот чертов лес, не пойму. Заблудились мы.

– Спросить надо.

– Спросим... А ты это, потерпи пока. Потом, может, переправим куда-нибудь. Понадежнее.

– Ладно, ладно, – нарочито бодрым тоном ответил на это Сотников.

– И ты не беспокойся, я договорюсь. Накажу, чтоб смотрели, и все прочее.

Сотников молчал. В общем, все было логично и, пожалуй, правильно, тем не менее что-то обидное шевельнулось в его душе. Правда, он тут же почувствовал, что это от слабости и как следствие проклятой ночи. На что было обижаться? Отношения их вполне равноправные, никто никому не обязан. И так, слава богу, Рыбак для него сделал все, что было возможно. Можно сказать, спас при самых безнадежных обстоятельствах, и теперь пришло время развязать ему руки.

– Что ж, тогда пошли. Пока никого нет.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Сотников первым попытался подняться, но только чуть двинул раненой ногой, как его пронзила такая лютая боль, что он вытянулся на снегу. Выждав минуту, кое-как совладел с собой и, крепко сжав зубы, поднялся.

По краю пригорка между молодых сосенок они сошли с кладбища. Невдалеке попалась хорошо утоптанная стежка, которая привела их на голый, ничем не огороженный двор. Несколько на отшибе от села стояла довольно большая, но уже старая, запущенная изба с замазанными глиной углами, выбитым и заткнутым какой-то тряпкой окошком. В почерневшем пробое на двери действительно торчала наспех воткнутая щепка – наверно, кто-то недалеко вышел, и дома никого не осталось. Сотников подумал, что так, может, и лучше: по крайней мере на первых порах обойдутся без объяснений, не очень приятных в подобных случаях.

Рыбак вынул щепку, пропустил в сени напарника, дверь тихо прикрыл изнутри. В сенях было темновато. Под стенами громоздились какие-то кадки, разная хозяйская рухлядь, стоял громадный, окованный ржавым железом сундук; угол занимали жернова. Сотников уже видел однажды это нехитрое деревенское приспособление для размола зерна: два круглых камня в неглубоком ящике и укрепленная где-то вверху палка-вертушка. Маленькое, затянутое паутиной окошко в стене позволило им отыскать дверь в избу.

Опираясь о стену, Сотников кое-как добрался до этой двери, с помощью Рыбака перелез высокий порог. Изба встретила их затхлою смесью запахов и теплом. Он протянул руку к ободранному боку печи – та была свеженатоплена, и в его тело хлынуло такое блаженство, что он не сдержал стона, наверно, впервые прорвавшегося за всю эту ужасную ночь. Он обессиленно опустился на коротенькую скамейку возле печи, едва не опрокинув какие-то горшки на полу. Пока устраивал ногу, Рыбак заглянул за полосатую рогожку, которой был занавешен проход в другую половину избы, – там раза два тихонько проскрипела кровать. Сотников напряг слух – сейчас должно было решиться самое для них главное.

– Вы одни тут? – твердым голосом спросил Рыбак, стоя в проходе.

– Ну.

– А отец где?

– Так нету.

– А мать?

– Мамка у дядьки Емельяна молотит. На хлеб зарабатывает. Ведь нас четверо едоков, а она одна.

– Ого, как ты разбираешься! А там что – едоки спят? Ладно, пусть спят, – тише сказал Рыбак. – Ты чем покормить нас найдешь?

– А бульбочку мамка утром варила, – отозвался словоохотливый детский голос.

Тотчас на полу там затопали босые пятки, и из-за занавески выглянула девочка лет десяти со всклокоченными волосами на голове, в длинноватом и заношенном ситцевом платье. Черными глазенками она коротко взглянула на Сотникова, но не испугалась, а с хозяйской уверенностью подошла к печи и на цыпочках потянулась к высоковатой для нее загнетке. Чтобы не мешать ей, Сотников осторожно подвинул в сторону свою бедолагу ногу.

Под окном стоял непокрытый стол, возле него была скамья с глиняной миской; девочка переставила миску на конец стола и вытряхнула в нее из горшка картошку. Движения ее маленьких рук были угловаты и не очень ловки, но девочка с очевидным усердием старалась угодить гостям – вынула из посудника нож, повозившись в темном углу, поставила на стол тарелку с большими сморщенными огурцами. Потом отошла к печи и с молчаливым любопытством стала рассматривать этих вооруженных, заросших бородами, наверно, страшноватых, но, безусловно, интересных для нее людей.

– Ну, давай подрубаем, – подался к столу Рыбак.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Сотников еще не отогрелся, намерзшее его тело содрогалось в ознобе, но от картошки на столе струился легкий, удивительно ароматный парок, и Сотников встал со скамейки. Рыбак помог ему перебраться к столу, устроил на скамье раненую ногу. Так было удобнее. Сотников взял теплую, слегка подгоревшую картофелину и привалился спиной к побеленной бревенчатой стене. Девочка с прежней уважительностью стояла в проходе и, колукая край занавески, бросала на них быстрые взгляды своих темных глаз.

– А хлеба что, нет? – спросил Рыбак.

– Так вчера Леник все съел. Как мамку ждали.

Рыбак, помедлив, достал из-за пазухи прихваченную у старосты горбушку и отломил от нее кусок. Затем отломил другой и молча протянул девочке. Та взяла хлеб, но есть не стала – отнесла за перегородку и снова вернулась к печи.

– И давно мать молотит? – спросил Рыбак.

– От позавчера. Она еще неделю молотить будет.

– Понятно. Ты старшая?

– Ага, я большая. Катя с Леником малые, а мне уже девять.

– Много. А немцев у вас нету?

– Однажды приезжали. Как мы с мамкой к тетке Гелене ходили. У нас подсвинка рябого забрали. На машине увезли.

Сотников кое-как проглотил пару картофелин и опять зашелся в своем неотвязном кашле. Минут пять тот бил его так, что казалось – вот-вот что-то оборвется в груди. Потом немного отлегло, но стало не до картофеля, он только выпил полкружки воды и закрыл глаза. В ощущениях его что-то плыло, качалось, болезненно-сладостная истома убаюкивала, он засыпал. В замутненном сознании быстро отдалялись смешивающиеся голоса Рыбака и девочки.

– А мать твою как звать? – хрустя огурцом, спрашивал Рыбак.

– Демчиха.

– Ага. Значит, ваш папка Демьян?

– Ну. А еще Авгинья мамку зовут.

Было слышно, как Рыбак заскрипел скамьей, наверно потянулся за новой картофелиной, под столом загремели его сапоги. Разговор на какое-то время умолк, но затем прозвучал вкрадчивый, с лукавым любопытством голос девочки:

– Дядя, а вы партизаны?

– А тебе зачем знать? Папанка еще.

– А вот и знаю, что партизаны.

– Знаешь, так помолчи.

– А того дядю, наверно, ранили, да?

– Ранили или нет, о том ни гугу. Поняла?

Девочка промолчала. Разговор на минуту затих.

– Я за мамкой сбегая, хорошо?

– Сиди и не рыпайся. А то еще накличешь какую холеру.

– Холера на них! Люди мы или скотина?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Были люди...

Но это уже не настоящее – это голоса из прошлого. Сознание Сотникова еще успевает отметить этот почти неуловимый переход в забытие, и дальше уже видится тот, раненный в ногу лейтенант, который едва ковыляет в колонне, опираясь на плечо более крепкого товарища. У лейтенанта забинтована еще и голова. Бинт старый, грязный, с запекшейся коркой крови на лбу; иссохшие губы и нехороший лихорадочный блеск покрасневших глаз придают его исхудавшему лицу какой-то полусумасшедший вид. От его раненой ноги распространяется такой смрад, что Сотникова слегка мутит: сладковатый запах гнили на пять шагов отравляет воздух. Их гонят колонной в лес – реденький соснячок при дороге. Под ногами пересыпается белый, с хвойными иголками песок, нещадно жжет полуденное солнце. Конные и пешие немцы сопровождают колонну.

Говорят, гонят расстреливать.

Это похоже на правду – тут те, кого отобрали из всей многотысячной массы в шталаге: политработники, коммунисты, евреи и прочие, чем-либо вызвавшие подозрение у немцев. Сотникова поставили сюда за неудачный побег. Наверно, там, на песчаных холмах в сосняке, их расстреляют. Они уже чувствуют это по тому, как, свернув с дороги, настороженно подобрались, стали громче прикрикивать их конвоиры – начали теснее сбивать в один гурт колонну. На пригорке, видно было, стояли и еще солдаты, наверно, ждали, чтобы организованно сделать свое дело. Но, судя по всему, случаются накладки и у немцев. Колонна еще не достигла пригорка, как конвоиры что-то загергетали с теми, что были на краю сосняка, затем прозвучала команда всем сесть – как обычно делалось, когда надо было остановить движение. Пленные опустились на солнцепеке и под стволами автоматов стали чего-то ждать.

Все последние дни Сотников был словно в прострации. Чувствовал он себя скверно – обессилел без воды и пищи. И он молча, в полузабытьи сидел среди тесной толпы людей на колючей сухой траве без особых мыслей в голове и, наверно, потому не сразу понял смысл лихорадочного шепота рядом: «Хоть одного, а прикончу. Все равно...» – «Погоди ты. Посмотрим, что дальше». – «Разве неясно что». Сотников осторожно повел в сторону взглядом – тот самый его сосед-лейтенант незаметно для других доставал из-под грязных бинтов на ноге обыкновенный перочинный ножик, и в глазах его таилась такая решимость, что Сотников подумал: такого не удержишь. А тот, к кому он обращался, – пожилой человек в комсоставской, без петлиц гимнастерке – опасливо поглядывал на конвоиров. Двое их, сойдясь вместе, прикуривали от зажигалки, один на коне чуть поодаль бдительно осматривал колонну.

Они еще посидели на солнце, может, минут пятнадцать, пока с холма не послышалась какая-то команда, и немцы начали поднимать колонну. Сотников уже знал, на что решился сосед, который сразу же начал забирать из колонны в сторону, поближе к конвоиру. Конвоир этот был сильный, приземистый немец, как и все, с автоматом на груди, в тесном, пропотевшем под мышками кителе; из-под мокроватой с краев суконной пилотки выбивался совсем не арийский – черный, почти смоляной чуб. Немец торопливо докурил сигарету, сплюнул сквозь зубы и, по-видимому намереваясь подогнать какого-то пленного, нетерпеливо ступил два шага к колонне. В то же мгновение лейтенант, словно коршун, бросился на него сзади и по самый черенок вонзил нож в его загорелую шею.

Коротко крикнув, немец осел наземь, кто-то поодаль крикнул: «Полундра!» – и несколько человек, будто их пружиной метнуло из колонны, бросились в поле. Сотников тоже рванулся прочь. Лейтенант, который сначала бежал, но вдруг споткнулся, упал на бок под самые ноги Сотникову и тут же ножом широко полоснул себе поперек живота. Сотников перескочил через его тело, едва не наступив на судорожно скрюченную руку, из которой, коротко сверкнув мокрым лезвием, выпал в песок маленький, с указательный палец, ножик.

Замешательство немцев длилось секунд пять, не больше, тотчас же в нескольких местах ударили очереди – первые пули прошли над его головой. Но он бежал. Кажется, никогда в жизни он не мчался с такой бешеной прытью, и в несколько широких прыжков взбежал на бугор с сосенками. Пули уже густо и беспорядочно пронизывали сосновую чащу, со всех сторон его осыпало хвоей, а он все мчал, не разбирая пути, как можно дальше, то и дело с радостным изумлением повторяя про себя: «Жив! Жив!»

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

К сожалению, соснычок оказался совсем узенькой недлинной полоской, которая через сотню шагов неожиданно окончилась, впереди разлеглось уставленное рядами крестцов сжатое поле. Однако деваться ему было некуда, и он рванулся дальше – по стерне через поле, туда, где курчавились зеленые кусты ольшаника.

Тут его скоро заметили, сзади раздался крик, треснул недалекий выстрел – пуля, словно кнутом, хлестко стеганула его по брюкам, разрубив пустой портсигар в кармане. Сотников явственно почувствовал этот удар и оглянулся: низко пригнувшись над гривой лошади и вскинув правую, с пистолетом руку, за ним скакал всадник. От лошади, понятно, не уйдешь, и Сотников повернулся лицом к преследователю. Конь едва не сшиб его с ног, в последний момент он как-то увернулся от его копыт, метнувшись за ближайший в ряду крестец. Немец, резко откинувшись в седле, выбросил руку – грохнувший выстрел перебил на верхнем снопе перепясло – солома, туго пырснув в стороны, осыпалась на стерню. Но Сотников все же уцелел и в отчаянном порыве схватил из-под ног камень – обычный, размером в кулак, полевой булыжник. Опять как-то уклонившись от лошади, он с силой бросил камень прямо в лицо всаднику, тот преждевременно грохнул выстрелом, но и в этот раз мимо. Почувствовав спасительную силу в этих камнях, Сотников начал хватать их из-под ног и швырять в немца, который вертелся на разгоряченном коне вокруг, норовя выстрелить наверняка. Еще два выстрела прогремели в поле, но и они не задел беглеца, который, обрадовавшись своей удаче, с камнем в руке бросился за другой ряд крестцов.

Пока немец управлялся со вздыбившимся конем, Сотников пробежал десяток шагов к следующему ряду и снова круто обернулся, чтобы ударить навстречу. На этот раз он попал в голову лошади, и немец снова промазал. Сотников швырнул в него еще три камня подряд, увертываясь от лошадиных копыт и все дальше перебегая от крестца к крестцу. Но вот крестцы кончились, в ряду остался последний. Сотников в изнеможении упал за ним на колени, сжав в руке камень. В этот раз немец решительно направил коня на крестец, видимо намереваясь сшибить беглеца копытами. Конь высоко взвился на задних ногах и, екнув селезенкой, тяжело прыгнул, обрушивая крестец и заваливая снопами Сотникова. Падая, тот, однако, радостно вскрикнул – промелькнувший перед ним парабеллум в руке немца круто выгнулся вверх затвором: вышла обойма. Поняв свою оплошность, немец сгоряча резко осадил коня, и тогда Сотников, вскочив, со всех ног бросился к недалекому уже кустарнику.

Его преследователь потерял несколько очень важных секунд, пока перезаряжал пистолет – для этого надо было придержать коня, – и Сотников успел добежать до ольшаника. Тут уже конь ему был не страшен. Не обращая внимания на опять раздавшиеся выстрелы, а также ветки, раздиравшие его лицо, он долго бежал, пока не забрался в болото. Деваться было некуда; и он влез в кочковатую, с окнами стоячей воды трясины, из которой уже никуда не мог выбраться. Там он понял, что если не утонет, то может считать себя спасенным. И он затаился, до подбородка погрузившись в воду и держась за тоненькую, с мизинец, лозовую ветку, все время напряженно соображая: выдержит она или нет. Если бы ветка сломалась, он бы уже не удержался, силы у него не осталось. Но ветка не позволила ему скрыться с головой в прорве, мало-помалу он отдышался и, как только вдали затихла стрельба, с трудом выбрался на сухое.

Была уже ночь, он отыскал в небе Полярную и, почти не веря в свое спасение, побрел на восток.

Глава девятая

Сотников неподвижно лежал на скамье за столом, наверно, уснул, а Рыбак пересел поближе к окну и из-за косяка стал наблюдать за тропинкой. Он немного перебил голод картошкой, делать тут ему было нечего, но и уйти было нельзя – приходилось ждать. А кому не известно, что ждать и догонять хуже всего.

Наверно, по этой или еще по какой-либо причине в нем начала расти досада, даже злость, хотя злиться вроде и не было на кого. Разве на Сотникова, которого он не мог оставить на этих детей. Хозяйка не возвращалась, послать за ней он не решался: как в таком деле полагаться на ребятенка?

И он сидел у окна, неизвестно чего ожидая, прислушиваясь к случайным звукам извне. По ту сторону перегородки повставали дети, слышалась их приглушенная

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru возня в кровати – иногда на проходе отодвигалась дерюжка, и в щели появлялось мурзатое, любопытствующее личико. Но оно тут же исчезало. Девочка там крикливо командовала, никого не выпуская из-за перегородки.

Рыбак до мельчайших подробностей изучил стежку за окном, остатки разломанной изгороди и край неогороженного кладбища с колючим кустарником по меже. Тряпка, затыкавшая разбитое стекло, неплохо скрывала его в окне. На сыром гниловатом подоконнике стояло несколько грязных пузырьков от лекарств, валялись клубок льняных ниток и тряпичная кукла, глаза и рот которой были искусно нарисованы чернилами. Напротив за столом беспокойно дышал во сне Сотников, которого надо было устроить надежнее, но для того нужна была хозяйка. Томясь и нервничая в неопределенном своем ожидании, Рыбак почти с неприязнью слушал нездоровое дыхание товарища, все больше сокрушаясь оттого, что им так не повезло сегодня. И все из-за Сотникова. Рыбак был незлой человек, но, сам обладая неплохим здоровьем, относился к больным без излишнего сочувствия, не понимая иногда, как это возможно простудиться, занемочь, расхвораться. «Действительно, – думал он, – заболеть на войне – самое нелепое, что можно и придумать».

За время продолжительной службы в армии в нем появилось несколько пренебрежительное чувство к слабым, болезненным, разного рода неудачникам, которые по тем или другим причинам чего-то не могли, не умели. Он-то старался уметь и мочь все. Правда, до войны кое в чем было трудновато, особенно когда дело касалось грамотности, образования – он не любил книжной науки, для которой нужны были терпение и усидчивость. Рыбаку больше по душе было живое, реальное дело со всеми его хлопотами, трудностями и неувязками. Наверно, поэтому он три года прослужил старшиной роты – характером его бог не обделил, энергии также хватало. На войне Рыбаку в некотором смысле оказалось даже легко, по крайней мере, просто: цель борьбы была очевидной, а над прочими обстоятельствами он не очень раздумывал. В их партизанской жизни приходилось очень не сладко, но все-таки легче, чем прошлым летом на фронте, и Рыбак был доволен. В общем ему пока что везло, наибольшие беды его обходили, он понял, что главное в их тактике – не растеряться, не прозевать, вовремя принять решение. Наверное, смысл партизанской борьбы заключался в том, чтобы, отставив собственную жизнь, чинить вред врагу, и тут он чувствовал себя полноценным партизанским бойцом.

– Мамка, мамка идет! – вдруг радостно вскричала детвора за перегородкой.

Рыбак метнул взглядом в окно и увидел на стежке женщину, которая мелкими шажками торопливо семенила к избе. Длинноватая темная юбка, замызганный полушубок и платок, толсто накрученный на голову, свидетельствовали не о первой молодости хозяйки, хотя, по-видимому, она еще не была и старой. Следуя за ней взглядом, Рыбак осторожно подвинулся за окном. От детского крика встрепенулся за столом Сотников, но, увидев Рыбака поблизости, опять вытянулся на скамье.

Когда в сенях стукнула щеколда, Рыбак отодвинулся на конец скамьи и постарался принять спокойный, вполне добропорядочный вид. Надо было как можно приветливее встретить хозяйку, не напугать и не обидеть ее: с ней предстояло договориться о Сотникове.

Она еще не открыла двери, как из-за перегородки высыпала детвора – две девочки, приподняв занавеску, остались на выходе, а лет пяти мальчик, босой, в рваных, на шлейках штанишках, бросился к порогу навстречу:

– Мамка, мамка, а у нас палтизаны!

Войдя, она сразу подалась вперед, чтобы подхватить мальчика на руки, но вдруг выпрямилась и с недоуменным испугом взглянула на незнакомого ей человека.

– Здравствуйте, хозяйка, – со всей доброжелательностью, на которую он был способен сейчас, сказал Рыбак.

Но хозяйка уже согнала с усталого лица удивление, мельком взглянула на стол с пустой миской, и что-то на ее лице передернулось.

– Здравствуйте, – холодно ответила она, отстраняя от себя ребенка. – Сидите, значит?

– Да вот как видите. Вас ждем.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Это какая же у вас ко мне надобность?

Нет, тут не заладилось что-то, женщина явно не хотела настраиваться на тот тон, который ей предлагал Рыбак, – что-то суровое, злое и сварливое послышалось в ее голосе.

Он пока смолчал, а она тем временем расстегнула старенький латаный тулупчик, стащила с головы платок. Рыбак пристально вглядывался в нее – сваленные, нечесанные волосы, запыленные мочки ушей, утомленное, какое-то серое, не очень еще и пожилое лицо с сетью ранних морщин возле рта красноречиво свидетельствовали о непреходящей горечи ее трудовой жизни.

– Какая еще надобность? – Она бросила платок на шест возле печи, опять повела взглядом на конец стола с миской. – Хлеба? Сала? Или, может, яиц на яичницу захотелось?

– Мы не немцы, – сдержанно сказал Рыбак.

– А кто же вы? Может, красные армейцы? Так красные армейцы на фронте воюют, а вы только по зауглам шастаете. Да еще подавай вам бульбочки, огурчиков... Гэлька, возьми Леника! – крикнула она старшей, а сама, не раздеваясь, на скорую руку начала прибирать возле печи: горшки – на загнетку, ведро – к порогу, веник – в угол.

За столом начал настойчиво кашлять Сотников, она покосилась на него, нахмурилась, но промолчала; продолжая убирать, задернула грязную занавеску над лазом в подпечье. Рыбак поднялся, сознавая, что допустил ошибку: видимо, обращаться с ней надо было поосторожнее, с этой сварливой, раздраженной бабой.

– Напрасно, тетка. Мы к вам по-хорошему, а вы ругаться.

– Я разве ругаюсь? Если бы я ругалась, вашей бы и ноги здесь не было. Цыц вы, холеры! Вас еще не хватало! – прикрикнула она на детей. – Гэля, возьми Леника, сказала! Леник, побую!

– А я, мамка, палтизанов смотлеть хочу.

– Я тебе посмотрю! – с угрозой топнула она к перегородке, и дети исчезли. – Партизаны!

Рыбак внимательно наблюдал за ней, размышляя: отчего бы ей быть такой злой, этой Демчихе? В голове его возникали самые различные на этот счет предположения: жена полица, какая-нибудь родня здешнего старосты или, может, чем-либо обиженная при Советской власти? Но, поразмыслив, он отбросил все эти домыслы, явно не вязавшиеся с нищенским видом этой женщины.

– А где твой Демка? – вдруг спросил Рыбак.

Она выпрямилась и как-то настороженно, почти испуганно взглянула на него:

– А вы откуда знаете Демку?

– Знаем.

– Чего ж тогда спрашиваете? Разве теперь бабы знают, где их мужики? Побросали, вот и живи как хочешь.

Она взяла с порога веник и начала заметать возле печи. Все ее размашистые движения свидетельствовали о крайнем нерасположении к этим непрошеным гостям. Рыбак все думал, не зная, как наконец подступить к Демчихе с тем главным разговором, ради которого он дожидался ее.

– Тут, видишь ли, тетка, товарищ того...

Она разогнулась, подозрительно взглянула на Сотникова в углу. Тот двинулся, попытался встать и заметно подавил стон. Демчиха на минуту замерла с веником в руках. Рыбак поднялся со скамьи.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Вот видишь, плохо ему, – сказал он.

Сотников минуту корчился от боли в ноге, обеими руками держась за колено и сжимая зубы, чтобы не застонать.

– Черт, присохла, наверно.

– А ты не дергайся. Лежи. Тебя же не гонят.

Пока Рыбак устраивал на скамье его ногу, Демчиха все хмурилась, но мало-помалу резковатое выражение на ее лице стало смягчаться.

– Подложить что-нибудь надо, – сказала она и пошла за перегородку, откуда вынесла старую, с вылезшими клочьями серой ваты, измятую телогрейку. – На, все мягче будет.

«Так, – мысленно отметил Рыбак. – Это другое дело. Может, еще подбреет эта злая баба». Сотников приподнялся, она сунула телогрейку под его голову, и он, покашливая, тут же опустилс я снова. Дыхание его по-прежнему было частым и трудным.

– Большой, – уже другим тоном, спокойнее сказала Демчиха. – Жар, видно. Вон как горит!

– Пройдет – отмахнулся рукой Рыбак. – Ничего страшного.

– Ну конечно, вам все не страшно, – начала сердиться хозяйка. – И стреляют вас – не страшно. И что мать где-то убивается – ничего. А нам... Зелья надо сварить, напиток, вспотеть. А то вон кладбище рядом.

– Кладбище – не самое худшее, – кашляя, сказал Сотников.

Он как-то нехорошо оживился после короткого забытья, наверно, от температуры резко покраснелись щеки, в глазах появился лихорадочный блеск, неестественная порывистость сквозила в его движениях.

– Что же еще может быть хуже? – допытывалась Демчиха, убирая со стола миски. – Наверно ж, в пекло не верите?

– Мы в рай верим, – шутливо бросил Рыбак.

– Дождетесь рая, а как же.

Забрякав заслонкой, хозяйка полезла в печь, задвигала там чугунками. Однако похоже было на то, что она уже успокоилась, даже подобрела. Рыбак чувствовал это и думал, что, может, как-либо все еще устроится.

– Нам бы теплой водички – рану обмыть. Ранили его, тетка.

– Да уж вижу. Не собака укусила. Вон всю ночь под Старосельем бахали, – как бы невзначай сообщила она, опершись на ухват. – Говорят, одного полица я подстрелили.

– Полицая?

– Ну.

– А кто сказал?

– Бабы говорили.

– Ну, если бабы, то верно, – улыбнулся на конце скамейки Рыбак. – Они все знают.

Демчиха сердито оглянулась от печи.

– А что, нет? Бабы-то знают. А вы вот не знаете. Если бы знали – не спрашивали.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Она подала им воду в чугунке и направилась за занавеску к детям.

– Ну, вы уж сами. А то не хватало мне еще вам портки снимать.

– Ладно, ладно, – согласился Рыбак и ступил к Сотникову. – Давай бурок снимем.

Сотников сжал зубы, вцепился руками в скамью, и Рыбак с усилием стащил с его ноги мокрый, окровавленный бурок. Дальше надо было снять брюки, и Сотников, поморщившись, выжал:

– Я сам.

Видать по всему, ему было мучительно больно, и все же, расстегнув, он сдвинул до коленей также окровавленные штаны. Среди подсохших кровавых подтеков на теле Рыбак увидел наконец рану. Она оказалась совсем небольшой, подпухшей, с синеватым ободком-вокруг и с виду вовсе не страшной – типичной пулевой раной, которая еще чуть-чуть кровоточила. С другой стороны бедра выхода не было, что значило: пуля застряла в ноге. Это уже было похуже.

– Да, слепое, – озабоченно сказал Рыбак. – Придется доставать.

– Ладно, ты же не достанешь, – начал раздражаться Сотников. – Так завязывай, чего разглядывать.

– Ничего, что-то придумаем. Хозяюшка, может, и перевязать чем найдется? – громче спросил Рыбак, а сам мокрым полотенцем начал отирать с тела подсохшую кровь.

Нога Сотникова болезненно вздрагивала, тот, однако, напрягался и терпел, и Рыбак подумал, что, в общем, ранение не слишком тяжелое, если только пуля не задела кости. Если пулю извлечь, то за месяц все зарастет. Куда важнее было этот месяц где-то перепрятаться, чтобы не попасть к немцам.

Вскоре Демчиха появилась в дверях с чистым полотняным обрывком в руках, и Сотников стеснительно съежился.

– Не бойтесь! Натяните вот, перевязывайте, чем нашла.

Все время, пока Рыбак бинтовал бедро, Сотников, сжимая зубы, подавлял стон и, как только все было окончено, пластом свалился на скамью. Рыбак сполоснул в чугунке руки.

– Ну вот операция и закончена. Хозяюшка!

– Вижу, не слепая, – сказала Демчиха, появляясь в дверях.

– А что дальше – вот загвоздка. – Рыбак с очевидной заботой сдвинул на затылок шапку и вопросительно посмотрел на женщину.

– А я разве знаю, что у вас дальше?

– Идти он не может – факт.

– Сюда же пришел.

Наверно, она что-то почувствовала в его дальнем намеке, и они пристально и настороженно посмотрели друг другу в глаза. И эти их недолгие взгляды сказали больше, чем их слова. Рыбак снова ощутил в себе неуверенность – что и говорить: слишком тяжел был тот груз, который он собирался переложить на плечи этой вот женщины. Впрочем, она, видать, не хуже его понимала, какому подвергалась риску, если бы согласилась с ним, и потому решила стоять на своем.

В довольно беглом, до сих пор ни к чему не обязывающем разговоре наступила заминка. Сотников выжидательно притих на скамье, а Рыбак озабоченно взглянул в окно.

– Немцы!

Как ужаленный он отпрянул к порогу, за какую-то долю секунды все же успев

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru схватить взглядом нескольких вооруженных людей, стоящих на кладбище. Они именно стояли, а не шли, хотя он даже не понял, куда были обращены их лица, – он только увидел их силуэты с торчащими из-за спин стволами винтовок.

Сотников поднялся в углу, зашарил возле себя рукой, стараясь схватить оружие. Хозяйка как стояла, так и замерла, кровь разом отхлынула от ее лица, вдруг ставшего совершенно серым. Рыбак сначала бросился к двери, но тут же вернулся, чтобы еще раз взглянуть в окно.

– Идут! Трое сюда идут!

Действительно, трое с кладбища не спеша шли вниз к стежке, как раз, наверно, по их недавним следам. Как только Рыбак увидел это, внутри в нем все сжалось в щемящем предчувствии беды. Никогда он не пугался так, даже сегодняшней ночью в поле. Казалось, самым разумным теперь было бежать, но он бросил взгляд на скорченного на скамье Сотникова, сжимавшего в руке винтовку, и остановился. Бежать было нельзя. Демчиха, наверно, также поняла это и вдруг затвердила паническим шепотом:

– На чердак! На чердак! Лезьте на чердак!

Ну, разумеется, на чердак, где же еще можно спрятаться в крестьянской избе. Они сунулись в темноватые сени, в углу которых чернел квадратный лаз на чердак, но лестницы под ним не было, и Рыбак вскочил на каменные круги жерновов. Там он перебросил на чердак винтовку и оглянулся.

– Давай твою!

Сотников, расставив руки, перебирался через порог, Демчиха поддерживала его. Он подал винтовку, и Рыбак также сунул ее в темную дыру чердака. Затем, едва не опрокинув жернова, втащил на них Сотникова. Верхнее бревно отсюда было еще высоко, но Рыбак все-таки дотянулся до него и, гремя по стене сапогами, как-то взобрался наверх. Тут же ухватил за протянутые руки Сотникова. Демчиха все время усердно, хотя и не в лад, помогала снизу; Сотников ослабело карабкался, напрягаясь из последних сил, и наконец перевалился через верхнее бревно стены.

– Там пакля! За паклю лезьте! – подсказывала снизу хозяйка.

Рыбак пробежал по мягкой чердачной засыпке. Тут, как и в сенях, господствовал полумрак, хотя из-под крыши и сквозь маленькое слуховое окошко во фронтоне пробивалось немного света, в котором был виден широкий столб кирпичной трубы, какие-то обноски на длинном шесте, сломанная прялка внизу. Поодаль под крышей он рассмотрел порядочный ворох пакли.

– Сюда давай!

Сотников, подобрав винтовку, на четвереньках подался под скос крыши в угол, куда указал Рыбак, и тот, поддев сапогом, навалил на него ворох пакли. Потом и сам затиснулся под крышу за спину товарища.

Замерев, они лежали, едва справляясь с дыханием. В нос шибало резким пеньковым запахом, костра из пакли обсыпала лицо и колосась за воротником. Напрягая слух, Рыбак старался понять, шли немцы по их следам или так просто направлялись в деревню. Если по следам, то, разумеется, будут искать. Тогда вряд ли им тут сидеться. В груди Сотникова громко хрипело, это мешало слушать, и все же они старались не пропустить ни одного звука снаружи. Голоса раздавались уже так близко, что Рыбака охватила оторопь: немцы заговорили с Демчихой.

– Привет, фрава! Как жисть?

Оказывается, это были полицаи, Рыбак узнал их с первого слова. Не останавливаясь, они прошагали по двору, кажется направляясь к двери. Демчиха почему-то молчала, и Рыбак весь напрягся, страстно желая, чтобы они прошли мимо.

– Что молчишь? Зови в гости, – глуховато донеслось снизу.

– Пусть вас на кладбище зовут, таких гостей, – был им ответ.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru «Э, не надо так, – с сожалением пронеслось в голове у Рыбака. – Зачем задираться!» Чутко вслушиваясь, он почти со страхом переживал грубые слова хозяйки и очень опасался, что та каким-нибудь неосторожным словом разозлит их, и тогда не миновать беды.

– Ого! Ты что, недовольна?

– Довольна. Радуюсь, а как же!

– То-то! Водка есть!

– А у меня лавка, что ли??

– Тогда гони пару колбас!

– Еще чего захотели! Из кошки я их вам наделаю? Подсвинка забрали, а теперь колбас им!

– Вот как ты нас встречаешь! – ехидно заскрипел другой голос. – Партизан так, наверно, сметанкой кормила бы.

– Мои дети полгода сметаны не видели.

– А мы сейчас это дело проверим!

Ну конечно, нельзя было так задиристо обращаться с ними, вот они и не прошли мимо – их тяжелые шаги затопали уже в сенях. Но, кажется, дверь в избу еще не открывали, и Рыбак похолодел от неожиданного и такого естественного теперь предположения: а вдруг полезут на чердак за колбасами? Но нет, пока что стучали в сенях, наверно, откинули крышку сундука, что-то там упало и с громким жестяным стуком покатилося на пол. Боясь шевельнуться, Рыбак тихо лежал, вперив глаза в сухое, почерневшее стропило, и думал: нет, пришли не за ними. Ищут продукты – обычный полицейский промысел в деревне, а на кладбище, по всей вероятности, пост-засада – будут караулить дорогу.

Они все еще шарили в сенях, как Сотников рядом неестественно напрягся, в груди у него что-то ужасающе всхлипнуло, и Рыбак почти обмер в испуге – показалось, закашляет. Но он не закашлял, как-то сдержался, притих, а они там, внизу, уже стукнули дверь, и вскоре их голоса приглушенно зазвучали в избе.

– Где хозяин? В Московщине?

– А мне откуда знать?

– Не знаешь? Тогда мы знаем. Стась, где ее мужик?

– В Москву, наверно, подался.

– О, сука, скрывает! А ну врежь ей!

– А-яй! Гады вы! – дико закричала Демчиха. – Чтоб вам околеть до вечера! Чтоб вам глаза ворон повыклеывал! Чтоб вы детей своих не увидели!..

– Ах вот как! Стась!

В избе испуганно заверещала детвора, вскрикнула и умолкла девочка. И вдруг из напряженной груди Сотникова пушечным выстрелом грохнул кашель. У Рыбака как будто оборвалось что внутри, руки под паклей сами рванулись к Сотникову, но тот кашлянул снова. В избе все враз смолкли, будто выскочили из нее. Рыбак с невероятной силой зажимал Сотникову рот, и тот мучительно давился в неумных потугах. Но, видимо, было поздно – их уже услышали.

– Кто там? – наконец прозвучало внизу.

– А никто. Кошка там у меня простуженная, ну и кашляет, – слышно было, перестав плакать, испуганно заговорила Демчиха.

Но ее не слишком уверенный голос, наверно, не убедил полицейских.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Стась! – властно скомандовал громкий свирепый бас.

Рыбак на выдохе задержал дыхание, с необыкновенной ясностью сознавая, что все пропало. Наверно, надо было защищаться, стрелять, пусть бы погибли и эти наемники, но неизвестно откуда явилась последняя надежда на чудо, подумалось: а вдруг пронесет!

От удара двери о стену задрожала изба, полицаи с грохотом потревоженного стада ринулись в сени, наружная дверь распахнулась, на чердаке под крышей вдруг стало светлее. Невидящим взглядом Рыбак уставился в черное ребро стропила, за которым торчал в соломе старый поржавленный серп. Несколько проникших на чердак теней, скрещиваясь, заматались по соломенной изнанке крыши.

– Лестницу! Лестницу давайте! – громким басом командовал внизу полицаи.

– Нету лестницы, никого там нету, чего вы прицепились? – снова заплакала Демчиха.

Стук, удар в стену, скрежет сапог по бревнам и совсем близко – задыхающийся голос:

– Так темно там. Ни черта не видать.

– Что не видать? Лезь, я приказываю, туды-т твою мать!

– Эй, кто тут? Вылазь, а то гранатой влуплю! – раздалось почему-то под самой крышей.

Но шагов по потолку еще не было слышно – наверно, полицаи все-таки не решался перелезть стену.

– Так он тебе и вылезет! – гудел снизу командирский бас. – Заначка там есть какая?

– Есть. Сено будто.

– Пырни винтовкой.

– Так не достану.

– От, идрит твою муттер! Тоже вояка! На автомат! Автоматом чесани!

«Это уже все, точка», – сказал себе Рыбак, почти физически ощущая, как его тело вот-вот разнесет в клочья горячая автоматная очередь. Стараясь использовать последние секунды, он мысленно метался в поисках выхода, но абсолютно нигде не находил его: так ловко попались они в эту ловушку. Наверно, все уже было кончено, надо было вставать, и вдруг ему захотелось, чтобы первым поднялся Сотников. Все-таки он ранен и болен, к тому же именно он кашлем выдал обоих, ему куда с большим основанием годилось сдаваться в плен. Но Сотников лежал будто неживой, выгнулся, напрягся всем телом, похоже даже перестал и дышать.

– Ах, не лезешь!

Под крышей раздался сухой металлический щелчок – слишком хорошо знакомый Рыбаку звук автоматного затвора, сдвинутого на боевой взвод. Дальше должно было последовать то самое худшее, за чем ничего уж не следует. Только какая-нибудь секунда отделяла их от этого последнего мига между жизнью и смертью, но и тогда Сотников не шевельнулся, не кашлянул даже. И Рыбак, в последний раз ужаснувшись, отбросил ногами паклю.

– Руки вверх! – взвопил полицаи.

Рыбак поднялся, с опаской подумав, как бы тот сдуру не всадил в него очередь. На четвереньках он выполз из-под крыши и встал. Над бревном у лаза настороженно и опасливо застыла голова в кубанке, рядом торчал направленный на него ствол автомата. Теперь самым страшным для Рыбака был этот ствол – он решал все. Искося, но очень пристально поглядывая на него, Рыбак поднял руки. Очереди пока

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru что не было, гибель как будто откладывалась, это было главное, а остальное для него уже не имело значения.

– А, попались, голубчики, в душу вашу мать! – ласковой бранью приветствовал их полицей, взбираясь на чердак.

Глава десятая

Откуда-то притащили лестницу, на чердак влезли все трое, перерыли в углах, перетрясли паклю, забрали винтовки. Пока двое занимались обыском, пленные под автоматом третьего стояли в стороне у дымохода.

Сотников, поджав босую ногу, прислонился к дымоходу и кашлял. Теперь уже можно было не сдерживаться и накашляться вдоволь. Как ни странно, но он не испугался полицей, не очень боялся, что могут убить, – его оглушило сознание невольной своей оплошности, и он мучительно переживал оттого, что так подвел Рыбака да и Демчиху. Готов был провалиться сквозь землю, только бы избежать встречи с Демчихой, имевшей все основания выдрать обоим глаза за все то, на что они обрекали ее. И он в отчаянии думал, что напрасно они отзывались, пусть бы полицей стреляли – погибли бы, но только вдвоем.

С грубыми окриками их толкнули к лестнице вниз, где возле раскрытой двери в избе всхлипывала Демчиха и за перегородкой испуганно плакал малой. Рыбак слез по лестнице скоро, а Сотников замешкался, сползая на одних руках, и тот старший полицей – плечистый мужик угрюмого бандитского вида, одетый в черную железнодорожную шинель, – так хватил его за плечо, что он вместе с лестницей полетел через жернова наземь. Правда, он не очень ударился, только сильно потревожил ногу – в глазах потемнело, захолонулось дыхание, и он не сразу, ослабело начал подниматься с пола.

– Что вы делаете, злодеи! Он же ранен, али вы ослепли! Людоеды вы! – закричала Демчиха.

Старший полицей важно повернулся к другому, в кубанке.

– Стась!

Тот, видно, уже знал, что от него требовалось, – выдернул из винтовки шомпол и со свистом протянул им по спине женщины.

– Ой!

– Сволочь! – теряя самообладание, сипато выкрикнул Сотников. – За что? Женщину-то за что?

Взрыв гнева, однако, вернул часть его сил, Сотников как-то вскарабкался под стеной и, весь трясясь, повернулся к Стасю. В этот момент он не подумал даже, что его крик может оказаться последним, что полицей может пристрелить его. Он не мог не вступить за эту несчастную Демчиху, перед которой оказался безмерно виноват сам. Однако ловкий на подхвате Стась, видно, не собирался пока стрелять, он только ухмыльнулся в ответ и точным, заученным движением вдел шомпол в винтовку.

– Будет знать за что!

Сотников понемногу совладал с собой, справился с дыханием и начал успокаиваться. Все было просто и слишком обычно. Если не пристрелят сразу, начнутся допросы и пытки, которые, конечно же, закончатся смертью. На какое-нибудь спасение он уже не рассчитывал.

В сенях их обыскали: выгребли из карманов скудные пожитки, патроны, ремнями супонями туго скрутили руки – Рыбаку сзади, а Сотникову спереди – и усадили на шершавый глиняный пол. Затем старший пошел в избу к Демчихе, а другой, которого звали Стасем, остался на пороге их караулить.

Морозный воздух сеней обжигал больную грудь Сотникова, в голове у него тошнотворно кружилось, пощипывало на стуже примороженные уши – пилотку он потерял где-то, наверное на чердаке, и теперь сидел с всклокоченной непокрытой

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru головой. Мерзла и потому еще больше болела раненая нога. Колено распухло, он с трудом сгибал его, босая стопа отекала и сделалась багрово-синей. Наверно, надо было попросить принести бурок, но он, представив, как больно будет надеть его, решил: черт с ним! Теперь уж все равно – пусть отмерзает нога, скоро она будет не нужна. Сидя на полу и все кашляя, он поглядывал на конвоира – молодого, ловкого парня в черной форсистой кубанке: на его красивом, с породистым носом лице порой мелькала живая, неожиданно человеческая улыбка. За этой улыбкой чудилось что-то по-молодому прямодушное и даже знакомое, солдатское, что ли, – может, потому, что тот был в армейском бушлате и справных хромовых сапожках, в которые были заправлены черные штатские брюки. На одном плече он держал на ремне винтовку, другим прислонялся к косяку и, поплеывая белой шелухой тыквенных семечек, поглядывал куда-то на улицу – ждал транспорт. Но транспорта пока не было, и он, недолго потоптавшись, уселся на пороге, зажав между ног винтовку. С малого расстояния пристально и как будто беззлобно, скорее насмешливо, осмотрел обоих.

– За паклю залезли, ха! Как тараканы!

Рыбак взглянул на него и снова опустил голову.

– А теперь вас помогут-побанят и того, мало-мало подвешат. Посушиться, ха-ха! – засмеялся полицай так добродушно и естественно, что Сотников невольно подумал: «Веселый, однако, малый!» Но смех этого малого как-то враз оборвался, и уже совершенно другим тоном полицай разразился матом: – Такие-сякие немазанные! Ходоронка убили? За Ходоронка мы вам разматываем кишки!

– Не знаем мы никакого Ходоронка, – уныло сказал Рыбак.

– Ах не знаете? Может, это не вы ночью стреляли?

– Мы не стреляли.

– Вы или не вы, а ребра ломать вам будем. Поняли?

Стась посерьезнел, глаза его угрожающе похолодели, и все то человеческое, что молодой добротой лежало на его лице, как-то сразу исчезло, уступив место злой, бездушной решимости.

Рыбак негромко спросил:

– В армии служил?

– В какой армии?

– Красной хотя бы.

– С... я хотел на вашу армию, понял? – вдруг еще пуще выверился полицай, по-страшному округляя свои выразительные глаза. Затем его лицо как-то постепенно преобразилось, смягчаясь, и на нем появилась все та же подкупающая улыбка. Отставив в сторону ногу, он подошвой сапога размеренно пошлепал по земляному полу сеней.

– А бушлат?

– Ах, бушлат! У одного жидка комиссара взял. Тому не понадобится, – сказал полицай и, продолжительно посмотрев на Рыбака, спокойно добавил: – Твой полушубочек тоже приберем. Будила возьмет, его очередь. Вот так. Понял?

– А не подавитесь? – едва сдерживаясь, тихо сказал Сотников.

Стась вскинул голову.

– Что?

– Не подавитесь, говорю? Полушубочками, и вообще?

– Это зачем нам давиться? За нас Германия, понял, ты, чмур? А вот вам точно – капут! Будьте уверены, в бога душу мать! – свирепо закончил Стась.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Что ж, и это было просто и понятно, на другое нечего было и рассчитывать. Рыбак сделался унылым, опустил голову. Сотников, полулежа на боку, осторожно попробовал шевельнуться – деревенело бедро, узкая сыромятная супонь резала кисти рук.

Наконец полицай пригнал двое саней, одни остались на улице, а другие со скрипом и лошадиным топотом подъехали под самое крыльцо. Стась поднялся с порога. Первым он втолкнул в розвальни Рыбака, затем сильным рывком за ворот поднял с земли Сотникова. Кое-как Сотников добрался до саней и упал на сено возле товарища; сзади в розвальни влез полицай. Возчик – староватый, напуганный дядька в рваном тулупе – осторожно приткнулся в передке. Замерзшую босую ногу Сотников, преодолевая боль, подтянул под полу шинели. Ему опять становилось скверно, казалось, сознание вот-вот оставит его, огромным усилием он преодолевал немощь и боль.

Из избы почему-то не возвращался старший полицай, за ним пошел тот, что пригнал сюда сани. Вскоре оттуда послышались голоса и плач Демчихи. Сотников с тревогой вслушивался – оставят ее или нет? Минуту, похоже было, там что-то искали: постукивала о перекладину лестница, плакали дети, а затем отчаянно, запричитала Демчиха:

– Что вы надумали, сволочи? Чтоб вам до воскресенья не дожить! Чтоб вы своих матерей не увидели!

– Ну-ну! Живо, сказано, живо!

– На кого я детей оставляю? Гады вы немилосердные!..

– Живо!

Сотников взглянул на Рыбака, сидевшего к нему боком; заросшее щетиной лицо того скривилось в страдальческой гримасе. Было от чего.

По той самой тропинке, возле ограды, они выехали на дорогу и свернули за кладбище. Сотников втянул голову в поднятый ворот шинели, слегка прислонился плечом к овчинной спине Рыбака и беспомощно закрыл глаза. Розвальни дергались под ними, полозья то и дело заносило в стороны. Стась, слышно было, все грыз свои семечки. Видимо, их везли в полицию или в СД. Значит, спокойного времени осталось немного, надо было собраться с силами и подготовиться к худшему. Разумеется, они им правды не скажут, хотя того, что пришли из леса, по-видимому, скрыть не удастся. Но только бы выгородить Демчиху. Бедная тетка! Бежала домой и не думала, не гадала, что ее ждало там. Сейчас она что-то кричала сзади, ругалась и плакала, свирепый полицай выверялся на нее отборным, бесстыжим матом. Но и Демчиха старалась не остаться в долгу.

– Звери! Немецкие ублюдки! Куда вы меня везете? Там дети! Деточки мои родненькие, золотенькие мои! Гэлечка моя, как же ты будешь?!

– Надо было раньше о том думать.

– Ах ты погань несчастная! Ты меня еще упрекаешь, запроданец немецкий! Что я сделала вам?

– Бандитов укрывала.

– Это вы бандиты, а те как люди: зашли и вышли. Откуда мне знать, что они на чердак залезли? Что я, своим детям враг? Гады вы! Фашисты проклятые!

– Молчать! А то кляп всажу!

– Чтоб тебя самого на кол посадили, гад ты!

– Так! Стась, стой! – послышалось с задних саней, и они остановились, не доезжая двух тонких березок, стывших в кусте за канавой.

Рыбак и возчик обернулись, а Сотников весь съежился в ожидании чего-то устрашающе-зверского. И действительно, Демчиха вскоре закричала, забилась в

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru розвальнях. Скрипнул хомут, и даже лошадь беспокойно переступила на снегу. Потом все стихло. Стась было соскочил с розвальней, но скоро опять удовлетворенно завалился на свое место.

– Хе! Рукавицу в глотку – не кричи, бешеная баба.

Сотников с усилием повернул голову и очутился лицом к лицу с конвоиром:

– Палачи! Истязатели!

– Ты, заступник! Отверни нюхалку, а то красную жижу спущу! – заорал Стась, сделав страшное выражение лица.

Но Сотников уже знал, с кем имеет дело, и с полным безразличием отнесся к этой его угрозе.

– Попробуй, гад!

– Ха, пробовать! Да знаешь, я тебя сейчас шпокну и отвечать не буду. Это тебе не Советы!

– Шпокни, пожалуйста!

– А то слабо? – Полицай в показной решимости схватился за винтовку, но лишь ткнул его стволом в грудь и выругался.

Сотников не моргнул даже – он не боялся этого выродка. Он знал, что на его вызывающее хамство надо отвечать точно таким же хамством – эти люди понимали только такое обхождение.

– Женщина ни при чем, запомни, – сказал он с расчетом на Рыбака, намекая тем, как надо отвечать на допросах. – Мы без нее залезли на чердак.

– Будешь бабке сказки сказывать, – закивал головой Стась и опустил винтовку. – Небось Будила из тебя дурь выбьет. Подожди!

– Плевать мы хотели на твоего Будилу!

– Скоро поплюешь! Кровью похаркаешь!

«Какого черта он задирается?» – раздраженно думал Рыбак, слушая злую перебранку Сотникова с полицаем.

Их везли дорогой, которой утром они тащились в деревню, только теперь поле не казалось ему таким длинным и уныло равнинным, лошадка бодро перебирала ногами, постегивая по саням жестким на морозе хвостом. Рыбак с растущей досадой думал, что едут они слишком уж быстро, ему изо всех сил хотелось замедлить езду. Чувствовала его душа, что это последние часы на свободе, с которыми быстро убывала возможность спастись – больше такой не будет. Он проклинал себя за неосмотрительность, за то, что так глупо забрался на тот проклятый чердак, что за километр не обошел той крайней избы – мало ему было науки не соваться в крайнюю, куда всегда лезли и немцы. Он не мог простить себе, что так необдуманно забрел в эту злосчастную деревню – лучше бы передневали где-либо в кустарнике. Да и вообще с самого начала этого задания все пошло не так, все наперекос, когда уже трудно было надеяться на удачный конец. Но того, что случилось, просто невозможно было представить.

И все из-за Сотникова. Досада на товарища, которая все время пробивалась в Рыбаке и которую он усилием воли до сих пор заглушал в себе, все больше завладевала его чувствами. Рыбак уже отчетливо сознавал, что, если бы не Сотников, не его простуда, а затем и ранение, они наверняка добрались бы до леса. Во всяком случае, полицаи бы их не взяли. У них были винтовки – можно было постоять за себя. Но если уж ты дал загнать себя на чердак, а в избе куча детишек, тогда и с винтовкой не шибко развернешься.

Рыбак коротко про себя выругался с досады, живо представив, как нетерпеливо их ждут в лесу, наверно, давно уже подобрали последние крохи из карманов и теперь думают, что они гонят корову и потому так задерживаются. Конечно, можно бы и

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru корову. Можно бы даже две. Разве он приходил когда-либо с пустыми руками – всегда находил, доставал, выменивал. Достал бы и сейчас. Если бы не Сотников.

С Сотниковым он сошелся случайно неделю или дней десять назад, когда, вырвавшись из Борковского леса, отряд переходил шоссе. Там они тоже запоздали, вышли к дороге по-светлому и столкнулись с немецкой автоколонной. Немцы открыли огонь и, спешившись, начали их преследовать. Чтобы оторваться от фашистов, командир оставил заслон – его, Сотникова и еще одного партизана по фамилии Гастинович. Но долго ли могут устоять трое перед несколькими десятками вооруженных пулеметами немцев? Очень скоро они стали пятиться, слабо отстреливаясь из винтовок, а немецкий огонь все усиливался, и Рыбак подумал: хана! Как на беду, придорожный лесок кончался, сзади раскинулось огромное снежное поле с кудрявым сосняком вдали, куда торопливо втягивались потрепанные остатки их небольшого отряда. Мудрено было уцелеть на том поле под огнем двух десятков немцев, и Рыбак с Гастиновичем, нерасторопным пожилым партизаном из местных, короткими перебежками припустили по полю. Сотников же открыл такой частый и мелкий огонь по немцам, что те по одному начали залегать в снегу. Наверно, он подстрелил нескольких фрицев. Они же с Гастиновичем тем временем добежали до кучи камней в поле и, укрывшись за ними, тоже начали стрелять по кустарнику.

Минут пять они торопливо били туда из винтовок, тем самым давая возможность отбежать и Сотникову. Под автоматным огнем тому как-то удалось проскочить самый опасный участок, добежать до камней, и, только упав, он погнал их дальше. Хорошо, что патронов тогда хватало, Сотников вскоре подстрелил еще одного не в меру прыткого автоматчика, выскочившего впереди других и густо сыпавшего по полю трассирующими очередями; у остальных, наверно, поубавилось прыти, и они стали сдерживать бег. Тем не менее какая-то пуля все-таки настигла Гастиновича, который как-то странно сел на снегу и повалился на бок. К нему бросился Сотников, но помощь тому уже была без надобности, и Сотников с винтовкой убитого пустился догонять Рыбака.

Оставшись вдвоем, они залегли за небольшим холмиком, тут было безопаснее, отдышавшись, можно было бежать дальше. Но вдруг Рыбак вспомнил, что у Гастиновича в сумке осталась горбушка хлеба, которой тот разжился вчера на хуторе. Всю неделю они голодали, и эта горбушка так завладела его вниманием, что Рыбак, недолго поколебавшись, пополз к убитому. Сотников выдвинулся повыше и опять взял под обстрел немцев, прикрывая тем Рыбака, благополучно проползшего сотню метров, отдавшую их от Гастиновича. Они тут же разломали горбушку и, пока догоняли своих, съели ее.

Тогда все обошлось, отряд осел в Горелом болоте, и они с Сотниковым, хотя еще мало что знали друг о друге, стали держаться вместе – рядом спали, ели из одного котелка и, может, потому вместе попали на это задание.

Но теперь конец, это точно. Неважно, что они не отстреливались – все-таки их взяли с оружием, и этого было достаточно, чтобы расстрелять обоих. Конечно, ни на что другое Рыбак и не рассчитывал, когда вставал из-за пакли, но все же...

Он хотел жить! Он еще и теперь не терял надежды, каждую секунду ждал случая, чтобы обойти судьбу и спастись. Сотников уже не имел для него большого значения. Оказавшись в плену, бывший комбат освобождал его от всех прежних по отношению к себе обязательств. Теперь лишь бы повезло, и совесть Рыбака перед ним была бы чистой – не мог же он в таких обстоятельствах спасти еще и раненого. И он все шарил глазами вокруг с той самой минуты, как поднял руки: на чердаке, потом в сенях, все ловил момент, чтобы убежать. Но там убежать не было никакой возможности, а потом им связали руки, – сколько он незаметно ни выкручивал их из петли, ничего не получалось. И он думал: проклятая супонь, неужели из-за нее придется погибнуть?

А может, стоило попытаться счастья со связанными руками? Но для этого надо было более подходящее место, не ровнядь, а какой-нибудь поворот, овражек с кустарником, какой-либо обрыв и, разумеется, лес. Тут же, на беду, было чистое поле, пригорок, затем дорога пошла низиной. Однажды попался мостик, но овражек при нем был совсем неглубокий, открытый, в таком не скроешься. Стараясь не очень вертеть головой в санях, Рыбак тем не менее все примечал вокруг, высматривая хоть сколько-нибудь подходящее для побега место, и не находил ничего. Так шло время, и чем они ближе подъезжали к местечку, тем все большая тревога, почти растерянность овладевала Рыбаком. Становилось совершенно очевидным: они пропали.

Глава одиннадцатая

В том, что они пропали, Сотников не сомневался ни на минуту. И он напряженно молчал, придавленный тяжестью вины, лежавшей на нем двойным грузом – и за Рыбака и за Демчиху. Особенно его беспокоила Демчиха. Он думал также и о своей ночной перестрелке с полицией, в которой досталось какому-то Ходоронку. Разумеется, подстрелил его Сотников.

Въезжали в местечко. Дорога шла между посадок – два ряда кривых верб с обеих сторон теснили большак, потом как-то сразу началась улица. Было уже не рано, но кое-где еще тянулись из труб дымы, в морозной дымке над заиндевевшими крышами невысоко висело холодное солнце. Впереди через улицу торопливо прошла женщина с коромыслом на плечах. Отойдя по тропке к дому, обернулась, с затаенной тревогой вглядываясь в сани с полицаями. В соседнем дворе выскочила из избы простоволосая, в галошах на босу ногу девушка, плеснула на снег помоями и, прежде чем пугливо исчезнуть в дверях, также с любопытством оглянулась на дорогу. Где-то заливалась лаем собака; бесприютно возились нахохлившиеся воробьи в голых ветвях верб. Здесь шла своя, беспокойная, трудная, но все-таки будничная жизнь, от которой давно уже отвыкли и Сотников и Рыбак.

Сани переехали мостик и возле деревянного с мезонином дома свернули на боковую улочку. Кажется, подъезжали. Как ни странно, но Сотникову хотелось скорее приехать, он мучительно озяб на ветру в поле; селение, как всегда, сулило кров и пристанище, хотя на этот раз пристанище, разумеется, будет без радости. Но все равно тянуло в какое-нибудь помещение, чтоб хоть немного согреться.

Еще издали Сотников увидел впереди широкие новые ворота и возле них полицаи в длинном караульном тулупе, с винтовкой под мышкой. Рядом высился прочный каменный дом, наверно, бывшая лавка или какое-нибудь учреждение, с четырьмя зарешеченными по фасаду окнами. Полицай, наверно, ждал их и, когда сани подъехали ближе, взял на ремень винтовку и широко распахнул ворота. Двое саней въехали в просторный, очищенный от снега двор, со старой, обглоданной коновязью у забора, каким-то сарайчиком, дощатой уборной в углу. На крыльце сразу же появился подтянутый малый в немецком кителе, на рукаве которого белела аккуратно разглаженная полицейская повязка.

– Привезли?

– А то как же! – хвастливо отозвался Стась. – Мы да кабы не привезли. Вот, принимай кроликов!

Он легко соскочил с саней, небрежно закинул за плечо винтовку. Вокруг был забор – отсюда уже не убежишь. Пока возчик и Рыбак выбирались из саней, Сотников осматривал дом, где, по всей вероятности, им предстояло узнать, почем фунт лиха. Прочные стены, высокое, покрытое жестью крыльцо, ступени, ведущие к двери в подвал. В одном из зарешеченных окон вместо выбитых стекол желтели куски фанеры с обрывком какой-то готической надписи. Все здесь было прибрано-убрано и являло образцовый порядок этого полицейского гнезда – сельского оплота немецкой власти. Тем временем полицаи в кителе вынул из кармана ключ и по ступенькам направился вниз, где на погребной двери виднелся огромный амбарный замок с перекладиной.

– Давай их сюда!

Уже все повставали из саней – Стась, Рыбак с возницей, – поодаль отряхивались полицаи и обреченно стояла Демчиха, при виде которой у Сотникова болезненно сжалось сердце. Со связанными за спиной руками та сгорбилась, согнулась, сползший платок смято лежал на ее затылке. Из рта нелепо торчала суконная рукавица, и полицаи, судя по всему, не спешили освободить ее от этого кляпа.

Сотникову стоило немало труда без посторонней помощи выбраться из саней – как ни повернись, болью заходила нога. Превозмогая боль, он все-таки вылез на снег и два раза прыгнул возле саней. Он намеренно подождал Демчиху и, как только та поравнялась с ним, отчужденно избегая его взгляда, поднял обе связанные вместе руки и дернул за конец рукавицы.

– Ты что? Ты что, чмур?! – взвопили сзади, и в следующее мгновение он торчмя полетел в снег, сбитый жестким ударом полицейского сапога.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Адская боль в ноге разбежалась по его телу, потемнело в глазах, он молча сцепил зубы, но не удивился и не обиделся – принял удар как заслуженный. Пока он, зайдясь в давящем кашле, медленно поднимался на одно колено, где-то рядом злобно матерился старший полицай:

– Ах ты, выродок комиссарский! Ишь заступник нашелся. Стась! А ну в штубу его! К Будиле!

Все тот же ловкий, исполнительный Стась подскочил к Сотникову, сильным рывком схватил его под руку. Сотников снова упал связанными руками на снег, но бездушная молодая сила этого полицая бесцеремонно подхватила, поволокла его дальше – на крыльцо, через порог, в дверь. Оберегая большую ногу, Сотников сильно ударился плечом о косяк. Стась одним духом протащил его по коридору, пнул ногой створку какой-то двери и сильным рывком бросил его на затоптанный, в мокрых следах пол. Сам же на прощание разрядился трехэтажным матом и с силой захлопнул дверь.

Вдруг стало тихо. Слышны были только шаги в коридоре да из-за стены приглушенно доносился размеренный, будто отчитывающий кого-то голос. Превозмогая лютую боль в ноге, Сотников поднял от пола лицо. В помещении никого больше не было, это немного озадачило, и он с внезапной надеждой глянул на окно, которое, однако, было прочно загорожено железными прутьями решетки. Нет, отсюда уже не уйдешь! Поняв это, он опустил на пол, без интереса оглядывая помещение. Комната имела обычный казенный вид, казалась неудобной и пустоватой, несмотря на застланный серым байковым одеялом стол, облезлое, просиженное кресло за ним и легонький стульчик возле печи-голландки, от черных круглых боков которой шло густое, такое приятное теперь тепло. Но сзади по полу растекалась от двери стужа. Сотников содрогнулся в ознобе и, сдерживая стон, медленно вытянулся на боку.

«Ну вот, тут все и кончится! – подумал он. – Господи, только бы выдержать!» Он почувствовал, что вплотную приблизился к своему рубежу, своей главной черте, возле которой столько ходил на войне, а сил у него было немного. И он опасался, что может не выдержать физически, поддаться, сломиться наперекор своей воле – другого он не боялся. Вдохнув теплого воздуха, он начал кашлять, как всегда, до судорожных спазмов в груди, до колотья в мозгу – самым привязчивым, «собачьим» кашлем, жестоко терзавшим его второй день. Так скверно он давно уже не кашлял, наверно, с детства, когда своей простудой причинял столько беспокойства матери, бесконечно переживавшей за его слабые легкие. Но тогда ничего не случилось, он перерос хворь и более или менее благополучно дожил до своих двадцати шести лет. А теперь что ж – теперь здоровье уже не имело для него большой ценности. Плохо только, что его хворь отнимала силы в момент, когда они были ему так нужны. За кашлем он не расслышал, как в помещение кто-то вошел, перед ним на полу появились сапоги, не очень новые, но досмотренные, с аккуратно подбитыми носками и начищенными голенищами. Сотников поднял голову.

Напротив стоял уже немолодой человек в темном гражданском пиджаке, при галстукке, повязанном на несвежую, с блеклой полоской сорочку, в военного покроя диагональных бриджах. Во взгляде его маленьких, очень пристальных глаз было что-то хозяйское, спокойное, в меру рассудительное; под носом топорщилась щеточка коротко подстриженных усиков – как у Гитлера. «Будила, что ли?» – недоуменно подумал Сотников, хотя ничего из того угрожающе зверского, что приписывалось полицаями этому человеку, в нем вроде не было. Однако чувствовалось, что это начальство, и Сотников сел немного ровнее, как позволила его все еще заходившаяся от боли нога.

– Кто это вас? Гаманюк? – спросил человек сдержанным хозяйским тоном.

– Стась ваш, – с неожиданно прорвавшейся ноткой жалобы сказал Сотников, тут же, однако, пожалев, что не выдержал независимого тона.

Начальник решительно растворил дверь в коридор:

– Гаманюка ко мне!

Кашель стал утихать, оставались лишь слабость и боль, очень неудобно было опираться о пол связанными руками. Сотников мучился, но молчал, не совсем понимая смысл явно заступнического намерения этого человека.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

В комнату ввалился тот самый Стась и с подчеркнутым подобострастием щелкнул каблуками своих щегольских сапог.

– Слушаю вас!

Хозяин комнаты нахмурил несколько великоватый для его сморщенного личика выпуклый, с залысинами лоб.

– Что такое? Почему опять грубость? Почему на пол? Почему без меня?

– Виноват! – двинул локтями и еще больше вытянулся Стась.

Но по той бездумной старательности, с которой он делал это, так же как и по бесстрастной строгости его начальника, Сотников сразу понял, что перед ним разыгрывается бездарный, рассчитанный на дурака фарс.

– Разве вас так инструктировали? Разве этому учит немецкое командование? – не дожидаясь ответа, долбил начальник полицаю своими вопросами, а тот в деланном испуге все круче выгибал грудь.

– Виноват! Больше не буду! Виноват!

– Немецкие власти обеспечивают пленным соответствующее отношение. Справедливое, гуманное отношение...

Нет, хватит! Как немецкие власти относятся к пленным, Сотников уже знал и не сдержался, чтобы не оборвать всю эту их нелепую самодеятельность.

– Напрасно стараетесь!

Полицейский резко обернулся в его сторону, видно недослышав, озабоченно нахмурил лоб.

– Что вы сказали?

– Что слышали. Развяжите руки. Я не могу так сидеть.

Полицейский еще немного помедлил, сверля его насупленным взглядом, но, кажется, понял, что опасаться не было оснований, и сунул руку в карман. Подцепив кончиком ножа ремешок супони, он одним махом перерезал ее и спрятал нож. Сотников разнял отекишие, с рубцами на запястьях руки.

– Что еще?

– Пить, – сказал Сотников.

Он решил, пока была возможность, хотя бы утолить жажду, чтобы потом уже терпеть.

Полицай кивнул Гаманюку.

– Дай воды!

Тот выскочил в коридор, а полицай обошел стол и неторопливо уселся в своем кресле. Все время он держал себя подчеркнуто сдержанно, настороженно, будто таил что-то важное и многообещающее для арестанта. Взгляд своих острых, чем-то озабоченных глаз почти не сводил с Сотникова.

– Можете сесть на стул.

Сотников кое-как поднялся с пола и боком опустил на стул, оставив в сторону ногу. Так стало удобнее, можно было терпеть. Он вздохнул, повел взглядом по стенам, глянул за печку, в угол у окна, не сразу поняв, что ищет орудия пыток – должны же они тут быть. Но, к его удивлению, ничего, чем обычно пытаются, в помещении не было видно. Между тем он чувствовал, что отношения его с этим полицаем уже перешли границу условности и, поскольку игра не удалась, предстоял разговор по существу, который, разумеется, обещал мало приятного.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Тем временем Стась Гаманюк принес большую эмалированную кружку воды, и Сотников жадно выпил ее до дна. Полицай за столом терпеливо ждал, наблюдая за каждым его движением, о чем-то все размышлял или, может, старался что-то понять.

– Ну, познакомимся, – довольно миролюбиво сказал он, когда Стась вышел. – фамилия моя Портнов. Следователь полиции.

– Моя вам ничего не скажет.

– А все-таки?

– Ну, Иванов, допустим, – сказал Сотников сквозь зубы: болела нога.

– Не возражаю. Пусть будет Иванов. Так и запишем, – согласился следователь, хотя ничего не записывал. – Из какого отряда?

Ого, так сразу и про отряд! Прежде чем что-либо ответить, Сотников помолчал. Следователь, по-прежнему буравя его взглядом, взял со стола выпачканный чернилами деревянный пресс, неопределенно повертел в руках. Сотников невидяще смотрел на его пальцы и не знал, как лучше: начать игру в поддавки или сразу отказаться от показаний, чтобы не лгать и не путаться. Тем более что в его ложь этот, наверно, не очень поверит.

– А вы думаете, я вам скажу правду?

– Скажешь! – негромко и с таким внутренним убеждением сказал следователь, что Сотникову на минуту стало не по себе, и он исподлобья вопросительно посмотрел на полицейского.

– Скажешь!

Начало не обещало ничего хорошего. На вопрос об отряде он, разумеется, отвечать не станет, но и другие, наверно, будут не легче. Следователь ждал, рассеянно играя прессом. Движения его худых, тонких пальцев были спокойно уверенными, неторопливыми, этой своей неторопливостью, однако, и выдававшие тщательно скрываемую до поры напряженность. Странно, что с виду он был так мало похож на палача-следователя, наверно имевшего на своем счету не одну загубленную жизнь, а скорее напоминал скромного, даже затрапезного сельского служащего. И в то же время было заметно, как дремлет в нем что-то коварно-вероломное, ежеминутно угрожающее арестанту. Сотников ждал, когда оно наконец прорвется, хотя и не знал, как крепки нервы этого человека и за каким вопросом следователь скинет наконец с себя маску.

– Какое имели задание? Куда шли? Как давно пособником у вас эта женщина?

– Никакой она не пособник. Мы случайно зашли к ней в избу, забрались на чердак. Ее и дома в то время не было, – спокойно объяснил Сотников.

– Ну, конечно, случайно. Так все говорят. А к лесиновскому старосте вы также зашли случайно?

Вот как! Значит, уже известно и про старосту. Хотя донес, наверно, в тот самый вечер. «Пожалели, называется, не захотели связываться», – подумал Сотников. Выходило, однако, что полицейши знали о них куда больше, чем они предполагали, и Сотников на минуту смешался. Наверно, это был рассчитанный ход в допросе. Следователь отметил достигнутый им эффект, бросил свой пресс и закурил. Потом аккуратно прибрал со стола портсигар, зажигалку, крошки табака сдул на пол и сквозь дым уставился на него, ожидая ответа.

– Да, случайно, – после паузы твердо сказал Сотников.

– Не оригинально. Вы же умный человек, а хотите выехать на такой примитивной лжи! Надо было придумать что-нибудь похитрее. Это у нас не пройдет.

Не пройдет – видимо, так. Но черт с ним! Будто он надеялся, что пройдет. Он вообще ни на что не надеялся, только жалел несчастную Демчиху, которую неизвестно как надо было выручить.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Вы можете поступить с нами как вам заблагорассудится, – сказал Сотников. – Но не примешивайте сюда женщину. Она ни при чем. Просто ее изба оказалась крайней, а я не мог идти дальше.

– Где ранен?

– В ногу.

– Я не о том. Где, в каком районе?

– В лесу. Два дня назад.

– Не пройдет, – глядя в упор, объявил следователь. – Заливаете. Не в лесу, а на большаке этой ночью.

«Черт, знает точно или, может, ловит?» – подумал Сотников. Он не знал, как следовало держаться дальше: неудачно соврешь в мелочах – не поверит и в правду. А правду о Демчихе ему очень важно было внушить этому прислужнику, хотя он и чувствовал, что внушить ее будет труднее, чем какую-нибудь явную ложь.

– А если я, например, все объясню, вы отпустите женщину? Вы можете это обещать?

Глаза следователя, вдруг вспыхнувшие злобой, кажется, пронзили его насквозь.

– Я не обязан вам ничего объяснять! Я ставлю вопросы, а вы должны на них отвечать!

«Значит, не удастся», – уныло подумал Сотников. Разумеется, из своих рук они никого уже не выпустят. Знакомый обычай! Тогда, наверно, пропала Демчиха.

– Ни за что погубите женщину. А у нее трое ребят.

– Губим не мы. Губите вы! Вы ее в банду втянули! Почему тогда не подумали о ребятах? – ошетинился следователь. – А теперь поздно. Вы знаете законы великой Германии?

«Законы! Давно ли ты сам узнал их, проклятый ублюдок? – подумал Сотников. – Недавно еще, наверное, зубрил совсем другие законы!» Однако последний вопрос полицейского прозвучал несколько двусмысленно – похоже, что Портнов не прочь был что-то переложить с себя на плечи великой Германии.

Сотников помолчал, а следователь поднялся, отодвинул кресло и прошелся к окну, сквозь решетку рассеянно посмотрел во двор, где слышались голоса полицейских. Опять он носил в себе что-то затаенное, особенно не напирал с допросом и то ли думал, как похитрее подловить его, то ли размышлял о чем-то своем, постороннем.

В коридоре тяжело затопали, послышались голоса, ругань. По всей вероятности, там кого-то вели или даже уносили. Когда толчея переместилась на крыльцо, следователь энергично отчеканил:

– Так, хватит играть в прятки! Назовите отряд! Его командира! Связных. Количественный состав. Место базирования. Только не пытайтесь лгать. Напрасное дело.

– Не много ли вы от меня хотите? – сказал Сотников.

Незаметно для себя он обратился к иронии, как обычно поступал в минуты неприятных объяснений с дураками и нахалами. Конечно, для Стася или еще кого-нибудь из этих предателей его ирония была за пределами их понимания – на этого же начальника она, кажется, действовала самым надлежащим образом. До поры тот, однако, сдерживался, только однажды криво передернул губами.

– Куда шли?

– Мы заблудились.

– Не пройдет. Ложь! Даю две минуты на размышление.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Не утруждайтесь. Наверно, у вас много работы.

Тут он угадал точно. Морщинистое личико следователя опять передернулось, но, кажется, он умел владеть собой. Он даже не повысил голоса.

– Жить хочешь?

– А что? Может, помилуете?

Сузив маленькие глазки, следователь посмотрел в окно.

– Нет, не помилуем. Бандитов мы не милуем, – сказал он и вдруг круто повернулся от окна; пепел с кончика сигареты упал и разбился о носок его сапога, кажется, его выдержка кончилась. – Расстреляем, это безусловно. Но перед тем мы из тебя сделаем котлету. Фарш сделаем из твоего молодого тела. Повытянем все жилы. Последовательно переломаем кости. А потом объявим, что ты выдал других. Чтобы о тебе там, в лесу, не шибко беспокоились.

– Не дождетесь, не выдам.

– Не выдашь ты – другой выдаст. А спишем все на тебя. Понял? Ну как?

Сотников молчал, ему становилось плохо. Лицо быстро покрывалось испариной, разом пропала вся его склонность к иронии. Он понял, что это не пустая угроза, не шантаж – они способны на все. Гитлер их освободил от совести, человечности и даже элементарной житейской морали, их звериная сила оттого, конечно, увеличилась. Он же перед ними только человек. Он обременен многими обязанностями перед людьми и страной, возможности скрывать и обманывать у него не слишком большие. Было ясно, что их средства в этой борьбе оказались не равными, преимущество было на стороне противника: все, что выставлял Сотников, с необычайной легкостью опрокидывал следователь.

Расставив ноги в обвисших на коленях бриджах, Портнов вперил в него острый, теперь уже открыто неприязненный взгляд и ждал. Сотникову было чертовски трудно, казалось, опять уходит сознание, он обливался холодным потом и мучительно подбирал слова для ответа, чувствовал: это будут последние его слова. Правая рука следователя медленно потянулась к пресс-папье на столе.

– Ну?

– Сволочи! – не найдя ничего другого, выдавил из себя Сотников.

Следователь несколько поспешнее, чем надо было, схватил пресс-папье и пристукнул им по столу, будто ставил последнюю точку в этом бескровном и тем не менее страшном допросе.

– Будилу ко мне!

В коридоре зычно раздалось: «Будилу к господину следователю!», после чего Портнов, обойдя стол, спокойно уселся в кресле. На Сотникова он уже не смотрел, будто его и не было тут. Он закурил. Сдается, его миссия была закончена, начиналось второе отделение допроса.

Внешне стараясь оставаться спокойным, Сотников весь напрягся, как только открылась дверь и на пороге появился Будила.

Вероятно, это был здешний полицейский палач – могучий, буйволородный детина с костлявым, будто лошадиная морда, лицом. Неприятно поражал весь его кретинически-свирепый вид, но особенно пугали вылезшие из рукавов большие косматые кисти рук, которыми в пору было разгибать подковы. Наверно, по установленной здесь традиции, войдя, он с порога прицелился в жертву хмурым взглядом немного косивших глаз.

– А ну!

Объятый слабостью, Сотников продолжал сидеть, отодвигая от себя что-то безусловно ужасное. Тогда Будила с многозначительной неторопливостью шагнул к стулу. Огромная ручища широко сгребла на запавшей груди Сотникова суконные борта

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru шинели, напряглась и оторвала его от стульчика.

– А ну, большевистская гнида!

Глава двенадцатая

«Достукался!» – почти зло подумал Рыбак, когда Стась на дворе схватил Сотникова и поволок его в помещение. Он думал, что следом погонят и их с Демчихой, но для них полицаи открыли двери в подвал. Прежде чем затолкать их туда, ему развязали руки, вытянули ремешок из брюк. Демчиху же оставили со связанными руками и кляпом во рту.

– Давай вниз! Быстро!

В подвале царил тьма, или, может, Рыбаку так показалось после дневного света на улице. Сначала они очутились в каком-то сыром коридорчике, шедший впереди полицай загремел железным запором, и Рыбак, наткнувшись на спину Демчихи, остановился, потирая набрякшие зудом кисти.

– Марш, марш! Чего стал? – подтолкнул его тот, что шел сзади: оказывается, перед ним уже отворилась новая дверь в темноту.

Делать было нечего, Рыбак протиснулся между полицаем и Демчихой, опасливо вогнул голову и очутился за порогом какой-то затхлой каморки. Минуту он ничего не мог рассмотреть тут, маленькое окошко вверху слепо светило на потолок, внизу же было темно. В нос ударило чем-то прокисшим, несвежим, совершенно невозможным для дыхания, и он остановился, не зная, куда ступить дальше.

Сзади тем временем лязгнул засов, Демчиха осталась с полицаями, которые повели ее дальше. Из-за двери доносился их удаляющийся, деловой разговор.

– А бабу куда? В угловую?

– Давай в угловую.

– Что-то пусто сегодня?

– Немцы вчера разгрузили. Одна жидовка где-то сидит.

Несколько пообвыкнув в темноте, Рыбак рассмотрел в углу человека. Занятый чем-то своим, тот сосредоточенно возился там, то ли раздеваясь, то ли подстилая под себя одежду – наверно, готовился лечь. Густой мрак под стеной совершенно скрывал его, лишь седая голова человека да его плечи временами появлялись в скупо освещенном пространстве.

– Садись. Чего стоять? Стоять уже нечего.

Рыбак удивился и даже вроде обрадовался – голос старика показался знакомым, и он тут же вспомнил: староста! Ну так и есть, в углу устраивался их недавний знакомый – лесиновский староста Петр.

– И ты тут? – недоуменно вырвалось у Рыбака.

– Да вот попал. Овцу-то опознали, ну и...

«Так-так», – стучала в голове у Рыбака односложная мысль: все было понятно. Странно, но он только сейчас вспомнил о той злополучной овце и только сейчас с непростительным опозданием подумал, чем она может обернуться для ее хозяина.

– А при чем тут ты? Мы же забрали силой? – несколько деланно удивился Рыбак.

Староста что-то расстелил под собой, но не лег, а сел, прислонясь к стене и почти весь погружаясь во тьму. На слабом свете из окна оставались лишь согнутые его колени.

– Как сказать? Ежли забрали, так надо было доложить. А я... Да теперь что!.. Теперь уже все равно.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Теперь, по-видимому, действительно уже все равно, теперь поздно выкручиваться, подумал Рыбак. Наверно, полиции уже все известно.

Не расстегивая полушубка, он уныло опустился на слежалую соломенную подстилку и тоже прислонился спиной к стене. Было совершенно непонятно, что делать дальше, но, кроме как ждать, тут вообще, наверно, ничего нельзя было делать. Только сейчас он почувствовал, как здорово измотался за истекшую ночь, его начало клонить в сон, но мысли тревожно сновали в голове, не давая забыться. Вдруг он подумал, что неплохо бы сговориться со старостой и отрицать их заход в Лесины – пусть бы Петр сказал, что приходили другие. Если разобраться, так старосте уже все равно, на кого указывать, а им, возможно, это еще помогло бы. Какой-либо вины или даже неловкости по отношению к Петру Рыбак нисколько не чувствовал – разве впервые ему таким способом приходилось добывать продукты? Да и взяли всего только овцу, и не у какой-нибудь многодетной семьи, а у самого старосты – было о чем заботиться. С этой стороны он оставался совершенно спокойным и только удивлялся, как это староста не сумел оправдаться перед полицией и позволил себя засадить в этот вонючий подвал.

Прошел час или больше, Сотников не возвращался, и Рыбак не без короткого сожаления подумал, что, может, его там и убили. Разговаривать ему ни о чем не хотелось. Он чувствовал, что вот-вот должны прийти и за ним, и тогда начнется самое худшее. Все думая и прикидывая и так и этак, он старался найти какую-нибудь возможность перехитрить полицию, вывернуться совсем или хотя бы оттянуть приговор. Чтобы оттянуть приговор, видимо, имелось лишь одно средство – затянуть следствие (все-таки должно же быть какое-то следствие). Но для этого надо было найти веские факты, чтобы заинтересовать полицию, ибо, если та порешит, что ей все ясно, тогда уж держать их не станет. Тогда им определенно конец.

В подвале было тихо и сонно, лишь откуда-то сверху доносились голоса, топот сапог в здании. Временами топот становился довольно громким, что-то приглушенно стучало, явственно врывался чей-то крикливый голос. Вся эта суматошная возня наверху не могла не напомнить ему о Сотникове, и у Рыбака мучительно сжималось сердце – бедный невезучий Сотников! Но, по-видимому, та же участь ждала и его... Правда, он не хотел думать об этом – он старался понять, как уйти от расправы и, может, еще и пособить Сотникову. Но, видно, все это было напрасно. Сквозь маленькое, чем-то заставленное снаружи окошко в камеру пробивались тусклые сумерки, в которых слабо брезжило светловатое пятно на затоптанной соломе да белела под окном поникшая голова старосты. Тот неподвижно сидел у стены, погрузившись в свои тоже, разумеется, невеселые мысли, – теперь каждый переживал за себя.

– Говорили, кто-то полицая ночью поранил, неизвестно, выживет ли, – после долгого молчания сказал старик.

Для Рыбака это сообщение не было новостью, он только забыл об этом ранении и теперь встревожился еще больше. Однако разговор перевел на другое.

– Тебя уже брали наверх? – спросил он с робкой надеждой, что очередь на допрос, возможно, еще не его.

Но староста тут же разрушил эту его надежду.

– На допыт? А как же! Сам Портнов допрашивал.

– Какой Портнов?

– Следователь их.

– Ну и как? Здорово били?

– Меня-то не били. За что меня бить?

Рыбак затаив дыхание слушал: хотелось по возможности предугадать, что ждало его самого.

– Этот Портнов, скажу тебе, хитрый как черт. Все знает, – сокрушенно заметил старик.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Но ты же вывернулся.

– А что мне выворачиваться! Вины за мной никакой нет. Что перед богом, то и перед людьми.

– Такой безгрешный?

– А в чем мой грех? Что не побег докладывать про овцу? Так я стар уже по ночам бегать. Шестьдесят семь лет имею.

– Да-а, – вздохнул Рыбак. – Значит, кокнут. Это у них просто: пособничество партизанам.

Все тем же бесстрастным голосом Петр сказал:

– Ну что ж, значит, судьба. Куда денешься...

«Какая покорность!» – подумал Рыбак. Впрочем, шестьдесят семь лет – свое уже прожил. А тут всего двадцать шесть, хотелось бы еще немного пожить на земле. Не столько страшно, сколько противно ложиться зимой в промерзшую яму...

Нет, надо бороться!

А что, если ко всей этой истории припутать старосту? В самом деле, если представить его партизанским агентом или хотя бы пособником, сказать, что он уже не впервые оказывает услуги отряду, направить следствие по ложному пути? Начнут дополнительно расследовать, понадобятся новые свидетели и показания, пройдет время. Наверно, Петру это не слишком прибавит его вины перед немцами, а им двоим, возможно, и поможет.

Предавшись своим размышлениям, он вдруг встрепенулся от неожиданности – рядом тихонько зашуршала солома, и что-то живое и мягкое перекаатилось через его сапог. Староста в углу брезгливо двинул ногой: «Кыш, холера на вас!», и в тот же момент Рыбак увидел под стеной крысу. Шустрый ее комок с длинным хвостом прошмыгнул краем пола и исчез в темном углу.

– Развелось их тут, – сказал Петр. – И на людей не смотрят – носятся, как холеры какие. Наверно, еще Ицковы. Когда-то тут лавка была. Ицка конфеты продавал. Потом сельпо открыли. Сколько поменялось порядков, а крысы все шныряют.

– Крысам теперь только и шнырять.

– Ну. Кому же их выводить? Человек за человеком охотится – не до крыс. Ах ты боже мой...

Только он успел сказать это, как где-то за дверью послышался топот шагов, знакомо брякнул засов, и скоро в глаза ярко ударил свет зимнего дня. В сиянии этого света на пороге появилась поджарая фигура Стася в подпоясанном армейском бушлате, с закинутым за плечо карабином.

– Ну, где цвай бандит? К следователю!

Полицай хохотнул коротко и противно, а в Рыбаке что-то мучительно перевернулось внутри. Наверно, с излишней поспешностью он вскочил на ноги и пошел на вызов. В сознании его нелепой тревогой промелькнул вопрос: где Сотников? Сначала же, наверно, должны были привести Сотникова, а потом уже взять на допрос его. Или, может, Сотникова уже убили?

Он покорно подошел к ступенькам, обождал, пока Стась закрыл за ним дверь, потом впереди конвоира быстро взбежал вверх. Двигался он почти механически, без всякого участия сознания, не замечая ничего вокруг. Чувствовал себя отвратительно. Нет, это не было страхом: его донимало бессилие, невозможность прибегнуть к испытанному средству – силе, чтобы по-солдатски постоять за себя. Отсутствие всякого выбора предельно сузило его возможности, мысль относительно старосты осталась лишь намерением – он не продумал ее как следует, ничего не решил конкретно и теперь нес к следователю полное смятение в душе.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Вот полушубочек и скинешь, – с силой хлопнул его по плечу Стась. – А ничего полушубочек, ей-богу. И сапоги! Ну, сапожки-то я заберу. А то жаль такие трепать, правда? – сказал он доверительно, взмахнув перед арестантом ногой в добротном хромовом сапоге. – У тебя какой номер?

– Тридцать девятый, – солгал Рыбак, замедляя шаг: после смрадного подвала хотелось хоть надышаться.

– Холера, маловаты! Эй, в рот тебе оглоблю! – вдруг выверился полицай. – Шире шаг!

Остерегаясь тумака, Рыбак не стал упрячиться – быстрым шагом проскочил крыльцо, двери, недлинный полутемный коридор с мордатым дневальным у тумбочки. Стась вежливо постучал согнутым пальцем в филенку какой-то двери:

– Можно?

Будто во сне, предчувствуя, как сейчас окончательно рухнет и рассыплется вся его жизнь, Рыбак переступил порог и вперся взглядом в могучую печь-голландку, которая каким-то недобрым предзнаменованием встала на его пути. Ее крутые черного цвета бока всем своим траурным видом напоминали нелепый обелиск на чьей-то могиле. За столом у окна стоял щупловатый человек в пиджаке, он ждал. Рыбак остановился у порога, подумав, не тот ли это полицай-следователь, о котором говорил староста.

– Фамилия? – гаркнул человек.

Он был явно рассержен чем-то, его немолодое личико недобро хмурилось, взгляд исподлобья жестко ощупывал арестанта.

– Рыбак, – подумав, сказал арестант.

– Год рождения?

– Девятьсот шестнадцатый.

– Где родился?

– Под Гомелем.

Следователь отошел от окна, сел в кресло. Держал он себя настороженно, энергично, но вроде не так угрожающе, как это показалось Рыбаку вначале.

– Садись.

Рыбак сделал три шага и осторожно опустился на скрипучий венский стульчик напротив стола.

– Жить хочешь?

Станный этот вопрос своей неожиданностью несколько снял напряжение, Рыбаку даже послышалось в нем что-то от шутки, и он неловко пошевелился на стуле.

– Ну кому ж жить не хочется. Конечно...

Однако следователь, кажется, был далек от того, чтобы шутить, и в прежнем темпе продолжал сыпать вопросами:

– Так. Куда шли?

Энергичная постановка вопросов, наверное, требовала такого же темпа в ответах, но Рыбак опасался прозевать какой-либо подвох в словах следователя и несколько медлил.

– Шли за продуктами. Надо было пополнить припасы, – сказал он и подумал: «Черт с ним! Кто не знает, что партизаны тоже едят. Какая тут может быть тайна?»

– Так, хорошо. Проверим. Куда шли?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Было видно, как следователь напрягся за столом, пристально вглядываясь в малейшее изменение в лице пленника. Рыбак, однако, разгладил на колене полу полушубка, поскреб там какое-то пятнышко – он старался отвечать обдуманно.

– Так это... На хутор шли, а он вдруг оказался спаленный. Ну, пошли куда глаза глядят.

– Какой хутор сожжен?

– Ну тот, Кульгаев или как его? Который под лесом.

– Верно. Кульгаев сожжен. Немцы сожгли. А Кульгай и все кульганята расстреляны.

«Слава богу, не придется взять грех на душу», – с облегчением подумал Рыбак.

– Как оказались в Лесинах?

– Обыкновенно. Набрели ночью, ну и... зашли к старосте.

– Так, так, понятно, – соображая что-то, прикинул следователь. – Значит, шли к старосте?

– Нет, почему? Шли на хутор, я же сказал...

– На хутор. Понятно. А кто командир банды? – вдруг спросил следователь и, полный внимания, замер, впери в него жесткий, все замечающий взгляд.

Рыбак подумал, что тут уж можно солгать – пусть проверят. Разве что Сотников...

– Командир отряда? Ну этот... Дубовой.

– Дубовой? – почему-то удивился следователь.

Рыбак продолжительным взглядом уставился в его глаза. Но не затем, чтобы уверить следователя в правдивости своей лжи, важно было понять: верят ему или нет?

– Прохвост! Уже с Дубовым снюхался! Так я и знал! Осенью не взяли, и вот, пожалуйста...

Рыбак не понял: кого он имеет в виду? Старосту? Но как же тогда? Видно, он здесь что-то напутал... Однако размышлять было некогда, Портнов стремительно продолжал допрос:

– Где отряд?

– В лесу.

Тут уж он ответил без малейшей задержки и прямо и безгрешно посмотрел в холодно-настороженные глаза следователя – пусть уверится в его абсолютной правдивости.

– В Борковском?

– Ну.

(Дураки они, что ли, сидеть в Борковском лесу, который хотя и большой, но после взрыва моста на Ислянке обложен с четырех сторон. Хватит того, что там осталась группа этого Дубового, остатки же их отряда перебрались за шестнадцать километров, на Горелое болото.)

– Сколько человек в отряде?

– Тридцать.

– Врешь! У нас есть сведения, что больше.

Рыбак снисходительно улыбнулся. Он почувствовал надобность продемонстрировать

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
легкое пренебрежение к неосведомленности следователя.

– Было больше. А сейчас тридцать. Знаете, бои, потери...

Следователь впервые за время допроса довольно поерзал в кресле:

– Что, пощипали наши ребята? То-то же! Скоро пух-перо полетит от всех вас.

Рыбак промолчал. Его настроение заметно тронулось в гору; кажись, от Сотникова они немного узнали, значит, можно насказать сказок – пусть проверяют. Опять же было похоже на то, что следователь вроде начал добреть в своем отношении к нему, и Рыбак подумал, что это его отношение надобно как-то укрепить, чтобы, может, еще и воспользоваться им.

– Так! – Следователь откинулся в кресле. – А теперь ты мне скажи, кто из вас двоих стрелял ночью? Наши видели, один побежал, а другой начал стрелять. Ты?

– Нет, не я, – сказал Рыбак не слишком, однако, решительно.

Тут уже ему просто неловко было оправдываться и тем самым перекладывать вину на Сотникова. Но что же – брать ее на себя?

– Значит, тот? Так?

Этот вопрос был оставлен им без ответа – Рыбак только подумал: «Чтоб ты издох, сволочь!» Так хитро ловит! Да и на самом деле, что он мог ответить ему?

Впрочем, Портнов не очень и настаивал.

– Так, так, понятно. Как его фамилия?

– Кого?

– Напарника.

Фамилия! Зачем бы она стала ему нужна, эта фамилия? Но если Сотников не назвал себя, то, видно, не следует называть его и ему. Наверно, надо было как-либо соврать, да Рыбак не сразу сообразил как.

– Не знаю, – наконец сказал он. – Я недавно в этом отряде...

– Не знаешь? – с легким упреком переспросил Портнов. – А староста этот, говоришь, Сыч? Так он у вас значитесь?

Рыбак напряг память – кажется, он даже и не слышал фамилии старосты или его клички.

– Я не знаю. Слышал, в деревне его зовут Петр.

– Ах, Петр.

Ему показалось, что Портнов этот какой-то путаник, но тотчас он сообразил: следователь хочет запутать его.

– Так, так. Значит, родом откуда? Из Могилева?

– Из-под Гомеля, – терпеливо поправил Рыбак. – Речицкий район.

– Фамилия?

– Чья?

– Твоя.

– Рыбак.

– Где остальная банда?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– На... В Борковском лесу.

– Сколько до него километров?

– Отсюда?

– Откуда же?

– Не знаю точно. Километров восемнадцать будет.

– Правильно. Будет. Какие деревни рядом?

– Деревни? Дегтярня, Ульяновка. Ну и эта, как ее... Драгуны.

Портнов заглянул в лежащую перед ним бумажку.

– А какие у вас связи с этой... Окунь Авгиньей?

– Демчихой? Ей-богу, никаких. Просто зашли перепрятаться, ну и поесть. А тут ваши ребята...

– А ребята и нагрязнули! Молодцы ребята! Так, говоришь, никаких?

– Точно никаких. Авгинья тут ни при чем.

Следователь бодро вскочил из-за стола, локтями поддернул сползавшие в пояс бриджи.

– Не виновата? А вас принимала? На чердаке прятала? Что, думаешь, не знала, кого прятала? Отлично знала! Покрывала, значит. А по законам военного времени что за это полагается?

Рыбак уже знал, что за это полагается по законам военного времени, и подумал, что, пожалуй, придется отказаться от непосильного теперь намерения выгородить Демчиху. Было очевидно, что на каждую такую попытку следователь будет реагировать, как бык на красный лоскут, и он решил не дразнить. До Демчихи ли тут, когда неизвестно, как выкарабкаться самому.

– Так, хорошо! – Следователь подошел к окну и бодро повернулся на каблуках; руки его были засунуты в карманы брюк, пиджак на груди широко распахнулся. – Мы еще поговорим. А вообще должен признать: парень ты с головой. Возможно, мы сохраним тебе жизнь. Что, не веришь? – Следователь иронически ухмыльнулся. – Мы можем. Это Советы ничего не могли. А мы можем казнить, а можем и миловать. Смотря кого. Понял?

Он почти вплотную приблизился к Рыбаку, и тот, почувствовав, что допрос на том, наверно, кончается, почтительно поднялся со стула. Следователь был ему по плечо, и Рыбак подумал, что с легкостью придушил бы этого маломерка. Но, подумав так, он почти испугался своей такой нелепой тут мысли и с деланной преданностью взглянул в живые, с начальственным холодком глаза полицейского.

– Так вот! Ты нам расскажешь все. Только мы проверим, не думай! Не наврешь – сохраняй жизнь, вступишь в полицию, будешь служить великой Германии...

– Я? – не поверил Рыбак.

Ему показалось, что под ногами качнулся пол и стены этого заплыванного помещения раздались вширь. Сквозь минутное замешательство в себе он вдруг ясно ощутил свободу, простор, даже легкое дуновение свежего ветра в поле.

– Да, ты. Что, не согласен? Можешь сразу не отвечать. Иди подумай. Но помни: или пан, или пропал. Гаманюк!

Прежде чем он, ошеломленный, успел понять, что будет дальше, дверь раскрылась, и на пороге вырос тот самый Стась.

– В подвал!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Стась дурашливо уставился на следователя.

– Так это... Будила ждет.

– В подвал! – взвизгнул следователь. – Ты что, глухой?

Стась встрепенулся.

– Яволь в подвал! Биттэ, прошу!

Рыбак вышел, как и входил, в крайней растерянности, на этот раз, однако, уже по другой причине. Хотя он еще и не осознал всей сложности пережитого и в еще большей степени предстоящего, но уже чувствовал остро и радостно – будет жить! Появилась возможность жить – это главное. Все остальное – потом.

– Гы, значит, откладывается? – дернул его за рукав полушубка Стась, когда они вышли во двор.

– Да, откладывается! – твердо сказал Рыбак и впервые с вызовом посмотрел на красивое, издевательски-улыбчивое лицо полиция.

Тот хохотнул хриловатым, вроде козлиного бляения, голосом.

– Никуда не денешься! Отдашь! Добровольно, но обязательно – требуха из тебя вон!

«Дурной или прикидывается?» – подумал Рыбак. Но Стась теперь мало беспокоил его: у него появился защитник.

Глава тринадцатая

Сотникова спасала его немощность: как только Будила начинал пытку, он быстро терял сознание. Его отливали, но ненадолго, мрак опять застилал сознание, тело не реагировало ни на ременные чересседельники, ни на специальные стальные щипцы, которыми Будила сдирал с пальцев ногти. Напрасно провозившись так с полчаса, двое полицейских вытащили Сотникова из помещения и бросили в ту камеру, к старосте.

Некоторое время он молча лежал на соломе в мокрой от воды одежде, с окровавленными кистями рук и тихо стонал. Сознание то возвращалось к нему, то пропадало. Когда за дверью утихли шаги полицейских, к нему на коленях подполз староста Петр.

– Ай-яй! А я и не узнал. Вот что наделали...

Сотников услышал новый возле себя голос, который показался ему знакомым, но истерзанное его сознание уже не в состоянии было восстановить в памяти, кто этот человек. Впрочем, человек вроде был расположен к нему, Сотников почувствовал это по голосу и попросил:

– Воды!

Человек, слышно было, поднялся, не сильно, хотя и настойчиво постучал в дверь.

– Черти! Не слышит никто.

Плохо соображая уже, Сотников все же понял, что помощи здесь не будет. И он ничего не просил больше, погружаясь в забытие и оставаясь один на один со своими муками. Все время очень хотелось пить. Какой-то густой знойный туман обволакивал все вокруг, Сотников долго тащился в нем на ватных ногах, пока не увидел у забора колодец с ведром на цепи. Такими же ватными, бессильными руками он опускал это ведро в колодец, как вдруг из его черной бездны с тревожным фырканием бросился врассыпную шустрый кошачий выводок. Сотников терпеть не мог кошек и почти в испуге отпрянул от сруба, медленно приходя в себя. Затем он каким-то образом очутился на улице их довоенного городка и вдруг увидел перед собой Редькина, давнишнего своего ординарца, как раз несшего связку мокрых, наполненных водой фляг. Сотников схватился за одну из них, но фляга в его руках сразу же превратилась в противогазную сумку, а в сумке какая же вода...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спустя некоторое время он все-таки дождался котелка с водой и долго и мучительно пил. Но вода была теплая, невкусная, она не утоляла жажды, только противно наполняла желудок. Вожаденное это питье не принесло ему облегчения, лишь усилило муки, его стало тошнить. Было очень жарко от полуденного солнца, в окопчике, где он стоял, всюду пересыпался раскаленный песок с клочками сухой колючей травы. Он ничуть еще не напился, как рядом послышался окрик руководителя стрельбами полковника Логинова: «Темп! Темп!» Сотникова это удивило и обеспокоило одновременно: показалось странным, как он мог отвлечься на этот водопой во время стрельбы? Он испугался, что не уложится в темп подачи команд, который вместо полагавшихся шести – десяти секунд, наверно, перевалил за минуту.

Потом его видения стали тускнеть, сознание заволкло бессмыслицей, за которой едва пробивались ускользающие причудливые образы, усиливающие и без того нестерпимые его страдания...

Когда в камеру вернули Рыбака, Сотников, как труп, тихо лежал на соломе, с головы до пят накрытый шинелью. Рыбак сразу же опустился рядом, откинул полу шинели, поправил ему руку. Сломанные пальцы Сотникова слиплись в кровавых сгустках, и он ужаснулся при мысли, что то же самое могли сделать и с ним. На первый раз расправа каким-то образом миновала его. Но что будет завтра?

– Хлопец, тут это... Воды надо... – сказал из угла Петр, пока Стась запирает дверь.

– Я тебе не хлопец, а господин полицай! – злобно заметил Стась.

– Пускай полицай. Извините. Человек помирает.

– Туда и дорога бандиту. Тебе тоже.

С громовым грохотом захлопнулась дверь, стало темно; Петр, вздохнув, опустился на солому в углу.

– Звери!

– Тихо вы! – сказал Рыбак. – Услышат.

– Пусть слышат. Чего уж бояться...

Закрылась и наружная дверь, на ступеньках заглохли шаги полицака. Сделалось очень тихо, и стало слышно, как неподалеку, в подвале, кто-то тихонько плакал – короткие всхлипывания, паузы, – наверно, ребенок или, возможно, женщина. На соломе все еще в забытьи промышал что-то Сотников.

– Да-а, этого изувечили. Выживет ли? – сказал Петр.

Рыбак подумал: «Вряд ли он выживет». И вдруг ему открылось чрезвычайно четко и счастливо: если Сотников умрет, то его, Рыбака, шансы значительно улучшатся. Он сможет сказать что вздумается, других здесь свидетелей нет.

Конечно, он понимал всю бесчеловечность этого открытия, но, сколько ни думал, неизменно возвращался к мысли, что так будет лучше ему, Рыбаку, да и самому Сотникову, которому после всего, что случилось, все равно уже не жить. А Рыбак, может, еще и вывернется и тогда уж наверняка рассчитается с этими сволочами за его жизнь и за свои страхи тоже. Он вовсе не собирался выдавать им партизанских секретов, ни тем более поступать в полицию, хотя и понимал, что уклониться от нее, видно, будет не просто. Но ему важно было выиграть время – все зависело от того, сколько дней он сумеет продержаться в этом подвале.

Сотников тяжело и хрипло дышал, слегка постанывая, и Рыбак подумал: нет, не вытянет. Тут и с крепким здоровьем недолго загнуться, где уж ему!

– А тебе, гляжу, больше повезло, – рассудительно и вроде бы со смыслом намекнул старик.

Эти его слова неприятно задели Рыбака – какое ему дело? Но он спокойно ответил:

– Мое все впереди.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ясное дело – впереди. Так они не оставят.

Рыбак неприязненно посмотрел в угол – становилось не по себе от непрошенных пророчеств этого человека: откуда ему знать, простят или нет? У него шел зачет по особому от прочих счету, в благотворную силу которого он почти что поверил и старался подробнее все обдумать.

Но, видимо, это место было мало подходящим для длительных размышлений: только он сосредоточился на своих заботах, как по ступенькам опять застучали каблуки. Шаги замерли возле их камеры, громыхнул засов, и на пороге вырос тот самый Стась.

– На воды! Живо! И чтоб этот бандюга к завтраму был как штык! А ты, старый хрен, марш к Будиле!

Рыбак притушил в сердце вспыхнувшую было тревогу, взял из рук полицая круглый котелок с холодной водой. Петр из угла недоуменно уставился на Стася.

– А зачем, не знаешь?

Полицай с неподдельным весельем заржал:

– Знаю: в подкидного сыграть. Ну, живо!

Старик тяжело поднялся, подобрал с пола тулупчик и, нагнув голову, вышел из камеры. Все с тем же грохотом захлопнулась тяжелая дверь.

Встав на колени, Рыбак начал тормозить Сотникова. Тот, однако, только стонал. Тогда он одною рукой наклонил котелок, а другой приподнял голову Сотникова и немного влил в его рот воды. Сотников вздрогнул, но тут же жадно припал губами к шершавому краю котелка, несколько раз сдавленно, трудно глотнул.

– Кто это?

– Это я. Ну как ты? Лучше?

– Рыбак? Фу ты! Дай еще.

Рыбак снова придержал его голову – стуча зубами о котелок, Сотников выпил еще и пластом слег на солому.

– Что, мучили здорово? – спросил Рыбак.

– Да, брат, досталось, – выдохнул Сотников.

Рыбак заботливо оправил на нем шинель и привалился спиной к стене, рассеянно вслушиваясь в шумное дыхание товарища, которое, однако, помалу выравнивалось.

– Ну, как теперь самочувствие?

– Теперь хорошо. Лучше. А тебя?

– Что?

– Били?

Этот вопрос застал Рыбака врасплох. Он не знал, как коротко объяснить товарищу, почему его не пытали.

– Да нет, не очень.

Сотников закрыл глаза. Его изможденное, серое, с отросшей щетиной лицо едва выделялось в сумерках на серой соломе. В груди все хрипело. И тогда Рыбаку пришло в голову, что, пока имеется такая возможность, надо бы кое о чем условиться относительно предстоящих допросов.

– Слушай, я вроде их обхитрю, – шепнул он, склонившись к товарищу. Тот удивленно раскрыл глаза – широкие белки в глазницах тускло блеснули отраженным светом. –

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Только нам надо говорить одно. Прежде всего – шли за продуктами. Хутор сожжен, притопали к лесинам, ну и...

– Ничего я им не скажу, – перебил его Сотников.

Рыбак прислушался, нет ли кого поблизости, но, кажется, всюду было тихо. Только сверху доносились голоса и шаги, как раз над их камерой. Но сверху его не услышат.

– Ты брось, не дури. Надо кое-что и сказать. Так слушай дальше. Мы из группы Дубового, он сейчас в Борковском лесу. Пусть проверят.

Сотников задержал дыхание:

– Но Дубовой действительно там.

– Ну и что?

Рыбак начинал злиться: вот же несговорчивый человек, разве в этом дело! Безусловно, Дубовой с группой в Борковском лесу, но оттого, что они назовут место его расположения, тому хуже не станет – полицаям до него не добраться. Остатки же их отряда как раз в более ненадежном месте.

– Слушай! Ты послушай меня! Если мы их не проведем, не схитрим, то через день-два нам как-то. Понял? Надо немного и в поддавки сыграть. Не рвать через силу.

Сотников, слышно было, будто насторожился, притих, дыхание его замерло – сдаётся, он что-то обдумывал.

– Ничего не выйдет, – наконец сказал он.

– Как не выйдет? А что тогда выйдет? Смерти достукаться легче всего.

«Вот дурила», – подумал Рыбак. Уж такого неразумного упрямства он не ожидал. Впрочем, сам одною ногой в могиле, так ему все нипочем. Не хочет даже шевельнуть мозгами, чтобы не потащить за собой и товарища.

– Ты послушай, – помолчав, горячо зашептал Рыбак. – Нам надо их повадить. Знаешь, как щуку на удочке. Иначе перетянешь, порвешь – и все пропало. Надо прикинуться смиренными. Знаешь, мне предложили в полицию, – как-то сам не желая того, сказал Рыбак.

Веки у Сотникова вздрогнули, затаенным тревожным вниманием сверкнули глаза.

– Вот как! Ну и что ж – побежишь?

– Не побегу, не бойсь. Я с ними поторгуюсь.

– Смотри, проторгуешься, – язвительно просипел Сотников.

– Так что же, пропадать? – вдруг озлясь, едва не вскрикнул Рыбак и замолчал, выругавшись про себя. Впрочем, черт с ним! Не хочет – его дело; Рыбак же будет бороться за себя до конца.

Сотников задышал труднее – от волнения или от хвори; попытался откашляться – в груди зашипело, как на жаровне, и Рыбак испугался: помирает, что ли? Но он не умирал и вскоре, совладав с дыханием, сказал:

– Напрасно лезешь... в дерьмо! Позоришь красноармейскую честь. Живыми они нас не выпустят.

– Как сказать. Если постараться...

– Для кого стараться? – срываясь, зло бросил Сотников и задохнулся. Минуту он мучительно кашлял, потом шумно дышал, затем сказал вдруг упавшим голосом: – Не в карты же играть они тебя в полицию зовут.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru «Наверно, не в карты», – про себя согласился Рыбак. Но он шел на эту игру, чтобы выиграть себе жизнь – разве этого недостаточно для самой, пусть даже отчаянной, игры? А там оно будет видно, только бы не убили, не замучили на допросах. Только бы вырваться из этой клетки, и ничего плохого он себе не позволит. Разве он враг своим?

– Не бойсь, – сказал он. – Я тоже не лыком шитый.

Сотников засмеялся неестественно коротеньким смехом.

– Чудак! С кем ты вздумал тягаться?

– А вот увидишь.

– Это же машина! Или ты будешь служить ей, или она сотрет тебя в порошок! – задыхаясь, просипел он.

– Я им послужу!

– Только начни!

«Нет, видно, с ним не сговоришься, с этим чудачком человеком», – подумал Рыбак. Как в жизни, так и перед смертью у него на первом месте твердолобое упрямство, какие-то принципы, а вообще все дело в характере, так понимал Рыбак. Но ведь кому не известно, что в игре, которая называется жизнью, чаще с выигрышем оказывается тот, кто больше хитрит. Да и как иначе? Действительно, фашизм – машина, подмявшая под свои колеса полмира, разве можно, стоя перед ней, размахивать голыми руками? Может, куда разумнее будет подобраться со стороны и сунуть ей меж колес какую-нибудь рогатину. Пусть напорется да забуксует, дав тем возможность потихоньку смыться к своим.

Сотников замолчал или, может, впал в забытье, и Рыбак перестал набиваться к нему с разговором. Пусть поступает как хочет – он же, Рыбак, будет руководствоваться собственным разумом.

Он лег на бок, подобрал ноги, повыше натянул воротник полушубка. Пока суд да дело, было бы неплохо вздремнуть, чтобы прояснилось в голове, потому как скоро, наверно, будет уже не до сна. Однако он верил в свою счастливую звезду и постепенно убеждался, что его отношения с полицией обрели правильное направление, которого и нужно держаться. Если только Сотников своим нелепым упрямством не испортит все его планы. Но, видно, Сотников долго не протянет. Станным это было и противным – думать о скорой смерти товарища. Но иначе не получалось. В его смерти он видел единственный для себя выход из этой западни.

Задумавшись, Рыбак не сразу услышал, как что-то живое тихонько корябнуло по его сапогу, потом снова. Он двинул ногой и вдруг ясно увидел крысу – серый ее комок метнулся к стене и затих там: длинный и тонкий хвост настороженно пролегал по соломе. Содрогнувшись, Рыбак пнул туда каблуком – крыса, тоненько пискнув, проворно скрылась в темном углу. По донесшейся из соломы тихой возне Рыбак, однако, понял, что там она не одна. Наверно, надо бы чем-то бросить в них, но под руками не было ничего подходящего, и Рыбак, сорвав с головы шапку, швырнул ее в угол.

Когда там притихло, он на четвереньках сползал за шапкой и опять привалился спиной к стене. Однако спать он уже не мог, сидел и с неясным брезгливым страхом вглядывался в крысиный угол.

Глава четырнадцатая

Петра привели не скоро, уже на закате солнца, когда сумерки в камере совсем сгустились и окошко вверху едва светилось скудным отсветом морозного дня. Да и в двери, когда та отворилась, уже не было прежней яркости – нагнув белую голову, староста молча переступил порог и сунулся на свое место в угол.

Полицай не спешил закрыть двери, и Рыбак у стены весь болезненно сжался, стараясь как бы исчезнуть во мраке этой вонючей камеры. Было страшно, что следующим опять вызовут его, хотя он понимал, что от полиция это ничуть не зависело. Но не вызвали никого, дверь наконец затворилась, надежно звякнул

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru засов. Полицай, однако, – на этот раз кто-то другой, не Стась – направился не к ступенькам: его шаги в коридоре повернули а другую сторону. Вскоре в глубине подвала застучали другие засовы, раздались глуховатый окрик и женский короткий всхлип.

В этот раз брали женщин.

Как только в подвале опять все затихло, к Рыбаку начало помалу возвращаться его самообладание. Что ж, беда пока миновала его, настигнув другого, и это, как всегда на войне, вопреки всему успокаивало. Будто тем самым давало ему дополнительные шансы выжить.

Рыбак не имел ни малейшего желания вступать в разговор со старостой, которого, похоже, пытали не очень, во всяком случае не так, как Сотникова. Но то обстоятельство, что он, не проронив ни слова, отчужденно затих в своем мрачном углу, обеспокоило Рыбака.

– Ну как? Обошлось? – нарочито бодро спросил Рыбак.

Петр после непродолжительной паузы отозвался невеселым голосом:

– Нет, уже не обойдется. Плохи наши дела.

– Хуже некуда, – согласился Рыбак.

Староста высморкался, видно было, привычно разгладил усы и сообщил как бы между прочим, ни к кому не обращаясь:

– Подговаривали, чтоб я выведал от вас. Про отряд ну и еще кое-что.

– Вот как! – неприятно удивился Рыбак, вспомнив свой недавний разговор с Сотниковым. – Шпионить, значит?

– Вроде того. Шестьдесят семь лет прожил, а под старость на такое дело... Не-ет, не по мне это.

Рядом на соломе, как-то испуганно вздрогнув, привстал на локтях Сотников.

– Кто это?

– Да тот, лесиновский староста, – подавленно сказал Рыбак.

Разговор на этом прервался, Рыбак и Петр притихли каждый в своем углу. Окошко, погаснув, едва серело под потолком, четко разделенное решеткой на четыре квадрата. В камере воцарилась темень. Разговаривать никому не хотелось, каждый углубился в себя и свои далеко не веселые мысли.

И тогда опять затопали шаги на ступеньках, слышно было, раскрылась наружная дверь и неожиданно громко звякнул засов их камеры. Они все насторожились, одинаково обеспокоенные единственным в таких случаях вопросом: за кем? Тем не менее и теперь, видно, не забирали никого – напротив, кого-то привели в эту камеру.

– Ну! Марш!

Кто-то невидимый в темноте почти неслышно проскользнул в дверь и затаился у порога возле самых ног Рыбака. Когда дверь со стуком закрылась и полицай, посвистывая, задвинул засов, Рыбак бросил в темноту:

– Кто тут?

– Я.

Голос был детский, это стало понятно сразу, – маленькая фигурка нового арестанта приткнулась у самой двери и молчала.

– Кто я? Как зовут?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Бася.

«Бася? Что за Бася? Будто еврейское имя, но откуда она тут взялась? – удивился Рыбак. – Всех евреев из местечка ликвидировали еще осенью, вроде нигде никого не осталось – как эта оказалась тут?! И почему ее привели в камеру к ним, а не к Демчихе?»

– Откуда ты? – спросил Рыбак.

Девочка молчала. Тогда он спросил о другом:

– Сколько тебе лет?

– Тринадцать.

В углу, трудно вздохнув, зашевелился Петр.

– Это Меера-сапожника дочка. Допрашивали тебя?

– Ага, – тихо подтвердила девочка.

– Меера тогда изничтожили вместе со всеми. Вот... одна дочка и уцелела. Что ж мы теперь будем делать с тобой, Бася?.. – И Петр вновь тяжело вздохнул.

Рыбак вдруг потерял интерес к девочке, встревоженный другим: почему ее привели сюда? В подвале были, наверно, и еще места – где-то поблизости сидели женщины, – почему же девочку посадили к мужчинам? Какой в этом смысл?

– Чего ж они добивались от тебя? – помолчав, тихо спросил Петр Басю.

– Чтоб сказала, у кого еще пряталась.

– А-а, вон как! Ну что ж... Это так. А ты не сказала?

Бася затаилась, будто обмерла, молчала.

– И не говори, – одобрил погода староста. – Нельзя о том говорить. Мое дело все равно конченное, а про других молчи. Если и бить будут. Или тебя уже били?

Вместо ответа в углу вдруг послышался всхлип, за которым последовал сдавленный, болезненный плач. Он был коротеньким, но столько неподдельного детского отчаяния выплеснулось с ним, что всем в этой камере сделалось не по себе. Сотников на соломе, слышно было, осторожно задержал дыхание.

– Рыбак!

– Я тут.

– Там вода была.

– Что, пить хочешь?

– Дай ей воды! Ну что ты сидишь?

Нащупав под стеной котелок, Рыбак потянулся к девочке.

– Не плачь! На вот, попей.

Бася немного отпила и, присмирив, затихла у порога.

– Иди сюда, – позвал Петр. – Тут вот место есть. Будем сидеть. Вот подле стенки держись.

Послушно поднявшись и неслышно ступая в темноте босыми ногами, Бася направилась к старику. Тот подвинулся, освобождая ей место рядом.

– Да-а! Попались! Что они еще сделают с нами?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Рыбак молчал, не имея желаний поддерживать разговор, рядом тихонько постанывал Сотников. Они ждали. Все их внимание было приковано к ступенькам – оттуда являлась беда.

И действительно, долго ждать ее не пришлось.

Спустя четверть часа со двора донеслось злое: «Иди, иди, падла!» – и не менее обозленное в ответ: «Чтоб тебя так и в пекло гнали, негодник!» – «А ну шевелись, не то как двину!» – прорычал мужской голос. На ступеньках затопали, заматерились – сомнений не было: это возвращали с допроса Демчиху.

Но почему-то ее также не поволокли в прежнюю камеру – полицаи остановились возле их двери, загремели засовом, и тот самый, хорошо знакомый им Стась сильно толкнул Демчиху через порог. Женщина споткнулась, упала на Рыбаковы ноги и громко запричитала в темноте:

– Куда ты толкаешь, негодяй! Тут же мужчины, а, божечка мой!..

– Давай, давай! Черт тебя не возьмет! – прикрикнул Стась. – До утра перебудешь.

– А утром что? – вдруг спросил Рыбак, которому послышался какой-то намек в словах полицая.

Стась уже прикрыл было дверь, но опять растворил ее и гаркнул в камеру:

– А утром грос аллес капут! фарштэй?

«Капут? Как капут?» – тревожно пронеслось в смятенном сознании Рыбака. Но страшный смысл этого короткого слова был слишком отчетлив, чтобы долго сомневаться в нем. И эта его отчетливость ударила как оглоблей по голове.

Значит, утром конец!

Почти не ощущая себя, Рыбак механически подобрал ноги, дал пристроиться у порога женщине, которая все всхлипывала, сморкалась, потом начала вздыхать – успокаиваться. Минуту они все молчали, затем Петр в своем углу сказал рассудительно:

– Что же делать, если попались. Надо терпеть. Откуда же ты будешь, женщина?

– Я? Да из Поддубья, если знаете.

– Знаю, а как же. И чья же ты там?

– Демки Окуня женка.

Стараясь как-либо отделаться от недобрых предчувствий, Рыбак под стеной стал прислушиваться к Демчихе. Ему не хотелось обнаруживать себя разговором, тем более что Демчиха, возможно, не узнала его в темноте. Они уже познакомились с ее сварливым характером, и теперь, оказавшись в таком положении, Рыбак думал, что эта женщина очень просто может закатить им скандал – было за что. Но она мало-помалу успокоилась, еще раз высморкалась. Голос ее понемногу ровнел, становился обычным, таким, каким она разговаривала с ними в деревне.

– Да-а, – озадаченно вздохнул Петр. – А Демьян в войске...

– Ну. Демка там где-то горюшко мыкает. А надо мной тут измываются. Забрали вот! Деток на кого покинули? И как они там без меня? Ой, деточки мои родненькие...

Только что смолкнув, она расплакалась снова, и в этот раз никто ее не утешал, не успокаивал – было не до того. В камере продолжали звучать зловещие слова Стася, они подавляли, тревожили, заставляли мучительно переживать всех, за исключением разве что старосты, остававшегося по-прежнему внешне спокойным и рассудительным. Между тем Демчиха как-то неожиданно, будто все выплавав, вздохнула и спокойнее уже заметила:

– Вот люди! Как звери! Гляди, каким чертом стал Павка этот!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Портнов, что ли? – поддержал разговор Петр.

– Ну. Я же его кавалером помню – тогда Павкой звали. А потом на учителя выучился. Евонная матка на хуторе жила, так каждое лето на молочко да на яблочки приезжал. Нагляделась. Такой ласковый был, «добрый день» все раздавал, с мужчинами за ручку здоровался.

– Знаю Портнова, а как же, – сказал Петр. – Против бога, бывало, по деревням агитировал. Да так складно...

– Гадина он был. И есть гадина. Не все знают только. Культурный!

– А полицейчик этот тоже с вашего боку будто?

– Стась-то? Наш! Филиппенок младший. Сидел за поножовщину, да пришел в первые дни, как началось. И что выделять стал – страх! В местечке все над евреями измывался. Убивал, говорили. Добра натаскал – божечка мой! Всю хату завалил. А теперь вот и до нас, хрищенных, добрался.

– Это уж так, – согласился Петр. – С евреев начали, а гляди, нами кончат.

– Чтоб им на осине висеть, вырождакам этим.

– Я вот думаю все, – беспокойно заворoshился староста, – ну пусть немцы. Известно, фашисты, чужие люди, чего уж от них ждать. Ну а наши, которые с ними? Как их вот понимать? Жил, ел который, людям в глаза глядел, а теперь заимел винтовку и уже застрелить норовит. И стреляют! Сколько перебили уже...

– Как этот, как его... Будила ваш! – не сдержавшись, напомнил Рыбак.

– Хватает. И Будила, и мало ли еще каких. Здешних и черт знает откуда. Любителей поразбойничать. Что ж, теперь им раздолье, – глухим басом степенно рассуждал лесиновский староста.

Что-то вспомнив, его нетерпеливо перебила Демчиха.

– Это самое, говорят, Ходоронок их, которого ночью ранили, сдох. Чтоб им всем передохнуть, гадовью этому!

– Все не передохнут, – вздохнул Петр. – Разве что наши перебьют.

На соломе задвигался, задышал, опять попытался подняться Сотников.

– Давно вы так стали думать? – просипел он.

– А что ж думать, сынок? Всем ясно.

– Ясно, говорите? Как же вы тогда в старосты пошли?

Наступила неловкая тишина, все примолкли, настороженные этим далеко идущим вопросом. Наконец Петр, что-то преодолев в себе, заговорил вдруг дрогнувшим голосом:

– Я пошел! Если бы знали... Негоже говорить здесь. Хотя что уж теперь... Отбрыкивался, как мог. В район не являлся. Разве я дурак, не понимаю, что ли. Да вот этак ночью однажды – стук-стук в окно. Открыл, гляжу, наш бывший секретарь из района, начальник милиции и еще двое, при оружии. А секретарь меня знал – как-то в коллективизацию отвозил его после собрания. Ну, слово за слово, говорит: «Слышали, в старосты тебя метят, так соглашайся. Не то Будилу назначат – совсем худо будет». Вот и согласился. На свою голову.

– Да-а, – неопределенно сказал Рыбак.

– Полгода выкручивался меж двух огней. Пока не сорвался. А теперь что делать? Придется погибнуть.

– Погибнуть – дело нехитрое, – буркнул Рыбак, закругляя неприятный для него разговор.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

То, что о себе сообщил староста, не было для него неожиданностью – после допроса у Портнова Рыбак уже стал кое о чем догадываться. Но теперь он был целиком поглощен своими заботами и больше всего опасался, как бы некоторые из его высказанных здесь намерений не дошли до ушей полиции и не оборвали последнюю ниточку его надежды.

Сотников между тем, раскрыв глаза, молча лежал на соломе. Сознание вернулось к нему, но чувствовал он себя плохо: адски болела нога от стопы до бедра, жгло пальцы на руках, в груди все горело. Он понимал, что староста сказал правду, но от этой правды не становилось легче. Ощущение какой-то нелепой оплошности по отношению к этому Петру вдруг навалилось на Сотникова. Но кто в том повинен? Опять получалось как с Демчихой, которая явилась перед ними живым укором их непростительной беспечности. С опаской прислушиваясь теперь к словам женщины, Сотников ожидал, что та начнет ругать их последними словами. Он не знал, чем бы тогда возразил ей. Но шло время, а она весь свой гнев вымещала на полиции и немцах – их же с Рыбаком даже и не вспомнила, будто они не имели ни малейшего касательства к ее беде. На зловещее сообщение Стася она также не реагировала – может, не поняла его смысла, а может, просто не обратила внимания.

Впрочем, поверить в это сообщение было страшно даже для готового ко всему Сотникова. Он также не мог взять в толк: то ли полицей просто пугал, то ли действительно они надумали покончить в один раз со всеми. Но неужели им не хватило бы двух смертей – его с Рыбаком, какой был смысл лишать жизни эту несчастную Демчиху, и незадачливого старосту, и девочку? Невероятно, но, видимо, будет так, думал Сотников. Скорпион должен жалить, иначе какой же он скорпион? Очевидно, для того и позаталкивали их в одну камеру. Камеру смертников.

Глава пятнадцатая

Как-то незаметно Рыбак, сдаётся, заснул, как сидел – сгорбившись под стеной. Впрочем, вряд ли это был сон – скорее усталое забытие на какой-нибудь час. Вскоре, однако, тревога разбудила его, и Рыбак открыл глаза, не сразу поняв, где он. Рядом в темноте тихонько звучал разговор, слышался детский знакомый голос, сразу же напомнивший ему про Басю. Изредка его перебивал хрипловатый старческий шепот – это вставлял свое слово Петр. Рыбак прислушался к их тихой ночной беседе, напоминавшей шуршание соломенной крыши на ветру.

– Сперва хотела бежать за ними, как повели. Выскочила из палисадника, а тетка Прасковья машет рукой: «Ни за что не ходи, говорит, прячься». Ну, побежала назад, за огороды, влезла в лозовый куст. Может, знаете, большой такой куст в конце огородов у речки? Густой-густой. За два шага стежечка на кладку – как сидишь тихо, не шевелишься, нисколечко тебя не видно. Ну, я и залезла туда, выгребла местечко в сухих листьях и жду. Думала, как мамка вернется – позовет, я услышу и выбегу. Ждала-ждала – не зовет никто. Уже и стемнело, стало страшно. Все казалось, кто-то шевелится, крадется, а то станет, слушает. Думала: волк! Так волков боялась! И не заснула нисколечко. Как стало светлеть, тогда немного заснула. А как проснулась, очень есть захотелось. А вылезть из куста боюсь. Слышно, на улице гомон, какие-то подводки, из хат местечковых все выгружают, куда-то везут. Так я сидела и сидела. Еще день, еще ночь. И еще не помню уже сколько. На стежечке, когда бабы полоскать идут, так мне их ноги сквозь листву видать. Все мимо проходят. А мне так есть хочется, что уже и вылезть не могу. Сажу да плачу тихонько. А однажды кто-то возле куста остановился. Я затаилась вся, лежу и не дышу. И тогда слышу, тихонько так: «Бася, а Бася!» Гляжу, тетка Прасковья нагнулась...

– А ты не говори кто. Зачем нам про все знать, – спокойно перебил ее Петр.

– Ну, тетка одна дает мне узелок, а там хлеб и немножко сала. Я как взяла его, так и съела все сразу. Только хлеба корочка осталась. А потом как схватил живот... Так больно было, что помереть хотела. Просила и маму и бога – смерти просила.

Рыбак под стенкой зябко поежился – так это прозвучало по-житейски знакомо, будто перед ним исповедовалась какая-нибудь старушка, а не тринадцатилетняя девочка. И сразу же этот ее рассказ вызвал в нем воспоминание об одной девяностолетней бабке из какой-то лесной деревушки по ту сторону железной дороги. Они тогда вышли из лесу спросить про немцев, часок отдохнуть в тепле, ну и перекусить,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru конечно. В избе, что стояла на отшибе, никого не оказалось, лишь одна забытая богом глухая бабка сидела на печи, свесив на полок босые ноги. Пока они курили, бабка устало сетовала на господу бога, который не дает ей смерти и так мучительно растянул ее никчемную старушечью жизнь. Оказавшись одна и без родственников, она еще после той войны прижилась возле малознакомых, чужих людей, которым надо было растить детей, досмотреть возле хаты. Видно, хозяева рассчитывали, что лет пять старушка еще продержится, тем временем подрастут дети, а там, гляди, придет срок – и на кладбище. Но срок этот не пришел ни через пять, ни через пятнадцать лет, задержалась старушка у чужих людей. За это время повыврастали малые, погиб на финской войне хозяин, хозяйка сама едва сводила концы с концами – что ей было до немощной чужой старухи? А смерть все не шла... Прощаясь тогда, Рыбак в шутку пожелал ей как можно скорее окончить свое пребывание на этом свете, и она искренне благодарила его, молясь все об одном. А теперь вот опять то же самое. Но ведь это ребенок.

Что делается на свете!

– А после мне лучше стало. Однажды очень напугалась утром. Только задремала, сдалось, какой-то зверь крадется по берегу под кустом. А это кот. Огромный такой серый котиче из местечка, наверно, остался один, ну и ищет себе прокорму. Рыбу ловит. Знаете, на берегу так замрет, уставится в воду, а потом как прыгнет! Вылезет весь мокрый, а в зубах рыбка. Вот, думаю, если бы мне так наловчиться! Хотела я отнять рыбину, да не успела: удрал кот и под другим кустом съел всю, и хвостика не осталось. Но потом мы с ним подружались. Придет когда днем, заберется в куст, ляжет рядышком и мурлычет. Я глажу его и немножечко сплю. А он чуткий такой. Как только кто-либо поблизости объявится, он сразу натопырится, и я уже знаю: надо бояться. А когда очень голод донял, выбралась ночью на огород поблизости. У Кривого Залмана огурцы еще остались, семенные которые, морковка. Но кот же не ест морковки. Так мне его жаль станет...

– Пусть бы мышей ловил, – отозвалась из темноты Демчиха. – У нас, в Поддубье, у одних была кошка, так зайчат таскала домой. Ей-богу, не лгу. А как-то приволокла зайца огромного, да на чердак не встачила – видно, не осилила. Утречком вышел Змитер, глядь: заяц под углом лежит.

– А, так то, наверно, у нее котята были, – догадался Петр.

– Ну, котятки.

– Так это понятно. Тут уж для котят старалась. Как мать все равно... Ну, а потом как же ты?

– Ну так и сидела, – тихонько и доверчиво шептала Бася. – Тетка... Ну та, которая... еще несколько раз хлеба давала. А потом очень холодно стало, дождь пошел, начала листва осыпаться. Однажды меня кто-то утречком увидел, дядька какой-то. Ничего не сказал, прошел мимо. А я так напугалась, чуть до ночи додрожала. Вечером, как дождь посыпал, вылезла, бродила, бродила по зауголью, а под утро забралась в чей-то овин. Там пересидела три дня. Там хорошо было, сухо, да обыск начался. Искали какую-то рожь и меня едва не нашли. Так я перешла в сарай – свиньи там были. Ну и я возле них. Затиснусь ночью между свиньей и подсвинком и сплю. Свинья спокойная была, а кабан, холера на него, кусался...

– А, господи! Вот намучалась, бедная! – вздохнула Демчиха.

– Нет. Там тепло было.

– А как же с едой? Или носил кто?

– Так я же не показывалась никому. А ела... Ну там в корыте выбирала что-то...

– Ой, до чего людей довели, боже, боже!.. А хозяева что, так и не заметили?

– Заметили, конечно. Заспала однажды – уже снег был. Выскочила, чтоб перебежать через улицу – там дом был пустой, ну я и пряталась. Только улицу перебежала, оглянулась, а дядька стоит в дверях, смотрит. Я за клен, притаилась. Толстый такой клен там...

– Ой, наверно, что против аптеки? – догадалась Демчиха. – Так там же Игналя

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Супрон жил...

– А тебе что? – неласково перебил ее Петр. – Кто ни жил, не все ли равно? Зачем спрашивать.

Демчиха, похоже, обиделась.

– Да я так. Если и сказала, так что?

– А ничего! А что потом... Ни к чему теперь и таиться – все равно... Свет не без добрых людей: Басю ко мне переправили, в деревню. Рассудили верно – у старосты искать не будут. Через ту распроклятую овечку оба попались: меня с печки стянули, Басю из-под пола выволокли...

Рыбак совсем не удивился и этому, подумал только: плохо прятал, значит. Спрятал бы хорошо – не нашли бы. Да и вообще, зачем тут рассказывать обо всем этом? Кому не известно, что иногда и стены имеют уши? Впрочем, черт с ними! Что они, все ему? К тому же, наверно, всем им уже поздно что-то скрывать, чего-то остерегаться. Если Стась сказал правду, так завтра их всех ожидает смерть.

В камере настала гнетущая, сторожкая тишина, которую погода нарушила Бася.

– Под полом мне было хорошо: тетка Арина мне сенничек положила. Я слышала, как те дяди заходили. А дяди ушли, я только уснула и сразу слышу – ругаются. Полицай!.. Ой-ой!

Испуганный крик Баси заставил подхватиться с места Петра, и Рыбак понял: крысы. Обнаглели или изголодались так, что перестали бояться и людей. Старик сапогом несколько раз топнул в углу. Бася, вскочив, стояла на середине камеры, закрывая собой светлый квадрат окна. Она вся тряслась от испуга.

– Они же кусаются. Они же ножки мои обгрызли. Я же их страх как боюсь. Дяденька!..

– Ничего, не бойся. Крысы что? Крысы не страшны. Укусят, ну и что? Такой беды! Иди вон в мой угол, садись. И я тут... Я их, чертей!..

Он потопал еще, поворошил в углу и сел. Бася приткнулась на его насиженном на соломе месте. Сотников вроде спал. Напротив то вздыхала, то сморкалась Демчиха.

– Так что ж... Что теперь сделаешь? – спрашивал в темноте Петр и сам себе отвечал: – Ничего уже не сделаешь. Терпи. Недолго осталось.

Стало тихо. Рыбак свободнее вытянул ноги, хотел было вздремнуть, но сон больше не шел.

Перед ним был обрыв.

Он отчетливо понял это, особенно сейчас, ночью, в минуту тишины, и думал, что ничего уже исправить нельзя. Всегда и всюду он ухитрялся найти какой-нибудь выход, но не теперь. Теперь выхода не было. Исподволь его начал одолевать страх, как в том памятном с детства случае, когда он спас девчат и коня. Но тогда страх пришел позже, а в минуту опасности Коля Рыбак действовал больше инстинктивно, без размышлений, и это, возможно, все и решило. Впрочем, это случилось давно, еще до колхозов, в пору его деревенского детства – что было вспоминать о том? Но почему-то вот вспоминалось, вопреки желанию, – видимо, тот давний случай имел какую-то еще непроясненную связь с его нынешним положением.

Жили они в деревне, не хуже и не лучше других, считались середняками. У отца был ладный буланый коник, молодой и старательный, правда немного горячий, но Коля с ним ладил неплохо. В деревне ребята рано принимаются за крестьянский труд, в свои неполные двенадцать лет Коля уже пробовал понемногу и косить, и пахать, и бороновать.

В тот день возили с поля снопы.

Это считалось совсем уже мальчишечьим делом. Дорога была знакомой, изученной им до мельчайших подробностей. Почти с закрытыми глазами он помнил, где надо взять

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru чуть-чуть стороной, где держать по колеям, как лучше объехать глубокую, с водой, рытвину в логу. Самый опасным местом на этой дороге была Купцова гора – косогор, поворот и узкий овражек под высоким обрывом. Там надо было смотреть в оба. Но все обходилось благополучно. Отец подобрал последние крестцы в конце нивы и, видно, нагрузил телегу с избытком – едва хватило веревки, чтобы увязать воз. К нему наверх взобрались еще семилетняя сестренка Маня и соседская девочка Люба.

Всю дорогу, переваливаясь из стороны в сторону, он тихо ехал на высоком возу, как всегда уверенно управляя конем. Миновали Купцову гору, дорога пошла в лог. И тогда что-то случилось с упряжью, конь не сдержал, телега высоко задралась левой стороной и стала клониться направо. Коля бросил взгляд вниз и скатился с воза.

Ясно поняв, что должно произойти затем, он в каком-то бездумном порыве бросился под кренящийся тяжелый воз, подставляя под его край свое еще слабое мальчишеское плечо. Тяжесть была невероятной, в другой раз он, наверное, ни за что бы не выдержал, но в этот момент выстоял. Девочки скатились на землю, его завалило снопами, но лошадь все же как-то справилась с возом и отвернула передок в сторону от угрожающей крутизны оврага.

Потом его хвалили в деревне, да он и сам был доволен своим поступком – все-таки спас от беды себя, коня и девчонок – и начал думать тогда, что иначе поступить не мог. И еще Коля поверил, что он человек смелый. Самым важным было, конечно, не растеряться и не струсить.

И вот теперь перед ним опять тот самый обрыв.

Только здесь не растеряться мало, и никакая смелость здесь не поможет, здесь нужно что-то другое, чего ему явно не доставало. Тут он связан по рукам и ногам и, видно, ничего уже сделать не сможет.

Но неужели тот следователь врал, когда что-то обещал ему, даже как будто уговаривал? Наверно, напрасно Рыбак тогда не согласился сразу – завтра как бы не было поздно. Впрочем, оно и понятно. Следователь тут, наверно, не самый большой начальник, есть начальство повыше, оно приказало, и все. А теперь поправить что-либо, переиначить, наверно, уже поздно.

Нет, на гибель он не мог согласиться, ни за что он не примет в покорности смерть – он разнесет в щепки всю их полицию, голыми руками задушит Портнова и того Стася. Пусть только подступят к нему...

Глава шестнадцатая

После короткого разговора со старостой, который тем не менее совершенно обессилил его, Сотников ненадолго заснул. Проснувшись, он неожиданно почувствовал себя мокрым от пота; столько времени паливший его жар сменился потливой прохладой, и Сотников зябко поежился под своей волглой шинелью. Но голове стало вроде бы легче, горячая одурь, туманившая его сознание, исчезла, общее самочувствие улучшилось. Если бы не искалеченные, распухшие кисти рук и не набрякшая застаревшей болью нога, то он, возможно, посчитал бы себя здоровым.

В подвале было темно и тихо, но никто, наверно, не спал, это ощущалось по частым, напряженным вздохам, скупым движениям, притихше-настороженному дыханию людей. И тогда Сотников вдруг понял, что истекает их последняя ночь на свете. Утро уже будет принадлежать не им.

Что ж, надо было собрать в себе последние силы, чтобы с достоинством встретить смерть. Разумеется, иного он и не ждал от этих выродков: оставить его живым они не могли – могли разве что замучить в том дьявольском закутке Будилы. А так, возможно, и неплохо; пуля мгновенно и без мук оборвет жизнь – не самый худший из возможных, во всяком случае, обычный солдатский конец на войне.

А он, дурак, все боялся погибнуть в бою. Теперь такая гибель с оружием в руках казалась ему недостижимой роскошью, и он почти завидовал тысячам тех счастливых, которые нашли свой честный конец на фронте великой войны.

Правда, в эти несколько партизанских месяцев он все-таки что-то сделал, исполняя свой долг гражданина и бойца. Пусть не так, как хотел, – как позволили обстоятельства: несколько врагов все же нашло смерть и от его руки.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

И вот наступил конец.

Все сделалось четким и категоричным. И это дало возможность строго определить выбор. Если что-либо еще и заботило его в жизни, так это последние обязанности по отношению к людям, волею судьбы или случая оказавшимся теперь рядом. Он понял, что не вправе погибнуть прежде, чем определит свои с ними отношения, ибо эти отношения, видно, станут последним проявлением его «я» перед тем, как оно навсегда исчезнет.

На первый взгляд это казалось странным, но, примирившись с собственной смертью, Сотников на несколько коротких часов приобрел какую-то особую, почти абсолютную независимость от силы своих врагов. Теперь он мог полной мерой позволить себе такое, что в другое время затруднялось обстоятельствами, заботой о сохранении собственной жизни, – теперь он чувствовал в себе новую возможность, не подвластную уже ни врагам, ни обстоятельствам и никому в мире. Он ничего не боялся, и это давало ему определенное преимущество перед другими, равно как и перед собой прежним тоже. Сотников легко и просто, как что-то элементарное и совершенно логическое в его положении, принял последнее теперь решение: взять все на себя. Завтра он скажет следователю, что ходил в разведку, имел задание, в перестрелке ранил полицая, что он – командир Красной Армии и противник фашизма, пусть расстреляют его. Остальные здесь ни при чем.

По существу, он жертвовал собой ради спасения других, но не менее, чем другим, это пожертвование было необходимо и ему самому. Сотников не мог согласиться с мыслью, что его смерть явится нелепой случайностью по воле этих пьяных прислужников. Как и каждая смерть в борьбе, она должна что-то утверждать, что-то отрицать и по возможности завершить то, что не успела осуществить жизнь. Иначе зачем тогда жизнь? Слишком нелегко дается она человеку, чтобы беззаботно относиться к ее концу.

Было холодновато, время от времени он вздрагивал и глубже залезал под шинель. Как всегда, принятое решение принесло облегчение, самое изнурительное на войне – неопределенность больше не досаждала ему. Он уже знал, когда произойдет его последняя битва с врагами, и знал, на какие станет позиции. С них он не отступит. И хотя этот поединок не сулил ему легкой победы, он был спокоен. У бобиков оружие, сила, но и у него тоже есть на чем постоять в конце. Он их не боялся.

Немного пригревшись под шинелью, он снова незаметно уснул.

Приснился ему странный, путанный сон.

Было даже удивительно, что именно такой сон мог присниться в его последнюю ночь. Он увидел что-то из детства и среди прочего незначительного и малопонятного какую-то нелепую сцену с отцовским маузером. Будто Сотников начал вынимать его из кобуры, неосторожно повернул в сторону и сломал ствол, который, как оказалось, был не стальной, а оловянный, как в пугаче. Сотникова охватил испуг, хотя в то время он был уже совсем не мальчишкой, а почти что нынешним или, возможно, курсантом – действие почему-то происходило в ружейном парке в училище. Он стоял возле пирамиды с оружием и не знал, как быть: с минуты на минуту здесь должен был появиться отец. Сотников бросился к пирамиде, но там не оказалось ни одного незанятого места, во всех гнездах стояли винтовки. Тогда он дрожащими руками рванул жестяную дверцу печки и сунул пистолет в черную, с окурками дыру топки.

В следующее мгновение там засветился огонь – раскаленные пылающие уголья, в которых как будто плавилось что-то яркое, и он в совершенной растерянности стоял напротив, не зная, что делать. А рядом стоял отец. Но Сотников-старший даже не вспомнил про маузер, хотя у сына было такое ощущение, что он знал обо всем происшедшем за минуту до этого. Потом отец опустил перед топкой на корточки и вроде сожалеюще сказал шепелявым, старческим голосом: «Был огонь, и была высшая справедливость на свете...»

Сотникову показалось, что это из библии – толстая ее книга в черном тисненном переплете когда-то лежала на материнском комодe, мальчишкой он иногда листал ее желтые, источавшие особенный, обветшалo-книжный запах страницы. Теперь ему было удивительно слышать, как библию цитировал отец, который не верил в бога и

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru открыто не любил попов.

Неизвестно, как долго горел тот огонь в печке, сознание Сотникова опять погрузилось во мрак. Наверно, не скоро еще он стал приходить в себя, начав различать поблизости какие-то невнятные звуки: стук, шорох соломы и тихий старческий голос. Когда же вернулось ощущение реальности, Сотников понял, что это гоняли крыс. Окончательно очнувшись, он долго, мучительно откашливался, все размышляя, что бы мог значить этот его сон. И как-то постепенно и естественно его мыслями завладело щемящее воспоминание о его давнем, далеком детстве...

Маузер не странная причуда этого сна, он действительно хранился у старого Сотникова, бывшего краскома, а до того – кавалерийского поручика с двумя «Георгиями» на широкой груди – офицерское фото отца он не раз видел в красивой, замысловато расписанной павлинами маминной шкатулке. Иногда по праздникам отец доставал из комода свой пистолет, и тогда сыну было позволено придержать его за желтую деревянную кобуру, чтобы отец мог вытянуть из нее маузер – вынуть его самому отцу было неловко, его искалеченная на войне рука постепенно отнималась. Это были самые счастливые в жизни мальчишки минуты, но потом он мог лишь наблюдать, как отец протирает оружие – ни разу ему не было разрешено даже поиграть с пистолетом. «С оружием и наградами играть возбраняется», – говорил Сотников-старший, и мальчик не упрямылся, не просил. Слово отца в семье было законом, в большом и в малом дома царил его культ. Впрочем, это никому не казалось странным: отец его пользовался в городке известностью и даже славой героя гражданской войны, который лишь по причине своего увечья и чрезмерной гордости, как однажды объяснила мать, зарабатывал на хлеб починкой часов.

Вороненый, в деревянной кобуре маузер был затаенной мечтой Сотникова-младшего, но напрасно было просить его также и у матери.

И тогда мальчишка решился взять пистолет сам.

Как-то, проснувшись утром, он услышал глухую тишину в доме. Отец, наверно, куда-то ушел из каморки, откуда по дому разносилась привычная разноголосица часовых механизмов; мать, он уже знал, отправилась рано в церковь – над городом плыл колокольный перезвон утренней службы.

Торопливо натянув коротенькие, до коленей, штанишки, оставив на потом умывание и чистку зубов, он скоренько прошмыгнул в мамину спальню. Заветный ящик комода был плотно задвинут, но в замочной скважине беспечно торчал маленький медный ключик, который мальчишка тут же повернул на один оборот и вынул скользкую, лакированную, неожиданно тяжелую кобуру. На ее деревянном боку блестела знакомая пластинка с надписью, которую он знал наизусть: «Красному комэску А.Сотникову от Реввоенсовета Кавармии». Первое же прикосновение к оправленной деревом рукоятке взбудоражило мальчика. Руки его уверенно управились с защелкой, и вот уже весь маузер туго, но податливо вышел из кобуры, сдержанно и таинственно засияв своими воронеными частями. Никогда прежде не испытанное тревожно-волнующее чувство охватило мальчишку, минуту он изучал пистолет – подвинул прицел, попытался отвести затвор, заглянул в ствол. Но самым большим наслаждением, конечно, было прицелиться. Только не успел он как следует обхватить рукоятку и пальцем нащупать спуск, как совершенно неожиданно и непонятно из-под его рук куда-то под стол оглушительно грохнуло выстрелом.

Минуту он стоял помертвевший, слушая болезненно-острый звон в ухе. Отскочив от стены, по полу катилась гильза, под столом, появившись неизвестно откуда, валялась толстая, источенная жучком щепка с темным и косым следом пули.

Поняв наконец, что случилось, он сунул пистолет в кобуру, запер все в комод и не мог себе найти места, пока не вернулась мать. Та сразу почувствовала недоброе, кинулась к сыну с расспросами, и он рассказал все как было. Разумеется, справиться с такой бедой не могла и мать, которая очень испугалась за него, даже заплакала, чего никогда прежде с ней не случалось, и сказала, что он должен во всем признаться отцу.

Решиться на это признание было не просто. Пока набирался решимости, минул час или больше, и наконец сам не свой он открыл дверь отцовской каморки.

Отец работал. Как всегда, низко склонившись над подоконником, сосредоточенно ковырялся в часовом механизме. Правая его рука в черной перчатке бессильно

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru покоилась на коленях, а левая ловко колупала, винтила, разбирала и складывала разные маленькие блестящие штучки, из которых состояли часы. На стенах не в лад друг другу размахивали маятниками, звякали и тикали два десятка дешевых, размалеванных по циферблату ходиков, несколько будильников, угол занимал громоздкий, принесенный накануне из райкома деревянный футляр с тяжелыми гириями. Отец не обернулся на появление сына, но, как всегда безошибочно узнав его, совершенно некстати теперь спросил бодрым голосом:

– Ну как дела, молодой человек? Одолел мариниста?

Мальчик проглотил неожиданно подскочивший к горлу комок – накануне он принялся читать Станюковича. Из других книжек, лежавших в огромном дедовском сундуке, уже мало что осталось им непрочитанного, разве что собрание сочинений Писемского и несколько разрозненных томов Станюковича, один из которых третьего дня и выбрал ему отец. Но теперь было не до книг, и он сказал:

– Папа, я брал твой маузер.

Отец как-то странно мотнул головой, отложил пинцет, привычным движением руки снял очки и строго посмотрел на сына.

– Кто разрешил?

– Никто. И это... Он выстрелил, – упавшим голосом произнес сын.

Ничего не говоря больше, отец встал и вышел из комнаты. Он же остался стоять у двери с таким чувством, будто его сейчас должны положить под нож гильотины. Но он знал, что виноват, и готов был принять самую беспощадную кару.

Вскоре отец вернулся.

– Ты, щенок! – сказал он с порога. – Какое ты имел право без разрешения притрагиваться к боевому оружию? Как ты посмел по-воровски лезть в комод?

Отец долго и нещадно отчитывал его – и за неосторожность, и за выстрел, который мог причинить несчастье, и больше всего за тайное его своеволие.

– Единственное, что смягчает твою вину, так это твое признание. Только это тебя спасает. Понял?

– Да.

– Если сам, конечно, надумал. Сам?

Чувствуя, что окончательно гибнет, мальчик кивнул, и отец успокоенно, протяжно вздохнул.

– Ну и за то спасибо.

Это было уже слишком – ложью покупать отцовское спасибо, в глазах у него потемнело, кровь прилила к лицу, и он стоял, не в силах сдвинуться с места.

– Иди играй, – сказал тогда отец.

Так, в общем, легко обошлось ему то ослушание – наказание ремнем его миновало, но его малодушный кивок болезненной царапиной остался саднить в его душе. Это был урок на всю жизнь. И он ни разу больше не солгал ни отцу, ни кому другому, за все держал ответ, глядя людям в глаза. Видно, и мать не сказала отцу, по чьей инициативе произошло то объяснение. Так, со счастливой уверенностью в добропорядочности сына и окончил свой путь на земле этот кавалерийский командир, инвалид гражданской войны и часовой мастер, твердо надеясь, что сыну достанется лучшая доля.

И вот досталась...

Глава семнадцатая

В дремотной утренней тишине наверху застучали шаги, глуховато донеслись голоса,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru загрохали двери. Здесь, в подвале, особенно слышны были эти двери, временами от их громкого стука даже сыпалось с потолка. Рыбак не спал – подогнув ноги, молча лежал на боку под стеной и слушал. Теперь все его внимание сосредоточилось в слухе. Окошко вверху понемногу светлело, на дворе, наверно, уже рассвело, и в камере также становилось виднее. Из ночных сумерек медленно выступали тусклые, измятые, как бы изжеванные, фигуры арестантов – присмирившей Демчихи напротив; в углу неподвижного, с угрюмым видом Петра; Баси, правда, еще не было видно в темноте под окном. Сотников, как и прежде, лежал на спине рядом и шумно дышал. Если бы не это его дыхание, можно было бы подумать, что он неживой. Наступал трудный, наверно последний, их день, они все предчувствовали это и молчали, каждый в отдельности переживая свою беду.

Сапоги наверху затопали чаще, непрерывно грохала дверь. И вдруг в подвал ворвался разговор со двора. Рыбак поднял голову, слегка прислонился затылком к стене. Слов невозможно было разобрать, но было очевидно, что там собирались, видимо строились. Но почему никто еще не спустился в подвал? Будто забыли о них.

Кто-то прошел возле самой стены, послышался близкий скрип подошв на снегу. Невдалеке от окна что-то звякнуло, затем громко раздался грубый, с хрипотой голос:

– Да тут три всего.

– А шуфля еще была. Шуфлю посмотри.

– Что шуфля! Лопаты нужны.

Снова что-то металлически зазвякало, потом проскрипели шаги, и опять поблизости все стихло. Но этот короткий разговор всколыхнул Рыбака: зачем лопаты? Лопаты только затем, чтоб копать. А что теперь можно было копать по зиме? Окоп? Канаву? Могилу? Наверно, могилу. Но для кого?

И тут он вспомнил: видно, действительно умер тот полицай.

Он повернул голову, вопросительно взглянул по сторонам. Демчиха из-под смятого платка также тревожно-понимающе смотрела на него, в углу в напряженном ожидании застыл Петр. Никто не проронил ни слова, все вслушивались, сдерживая в душах страх и неуверенность.

Эта их неуверенность продолжалась, однако, недолго. Спустя минуту за той же стеной снова затопали, да так решительно и определенно, что ни у кого уже не возникло сомнения – шли к ним, в подвал. Когда загремела первая дверь, Рыбак скоренько сел, почувствовав, как вдруг и недобро заколотилось в груди сердце. Рядом завозился, принялся кашлять Сотников. «Откроют – рвануть, сбить с ног – и в дверь», – с запоздалой решимостью подумал Рыбак, но тут же понял: нет, так не выйдет – за дверью ступеньки, не успеть.

А дверь в самом деле уже отворялась, в камеру шибануло стужей, ветреной свежестью, и неяркий свет со двора сразу высветил пять серых встревоженных лиц. В дверном проеме появился расторопный Стась, за ним маячил еще кто-то с винтовкой в руках.

– Генуг спать! – во все горло заревел полицейский. – Отоспались. Выходи: ликвидация!

«Значит, не ошиблись, действительно конец, – пронеслось в сознании Рыбака. – Если бы кого одного, а то всех, значит...» На минуту он как-то обмяк, вдруг лишившись всех своих сил, вяло подобрал ноги, поправил шапку на голове и только затем оперся о солому, собираясь встать.

– А ну высказывай! Добровольно, но обязательно! – крикливо понукал Стась.

Петр в углу первым встал на ноги, заохав, начала подниматься Демчиха. Пытаясь встать, залапал руками по стене Сотников. Рыбак невидящим взглядом скользнул по его бледному, еще больше осунувшемуся за ночь лицу, на котором темнели глубоко провалившиеся глаза, и, не додумав чего-то, чего-то не прочувствовав, направился к выходу.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Давай, давай! Двадцать минут осталось! – подгонял полицей, входя в их вонючее, устланное соломой лежбище. – Ну ты, одноногий, живо!

– Прочь руки! Я сам! – прохрипел Сотников.

– А ты, жидовка, что ждешь? А ну выметайся! Не хотела признаваться – будешь на веревке болтаться, – сострил Стась и тут же выверился: – Гэть, юда паршивая!

По заснеженным бетонным ступеням они выбрались во двор. Рыбак вяло переступал ногами, не застегивая полушубка и не замечая бодрящей морозной свежести. После ночи, проведенной в смрадном подвале, в голове закружилось, будто от хмельного. Во дворе напротив стояло человек шесть полицей с оружием наизготовку – они ждали. Утро выдалось пасмурное, был небольшой морозец, над крышами из труб стремительно рвались в пространство сизые клочья дымов.

Рыбак нерешительно стал перед крыльцом, рядом остановилась Демчиха и с ней вместе Бася, которая, будто к матери, потянулась теперь к этой женщине. Зябко прижимая одну к другой босые закоревшие ступни, она со страхом оглядывала полицей. Петр с мрачной отрешенностью во всем своем седовласом старческом облике стал чуть поодаль. Тем временем Стась, грязно ругаясь, втащил по ступенькам Сотникова, которого тут же устало бросил на снег. Не дав себе передышки, Сотников с усилием поднялся на ноги и выпрямился в своей измятой, окровавленной шинели.

– Где следователь? Позовите следователя! – пытался он крикнуть глуховатым, срывающимся голосом и закашлялся.

Рыбак спохватился, что и ему тоже необходим следователь, но в отличие от Сотникова он произнес спокойно:

– Да, отведите нас к следователю. Он вчера говорил...

– Отведем, а как же! – с издевкой намекнул на что-то коренастый мордатый полицей. С веревкой наготове он решительно шагнул навстречу: – А ну, руки! Руки!

Делать было нечего, Рыбак протянул руки, тот ловко по одной заломил их назад и с помощью другого начал вязать за спиной. Все это было бесцеремонно, грубо и больно. Рыбак поморщился – не так от боли в запястье, как от охватившего его отчаяния: ведь это был в самом деле конец.

– Доложите следователю. Нам надо к следователю, – проговорил он не очень, однако, решительно, явственно ощущая, как земля, заколебавшись, быстро уходит из-под его ног.

Но полицей сзади только зло выругался.

– Поздно. Отследовались уже.

– Как это отследовались! – закричал Рыбак и глянул через плечо: небритая, в белой щетине морда, узкие, бегающие, совсем свиноватые глазки, в которых было абсолютное безразличие к нему, – такого, наверно, не испугаешь. Тогда он ухватился за единственную оставшуюся возможность и стал просить: – Ну позовите Портнова. Что вам стоит? Люди вы или нет?

Но до Портнова, наверное, было дальше, чем до его, Рыбака, смерти. Никто ему даже не ответил.

Между тем руки его были умело и туго связаны тонкой веревкой, которая больно врезалась в кожу, и его оттолкнули в сторону. Взялись за Демчиху.

– Ты, давай сюда следователя! – кашляя, настырно требовал Сотников от Стася, который с винтовкой за спиной хлопотал возле Демчихи.

Но тот даже не взглянул в его сторону, он, как и все они тут, будто оглох к их просьбам, будто это уже были не люди. И это еще больше убедило Рыбака в том, что дело их кончено, будет смерть. Но как же так? И почему же он не решился, когда у него были свободными руки?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru что-то в нем отчаянно затрепыхалось внутри от сознания совершенной оплошности, и он растерянным взглядом заметался вокруг. Но спасения нигде не было. Напротив, судя по всему, быстро приближался конец. На крыльцо из помещения один за другим начало выходить начальство – какие-то чины в еще новенькой, видно только что напяленной, полицейской форме: черных коротковатых шинелях с серыми воротниками и такими же обшлагами на рукавах, при пистолетах; двое, наверно немцы, были в длинных жандармских шинелях и фуражках с высоко поднятым верхом. Несколько человек, одетых в штатское, с шарфами на шеях, держались заметно отчужденно – будто гости, приглашенные на чужой праздник. Полицаи на дворе уважительно притихли, подобрались. Кто-то торопливо посчитал сзади:

– Раз, два, три, четыре, пять...

– Ну, все готово? – спросил с крыльца плечистый полицай с маленькой кобурой на животе.

Именно эта кобура, а также фигура сильного, видного среди других человека подсказали Рыбаку, что это начальник. Только он подумал об этом, как сзади сипло выкрикнул Сотников:

– Начальник, я хочу сделать одно сообщение.

Остановись на ступеньках, начальник вперил в арестанта тяжелый взгляд.

– Что такое?

– Я партизан. Это я ранил вашего полицая, – не очень громко сказал Сотников и кивнул в сторону Рыбака. – Тот здесь оказался случайно – если понадобится, могу объяснить. Остальные ни при чем. Берите одного меня.

Начальство на крыльце примолкло. Двое, шедшие впереди, недоумевающе переглянулись между собой, и Рыбак ощутил, как в душе его вспыхнула маленькая спасительная искорка, зажегшая слабенькую еще надежду: а вдруг поверят? Это его обнадежившее чувство тут же породило тихую благодарность Сотникову.

Однако минутное внимание на лице начальника сменилось нетерпеливой строгостью.

– Это все? – холодно спросил он и шагнул со ступеньки на снег.

Сотников заикнулся от неожиданности.

– Могу объяснить подробнее.

Кто-то недовольно буркнул, кто-то заговорил по-немецки, и начальник махнул рукой.

– Ведите!

«Вот как, не хочет даже и слушать», – опять впадая в отчаяние, подумал Рыбак. Наверное, все уже решено загодя. Но как же тогда он? Неужели так ничем и не поможет ему это героическое заступничество Сотникова?

Осторожно ступая по прогибающимся деревянным ступенькам, полицаи сходили с крыльца. И вдруг в одном из них, что на этот раз также был в полицейской форме, Рыбак узнал Портнова. Ну, разумеется, это был тот самый вчерашний следователь, который так обнадежил его своим предложением и теперь как бы отступился. Увидев его, Рыбак встрепенулся, весь подался вперед. Была не была – теперь ему уже ничто не казалось ни страшным, ни даже неловким.

– Господин следователь! Господин следователь, одну минутку! Вы это вчера говорили, так, я согласен. Я тут, ей-богу, ни при чем. Вот он подтвердил...

Начальство, которое уже направлялось со двора к улице, опять недовольно, по одному стало останавливаться. Остановился и Портнов. Новая полицейская шинель на нем казалась явно не по размеру и необмято топорщилась на его маленькой, тощей фигуре, черная пилотка по-петушину торчала в сторону. Но в облике следователя заметно прибыло начальственной важности, какой-то показной строгости. Высокий, туго перетянутый ремнем немец в шинели вопросительно взглянул на него, и

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
следователь что-то бойко объяснил по-немецки.

– Подойдите сюда!

При пристальном внимании с обеих сторон Рыбак подошел к крыльцу. Каждый его шаг мучительным, ударом отзывался в его душе. Ниточка его еще не окрепшей надежды с каждой секундой готова была навсегда оборваться.

– Вы согласны вступить в полицию? – спросил следователь.

– Согласен, – со всей искренностью, на которую был способен, ответил Рыбак.

Он не сводил своего почти преданного взгляда с несвежего, немолодого, хотя и тщательно выбритого лица Портнова. Следователь и немец обменялись еще несколькими фразами по-немецки.

– Так. Развязать!

– Сволочь! – как удар, стукнул его по затылку негромкий злой окрик Сотникова, который тут же и выдал себя знакомым болезненным кашлем.

Но пусть! Что-то грозное, неотвратимо подступавшее к нему, вдруг стало быстро отдаляться, Рыбак глубже вздохнул и почувствовал, как сзади дернули его за руки. Но он не оглянулся даже. Он мощно почувствовал только одно: будет жить! Развязанные руки его вольно опали вдоль тела, и он еще неосознанно сделал шаг в сторону, всем существом стараясь скорее отделиться от прочих, – теперь ему хотелось быть как можно от них дальше. Он отошел еще на три шага, и никто не остановил его. Кто-то из начальства повернулся, направляясь к воротам, как сзади раздался крик Демчихи:

– Ага, пускаете! Тогда пустите и меня! Пустите! У меня малые, а, божечка, как же они!..

Ее исполненный дикого отчаяния крик снова заставил всех остановиться, и ближе других к ней оказался Портнов. Высокий немец недовольно прокартавил что-то, и следователь взмахнул рукой.

– Ведите! – сказал он и повернулся в сторону Рыбака. – Вы подсобите тому, – вдруг указал он на Сотникова.

Рыбаку это мало понравилось, от Сотникова теперь он хотел бы держаться подальше. Но приказ есть приказ, и он с готовностью подскочил к недавнему своему товарищу, взял его под руку.

Сквозь настежь раскрытые ворота их повели на улицу. Полицая с винтовками наготове шли по обе стороны. Начальство, растянувшись, приотстало, пропуская их впереди себя. Первым шел Петр – высокий и старый, с белою, без шапки головой и заломленными назад руками. За ним, давясь плачем, тащилась Демчиха. Рядом в какой-то темной, с чужого плеча одежде с длинными рукавами быстренько семенила босыми ногами Бася.

Рыбак поддерживал под руку Сотникова, который как-то на глазах сник, еще больше осунулся и, кашляя, медленно тащился за всеми, сильно припадая на раненую ногу. Почерневшая его стопа, будто неживая, костяно ковыряла пальцами снег, оставляя на нем неестественные зимой отпечатки. Он молчал, и Рыбак не отважился заговорить с ним. Идя вместе, они уже оказались по разные стороны черты, разделявшей людей на друзей и врагов. Рыбак хотя и чувствовал, будто виноват в чем-то, но старался себя убедить, что большой вины за ним нет. Виноват тот, кто делает что-то по своей злой воле или ради выгоды. А у него какая же выгода? Просто он имел больше возможностей и схитрил, чтобы выжить. Но он не изменник. Во всяком случае, становиться немецким прислужником не собирался. Он все ждал, чтобы улучшить удобный момент – может, сейчас, а может, чуть позже, и только они его увидят...

Глава восемнадцатая

Сотников ясно понял, что ровным счетом ничего не добился. Его намерение, так естественно пришедшее к нему ночью и почти принесшее ему успокоение, лопнуло как

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru мыльный пузырь. Полиция была марионеткой в руках у немцев и совершенно безразлично отнеслась к его показанию – наплевать ей на то, кто из них виноват, если прибыл соответствующий приказ или появилась потребность в убийстве.

Едва держась на ногах, он ослабело тащился за всеми, стараясь не слишком опираться на чужую теперь и противную ему Рыбакову руку. То, что произошло во дворе полиции, совершенно сокрушило его – такого он не предвидел. Безусловно, от страха или из ненависти люди способны на любое предательство, но Рыбак, кажется, не был предателем, как не был и трусом. Сколько ему предоставлялось возможностей перебежать в полицию, да и струсить было предостаточно случаев, однако всегда он держался достойно. По крайней мере, не хуже других. Видно, здесь все дело в корыстном расчете ради спасения своей шкуры, от которого всегда один шаг до предательства.

Сотникову было мучительно обидно за свое наивное фантазерство – сам потеряв надежду избавиться от смерти, надумал спасти других. Но те, кто только и жаждет любой ценой выжить, заслуживают ли они хотя бы одной отданной за них жизни? Сколько уже их, человеческих жизней, со времен Иисуса Христа было принесено на жертвенный алтарь человечества, и многому ли они научили это человечество? Как и тысячи лет назад, человека сдает в первую очередь забота о самом себе, и самый благородный порыв к добру и справедливости порой кажется со стороны по меньшей мере чудачеством, если не совершенно дремучей глупостью.

Сотников понемногу приходил в себя, его начала донимать стужа. От слабости на лбу выступил пот, который не сразу высыхал на морозном ветру, и голова оттого стыла до ломоты в мозгу. И вообще, студёный ветер, кажется, начисто выдувал из него остатки накопленного за ночь тепла, тело опять начал сотрясать озноб. Но Сотников старался дотерпеть до конца.

На пустой местечковой улице они перешли мосток, дальше с одной стороны начинался узенький огороженный скверик с несколькими рядами тонких, стывших на морозе деревцев. Впереди на пригорке высился белый двухэтажный дом; широкое полотнище фашистского флага развевалось на его углу. Наверное, там размещалась управа или комендатура, возле которой копошилось какое-то сборище. Сотников удивился: какая нужда собрала этих людей в одно место? Потом он подумал, что, возможно, сегодня базар. А может, что-либо случилось? Или скорее всего согнали население, чтобы устроить расстрелом. Если так, пусть расстреливают, им еще легче будет принять смерть на виду. Что же касается страха, то его на войне и так хватает с избытком, и тем не менее борьба разгорается. На смену казненным придут другие. Смелые всегда найдутся.

Они медленно приближались к этому дому. Стопа Сотникова, будто негнувшийся протез, выковыривала странные ямки в рыхлом, растертом полозьями и лошадиными копытами снегу, нога вся горела непрестанной глубинной болью и с усилием подчинялась ему. Видно, он все же преувеличивал свои силы, когда в начале пути вознамерился идти сам, – теперь он почти виснул на твердой руке Рыбака. От мостика начался пологий подъем, и ему стало еще труднее, не хватало дыхания, в глазах темнело, дорога то и дело ускользала из-под ног. Он испугался, что не дойдет, свалится, и тогда раньше времени пристрелят, как паршивого пса, в канаве. Нет, этого он не мог позволить себе – даже в его положении это казалось слишком. Свою смерть, какой бы она ни была, он должен встретить с солдатским достоинством – это стало главной целью его последних минут.

Они взошли на пригорок и остановились. С трудом вздохнув, Сотников вперил взгляд в спину передних, ожидая, что они опять двинут дальше. Но конвойные полицейские также остановились, впереди послышался разговор по-немецки – несколько человек из начальства ждали под стеной этого добротного дома. Напротив, через улицу, у штакетника, отгораживающего сквер, и возле двух облезлых будок-ларьков застыли пять-шесть десятков людей, также явно чего-то ожидавших. Стало похоже, что их небольшая процессия прибыла к месту назначения – дальше дороги не было.

И тогда Сотников увидел веревки.

Пять гибких пеньковых петель тихо покачивались над улицей, будто демонстрируя перед всеми отменную надежность своих толстых, со знанием дела затянутых узлов. Висели они на перекладине старой, еще довоенной уличной арки. «Пригодилась», – мелькнуло в голове у Сотникова, сразу узнавшего это традиционное для райцентра сооружение – точно такая же арка была когда-то и в его городке. Перед праздником

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ее убирала дерезой и хвоей, прилаживали наверху лозунг, написанный чернилами на куске обоев. Рядом перед исполкомом собирали праздничные митинги, и под невысоким пролетом арки проходили колонны учеников из двух школ, рабочих льнозавода, мастерских и тарного комбината. На крестовине вверху обычно горела звезда из фанеры или развевался на ветру флажок, придававшие особо торжественную завершенность всему сооружению. Теперь же там ничего не было, только на столбах из-под почерневших реек-лучин выглядывали бумажные обрывки да трепыхался на ветру какой-то вылинявший лоскут размером с уголок пионерского галстука. Оккупанты принесли на арку свое украшение в виде этих новеньких, наверно специально ради такого случая выписанных со склада, веревок.

А он думал, будет расстрел...

Двое – полицаи и еще кто-то в серой суконной поддевке – несли через улицу старую, колченогую скамью, и Сотников понял, что это для них, чтобы достать до петли, прежде чем заболтаться, свернув на плечо голову – беспомощно, отвратительно и безголосо. Ему вдруг стало противно от одного лишь представления о себе повешенном, да и от всей этой унижительной, бесчеловечной расправы. За время войны он и не подумал даже о возможности другой гибели, чем от осколка или пули, и теперь все в нем взвилось в инстинктивном протесте против этого адского удушения петлей.

Но он ничем уже не мог помочь ни себе, ни другим. Он только мысленно уговаривал себя: ничего, ничего!.. В конце концов, это их право, их звериный обычай, их власть. Теперь последняя его обязанность – терпеть без тени страха или сожаления. Пусть вешают.

Скамейку там, наверное, уже установили. Проворный, вездесущий Стась, а также здоровенный, ниже хлястика подпоясанный по шинели Будила и другие полицаи повели их под арку. Наступая на закоряженную, болезненную ступню, Сотников прикинул: оставалось шагов пятнадцать-двадцать, и он отнял у Рыбака руку – хотел дойти сам. Они прошли между полицаев, возле группы немецкого и штатского начальства, которое терпеливо топталось под стеной здания. Начинался спектакль, местная полицейская самодеятельность на немецкий манер. Полицаи поторапливались, суетились, что-то у них не получалось как следует. Некоторые из начальства хмурились, а другие незло и беззаботно переговаривались, будто сошлись по будничной, не очень интересной надобности и скоро возвратятся к своим привычным делам. С их стороны доносился запах сигарет и одеколона, слышались обрывки случайных, ничего не значащих фраз. Сотников, однако, не смотрел туда – притавившись к арке, чтобы не упасть, прислонился плечом к столбу и в изнеможении прикрыл глаза.

Нет, наверно, смерть ничего не решает и ничего не оправдывает. Только жизнь дает людям определенные возможности, которые ими осуществляются или пропадают напрасно, только жизнь может противостоять злу и насилию. Смерть же лишает всего. И если тому лейтенанту в сосняке своей гибелью еще удалось чего-то добиться, то вряд ли он на это рассчитывал. Просто такая смерть была необходима ему самому, потому что он не хотел погибать овцой. Но что делать, если при всей твоей самоотверженности ты лишен малейшей возможности? Что можно сделать за пять минут до конца, когда ты уже едва жив и не в состоянии даже громко выругаться, чтобы досадить этим бобикам?

Да, награды не будет, как не будет признательности, ибо нельзя надеяться на то, что не заслужено. И все же согласиться с Рыбаком он не мог, это противоречило всей его человеческой сущности, его вере и его морали. И хотя и без того неширокий круг его возможностей становился все уже и даже смерть ничем уже не могла расширить его, все же одна возможность у него еще оставалась. От нее уж он не отступится. Она, единственная, в самом деле зависела только от него и никого больше, только он полновластно распоряжался ею, ибо только в его власти было уйти из этого мира по совести, со свойственным человеку достоинством. Это была его последняя милость, святая роскошь, которую как награду даровала ему жизнь.

По одному их начали разводить вдоль виселицы. Под крайнюю от начальства петлю поставили притихшего в своей покорной сосредоточенности Петра. Сотников взглянул на него и виновато поморщился. Еще вчера он досадовал, что они не застрелили этого старосту, а теперь вот вместе придется повиснуть на одной перекладине.

Петра первым заставили влезть на скамью, которая угрожающе покосилась под его

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru коленями и едва не опрокинулась. Будила, наверно, и здесь заправляющий обязанностями главного палача, выругался, сам вскочил наверх и втащил туда старика. Староста с осторожностью выпрямился на скамье, не поднимая головы, сдержанно и значительно, как в церкви, поклонился людям. Потом к скамье подтолкнули Басю. Та проворно взобралась на свое место и, зябко переступая замерзшими, потрескавшимися ногами, с детской непосредственностью принялась разглядывать толпу у штакетника – будто высматривала там знакомых.

Скамьи на всех, однако, не хватило. Под следующей петлей стоял желтый фанерный ящик, а на остальных двух местах торчали в снегу полуметровые, свежееотпиленные от бревна чурбаны. Сотников подумал, что его определяют на ящик, но к ящику подвели Демчиху, а его Рыбак с полицаем потащили на край, к чурбанам.

Он еще не дошел до своего места, как сзади опять раздался крик Демчихи. От неожиданности Сотников оглянулся – женщина, упираясь ногами, всячески отбивалась от полицаев, не желая лезть под петлю.

– Ай, паночки, простите! Простите дурной бабе, я ж не хотела, не думала!

Ее плач заглушили злые крики начальства, что-то скомандовал Будила, и полицай, ведший Сотникова, оставил его на Рыбака, а сам бросился к Демчихе. Несколько полицаев потащили ее на ящик.

Рыбак, оставшись с Сотниковым, не очень уверенно подвел его к последнему под аркой чурбану и остановился. Как раз над ними свешивалась новенькая, как и остальные, пеньковая удавка с узковато затянутой петлей, тихонько раскручивающейся вверху. «Одна на двоих», – почему-то подумалось Сотникову, хотя было очевидно, что эта петля для него. Надо было влезать на чурбан. Он недолго помедлил в нерешительности, пока в сознании не блеснуло отчаянное, как ругательство: «Эх, была не была!» Бросив уныло застывшему Рыбаку: «Держи!», он здоровым коленом стал на торец, свежезаслеженный грязным отпечатком чьей-то подошвы. Рыбак тем временем обеими руками обхватил подставку. Для равновесия Сотников слегка оперся локтем о его спину, напрягся и, сжав зубы, кое-как взобрался наверх.

Минуту он тихо стоял, узко составив ступни на круглом нешироком срезе. Затылок его уже ощутил шершавое, леденящее душу прикосновение петли. Внизу застыла широкая в полушубке спина Рыбака, заскорузлые его руки плотно облапили сосновую кору чурбана. «Выкрутился, сволочь!» – недобро, вроде бы с завистью подумал про него Сотников и тут же усомнился: надо ли так? Теперь, в последние мгновения жизни, он неожиданно утратил прежнюю свою уверенность в праве требовать от других наравне с собой. Рыбак был неплохим партизаном, наверно, считался опытным старшиной в армии, но как человек и гражданин, безусловно, недобрал чего-то. Впрочем, он решил выжить любой ценой – в этом все дело.

Рядом все плакала, рвалась из рук полицаев Демчиха, что-то принялся читать по бумажке немец в желтых перчатках – приговор или, может, приказ для согнанных жителей перед этой казнью. Шли последние минуты жизни, и Сотников, застыв на чурбане, жадным прощальным взглядом вбирал в себя весь неказистый, но такой привычный с самого детства вид местечковой улицы с пригорюнившимися фигурами людей, чахлыми деревьями, поломанным штакетником, бугром намерзшего у железной колонки льда. Сквозь тонкие ветви сквера виднелись обшарпанные стены недалекой церквушки, ее проржавевшая железная крыша без крестов на двух облезлых зеленых куполах. Несколько узких окошек там были наспех заколочены неокоренным суковатым горбылем...

Но вот рядом затопал кто-то из полицаев, потянулся к его веревке; бесцеремонные руки в сизых обшлагах поймали над ним петлю и, обдирая его болезненные, намороженные уши, надвинули ее на голову до подбородка. «Ну вот и все», – отметил Сотников и опустил взгляд вниз, на людей. Природа сама по себе, она всегда без усилия добром и миром ложилась на душу, но теперь ему захотелось видеть людей. Печальным взглядом он тихонько повел по их неровному настороженному ряду, в котором преобладали женщины и только изредка попадались немолодые мужчины, подростки, девчата – обычный местечковый люд в тулупчиках, ватниках, армейских обносках, платках, самотканых свитках. Среди их безликого множества его внимание остановилось на тонковатой фигурке мальчика лет двенадцати в низко надвинутой на лоб старой армейской буденовке. Тесно запахнувшись в какую-то одежду, мальчонка глубоко в рукава вбирал свои озябшие

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru руки и, видно было отсюда, дрожал от стужи или, может, от страха, с детской завороченностью на бледном, болезненном личике следя за происходящим под виселицей. Отсюда трудно было судить, как он относится к ним, но Сотникову вдруг захотелось, чтобы он плохо о них не думал. И действительно, вскоре перехватив его взгляд, Сотников уловил в нем столько безутешного горя и столько сочувствия к ним, что не удержался и одними глазами улыбнулся мальцу – ничего, браток.

Больше он не стал всматриваться и опустил взгляд, чтобы избежать ненавистного ему вида начальства, немцев, следователя Портнова, Стася, Будилы. Их дьявольское присутствие он ощущал и так. Объявление приговора, кажется, уже закончилось, раздалась команда по-немецки и по-русски, и вдруг он почувствовал, как, будто ожив, напряженно дернулась на его шее веревка. Кто-то в том конце виселицы всхрапнул раз и другой, и тотчас, совершенно обезумев, завопила Демчиха:

– А-а-а-ай! Не хочу! Не хочу!

Но ее крик тут же и оборвался, морозно хрястнула вверху поперечина арки, сдавленно зарыдала женщина в толпе. На душе стало нестерпимо тоскливо. Какая-то еще не до конца израсходованная сила внутри подмывала его рвануться, завопить, как эта Демчиха, – дико и страшно. Но он заставил себя сдержаться, лишь сердце его болезненно сжалось в предсмертной судороге: перед концом так захотелось отпустить все тормоза и заплакать. Вместо того он вдруг улыбнулся в последний раз своей, наверное, жалкой, вымученной улыбкой.

Со стороны начальства раздалась команда, видно, это уже относилось к нему: чурбан под ногами на миг ослабел, пошатнулся. Едва не свалившись с него, Сотников глянул вниз – с искривленного, обросшего щетиной лица смотрели вверх растерянные глаза его партизанского друга, и Сотников едва расслышал:

– Прости, брат!

– Пошел к черту! – коротко бросил Сотников.

Вот и все кончено. Напоследок он отыскал взглядом застывший стебелек мальчишки в буденовке. Тот стоял, как и прежде, на полшага впереди других, с широко раскрытыми на бледном лице глазами. Полный боли и страха его взгляд следовал за кем-то под виселицей и вел так, все ближе и ближе к нему. Сотников не знал, кто там шел, но по лицу мальчишки понял все до конца.

Подставка его опять пошатнулась в неожиданно ослабевших руках Рыбака, который неловко скорчился внизу, боясь и, наверное, не решаясь на последнее и самое страшное теперь для него дело. Но вот сзади матерно выругался Будила, и Сотников, вдруг потеряв опору, задохнувшись, тяжело провалился в черную, удушливую бездну.

Глава девятнадцатая

Рыбак выпустил подставку и отшатнулся – ноги Сотникова закачались рядом, сбитая ими шапка упала на снег. Рыбак отпрянул, но тут же нагнулся и выхватил ее из-под повешенного, который уже успокоенно раскручивался на веревке, описывая круг в одну, а затем и в другую сторону. Рыбак не решился глянуть ему в лицо: он видел перед собой только зависшие в воздухе ноги – одну в растоптанном бурке и рядом вывернутую наружу пяткой, грязную, посиневшую ступню с подсохшей полоской крови на щиколотке.

Оторопь от происшедшего, однако, недолго держала его в своей власти – усилием воли Рыбак превозмог растерянность и оглянулся. Рядом, между Сотниковым и Демчихой, болталась налегке пятая веревка – не дождется ли она его шеи?

Однако ничто, кажется, не подтверждало его опасения. Будила вытаскивал из-под Демчихи желтый фанерный ящик, убирала из-под арки скамью. Ему издали что-то крикнул Стась, но, все еще находясь под впечатлением казни, Рыбак не понял или не расслышал его и стоял, не зная, куда податься. Группа немцев и штатского начальства возле дома стала редеть – там расходились, разговаривая, закуривая сигареты, все в бодром, приподнятом настроении, как после удачно оконченного, в общем не скучного и даже интересного занятия. И тогда он несмело еще поверил: видать, пронесло!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Да, вроде бы пронесло, его не повесят, он будет жить. Ликвидация закончилась, снимали полицейское оцепление, людям скомандовали разойтись, и женщины, подростки, старухи, ошеломленные и молчаливые, потащились по обеим сторонам улицы. Некоторые ненадолго останавливались, оглядывались на четырех повешенных, женщины утирали глаза и торопились уйти подальше. Полицаи наводили последний порядок у виселицы. Стась со своей неизменной винтовкой на плече отбросил ногой чурбак из-под лишней пятой петли и опять что-то прокричал Рыбаку. Тот не так понял, как догадался, что от него требовалось, и, достав из-под Сотникова подставку, бросил ее под штакетник. Когда он повернулся, Стась стоял напротив со своей обычной белозубой улыбкой на лице-маске. Глаза его при этом оставались настороженно-холодными.

– Гы-гы! Однако молодец! Способный, падла! – с издевкой похвалил полицаи и с такой силой ударил его по плечу, что Рыбак едва устоял на ногах, подумав про себя: «Чтоб ты окошел, сволочь!» Но, взглянув в его сытое, вытянутое деревянной усмешкой лицо, сам тоже усмехнулся – криво, одними губами.

– А ты думал!

– Правильно! А что там? Подумаешь: бандита жалеть!

«Постой, что это? – не понял Рыбак. – О ком он? О Сотникове, что ли?» Не сразу, но все отчетливее он стал понимать, что тот имеет в виду, и опять неприятный холодок виновности коснулся его сознания. Но он еще не хотел верить в свою причастность к этой расправе – при чем тут он? Разве это он? Он только выдернул этот обрубок. И то по приказу полиции.

Четверо повешенных грузно раскачивались на длинных веревках, свернув набок головы, с неестественно глубоко перехваченными в петлях шеями. Кто-то из полицаев навесил каждому на грудь по фанерке с надписями на русском и немецком языках. Рыбак не стал читать тех надписей, он вообще старался не глядеть туда – пятая, пустая, петля пугала его. Он думал, что, может, ее отвяжут да уберут с этой виселицы, но никто из полицаев даже не подошел к ней.

Кажется, все было окончено, возле повешенных встал часовой – молодой длинношей полицаичик в серой суконной поддевке, с немецкой винтовкой на плече. Остальных начали строить. Чтобы не мешать, Рыбак взошел с мостовой на узенький под снегом тротуарчик и стал так, весь в ожидании того, что последует дальше. В мыслях его была путаница, так же как и в чувствах, радость спасения чем-то омрачалась, но он еще не мог толком понять чем. Опять заявило о себе примолкшее было, но упрямое желание дать деру, прорваться в лес. Но для этого надо было выбрать момент. Теперь его уже ничто тут не удерживало.

Полицаи привычно строились в колонну по три, их набралось тут человек пятнадцать – разного сброда в новеньких форменных шинелях и пилотках, а также в полушубках, фуфайках, красноармейских обносках. Один даже был в кожанке с до пояса обрезанной полой. Людей на улице почти уже не осталось – лишь в скверике поодаль стояло несколько подростков и с ними тоненький, болезненного вида мальчишка в буденовке. Полуоткрыв рот, он все шмыгал носом и вглядывался в виселицу, похоже, что-то на ней его озадачивало. Минуту спустя он пальцем из длинного рукава указал через улицу, и Рыбак, от неловкости передернув плечом, шагнул в сторону, чтобы скрыться за полицаями. Вся группа уже застыла в строю, с радостной исполнительностью подчиняясь зычной команде старшего, который, скомандовав, и сам обмер в сладостном командирском обладании властью, на немецкий манер выставив в стороны локти.

– Смирно!

Полицаи в колонне встrepенулись и снова замерли. Старший повел по рядам свирепым строевым взглядом, пока не наткнулся им на одинокую фигуру на тротуаре.

– А ты что? Стать в строй!

Рыбак на минуту смешался. Эта команда обнадеживала и озадачивала одновременно. Однако размышлять было некогда, он быстренько соскочил с тротуара и стал в хвост колонны, рядом с каким-то высоким, в черной ушанке полицаем, неприязненно покосившимся на него.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Шагом марш!

И это было обыкновенно и привычно. Рыбак бездумно шагнул в такт с другими, и, если бы не пустые руки, которые неизвестно куда было девать, можно было бы подумать, что он снова в отряде, среди своих. И если бы перед глазами не мелькали светлые обшлага и замусоленные бело-голубые повязки на рукавах.

Они пошли вниз по той самой улице, по которой пришли сюда, однако это уже был совершенно иной путь. Сейчас не было уныния и подавленности – рядом струилась живость, самодовольство, что, впрочем, и не удивляло: он был среди победителей. На полгода, день или час, но чувствовали они себя очень бодро, подогретые сознанием совершенного возмездия или, может, до конца исполненного долга; некоторые вполголоса переговаривались, слышались смешки, остроты, и никто ни разу не оглянулся назад, на арку. Зато на них теперь оглядывались все. Те, что брели с этой акции вдоль обшарпанных стен и заборов, с упреком, страхом, а то и нескрываемой ненавистью в покрасневших от слез женских глазах проводили местечковую шайку предателей. Полицаев, однако, все это нимало не трогало, наверное, сказывалась привычка, на бесправных, запуганных людей они просто не обращали внимания. Рыбак же со все возрастающей тревогой думал, что надо смываться. Может, вон там, на повороте, прыгнуть за изгородь и прорваться из местечка. Хорошо, если близко окажется какой-либо овраг или хотя бы кустарник, а еще лучше лес. Или если бы во дворе попала под руки лошадь.

Поскрипывал снег на дороге, полицаи справно шагали по-армейски в ногу, рядом по узкому тротуару шел старший – крутоплечий, мордатый мужчина в туго подпоясанной полицейской шинели. На боку у него болтался низкомерно подвешенный милицкий наган в потертой кожаной кобуре с медной протиркой в прорезях. За мостом передние в колонне, придержав шаг, приняли в сторону – кто-то там ехал навстречу, и старший угрожающе прикрикнул на него. Затем и остальные потеснились в рядах, разминаясь, – какой-то дядька в пустых розвальнях нерасторопно сдавал под самые окна вросшей в землю избушки. И Рыбак вдруг со всею реальностью представил: броситься в сани, выхватить вожжи и врзять по лошади – может бы, и вырвался. Но дядька! Придерживая молодого, нетерпеливого коника, тот бросил взгляд на их строевого начальника и всю их колонну, и в этом взгляде его отразилась такая к ним ненависть, что Рыбак понял: нет, с этим не выйдет! Но с кем тогда выйдет? И тут его, словно обухом по голове, оглушила неожиданная в такую минуту мысль: удирать некуда. После этой ликвидации – некуда. Из этого строя дороги к побегу уже не было.

От ошеломляющей ясности этого открытия он сбился с ноги, испуганно подскочил, пропуская шаг, но снова попал не в ногу.

– Ты что? – пренебрежительным басом бросил сосед.

– Ничего.

– Мабуть, без привычки? Научись!

Рыбак промолчал, отчетливо понимая, что с побегом покончено, что этой ликвидацией его скрутили надежнее, чем ременной супонью. И хотя оставили в живых, но в некотором отношении также ликвидировали.

Да, возврата к прежнему теперь уже не было – он погибал всерьез, насовсем и самым неожиданным образом. Теперь он всем и повсюду враг. И, видно, самому себе тоже.

Растерянный и озадаченный, он не мог толком понять, как это произошло и кто в том повинен. Немцы? Война? Полиция? Очень не хотелось оказаться виноватым самому. Да и в самом деле, в чем он был виноват сам? Разве он избрал себе такую судьбу? Или он не боролся до самого конца? Даже больше и упорнее, чем тот честолюбивый Сотников. Впрочем, в его несчастье больше других был виноват именно Сотников. Если бы тот не заболел, не подлез под пулю, не вынудил столько возиться с собой, Рыбак, наверное, давно был бы в лесу. А теперь вот тому уже все безразлично в петле на арке, а каково ему-то, живому!..

В полном смятении, с туманной пеленой в сознании Рыбак пришагал с колонной к знакомым воротам полиции. На просторном дворе их остановили, по команде всех враз повернули к крыльцу. Там уже стояли начальник, следователь Портнов и те

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru двое в немецкой жандармской форме. Старший полицай громогласно доложил о прибытии, и начальник придирчивым взглядом окинул колонну.

– Вольно! Двадцать минут перекур, – сказал он, нащупывая глазами Рыбака. – Ты зайдешь ко мне.

– Есть! – сжавшись от чего-то неизбежного, что вплотную подступило к нему, промолвил Рыбак.

Сосед толкнул его локтем в бок.

– Яволь, а не есть! Привыкать надо.

«Пошел ты к черту!» – выругался про себя Рыбак. И вообще пусть все летит к дьяволу. В тартарары! Навеки!

Команду распустили. Рыбак метал вокруг смятенные взгляды и не знал, на что можно решиться. Полицай во дворе загалдели, затолкались, беззлобно поругиваясь, принялись закуривать, в воздухе потянуло сладким дымком сигарет. Некоторые направились в помещение, а один пошел в угол двора к узкой дощатой будке с двумя дверками на деревянных закрутках. Рыбак боком также подался туда.

– Эй, ты куда?

Сзади с чуткой встревоженностью в глазах стоял Стась.

– Сейчас. На минутку.

Кажется, он произнес это довольно спокойно, затаив в себе свой теперь единственно возможный выход, и Стась беспечно отвернулся. Да, к чертям! Всех и все! Рыбак рванул скрипучую дверь, заперся на проволочный крючок, взглянул вверх. Потолок был невысоко, но для его нужды высоты, видимо, хватит. Между неплотно настланных досок вверху чернели полосы толя, за поперечину легко можно было просунуть ремень. Со злобной решимостью он расстегнул полушубок и вдруг застыл, пораженный – на брюках ремня не оказалось. И как он забыл, что вчера перед тем, как их посадить в подвал, этот ремень сняли у него полицайи. Руки его заматались по одежде в поисках чего-нибудь подходящего, но нигде ничего подходящего не было.

За перегородкой топнули гулко подошвы, тягуче проскрипела дверь – уходила последняя возможность свести счеты с судьбой. Хоть бросайся вниз головой! Непреодолимое отчаяние охватило его, он застонал, едва подавляя в себе внезапное желание завывать, как собака.

Но знакомый голос снаружи вернул ему самообладание.

– Ну, ты долго там? – прокричал издали Стась.

– Счас, счас...

– Начальство зовет!

Конечно, начальство не терпит медлительности, к начальству надлежит являться бегом. Тем более если решено сделать тебя полицаем. Еще вчера он мечтал об этом как о спасении. Сегодня же осуществление этой мечты оборачивалось для него катастрофой.

Рыбак высморкался, рассеянно нащупав пуговицу, застегнул полушубок. Наверно, ничего уже не поделаешь – такова судьба. Коварная судьба заплутавшего на войне человека. Не в состоянии что-либо придумать сейчас, он отбросил крючок и, стараясь совладать с рассеянностью, вышел из уборной.

На пороге, нетерпеливо выглядывая его, стоял начальник полиции.

Обелиск

За два долгих года я так и не выбрал времени съездить в ту не очень и далекую от города сельскую школу. Сколько раз думал об этом, но все откладывал: зимой –

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru пока ослабнут морозы или утихнет метель, весной – пока подсохнет да потеплеет; летом же, когда было и сухо и тепло, все мысли занимал отпуск и связанные с ним хлопоты ради какого-то месяца на тесном, жарком, перенаселенном юге. Кроме того, думал: подъеду, когда станет свободней с работой, с разными домашними заботами. И, как это бывает в жизни, дооткладывался до того, что стало поздно собираться в гости – пришло время ехать на похороны.

Узнал об этом также не вовремя: возвращаясь из командировки, встретил на улице знакомого, давнишнего товарища по работе. Немного поговорив о том о сем и обменявшись несколькими шутивными фразами, уже распрощались, как вдруг, будто вспомнив что-то, товарищ остановился.

– Слышал, Миклашевич умер? Тот, что в Сельце учителем был.

– Как умер?

– Так, обыкновенно. Позавчера умер. Кажется, сегодня хоронить будут.

Товарищ сказал и пошел, смерть Миклашевича для него, наверно, мало что значила, а я стоял и растерянно смотрел через улицу. На мгновение я перестал ощущать себя, забыл обо всех своих неотложных делах – какая-то еще не осознанная виноватость внезапным ударом оглушила меня и приковала к этому кусочку асфальта. Конечно, я понимал, что в безвременной смерти молодого сельского учителя никакой моей вины не было, да и сам учитель не был мне ни родней, ни даже близким знакомым, но сердце мое остро защемило от жалости к нему и сознания своей непоправимой вины – ведь я не сделал того, что теперь уже никогда не смогу сделать. Наверно, цепляясь за последнюю возможность оправдаться перед собой, ощутил быстро созревшую решимость поехать туда сейчас же, немедленно.

Время с той минуты, как я принял это решение, помчалось для меня по какому-то особому отсчету, вернее – исчезло ощущение времени. Изо всех сил я стал торопиться, хотя удавалось это мне плохо. Дома никого из своих не застал, но даже не написал записки, чтобы предупредить их о моем отъезде, – побежал на автобусную станцию. Вспомнив о делах на службе, пытался дозвониться туда из автомата, который, будто назло мне, исправно глотал медяки и молчал, как заклятый. Бросился искать другой и нашел его только у нового здания гастронома, но там в терпеливом ожидании стояла очередь. Ждал несколько минут, выслушивая длинные и мелочные разговоры в синей, с разбитым стеклом будке, поссорился с каким-то парнем, которого принял сначала за девушку, – штаны клеш и льняные локоны до воротника вельветовой курточки. Пока наконец дозвонился да объяснил, в чем дело, упустил последний автобус на Сельцо, другого же транспорта в ту сторону сегодня не предвиделось. С полчаса потратил на тщетные попытки захватить такси на стоянке, но к каждой подходившей машине бросалась толпа более проворных, а главное, более нахальных, чем я. В конце концов пришлось выбираться на шоссе за городом и прибегнуть к старому, испытанному в таких случаях способу – голосовать. Действительно, седьмая или десятая машина из города, доверху нагруженная рулонами толя, остановилась на обочине и взяла нас – меня и парнишку в кедах, с сумкой, набитой буханками городского хлеба.

В пути стало немного спокойнее, только порой казалось, что машина идет слишком медленно, и я ловил себя на том, что мысленно ругаю шофера, хотя на более трезвый взгляд ехали мы обычно, как и все тут ездят. Шоссе было гладким, асфальтированным и почти прямым, плавно покачивало на пологих взгорках – то вверх, то вниз. День клонился к вечеру, стояла середина бабьего лета со спокойной прозрачностью далей, поредевшими, тронутыми первой желтизной перелесками, вольным простором уже опустевших полей. Поодаль, у леса, паслось колхозное стадо – несколько сот подтелков, все одного возраста, роста, одинаковой буро-красной масти. На огромном поле по другую сторону дороги тарахтел неумолимый колхозный трактор – пахал под зябь. Навстречу нам шли машины, громоздко нагруженные льнотрестой. В придорожной деревне Будиловичи ярко пламенели в палисадниках поздние георгины, на огородах в распаханых бороздах с сухой, полегшей ботвой копались деревенские тетки – выбирали картофель. Природа наполнилась мирным покоем погожей осени; тихая человеческая удовлетворенность просвечивала в размеренном ритме извечных крестьянских хлопот; когда урожай уже выращен, собран, большинство связанных с ним забот позади, оставалось его обработать, подготовить к зиме и до следующей весны – прощай, многотрудное и многозаботное поле.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Но меня эта умиротворяющая благодать природы, однако, никак не успокаивала, а только угнетала и злила. Я опаздывал, чувствовал это, переживал и клял себя за мою застарелую лень, душевную черствость. Никакие мои прежние причины не казались теперь уважительными, да и вообще были ли какие-нибудь причины? С такой медвежьей неповоротливостью недолго было до конца прожить отпущенные тебе годы, ничего не сделав из того, что, может, только и могло составить смысл твоего существования на этой грешной земле. Так пропади она пропадом, тщетная муравьиная суета ради призрачного ненасытного благополучия, если из-за него остается в стороне нечто куда более важное. Ведь тем самым опустошается и выхолщивается вся твоя жизнь, которая только кажется тебе автономной, обособленной от других человеческих жизней, направленной по твоему, сугубо индивидуальному житейскому руслу. На самом же деле, как это не сегодня замечено, если она и наполняется чем-то значительным, так это прежде всего разумной человеческой добротой и заботой о других – близких или даже далеких тебе людях, которые нуждаются в этой твоей заботе.

Наверно, лучше других это понимал Миклашевич.

И, кажется, не было у него особой на то причины, исключительной образованности или утонченного воспитания, которые выделяли бы его из круга других людей. Был он обыкновенным сельским учителем, наверно, не лучше и не хуже тысяч других городских и сельских учителей. Правда, я слышал, что он пережил трагедию во время войны и чудом спасся от смерти. И еще – что он очень болен. Каждому, кто впервые встречался с ним, было очевидно, как изводила его эта болезнь. Но я никогда не слышал, чтобы он пожаловался на нее или дал бы кому-либо понять, как ему трудно. Вспомнилось, как мы с ним познакомились во время перерыва на очередной учительской конференции. С кем-то беседуя, он стоял тогда у окна в шумном вестибюле городского Дома культуры, и вся его очень худая, остроплечая фигура с выпирающими под пиджаком лопатками и худой длинной шеей показалась мне сзади удивительно хрупкой, почти мальчишечьей. Но стоило ему тут же обернуться ко мне своим увядшим, в густых морщинах лицом, как впечатление сразу менялось – думалось, что это довольно побитый жизнью, почти пожилой человек. В действительности же, и я это знал точно, в то время ему шел только тридцать четвертый год.

– Слышал о вас и давно хотел обратиться с одним запутанным делом, – сказал тогда Миклашевич каким-то глухим голосом.

Он курил, стряхивая пепел в пустой коробок из-под спичек, который держал в пальцах, и я, помнится, невольно ужаснулся, увидев эти его нервно дрожащие пальцы, обтянутые желтой сморщенной кожей. С недобрим предчувствием я поспешил перевести взгляд на его лицо – усталое, оно было, однако, удивительно спокойным и ясным.

– Печать – великая сила, – шутливо и со значением процитировал он, и сквозь сетку морщин на его лице проглянула добрая, со страдальческой грустью усмешка.

Я знал, что он ищет что-то в истории партизанской войны на Гродненщине, что сам еще подростком принимал участие в партизанских делах, что его друзья-школьники расстреляны немцами в сорок втором и что хлопотами Миклашевича в их честь поставлен небольшой памятник в Сельце. Но вот, оказывается, было у него и еще какое-то дело, в котором он рассчитывал на меня. Что ж, я был готов. Я обещал приехать, поговорить и по возможности разобраться, если дело действительно запутанное, – в то время я еще не потерял охоту к разного рода запутанным, сложным делам.

И вот опоздал.

В небольшом придорожном леске с высоко вознесшимися над дорогой шапками сосен шоссе начинало плавное широкое закругление, за которым показалось, наконец, и Сельцо. Когда-то это была помещичья усадьба с пышно разросшимися за много десятков лет суковатыми кронами старых вязов и лип, скрывавшими в своих недрах старосветский особняк – школу. Машина неторопливо приближалась к повороту в усадьбу, и это приближение новой волной печали и горечи охватило меня – я подъезжал. На миг появилось сомнение: зачем? Зачем я еду сюда, на эти печальные похороны, надо было приехать раньше, а теперь кому я могу быть тут нужен, да и что тут может понадобиться мне? Но, по-видимому, рассуждать таким образом уже не имело смысла, машина стала замедлять ход. Я крикнул парнишке-попутчику, который,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru судя по его спокойному виду, ехал дальше, чтобы тот постучал шоферу, а сам по шершавым рулонам толя подобрался к борту, готовясь прыгнуть на обочину.

Ну вот и приехал. Машина, сердито стрельнув из выхлопной трубы, покатила дальше, а я, разминая затекшие ноги, немного прошел по обочине. Знакомая, не раз виденная из окна автобуса эта развилка встретила меня со сдержанной похоронной печалью. Возле мостика через канаву торчал столбик со знаком автобусной остановки, за ним был виден знакомый обелиск с пятью юношескими именами на черной табличке. В сотне шагов от шоссе вдоль дороги к школе начиналась старая узковатая аллея из широкоствольных, развалившихся в разные стороны вязов. В дальнем конце ее на школьном дворе ждали кого-то «газик» и черная, видимо райкомовская «Волга», но людей там не было видно. «Наверно, люди теперь в другом месте», – подумал я. Но я даже толком не знал, где здесь находится кладбище, чтобы пойти туда, если еще имело какой-то смысл туда идти.

Так, не очень решительно, я вошел в аллею под многоярусные кроны деревьев. Когда-то, лет пять назад, я уже бывал тут, но тогда этот старый помещичий дом, да и эта аллея не показались мне такими подчеркнута молчаливыми: школьный двор тогда полнился голосами детей – как раз была перемена. Теперь же вокруг стояла недобрая погребальная тишина – даже не шелестела, затаившись в предвечернем покое, поредевшая желтеющая листва старых вязов. Укатанная гравийная дорожка вскоре вывела на школьный двор – впереди высился некогда пышный, в два этажа, но уже обветшалый и запущенный, с треснувшей по фасаду стеной старосветский дворец: фигурная балюстрада веранды, беленые колонны по обе стороны парадного входа, высокие венецианские окна. Мне следовало спросить у кого-нибудь, где хоронят Миклашевича, но спросить было не у кого. Не зная, куда деваться, я растерянно потоптался возле машин и уже хотел войти в школу, как из той же парадной аллеи, едва не наехав на меня, выскочил еще один запыленный «газик». Он тут же лихо затормозил, и из его брезентового нутра вывалился знакомый мне человек в измятой зеленой «болонье». Это был зоотехник из областного управления сельского хозяйства, который теперь, как я слышал, работал где-то в районе. Лет пять мы не виделись с ним, да и вообще наше знакомство было шапочным, но сейчас я искренне обрадовался его появлению.

– Здорово, друг, – приветствовал меня зоотехник с таким оживлением на упитанном самодовольном лице, словно мы явились сюда на свадьбу, а не на похороны. – Тоже, да?

– Тоже, – сдержанно ответил я.

– Они там, в учительском доме, – сразу приняв мой сдержанный тон, тише сказал приехавший. – А ну давай пособи.

Ухвативши за угол, он выволок из машины ящик со сверкающими рядами бутылок «Московской», за которой, видно, и ездил в сельпо или в город. Я подхватил ношу с другой стороны, и мы, минуя школу, пошли по тропке меж садовых зарослей куда-то в сторону недалекого флигеля с квартирами учителей.

– Как же это случилось? – спросил я, все еще не в состоянии свыкнуться с этой смертью.

– А так! Как все случается. Трах, бах – готово. Был человек – и нет.

– Хоть болел перед этим или как?

– Болел! Он всю жизнь болел. Но работал. И доработался до ручки. Пойдем вот да выпьем, пока есть такая возможность.

В старом, довольно обветшалом, с облупившейся штукатуркой флигеле за поредевшими кустами сирени, среди которых свежо и сочно рдела осыпанная гроздьями рябина, слышался приглушенный говор многих людей, по которому можно было судить, что самое важное и последнее тут уже окончено. Шли поминки. Низкие окна приземистого флигеля были настезь раскрыты, между раздвинутых занавесок виднелась чья-то спина в белой нейлоновой сорочке и рядом льняная копна высокой женской прически. У крыльца стояли и курили двое небритых, в рабочей одежде мужчин. Они скупно переговаривались о чем-то, потом умолкали, перехватили у нас ящик и понесли его в дом. По узкому коридорчику мы пошли за ними.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

В небольшой комнате, из которой теперь было вынесено все, что можно вынести, стояли сдвинутые вплоты столы с остатками питья и закусок. Десятка два сидевших за ними людей были заняты разговорами, сигаретный дым витыми космами тянулся к окнам. Заметно угасший темп поминок свидетельствовал, что идут они не первый уже час, и я понял, что мое запоздалое появление хуже отсутствия и легко могло быть истолковано не в мою пользу. Но не братья же за шапку, коль уж приехал.

– Садитесь, вот и местечко есть, – скорбным голосом пригласила к столу пожилая женщина в темной косынке, не спрашивая, кто я и зачем пришел: наверное, такое появление тут было делом обычным.

Я послушно сел на низковатую за высоким столом табуретку, стараясь не привлекать к себе внимания этих людей. Но рядом кто-то уже поворачивал ко мне свое отечное немолодое, мокрое от пота лицо.

– Опоздал? – просто сказал человек. – Ну что ж... Нет больше нашего Павлика. И уже не будет. Выпьем, товарищ.

Он сунул мне в руки явно недопитый кем-то, со следами чужих пальцев стакан водки, сам взял со стола другой.

– Давай, брат. Земля ему пухом.

– Что ж, пусть будет пухом.

Мы выпили. Чьей-то вилкой я подцепил с тарелки кружок огурца, сосед непослушными пальцами принялся вылучивать из помятой пачки «Примы», наверно, последнюю там сигарету. В это время женщина в темном платье поставила на стол несколько новых бутылок «Московской», и мужские руки стали разливать ее по стаканам.

– Тише! Товарищи, прошу тише! – сквозь шум голосов раздался откуда-то из переднего угла громкий, не очень трезвый голос. – Тут хотят сказать. Слово имеет...

– Ксендзов, заведующий районо, – густо дохнув сигаретным дымом, прогудел над ухом сосед. – Что он может сказать? Что он знает?

В дальнем конце стола поднялся с места молодой еще человек с привычной начальственной уверенностью на жестком волевом лице, поднял стакан с водкой.

– Тут уже говорили о нашем дорогом Павле Ивановиче. Хороший был коммунист, передовой учитель. Активный общественник. И вообще... Одним словом, жить бы ему да жить...

– Жил бы, если бы не война, – вставил быстрый женский голос, должно быть учительницы, сидевшей рядом с Ксендзовым.

Заврайоно запнулся, словно сбитый с толку этой репликой, поправил на груди галстук. Говорить ему, судя по всему, было трудно, непривычно на такую тему, он с натугой подбирал слова – может, не было у него нужных на такой случай слов.

– Да, если б не война, – наконец согласился оратор. – Если б не развязанная немецким фашизмом война, которая принесла нашему народу неисчислимые беды. Теперь, спустя двадцать лет после того, как залечены раны войны, восстановлено разрушенное войной хозяйство, и советский народ добился выдающихся успехов во всех отраслях экономики, а также культуры, науки и образования и особенно больших успехов в области...

– При чем тут успехи! – вдруг грохнуло над моим ухом, и пустая бутылка на столе, подскочив, покатила между тарелок. – При чем тут успехи? Мы похоронили человека!

Заврайоно недобро умолк на полуслове, а все сидевшие за столом настороженно, почти с испугом начали озираться на моего соседа. Немолодые уже глаза того на покрасневшем, болезненно потном лице явно наливались гневом, большой, перевитый набрякшими венами кулак угрожающе лежал на скатерти. Заведующий районо многозначительно помолчал с минуту и спокойно, с достоинством заметил, словно

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru нарушившему порядку школьнику:

– Товарищ Ткачук, ведите себя пристойно.

– Тише, тише. Ну что вы! – озабоченно склонилась к моему соседу сидевшая рядом с ним женщина.

Но Ткачук, по-видимому, вовсе не хотел сидеть тихо, он медленно поднимался из-за стола, неуклюже распрямляя свое грузное немолодое тело.

– Это вам надо пристойно. Что вы тут несете про какие-то успехи? Почему вы не вспомните про Мороза?

Похоже, назревал скандал, и я чувствовал себя не очень удобно в таком соседстве. Но я тут был человек посторонний и не считал себя вправе вмешиваться, кого-то успокаивать или за кого-то вступаться. Заведующему району, однако, нельзя было отказать в надлежащей на такой случай выдержке.

– Мороз тут ни при чем, – со спокойной твердостью остановил он выпад моего соседа. – Мы не Мороза хороним.

– Очень даже при чем! – почти крикнул сосед. – Это Мороза надо благодарить за Миклашевича! Он из него человека сделал!

– Миклашевич – другое дело, – согласился заврайоно и поднял до половины налитый стакан. – Выпьем, товарищи, за его память. Пусть его жизнь послужит для нас примером.

За столом началось обычное после тоста оживление, все выпили. Один только помрачневший Ткачук демонстративно отодвинулся от стола и откинулся к спинке стула.

– Мне с него пример брать поздно. Это он с меня брал пример, если хотите знать, – зло бросил он, ни к кому не обращаясь, и ему никто не ответил.

Заведующий району старался больше не замечать спорщика, а остальные были поглощены закуской. Тогда Ткачук повернулся ко мне.

– Скажи ты про Мороза. Пусть знают...

– Про какого Мороза? – не понял я.

– Что, и ты не знаешь Мороза? Дожили! Сидим пьем в Сельце, и никто не вспомнит Мороза! Которого здесь должен знать каждый. Что вы так на меня смотрите? – совсем уже разозлился он, поймав на себе чей-то укоризненный взгляд. – Я знаю, что говорю. Мороз – вот кто пример для всех нас. Как для Миклашевича был.

За столом притихли. Тут происходило что-то такое, чего я не понимал, но что, должно быть, отлично понимали другие. После минутного замешательства все тот же заведующий району произнес с завидной начальственной твердостью в голосе:

– Прежде чем говорить, следует подумать, товарищ Ткачук.

– Я думаю, что говорю.

– Вот именно.

– Ну хватит! Тимофей Титович! Хватит вам, – с настойчивой кротостью начала успокаивать его молодая соседка. – Лучше съешьте колбаски. Это домашняя. В городе небось такой нет. А то вы совсем не закусываете...

Но Ткачук, видно, не хотел закусывать и, выдавив желваки на морщинистых щеках, только скрежетал зубами. Потом взял недопитый стакан с водкой и залпом выпил его до дна. На какую-то минуту мутные, покрасневшие его глаза страдальчески упрятались под бровями.

За столами стало тише, все молча закусывали, некоторые курили. Я повернулся к соседу справа – молодому парню в зеленом свитере, с виду учителю или какому-то

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
специалисту из колхоза, – и кивнул в сторону Ткачука:

- Не знаете, кто это?
- Тимофей Титович. Бывший здешний учитель.
- А теперь?
- Теперь на пенсии. В городе живет.

Я внимательно присмотрелся к моему соседу. Нет, в городе я, кажется, его не встречал, может, он недавно переехал откуда-то. На вид он уже стал безразличен ко всему тут и отчужденно примолк, уставясь на клетчатый край скатерти.

- Из города? – вдруг спросил он, вероятно, заметив мой к нему интерес.
- Из города.
- Чем приехал?
- Попутной.
- Своей не имеешь?
- Пока нет.
- Ну пейте, поминайте, я поехал.
- А вы чем поедете?
- Чем-нибудь. Не первый раз.
- Тогда и я с вами, – вдруг решил я. Остаться тут, кажется, не имело смысла.

Сейчас мне трудно объяснить, почему я пошел за этим человеком, почему, с трудом добравшись до Сельца, так скоро и охотно расставался с усадьбой и школой. Конечно, прежде всего я опоздал. Того, ради которого я направлялся сюда, уже не было на свете, а люди за этими столами меня занимали мало. Но и мой новый попутчик в то время совсем не казался мне ни интересным, ни чем-нибудь привлекательным. Скорее напротив. Я видел возле себя изрядно подвыпившего, привередливого пенсионера; от его слов о своем превосходстве над покойным несло обычной стариковской похвальбой, всегда не слишком приятной. Даже если он и говорил правду.

Тем не менее с неясным еще чувством облегчения я встал из-за стола и вышел из комнаты. Ткачук был грузноватым, кряжистым человеком, в ботинках и сером поношенном костюме с двумя орденскими планками на груди. Похоже, что он крепко выпил, хотя в этом не было ничего удивительного – пережил на похоронах, немного понервничал в споре, причина которого так и осталась для меня непонятной. Но, видно по всему, он не на шутку разозлился и теперь шел впереди по тропинке, подчеркивая свое нерасположение к какому бы то ни было общению.

Так мы молча миновали усадьбу и прошли в аллею. Не доходя до шоссе, пропустили на нем грузовик, кажется, порожний и шедший в направлении города. Можно было бы крикнуть и немного пробежать, но мой спутник не прибавил шагу, и я тоже не проявил особого беспокойства. У столбика со знаком автобусной остановки никого не было, шоссе в обе стороны лежало пустое, до блеска наглянцованное за день.

Мы дошли до развилки и остановились. Ткачук поглядел в одну сторону дороги, в другую и сел где стоял, опустив ноги в неглубокую сухую канаву. Разговаривать со мной он не хотел, это было очевидным, и, чтобы не докучать ему, я отошел в сторонку, не упуская из виду дорогу. Из-за лесного поворота показалась легковушка, частный «Москвич» с горбатым, навьюченным багажом верхом, – обдав нас бензином запахом, он покотил дальше. В той же стороне шоссе, которая теперь больше всего интересовала нас, было совершенно пусто. Низко над дорогой заходило за тучку вечернее солнце. Его пологие лучи слепили глаза, но всматриваться туда, кажется, не имело большого смысла – машин там не было. Теряя интерес к дороге, я по-над канавой прошел к памятнику.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Это был приземистый бетонный обелиск в оградке из штaketника, просто и без лишней затейливости сооруженный руками каких-то местных умельцев. Выглядел он более чем скромно, если не сказать, бедно, теперь даже в селах устанавливают куда более роскошные памятники. Правда, при всей его незатейливости не было в нем и следа заброшенности или небрежения: сколько я помню, всегда он был тщательно досмотрен и прибран, с чисто подметенной и посыпанной свежим песком площадкой, с небольшой, обложенной кирпичными уголками клумбой, на которой теперь пестрело что-то из поздней цветочной мелочи. Этот чуть выше человеческого роста обелиск за каких-нибудь десять лет, что я его помнил, несколько раз менял свою окраску: был то белоснежный, беленный перед праздниками известкой, то зеленый, под цвет солдатского обмундирования; однажды проездом по этому шоссе я видел его блестяще-серебристым, как крыло реактивного лайнера. Теперь же он был серым, и, пожалуй, из всех прочих цветов этот наиболее соответствовал его облику.

Обелиск часто менял свой вид, неизменной оставалась лишь черная металлическая табличка с пятью именами школьников, совершивших известный в нашей местности подвиг в годы войны. Я уже не вчитывался в них, я их знал на память. Но теперь удивился, увидев, что тут появилось новое имя – Мороз А.И., которое было не очень умело выведено над остальными белой масляной краской.

На дороге со стороны города вновь показалась машина, на этот раз самосвал, он промчал по пустынному шоссе мимо. Поднятая им пыль заставила моего спутника встать с его не слишком подходящего для отдыха места. Ткачук вышел на асфальт и озабоченно посмотрел на дорогу.

– Черт их дождется! Давай потопаем. Нагонит какая, так сядем.

Что ж, я согласился, тем более что погода под вечер стала еще лучше: было тепло и безветренно, ни один листочек на вязах не шелохнулся, а глянцеви́тая лента пустынного шоссе так и манила дать волю ногам. Я перепрыгнул канаву, и мы с давно не испытанным наслаждением пошагали по гладкому асфальту, изредка оглядываясь назад.

– Давно вы знали Миклашевича? – спросил я просто для того, чтобы нарушить наше затянувшееся молчание, которое начинало уже угнетать.

– Знал? Всю жизнь. На моих глазах вырос.

– А я совсем его мало знал, – признался я. – Так, встречались несколько раз. Слышал: неплохой был учитель, детей хорошо учил...

– Учил! Учили и другие не хуже. А вот он настоящим человеком был. Ребята за ним табуном ходили.

– Да, теперь это редкость.

– Теперь редкость, а прежде часто бывало. И он тоже в табуне за Морозом ходил. Когда пацаном был.

– Кстати, а кто этот Мороз? Ей-богу, я ничего о нем не слышал.

– Мороз – учитель. Когда-то вместе тут начинали. Я ведь сюда в ноябре тридцать девятого приехал. А он в октябре эту школу открыл. На четыре класса всего.

– Погиб?

– Да, погиб, – сказал Ткачук, неторопливо, вразвалку шагая рядом.

Пиджак его был расстегнут, узел галстука небрежно сполз набок, под уголок воротника. По тяжелому, не слишком тщательно выбритому лицу промелькнула тень горечи.

– Мороз был нашей болячкой. На совести у обоих. У меня и у него. Ну да я что... Я сдался. А он нет. И вот – победил. Добился своего. Жаль, сам не выдержал.

Кажется, я что-то начинал понимать, о чем-то догадываться. Какая-то история со

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru времен войны. Но Ткачук объяснял так отрывисто и скупое, что многое оставалось неясным. Наверно, надо было бы расспросить понастойчивей, но я не хотел показаться назойливым и только для поддержания разговора вставлял свои банальные фразы.

– Так уж заведено. За все хорошее надо платить. И порой дорогой ценой.

– Да, уж куда дороже... Главное, прекрасная была преемственность... Теперь же столько разговоров о преемственности, о традициях отцов... Правда, Мороз не был ему отцом, но преемственность была. Просто на диво! Бывало, смотрю и не могу нарадоваться: ну словно он брат Морозу Алесю Ивановичу. Всем: и характером, и добротой, и принципиальностью. А теперь... Хотя не может быть, что-то там от него останется. Не может не остаться. Такое не пропадает. Прорастает. Через год, пять, десять, а что-то проклюнется. Увидишь.

– Это возможно.

– Не возможно, а точно. Не может быть, чтобы работа этих людей пропала зазря. Тем более после таких смертей. Смерть, она, брат, свой смысл имеет. Великий, я тебе скажу, смысл. Смерть – это абсолютное доказательство. Самый неопровержимый документ. Помнишь, как у Некрасова: «Иди в огонь за честь отчизны, за убеждение, за любовь, иди и гини безупречно, умрешь не даром: дело вечно, когда под ним струится кровь». Вот! А тут крови пролилось ого сколько! Не может быть, чтобы зря. Да и Мороз доказал это самым красноречивым образом. Хотя ты ведь не знаешь...

– Не знаю, – честно признался я. – Когда-то Миклашевич собирался рассказать...

– Знаю. Он говорил. Он тогда к кому только не обращался. И к тебе хотел. Да вот... не успел.

Слова эти отозвались во мне болезненным укором. Недаром чувствовало мое сердце, что, сам того не желая, я все же допустил здесь ошибку. Но кто знал! Кто мог предполагать, что все это обернется таким печальным образом.

– Ты же из редакции? – искоса глянул на меня Ткачук. – Знаю. фельетончики пишешь и так далее. За правду-матку воюешь. Вот он тогда и задумал подключить тебя к этому делу – вступить за Мороза. Да нет, Мороз не осужденный, не пугайся. И не какой-то там прислужник немецкий. Тут дело другое...

– Интересно, – сказал я, когда Ткачук ненадолго смолк. – Знал бы я раньше...

– Теперь уже все сделано, нашлись, где надо, и заступники. Теперь можно и рассказывать. И написать можно. И нужно бы. Миклашевич добился правды. Только вот сам... У тебя закурить найдется? – спросил он, похлопывая себя по пустым карманам.

Я дал ему сигарету, мы оба закурили, посторонились, пропуская черную, блеснувшую никелем «Волгу», которая шустро проскочила мимо. Наверно, «Волга» шла в город, но теперь ни он, ни я не сделали никакой попытки остановить ее – я предчувствовал, что Ткачук продолжит рассказ, а он как-то сосредоточенно ушел в себя, провожая рассеянным взглядом машину.

– Может, взяла бы? А, шут с ней. Пусть едет. Пойдем потихоньку. Тебе сколько лет? Сорок, говоришь? Ну, молодой еще век, многое впереди. Не все, конечно, но многое еще осталось. Если, конечно, здоровье в норме. У меня вот здоровье не сказать чтоб плохое, иной раз еще и чарку могу взять. Но уже не то, что раньше. Раньше я, брат, этого автобуса редко когда и дождался. А уж в те давнишние времена так и автобусов никаких не было. Надо в город – берешь палку и айда. Двадцать километров за три с половиной часа – и в городе. Теперь, наверно, больше потребуются, давно не ходил. Ноги еще ничего. Хуже вот – нервы сдают. Знаешь, не могу смотреть кино, если жалостливое какое или особенно про войну. Как увижу то горе наше, хоть и давно уже все пережито и помалу забывается, и, знаешь, что-то сжимает в горле. Да еще музыка. Не всякая, конечно, не джазы какие, а песни, которые тогда пели. Как услышу, ну просто нервы пилой пилит.

– Подлечиться надо. Теперь ведь нервы неплохо лечат.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Нет, мои уже не вылечат. Шестьдесят два года, что ты хочешь! Жизнь вдрызг истрепала, веревки вила из моих нервов. А ученые говорят – нервные клетки не восстанавливаются... Да. А когда-то тоже был молодой, неженатый, здоровый, что твой Жаботинский. В тридцать девятом после воссоединения Наркомат просвещения направил в Западную организовать школы. Организовывал школы, колхозы, крутился, мотался, сам в школах работал. Вот и в этом самом Сельце после войны семь лет отгрохал...

– Время идет.

– Не идет, а мчится. Когда-то все думал: ну год-два поработаю, а потом в Минск подамся, в пединституте учиться хотел. Я ведь до войны только учительский двухгодичный окончил. Ну а жизнь иначе закомандовала. Война началась, никакого педа не вышло, и вот тут и прикипел на всю жизнь. Раньше райком не отпускал, школа, квартира, а теперь вот когда можно катиться на все стороны, никуда уже не тянет. Так, видно, и придется остаться в этой земле вместе с Морозом. Разве что с некоторым опозданием.

Он замолчал. Я докурил сигарету и тоже молчал. Мы уже миновали лесок, дорога бежала в выемке, по обе стороны которой высились песчаные откосы с соснами. Тут уже заметно сгустились вечерние сумерки, и даже вершины елей стояли в тени, только безоблачное небо в вышине еще светилось прощальным отсветом зашедшего солнца.

– Сегодня какое число? Четырнадцатое? Как раз в эту пору первый раз приехал в Сельцо. Теперь уже привычное дело все эти стежки-дорожки, а тогда все было новое, интересное. Усадьба эта, где школа, тогда не была такой запущенной, дом стоял ухоженный, раскрашенный, как игрушка. Пан Габрус в сентябре дал драпака, бросил все, подался, говорили, к румынам, и тут Мороз школу открыл. На школьном дворе перед парадным высились два раскидистых дерева с какой-то серебристой листвой. Не деревья, а прямо-таки гиганты вроде американских секвой. Теперь такие кое-где еще по бывшим усадьбам остались, доживают век. А тогда их было во множестве. У каждого пана, считай.

В тот первый год я работал в районе заведующим. Школы почти все новые, маленькие, то в осадничих, а то и просто в деревенских хатах. Учебников, инвентаря не хватало, да и с учителями туго было до крайности. В этом Сельце вместе с Морозом работала Подгайская, пани Ядя, как мы ее звали. Пожилая такая женщина, жила тут и при Габрусе в том самом флигеле. Тонкая была пани, старая дева. Русским языком почти не владела, белорусский немного понимала, зато что касается остального – ого! Воспитания была самого тонкого.

И вот как-то под вечер сижу я в своем закутке в районо, зарылся в бумаги – отчеты, планы, ведомости: ездил по району, неделю не был на месте, все запустил – жуть! Не сразу и услышал, как кто-то скребется в дверь, – заходит эта самая пани Ядя. Маленькая такая, щупленькая, но с лисой на шее и в шикарной заграничной шляпке. «Прошу извинить, пан шеф, я, прошу пана, по педагогическому вопросу». – «Что же, садитесь, пожалуйста, слушаю».

Садится на краешек кресла, поправляет свою великолепную шляпку и начинает сыпать почти сплошь по-польски – едва разбираю. Все манеры изысканно воспитанной паненки, а самой лет за пятьдесят, такое сморщенное, хитренькое личико. Что же оказывается? Оказывается, имеет конфликт со своим шефом в Сельце, коллегой Морозом. Оказывается, этот Мороз не поддерживает дисциплины, как равный ведет себя с учениками, учит без необходимой строгости, не выполняет программ наркомата и самое главное – говорит ученикам, что не надо ходить в костел, пусть туда ходят бабушки.

Ну насчет костела я, естественно, не слишком обеспокоился, подумал: правильно делает Мороз, если так советует. А вот что касается панибратства, дисциплины, игнорирования наркоматовских программ, это меня встревожило. Но кто этот самый Мороз, понятия не имею, в Сельце ни разу еще не был. Ладно, думаю, при первой же возможности махну, посмотрю, что у него там за порядки.

Случай для этого подвернулся, однако, не скоро, но все же недели через две как-то вырвался, взял у хозяина, у которого квартировал, его велосипед, ровар по-здешнему, и рванул по этому вот шоссе. Шоссе, конечно, было не то что ныне – булыжник. Ехать по нему на подводе или на роваре – все равно кишки вытрясешь. Но

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru поехал. Поднажал как следует на педали и через час прикатил в ту самую аллею под вязами. Хотел попасть на урок, но опоздал – занятия уже закончились. Еще издали вижу – на дворе полно детворы, думаю, игра какая, но нет, не игра, – оказывается, идет работа. Заготавливают дрова. Бурей повалило то самое заморское дерево во дворе, вот теперь его пилят, колют и сносят в сарайчик. Мне это понравилось. Дров тогда не хватало, каждый день жалобы из школ насчет топлива, а транспорта в районе никакого – где взять, откуда привезти? А эти, вишь, сообразили и не ждут, когда там в районо надумают обеспечить их топливом, – сами о себе заботятся.

Слез я с велосипеда, все на меня смотрят, я на них: где же заведующий? «Я заведующий», – говорит один, которого я не сразу и заметил, потому что стоял он за толстым комлем – пилил его с парнишкой, должно быть переростком, ладным таким мальцом лет пятнадцати. Ну бросает пилу, подходит. И сразу замечаю: хромота. Одна нога как-то вывернута в сторону и вроде не разгибается, поэтому он здорово на нее припадает и кажется как бы ниже ростом. А так ничего парень – плечистый, лицо открытое, взгляд смелый, уверенный. Наверно, догадывается, кто перед ним, но никакой там растерянности или замешательства. Представляется: Мороз Алесь Иванович. Руку пожимает так, что сразу понимаешь: силен. Ладонь шершавая, твердая, должно быть, такая работа ему не впервой. А напарник его стоит там же и пробует водить пилой. Но пила ни с места – попала на сук, а толщина в комле больше метра. Мороз извинился, вернулся, чтобы закончить зарез, но и вдвоем, гляжу, не очень управятся – пилу чем дальше, тем сильнее зажимает в распиле. Понятное дело: надо что-нибудь подложить. Чтобы подложить, надо сперва приподнять. Мороз бросил пилу, стал приподнимать комель, да в одиночку разве поднимешь. Тут ребяташки, кто постарше, тоже облепили бревно, а оно ни с места. Короче говоря, положил на траву я свой ровар и тоже за тот комель взялся. Силились, силились, кажется, приподняли, еще бы на сантиметр – и можно палку подсунуть, да этот последний сантиметр, как всегда, самый трудный. И тут, как на грех, из-за угла выплывает та самая пани Ядя. Увидела ровар, меня возле комля, да так и остолбенела.

Потом, когда я говорил с ней, понять ничего не могла, все поминала матку боску и недоумевала: что за учителя у Советов, имеют ли они хоть малейшее понятие о педагогическом такте и авторитете старших? Не беда, говорю, пани Ядя, авторитета от того не убавится, а дрова в школе будут. В тепле работать будете. Но это потом. А тогда все же распилили мы эту чертову колоду, и я уже почти забыл, зачем приехал, скинул свой единственный пиджачок и пилил на пару с Морозом, потом кололи. Попотел вволю. Дети перенесли дрова в сарайчик, и Мороз отпустил всех по домам.

Ночевать пришлось там же, в школе. Мороз жил в боковушке при классе, спал на роскошной, в стиле барокко, панской кушетке с выгнутыми наподобие львиных лап ножками. Накрывался пальто, одеяла, конечно, не было. На ту ночь кушетка досталась мне, укрылся я своим пиджачком. Перед тем как лечь, поели бульбочки, мать одного ученика ради такого случая принесла с хутора кусок колбасы и крынку простокваши. Ужинали и знакомились. Хотя, пока пилили дрова, мне казалось, что знаю его всю жизнь. Родом он был с Могилевщины, уже пять лет учительствовал после окончания педтехникума. Нога такая с детства, долго болела да так и осталась. Я осторожненько завел речь о наших обычных делах: программах, успеваемости, дисциплине. И тогда услышал от него такое, что сначала вызвало во мне несогласие. А потом я стал допускать, что, возможно, он в чем-то и прав. Как теперь погляжу с высоты моего пенсионного возраста, так был он абсолютно прав.

Да, он был прав, так как смотрел шире и, возможно, дальше, чем это принято смотреть, ограничивая свой кругозор профессиональными нормами. Нормы, они, брат, хорошая вещь, если не заостенели, не засохли от времени, не пришли в противоречие с жизнью. Словом, применять их, как и всякие нормы, надо с умом, смотря по обстоятельствам. А у нас как бывает? Теперь к каждой науке приставлен специалист-предметник, и каждый добивается наилучших знаний по своей специальности. И потому, скажем, математичке какой-либо бином Ньютона в сто раз дороже всей поэзии Пушкина или человековедения Толстого. А для языковеда умение обособлять деепричастные обороты – мерило всех достоинств школьника. За эти свои запятые он готов ребенка на второй год оставить и в институт не дать ходу. Математичка тоже. И никто не подумает, что этот бином, может, – и наверняка – никогда в жизни ему не понадобится, да и без запятых прожить можно. А вот как прожить без Толстого? Можно ли в наше время быть образованным человеком, не читая Толстого? Да и вообще, можно ли быть человеком?

Теперь, правда, уже присмотрелись к Толстому и ко многому прочему, приобвыкли, утратили свежесть восприятия. А тогда все выглядело внове, значительнее, и Мороз, очевидно, отреагировал на это острее, чем я. Хотя я и был старше его лет на пять, членом партии и заведовал всем районом. И он мне сказал той ночью, когда мы лежали рядом – я на его кушетке, а он на столе, – примерно следующее: «С программами в школе действительно не все в порядке, успеваемость не блестящая. Ребята учились в польской школе, многие, особенно католики, плохо справляются с белорусской грамматикой, их начальные знания не соответствуют нашим программам. Но вовсе не это главное. Главное, чтобы ребята теперь поняли, что они люди, не быдло, не какие-то там вахлаки, какими паны привыкли считать их отцов, а самые полноправные граждане. Как все. И они, и их учителя, и их родители, и все руководители в районе – все равные в своей стране, ни перед кем не надо унижаться, надо только учиться, постигать то самое главное, что приобщает людей к вершинам национальной и общечеловеческой культуры». В этом он видел свою наипервейшую педагогическую обязанность. И он делал из них не отличников учебы, не послушных зубрил, а прежде всего людей. Сказать такое, конечно, легко, труднее это понять, а еще труднее – добиться. Такое в программах и методиках не очень-то разработано, часы на это не предусмотрены. И Мороз сказал, что достичь этого можно только личным примером в процессе взаимоотношений учителя с учениками.

Наверно, мы все-таки плохо знаем и мало изучаем, чем было наше учительство для народа на протяжении его истории. Духовенство – это известно, здесь еще есть более или менее достоверная картина. Роль попа, ксендза на каждом историческом этапе прослежена. А вот что такое сельское учительство в наших школах, что оно значило для нашего некогда темного крестьянского края во времена царизма, Речи Посполитой, в войну, наконец, до и после войны? Это сейчас спроси любого огольца, кем он станет, как вырастет, – скажет: врачом, летчиком, а то и космонавтом. Да, теперь есть такая возможность. И в действительности так бывает, до космонавта включительно. А прежде? Если рос, бывало, смысленный парнишка, хорошо учился, что о нем говорили взрослые? Вырастет – учителем будет. И это было высшей похвалой. Конечно, не всем достойным удавалось достигнуть учительской судьбы, но к ней стремились. Это был предел жизненной мечты. И правильно. И не потому, что почетно или легко. Или заработок хороший – не дай бог учительского хлеба, да еще на деревне. Да в те давние времена. Нужда, бедность, чужие углы, деревенская глушь и в конце – преждевременная могила от чахотки... И тем не менее, скажу тебе, не было ничего более важного и нужного, чем та ежедневная, скромная, неприметная работа тысяч безвестных сеятелей на этой духовной ниве. Я так думаю: в том, что мы сейчас есть как нация и граждане, главная заслуга сельских учителей. Пусть, может, я и ошибаюсь, но так считаю.

И тут, как это часто бывает, не обходится без своих энтузиастов. Мороз был именно одним из тех, кто сделал для людей многое, подчас на свой страх и риск, невзирая на трудности и неудачи. А неудач и разных конфликтов у него хватало.

Помню, как-то поехал в Сельцо инспектор из области – через день возвращается разгневанный и возмущенный. Оказывается, очередной скандал. Не успел товарищ инспектор войти в Габрусеву усадьбу, как в аллее его атаковали собаки. Одна черная, на трех лапах, а вторая – злая такая, маленькая и вертлявая (полицай потом в войну их постреляли). Да. Ну, пока инспектор опомнился, собаки и располосовали ему штанину, Морозу, конечно, пришлось извиняться, а пани Ядя зашивала пану инспектору брюки, пока тот сидел в пустом классе в своих не слишком, наверно, свежих подштанниках. Оказывается, собаки были школьные. Именно так. Не сельские, не откуда-то с хутора и даже не лично учителя, а общие, школьные. Ребята где-то подобрали эту непотребщину, родители наказали утопить, но перед тем в классе читали тургеневскую «Муму», и вот Алесь Иванович решил: поселить щенков в школе и по очереди их досматривать. Так в Сельце завелись школьные собаки.

А потом появился школьный скворец. Осенью отстал от своей стаи, поймали его на лугу, мокрого доходягу, и Мороз тоже поселил его в школе. Сначала летал по классу, а потом смастерили клетку – больше для того, чтобы не съел кот. Ну, конечно, был там и кот, жалкое такое создание слепое, ничего не видит, а только мяукает – есть просит.

Тем временем быстро темнело. Серая лента дороги, выгибаясь на пригорках,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru пропадала в сумеречной дали. Горизонт вокруг тоже утонул в сумерках, вечерней дымкой покрылись поля, а лес вдали казался тусклой глухой полосой.

Небо над дорогой совсем померкло, только закатный краешек его за нашими спинами еще сочился далеким отсветом зашедшего солнца. Машины по шоссе шли с включенными фарами, но, как назло, все из города, нам навстречу. После никелированной «Волги» нас не обогнала ни одна машина. Слушая Ткачука, я время от времени оглядывался и еще издали заметил две светлые точки быстро приближающихся автомобильных фар.

– Идет какая-то.

Ткачук замолчал, остановился и вгляделся тоже; его хмурый массивный профиль четко обозначился на светлом фоне закатного неба.

– Автобус, – сказал он с уверенностью.

Должно быть, мой спутник был дальнозорким, я на таком расстоянии не мог отличить легковушки от грузовой. И правда, вскоре мы уже оба увидели на шоссе большой серый автобус, который быстро нагонял нас. Вот он ненадолго исчез в невидимой отсюда ложбинке, чтобы затем еще отчетливее появиться из-за пригорка; ярче засверкали колющие огоньки его фар и даже стал виден тусклый отсвет салона. Автобус, однако, замедлил ход, мигнул одной фарой и остановился, чуть съехав к обочине. Он не дошел до нас каких-нибудь метров триста, и мы, вдруг обнадеженные возможностью подъехать, бросились ему навстречу. Я несколько поспешно сорвался с места. Ткачук тоже попытался бежать, но тут же отстал, и я подумал, что надо хоть мне успеть, чтобы на минуту задержать автобус.

Бежать было легко, под уклон, подошвы гулко стучали по асфальту. Все время казалось, автобус вот-вот тронется, но он терпеливо стоял на дороге. Из него даже вышел кто-то, должно быть водитель, оставив открытой дверцу, обошел машину и чем-то раза два стукнул. Я уже был совсем близко и еще больше напряг силы, казалось – добегу, но тут резко хлопнула дверца, и автобус сорвался с места.

Все еще не теряя надежды, я остановился на асфальте и отчаянно замахал рукой: дескать, стой же, возьми! Мне даже показалось, что автобус притормозил, и тогда я снова бросился к нему чуть ли не под самые колеса. Но на ходу открылась дверца кабины, и сквозь взметенную автобусом пыль донесся голос водителя:

– Нету, нету остановки. Чеси дальше...

Я остался один посреди гладкой полосы асфальта. Вдали, затихая, гудел мотор комфортабельного «Икаруса», на взгорке смутно маячила одинокая фигура Ткачука.

– Чтоб ты провалился, гад! – вырвалось у меня: надо же так обмануть.

Было обидно, хотя я и понимал, что не такое уж это большое несчастье – действительно, разве здесь была остановка? А раз не было, так какая нужда междугородному скоростному экспрессу подбирать разных ночных бродяг – для этого есть автобусы местных линий.

И все-таки вид у меня был, наверно, довольно убитый, когда я добрал до Ткачука. Терпеливо дождавшись меня, тот спокойно заметил:

– Не взял? И не возьмет. Они такие. Раньше бы всех подобрал, чтобы на бутылку сшибить. А теперь нельзя – контроль, ну и жмет. Назло себе и другим.

– Говорит, остановки нет.

– Но ведь останавливался. Мог бы... Да что там. Я уже в таких случаях предпочитаю помалкивать: себе дешевле обойдется.

Может, он и был прав: не надо было надеяться – не было бы и разочарования. Значит, придется помаленьку топтать дальше. Правда, ноги уже порядком устали, но раз мой попутчик молчал, то и мне, пожалуй, следовало вести себя сдержаннее.

– Да, так, значит, про Мороза, – начал Ткачук, возвращаясь к прерванному рассказу. – Второй раз наведалься я в Сельцо зимой. Холода стояли лютые, помнишь

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru же, наверно, зиму сорокового – сорок первого года: сады вымерзли. Мне-то еще повезло, подъехал с каким-то дядькой в санях, ноги зарыл в сено, и то замерзли, думал, отморозил совсем. До школы едва добежал, было поздно, вечер, но в окошке горит свет, постучал. Вижу, будто кто-то глядит сквозь намерзшее стекло, а не открывает. Что, думаю, за напасть, уж не завел ли тут мой Алесь Иванович какие-нибудь шуры-муры? «Открой, – говорю. – Это я, Ткачук, из района». Наконец открывается дверь, где-то лает собака, вхожу. Передо мной парнишка с лампой в руках. «Ты что тут делаешь?» – спрашиваю. «Ничего, – говорит. – Чистописание пишу». – «А почему домой не идешь? Или, может, Алесь Иванович после уроков оставил?» Молчит. «А где сам учитель?» – «Повел Ленку Удодову с Ольгой». – «Куда повел?» – «Домой». Ничего, не понимаю: какая нужда учителю учеников по домам разводить? «А что, он всех домой провожает?» – спрашиваю, а сам уже злюсь за такую встречу. «Нет, – говорит, – не всех. А этих потому, что маленькие, а через лес идти надо».

Ну, что ж, думаю, ладно. Разделся, начал отогреваться, настроение пошло на улучшение. Но вот минул час, а Мороза все нет. «Так сколько до того села будет?» – спрашиваю. Говорит: «Версты три будет». Ладно, что ж делать, сидим ждем. Парнишка в тетрадке пишет. «А тебя он, наверно, оставил печку топить?» – спрашиваю. – Ты где живешь?» – «Тут и живу, – отвечает. – Меня Алесь Иванович к себе взял, а то мой татка дерется». Э, вот оно, оказывается, в чем дело. Как бы оно не обернулось новыми неприятностями. И скажу тебе, забегая вперед, так и вышло. Как я предчувствовал, так и получилось.

Часа через три возвращается Мороз. Ни стука, ни шагов, ничего, кажется, не было слышно, только парнишка тот, Павлик... Да, да, ты угадал. Именно Павлик, Павел Иванович, будущий товарищ Миклашевич... Тогда был таким черноглазым, шустрим мальчонкой. Так вот Павлик срывается, бежит через класс и открывает дверь. Вваливается Мороз, весь заиндевелый, заснеженный, ставит в угол свою палочку с ручкой наподобие козлиной головы. Поздоровались. Объясняет, почему задержался. Оказывается, довел он этих девчушек домой, а там неприятность: что-то случилось с коровой, не могла растелиться, вот и задержался учитель, помогал матери. А девчушки? Ну это простая история. Наступили холода, мать забрала их из школы: дескать, обувь плохая и ходить далеко. В ту пору все это было делом обычным, но девчушки, славные такие близнята, хорошо учились, и Мороз понимал, что это означало для матери-вдовы (отец в тридцать девятом погиб под Гдыней). И он уломал бабу, купил девочкам по паре ботинок – стали учиться. Только когда прибыло ночи, забоялись одни ходить через лес, надо было проводить кому-то. Обычно это делал переросток Коля Бородич, тот, что некогда с учителем пилил колоду. А в тот день Бородич почему-то не пришел в школу, дома понадобился, вот и довелось учителю идти в провожатые.

Рассказал это он, я молчу. Черт знает, что ему сказать, педагогично это или нет, тут все наши предпостулаты попутались. Мороз вообще был мастер путать постулаты, и я уже стал привыкать к этой его особенности. А про его квартиранта мы тогда не очень-то говорили. Он сказал только, что парнишка побудет пока в школе, дома, мол, нелады. Ну что ж, думаю, пусть. Тем более такие холода стоят.

И вот спустя каких-нибудь две недели вызывают меня к прокурору. Что, думаю, за напасть, не любил я этих законников, от них всегда жди неприятностей. Прихожу, а там сидит незнакомый дядька в кожане, и прокурор района товарищ Сивак строго так наказывает мне ехать в Сельцо и забрать у гражданина Мороза сына вот этого гражданина Миклашевича. Я попытался было возразить, но не тут-то было. Прокурор в таких случаях, как дубинкой, бил одним аргументом: закон! Ладно, думаю, закон так закон. Сели в милицейский возок и с участковым да с Миклашевичем покатали в Сельцо.

Приехали, помню, к концу занятий, вызвали Мороза, стали объяснять в чем дело: постановление прокурора, на стороне гражданина Миклашевича закон, надо вернуть парнишку. Мороз выслушал все молча, позвал Павла. Тот как увидел отца – съехался, будто зверек, близко не подходит. А тут вся детвора за дверьми, оделись, а по домам не расходятся, ждут, что будет дальше. Мороз и говорит Павлику: так, мол, и так, поедешь домой, так надо. А тот ни с места. «Не пойду, – говорит. – Я у вас хочу жить». Ну, Мороз неубедительно так, конечно, неискренне объясняет, что жить у него больше нельзя, что по закону сын должен жить с отцом и, в данном случае, с мачехой (мать недавно умерла, отец женился на другой, ну и пошли нелады с мальчишкой – известное дело). Едва уговорил парня. Тот, правда, заплакал, но надел свой пиджачок, собрался в дорогу.

И вот картина! Как сейчас все перед глазами, хоть минуло уже... Сколько же это? Должно быть, лет тридцать. Мы стоим на веранде, дети толпятся во дворе, а Миклашевич-старший в длинном красном кожаном пальто ведет к шоссе Павлика. Атмосфера напряженная, детвора на нас смотрит, милиционер молчит. Мороз просто оцепенел. Те двое далековато уже отошли по аллейке и тут, видим, останавливаются, отец тормозит сына за руку, тот начинает вырываться, да куда там, не вырвешься. Потом Миклашевич снимает одной рукой с кожаного пальто ремень и начинает бить сына. Не дождавшись, пока уйдут с чужих глаз. Павлик вырывается, плачет, детвора во дворе шумит, некоторые поворачиваются в нашу сторону с упреком в глазах, чего-то ждут от своего учителя. И что ты думаешь? Мороз вдруг срывается с веранды и, хромя, через двор – туда. «Стойте, – кричит, – прекратите избиение!»

Миклашевич и впрямь остановился, перестал бить, сопит, зверем смотрит на учителя, а тот подходит, вырывает Павлову руку из отцовской и говорит прерывающимся от волнения голосом: «Вы у меня его не получите! Понятно?» Миклашевич, разъяренный, – к учителю, но и Мороз, не глядя, что калека, тоже грудью вперед и готов в драку. Но тут уже мы подросли, разняли, не дали подраться.

Разнять-то разняли, а что дальше? Павлик убежал в школу, отец ругается и грозит, я молчу. Милиционер ждет – он что, он исполнитель. Кое-как утихомирили обоих. Миклашевич пошел на шоссе, а мы вдвоем остались – что делать? Тем более что Мороз сразу же объявил с присущей ему категоричностью: такому отцу парня не отдам.

Вернулись с милиционером в район ни с чем, наказ прокурорский не выполнили. Передали все дело на исполком, назначили комиссию, а отец тем временем подал в суд. Да, было хлопот и неприятностей и ему и мне – хватило обоим. Но Мороз все-таки своего добился: комиссия решила передать парня в детдом. Правда, с выполнением этого соломониного решения Мороз не спешил и, наверное, правильно делал.

Тут еще надо вспомнить одно обстоятельство. Дело в том, что как я уже говорил, школы создавались заново, почти всего не хватало. Каждый день в район приезжали из деревень учителя, жаловались на условия, просили то парты, то доски, то дрова, то керосин, то бумагу – и, уж конечно, учебники. Учебников не хватало, мало было библиотек. А читали здорово, читали все: школьники, учителя, молодежь. Книжки добывали где только было возможно. Мороз, когда приезжал в местечко, наседали на меня чаще всего с одной просьбой: дайте книг. Кое-что я, конечно, ему давал, но, понятно, немного. К тому же, признаться, думал: школа маленькая, зачем ему там большая библиотека? Тогда он взялся добывать книги сам.

Километрах в трех от райцентра, может, знаешь, есть село Княжево. Село как село, ничего там княжеского нет, но когда-то неподалеку от него была панская усадьба – в войну при немцах сгорела. А при поляках там жил какой-то богатый пан, после него осталась всякая всячина и, понятно, библиотека. Я там был как-то, поглядел – казалось, ничего подходящего. Книг много, новые и старые, но все на польском да на французском. Мороз выпросил разрешение съездить туда, отобрать кое-что для школы.

И знаешь, ему повезло. Где-то на чердаке, кажется, откопал сундук с русскими книжками, и среди всего не слишком стоящего – разных там годовых комплектов «Нивы», «Мира божьего», «Огонька» – оказалось полное собрание сочинений Толстого. Мне об этом ничего не сказал, а в первый же выходной взял в Сельце фурманку, ученика того, переростка – и в Княжево. Но дело было к весне, дорога раскисла, как на беду, снесло мост, близко к усадьбе никак не подъехать. Тогда он начал носить книги через реку по льду. Все шло хорошо, но в самом конце, уже в потемках, провалился у берега. Правда, ничего страшного не случилось, но ноги промокли до колен, простудился и слег. Да слег основательно, на месяц. Воспаление легких. Мне сказал об этом приезжий дядька из Сельца, и вот я ломаю голову: как быть? Учитель болеет, школу хоть закрывай. Пани Ядя, помнится, тогда уже не работала, выехала куда-то, замены ему никакой нет, ребятам раздолье. Знаю, надо бы съездить, да времени нет – мотаюсь по району: открываем школы, организуем колхозы. И все же как-то проездом завернул в ту аллейку. Дай, думаю, проведаю Мороза, как он там, жив ли?

Захожу в коридор – на вешалке полно одежды, ну, думаю, слава богу, значит,
Страница 369

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru поправился, наверно, идут занятия. Открываю дверь в класс: стоит штук шесть парт – и пусто. Что, думаю, за лихо, где же дети? Прислушался: как будто разговор где-то, тихий такой, складный, словно молится кто-то. Еще прислушался: совсем чудно – слышу монолог князя Андрея под Аустерлицем. Помнишь: «Где оно, это высокое небо, которого я не знал до сих пор и увидел нынче... И страдания этого я не знал также... Да, я ничего этого не знал до сих пор. Но где я?..»

Мне тоже почудилось: где я? Такого я не слышал уже лет десять, а когда-то, студентом, этот отрывок сам декламировал на литературном вечере.

Тихонько открываю дверь – в Морозовой боковушке полно детей, расселись кто где: на столе, на скамейках, на подоконнике и на полу. Сам Мороз лежит на своей кушетке укрытый кожушкой и читает. Читает Толстого. И такая тишина и внимание, что муха пролетит – услышишь. На меня никто не оглянулся – не замечают. И я стою, не знаю, что делать. Первое побуждение: просто закрыть дверь и уехать.

Но все-таки вспомнил, что я начальство, заведующий районо и ответственный за педпроцесс в районе. Это хорошо – читать Толстого, но, наверно, и программу выполнять надо. А уж если ты можешь читать «Войну и мир», так, должно быть, и учить можешь? А то зачем же ученикам брести за столько километров в это Сельцо?

Примерно так я и сказал Морозу, когда мы отправили учеников и остались одни. А он говорит в ответ, что все те программы, весь тот материал, что он пропустил за месяц болезни, не стоят двух страничек Толстого. Я позволил себе не согласиться, и мы поспорили.

В ту весну Мороз изучал усиленно Толстого, сам перечитал всего, много прочитал ребятам. То была наука! Это теперь любой студент или старшеклассник, только заведи с ним разговор о Толстом или Достоевском, перво-наперво начнет тебе толковать об их недостатках и заблуждениях. В чем состоит величие этих гениев, надо еще допытываться, а вот их недостаток у каждого наперечет. Вряд ли кто помнит, на какой горе лежал раненный под Аустерлицем князь Андрей, а вот по части ошибочности непротивления злу насилием с уверенностью судит каждый. А Мороз не ворошил толстовские заблуждения – он просто читал ученикам и сам вбирал в себя все дочиста, душой вбирал. Чуткая душа, она прекрасно сама разберется, где хорошее, а где так себе. Хорошее войдет в нее как свое, а прочее быстро забудется. Ответся, как на ветру зерно от половы. Теперь я это понял отлично, а тогда что ж... Был молод, да еще начальник.

Обычно в мальчишеской компании находится кто-то постарше или посообразительнее, который своим характером или авторитетом подчиняет себе остальных. В той школе в Сельце, как мне потом говорил Миклашевич, таким заводилой стал Коля Бородич. Если ты помнишь, его фамилия стояла первой на памятнике, а теперь вторая, после Мороза. И это правильно. Во всей этой истории с мостом именно Коля сыграл первую скрипку...

Я видел его несколько раз, всегда он был рядом с Морозом. Плечистый такой, приметный парень, упрямого, молчаливого характера. Судя по всему, очень любил учителя. Просто был предан ему безгранично. Правда, никогда я не слышал от него ни единого слова – всегда он поглядывает исподлобья и молчит, словно сердится за что-то. Было ему в ту пору шестнадцать лет. При панах, понятно, не очень учился, у Мороза ходил в четвертый класс. Да, еще один факт: в сороковом закончил четвертый, надо было подаваться в НСШ за шесть километров, в Будиловичи. Так он не пошел. Знаешь, попросился у Мороза ходить второй год в четвертый. Лишь бы в Сельце.

Мороз, кроме того, что учил по программе и устраивал читку книг вне программы, занимался еще и самодеятельностью. Ставили, помню, «Павлинку», какие-то пьески, декламировали, пели, как обычно. Ну и, конечно, были в их репертуаре антирелигиозные номера, всякие там басни про попа и ксендза. И вот об этих-то номерах прослышал ксендз из Скрылева, который во время службы в очередной праздник пренебрежительно отозвался об учителе из сельцовской школы. Как выяснилось потом, довольно подло оскорбил его за хромоту, словно тот был в этом повинен. Кстати, об этом узнали позже. А сперва случилось вот что.

Как-то встречает меня в столовке все тот же наш прокурор Сивак, говорит: зайди в прокуратуру. Я уже говорил, что страх как не любил этих визитов, но что поделаешь, не откажешься – надо идти. И вот, оказывается, в прокуратуру

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru поступила жалоба от скрылевского ксендза на злоумышленника, который влез в святой храм и осквернил алтарь или как там у них, католиков, называется эта штукавина. Что-то написал там. Служки, однако, поймали осквернителя, им оказался сельцовский школьник Микола Бородич. Теперь ксендз и группа прихожан ходатайствуют перед властями о наказании школьника, а заодно и его учителя.

Что тут делать – опять разбираться? Через неделю в Сельцо выезжают следователь, участковый, какое-то духовное начальство из Гродно. Бородич не отрицается: да, хотел отомстить ксендзу. Но за кого и за что – не говорит. Ему втолковывают: не признаешься честно – засудят, не посмотрят, что малолеток. «Ну и пусть, – говорит, – засудят».

И что же ты думаешь, чем это кончилось? Мороз всю вину взял на себя, доложил начальству, будто все это результат его не совсем продуманного воспитания. Хлопотал, ездил куда-то в центр – и парня оставили в покое. Надо ли тебе говорить, что после этого не только школьники в Сельце, но и крестьяне со всей округи стали смотреть на Мороза как на какого-то своего заступника. Что у кого было трудного или хлопотного, со всем шли к нему в школу. Настоящий консультационный пункт открыл по различным вопросам. И не только разъяснял или давал советы, но еще и самому забот невпроворот было. Каждую свободную минуту – то в район, то в Гродно. Вот по этой самой дороге – на фурманках или попутных, не частых тогда, машинах, а то и пешком. И это хромой человек с палочкой! И не за деньги, не по обязанности – просто так. По призванию сельского учителя.

По-видимому, мы протопали по шоссе час, если не больше. Стемнело, земля целиком погрузилась во мрак, туман затянул низины. Хвойный лес невдалеке от дороги зачернел неровным зубчатым гребнем на светловатом закрайке неба, в котором одна за другой зажигались звезды. Было тихо, не холодно, скорее свежо и очень привольно на опустевшей осенней земле. В воздухе тянуло ароматом свежей пашни, от дороги пахло асфальтом и пылью.

Я слушал Ткачука и подсознательно впитывал в себя торжественное величие ночи, неба, где над сонной землей начиналась своя, необъяснимая и недостижимая ночная жизнь звезд. Крупно и ярко горело в стороне от дороги созвездие Большой Медведицы, над нею мигал ковшик Малой с Полярной в хвосте, а впереди, как раз в том направлении, куда уходила дорога, тоненько и остро поблескивала звездочка Ригеля, словно серебряный штемпель на уголке звездного конвертика Ориона. И мне подумалось, как все же выпренни и неестественны в своей высокопарной красавости древние мифы, хотя бы вот и об этом красавце Орионе, возлюбленном богини Эос, которого из ревности убила Артемида, как будто не было в их мифической жизни других, более страшных бед и более важных забот. Тем не менее эта красивая выдумка древних подкупает и очаровывает человечество куда больше, чем самые захватывающие факты его истории. Может, даже и в наше время многие согласились бы на такую легендарную смерть и особенно последующее за ней космическое бессмертие в виде этого туманного созвездия на краю звездного ночного неба. К сожалению или к счастью, но это не дано никому. Мифические трагедии не повторяются, а земля полнится собственными, подобными той, что некогда случилась в Сельце и о которой сейчас, переживая все заново, рассказывал мне Ткачук.

И тут – война.

Сколько мы к ней ни готовились, как ни укрепляли оборону, сколько ни читали и ни думали о ней, а обрушилась она неожиданно-негаданно, как гром среди ясного дня. Через три дня от начала, как раз в среду, здесь уже были немцы. Которые местные, здешние крестьяне, те уже, знаешь, привыкли на своем веку к частым переменам: как-никак при жизни одного поколения – третья смена власти. Привыкли, словно так и должно быть. А мы – восточники. Это было такое несчастье – разве думали мы тогда, что на третий день окажемся под немцем. Помню, пришел приказ: организовать истребительный отряд, чтобы вылавливать немецких диверсантов и парашютистов. Я бросился собирать учителей, объездил шесть школ, в обед на роваре прикатил в райком, а там пусто. Говорят, райкомовцы только что погрузили в полторку свои пожитки и покатали на Минск, шоссе, мол, уже перерезано немцами. Я поначалу опешил: не может быть. Если немцы, так должны же где-то отступить наши. А то с начала войны тут ни одного нашего солдата никто не видел и вдруг – немцы. Но те, что говорили так, не обманывали – под вечер в местечко и впрямь вкатило штук шесть вездеходов на гусеничном ходу, и в них полно самых настоящих фрицев.

Я да еще трое хлопцев – два учителя и инструктор райкома – огородами прошмыгнули в жито, через него в лес и подались на восток. Три дня шли – без дорог, через приеманские болота, несколько раз попадали в такие переделки, что врагу не пожелаешь, думали: каюк. Учителя одного, Сашу Крупеню, ранило в живот. А где фронт – черт его знает, не догонишь, наверно. Поговаривают, что уже и Минск под немцем. Видим, до фронта не дойдем, погибнем. Что делать? Остаться – а где? У чужих людей не очень удобно, да и как попросишься? Решили возвращаться назад, все же в своем районе хоть люди знакомые. За полтора года по селам да хуторам перезнакомились со всякими.

И тут, понимаешь, оказалось, что все-таки плохо мы знали наших людей. Сколько было встреч, бесед, за чаркой иной раз сидели, казалось, все добрые, хорошие, честные. А на деле обернулось совсем иначе. Приволоклись мы в Старый Двор – хутор такой близ леса, в стороне от дорог, немцев там будто еще и не было. Ну, думаю, самое подходящее место пересидеть здесь каких пару недель, пока наши погонят немцев. На большее тогда не рассчитывали – что ты! Если бы кто сказал, что война на четыре года затянется, его провокатором или паникером посчитали бы. Крупеня тем временем уже доходит, идти дальше нельзя. И я вспомнил, что в Старом Дворе есть у меня знакомец, активист, грамотный человек Усолец Василь. Как-то ночевал у него после собрания, поговорили от души, понравился человек: умный, хозяйственный. И жена – моложавая такая женщина, гостеприимная, чистюля, не в пример другим. Грибками солеными угощала. В хате цветов полно – все подоконники ими заставлены. Вот мы поздно ночью и заявили к этому Усольцу. Так и так, мол, надо помочь, раненый и так далее. И что, думаешь, наш знакомец? Выслушал и на порог не пустил. «Кончилась тут, – говорит, – ваша власть!» И так грохнул дверь, что аж с подстрешья посыпалось.

Приютила нас простая, никому не знакомая тетка – трое малых детей, старший глухонемой, муж в армии. Как прослышала, что раненый (мы перед этим к другой семье в крайнюю хату зашли), как узнала, кто такие, всех перетасила к себе. Бедолагу Крупеню обмыла, накормила куриным бульончиком и спрятала под снопами в пуньке. И все, помню, охала: может, и мой, бедненький, где так мучается! Значит, любила своего бедненького, а это, брат, всегда что-то да значит. Ну, а Крупеня через неделю помер, не помог и куриный бульончик; пошло заражение. Втихую закопали ночью на краю кладбища. И что же дальше? Посидели еще неделю у тетки Ядвиги, и я взялся нащупывать каких-нибудь партизан. Думаю, должны же быть где-нибудь наши. Не все же на восток поудирали. Без партизан ни одна война у нас не обходилась – сколько об этом книг написано да фильмов поставлено – было на что надеяться.

И знаешь, напал-таки на группу окруженцев, человек тридцать бывших бойцов. Командовал ими майор Селезнев, из кавалеристов, решительный такой мужик, родом с Кубани, мастер ругаться в семь этажей, накричать, даже пристрелить под горячую руку мог. А вообще-то справедливый. И что интересно: никогда не угадаешь, как он к тебе отнесется. Только что грозил пустить пулю в лоб за ржавый затвор, а через час уже объявляет тебе благодарность за то, что на переходе первым заметил хутор, в котором оказалась возможность отдохнуть и подкрепиться. А про затвор он уже и забыл. Такой был человек. Поначалу он меня удивлял, потом ничего, привык к этому его кавалерийскому норову. В сорок втором под Дятловом шел первым по тропке, за ним адъютант Сема Цариков и остальные. И надо же – какой-то паршивый полицай с перепугу пальнул от моста и прямо командиру в сердце. Вот тебе и судьба. В скольких страшных боях участвовал, и ничего. А тут за всю ночь одна пуля – и в командира.

Да, Селезнев был мужик особенный, крутой, своенравный, но, знаешь, голову на плечах имел, на рожон не лез, как некоторые. Заядлый на словах больше, а так – умел думать. Первые несколько месяцев просидели в лесу на Волчьих ямах – урочище так называется за Ефимовским кордоном. Потом уже, в сорок третьем, там обосновалась Кировская бригада, мы перебравшись в пушу. А поначалу мы эти ямы обживали. Отличное, скажу тебе, место: болото, бугры, ямы да увалы – сам черт ногу сломает. Ну погрелись мы малость в землянках, попривыкли к волчьей жизни в лесу. Не знаю, подсказал кто или майор сам понял, что война не на несколько месяцев, может, побольше протянется и что без местных ему не обойтись. Поэтому-то и принял в свое кадровое войско меня и еще некоторых: начальника милиции из Пружан, студента одного, председателя сельсовета с секретарем. А на Октябрьские праздники и прокурор наш, товарищ Сивак, заявляется, тоже до фронта не дошел, вернулся. Сначала рядовым был, а потом начальником особого отдела

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru поставили. Но это потом уже, как Селезнева не стало. А в то время решили, что, пока спокойно, надо оглядеться да наладить кое-какие связи с селами, возобновить знакомства с надежными людьми, пощупать на хуторах окруженцев, которые из частей разбежались да к молодежи пристроились. Перво-наперво разослал майор всех местных, здешних, а таких тогда уже человек двенадцать набралось, кого куда. Меня с прокурором, понятно, в наш бывший район. Риску, конечно, тут было побольше, чем в другом месте – все-таки многие нас тут помнили, могли опознать. Но зато и мы знали больше и немного ориентировались, кому довериться, а кому нет. Да и вид у нас был не прежний, не сразу узнаешь – обросли бородами, обносились. Прокурор в черной железнодорожной шинели, я в армяке и сапогах. У обоих торбы за спинами. Как нищие какие.

Поначалу решили зайти в Сельцо.

Не на усадьбу, конечно, а в село – ты, может, знаешь, что через выгон от школы. В селе у прокурора был знакомый один, бывший сельский активист, вот к нему мы и направились. Но сперва из предосторожности зашли в одну хату на Гриневских хуторах – ту самую, что после войны завмаг из Рандулич купил и возле сельмага поставил. Хозяйка в Польшу выехала, года три хата стояла пустая, вот завмаг и откупил. А в войну в ней жили три девки при матери, невестка – сынова жена (сын в польско-германскую войну пропал, потом аж у Андерса объявился). Вот, пока мы портянки сушили, девки нам все и рассказали. И про новости в Сельце тоже. Оказывается, хорошо сделали, что сначала зашли к этим полячкам, а то бы не миновать беды. Дело в том, что этот прокурорский знакомый ходит уже с белой повязкой на рукаве – стал полицаем. Покряхтел прокурор от такой новости, а я, признаться, порадовался; было бы, наверно, хуже, если бы сразу сунулись полицаям в лапы. Однако скоро пришла и моя очередь удивиться и озадачиться – это когда я спросил про Мороза. Невестка и говорит: «Мороз все в школе работает». – «Как работает?» – «Детей, – говорит, – учит». Оказывается, тех самых своих пацанов собрал по селам, немцы дали разрешение открыть школу, вот он и учит. Правда, уже не в Габрусевой усадьбе – там теперь полицейский участок, – а в одной хате в Сельце.

Вот так метаморфоза! От кого-кого, а от Мороза такого не ждал. А тут прокурор высказывается в том смысле, что в свое время, мол, надо было этого Мороза репрессировать – не наш человек. Я молчу. Думаю, думаю, и никак в голове не укладывается, что Мороз – немецкий учитель. Сидим возле печки, глядим в огонь и молчим. Наладили, называется, связи. Один – полицай, другой – немецкий прихвостень, ничего себе кадры подготовили в районе за два предвоенных года.

И знаешь, думал я, думал и надумал сходить все-таки ночью к Морозу. Неужели, думаю, он меня продаст? Да я его, если что, гранатой взорву. Винтовки не было, а граната имела в кармане. Селезнев запретил брать с собой оружие, но гранату я все-таки прихватил на всякий непредвиденный случай.

Прокурор отговаривал меня от этой затеи, но я не поддался. Характер уж такой с детства: чем больше меня убеждают в чем-то, с чем я не согласен, тем больше мне хочется сделать по-своему. Не очень-то это помогает в жизни, да что поделаешь. Правда, прокурор тут ни при чем. Просто боялся за меня, думал, как бы одному не пришлось возвращаться в лагерь.

Девчата рассказали, как в деревне найти Мороза. Третья хата от колодца, со двора крыльцо. Живет у бабки-бобылки. Через улицу в другой хате теперь его школа.

Стемнело – пошли. Дождик моросит, грязюка, ветер. Начало ноября, а холодина собачья. Договорились с напарником, что я зайду один, а он меня подождет в загуменье, за кустиками. Ждать будет час, не приду – значит, дело плохо, что-то стряслось. Все же, думаю, за час управлюсь. Уж я разгадаю душу этого Мороза.

Прокурор остался за пунькой, а я вдоль межи – к хате. Темно. Тихо. Только дождь усиливается и шуршит в соломе на стрехах. За изгородью на ощупь добрал до калитки во двор, а она проволокой закручена. Я и так и этак – ничего не получается. Надо перелезть через изгородь, а изгородь высоковатая, жерди мокрые, скользкие. Наступил сапогом да как поскользнулся – грудью об жердь, та хрясть пополам, а я носом в грязь. И тут – собака. Так зашлась в лае, что я лежу в грязи, боюсь пошевелиться и не знаю, что лучше: удирать или звать на помощь.

И вот, слышу, кто-то выходит на крыльцо, скрипнул дверьми, прислушивается. Потом

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru спрашивает вполголоса: «Кто тут?» И собаке: «Гулька, пошла! Пошла! Гулька!» Ну, ясно, это же школьная собачонка, трехлапая, что когда-то инспектора укусила. А человек на крыльце – Мороз, голос знакомый. Но как отозваться? Лежу и молчу. А собака опять в лай. Тогда он сходит с крыльца, хромя (слышно по грязи: чу-чвяк, чу-чвяк), топает к забору.

Встаю и говорю напрямик: «Алесь Иванович, это я. Твой бывший заведующий». Молчит. И я молчу. Ну что тут делать: назвался, так надо вылезать. Встаю, перелезаю забор. Мороз тихо так: «Тут левой держите, а то корыто лежит». Успокаивает собаку и ведет меня в хату. В хате горит коптилка, окно занавешено, на табуретке – раскрытая книга. Алесь Иванович пододвигает табурет ближе к печке. «Садитесь. Пальто снимите, пусть сохнет». – «Ничего, – говорю, – пальто мое еще высохнет». – «Есть хотите? Картошка найдется». – «Не голодный, ел уже». Отвечаю вроде спокойно, а у самого нервы напряжены – к кому попал? А он как ни в чем не бывало, спокоен, будто мы с ним вчера только расстались: никаких вопросов, никакого замешательства. Разве только излишняя озабоченность в голосе. И взгляд не такой открытый, как прежде. Вижу, небрит, должно быть, дней пять – русая бородка пробилась.

Сижу мокрый, не снимая армяка, и он наконец присел на лавку. Коптилку поставил на табурет. «Как живем?» – спрашиваю. – «Известно как. Плохо». – «А что такое?» – «Все то же. Война». – «Однако, слышал, на тебе-то война не очень отразилась. Все учишь?» Он кисло, одной стороной лица усмехнулся, уставился вниз на коптилку. «Надо учить». – «А по каким программам, интересно? По советским или немецким?» – «Ах, вот вы о чем!» – говорит он и встает. Начинает расхаживать по хате, а я исподтишка внимательно так наблюдаю за ним. Молчим оба. Потом он остановился, зло глянул на меня и говорит: «Мне когда-то казалось, что вы умный человек». – «Возможно, и был умным». – «Так не задавайте глупых вопросов».

Сказал как отрезал – и смолк. И знаешь, стало мне малость не по себе. Почувствовал, что, наверно, дал маху, сморозил глупость. Действительно, как я мог сомневаться в нем! Зная, как он тут жил и кем был прежде, как можно было подумать, что он за три месяца переродился? И знаешь, почувствовал я без слов, без заверений, без божбы, что он наш – честный, хороший человек.

Но ведь – школа! И с разрешения немецких властей...

«Если вы имеете в виду мое теперешнее учительство, то оставьте ваши сомнения. Плохому я не научу. А школа необходима. Не будем учить мы – будут оболванивать они. А я не затем два года очеловечивал этих ребят, чтобы их теперь расчеловечили. Я за них еще поборюсь. Сколько смогу, разумеется».

Вот так он говорит, шаркая по хате, и не смотрит на меня. А я сижу, греюсь и думаю: а что, если он прав? Немцы ведь тоже не дремлют, свою отраву в миллионах листовок и газет сеют по городам и селам, сам видел, читал кое-что. Так складно пишут, так заманчиво врут, и даже партию свою как назвали: национал-социалистическая рабочая партия. И будто эта партия борется за интересы германской нации против капиталистов, плутократов евреев и большевистских комиссаров. А молодежь и есть молодежь. Она, брат, как малышня на дифтерит, заразительна на всякие малопонятные штучки. Люди постарше, те уж понимают такие хитрости, всякого насмотрелись в жизни, мужика-белоруса на мякине не проведешь. А молодые?

«Теперь все хватаются за оружие, – говорит Мороз, расхаживая по хате. – Потребность в оружии в войну всегда больше, чем потребность в науке. И это понятно: мир борется. Но одному винтовка нужна, чтобы стрелять в немцев, а другому – чтобы перед своими выпендриваться. Ведь перед своими форсить оружием куда безопасней, да и применить его можно вполне безнаказанно, вот и находятся такие, что идут в полицию. Думаете, все понимают, что это значит? Далекое не все. Не задумываются, что будет дальше. Как дальше жить. Им бы только получить винтовку. Вон в районе уже набирают полицию. И из Сельца двое туда подались. Что из них выйдет, нетрудно себе представить». И это правда, думаю. Но все-таки Мороз этот добровольно работает под немецкой властью. Как же тут быть?

И внезапно, хорошо помню, подумалось, как-то само собой: ну и пусть! Пусть работает. Неважно где – важно как. Хоть и под немецким контролем, но наверняка не на немцев. На нас работает. Если не на наше нынешнее, так на будущее. Ведь будет же и у нас будущее. Должно быть. Иначе для чего же тогда и жить? Разом в

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
омут головой – и конец.

Но, оказывается, Мороз этот работал не только для будущего. Делал кое-что и для настоящего.

Час, должно быть, уже прошел, я побоялся за прокурора, вышел позвать его. Тот сначала упирался, не хотел идти, но холод донял, побрел следом. Поздоровался с Морозом сдержанно, не сразу включился в разговор. Но исподволь осмелел. Еще поговорили, потом разделись, стали сушиться. Морозова бабка что-то на стол собрала, даже бутылочка «мутной» нашлась.

Так посидели мы тогда, поговорили откровенно обо всем. И надо сказать, именно тогда впервые открылось мне, что Мороз этот не нам ровня, умнее нас обоих. Ведь случается так, что все работают вместе, по одним правилам, кажется, и по уму все равны. А когда жизнь разбрасывает в разные стороны, разведет по своим стежкам-дорожкам и кто-то вдруг неожиданно выдвинется, мы удивляемся: смотри-ка, а был ведь как и все. Кажется, и не умнее других. А как выскочил!

Вот тогда я и почувствовал, что Мороз своим умом обошел нас и берет шире и глубже. Пока мы по лесам шастали да заботились о самом будничном – подкрепиться, перебраться, вооружиться да какого-нибудь немца подстрелить, – он думал, осмысливал эту войну. Он и на оккупацию как бы изнутри смотрел и видел то, чего мы не замечали. И главное, он ее больше морально ощущал, с духовной, так сказать, стороны. И знаешь, даже мой прокурор это понял. Когда мы уже вдоволь наговорились, совсем сблизились, я и сказал Морозу: «А может, бросай всю эту шарманку да айда с нами в лес. Партизанить будем». Помню, Мороз насупился, сморщил лоб, а прокурор тогда и говорит: «Нет, не стоит. Да и какой из него, хромого, партизан! Он здесь нам будет нужнее». И Мороз с ним согласился: «Сейчас, наверно, я тут больше к месту. Все меня знают, помогают. Вот уж когда нельзя будет...»

Ну и я согласился. Действительно, зачем ему в лес? Да еще с такой ногой. Наверно, и нам будет выгодней иметь своего человека в Сельце.

Вот так мы тогда погостили у него и со спокойной душой распрощались. И скажу тебе, этот Мороз стал для нас самым драгоценным помощником среди всех наших деревенских помощников. Главное, как потом выяснилось, приемник достал. Не сам, конечно, – мужики передали. Так его уважали, так с ним считались, что, как и раньше, не к попу или ксендзу, а к нему шли и с плохим и хорошим. И когда отыскался где-то этот приемничек, так первым делом передали его своему учителю, Алесю Ивановичу. И тот потихонечку стал его покручивать в овине. Вечером, бывало, забросит антенну на грушу и слушает. А после запишет, что услышал. Главное – сводки Совинформбюро, на них самый большой спрос был. У нас в отряде ничего не имели, а он вот разжился. Селезнев, правда, когда дознался, хотел тот приемничек для себя забрать, но передумал. У нас бы те новости человек тридцать пять слушало, а так вся округа ими пользовалась. Тогда сделали так: Мороз два раза в неделю передавал сводки в отряд – у лесной сторожки висела дуплянка на сосне, туда пацаны их клали, а ночью мы забирали. Помню, сидели мы той зимой по своим ямам, как волки, все сплошь замело снегом, холодина, глухомань, со жратвой туго, и только радости, что эта Морозова почта. Особенно когда немцев из-под Москвы шибанули, каждый день бегали к дуплянке... Постой, кажется, едет кто-то...

Из ночной темени сквозь легкие порывы свежего ветра донесся знакомый перестук конских копыт, звякнула уздечка. Колес, правда, не было слышно на гладком, подметенном автомобильным вихрем асфальте. Впереди, куда бежало шоссе, разрозненно сверкали огни недалекой придорожной деревни Будиловичи.

Мы остановились, немного подождали, пока из темноты, негромко постукивая подковами, появился тихий коник с одиноким седоком на возу, который лениво пошевеливал вожжами. Увидев нас на обочине, возчик насторожился, но молчал, видимо намереваясь проехать мимо.

– Вот кто нас подвезет, – без всякого приветствия сказал Ткачук. – Наверно, порожний, ага?

– Порожний. Мешки отвозил, – глуховато послышалось с воза. – А вам далече?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Да в город. Но хотя бы до Будиловичей довез.

– Это можно. Как раз в Будиловичи еду. А там на автобус сядете. В девять автобус. Гродненский. Теперь который?

– Без десяти восемь, – сказал я, кое-как разглядев стрелки на своих часах.

Повозка остановилась. Ткачук, кряхтя, влез на нее, я примостился сзади. Сидеть было не слишком удобно, жестковато на голых, с остатками мусора досках, но я уже не хотел отставать от моего спутника, который устало вздохнул и свесил с повозки ноги.

– А все-таки, знаешь, уморился. Что значит годы. Эх, годы, годы...

– Издалека идете? – спросил возница. Судя по его глуховатому голосу, был он тоже немолод, держался степенно и как бы чего от нас ждал.

– Из Сельца.

– А-а, так с похорон, значит?

– С похорон, – коротко подтвердил Ткачук.

Возница встряхнул вожжами, конь прибавил шагу – дорога пошла вниз. Навстречу, по ту сторону мрачной, без единого огонька широкой низины все стригли в небе расходящиеся лучи автомобильных фар.

– А ведь молодой еще человек был учитель этот. Знал я его хорошо. В позапрошлом году в больнице вместе лежали.

– С Миклашевичем?

– Ну. В одной палате. Еще он какую-то толстую книжку читал. Больше про себя, а когда и вслух. Вот забыл того писателя... Помню, говорилось там, что если нет бога, так нет и черта, а значит, нет ни рая, ни пекла, значит все можно. И убить и помиловать. Вот как. Хотя он говорил, что это смотря как понимать.

– Достоевский, – бросил Ткачук и обратился к вознице: – Ну, а ты, например, как понимаешь?

– Я-то что! Я человек темный, три класса образования. Но я так понимаю, что надо, чтобы в человеке что-то было. Стопор какой. А то без стопора дрянь дело. Вон в городе набросились на парня с дивчиной трое, чуть беды не наделали. Витька наш, хлопец из Будиловичей, вмешался, так сам теперь третью неделю в больнице лежит.

– Побили?

– Не сказать, чтоб побили – один раз кастетом по виску ударили. И того хватило. Правда, и от него кому-то досталось. Поймали – известный бандюга оказался.

– Это хорошо, – оживился Ткачук. – Смотри, не испугался. Один против троих. Когда такое было в ваших Будиловичах?

– Ну в Будиловичах, может, и не было...

– Не было, не было. Знаю я ваши Будиловичи – бедное село, выселки. Теперь что, теперь другое дело: под шифер да под гонт убрались, а давно ли на стрехах мох зеленел! Такое село на большаке, и что меня удивляло – ни одного деревца. Как в Сахаре какой. Правда, земля – один песок. Помню, как-то зашел – рассказали историю. Одного будиловчанина голодуха по весне прищемила, дошел на крапиве, ну и надумал на большаке разжиться. Ночью подстерег прохожего да и стукнул обушком по голове. Вон и теперь еще на околице возле камня крест стоит. Оказался – нищий с пустой торбой. А этот каторгу получил, так из Сибири и не вернулся. А теперь гляди ты – какой кавалер нашелся в Будиловичах. Рыцарь.

– Ну.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– А куда в школу ходил? Не в Сельцо?

– До пятого класса в Сельцо.

– Ну видишь! – искренне обрадовался Ткачук. – У Миклашевича, значит, учился. Я так и знал. Миклашевич умел учить. Еще та закваска, сразу видать.

Машины быстро летели навстречу и еще издали ослепили нас сверкающим потоком лучей. Возчик заботливо свернул на обочину, лошадь замедлила шаг, и машины с ревом промчались мимо, стегнув по возу щебнем из-под колес. Стало совсем темно, и с полминуты мы ехали в этой тьме, не видя дороги и доверяясь коню. Сзади по шоссе быстро отдалялся-стихал могучий нутряной гул дизелей.

– Кстати, вы не досказали. Как оно тогда обошлось с Морозом, – напомнил я Ткачуку.

– О, если бы обошлось. Тут еще долгая история. Ты, дед, Мороза не знал? Ну, учителя из Сельца? – обратился Ткачук к вознице.

– Того, что в войну?.. А как же! Еще и моего племяша разом загубили.

– Это кого же?

– А Бородича. Это же племяш мой. Родной сестры сын. Как не знать, знаю...

– Так я вот товарищу эту историю рассказываю. Значит, ты знаешь. А то можешь послушать, если не все слышал. В лесу небось не был? В партизанку?

– А как же! Был! – обидчиво отозвался человек. – У товарища Куруты. Возил раненых. Санитаром работал.

– У Куруты? Комбрига Куруты?

– Ну. От весеннего Николы в сорок третьем и до конца. Как наши пришли. Считаю, больше года.

– Ну, Курута не нашей зоны.

– Мало что. Нашей не нашей, а был. Медаль имею и документ, – уже совсем разобиделся старик.

Ткачук поспешил смягчить разговор:

– Так я ничего, я так. Имеешь – носи на здоровье. Мы тут про другое... Мы про Мороза.

– Так вот, у Мороза первое время, в общем, все шло хорошо. Немцы и полицаи пока не привязывались, наверно, следили издали. Единственное, что камнем висело на его совести, так это судьба двух девочек. Тех самых, что когда-то домой отводил. Летом сорок первого, как раз перед войной, отправил их в пионерский лагерь под Новогрудок – организовывали тогда впервые межрайонные пионерские лагеря. Мать не хотела пускать, боялась, известное дело, деревенская баба, сама дальше местечка нигде не бывала, а он уговорил, думал сделать девчужкам хорошее. Только поехали, а тут война. Прошло уже столько месяцев, а о них ни слуху ни духу. Мать, конечно, убивается, да и Морозу из-за всего этого тоже несладко, как-никак, а все же и его тут вина. Мучит совесть, а что поделаешь? Так и пропали девчонки.

Теперь надо тебе сказать про тех двух полицаев из Сельца. Одного ты уже знаешь, это бывший знакомый прокурора – Лавченя Владимир. Оказывается, был он не тем, за кого мы его поначалу приняли. Правда, в полицию пошел сам или принудили, теперь уже не дознаться, но зимой в сорок третьем немцы расстреляли его в Новогрудке. Дядька, в общем, оказался хороший, много добра нам сделал и в этой истории с хлопцами сыграл довольно пристойную роль. Лавченя был молодец, хоть и полицай. А вот второй оказался последним гадом. Не помню уже его фамилии, но по селам его звали Каин. И вправду был Каин, много бед принес людям. До войны жил с отцом на хуторе, был молодой, неженатый – парень как парень. Вроде никто про него, довоенного, плохого слова сказать не мог, а пришли немцы – переродился человек. Вот что значат условия. Наверно, в одних условиях раскрывается одна часть

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru характера, а в других – другая. Поэтому у каждого времени свои герои. Вот и в этом Каине до войны сидело себе потихоньку что-то подлое, и если бы не эта передрыга, может, и не вылезло бы наружу. А тут вот поперло. С усердием служил немцам, ничего не скажешь. Его руками тут много чего наделано. Осенью раненых командиров расстрелял. С лета скрывались в лесу четверо раненых, из местных кое-кто знал, да помалкивал. А этот выследил, отыскал в ельнике земляночку и с дружками перебил всех ночью. Усадьбу нашего связного Криштофоровича спалил. Сам Криштофорович успел скрыться, а остальных – стариков родителей, жену с детьми – всех расстреляли. Над евреями в местечке издевался, облавы устраивал. Да мало чего! Летом сорок четвертого куда-то исчез. Может, где получил пулю, а может, и сейчас где-либо роскошествует на Западе. Такие и в огне не горят и в воде не тонут.

Так вот этот Каин все-таки что-то заподозрил вокруг Морозовой школы. Каким ни был Мороз осторожным, но что-то вылезло, как шило из мешка. Должно быть, дошло и до ушей полиции.

Однажды перед весной (снег уже начал таять) и нагрянула эта полиция в школу. Там как раз шли занятия – человек двадцать детворы в одной комнатенке за двумя длинными столами. И вдруг врывается Каин, с ним еще двое и немец – офицер из комендатуры. Учинили обыск, перетрясли ученические сумки, проверили книжки. Ну, ясное дело, ничего не нашли – что можно найти у детишек в школе? Никого и не забрали. Только учителю допрос устроили, часа два по разным вопросам гоняли. Но обошлось.

И тогда ребяташки, что учились у Мороза, и тот переросток Бородич что-то задумали. В общем-то они были откровенны с учителем, а тут затаились даже от него. Однажды, правда, этот Бородич будто между прочим, намекнул, что неплохо бы пристукнуть Каина. Есть, мол, такая возможность. Но Мороз категорически запретил это делать. Сказал, что, если потребуется, пристукнут без них. Самовольничать в войну не годится. Бородич не стал возражать, вроде бы согласился. Но такой уж был этот хлопец, что если втемаянется что в голову, то не скоро расставался он с этой мыслью. А мысли у него всегда были одна отчаяннее другой.

Дальше мне уже рассказывал сам Миклашевич, так что можно считать, что все тут чистая правда.

Случилось так, что к весне сорок второго вокруг Мороза в Сельце сложилась небольшая, но преданная ему группа ребят, которая буквально во всем была заодно с учителем. Ребята эти теперь все известны, на памятнике их имена в полном составе, кроме Миклашевича, конечно. Павлу Миклашевичу шел тогда пятнадцатый год. Коля Бородич был самым старшим, ему подбиралось уж к восемнадцати. Еще были братья Кожаны – Тимка и Остап, однофамильцы Смурный Николай и Смурный Андрей, всего, таким образом, шестеро. Самому младшему из них, Смурному Николаю, было лет тринадцать. Всегда во всех делах они держались вместе. И вот эти ребята, когда увидели, что на их школу и на их Алесья Ивановича насел этот Каин с немцами, решили тоже не оставаться в долгу. Сказалось Морозово воспитание. Но ведь ребятня, детишки без оружия, почти с голыми руками. Дурости и смелости у них хоть отбавляй, а вот сноровки и ума, конечно, было в обрез.

Ну и кончилось это, понятное дело, тем, чем и должно было кончиться.

Миклашевич рассказывал, что после того, как Мороз запретил трогать этого Каина, они посидели малость, да и взялись за свою затею втихомолку, тайно от учителя. Долго прикидывали, присматривались и наконец разработали такой план.

Я вроде говорил уже, что этот Каин жил на отцовском хуторе, через поле от Сельца. Почти все время отирался в местечке, но иногда приезжал домой – попьанствовать да позабавиться с девками. Один приезжал редко, больше с такими, как сам, изменниками, а то и с немецким начальством. Тогда в здешних местах было еще тихо. Это потом уже, с лета сорок второго, загремело, и немцы не очень-то показывали нос в села. А в первую зиму держали себя нахально, отчаянно, ничего не боялись. В ту пору случалось, что Каин и на ночь оставался в хуторе, переночует, а назавтра утречком катит себе в район. Верхом, на санях, а то и на машине. Если с начальством. И вот ребята однажды подобрали момент.

Все случилось нежданно-негаданно, как следует не организовано. Ребятишки ведь неопытные. Да и откуда взяться опыту? Одна жажда мести.

Помню, была весна. С полей сошел снег, только в лесу да по рвам и ямам лежал еще грязными пятнами. В оврагах и на пашне было сыро и топко. Бежали ручьи, полные, мутные. Но дороги уже подсыхали, под утро порой жал небольшой морозец. Отряд наш малость увеличился, набралось человек полста: военные и местные пополам. Меня поставили комиссаром. То был рядовым, а то вдруг начальство, забот прибавилось не дай бог. Но молодой был, энергии хватало, старался, спал по четыре часа в сутки. В то время мы уже знали, предвидели – весной загремит, а вот оружия было маловато, на всех не хватало. Где могли, всюду добывали, выискивали оружие. Посылали за ним, аж за сто километров, на государственную границу. Однажды кто-то сказал, будто на переправе через Щару прошлым летом наши, отступая, затопили два грузовика с боеприпасами. И вот Селезнев загорелся, решил вытащить. Организовал команду в пятнадцать человек, снарядил пару фурманок, руководить взялся сам – надоело сидеть в лагере. А меня оставил за главным. Первый раз оказался над всеми начальником, ночь напролет не спал, два раза посты проверял – на просеке и дальний, у кладок. Утром, только задремал в землянке, будят. Еле поднялся со своего хвойного ложа, гляжу. Витюня, наш партизан, долговязый такой саратовец, что-то толкует, а я спросонья никак не могу понять, в чем дело. Наконец понял: часовые задержали чужого. «Кто такой?» – спрашиваю. Отвечает: «А черт его знает, вас спрашивает. Хромой какой-то».

Услышав такое, я, признаться, встревожился. Сразу почувствовал: Мороз, значит, что-то стряслось. Сперва почему-то подумал о селезневской группе – показалось: с ней что-то недоброе, потому и прибежал Мороз. Но почему сам Мороз? Почему не прислал кого из ребят? Хотя если б на свежую голову, так какое отношение имел Мороз к группе командира? Она даже не в ту сторону и выехала.

Встал, натянул сапоги, говорю: «Ведите сюда». И точно: вводят Мороза. В кожанке, теплой шапке, но на ногах туфли чуть не на босу ногу и мокрые до колен штаны. Не соображу никак, что случилось, а что плохое, это уж точно чувствую: весь взъерошенный вид Мороза красноречиво о том свидетельствует. Да и его неожиданное появление в лагере, где он никогда еще не был. Шутка ли, километров двенадцать отмахать по такой дороге. Вернее, без всякой дороги.

Мороз постоял малость, присел на нары, посматривая на Витюню: мол, не лишний ли. Я делаю знак, парень закрывает дверь с той стороны, и Мороз говорит таким голосом, словно похоронил родную мамашу: «Хлопцев забрали». Я не понял сначала: «Каких хлопцев?» – «Моих, – говорит. – Сегодня ночью схватили, сам едва вырвался. Один полицай предупредил».

Признаться, тогда я ждал худшего. Я думал, что случилось что-то куда более страшное. А то – хлопцев! Ну что они могли сделать, эти его хлопцы? Может, сказали что? Или обругали кого? Ну, дадут по десятку палок и отпустят. Такое уже бывало. В то время я еще не предвидел всего, что произойдет в связи с этим арестом морозовских хлопцев.

А Мороз немного успокоился, отдышался, закурил самосаду (раньше не курил вроде) и мало-помалу начал рассказывать.

Вырисовывается такая картина.

Бородич все-таки добился своего: ребята подстерегли Каина. Несколько дней назад полицай этот на немецкой машине с немцем-фельдфебелем, солдатом и двумя полицаями прикатил на отцовский хутор. Как было уже не однажды, на хуторе заночевали. Перед этим заехали в Сельцо, забрали свиней у Федора Боровского и глухого Денисчика, похватили по хатам с десятков кур – назавтра собирались везти в местечко. Ну, ребята все высмотрели, разведали и, как стемнело, огородами – на дорогу. А на дороге этой, если помнишь, недалеко от того места, где она пересекает шоссе, небольшой мосток через овражек. Мосток-то небольшой, но высокий, до воды метра два, хоть и воды той по колено, не глубже. К мостку крутоватый спуск, а потом подъем, поэтому машина или подвода вынуждена брать разгон, иначе на подъем не выберешься. О, эти сорванцы учли все, тут они были мастера. Тут у них все тонко было сработано.

Так вот, как стемнело, все шестеро с топорами и пилами – к этому мостику. Видно, попотели, но все же подпилили столбы, не совсем, а так, наполовину, чтоб человек или конь могли перейти, а машина нет. Машина переехать этот мосток уже не могла. Сделали все удачно, никто не помешал, не застучал: радостные, выбрались из

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru овражка. Но как же всем спать: в такое время, когда будет лететь вверх колесами немецкая машина. Вот двое и остались ради такого момента – Бородич и Смурый Николай. Выбрали местечко поодаль в кустах и засели ждать. Остальных отправили по домам.

В общем, все шло, как и было задумано, кроме небольшой мелочи. Но, как видно, эта-то мелочь их и погубила. Во-первых, Каин в тот день запозднил, проспал после пьянки. Рассвело, в деревне повставали люди, началась обычная суета по хозяйству. Миклашевич потом говорил, что они дома за всю ночь глаз не сомкнули и чем дальше, тем все больше тревожились: почему не прибегают дозорные? А дозорные терпеливо дожидались машину, которой все не было. Вместо нее на дороге утречком вдруг появляется фурманка. Дядька Евмен, ничего не подозревая, катит себе по дрова. Пришлось Бородичу вылезать из своей засады и встречать дядьку. Говорит: «Не едьте, под мостом мина». Евмен перепугался, не стал очень интересоваться той миной и повернул в объезд.

Наконец, часов, может, в десять на дороге показалась машина. Как на грех, дорога была плохая, в лужах и выбоинах, скорости не было никакой, и машина тихо ползла, переваливаясь с боку на бок. Не было и разгона перед овражком. Помалу сползла под уклон, на мостике шофер стал переключать скорость, и тогда одна поперечина подломилась. Машина накренилась и боком полетела под мост. Как потом выяснилось, седоки и свиньи с курами просто съехали в воду и тут же благополучно повыскакивали. Не повезло одному только немцу, который сидел возле кабины, – как раз угодил под борт, и его придавило кузовом. Вытащили из-под машины уже мертвого.

А хлопцы как увидели, чего добились, ошалели от счастья и рванули по кустам в деревню. На радостях небось показалось, что всем фрицам и полицаям капут, машине тоже. И невдомек было им, что Каин и остальные тут же выскочили, стали поднимать машину, и кто-то тогда заметил, как в кустах мелькнула фигура. Фигура ребенка, пацана – больше ничего не удалось заметить. Но и этого оказалось достаточно.

В селе каждый слух облетает подворья молнией, через какой-то час все уже знали, что случилось на дороге у овражка. Каин прибежал за подводой везти труп немца в местечко. Мороз как услышал об этом, сразу бросился в школу, послал за Бородичем, но того не оказалось дома. Зато Миклашевич Павлик, видя, как встревожился их учитель, не выдержал и рассказал ему обо всем.

Мороз не находил себе места, но занятий в школе не отменил, начал только с небольшим опозданием. Ребята, что учились, все поприходили. Не было одного Бородича, хотя Бородич в то время уже не учился в школе, но бывал в ней часто. Мороз все поглядывал в окно, говорил после – все уроки провел у окна, чтобы увидеть, если кто чужой появится на улице. Но в тот день никто не появлялся. После занятий учитель во второй раз послал за Бородичем, а сам стал ждать. Как он сам мне потом признавался, положение его было нелепым до дикости. Понятно, ребята более-менее позаботились обо всем, что касалось самой диверсии, но как быть дальше, если диверсия удастся, они просто не думали. И учитель тоже не знал, что придумать. Он понимал, конечно, что немцы это так не оставят, начнется заваруха. Возможно, заподозрят и ребят, и его самого. Но в деревне три десятка мужчин, думалось, не так-то просто найти именно того, кого нужно. Если б он загодя знал, что готовят эти сорванцы, так наверняка что-либо придумал. А теперь все обрушилось на него так внезапно, что он просто не знал, что предпринять. Да и какая угрожает опасность, тоже было неизвестно. И кому она угрожает в первую очередь? Наверно, прежде всего надо было повидать Бородича, все же он постарше, поумнее. Опять же, из соседнего села, может, был смысл до поры до времени припрятать у него ребят. Или, наоборот, прежде его самого где-нибудь спрятать.

Пока он сидел в ту ночь у своей бабки и ждал посланца с Бородичем, передумал всякое. И вот где-то около полуночи слышит стук в дверь. Но стук не детской руки – это он сообразил сразу. Открыл и остолбенел: на пороге стоял полицай, тот самый Лавченя, про которого я уже говорил. Но почему-то один. Не успел Мороз сообразить что-то, как тот ему выпалил: «Удирай, учитель, хлопцев забрали, за тобой идут». И назад, не попрощавшись. Мороз рассказывал, что сначала ему подумалось – провокация. Но нет. И вид и тон Лавчени не оставляли сомнений: сказал правду. Тогда Мороз за шапку, колушек, за свою палку – и огородами в лесок за выгоном. Ночь просидел под елкой, а под утро не выдержал, постучал к одному дядьке, которому верил, чтобы узнать, что все-таки случилось. А дядька, как увидел учителя, аж затрясся. Говорит: «Утикай, Алесь Иванович, перетрясли

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru все село, тебя ищут». – «А ребята?» – «Забрали, заперли в амбаре у старосты, один ты остался».

Теперь-то уж точно известно, как все случилось. Оказывается, Бородич давно был на подозрении у этого Каина, к тому же кто-то из полицаев увидел его в овражке. Не опознал, но увидел, что побежал подросток, пацан, не мужчина. Ну, наверно, поговорили там, в районе, вспомнили Бородича и порешили взять. Ночью подкатывают к его хате, а тот дурень как раз обувает чуни. Целый день шатался по лесу, к ночи притомился, оголодал, ну и вернулся к батьке. Сначала у кого-то спросил на улице, сказали: все, мол, тихо, спокойно. Умный был парень, решительный, а осторожности ни на грош. Наверно, подумал: все шито-крыто, никто ничего не знает, его не ищут. А вечером как раз прибегают смурный, так и так, вызывает Алесь Иванович. Только ребята стали собираться, а тут машина. Так и схватили обоих.

А схватив двух, нетрудно было забрать и остальных. Порой вот думается только: как это следователь нашел виновного, если никто ничего не видел, ничего не знает? Может, это и в самом деле не просто, если придерживаться каких-то там правил юриспруденции. Только немцы в таких случаях чихали на юриспруденцию. Каин и остальные рассуждали иначе. Если где обнаруживался вред немцам, они прикидывали по вероятности: кто мог его сделать. Выходило: тот или этот. Тогда и хватали того и этого вместе с их свояками и приятелями. Мол, одна шайка. И знаешь, редко ошибались, гады. Так и было. И если и ошибались, то не переиначивали, назад не отпускали. Карали всех скопом – и виноватых и невиновных.

До сих пор неизвестно в точности, как это Лавчене удалось предупредить Мороза. Наверно, они там сперва не планировали хватать учителя, а сделали это импровизированно, по ходу дела. Наверно, Каин допетрил, что где ребята, там и учитель. И вот Лавченя, которого мы считали подлюгой, улучил момент, буквально каких-то десять минут, и забежал, предупредил. Спас Мороза.

Вот как оно получилось.

А в лагерь на другой день приехал Селезнев. Привезли пару ящиков отсыревших гранат. Удача небольшая, хлопцы устали, командир злой. Я рассказал про Мороза: так и так, что будем делать? Надо, наверно, забирать учителя в отряд, не пропадать же человеку. Говорю так, а Селезнев молчит. Конечно, боец из учителя не очень завидный, но ничего не поделаешь. Подумал майор и приказал выдать Морозу винтовку с черным прикладом, без мушки (никто ее брать не хотел, бракованную) и зачислить его во взвод Прокопенко бойцом. Сказали об этом Морозу, тот выслушал без всякого энтузиазма, но винтовку взял. А сам – словно в воду опущенный. И винтовка никак не подействовала. Бывало, вручаешь кому оружие, так столько радости, почти детского восторга. Особенно у молодых хлопцев, для которых вручение оружия – самый большой в жизни праздник. А тут ничего подобного. Два дня проходил с этой винтовкой и даже ремешка не привязал, все носил в руках. Как палку какую.

Так прошло еще два или три дня. Помню, хлопцы копали третью землянку на краю нашего стойбища, под ельничком. Народу по весне прибавилось, в двух стало тесновато. Я сижу себе над ямой, беседуем. И тут прибегают партизан, который был дневальным по лагерю, говорит: «Командир зовет». – «А что такое?» – спрашиваю. Говорит: «Ульяна пришла». А Ульяна эта связная наша с лесного кордона. Хорошая была девка, смелая, боевая, язычок не дай бог, что бритва. Сколько хлопцы к ней не подкатывались – никому никакой поблажки, любого отбреет, только держись. Потом, летом сорок второго, с Марией Козухиной чуть комендатуру в местечке не подорвали, уже и заряд подложили, да какая-то подлюга заметила, донесла. Заряд тут же обезвредили, а ее догнали верхами, схватили и расстреляли. А Козухина как-то спаслась, в блокаду ранена была, да пересидела в болоте. Теперь в Гродно работает. Недавно свадьбу справляла, сына женила. И я был приглашен, а как же...

Так вот, прибежала, значит, Ульяна. Я как услышал об этом, сразу сообразил: дело плохо. Плохо, потому что Ульяне было категорически запрещено появляться в лагере. Что надо было, передавала через связных раза два на неделе. А самой разрешалось прибежать только в самом крайнем случае. Так вот, наверно, это и был тот самый крайний случай. Иначе бы не пришла.

Я, значит, к командирской землянке и уже на ступеньках слышу – разговор

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru серьезный. Точнее, громкий разговор. Селезнев кроет матом. Ульяна тоже не отстает. «Мне сказали, а я что, молчать буду?» – «Во вторник передала бы». – «Ага, до вторника им всем головы пооткручивают». – «А я что сделаю? Я им головы поприставляю?» – «Думай, ты командир». – «Я командир, но не бог. А ты вот мне лагерь демаскируешь. Теперь назад тебя не пушу». – «И не пускай, черт с тобой. Мне тут хуже не будет».

Захожу, оба смолкают. Сидят, друг на друга не смотрят. Спрашиваю как можно ласковее: «Что случилось, Ульянка?» – «Что случилось – требуют Мороза. Иначе, сказали, ребят повесят. Мороз им нужен». – «Ты слышишь? – кричит командир. – И она с этим примчалась в лагерь. Так им Мороз и побежит. Нашли дурака!» Ульяна молчит. Она уже накричалась и, наверно, больше не хочет. Сидит, поправляет белый платок под подбородком. Я стою ошеломленный. Бедный Мороз! Помню как сейчас, именно так подумал. Еще один камень на его душу. Вернее, шесть камней – будет от чего почернеть. Конечно, никто из нас тогда и в мыслях не имел посылать Мороза в село. Сдурели мы, что ли. Ясно, что и мальцов не отпустят, и его кокнут. Знаем мы эти штучки. Девятый месяц под немцами живем. Насмотрелись.

А Ульяна рассказывает: «Я разве железная? Прибегают ночью тетка Татьяна и тетка Груша – волосы на себе рвут. Еще бы, матери. Просят Христом-богом: «Ульяночка, родненькая, помоги. Ты знаешь как». Я им толкую: «Ничего не знаю: куда я пойду?» А они: «Сходи, ты знаешь, где Алесь Иванович, пусть спасает мальцов. Он же умный, он их учитель». Я свое твержу: «Откуда мне знать, где тот Алесь Иванович. Может, удрал куда, где я его искать буду?» – «Нет, золотко, не отказывайся, ты с партизанами знаешься. А то завтра уведут в местечко, и мы их больше не увидим». Ну что мне оставалось делать?»

Да. Вот такая вызрела ситуация. Невеселая, прямо скажу, ситуация. А Селезнев погорячился, накричал и молчит. И я молчу. А что сделаешь? Пропали, видно, хлопцы. Это так. Но каково матерям? Им ведь еще жить надо. И Морозу тоже. Мы молчим, что пни, а Ульяна встает: «Решайте, как хотите, а я пошла. И пусть проводит кто-либо. А то возле кладок чуть не застрелил какой-то ваш дурень».

Конечно, надо проводить. Ульяна выходит, а я следом. Вылезаю из землянки и тут же нос к носу – с Морозом. Стоит у входа, держит свою винтовку без мушки, а на самом лица нету. Глянул на него и сразу понял: все слышал. «Зайди, – говорю, – к командиру, дело есть». Он полез в землянку, а я повел Ульяну. Пока нашел, кого ей определить в провожатые, пока ставил ему задачу, пока прощался, прошло минут двадцать, не больше. Возвращаюсь в землянку, там командир, как тигр, бегаёт из угла в угол, гимнастерка расстегнута, глаза горят. Кричит на Мороза: «Ты с ума сошел, ты дурак, псих, идиот!» А Мороз стоит у дверей и понуро так смотрит в землю. Кажется, он даже и не слышит командирского крика.

Я сажусь на нары, жду, пока они мне объяснят, в чем дело. А они на меня ноль внимания. Селезнев все ярится, грозит Мороза к елке поставить. Ну, думаю, если уж до елки дошло, то дело серьезное.

А дело и впрямь такое, что дальше некуда. Командир выкричал свое и ко мне: «Слышал, хочет в село идти?» – «Зачем?» – «А это ты у него спроси». Смотрю на Мороза, а тот только вздыхает. Тут уж и я начал злиться. Надо быть круглым идиотом, чтобы поверить немцам, будто они выпустят хлопцев. Значит, идти туда самое безрассудное самоубийство. Так и сказал Морозу, как думал. Тот выслушал и вдруг очень спокойно так отвечает: «Это верно. И все-таки надо идти».

Тут мы оба взъярились: что за сумасбродство? Командир говорит: «Если так, я тебя посажу в землянку. Под стражу». Я тоже говорю: «Ты подумай сперва, что говоришь». А Мороз молчит. Сидит, опустив голову, и не шевелится. Видим, такое дело, надо, наверно, нам вдвоем с командиром посоветоваться, что с ним делать. И тогда Селезнев устало так говорит: «Ладно, иди подумай. Через час продолжим разговор».

Ну, Мороз встает и, прихрамывая, выходит из землянки. Мы остались вдвоем. Селезнев сидит в углу злой, вижу, на меня зуб имеет: мол, твой кадр. Кадр действительно мой, но, чувствую, я тут ни при чем. Тут у него свои какие-то принципы, у этого Мороза. Хотя я и комиссар, а он меня не глупее. Что я могу с ним сделать?

Посидели так, Селезнев и говорит со строгостью в голосе, к которой я все еще не

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru смог до конца привыкнуть; «Потолкуй с ним. Чтоб он эту блажь из головы выбросил. А нет, погоню на Щару. Поплюхается в ледяной воде, авось поумнеет».

Думаю, ладно. Надо как-то поговорить с ним, уломать отказаться от этой глупой затеи. Конечно, я понимал: жаль хлопцев, жаль матерей. Но мы помочь не могли. Отряд еще не набрал силы, оружия было мало, с боеприпасами дело совсем аховое, а вокруг в каждом селе гарнизон – немцы и полиция. Попробуй сунься.

Да, я честно собирался поговорить с ним и убедить его бросить и помышлять о явке в Сельцо. Но вот не поговорил. Промедлил. Может, устал или просто не собрался с духом сделать это сразу же после разговора в землянке. А потом случилось такое, что стало не до Мороза.

Сидим, молчим, думаем и вдруг слышим голоса неподалеку, возле первой землянки. Кто-то пробежал мимо нашего оконца. Прислушался – голос Броневи́ча. А Броневи́ч только утром отправился на один хутор с сержантом Пекушевым – было задание насчет связи с местечком. Пошли туда на три дня, и вот вечером они уже тут.

Первым, учуяв недоброе, выскочил командир, я следом. И что же мы видим? Сидит перед землянкой Броневи́ч, а рядом на земле лежит Пекушев. Глянул и сразу понял: мертвый. А Броневи́ч, истерзанный весь, потный, мокрый по пояс, с окровавленными руками, заикаясь, рассказывает. Оказывается, дрянь дело. Возле одного хутора нарвались на полицаев, те обстреляли и вот убили сержанта. А славный был парень этот Пекушев, из пограничников. Хорошо еще, Броневи́ч как-то выкрутился и приволок тело. У самого телогрейка на плече прострелена.

Помню, это была наша первая потеря в лагере. Переживали не приведи бог. Просто в уныние впали все. И кадровые и местные. И правда, хороший был парень: тихий, смелый, старательный. Все довоенные письма от матери перечитывал – где-то под Москвой жила. А он у нее единственный сын. И вот надо же...

Что поделаешь, начали готовиться к похоронам. Недалеко от лагеря, над обрывом возле ручья, выкопали могилу. Под сосной, в песочке. Гроба, правда, не было, могилку выстлали лапником. Пока хлопцы там управлялись, я потел над речью. Это ведь была моя первая речь перед войском. Назавтра построили отряд, шестьдесят два человека. У могилы положили Пекушева. Обрядили его в чью-то новую гимнастерку, синие брюки. Даже треугольнички на петлицы собрали, по три на каждую, чтобы все как положено в армии. Затем выступали. Я, командир, кто-то из его друзей-пограничников. Некоторые прослезились даже. Словом, это были первые и, пожалуй, последние трогательные такие похороны. Потом хоронили чаще, и даже не по одному. Бывало, по десять в одну яму закапывали. А то и без ямы – листвой или иглицей присыплешь, и ладно. В блокаду, например. Да и самого командира похоронили просто – яму по колено выкопали, и все. Не переживали и десятой доли того, что по этому Пекушеву. Привыкли.

Так, значит, похоронили Пекушева. Речь моя удалась, с этой стороны я был доволен. Даже Селезнев как-то по-дружески, без своей вечной строгости поговорил, пока шли рядом к нашей землянке. Намерились уже спуститься туда, как подлетает Прокопенко: так и так, нет Мороза. С ночи нет. «Как с ночи? – взвился Селезнев. – Почему не доложили сразу?» А Прокопенко только пожимает плечами: мол, думали, отыщется. Думали, к комиссару пошел. Или на ручей. Все возле ручья последнее время любил сидеть. В одиночестве.

Тут уж, знаешь, нам дурно стало.

Селезнев накинулся на Прокопенко, честил его как только умел. А он-то умел. А потом вызверился на меня. Обозвал последними словами. Я молчал. Что ж, наверно, заслужил. Спустились в землянку, Селезнев приказал позвать начальника штаба – был такой тихий, исполнительный лейтенант Кузнецов, из кадровых – и командиров взводов. Все собрались, уже знают, в чем дело, и молчат, ждут, что скажет майор. А майор думал, думал и говорит: «Менять лагерь. А то прижмут этого хромого идиота, сам того не желая, выдаст всех. Перестреляют, как куропаток».

Вижу, хлопцы носы повесили. Никому не хочется менять лагерь, очень уж подходящее место: тихое, в стороне от дорог. И счастливое. За всю зиму ни одной неожиданности на этот счет. А тут из-за какого-то хромого идиота... Оно и понятно, им-то кто этот Мороз? После всего, что случилось, – разумеется, хромым идиотом, не больше. Но ведь я-то, как никто тут, знаю этого хромого. Себя погубит,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru это уж точно, но никого не предаст. Не может выдать он лагерь. Не знаю, как доказать это, но чувствую твердо: не выдаст. И когда уже все готовы были согласиться с майором, я и говорю: «Не надо менять лагерь». Селезнев на меня как на второго идиота накинулся: «Как это не надо? Где гарантия?» – «Есть, – говорю, – гарантия. Не надо».

Стало тихо, все молчат, один Селезнев сопит да на меня из-под широких бровей поглядывает. А что я могу им сказать? Разве что начать рассказывать с самого начала, кто этот хромой учитель? Чувствую, не могу сейчас много говорить, да и не надо этого. Я только уперся на своем: лагерь менять не следует.

Не знаю, что подумали тогда Селезнев и остальные, поверили в мое голословное заверение или очень уж не хотелось срывать невесть куда с насиженного места, а только намерились рискнуть, выждать с неделю. Решили, правда, выставить два дополнительных дозора – со стороны деревни и возле просеки в логу. И еще послали в Сельцо Гусака, у которого там проживал свояк, надежный, наш человек, чтобы проследить, как оно будет дальше.

Вот от этого-то Гусака и от наших людей из местечка, а потом уже и от Павлика Миклашевича и стало известно, как развивались дальнейшие события в Сельце.

Начинались Будиловичи. Возле крайней хаты за тыном горел электрический фонарь, который освещал калитку, скамейку рядом, голые кусты в палисаднике. Где-то в темноте за сараями яркой рубиновой каплей сверкал костерок, и ветер нес запах дыма – должно быть, жгли листья. Наш возница свернул с дороги, явно намереваясь въехать во двор, конь, словно поняв его, сам по себе остановился. Ткачук недоуменно прервал рассказ.

– Что, приехали?

– Ага, приехали. Я тут распрягу, а вы пройдите немного, у почты остановка.

– Знаю, не первый раз, – сказал Ткачук, слезая с воза. Я тоже соскочил на выщербленный край асфальта. – Ну, спасибо, дед, за подвоз. С нас причитается.

– Не за что. Конь колхозный, так что...

Повозка свернула во двор, а мы, медленно ступая после неудобного сидения на возу, потащились по сельской улице. Тусклый свет фонаря на столбе не достигал следующего, светлые отрезки улицы чередовались с широкими полосами тени, и мы шли, попадая то в свет, то в потемки. Я ждал продолжения рассказа о Сельце, но Ткачук молча топал, прихрамывая, и я не решался торопить его. Где-то впереди затарахтел двигатель, мы посторонились, пропуская трактор на резиновых колесах, который лихо прокатил мимо; свет его единственной фары едва достигал дороги. За трактором впереди стало видно ярко освещенное крыльцо белого кирпичного домика с вывеской сельской чайной. Из ее застекленных дверей неторопливо вышли двое и, закуривая, остановились возле приткнутого к самой обочине ЗИЛа. Ткачук с какой-то новой мыслью посмотрел в ту сторону.

– Может, зайдём, а?

– Давайте, что ж, – покорно согласился я.

Мы обошли ЗИЛ и свернули на небольшой, посыпанный гравием дворик.

– Была когда-то задрипанная забегаловка, а теперь вон какой домище отгрохали. Ей-бо, в этой не был еще, – словно бы извиняясь, объяснил он, пока мы шагали по бетонным ступенькам.

Я смолчал – к чему оправдываться: все мы грешны в этом малопочтенном деле.

Небольшое помещение чайной было почти пустым, если не считать углового столика у печки, за которым непринужденно восседали трое мужчин. Остальные полдюжины легких городских столиков и таких же кресел при них были не заняты. Женщина в синей нейлоновой куртке тихо переговаривалась через стойку с буфетчицей.

– Ты садись. Я сейчас, – кивнул мне на ходу Ткачук.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Нет, вы садитесь. Я помоложе.

Он не заставил себя уговаривать, сел на первое попавшееся место за ближним столом, напомнив, однако:

– Два по сто, и хватит. И может, пива еще? Если есть.

Пива, к сожалению, тут не оказалось, водки тоже. Было только «Міцнэ», и я взял бутылку. На закуску буфетчица предложила котлеты – сказала, свежие, только недавно привезенные.

Я подумал, что Ткачуку такое угощение вряд ли понравится. И действительно, не успел я все это донести до стола, как мой спутник неодобрительно сморщился.

– А беленькой не нашлось? Терпеть не могу этих чернил.

– Ничего не поделаешь, берем, что дают.

– Да уж так...

Мы молча выпили по стакану «чернил». Немного еще осталось в бутылке. Закусывать Ткачук не стал, вместо этого закурил из моей мятой пачки.

– Беленькая, она, конечно, подлая, но вкус имеет. «Столичная», скажем. Или, знаешь, еще лучше самодельная. Хлебная. Из хороших рук если. Эх, умели когда-то ее делать! Вкуснота, не то что эта химия. И градус, я тебе доложу, имела, ого!

– А вы что... уважали?

– Было дело! – вскинул он на меня покрасневшие глаза. – Когда помоложе был.

Расспрашивать его насчет того «дела» я не решился – я с нетерпением ожидал продолжения рассказа о давних событиях в Сельце. Но он как будто потерял уже всякий интерес к ним, курил и сквозь дым косо поглядывал в угол, где хорошо подвыпившие мужчины горланили на всю чайную. Они ссорились. Один из них, в ватнике, так двинул столом, что с него едва не слетела посуда.

– Набрались. Того, лысоватого, немного знаю. Бухгалтер со спиртзавода. В партизанку был взводным у Бутримовича. И неплохим взводным. А теперь вот полюбуюсь.

– Бывает.

– Бывает, конечно. В войну три ордена отхватил, голова и закружилась. От гордости! Ну и догордился. Трояк уже отсидел, а все не унимается. А некоторые другие потихоньку, помаленьку, орденов не хватало – брали хитростью. И обошли. Обскакали. Вот так. Ну что? Досказать про хлопцев? Почему не спрашиваешь? Эх, хлопцы, хлопцы!.. Знаешь, чем старше становлюсь, тем все милее мне эти хлопчики. И отчего бы это, не знаешь?

Он грузно облокотился на наш шаткий столик, глубоко затянулся сигаретой. Лицо его стало печально-задумчивым, взгляд ушел куда-то в себя. Ткачук умолк, должно быть, как гармонист, настроиваясь на свою невеселую мелодию, что нынче звучала в его душе.

– Сколько у нас героев? Скажешь, странный вопрос? Правильно, странный. Кто их считал. Но посмотри газеты: как они любят писать об одних и тех же. Особенно если этот герой войны и сегодня на видном месте. А если погиб? Ни биографии, ни фотографии. И сведения куцые, как заячий хвост. И не проверены. А то и путаные, противоречивые. Тут уж осторожно, боком-боком – и подальше от греха. Не так ли ваш брат корреспондент?.. Вот мне, например, непонятно, почему героев, живых или погибших, должны искать пионеры? Пусть бы и те, и другие, и пионеры тоже – это другое дело. А так получается, что розыском героев должны заниматься пионеры. Неужели ребята лучше всех разбираются в войне? Или настырности у них побольше – легче к важным дядям достучаться? Я вот не понимаю. Почему это взрослые дяди не заботятся, чтобы не было этих самых безвестных? Почему они умыли руки? Где военкоматы? Архивы? Почему такое важное дело передоверено ребятишкам?..

Да. А в Сельце дела стали плохи. Ребят заперли в амбар старосты Бохана. Был там такой мужик, возле сухой вербы хата стояла, теперь уже нету. Хитрый, скажу тебе, мужичок: и на немцев работал, и с нашими знался. Ну а такое, знаешь же, чем обычно кончается. Что-то заприметили немцы, вызвали в район и назад уже не вернули. Говорят, в лагерь отправили, где-то и загнулся старик. Так вот, сидят ребята в амбаре, немцы таскают в избу на допросы, бьют, истязают. И ждут Мороза. По селу распустили слух, что вот-де как поступают Советы: чужими руками воют, детей на заклятие обрекают. Матери голоса, все лезут во двор к старосте, просят, унижаются, а полицаи их гонят. Николая Смурного мать, как самую горластую, тоже забрали за то, что на немца плюнула. Другим угрожают тем же; правда, ребята держатся твердо, стоят на своем: ничего не знаем, ничего не делали. Да разве у этих палачей долго продержись? Стали бить, и первым не стерпел Бородин, говорит: «Я подпилывал. Чтобы душить вас, гадов. Теперь расстреливайте меня, не боюсь вас».

Он взял все на себя, наверно думал, что теперь от остальных отвяжутся. Но и эти холуи не круглые идиоты – скумекали, что куда один, туда и остальные. Мол, все заодно. Начали бить еще, вытягивать новые данные и про Мороза.

Про Мороза особенно старались. Но что ребята могли сказать про Мороза?

И вот в эту самую пору, в разгар пыток является сам Мороз.

Произошло это, как потом рассказывали, раненько утром, село еще спало. На выгоне легонький туманчик стлался, было нехолодно, только мокровато от росы. Подошел Алесь Иванович, видать, огородами, потому как на улице, у крайней избы, сидела засада, а его не заметила. Должно быть, перелез через изгородь – и во двор к старосте. Там, конечно, охрана, полицаи как крикнет: «Стой, назад!» – да за винтовку. А Мороз уже ничего не боится, идет прямо на часового, прихрамывает только и спокойно так говорит: «Доложите начальству: я – Мороз».

Ну, тут сбежалась полицейская свора, немцы скрутили Морозу руки, содрали кожушок. Как привели в старостову хату, старик Бохан улучил момент и говорит так тихонько, чтоб полицаи не услышали: «Не надо было, учитель». А тот одно только слово в ответ: «Надо». И ничего больше.

Вот тут-то и появилась на свет та шарада, которая внесла столько путаницы в эпилог этой трагедии. Я так думаю, что именно из-за нее столько лет мариновали Мороза и столько сил стоило все это Миклашевичу. Дело в том, что, когда в сорок четвертом турнули наконец немчуру, в местечке и в Гродно остались кое-какие бумаги: документы полиции, гестапо, СД. Бумаги эти, разумеется, были кем следует разработаны, приведены в порядок. И вот среди разных там протоколов, приказов оказалась одна бумажка касательно Алеся Ивановича Мороза. Сам видел: обыкновенный листок из школьной тетрадки в клетку, написанный по-белорусски, – рапорт старшего полицейского Гагуна Федора, того самого Каина, своему начальству. Мол, такого-то апреля сорок второго года команда полицейских под его началом захватила во время карательной акции главаря местной партизанской банды Алеся Мороза. Все это сплошная липа. Но Каину она была нужна, да и его начальству, наверно, тоже. Взяли ребят, а через три дня поймали и главаря банды – было чем похвалиться старшему полицая. И ни у кого никакого сомнения насчет правдивости рапорта.

Как ни странно, но случилось так, что и мы неумышленно подтвердили эту бесстыжую ложь Каина. Уже летом сорок второго, когда настали для нас горячие денечки и набралось немало убитых и раненых, потребовали как-то в бригаду данные о потерях за весну и зиму. Кузнецов составил список, принес нам с Селезневым на подпись и спрашивает: «Как будем показывать Мороза? Может, лучше совсем не показывать? Подумаешь, всего два дня в партизанах побыл». Тут, естественно, я возразил: «Как это не показывать? Что же он тогда, сидя на печке, умер?» Селезнев, помню, нахмурился – он не любил вспоминать эту историю с Морозом. Подумал и говорит Кузнецову: «А что крутить! Так и напиши: попал в плен. А дальше не наше дело». Так и написали. Признаться, я промолчал. Да и что я тогда мог сказать? Что он сам сдался? Кто бы это понял? Так к немецкому прибавился еще и наш документ. И попробуй потом опровергнуть эти две бумажки. Спасибо вот Миклашевичу. Он все-таки докопался до истины.

Да. А что же в Сельце? «Бандиты» оказались все в сборе, главарь налицо, можно

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru было отправлять в полицейский участок. Под вечер вывели всех семерых из амбара, все кое-как держались на ногах, кроме Бородича. Тот был избит до бесчувствия, и два полицейя взяли его под руки. Остальных построили по два и под конвоем погнали к шоссе. Вот тут уже близок финал, что и как было дальше, рассказал сам Миклашевич.

Хлопцы еще в амбаре упали духом, когда услышали за дверьми голос Алесья Ивановича. Решили – схватили и его. Кстати, до самого конца никто из них иначе и не – думал – считали, не уберегся учитель, ненароком попался к немцам. И он им ничего о себе не сказал. Только подбадривал. И сам старался быть бодрым, насколько, конечно, это ему удавалось. Говорил, что жизнь человеческая очень несоразмерна с вечностью и пятнадцать лет или шестьдесят – все не более чем мгновение перед лицом вечности. Еще говорил, что тысячи людей в том же Сельце рождались, жили, отошли в небытие, и никто их не знает и не помнит никаких следов их существования. А вот их будут помнить, и уже это должно быть для них высшей наградой – самой высокой из всех возможных в мире наград.

Наверно, это все-таки мало их утешало. Но то обстоятельство, что рядом был их учитель, их всегдашний Алесь Иванович, как-то облегчало их незавидную судьбу. Хотя, конечно, они бы многое, наверное, дали, чтобы он спасся.

Рассказывали, что, когда вывели их на улицу, сбежалась вся деревня. Полицаи стали разгонять людей. И тогда старший брат этих близнецов Кожанов, Иван, пробрался вперед и говорит какому-то немцу: «Как же так? Вы же говорили, что когда явится Мороз, то отпустите хлопцев. Так отпустите теперь». Немец ему парабеллумом в зубы, а Иван ему ногой в живот. Ну, тот и выстрелил. Иван так и скорчился в грязи. Что тогда началось: крик, слезы, проклятья. Ну да им что – повели хлопцев.

Вели по той самой дороге, через мосток. Мосток подправили немного, пешком можно было пройти, а фурманки еще не ездили. Вели, как я уже говорил, парами: впереди Мороз с Павликом, за ним близнята Кожаны – Остап и Тимка, потом однофамильцы – Смурный Коля и Смурный Андрей. Позади два полицейя волокли Бородича. Полицаев, рассказывали, было человек семь и четыре немца.

Шли молча, разговаривать никому не давали. Да и не хотелось, должно быть, им разговаривать. Знали ведь, что ведут на смерть, – что же еще могло ожидать их в местечке? Руки у всех были связаны сзади. А вокруг – поля, знакомые с детства места. Природа уже дружно пошла к весне, на деревьях растрескались почки. Вербы стояли пушистые, увешанные желтой бахромой. Говорил Миклашевич, такая тоска на него напала, хоть в голос кричи. Оно и понятно. Хоть бы успели малость пожить, а то по четырнадцать-шестнадцать лет хлопцам. Что они видели в этой жизни?

Так подошли к леску с тем мостком. Мороз все молчал, а тут тихонько так спрашивает у Павлика: «Бежать можешь?» Тот сначала не понял, посмотрел на учителя: о чем он? А Мороз снова: «Бежать можешь? Как крикну, бросайся в кусты». Павел догадался. Вообще-то бегать он был мастак, но именно – был. За три дня в амбаре без еды, в муках и пытках умение его, конечно, поубавилось.

Все-таки слова Алесья Ивановича вселили надежду. Павлик заволновался, говорил, аж ноги задрожали. Показалось тогда, что Мороз что-то знает. Если так говорит, то наверное, можно спастись. И хлопец стал ждать.

А лесок вот уже – рядом. За дорогой сразу же кустики, сосенки, ельник. Правда, лесок-то не очень густой, но все-таки укрыться можно. Павлик тут знал каждый кустик, каждую тропку, поворот, каждый пенек. Такое волнение охватило парня, что, говорил, вот-вот сердце разорвется от напряжения. До ближнего кустика оставалось шагов двадцать, потом десять, пять. Вот уже и лесок – ольшаник, елочки. Справа открылась низинка, тут вроде полегче бежать. Павлик смекнул, что, наверно, именно эту низинку и имел на примете Мороз. Дорога узенькая, на фурманку, не больше, два полицейя идут впереди, двое по сторонам. В поле они держались чуток подальше, за канавой, а тут идут рядом, рукой дотронуться можно. И, конечно, все слышат. Наверно, поэтому Мороз и не сказал ни слова. Молчал, молчал, да как крикнет: «Вот он, вот – смотрите!» И сам влево от дороги смотрит, плечом и головой показывает, словно кого-то увидел там. Уловка не бог весть какая, но так естественно это у него подучилось, что даже Павлик туда же глянул. Но только раз глянул, да как прыгнет, словно бы заяц, в противоположную сторону, в кусты, к низинке, через пеньки, сквозь чащобу – в лес.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Несколько секунд он все-таки для себя вырвал, полицаи прозевали тот самый первый, самый решающий момент, и парень оказался в чаще.

Но спустя три секунды кто-то ударил из винтовки, потом еще.

Двое бросились по кустам вдогонку, поднялась стрельба.

Бедный, несчастный Павлик! Он-то не сразу и сообразил, что в него попали. Он только удивлялся, что это так ударило его сзади промеж лопаток, и отчего так не вовремя подкосились ноги. Это его больше всего удивило, подумал: может, споткнулся. Но встать он уже не смог, так и вытянулся на колючей траве в прошлогоднем малиннике.

Что было потом, рассказывали люди, – слышали, должно быть, от полицаев, потому что больше никто ничего не видел, а те, кому пришлось видеть, уже не расскажут. Полицаи приволокли хлопчика на дорогу. Рубашка на его груди вся пропиталась кровью, голова обвисла. Павлик не шевелился и выглядел совсем мертвым. Приволокли, бросили в грязь и взялись за Мороза. Избили так, что и Алесь Иванович уже не поднялся. Но до смерти забить не решились – учителя надо было доставить живым, – и двое взялись тащить его до местечка. Когда снова построились на дороге, Каин подошел к Павлику, сапогом перевернул его лицом вверх, видит – мертвец. Для уверенности ударил еще прикладом по голове и спихнул в канаву с водой.

Там его и подобрали ночью. Говорят, сделала это та самая бабка, у которой квартировал Мороз. И что ей там, старой, понадобилось? В потемках нашла мальчишку, выволокла на сухое, думала, неживой, и даже руки на груди сложила, чтобы все как полагается, по-христиански. Но слышит, сердце вроде стучит. Тихонько так, еле-еле. Ну, бабка в село, к соседу Антону Одноглазому, тот, ни слова не говоря, запряг лошадь – и к батьке Павлика.

И тут отец молодцом оказался, не смотри, что ремнем когда-то стегал. Привез из города доктора, лечил, прятал, сам натерпелся, а сына вынянчил. Спас парня от гибели – ничего не скажешь.

А тех шестерых довели до местечка и подержали там еще пять дней. Отделали всех – не узнать. В воскресенье, как раз на первый день пасхи, вешали. На телефонном столбе у почты укрепили перекладину – толстый такой брус, получилось подобие креста, и по три с каждого конца. Сначала Мороза и Бородича, потом остальных, то с одной, то с другой стороны. Для равновесия. Так и стояло это коромысло несколько дней. Когда сняли, закопали в карьере за кирпичным заводом. Потом уже, как бы не в сорок шестом, когда война кончилась, наши перехоронили поближе к Сельцу.

Из семерых чудом уцелел один Миклашевич. Но здоровья так и не набрал. Молодой был – болел, стал постарше – болел. Мало того, что грудь прострелена навывлет, так еще столько времени в талой воде пролежал. Начался туберкулез. Почти каждый год в больницах лечился, все курорты объездил. Но что курорты! Если своего здоровья нет, так никто уже не даст. В последнее время стало ему получше, казалось, неплохо себя чувствовал. И вот вдруг стукнуло. С той стороны, откуда не ждал. Сердце! Пока лечил легкие, сдало сердце. Как ни берегся от проклятой, а через двадцать лет все-таки доконала. Настигла нашего Павла Ивановича.

Вот такая, браток, история.

– Да, невеселая история, – сказал я.

– Невеселая что! Героическая история! Так я понимаю.

– Возможно.

– Не возможно, а точно. Или ты не согласен? – уставился на меня Ткачук.

Он заговорил громко, раскрасневшееся его лицо стало гневным, как там, за столом в Сельце. Буфетчица с беспокойной подозрительностью поглядела на нас через головы двух подростков с транзистором, запасавшихся сигаретами. Те тоже оглянулись. Заметив чужое внимание к себе, Ткачук нахмурился.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ладно, пошли отсюда.

Мы вышли на крыльцо. Ночь еще потемнела, или это так показалось со свету. Лопухая собачонка пытливым взглядом обвела наши лица и осторожно принялась к штиблетам Ткачука. Тот остановился и с неожиданной добротой в голосе заговорил с собакой:

– Что, есть хочешь? Нет ничего. Ничего, брат. Поищи еще где-нибудь.

И по тому, как мой спутник шатко и грузно сошел с крыльца, я понял, что, наверно, он все-таки переоценил некоторые свои возможности. Не надо нам было заходить в эту чайную. Тем более по такому времени. Теперь уже была половина десятого, автобус, наверно, давно прошел, на чем добираться до города, оставалось неизвестным. Но дорожные заботы лишь скользнули по краю моего сознания, едва затронув его, – мыслями же своими я целиком находился в давнем довоенном Сельце, к которому так неожиданно приобщился сегодня.

А мой спутник, казалось, снова обиделся на меня, замкнулся, шел, как и там, по аллее в Сельце, впереди, а я молча тащился следом. Мы миновали освещенное место у чайной и шли по черному гладкому асфальту улицы. Я не знал, где здесь находится автобусная остановка и можно ли еще надеяться на какой-либо автобус. Впрочем, теперь это мне не казалось важным. Посчастливится – подведем, а нет, будем топтать до города. Осталось уже немного.

Но мы не прошли, пожалуй, и половины улицы, как сзади появилась машина. Широкая спина Ткачука ярко осветилась в потемках от далекого еще света фар. Вскоре обе наши голенастые тени стремительно побежали вдаль по посветлевшему асфальту.

– Может проголосуем? – предложил я, сходя на обочину.

Ткачук оглянулся, и в электрическом луче я увидел его недовольное, расстроенное лицо. Правда, он тут же спохватился, вытер рукой глаза, и меня пронзило впервые появившееся за этот вечер новое чувство к нему. А я-то, дурак, думал, что дело только в «червоном міцном».

В какой-то момент я растерялся и не поднял руки, машина с ветром проскочила мимо, и нас снова объяла темень. На фоне бегущего снопа света, который она выбрасывала перед собой, стало видно, что это «газик». Вдруг он замедлил ход и остановился, свернув к краю дороги; какое-то предчувствие подсказало – это для нас.

И действительно, впереди послышался обращенный к Ткачуку голос:

– Тимох Титович!

Ткачук проворчал что-то, не убыстряя шага, а я сорвался с места, боясь упустить эту неожиданную возможность подъехать. Какой-то человек вылез из кабины и, придерживая открытой дверцу, сказал:

– Полезайте вовнутрь. Там свободно.

Я, однако, помедлил, поджидая Ткачука, который неторопливо, вразвалку подходил к машине.

– Что же это вы так задержались? – обратился к нему хозяин «газика», и я только теперь узнал в нем заведующего районо Ксендзова. – А я думал, вы давно уже в городе.

– Успеется в город, – пробурчал Ткачук.

– Ну залезайте, я подвезу. А то автобус уже прошел, сегодня больше не будет.

Я сунулся в темное, пропахшее бензином нутро «газика», нащупал лавку и сел за бесстрастно-неподвижной спиной шофера. Казалось, Ткачук не сразу решился последовать за мной, но, наконец, неуклюже хватаясь за спинки сидений, втиснулся и он. Заведующий районо звучно захлопнул дверцу.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Поехали.

Из-за шоферского плеча было удобно и приятно смотреть на пустынную ленту шоссе, по обе стороны которого проносились навстречу заборы, деревья, хаты, столбы. Посторонились, пропуская нас, парень и девушка. Она заслонила ладонью глаза, а он смело и прямо смотрел в яркий свет фар. Село кончалось, шоссе выходило на полевой простор, который сузился в ночи до неширокой ленты дороги, ограниченной с боков двумя белесыми от пыли канавами.

Заведующий районо повернулся вполоборота и сказал, обращаясь к Ткачуку:

– Зря вы там, за столом, насчет Мороза этого. Непродуманно.

– Что непродуманно? – сразу недобро напрягся на сиденье Ткачук, и я подумал, что не стоит опять начинать этот нелегкий для обоих разговор.

Ксендзов, однако, повернулся еще больше – казалось, у него был какой-то свой на это расчет.

– Поймите меня правильно. Я ничего не имею против Мороза. Тем более теперь, когда его имя, так сказать, реабилитировано...

– А его и не репрессировали. Его просто забыли.

– Ну пусть забыли. Забыли потому, что были другие дела. А главное, были побольше, чем он, герои. Ну в самом деле, – оживился Ксендзов, – что он такое совершил? Убил ли он хоть одного немца?

– Ни одного.

– Вот видите! И это его не совсем уместное заступничество. Я бы даже сказал – безрассудное...

– Не безрассудное! – обрезал его Ткачук, по нервному прерывающемуся голосу которого я еще острее почувствовал, что сейчас говорить им не надо.

Но, как видно, у Ксендзова тоже что-то накипело за вечер, и теперь он хотел воспользоваться случаем и доказать свое.

– Абсолютно безрассудное. Ну что, защитил он кого? О Миклашевиче говорить не будем – Миклашевич случайно остался в живых, он не в счет. Я сам когда-то занимался этим делом, и, знаете, особого подвига за этим Морозом не вижу.

– Жаль, что не видите! – чужим, резким голосом отрезал Ткачук. – Потому что близорукий, наверно! Душевно близорукий!

– Гм... Ну, допустим, близорукий, – снисходительно согласился заведующий районо.
– Но ведь не я один так думаю. Есть и другие...

– Слепые? Безусловно! И глухие. Невзирая на посты и ранги. От природы слепые. Вот так! Но ведь... Вот вы скажите, сколько вам лет?

– Ну, тридцать восемь, допустим.

– Допустим. Значит, войну вы знаете по газетам да по кино. Так? А я ее своими руками делал. Миклашевич в ее когтях побывал, да так и не вырвался. Так почему же вы не спросите нас? Мы ведь в некотором роде специалисты. А теперь же сплошь и во всем специализация. Так мы – инженеры войны. И про Мороза, прежде всего нас спросить надо бы...

– А что спрашивать? Вы же сами тот документ подписали. Про плен Мороза, – загорячился и Ксендзов.

– Подписал. Потому что дураком был, – бросил Ткачук.

– Вот видите, – обрадовался заведующий районо. Он совсем уже не интересовался дорогой и сидел, повернувшись назад лицом, жар спора захватывал его все больше.

– Вот видите. Сами и написали. И правильно сделали, потому что... Вот теперь вы

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru скажите: что было бы, если бы каждый партизан поступал так, как Мороз?

– Как?

– В плен сдался.

– Дурак! – зло выпалил Ткачук. – Безмозглый дурак! Слышишь? Останови машину! – закричал он шоферу. – Я не хочу с вами ехать!

– Могу и остановить, – вдруг многообещающе объявил хозяин «газика». – Если не можете без личных выпадов.

Шофер, похоже, и впрямь притормаживал. Ткачук попытался встать – ухватился за спинку сиденья. Я испугался за моего спутника и крепко сжал его локоть.

– Тимофей Титович, подождите. Зачем же так...

– Действительно, – сказал Ксендзов и отвернулся. – Теперь не время об этом. Поговорим в другом месте.

– Что в другом! Я не хочу с вами об этом говорить! Вы слышите? Никогда! Вы – глухарь! Вот он – человек. Он понимает, – кивнул Ткачук в мою сторону. – Потому что умеет слушать. Он хочет разобраться. А для вас все загодя ясно. Раз и навсегда. Да разве так можно? Жизнь – это миллионы ситуаций, миллионы характеров. И миллионы судеб. А вы все хотите втиснуть в две-три расхожие схемы, чтоб попроще! И поменьше хлопот. Убил немца или не убил?... Он сделал больше, чем, если бы убил сто. Он жизнь положил на плаху. Сам. Добровольно. Вы понимаете, какой это аргумент? И в чью пользу...

Что-то в Ткачуке надорвалось. Захлебываясь, словно боясь не успеть, он старался выложить все наболевшее и, должно быть, теперь для него самое главное.

– Мороза нет. Не стало и Миклашевича – он понимал прекрасно. Но я-то еще есть! Так что же вы думаете, я смолчу? Черта с два. Пока живой, я не перестану доказывать, что такое Мороз! Вдолблю и самые глухие уши. Подождите! Вот он поможет, и другие... Есть еще люди! Я докажу! Думаете, старый! Не-ет, ошибаетесь...

Он еще говорил и говорил что-то – не слишком вразумительное и, наверно, не совсем бесспорное. Это был неподконтрольный взрыв чувства, быть может, вопреки желанию. Но, не встретив на этот раз возражений, Ткачук скоро выдохся и притих в своем углу на заднем сиденье. Ксендзов, пожалуй, не ждал такого запала и тоже умолк, сосредоточенно уставившись на дорогу. Я также молчал. Ровно и сильно урчал мотор, шофер развил хорошую скорость на пустынной ночной дороге. Асфальт бешено летел под колеса машины, с вихрем и шелестом рвался из-под них назад, фары легко и ярко резали темень. По сторонам мелькали белые в лучах света столбы, дорожные знаки, вербы с побеленными стволами...

Мы подъезжали к городу.

Дожить до рассвета

Глава первая

– Все. Спорить не будем, стройте людей! – сказал Ивановский Дюбину, обрывая разговор и выходя из-за угла сарая.

Длинноногий, худой и нескладный, в белом обвисшем маскхалате, старшина Дюбин смолк на полуслове; в снежных сумерках быстро наступающей ночи было видно, как недовольно передернулось его темное от стужи и ветра, изрезанное ранними морщинами лицо. После коротенькой паузы, засвидетельствовавшей его молчаливое несогласие с лейтенантом, старшина резко шагнул вперед по едва обозначенной в снегу тропинке, направляясь к тщательно притворенной двери овина. Теперь уже притворять ее не было надобности, широким движением Дюбин отбросил дверь в сторону, и та, пошатываясь, косо зависла на одной петле.

– Подъем! Выходи строиться!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Остановившись, Ивановский прислушался. Тихо звучавший говорок в овине сразу умолк, все там затихло, как бы загнипнотизированное неотвратимостью этой, по существу, обыденной армейской команды, которая теперь означала для всех слишком многое... Через мгновение, однако, там все враз задвигалось, заворошилось, слышались голоса, и вот уже кто-то первый шагнул из темного проема дверей на чистую белизну снега. «Пивоваров», – рассеянно отметил про себя Ивановский, взглянув на белую фигуру в новеньком маскхалате, выжидающе замершую у темной стены сарая. Однако он тут же и забыл о нем, поглощенный своими заботами и слушая хозяйское покрякивание старшины в овине.

– Быстро выходи! И ничего не забывать: возвращаться не будем! – глуховато доносился из-за бревенчатых стен озабоченно-строгий голос Дюбина.

Старшина злился, видно, так и не согласившись с лейтенантом, хотя почти ничем не выдавал этого своего несогласия. Впрочем, злиться про себя Дюбин мог сколько угодно, это его личное дело, но пока здесь командует лейтенант Ивановский, ему и дано решать. А он уже и решил – окончательно и бесповоротно: переходить будут здесь и сейчас, потому что сколько можно откладывать! И так он прождал почти шесть суток – было совсем близко, каких-нибудь тридцать километров, стало шестьдесят – только что мерил по карте; на местности, разумеется, наберется побольше. Правда, в конце ноября ночь долгая, но все же слишком много возлагалось на эту их одну ночь, чтобы неразумно тратить столь дорогое теперь для них время.

Лейтенант решительно взял прислоненную к стене крайнюю связку лыж – свою связку – и отошел с тропы в снег, на три шага перед строящейся в шеренгу группой. Бойцы поспешно разбирали лыжи, натягивали на головы капюшоны; ветер из-за угла сердито трепал тонкую бязь маскировочных халатов и стегал по груди длинными концами завязок.

Как Ивановский ни боролся со всем лишним, груза набралось более чем достаточно, и все его десять бойцов выглядели теперь уродливо-неуклюжими в толстых своих телогрейках, обвешанных под маскхалатами вещевыми мешками, гранатными сумками, оружием, подсумками и патронташами. Вдобавок ко всему еще и лыжные связки, которые были пока громоздкой обузой, не больше. Но все было нужно, даже необходимо, а лыжи, больше всего казавшиеся ненужными теперь, очень понадобятся потом, в немецком тылу; на лыжи у него была вся надежда. Это именно он предложил там, в штабе, поставить группу на лыжи, и эту его идею сразу и охотно одобрили все – от флегматичного начальника отдела разведки до придирчивого, задержанного делами и подчиненными начальника штаба.

Другое дело, как ею воспользоваться, этой идеей.

Именно эта мысль больше других занимала теперь лейтенанта, пока он молчаливо, со скрытым нетерпением ждал построения группы. В снежных сумерках разбирали лыжные связки, глухо постукивая ими, сталкивались на узкой тропинке неуклюжими, нагруженными телами его бойцы. Как они покажут себя на лыжах? Не было времени как следует проверить всех их на лыжне, выдвигались к передовой за светом, согнувшись, пробирались в кустарнике. С утра он просидел на НП командира здешнего стрелкового батальона – наблюдал за противником. Весь день с низкого пасмурного неба сыпал редкий снежок, к вечеру снежок погустел, и лейтенант обрадовался. Он уже высмотрел весь маршрут перехода, запомнил на нем каждую кочку, и тут пошел снег, что может быть лучше! Но как только стало темнеть, ветер повернул в сторону, снегопад стал затихать и вот уже почти совсем перестал, лишь редкие снежинки неслись в стылom воздухе, слепо натываясь на бревенчатые стены сарая. Старшина предложил переждать часа два, авось опять разойдется. В снегу бы они управились куда как лучше...

– А если не разойдется? – резко переспросил его Ивановский. – Тогда что ж, полночи коту под хвост? Так, что ли?

Полночи терять не годилось, весь путь их был рассчитан именно на полную ночь. Впрочем, старшине нельзя было отказать в сообразительности – если переход сорвется, не понадобится и самая полная, самая длинная ночь.

Правофланговым на стежке стал сержант Лукашов, из кадровых, плотный молчаливый увалень, настоящий трудяга-пехотинец, помощник командира взвода по должности, специально откомандированный из батальона охраны штаба на это задание. Во всем

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru его виде, неторопливых, точных движениях было что-то уверенное, сильное и надежное. Подле устраивался на тропке тоже взятый из стрелков боец Хакимов. Хотя еще и не было никакой команды, смуглое лицо его со сведенными темными бровями уже напряглось во внимании к командиру; винтовка в одной руке, а лыжи в другой стояли в положении «у ноги». Рядом стоял, поправляя на плечах тяжеловатую ношу взрывчатки, боец Судник, молодой еще парень-подрывник, смысленный и достаточно крепкий с виду. Он один из немногих сам попросил взять его в группу, после того как в нее был зачислен его сослуживец, тоже сапер, Шелудяк, с которым они вместе занимались оборудованием КП штарма. Ивановский не знал, какой из этого Шелудяка подрывник, но лыжник из него определенно неважный. Это чувствовалось в самом начале. Суетливый и мешковатый, этот сорокалетний дядька, еще не став в строй, уже развалил свою связку, лыжи и палки разъехались концами в разные стороны. Боец спохватился собирать их и уронил в снег винтовку.

– Не мог как следует связать, да? – шагнул к нему Дюбин. – А ну дай сюда.

– Вы на лыжах как ходите? – почувствовав недоброе, спросил Ивановский.

– Я? Да так... Ходил когда-то.

«Когда-то!» – с раздражением подумал лейтенант. Черт возьми, кажется, подобрался народец – не оберешься сюрпризов. Впрочем, оно и понятно, надо было самому всех опросить, поговорить с каждым в отдельности, каждого посмотреть на лыжне. Но самому было некогда, два дня протолкался в штабе, у начальника разведки, потом у командующего артиллерией, в политотделе и особом отделе. Группу готовили другие, без него.

Быстро темнело, наступила зимняя холодная ночь, снегопад постепенно затихал, и лейтенант заторопился. Дюбин, казалось, слишком долго провозился с лыжами этого Шелудяка, пока связал их. В строю с терпеливым ожиданием на темных под капюшонами лицах стояли его бойцы. За Шелудяком переминался с ноги на ногу важный красивый Краснокуцкий в островежной, как у Дюбина, буденовке, за ним застыл молчаливый Заяц. Последним на стезе стоял, наверно, самый молодой тут, земляк лейтенанта и также артиллерист Пивоваров. Да, лейтенант недостаточно знал их, тех, с кем, видимо, придется вскоре поделить славу или смерть, но выбора у него не было. Разумеется, было бы лучше отправиться на такое дело с хорошо знакомыми, испытанными в боях людьми. Но где они – эти его хорошо знакомые и испытанные? Теперь трудно уже и вспомнить все деревеньки, погосты, все лески и пригорки, где в братских и одиночных могилах погребенные, а то и просто ненайденные, пооставались они, его батарейцы. За пять месяцев войны уцелело не много, неделю назад с ними вместе пробились из немецкого тыла лишь четверо. Двое при этом оказались обмороженными, один был ранен при переходе у Алексеевки, до самого конца с ним оставался вычислитель младший сержант Воронков. Этот Воронков очень бы сгодился нынче, но Ивановский не смог разыскать его. Вычислителя отправили в стрелковый батальон на передовую, откуда, к сожалению, не всегда возвращаются...

– Так... Равняйся! Смирно! Товарищ лейтенант...

– Вольно, – сказал лейтенант и спросил: – Всем известно, куда идем?

– Известно, – пробасил Лукашов.

Остальные согласно молчали.

– Идем к немцу в гости. Зачем и для чего – об этом потом. А теперь... кто болен? Никто? Значит, все здоровы? Кто на лыжах ходить не умеет?

Коротенький строй настороженно замер, темные, истомленные ожиданием лица строго и покорно смотрели из-под бязевых капюшонов на своего командира, который теперь безраздельно брал под свое начало их солдатские судьбы. Все, притихнув, молчали, наверно, еще не во всем, что им предстояло вскорости, разбираясь сами, но ничего, кроме как целиком положиться на него, командира, да на этого вот долговязого старшину, который второй день опекал группу, им не оставалось.

Ивановский через прорезь в маскировочных брюках запустил руку в карман и вытащил увесистый кубик часов, когда-то снятых им с подбитого немецкого танка. Часы живо и радостно затикали на его ладони, засияв фосфоресцирующим циферблатом. Было без

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
десяти минут семь.

– И так, в нашем распоряжении двенадцать часов. За это время, конечно, минус час-другой на переход боевых порядков противника, нам предстоит отмахать шестьдесят километров. Ясно? Кто не способен на это? Говорите сразу, чтоб потом не было поздно. Потом некуда будет отправить. Ну?

Он выжидательно обвел взглядом строй, в котором ничто не шелохнулось, и было так тихо, что слышался шорох сдуваемых ветром с крыши снежинок. Но снова никто не отозвался на этот его такой далеко не пустячный теперь вопрос.

– Тогда всё. Старшина – замыкающий. Группа – за мной марш!

Их никто не провожал тут, вся торопливая подготовка по переходу была закончена раньше. Час назад на КП командира стрелкового батальона они условились, что батальон будет молчать, чтобы не настораживать немцев, и они постараются прошмыгнуть незамеченными в самых первых, только что наступивших сумерках. Впрочем, если бы и потребовалась помощь, то чем мог помочь батальон, который лишь именовался таковым, а на деле состоял из стрелковой роты, не больше, да и командовал им недавний командир роты, старший лейтенант, пулеметчик. Он пообещал прикрыть их в крайнем случае огнем, хотя это и было вынужденное обещание по требованию капитана из разведотдела штарма, который присутствовал там. Но капитан побудет и скоро уйдет, а батальону воевать дальше, боеприпасов к тому же у него не густо, и начальство потребует беречь их для более важного случая.

Правда, капитан совсем не настаивал, чтобы он переходил именно здесь и сегодня. При виде того, как стал утихать снегопад и перед ними очень уж открыто и пустынно раскинулась эта широкая речная пойма с извилистой полосой кустарника посередине, представитель штаба заколебался.

– Да, действительно. Как на пустой тарелке. Впрочем, решай сам, лейтенант. Тебе виднее.

– Пойду, – просто сказал Ивановский.

– Что ж, твое дело. Может, оно и к лучшему: сунуться туда, где не ожидают.

«Черт его знает, где они не ожидают. Не спросишь», – озабоченно подумал лейтенант. Но он не мог больше откладывать – в том деле, на которое они отправлялись теперь, промедление действительно было смерти подобно. А он и так уже промедлил сверх меры, хотя, конечно, и не по своей воле.

Проваливаясь по щиколотку, а где и по колено в снег, бойцы гуськом поднялись на пригорок. Ивановский оглянулся и впервые остался доволен – коротенькая колонна его послушно подобралась, никто не отстал, не замешкался; остановился он, и почти одновременно остановились все остальные. Дальше следовало подождать, может, передохнуть даже, залечь – с вершины холма их могли уже заметить немцы. Над поймой и на склонах, где расположился батальон, стояла тишина, дальние отзвуки боя докатывались лишь из-за леса справа, там же что-то неярко отсвечивало в темном и мутном от низких облаков небе. Наискось уходила в темноту пойма с тусклыми мазками кустарника, пятнами присыпанных снегом зарослей камыша над речкой, гривками бурьяна, вылезшего из-под снега. До речки было полкилометра, не меньше. Это пространство надо было преодолеть на четвереньках, потом изрядный отрезок придется ползти по-пластунски, а дальше уже и трудно определить как, только бы побыстрее оказаться по ту сторону поймы в спасительном, совершенно не видном отсюда лесу.

– Ложись! За мной марш! – вполголоса скомандовал лейтенант и опустил локтями в снег.

Снег был глубокий, рыхлый, как вата, и морозно-пекучий. Он безбожно набивался во все щели маскировочного халата, в рукавицы, рукава, за пазуху и голенища сапог и подтаивал там, холодной, противной мокрядью расплываясь по телу. От этой смешанной с потом мокряди то бросало в озноб, то становилось душно, парно, удушливая горечь распирала грудь.

Ивановский зубами содрал с руки трехпалую рукавицу и мокрыми пальцами дернул за

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru тесьму капюшона. Лицу стало прохладнее и свободнее, а главное – отпустило уши, он услышал шорох ветра в бурьяне и невнятные разрозненные звуки сзади.

Проползли они, наверное, с полкилометра, пригорочек с сосняком едва серел сзади на краю мрачного ночного неба, которое в серых сумерках почти что сливалось с заснеженным полем. Следа-борозды, проложенного их десятью телами, к счастью, не было видно даже вблизи, как и самих бойцов. Правда, это лишь в темноте. Ивановский знал, что стоит взлететь ракете, как, словно на ладони, станет виден в снегу весь проложенный ими след, да и они сами тоже.

Покамест, однако, было темно и тихо. Бой тяжелой глухой воркотней едва докатывался сюда из-за леса, там же с вечера гуляли по небосклону широкие огневые сполохи – отсветы дальней канонады, и промерзшая земля под локтями глухо, глубинно подрагивала. В той же стороне, за лесом, изредка вспархивали в небо желтые звезды ракет, которые тут же гасли в мутной мешанине света и тьмы.

Надо было как можно скорее одолеть эту пойму: переднего края они еще не прошли, еще предстоял самый опасный путь вдоль речушки. Но и так уже все притомились, группа начала заметно растягиваться. Ивановский вдруг спохватился, что не слышит дыхания Лукашова, который полз следом. Лейтенант оглянулся и минуту выждал, сам переводя дыхание, хотя и знал, что медлить здесь нельзя ни минуты. Но усталость, видно, притупила осторожность, поодаль уже второй раз что-то несильно стукнуло – наверно, винтовкой о лыжи, и лейтенант нервно напрягся, впившись в снеговой полумрак обостренным злым взглядом. Разгильдяи, иначе не назовешь! Ему так не хватало теперь возможности покрыть их крепким злым словом. Действительно, сколько ни твердил, что лыжи надо держать в левой, а винтовку в правой руке, но вот, наверно, кому-то понадобилось сгрести все в одну кучу, и теперь стучит...

Сзади зашевелился в темноте серый сгорбленный ком в маскхалате, шумно дыша, он подполз и замер у самых ног лейтенанта. За ним шевелился еще кто-то, а дальше уже невозможно было и разглядеть – мешали сумрак и снег.

Ивановский спросил осиплым усталым шепотом:

- Ползут?
- Ползут, командир, – также шепотом ответил сержант.
- Передай – шире шаг!

В низинке снег стал еще глубже, люди зарывались в нем по самые плечи. Под намокшими коленями прощупывалась мерзлая колючая трава, наверно, началось болото. Ивановский не смотрел на компас – как и обычно, направление ему угадывал по характерным изменениям рельефа, который здесь был знаком ему по карте. Тут все время следовало держаться низинки, по ней выйти к кустарнику на берегу речки и дальше ползти под кустарником. Путь ползком предстоял еще длинный, он, конечно, вымотает их как следует. Но только бы не напороться на немцев, на какой-нибудь их замаскированный ночной секрет. Тогда уже незамеченными не пройти, и все может кончиться скверно в самом начале.

Ивановский, однако, отогнал от себя эти мысли и сквозь окончательно сгустившуюся мглу вгляделся вперед. Вроде совсем уже недалеко темнел кустарник, за ним была засыпанная снегом речушка. Это место – он помнил по карте – располагалось как раз посередине нейтралки, дальше по пригорку начиналась небольшая, разбитая минами деревенька, в которой засели немцы. Правда, их первый окоп был и еще ближе – через какую-нибудь сотню метров за речкой; там группе надлежало повернуть вдоль русла и попытаться проскользнуть в кустарнике между этим окопчиком и другим – в стороне, на мыске остроносого, словно большая опрокинутая ложка, пригорка.

Тем временем снег не только стал глубже, но и сделался совсем рыхлым, под руками шуршала пересыпанная им мерзлая, не скошенная летом трава. Они ползли по болоту. Ивановский неосторожно надавил коленом и проломил непрочную еще корку мха, из-под которой туго плюхнуло на снег водой. На секунду он остановился, чтобы прислушаться, не выдал ли себя этим неосторожным движением. Но тут начинался кустарник, рукой подать торпорщились ветки ольшаника, заросли красной лозы, что непролазной стеной торчала из снега. Ивановский еще немного прополз под кустарником, чтобы дать своей растянувшейся таки группе подобраться поближе и

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru разместиться под спасительным его укрытием. Кустарник надежно укрывал их со стороны деревни, тут им уже не страшны были и ракеты. Правда, оставался еще открытый и опасный пригорок-ложка с другой стороны, но этот пригорок все-таки был на некотором от них отдалении. Оттуда их могли не заметить даже и при свете ракет.

Все время лейтенанту не терпелось встать и оглянуться, как там, в хвосте, не слишком ли растянулись последние. Теперь очень важно было держать всех в одном кулаке, в такой ситуации разобщенность граничит с бедой. Правда, в случае чего там есть кому распорядиться: последним полз Дюбин, кажется, в общем неглупый человек, раза в полтора старше самого лейтенанта. Но Дюбин был из запаса. И хотя характером его Бог не обидел, но хватит ли у него чисто фронтового умения? Ивановский, сам кадровый командир, испытывавший все муки войны с ее самого первого июньского дня, несколько не доверял запасным и, чтоб было вернее и надежнее, обычно старался часть возложенной на них ноши переложить на себя. Сегодняшняя его короткая стычка со старшиной, предложившим повременить с переходом, оставила неприятный осадок у обоих. Лейтенант не терпел делить свою власть с кем бы то ни было да еще в таком деле, где он целиком полагался лишь на себя, свою сообразительность и решимость. Пока, в общем, все обходилось, повезет – обойдется и дальше, и тогда он как-нибудь при случае напомнит Дюбину...

Сзади в борозде рыхлого снега сипато зашептал Лукашов:

- Теперь куда, товарищ лейтенант?
- Тихо! Как там сзади?
- Да ползут. Шелудяк вон отстает только...

Опять Шелудяк! Этот Шелудяк еще в батальоне именно своей мешковатостью вызвал недовольство лейтенанта, но в суматохе скороспешной подготовки Ивановский просто выпустил его из виду, подумав, что человек он здоровый, выдюжит. К тому же группе необходим был сапер, и выбора никакого не было, пришлось брать первого попавшегося под руку – этого вот немолодого и мешковатого дядьку. Но война в который уж раз убеждала в необходимости, кроме обыкновенной силы, еще и умения, тренировки. Впрочем, тренировки у них не было никакой, на нее просто не хватило времени. Целый день начальник разведки с начальником особого отдела пересматривали и утрясали списки, подбирали людей, и, когда наконец составили группу, ни о какой тренировке нечего было и думать. Оставив на месте лыжи, Ивановский обошел Лукашова и пополз по его следу назад. Шелудяк действительно оторвался от сержанта и теперь устало и грузно гребся в снегу, задерживая собой остальных. Лейтенант встретил его тихим злым шепотом:

- В чем дело?
- Да вот вспотел, чтоб его! Скоро ли там, чтоб на лыжи?
- Живо шевелитесь! Живо! – подогнал он бойца.

Покачивая задраным задом, навьюченный под маскхалатом тяжелым вещмешком со взрывчаткой, Шелудяк на четвереньках пополз догонять сержанта. За ним подались и остальные. Лейтенант пропустил мимо себя Хакимова, Зайца, Судника, еще кого-то, чье лицо он не рассмотрел под низко надвинутым капюшоном, и дождался старшину Дюбина.

- Что случилось? – спросил тот, ненадолго задерживаясь возле Ивановского. Лейтенант не ответил. Что было отвечать, разве не видно старшине, что группа растянулась, нарушила необходимый порядок, к которому имел определенное отношение и старшина как замыкающий.
- Кто стучал в хвосте?
- Стучал? Не слышал.

Ну, разумеется, он не слышал. Ивановский не стал продолжать разговор, замер и прислушался. Поблизости, однако, все было тихо, наши на пригорочке с сосняком настороженно молчали, молчали впереди и немцы. Девять бугристых тел в белых, пересыпанных снегом халатах ровно лежали в разрытой ими снежной канаве.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Надо слушать, – коротким шепотом заметил Ивановский. – Сейчас переход. Чтоб мне ни звука!

Старшина промолчал, и лейтенант на четвереньках быстро пополз вперед, обходя бойцов. Он не видел их лиц, но почти физически ощущал их настороженные, полные ожидания и тревоги взгляды из-под капюшонов. Все молчали. Обгоняя Шелудяка, который, виновато сопя, распластался в борозде, Ивановский строго потребовал:

– Изо всех сил! Изо всех сил, Шелудяк! Понял?

Лейтенант выполз в голову своей, теперь уже подтянувшейся пластунской колонны и снова пополз в самом глубоком снегу на краю кустарника. Одной рукой он волочил по снегу лыжи, другой – автомат; сумка с автоматными дисками сбивалась с бедра под живот, и он то и дело отбрасывал ее за спину. В снегу он напоролся на какую-то кучу хвороста, который звучно затрещал в ночи; зацепившись за что-то, порвался маскхалат; застряли в снегу лыжи. Чертыхаясь про себя, лейтенант минуту выпутывался из этой ловушки, потом взял в сторону, несколько дальше от кустарника. Где-то тут недалеко должен был повстречаться ручей, впадавший в речушку; от ручья начинался самый опасный отрезок пути в разрыве немецкой линии.

До ручья, однако, он еще не дополз, когда впереди и совсем близко звучно щелкнуло в воздухе, засипело, заискрилось, и яркая огненная дуга прочертила по краю неба. Разгоряченный борьбой со снегом, Ивановский не сразу понял, что это ракета. Несколько не долетев до них, она торжественно распустилась вверх букетом ослепительно сияющего пламени, и снежная равнина с кустарником затаилась, замерла, сжалась, залитая ее лихорадочной яркостью. Потом что-то там пошатнулось, дрогнуло и все ринулось в сторону; по пойме метнулась путаница стремительных теней. Ракета упала на снег за кустарником и еще несколько секунд сверкала остатками своего холодного пламени.

Ивановский затих, где лежал, почти не дыша, грудь его распирало от нехватки воздуха, возле лица на ветру крутилась снежная пыль. Лейтенант ждал выстрелов, криков, следующих ракет, но в сгустившейся темноте ночи стояла прежняя напряженно-зловещая тишина. Тогда он прикрыл на секунду глаза, чтобы скорее преодолеть ослепление, и снова всмотрелся вперед. Он недоумевал, откуда тут могла появиться ракета, ведь в том направлении, откуда она взлетела, немцев не должно было быть – там болото, речушка, кустарник. Туда ведь как раз предстояло ему ползти. Теперь получалось, что тот путь им закрыт.

Сзади его тронул за сапог Лукашов, но лейтенант не оглянулся даже и не отозвался, обеспокоенный единственным теперь вопросом – заметили или нет? Если заметили, то, наверное, их сегодняшняя попытка на том и окончена. Если нет, следовало побыстрее убираться с этого злополучного места.

Прошла еще минута, но не было ни выстрелов, ни ракеты, и Ивановский подумал, что, по-видимому, там сидит высланный на ночь ракетчик, которого разумнее обойти. Лейтенант круто повернул в кустарник, на четвереньках достиг невысокого берега речки, над которой клонилось несколько черных кряжистых ольх, и решительно перевалился с берега на ровную поверхность присыпанного снегом льда. На другом берегу заросли оказались пореже, неширокой полосой они тянулись вдоль берега, а далее начинался пригорок с деревней и немецким окопом под скособоченным сараем на отшибе.

Сержант Лукашов не отставал ни на шаг, и когда лейтенант остановился в нерешительности, тот пополз рядом и шепнул в лицо:

– А давайте речкой...

– Тих...

Положение усложнялось. На этой стороне они оказались слишком близко к противнику, пробраться мимо него было возможно лишь вдоль самого берега. Куда как соблазнительно было податься на гладкую ровность замерзшей речушки, но она здесь петляла, словно запутанная чертом веревка. «Это сколько же понадобится времени, чтобы выползть все ее петли? – уныло подумал Ивановский. – Опять же, а если где плохо замерзла?»

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Ему показалось, что прошло чересчур много времени, что он непростительно долго провозился в этом кустарнике и запаздывает уже в самом начале. Вздвогнув от охватившей его тревоги, лейтенант оглянулся, но сзади уже все перебрались через речушку и ждали, чтобы двинуться дальше. В сером сумраке ночи поблизости невнятно темнело несколько лиц, остальных и вовсе не было видно, и он с новой решимостью пополз по снегу.

В этот раз он прополз очень недолго, снова и с того же места вспорхнула ракета, с ней вместе долетел щелчок выстрела. Лейтенант вжался в снег, изо всех сил вглядываясь в черно-белую путаницу ветвей на ярко освещенной белизне снега. Нет, ракета пошла в прежнем направлении, на ту сторону поймы, откуда они ползли. Значит, их все-таки не заметили. Дождавшись, когда ракета сгорела, он с облегчением дернул лыжную связку и сам, на локтях и коленях, стремительно рванул вперед. В наступившей глухой темноте он несколько долгих секунд не видел перед собой ничего, только греб и греб снег и тащил лыжи. И вдруг снова ослеп от невероятно яркого света, который прямо с небес мощно обрушился на пойму – снег засиял, заискрился, тени от кустарника широким полукругом быстро повернулись на пойме, ярко отпечатавшись на снегу, и замерли. Замер и он, с каждым мгновением чувствуя трескучие пулеметные очереди. Как всегда в минуту наибольшей опасности, мысль его среагировала с предельной быстротой, он понял, что это от пуньки, значит, совсем уже близко.

Ракета вся без остатка сгорела в вышине, но по-прежнему было тихо, и он снова стиснул веки, чтобы переждать ослепление. Если заметили, то надо подаваться назад, за речку, под защиту ее бережка, а если нет... Тогда быстрее надо ползти вперед, подальше от этого проклятого места, где тебя так нагло подсвечивают с обеих сторон.

Выстрелов все не было, значит, еще не заметили, и он с дерзкой решимостью рванул вперед, вдруг ощутив в себе новый порыв риска и удачливости. Быстрее, быстрее! С неожиданной силой и ловкостью он полз вдоль берега, весь закопавшись в снегу, который нещадно забивал лицо, рот, не давал дышать и слепил глаза. Когда же зрению возвратилась прежняя способность различать в темноте, он вдруг отметил, что слева от деревни его прикрывает какой-то бугорок высотой по колено, – наверно, обмежек на границе нивы и покоса. Это его куда как обрадовало, теперь он уже не страшился ракет: вся его воля устремилась к единственной цели – вперед!

Он полз долго и быстро. Под одеждой на груди и спине уже все стало мокрым от пота и снега, на своих сзади он не оглядывался, то было без пользы: теперь он не мог подогнать их. Он лишь полагался на власть своего примера, на силу солдатского правила – равняться по командиру.

Когда в небе опять загорелась ракета, он замер с занесенной вперед рукой и низко над снегом оглянулся: так и есть – бойцы опять растянулись, опять за сержантом образовался разрыв этак шагов на двадцать. Обмежек, как на беду, тут же окончился, теперь их ничто не прикрывало от переднего окопа немцев. Одно хорошо – сарай на пригорке остался сзади, уже ракета летела в тыл. Впереди же опять расстилалась широкая ровность с рядами негустого, исчезавшего в сумерках кустарника по одному ее краю.

Ракета погасла, и на душе у него отлегло, самое трудное вроде бы миновало. Это было так хорошо почувствовать, – коротенько и сдержанно-радостно, – но не успел он опять двинуть вперед связку лыж, как совсем близко сзади неожиданно гулко бахнул винтовочный выстрел. Почти ужаснувшись, Ивановский пружинисто обернулся, рука привычно ухватила за шейку обмотанного бинтами автомата, но ни сзади, ни по сторонам он не обнаружил решительно никакого движения. Все окрест будто обмерло, один только выстрел – и больше ни звука, и нигде никого поблизости. Спустя несколько секунд, однако, ярко засветило сразу в двух местах над кустарником. Лейтенант из-за плеча проследил за полетом ракет – они, как и предыдущие, упали сзади, но тут же взвились еще две по обеим сторонам речки. В их ярком свете густым пронзительным треском залился пулемет от сарая, огненные трассы стегнули по кустам возле речки, несколько пуль срикошетило от бугорка, за которым они только что прятались, и зелеными брызгами разлетелось в сторону. Пулемет слепо, но верно нащупывал их при свете ракет и так близко шарил струями пуль, что их спасал лишь обмежек. Ивановский лежал и скрежетал зубами от немого отчаяния – так все шло хорошо и, на тебе, срывалось из-за какого-то нелепого выстрела...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Наверно, они так пролежали долго, лейтенант начал вздрагивать от озноба, мокрое его белье ледяным панцирем облипало тело. Вверху сгорело с десятков ракет, пулемет возле пуньки вроде бы стал затихать. И тогда сзади раз и другой его потрогал за сапог Лукашов. Ивановский на снегу вывернулся лицом назад.

– Кудрявцева ранило.

– Сильно?

Вместо ответа сержант пожал плечами и тоже обернулся назад, наверно, ожидая разъяснения оттуда.

Было от чего выругаться, но Ивановский лишь судорожно сжал в рукавицах по пригоршне снега. Что и говорить, начало было испорчено, но вскоре могло произойти и еще худшее – их запросто могли обнаружить в поле. Тем не менее разбираться, ползти назад теперь не было времени, и он приказал первому, кого различил в темноте за сержантом:

– Шелудяк, марш назад. Забрать раненого и назад.

По лицу сапера скользнуло что-то растерянное, тем не менее он разгреб телом снег, развернулся и исчез в темноте. Ивановский тут же спохватился при мысли, что с раненым лучше бы послать не его, а кого-нибудь более для того способного, но возвращать Шелудяка теперь уже не стал. «Пусть живет!» – с чувством неожиданного великодушия подумал он. Не каждому выпадает такое, но этот старик, наверно, больше других имеет право выжить, – все-таки отец семейства, дома трое детей, а это что-нибудь да значит.

Немцы возле сарая молчали, так ничего, наверно, и не обнаружив; стало тихо, только за лесом все урчала, ворочалась и вздыхала далекая орудийная канонада. Ивановского снова охватило беспокойство за время, которое, невзирая ни на что, мчалось дьявольски быстро, и лейтенант даже испугался, что вконец опоздает. По правде, он не предвидел столько неожиданностей в самом начале и теперь подумал невесело: а что еще будет!

Ивановский рванулся вперед, но не прополз и десяти шагов, как опять замер от потока стремительно метнувшихся в его сторону трасс. Распластавшись на снегу, лейтенант вгляделся в ту сторону, где едва заметным бугорком темнел в отдалении сарай, и живо попятился назад под защиту все того же маленького, едва заметного вблизи обмежка. Все-таки, наверно, их обнаружили. Вверху с шипением и треском жгли небо ракеты, а пулеметные трассы, огненно сверкая в темноте, секли, низали, взбивали снег как раз на их предстоящем пути из-за пригорка. Во что бы то ни стало надо было выскользнуть из этой проклятой западни, но проползти по ярко освещенному полю нечего было и думать.

Кажется, они застряли прочно и надолго. Хорошо еще, что слева попался этот обмежек, словно посланный Богом для их спасения, – только он укрывал их от пулеметного огня с пригорка. Но сколько же можно укрываться?

Тем временем все неподвижно и молча лежали, ожидая его решения и его командирского действия. И он решил единственно теперь возможное: заставить замолчать пулемет. Очевидно, лучше всего подползти к нему со стороны фронта, от речки; сделать это, разумеется, с наибольшим успехом мог только он сам. Только одному, в крайнем случае двоим еще можно рискнуть подобраться к нему незамеченными.

– Передайте: старшину – ко мне!

По цепочке быстро передали его команду, и Дюбин приполз, молча лег рядом.

– Вот что. Надо снять пулемет, – сказал Ивановский и, встретив в ответ молчание, пояснил: – Иначе не вылезем. В случае чего возьми карту, поведешь группу.

– Не годится так, – помолчав, сказал Дюбин. – Надо бы другого кого.

– Кого другого? – сказал лейтенант. – Попробую сам.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Лежа расстегнув телогрейку, он достал из-за пазухи смятый, во много раз сложенный лист карты, подвинул ближе к старшине свои лыжи. Пулемет молчал, догорала на снегу настильно брошенная немцем ракета, стало темно и тихо. Но он знал: стоит лишь высунуться из-за обмежка, как немцы снова поднимут свой тарарам; видно, они здесь что-то просматривают.

– Лукашов, за мной, – тихо позвал лейтенант и не оглянулся, знал, что Лукашов не отстанет. В наступившей затем крошечной тьме он с автоматом в руке и тремя гранатами в карманах брюк пополз под обмежком. Надо было торопиться, иначе вся его вылазка теряла смысл. Разумеется, это было не самое лучшее, может, наоборот даже, но другого выхода из затруднения он не находил. Другим было разве что возвращение восвояси, что, впрочем, тоже теперь сделать не просто. Он зло про себя ругался и твердил, разгребая снег: «Ну бей же, бей, гад! Шуми побольше...»

Ему надо было, чтоб пулемет вел огонь. Когда пулемет работает, тогда пулеметчик глух и слеп, тогда бы уж лейтенант как-нибудь подобрался к нему. И пулемет действительно скоро ударил – сразу, как только засветила ракета. Но, к удивлению своему, в первый момент Ивановский не увидел ни одной из его трасс. короткое недоумение лейтенанта, однако, тут же исчезло – пулеметные очереди уходили в их тыл, в сторону поймы и речки, в то место, где они недавно переползали ее в кустарнике. В этот раз немцы всполошились всерьез и надолго. Над поймой запылал настоящий ракетный пожар, вокруг стало светло как днем, на луговину с пригорка неслись, перехлестываясь, сходясь и разлетаясь, густым веером пули; несколько пулеметов из разных мест остервенело секли кустарник. Сначала Ивановский инстинктивно втиснулся в снег, немного видя из своей борозды и только напряженно вслушиваясь в густое сверкающее завывание вверху. Но и не глядя, он скоро понял, что это не так себе, что это все Шелудяк. Значит, все-таки заметили, высветили и теперь расстреливают.

Но поняв это, Ивановский вдруг содрогнулся от радостной счастливой мысли: Шелудяк отвлекал огонь на себя, надо немедленно этим воспользоваться. Лейтенант тут же развернулся в снегу, на четвереньках проскочил в голову своей замершей под обмежком колонны, схватил лыжи.

– За мной, – вслух скомандовал он, уже не остерегаясь в этом грохоте быть услышанным немцами.

Глава вторая

Последние метры до леса они не ползли, а, пригнувшись, устало бежали, пока один за другим не попадали в реденьком низкорослом кустарнике. Распластанные на снегу судорожной горькой одышкой, минуту ошеломленно молчали, не в состоянии вымолвить слово. У каждого в такт с сердцем билась единственная теперь мысль – вроде удалось, прошли, худшее осталось позади. Немцы с пригорка как будто их проворонили. Увлеченные пальбой по луговине, ослепленные сиянием ракет, они, вероятно, не слишком оглядывались по сторонам, пока не расстреляли у реки Шелудяка. «Спасибо вам, дорогие бойцы», – растроганно думал Ивановский, лежа на снегу и в одышке хватая ртом воздух.

Первая плата за его успех была внесена, каков окажется итог? Как бы то ни было, светлая тебе память, боец Шелудяк, посланный на верную гибель, хотя в тот момент с какой-то подспудной завистью лейтенант думал, что – в жизнь...

Еще не совсем отдышавшись, он приподнялся и сел на снегу. Редкие огненные светляки пуль низали снежные сумерки уже далеко позади, навстречу им летели другие из сосняка за поймой – это вступил в бой батальон. Здесь же, возле кустарника, было спокойно, перед ними лежал голый, не очень заснеженный склон с гривками бурьяна по межам. Ивановский достал часы – была половина десятого.

– Кто стрелял? – сдержанно, с запоздало вспыхнувшим гневом спросил лейтенант, вспомнив тот злополучный выстрел.

Невдалеке среди пластом лежащих тел в белом кто-то заворошился и сел на снегу, по острию, выпиравшему под капюшоном, командир узнал Дюбина – старшина был в буденовке.

– Выстрелил Судник.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Я выстрелил, – виновато и глухо подтвердил простуженный голос, и Судник расслабленно поднялся на ноги.

– Почему стрелял?

Боец двинул у ноги винтовкой.

– Да вот, с предохранителя соскочила.

Ивановский вгляделся в замотанное бинтом оружие, и его передернуло от злости – у бойца была СВТ, эффектная с виду десятизарядка, сложная по конструкции и не очень надежная в бою. Просто беда, как он перед выходом недосмотрел, разве можно было с таким оружием отправляться в тыл к немцам?

– Черт бы вас побрал! – не сдержав гнева, с тихой злостью заговорил лейтенант. – Что у вас за оружие?

– Винтовка.

– Какая винтовка?

– Самозарядная Токарева номер эн эм шестьсот двадцать четыре.

– «Эн эм»! Вы похуже не могли найти?

Видно, только теперь поняв свою оплошность, боец виновато потупил голову. Лейтенант почти с ненавистью глядел на его придавленную тяжестью вещмешка фигуру, мокрый, обвисший на коленях халат. Однако весь его неказистый вид выражал теперь лишь вину и покорность. Эта его покорность и непрестанно подстегивающее лейтенанта время скоро заглушили вспышку командирского гнева; Ивановский понял, что бесполезно взыскивать с бойца за дело, о котором тот не имел представления. Тем не менее он не мог игнорировать тот факт, что этот Судник едва не погубил всю группу.

– Вы понимаете, что вы наделали?

– Черта он понимает! – вдруг сидя заговорил Лукашов. – Разгильдяй он. Зачем было брать такого?

Судник по-прежнему стоял молча, уронив голову.

– За такое дело вот кокну тебя к чертовой матери! – угрожающе прошептал лейтенант. – Понял?

Голова бойца склонилась еще ниже, но он, видно, решительно не знал, что сказать в свое оправдание, и, похоже, готов был ко всему.

– Ладно. Потом мы с ним потолкуем, – Наверно, почувствовав нерешительность в голосе командира, примирительно сказал Дюбин.

– Я еще разберусь с тобой, – пообещал Ивановский и скомандовал: – На лыжи!

Все враз зашевелились, разбирая лыжи и пристегивая к сапогам крепление, – задерживаться тут не годилось. Лейтенант ухватил за концы палки и оглянулся, дожидаясь готовности группы.

– Я бы его проучил! Мне он не попался, сопляк, – натягивая рукавицы, ворчал поблизости Лукашов.

– Ладно, всё! – громким шепотом оборвал его Ивановский. – Готовы? Судник – за мной! Марш!

Лейтенант резко взял с места, направляясь в прогал кустарника, однако в рыхлом снегу лыжи скользили плохо, проваливаясь в глубокие колеи, из которых торчали лишь загнутые концы. Ветки кустарника цеплялись за маскхалат, срывали с головы капюшон. Наверное, четверть часа лейтенант продирался через кустарник, пока наконец не вырвался в поле. Тут его сразу охватил порывистый ветер, но стало просторнее. Ивановский нащупал лыжами более твердый участок снега и оттолкнулся

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru палками. Взгляд его был устремлен вперед, лейтенант не оглядывался, он слышал шорох лыж сзади и мерное привычное дыхание бойцов. Его гнев против Судника стал понемногу спадать, наибольшая беда миновала, и Ивановский начал свикаться с тем, что их осталось восемь. Правда, полностью примириться с этим было нельзя, завтра ему очень нужны будут люди, и Судник заслуживал строжайшего наказания. Но как его наказать?.. На гауптвахту здесь не посадишь, придется отложить все до возвращения. К тому же, в общем, им повезло. Если разобраться, так еще неизвестно, как бы оно обернулось, если бы Судник не выстрелил, не ранили Кудрявца и он не отправил с ним Шелудяка, который отвлек на себя огонь немцев. Вполне возможно, что до утра им бы не удалось прорваться из-за того обмелка, а по светлому времени их бы легко расстреляли из минометов. Много ли нужно для десяти человек? А так вот проскочили, и теперь только бы не нарваться в ночи на какие-нибудь тыловые части.

Вскоре на снегу наметился небольшой спуск, лыжи пошли вперед легче, рукам стало свободнее, и лейтенант оглянулся. Судник прилежно шел следом; за ним, слегка оторвавшись, тянул в сумерках Лукашов. Остальные тоже как будто подравнялись, и в ветреном ночном сумраке слышался сплошной шорох снега под лыжами. Лейтенант еще увеличил темп. Дорога была дальняя, даже слишком дальняя для одной ночи, и очень надо было спешить. Тут он еще помнил маршрут, изученный накануне по карте, и знал, что скоро опять пойдет пойма все той же речушки. Далее и следовало все время ее держать.

После кустарника бойцы вошли в ритм, и группа споро двигалась в серых ночных сумерках. Беззвездное небо сплошным пологом накрыло зимний простор, в котором тускло темнели размытые пятна кустарников, деревьев, бурьяна и множество еще чего-то неясного и загадочного. Ракеты на передовой светили далеко сзади, отсюда видны были лишь их мигающие отсветы за пологим холмом.

Постепенно Ивановский стал успокаиваться – хотя и не совсем гладко, но поначалу вроде бы обошлось: они прорвались. Правда, все время не выходил из головы Шелудяк, так несуразно с ним вышло, пожалел, называется. Наверное, пригодился бы завтра, все-таки сапер и пожилой человек, не какой-нибудь несмышлениш, как этот Судник. Да, с саперами ему не повезло, хотя больше других были нужны именно саперы. Но тут ничего не поделаешь. В то время как группа лежала в свете ракет, казалось, вернул бы назад половину, лишь бы другая половина прорвалась.

Лейтенант уже слишком хорошо знал, что далеко не все в жизни получается так, как надо, тем более на войне. Чтобы не остаться внакладе, порой приходится из последних сил добиваться намеченной цели, до последней возможности драться против коварной силы обстоятельств, иначе провалишь дело и пропадешь сам. Вообще война беспощадна ко всякому, но первым на фронте погибает трус – именно тот, кто больше всех дорожит своей жизнью. Впрочем, достаточно гибнет и храбрых. Война удивительно слепа к людям и далеко не по заслугам распоряжается их жизнями. Как нигде в мирной жизни, здесь изменчива и капризна судьба человека, которому, чтобы жить, ни на минуту нельзя выпускать из рук тугих вожжей обстоятельств, при любых, самых невозможных условиях надо стараться управлять ими.

Горечь от первой и довольно нелепой утраты не оставляла Ивановского. Ненадолго лейтенант забывался, поглощенный ночными заботами, но она опять возвращалась щемящей, слишком знакомой на войне болью. И сколько он ни переживал ее за пять месяцев, эту раздирающую сердце боль, и какой бы обыденной она порой ни казалась, совершенно привыкнуть к ней было нельзя. Скольких уже он потерял навсегда за это время войны, думалось, пора бы уж и привыкнуть к самим потерям и свыкнуться с сознанием их неизбежности. Но, как ни привыкал, нет-нет да и находило на него такое отчаяние, что, казалось, лучше бы подставил под ту роковую пулю собственную голову, какой дорогой она ни была, чем навсегда укладывать в могильную глуть близкого тебе человека.

А своего лучшего друга, разведчика капитана Волоха, он даже не смог закопать. Просто у них не нашлось лопаты и каких-нибудь пятнадцати минут времени – от шоссе уже мчались на мотоциклах немцы. Отстреливаясь, они с Погребняком завернули тело капитана в палатку и наспех забросали ее перемешанной со снегом листвой. Так и остался их командир на лесной опушке того далекого смоленского урочища. А следующего за ним, сержанта Рукавицына, даже не удалось унести с пригорка, на котором его настигла пуля, и спустя десять минут его там подобрали немцы.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Вообще Ивановскому везло в войну на хороших людей, и самым большим везеньем был, конечно, капитан Волох. Каким-то необъяснимым чутьем лейтенант понял это сразу, как только увидел его на подернутой утренним туманом просеке в Боровском лесу, Стоя на коленях, капитан что-то вытряхивал из карманов в брошенную на мох фуражку, рядом лежала разложенная карта, а вокруг сидели и лежали его разведчики. Все были в зеленых маскировочных халатах со снятыми капюшонами и в пилотках, лишь у одного капитана была фуражка, по которой лейтенант безошибочно признал в нем командира и, подойдя, отдал честь.

– Товарищ командир, разрешите обратиться?

– Пожалуйста, – запросто, без тени командирской строгости улыбнулся капитан. – Обращайтесь, если есть с чем. А то у нас вот одна пыль.

Видно, он не прочь был пошутить и, может, даже угостить махоркой, но махорка у него вся вышла, как вышла она и у лейтенанта. Правда, лейтенанту теперь было не до курева, он бы больше обрадовался сухарю или куску хлеба, так как два дня почти ничего не ел. После разгрома в ночном бою под крупцами он отбил от полка, попал в окружение, выйдя из которого с двенадцатью бойцами плутал по лесам в поисках своей части. Но нигде он не мог набрести хотя бы на остатки полка или даже дивизии, иногда попадались бойцы из неизвестных ему частей, но никто ничего толком не знал, в прифронтовой полосе все смешалось, перемешались и наши, и немцы. Еще через день вокруг остались одни только немцы, он всюду наткался на них самих или на свежие следы их пребывания и неделю метался по перелескам в поисках какого-нибудь выхода. У него не было карты, и совершенно неясной была обстановка, встреченные в пути красноармейцы давали самые противоречивые сведения. Ясно было одно – наши отошли далеко, немцы устремились к Москве. В нескольких случайных стычках он потерял еще трех человек, двое исчезли в ночи: может, отбились в темноте и пристали где к другим группам, а может, и того хуже. С ним осталось лишь четверо, они забрели в какую-то лесную глухомань, где уже не было ни немцев, ни наших, и вдруг эта случайная встреча с группой разведчиков на лесной просеке.

Капитан все-таки что-то натряс из карманов и свернул тоненькую куцую сигарку. Остальные молча и, как показалось лейтенанту, с затаенной грустью наблюдали за своим командиром.

– Как зажигалка, цела? – спросил капитан, вправляя в синие брюки вывернутые карманы.

– Какая зажигалка? – удивился Ивановский.

И вдруг он все вспомнил.

Действительно, месяц назад под Касачевом, где они стояли тогда в обороне, как-то перед рассветом начальник разведки полка привел на батарейный НП незнакомого командира в фуражке и с орденом Красного Знамени на габардиновой гимнастерке. Как чуть рассвело, они стали что-то рассматривать в стереотрубу на немецкой стороне, что-то отмечая на карте. Потом вместе позавтракали. Капитан еще угостил Ивановского «Казбеком» и, прикуривая, обратил внимание на его трофейную зажигалку – фигурку буддийского монаха. Зажигалка действительно была занятная: при легком нажатии на пружину у монаха отскакивала часть черепа и появлялся огонек пламени.

Зажигалка оказалась цела, теперь Ивановский достал маленькую черную фигурку, большим пальцем нажал на пружину. Но в этот раз огонек не появился, наверно, вышел бензин.

– Забавно, забавно, – сказал капитан. – Жаль, курить нечего.

– У нас тоже ни табачинки, – сказал Ивановский.

Их лица стали серьезными, капитан натянул на плечи свою изодранную куртку. В ощущениях враз ворвалась невеселая фронтовая действительность.

– Давно бедствуете? – спросил капитан.

– Да вот с семнадцатого. Как смяли тогда под Касачевом.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ясно. Что ж, пойдем вместе. Вот тут на моей карте обозначен стык, сюда и попробуем сунуться.

Они пробирались еще четверо суток, но никакого стыка в немецкой линии фронта не обнаружили, как, впрочем, не обнаружили и самого фронта. Стояла глубокая осень, листва на деревьях вся облетела, после холодных затяжных дождей наступила ранняя промозглая стужа. Дороги были забиты обозами, автомобилями и вездеходами наступающих и тыловых немецких частей. Бойцы устали от многодневной ходьбы по бездорожью, от голода. Некоторых начала донимать простуда, кашель. Лейтенанта не переставали мучить чирьи по всему телу. А потом в группе появился раненный в ногу разведчик, который не мог идти сам, и они по очереди несли его на самодельных, изготовленных из жердей и плащ-палатки носилках. По этой причине они не могли идти быстро, но командир не хотел оставлять разведчика. Это был действительно ценный разведчик, свободно говоривший по-немецки, голубоглазый и светловолосый атлет по фамилии Фих. Ранило его случайно, когда они днем заскочили в деревню, чтобы расспросить о дороге и разжиться чем-нибудь из еды, и уже в самом начале улицы напоролась на немцев. Первого вышедшего из двора немца капитан свалил ударом ножа в шею. Это оказался офицер, и Волох по старой привычке разведчика первым делом схватился за его полевую сумку. Но следом за офицером шли еще двое, один из них выстрелил из пистолета и угодил Фиху в бедро. Хорошо, Балаенко дал очередь, немец упал, и они все бросились наутек, подхватив раненого, который после этого выстрела не сделал уже ни одного шага по земле. Наверное, немецкая пуля повредила у него какой-нибудь важный нерв, нога обвисла, как плеть. К тому же началось какое-то осложнение, поднялся жар. Длительные переходы причиняли неимоверные страдания раненому, повязка все время сбивалась, рана кровоточила; Фих, сжав зубы, страдал, все больше мрачнел и уходил в себя.

Однажды они остановились передохнуть на заросшем дубняком пригорке. Лиственный лес весь уже стоял обнаженный, лишь корявые низкорослые дубки продолжали шелестеть на ветру своей сильно пожелтой, но еще по-летнему густой листвой. Здесь было относительное затишье, дубняк надежно укрывал их от чужих глаз. Как только остановились, разведчики попадали наземь, с молчаливой отрешенностью на изможденном лице лежал на носилках Фих. Волох сидел возле и соломиной задумчиво колупал в зубах. Есть было нечего, курить тоже. Двое разведчиков ушли на поиски жилья, чтобы раздобыть какой-нибудь кусок хлеба для раненого.

– Слушай, Фих, – вдруг сказал капитан. – Ты не беспокойся, мы тебя не оставим. Мы тебя вынесем, и все будет ладно. Главное – не падай духом.

– Отдай мне пистолет, – слабым голосом протянул Фих.

Два дня подряд он непрестанно требовал свой пистолет, который, заподозрив неладное, у него вынул из кобуры Волох. Теперь всякий разговор с раненым начинался и кончался его требованием вернуть пистолет.

– Ну вот, ты опять за свое! Отдам я тебе пистолет. Но сначала надо тебя донести до своих.

– Отдайте мой пистолет! Зачем взяли? Зачем эти заботы? Для оправдания вашей совести? Плюньте, капитан...

Уговорить его было невозможно, капитан понимал это и особенно не уговаривал. Их положение не оставляло места иллюзиям, да они и не нуждались ни в каких иллюзиях. Бездна надежности состояния Фиха была очевидной как для него самого, так и для всех восьмерых в группе, включая старого его друга сержанта Рукавицына, всю дорогу выхаживавшего раненого как только было возможно. Беда, однако, состояла в том, что возможности его были весьма ограничены. Фих таял на глазах, и Рукавицын, по существу, ничем не мог ему помочь. С убитым видом он сидел над товарищем и грязным платком вытирал холодную испарину с его бледного лба.

– Да-а, дела, – сказал капитан. – Что же нам с тобой делать?

Вопрос был почти риторический, никто не мог и не пытался на него ответить. Впрочем, капитан и не ждал ответа, он просто размышлял вслух. Однако на этот раз долго размышлять ему не пришлось – вернулись двое разведчиков и сообщили, что деревень нигде нет, а обнаруженная поблизости сторожка стоит пустая, ничем съестным поживиться там не удалось. Но на обратном пути разведчики видели, как

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru по дороге в соседний лесок одна за другой шли груженные немецкие машины, которые быстро там разгружаются и налегке возвращаются прежней дорогой. По всей видимости, в лесок перебазировался какой-нибудь крупный немецкий склад.

Они, разумеется, знали, что склады могут быть разные: с фуражом, боеприпасами, горючим, вещевым, инженерным или даже химическим имуществом. Но могут быть также и с продовольствием. Наверно, вероятность последнего предположения показалась изголодавшимся бойцам наибольшей, и капитан живо вскочил на ноги.

– А ну где? Далеко?

– Да километра два отсюда.

Они снялись с места и скоро прошли дубнячок, потом обошли по краю овражек, перешли мокроватую луговинку, снова вошли в колючий густой кустарник, на выходе из которого по команде Волоха все разом замерли. Сквозь чащу ольшаника было видно, как по ухабистой, разбитой дороге в редкий сосновый лесок тащились тяжело груженные семитонные «бьюссинги», где-то там они разгружались и скоро бежали вниз, наверно, за новой партией груза.

Капитан сразу сел, где стоял, достал из-за пазухи бинокль. Разведчики опустили на землю носилки с фихом.

– Ух ты, что там наворочено! Вот это да! – удивился капитан. – Проволокой обносят, так, так. А подходы, в общем, хорошие. Вот бы, когда стемнеет. На-ка, прикинь, – сказал он, передавая бинокль Ивановскому.

Лейтенант, отыскав в голых ветвях прогалину, направил на лес бинокль. Отчетливо было видно, как там разгружали машины. Работали, кажется, пленные, в некотором отдалении от них маячили темные фигуры в длинных шинелях с винтовками в руках. Под высокими редкими соснами на пригорке вытянулись длинные ряды каких-то громоздких зеленых и желтых ящиков. Несколько ранее сложенных штабелей были укрыты брезентом.

– Интересно, что? – рассуждал капитан. – Но все равно. Устроим фейерверк на всю Смоленщину. Рукавицын, у тебя противотанковая граната цела? Хорошо. А тол ты еще не выбросил, Погребняк? Ракеты надо приготовить тоже. Пригодятся.

Он тут же, в ольшанике, наскоро изложил свой план нападения на склад, распределил обязанности между горсткой усталых, голодных людей. Присматривать за раненым поручил сначала двоим, а потом только одному Рукавицыну. Своим заместителем назначил его, Ивановского. Решили выступить, как только стемнеет.

– Веселенькая будет ночь! – радовался капитан, потирая озябшие руки. – Закурить бы теперь, да нечего.

Глава третья

Наверное, лучше будет взорвать. Под проволокой протащить заряд со шнуром, подложить под штабель. Часового отвлечь куда-нибудь в сторону. Как это сделать – Ивановский знал, когда-то учил капитан Волох. Есть несколько способов. Лучше бы, разумеется, вовсе снять часового, но, если объект большой, часовых будет несколько, всех не снимешь.

Так, размышляя, Ивановский небыстро спускался на лыжах с не приметного в ночи пригорка. В снежной темени вообще не рассмотреть было, где пригорочек, а где ложбина, он лишь чувствовал это по весу лыж на ногах, которые то вдруг тяжелели, и появлялась надобность помогать себе палками, то бежали по снегу охотнее. Ивановский все время держал на юг, изредка проверяя направление по компасу. Справа в туманной мгле, то приближаясь к лыжне, то удаляясь от нее, петляла речушка, которую он узнавал по неровному шнурку кустарника на берегу. Слева к ней сбегали окончания невысоких пригорков, которые то и дело приходилось пересекать лыжникам.

Съехав с очередного пологого склона, Ивановский остановился. Лыжи затрещали в каких-то сухих бодылях, и лейтенант поглядел в сторону, чтобы обойти их. Сзади по одному приближались и останавливались его бойцы.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Ну как? – спросил он на полный голос. Здесь, кажется, уже никто не мог их услышать.

– Угрелись, лейтенант, – тяжело дыша, ответил, подъезжая, Лукашов; белый, заметный даже в ночи пар валил от его грузной фигуры.

Судник схватил горсть снега и, подпершись палкой, стал жадно есть. Скоро подъехали Хакимов и Краснокуцкий; еще кто-то спускался по склону.

– Дюбин! – позвал лейтенант.

– Идет, кажется, – не сразу отозвался голос из сумерек, и он подумал, что, если замыкающий тут, значит, все в сборе, можно двигаться.

– Как бы передохнуть, товарищ командир? – с ноткою жалобы спросил Краснокуцкий.

Ивановский вынул часы. Стрелки показывали час ночи.

– Отставить отдых, – сказал лейтенант. – Мы опаздываем.

– Уже поджилки дрожат.

– Втягивайтесь, втягивайтесь. Потом легче будет. Так, за мной марш!

Он боялся отдыхом расхолодить бойцов, по себе знал, как трудно после привала опять набирать прежний темп. Важно было выдержать заданную скорость на протяжении всей ночи, может, даже при надобности увеличить ее. Он знал: скоро должно появиться второе дыхание, и тогда всем станет легче...

Но усталость брала свое, и лейтенант все чаще стал замечать, что взгляд его упрямо клонился к земле и перед глазами начиналось однообразное мелькание лыжных носов. Однажды, с усилием оторвав взгляд от снега и вскинув голову, он обнаружил впереди что-то мрачно-серое, похожее на высокую стену леса. И в самом деле это был лес – преградив им путь, тревожно и тягуче шумели на ветру высокие сосны.

Ивановский слегка удивился – на карте в здешних местах не значилось никакого леса, тем более хвойного; он подумал, что, может, потерял направление, и стал поспешно сверяться с компасом. Но нет, все было верно, направление он держал, как и полагалось, точно в двести десять градусов, но почему тогда лес? И как с ним поступить – пройти насквозь, не меняя маршрута, или обойти? И в какую сторону обходить?

– Что, лейтенант, перекур? – спросил Лукашов сзади. Почему-то он подошел раньше Судника, который приотстал так, что едва угадывался в сумерках. Это нарушало установленный им порядок на марше, и у Ивановского вырвалось:

– А почему вы тут?

– Так вон сапер... Надоело на пятки наступать.

Кажется, его лыжники стали растягиваться, это уже никуда не годилось; лейтенант полагал, что по готовой лыжне можно бы идти исправнее. Он упрятал компас в рукав и, напряженно соображая, как поступить с лесом, ждал, когда подойдут остальные.

Спустя пять или даже десять минут подошли Хакимов и Краснокуцкий, остальных не было. Теряя терпение, он подождал еще. Уставшие лыжники, едва остановившись, наваливались грудью на концы воткнутых в снег палок: так отдыхали. Все трудно, прерывисто дышали и хватали руками снег.

– Скоро ли, товарищ лейтенант? – упавшим голосом спросил Краснокуцкий. – Знаете, силы уже не тае...

– Где остальные? – вместо ответа встревоженно спросил лейтенант.

– Да идут. Заяц, наверно, отстал. Ну и старшина там с ним нянькается.

– А Пивоваров?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Да вон идет кто-то.

Из снежной тьмы, затканной густеющей на ветру крупой, выскользнула еще одна белая тень. Это был Пивоваров.

– Где остальные? – спросил лейтенант.

– Не знаю. Сзади никого вроде, – бодро ответил боец. – Я там с креплением провозился...

– Ладно. Пошли.

Лейтенант не мог больше ждать. Старшина не новичок в подобных делах, он не должен отстать. Опять же на снегу ясно видна наезженная лыжня, пусть догоняет. И лейтенант свернул вправо, вдоль боровой опушки, в обход леска. Лезть в него напрямик он не решился, чтобы где-нибудь невзначай не набрести на овраг или бурелом, а то и просто не застрять в чащобе. Все-таки на лыжах ночью по лесу идти не годилось.

Но он не знал и как обойти его и брел наугад вдоль неровной извилистой опушки, повторяя лыжней все замысловатые ее извилины. Шли гораздо осторожнее, чем в поле, под соснами в зарослях молодняка все время что-то мерещилось, казалось, какие-то тени, фигуры людей. Но приблизившись, он всякий раз обнаруживал, что это были молодые сосенки.

Между тем ветер усиливался, теперь он почти все время дул навстречу. Тонкая бязь маскхалата пузырилась на спине, порой хлопая, словно парус. Лейтенант почувствовал, как у него заметно поубавилось прыти, а с ней убыло и уверенности в правильности его направления. В остальном он не сомневался. Он то делал энергичный рывок, то вдруг переходил на умеренный шаг, с большей, чем следовало, осторожностью оглядываясь по сторонам. Время от времени он прислушивался к звукам сзади, стараясь определить, не догоняют ли их отставшие Заяц с Дюбиным.

Но Дюбин все не нагонял их, а лес внезапно оборвался, они наконец достигли западной его оконечности. Далее хвойная опушка сворачивала на юг и, закругляясь, отступала куда-то к юго-востоку. Этого только и ждал Ивановский. Он даже вздохнул с облегчением и, остановившись, вогнал в снег палки: надо было сориентироваться с картой.

– У кого там?.. Пивоваров, у вас палатка?

– У меня, товарищ лейтенант.

– Давай сюда.

Не сходя с лыж, Ивановский присел на снегу, Пивоваров тщательно накрыл его плащ-палаткой – сделалось необычайно темно после мелькающей белизны снега и тихо. Слабым пятнышком света из фонарика лейтенант повел по измятому листу карты. Все стало ясно.

Река здесь делала большой изгиб в сторону, потому он потерял ее в темени и наткнулся на лес. Но вряд ли была такая надобность следовать ее речной прихоти, наверно, разумнее было взять сразу на юг и тем срезать порядочный крюк. Правда, без реки труднее будет сориентироваться в ночи, тем более что карта допускала неточности. Сосновый лес, который они обошли, вовсе не был обозначен на ней, топографы ограничились лишь нанесением здесь мелких кружочков, обозначавших кустарники. Когда-то это, может, действительно было кустарником, а теперь вон какой лес вымахал, разросся на добрых два километра в длину и едва не ввел его в заблуждение.

Поняв, где находится, лейтенант сбросил с себя палатку.

– Старшины нет?

– Нет еще. Может, подождем? – спросил Лукашов.

Пристально, с последней надеждой Ивановский вгляделся в ночь, вслушался, но сзади никого не было. Продолжительное отсутствие старшины начало всерьез

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru тревожить, появились разные нехорошие предположения, но он гнал их, стараясь сохранить уверенность, что Дюбин догонит. Теперь же надо было двигаться дальше и нужен был замыкающий. Старшим в группе по званию после командира был сержант Лукашов, и лейтенант решил:

- Лукашов, пойдете замыкающим. И чтоб никаких отставаний! Поняли?
- Понятно, – твердо ответил сержант, сосупая с лыжни, чтобы пропустить мимо себя остальных.
- Вперед! Еще пару рывков – и мы у цели.

...Тогда они тоже были почти у цели.

Еще не стемнело, как на влажную землю начал падать мокрый снежок. Было тихо. Сначала он шел реденький, пушистый – красивые ажурные снежинки картинно кружились в воздухе, плавно оседая на землю. Затем снегопад начал усиливаться и к вечеру повалил мокрыми хлопьями, повисая на ветках, густо облепляя головы, плечи, рукава бойцов. Разведчики терпеливо сидели в кустарнике и ждали. За несколько часов неподвижности все сильно продрогли. Раненого фиха укрыли мокрой плащ-палаткой, и он тихо стонал под ней в забытьи. Перед самыми сумерками Волох и еще один разведчик, сержант Балаенко, отправились понаблюдать за складом; из кустарника уже мало что было видно.

Четверть часа спустя запыхавшийся Балаенко прибежал к группе: капитан приказал фиха с одним разведчиком оставить в дубнячке, а остальным выдвигаться на опушку. Они вскочили и вскоре прибыли к своему командиру. До склада отсюда было рукой подать, но снегопад и наступившие сумерки неплохо скрывали их. Сосредоточенный капитан решительно объявил, что действовать начнут сейчас же, не дожидаясь ночи, когда бдительность часовых еще ослаблена неулегшейся дневной суетой. Никто не возразил командиру, разведчики внимали каждому его слову и все исполняли молча и в точности. Ивановскому же в этой диверсии все было ново и необычно, он целиком полагался на капитана и тоже старался поточнее выполнять все его команды.

- Как раз кстати снежок, – сказал лейтенант, уstraиваясь подле Волоха.

Тот повернул недовольное, озабоченное лицо.

- Не очень-то кстати. Нас не видать, но и мы ни черта не видим.

Трудно было угадать, как лучше, однако снег не переставал, и капитан решил действовать. Четверых с трофейным пулеметом МГ под началом Ивановского он оставил на опушке с задачей прикрытия на случай неудачного отхода, а сам с двумя разведчиками, забрав гранаты, отправился к рощице. Никакого прощания не было, просто Ивановский проводил их несколько задержавшимся взглядом, пока все трое один за другим не исчезли в сгустившихся, мельтешащих сумерках. Тихонько зарядив пулемет, он остался ждать на опушке.

Какое-то время впереди было темно и тихо, медленно тянулись минуты тягостного, напряженного ожидания. Мысленно Ивановский следовал за капитаном, живо представляя себе, как тот преодолевал открытый участок поля, подходил к опушке. Наверно, потом он остановится, чтобы осмотреться. Но что это?..

Из ветреной снежной тьмы вдруг донесся какой-то странный крик, за ним следом – второй, и, прежде чем Ивановский успел сообразить что-либо, круша все сомнения, бабахнул близкий винтовочный выстрел. Тут же вспорхнувшая над верхушками сосен ракета немного осветила на белой земле – снегопад густо заткал ночное пространство, но Ивановский понял: замысел капитана сорвался.

Наверное, надо было прикрывать отход, может, отвлечь огонь на себя, но он не знал, где капитан и почему тот ни единым выстрелом не ответил на огонь часовых. Однако, когда откуда-то от дороги вдоль опушки рощи стеганули трассирующие пулеметные очереди, он не сдержался и ударил из МГ навстречу, наугад, в то место во тьме, где возникали эти светящиеся трассы. Он с нетерпением ждал появления Волоха и выпустил лишь одну очередь по немецкому пулеметчику – у них маловато было патронов, всего одна лента, надо было экономить. Он ждал, что вот-вот три

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru знакомых силуэта вынырнул из темноты, и тогда они пустятся прочь от этой проклятой базы. Но шли минуты, а из темноты никто не выскакивал, и лейтенант вынужден был ждать. Рядом в снегу лежал его боец Толкачев; окликнув его, Ивановский махнул в сторону роши, и тот, вскочив, послушно побежал в затканное снегопадом поле.

Ракеты над рошей горели не переставая, фланговые трассы неслись куда-то в определенное место, наверно, немецкий пулеметчик знал, куда метил. Ивановский с колена еще выпустил очередь наугад, и тогда весь этот недалекий край роши загрохотал выстрелами – похоже, охрана заняла оборону и всерьез отражала нападение. В таком случае, не мешкая, следовало отходить. Но капитана все не было, и недоброе предчувствие сдавило Ивановскому горло.

Он сразу заметил чье-то появление в поле, в неверном мерцающем свете ракеты сквозь снег впереди мелькнула шаткая тень; в то время как другая упала, эта мгновенно выросла до гигантских, на все поле, размеров; облетая ее, с двух сторон на опушку неслись пулеметные трассы. В несколько прыжков тень, однако, достигла опушки, и сквозь шум стрельбы Ивановский услышал:

– Капитана убило!

– Стой! – крикнул он и вскочил сам. – Стой!

Это был боец фартучный, в общем неплохой разведчик, может, даже больше других любимый капитаном Волохом, но теперь, охваченный непонятным испугом, он сломя голову мчался из-под огня. Сообщенная им весть о несчастье, однако, не могла сразить лейтенанта, тот ничего хорошего уже не ждал; правда, чтобы погиб капитан Волох, он не мог себе даже представить.

– Стой! Назад!

Сам он, подхватив пулемет с тяжелой, свисавшей до самого снега лентой, бросился в поле. Осклизаясь на присыпанных снегом неровностях, минуту бежал в ту сторону, откуда появился фартучный. Не оглядываясь, он знал, что фартучный вернется и побежит за ним, иного не могло быть. Ракеты светили, казалось, со всех сторон, Ивановский уже не скрывался от них и с короткой остановки запустил длинную очередь по опушке роши, чтобы вынудить немцев побережиться, залечь. В этот момент фартучный проворно обогнал его и тотчас скрылся впереди за снежной завесой.

Ивановский тоже вскочил с колена, чтобы бежать за бойцом, но при свете вспыхнувшей над полем ракеты увидел несколько близких теней, которые, пригнувшись, бежали от дороги вдоль складской изгороди. Испугавшись, что они перехватят фартучного, он второпях запустил по ним последней своей очередью и, когда опустевший конец металлической ленты выскочил в снег, бросил ставший ненужным ему пулемет и выхватил из кобуры ТТ. Но он уже увидел своих – двое, пригнувшись, с усилием волокли третьего. Не дожидаясь, пока потухнет ракета, он подбежал к ним.

– Жив?

– Где там! Убит! – крикнул фартучный. – Проклятый часовой! Надо же...

Отстреливаясь, они изменили направление, долго бе

жали в кустарнике и, лишь уйдя километра на три, в каком-то леске перевели дыхание. Капитан был убит наповал, нести его с собой не имело смысла, и они, торопливо разрыхлив ножами мокрую, с листвою землю, выгребли ямку и кое-как присыпали в ней командира. Пропал также один из разведчиков, уходивший с Волохом; было неизвестно, то ли он тоже убит там, то ли, может, отбился куда в сторону. Но ждать они не могли, с каждой минутой сзади могла появиться погоня, уйти от которой с раненым фихом было непросто.

Проклиная злосчастный склад и их сегодняшнее невезение, Ивановский повел маленькую группу на север – прочь от этой злополучной роши, полыхавшей в ночи ракетами, отсветы которых еще долго сопровождали бойцов. На душе у лейтенанта было муторно, то и дело подступала злость и донимало отчаяние. Нет, он не осуждал капитана, наверно, сам на его месте поступил бы так же. Но было до слез обидно, что нелепая слепая случайность так здорово пособила немцам. Не наткнись

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru в снегопаде Волох на часового, наверно, все бы вышло по-другому...

Значит, надо осторожнее. Надо действовать во сто крат осмотрительнее, тем более ему, Ивановскому, который теперь был ответствен не только перед самим собой...

Глава четвертая

Миновав лес, лейтенант опять вывел группу на равнинную приречную пойму, и лыжники утомительно долго шли по прямой, никуда не сворачивая. Здесь уже не было ни подъемов, ни спусков, лыжня шла ровно, по глубокому снегу, и Ивановский все время с заметным усилием налегал на палки. Лыжи в рыхлом снегу зарывались глубже, чем следовало для быстрой ходьбы, скольжение было неважным. Прокладывая лыжню, командир брал на себя наибольшую в данном пути нагрузку и где-то к полуночи почувствовал, что стал выдыхаться. На нем уже все было мокрым, белье не просыхало от пота, горячее дыхание распирало грудь, стала донимать жажда. Но он не хотел есть снег, знал: влага обернется излишним потом, а это лишь уменьшит выносливость и никак не прибавит сил, которых ему понадобится еще ой как много.

Быстро шло время, а Дюбин все не догонял группу, и лейтенант терялся в догадках: что с ним случилось? Но, видно, надо перестать о нем думать – если не догнал раньше, то теперь не догонит: они отмахали половину пути, если не больше. У лейтенанта всякий раз сжималось сердце от мысли, что их становилось все меньше. Еще не дошли до места, а уже четверых не стало. Но он не мог, просто не имел права терять время на поиски или ожидание.

Ивановский намеренно редко поглядывал на часы, он начал бояться неумного хода времени и все свои силы вкладывал в бег, стараясь не очень отвлекаться на прочее. Наверно, по этой причине он как-то не сразу заметил, что значительно усилился ветер, у ног закрутила поземка, кажется, начал идти снег. Несколько сильных порывов ветра так стегнули снежной крупой по лицу, что лейтенант задохнулся. Вокруг стало темней и глуше. И без того узкое ночное пространство еще сузилось, растворилось в серых ненастных сумерках. Ночных пятен по сторонам значительно убавилось. А тут еще и ветер ударил снегом в лицо, похоже, начиналась вьюга. «Не вовремя», – тревожно подумал лейтенант, сильнее заработав палками. Лыжи его уже совсем утопали в снегу, выставляя на поверхность лишь острия загнутых носков. Стараясь выдерживать направление, Ивановский почти не глядел вниз на снег, надо было как можно дальше видеть в ночи, в этом состояла одна из его обязанностей направляющего. Другие наблюдали по сторонам: замыкающий Лукашов отвечал за безопасность с тыла. Разумеется, в этой темени легко было напороться на немцев, но больше, чем неожиданной встречи с ними, он боялся опоздать. Метель или ведро, а к утру, еще затемно, они должны быть на месте. Днем им там делать нечего.

Но видно, река опять ушла в сторону, впереди засерело что-то громадное, неровным туманным бугром проступившее из тьмы. Вьюга всю гуляла над полем, и сквозь нее невозможно было определить, что это такое. Тем не менее оно было как раз на пути группы, Ивановский понял это сразу. Он теперь чаще, чем прежде, прикладывался к компасу, выверяя маршрут. Сзади ни на шаг не отставал Судник, держались поблизости и остальные.

То, что еще издали привлекло их внимание, вблизи оказалось какой-то постройкой – окраинной усадьбой деревни или каким-нибудь хутором. Соблазнительно было завернуть туда хотя бы напиться, но Ивановский, поняв, что перед ним, сразу взял в сторону, в обход. Он суеверно боялся всего, что могло отвлечь их от главного теперь дела и отобрать время.

В ненастье завьюженного пространства трудно было определить, на каком расстоянии от них был этот хутор. Всего какую-нибудь минуту он темнел в стороне и уже готов был исчезнуть, как сквозь метель откуда-то донесся крик. Лейтенант не сразу понял, кто и даже на каком языке кричит, но затем от построек послышался лай собаки. Не ожидая ничего хорошего, Ивановский сильно оттолкнулся палками, делая решительный рывок в сторону, и тотчас ветреную тишь ночи разорвала приглушенная вьюгой пулеметная очередь. Трассирующие светляки пуль прошли сумерки над головой, чиркнули по самому снегу и унеслись прочь. Вздвогнув от неожиданности, лейтенант пригнулся и изо всех сил рванул дальше, вперед, в темень. Откуда-то сбоку сквозь вьюгу вдруг вспыхнул свет, снежинки густо забелели в его неярком пятне, но это не была ракета – скорее, где-то включили фары. И снова в воздухе пронеслись огненные жгуты пуль – густая, длинная очередь с широким рассеиванием

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
прошла по полю. Лейтенант оглянулся на лыжников – Судник, как и всегда,
держался вплотную; за ним, пригибаясь, быстро шли остальные.

Неяркий дальний свет фар все-таки заметно подсвечивал поле, вырывая из серой
тьмы белые силуэты людей; с хутора, наверно, их можно было заметить. Когда
совсем близко снова засверкали трассы, он негромко крикнул: «Ложись!», почему-то
больше всего испугавшись за ношу Судника, и сам мягко упал набок. Но он опоздал.
Лежа в снегу, он уже чувствовал, что ранен, ногу коротко обожгло выше колена,
теплая мокрая начала расплываться в брюках. Но особенной сильной боли он не
почувствовал, сжав зубы, подвигал ногой – вроде терпимо. Рядом, трудно дыша,
втиснулся в снег Судник.

– Бутылки! Бутылки береги! – громко шепнул он бойцу, опять с необычайной
отчетливостью понимая, если попадут в бутылки, все они тут же погибнут. Судник
лежа стащил со спины вещмешок, вмял его в снег, прикрывая собой опасную для всех
ношу.

Как только трассы погасли, лейтенант сделал попытку вскочить на ноги и, к
радости своей, обнаружил, что нога слушается. Пригнувшись на лыжах, он снова
рванул в ночь – изо всех сил в сторону от очередей и слепящего света фар.
Хорошо, порывы ветра со снегом все-таки скрывали их даже в подсвеченном дальним
светом пространстве, и он проскочил еще метров сто. Хутора уже вовсе не было
видно, фары, помигав вдали, как-то потускнели, но по-прежнему светили сюда.
Новая очередь прошла темноту сзади, но ее трассы ушли далеко в сторону.

Кажется, они вырвались из самой опасной зоны. Лейтенант спохватился, что
оторвался от своих, оглянулся. Сзади кто-то нерешительно копошился в сумерках,
но не догонял – по-видимому, они сбились с его лыжи. Тогда он придержал лыжи,
присел, тихонько окликнул бойца и медленнее, чем прежде, заскользил в темноту,
прочь от этого проклятого хутора.

Скоро он наткнулся на опушку леса или кустарника и остановился: надо было
собрать бойцов. Нога болела все больше, но боль пока была терпимой, видимо, пуля
задела лишь мякоть. Хутор молчал. Совсем рядом темнел голый, засыпанный снегом
кустарник, в котором чернели молодые елочки – в случае чего там можно было
укрыться.

Ивановский не переставал удивляться бдительности немцев. Хотя, кажется, выдали
его собаки. Глупые псы, разве они знали, на кого лаяли. Впрочем, было бы хуже,
если бы он вовремя не отвернул от этого хутора. Все-таки они его обошли, хотя,
по-видимому, и не настолько далеко, чтобы их не заметили. А теперь что же
делать? Он чувствовал быстро усиливающуюся боль в ноге, в брюках стало совсем
уже мокро, намочила даже портянка в сапоге, надо было перевязать. Но он молчал и
не двигался – он ждал, пока подойдут остальные.

Первым из темноты неожиданно вынырнул Судник, потом появилась тонкая фигура
Пивоварова; несколько позже, пригибаясь и размашисто работая палками, примчались
из метели еще двое. Все остановились возле командира и настороженно оглядывались
назад. Порывистый ветер крутил в воздухе редкой снежной крупой, осыпая его лыжи,
маскхалаты, лица бойцов.

– Кого еще нет? – тихо спросил лейтенант.

– Хакимова нет, – сказал Лукашов, не оборачиваясь.

Все вглядывались в сторону злополучного хутора.

– Сволочи! И как они учуяли? Кажется, так тихо шли, – выругался Краснокуцкий.

– Вот еще бедствие – псы эти. Добро бы немецкие, а то, поди, наши, русские.

– Под немцем все псы немецкие. Тут они нам не товарищи.

Лейтенант едва стоял, расслабив раненую ногу, и молчал. Он все более мрачнел,
сознавая свое положение и тревожась из-за продолжительного отсутствия Хакимова.
Было совершенно ясно, что эта задержка им дорого обойдется, но и оставить бойца
он тоже не мог. И лейтенант после недолгого ожидания спросил Лукашова:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Где он исчез? Когда лежали или потом упал?

– Как лежали, был. А потом не углядел вот.

– Езжайте и найдите. Мы здесь ждем.

Лукашов молча двинулся в метель, а Ивановский постоял немного и свернул на опушку, зашел за молодые, обсыпанные снегом елки. Здесь крутило, словно в аэродинамической трубе, – тучи снега вихрем носились в темени, со всех сторон задувал ветер. Лейтенант быстро развязал тесемки маскхалата, расстегнул брюки. Холодные руки сразу ощутили загустевшую кровь, он разорвал шуршащую обертку пакета и туго перетянул ногу повыше колена. Было чертовски больно, но он вытерпел, подавил вздох и быстро оделся. Снегом тщательно вытер руки – никто не должен заметить, что он ранен, это теперь ни к чему, тем более что рана пустяковая, в общем. Придется потерпеть молча.

Черт, как все произошло несуразно, прямо-таки хуже некуда. На ум сразу пришло народное поверье, что дело с неудачным началом обречено на еще худший конец. У него началось куда как неудачно. Что же будет в конце?

Припав к земле, бойцы терпеливо ждали, сжимая в руках забинтованные стволы оружия. Он тоже подождал немного, потом вынул часы. Те исправно, как ни в чем не бывало делали свое дело, показывая половину третьего. Минула большая часть ночи. Немало прошли и они, но километров двадцать еще оставалось. Если только он не потерял направления. Заметавшись под этим обстрелом, он ни о каком направлении, конечно, не думал; теперь надо было исправлять положение.

Он сориентировал компас. Визир, установленный на двести десять градусов, указывал в кустарник. Во тьме выжженной ночи ни зги не было видно, и он решил, что, по-видимому, придется продирааться сквозь заросли. Иначе недолго совсем заплутать. Или попасть в лапы к немцам.

– Тсс!

Из мрака донесся чей-то слабый неясный голос. Краснокуцкий поднялся на лыжи и, пригнувшись, шагнул куда-то. Минут пять оттуда больше ничего не было слышно, а потом во тьме что-то мелькнуло и завозилось, белое и неуклюжее. Ну конечно, двое, согнувшись, волоком тащили Хакимова.

Они все разом вскочили на ноги, схватились за палки. Но помощь уже не понадобилась. Лукашов с Краснокуцким дотащили Хакимова и тут же упали коленями в снег. Лукашов, устало дыша, сказал:

– Вот. Едва нашел. Палка одна воткнута была. Его палка. Смотрю, торчит. А он через десять шагов. Уже снегом заметать стало.

– Что, жив? – спросил лейтенант.

– Жив, но плох. В спину его ударило. И в живот, кажется.

Час от часу не легче. Еще один! Несчастный Хакимов. Такой старательный, подвижный, внимательный парень. Он с первой встречи понравился командиру: немногословный, сообразительный. Но что же теперь с ним делать?

– Так. Быстро перевязать!

– Я тут немного обмотал. По кухвайке. Без памяти он...

Пока двое возились в снегу, перевязывая раненого, Ивановский, расслабив простреленную ногу, растерянно смотрел в темень. Конечно, Хакимова придется тащить с собой. Но как? И до каких пор? И что делать с ним завтра? Все было трудно, неясно и очень скверно, но лейтенант старался не выдать своего затруднения. В том деле, на какое они шли, он должен знать все, все уметь и быть для других воплощением абсолютной уверенности.

– Так. Перевязали? Делайте связку из лыж. Что, не знаете как? Пивоваров, давай палатку! – с деланной бодростью закомандовал лейтенант.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Да разве утащишь так? – усомнился Краснокуцкий.

– Утащишь. Снимай с винтовки ремень. Давай кто брючный свой. С него тоже все ремни снимите. Заберите патроны. Все, все. И гранаты тоже. Судник, заберите гранаты. Теперь берите вдвоем. Один за ремень, так. Вы, Пивоваров, страхуйте сзади. Смелее, смелее, не бойтесь.

Кое-как уложив на связку лыж раненого, они поволокли его на опушку. Получилось не ахти как – громоздко и неустойчиво, лыжи разъезжались на снегу, а тело раненого все время норовило завалиться на бок. Сзади тянулась глубокая борозда в снегу. Неизвестно, как далеко можно было так тащить.

Но другого выхода у них не было. Отсюда к своим не отправишь, а оставить негде. Конечно, теперь придется повозиться. Теперь уже вряд ли они успеют к утру...

Они нерешительно полезли в кустарник. То и дело останавливались, поправляли лыжи, едва удерживая на них Хакимова. Тащил Краснокуцкий; Пивоваров, согнувшись, подталкивал и придерживал. Лукашов, идя сзади, иногда помогал, тихо понукая обоих. Лейтенант, то и дело оглядываясь, шел впереди.

К счастью, кустарник не завел их в лес, как того опасался Ивановский, и спустя полчаса они снова оказались в поле. Ветер здесь еще усилился, гуляла поземка. Насквозь пересыпанные снегом, они выбрались на чистое и остановились, чтобы осмотреться и перевести дыхание.

– Так что же делать, лейтенант? – озабоченно выпрямился сзади Лукашов.

– Так мы его и будем тащить?

– А что делать? Что вы предлагаете? – с нескрываемым раздражением спросил лейтенант.

– Может, оставили бы где? Если в деревне какой? Или, скажем, в сарае?

– Нет, не оставим, – твердо сказал Ивановский. – Перестаньте об этом и думать.

– Ну что ж, нет так нет, – вдруг согласился Лукашов. – Только далеко ли уйдем так?

– Надо быстрее, – встрепенулся лейтенант. – Изю всех сил быстрее! Поняли?

Не оглядываясь и заметно припадая на правую ногу, он пошел в темень. За ним тронулись на лыжах остальные.

Все подавленно и устало молчали.

Глава пятая

Прежний темп этой сумасшедшей гонки был безвозвратно утерян, который час они брели в метели, как сонные мухи, и лейтенант заботился лишь о том, чтобы не потерять направления. То и дело он останавливался, надо было свериться с компасом и подождать волокушу с Хакимовым. Краснокуцкий с Пивоваровым выбивались из сил. Да и сам лейтенант шатался от усталости, в голове пьяно кружилось от ветра, тяжело давило на плечи оружие, все сильнее болела нога. Но он по-прежнему шел впереди, и Судник, на удивление, от него не отставал. Боец был нагружен сверх всякой меры: кроме своих бутылок, нес еще три килограммовые гранаты Хакимова, его винтовку, которую они не решились бросить, и его вещмешок.

Как-то в темноте им попался в пути занесенный снегом стожок, завидя который лейтенант свернул с прямой и через минуту обессиленно ткнулся плечом в пересыпанное снегом, но по-прежнему пахнущее летом и солнцем сено. Ноги его на лыжах как-то скользко поехали в сторону, и он мягко сполз телом в запорошенный снегом сугроб. Несколько секунд тихо лежал в сладостной неподвижности, зажмурившись и ощущая, как все под ним закружилось в каком-то сонном, бездумном вращении. Испугавшись, что тотчас уснет, он огромным усилием воли заставил себя подняться.

Нет, кажется, никто не заметил этой его минутной слабости, которой он устыдился

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru в тот момент больше чего-либо другого. Тем временем пришел к стожку Судник, подтащили палаточную волокушу с Хакимовым. Последним тоже устало выполз из сумерек Лукашов. Все молча попадали под стожок.

– Много еще? – с трудом выдавил замыкающий.

– Немного, немного, – с деланной бодростью сказал лейтенант. – Но надо спешить. Там шоссе, его мы должны перейти до рассвета. Днем ничего не выйдет.

– Так, все ясно, – сказал Лукашов. – Тогда потопали.

– Да, надо идти, – подтвердил лейтенант, однако не находил в себе сил сразу оторваться от мягкого бока стожка.

– Ну, взяли саночки. Раз, два! – скомандовал Лукашов, и лейтенант не в первый уже раз мысленно отметил, что этот сержант все увереннее стал командовать в группе. Он и в пути все покрикивал на остальных, подгонял, указывал. Занятый определением маршрута и наблюдением за местностью впереди, Ивановский до сих пор просто не думал, хорошо это или плохо. Впрочем, как замыкающий сержант вполне его устраивал. Замыкающий из него был отличный, у такого наверняка никто не отстанет.

– Так, встать! Встать! – негромко, с привычной настойчивостью понукал Лукашов, сам уже ставший на лыжи и готовый двинуться.

Краснокуцкий с очевидным усилием поднялся, закинул за плечо ремennую лямку от волокуши. Один Пивоваров остался сидеть, привалясь боком к стожку, и не шевелился.

– Ну а ты что? Особого приглашения ждешь? Пивоваров!

Пивоваров слабо поворотился и не встал.

– Что это с вами? – спросил лейтенант.

– Я не могу, – с обезоруживающей откровенностью сказал боец.

– То есть как – не могу?

– Не могу. Оставьте меня.

– Вот это да! – удивился Ивановский. – Ты что, шутишь?

– Дурит он, а не шутит, – убежденно сказал Лукашов и прикрикнул: – А ну встать!

Тонкий, слабосильный Пивоваров, видно, не рассчитывал на такую дорогу и уже дошел до предела в своих и без того не очень больших возможностях. Вряд ли из него можно было еще что выжать, но и оставлять его под этим стожком тоже никак не годилось.

– А ну поднимайтесь! – строго скомандовал Ивановский. – Сержант Лукашов, поднимите бойца!

Он не мог ничего другого, кроме как по всей строгости употребить свою власть, – только она одна и могла тут подействовать. Лейтенант, разумеется, сознавал всю бессердечность своего далеко не товарищеского требования, понимал, что этот, в общем, послушный и исполнительный боец заслуживал лучшего с ним обращения. Но в этой дороге Ивановский перечеркнул в себе всякую дружескую сердечность, оставив лишь холодную командирскую требовательность.

Лукашов подступил к бойцу и вырвал из снега палку.

– Слышал? Встать!

Пивоваров расслабленно зашевелился, начал вставать, как бы раздумывая, едва превозмогая в себе усталость, и Лукашов вдруг вскипел:

– Кончай придуриваться! Встать!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Сильным рывком за ворот сержант попытался поднять бойца на ноги, но Пивоваров лишь завалился на спину, вскинув вверх ногу с лыжей. Лукашов дернул еще – боец серым бессильным комком скорчился в поднятом им снежном вихре.

Не осилив в себе странного, не в ладу с его желанием вспыхнувшего чувства, лейтенант резко перекинул на разворот здоровую ногу.

– Отставить! Лукашов, стой!

– Чего там стой! Нянькаться с ним...

– Так, тихо! Он не притворяется. Пивоваров, а ну... Пару глотков...

Ивановский снял с ремня флягу, всю дорогу береженную им на потом, на завтрашний день, который, по всей видимости, придется провести в снегу и неподвижности, да еще на обратный путь, а он, вполне возможно, будет похуже этого. Даже наверняка будет хуже. По крайней мере, их теперь не преследовали, их просто еще не обнаружили, ночь и метель надежно скрывали их след. А что будет завтра? Вполне может случиться, что завтра они будут с нежностью вспоминать эту обессилившую их ночь. Но как бы там ни было сегодня, а не дойдут в срок – просто не будет у них никакого завтра.

Пивоваров несколько раз глотнул из фляжки, посидел еще, будто в раздумье, и, пошатываясь, встал.

– Ну и хорошо! Давайте сюда винтовку. Давайте, давайте! А вещмешок возьмет Лукашов. Возьмите, сержант, у него вещмешок. Совсем мало осталось. Самый пустяк. До рассвета укроемся в ельничке, разведаем, высмотрим и вечерком такой тарарам устроим. На всю Смоленщину! Только бы вот Хакимова дотащить. Как он там, дышит?

– Дышит, товарищ лейтенант, – сказал стоявший в своей ременной упряжке Краснокуцкий. – А может, оставить бы, а, товарищ лейтенант? Зарыли бы в стожок...

– Нет! – жестко сказал Ивановский. – Не пойдет. А вдруг немцы? Тогда как: нам жить, а ему погибать? Что тогда генерал скажет? Помните, он наказывал: держитесь там друг за дружку, больше вам не за кого будет держаться.

– Так-то оно так, – вздохнул Краснокуцкий. – Да только бы не напрасно тащили...

Это верно, подумал Ивановский, вполне возможно, что и напрасно. Скорее всего именно так и будет – сколько времени боец не приходит в себя. Да еще эта тряска, холод, зачленеет, и все. А бойцы, которые тащат его, могут выдохнуться раньше, и тогда всем будет плохо. Ивановский, не признаваясь даже себе, начинал смутно чувствовать, что Хакимов медленно, но верно волею фронтовой судьбы превращался из хорошего бойца и товарища в невольного их мучителя, если не больше.

А ведь это был их товарищ, которому лишь по слепой случайности выпало стать жертвой, подобной той, какой стали Шелудяк или Кудрявец. Но разница между Хакимовым и ими состояла в том, что те, погибая, оставили в их душах благодарность и скорбь, Хакимов же чем дальше, тем больше вызывал нечто совсем другое. В то же время было совершенно понятно, что вся его оплошность заключалась лишь в том, что его организм упорнее противостоял смерти. Наученный собственным горьким опытом, лейтенант понимал, какое это бедствие – раненый в группе. Теперь они, безусловно, опоздают, не смогут затемно перейти шоссе, застрянут в снегу на безлесье, где их легко могут обнаружить немцы. Но как Ивановский ни мучился от сознания столь безрадостной перспективы, он не мог допустить и мысли о том, чтобы оставить раненого. Долг командира и человека властно диктовал ему, что судьба этого несчастного, пока он жив, не может быть выделена из их общей судьбы. Они должны сделать для него все, что сделали бы для себя. Это было законом для разведчиков Волоха, таким оно останется и в группе Ивановского.

Как и все в группе, ее командир совершенно вымотался за эту чертовски трудную ночь. Превозмогая несильную, но ежесекундную боль, он едва двигал раненой ногой. Тем не менее, скрыв от остальных свое ранение, он оставался в глазах бойцов равным со всеми в своих физических возможностях, и это без скидки налагало на

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru него равные с прочими обязанности. С некоторых пор он начал чувствовать в себе некоторую неловкость оттого, что, вынуждая других на сверхчеловеческий труд, сам шел налегке, взяв в качестве дополнительной ноши лишь винтовку Пивоварова. Долг товарищества требовал честно разделить с остальными все тяготы.

Они обошли опушку хвойного леса и снова двигались речной поймой, которая казалась Ивановскому относительно безопасным участком пути. На карте здесь значились только луга, кустарники или болота, деревень поблизости не было, и встреча с немцами была наименее вероятной. Две переметенные снегом дороги они перешли благополучно, теперь оставалась последняя – большое и, конечно, никогда не пустующее фронтовое шоссе, перейти которое возможно лишь ночью. Но до шоссе еще было километров пять, и лейтенант, шатаясь от усталости, подождал в темноте Краснокуцкого.

– Ну как?

– Да вот скоро вытянусь. Дали бы глотнуть, что ли?

Лейтенант дал ему флягу, тот сделал несколько затяжных глотков.

– Ну лучше?

– Вроде бы. Скоро зашабашим?

– Скоро, скоро. Давайте помогу. Вдвоем потащим.

– Да ну какое вдвоем! Только маяться будем. Уж я как-нибудь... Вроде буран стихает.

Лейтенант огляделся и, к удивлению своему, обнаружил, что буран действительно почти стих. Черное небо поднялось, отслоясь от земли, внизу лежало спокойное белое поле, странно всплывшее сочной ночной белизной, по сторонам опять проступила кружевная вязь кустарников с редкими кляксами молодых елочек. По-видимому, близилось утро. Отекшей рукой Ивановский достал из кармана часы – было четверть седьмого.

– Ого! Еще рывок, и конец. Привал до самого вечера.

Новое беспокойство на короткое время придало сил, и лейтенант энергично задвигал лыжами. Шли вдоль низкорослого, черневшего на снегу верболоза. Не унималась вспыхнувшая досада оттого, что так не вовремя стихла метель, которая теперь была бы куда как кстати. Без нее перейти шоссе будет труднее, тем более если они запоздают. По всей видимости, им не хватает какого-нибудь часа темноты, и этот час может решить все. Генерал в коротком напутствии перед выходом настойчиво советовал максимально использовать темноту – только ночь сулила им какую-то надежду на успех; днем, обнаружив их, немцы, конечно, постараются истребить всех до единого. А ночью они еще смогли бы оторваться и уйти. Что это именно так, лейтенант отлично понимал без доказательств, но все-таки он был признателен генералу за его заботу и добрый совет, в которых чувствовалось что-то совсем не генеральское, а, скорее, отцовское по отношению ко всем им и к лейтенанту тоже. Безусловно, они тоже понимали, что на них возлагалось. С этой ночи они становились единовластными хозяевами своей судьбы, потому что в трудную минуту помочь им не сумеет никто – ни генерал, ни сам Господь Бог. Но всю дорогу в снежной круговерти этой суматошной ночи лейтенант нес в себе немеркнущий огонек благодарности генералу за его человеческое участие. Этот огонек грел его, вел и таил в себе желанную надежду на успех...

Три дня назад, околавываясь при штабе после выхода из немецких тылов, Ивановский более всего боялся попасть на глаза именно этому придирчивому, строгому и всевластному генералу, начальнику штаба. Да и не только он – многие в тихой лесной деревеньке, где размещался штаб, с немалой опаской проходили мимо его высокой, с резными наличниками избы. Генерал был беспощадно строг ко всем подчиненным, а здесь, разумеется, все, кроме разве командующего, находились в его прямом подчинении. Одному Богу было известно, за что он мог в любую минуту придрататься: генерал не терпел праздношатающихся, нарушителей формы одежды и маскировки, тех, кто не так быстро, как ему хотелось, исполнял или передавал приказание – мало ли за что может придрататься к подчиненному строгий начальник в

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru армии! Как-то Ивановский явился невольным свидетелем, как генерал распекал одного полковника за отсутствие каких-то данных на участке левого фланга и как после этого полковник, в свою очередь, разносил командира разведроты, две разведгруппы которого не возвращались из-за линии фронта, хотя миновали все сроки их возвращения.

Ивановский здесь был случайным, чужим человеком. За время своей не слишком продолжительной армейской службы ему не доводилось бывать нигде выше штаба дивизии, и теперь он с интересом наблюдал в общем тихую и довольно мирную жизнь этого тылового учреждения. Раза два, впрочем, в деревне поднимался переполох – налетали «юнкеры»; сброшенные с них бомбы, однако, особого вреда не причинили, только разрушили пустующий сарай и убили на улице оседланную верховую лошадь. В остальном все здесь шло мирно и спокойно, разве что иногда начштаба начинал обходить отделы, и тогда все эти полковники, капитаны и их кропотливые писари приходили в состояние кратковременной тревоги и сумятицы. Но, наложив пару взысканий, кое-кому выговорив, а кое на кого накричав, генерал скоро уходил, и в штабе опять все шло как обычно.

Перейдя линию фронта, лейтенант появился здесь с двумя уцелевшими разведчиками, так как после гибели капитана Волоха счел своей обязанностью доложить обо всем, что произошло за две недели их блуждания по немецким тылам. Но озабоченные своими делами штабные начальники отнеслись к нему без особого внимания, и это его задело. Слишком свежа была в его сознании боль многих утрат, смерть Волоха, все их невероятные испытания там, в тылу у немцев, чтобы он так просто мог примириться с этим невниманием закопавшегося в свои бумаги начальства. Он пришел в избушку разведотдела к белокурому молодому полковнику и с ходу начал было излагать ему суть дела, но тот долго и невидяще глядел на него, явно при этом думая о другом. Потом полковник бесцеремонно оборвал рассказ лейтенанта и приказал все изложить письменно. Попутно он спросил, прошел ли лейтенант спецпроверку в Дольцево, где находился сборный армейский пункт для фильтрации выходящих из немецкого тыла окруженцев.

Ивановский обиделся. Он сказал белокурому полковнику, что Дольцево от него не уйдет, а вот немецкий склад боеприпасов может уйти, и тогда все их усилия и все жертвы, в том числе и гибель замечательного разведчика капитана Волоха, будут считаться напрасными.

– Как напрасными? – кажется, впервые чему-то удивился полковник и оторвал карандаш от бумаги, на которой старательно вычерчивал какую-то сложную, со множеством граф таблицу.

– Очень просто, – сказал лейтенант. – Погибли без результата. Ни за понюх табаку.

– Вот как! – сказал полковник и встал, одергивая гимнастерку и поигрывая под ней завидно развитой мускулистой грудью. – Вы из какой, сказали, дивизии?

Ивановский назвал дивизию и полк. Полковник поморщился.

– Это какой же армии? Это даже не нашего фронта. Так не пойдет, пишите объяснение.

Пришлось все-таки приниматься за объяснение. Он сочинял его двое суток, хоронясь от придирчивого генерала, который как раз приехал с передовой и по обыкновению после недолгого отсутствия наводил в штабе порядок. Ивановский приютился на время в штабном АХО, с писарем которого накануне распил фляжку шнапса, и тот великодушно разделил с «ничейным» лейтенантом свою кровать в полуразрушенном пустующем доме. Правда, вдобавок к фляге пришлось одарить гостеприимного писаря трофейным зеркальным компасом и навсегда расстаться с изящной зажигалкой-монахом. Но за два дня он составил пространный отчет размером в две школьные тетради в клеточку. Наверное, он бы написал его и быстрее, если бы полдня накануне не пришлось урвать от работы для вынужденного визита в особый отдел этого штаба. Но все обошлось благополучно.

Когда он принес свое сочинение, белокурый полковник был, видно, не в духе. Размашистым точным движением он, не глядя, перебросил тетради на стоявший по соседству стол, за которым сидел над бумагами бровастый майор.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Ковалев, вот займитесь. Мне некогда.

Но Ковалев тоже не мог по какой-то причине прочесть это сразу, и лейтенанту ничего более не оставалось, как удалиться и ждать в своей развалюхе. Он уже вскинул было руку к пилотке, чтобы получить разрешение на уход, как дверь в избу широко распахнулась и на пороге, нагибая под притолокой голову, появился тот самый, кого он больше всего боялся здесь встретить. Командиры вскочили за своими столами, а Ивановский только развернулся всем корпусом да так и замер с поднесенной к пилотке рукой.

Наверное, его затрапезный, непривычный здесь вид – Ивановский был в писарской телогрейке, без знаков различия на ней и в засаленной суконной пилотке, а все командиры штаба ходили в добротных цигейковых шапках – показался необычным и остановил на себе острый взгляд генерала.

– Кто такой? – тоном, не обещавшим ничего хорошего, спросил он, обращаясь к полковнику.

– Лейтенант Ивановский, командир взвода такого-то полка такой-то дивизии, – с деланной лихостью и сразу упавшим голосом отрапортовал лейтенант.

– Какой, какой дивизии?

Ивановский твердо повторил номер своей дивизии.

– Не знаю такой. Что вы здесь делаете?

– Он из окружения, – сказал полковник, стоя перед генералом и всей своей импозантной фигурой являя подчеркнутую почтительность с легким оттенком какой-то фамильярной вольности.

Ивановский же окаменело застыл навтыжку, впервые в жизни разговаривая с таким высоким начальством.

– Окруженец? Почему здесь? Почему не в Дольцеве?

Новое упоминание о ненавистном Дольцеве опять неприятно задело лейтенанта, но теперь это чувство задетости тут же и помогло ему освободиться от сковавшей его неловкости.

– Я здесь по поводу немецкой базы боеприпасов, товарищ генерал.

– Новое дело! – сказал генерал, не проходя к столу и стоя вполоборота к лейтенанту. Взгляд его придирчивых глаз не сходил с вытянувшейся фигуры Ивановского. – Что за база? Где? Откуда вам про нее известно? Вы разобрались, полковник?

– Разбираюсь, товарищ генерал, – совершенно иным тоном, чем разговаривал до сих пор, сказал полковник.

Этот его тон человека, говорящего не совсем то, что имело место в действительности, вынудил лейтенанта на новую по отношению к нему дерзость.

– Полковник не хочет разбираться, товарищ генерал, – выпалил Ивановский. Генерал метнул острый вопросительный взгляд в сторону лейтенанта, потом – полковника. И лейтенант, чувствуя, что тут что-то раз и навсегда решится, добавил: – Артиллерийская армейская база в шестидесяти километрах отсюда. Несколько эшелонов боеприпасов, охрана минимальная, вокруг проволочный забор в один кол. Можно уничтожить.

– Вот как? Вы уже и разведали? – сказал генерал и повернулся к нему всем корпусом в распахнутом полушубке, из-под белых бортов которого коротко блеснула эмаль орденов. Голос его уже оттаивал, лейтенант с радостью отметил это и тут же решил выложить все напропалую.

– Запросто можно взорвать. Или сжечь. И наступающие на Москву немцы останутся поэтому без боеприпасов.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Он тотчас пожалел о своей опрометчивости, видимо, сразу охладившей только что вспыхнувший к нему интерес генерала, который что-то неопределенное буркнул в воротник полушубка и опустилсь возле стола на скамейку. Остальные остались стоять на своих местах.

– Говоришь, запросто? Пых – и немецкие войска без снарядов? Так, что ли?

– Не совсем так, товарищ генерал, – пытался исправить свою оплошность Ивановский. – Мы уже пытались, но...

– Уже и пытались? Успели. Ну и что же?

– Двоих потеряли. В том числе капитана Волоха.

– Вот то-то, лейтенант... Как тебя? Ивановский. С кондачка не возьмешь, с головой надо. Но он молодец, – сказал генерал, обращаясь к полковнику. – Если так, пошлите его с группой. Дайте человек десять. Займитесь этим. И без промедления.

– Он без проверки, товарищ генерал, – тихо вставил полковник.

Генерал недовольно двинул бровями.

– Ерунда! Его уже проверяли. Немцы проверили. А это вот будет второй проверкой. Я скажу Ключину. – И, повернув голову к просиявшему лейтенанту, сказал, ободряюще повысив голос: – Готовьте группу, лейтенант. Вот с ним. Послезавтра доложите о готовности. Ясно?

– Есть! – не произнес, а почти по-ребячески восторженно выкрикнул Ивановский и, лихо козырнув, закрыл за собой дверь.

Назавтра ему повезло меньше. Полковник, к которому он снова пришел поутру, отправил его к какому-то майору Коломийцу, лейтенант прождал этого Коломийца полдня, и, когда наконец дождался и передал приказание полковника, тот тихо этак сразил его первой же фразой:

– А где я возьму людей? У меня никого нет, остался один ездовой.

Почувствовав, что опять все рухнет, Ивановский не стал больше ничего выяснять или доказывать, а, полный новой решимости, скорым шагом направился к высокому дому с красивыми ставнями. Конечно, его туда не пустили, он затеял глупую и безуспешную ссору с невозмутимым часовым у крыльца и просто уже был в отчаянии, когда дверь в избу внезапно распахнулась и на пороге появился сам генерал. Он не сразу узнал вчерашнего лейтенанта, и тому пришлось снова назвать себя и дрогнувшим голосом сообщить, что с организацией группы ничего не выходит. Генерал гневно сверкнул глазами, словно в этой неудаче был виноват сам Ивановский.

– Как не выходит?

– Нет людей, товарищ генерал. Полковник послал...

– Зименькова ко мне! – бросил он кому-то, кто стоял у него за спиной, и тот проворно скрылся в сенях, куда, ни слова больше не сказав, удалился и генерал. Ивановский остался стоять у крыльца один на один с часовым, который с молчаливым злорадством посматривал на него. «А все-таки не пройдешь», – было написано на его физиономии. Но лейтенант уже не рвался в эту просторную избу. Он покорно прождал минут двадцать, пока на крыльце не появился старший лейтенант в новом полушубке с маузером через плечо.

– Идите к капитану Зименькову и получите людей. Завтра в тринадцать ноль-ноль генерал ждет с докладом о готовности группы.

– Есть! – сказал Ивановский. Он не спросил даже, кто этот капитан Зименьков и где его искать, – пришлось разузнавать об этом у коноводов на улице. И действительно, к вечеру у него на руках уже был список из восьми бойцов и одного старшины; десятым в этом списке значился он сам.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
И лейтенант начал готовиться.

Кроме людей, надлежало получить боеприпасы, бутылки КС, взрывчатку, два метра бикфордова шнура. Четверо из девяти были в обтрепанных шинелишках без телогреек, нужно было их переобмундировать. Кто-то долго не хотел выдавать маскхалаты (на накладной не было подписи старшего начальника); за лыжами пришлось ездить в тыловую, за пятнадцать километров, деревню. Последнюю ночь перед выходом он едва прикорнул пару часов, поел только раз за день, выстоял на трех инструктажах, но в тринадцать тридцать все-таки привел группу к высокому с красивыми ставнями дому. На этот раз его беспрепятственно пропустили внутрь, и он с трепетной радостью доложил о готовности выполнить боевой приказ.

Генерал закончил телефонный разговор и положил трубку. Как был в меховом поперх гимнастерки жилете, молча вышел во двор, где, выстроившись по команде «смирно», ждали девять бойцов с Дюбиным во главе. Генерал молча прошелся перед этим строем, осмотрел все, и на его немолодом уже, в морщинах, с провалившимися щеками лице впервые за время своего пребывания в штабе Ивановский не обнаружил и следа пугающе начальственной строгости. Теперь это было просто усталое лицо обремененного многими заботами, плохо выспавшегося, пожилого человека.

– Сынки! – сказал генерал, и что-то в душе лейтенанта странно дрогнуло. – Все знаете, куда идете? Знаете, что будет трудно? Но нужно. Видите, метет, – показал он в низко нависшее облачное небо, из которого падал легкий снежок. – Авиация на приколе. На вас вся надежда...

Он и еще говорил, наставляя, как вести себя в трудную минуту в тылу, где уже никто, кроме товарища, не сможет тебе помочь. Но он мог бы и не делать этого – лейтенант имел достаточный опыт боевых действий в немецком тылу, накопленный за время двухнедельных блужданий по смоленским лесам. А вот его совершенно не начальнический, почти дружеский тон и его участливое отношение к их полным неизвестности судьбам с первых слов сразили лейтенанта, который с этой минуты готов был на все, лишь бы оправдать эту его человеческую сердечность. Даже сама смерть в этот момент не казалась ему чем-то ужасным – он готов был рисковать жизнью, если это понадобится для Родины и если на это благословит его генерал.

Наверно, так чувствовал себя не один он, а и другие в этом коротеньком строю во дворе, преисполненные внимания и решимости. И когда Ивановский, отдав честь, повернул группу на выход, в его душе неумолчным торжествующим маршем звучали фанфары. Он знал, что выполнит все, на что послан, иного не должно, а потому и не могло быть...

Глава шестая

Как лейтенант ни торопил бойцов на последних километрах пути, все же рассвет застал их в голом, белоснежном после ночной вьюги поле, на подходах к шоссе.

Пользуясь предрассветными сумерками, Ивановский прошел еще километр. Со все возрастающим риском он приближался к едва заметной на склоне нитке дороги, как вдруг увидел на ней спускающиеся с пригорка машины. Лейтенант чуть не вскрикнул с досады – не хватило каких-нибудь пятнадцати минут, чтобы проскочить на ту сторону. В утешение себе он сначала подумал, что машины скоро пройдут, и они действительно быстро скрылись вдаль, но следом появился какой-то конный обоз, потом в обгон его выскочили из-за пригорка две черные приземистые легковушки. Стало ясно: начинался день и усиливалось движение; перейти шоссе незамеченными с их самодельной волокушей нечего было и думать.

Тогда Ивановский, не приближаясь к шоссе, но и не удаляясь от него, круто взял в сторону, на недалекий голый пригорок с реденькой гривкой кустарника. Укрытие там, судя по всему, было не бог весть какое, но и ждать в ложине на виду у шоссе тоже никуда не годилось – стало светло, и каждую минуту их могли обнаружить немцы.

Расходуя последние силы, лыжники взобрались по склону пригорка, едва не вывалив из волокуши раненого, и лейтенант, преодолевая ставшую привычной боль, устало заскользил к недалекому уже кустарнику. Однако на полпути к нему перед Ивановским вырос из снега какой-то довольно высокий вал, ровно прорезавший пригорок и уходивший к шоссе. Лейтенант в недоумении остановился, но вскоре все понял и обрадованно махнул медленно бредущим за ним товарищам – давайте скорее!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Это был полузаметенный снегом противотанковый ров, одно из тех многокилометровых полевых сооружений, которые с начала войны во всех направлениях изрезали русскую землю. Сколько труда было затрачено на их устройство, но лейтенант не мог вспомнить случая, чтобы такой ров сколько-нибудь задержал продвижение танковых армий Гитлера. Колоссальные эти сооружения, наверно, только тогда оправдывали свое назначение, когда были надежно прикрыты огнем пехоты и артиллерии, в противном же случае их танконепроезжимость ненамного превосходила непроезжимость обычной придорожной канавы.

Но теперь ров попался им весьма кстати на этом открытом пригорке, и лейтенант, не мешкая, наискось съехал на его широкое, переметенное снежным сугробом дно.

Тут было затишнее и довольно глубоко, ветер с одного края намел изящный фигурный застрешек, образовавший некоторое укрытие сверху. Наверно, какое-то время тут можно было отсидеться.

Один за другим они ввалились в это укрытие и тут же попадали на мягкие изгибы суметов. Он тоже упал, словно впаялся задом в плотно спрессованный вьюгой снег, и, жарко дыша, долго невидяще глядел, как снежной пылью курился на ветру гребешок застрешка напротив. Он не знал, как быть дальше, где и как перебраться через злополучное шоссе, не представлял себе, что делать с раненым. Он чувствовал только, что с прошлой ночи все пошло не так, как он на это рассчитывал, все выходило хуже, а может статься, что закончится и совсем плохо. Но он не мог допустить, чтобы после стольких усилий все завершилось неудачей, он чувствовал, что должен до последней возможности противостоять обстоятельствам так, как если бы он противостоял немцам. Не подвели бы силы, а решимости у него хватало.

Минут двадцать они лежали во рву, не проронив ни единого слова, и он не мог найти в себе силы, чтобы заговорить и назначить наблюдателя. Он лишь мысленно твердил себе, что сейчас, сейчас надо кого-то назвать. Хотя все они были до крайности измотаны, но кто-то должен был пожертвовать отдыхом и вылезть наверх, на ветер и стужу, чтобы не дать противнику застать врасплох остальных.

– Надо наблюдателя, – наконец сонно произнес Ивановский и переждал немое молчание лыжников. – Судник – вы.

Судник, привалась спиной к снежной стене, держал на коленях набитый опилками вещмешок со своим деликатным грузом. Похоже, он спал. Голова его в мокром капюшоне была запрокинута, глаза прикрыты.

– Судник! – громче позвал лейтенант.

– Счас, счас...

Еще немного помедлив, боец рывком выпрямился, сел ровнее. Затем, опершись на руки, встал и, резко пошатнувшись, едва не упал снова.

– Тихо! Бутылки! – испугался лейтенант, и этот испуг разом вырвал его из состояния крайней одуряющей усталости.

Оставив лыжи внизу, Судник вскарабкался на высокий, крутой бруствер чуть в стороне от бойцов и залег за ним – белым пластом на свежем снегу.

– Как там? Идут? – спросил Ивановский.

– Идут. И конца не видать.

Ну конечно, они будут идти, не будут же они ждать, когда он благополучно переберется на ту сторону, чтобы уничтожить их базу. У них свои цели и свои задачи, прямо противоположные его задаче, и он подумал: хорошо еще, что поблизости нет их стоянок, тыловых частей, иначе бы он недолго просидел в этом укрытии.

Наверно, прошло около получаса, Ивановский прохватулся от стужи – разгоряченное при ходьбе тело начал пробираться мороз. Все, кроме Судника на бруствере, неподвижно лежали в изнеможении, и он, подумав, что так запросто можно

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
обморозиться, воскликнул:

– Не спать! А ну сесть всем!

Кто-то заворохился, Лукашов сел, мутным от усталости взглядом обвел снежное укрытие. Пивоваров не тронулся с удобного в снегу места – он спал. И лейтенант, подумав, решил, что, по-видимому, и надо все-таки дать несколько минут вздремнуть, иначе их просто не сдвинешь с места. Авось за тридцать-сорок минут не замерзнут. Правда, сам он в таком случае уснуть уже не имел права.

Немалым усилием, подкрепленным сознанием близкой опасности, Ивановский отогнал от себя одуряющую дрему, напрягся и встал. Его давно беспокоил Хакимов, но только теперь появилась возможность осмотреть его, и лейтенант, пошатываясь, подошел к раненому. Как и опасался командир, боец был плох. Наверно, все еще не приходя в сознание, он неподвижно лежал на лыжах, туго завернутый в обсыпанную снегом палатку, в тесном отверстии которой проглядывало его бледное, с синюшным оттенком лицо. От частого, трудного дыхания края палатки густо заиндевели, и снежинки, осыпаясь с них, сразу же таяли на мокрых щеках Хакимова – у него был жар. Склонившись над бойцом, лейтенант тихонько позвал его, но тот никак не реагировал, продолжая напряженно, часто дышать.

Посидев над раненым, Ивановский начал сомневаться в правильности своего решения, обрекавшего Хакимова на эту многотрудную дорогу. Может, действительно лучше было бы оставить его в каком-нибудь стожке сена дожидаться возвращения группы. Но тогда с раненым пришлось бы оставить и еще кого-то, а на это лейтенант согласиться не мог: и без того из десяти человек их осталось всего лишь пятеро. И перед этими пятью все усложнялась их главная боевая задача, ради которой они, хотя и с запозданием, сюда прибыли. Для выполнения этой задачи прежде всего надо было перейти шоссе, но как это сделать на виду у забивших дорогу немцев, лейтенант не мог взять в толк.

Мысли об этом шоссе теперь не выходили у него из головы, и скоро он встал. Хакимову он ничем не мог пособить, а о задаче он просто ни минуты не мог не думать. Он воткнул в сугроб лыжи и, шатко ступая в снегу, полез на бруствер к Суднику. Тут было ветрено и холоднее, чем на дне рва, зато открывался широкий обзор на поле с обоими концами шоссе, середину которого скрывала вершина холма. Туда же уходил ров. По ту сторону шоссе, местами близко подступая к дороге, широко разбрелись перелески и кустарники, а вдали и несколько в стороне от речной поймы темнел знакомый сосновый лесок, так неласково встретивший их однажды.

Лейтенант вынул из-за пазухи карту, сориентировался. База намеренно не была помечена на его карте, но он и без того твердо помнил место ее расположения на северном выступе крохотной надречной рощицы. Теперь, найдя на карте этот пригорок, лейтенант увидел, что их разделяло всего каких-нибудь два километра, не больше. Опять стало мучительно обидно: так это было близко и так недоступно. Из-за этого проклятого шоссе приходилось терять целый день – целый день мучиться в неизвестности и терпеть стужу.

Вместе с Судником Ивановский стал наблюдать за шоссе, на котором в течение коротеньких промежутков времени выпадали небольшие разрывы в движении. Шли в основном грузовые – крытые и с открытыми кузовами машины самых различных марок, видно, собранные со всех стран Европы. Большинство их мчалось на восток, к Москве. И вдруг лейтенант подумал, что если не всем и не с раненым, то хотя бы с одним-двумя, наверное, стоит рискнуть и, используя ров, перебраться через шоссе на ту сторону. По крайней мере, за день он бы там многое высмотрел, разведать, составил план действий, а с наступлением ночи перевел бы через шоссе всю группу.

Эта мысль сразу придала ему бодрости, новая цель вызвала дополнительные силы для действия. Он сполз с бруствера, негромко, но энергично, шумнул лыжникам:

– Подъем! Попрыгать, погреться всем! Ну!

Краснокуцкий, Лукашов сразу поднялись, обшлепывая себя рукавицами, замахали руками. Лукашов растормошил осоловелого со сна Пивоварова.

– Греться, греться! Смелее! – настаивал лейтенант и тут же вспомнил наилучшую для подъема команду: – А ну завтракать! Лукашов, доставайте консервы! Всем по

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru два сухаря.

Лукашов, сонно подрагивая, достал из сумки несколько ржаных сухарей и банку рыбных консервов. Лейтенант со скрипом вспорол ножом ее жестяное дно, и они ножами и ложками принялись выскрести мерзлое ее содержимое.

– Ну как, Пивоварчик, вздремнул? – искусственно подбадриваясь от холода, спросил лейтенант.

– Да так, кимарнул немного.

– Что ж ты сдал было, а?

– Притомился, товарищ лейтенант, – просто ответил боец.

– А я-то думал, ты крепачок, – с легкой шутливостью заметил Ивановский. – А ты вон какой...

– Подбился я.

Он не оправдывался, не ныл, вид его теперь, после короткого отдыха, был смущенно-виноватым, смуглые щеки со сна горели почти детским румянцем.

– Подбился! – осуждающе передразнил Лукашов. – Чай, не у мамки. Тут того – отставший хуже убитого.

– Убитый что, убитый силы не требует. А тут во – пузыри на руках от веревки, – показал Краснокуцкий свои распухшие красные ладони – ему, разумеется, досталось за минувшую ночь. Но кому не досталось? И еще неизвестно, что всем им достанется в скором будущем.

– А то вон умники, – прежним раздраженным тоном продолжал Лукашов. – То ли смылись, то ли заблудились. А тут за них отдувайся.

Он имел в виду Дюбина с Зайцем, о которых также ни на минуту не забывал лейтенант. С убитым все было ясно; очень трудно, но все же понятнее было с Хакимовым – старшина же с Зайцем исчезли в ночном пути, будто провалились сквозь землю, – тихо, бесследно и загадочно.

– Хорошо, ежели просто. А то кабы еще не того, – говорил Лукашов, строго и озабоченно поглядывая вдоль рва, и лейтенант понял, на что намекал сержант. Но того, что он имел в виду, не должно быть. Вернее, Ивановский не хотел допустить и намека на мысль, что старшина Дюбин мог совершить предательство. И тем не менее он и сам был полон неуверенности и сомнения – как ни думал, не мог понять, куда запропастились эти двое из его и без того маленькой группы.

– Еще немцев по следу приведут, – простодушно отозвался Краснокуцкий. – А что: лыжня на снегу, гони – где-то догонишь.

– Все может быть, – мрачно согласился Лукашов.

– Нет, так нельзя говорить, – вмешался Ивановский. – Старшина не такой. Не тот человек.

Лукашов, жуя сухарь, устало глядел в дальний конец рва.

– Человек, может, и не тот, а все может стать. У нас вон тоже в сто девятом такой бравый капитан был, все оборону строил. И построил – оказалось, не в в ту сторону. Немцы появились, первым руки поднял.

– Ну, это вы оставьте, – решительно оборвал его Ивановский. – Дюбин не капитан, это точно. И потом надо больше, Лукашов, людям верить. Вам же вот верят.

– Так то я...

– А почему вы думаете, что Дюбин хуже вас?

– А вот я здесь, а его нема.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

действительно, логика его рассуждений была почти убийственной, возразить ему было трудно. В самом деле, он же вот не отстал, хотя и был замыкающим, и еще не позволил отстать Пивоварову, который теперь сидел рядом и быстро вылизывая ложку. В общем, Лукашов был прав, но Ивановский не хотел до времени выносить приговор Дюбину. Что-то располагающее все-таки было в старшине.

Консервы они скоро доели, сидя в сугробе, догрызли и сухари. Ивановский спрятал ложку в карман.

– Сержант Лукашов, – другим тоном сказал лейтенант. – Останетесь за меня. Надо кое-что разведать. Всем находиться тут. Можно отдохнуть. Наблюдение круговое. Скоро вернусь. Что не ясно?

– Ясно, – с готовностью ответил Лукашов.

– И чтоб все в норме. Смотрите Хакимова.

– Все будет сделано, лейтенант. Досмотрим.

– Так. Пивоварчик, за мной!

– Я? – удивился Пивоваров, но, помедлив, начал послушно вставать.

– Берите лыжи, остальное. И потопали. Лукашов, подмените Судника. Небось заоченел там.

Проваливаясь в глубоком снегу, местами доходившем до пояса, Ивановский направился по рву к шоссе. Лыжи они несли в руках. Ров время от времени делал небольшие изгибы, выходя из-за которых лейтенант с предосторожностью осматривался по сторонам. Но во рву и поблизости вроде никого не было; ребристые снежные сугробы на дне лежали нетронутыми. Наконец стало слышно глухое урчание дизелей, пахнуло едва уловимым на морозе дымком синтетического бензина – они подошли к дороге. Ивановский высунулся из-за оголенного глинистого выступа на очередном повороте и тут же отпрянул назад. Совсем близко, в конце широкого разреза рва, промелькнул автомобильный кузов, укрытый вздувшимся на ветру брезентом, потом еще и еще. Шла колонна автомобилей, в некоторых открытых машинах возле кабин были видны нахохлившиеся фигуры немцев в зеленых шинелях. Судя по всему, их здорово-таки пробрал русский мороз, и седоки не очень засматривались по сторонам. Лейтенант сделал рукой знак замерзшему от напряжения Пивоварову и по краю сугроба взобрался на откос.

Конечно, он был далек от того, чтобы надеяться на скорую удачу, на удобный для перехода момент, но все же такого упорного невезения он не ожидал. Коченея на морозном ветру, он едва дождался, пока прогрохотали по шоссе машины. Казалось, поблизости никого больше не было. Но едва он высунулся из-за смерзшихся на бруствере комьев, как снова увидел невдалеке немцев. Их было трое, это были связисты. В то время как один, взобравшись на столб, возился там с проводами, двое других с аппаратами сидели на обочине дороги – видно, налаживали связь. Из-за их спин торчали стволы винтовок, на земле лежали мотки проводов и какие-то инструменты. Правда, занятые делом, немцы не глядели по сторонам, но, разумеется, заметили бы двоих русских, если бы те под самым носом у них вздумали перебежать шоссе.

Значит, опять надо было ждать.

И лейтенант уныло лежал на мерзлых, присыпанных снегом комьях и не отрывал глаз от шоссе. Стало чертовски холодно, мерзли ноги, раненое бедро болело все больше, и эта боль все чаще отвлекала на себя внимание. Движение на шоссе уже несколько раз то возобновлялось с наибольшей плотностью, то несколько затихало, и тогда появлялся разрыв в километр или, возможно, больше. Раза два подворачивался более-менее удобный момент, чтобы перебежать на ту сторону, но немцы все еще возились со своей связью.

Лейтенант три раза доставал увесистый кубик танковых часов, последний раз показавший половину одиннадцатого. Связисты не уходили. Прошло полчаса, прежде чем тот, что сидел на столбе, наконец слез на землю, и лейтенант подумал, что теперь, возможно, они смоятся... Но немец перешел к следующему столбу и,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru прицепив к ногам свои серпы-кошки, снова полез к проводам. Втроем они о чем-то негромко переговаривались там, но ветер относил их слова в сторону, и лейтенант не мог ничего расслышать.

Так продолжалось бесконечно долго. Ивановский уже начал оглядываться по сторонам, подыскивая в отдалении от этих связистов какое-нибудь более подходящее место, как увидел, что возле двух немцев на обочине появился еще один. Откуда он взялся тут, было совершенно непонятно, наверно, скрытый от него холмом, сидел где-нибудь на дороге. Лейтенант почувствовал легкий озноб: рискни он перебежать шоссе – и наверняка бы напоролся на этого невидимого четвертого немца. Между тем немец присел над аппаратом, о чем-то поговорил с остальными и махнул рукой тому, что сидел на столбе, – тот начал слезать. Пока он спускался, эти трое встали, не спеша разобрали свои сумки и ящики и направились вдоль по дороге.

На этот раз они остановились в значительном отдалении от рва, на столб уже никто из них не полез, и лейтенант глянул в противоположный конец шоссе – теперь, видно, надо было решиться. Но прежде следовало как можно ближе подойти к дороге.

Он сполз с откоса на дно рва, сильно потревожив раненое бедро. Пивоваров вскочил со своего насиженного в снегу места, Ивановский молча кивнул головой, и они, прижимаясь к крутой стороне откоса, быстро пошли по рву вниз.

Тут их уже легко могли увидеть с дороги, и лейтенант скоро упал за поперечный сунет, вжался в снег, рядом проворно зарылся в снег Пивоваров. Опухшее от холода и бессонницы мальчишечье лицо бойца застыло в предельном внимании, время от времени лейтенант перехватывал его тревожный, вопрошающий взгляд. Находясь на дне рва, боец абсолютно ничего не видел и во всем полагался на командира, который теперь принимал решения, так много значившие для обоих.

Но отсюда уже и сам лейтенант ничего не мог увидеть и вынужден был полагаться на слух, чутко улавливая все разрозненные и переменчивые звуки, долетавшие к ним с дороги. Конечно, это был не самый надежный способ из всех возможных для перехода, но другого у них не оставалось. Дождавшись, когда урчащий гул дизелей на шоссе несколько ослаб, и не уловив поблизости никаких новых звуков, Ивановский сказал себе: «Давай!» – и вскочил. В несколько прыжков по глубокому снегу он достиг придорожного окончания рва, выглянул из него – шоссе поблизости действительно было пустым, хотя на дальний пригорок он просто не успел бросить взгляда, с бешеной прытью, пригнувшись, он выскочил на укатанную твердь шоссе и размахисто спрыгнул в сунет на дно следующего отрезка рва. На бегу он с удовлетворением отметил за собой тяжелое дыхание Пивоварова и изо всех сил припустил по дну к недалекому уже повороту. Через несколько прыжков, однако, он опять стал различать напряженное завывание моторов и в беспокойстве внутренне сжался, ожидая криков или, может, выстрелов. Но он все-таки успел скрыться за поворотом. Пивоваров несколько опоздал, но лейтенант, оглянувшись, увидел, что машины появились секундой позже того, как боец упал за изломом. Машины промчались, не сбавляя скорости, и он впервые за это утро с облегчением выдохнул горький, раздиравший его грудь воздух.

– Фу, черт!..

Оба с минуту загнанно, трудно дышали, потом Ивановский, привстав на коленях, огляделся по сторонам. Кажется, невдалеке был кустарник – реденькие его верхушки местами выглядывали из-за высокого бруствера, и лейтенант с бойцом расслабленно пошли по рву. Порядком отойдя от шоссе, они попытались выбраться в поле. К удивлению командира, Пивоварову это удалось скорее, лейтенант с первой попытки добрался лишь до половины склона и, поскользнувшись на крутизне, сполз в сунет. Опять очень заболело бедро. В этот раз он не смог или не захотел подавить в себе стон, и Пивоваров обернулся на бруствере, метнув в его сторону испуганный вопрошающий взгляд.

– Ничего. Все в порядке.

Ивановский собрался с духом, преодолел боль, боец протянул командиру лыжную палку, с помощью которой тот перевалил наконец через бруствер.

– Так. Теперь на лыжи!

Тут, наверно, уже можно было идти вдоль рва, прикрываясь со стороны дороги

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
бруствером, местами их неплохо скрывал кустарник.

Справа в отдалении серели хвойные верхушки рощи, где ждала их удача или несчастье, слава или, может, смерть – их судьба.

Глава седьмая

Продираясь на лыжах через кустарник, Ивановский почувствовал приступ какого-то неприятного, все усиливающегося, почти неодолимого беспокойства.

Было совершенно непонятно, отчего оно именно в этот момент так настойчиво заявило о себе, в конце концов, кажется, все складывалось более или менее благополучно: они перешли шоссе, вроде бы их не заметили, совсем уже близка была цель их трудного многоверстного ночного пути. Хотя и с препятствиями, но приближался финал, наверное, теперь они могли что-нибудь сделать. Правда, их силы разрознились – часть потеряли при переходе линии фронта, двое исчезли в ночи, трое остались на той стороне шоссе, и здесь их оказалось всего лишь двое. Двое, конечно, не десятеро. Но вряд ли именно это обстоятельство было причиной его неясного и такого неотвязного теперь беспокойства.

Чем ближе они подходили к видневшейся вдаль рошице, тем все тревожнее становилось на душе у лейтенанта. Нетерпение охватило его так сильно, что он не мог позволить себе остановиться, чтобы поправить повязку на бедре, – кажется, начала кровоточить рана. Впрочем, он давно уже старался не замечать боли, к ней он притерпелся за ночь. Теперь он даже не слишком осматривался по сторонам – он изо всех сил стремился к роше, словно там ждала его самая большая в его жизни награда или, может, самая большая беда. Пивоваров, весь в поту, который он уже перестал вытирать с лица рукавом маскхалата, старался не отстать, и они, запыхавшись, скорым шагом поднимались по краю кустарника. Было уже совсем светло, дул несильный морозный ветер, небо, сплошь заволоченное тучами, низко свисало над серым, невзрачным, подернутым дымкой пространством.

Достигнув вершины пригорка, Ивановский сквозь голые ветки ольшаника поглядел вниз. Перед ними была ложбина с вдавшимся в нее языком кустарника, в котором лейтенант едва узнал тот ольшаничек, где они с Волохом дожидались ночи. Но вместо тогдашней чащобы, давшей приют семерым, теперь сиротливо чернели на снегу мерзлые прутья чахлах деревьев, в которых едва ли могла спрятаться птица, не то что человек. Зато на пригорочке через ложбину, как ни в чем не бывало безмятежно зеленел хвойный гаек, обнесенный нечастыми столбами немецкой ограды, у которой им так не повезло в прошлый раз, но должно повезти, не может не повезти в нынешний.

При виде знакомой изгороди у лейтенанта немного отлегло на душе – главное, он все-таки добрался до нее. Все остальное уже зависело от его умения, находчивости, от их смелости. Действие различных привходящих причин здесь сводилось к самому возможному в таких случаях минимуму.

Скрываясь в кустарнике, Ивановский постоял минуту или две, отдыхая и успокаиваясь от все время донимавшего его нетерпения. Он старался внушить себе, что как-нибудь все обойдется. Правда, окончательно увериться в этом ему не удалось, что-то все-таки не переставало угнетать, будоражить его и без того взбудораженные за эту ночь чувства. Пивоваров, ни о чем не спрашивая, видно, без слов понимал положение и ждал, когда они направятся дальше. Ивановский же все не мог оторвать взгляда от этой дальней хвойной опушки, будто надеясь там что-то увидеть. Но там, на расстоянии в километр, если не больше, почти ничего не было заметно, кроме редких стволов свободно разбежавшихся по снегу сосен да нескольких столбов ограды. Впрочем, оно и понятно: немцы успели замаскировать объект. Они ведь тоже умели маскироваться – разные там сети, зеленые насаждения, снег. Вот только удивляло, куда девалась дорога, на которой разведчики Волоха обнаружили немецкие грузовики, перевозившие боеприпасы, – она проходила как раз по косогуру к роше, а теперь там на снегу не видно было и следа. «Может, ее замело ночью?» – подумал лейтенант. Но хоть какой-то признак ее должен был сохраниться даже и после метели. А может, дорогу проложили в другом, не видном отсюда месте? Впрочем, дорога ему сейчас была без надобности, воспользоваться ею скорее всего им не придется. Гораздо важнее было высмотреть скрытый подход к этой рошице, чтобы ночью, в темноте, незамеченными как можно ближе подползти к ограде. По всей видимости, открытая напольная сторона для этого мало годилась, надо было разведать подходы с юга.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Пивоваров, айда! Тихо только...

Уклоняясь от цеплявшихся за капюшоны мерзлых ветвей, они пошли по кустарнику вниз в обход поля. Ивановский был весь настороже, все теперь в нем напряглось, как не напрягалось ни разу за всю прошлую суматошную ночь. Но вокруг стояла тишина, и это немного успокаивало. В который уже раз лейтенант стал прикидывать, как лучше проникнуть за изгородь, – теперь это было, пожалуй, самое важное и самое трудное в его задаче. Конечно, если штабеля близко от проволоки, то можно будет забросать их гранатами и бутылками с КС, хотя вряд ли они будут размещены на расстоянии броска гранаты. Тогда придется преодолевать изгородь. Лучше всего, пожалуй, сделать это одному, а остальным прикрыть на случай обнаружения и обеспечить отход. Пусть даже приняв недолгий бой с часовым, – на их стороне внезапность, и минуты времени им бы, пожалуй, хватило, чтобы сделать все, что понадобится. Уже вот, если там собаки.

Но даже если и собаки, одному или двоим придется лезть через проволоку, остальные должны будут отвлечь на себя собак и принять огонь часовых. Иного не оставалось. Главное – успеть за считанные секунды зажечь и взорвать как можно большее число штабелей. Остальное сделают детонирующие взрывы, и все довершит огонь.

По мелколесью они пересекли ложину, краем опушки обошли открытый участок поля. Поблизости нигде никого не было, никто им не встретился. Шли осторожно, теперь уже не спеша. Иногда лейтенант останавливался и прислушивался: вокруг стояла ветреная зимняя тишь. Однажды ветер принес в ложбину далекий гул моторов, но, вслушавшись, Ивановский понял, что это с шоссе. Рошица в отдалении удивительно немо, почти мертво молчала.

Спустя полчаса на их пути неожиданно появился овражек. Весь голый, извилистый, с занесенными снегом склонами, он просматривался во всю длину, и лейтенант не сразу понял, что это тот самый овраг, откуда Волох пошел в снегопад к изгороди. Значит, надо было зайти еще дальше, по кустарнику обогнуть базу на километр глубже. Уж там наверняка можно будет подойти к ней ближе и рассмотреть обстоятельнее.

Он оглянулся на Пивоварова, покрасневшее лицо которого наполовину скрывал мокрый обвисший капюшон: парень изо всех сил работал палками, лыжи по-прежнему глубоко зарывались в рыхлом снегу. Преодолевая в себе все возраставшее напряжение от сознания близости цели, Ивановский молча дал знак Пивоварову обождать, а сам обошел овраг и остановился за широким ветвистым кустом орешника.

Голые, окоренные столбы ограды были уже совсем близко. Высокие, в рост человека или больше, они заметно выделялись на зеленовато-снежном фоне молодых сосенок. Но, удивительное дело, за ними пока все еще ничего не было видно. Как он ни напрягал зрение, решительно нигде не мог обнаружить знакомых штабелей из серых и желтых ящиков, которые так явственно стояли в его глазах с того самого момента, как он впервые рассмотрел их в бинокль. Не было видно и брезентов. Это обстоятельство снова недобрым предчувствием обеспокоило лейтенанта, и он махнул Пивоварову – присядь, мол, замри. Тот понял сигнал и опустил лыжи, а лейтенант после минутного колебания вышел из кустарника.

Наверно, он поступил неразумно, командиру группы не следовало бы так рисковать собой, но Ивановский уже был не в состоянии сдержаться. Недоброе предчувствие целиком охватило его, что-то сдавив в горле, он сглотнул комок обиды и, не сводя взгляда с близкой уже опушки, быстро и напрямую пошел к ней.

Теперь их разделяло всего каких-нибудь триста метров, и уже в самом начале этого пути лейтенант понял, что проволоки на столбах нет. Проволока, некогда опутывавшая базу, была снята, и ее отсутствие самой большой тревогой, почти испугом, отозвалось в сознании Ивановского. Уже ничего не остерегаясь и не обращая внимания на то, что его легко могли увидеть в открытом поле, он в несколько рывков достиг крайних сосенок рошицы и остановился, пораженный, почти уничтоженный тем, что обнаружил.

Базы не было.

В сосняке на пригорке не было ни часовых, ни собак, ни штабелей из желто-зеленых

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ящиков – под ногами ровно лежал нетронутый снег да по опушке тянулся ряд белых столбов, единственно напоминавших о базе, – других ее признаков здесь не осталось. Проволоку, видимо, аккуратно сняли со столбов и увезли куда-то, наверное, в другое, более нужное место.

Недоумение в сознании лейтенанта сменилось замешательством, почти растерянностью, он постоял на чистом, свежем после ночной вьюги снегу, потом прошел на лыжах к противоположной стороне, туда, где некогда был въезд. Но и здесь ничего не осталось, лишь в чаще молодых сосенок под снегом угадывалось несколько опустевших ям-капониров да на краю роши у столбов высилась куча присыпанных снегом жердей, наверное, бывших подкладками под штабелями. Больше здесь ничего не было. Дорога, отсутствие которой в поле удивило лейтенанта, белою пустой полосой лежала под снегом – по ней давно уже не ездили.

Вдруг совершенно обессилев, Ивановский прислонился плечом к шершавому комлю сосны, раздавленный пустотой и заброшенностью этой теперь никому уже не нужной роши. Базу переместили. Это было очевидным, но он не мог в это поверить. В его смятом сознании застряла и не хотела покидать упрямая протестующая мысль, готовая внушить, что это ошибка, нелепое злое недоразумение, и что нужно лишь небольшое усилие, чтобы это понять. Иного он не мог представить себе, потому что он не в состоянии был примириться с тем, что и на этот раз его постигла неудача, что огромные усилия группы затрачены впустую, что напрасно они подвергли себя бессмысленному смертельному риску, потеряли людей и совершенно измотали силы. Они опоздали. Он не сразу поверил в это, но, постояв под сосной и отдышавшись, все-таки понял, что никакого наваждения не было. Была жестокая, злая реальность, еще одна большая беда из всех бед, выпавших за эту войну на его злосчастную долю.

С усилием оторвав плечо от сосны, он стал ровнее на лыжи и слабо оттолкнулся палками. Лыжи скользнули в шуршащем снегу и остановились. Он не знал, куда направиться дальше, впервые отпала надобность куда бы то ни было спешить, и он оперся на палки. На основной ветке поблизости появилась вертлявая сорока, все время сердито стрекотавшая на него, вспорхнув над головой, с коротким писком нырнула в чашу синичка. Ивановский не замечал ничего. Какое-то оцепенение сковало его расслабленные мышцы, он ни о чем не думал, он только смотрел в пустоту роши, ощущая в себе изнуряющую, охватившую тело усталость, преодолеть которую, казалось, не было никакой возможности.

Так продолжалось немало времени, но роща по-прежнему оставалась пустой и ненужной, и лейтенант в конце концов вынужден был встряхнуться: все-таки его ждали бойцы. Прежде всего Пивоваров. Ивановский оглянулся – боец терпеливо сидел за оврагом, там, где он и оставил его, и лейтенант взмахнул рукой – давай, мол, сюда.

Пока Пивоваров шел по его следу к рошице, Ивановский расстегнул крепление лыж и шагнул в снег. Наверно, тут можно было не опасаться, в пустом сосняке никого не было. Он присел на невысокий, обсыпанный снегом пенек, вытянул в сторону ногу. Надо было решать, что делать дальше. А главное – сообразить, как эту неудачу объяснить бойцам. Он не мог отделаться от чувства какой-то своей вины, как будто именно он придумал всю эту историю с базой и кого-то обманул. Хотя если разобраться, так больше других был обманут он сам. А вернее, всех обманули немцы.

Впрочем, здесь не было обмана, здесь была война, а значит, действовали все ее ухищрения, использовались все возможности – в том числе время, которое в данном случае сработало в пользу немцев, оставив Ивановского с бойцами в безжалостном проигрыше.

Пивоваров тихо подошел по его лыжне и молча остановился напротив. Боец непонимающе оглядывал рошицу, изредка бросая на лейтенанта вопросительные взгляды. Наконец он догадался о чем-то.

- А что... Разве тут была?
- Вот именно – была.
- Холеры! увезли, что ли?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Увезли, конечно! – Ивановский вскочил со своего пенька. – Оставили нас с носом!

К удивлению лейтенанта, Пивоваров очень сдержанно отреагировал на его запальчивые, полные горечи слова.

- Видно, опоздали...
- Разумеется. Две недели прошло. Времечко!
- Теперь как же? Придется искать?
- Что искать?
- Ну базу. Приказ ведь.

Да, базы не было, но приказ уничтожить ее оставался в силе. Давно ли лейтенант сам добивался в штабе этого приказа, который наконец и получил на свою невезучую голову. Что ж, теперь давай выполняй приказ, лейтенант Ивановский, ищи базу, зло подумал про себя лейтенант. Однако тон, которым Пивоваров упомянул о приказе, все-таки понравился лейтенанту, и в душе он даже обрадовался. В случае чего, наверно, бойцам долго объяснять не придется – если это понимал Пивоваров, то, наверно, поймут и остальные.

Беда, вначале готовая сокрушить лейтенанта, понемногу стала рассеиваться, хотя, разумеется, он понимал, что справиться с ней непросто. По всей видимости, базу переместили на восток, поближе к линии фронта, к Москве, – там ее и следовало искать. Если идти вдоль шоссе, обшаривая каждую рожицу, возможно, и удастся наткнуться. Но тут он вспомнил о тех, за дорогой, о раненом Хакимове и подумал, что, видно, искать ее не придется. Наверно, это потребовало бы массу времени, уйму сил, гораздо больших припасов, чем те, которыми располагали они. Опять же далеко не уйдешь с Хакимовым. Да и мудрено, не зная, отыскать в чащобе лесов замаскированный, тщательно охраняемый объект, ставший теперь для них не более иголки, затерянной в копне сена. Впрочем, вполне может случиться, что ее и вообще уже нет – развезли по частям и расстреляли в боях, все до последней мины.

Тогда что ж – возвращаться с неизрасходованной взрывчаткой, не истратив ни одной гранаты? Опять тащить на себе чертовы бутылки с КС и дрожать, чтобы какой-нибудь фриц, пустив сдуру очередь, ненароком не задел их пулей. И это – потеряв половину группы. С тяжелораненым в волокуше. И в итоге в таком отвратительном виде полного неудачника предстать перед пославшим его генералом. Что лейтенант скажет ему?

- Да-а, положеньице...

Ивановский зачерпнул горсть снега, пожевал и сплюнул. Как всегда после бессонной ночи, во рту долго не проходил противный металлический привкус. Почему-то слегка поташнивало. И даже вроде знобило. Хотя знобило, возможно, от усталости и потери крови.

- У тебя бинт есть? – спросил лейтенант Пивоварова.

Тот, сняв варежку, начал ощупывать брючные карманы, а лейтенант поднялся с пенька.

- Давай помоги вот, – сказал он, расстегнув брюки и думая, что теперь уж не имеет большого смысла скрывать нелепое свое ранение.

- Что, ранило?
- Зацепило ночью. Вот черт, все сочтется...

Неудивительно, что Пивоваров испугался: белые кальсоны лейтенанта и его ватные брюки – все было густо залито и перепачкано подсохшей кровью. С внешней стороны бедра из небольшой касательной ранки быстро сползла к колену темно-бурая струйка крови.

- Давай! Обмотай. Да потуже.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Доктора надо.

– Какой еще доктор! Вот ты и будешь доктором.

Было видать, что Пивоваров встревожился ранением командира больше, чем исчезновением базы. Присев рядом, боец не очень умело обмотал бинтом ногу и крепко связал концы собачьим узлом.

– Не сползла чтоб.

– Ладно. Пока подержится.

Старый окровавленный бинт Ивановский отбросил на снег, подтянул брюки, завязал тесемку перепачканных маскировочных шаровар. Пивоваров пристегивал лыжи. Судя по его вполне спокойному виду, неудача с базой никак не отразилась на его настроении, и лейтенант в душе позавидовал выдержке бойца. Впрочем, бойцу что – с бойца спрос невелик.

– Что вот теперь хлопцам сказать? – озабоченно спросил командир, почувствовав желание посоветоваться, чтоб хоть как-то разрядить свою подавленность.

– А так и сказать. Что ж такого, – просто ответил Пивоваров.

– Что немцы нас провели?

– Ну а что ж! Раз провели, значит, провели.

– Да, видно, ты прав, – подумав, сказал лейтенант. – Надо по правде. Только куда вот дальше?

– А вы посмотрите на карту, – посоветовал боец.

Святая простота. Пивоваров, видимо, полагал, что на военной карте все обозначено. Точно так же считали, бывало, и деревенские тетки, глядя, как командир разворачивает карту, и удивлялись, когда тот спрашивал, как называется эта деревня или сколько километров до города. Видимо, так думал теперь и Пивоваров.

Впрочем, лейтенант нервничал и, кажется, начинал злиться, все-таки болела потревоженная рана и было отвратительно на душе. Он все еще не имел ясного представления о том, что предпринять. Он невидяще глядел вниз, на покатоое белое поле с дальним кустарником, пока мысль о бойцах, оставленных за дорогой, не подогнала его, побуждая к действию. Тогда он оттолкнулся палками и быстро пошел прежней лыжней вниз.

Глава восьмая

Пока пробирались знакомой дорогой в кустарнике, Ивановский, не столько успокоясь, сколько привыкая к своей неудаче, пытался разобраться в себе и решить, как действовать дальше. Конечно, исчезновение базы делало ненужной всю его вылазку, и было до слез обидно за все их напрасно потраченные усилия. Жаль было погибших ребят, умирающего Хакимова, но теперь его все больше начал донимать вопрос, как эту свою неудачу объяснить в штабе. Слишком уж врезались в память лейтенанта их совсем не военные проводы, короткое генеральское напутствие во дворе дома с высокими ставнями... Сынки! Вот тебе и сынки! Раззявы, растяпы чертовы, пока собирались, пока плутали в ночи, пока дрыхли во рву, база бесследно исчезла.

Противное положение, ничего больше не скажешь, думал Ивановский, непрестанно морщась как от зубной боли. Он уже не уклонялся от колючих ветвей кустарника – шел напролом, чуть только сгибаясь, и думал, что лучше бы генерал отругал его в самом начале да отправил на проверку в Дольцево, чем вникать в тот его злосчастный доклад. А уж если было принято такое решение, то лучше бы начштаба жестко приказал ему относительно этой базы или даже пригрозил трибуналом на случай невыполнения приказа, чем так вот: сынки, на вас вся надежда. Что ему делать теперь с этой надеждой? Куда он с ней? Эта безотрадная мысль ворошила, будоражила его сознание, не давала примириться с неудачей и побуждала к

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru какому-то действию. Но что он мог сделать?

Перейти шоссе снова оказалось непросто – еще издали стала видна сплошная лавина запрудивших его войск – шла, наверно, какая-то пехотная часть – колонны устало бредущих солдат, брички, повозки, изредка попадались верховые; во втором ряду ползли машины и тягачи с пушками на прицепе. Густой этот поток безостановочно двигался на восток, к Москве, и у лейтенанта в недобром предчувствии сжалось сердце – опять! Опять, наверно, наступают, возможно, прорвали фронт... Бедная столица, каково ей выстоять против такой силы! Но, наверно, найдется и у нее сила, должна найтись. Иначе зачем тогда столько крови, столько безвременно отданных за нее жизней, столько человеческих мук и страданий – есть же в этом какой-нибудь смысл. Должен ведь быть.

Вот только у него смысла получалось немного – хотя в этой мучительной ночи он отмахал шестьдесят километров, но база оттого не стала ближе, чем была вчера. Может, еще и дальше, потому что вчера у него была полная сил группа, неистраченная решимость, а что осталось сегодня? Даже у него самого, что ни говори, убыло силы, а главное – вместе с базой пропала прежняя ясность цели – он просто не знал, что предпринять и куда податься.

Впрочем, сначала нужно было пробраться к своим.

И они с Пивоваровым, подхватив в руки лыжи, снова сползли с откоса на дно все того же противотанкового рва. Дальше идти к шоссе стало небезопасно, они затаились за очередным земляным изломом, изредка выглядывая из-за него на открывшийся участок дороги. Часто выглядывать не имело смысла – колонна войск тянулась там без конца и начала – перейти шоссе в такое время нечего было и думать. Значит, опять надо было ждать.

И лейтенант принялся покорно коротать время на стуже, почти в отчаянии, в полукилометре от немцев. Теперь недавнего нетерпения не было, он готов был сидеть здесь до ночи, все равно днем куда нельзя было сунуться. К тому же он еще не принял ровно никакого решения и не знал, куда направиться – дальше или, может, следовало возвращаться за линию фронта к своим. С Пивоваровым он почти не разговаривал – разговор помешал бы слушать, а слух теперь был их единственной защитой в этом бесконечном, замеченном снегом противотанковом рву. Ивановский время от времени доставал из кармана свои часы, которые лишь свидетельствовали, как безостановочно и быстро шло время. Приближалась студеная зимняя ночь. Невзирая на холод, очень хотелось спать. Наверно, только теперь лейтенант почувствовал, как изнемог он за этот ночной бросок. Напряжение, ни на минуту не оставлявшее его несколько дней подряд, постепенно спадало, незаметно для себя он даже вздремнул, прислонившись спиной к морозному снежному склону, и вдруг зябко прохватился от тихого голоса Пивоварова:

– ...а товарищ лейтенант! Проходят, кажется.

– Да? Проходят?

Пристроившись на откосе и высунув из-за насыпи голову, боец наблюдал за дорогой, голос его прозвучал обнадеживающе, и лейтенант тоже взобрался на откос. Шоссе действительно освобождалось от войск – последние повозки медленно удалялись на восток. Наверно, надо было бежать к пригорку.

Они подхватили лыжи и трусцой побежали по дну рва, ступая в глубокие, еще не заметенные снегом свои следы. Им опять повезло, они вовремя выбрались на укатанную пустую дорогу и, перебежав ее, снова скрылись во рву. Пока бежали, основательно прогрелись, у Ивановского вспотела спина, а у Пивоварова опять густо заплывало потом лицо – со лба по щекам стекали крупные, будто стеариновые, капли. Тяжело дыша, боец размазывал их рукавом маскхалата, но нигде не отстал, не замешкался, и Ивановский впервые почувствовал дружеское расположение к нему. Слабосильный этот боец проявлял, однако, незаурядное усердие, и было бы несправедливым не оценить этого.

За первым изгибом рва, на пригорке, Ивановский замедлил шаг и несколько раз с облегчением выдохнул жарким паром. Кажется, опять пронесло. Откуда-то издали послышалось урчание дизелей, но это его не беспокоило. Его мысли уже устремились вперед, туда, где их возвращения ждали четверо его бойцов, и первой тревогой лейтенанта было: как там Хакимов? Конечно, глупо было бы ждать, что тот очнется

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru и встанет на ноги, но все-таки... А вдруг он скончался? Почему-то подумалось об этом без должного сожаления, скорее напротив – с надеждой. Как бы все было проще, если бы Хакимов умер, как бы тем самым он услужил им. Но, видно, это не в его власти.

Где-то совсем близко, во рву, были его бойцы, и лейтенант прислушался, казалось, он уловил чей-то негромкий голос, как будто Краснокуцкого. Лейтенант вышел из-за очередного излома и неожиданно лицом к лицу встретился с Дюбиным. Очевидно, заслышав его приближение, старшина обернулся и с напряженным вниманием на буром лице взглянул в глаза лейтенанту. Неподалеку у откоса сидели в снегу Лукашов, Краснокуцкий, Судник, а возле волокуши с Хакимовым, горестно сгорбившись, застыл во рву Заяц.

Все повернулись к пришедшим, но никто не сказал ни слова; лейтенант, тоже молча и ни на кого не взглянув, прошел к волокуше.

– Что Хакимов?

– Да все то же. Бредит, – сказал Лукашов.

– Воды давали?

– Как же – воды? В живот ведь.

Да, по-видимому, в живот. Если в живот, то воды нельзя. Но что же тогда можно? Смотреть, как он мучается, и самим тоже мучиться с ним?

Лейтенант вгляделся в бледное лицо Хакимова со страдальческим изломом полураскрытых, иссохших губ – боец едва слышно постанывал, не размыкал век, и было неясно, в сознании он или нет.

– Надо бы полушубком укрыть, – сказал издали Дюбин.

Ему раздраженно ответил Лукашов:

– Где ты возьмешь полушубок?

– Ну погибнет.

– Давно пришел? – не оборачиваясь от Хакимова, спросил Ивановский.

– Час назад, – сказал Дюбин и кивнул в сторону Зайца. – Вон из-за него лыжу сломал.

– Каким образом?

– Да как лес обходили, – сказал Заяц. – На какую-то кочку попал, хрясь – и готова. Не виноват я...

Наверное, в другой раз было бы нелишне как следует отчитать этого Зайца, дважды подведшего группу, но теперь Ивановский смолчал. То, что Дюбин догнал остальных, слегка обрадовало его, хотя радость эта сильно омрачалась общей их неудачей. Лейтенант намеренно старался отмолчаться, не заводил о том разговор, он просто боялся того момента, когда обнаружится, что этот их сумасшедший ночной бросок был ни к чему. Но долго отмалчиваться ему не пришлось, хотя весь его сумрачный вид никак не располагал к разговору, и это видели все. Тем не менее вопрос о базе, видно, томил и других, а рядом во рву сидел, отдыхая, простодушный молодой Пивоваров, к которому теперь и устремились взоры остальных. Первым не выдержал Лукашов.

– Ну что там? Немцев много? – тихо спросил он за спиной лейтенанта.

– А нету немцев. Склада тоже нет, – легко ответил Пивоваров.

– Как нет?

Лейтенант внутренне сжался.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Он не видел, но почти физически почувствовал, как встревожено замерли за его спиной лыжники, и, долго не выдержав, сам поднялся на ноги.

– Как нет, лейтенант? Это что – в самом деле? – поднялся вслед за ним Лукашов.

Все остальные в крайнем удивлении, почти с испугом смотрели на командира.

– Да, базы нет. Наверно, перебазировалась в другое место.

Стало тихо, никто не сказал ни слова, только Краснокуцкий сквозь зубы сплюнул на снег. Заяц все еще недоумевающе глядел в лицо Ивановскому.

– Называется, городили огород! Плели лапти, – бросил в сердцах Лукашов.

– Что поделаешь! – вздохнул Краснокуцкий. – На войне все случается.

– А может, ее там и не было? Может, она где в другом месте? – недобро засомневался Лукашов, по-прежнему стоя обращаясь к лейтенанту.

– Там была, – просто ответил ему Пивоваров. – Столбы вон остались. Без проволоки только.

Лейтенант отошел от волокуши, скользнув взглядом по Суднику, который с бруствера напряженно смотрел в ров. Командир старался не видеть Лукашова, но он чувствовал, как недобрая, злая сила распирала старшего сержанта, и тот готов был начинать ссору.

– А что, и следов никуда нет? – со спокойной деловитостью спросил Дюбин.

– Ничего нет, – сказал Ивановский.

– Что же получается... Как же так? – не унимался Лукашов. – Кто-то виноват, значит.

Лейтенант резко обернулся к нему.

– Это в чем виноват?

– А в том, что понапрасну этак выкладывались! Да и люди погибли...

– Так вы что предлагаете? – осадил его лейтенант резким вопросом.

Он не мог начинать с ним спор, так как знал, что в этом их напряжении недалеко до ссоры, к тому же он не мог не чувствовать, что в значительной степени старший сержант прав. Но зачем теперь много говорить об этом, без того было тошно, каждый переживал эту неудачу. К тому же в таких случаях в армии было непозволительно выражать свое недовольство или возмущение – подобное всегда пресекалось с наибольшей строгостью.

Лукашов же загорячился, глаза его зло блестели, одутловатое в щетине лицо стало недобрым.

– Что мне предлагать? Я говорю...

– Помолчите лучше!

Старший сержант умолк и отошел в сторону, а лейтенант опять сел в снег. Разговор был не из приятных, но что-то томившее его с утра разом спало, как-то само собой все разрешилось, хотя, может, и не самым наилучшим образом. К нему больше не обращались, наверно, видели, что теперь он знает не больше остальных. Бойцы молча ждали новой команды или решения, как быть дальше, и он, поняв это, достал из-за пазухи карту. Он попытался все же что-то найти на ней, что-то решить про себя, пытался понять, куда с наибольшей вероятностью могла переместиться эта проклятая база. Но сколько он ни вглядывался в карту, та не ответила ни на один из его вопросов, красная линия шоссе скоро убегала за ее край, соседнего же листа у него не было. И здесь, а наверно, и дальше удобных для складов мест была пропасть: в лесах, перелесках, овражках. Где ее искать?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Он так сидел долго и молчал, не убирая с колен разложенной карты, по которой снежной крупой шуршал ветер. Он уже ничего не рассматривал на ней – просто ушел от ненужных теперь разговоров с бойцами, их вопрошающих взглядов. Он чувствовал, что незамедлительно нужно что-то решить, как только стемнеет, отсюда надо убираться. Только куда?

– Подмените Судника. Небось закоченел на ветру, – ни к кому не обращаясь, сказал лейтенант, когда почувствовал, что недоброе молчание в группе слишком затянулось. – Заяц!

Заяц сразу же встал и начал взбираться на бруствер, а Судник, обрушивая снег, на заду сполз в ров. Поднятое им снежное облако обдало Дюбина, который заворочился и встал на ноги.

– Так что же дальше, командир? – спросил он.

– Что именно? – сделал вид, будто не понял, Ивановский, хотя он отлично понимал, что беспокоит старшину.

– Куда дальше пойдём?

– Вы пойдёте назад, – просто решил командир.

– Как? Я один?

– Вы и остальные. Попытайтесь спасти Хакимова.

– А вы?

– Я? Я попробую отыскать базу.

– Один?

Этот вопрос старшины Ивановский оставил без скорого ответа. Он не знал, пойдёт ли один или с кем ещё, но что надо продолжить поиски, это он вдруг понял точно. Он не мог возвратиться ни с чем, такое возвращение было выше его возможностей.

– Нет, не один. Кто-то ещё пойдёт.

– В самом деле? А может, я, лейтенант? – сказал Дюбин, как бы испытывая себя своей решимостью.

Но лейтенант молчал.

Ивановский напряженно додумывал то, чего не додумал раньше. Конечно, выход для него возможен только такой, он не мог рисковать всеми, его люди сделали все, что должны были сделать, и не их вина, что цель оказалась недостигнутой. Далее начинался особый счет его командирской чести, почти личный его поединок с немецкой уловкой, и бойцы к этому поединку не имели отношения. Тем более, что шансы на успех пока были неясны. Отныне он станет действовать на свой страх и риск, остальные должны возвратиться за линию фронта.

Лейтенант поднял от карты лицо и прямо посмотрел на Дюбина. Иссеченное преждевременными морщинами, темное от стужи лицо старшины было спокойно, взгляд из-под маленького козырька краснозвездной буденовки спокойно-выжидателен и ненавязчив, он как бы говорил сейчас: возьми – хорошо, а нет – напрашиваться не стану. И лейтенанту почти захотелось взять с собой старшину, наверно, лучшего напарника здесь не сыскать. Но тогда старшим в отходящей группе он должен назначить Лукашова, а он почему-то не хотел этого. Лукашова он уже немного узнал за время этого их пути сюда, и в душе командира появилось устойчивое предубеждение против него.

Значит, с группой должен остаться Дюбин.

Их очень немного возвращалось назад, на их попечении был трудный Хакимов, обратный их путь вряд ли окажется легче пути сюда, а лейтенанту очень хотелось, чтобы они по возможности благополучно дошли до своих. В этом смысле разумнее всего было положиться на опытного, уравновешенного старшину Дюбина.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Нет, старшина, – сказал лейтенант после продолжительной паузы. – Поведете остальных. Со мной пойдет... Пивоваров.

Все с некоторым удивлением повернули головы в сторону прилегшего на бок Пивоварова, который при этих словах лейтенанта вроде засмутился и сел ровно.

– Так, Пивоваров?

– Ну, – просто ответил тот, вспыхнув и сморгнув белесыми ресницами.

– Ну и лады, – сказал лейтенант, довольный тем, что все так скоро уладилось.

Потом он не раз будет спрашивать себя, почему его такой важный выбор так неожиданно для него самого, почти бессознательно пал на этого молодого бойца? Почему бы в помощники себе не выбрать сапера Судника или рослого сильного Краснокуцкого? Неужели безропотная покорность слабосильного паренька единственно определила его решение? Или тут повлиял на него их сегодняшний совместный бросок через шоссе, где они вдвоем пережили опасность и первое общее для всех разочарование.

Тем не менее выбор был сделан, Пивоваров как-то враз подобрался, помрачнел или посерьезнел и тихо сидел в истоптанном снежном сугробе.

– Что ж, ваше дело, – сказал Дюбин. – Как там передать, в штабе?

– Я напишу, – подумав, сказал Ивановский.

Бумаги, однако, у него не нашлось, был только трофейный карандаш с выдвижным стержнем, пришлось старшине вырвать листок из замусоленного своего блокнота, на котором лейтенант, недолго подумав, написал:

«Объекта на месте не оказалось. Группа понесла потери, отправляю ее обратно. Сам с бойцом продолжаю поиски. Через двое суток предполагаю вернуться. Ивановский. 29.11.41 г.».

– Вот. Передайте начальнику штаба.

– Это самое, гранаты возьмете?

– Да. Гранату и пару бутылок. Пивоваров, возьмите у Судника бутылки. Гранату давайте мне.

Старшина снял с пояса противотанковую гранату, которую лейтенант тут же подвязал тесемкой к ремню.

– И подрубить бы запастись надо?

– Подрубить тоже. Дайте сухарей. Консервов пару банок. Сами-то уж в АХЧ завтракать будете.

– Дал бы Бог, – вздохнул Краснокуцкий.

– Только смотрите при переходе. Как бы опять не напоролись. Не жалеете животов – головы целее будут.

– Это понятно, – тихо согласился Дюбин.

– Ну вроде темнеет, можете двигать. А мы еще посидим тут. Как там на шоссе, Заяц?

– Какая-то с фарами катит. Одна или больше – хорошо не видать.

Старшина завязал вещевой мешок, Пивоваров складывал в свой сухари и две большие, завернутые в портянки бутылки с КС. Лукашов и Краснокуцкий, не ожидая команды, подступили к обсыпанному снежной пылью Хакимову.

– Смотрите Хакимова, – сказал лейтенант Дюбину. – Может, еще дотянет до утра.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– О чем разговор!..

– Тогда все. Топайте!

– Что ж, счастливо, лейтенант, – обернулся Дюбин и тут же скомандовал бойцам: – А ну взяли! За лыжи, за лыжи берите. Поднимайте. Выше, еще выше. Вот так...

Они подняли Хакимова и с трудом выбрались из рва. На бруствере Дюбин еще оглянулся – прощание вышло второпях, скомканным, и Ивановский махнул рукой:

– Счастливо.

Когда они скрылись там и последним исчез за бруствером высокий капюшон старшины, Ивановский сел в снег. Он почувствовал особенное удовлетворение оттого, что Дюбин не пропал окончательно, догнал группу и теперь с теми, кто возвращался, будет толковый и человечный командир, который должен их привести к своим. А они здесь как-нибудь справятся вдвоем с Пивоваровым, который все еще стоял во рву, глядя поверх высокого бруствера.

Чтобы разрушить неловкость, вызванную этим прощанием, лейтенант сказал с несвойственной для него словоохотливостью:

– Садись, Пивоварчик, отдохнем. Тебя как звать?

– Петр.

– Петька, значит. А меня Игорь. Ну что ж, может, нам еще повезет? Как думаешь?

– Может, и повезет, – неопределенно сказал Пивоваров, потирая лодыжку винтовки, и вздохнул тихонько и прерывисто.

– Ладно, пока есть время, давай подрубаем, меньше нести будет, – сказал Ивановский, и Пивоваров, присев, начал развязывать вещевой мешок.

Глава девятая

Спустя полчаса, когда хорошо притемнело, они выбрались из своего снежного укрытия. Оба продрогли, сильно озябли ноги, хотелось сразу пуститься на лыжах, чтобы согреться. Но прежде надо было оглядеться. К ночи движение на шоссе поубавилось, шли одиночные машины, у некоторых слабо светились подфарники. Вокруг было тихо и пусто; снежные дали с перелесками затянуло вечернею мглой, облачное беззвездное небо низко нависло над снежным ночным пространством. Ивановский решил идти на восток вдоль шоссе, не выпуская его из виду и следя за движением на нем; он думал, что, как и в тот раз, осенью, базу должны выдать машины.

Они скоро спустились со своего пригорка, по рыхлому снегу перешли ложину. Двадцати минут ходьбы вполне хватило на то, чтобы согреться и даже слегка устать. Что ни говори, а сказывалась прошедшая ночь. К тому же в отличие от вчерашнего Ивановский сразу почувствовал на ходу, что раненая нога стала болеть сильнее, невольно он двигал ее осторожнее, больше нажимая на левую. Правда, он все же старался привыкнуть к этой своей боли, думал, как-нибудь обойдется, разойдется, авось нога не подведет. Но, поднявшись на очередной пригорок, лейтенант почувствовал, что надо отдохнуть. Он слегка расслабил ногу, перенес тяжесть тела на здоровую, и, чтобы подошедший Пивоваров ничего не заподозрил, сделал вид, что осматривается, хотя осматриваться не было надобности. Шоссе находилось рядом, оно лежало пустое, впереди мало что было видно: сильный восточный ветер упруго дул в лицо, от него слезились глаза.

– Ну как, Пивоварчик? – нарочито шутливым голосом спросил лейтенант.

– Ничего.

– Согрелся?

– О, упарился даже.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Ну давай дальше.

То и дело поглядывая по сторонам, они прошли еще около часа, обошли край рощи, сосняк, какие-то постройки у дороги – после вчерашнего обстрела с хутора Ивановский старался держаться от жилья подальше. Шоссе почти всюду шло прямо, без поворотов, это облегчало ориентировку, и лейтенант только изредка поглядывал на компас – проверял, выдерживается ли направление.

Настроение его вроде бы даже улучшилось, Пивоваров шел по пятам, не отставая ни на один шаг, и лейтенант, остановившись в очередной раз, спросил с некоторой живостью в голосе:

– Пивоварчик, что ты в жизни видал?

– Я?

– Да, ты. В жизни, говорю, что видал?

Пивоваров пожал плечами.

– Ничего.

– Книжек ты хоть почитал?

– Книжек почитал, – не сразу, словно бы вспоминая, ответил боец. – Весь Жюль Верн, Конан Дойл, Вальтер Скотт, Марк Твен...

– А Гайдар?

– И Гайдар. И еще Дюма все, что достал, прочитал.

– Ого! – удивился лейтенант и даже с некоторым уважением поглядел на Пивоварова.
– И когда ты успел столько?

– А я заболел в шестом классе и полгода не учился. Ну и читал. Все перечитал, что в библиотеке нашлось. Мне из библиотеки носили.

Да, наверно, это было здорово – проболеть полгода и прочитать всю библиотеку. Сколько Ивановский мечтал заболеть в детстве, да и в училище, но больше трех дней ему проболеть не удавалось. Здоровье у него всегда было хорошее, и читал он немного, хотя хорошие книги всегда вызывали в нем прямо-таки душевный трепет. И лучше Гайдара ему в своей жизни ничего читать не пришлось. И то в детстве. Потом стало не до литературы – пошли книги другого характера.

Вокруг по-прежнему было тихо, в общем, спокойно, как бывает спокойно лишь в значительном удалении от передовой. Ивановский шел теперь без вчерашней горячки, преодолевая заметную тяжесть в ногах и во всем теле и непроходящую, связывающую каждое движение боль в ране. Правда, боль пока была терпимой. Чтобы не сосредоточиваться на ней, лейтенант старался отвлечься чем-то другим, посторонним. То и дело его мысли уносились к бойцам, что теперь под началом Дюбина возвращались к своим. Наверно, уже идут вдоль реки, поймой. Хорошо, если не занесло лыжню, она поможет сориентироваться.

Впрочем, Дюбин, наверно, и без того запомнил дорогу, а в случае чего – выручит карта. Карта на войне – ценность, жаль только, что не всегда хватает этих самых карт. Все время думалось, как там Хакимов? Конечно, намучаются с ним, не дай Бог. Особенно при переходе линии фронта. Теперь с ним не вскочишь, не рванешь на лыжах, надо все ползком, по-пластунски. Хоть бы прошли. Но Дюбин, наверно, сумеет, должен пройти. Дюбин же и объяснит начальнику штаба их неудачу, как-то оправдается за группу и за ее командира. Хотя при чем командир? Кто мог подумать, что за каких-нибудь десять дней все так изменится и немцы переместят базу?

Лично себя Ивановский не считал виноватым ни в чем, кажется, он сделал все, что было в его возможностях. Тем не менее какой-то поганый червячок виноватости все же шевелился в его душе. Похоже, все-таки лейтенант недосмотрел в чем-то и в итоге вот не оправдал доверия. Именно это неоправданное доверие смущало его больше всего. Теперь лейтенант прямо съезжился при мысли, что из этой его затеи

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru вдруг ничего не выйдет.

Ивановский очень хорошо знал, что значит так вот, за здорово живешь, испохабить хорошее мнение о себе. Однажды уже случилось в его жизни, что, злоупотребив доверием, он так и не смог вернуть доброе расположение к себе человека, который был ему дорог. И никакое его раскаяние ровно ничего не значило.

Незадолго перед тем Игорю исполнилось четырнадцать лет, и он пятый год жил в Кубличах – небольшом тихом местечке у самой польской границы, где в погранкомендатуре служил ветврачом его отец. Развлечений в местечке было немного, Игорь ходил в школу, дружил с ребятами, большую часть времени, однако, пропадая на комендантской конюшне. Лошади были его многолетней, может, самой большой привязанностью, всепоглощающим увлечением его отрочества. Сколько он перечистил их, перекупал, на скольких он переездил верхом – в седле и без седла. Года три подряд он не замечал ничего вокруг, кроме своих лошадей, каждый день после уроков бежал на конюшню и уходил только для сна, чтобы назавтра к приходу дежурного снова быть там. Пограничники иногда шутили, что Игорь – бессменный дневальный по конюшне, и он бы с удовольствием стал таковым, если бы не уроки в школе.

На конюшне всегда была масса интересного, начиная от кормежки и водопоя, чистки скребком и щеткой и кончая торжественным ритуалом выводки с построением, суетой красноармейцев, придирчивостью большого начальства, носовыми платками проверявшего чистоту конских боков. Было что-то безмерно увлекательное в выезде, верховой езде, занятиях по вольтижировке, и, конечно же, совершенно захватывала его рубка лозы на плацу за конюшней, когда вдоль ряда стояков с прутьями во весь опор скакали кавалеристы, направо и налево срубая клинками кончики лозовых прутьев. А чего стоила джигитовка самого лихого наездника в отряде знаменитого лейтенанта Хакасова!

Но выводку, рубку, джигитовку он наблюдал со стороны, сам по малости лет в них не участвуя, – его не пускали в строй и даже ни разу не позволили проехаться с шашкой. Другое дело – купание. На луговом берегу озера, у песчаной отмели, стояла старая изгрызенная коновязь, и почти каждый горячий полдень к ней приводили потных, истомленных, рвущихся в воду лошадей. Начиналось купание, и тут уж Игорь Ивановский отводил душу, плескаясь до тех пор, пока последняя лошадь не выходила из озера.

Обычно он приезжал на Милке – молодой рыжей кобыле с тонконогим играстым жеребенком. Милка была закреплена за командиром отделения Митяевым, с которым у Игоря сложились какие-то совершенно особые, может, даже необычные между пацаном и взрослым человеком отношения. Этот Митяев хотя и служил срочную, но в отличие от других двадцатилетних бойцов-пограничников казался Игорю почти стариком, с изрезанным морщинами лицом, тяжелой походкой и медлительностью пожилого деревенского дядьки. Родом Митяев был из Сибири, дома у него остались взрослые дочери, и он давным-давно должен был бы призваться да и отслужить свою службу, если бы не какая-то путаница в документах, утверждавших, что Митяеву всего двадцать два года. Как это получилось, не мог объяснить и сам Митяев, который только ругал какого-то пьяного дьячка в церкви, по чьей милости ему приходилось служить с теми, кто годился ему в зятья.

Лошади для Митяева не были новинку, наверно, за свой век он перевидел их множество и охотно доверял свою Милку расторопному сыну ветеринара. Игорь кормил ее, чистил, мыл и выгуливал, в то время как Митяев учил да похваливал, а то и просто, потягивая свою сигарку, отдыхал в курилке. Случалось, что он заступался за своего помощника перед его отцом, когда тот пробирал сына за длительное отсутствие, из-за чего, разумеется, не могли не страдать уроки. Отношения у него с Митяевым, в общем, сложились такие, что лучших не пожелаешь, и отец не раз говорил, что этот сибиряк, наверно, заменит ему родителя. Игорь не возражал, он считал, что Митяев в самом деле лучше отца, не жившего с матерью, любившего выпить и вовсе не баловавшего вниманием своего самопаса-сына.

Однажды обычная возня с лошадьми на озере была нарушена небольшим событием – в купальню привезли лодку. Привез ее на пароконной повозке старшина Белуш, он же опробовал ее на воде и сказал, что лодка принадлежит самому коменданту Зарубину и что никто не смеет притронуться к ней пальцем. Чтобы гарантировать ее сохранность, Белуш пристроил цепь и примкнул лодку к стояку коновязи. Неизвестно, по какой причине лодка почти все лето пролежала на берегу. Зарубин

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ею не пользовался, и местечковые мальчишки сгорали от такого понятного в их возрасте желания поплавать на ней по озеру.

Как-то под вечер, когда лошади были уже выкупаны и стояли на привязи, а дневальные шли в комендатуру за обедом, Игорь взял прихваченные из дому удочки и пошел на протоку половить окуней. Клевало, однако, плохо, и он уже собрался было перейти на другое место, как из ольшаника вылезли Колька Боровский и Яша Финкель, школьные его приятели. После недолгого разговора они дали понять, что есть возможность «стырить» комендантову лодку и сплавить к другому берегу, где синел большой хвойный лес и где никто из них еще не был. Игорю эта затея показалась весьма заманчивой, кого из местечковых ребят не привлекал тот берег, но добраться к нему было трудно – на пути лежало топкое с провалами болото в устье протоки, в которой, говорили, жил водяной. Было соблазнительно завладеть лодкой, но у коновязи оставался дежурный Митяев, отвечавший за эту лодку перед самим капитаном Зарубиным. Когда Игорь сказал об этом ребятам, те заухмылялись. Оказывается, они уже высмотрели, что Митяев спал под кустом на попоне, а что касается замка, то Колька тут же выложил перед Игорем большой ключ от отцовского деревянного сарая, запиравшегося в точности таким же замком, как и зарубинская лодка. Игорю ничего более не оставалось, как взять этот ключ и легко и просто отомкнуть замок лодки.

Весел у них не было, нашелся лишь длинный еловый шест, они тихонько стащили лодку на отмель и попрыгали в нее. Сначала отпихивались шестом, потом начали грести руками, кое-как лодка выплыла на середину, и тут обнаружилось, что она рассохлась на берегу сверх меры, и сквозь ее борта ручьями полилась вода. Выливать воду было нечем, они попытались выплескивать ее горстями, но лодка все больше уходила кормой под воду, и вскоре ребятам пришлось в спешном порядке покинуть судно. Вдоволь нахлебавшись теплой воды, они кое-как добрались до берега. Лодка же медленно затонула.

Митяев у коновязи спал так крепко, что ничего не услышал, а ребята высушились в укромном местечке и к вечеру разошлись по домам. Назавтра, разумеется, начались поиски пропажи, оказалось, кто-то видел возле купальни местечкового дебошира Темкина, на которого тут же и составили протокол. Пытались допросить также и Игоря, бывшего с утра у коновязи, но дежурный Митяев не мог себе даже представить своего любимца в роли похитителя и поручился за него. И когда день спустя Игорь скрепя сердце все же признался Митяеву в своей виновности, тот сперва ему не поверил. Пришлось указать место, где неглубоко на илистом дне затонула лодка, которую скоро подняли и приволокли к берегу. Завидев ее, Митяев лишь сплюнул в песок и отошел в сторону, даже не взглянув на обожаемого своего помощника. Их двухлетняя дружба на том и окончилась. До самой демобилизации Митяев не сказал парню ни единого слова, будто не замечал его вовсе, не отвечал на его приветствия, при встрече проходил мимо, даже не удостоивая его взглядом. Игорь не обижался, знал: это презрение было вполне им заслужено.

На их пути скоро оказался редкий молодой соснячок-посадка, они быстро прошли меж его ровных рядов и вдруг оба враз замерли. На самой опушке, очевидно, была дорога, по которой теперь куда-то в сторону, медленно, вихляя по ухабам, ползли в темноте машины. Сначала Ивановскому показалось, что он сбился с пути и вышел на шоссе, но вскоре он понял, что это не шоссе вовсе, а, наверно, какой-нибудь съезд с него в сторону. Но почему на этом съезде машины?

Затаясь, он недолго постоял на опушке. Машины проходили совсем близко, передняя шла с включенными фарами, расхлябанно вихляя на неровностях крытым высоким кузовом. Следовавшие за ней три другие машины тоже были высокие и крытые: что они везли, невозможно было понять. Но то, что машины уходили в сторону от основной магистрали, наводило лейтенанта на некоторые обнадеживающие размышления. Не приближаясь к дороге, он свернул вдоль опушки следом за ними.

Теперь он шел совсем медленно, часто останавливался и вслушивался. Далекий утробный гул дизелей какое-то время еще был слышен, потом, заглушенный порывом ветра, как-то сразу затих. Ивановский поправил на себе то и дело сползавший ремень с тяжелой гранатой, оглянулся на Пивоварова. Тот был рядом, притихнув в предчувствии опасности и едва справляясь со своим дыханием.

– А ну посмотрим, что там. Ты приотстань чуток...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Пивоваров кивнул, поправляя за спиной винтовку, ремень от которой наискось перерезал его белую в маскхалате узкую грудь. Конечно, жидковат телом оказался его помощник, но тут и дождь бы, наверное, сдал. Зашуршав по снегу лыжами, Ивановский пошел по опушке.

Рощица скоро кончилась, впереди был ручей или речка с кустарником по берегам, Ивановский с заметным усилием уставшего человека перебрался через нее и еще прошел полем. Неожиданно для себя он увидел дорогу – две колеи, глубоко прорезанные в снегу автомобильными скатами. Чтобы не переходить ее и не потерять из виду, он вернулся назад и на некотором расстоянии пошел полем.

Деревня появилась неожиданно скоро – без единого звука, без проблеска света в серых сумерках вдруг выросла близкая крыша сарая, за ней следующая, и лейтенант тут же мысленно выругал себя за неосторожность – от деревни надо было держаться подальше. Он хотел было уже свернуть в сторону, как перед его взглядом за углом сарая промелькнуло характерное очертание гусеничного вездехода. Тут же было что-то и еще – непонятно громоздкое в сумраке, гибкий и тонкий шест от него торчал в небо, и, взглядевшись, лейтенант понял, что это антенна. Конечно, в деревне не могло быть никакой базы, зато вполне могло расположиться на ночлег какое-нибудь тыловое или маршевое подразделение немцев.

– Видал? – тихо спросил Ивановский напарника.

– Ну.

– Что это, как думаешь?

Пивоваров только пожал плечами, он не знал, так же как не знал того лейтенант, который теперь обращался к нему как к равному. Будь у него хоть пять или десять бойцов, Ивановский никогда бы не позволил себе такого почти панибратства, но теперь этот Пивоваров был для него более чем боец. Он был первым его помощником, его заместителем и главным его советчиком – другого здесь взять было неоткуда.

Выбросив в сторону лыжу, Ивановский развернулся в поле, Пивоваров повернул тоже, они круто взяли в обход. Но, минуто пройдя по снежному полю, лейтенант остановился при мысли: а вдруг это какой-нибудь крупный немецкий штаб? Штаб им пригодился бы даже более, чем та злосчастная база, которую неизвестно где было искать в ночи.

Минуто он постоял на ветру в раздумье, соображая, что предпринять. Рядом ждал Пивоваров. Боец понимал, видимо, что командир решал что-то важное для обоих, и ждал этого решения со спокойной солдатской выдержкой. А Ивановский думал, что, конечно, было бы благоразумнее обойти это осиное гнездо, но, может, сначала стоило подкрасться поближе, разведать, – авось подвернется что-либо сподручное.

Пока они стояли в нерешительности, где-то в селе неярко вспыхнуло пятнышко света, что-то осветило на снегу и тут же потухло. Этот случайный проблеск ровно ничего не объяснил, но он указал в темноте направление, определенное место. Очевидно, там была улица, и лейтенант вдруг решил все-таки попытаться подойти к ней возможно ближе, чтобы понять, что там происходит.

– Так. Пивоварчик, приотстань. И потихоньку – за мной.

Пивоваров согласно кивнул, Ивановский, решительно оттолкнувшись палками, пошел к деревне.

Сначала на его пути появилась старая поломанная изгородь, через пролом в которой он проскользнул в огород и увидел в ночных сумерках какие-то жиденькие деревца с кустарником – похоже, на меже двух огородов. Он свернул к этим деревцам и под их прикрытием тихо пошел по неглубокому снегу в сторону мягко темневших силуэтов построек.

Вокруг по-прежнему было тихо, холодновато, порывами дул ветер, в воздухе косо неслись негустые снежинки. Никаких определенных звуков сюда не долетало, но все же по каким-то необъяснимым приметам Ивановский угадывал присутствие в деревне посторонних, которыми теперь могли быть только немцы. Чувствуя, что вот-вот что-то ему откроется, он осторожно приближался к постройкам.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Совсем уже близко высилась заснеженная крыша сарая, возле кривобоко стоял подпертый жердями стожок. Деревца межевой посадки тут разом оканчивались, крайней в ряду была раскидистая грушка с толстоватым, заметным среди тонконогого вишняка стволом. Издали приметив ее, Ивановский подумал, что за этим грушевым комельком, по-видимому, надо присесть, подождать. Но он еще не дошел до грушки, как совершенно неведомо откуда подле стожка появилась какая-то фигура в распахнутой длинной одежде, и он, вздрогнув, смекнул: немец! Немец от неожиданности обмер, пристально вглядевшись в него, но тут же, видно, успокаиваясь, прокартавил издали:

– Es schien ein Russ...[66]

Ивановский ничего не понял и, наверно, чересчур резко дернул рукоятку висевшего на груди автомата. Затвор громко щелкнул в тишине. Немец, поняв свою оплошность, сдавленно, почти в ужасе вскрикнул и стремглав бросился по снегу от стожка – наискосок через огород, к соседнему дому. На секунду растерявшись, Ивановский присел и, кажется, очень вовремя: тут же от построек бахнул одиночный выстрел, пуля звучно щелкнула в намерзших ветвях кустарника. Но он уже был наготове и с колена коротко тыркнул по серому углу за изгородью, потом другой очередью – ниже, по беглецу, который уже вот-вот готов был скрыться в тени постройки. Последние его пули были, однако, излишними – немец сразу ткнулся головой в снег и застыл там; Ивановский, тут же выбросив левую лыжу на крутой разворот, схватил одну палку. Вторую впопыхах он уронил в снег и только нагнулся за ней, как в сумерках двора опять сверкнула красноватая вспышка, и он тихонько ахнул от глубокого, острого удара в спину. Сразу поняв, что ранен, вгорячах бешено рванулся на лыжах с этого огорода туда, где ждал его Пивоваров.

Видно, замешкавшись, немцы подарили ему четверть минуты дорогого для него времени. Он уже проскочил половину межевой посадки, а они только начали выбегать откуда-то из дворов на огород. Кто-то закричал там повелительно и строго, и вот человек пять их пустились вдогонку. Он ясно увидел их, оглянувшись, и на секунду замешкался, соображая, остановиться ему, чтобы огнем из ППД умерить их прыть, или скорее ускользнуть в темноту. Но у него уже не получалось скорее, он быстро слабел от боли, едва управляясь с лыжами.

Сзади несколько раз выстрелили, часто и не очень звучно, похоже, из пистолетов, но он все же оторвался от них, теперь попасть в него было трудно. И все же одна пуля ударила куда-то под самые ноги. Он, не оглядываясь, пригнулся пониже и изо всех быстро убывающих сил старался побыстрее вырваться из этого огорода. Но вот и еще одна пуля протянула свою визгливую струну над самой его головой, он вскинул автомат, чтобы дать очередь, как откуда-то спереди сильно и звучно бахнуло раз и второй. Он понял радостно, почти спасительно: это Пивоваров – выстрел своей трехлинейки он бы узнал где хочешь. Из сумерек еще и еще, почти навстречу ему один за другим сверкнули три частых удара, пули прошли совсем рядом, но он был уверен: своя пуля его не зацепит.

– Скорее, товарищ лейтенант!

Ивановский упал, немного не дойдя до изгороди, но не от боли в груди, которая быстро завладевала всей его правой половиной тела, а оттого, что не хватало дыхания. Он задохнулся. Но он знал, что Пивоваров уже где-то рядом и не оставит его.

Сплюнув снег, он тут же попытался подняться, но ноги его странно отяжелели, к тому же мешали скрестившиеся при падении лыжи. Одна из них вовсе соскочила с ноги, тогда он дернул другой и тоже высвободил ее из крепления. Сзади еще хлопнуло несколько выстрелов, но, похоже, его не преследовали, их задержал Пивоваров, который и выбежал к нему из сумерек.

– Товарищ лейтенант!..

– Тихо! Дай руку.

– Я уложил там одного! Пусть теперь сунутся...

Кажется, он не очень и удивился его ранению, быстро помог подняться, но, видно, бойца занимало другое, и он даже не пытался скрыть это. Похоже, он и не догадывался, как просто теперь их могли уложить тут обоих.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

лейтенант хотел было собрать лыжи, но опять голова у него закружилась, и он ткнулся плечом в мягкий морозный снег. Пивоваров, наверно, только теперь поняв состояние командира и скинув со своих ног лыжи, опять бросился к нему на помощь.

– Что, вас здорово, а? Товарищ лейтенант?

– Ничего, ничего, – выдавил из себя Ивановский. – Поддержи...

Надо было как можно скорее уходить отсюда, с минуты на минуту их могли настичь немцы. Пивоваров примолк вдруг и, поддерживая отяжелевшее тело лейтенанта, повел его куда-то в темень, подальше от деревни, в поле. Ивановский послушно тащился по снегу, заплетаясь ногами, в голове его хмельно кружилось, начинало тошнить. Два раза он сплюнул на снег что-то темное, обильное, не сразу поняв, что это кровь. «Хорошо получил!.. Хорошо получил!» – думал он почти со злорадством, как о ком-то другом, не о себе.

Они не оглядывались, но и без того было слышно, что сзади не унимался переполох, раздавались крики. Правда, выстрелов не было, но все еще доносившиеся встревоженные голоса подгоняли их пуце стрельбы. Очевидно, немцы высыпали на околицу или, может, шли следом.

У Ивановского уже все было мокро от пота и крови, на боку через бязь маскхалата проступило темное большое пятно, он трудно, загнанно дышал, то и дело сплевывая на снег кровавые сгустки. Несколько раз оба они падали, но Пивоваров, наскоро отдышавшись, вскакивал, хватал лейтенанта под мышки, и они снова шатко и неровно брели в серые морозные сумерки, петляя по зимнему, продутому всеми ветрами полю.

Когда уже совсем обессилели оба, лейтенант, выплюнув кровавую пену, промычал «стой» и упал боком на снег. Рядом упал Пивоваров. Уже нигде ничего не было слышно и ничего не видать, даже не понять было, в какой стороне деревня. Думалось, они ушли на край света, где нет ни своих, ни немцев, и Пивоваров, отдышавшись, сел на снегу.

– Сейчас перевяжем, – сказал он, зашарив по карманам в поисках бинта. – Куда вас?

– В грудь. Под рукой вот...

– Ничего, ничего! Сейчас. Перевяжу. А я тому как дал, так сразу... Другой, гляжу, драла... Целую обойму выпустил.

Ивановский откинулся на спину, расстегнул ремень, телогрейку. Пивоваров холодными руками зашарил по телу. Кровь, обильно пропитавшая одежду, начала уже остывать и жгла на морозе как лед. Впрочем, жегся, возможно, набившийся всюду снег, лейтенант то и дело содрогался в ознобе, но терпел молча. Боец туго обмотал его грудь двумя или тремя пакетами, накрепко связал их концы.

– Больно очень?

– Да уж больно, – с раздражением ответил Ивановский. – Все, застегни ремень.

Пивоваров помог командиру привести себя в порядок, застегнул на телогрейке ремень, одернул куртку маскхалата. Постепенно лейтенант начал согреваться, хотя тело его все еще бил мелкий нервный озноб, от которого спирало дыхание.

– Не надо было туда идти, – сказал боец, вытирая о шаровары испачканные кровью руки.

– Да? Что ж ты не сказал раньше?

– Так я не знал, – пожал одним плечом Пивоваров.

– А я знал? – раздраженно бросил лейтенант. Он понимал, что становится злым и несправедливым и что Пивоваров здесь ни при чем, что во всем виноват он сам. Но именно сознание этой виновности больше всего и злило Ивановского.

Да, теперь он влип, похоже, погубил себя и этого бойца тоже, завалил все задание

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru с базой, ничего не добился в деревне. Но поступить иначе – обойти стороной базу, штаб, эту деревню и тем сохранить себя он не мог. На такой войне это было бы кощунством.

– Диски давайте сюда. И автомат тоже. Я понесу, – тихо сказал Пивоваров, и Ивановский молча согласился, теперь, конечно, много унести он не мог. Собрал в себе жалкие остатки сил, он лишь повернулся, чтобы сесть на снег.

– Что ж, надо уходить.

– Ага. Давайте вон туда. Как и шли, – оживился Пивоваров. – Ей-богу, тут где-то деревня.

– Деревня?

– Ну. В какую-нибудь деревню надо. Без немцев чтоб.

Пожалуй, Пивоваров прав, подумал Ивановский. Теперь им остается только забиться в какую-нибудь деревню, к своим людям, больше деваться некуда. Он просто не сразу сообразил, как круто это его ранение изменило все его планы. Теперь, видно, следовало заботиться единственно о том, чтобы не попасть к немцам. Базы ему уже не видать...

Глава десятая

Они все шли по колено в снегу, без лыж – бессильно тащились, вцепившись друг в друга, от усталости едва не падая в снег. Пивоваров выбивался из сил, но не оставлял лейтенанта, правой рукой поддерживая его, а в левой волоча за ремни автомат и винтовку да на плече свой все время сползавший вещевой мешок. Ивановскому уже совсем невтерпех были эти муки, но, сцепив зубы, он вынуждал себя на последние усилия и шел, шел, только бы подальше уйти от той злосчастной деревни.

Тем временем в ночи повалил снег, вокруг забелело, затуманилось, мутное небо сомкнулось с мутной землей, затканной мигающе-секущим потоком снежинок. Невозможно было поднять лицо. Но ветер был слабее, чем вчера, к тому же, казалось, дул в спину, и они слепо брели по полю, временами останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Сплевывая кровь, Ивановский с тоской отмечал, как таяли его силы, и упрямо шел, надеясь на какое-то пристанище, чтобы не погибнуть здесь, в этом поле. Погибать он не хотел, пока был жив, готов был бороться хоть всю ночь, сутки, хоть вечность, лишь бы уцелеть, выжить, вернуться к своим.

Наверно, Пивоваров чувствовал то же, но ничего не говорил лейтенанту, только как мог поддерживал его, напрягая остатки своих далеко не богатырских сил. В других обстоятельствах лейтенант, наверно, удивился бы, откуда они еще брались у этого тщедушного, заморенного на вид паренька, но теперь сам он был слабее его и целиком зависел от его пусть даже небольших возможностей. И он знал, что если они упадут и не смогут подняться, то дальше будут ползти, потому что какое ни есть – спасение у них впереди; сзади же их ждала смерть.

В какой-то ложбине с довольно глубоким снегом они нерешительно остановились раз и другой. Пивоваров, придерживая лейтенанта, пытался рассмотреть что-то впереди, что лейтенант не сразу и заметил. Потом, присмотревшись сквозь загустевшую в ночи круговерть, он тоже стал различать неясное темное пятно, размеры которого, как и расстояние до него, определить было невозможно. Это мог быть и куст рядом, и какая-то постройка вдаль, а возможно, и дерево – ель на опушке. Тем не менее это пятно насторожило обоих, и, подумав, Пивоваров опустил Ивановского на бок.

– Я схожу. Гляну...

Лейтенант не ответил, говорить ему было мучительно трудно, дышал он с хрипом, часто сплевывая на снег. Рукавом халата вытер мокрые губы, и на белой влажной материи осталось темное пятно крови.

Вот, наверно, и все...

Если уж изо рта идет кровь, то, по-видимому, недолго протянешь, невесело подумал он, лежа на снегу. Голова его клонилась к земле, и перед глазами плясали

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru огненно-оранжевые сполохи. Но сознание оставалось ясным, это вынуждало бороться за себя и за этого вот бойца, нынешнего его спасителя. Спаситель сам едва стоял на ногах, но до сих пор лейтенант не мог ни в чем упрекнуть его – там, в деревне, и в поле Пивоваров вел себя самым похвальным образом. Теперь, почувствовав преимущество над командиром, он как-то оживился, стал увереннее в себе, расторопнее, и лейтенант подумал с уверенностью, что в выборе помощника он не ошибся.

Несколько минут он терпеливо ждал, тоскливо прислушиваясь к странному клокотанию в простреленной груди. Рядом лежал вещмешок Пивоварова, и лейтенант подумал, что надо, видимо, им разгрузиться, выбросить часть ноши. Теперь уж большой запас ни к чему, необходимы личное оружие, патроны, гранаты. Бутылки с КС, по-видимому, были уже без надобности. Но, обессилев, он не смог бы даже развязать вещмешок и лишь немощно клонился головой к земле. Он не сразу заметил, как из снежных сумерек бесшумно появилась белая тень Пивоварова, который обрадовано заговорил на ходу:

– Товарищ лейтенант, банька! Банька там, понимаете, и никого нет.

Банька – это хорошо, подумал Ивановский и молча, с усилием стал подниматься на ноги. Пивоваров, подобрав вещмешок, ППД, помог встать лейтенанту, и они опять побрели к недалекому притуманенному силуэту бани.

Действительно, это была маленькая, срубленная из еловых вершков, пропахшая дымом деревенская банька. Пивоваров отбросил ногой палку-подпорку, и низкая дверь сама собой растворилась. Нагнув голову и хватаясь руками за стены, Ивановский влез в ее тесную продыmlенную темноту, повел по сторонам руками, нащупав гладкий шесток, шуршащие веники на стене. Пивоваров тем временем отворил еще одну дверь, и в предбаннике сильно запахло дымом, золой, березовой прелью. Боец вошел туда и, пошарив в темноте, позвал лейтенанта:

– Давайте сюда. Тут вот лавки... Сейчас составлю...

Ивановский, цепко держась за косяк, переступил порог и, нащупав скамейки, с хриплым выдохом вытянулся на них, касаясь сапогами стены.

– Прикрой дверь.

– Счас, счас. Вот тут и соломы немного. Давайте под голову...

Он молча приподнял голову, позволив подложить под себя охапку соломы, и обессиленно смежил веки. Через минуту он уже не мог разобрать, то ли засыпал, то ли терял сознание, оранжевое полыхание в глазах стало сплошным, непрекращающимся, мучительно кружилось в голове, тошнило. Он попытался повернуться на бок, но уже не осилил своего налитого тяжестью тела и забылся, кажется, действительно потеряв сознание...

Приходил он в себя долго и мучительно, его знобило, очень хотелось пить, но он долго не мог разомкнуть пересохшие губы и попросить воды. Он лишь с усилием открыл глаза, когда почувствовал какое-то движение рядом, – из предбанника появилась белая тень Пивоварова с откинутым на затылок капюшоном и его автоматом в руках. В баньке было сумрачно-серо, но маленькое окошко в стене светилось уже по-дневному, ясно просвечивали все щели в предбаннике, и лейтенант понял, что наступило утро. Пивоварова, однако, что-то занимало снаружи, сгорбившись, боец припал к маленькому окошку, что-то пристально высматривая там.

Ивановский попытался повернуться на бок, в груди его захрипело, протяжно и с присвистом, и он закашлялся. Отпрянув от окошка, Пивоваров обернулся к раненому:

– Ну как вы, товарищ лейтенант?..

– Ничего, ничего...

Он ждал, что Пивоваров и еще что-то спросит, но боец не спросил ничего больше, как-то сразу притих и, пригнувшись все у того же окошка, сказал шепотом:

– Вон немцы в деревне.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– В какой деревне?

– В этой. Вон крайняя хата за вербой. Немцы ходят.

– Далеко?

– Шагов двести, может.

Да, если в двухстах шагах немцы, которые еще не обнаружили их, то можно считать, им повезло в этой баньке. Правда, до сих пор была ночь, вот начинается день, и кто знает, сколько им еще удастся просидеть тут незамеченными.

– Ничего. Не высовывайся только.

– Дверь я прикрыл, – кивнул Пивоваров в сторону входа. – Лопатой подпер.

– Хорошо. Воды нет?

– Есть, – охотно отозвался Пивоваров. – Вот в дежке вода. Я уже пил. Со льдом только.

– Дай скорее.

Пивоваров неловко напоил его из какой-то жестянки, вода пахла вениками, к губам припала размокшая березовая листва. В общем, вода была отвратительная, словно из лужи, и так же отвратительно было внутри у лейтенанта – что-то разбухало в груди, уже с трудом можно было вдохнуть: откашляться он не мог вовсе.

После питья стало, однако, легче, сознание вроде прояснилось, Ивановский огляделся вокруг. Банька была совершенно крохотная, с низким, закопченным до черноты потолком, такими же черными от копоти стенами. В углу, возле двери, чернела груда камней на печурке, возле которой стояла кадка с водой. На низком шесте над ним висели какие-то забытые тряпки. Конечно, в любой момент и по любой надобности тут могли появиться люди, которые и обнаружат их. И как он не подумал прежде, что банька не может быть далеко от деревни и что в этой деревне тоже могут быть немцы?

– Что там видать? – глухо спросил он Пивоварова, замершего теперь в предбаннике возле дверной щели.

– Да вон со двора вышли... Двое. Закуривают... Пошли куда-то.

– Немцы?

– Ну.

– Ничего, смотри только. Легко они нас не возьмут.

Конечно, он понимал цену своего голословного утешения, но что он мог еще? Он знал только, что, если нагрянут немцы, придется отбиваться, пока хватит патронов, а там... Но, может, еще и не нагрянут? Может, они и вовсе уйдут из деревни? Странно, но теперь в его ощущениях появились какие-то новые, почти незнакомые ему оттенки, какое-то неестественное в этой близости от немцев успокоение, похоже, он утратил уже свою спешку, свое нетерпение, не оставлявшее его все последние дни. Теперь все это разом куда-то исчезло, пропало, наверное, вместе с его силами, лишившись которых он лишился также и своего душевного напора, энтузиазма. Теперь он старался поточнее все взвесить, выверить, чтобы поступить наверняка, потому что любая ошибка могла оказаться последней. И первой его ясно понятой неизбежностью была готовность ждать. Днем в снежном поле, на краю деревни, ничего нельзя было, кроме как запастись до ночи терпением, чтобы с наступлением темноты что-то предпринять для своего спасения.

Но чтобы ждать, тоже нужны были силы, надо было как-то удержать в себе зыбкое свое сознание, усилием воли сохранить выдержку. Это тоже было нелегко, даже здоровому, каким был Пивоваров. В этой западне на виду у немцев не просто было совладать с нервами, думал лейтенант, наблюдая, как кидался по баньке боец – то к окошку в стене, то в предбанник с множеством щелей. Выглядел он испуганным, и каждый раз, глядя на бойца, Ивановский думал – идут! Но, наверно, чтобы

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru успокоить командира да и себя тоже, Пивоваров время от времени приговаривал вслух:

– Кто-то на тропку вышел... К колодцу вроде. Ну да. Какая-то тетка с ведром...

И минуту спустя:

– О-о! Выходят. Нет, стали. Стоят... Пошли куда-то.

– Куда пошли?

– А черт их знает! Спрятались за сараем.

– Ничего, не волнуйся. Сюда не придут.

Он не стал забирать у бойца свой автомат, подумав, что при случае тот справится с ним ловчее, у него же оставалась граната. Теперь без гранаты ему нельзя. Он отвязал ее от пояса и положил возле лавки. У изголовья стояла прислоненная к стене винтовка – все было на месте, оставалось терпеливо ждать, полагаясь на удачу.

– Сунутся, тут и останутся, – сказал Пивоваров, подходя к окошку. – Правда, и мы...

Ивановский понял, что не досказал Пивоваров, и спросил неожиданно:

– Жить хочешь?

– Жить? – почти удивился боец и вздохнул. – Не худо бы. Но...

Вот именно – но! Это НО дьявольским проклятием встало поперек их молодых жизней, уйти от него никуда было нельзя. В то памятное воскресное утро оно безжалостно разрубило мир на две половины, на одной из которых была жизнь со всеми ее немудрящими, но такими нужными человеку радостями, а на другой – преждевременная, страшная в своей обыденности смерть. С этого все и началось, и, что бы ни случилось потом, в последующих передрыгах, неизменно все наткнулось на это роковое НО. Чтобы как-то обойти его, обхитрить, пересилить на своем пути и продлить жизнь, нужны были невероятные усилия, труд, муки... Разумеется, чтобы выжить, надобно было победить, но победить можно было, лишь выжив, – в такое чертово колесо ввергла людей война. Защищая жизнь, страну, надо было убить, и убить не одного, а многих, и чем больше, тем надежнее становилось существование одного и всех. Жить через погибель врага – другого выхода на войне, видимо, не было.

А что вот, если, как теперь, ему невозможно и убить? Он мог лишь убить себя, а боец он уже был плохой. Как бы ни утешал он себя и Пивоварова, как бы ни вынуждал на усилия, он не мог не сознавать, что с простреленной грудью он не вояка.

Тогда что же – тихо умереть в этой баньке?

Нет, только не это! Это было бы едва не подлостью по отношению к себе, к этому бойцу, которого он тоже обрекал на гибель, по отношению ко всем своим. Пока жив, этого он себе не позволит.

Он даже испугался этой своей мысли и очнулся от короткого забытья. Надо было предпринять что-то, предпринять немедленно, не теряя ни одной минуты жизни, потому что потом может быть поздно.

Мечась в горячечных мыслях, он долго мучительно перебирал все возможные пути к спасению и не находил ничего. Тогда опять наступила апатия, расслабляющая ум отрешенность, готовность покорно ждать ночи.

Проклятая деревня! – в который раз твердил он себе, она его погубила. И надо же было так нелепо наткнуться на этого фрица, поднявшего крик, вступить в перестрелку, получить пулю в грудь... Но все-таки что-то там есть. Эта тишина, скрытность, несомненно, были искусственными, поддержанными твердой дисциплиной, невозможной без власти большого начальства. Опять же антенны... По всей

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru видимости, там расположился какой-то большой, может, даже армейский штаб, в глубоко тылу маленького штаба не будет. Как было бы кстати нанести по нему удар!..

Но как нанесешь? Самолеты теперь не летают, а установится погода – тогда ищи его, как эту вот распроклятую базу боеприпасов.

Что же, ему не повезло в самом начале, а в конце тем более. Если бы не это ранение, по существу, погубившее его, уж что-нибудь он бы, наверно, придумал. Можно было бы устроить засаду, взять «языка». Но теперь как возьмешь? Теперь его самого можно взять вместо «языка», разве что толку от него будет немного. Впрочем, пока он живой и у него есть граната, которой вполне хватит для обоих и для этой вот баньки, его им не взять. Видно, на гранату теперь вся надежда.

Но шло время, а никто их не тревожил в этом тесном и темном, провонявшем дымом убежище на краю села. Пивоваров теперь больше простаивал за простенком, изредка комментируя то, что удавалось увидеть сквозь щель. Но вот он умолк, видно, ничего особенного там не было, и лейтенант вдруг тихо спросил:

– У тебя мать есть?

Наверное, это был странный в их положении вопрос, и Пивоваров не понял:

– А? Что вы сказали?

– Мать есть?

– Есть, конечно.

– И отец?

– Нет, отца нет.

– Что, помер?

– Да так, – неопределенно замялся Пивоваров. – Я с матерью жил. Вот если бы она знала, как нам тут! Было бы страху!

– Хорошая мамаша?

– Ну, – односложно подтвердил боец. – Я же у нее один. Бывало, все для меня.

– Откуда родом?

– Я? Из-под Пскова. Городок такой есть – Порхов, может, слышали? Вот там жили. Мама в школе работала, учительницей.

– Говоришь, обожала?

– Ну. Еще как! Прямо смешно было. С ребятами когда нашались – трагедия. Завтрак не доешь – трагедия. А уж если заболею – ого! Всех врачей на ноги поднимет, неделю лекарствами кормить будет. Смешно было... А теперь не смешно.

– Теперь не смешно, – вздохнул лейтенант.

– Мама – золото. Я у нее один, но и она у меня ведь тоже одна. У нас там и родни никакой. Мама из Ленинграда сама. До революции в Питере жила. Сколько мне про Питер нарасказывала!.. А я так ни разу и не съездил. Все собирался, да не собрался. Теперь после войны разве.

– После войны, конечно.

– Я, знаете, ничего. Я не очень: убьют, ну что же! Вот только мать жалко.

Матери жаль, разумеется, молча согласился Ивановский, впрочем, жаль и отца тоже. Даже и такого, каким был его отец, ветеринар Ивановский. Не очень добрый и не очень чтоб умный, любитель посудачить с мужиками и в меру выпить по праздникам, он иногда казался глубоко несчастным, потрепанным жизнью неудачником. В самом

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru деле, у всех были жены, заботящиеся о питании, быте, семейных удобствах, в разной степени, но неизменно обожающие своих мужей-командиров, а они с отцом, сколько помнил Игорь, всегда жили в каких-то каморках, углах, на частных квартирах, обходясь на обед куском сала, миской капусты, вчерашними консервами и одной на двоих алюминиевой ложкой. Мать свою Игорь едва помнил и почти никогда не спрашивал о ней у отца, знал: стоит завести о ней разговор, как отец не может удержаться от слез. С образом матери была связана какая-то семейная драма Ивановских, и сын даже не знал, была ли она жива или давно умерла. Впрочем, как выяснилось потом, отец тоже знал об этом едва ли больше его.

Об отце Ивановского знакомые говорили разное, по-разному относился к нему его сын, но все равно это был отец, по-своему любивший единственного своего сына, желавший ему только хорошего, радовавшийся его военному будущему. И вот дорадовался. Последнее письмо от него Ивановский получил в училище перед выпуском, в начале июня; отец был под Белостоком, все в том же пограничном отряде, а Игорь получил назначение в Гродно, в распоряжение армейского отдела кадров, и думал, что они скоро свидятся. Он даже не ответил отцу на его письмо, а потом уж и отвечать стало некуда. Где он, жив или нет? Никто ему толком ответить не мог, да и спрашивать было не у кого. Видно, с отцом у Ивановского все навсегда было кончено, надежд на встречу никаких не осталось...

Так же, как и с его Янинкой...

Странно, но ту страшную разлуку с девушкой он переживал куда дольше и труднее, чем вечную, по всей вероятности, разлуку с отцом. Правда, потом в боях, в кровавой сумятице фронтовых будней часто забывал о ней, чтобы совершенно неожиданно где-нибудь на ночлеге, в тихую минуту перед щемящей неизвестностью предстоящего боя вдруг вспомнить до пронзительной боли в сердце. Он никому не рассказывал об этой своей первой и, наверно, последней, такой скоротечной любви, знал, чувствовал: у других было не легче. Кто в войну не переживал, не сох, не страдал от разлуки с любимой, матерью, женой или детьми... Разлуки томили, жгли, болью точили сердца, и никто ничего не мог сделать, чтобы облегчить эту боль.

...Кажется, он снова забылся – уснул или просто затих на мучительном рубеже между жизнью и смертью, и, когда очнулся, банька почти погрузилась в сумерки. Он уже не глядел на свои часы, время теперь для него потеряло свой изначальный смысл, состояние его вроде и еще ухудшилось. Он часто, мелко дышал, утренний озноб сменился теперь потливым жаром. Очнувшись, он пошарил по баньке взглядом и увидел Пивоварова, который сидел на опрокинутом деревянном ведре у окна и грыз сухарь. Окно потело от его дыхания, и боец рукавицей то и дело протирал стекла.

– Что там? – открыв и снова закрывая глаза, спросил лейтенант.

– Все то же. Не уходят, сволочи.

Не уходят – значит, в деревню не сунуться. Но куда же, кроме деревни, им теперь можно сунуться? В поле будет похуже, чем в этой баньке, в поле доконает мороз. Но и здесь вряд ли они дождутся хорошего.

Черт, нужны были лыжи, они зря бросили их в той деревне. Хотя там, под огнем, было не до лыж – важно было унести ноги. Но теперь вот без лыж они просто не могли никуда уйти из этой бани.

Конечно, ему все равно, лично ему лыжи уже без надобности. Но Пивоварову они просто необходимы. Без лыж парню никак не добраться до линии фронта – на первом же километре дороги его схватят немцы.

– Пивоварчик, как думаешь, до той деревни далеко?

– Какой деревни?

– Ну той... вчерашней.

– Может, километра два.

Оказывается, так близко, а ему ночью казалось, что они ушли от нее километров на пять, не меньше. Впрочем, меры расстояний и времени, очевидно, потеряли для него истинное свое значение, каждый метр пути и каждая минута жизни невероятно

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru растягивались его муками, искажая нормальное, человеческое восприятие их. Наверно, теперь ему следовало больше полагаться на Пивоварова.

- А что надо, товарищ лейтенант? – спросил боец.
- Сходить за лыжами. Ночью. Может, не подобрали немцы.

Пивоваров помолчал минуту, что-то прикидывая про себя, потом со вздохом ответил:

- Что ж, я схожу. Пусть потемнеет только.
- Да. Надо, знаешь...
- Ну. Только вы... Как вы тут?..
- Как-нибудь. Я подожду.

Еще не совсем стемнело, но Пивоваров поднялся и, не мешкая, стал собираться в дорогу. Первым делом он стащил с ноги кирзовый сапог и перемотал портянку. Потом вынул из вещмешка два сухаря, сунул в карман; вещмешок переставил ближе к Ивановскому.

- И это... Автомат возьму – ладно?
- Возьми.
- С автоматом, знаете... Увереннее.

Лейтенант видел, Пивоваров не мог сдержать радости, получив такое оружие, о котором мечтал каждый боец на фронте. Автоматы были еще в новинку, пехоту почти сплошь вооружали винтовками. Ивановский сам получил его накануне выхода: генерал, раздобывшись, приказал своему коноводу передать автомат лейтенанту. Конечно, теперь в их положении оружие решало если не все, то многое, на извечной силе оружия держались мизерные их возможности.

- А винтовка пусть здесь побудет. В случае чего вам сгодится.

Лейтенант не возражал, и Пивоваров снял с ремня оба брезентовых подсумка, звякнув обоймами, положил их на пол возле скамейки.

- Винтовка хорошая: бой в самую точку. Старшина пристреливал.

Ивановский, рассеянно слушая бойца, думал, что винтовка, несколько обойм патронов, противотанковая граната и две бутылки с КС – наверно, этого будет достаточно. Повезет – он дождетя Пивоварова с лыжами, и, может, они еще что предпримут. А нет – придется стоять за себя до конца.

Пивоваров перемотал и другую портянку, подтянул ремень и с видимым удовольствием закинул за плечо автомат. Похоже, он уже был готов отправиться в недалекий, но, кто знает, вряд ли безопасный путь.

- Сколько на ваших там? Пять уже? Ну, я за часок обернусь, тут недалеко...

За часок он обернется, и опять они будут вместе. В минуту новой разлуки Ивановский почувствовал, как, в общем, неплохо ему было с этим тихим безотказным парнишкой и как, наверно, нелегко будет теперь в одиночестве пережить этот час. Разобщенность значительно ослабляла их силы. В действие вступала странная, попирающая математику логика, когда два, разделенное на два, составляло менее чем единицу, так же как в других случаях две вместе сложенные единицы заключали в себе больше двух. Наверно, такое с трудом согласовывалось с нормальной логикой и было возможно лишь на войне. Но что это именно так, лейтенант слишком хорошо знал по собственному опыту.

Боец готов был идти, но почему-то медлил, наверно, недоставало еще какой-нибудь самой последней малости в их прощании. Ивановский знал, в чем была эта малость, и он колебался. Появилась последняя возможность заглянуть в ту злосчастную деревню и еще раз попытаться узнать что-либо о штабе. Хотя бы в общих чертах, чтобы не с пустыми руками предстать перед пославшим их генералом и хоть в

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru какой-то степени искупить их досадную неудачу с базой. Но он не мог не знать также, что малейшая неосторожность Пивоварова может обернуться сразу тройной бедой, навсегда покончив с их и без того ничтожной возможностью исполнить свой долг и вернуться к своим.

– Так я пойду, товарищ лейтенант, – решил Пивоваров, поворачиваясь к порогу, и лейтенант сказал:

– погоди. Знаешь... Я не настаиваю, смотри сам. Но... Может, ты как сумеешь... Что там, в деревне? Похоже ведь – штаб...

Он замолчал. Пивоваров настороженно ждал, но, не дождавшись ничего более, сказал просто:

– Хорошо. Я попробую.

Что-то в Ивановском протестующе вскричало в простреленной его груди. Что значит – попробуй, от пробы немного проку, тут нужна змеиная хитрость, упорство, выдержка, и то сверх всего остается риск головой. Но он не мог этого объяснить бойцу, что-то мешало ему говорить о страшных, хотя и слишком обычных на войне вещах, к тому же он едва осиливал в себе боль и слабость. И он лишь выдохнул:

– Только осторожно!..

– Да ладно. Вы не беспокойтесь. Я тихонько...

– Да. И недолго...

– Ладно. Вот тут водички вам, – зачерпнув в кадке, боец поставил у изголовья жестянку с водой. – Если пить захотите...

Утомленный трудным разговором, Ивановский прикрыл глаза, слушая, как Пивоваров вышел в предбанник, не сразу, осторожно, отворил там дверь и плотно прихлопнул ее снаружи. Минуту еще Ивановскому слышны были его удаляющиеся за банькой шаги, они быстро глохли, и с ними, казалось, уходила какая-то надежда; что-то для них безвозвратно заканчивалось, не начав нового. Он стал ждать, тягостно, упорно, вслушиваясь в каждый шорох ветра на крыше, каждый отдаленный в деревне звук; он жил в тревожном скупом мире звуков, иногда заглушаемых собственным кашлем и глухим хрипом в груди.

Постепенно, однако, слух его стал притупляться от усталости, вокруг все было тихо, и сознанием завладевали мысли, которые причудливо ветвились во времени и пространстве. Похоже, он начинал дремать, и тогда среди полубредовых видений выплывало что-то похожее на быль или его прошлое, тревожившее и сладостно томившее его одновременно.

Глава одиннадцатая

До отхода поезда оставалось несколько последних минут, а она стояла на платформе и плакала. Никто, видно, не провожал ее здесь, и никто не встречал, вообще народу в этот утренний час на перроне было немного, и Ивановский, опустившись на ступеньку ниже, шутливо окликнул девушку:

– Эй, красавица, зачем плакать? Другого найдем.

Сказано это было из молодого озорства, дорожной, ни к чему не обязывающей легкости в отношениях между незнакомыми людьми, которые случайно столкнулись и тут же расстаются, чтобы никогда больше не встретиться. Но девушка уголком цветастой, повязанной на шею косынки смахнула слезу и бегло скользнула по нему испытующим взглядом. Сзади за ним, держась за поручень, нависал Коля Гомолко, оба они были в хорошем, приподнятом настроении и, казалось, любое на свете горе могли обратить в шутку.

– А то давай к нам! До Белостока!

Девушка машинально поправила на тонкой шее косынку, снова скользнула взглядом по лицам двух одетых во все новое военных парней, и на ее губах уже встрепенулась легонькая улыбка.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– А мне в Гродно.

– Какое совпадение! – шутливо удивился Ивановский. – Нам тоже в Гродно. Поехали вместе.

Не заставив себя уговаривать, она подобрала стоявший у ног чемоданчик и ловко ухватилась за поручень уже отходившего поезда.

Ивановский поддержал ее, и, несколько смущенная и обрадованная таким оборотом дела, новая пассажирка поднялась на площадку.

– Билет, билет, гражданочка! – тут же потребовал от нее суетливый дядька-проводник, который с флажками в руках спешил к выходу.

– Есть билет! Все в порядке! – тоном, не оставляющим тени сомнения, сказал Ивановский, протискиваясь в вагон.

Он повел девушку в купе, где они размещались с Гомолко, неся в руках ее чемоданчик, показавшийся ему до странности легким, скорее всего пустым.

– Вот, пожалуйста. Можете занимать мою. Я заберусь наверх, – с радушной легкостью предложил Ивановский нижнюю полку и поставил на нее чемоданчик. Она послушно присела у окошка и не сразу, преодолевая видимое смущение, тихо сказала:

– У меня нет билета.

– Что, не хватило?

– Меня обокрали.

– Как?

– Ночью. В поезде из Минска.

Это было хуже. Кажется, они взяли на себя ответственность не по плечу, тем самым нарушая строгий порядок железных дорог. Но и отступать теперь не годилось. Игорь, взглянув на Николая, прочитал на его грубоватом, всегда нахмуренном лице решимость стоять на своем, и сам тоже решился.

– Ничего! С проводником договоримся...

Но договариваться пришлось не только с проводником, но также и с ревизором, и с бригадиром поезда, и переговоры эти закончились тем, что на следующей крупной станции, куда прибыл поезд, Ивановский сбегал в вокзальную кассу и едва успел захватить последний билет на уже занятое ею место. Билет был до Гродно, и девушка скоро пришла в себя, даже заулыбалась, окончательно пережив свои злоключения. Оправившись от волнений, она оказалась общительной и, в общем, приятной девчушкой, вскоре не без юмора поведавшей им о своем дорожном происшествии. Оказалось, что она живет в Гродно и в Минск ездила к родственникам, которых никогда не видела, и тут такое несчастье в вагоне. У нее все забрали из чемоданчика, кроме того, унесли плащик, жакет и, разумеется, деньги. Но вот она спасена и очень обязана обоим за их великодушное участие и помощь.

– Да ну, о чем разговор! – отмахнулся Ивановский и перевел разговор на другое: – А вы давно в Гродно?

– Там и родилась.

– Ого, значит, местная?

– Разумеется.

– И так хорошо говорите по-русски?

– А у нас всегда дома говорили по-русски. У нас отец русский и тетя, его сестра,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru тоже русская. Только мама полька.

– А где вы учились?

– В польской гимназии. Русских же не было.

– А как вас зовут?

– Янинка. А вас, если не военная тайна? – сверкнула она в его сторону лукавой усмешкой.

– Меня Игорь. А его – Николай.

– У меня дядя, что в Минске, тоже Игорь. Игорь Петрович. А вы к нам служить едете?

Тут же они переглянулись, это действительно в какой-то мере относилось к области военной тайны, с легкостью, однако, разгаданной их попутчицей. Но что было скрытничать! Действительно, неделю назад после окончания училища они получили назначение в армию, штаб которой размещался в этом ее Гродно.

– Похоже, что так, – неопределенно ответил Ивановский. – А что, это Гродно – ничего городок?

– Очень хороший город. Не пожалееете.

– Думаешь, нас в Гродно оставят? – со свойственным ему скептицизмом сказал во всем сомневающийся Гомолко. – Запрут куда-нибудь в лесной гарнизон.

– О, в лесу хорошо! У нас такие леса!..

Ивановский промолчал. Его отношение к лесу, даже самому замечательному, мало походило на восторги этой девчушки. Еще в училище, в многомесячных летних лагерях, леса, поля, вся эта удаленность от постоянных очагов обитания с их не бог весть каким, но все же устроенным бытом успевали так надоесть к осени, что самая роскошная природа становилась несносной – хотелось в город. Правильно кем-то сказано, что военные не замечают природы, для них важнее погода.

Тем не менее в наивной восторженности Янинки сквозила такая искренность, что Ивановский заулыбался, готовый уже согласиться на любой гродненский лес. И вообще что-то ему все больше в ней нравилось, в этой миловидной, с кокетливо рассыпанными по лбу светлыми кудряшками девушке в цветастом ситцевом платье. Ему уже было неловко за ту фривольную шутку на вокзале в Барановичах, за их навязчивость, которую извиняло разве что их последующее участие.

Поезд с короткими остановками на маленьких станциях шел все дальше на запад. За окном проносились зеленые июньские поля, перелески, величественные сосновые боры, деревни и хутора, хутора повсюду. Ивановский никогда не был в этой стороне Белоруссии, и теперь в нем вспыхнул неподдельный интерес ко всему, что относилось к этой жизни, неведомой для него.

На какой-то небольшой станций их вагон остановился как раз напротив крохотного привокзального базарчика, и Ивановский, выскочив на платформу, торопливо закупил в газетку немудрящей крестьянской снеди – огурцов, редиски, крестьянской колбасы и даже миску горячей, рассыпчатой, вкусно пахнувшей молодой картошки. Потом они ели все вместе, парни заботливо угощали девушку, которая совсем уже освоилась в их компании, охотно смеялась, шутила, за обе щеки уплетая огурец с картошкой. После обеда, наверно, что-то уловив в поведении Игоря, Николай благоразумно устранился, забравшись на верхнюю полку, чтобы поспать. Они же остались друг против друга, разделенные лишь маленьким вагонным столиком.

Ему было хорошо с ней, хотя он все еще не мог до конца побороть в себе какое-то запоздало появившееся чувство вины, словно какую-то неловкость за свои намерения, хотя намерений у него с самого начала никаких не было. Янинка же, судя по всему, чувствовала себя вполне свободно и естественно. Почти не смущаясь, она сняла маленькие, белые, на пробковой подошве босоножки и, обтянув на коленках короткое платьице, удобнее устроилась на твердом сиденье, все время с какой-то милой хитринкой заглядывая ему в глаза.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– А у нас, знаете, Неман, – сказала она, именно так, на белорусский манер произнеся это слово, и Ивановский внутренне улыбнулся, вспомнив свое недалекое детство, школу, известную поэму Якуба Коласа и это белорусское название никогда им не виданной реки. – Сразу под окнами крутой спуск, две вербы и плоты у берега. Я там купаюсь с плотов. Утром выбегу раненько, на реке еще легкий туман стелется, вода теплая, нигде никого. Накупаюсь так, что весь день радостно.

– А мне больше озера нравятся. Особенно лесные. В тихую погоду – замечательно, – сказал Ивановский.

– Реки лучше, что вы! В озерах вода болотом пахнет, а в речке всегда проточная, как слеза. Летом на реке прелесть. Да что там! Вот приедем – покажу. Уверю, понравится.

Конечно, должно понравиться. Он уже был уверен, что это необыкновенное что-то: домик, две вербы на обрыве и плоты у берега, с которых можно нырять в глубокий быстроводный Неман. И он рисовал это в своем воображении, хотя по опыту знал, что самое богатое представление никогда не отвечает действительности. В действительности все иначе – хуже или лучше, но именно иначе.

Янинка держала себя с ним легко и свободно, так, словно они давным-давно были знакомы, а он все продолжал чувствовать какую-то необъяснимую скованность, которая не только не проходила, но как будто все больше овладевала им. Игоря тревожило, что, бесцеремонно окликнув ее в Барановичах, он выказал себя человеком легкомысленным, склонным к мелким дорожным авантюрам и что она не могла не понимать этого. Хотя никакого легкомыслия в том не было, была простая ребяческая игривость, может, и не совсем приличествующая двадцатидвухлетнему выпускнику военного училища, только что аттестованному на должность командира взвода. Тогда, на перроне, он толком и не рассмотрел ее, только увидел – рассматривал он ее теперь широко раскрытыми, почти изумленными глазами, которые, как ни старался, не мог оторвать от ее живого, светящегося радостью лица.

К концу дня, подъезжая к Гродно, он уже знал, что не расстанется с нею, – она все больше очаровывала его своим юным изяществом и влекла чем-то загадочным и таинственным, чему он просто не находил названия, но что чувствовал ежеминутно. О ее дорожных злоключениях они не говорили, похоже, она забыла о них и только однажды озабоченно двинула бровями, когда переставляла на полке легонький свой чемоданчик.

– И даже белила забрали. Папе везла. У нас теперь белил не достать.

– А он что, маляр? – не понял Игорь.

– Художник, – просто сказала Янинка. – А с красками теперь плохо. Раньше мы краски из Варшавы выписывали.

Вечером поезд прибыл на станцию Гродно, и они, слегка волнуясь, сошли на перрон. Янинка, размахивая своим пустым чемоданчиком, довела их до штаба армии, благо тот был ей по пути, но в штабе, кроме дежурного, никого не оказалось, надо было дожидаться утра. Переночевать можно было тут же или в гарнизонной гостинице. Лейтенанты, однако, не стали искать гостиницу и внесли свои чемоданы в какую-то маленькую, похожую на каптерку комнатку с тремя солдатскими койками у стен. Гомолко сразу же начал устраиваться на одной из них, что стояла под нишей, а Игорь, едва смахнув с сапог пыль, поспешил на улицу, где на углу под каштаном его уже дожидалась Янинка. Она обрадовалась его появлению, а еще больше тому, что он был свободен до завтра, и они пошли по вечерней улице города.

За те два часа, что он провел в штабе, Янинка успела переодеться, и теперь на ней была темная юбка и светлая шелковая кофточка с крохотным кружевным воротничком; твердо постукивали по тротуару высокие каблочки модных туфель. Принаряженная, она казалась взрослей своих юных лет и выше ростом – почти вровень с его плечом. Они шли вечернею улицей, и ему было приятно, что ее тут многие знали и здоровались, мужчины – со сдержанным достоинством прикладывая руку к краям фасонистых шляп, а женщины – вежливым кивком головы с доброжелательными улыбками на приветливых лицах. Она отвечала с подчеркнутой вежливостью, но и с каким-то неуловимым достоинством и сдержанно вполголоса рассказывала о попадавшихся на глаза достопримечательностях этой нарядной,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru утонувшей в зелени улицы.

– Вот наша Роскошь, так она называлась при Польше. Ничего особенного, но вот церковь, построенная в память павших на русско-японской войне девятьсот пятого года. Низенькая, правда, но очень аккуратная внутри церковка. Я там крестилась. А дальше, смотрите, видите такие забавные домики, вон целый ряд, с фронтонами вроде гребешков. Это дома текстильщиков из Лиона. Еще в семнадцатом веке богач Тизенгауз выписал из Лиона ткачей и построил для них точно такие дома, как во Франции. А это вот домик польской писательницы Элизы Ожешко, она здесь жила и умерла. Знаете, писала интересные книжки.

Городок ему действительно нравился скромным, но обжитым уютом своих вымощенных брусчаткой улочек с узенькими, выложенными плиткой тротуарчиками, отделанными каменными скосами и бордюрами. На стенах многих домов густо зеленел виноград, некоторые из них до третьих этажей были увиты его цепкими лозами. Но больше всего он ждал встречи с расхваленным Янинкой Неманом, который, как она сказала, протекал тут же, разделяя город на две неравные части.

Возле готической громады костела улица сворачивала в сторону, они миновали торговые ряды, городскую ратушу и вышли на угол, где под каштанами устроилась мороженщица со своей коляской. Янинка, которая все время шла рядом, легонько тронула его за локоть.

– Игорь, можно мне попросить вас?

– Да, пожалуйста, – с полной готовностью исполнить самую невероятную ее просьбу произнес он.

– Знаете, я давно мечтала... Ну, в общем, мечтала, как... Когда меня парень угостит мороженым.

– Ах, мороженым...

Игорь почти ужаснулся, подумав, какой же он, в сущности, вахлак, как не догадался сам! Ему просто невдомек было, чего могла пожелать здесь его богиня.

– Проше, паненко! Дзенькуе гжечнэго пана, – поблагодарила мороженщица, когда он отказался от нескольких копеек сдачи.

– Дзенькуе, пани Ванда, – в свою очередь церемонно поблагодарила Янинка, принимая из рук пожилой женщины вафельный стаканчик.

В конце коротенькой улицы над липами засиял такой широкий простор, какой может открыться только с очень высокого холма, и они увидели каменный мост через ров. Это был въезд в древний, с полуразрушенными стенами замок, по другую сторону от которого в глубине старинного парка высился роскошный дворец за фигурной оградой.

– Замок короля Польши Батория, – торжественно объявила Янинка. – А это Новый Замок. А теперь глянь туда. Видишь?

Он глянул через каменный, почти в человеческий рост парапет и внутренне ахнул от головокружительной высоты, на которой они оказались, – далеко внизу по каменным ступеням лестницы двигались фигурки людей, расходящиеся в обе стороны набережной, плавно огибавшей этот берег Немана и где-то терявшейся под густой крышей огромных деревьев.

– Ну, видишь? Как это нравится? – прижавшись к его локтю, добивалась Янинка.

Древние, дышащие таинственной стариной стены замков, этот прочный, перекинутый над каменной лестницей мост, огромные массивы зелени на холмах и склонах, высоченный, господствующий над всем каменный столб городской каланчи, конечно, не могли ему не понравиться, и он готов был смотреть на это до вечера. Но вот Неман с такой высоты никак не поразил его воображение – это была обычная, средней величины, затиснутая высокими берегами река. Зато Янинка была в восторге именно от Немана и без умолку щебетала рядом:

– Посмотри, посмотри, какое течение! Видишь, быстрина. Вон там, под вербами,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru такие виры! Ого! Только сунься – закрутит, понесет – не выберешься.

Они прошли несколько назад и по той самой лестнице спустились на набережную. Нет, все-таки река была прекрасной, очевидно, с высоты он просто не оценил ее должным образом. По ее правому берегу шла вполне благоустроенная, обсаженная деревьями набережная, справа высились огромные, изрезанные тропинками откосы с остатками крепостных стен наверху. Река плавным изгибом скрывалась за недалеким поворотом, сплошь занятым огромными шапками верб, там где-то оканчивался город и синел хвойный лес, в который садилось красное солнце.

Они медленно шли вдоль Немана, и Янинка без умолку говорила и говорила что-то, не очень обязательное в минуту вечерней благодати, а он думал, как все странно устроено в жизни. Ведь до сегодняшнего утра он и не подозревал о ее существовании на этой земле. А теперь вот, проведя с ней день, он уже не знал, как быть дальше, – дальнейшая жизнь без нее просто лишалась для него всякой радости.

Они шли долго вдоль Немана и, когда солнце совершенно скрылось за зубчатую стену леса, повернули обратно к городу. Слушая частый перестук ее каблучков рядом, он смутно ощущал, как что-то в его жизни странным образом переиначивается, обретая еще неведомый, но очень значительный смысл. И он был рад тому, почти счастлив. Рядом едва заметно струилась блестящая гладь Немана, людные днем берега к ночи заметно опустели, уставшие за день удильщики один за другим сматывали свои удочки и уходили в город. Меж темных прибрежных камней тихо плескались волны и шатко покачивались черные, пахнущие смолой рыбацьи лодки. Огромные ветлы, нависнув над набережной, погружали ее в непроницаемый ночной мрак, в котором совершенно исчезали прохожие. Откуда-то со дворов несло сладковатым запахом дыма, слышалось мерное дыхание готовящегося к ночи города, щедрая природа которого дышала благодатным покоем извечных своих установлений, казалось, не подвластных никому на свете.

Янинка заметно приблизилась к нему, наверно, окончательно преодолев что-то разделяющее их днем, и теперь шла совсем рядом, легонько касаясь пальцами его локтя. Как-то незаметно для него она перешла на «ты», и он тоже несколько раз сказал ей «ты», отчего обоим стало удивительно просто: исчезла дневная неловкость и непонятная, долго донимавшая его натянутость.

Как только они ступили в сгустившийся под ветлами сыроватый мрак ночи, Янинка вдруг отпрянула в сторону и с непонятной для него прытью бросилась по травянистому склону вверх. Он остановился в нерешительности, подумав о своих хромоных выходных сапогах, но она из темноты подбодрила его – давай, давай! И сама быстро полезла куда-то меж колючих кустов, все выше на кручу. Он не видел, что было наверху, полнеба там закрывало что-то похожее на раскидистую крону дерева, но он почувствовал в ее голосе азарт тайны и тоже полез в кустарник. Скинув с ног туфли, Янинка взбиралась все выше, приговаривая ему вполголоса:

– Сейчас ты что-то увидишь... Сейчас, сейчас...

Минуту спустя, одолев самое крутое место и исцарапав до крови руки, он оказался на краю неширокой, обнесенной решеткой террасы, тесные камни которой еще источали густое, накопленное за день тепло. Рядом, закрыв половину неба, высилось могучее старое дерево и поднималась отвесная стена какого-то здания. Вокруг было тихо и темно, снизу из-под верб едва доносился тихий плеск Немана, пахло известкой от стен и укропом с недалеких, видать, огородов.

– Ну, ты понял? Ты понял, что это такое?..

– Ничего не понял...

– Наша церковь – Коложа... Двенадцатый век, ты понял?

– Понятно. Посмотреть бы...

– Посмотришь, – просто завершила Янинка. – Успеешь. А теперь. А ну иди сюда...

Она снова метнулась в темень, легко пролезла сквозь нечастую решетку ограды, перебралась через какую-то стену, и ее светлая кофточка совершенно исчезла из поля его зрения. Не желая отставать от нее, он лез в темноте следом, пока не

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru очутился на небольшом травянистом дворике. Небо тут сплошь закрывали деревья, было темно, и в этой темноте едва брезжила серая стена рядом. Чутко прислушиваясь к тишине, Янинка пробралась босиком к низенькой двери в нише, бросив туфли, потянула на себя створку двери, заговорщически шепнув ему: «Лезь!» Он с трудом протиснулся в узкую щель, изнутри придержал створки, между которых проскользнула она. Когда створки сомкнулись, их объял такой глухой мрак, что он совершенно перестал видеть ее и, чтобы не потерять, легонько придерживал за плечи. В осторожной тишине что-то глухо застучало-захлопало вверх. Янинка вздрогнула, тут же поспешив успокоить его:

– Не бойся: это голуби.

– Я не боюсь, – шепотом ответил Игорь, хотя ему было интересно и жутковато одновременно.

– Это иконостас, это аналой, а здесь вот...

Неслышно ступая в темноте по гулкому каменному полу, она подвела его к какой-то стене, жестом заставила присесть, затаиться и негромко вскрикнула:

– О-о!

– О-о! О-о! О-о! – отозвалось в разных местах множеством негромких голосов.

– О-о-о! – повторила она погромче.

– О-о-о-о! О-о-о-о!.. – покатило куда-то вдаль, под невидимые во мраке своды притворов и ушло вверх, заглухнув, наверно, в звоннице.

– Голосники. Понял?

– Какие голосники?

– Не знаешь? Эх ты!.. Иди сюда... Вот сюда, сюда...

Она снова повела его за руку в темноту, как зрячий водит слепого, где-то остановилась, слегка подтолкнув его в бок.

– Вот щупай. Ты же большой, наверно, достанешь.

Он начал ощупывать шершавую стену и скоро наткнулся на какие-то гладкие, отполированные впадины в ней, но понять ничего не мог, хотя ни о чем не спросил и не удивился. Он уже привык за сегодня к такому обилию загадок и впечатлений, что разобраться в них, наверно, нужно было время.

А времени как раз было в обрез, самая короткая ночь в году быстро бежала навстречу утру, и, когда они выбрались из церкви, над городом уже меркли звезды и далекий солнечный отсвет брезжил на восточном закрайке неба. Янинка, торопясь и не давая Игорю опомниться, все говорила и говорила, преисполненная душевной щедрости, тем значительным и интересным, что видела, знала, что непременно хотела разделить с ним. Подхватив туфли, она уже лезла куда-то через колючие заросли шиповника на обрыве, и он едва успевал за нею, уже не заботясь о своих выходных сапогах, которым, наверно, досталось.

– Иди, иди сюда! Ну что ты такой неловкий? Не бойся, не свалишься. Я поддержу...

Перейдя какой-то овраг, они снова выбрались на набережную совсем уже сонной, слегка парившей реки, и Янинка сбегала еще ниже – по голым камням к воде.

– Иди сюда. Пока отец спит, я тебе покажу мой цветник. Уже зацвели матейки. Знаешь матейки? Пахнут на рассвете – страх!

Скользя на кожаных подошвах, он спустился по каменному откосу вниз, к лодке, где она уже орудовала веслом, подталкивая ее ближе к берегу. Он вскочил в лодку и едва успел ухватиться за борт, как Янинка развернула ее по течению.

– Так будет ближе. А то по мосту пока дойдешь...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Ух ты какая! – восхищенно воскликнул он.

– Какая? Нехорошая, да? Правда, нехорошая?

– Прелесть!

– Какая там прелесть! Вот проснется отец, он задаст этой прелести.

Сильное течение на середине понесло лодку вниз, но она сумела выгрести единственным веслом к берегу, и скоро они подплыли к какому-то забору под толстенными комлями верб.

– А ну, ухватись! А то унесет.

Он успел ухватиться за какой-то скользкий трухлявый столбик в воде, она соскочила на берег, и они вытащили лодку на траву.

– Утром найдут. А теперь... Вот этим переулочком, а потом вдоль сада, перейдем картошку, и там, под костелом, на берегу наш домик. Ты не очень устал? – вдруг заботливо спросила она, преданно заглядывая ему в глаза.

– Нет, ничего...

Они пошли окраинным, заросшим муравой переулком. Она несла в обеих руках свои туфли, на ходу слегка касаясь его плечом, и он чувствовал тепло ее тела, проникавшее сквозь тонкую материю кофточки, ее близкое дыхание, непонятный, волнующий запах ее волос и думал, как ему невероятно здорово повезло сегодня. Он уже был благодарен своей невоспитанности, позволившей ему ту нелепую шутку в Барановичах, благодарен этому городу с его древностями и этой ночи, такой непохожей на все множество прожитых им ночей.

– Янинка, – тихо позвал он, вплотную приближаясь к ней сзади, но она лишь торопливо прибавила шагу.

– Янинка...

– Вот обойдем этот домик, потом свернем на тропку, перейдем сад и...

– Янинка!

– Давай, давай! Не отставай. А то скоро папа встанет, да как спохватится...

По заросшей росистыми лопухами тропке вдоль забора они взобрались выше и пошли быстрее. Начинало светать. Рядом в густом мраке садов еще дремало ее Занеманье. Хорошо утоптанная стежка вывела их на край зацветавшего белыми звездочками картофельного поля, где сильно запахло молодой ботвой и свежей землей. Янинка быстро шла впереди, и он, путаясь в ботве сапогами, едва поспевал за ней. Уже совсем близко на светлеющем фоне неба были видны островерхие купола костела, за которым где-то в теплой речной воде тихо плескались ее плоты. Оставалось пройти еще, может, сотню шагов, отделявшую ее от костельной ограды, как в ночную тишь еще не проснувшегося города вторгся странный, чужой, поначалу тихий, но быстро крепнувший звук. Янинка впереди остановилась.

– Что это? Что это гудит? Это самолеты?

Да, это приближались самолеты, но он все еще не верил, что так нелепо и не вовремя начинается то самое страшное, что последние недели скверным предчувствием жило, угнетало людей. Цепляясь за слабенькую надежду, он зажал в себе испуг, страстно желая, чтобы это страшное все же не сбылось, прошло мимо.

Испуганная Янинка, будто ища защиты, метнулась к нему, и только он холодеющими руками обнял ее, как близкие могучие взрывы бросили их на твердые стебли картофеля. Тугие горячие волны ударили в спину, густо забросав их землей...

Переждав первый оглушительный грохот, он поднялся, рядом вскочила Янинка с разметанными по плечам волосами, в испачканной кофточке, зачем-то стараясь надеть на грязную ногу туфлю. Оглушенный взрывами, он не сразу услышал ее до странности слабый голос:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– На мост беги! Скорее!!! Там за костелом мост...

Ну конечно, ему надо было на мост, в штаб, он уже знал, что случилось, и иначе поступить не мог.

Не оглядываясь больше, сшибаемый ударами взрывов, падая и вскакивая, он помчался на мост, унося в горячем сознании едва схваченный зрением испуганный образ девушки с туфлей в руках, оставшейся среди росистой, зацветающей ботвы картофеля...

Глава двенадцатая

Его вырвали из забытья вдруг долетевшие откуда-то выстрелы. Сначала ему показалось: это случайные выстрелы в здешней деревне, но, обеспокоенно прислушавшись, он понял, что доносились они с другой, противоположной деревне стороны. Именно с той стороны, откуда они приволоклись сюда ночью и куда ушел Пивоваров. Мертвея от скверного предчувствия, Ивановский перестал дышать, вслушался, но никакого сомнения не оставалось – стреляли оттуда.

Наверное, самые первые выстрелы он пропустил не расслышав, он спохватился, только когда звучно ударила винтовка и в тишине длинно протрещал автомат. Ну, конечно, это был его автомат – немецкие стреляли иначе, это он чувствовал точно. Ивановский оперся на локоть, но в груди что-то сдавило, от боли перехватило дыхание, он закашлялся, сплюнув запекшиеся кровяные сгустки, и снова без сил откинулся на скамье. Пока он кашлял, кажется, там затихло и, сколько он ни вслушивался потом, ничего больше не было слышно.

Едва справляясь с охватившим его волнением, лейтенант нащупал подле лавки часы – было сорок минут восьмого, значит, Пивоваров отсутствовал около двух с половиной часов. Если до той деревни лишь километр, пусть два, то он уже должен был возвратиться. Но если его нет, значит... Значит, он пробрался в деревню, но не сумел уйти незамеченным, и вот его подстерегла та же участь, что и вчера Ивановского.

Лейтенант опять приподнялся, вслушался, попытался заглянуть в едва брезжившее в черной стене окошко, но не дотянулся до него, сел на скамью. Ему было дурно, огненно-красные круги плыли перед глазами. Рукой он нащупал ставшую удивительно тяжелой винтовку. Но к чему теперь была винтовка – в баньке его пока никто не тревожил, никого поблизости не было. Вряд ли он мог что сделать, чтобы облегчить участь Пивоварова, явно попавшего в беду в деревне, но и ничего не делать он тоже не мог.

С огромным усилием, хватаясь рукой за стены, он вышел в предбанник и ногой толкнул дверь.

Была зимняя ночь – как все ночи в ноябре этого года – с ветром, низким беззвездным небом, тусклым, в сутеми утопавшим пространством. Снег лежал свежий, чистый, и на нем ясно было видно несколько глубоких следов Пивоварова, они вели вдоль стены бани и сворачивали за угол.

Задыхаясь от налетов порывистого ветра, Ивановский подождал минуту, вслушиваясь в глухую тишину ночи, но ни выстрелов, ни шагов, ни криков – ничего больше не было слышно. Тогда, не прикрывая двери, он опустился у порога, прислонясь к бревнам, и сидел так час, а может, и больше. Он весь был во власти тягостного, болезненно-напряженного ожидания, ясно сознавая, что если Пивоваров в ближайшие минуты не явится, то он не явится уже никогда.

Но он не явился ни в ближайшие минуты, ни в ближайшие за ними часы. Когда уже ждать стало невмочь, Ивановский, не поднимаясь, на четвереньках дотянулся до кубика своих часов за порогом – было без десяти минут десять.

«Зачем же я посылал его? Зачем посылал? – раскаянно думал лейтенант. – Какие тут, к чертям, лыжи? Какой штаб? Лишь погубил его, да и себя тоже...»

Конечно, без Пивоварова он ничего уже не мог, но если он сам был обречен, то следовало подумать, как спасти хотя бы бойца. А он послал его на такое дело, где на удачу приходился один шанс из тысячи. Немцы могли устроить засаду, посадить в

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru поле секреты и наверняка усилили охрану в деревне – не так просто было пролезть между ними. Если не удалось это ему прошлой ночью, когда штабисты были еще не пуганы, то тем более не удастся нынешней.

«Ну так что же теперь? Что?» – в тысячный раз спрашивал себя Ивановский, скрючившись сидя возле двери бани.

Впрочем, он уже знал что – он только тянул время, до последней возможности надеясь, что Пивоваров, может, придет. Но когда уже стала совершенно отчетливой вся тщетность его надежды, лейтенант, опираясь о стены, поднялся на ноги.

Он испытывал себя, чтобы знать, на что он способен или, может, не способен уже ни на что. Хотя и с трудом, но держаться на ногах он еще мог, особенно если иметь дополнительную под руками опору. Теперь опорой ему служили стены, а в поле он сможет опираться на приклад винтовки. Ноги кое-как повиновались ему, хуже было с дыханием и с головой тоже. Но он подумал, что голова, быть может, отойдет на ветру в поле, а с дыханием он как-нибудь сладит. Если помаленьку, с частыми остановками, экономно расходуя силы...

Его намерение уже целиком завладело им, и лейтенант вернулся в баньку, рассовал по карманам обоймы из подсумков. Вещмешок он не смог поднять на себя и оставил его на скамейке, зато взял с собою гранату. Дальше он уже не мог оставаться здесь ни минуты и, хватаясь за двери, вышел наружу.

Шатко, едва не падая, но с упорной, трудно объяснимой решимостью он прошел шагов двадцать по четким следам Пивоварова и только потом остановился. Винтовка оказалась куда более тяжелой, чем казалось вначале, но он на нее опирался, когда готов был упасть, и особенно в минуты остановок. Сам бы он уже не устоял на дрожащих от слабости своих ногах. Отдышавшись, каким-то странным загнанным взглядом поглядел назад. Там сиротливо темнела их банька, где они благополучно переждали сутки и куда ему, судя по всему, уже не вернуться.

Во второй заход он не одолел, наверное, и полутора десятков шагов и, пошатываясь, остановился от кашля. Кашель был самое худшее в этом его пути – глубинной нутряной болью он пронизывал его до слепящей темноты в глазах. Но Пивоваров, кажется, неплохо перевязал, подсохшая корка на ране хотя и причиняла боль, но не давала сползти бинту, кровь из раны больше не шла. Если бы только не эта адская боль внутри!

Он хотел идти как можно скорее, и теперь показателем его скорости была банька. Едва удерживаясь на ногах, он сделал уже четыре или пять остановок, всякий раз оглядываясь, но банька, как нарочно, все серела и серела в сутеми, с большим нежеланием отдаляясь в ночь. Прошло, наверно, не меньше часа, прежде чем серая темень окончательно поглотила ее.

Вокруг был снег, ветер и поле – лейтенант понял, что вроде бы достиг середины пути, теперь возвратиться он бы уже и не смог, на это у него просто не было сил. Он и не оглядывался, сзади уже ничего не могло быть – все хорошее или плохое ждало его впереди.

Потом он два раза подряд упал, не устоял на ногах, вставал не сразу, полежав на снегу, переживая боль потревоженной раны. Другой раз ему и вовсе не повезло – упал он неловко, спиной, болевой удар был настолько глубок, что на короткое время он, кажется, потерял сознание.

Потом он очнулся, но долго лежал на снегу, все время чувствуя под собой округлость гранаты. Но все-таки нашел силы подняться, сесть, потом, пошатываясь, встать на ноги и сделать несколько первых, самых трудных шагов.

Он старался ни о чем не думать, он даже не осматривался, зато не отрывал взгляда от снега, по которому тянулись глубокие следы Пивоварова. Они шли в одном направлении, похоже, боец довольно уверенно помнил их путь из вчерашней деревни и быстро шел к ней. Ивановский теперь больше всего боялся сбиться с этого следа.

А сбиться было легко, особенно когда накатывала очередная волна немощи и темнело в глазах. Но тогда он останавливался, уперев в землю винтовку, и ждал, пока пройдет приступ слабости. Кроме того, ему сильно докучал ветер – не давал смотреть вдаль, выжимал слезы из глаз; иногда его сильные порывы так толкали

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Ивановского, что тот, пошатнувшись, едва не валился с ног. Но он упорно противостоял ветру, собственной слабости, боли. Он понимал, конечно, что вряд ли встретит Пивоварова, скорее всего никогда больше не увидит бойца, но все равно должен был пройти тот роковой путь, на который услал его. Конечно, он слишком многими рисковал на этой войне, слишком многие по его вине нашли себе на ней смерть. Но этот его риск отличался от всех – он был последним, и потому Ивановский должен был довести его до конца. И если в этой дьявольской игре со смертью он не сберег многих, то не берег и себя, и лишь это оправдывало его командирское право распоряжаться другими. Иного права на войне он не хотел признавать. В худшем случае, прежде чем умереть самому, он должен убедиться, что где-нибудь в этом поле не лежит, истекая кровью, его Пивоварчик.

Он шел и шел – шатко, расслабленно, то и дело останавливаясь и опираясь на тяжелую длинную винтовку Пивоварова. Однажды, когда от усталости подкосились ноги, сел на снег, долго отдыхал. Но подняться опять на ноги стоило такого мучительного труда, что больше он не рисковал садиться и отдыхал, опираясь на приклад винтовки. Останавливался он теперь через каждые четыре или пять шагов. У него уже не хватало дыхания.

...Опять ему показалось, что он прошел километра три, если не меньше, и он усомнился в правильности слов Пивоварова относительно расстояния до этой деревни. Трудно было поверить, что она в километре-двух от их баньки. Жаль, на этот раз он не прихватил с собой часов и не мог проследить за временем. Но по каким-то неуловимым признакам ему показалось, что деревня уже недалеко, похоже, он находился в ее окрестностях. Следы Пивоварова, однако, все тянулись и тянулись, казалось, им не будет конца в этом поле. Где боец мог находиться сам, трудно было угадать, хотя Ивановский готовился к самому худшему. Но могло статься и так, что он, как и они вчера, ушел от погони и, раненный, где-нибудь скрылся в поле.

Ивановский едва не прошел мимо него, так как шаги на снегу все тянулись куда-то, и впереди ничего не было видно. Но вдруг в стороне, в мутной тьме ночи среди заметенного снегом бурьяна его внимание привлекло какое-то неясное движение, вроде бы мельтешение чего-то. Сперва он даже и не взглянул туда, лишь скользнув взглядом по снегу, но потом остановился, вгляделся, и что-то в нем смятенно содрогнулось внутри. Тихо, почти беззвучно, на ветру трепыхалось что-то вроде обрывка бумаги, хотя было непонятно, откуда тут могла взяться бумага. Он сошел со следов Пивоварова и, не в силах оторвать взгляда от недалекой гривки бурьяна, заплетаясь ногами в глубоком снегу, потащился туда.

Еще издали и как-то вдруг он различил белый неясный холмик в этом бурьяне, характерную линию лежащего человеческого тела, черные голенища сапог в снегу. Он остановился. В сознании его мелькнуло странное недоумение – кто может лежать тут, в ночном поле, в такую стужу? лейтенант почему-то не решился признаться в том, что увидел Пивоварова, наверно, слишком нелепым было видеть в этой позе его бойца, казалось, это кто-то другой, случайный, чужой здесь человек.

Но все же это был он, его последний боец, его Пивоварчик. Он неподвижно лежал в разодранном маскхалате, без шапки, с обсыпанной снегом стриженной головой, раскинутыми ногами. лейтенант не сразу заметил, что снег вокруг был густо истоптан множеством ног и в нем местами чернели круглячки автоматных гильз.

Доковыляв до бурьяна, Ивановский выронил из рук винтовку и упал рядом с бойцом. Озябшими пальцами он схватил его голову, приподнял, но, запорошенная снегом, она давно, видно, утратила всякие признаки жизни и была просто мертвой головой человека, лишеного малейшего сходства с его Пивоваровым. Ивановский принялся ощупывать его тело – разодранный маскхалат смерзся в крови, телогрейка тоже примерзла к окровавленному телу бойца, наверно, с близкого расстояния расстрелянного очередью. Снег под его телом и возле тоже смерзся твердыми корявыми буграми.

– Что же они с тобой сделали? что они сделали? – стыл на его губах недоуменный вопрос. Но что они сделали, и так было ясно. Видно, настигнутый ими Пивоваров был расстрелян в упор. Возможно также, они расстреляли его раненого, лежавшего на снегу в этом бурьяне, и теперь из множества дыр в его телогрейке торчало светлое клочье ваты. Карманы брюк были вывернуты, гимнастерка расстегнута, худая окровавленная грудь засыпана снегом. Автомата нигде поблизости не было видно – автомат, наверно, забрали немцы.

Поняв, что все уже кончено и никуда больше идти не надо, Ивановский сваял, обессиленный и молча сидел, уронив руки на снег. Рядом лежало бездыханное тело бойца. Необычайная опустошенность овладела лейтенантом, ни одного желания, ни одной ясной мысли не было в его голове. Лишь где-то, на самом дне его чувств, медленно тлел какой-то забытый уголек гнева, почти озлобления. Этот уголек разгорался, однако, все более, чем дольше шло время. Но он уже не имел конкретной направленности против кого-то – скорее, это догорала его человеческая обида на такой его неудачный конец. Теперь Ивановский уже знал точно, что не выживет, не спасется, не пробьется к своим, что и его смерть будет на этом же поле, меж двумя безвестными деревнями, и никто уже не доложит начальству ни об их гибели, ни об этом немецком штабе. Штабу, разумеется, никто ничего сделать не сможет, потому что наши далеко, а мертвые лишены малейшей возможности что-либо сделать. И ему ничего более не оставалось, как сидеть рядом и ждать, когда мороз и ранение отнимут у него последние остатки жизни. В чем-то это было даже заманчиво, так как освобождало его от изнурительной борьбы с немцами, болью, собой. Чтобы закончить все побыстрее, может, имело смысл выдернуть чеку из противотанковой гранаты и отпустить планку... Ее мощный взрыв растерзает их тела в клочья, разметет вокруг снег, вырвет в земле небольшую воронку, которая и станет для них могилой. Если его кончина затянется или ему окажется невмоготу, видно, так и придется сделать. Иного уже не оставалось. И пусть простят его Родина, люди – не его вина, что не выпало ему лучшей доли и не обошло его то самое страшное на войне, после которого ничего уже не бывает.

Наверное, он бы недолго протянул на морозном ветру и навсегда бы остался возле своего напарника, если бы в скором времени до его слуха не донеслись из ветреной тиши странные звуки.

По-видимому, слух был самым выносливым из его чувств и бодрствовал до последнего предела жизни; теперь именно слух связывал его с окружающим миром. Сперва Ивановский подумал, что ему почудилось, но, вслушавшись, он отогнал от себя все сомнения – в самом деле где-то урчала машина. И он вспомнил, как прошлой ночью в поле наткнулись на автодорогу, ведущую в село, но где она могла быть сейчас, он не имел представления. Тем не менее где-то она была – совсем недалеко в ночной серой темноте по ней шла машина. Вскинув голову, лейтенант напряженно и долго прислушивался к натужному гулу мотора, пока его звук совершенно не пропал вдали.

Это неожиданное событие растревожило его почти уже успокоенное сознание; новое, противоречащее его чувствам желание зародилось в его душе. Он перестал думать о своем несчастье, насторожился, гневное отчаяние оформилось в цель – последнюю цель его жизни. Эх, если бы это случилось раньше, когда у него было немножечко больше сил!..

Боясь опоздать, он завозился на снегу, подтянул под себя раненую ногу, как-то оперся на руки. Сначала поднялся на колени и затем попытался встать на ноги. Но он не сумел удержать равновесие и упал плечом в снег, глухо, протяжно застонав от боли в груди. Минут десять лежал, сцепив зубы и боясь глубже вдохнуть, потом начал подниматься опять. С третьей попытки это ему удалось, он наконец утвердился на дрожащих ногах, пошатнулся, но все же не упал. Он забыл взять винтовку, которая лежала чуть поодаль, у ног Пивоварова, но теперь у него уже не было уверенности, что, нагнувшись за ней, он не упадет снова. Поразмыслив, он так и не рискнул нагнуться, чтобы не упасть, а быстро, как бы с разбегу, пошел по снегу.

Он изо всех сил старался соблюсти равновесие и удержаться на ногах, но ему все время мешал сильный ветер. Кажется, тот все усиливался и временами так размахисто толкал в грудь, что устоять на ногах было невозможно. И он снова упал, отойдя от Пивоварова, может, шагов на тридцать, тут же попытался подняться, но не сумел. Превозмогая сильную боль в боку, полежал, уговаривая себя не спешить, выждать, более расчетливо тратить свои слабые силы. Но желание скорее дойти до дороги так сильно завладело им, что рассудок уже был плохой для него советчик – теперь им руководило чувство, которое становилось сильнее доводов разума.

И он снова поднялся, сперва на четвереньки, потом на колени, потом слабым рывком и огромным усилием – на обе ноги. Самое трудное было удержаться на них именно накануне самого первого шага – потом обрела силу инерция тела, и первые несколько шагов давались сравнительно легко. Но следующие опять замедлялись, его

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru вело в сторону, затем в другую, и наконец он падал, вытянув перед собой задубевшие от мороза руки.

Его вынужденные остановки после падения становились все более продолжительными, иногда казалось, что он уже и не поднимется, в ускользающем сознании временами прерывалась связанная цепь времени, и он вдруг прохватывался в недоумении: где он? Но он твердо знал куда ему надо, ни разу не спутал направления, в полузабытьи ясно памятуя последнюю цель своей жизни.

...Но вот однажды упав, он понял, что подняться больше не сможет. На эти вставания тратилась масса сил, которых у него оставалось все меньше и меньше. Он лег на жгуче морозном снегу и лежал долго. Наверное, слишком долго для того, чтобы когда-либо подняться. Но в самый последний момент он вдруг понял, что замерзает, и это испугало его: замерзнуть он уже не мог позволить себе.

И тогда он просто пополз, разгребая локтями и коленями мягкий пушистый снег.

Скоро, однако, оказалось, что ползти вовсе не легче, может, даже труднее, чем плестись на ногах, – лейтенант до конца выдыхался и падал ничком. Это была бесконечная слепая борьба со снегом, но она же имела и преимущество перед ходьбой – не надо было вставать на ноги, что сберегало остаток его совершенно истощенных сил. И он греб, замирал на снегу и опять греб, пока хватало воздуха в легких. Весь его путь состоял из этого исступленного копания в снегу и длительных промежутков полузабытья. Но сознание его все-таки не выключалось надолго, оно было сильно целью его последних минут и властно диктовало собственную волю его изнуренному телу.

Грудь его распирало от кашля, но он не мог ни вздохнуть, ни откашляться – он боялся приступа боли, которого бы, наверно, уже не выдержал. Тем не менее однажды кашель так сильно сотряс его, что он, задохнувшись, упал головой в снег. Когда он кое-как откашлялся, то ощутил на губах теплый соленый привкус. Он сплюнул, ясно увидав на снегу кровь, смерзшимся рукавом маскхалата вытер губы, опять сплюнул, но кровь все шла. На снег с подбородка текла темная небыстрая струйка, и он совершенно обессиленно лежал на боку, в растерянности ощущая, как медленно уходит из тела жизнь.

Однако, полежав так, он снова испугался приближения неизбежного, хотя он и знал, что когда-нибудь это должно случиться. Но теперь его больше занимал вопрос: где дорога? Ему надо было успеть добраться до нее прежде, чем его настигнет смерть. Вся его борьба на этом поле была, по сути, состязанием со смертью – кто кого обгонит? Похоже, теперь она настигла его и шла по пятам в ожидании момента, чтобы сразить наверняка.

Но нет! Черт с ней, с кровью, авось вся не вытечет. Он чувствовал: что-то в нем еще оставалось – если не силы, так, может, решимость. Он пролежал полчаса, жуя и глотая снег, чтобы остановить кровь, и как будто остановил ее. От холода сводило челюсти, но губы утратили солоноватый привкус, и он медленно, с остановками, пополз дальше, волоча на поясе единственную гранату.

Когда из снежных сумерек перед ним выплыли сизые силуэты берез, он понял, что это дорога и что он наконец дополз до нее. Великое напряжение почти всей ночи разом спало, в глазах его помутилось, он лег прострелянной грудью на морозный снег в прорытой им борозде и затих, потеряв сознание...

Глава тринадцатая

Он все-таки пришел в себя, совершенно закоченев на морозе, и сразу же вспомнил, где он и что ему надо. Его последняя цель жила в нем, даже когда исчезало сознание, он только не знал, сколько прошло времени в его беспомощности и на что он еще способен. В первую минуту он даже испугался, подумав, что опоздал: над дорогой лежала тишина, и ниоткуда не доносилось ни звука. В поле мело, вокруг шуршал поземкою ветер, лейтенанта до плеч занесло снегом; руки его так задубели, что невозможно было пошевелить пальцами. Но он помнил, что должен вползти на дорогу, только там его путь мог считаться оконченным.

Снова потянулась изнурительная борьба со снегом, Ивановский полз медленно, по метру в минуту, не больше. Он уже так ослабел, что не мог сколько-нибудь приподнять себя на локтях, и сунулся боком по снегу, опираясь больше ногами.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Боли в раненой ноге теперь почему-то не чувствовал, наверно, там что-то отболело. Зато в груди у него все жгло, горело, все там превратилось в средоточие разбухшей, неутихающей боли. Он очень боялся, чтобы опять не пошла горлом кровь, – чувствовал, что тогда все для него и окончится, остерегался глубже вдохнуть, не мог позволить себе откашляться. Он берег простреленное легкое как нечто самое нужное, от чего всецело зависели последние часы его жизни.

Физически он был плох и понимал это. Сознание его, как канатоходец на проволоке, все время балансировало между явью и беспамятством, готовое в любую секунду сорваться в небытие, и лейтенант огромным усилием воли едва перевозмогал цепко завладевшую им немощь. Терять сознание, когда рядом была дорога, он просто не мог позволить себе.

Наверно, он все-таки справился бы с собой и медленно, трудно, но все же вполз на дорогу, если бы не канава, которая коварной западней пролегла на его пути. Ивановский едва не задохнулся, угодив в ее засыпанную снегом глубину, и закашлялся. Сразу же почувствовал, что началось кровотечение, тугой и противный сгусток выскользнул из его рта, и теплая струя крови потекла с подбородка по шее на снег. Ничком он лежал на бровке канавы и думал, что ничего более нелепого нельзя себе придумать. С таким трудом, сверх всяких возможностей ползти всю ночь к дороге, чтобы умереть в двух шагах от нее. Завтра поедут немцы, и он, вместо того чтобы встретить их с гранатой в руках, предстанет перед ними жалким замерзшим трупом. Вот так судьба!

Сознание снова начало ускользать от него, и тут уже не могло помочь никакое его усилие. Взгляд застлало мраком, весь мир сузился в его ощущениях до маленькой, светлой, все убывающей точки, и эта точка погасла. Но все же и на этот раз что-то перевозмогло в нем смерть и вернуло его истерзанное тело к жизни. Без всякого волевого усилия с его стороны точка опять засветилась, и он вдруг снова почувствовал вокруг снег, стужу и себя в ней, полного немощи и боли. Он сразу же заворошился, задвигался, стараясь во что бы то ни стало вырваться из снеговой западни – канавы, вползти на дорогу. Пока он был жив, он должен был занять последнюю свою позицию и там кончить жизнь.

И он все-таки выбрался из канавы, боком взвалив на дорожную бровку тело, прополз еще четыре шага и обмер, обессиленный. Под ним была колея, он ясно чувствовал ее своим телом, объехать его было невозможно. Он коротенько, с удовлетворением выдохнул и начал готовить гранату.

С гранатой, однако, пришлось помучиться долго и, может, труднее еще, чем в канаве. Непослушные помороженные пальцы его, кажется, вовсе потеряли осязание, он несколько минут тщетно пытался развязать ими тесемку, которой граната была привязана к поясу, но так и не смог этого сделать. Пальцы лишь слепо блуждали по бедру, он просто не смог нащупать ими концы тесьмы, и это было ужасно. Он едва не заплакал от этой так внезапно сразившей его измены, но действительно руки первые начали повиноваться ему. Тогда он локтем нащупал увесистый кругляк гранаты и, собрав все силы, которые еще были у него, надавил им на гранату сверху вниз, к паху. Что-то там треснуло, и он сразу почувствовал, что освободился от тяжести, – граната лежала в снегу под ним.

Но, видно, он слишком много потратил сил и ничего уже больше не мог. Он долго лежал в колее, через которую мела, вихрилась поземка, и думал, что так его заметет снегом. Но теперь пусть замечает, ему спешить некуда, он достиг своей цели, – теперь только бы сладить с гранатой. Утратившими осязание руками он все же нащупал ее железную рукоятку, но чеку разогнуть не смог. Тогда он кое-как пододвинул гранату по колее к подбородку и зубами вцепился в разогнутые концы чеки.

В другое время ему достаточно было короткого движения двух пальцев, чтобы разведенные эти концы выпрямились и их можно было выдернуть из рукоятки. Теперь же, сколько он ни бился, ничего с ними сделать не мог. Они будто примерзли там, будто их припаяли намертво, и он, выламывая зубы и раздирая десны, полчаса грыз, крутил, выгибал неподатливую проволоку. Наверно, только после сотой попытки ему удалось захватить оба конца зубами и свести их вместе. Все время он очень боялся, что не успеет, что на дороге появятся машины и он ничего им не сделает. Но машины не появились, и, когда граната была готова к броску, он стал терпеливо, настойчиво ждать.

Но ждать оказалось едва ли не самым трудным из всего, что ему довелось пережить за ночь. Чутким, обострившимся слухом он ловил каждый звук в поле, но, кроме неутраченного шума ветра, вокруг не было никаких других звуков. Дорога, которая вынудила его на все сверхвозможные усилия и к которой он так стремился, лежала пустая. Все вокруг замерло, уснуло, только снежная крупа монотонно шуршала о намерзшую ткань маскхалата, медленно замедляя его в колее.

Все вслушиваясь и решительно ничего не слыша, Ивановский с тоской начал думать, что, по всей видимости, до утра здесь никто и не появится. Не такая это дорога, чтобы по ней разъезжали ночью, разве кто-нибудь появится утром. Утром наверняка должен кто-либо выехать из этого штаба или проехать в него; не может же штаб обойтись без дороги. Но сколько еще оставалось до этого утра – час или пять часов, – он не имел представления.

Он очень жалел теперь, что оставил в баньке часы, наверно, это было совсем неосмотрительно: не зная времени, он просто не мог рассчитать свои силы, чтобы дотянуть до утра.

Бесчувственными пальцами стискивая рукоять гранаты, он лежал грудью на снегу и ждал. Глаз он почти не открывал, он и без того знал, что вокруг тусклая снежная темень и ничего больше. В сторожке ночной тишине был хорошо слышен каждый звук в мире, но тех звуков, которых он так дождался, нигде не было слышно.

Оказавшись в неподвижности, он быстро начал терять тепло и коченел, вполне сознавая, что мороз и ветер расправятся с ним скорее, чем это могли сделать немцы. Он все сильнее чувствовал это каждой клеточкой своего насквозь промерзшего тела, которое не могло даже дрожать. Просто он медленно, неотвратно, последовательно замерзал. И никто здесь не мог ему ни помочь, ни ободрить, никто и не узнает даже, как он окончил свой путь. При мысли об этом Ивановский вдруг почувствовал страх, почти испуг. Никогда еще не был он в таком одиночестве, всегда в трудную минуту кто-нибудь находился рядом, всегда было на кого опереться, с кем пережить наихудшее. Здесь же он был один, как загнанный подстреленный волк в бесконечном морозном поле.

Конечно, он обречен, он понимал это с достаточной в его положении ясностью и не очень сожалел о том. Спасти его ничто не могло, он не уповал на чудо, знал: для таких, с простреленной грудью, чудес на войне не бывает. Он ни на что не надеялся, он только хотел умереть не напрасно. Только не замерзнуть на этой дороге, дождаться рассвета и первой машины с немцами. Здорово, если бы это был генерал, уж Ивановский поднял бы его в воздух вместе с роскошным его автомобилем. На худой конец сгодился бы и полковник или какой-нибудь важный эсэсовец. По всей вероятности, штаб в деревне большой, важных чинов там хватает.

Но для этого надо было дожить до рассвета, выстоять перед дьявольской стужей этой роковой ночи. Оказывается, пережить ночь было так трудно, что он начал бояться. Он боялся примерзнуть к дороге, боялся уснуть или потерять сознание, боялся подстерегавшей каждое его движение боли в груди, боялся сильнее кашлянуть, чтобы не истечь кровью. На этой проклятой дороге его ждала масса опасностей, которые он должен был победить или избежать, обхитрить, чтобы дотянуть до утра.

Рук своих он почти уже не чувствовал, но теперь начали отниматься и ноги. Он попытался пошевелить в сапоге пальцами, но из этого ничего не вышло. Тогда, чтобы как-то удержать уходящее из тела тепло, начал стучать смерзшимися сапогами о дорогу. В ночной тишине сзади послышался глухой, тревожный стук, и он перестал. Ног он не согрел нисколько, но самому стало плохо, и он, чувствуя, что теряет сознание, последним усилием сунул под себя гранату. Гранату теперь он вынужден был беречь больше, чем жизнь. Без нее все его существование на этой дороге сразу лишалось смысла.

После глубокого провала в сознании, за которым последовал долгий промежуток липкой изнуряющей слабости, он снова почувствовал пронизывающий холод и ужаснулся. Казалось, этой ночи не будет конца и никакие его ухищрения не помогут ему дождаться утра. Но как же так может быть? – едва не вопил в нем протестующий, полный отчаяния голос. Неужели же так ничего и не выйдет? Куда же тогда пропало столько его усилий? Неужели же все они тщетны? Но ведь они – продукт его материального «я» и сами, наверно, материальны, ведь они –

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru обессилевшая его плоть и пролитая им кровь, почему же они должны в этом сугубо материальном мире пропасть без следа? Превратиться в ничто?

Тем не менее он почти наверняка знал, что все окончится неудачей, но отказывался понимать это. Он хотел верить, что все им совершенное в таких муках должно где-то обнаружиться, сказаться в чем-то. Пусть не сегодня, не здесь, не на этой дороге – может, в другом месте, спустя какое-то время. Но ведь должна же его мучительная смерть, как и тысячи других не менее мучительных смертей, привести к какому-то результату в этой войне. Иначе как же погибать в совершеннейшей безнадежности относительно своей нужности на этой земле и в этой войне? Ведь он зачем-то родился, жил, столько боролся, страдал, пролил горячую кровь и теперь в муках отдавал свою жизнь. Должен же в этом быть какой-то, пусть не очень значительный, но все же человеческий смысл.

И он вдруг поверил, что будет. Что непременно будет, что никакие из человеческих мук не бессмысленны в этом мире, тем более солдатские муки и солдатская кровь, пролитая на эту неприятную, мерзлую, но свою землю. Есть в этом смысл! И будет результат, иначе быть не может, потому что не должно быть.

Ему бы только дождаться утра...

Тем временем мороз и стужа добивались уже до его внутренностей, и он чувствовал это. Краем меркнувшего сознания он следил за тем, как холод медленно, но неотступно завладевал его обескровленным телом, и считал короткие минуты, которые ему еще оставались. Однажды, приоткрыв глаза, он вдруг изумился и с трудом раскрыл их пошире. Над полем светало. Тьма, которая, казалось, целую вечность плотным пологом укрывала землю, заметно приподнялась над ней, в поле стало просторней, прояснилось небо, и в нем четко обозначились заиндевелые вершины берез. В сумеречную даль уходила переметенная поземкой дорога.

Схватив все это непродолжительным, однако утомившим его взглядом, он хотел опустить на снег голову, как вдруг что-то увидел. Сперва ему показалось: машина, но, пристально вглядевшись, он понял, что это скорее повозка. Утомленный долгим рассматриванием, он уронил голову на снег, чувствуя в себе замешательство, страх и надежду одновременно. Огромный, как приговор, вопрос встал перед ним: кто мог ехать в повозке? Если крестьяне, колхозники, то это было из области чуда, в которое он недавно еще отказывался верить: к нему приближалось спасение. Если же немцы... Нет, он решительно не мог взять в толк, почему в этот утренний час из деревни, в которой размещался большой штаб, должны появиться на повозке немцы. Все в нем восстало против такого нелепого предположения, всю ночь он ждал чего угодно, но никак не обозную повозку с поклажей, до которой ему не было дела.

Тем не менее это была повозка, и она медленно приближалась. Уже стали видны и впряженные в нее лошади – пара крупных рыжеватых битюгов, которые, помахивая короткими хвостами, легко, без видимого усилия, тащили за собой громоздко нагруженный соломой воз. На самом его верху, пошевеливая вожжами и тихо переговариваясь, восседали два немца.

Ивановский замер в колее, совершенно раздавленный тем, что увидел, такого невезения он не мог себе и представить. После стольких усилий, смертей и страданий вместо базы боеприпасов, генерала в изысканном «опель-адмирале» и даже штабного, с портфелем, полковника ему предстояло взорвать двух обозников с возом соломы.

Но, видно, другого не будет. По крайней мере, для него ничего уже не будет. Он делал последний свой взнос для Родины во имя своего солдатского долга. Другие, покрупнее, взносы перепадут другим. Будут, наверно, и огромные базы, и надменные прусские генералы, и злобные эсэсовцы. Ему же выпали обозники. С ними он и столкнется в своем последнем бою, исход которого был предрешен заранее. Но он должен столкнуться – за себя, за Пивоварова, за погибших при переходе передовой Шелудяка, Кудрявца. За капитана Волоха и его разведчиков. Да мало ли еще за кого... И он зубами вырвал из рукоятки тугое кольцо чеки.

Повозка медленно приближалась, и, кажется, его уже заметили. Немец с поднятым воротником шинели, что сидел к нему боком, еще продолжал болтать что-то, в то время как другой, в надвинутой на уши пилотке, что правил лошадьми, уже вытянул шею, вглядываясь в дорогу. Ивановский, сунув под живот гранату, лежал

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru неподвижно. Он знал, что издали не очень приметен в своем маскхалате, к тому же в колее его порядочно замело снегом. Стараясь не шевельнуться и почти вовсе перестав дышать, он затаился, смежив глаза; если заметили, пусть подумают, что он мертв, и подъедут поближе.

Но они не подъехали поближе, шагах в двадцати они остановили лошадей и что-то ему прокричали. Он по-прежнему не шевелился и не отозвался, он только украдкой следил за ними сквозь неплотно прикрытые веки, как никогда за сегодняшнюю ночь с нежностью ощущая под собой спасительную округлость гранаты.

Не дождавшись ответа, один из двух немцев – тот, что сидел на возу с поднятым воротником шинели, – прихватив карабин, задом сполз на дорогу. Другой остался на месте, не выпустив из рук вожжей, и Ивановский простонал с досады. Получалось еще хуже, чем он рассчитывал: к нему приближался один. Лейтенант внутренне сжался, в глазах его потемнело, дорогу и березы при ней повело в сторону. Но он как-то удержался на самом краю сознания и ждал.

Клацнув затвором, спешившийся немец повелительно крикнул что-то и, разбрасывая длинные полы шинели, пошел по дороге. Карабин он держал на изготовку, прикладом под мышкой. Ивановский понемногу отпуская под собой планку гранаты и беззвучно твердил, как молитву: «Ну иди же, иди...» Он ждал, весь превратясь в живое воплощение Великого ожидания, на другое он уже был не способен. Он не мог добросить до него гранату, он мог только взорвать его вместе с собой.

Однако этот обозник, видать, был не из храбрых и шел к нему так осторожно, что казалось, вот-вот повернет назад. И все-таки он приближался. Ивановский уже различал небритое, какое-то заспанное его лицо, встревоженный взгляд, заиндевелые пуговицы его шинели. Однако, не дойдя до Ивановского, он снова прокричал что-то и остановился. В следующее мгновение лейтенант сам едва не вскричал от обиды, увидев, как немец поднимает к плечу карабин и прицеливается. Целился он неумело, старательно, ствол карабина долго ходил из стороны в сторону; напарник его все говорил что-то с воза, наверно, давал советы. Ивановский по-прежнему лежал неподвижно, широко раскрытыми глазами глядя на своего убийцу, и слезы отчаяния скатились по его щекам. Вот он и дождался утра и встретил на дороге немцев! Все кончалось глупо, нелепо, бездарно, как ни в коем случае не должно было кончиться. Что же ему оставалось? Встать? Крикнуть? Поднять вверх руки? Или тихо и покорно принять эту последнюю пулю в упор, чтобы навсегда исчезнуть с лица земли?

Он, разумеется, исчезнет, теперь уж ему оставались считанные секунды, за которыми последует Вечное Великое Успокоение. В его положении это даже было заманчиво, так как разом освобождало от всех страданий. Но останутся жить другие. Они победят, им отстаивать эту зеленую счастливую землю, дышать полной грудью, работать, любить. Но кто знает, не зависит ли их великая судьба от того, как умрет на этой дороге двадцатидвухлетний командир взвода лейтенант Ивановский.

Нет, он не встал, потому что встать он не мог, и не вскрикнул, хотя, наверное, мог бы еще кричать. Он лишь содрогнулся, когда в утренней сторожке тишине грохнул одиночный выстрел и еще одна пуля вонзилась в его окровавленное тело. Она ударила ему в плечо, наверное, раздробив ключицу, но все равно он не пошевелился и не застонал даже. В последнем усилии он только сжал зубы и навсегда смежил глаза. С трепетной последней надеждой он слушал приближающиеся на дороге шаги и думал, что, возможно, еще и не все потеряно, возможно, и удастся. Какой-то самый ничтожный шанс у него еще оставался. Медленно, очень осторожно, преодолевая охватившую его новую боль, он поворачивался на бок, высвобождая из-под тела гранату. И он освободил ее как раз в тот момент, когда шаги на дороге затихли поблизости. Он почувствовал под боком тугий, пружинистый рывок планки, и тотчас неожиданно звучно хлопнул взрыватель. Немец коротко вскрикнул, очевидно пускаясь наутек, Ивановский успел еще услышать два его отдавшихся в земле шага и потом ничего уже больше не слышал...

Несколько секунд спустя, когда осела перемешанная со снегом пыль, его уже не было на этой дороге, лишь небольшая воронка курилась на ветру в одной ее колее; вокруг на разметанном снегу валялись мерзлые комья земли да за канавой ничком, разбросав по грязному снегу длинные полы шинели, лежал отброшенный взрывом труп немца. Повозка с растрясенной по снегу соломой опрокинулась набок, в упряжке, тщетно пытаясь встать на ноги, бился крупный гнедой битюг, а по дороге к деревне

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
бежал уцелевший обозник.

Пойти и не вернуться

1

Шел снег.

Густо мельтеша в воздухе, снежные крупинки косо неслись по ветру, с тихим невнятным шорохом быстро засыпая иссушенную морозом траву, жухлые заросли осоки на болоте, белыми пятнами ровно устилая замерзшие водяные прогалы, которые, чтобы не оставлять следов, тщательно обходила Зоська. Но этих прогалов в траве было много, и она поняла, что никуда от них не деться на этом мшистом болоте, и пошла напрямик, не разбирая дороги. Местами она неглубоко проваливалась в мох, но до воды не доставала, все-таки болото за последние дни хорошо промерзло. То ли от снегопада, то ли от близости вечера болотно-лесное пространство вокруг все больше мрачнело, хмурилось, наполняя смутной тревогой и без того беспокойную душу. Только что выбравшись из лесных зарослей, Зоська уже раза три оглянулась, хотя сзади никого вроде не было. Чтобы отрешиться от недобрых мыслей, она остановилась, огляделась и варежками обмахнула с плеч снег, отряхнула юбку. Но не прошло и минуты, как снег снова густо залепил ворсистую ткань ее плюшевой куртки, и она подумала, что напрасно отряхиваться, лучше побережь варежки, которые и без того промокли насквозь и не грели. Руки все больше зябли, особенно когда она переходила голые, без кустарников, участки болота, где сильней становился ветер и, кажется, густел снег.

Снегопад был ей ни к чему, он даже становился помехой; те, что посылали ее в эту дорогу, рассчитывали на черную, без следов, тропу. Но еще часа два назад ничто, казалось, не предвещало непогоды, разве что облачное небо вверху, которое нынешней осенью всегда было облачным.

И вот теперь этот снег...

Оглянувшись, Зоська увидела на забелевшей кочковатой земле заметные издали следы своих ног, обутых в уже отсыревшие и латанные-перелатанные сапожки. Правда, снег засыпал следы, и, если снегопад не прекратится к ночи, следов можно будет не опасаться.

Хуже, что она заблудилась.

Она шла около часа, но ожидаемой лесничевки все не было видно, вокруг тянулось замерзшее незнакомое болото, местами поросшее чахлыми извилистыми березками, кустами лозняка и ольшаника. Теперь ей самой не понять, как она сбилась с тропы, возможно, проглядев в кустарнике ее очередной поворот, или, может, та просто исчезла под снегом. Зоська шла наугад, лишь чутьем определяя нужное направление. Спросить тут было не у кого, она знала, что ближайшая деревня километрах в восьми за речкой, до деревни надо еще идти да идти. Оружия у нее не было никакого, хотя оружие перед выходом можно было попросить у ребят, но когда она намекнула на то Дозорцеву, тот запретил категорически – в ее деле лучше обойтись без оружия. Компаса ей тоже не дали. Компас, наверно, помог бы в пути, но в случае задержания наверняка бы навел на подозрения, а малейшего подозрения ей надо было избегать. Правда, у нее был паспорт, немецкий аусвайс, но она не очень надеялась на эту тоненькую, с синими печатями книжечку, выписанную на некую Аделаиду Августевич. Аусвайс был старый, потрепанный; видно, не она первая отправлялась с ним из партизанской зоны в немецкую, хотя имя его прежней владелицы Зоське очень понравилось. Ей бы такое имя.

А то – Зося Нарейко.

Хотя, что ж, каждому – свое.

Зоське бы вот только перейти это болото, где-то перелезть через речку и выбраться на Скидельский шлях – там начиналась знакомая местность, там были люди, там бы она вздохнула. Правда, она понимала, что там ее ждало немало других опасностей, но теперь ей казалось, что здесь страшнее. Она почти уже не глядела себе под ноги, где привычно шумела-шастала жесткая на морозе трава, – она пристально всматривалась вперед, в густевшие над болотом сумерки, пестревшие окрест множеством пятен, тусклых полос вдаль, каких-то неясных теней. Казалось,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru в разных местах, замерев, ее поджидали лесные чудовища, может быть, волки, а может, и недобрые люди. Но всякий раз, подойдя к ним ближе, она обнаруживала, что это темнели высокие кочки жесткого папоротника или кусты можжевельника, а то низкорослые, пересыпанные снегом елочки. Пожалуй, ничего больше и не могло быть в эту пору на мерзлом болоте, однако, по мере того как темнело, привязчивый страх все больше охватывал девушку.

Она упрямо гнала его прочь, мысленно ругая себя за пугливость и то и дело уговаривая: ну, чего ты боишься, дурочка, чего же здесь страшного? Бояться придется там, где люди, дороги, посты у въездов в деревни, проверка документов, полиция. Здесь же безлюдное болото, ненастный осенний вечер, снег – все, хотя, может, и мало расположенное к путнику, зато вполне безопасное. Чего здесь бояться?

И тем не менее здесь ей казалось страшнее, чем там, впереди, вблизи от деревень с постами, полицией и проверками всех подозрительных прохожих.

Она взошла на едва приметный в болоте пригорок, покрытый неболотной, низкорослой, безо льда травой, с редкими деревцами ольшаника, беспорядочно серевшими на белой земле. Снегопад будто бы поредел, и хотя небо сверху стало темнее, чем прежде, кустарник просматривался далеко, за ним вроде мерещилась стена дальнего леса, и Зоська подумала: не там ли кончается это проклятое болото?

Она спустилась с пригорка, прибавила шагу, как вдруг шагах в пяти от нее метнулось что-то живое и, как показалось, громадное. Зоська в ужасе замерла и только мгновение спустя увидела невдалеке зайца. Большущий русак широкими прыжками размашисто уходил прочь, все дальше в болото, пока не исчез в сумрачной мешанине заснеженной травы и кустарника.

Медленно отходя от испуга, Зоська перевела дыхание, нерешительно, сама не зная почему, оглянулась и застыла в немом удивлении, заметив силуэт человека, как бы осторожно наблюдавшего за ней сзади. Зоська на мгновение зажмурилась, а когда открыла глаза, силуэт уже исчез в густеющих сумерках, слившись с неясными пятнами земли и кустарника. С замершим сердцем Зоська еще полминуты вглядывалась, но тщетно: сзади решительно не было ничего такого, что хоть бы отдаленно напоминало собой человека. Она подумала, что ошиблась, что это ей показалось, и, обругав себя за напрасный испуг, быстро направилась дальше.

Несколько минут она шла мелколесьем, то и дело уклоняясь от холодных ветвей ольшаника и едва сдерживая напряженное желание оглянуться хотя бы затем, чтобы убедиться, что сзади никого нет.

Она заставила себя смотреть только вперед, где уже угадывался в сумерках широкий прогал, кустарники кончались, до тускло серевшей в ночи стены хвойного леса было рукой подать. Зоська подумала, что, по всей вероятности, где-то здесь должна быть река. Не бог весть какая эта речушка, в которой летом надо было поискать место поглубже, чтобы искупаться, осенью разлилась и теперь с самого начала пути тревожила Зоську – как через нее перебраться? Легко было Дозорцеву там, в лесу, советовать поискать брод, который должен быть где-то возле лесничевки. Но как ей найти теперь этот брод, если она потеряла саму лесничевку и даже не знает, в какой стороне та осталась.

Так оно и оказалось, река была здесь. Еще издали Зоська узнала ее по ряду кряжистых ольх, привольно разросшихся вдоль берегов по краю голой, заболоченной поймы. Между рекой и кустарником лежал открытый, обильно засыпанный снегом участок. Прежде чем выйти на него, Зоська остановилась, взглянула в одну сторону, затем в другую и, не удержавшись, торопливо оглянулась назад. Но в тускло мерцающих снежных сумерках всюду было безлюдно и тихо-покойно, лишь беспорядочные порывы ветра, порошившие на болото снежной крупой, нарушали сонную тишину ночи.

Зоська вышла на пойму, решительно направляясь к ближайшей группе кривых старых ольх, раскинувших на берегу замысловатую вязь своих голых сучьев. Еще издали между их комлей она увидела противоположный в кустарнике берег и припаянный к нему тусклый закраек льда, местами темневший разводами подмокшего снега. Такой же, с плавно выгнутой, будто подтаявшей, кромкой, закраек тянулся и вдоль этого берега, а между ними чернела неровная полоса чистой воды. Была она неширокой,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru эта злосчастливая полоска, местами ледяные закраины почти смыкались, но вода упрямо разъединяла их всюду, и Зоська в нерешительности остановилась. Нет, здесь перейти не было возможности, следовало поискать что-нибудь более подходящее.

Обойдя с наболотной стороны несколько ольх, она снова приблизилась к невысокой, но обрывистой кромке берега. Река здесь круто изгибалась, уходя в сторону леса, и широкая ледяная закраина с противоположного берега почти вплотную подходила к обрыву у самых ног. Возможно, Зоське и удалось бы до нее добраться. Если бы на что-то опереться. Или еще лучше положить с берега длинную палку и по ней осторожно перейти на ту сторону.

Надо было поискать подходящую жердину.

Пригибаясь, чтобы уклониться от низко нависавших сучьев, Зоська обошла ольховые кусты, пробуя рукой прочность их шершавых комлей, невзначай бросила взгляд назад, на притуманенную даль поймы, и снова в растерянности содрогнулась, застыв в неудобной, с повернутой головой, позе: теперь уже не могло быть сомнения – через пойму из кустарника по ее следам шел человек.

Полминуты она стояла, почти омертвев, не сводя взгляда с поймы. Отсюда было трудно рассмотреть идущего, сумерки туманной пеленой смазывали его очертания, но, вглядевшись, она поняла, что это мужчина и что он идет через пойму к реке уверенным шагом человека, имеющего определенную цель и, наверно, знающего путь. Руки его размеренно двигались в такт шагу, они не были заняты оружием, но было ли у него что за плечами, она не смогла рассмотреть. Тем не менее она остро почувствовала, что он уже видит ее, что ей надо скорее уходить от него и что уйти в ее положении можно только за реку.

Она испуганно метнулась по берегу, пытаясь соскочить под обрыв, но увидела внизу темную полоску мокрого снега и побежала дальше. Из-под снега у самой воды торчал какой-то корявый сук с налипшей грязной листвой. Она на бегу выдернула его и перебросила через черный поток на край льдины. Однако сук оказался коротким, к тому же здорово выгнутым на середине, он сразу перевернулся и почти весь ушел в воду. Боясь не успеть и лихорадочно работая руками, Зоська выбралась из-под берега и обеими руками вцепилась в нетолстый наклонный отросток в ближайшем кусте. Повиснув на нем, она кинула взгляд на пойму: почему-то замедлив шаг, человек приближался к речке. Их разделяла какая-нибудь сотня шагов, Зоська изо всей силы потянула деревцо, и то неровно выломилось у самого корня. Не пытаясь даже очистить его от ветвей, она соскользнула с обрыва и перебросила над водой эту шаткую, малонадежную опору.

Все-таки она успела, хотя и намочила у берега ноги, в левом сапоге сразу захлюпало, но теперь, наверно, можно было рискнуть. Недолго раздумывая и почти физически ощущая пугающее приближение незнакомца, она ступила на корявый конец дерева и взмахнула руками.

Ей удалось сделать лишь три робких, торопливых шагов, как верхушка деревца, подогнувшись, соскользнула с закрайки и Зоська очутилась в воде.

Она рванулась к недалекой и такой недостижимой кромке закрайки. Но ноги в воде вдруг потеряли опору, дно ушло в сторону, она погрузилась в воду почти до пояса, с ужасом ощутив, как течение туго ударило ее в бедра, грозя свалить с ног. И тогда сквозь шум разворошенной ее телом воды где-то сверху раздалось:

– Зоська, стой! Ты что, сдурела?!

«Антон?!»

В страхе и замешательстве она замерла, узнав голос того, кого меньше всего ждала тут увидеть. Но ошибки быть не могло – сноровисто соскочив с обрыва, Антон подхватил из воды ее деревцо и размашисто бросил его мокрой верхушкой ей в руки.

– Держись! Держись, я тяну...

Она уже и сама справилась с довольно сильным на глубине течением и, медленно преодолевая испуг, ухватилась за ветки.

– Давай сюда! Во, на сухое... Эх ты, дурочка! Разве так можно соваться?..

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ой, и напугалась же, божечка... И откуда ты взялся?

– Взялся... Разве так можно? Тут глубина – во! – отмерил он себе ладонью по грудь, и она, преодолевая холод, пристально посмотрела ему в лицо. Нет, ей не мерещилось, это в самом деле был он, Голубин, партизан из третьего взвода, которого она несколько дней назад стала называть Антоном.

– А я гляжу, догоняет кто-то! Так напугалась, что... Сердце едва не выскочило.

– Промокла здорово? Ну конечно! А ну быстро за мной! – скомандовал он. – Бегом! Тут деревня где-то была.

Она не противилась, сразу подчинилась его властной строгости, тем более что строгость эта была ей во спасение, она и сама чувствовала, что этак недолго и околеть на ветру. Взобравшись на обрыв, он побежал вдоль реки куда-то по пойме влево, и она, едва преодолевая обжигающий ноги и низ живота холод, побежала следом.

– Руками, руками вот так! – показал он, взмахивая на бегу руками. – Вверх, вниз! Вверх, вниз! Грейся!

Река отвернула в сторону, туда, где был лес, темная стена которого отдалилась и пропала в сугробы, там же где-то исчезли корявые кусты ольшаника. Они бежали открытой поймой к темневшим впереди низкорослым зарослям, и она чувствовала, как все больше деревенеют ноги в мокрых отяжелевших сапогах; юбка сначала мокро хлюпала сзади, потом стала жестко лубенеть на морозе, варежки остались в реке, и голых рук она почти уже не чувствовала.

– Откуда ты взялся? Тебя что – послали за мной?

– Послали, да. Успокойся. Ты же такая разведчица, что...

– А что?

– Да ничего. Хорошо вот – подоспел. А то бы...

Она все еще не могла преодолеть недоумения, понять, почему он оказался тут, за десяток километров от лагеря. Когда ее посылали в эту дорогу, не было и речи о Голубине, готовили к заданию ее одну. Но вот он здесь, и первое ее удивление быстро сменялось радостью. Это была приятная для нее неожиданность, если бы только не тот ее нелепый испуг, сдуру загнавший ее в реку. Но кто знал, что это Голубин, а не какой-нибудь полицай или немец. Принимая упрек, Зоська виновато молчала. Холод все больше сковывал ее движения, ноги выше колен недобро горели, словно обожженные; внутри, правда, от долгого бега становилось теплее, и она чувствовала, что прекращать бег нельзя. В беге было спасение, и она покорно бежала рядом с неожиданным спутником и спасителем, с которым лишь утром рассталась возле отрядной кухни, сказав, что увидятся теперь не скоро, может, через неделю или две. Она не могла сказать, куда и зачем отправляется, Голубин, однако, что-то понял, насторожился, даже попытался ее задержать, ухватив за рукав, но она вырвалась и с тропки игриво помахала ему варежкой. В последнее время, когда отряд перебазировался в южную половину Сухого бора и она по утрам стала помогать тетке Степаниде на кухне, этот Голубин частенько задерживался возле нее после ужина, раза два они даже недалеко прогулялись вдвоем, и она подумала, что, может, надо бы ему намекнуть, куда она идет. Но тогда возле кухни она ничего не сказала, а потом ей стало не до Голубина, часа три она просидела в штабе, выслушивая инструктаж начальника разведки Дозорцева да заучивая пароли для связи со своими людьми в деревнях, пароль-пропуск через зону соседней партизанской бригады. Путь был не близок, все надо было зазубрить на память – там спросить будет не у кого, и с Голубиным она больше не увиделась.

Чтобы она не отставала, Антон заметно придерживал бег и широким шагом размашисто, с хрустом, мял сапогами подмерзшую траву поймы, уверенно увлекая Зоську в сумерки снежной ночи. Она хотела сказать, что ей надо за речку, но сдержала себя – действительно, сперва надо было обсушиться, и она почти с радостью ухватилась за эту его участливую помощь, которая оказалась кстати. А она, дура, боялась.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Тут где-то деревня. Забыл, как называется. Кондыбовщина, кажется. Не слышала такой?

Она молча повертела головой.

– Что, здорово искупалась? А ну? – Он скинул рукавицы и на бегу пошлепал ее по спине и ниже. – Жакетка вроде сухая. Юбка только. И ноги. А ну живее! Шире шаг, малышка! – бодро закомандовал он.

– Там так глубоко! Никогда не думала, – сказала она, постукивая зубами.

– Глубоко, конечно. Не летом. Надо было у лесничевки переправляться, а ты вон куда шибанула.

– Я и хотела у лесничевки. Да вот... заблудилась.

– Я так и подумал. Еще не вышла из зоны, а уже заблудилась. Как же ты там будешь, разведчица?

Что она могла на это сказать? Начало, безусловно, не удалось, могло быть и хуже, если бы не подоспел он. А может, без него она была бы осмотрительнее и не влезла сгоряча в реку. Но уж заблудилась, точно, по своей оплошности, тут уж винить было некого.

2

Минуту они молча бежали рядом. Зоська с нетерпением вглядывалась вперед, стараясь в редевшем мелькании снежинок заметить первые признаки деревни, но деревни все не было, даже не начиналось поле, под ногами по-прежнему стлалась некошенная трава поймы. Антон начал поглядывать в сторону и даже оборачиваться назад, где затемнелось в ночи что-то высокое, похожее на пригорочек с хвойной рощицей. Наверно, этот пригорочек был тут единственной видимой приметой на их болотном пути, и Антон, вдруг остановившись, громко, с досадой выругался:

– Ах ты, черт! Вон куда мы зашли. Это же круглый грудок. Деревня в стороне осталась.

Зоська разочарованно выдохнула, она едва уже держалась на ногах, в груди все горело от усталости; а руки, и особенно ноги выше колен, совершенно задеревенели от стужи. Юбка быстро смерзлась и жестко терла ее тощие бедра.

– Что ж теперь делать? – растерянно проговорила она, остановившись и чувствуя, что выхода нет, видно, придется ей замерзнуть на этом болоте.

– Да, дела! – сокрушался Антон. – Надо же... Думал, этот грудок слева, а он... Наделала ты беды с этой речкой.

Ее разозлили упреки Антона, хотелось крикнуть, что это все из-за него, что, не появившись он у нее за спиной, она бы не сунулась сломя голову в эту проклятую речку, постаралась бы найти переход понадежнее. А то ведь сам ее напугал, загнал в ледяную воду и еще упрекает. Но что-то удержало ее от этого объяснения, все-таки она чувствовала, наверно, и свою здесь вину и потому, пересилив обиду, коротко бросила:

– Ладно! Я уж сама как-нибудь...

Однако в голосе ее уже слышались слезы, видно, он почувствовал это и смолк, снова вглядевшись в сумерки. Что-то там вроде серело в отдалении, но она не могла различить что, – одувевшими пальцами она вытирала глаза.

– Постой! – сказал он. – Гляди, стожок вроде? Действительно! А ну бегом!

Она тоже различила в сером ветреном сумраке сизые копны стожков на болоте возле кустарника. Передний стожок был совсем близко, в какой-то полусотне шагов – покосившийся, с заснеженным боком и черной палкой вверху, он явился для нее очень вовремя; ничего лучшего теперь, наверно, нельзя было и придумать. Антон, опередив ее, первым подбежал к стожку и, ощупав его бока, начал энергично выдергивать сено, чтобы забраться внутрь. Подбежав туда же, Зоська сунула в

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru жесткое шуршащее сено свои онемевшие руки. Но пересыпанное снегом, настывшее сено только студило, к тому же оно было туго спрессовано в этом стожке, и Антон, как ни старался, за десять минут сделал лишь небольшое углубление в его боку.

– Черт! Слежалось – не выдерешь. А ну дергай, тут вроде податливей, – указал он ей место в стожке, а сам побежал к следующему.

Зоська, кажется, совсем замерзла, хотя на этой стороне стожка было затишнее от ветра, но мокрые ноги и бедра стыли жестоко. Руки, однако, стали согреваться в сене, из травяных недр которого вместе с душистыми ароматами трав как бы исходило накопленное за лето тепло. Она уже готова была втиснуться телом в небольшое, образовавшееся под ее руками углубление, как издали снова донесся голос Антона:

– Эй, сюда иди! Слышь, топай сюда!

Голос был бодрый, призывный, она сразу почувствовала в нем надежду и, бросив на снег горсть сена, побежала к соседним стожкам. Возле одного из них стоял Антон и, махнув ей рукой, тотчас куда-то исчез, вроде бы зашел за стожок.

– Сюда! Лезь сюда, – услышала она, подбежав ближе и едва различив в темноте черную дыру в округлом боку стожка, откуда доносился приглушенный голос Антона:

– Зачем дергать, когда готовое ложво есть. А ну, лезь. Хотя погоди – я вылезу.

Он задом выбрался из сенной норы, и она, недолго раздумывая, нырнула в ее душистую теплоту, обещавшую какое ни есть укрытие от леденящего ночного ветра.

– Вот, будем сушиться. Что – еще холодно? – подобревшим голосом говорил он, забравшись следом и шурша сеном у входа. – Ничего! Надышим, знаешь, как тепло станет! Только ты раздевайся. Раздевайся, раздевайся, скидывай с себя все мокрое. Да, вот еще... На мой кожух – укройся. А я лаз заделаю. Тепло будет, увидишь.

Стуча зубами, она поспешно устраивалась в этом гулко шуршащем, полном травяных запахов укрытии, стараясь не думать о возможных последствиях этой ее ночевки. Кое-как сняла с ног мокрые сапоги, развернула портянки и сунула ноги в ласковое тепло кожаной обуви. Антон тщательно заделывал сеном лаз, и она, недолго размышляя, стащила с себя все мокрое, что только можно было стащить, ту же завернулась в кожаную обувь и, все еще дрожа и крупно вздрагивая, никак не могла найти положения, чтобы скорее согреться.

– Вот это ночлег! – удовлетворенно сказал Антон, с шумом устраиваясь рядом. – А что? Не хуже, чем в землянке, правда?

– Правда, – тихонько сказала она и, подумав, спросила: – А ты... по своему заданию или как?

– Я? – неопределенно переспросил он, подвигаясь поближе, вплотную к ее поджатым ногам. – Да почти что по твоему.

– Это как – вместе, значит, пойдём?

– Безусловно. Не возражаешь?

– Нет, что ты!

Зоська горестно вздохнула. Если бы не те ее нелепые страхи, все могло оказаться удачнее, они бы заночевали в деревне, при людях, а не в этой норе, где хотя и теплее, чем в поле, но... Она, не шевелясь и почти не дыша, скорчилась, забившись в самый конец этой прорытой кем-то норы. Все-таки было не по себе от этого непривычно близкого соседства с мужчиной. Хотя бы он не начал приставать, она просто не знала, как повести себя с ним. С одной стороны, она была обязана ему, вытащившему ее из воды, устроившему в это убежище, согревшему своим полушубком. А с другой – кто знает, что у него на уме. Надо бы от него держаться подальше и вести себя по возможности строже.

– Ну как, греешься? – заботливо спросил он, придвигаясь поближе. Голос его

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru прозвучал совсем не так, как на пойме, – это был совсем другой голос, с нотками доброты и сочувствия, каким его Зоська привыкла последнее время слышать в лагере.

– Греюсь, – сказала она.

– Скоро согреешься, – пообещал он. – Это я знаю. Как-то заночевал осенью. Дождь шел, промок, сухой нитки не было. А в стогу все обсохло. Лучше, чем на печке в избе. Помнишь Заглядки? – вдруг спросил он без всякой связи с их сегодняшним происшествием, и она улыбнулась.

– А, Заглядки? Как же... Такие вечеринки устраивали там!..

– Вечеринки на славу. Кузнецов это любил. Умел повоевать и погулять любил.

– Так молодой был.

– Молодой, да. Двадцать четыре года.

– Кажется, когда все было. А уж нет ни Кузнецова, ни многих, – горестно вздохнула Зоська.

– Кто знает, может, и нас скоро не будет.

– Нет! – зябко встрепенулась Зоська. – Не хочется об этом думать. Нельзя об этом. О другом надо.

– Это верно, что о другом, – согласился Антон. – Но о чем ты ни говори, как ни отвлекайся, а это в тебе сидит, как присохло. Как хвороба какая.

– Шумит все, – тихо сказала Зоська.

– Ветер. Шуметь долго будет. Зато нас не слышно, заглушает.

– Все равно страшно. Тише надо.

– А ничего. Тут нигде никого.

Оба, замолчав, прислушались, но действительно вокруг было тихо, лишь снаружи глухо шумел в сене ветер. Завернутые в колушк Зоськины ноги стали понемногу согреваться, влажная ткань исподнего помалу теплела, нора набиралась человеческого духа, и усталость сладкой волной расходилась по утомленному телу девушки.

– А знаешь, – сказал вдруг Антон, и она разомкнула смежившиеся было веки, хотя в абсолютной темноте все равно ничего не было видно. – Я помню, как ты была одета. Там, в Заглядках. На тебе было голубое платье в цветочках. Правильно?

– Правильно, – просто ответила Зоська. И платье в цветочках, и тот, единственный с ним танец под балалайку, когда Антон лихо выхватил ее из группы девчат и минут десять молча кружил по избе, она хорошо помнила и теперь радостно удивилась, что это самое вспомнил и он.

– А танцевала ты ладно. В удовольствие.

– Так и ты... Ладный танцор.

– Любил девчат покружить.

– А теперь не любишь?

– Теперь не до того. Теперь самого война закружила.

– А ты это... Забыла, откуда ты родом?

– Да я из Восточной. Борисов, город такой, слыхала?

– Это за Минском, кажется?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– За Минском. А ты местная?

– Из Скиделя. Двадцать восемь километров от Гродно.

– Знаю. Ходил в сентябре. Почти до самого Гродно добрались. Бобики там нас пугнули. В Лососне. А ты с мамой жила?

– С мамой и старшей сестрой. Замужней. А свояка немцы весной расстреляли.

– Хорошо еще, что вас не тронули. Мать и теперь там?

– Там, где же ей быть. С весны не видела, прямо душа чернеет. Как она там?..

– Надо повидаться. Туда же идешь? – спросил он и примолк.

Зоська вся подобралась в темноте.

– А ты откуда знаешь?

– Знаю.

Трудно задышав, Зоська не ответила, и он сказал, как о само собой разумеющемся:

– Что же ты – почти дома будешь и мать не наведишь? Так не годится.

– Знаешь, не совсем дома. Да и другие дела есть.

– Ну, знаю, надавали тебе заданий, надо выполнять. Но и о себе подумать не грех, – сказал он и зевнул. – У меня тоже в Скиделе есть знакомый. Бывший дружок даже.

– Живет там?

– Живет.

– Где, на какой улице? Может, я знаю?

– Нет, ты не знаешь. Он человек новый.

– Ну новых я, конечно, не знаю. Которые приехали в тридцать девятом, те не очень знакомы. Я же перед войной в Новогрудке училась.

– Я и говорю: не знаешь, – сказал Антон.

Зашуршав сеном, он переменял положение и вдруг положил руку на ее плечо. Она испуганно-зябко вздрогнула, сделав слабую попытку отстраниться, но отстраниться было некуда.

– Не надо...

– Теплее будет. А то ты в моем колушке, а мне...

– А тебе холодно?

– Ну так, знаешь... Не очень, но все-таки.

Она промолчала, и он удобнее обнял ее рукой за плечи. Его большое и сильное тело источало приятное для нее тепло, и она, притихнув, почти обмерла под его рукой.

– Экая ты малышка! – переходя на шепот, сказал он с заметными нотками нежности. Ей вдруг стало смешно – никто не называл ее малышкой, – была она хотя и невысокого роста, но крепко сбитой, ловкой девчонкой.

– Я не малышка, – сказала она. – Я, знаешь, сильная.

– Да ну?

– В самом деле. Могу повалить. Даже такого, как ты.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Как я?

– Ну.

Кажется, это было уже слишком, она шутливо преувеличивала, потому что чувствовала исходившую от него угрозу и неумело пыталась противостоять ей.

– Что, Дозорцев научил? – заинтересованно спросил он. – Самбо?

– Да, самбо.

– Гляди ты! Ну и разведчица!

– А что? Разве плохо?

– Нет, почему же? Еще бы оружие. Но оружия небось не дали?

– Разведчику не обязательно оружие. Лучше хорошие документы.

– Это конечно.

– А у тебя есть документы? У меня какой-то аусвайс потрепанный. Как бы не влипнуть с ним.

– Потрепанный – это хорошо. Надежнее потрепанный.

– По аусвайсу я Аделаида, понял? – сообщила Зоська. – А тебя как по документу?

– А все так же: Антон Голубин.

– А разве не заменили? Полагается же заменить имя и фамилию.

– Зачем менять? У меня документ незаменимый. – Он тихонько двинул бедром. – Револьвер системы «наган».

– Ой! – удивилась Зоська. – Как же это? А вдруг проверка?

– На случай проверки это понадежнее твоего аусвайса.

Унимая дрожь, Зоська настороженно примолкла – то, что у Антона оказалось оружие, ей не понравилось. Зачем оружие?

Так бы они спокойно пробирались проселками, выдавая себя за селян из какой-нибудь дальней деревни, в случае задержки и обыска – в карманах ничего подозрительного, как и учил Дозорцев. А тут – наган! Как бы через этот наган не провалить задание и самим не погибнуть.

– А в штабе там знают, что ты с наганом?

– Я сам лучше знаю, с чем мне идти.

– Ой, я боюсь...

– А ты не бойся. Ты на меня положись. Уж мы как-нибудь, – проговорил он игриво и, сжав ее плечи, вдруг поцеловал возле губ.

– Ой! Ты что?

– Ничего, ничего... Знаешь, после той встречи утром я не мог себе места найти.

– Это почему? – в сладком предчувствии спросила Зоська.

– Потому. За тебя испугался.

– О, дурачок! Ну чего ты? – ласково сказала она, невольно прижимаясь к его широкой груди. – Я уже не маленькая. Уже ходила в Михневичи. Помнишь, как там Стукачева повесили?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Михневичи что? Михневичи тогда рядом были. А тут километров тридцать. По прямой если.

– Так ты за меня испугался? – переспросила она, блаженно улыбаясь в темноте. Это его признание показалось ей таким странным и таким сладостным, что она захотела снова услышать его.

– Ну. А ты это... Уже согрелась, – объявил он, все теснее обхватывая ее за плечи.

Она чувствовала на своем лице его разгоряченное дыхание, сердце ее учащенно забилось, отходящими от стужи пальцами она молча вцепилась в его руки. Но он с настойчивой силой все больше наваливался на нее, руки его скользнули под кожушкой к ее бедрам, и она, испугавшись, вскрикнула:

– Ты что! А ну брось! И прочь руки, а то...

– что?

– Кричать буду!

– Да?

– А ты думал?

– Ну что ж, – сказал он, подумав, и вдруг разнял у нее за спиной свои длинные руки. – Кричать не стоит. Спать будем.

Зоська промолчала, отходя от минутного возбуждения, удобнее закуталась в полу кожушка.

– Ты это не думай. Я не такая.

– Ладно, – сказал он устало. – Считаю, я пошутил. Пошутить же можно?

– Пошутить можно. Но надо знать как.

– А ты, гляжу, злюка.

– Пусть злюка...

– Вот уж не думал.

– Может, пойдешь один? Пожалуйста! Плакать не стану.

– Пока погожу, – не сразу ответил он и умолк. Она тоже умолкла, почувствовав, что такой разговор – почти ссора, а ссориться с ним ей совсем не хотелось.

3

Закопавшись по плечи в сено и вдыхая его крепкий травяной аромат, Антон сделал вид, что засыпает. От Зоськи он даже слегка отстранился, оставляя ее в належащем им углублении. Конечно, вместе под кожушкой было бы теплее обоим, но Антон не хотел лезть к ней. Еще подумает, что ему только это и надо, что за этим он и бежал следом, догоняя ее в ночи. Но для него вовсе не это было главное, и не затем он догонял ее, едва не потеряв на болоте. Хотя, разумеется, его, мужчину, влекла ее юная женственность.

Теперь он не помнил даже, когда все началось. Возможно, с той вечеринки в Заглядках, когда он танцевал с нею «Страдание», или скорее с того заполошного дня, когда отряд Кузнецова, оставив обжитый лагерь в Селицком лесу, поспешно перебазировался за болото. На новом месте их встретила промозглая глушь старого ельника. Уходя от преследования, они были голодны и устали как черти. После короткого отдыха командир взвода выделил троих партизан оборудовать отрядную кухню. Двое отправились на поиски чистой воды, а Антон принялся за устройство очага-топки, – под их закопченный таган надо было выкопать яму. Он сразу лихо взялся за дело, угрелся, вспотел и, подумав, что надо снять полушубок, увидел

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Зоську. Неслышно подойдя к нему сзади, та стояла и улыбалась.

– Что, помогать пришла? – спросил он, тоже улыбнувшись.

– Ну, такому помогать! Один справишься. Вон ручищи какие широкие, как лопаты, – засмеялась она, и он почему-то с неловкостью посмотрел на свои испачканные землей ладони.

– На пустой желудок любые руки ослабнут.

– Проголодался, бедненький. На вот тебе...

Зоська шагнула поближе и, протянув маленький белый кулачок, отсыпала ему полгорсти крупного сухого гороха.

– Подкрепляйся, завтрак не скоро.

И снова, как-то загадочно улыбнувшись, неторопливо пошла в ельник, где слышались голоса хлопцев, строивших буданы для жилья. Он посмотрел вслед ее маленькой ладной фигурке в сапожках, юбке и какой-то широкой, не по росту, куртке и подумал с завистью: «Славная девчонка!..»

Зоська ушла, похоже, тут же забыв о нем, сразу осажденная другими партизанами – молодыми и постарше, – всеми, кому хотелось обратить на себя минутное ее внимание, потрепаться, тем более что других женщин, кроме ворчливой пожилой Степаниды, в отряде уже не было. Антон не лез впереди других, хотя несколько раз ловил себя на том, что думает о ней.

Однако видел он ее по-прежнему редко. В октябре два взвода из отряда проводили операцию по поджогу Лукьяновского льнозавода и больше недели отсутствовали в лагере, а в ноябре, до праздников, он дважды с группой Момыкина ходил на шоссейку добывать боеприпасы и оружие. Возвращаясь со второго задания, группа попала в засаду, их обстреляли на деревенской околице, одного парня убили, а тяжело раненного Момыкина Антон нес на себе километров двенадцать до лагеря, где тот на следующее утро скончался. Хоронили погибших, настроение было паршивое, стало не до этой девчонки, обитавшей при кухне, а потом при штабе, где из нее стали готовить разведчицу. Однажды, правда, встретил на стежке, обменялись двумя-тремя фразами, и все.

Антон по натуре был не из слабонервных, выдержки у него хватало. Засады, бои и постоянные опасности закалили его, и он не припоминал случая, чтобы растерялся или хотя бы сильно испугался в минуту опасности. Даже на злосчастном том хуторе. Хотя кое-кто в отряде и не прочь был обвинить его в гибели командира отряда, но там он ни в чем не был виноват. Напротив, своей находчивостью он спас четверых, первым выпрыгнув из чердака и крикнув остальным: «Прыгайте!» Хата уже всюю полыхала, занявшись с другого конца. Они, задыхаясь в дыму, кое-как отстреливались от наседавших с трех сторон полицаев, с четвертой ничего не было видно – туда валил дым. Кузнецов с ординарцем редко постреливали из подпола в избе, куда полицаи швыряли гранаты. Наверно, командир был ранен и не смог выскочить, а они, вчетвером, что могли сделать против трех десятков обнаглевших бобиков? Хорошо, дул сильный ветер, который низко стлал дым по огороду.

Это их и спасло.

Кузнецова Голубину было жалко до слез, это был смелый и толковый командир. Антон любил его, как только можно любить командира в армии. Отправляясь по делу, в разведку, на боевую операцию или гулянку, тот всегда брал с собой шестерых партизан, в числе которых с лета стал ездить Голубин. Теперь уже от этой шестерки, кажется, никого не осталось...

Очень нелегко было вначале, отряд собирался из разных людей – частью из районного актива, партийцев и НКВД, частью из отступавших красноармейцев, а также приматов и даже нескольких смельчаков, бежавших из немецких лагерей для военнопленных. Многие были без оружия, другие – больные или с незажившими ранами, некоторые роптали на партизанские порядки и начальство, неизвестно кем и когда поставленное. Был один, выдававший себя за майора и требовавший командирской должности. Кузнецов в этих случаях придерживался неизменного для всех правила: отличился в бою – получай командование. И это было верное правило,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru по крайней мере, так думал Голубин. Сам он до войны несколько лет работал налоговым инспектором в райфо, в армии никогда не служил, но пришлось пойти на войну – стал командиром взвода, затем командиром подрывников и только со смертью Кузнецова снова понизился до рядового. Но он не обижался, стало не до командирской амбиции, важнее было сберечь шкуру, как любил говорить Кузнецов.

К осени, однако, люди в отряде более-менее подобрались, притерлись друг к другу, можно было воевать с толком. Если бы не эта нелепая смерть командира.

Видно, действительно на войне, как и в жизни, последовательно чередуются разные полосы: светлую сменяет черная и наоборот. С сентября отряд вошел в свою темную полосу, и беды так и посыпались на него, одна хуже другой.

Началось с гибели Кузнецова и трех человек его группы. Затем ушла и не вернулась диверсионная группа Кубелкина. Не успели как следует погоревать по ее хорошим, может, самым лучшим в отряде, ребятам, как отряд выступил громить гарнизон на станции и, попав под организованный огонь немцев, понес самые большие потери. Одних убитых в этом бою оказалось столько, сколько их не было за всю весну и лето во всех операциях, вместе взятых. Хлопцы прямо-таки приуныли, хотя и без того настроение в отряде было аховое. У них не было приемника и никакой связи с Москвой, но из разных источников – слухов, случайных немецких газет и сводок Совинформбюро, которые им передавали из отряда Ворошилова, – они с растущей тревогой следили за тем, что происходило.

Как-то поздним осенним утром, сменившись с ночного дежурства, Голубин прилег в шалаше и проснулся от тихого разговора двоих. Он узнал голос Ковша, бывшего милиционера из Вилейки, и того самого майора, который требовал себе командирской должности. Видно, раньше других придя с кухни, они укладывали в сумки свои котелки и разговаривали о Сталинграде.

– Все прет и прет! Ну когда же этому конец будет? – горестно говорил Ковш, стоя на коленях у своей постели из лапника. – Когда же он остановится?

– Теперь чего ж ему останавливаться? – отвечал из дальнего угла майор, пожилой, с отвисшим брюшком мужчина, как оказалось, начфин какой-то разбитой пехотной части. – Теперь ему надо Сталинград взять, чтоб перерезать Волгу. Чтоб бакинскую нефть перекрыть.

– Так разве Баку на Волге? – удивился Ковш.

– Не на Волге – на Каспии. Но путь оттуда один – по Волге. А ну, погляди сюда...

Они умолкли, зашелестев бумагой, и, наверно, что-то рассматривали в ней. По части географии Голубин был не силен и слабо представлял себе расположение нынешнего района боевых действий на юге. Поняв, что у майора оказалась карта, он поднял голову и сбросил с себя кожушок.

– Вот видишь? – водил пальцем по карте майор. Это была маленькая, видно, вырванная из школьного учебника карта европейской части Союза, и они начали разбираться в ней, определяя линию фронта.

Увидев расположение городов, Голубин поразился. В самом деле, он даже не мог представить себе, что Сталинград – в самой глубинке России, что Волга – так далеко за Москвой, что Кавказ – на границе с Турцией, а Баку и того дальше – у самой границы с Ираном. С ума сойти можно – как далеко зашли немцы!..

Несколько дней после этого он ходил, что-то делал, разговаривал или молчал, а из его сознания не исчезал болезненный до спазмы в мозгу вопрос: как Сталинград? Впрочем, он уже знал, что судьба этого города решена, что рано или поздно его возьмут немцы, как они взяли Минск, Киев, Харьков и множество других малых и больших городов, и война на том кончится.

Это было страшно, невообразимо, но, по-видимому, избежать этого было невозможно.

Тогда зачем они тут, в этом лесу? Что им тут делать? И что их ждет в скором будущем?

Но, как он ни думал, душевно изнемогая в поисках выхода, никакого выхода не

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru было. Правда, и Сталинград вроде еще держался. Но сколько он сможет держаться? Все это тревожило, угнетало ежедневно и ежечасно, душа ныла в тревожной тоске на заданиях, в шалаше, все холодные дни и ночи поздней ненастной осени.

А тут еще целиком и бесследно пропала группа Кубелкина. Он не спрашивал Зоську, но догадывался, что девушка шла теперь именно на поиски следов этой группы.

Неладны были дела на фронте, стало не ладиться в их отряде при новом командире, недавнем колхозном председателе Шевчуке. Скверные предчувствия охватывали Голубина. А Зоська во время редких с ней встреч была все та же: улыбающаяся и соблазнительная, что-то сулившая и отказывавшая одновременно. Такой она была и в день ухода за Щару, где уже нашел себе гибель не один партизан их отряда. А Зоська... Догадывалась ли она, что ее ждет по ту сторону речки?..

4

Среди ночи Зоська проснулась, кое-как пригревшись в сене за теплой мужской спиной, сразу напомнившей ей обо всем, что с ними случилось. Чтобы не нарушать мерное дыхание Антона, она кончиками пальцев деликатно коснулась его крутого плеча и усмехнулась себе самой в темноте. Это же надо такому случиться! Выправлялась одна, переживала, страдала от ночных страхов в болоте и не думала, не мечтала встретить тут того самого, кто, кажется, уже заронил в ее сердце маленькую искорку интереса к себе. Все-таки это приятно, когда за тебя кто-то тревожится, переживает и даже готов бескорыстно помочь. Тут, наверно, уже не простое товарищество и даже не дружба, а, наверно, что-то побольше. Может, даже любовь... Все-таки он хороший, этот Антон Голубин, а она уже перестала и думать о нем, хлопоты с этим заданием вытеснили из ее головы все другие заботы, она уже готова была к тому, что никогда больше не увидит его. И вот он явился в трудную для нее минуту и принес с собой радость.

Припомнив теперь его несмелую попытку близости и ее грубоватый отпор, Зоська ощутила неловкость. Все-таки, наверно, не надо было так резко, ведь он с добром, с лаской, а она? Но что она могла сделать! В отряде приходилось быть непреклонной, жесткой и даже грубой – только это помогало ей защитить себя от мужских притязаний.

Что и говорить, очень нелегко девушке среди стольких мужчин, где каждый стремится приблизиться, кто действительно затем, чтобы помочь, посочувствовать, переложить на себя часть ее ноши, а кто и с явной или тайной корыстью, имея в виду свое, кратковременное и оскорбительное. Раньше, когда в отряде была Авдоница, ей было легче, две женщины среди стольких мужчин старались держаться вместе. Но вот уже месяц, как Авдоницу сманил командир соседнего отряда, начальство сговорилось, да и сама Авдоница была не против переехать в Стебровский лес к бравому командиру десантников. А Зоська осталась. Сперва, когда были раненые, помогала в санчасти, а после того как отряд перебазировался в Сухой бор и стало меньше стычек, работала со старухой Степанидой на кухне, пока вот не понадобились ее услуги Дозорцеву.

Конечно, разведка не кухня, приходилось рисковать головой, но тут было интереснее и, конечно, почетнее, чем на отрядной кухне. Она сразу заметила, что с того дня, как над ней взял шефство Дозорцев, мужчины в отряде стали относиться к ней с уважением – все-таки отряд с октября сидел в лагере, изредка высылая группы подрывников в разные места на «железку», а она уже второй раз шла туда, откуда не всегда возвращались. Даже и тот лоботряс Вырвик, который прежде не упускал случая, чтобы поддеть в разговоре или тайком ущипнуть ее, теперь заметно притих и вежливо здоровался при встрече. И только в глазах этого нагловатого парня она замечала никогда не затухающий огонек озорства, готового прорваться в самый неподходящий момент. (Когда-то она дала ему хороший отпор, и он несолоно хлебавши, с поцарапанной физиономией явился в строй перед командиром отряда, который тут же поинтересовался при всех, чьих это кур ловил ночью Вырвик.) Стараясь не разбудить Антона, Зоська по возможности тише разгребла сено и вылезла босиком из стожка.

Была покойная ночь, снег перестал сыпать, вроде бы тише стал ветер, чуть-чуть примораживало. Вокруг было белым-бело, казалось, празднично прибрано, как это бывает только в первую ночь зазимка. В снежной суете терялись заросли мелколесья, на краю луговой поймы тускло дремали осыпанные снегом стожки; только они и были видны на свежем снегу, да еще пестрела вблизи присыпанная снегом

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru трава. Весь остальной мир ушел в зимнюю ночь и притих до утра. Вверху расстиралось облачное, без звезд и луны, небо, которое матово-ровно светилось, наверное, отраженным от снега светом.

Зоська забежала по нужде за стожок и снова воротилась к лазу. В еще не просохшей одежде ее сразу прохватил холод, и она на четвереньках поспешно заползла в нору. Здесь было тепло, дыханием они хорошо нагрели это свое убежище, жаль будет уходить из него. Но уходить надо. Утром они найдут брод через речку, наверно, Антон уж сумеет переправиться так, чтоб обойтись без купания, все-таки он половчее, а главное – посильнее ее. Интересно, однако, сколько ему может быть лет, подумала Зоська. Хотя и так видно, что он гораздо старше ее, наверно, уже лет под тридцать, почти что старик против нее.

Она опять забралась под теплую полу кожушка, Антон, сонно вздохнув, вплотную привалился к ней, и она блаженно притихла, мелко, едва заметно подрагивая и согреваясь. Она уснула, будто сразу шагнув в другой, тягостно-томительный мир снов. Почему-то стало мучительно-тревожно, она неизвестно отчего страдала, хотя долго ничего с ней не происходило, а в сонном сознании все ширилась-росла тревога, причина которой оставалась для нее неясной. Какое-то время, будто помня о яви, она недоумевала: почему так? Ведь все хорошо, плохого пока не случилось, она не одна, с ней тот, о ком она недавно еще мечтала, правда, не Антон, кто-то другой, еще неизвестный, но, несомненно, хороший для нее человек. Но почему-то он был странно неуловим по своей сущности, будто ангел и дьявол одновременно в одном лице, и самым мучительным для Зоськи была эта его неуловимость. Потом неясные душевные переживания сами собой притупились, началась осязаемо-зрительная часть сна. Зоська увидела себя на краю каменистого обрыва в горах, в которых она никогда в жизни не была и даже не знала в точности, как они выглядят. Но теперь она отчетливо видела перед собой голые шершавые камни с острыми краями выступов, за которые она изо всей силы цеплялась пальцами, едва удерживаясь на крутом обрыве, вот-вот готовая свалиться в бездну. Она не оглядывалась, но спиной явственно чувствовала за собой пропасть, куда все больше сползала. Ей надо было хоть на что-нибудь наступить, опереться ногами, она шарила ими по камням, но опоры не было, и ее падение казалось неотвратимым. Она пыталась кричать, но крик не получался, из ее груди вырывалось невнятное глухое мычание, и никто не спешил ей помочь, хотя, знала она, друг ее был где-то рядом. И вот наконец он появился над пропастью, но она не узнала его, это был кто-то другой, чужой и противный, к ней протянулась его рука-лапа с черными медвежьими когтями. Зоська испугалась этой лапы больше, чем пропасти, сдавленно крикнула и сорвалась с обрыва. Несколько секунд перед тем, как разбиться в бездне, она отчетливо сознавала, что погибает, но за мгновение до гибели в страхе проснулась.

Сквозь разворошенное сено в нору пробивался робкий утренний свет и задувал ветер. Зоська вспомнила, где она, отбросила полу кожушка и попыталась вскочить, но лишь села, пригнув осыпанную сеном голову. Антона в стожке уже не было. Еще переживая свой сон, Зоська прислушалась, где-то поблизости раздавались шаги, и она тихонько позвала:

– Антон! Антоша...

– Что, проснулась? А ну вставай! Давай на зарядку!

Медленно отходя от сонного испуга, она стала торопливо собирать свои вмятые в сено пожитки, которые почти высохли, лишь юбка и сапоги были еще сыроваты. Лежа, кое-как натянула на себя юбку и с сапогами в руках выбралась из стожка.

Занималось позднее зимнее утро, над поймой светало, четче обозначились тусклые, неопределенные ночью пятна, какими оказались кустарники, вдали темнела полоса хвойного леса. На покрытой свежим снегом траве стояли четыре стожка, и в одном из них Зоська узнала тот, где они вчера тщательно пытались устроиться на ночь. Возле него, подвернув рукава исподней сорочки, натирал снегом шею Антон. Как только она вылезла из норы, он смял снежок и несильно запустил в нее. Зоська невольно уклонилась, снежок мягко шлепнулся о стожок и распался.

– Быстро умываться, соня! – издали грубовато пошутил Антон. – А то разоспалась, не добудишься. Словно война окончилась.

– Вчера хорошо выкупалась, – сказала Зоська, торопливо натягивая на шерстяные

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
чулки волглые еще сапоги.

– Вчерашнее не в счет. Кто первым снегом умоется, всю зиму простужаться не будет! А ну!

Он поддел горсть снега и, подойдя к Зоське, жестко натер ей лоб и переносицу холодным, сразу растаявшим снегом.

– Ой-ой! Не надо!

– Ничего, привыкай! Пригодится!

Зоська повязала теплый серый платок, украдкой поглядывая на Антона. Ей было немного неловко перед ним за их не совсем обычный ночлег и за свою резкость вчера, но Антон держался деловито, просто, словно они только что встретились, и это успокоило Зоську. Оба будто условились не вспоминать о ночном инциденте, делая вид, что ничего особенного между ними не произошло. Зоське, правда, это удавалось похуже, у него же выходило великолепно. Словно он и не ночевал с ней в этом стожке.

Антон подпоясал военным ремнем свой рыжий крестьянский колушок, взыскательным взглядом сверху вниз окинул фигурку Зоськи, и в его серых глазах появилась серьезность.

– Ну как? Малость подсохла?

– Подсохла. Только вот юбка влажная.

– Высохнет. На морозе все быстро сохнет. Слушай, а пожевать у тебя не найдется?

– Чего нет, того нет, – виновато сказала Зоська. – Я же в Озерках дневать собиралась. Там бы и покормили.

– Го! Озерки еще вон где. До Озерков полдня топтать надо.

– Теперь уже что! Все равно опоздала.

– А тебе от Озерков куда? – спросил он, осторожно скосив глаза.

– Дальше. В сторону Немана. Слушай, в Лунно, говорят, гарнизон? – с тревогой спросила она.

– Гарнизон, конечно. В Лунно ходить нельзя.

– Мне сказали, нельзя. А я думала...

– Нечего думать. Через Неман надо в другом месте переправляться. Тебе же сказали, в каком?

– Сказали, – рассеянно ответила Зоська.

– Вот там и переправимся. Пароль же имеется?

– Имеется, – сказала Зоська и с тревогой в голосе вспомнила: – Слушай, давай спрячем наган. Вон – в стогу. А потом заберешь, а?

– Ну придумала! Зачем прятать? Еще пригодится.

– А вдруг обыск? Ведь если найдут, все пропало. А как это Дозорцев тебе разрешил наган брать?

– Буду я спрашивать Дозорцева! Пока на плечах свою голову имею.

– Ой, боюсь я, – тихо сказала Зоська.

– Не бойся. За меня нечего бояться. Если я сам не боюсь.

– К тому же плохой сон видела.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ну и чудачка! – развеселился Антон. – Все равно как бабка какая. А еще студентка, в техникуме училась.

– При чем тут техникум? Просто сон плохой. Неприятный.

– Я вот никаких снов не признаю. Если бы я снам верил, давно бы копыта откинул.

– И тебе ничего не снится?

– Снится, почему. Всякое. Но я ноль внимания. Куда ночь, туда и сон.

Зоська засунула руки в маленькие карманчики куртки-сачка, невесело поглядывая вдаль, куда пролегал их путь. Все-таки было холодно, и на ветру в непросохшей одежде ее скоро стала пробирать стужа; невольно подрагивая, Зоська едва преодолевала озноб. Конечно, сны – предрассудки, но все дело в том, что в их положении эти нелепые предрассудки очень просто могли обратиться в злую действительность. Месяц назад в Селицком лесу дождливой ночью Зоське приснилось, будто ее настигает овчарка; закричав во сне, она разбудила Авдоницу, с которой спала в шалаше, и та, посмеявшись над ее детскими страхами, сказала, что немцы в такую погоду в лес вряд ли посмеют сунуться. А они рано утром и сунулись, едва не захватив врасплох сонный отряд, хорошо, что мальчуган-часовой выстрелил на опушке, и Кузнецов успел увести людей за болото.

– Что сны! – со вздохом сказал Антон. – В жизни хуже бывает. Вон вчера возле уборной встречаю Куманца, писаря, говорит: «Готовься, Голубин, к бою, на гарнизон пойдем». – «На какой гарнизон?» – «На Деречин, – говорит, – полицаев выкуривать, пособлять первомайцам». Ты слышала: опять, значит, на дядю батрачить. Да еще с таким командиром!

Антон говорил расстроено, почти сердито, и от этих его слов Зоське стало неловко за в общем неплохого, хотя, может, не видного и не всегда распорядительного нового командира отряда, который ласково называл ее дочушкой.

– Так ему же приказывают. Межрайцентр приказывает. Что он – сам все выдумывает? – попыталась она защитить Шевчука.

– Приказывают, конечно. И Кузнецову приказывали. Однако Кузнецов был такой, что где на него сядешь, там с него и слезешь. Умел отговориться, людей побережь. А этот туха-матуха: приказали – есть, будем исполнять. А как – у него и в понятии нет.

– Вот ты бы подсказал, – не утерпела Зоська. – Ты же опытный партизан, с самой весны в отряде.

– С весны, да. Навоевался уже – во! – отмерил он себе ладонью до шеи. – Но я что? Рядовой. Мое дело телячье.

– Конечно, какой из него командир! Все-таки он гражданский человек. Хоть и председатель.

– С немцами воевать – не куропаток стрелять. Надо уметь. Их вон сколько наперло. Сила!

Зоська смолчала. Сила – это конечно; она знала, видела и чувствовала эту силу. И как сладить с ней, с этой силой, захватившей половину России, как вернуть все обратно – этого она не могла себе представить. Зато она отчетливо чувствовала, что в этой войне, кроме как выстоять и победить, другого выхода нет. Иначе не стоит и жить, лучше сразу головой в прорву, чтобы не обманывать себя и не мучиться.

Она была маленьким человеком на этой земле, до войны еще только училась в Новогрудском педтехникуме, несколько месяцев работала пионервожатой в глухой сельской школе, жила трудновато, едва зарабатывая себе на кое-какую одежду, перебиваясь с картошки на хлеб. Но она верила в лучшее будущее, а главное – в усвоенный ею из книг идеал добра и справедливости, который по-хамски и враз растоптали фашисты. Она их ненавидела, как только можно ненавидеть личных врагов: за то, что они убили ее свояка-учителя, уничтожили всех ее подруг-евреек

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru в местечке, пожгли окрестные хутора и принесли столько горя народу. И она сказала себе, что жить на одном свете с этим зверьем невозможно, что она будет вредить им, как только сумеет, если только они не порешат ее раньше. Чтобы не опоздать, весной, как только растаял снег, она ушла в партизанский лес, и вот уже восемь месяцев для нее нет другой жизни, кроме лесной жизни отряда с ее постоянными опасностями, голодом, холодом, множеством различных невзгод, словом – кроме войны.

5

– Вот и река. Как переходить будем? – спросил Антон, останавливаясь на невысоком, подмытом водой берегу. – Вплавь? Или по воздуху?

Он, конечно, шутил, сдвинув на затылок облезлую, из овчины шапку с оборванными завязками, и она смотрела на темную в белых берегах неровную полосу воды, и та сегодня не казалась ей страшной. Уж вдвоем они как-нибудь переберутся через эту плюгавую речку, едва не утопившую ее вчера вечером.

Тем не менее, как перебраться, еще надо было подумать, и они небыстро пошли вдоль кочковатого, обросшего голым кустарником берега. Ледяные закраины местами были пошире, за ночь их плотно укрыло снегом, на котором кое-где проступали мокрые пятна. В одном месте, где река была уже, крылья льда почти смыкались на середине, но темневшая там промоина указывала на предательскую непрочность этой ледяной перемычки. Надо было искать что-нибудь понадежнее.

– Может, палку какую положим? – неуверенно предложила Зоська.

– И далеко ты достанешь той своей палкой? – сказал Антон, и в голосе его Зоське послышалась легкая насмешка над ее предложением.

– А что! Я вчера перебросила и чуть не перешла.

– Чуть! Чуть не считается...

Зоська подумала, что, наверное, он лучше знает, что следует делать, и больше ничего не предлагала, целиком полагаясь на спутника.

– Чертова речка! – ворчал Антон, пробираясь в прибрежном кустарнике. – И не замерзла как следует, и мели залила. Самое хреновое время...

Время для дальних походов, конечно, было не самое лучшее. Неделю назад ударили холода с ветром, вчера пошел снег, который не переставал и сегодня – снежные крупинки редко, будто нехотя, неслись откуда-то из мутной выси, было неуютно и холодно. Зоська после стожка не переставала страдать от стужи, все время хотелось прибавить шагу, пробежать, чтобы согреться.

Вдруг Антон замер на краю кустарника, тревожно повернув голову, и Зоська услышала впереди тихий, но явственный всплеск воды. Отведя лозину и пригнувшись, Антон вглядывался сквозь заросли лозняка, и снова где-то под берегом всплеснуло раз и второй. Кто-то там был, и они на минуту замерли, затаившись в кустарнике. Но вот по крупному, с вытянутым носом лицу Антона скользнула добродушная усмешка.

– Бобер! Смотри, вылезает...

Встав на засыпанную снегом кочку, Зоська потянулась выше и увидела в отдалении на речном повороте, как что-то живое и мокрое с широкой лопаткой хвоста неуклюже выбралось из воды на полено у берега и, повернувшись, замерло на задних лапах. Антон тихо присвистнул, и зверек, встрепенувшись, поспешно скрылся в дыре, черневшей на оснеженной груди беспорядочно наваленных палок.

– Гляди-ка, устроились! – сказал Антон с восхищением и направился через кустарник к бобровой хатке.

– Пусть! Не надо пугать, не надо! – замахала на него рукой Зоська.

– Ничего. Смотри, запруда какая. Вот тут мы и попробуем переправиться.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Действительно, бобры натаскали на береговой мысок изрядную кучку валежника, рогатин, обглоданных, без коры, деревьев, образовавших внушительную, наполовину вмерзшую в береговой лед запруду. Обсыпанная снегом запруда возвышалась над речкой почти на уровне берегового обрыва, и Антон, хватаясь за холодные ветки осинника, осторожно взошел на нее.

– А что? Держит! Ну давай помалу... И не бойся, не бойся, я поддержу! – обернулся он к Зоське. Та тоже ступила одной ногой на голый, присыпанный снегом сук, который угрожающе подался под ее сапогом.

– Ой, скользко!

– Ничего... Давай за мной! Куда я стал, туда и ты ступай.

С трудом и опаской, оскальзываясь и то и дело хватаясь за нависшие с берега сучья, они пробрались по завалу почти до середины реки и остановились. Дальше было метра три темной воды, стремительно мчавшейся мимо крайних, уходящих в глубину палок, и за ней виднелось упавшее с противоположного берега суковатое гнилое бревно, осклизлый конец которого тихо покачивался на течении. Антон примерился, прикинул расстояние до конца бревна, ловчее устроил ногу в упоре.

– Будем прыгать.

– Ой! А вдруг сорвемся?

– Срываться не надо... Первым прыгаю я. И поддержу тебя. Ну!..

Вся куча палок и бревен качнулась, уйдя одним краем в воду, что-то под ногами хрустнуло, Антон вскинул руки и, легко коснувшись притопленного конца бревна, очутился на том берегу.

– Ну?

Расставив удобнее ноги, он ждал, готовый подхватить ее, но Зоська вдруг потеряла решимость, почувствовав, что для такого прыжка у нее просто не хватит силы.

– Не допрыгну...

– Да ну? Допрыгнешь, давай, не трусь! – ободрял он с того берега. Она в который раз примерилась к пугающей водяной ширине, бросая виноватые взгляды на его оживленное, исполненное нетерпения лицо, и не могла решиться.

– Не могу. Не допрыгну...

– Ну что ж, мне обратно возвращаться? – начал сердиться Антон. – Я же допрыгнул, ты видела?

– Так то – ты!

– А ты? Главное – смело! Ну, толчок – и я подхватываю.

Зоська слушала его и сама отлично все понимала, надо было осмелиться и оттолкнуться... Но прежде следовало соразмерить толчок с расстоянием, и всякий раз, сделав это, она обнаруживала, что до бревна не допрыгнет, значит, опять очутится в ледяной воде. А новое купание никак не входило в ее расчеты – хватит с нее вчерашнего, от которого еще не совсем просохла одежда.

– Ах ты, такую твою маманю! – выругался на том берегу Антон и, ломая сапогами лед, решительно шагнул в воду.

Она еще не поняла, зачем он так сделал, и испугалась, увидев его по колени в воде, откуда он требовательно протянул к ней руки.

– Прыгай, ну!

Зоська прыгнула – не на бревно, а в эти его протянутые руки, он пошатнулся, но удержал ее, переступил, едва не свалившись в воду, и сильно толкнул ногами вперед, к самой ледяной кромке берега. Она упала на одно колено, но быстро

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru вскочила и, перепачкав руки, взобралась на невысокий, проросший спутанными корнями берег.

– Спасибо, – смущенно сказала она, глядя, как выбирался из воды Антон. Видно, спешить ему уже не было надобности, обе его ноги до самых колен были мокрые, с левой полы кожушка лилась на сапог вода.

– Начерпал, да? В оба? Ну вот... Ты прости, пожалуйста.

– Что делать! Зеленая еще ты разведчица.

Наверно, зеленая, подумала она, отчетливо сознавая свою вину и с неприятностью ощущая едва скрываемое им недовольство. Молча она смотрела, как он, присев на берегу, с силой стащил с левой ноги сапог и выжал на снег грязную, в дырах, портянку.

– Вот так! Теперь оба купаные, – впервые поднял он на нее еще строгий, но уже подобреший взгляд, и она поняла, что прощена.

– Так широко, что я не могла, – сказала она. – А в другом сапоге как? Сухо?

– В другом сухо, – сказал он. – Левый дырявый, давно воду пускает.

Тем не менее Антон стащил с ноги и правый сапог. Сухую портянку с правой ноги намотал на покрасневшую от стужи левую стопу.

– Чтоб обидно не было. Мокрый сапог, зато сухая портянка.

Он уже не злился, и у Зоськи отлегло на душе – все-таки он молодчина, этот Антон Голубин.

– Наверно, замерз? Давай пробежим! – предложила она, но Антон не поддержал ее и неторопливо поднялся с берега, тщательно вытер снегом испачканные в грязи руки.

– Согреюсь. Мороз небольшой.

– Куда теперь – не пойму даже. Пуца там вроде, так?

– Там, – подтвердил он. – Где-то тут должна быть дорога. А тебе куда – на Островок?

– Ага, на Островок. Дозорцев сказал. Там ребята на заставе переправят через Неман.

С этой стороны речки заболоченный берег густо порос кочковатым кустарником, среди которого едва ли не до колен топорщилась пожухлая, засыпанная снегом трава, и они шли, прокладывая между кустов и кочек две пары глубоких следов. Наверно, эти следы следовало как-то замаскировать, но Зоська не знала, как тут их можно было замаскировать, и не удивилась, когда Антон ей сказал:

– Ты иди за мной. Чтоб в один след.

– Правильно!

Болото всюду хорошо промерзло и надежно держало человека, в траве было сухо, мелкие лужицы вымерзли до дна, и под ногами иногда жестко хрупало – нетолстый ледок легко ломался в траве.

– Зося! – каким-то особенным голосом сказал вдруг Антон и обернулся. Она едва не наткнулась на него сзади и тоже остановилась, уставясь в его озабоченное и даже мраченное чем-то лицо. – Зося, я должен тебе сказать...

– Что?

– Знаешь... Я – в самоволке, – сказал он и внимательно посмотрел на нее.

Она ничего не поняла.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– В какой самоволке? В разведке...

– В том-то и дело, что не в разведке. Я солгал тебе. Меня никто не посылал, я сам...

– Как – сам?

– Сам. Как узнал, что ты идешь на такое дело... Не выдержал. И вот...

Зоська, сдвинув брови, непонимающе глядела в его омраченное переживанием лицо, и смысл его слов не сразу доходил до ее сознания. В самоволке? Почему в самоволке? Почему – она ушла, и он не выдержал? Но вот она стала понимать что-то, и смешанное чувство участия и почти испуга охватило ее.

– Что же ты наделал?

– Вот наделал, – развел он руками. – Теперь поздно переделывать.

– Нет, ты должен вернуться! – спохватилась она. – Что ты! Тебя же за такое дело...

– А тебя? – с какой-то непонятной убежденностью прервал он. – Ты же в первой деревне влипнешь. Пропадешь ни за понюшку.

– Почему? – еще больше удивилась она.

– Почему? Тебе объяснить почему? Что ты умеешь? Перелезть через речку ты умеешь? Обмануть полиция сможешь? На документ свой надеешься? Так первый же бобик все сразу поймет. А ну дай твой аусвайс!

Не в состоянии побороть все растущее замешательство, она сунула руку за пазуху и из специально пришитого для того кармашка в сачке достала измятую книжицу аусвайса.

– Ну вот, – разочарованно сказал он. – Кто так документ носит? Разве деревенские девки этак аусвайсы прячут? Надо было обернуть в бумажку да завязать в чистую тряпицу. Да спрятать под седьмую одежду. А у тебя – все наготове. Теперь фотография, – сказал он и умолк, разглядывая фото на документе. – Ну, конечно, сразу видать: паспорт одного возраста, а фото другого. Старое фото с чужого документа. Да и печать... Ну кто так печати ставит! – возмутился он. – Руки бы тому обломать и за порог выбросить. Смотри, даже буквы не сходятся.

Она заглянула в развернутую в его руках книжицу: действительно, поддельные буквы на ее фотографии заметно отличались от действительных на странице аусвайса и шли как-то криво, словно расползаясь от влаги. Хотя вчера аусвайс она не замочила нисколько.

– Ну, видишь? Как за тебя не бояться?

Похоже, он был в чем-то прав, ее подготовили не слишком тщательно, и она очень легко может влипнуть. Но как и чем оправдается он? Ведь целая ночь отсутствия в лагере не останется незамеченной. Как тогда он объяснит эту свою отлучку? Тревогой за Зосю Нарейко? Не будет ли это смешно и нелепо? И кто в это поверит?

Ошеломленная свалившимся на нее открытием, Зоська прислонилась спиной к ольхе и стояла, не в состоянии придумать что-нибудь путное. Она только смотрела на свой злосчастный аусвайс с такой малоудачной фотографией, оторванной от ее довоенного студенческого билета.

– Так что же нам делать?

Антон слегка примял сапогами черный полегший папоротник и пожал плечами:

– Пойдем вместе. Авось я обузой для тебя не стану.

– Ты обузой не станешь, наоборот! – заверила Зоська. – Но...

– Вроде муж и жена, идем в Скидель к матери. Там действительно у тебя мать,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru могут проверить.

- Ну что ты, какая жена?..
- Не хочешь женой – сестрой будешь. А что? Вдвоем, знаешь, надежнее.
- Это да. Но...
- Хочешь сказать, как в отряде потом?
- Ну.
- Видно будет. Авось оправдаемся. Ты же меня защитишь?

Зоська все не могла взять в толк, как ей следовало поступить, на чем теперь настоять и даже что сказать Антону. Конечно, смысл его сумасбродного поступка не оставлял сомнения, что он сделал плохо и что по возвращении не избежать скандала. Антон поступил неправильно и даже преступно, самовольно оставив отряд. В какой-то мере его оправдывало лишь то обстоятельство, что отправился он не на пьянку на какой-нибудь хутор, не на гулянку, а пошел с ней на опасное дело, откуда неизвестно еще, как воротиться. К тому же этот его почти безрассудный риск из-за опасения за ее жизнь ошеломил Зоську. Еще никто в ее жизни не пытался сделать ничего подобного, и это сильнее всего связывало ее решимость, делая невольной соучастницей Голубина.

– Ну что задумалась? – нарочито бодрым голосом сказал Антон. – Нечего думать. Теперь уж я тебя не оставлю. Пойдем вместе. Или ты против?

- Я не против, Антон. Наоборот. С тобой мне, сам понимаешь... Но...
- Всяких «но» хватает. Теперь не будем о «но»... Холера, все-таки нога мерзнет, – сказал он, притопывая левой, мокрой ногой. – На Островке скажешь, что послали вдвоем. Ты – старшая, я в подмогу. Пропуск дали?
- Пропуск-то дали...
- Вот и добро. Переправимся, а там посмотрим. По обстоятельствам.

Он опять становился уверенным и даже оживленным, будто впереди не было смертельной опасности, а в отряде не ждали его неприятности по возвращении из самовольной разведки. Но что делать – действительно она не могла его прогнать от себя, да и не имела никакого желания делать это. Она вспомнила свое одинокое блуждание вчера по болоту, и ей стало тоскливо. А каково одной, по ту сторону Немана, в незнакомых, набитых полициями деревнях.

– Нечего раздумывать, – подбодрил он и положил большую руку на ее плечо. – Пошли!

Чтобы окончательно вывести ее из состояния подавленной озабоченности, он шутливо толкнул ближнюю березку, и целое облачко снежинок сыпануло на обоих. Зоська слегка вздрогнула, но даже не улыбнулась, и он, надев рукавицу, небыстро пошел между зарослей, прорывая сапогами глубокий след в засыпанной снегом траве.

6

Антон знал: тут где-то была дорожка, месяц назад он возвращался по ней из Заречья, но теперь дороги нигде не было видно, прямо-таки становилось удивительно, куда она могла деться. По скользкому от снега травянистому склону они поднялись к опушке хвойного леса, слегка углубившись в который и не найдя никаких признаков дороги, Антон круто взял в сторону и так редким сосняком прошел с полкилометра, пока не уперся в овраг. Стоя над его крутоватым обрывом, поросшим кустами орешника, он подождал отставшую Зоську.

- Где-то была дорога. И нет...
- Спросить... – устало произнесла Зоська и осеклась: у кого тут можно было спросить?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Конечно, дорога – не иголка в сене, где-то она найдется, но Антону жаль было времени, немало которого ушло на это дурацкое блуждание, когда впереди еще столько дел и забот. Правда, он мог бы идти и быстрее (он вообще ходил быстро), но Зоська стала отставать, все-таки ее шажок не сравнить с его метровым шагом. Девушка, видно, наконец согрелась, светлые прядки ее волос выбились из-под серого теплого платка и прилипли к вспотевшему лбу, все лицо зарделось и маково горело с усталости.

Антон постоял, подумал, но в овраг не полез – пошел по его краю, сбивая сапогами снег с низких деревцев можжевельника. В лесу стало теплее, ветер стих, лишь голые верхушки орешника легонько покачивались на той стороне оврага. Высокие сосны с посеребренными снегом ветвями чуть шумели вверху. Конечно, он знал направление и мог идти на Островок лесом, напрямик, без дороги, но все-таки до Островка было километров восемь, и он не хотел мучить Зоську. Наверно, где-то поблизости, может, даже в том месте, где кончался овраг, и была дорога, не сквозь землю же она провалилась.

Они, однако, еще не дошли до конца постепенно мелевшего оврага, как Антону показалось, что где-то слышны голоса. Он остановился, послушал, оглянулся на Зоську, – та тоже осторожно вслушивалась. Вскоре их слух различил в лесном шуме несколько невнятных звуков – несомненно, где-то поблизости негромко разговаривали люди.

– Ты постой тут, – сказал Антон Зоське, а сам помалу пошел от оврага в глубь леса.

Сосны росли негусто, меж их голых снизу стволов было бы видно далеко, если бы не частые заросли можжевельника и хвойного подроста, привольно раскинувшиеся на нижнем ярусе леса. В этом сухом зимнем бору подрост был неплохим укрытием на случай преследования, засад и слежки. Антон маскировался в нем, переходя от куста к кусту, ненадолго останавливаясь и слушая. Голоса временами пропадали совсем, но вот снова раздались чуть в стороне от избранного им направления, и Антон затаился за корявым комлем сосны. Непохоже, чтоб здесь были немцы или полицаи, подумал он, скорее всего, крестьяне или соседи из отряда имени Ворошилова. Но теперь он не хотел встречаться ни с кем. Да и Зоське такие встречи совсем ни к чему, им надо было идти скрытно, встречая как можно меньше людей.

В бору под кронами сосен снега было немного, местами он едва припорошил серый, усыпанный хвоей мох, который делал неслышными шаги человека. И все-таки следовало быть настороже. Остановившись за очередной сосной, Антон вынул из брючного кармана наган и, расстегнув на две верхние пуговицы кожушок, сунул наган за пазуху.

Людей он увидел неожиданно близко, как только обошел край молодого густоватого березняка, через который не стал продираться, и свернул в сторону. Сначала бросилась в глаза рыжая лошадь, понуро стоявшая в упряжи в двух десятках шагов от него, за ней на санях с подсанками сидела, отвернувшись, женщина в коричневом, с черным воротником полушубке, и возле, нагнув голову, стоял мужик в серой суконной поддевке, сосредоточенно наблюдавший за тем, чем занималась женщина. Рядом на снегу лежала свежеспиленная сосна, уже раскряжеванная, с обрубленными сучьями, и Антон догадался, что, по всей видимости, это – деревенские, приехали запастись дровами.

Сохраняя, однако, осторожность, он вышел из-за березняка на открытое место и спокойно направился к людям. Сидящая спиной к нему женщина не могла видеть его, но мужчина, наверно заслышав шаги, вскинул голову.

– Добрый день вам, – спокойно сказал Антон, подходя ближе, и мужчина поспешно снял ногу с саней, уставясь в него слегка удивленным, даже испуганным взглядом.

Это был молодой крепкий парень с легкой порослью на подбородке, в черной шапке-треухе. Из-под поддевки на нем были видны поношенные армейские бриджи с характерными нашивками на коленях, и Антон с неприязнью подумал: примачок, наверно?

Похоже, так и было в действительности, парень держал в руке лопот хлеба с салом, которым его угощала женщина – шустрая черноглазая молодка, недобро и без

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
страха поглядевшая на Антона. Тут же была и дорога с единственным на снегу следом от этих самых саней.

– Добрый день, – настороженно ответил примак, все держа в руках увесистый ломоть хлеба с положенным на него куском сала.

Теперь уже оба они встревоженно смотрели на Антона, который сказал как можно спокойнее:

– Дровишки заготовливаете?

– Приходится, – сказал примак и положил на колени молодки хлеб, который та сразу прибрала в белую холщовую сумку.

Антон подошел ближе и ногой в сапоге тронул толстый сосновый комель, едва шевельнувшийся на снегу.

– Ну и толщина! Как вы осилили такую?

– Во, два мужика, да каб не осилили! – неожиданно словоохотливо отозвалась молодка. Из хвойного подростка, подпоясывая веревкой ватник, выходил еще один мужик, значительно старше первого, с коротенькой, густо посеребренной ранней сединой бородкой.

– На строительство, наверно? – догадался Антон.

– Подруб под хату. Сгнила, знаете, товар был не тот. Известно, при царе еще строились, – доброжелательно, без тени настороженности заговорил подошедший и после недолгой паузы осведомился: – Издалека будете, пан-товарищ?

– Издалека, – сказал Антон, сразу отметив про себя эту неуверенность бородача относительно «пана-товарища». Однако вносить какую-то ясность Антон не собирался: – А вы откуда?

– Да вон из Стеблевки.

– Ну, из Стеблевки мы, – подтвердила молодка.

Примак молчал, продолжая исподлобья изучать непрошеного лесного гостя.

– А он тоже из Стеблевки? – спросил Антон, кивнув в его сторону.

– Тоже, ага. Муженек мой, – заулыбалась молодка, соблазнительно поигрывая ямочками на щеках.

– И давно муженек?

– Не-а. Вона на Спаса поженились.

– Понятно, – сказал Антон и, взглянув на прикрытую полой полушубка холщовую сумку со снедью, подумал: угостят или нет? Хотя, наверно, пока не определяют, пан он или товарищ, не удосужатся.

Но он не торопился определяться, он смотрел на молодку с симпатичными ямочками на щеках и на ее муженька, совсем еще молодого парня, который, если бы не война и некоторые сопутствующие ей обстоятельства, наверно, еще бы повременил с женитьбой. Молодка же с такой влюбленной ласковостью поглядывала на него, что Антону стало завидно. Черт возьми – идет война, гибнут, страдают люди, а эти вот женятся и еще надумали менять подруб. Не промах, однако, этот малый в поддевке.

– Ну ешь, ешь, Петя. На вот тебе с любовинкой, – домашним голосом ворковала молодка.

Антон отвернулся.

– А Стеблевка эта ваша где? В какой стороне? – спросил он бородатого.

– А вон, аккурат на взлесси. Вон тут недалечко.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– А туда что будет? – кивнул он в противоположную сторону, куда уходила не тронутая санным следом дорога.

– А туды Замошье, Гузы... Потом эта, как ее... – замялся бородатый.

– Ну, Суглинки еще, – подсказала молодка.

– Да не Суглинки, Суглинки вон куда, в сторону. А туда Загладина, вот!

– И Загладина, и Суглинки, и Островок – все в той стороне, – настаивала на своем молодка, не слезая с саней.

Ее примачок принялся молча жевать, все еще бросая сторожкие взгляды на Антона. Антон смекнул уже, в каком направлении следовало держать путь, и, чтобы не выдать своего намерения, о деревнях больше не спрашивал. Спросил о другом:

– Чужие в деревне есть?

Бородатый с примачком переглянулись: молодка стрельнула в него недоуменным взглядом.

– Так ето, знаете, пан-товарищ, – замялся бородатый, – это как посчитать. Если... Если немцы, так нет вроде, а полицейские бывают. И партизаны бывают.

– Понятно, – сказал Антон. – Угостили бы хлебушком, что ли.

– Ай, так у самих мало, – неопределенно завозилась с сумкой молодка, но достала горбушку и, отрезав от нее нетолстый ломоть, протянула ему.

– А сальца там не найдется?

– Ну какого еще сальца? Самим вот по ковалочку...

– Маня, дай человеку, – с нажимом сказал бородатый, и Маня, не вынимая руки из сумки, отрезала там небольшой, длинноватый ломоть белого, наверно свежей заготовки, сала.

– Вот теперь спасибо, – сказал Антон.

– Извиняйте, мы это самое... Думали... – начал и замялся бородатый.

Ни черта вы не думали, подумал Антон, пожалели просто. Не потребуешь, не дадут, это уже он понял давно. Он снял рукавицу и затолкал хлеб с салом в карман кожушка. Бородатый, однако, оказался неробким мужичком; снизу вверх он открыто и безбоязненно ел взглядом Антона, видно по всему, не прочь поразговаривать со свежим человеком. Он только не мог взять в толк, кто этот человек и как следует вести разговор. Наконец он не выдержал.

– Вы, ето, извините, однако интересно: партизан вы или, может, из полиции будете?

– А почему ты так спрашиваешь? – удивился Антон его несколько прямолинейному в такой обстановке вопросу.

– Ну, вижу, оружие у вас. Оружие оно, конечно, в моде теперь, но...

Антон машинально сунул руку за пазуху, подальше задвигая рукоятку нагана. Все трое с недожеванными кусками во рту ждали его ответа.

– А я – человек. Человек просто. Это что – плохо?

– Оно не плохо. Но, знаете... Теперь не бывает так.

– Вот он же, наверно, тоже не партизан? – указал Антон на примолкшего примачка. – И вроде не полицай еще. И живет ведь? И, вижу, жить собирается, раз надумал строиться.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Эт! – пренебрежительно махнул рукой бородатый и подпернул штаны. – Какая это жисть! Разве это жисть? Днем бойся, ночью бойся...

– А чего ж он не возьмет оружие? Да не пойдет в лес? Чтобы не он, а его боялись?

– Во! Во! Во! – вдруг недобро закудахтала молодка и соскочила с саней. Отставив упитанный зад, сварливо выгнулась перед Антоном, замахала руками. – Во! Во! Я так и знала, агитаторщик! Он его соблазнять буде. И слушать не слушай его! Ого! В лес! А может, у него характер не той? А может, он убивать не хочать? Он тихий, он курицы не обиде, а то у лес!

– Да ладно ты! – лениво протянул молодой увалень, и щеки его покраснели, наверно, от этого непрошеного ее заступничества.

– А вот и не ладно! Тоже мне – партизанщик нашелся! – все больше распалаясь молодка. – Сам, как недобитый волк, по лесу шастает и других сманивает. И еще хлеба ему давай... Иди откуда пришел!

– Ма-аня, да стихни! – снова проворчал примак. – А то вот возьму и надумаю...

Маня на секунду оторопела.

– Ах ты, недоносок! Попробуй мне! Я тебе надумаю! Я тебе покажу! Давно тебя от Параски отвадила, так теперь в лес...

Начиналась семейная ссора, слушать которую Антону было ни к чему. Воспользовавшись тем, что молодка переключилась на своего муженька, он повернулся и пошел прежним следом назад. Они там ругались, но он не оглядывался, он думал: странная это штука – война. Он давно уже не слышал такого вот сварливого бабьего крика и отвык от каких бы то ни было семейных отношений, почти уже забыл, как огорчали его частые ссоры матери с женой старшего брата, как они ремонтировали свою хату в местечке, меняли этот самый подруб и перекрывали одну сторону крыши дранкой. Последние предвоенные годы он метался по деревням, взыскивал с крестьян налоги, зарабатывал не так много, но на хлеб и на водку хватало. У него была масса знакомых в районе, не было отбоя от девчат, каждая из них, наверно, с радостью пошла бы за него замуж. Но жениться он не спешил, ему хватало их без женитьбы, считал, еще успеется. Дома с небольшим хозяйством, коровой и огородом управлялась беспокойная, работающая мать, переночевать и поесть он мог в любой знакомой деревне, работу свою в общем любил, хотя она и доставляла ему немало беспокойства, но он чувствовал, что подходил к ней характером, не робел, как другие, когда надо было проявить твердость и взыскать с разгильдяев в пользу государства столько, сколько принадлежало тому по закону. Спуску он никому не давал, и его за это уважало начальство в районе, колхозники тоже уважали или, может, побаивались, но для него это было одно и то же. Хуже было с теми знакомыми, которые от него не зависели и над ним не стояли, такие почему-то недолюбливали и сторонились его, но ему на них было наплевать, он с ними не знался. К тому же он имел собственную голову на плечах и не хуже других понимал, что хорошо, а что плохо. Потому старался жить по своему разумению, насколько это, конечно, было возможно, и не терпел, когда его вынуждали поступать вопреки его воле. Правда, с началом этой проклятой войны все пошло вверх тормашками, все не так, как он думал. Началось с того, что кто-то на исходе прошлой зимы в окно хаты Голубиных тихонько постучал ночью. Антон открыл дверь, и в кухню вошел человек шесть с оружием. В переднем он не сразу узнал районного начальника НКВД, с которым до войны был в некоторой дружбе и думал, что тот теперь где-нибудь далеко на востоке. Но он оказался здесь и в тот свой приход предложил Антону вступить в партизанский отряд. Антону это мало понравилось, он уже примеривался к новой работе – механиком на лесопилке, но, прослышав, что в отряде много знакомых, решил, собрал сидор и несколько дней спустя был в условленном месте на краю пуши. Первое время он занимался ремонтом трофейного оружия, а потом и сам взял в руки винтовку. Потом понеслось-завертелось: стал командиром взвода, телохранителем у командира отряда и вот докатился до рядового, а теперь, словно оголодалый волк, как та молодка сказала, шастает по темным лесам.

Он размеренно шагал между сосен к оврагу, и в нем все росла подступившая к самому сердцу тоска по самой обычной, серенькой, как у всех или у большинства, мирной, обывательской жизни под крышей, своей семьей, с такой вот шустрой молодкой рядом, чтоб без страха, войны, крови – в добре и мире.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Но он только вздохнул на ходу – так это было далеко и несбыточно. Хорошо мечтать о такой жизни тому, у кого есть хоть какая-нибудь гарантия относительно жизни вообще – у него же не было даже такой гарантии. Не сегодня, так завтра горячая пуля распластает его на снежной траве, и дело с концом.

Хорошо, если похоронят по-людски. А то никто и не найдет, и он будет лежать под снегом до самой весны. Если оголодалые за зиму волки и лисицы не растаскают его длинные кости по своим лесным норам...

Зоську он увидел еще издали, та терпеливо дожидалась его на краю оврага, где он оставил ее, и Антон, остановившись, махнул два раза рукой – давай, мол, сюда.

7

Они взяли чуть в сторону от оврага и скоро вышли к неширокой лесной дорожке, присыпанной свежим нетронутым снегом. Антон глянул в один конец дороги, в другой, саней отсюда не было видно, и он уверенно свернул направо, оставляя позади широкие следы на снегу, в которых желтел дорожный песок.

– Вот, разжился, – сказал Антон, вытаскивая из кармана обкрошенный кусок хлеба. – Молодка не хотела давать, вредная баба. Едва выцыганил.

Зоська невольно сглотнула слюну, получив в руки половину ломтя свежего крестьянского хлеба с узким кусочком сала.

– Вкусно как пахнет! – понюхала она хлеб. – Вот любила такой – на кленовых листочках. Мама пекла.

– Ешь! – просто сказал Антон, с аппетитом задвигав челюстями.

Зоська наконец согрелась, идти по ровной дороге было несравненно легче, чем продираться в кустарнике, она расстегнула верхнюю пуговицу плюшевого сачка и ослабила узел платка на шее. Хвойный оснеженный бор едва слышно шумел на ветру, в воздухе кружились редкие снежинки. Было тихо. Где-то раздавалась прерывистая дробь дятла, но Зоська не обращала на нее внимания, она то и дело поглядывала вперед, куда, извиваясь, уходила дорожка. Туда же устремлял свой взгляд и шагавший впереди Антон, так просто и естественно взявший на себя часть ее дорожных забот и связанных с ними опасностей. Все это в другой раз могло бы порадовать Зоську, но теперь мало радовало, скорее наоборот – она все еще не могла освободиться от терзавшего ее беспокойства. Правда, за себя она меньше боялась – теперь она беспокоилась за Антона.

– Слушай, возвращайся назад. Тут я уже сама выйду, – сказала она, идя сзади, и Антон на ходу обернулся.

– Зачем? Я проведу.

– До Немана, да?

– Там будет видно, – уклончиво ответил Антон, и она не стала настаивать – почувствовала, что он ее не послушается. Она понимала, какими неприятностями угрожало обоим это его упрямство, но противиться ему не могла. А может, и не хотела даже.

– Там приехали за сосной. На подруб, – кивнул Антон, слегка придерживая шаг. – Примачок такой и молодайка. Война войной, а они строятся.

– Да разве мало таких! Думают, отсилятся, переждут. Пусть за них другие воют, – неодобрительно сказала Зоська, и Антон внимательно посмотрел на нее.

– Оно конечно, – согласился он. – Да всем жить хочется.

Жить хочется всем, подумала она, но, пожалуй, не в этом дело. Разве не хотят жить те, кто гибнет с оружием в руках, кого арестовывают и расстреливают за связь с партизанами, наконец, те несчастные, которых уничтожают только за их происхождение? Разве не хотел жить ее свояк Леонид Михайлович, преподаватель математики в местечковой школе, человек совершенно безропотный и безотказный, до

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru предела затурканный своей властной женой, родной сестрой Зоськи? Казалось Зоське, тихо презиравшей свояка за эту его бесхребетность, что он с легкостью проживет при любой власти, вытерпит все, никому не пожаловавшись и даже ни на кого не обидясь. Но вот не удалось прожить Леониду Михайловичу даже первую военную зиму – в марте его уже арестовало гестапо.

Зоська до сих пор не может себе представить, какую провинность перед немцами совершил Леонид Михайлович и за что они расстреляли его. Но, по-видимому, что-то было, иначе бы он так не прощался с женой, детьми и с Зоськой при аресте – прощался, уходя навсегда, со спокойным сознанием правомерности ареста и неотвратимости своей злой судьбы.

Узкая лесная дорожка вывела их на широкий прогал с большаком и линией связи, под острым углом пересекавший их путь. Там уже издали были заметны какие-то следы от полозьев или колес, по обочине кто-то недавно прошел, оставляя неглубокие ямки в снегу. Антон только вышел из-за придорожных деревьев и сразу же повернул обратно.

– Давай стороной. Ну ее, эту дорогу... На ней всегда опасайся...

Они сошли в лес, пробрались через колючую чащобу молодого сосняка и пошли лесом поодаль от большака, однако не теряя его из виду. На большаке было пусто, продираться же через хвойные заросли стоило невероятных усилий, кочковатая лесная земля, с пнями, порослью жесткой травы и валежником, весьма затрудняла ходьбу, и Зоська подумала: может, стоило все же рискнуть и пойти большаком. В самом деле, она уже здорово притомилась в этом бездорожье и едва поспевала за Антоном, широкая спина которого, то склоняясь, то выпрямляясь, мелькала впереди в зарослях. Зоська намерилась было окликнуть его, но воздержалась, подумав, что хорошо ей с документом и пропуском, а каково будет ему в случае встречи с полицией или немцами? Один его наган может погубить обоих. И она молчала, терпеливо пробираясь по его следу в немислимо колючей хвойной чащобе, из которой они наизволок спустились во мшистую, заросшую мрачными елями низинку. Тут было тихо, темно и диковато, как в погребе. Вдруг Антон замер впереди меж двух обомшелых елей, и Зоська затаила дыхание: со стороны дороги слышался приглушенный гул моторов, он приближался, с ним вместе донеслись голоса, мужской смех. Антон предостерегающе вскинул руку.

– Слышь, немцы...

Зоська прислушалась – гул недолго подержался на одной ноте за ельником и постепенно стал слабеть в отдалении. Похоже, действительно, это проехали немцы, и она подумала: хорошо, что Антон вовремя свернул с дороги. Так безопаснее, хотя и труднее. По-видимому, дороги теперь не для них.

Потом они, кажется, все-таки потеряли большак из виду, потому что за час с лишним лесного пути до них не донеслось ни одного звука, да и все прочие признаки дороги исчезли. Зоська уже потеряла всякое представление о местности, никак не ориентируясь в этом диком лесу и полагаясь только на Антона. Они перешли вырубку с рядами штабелей заготовленных сосновых коротышек, перелезли широкий крутой овраг, с ужасно скользкого склона которого Зоська съехала на зад, а потом едва взобралась на противоположную кручу. Рукава сачка, колени и юбка снова насквозь промокли, вывалянные в снегу. За оврагом большой лес кончился, началось мелколесье, стал задувать ветер, в котором по-прежнему носились редкие предзимние снежинки. Небо недобро нахмурилось, стало холоднее, но по каким-то неуловимым признакам чувствовалось приближение реки, рельеф заметно пошел под уклон. И вот впереди между привольно разбежавшихся по склону сосен засерело пустое, притуманенное снегопадом пространство. Воды еще не было видно, но лес кончился, и Зоська поняла: они выходили к реке.

«Молодец, правильно. Не заблудился!» – с удовлетворением подумала она про Антона, бегом догоняя его.

– Ну вот, пожалуйста. Вышли! – указал он рукой на открывавшуюся панораму реки.

Они не спеша обошли крайние молодые сосенки и остановились на обрыве. Внизу у их ног мощно гнал студеные воды Неман.

Несколько раз в детстве Зоська видела эту реку в летнее время, и та не произвела

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru на нее впечатления – изрядно обмелевшая, с песчаными зальсынами берегов, она казалась тогда неширокой, спокойной и, в общем, какой-то районной, средней величины речушкой. Теперь же вид ее преобразился до неузнаваемости, словно это была другая река; раздавшаяся от обилия осенней воды, со стремительным и мощным течением, она таила в себе какую-то злую, прямо-таки угрожающую силу. Во всю ее обозримую ширь и длину сверху шло сало – густое крошево льдин с обтертыми, словно в застывшем жиру, краями, которые непрестанно плыли и плыли по водной поверхности, сталкиваясь, расходясь и кружа, и тихий, но властный шорох стоял над рекой. Обрывистые лесные берега почтительно и широко расступались перед напористой мощью стихии, безразличной к их спокойной растительной жизни и занятой только собой, своим вечным движением к морю.

– Островок, кажется, выше будет. Мы ниже вышли, – сказал стоявший рядом Антон.

Очарованная мощным видом реки, Зоська минуту не могла оторвать от нее взгляда, думая про себя, как же им переправиться через этот ледяной поток? Где находится Островок, она не задумывалась, – она уже привыкла, что в таких вещах Антон разбирается лучше, тем более что осенью он исходил тут все стежки-дорожки. Не спускаясь к воде, они пошли верхом по прибрежному обрыву в поисках этого самого Островка.

– Значит, так, – обернулся в ее сторону Антон. – На заставе там Петряков. Или, может, сержант из десантников. Тот, которого летом под Зельвой подобрали. Так вот, ты сообщишь пароль и скажешь, что идем вдвоем. Поняла?

– Значит, ты не вернешься?

– Ты слушай меня. Говори так. А потом сообразим-посмотрим.

Зоська не возражала, кажется, она уже потеряла способность возражать этому человеку, все у которого получалось лучше и сноровистее, чем у нее. Он явно забирал у нее инициативу в этом ее выходе, но она не тревожилась – пусть! Видно, во всем, что касалось войны, он был поопытнее ее.

Однако по берегу они прошли километра два, прежде чем увидели на речном изгибе притопленный половодьем Островок, поросший голым теперь лозняком. Неман тут расходился на два рукава, главное его русло обегало Островок с той стороны, а протока у этого берега была густо забита льдом, заторенным в узкой водяной горловине. Чуть ближе в лесном берегу зияла огромная промоина-овраг, из которого вырывались по ветру едва заметные на притуманенном фоне леса серые клочья дыма.

– Дымят, – сказал Антон. – Наверно, печку раскочегарили.

Не успели они подойти к устью оврага, как откуда-то из-за кустов навстречу выбежала суетливая, черная как уголек собачонка и с ужасающе злым лаем набросилась на Антона. Антон остановился, притопнул ногой, но собачонка и не думала униматься и, только когда он подхватил из-под ног камень, бросилась назад к оврагу. Однако оттуда по стежке уже спускался небритый, в стеганых брюках и в какой-то самодельной безрукавке пожилой человек с обвязанной шеей. Он негромко прокашлялся, успокоил собаку.

Антон уважительно поздоровался:

– Здравствуй, Петряков.

– Здорово, здорово, – глухим голосом ответил мужчина, стоя на обрыве. За его спиной виднелась дощатая дверь в землянку, ржавая труба над которой коптила сизым дымком.

Антон пропустил вперед Зоську.

– Говори пароль.

Она и сама знала, что прежде надо сообщить пароль, но то ли это надлежит сделать сейчас или потом, она позабыла. Как всегда, выручил Антон.

– Привет вам от Мироныча, – сказала она, выжидательно глядя на худое, серое, в недельной щетине лицо Петрякова. Тот, тихо крикнув, проговорил отзыв:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Давненько с кумом не виделись.

Кажется, все было правильно, пароль и отзыв сошлись. Зоська облегченно вздохнула и тут же решила спросить, как насчет переправы, да Петряков обернулся к землянке.

– Это... Сюда идите. Цыц ты, шварка! – прикрикнул он на собачонку, которая снова попыталась наброситься на Антона. Зоську она игнорировала, Антона же явно возненавидела с первого взгляда.

– Вот, пройдите пока... Вот сюда, – отворил Петряков подвешенную на ремешках дощатую дверь землянки, из которой пахло теплом и дымом.

Зоська и следом за ней Антон, пригнувшись, влезли в крохотную, выдолбленную в овражном склоне земляночку с обломком стекла в двери вместо окошка, топчаном и хорошо накаленной железной печкой, дым из которой почему-то упрямо не хотел идти в трубу и то и дело валил внутрь. Петряков протер пятерней слезящиеся глаза и взял с пола сапог с потянувшейся следом дратвой.

– Вот зашить надо... А вы, это, садитесь, – указал он на топчан, пристраиваясь сам на чурбаке возле печки. – Пока Бормотухин лодку пригонит.

Они сели, Зоська поближе к печке, Антон – у двери. Антон беглым взглядом окинул жилище.

– А где же начальник твой?

– А нет начальника, – сказал Петряков, с усилием прокручивая шилом дыру в заднике.

– Как? Был же сержант этот. Кажется, из десантников.

Петряков невозмутимо прокашлялся, сплюнул в угол за печку.

– Был. Попался сержант. Теперь я вот.

– Ах вон как...

– Так вот. А вы туда? – поднял он на Зоську измученный взгляд покрасневших от дыма глаз.

– Туда, – скупое подтвердила Зоська.

Петряков, сжимая в коленях головку сапога, тихо вздохнул:

– Да-а-а...

– А что? – не поняла Зоська.

– Да ничего, что ж... Вчера вон возвращались хлопцы из Чапаевского. Двое. Третьего привезли в дерюжке. Вот сапоги с него.

Зоська затаила дыхание.

– Что, убили?

– Убили. Две пули. Одна в грудь, другая в живот.

– Да, скверное дело, – поморщился Антон.

Зоська молча сидела, неприятно пораженная этой вестью, хотя, если подумать, чему тут поражаться? Мало ли где кого убили – шла война, и убивали каждый день сотнями. И все-таки она чувствовала, что это, мимоходом сообщенное известие имело отношение и к ней, – наверно, убитый переправлялся на ту сторону у этого Островка, да и убили его где-то в тех самых местах, где предстояло действовать ей. К тому же упоминание о пуле в животе всегда вызывало у Зоськи противный озноб внутри. Больше всего она боялась именно пули в живот, хотя отлично

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru понимала, что получить пулю в голову или в грудь несколько не лучше.

Петряков с помощью самодельного шила и дратвы старательно чинил сапог, все время хрипло покашливая, и Зоська, глядя на его толсто обвязанную какой-то суконкой шею, спросила:

– У вас горло больное, да?

– Да уж больное, – сказал он, не отрываясь от своего занятия. – Застудил и вот... Видно, докашляю в эту зиму.

– Ну почему вы так? – удивилась Зоська, заслышав в его голосе нотки обреченности.

Петряков лишь отмахнулся рукой.

– А, все одно! Чем жизнь такая...

Антон в нетерпении резко встал с топчана и, пригнув голову под низким потолком землянки, выглянул в неплотно притворенную дверь, из которой несло ветром и холодом.

– Ну где же твой Бормотухин? Или ты перевезешь?

– Бормотухин перевезет. Он теперь перевозчик.

Антону явно не сиделось, да и Зоська едва терпела в этой прогорклой от дыма земляночке. Теперь ее, правда, растрогал обреченный вид Петрякова, ей стало жаль больного человека.

– Так, может, лекарство надо какое? Может, мед вам помог бы? – сказала она, настывшими руками поглаживая пригретое от печки колено.

– Какое лекарство! Мне уже ничто не поможет, придется того... Чахотка у меня, – просто сообщил Петряков и замолк, глубоко засунутой рукой нащупывая в сапоге конец дратвы.

Зоська смешалась, она не знала, что в таких случаях можно сказать человеку и чем утешить его. Да и следует ли утешать?

Исчезнувшая было собачонка, радостно заскулив, опять появилась под дверью. Антон выглянул наружу и отступил на шаг в сторону. Дверь широко растворилась, и в ее низеньком проеме появился вконец озябший парнишка, с виду подросток, с худенькой шеей, в небрежно запахнутых на груди одежках. На его нестриженной голове, глубоко надвинутая на уши, сидела серая поношенная кепка с пуговкой на макушке.

– Сигнал давали, дядька Микалай?

– Давал, как же. Вот, перевезти, – взглядом Петряков указал на гостей, и Зоська догадалась, что наконец пришел Бормотухин. А ей думалось, что это будет сумрачный мужик с бородой. Мальчонка, однако, вошел в ставшую совершенно тесной землянку и прикрыл за собой дверь, за которой тоненько заскулила собачонка.

– Заколел. Такой ветер усчався...

– Сало все идет? – спросил Петряков.

– Еще болей стало. Такие льдины – ого!

– Станет Неман, – решил Петряков. – Худо дело будет.

– А нам хуже не буде, – сказал Бормотухин.

Он присел перед печкой, протянул к огню скрюченные стужей кисти, и Зоська подумала: как же он их перевезет в такой ледоход? А вдруг в лодку ударит льдина и они окажутся в воде? Но Неман – не болотная речка, отсюда не так просто выбраться на берег. Она с беспокойством поглядывала на Петрякова и мальчонку, но те вроде и не думали об этом. Бормотухин, все держа у огня настывшие руки,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru повернул к ней остренькое с посиневшим носом лицо и вроде бы подмигнул даже.

– На связь? В разведку?

– Бормотухин! – с хриплой строгостью прикрикнул Петряков. – Не твое дело. За чем надо, за тем и идут.

– А! – разочарованно бросил парень. – Буда не ведама, пашто за Неман ходють. Абы варочалися.

– Как-нибудь постараемся, – сказала Зоська.

– Во-о! Так все гаворать. Тольки не все варочаются. В няделю перевозил шастярых, два раза лодку ганяв. А учора вяртающца трое. И то один неживы. Убитый.

– Бормотухин! – снова оборвал его Петряков. – Помолчи лучше.

– Ды я кали ласка, – с готовностью согласился подросток и встал. – Ну дык пошли, что ли?

Плотнее запахнув на груди свои надетые один на другой пиджачки, он туже затянулся тесемчатым, от военных брюк, ремешком и ногой толкнул легкую дверь. Они по очереди вышли на узенькую площадку у порога.

Зоська, обернувшись, сказала Петрякову:

– Как-нибудь выздоравливайте, дядька.

– Да спасибо, – без видимого желания ответил Петряков.

После дымного тепла землянки на дворе их сразу охватил холод, ветер с реки дунул промозглой стужей, Зоська зябко поежилась. Но Бормотухин уже сбегал по тропинке к берегу, и они поспешили за ним. Зоська вся внутренне сжалась, глядя на ледяную карусель на реке, через которую им, не откладывая, предстояло переправляться.

Бормотухин тем временем, с хрустом обломав тонкий ледяной закраек у берега, столкнул свою плоскодонку на воду и придержал ее за дощатый нос.

– Залазьте!

Антон легко и уверенно перешагнул через борт, протянул руку Зоське, и та со страхом, неловко забралась в лодку, на дне которой плескалась вода и плавали прозрачные кусочки льда.

– Проходите dalej. Один на корму, другой на середину. И седайте, седайте. Стоять не можно, – привычно распорядился Бормотухин. Подрагивая от стужи и страха, Зоська опустилась на мокрую поперечину. Антон присел на корме. Бормотухин, поднатужась, столкнул лодку в воду, в последний момент ловко вскочив в нее.

Зоська, полуживая, сидела на поперечине, изо всей силы держась руками за мокрые борта лодки, которая угрожающе зашаталась, ударилась о близко проплывавшую льдину, но на дно не пошла и даже не зачерпнула воды. Бормотухин, стоя, уже уверенно орудовал единственным веслом, во все стороны крутя своей кургузой, в кепчонке, головой. Медленно лодка отходила от берега на стремнину, где ее сразу подхватило течение и, к ужасу Зоськи, резво понесло между льдин. Но Бормотухин, отчаянно размахивая веслом, то греб, то проталкивался между тяжелыми льдинами, отпихивая их от бортов, все-таки помалу приближаясь к берегу. Два льдины здорово стукнули в борт, вода заплескалась в лодке, Зоська сильнее вцепилась в доски бортов, у нее с непривычки кружилась голова, а лодка казалась такой ненадежной, что просто было удивительно, как она держится на поверхности в этой круговерти льда и воды. Но она держалась, и Бормотухину даже удавалось как-то править ею наискосок к противоположному берегу с лозняком. Поборов первый страх, Зоська робко оглянулась – низкий песчаный Островок и лесной берег с оврагом заметно отдалялись, уже едва заметна стала тропинка на обрыве, и совсем исчезла за овражным выступом землянка; вокруг простиралась вода, и бесконечные вереницы льдин стремительно проносились мимо. Но вот и стрежень остался позади, лодка вошла в более тихое прибрежное течение. Тут льдин стало меньше, они едва двигались, больше раскручиваясь на одном месте, и у Зоськи отлегло на душе.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Расталкивая лед веслом, Бормотухин привел лодку в лозняк, где она успокоенно
ткнулась наконец в подмытый край берега.

– Фу! – с облегчением выдохнула Зоська. – Ну и натерпелась страха!

– Який тут страх? – удивился Бормотухин. – Хиба тут страшно?

Антон первым выпрыгнул на берег, помог выйти Зоське.

– Ну, перевозчик, спасибо, – сказал он и взмахнул рукой.

– Нема за што, – невозмутимо отвечал Бормотухин. – Вы, тэта самае, направа не ходите: там веска. И па беразе не идите: небяспечна па беразе.

– Да? Так что же нам – по воздуху, что ли? – удивился Антон.

– Не, не па воздуху, – отвечал Бормотухин, стоя в лодке и усиленно дыша на свои замерзшие руки. – Вунь на дрэва трымайте. Там хутка лес буде.

– Ну что ж, пойдём на дрэва, – согласился Антон.

– А будете вяртаться, вот тут, в лозняку, лодку знойдете.

– Ясно.

Они начали взбираться от реки на некрутой, но скользкий от снега берег, а Бормотухин, слегка отплывая в тихой воде, все дул на свои озябшие пальцы.

– А как зовут тебя? – обернулась с обрыва Зоська.

– Бормотухин.

– А имя, имя как?

– Ды Володька имя.

«Дай Бог тебе вырасти, – подумала Зоська. – И еще перевезти нас обратно».

8

Неман остался сзади, они оглядывались на него, идя полем, хотя реки уже не было видно. Почти не видать стало и леса на том берегу: пропал, утонув меж берегов, Островок; помаячила вдаль и скрылась какая-то деревенька пониже острова. Пошел снег. Серое полевое пространство вокруг все больше тускнело, затканное белесой пеленой снегопада. Скоро почти ничего не стало видать, надо было напрячь зрение, чтобы за мелькающей сетью снежинок различить какой-нибудь затемневшийся в поле куст или одинокое деревце на обмелке. Усилился ветер. Порой его суматошные порывы так сильно шибали в грудь, что забивали дыхание, и Антон на минуту отворачивался, подставляя ветру широкую спину.

– От черт, разбушевался!..

Зоська поднимала навстречу покрасневшее от ветра лицо. Снег залепил складки ее платка, прядку волос на лбу, ворсистую ткань плюшевого сачка. Она пыталась улыбнуться, шатко загребая сапогами в снегу и не попадая в широкие следы Антона.

– Вот же холера! Шли по лесу, тихо было. А в голом поле вон как задуло! – прокричал сквозь ветер Антон. – Замерзла, малышка?

– Не-а! – сказала Зоська и улыбнулась настылыми губами.

– Тебе когда надо быть в Скиделе? Завтра?

– Сегодня ночью.

– Сегодня не выйдет. Отсюда до Скиделя километров шестнадцать.

– Так далеко? – удивилась она, тоже оборачиваясь спиной к ветру. В самом деле,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru все время идти полем было изнурительно, а дорог они избегали, все-таки здесь – не то, что на той стороне Немана. Тут всюю хозяйничали немцы и полицаи. В одном повезло – снегопад помогал пройти незамеченными и начисто заметал следы. Если бы не этот ветер...

– Ничего, доберемся, – бодро сказал Антон, оборачиваясь лицом к ветру.

Плохо, конечно, что они не рассчитали свой путь, затянули время на переправе и сегодня не могли попасть в Скидель, куда с самого утра так стремилась Зоська. Впрочем, Зоську можно было понять: у нее задание, сроки и где-нибудь в обжитом натопленном домике – тоскующая по дочке мать. Но не меньше, чем Зоська, торопился в Скидель и Антон, хотя у него не было там ни мамы, ни какого-нибудь задания. Правда, с некоторых пор там объявился его старый, еще борисовский, друг – Жорка Копыцкий, предстоящая встреча с которым теперь всерьез волновала Антона. Конечно, они были друзьями, и Антон по этой причине питал кое-какие надежды, но кто знает, каким стал Копыцкий за те пять или шесть месяцев, которые они не виделись. Наверно, имея немалый вес в Скиделе, он при желании мог бы помочь Антону. Но поможет ли? – вот в чем вопрос. Тем более что тот явится к нему не один, а с этой вот симпатичной малышкой, на которую у него были свои виды. Антон понимал, что в смутное время войны люди способны, как никогда, круто меняться, и вчерашний друг запросто может обернуться врагом. Но все-таки. Ведь Антон, дорожа старой дружбой, когда-то помог Копыцкому устроиться в секретную спецгруппу, формируемую для заброски в дальний тыл к немцам, и они вместе прибыли на Белосточину. Правда, потом их пути разошлись, но тут уж Антон ни при чем, тут скорее виноват Копыцкий.

В том, что его нынешний путь так удачно совпал с заданием Зоськи, Антон склонен был видеть счастливый знак своей военной судьбы. Сегодняшняя их переправа через Неман, больше всего пугавшая Антона, прошла удачно, на заставе не довелось ничего объяснять, Зоська смолчала. Наверно, для Зоськи он что-то уже значил, если она отнеслась к нему так терпимо, особенно после их малоприятного разговора у бобровой запруды. Зоська не Копыцкий, думал Антон, будучи почти уверенным, что ему удастся сладить с этой разведчицей. Еще ни одна девка, на которую он кидал глаз, не увертывалась от него, Антон знал силу своего обаяния и умел пользоваться им, если это ему было нужно. Теперь Зоська стала ему необходимой до крайности, и Антон надеялся, что, если постараться, все задуманное им исполнится. Только бы не подвел Копыцкий.

Стараясь держать направление в поле, он упрямо шагал против ветра и думал, что коль до Скиделя сегодня им не дойти, то надо позаботиться о ночлеге. Тем более что короткий день был на исходе, небо на востоке померкло, вроде стало темнеть. Они спустились в ложбинку с кустарником, Антон взял в сторону, чтобы не лезть в его колючие дебри, теперь в голом поле было сподручнее. Державшийся все дни небольшой морозец заметно отпустил, при ходьбе стало тепло, под колушкой даже жарко. Но Антон с раздражением отметил, что ветер все больше поворачивал с запада, откуда он всегда приносил непогоду и слякоть. Сухие крупчатые снежинки в воздухе постепенно превратились в разбухшие, таявшие на лице хлопья, рукава и полы колушка потемнели от влаги. Антон поддел на ходу горсть снега, покомкал в ладонях – снег стал лепиться, и он подумал, что ночью, пожалуй, ударит ростепель, которая вконец испортит их полевой путь. Как бы не пришлось выходить на дорогу.

Он обернулся на косогоре – Зоська все отставала, и, когда догнала его, Антон тихо, про себя, рассмеялся – так ее преобразил налипший на грудь, плечи и голову снег. Антон принялся молча сметать его с девушки, и та, слегка поворачиваясь, покорно подставляла себя под несильные удары его мокрой ладони.

– Устала?

– Немножко...

Весь день Антон намеревался заговорить с ней, подбирал удобный момент и присматривался к обстановке, чтобы сказать ей о том самом главном, ради чего он оказался с ней вместе. Но, как назло, обстановка мало благоприятствовала такого рода объяснениям: мешала то близкая опасность, то присутствие рядом людей. Приходилось обрывать себя на полуслове и ждать более подходящего момента. И Антон ждал, с затаенной тревогой поглядывая на спутницу, то озабоченную, то

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru испуганную, а теперь вот еще и измотанную этой бесконечной снежной дорогой.

Они прошли от Немана, наверно, километров десять, нигде не встретив жилья, и Антон потерял представление, где тут могла быть какая-нибудь деревня. Этот лесной район в излучине Немана он вроде бы знал неплохо, летом изъездив его вдоль и поперек, но теперь не узнавал ничего – так изменила его непроглядная снежная круговерть. Правда, сам он не очень устал и мог бы идти еще долго, однако ему жаль было Зоську. Хотя та и не жаловалась на усталость, но Антон видел, каково ей приходится на этом ветру в легкой одежде и мокрых с ночи сапогах.

Тем временем как-то вдруг стало темно, день незаметно кончился. Правда, ночь обещала быть светлой от массы свежего снега, но снегопад не стихал, и видимости почти не было. Отчасти это хорошо, думал Антон, никто их не обнаружит в метельном поле. Но и они не много могли обнаружить, идя все время вслепую и ежечасно рискуя наткнуться на неприятность.

Напряженно вглядываясь вперед, Антон сквозь мельтешащую сеть снегопада увидел несколько телеграфных столбов поблизости – верный знак проходившей где-то дороги. К счастью, на этот раз дорога была пустая, они второпях перебежали ее скользкий под снегом булыжник, стараясь поскорее отойти подальше. Но за дорогой под ногами оказалась засыпанная снегом пахота или вскопанное картофельное поле, идти по которому было сущим мучением, и Антон взял наискосок, значительно отклоняясь от прежнего своего направления. Когда впереди засерело что-то широкое, он подумал, что наткнулся на опушку леса, но, подойдя ближе, увидел ряд корявых, наклоненных в разные стороны верб, стоявших на одной стороне гати. Присматриваясь к ним, Антон невольно потянул носом и вместе с привычным запахом влажного снега уловил вкусный запах съестного.

– О, сало жарят! – сказал он, остановившись в некотором даже удивлении. – С цибулей...

Зоська тоже остановилась, они помолчали, и Антон понял, что не ошибся. Действительно, ветер скоро донес и запах дыма, значит, где-то в той стороне была деревня или хутор, наверно, сулившие им пристанище. Антон круто повернул в сторону верб.

Только они взошли на невысокую насыпь гати под вербами, неясно различая справа белую поверхность пруда, как вдруг совсем близко от себя впереди увидели группу построек: под низко осевшей крышей темную стену сарая, заснеженные кроны деревьев вверху. Чуть дальше ютилась, наверно, хата, из ближнего к углу окошка пробивалось слабое пятно света: долетел странный в ночи, какой-то скрипучий звук. Когда звук повторился на более высокой ноте, Антон понял, что это играла гармошка. Предупреждающе двинув рукой, он остановился за дуплистым комлем залепленной снегом вербы. Запах дыма стал явственнее, но гармошка, кажется, умолкла, долетел и оборвался вдали приглушенный смех.

– А ну постой. Я счас, – тихо бросил Антон замершей рядом Зоське, а сам осторожно направился к хате, забирая чуть в сторону, чтобы подойти к ней с огорода.

Летящие в лицо хлопья снега не давали как следует присмотреться к жилью, но он догадывался, что в хате идет гулянка, значит, немцев в деревне нет. Но удастся ли незамеченными устроиться здесь на ночлег, он не был уверен. По-видимому, надо было найти кого-либо из местных да расспросить про обстановку. Или хотя бы узнать, как называется деревня и какова обстановка в других деревнях по соседству.

На дворе, однако, никого не было, на минуту он затаился за углом сарая, вслушиваясь в беспорядочный приглушенный гомон в хате. Одновременно слышалось несколько мужских голосов, изредка между ними раздавался, по-видимому, женский смех, но что-либо понять было невозможно. Выждав минуту, Антон осторожно пробежал вдоль тына и прижался спиной к бревенчатой стене хаты со стороны огорода. Из окна на снег падало расплывчатое пятно света, в котором белыми мотыльями неслись из темноты и оседали снежинки. Голоса за стеной стали явственнее, он уже поймал несколько обрывков фраз, к кому-то обращались, называя его «пан Юзик», и снова заиграла гармошка. Почти в тот же момент свет в окне исчез, на снегу под окном осталась только неясная косая полоска, которая то чуть

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru расширялась, то совсем исчезала. Антон шагнул от стены и, потянувшись к синему наличнику, осторожно заглянул в окно.

За рамой на подоконнике тускло блеснула округлость, наверно пустой бутылки, стояли миски со снедью, за ними чернела чья-то широкая мужская спина. Эта спина вдруг качнулась, подвинулась, и в окне, прикрыв свет, появился легший на подоконник локоть. Антон невольно отстранился от этого близкого, за самым стеклом, движения. Снова заглянув из-за наличника, он тихо, про себя, выругался – на темном рукаве поддевки голубела знакомая повязка полицейского.

Антон отшатнулся спиной к шершавым бревнам стены, оглянулся на угол. Заходить в этот двор было нельзя, судя по всему, там устроили гулянку полицаи или кто-то другой с участием полицаев, что нисколько не лучше. Надо было искать что-нибудь в другом месте.

По своим едва заметным на снегу следам он быстро перешел за сарай и под удаляющиеся звуки гармонии пошел к недалеким силуэтам верб у пруда. И вдруг он вспомнил, что когда-то уже видел эти вербы и пруд, кажется, в сентябре они тут проезжали верхом с Кузнецовым. Антон хотел тогда напоить в пруду лошадь, но Кузнецов торопился и не разрешил останавливаться. Правда, он не знал названия деревни, но теперь и без того сориентировался, вспомнив, что недалеко был лес, а наискосок от него, за ручьем, кажется, был хутор, на который вела из деревни обсаженная березами слабо наезженная полевая дорожка.

Зоська стояла возле крайней вербы, и Антон не сразу увидел ее, но вот она нетерпеливо шагнула навстречу, и он молча махнул рукой, направляясь от гати в метельную мглу поля. В этот раз он шел быстро, не приноравливаясь к шагу Зоськи, так как знал, куда надо идти, и ему не терпелось очутиться наконец под крышей. К тому же хотелось есть. Наверно, запах съестного и вид полицейской гулянки в хате разбудили в нем дремавший весь день голод.

Он и в самом деле скоро набрел в поле на ряд молодых березок, ровно выстроившихся вдоль совершенно заметной снегом дороги, и уверенно повернул влево, навстречу ветру. Теперь уже не имело значения, где идти – полем или дорогой, и он пошел вдоль едва приметной в снегу посадки. Зоська старалась не отставать и, нагнув голову, где шагом, а где и бегом кое-как поспевала за ним.

Как он того и ждал, из темноты сперва появились две огромные липы у ограды, затем поодаль затемнели постройки – хата, гумно, несколько сараев, среди голой равнины поля образовавших эту хуторскую усадьбу. Хуторок, как с осени помнил Антон, не бросался в глаза благополучием, да и хатенка выглядела довольно убого – вросшая в землю пятистенка с низенькими квадратами окошек. Когда-то тут жил старик с несколькими немолодыми женщинами, мужчин в тот раз, когда они останавливались у него, не было видно, и бойцы ни о чем не расспрашивали горестно вздыхавшего, со спутанной бородой старика, так как вовсе не рассчитывали когда-либо появиться тут снова.

Однако вот появились.

Покосившиеся ворота в ограде были заперты и чем-то завязаны изнутри. Антон, не пытаясь растворить их, перескочил через верхнюю жердь ограды, помог перелезть Зоське. Здесь он мало кого опасался: на этом богом забытом хуторе вряд ли мог находиться кто посторонний. Хорошо еще, если тут вообще кто-нибудь будет. Впрочем, это теперь не имело значения, им надо было прежде всего укрыться от ветра, обрести крышу над головой и немного перевести дух от изматывающей снежной карусели.

Приземистая хата под огромной шапкой крыши, с поленицей дров у сарая встретила их глухой тишиной и безлюдьем, из окон нигде не пробивалось ни пятнышка света, можно было подумать, что хутор давно заброшен и никого здесь нет. Но каким-то неявным внутренним чутьем Антон все-таки угадывал теплившуюся там жизнь, кто-то там был, хотя ничем и не обнаруживал своего присутствия. Так тихо и незаметно живут, вернее доживают, на свете старые люди – сами в себе, тихо, малозаметно для постороннего глаза.

Зоська след в след шла сзади. Антон молча взошел на каменные ступеньки крыльца и толкнул дверь в сени. Дверь, как он и ожидал, была не заперта. Вытянув руки, он прошел темное пространство сеней и, широко зашарив по бревнам стены, нащупал

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
вход в хату. Легко растворив дверь, шагнул через высокий порог да так и остался у порога в принесенном с собой белом облаке стужи.

Из едва освещенного единственной свечой полумрака к нему повернулось несколько лиц женщин в темных одеждах, их сложенные на груди руки замерли, произнесенная тихим голосом молитвенная фраза оборвалась на полуслове. Антон скользнул взглядом ниже, к трепетному огоньку свечи, робко светившей в изголовье установленного на двух табуретках гроба. С трудом преодолевая замешательство, он нерешительно, со страхом или отвращением взглянул на желтое, сморщенное личико в гробу, забыв закрыть дверь и уже ясно понимая, что явился сюда некстати.

– Да-а... Ладно, – пробормотал он, пятясь к открытой двери, где уже появилась Зоська.

Едва освещенные снизу мигающим огоньком свечи скорбные лица женщин снова обратились к покойнице, с тихой напевностью зазвучали незнакомые слова католической молитвы, и он почувствовал, что следует задержаться хотя бы на одну минуту. Мокрой рукой он стащил с головы мокрую от растаявшего снега шапку и молчал. Зоська большими глазами ошеломленно глядела на покойницу. Наверно, надо было сказать что-то, приличествующее такому случаю, но он решительно не мог придумать, что можно сказать, и все глядел то на свечу, то на мертвое лицо в гробу. По-видимому, это его замешательство женщины поняли по-своему, и одна из них, неслышно нырнув в темноту, тотчас вернулась с чем-то, прикрытым краем передника.

– Вот, не обессудьте на горюшко... Не обессудьте на горюшко.

Она обращалась к Зоське, и та послушно и без слов приняла у нее что-то и, слабо толкнув локтем Антона, первая повернулась к двери. Надев шапку, Антон с облегчением выбрался из темных сеней на белый от летящего снега двор хутора.

– О, черт! – произнес он в сердцах, охваченный прежней заботой. С ночлегом у них упорно не клеилось.

Он не знал, куда идти дальше, не расспросил о том в хате, а снова возвращаться туда у него не хватило духа. Подавленная увиденным, Зоська горестно стояла рядом, прижимая голые руки к груди.

– Что это? – спросил Антон. – А, хлеб! А ну, дай сюда.

Он взял из ее рук краюшку черствого, как камень, хлеба и четыре сваренные в мундирах картофелины, рассовал их по карманам, а краюшку затолкал за пазуху.

– Ну? Пойдем, авось еще что подвернется.

9

Долго и почти вслепую они шли по голой равнине поля. Снег, не переставая, валил в темноте мокрыми хлопьями. Колени, рукава и ноги у Зоськи давно были мокрые, и она думала: хотя бы не промок сачок, где ей тогда обсушиться? Антон молча, с удвоенной энергией шагал и шагал куда-то, может, зная, а может, в ночь, наугад. Зоська хотела попросить его сбавить этот совсем уже непосильный для нее темп, но не посмела. Он и тут знал местность лучше ее, а главное, лучше ориентировался в этом снежном ночном пространстве, и она изо всех сил старалась не отстать. Она уже притерпелась к ветру, к снегопаду и только сгибала пониже голову, когда лицу становилось невтерпех от стужи. Перед ее глазами продолжала стоять печальная картина ночного хутора. Не раз за войну видела она, как хоронили человека, но такие мирные, «женские» похороны ей довелось видеть впервые. И, кажется, никто там не голосил, не плакал, все сосредоточенно, с глубокой верой молились, словно вершили какое-то важное, хотя и маловеселое, дело. И ни одного мужчины – только женщины. Нет, Зоська просто страшилась таких похорон, они поражали ее своей непривычной обыкновенностью. И, может, впервые она подумала: а какие похороны уготованы ей, Зоське?..

Но нет, ей рано думать об этом, у нее трудное, на несколько дней расписанное задание. Надо побывать в Скиделе, на двух хуторах, съездить в Гродно, может быть, удастся повидать мамусю. Ей еще надо многое успеть в жизни, зачем думать про похороны?

Однако она приотсталала. Тусклая тень Антона едва просматривалась в ветреных сумерках, слева тянулась стена хвойного леса, и Зоська подумала: неужели придется сворачивать в лес? В лес она не хотела, ей лучше было в этом метельном поле, чем в мрачном, гудящем, неведомо что таящем лесу. Чавкая вконец раскисшими сапогами, она побежала за Антоном, который на этот раз остановился и дал ей подбежать вплотную.

– Видишь? Видишь, куда мы зашли?

Низко надвинув на глаза шапку, он показывал в сторону леса, опушка которого отворачивала куда-то влево, а впереди перед ними тянулась неровная полоса кустарника и невысоких деревьев, – возможно, посадка у дороги. Стараясь что-то понять, Зоська молча вгляделась в слепящие снегом сумерки.

– лес?

– Не лес. Котра, гляди.

– Котра?

– Ну. Вон куда вышли! Надо было правее. Теперь такого крюка давать...

Зоська молчала. Все в ней опало внутри от этого неожиданного известия – действительно, если это речушка Котра, то они слишком отклонились в сторону и давно оставили позади Скидель.

– Теперь в Скидель притопаем утром, не раньше, – сказал Антон.

– Мне надо ночью.

– Конечно, лучше бы ночью. Но теперь не успеем.

Нет, в Скидель она не могла соваться в светлое время, когда ее легко могли опознать на улицах, ей надо было в темноте зайти со стороны Озерской дороги, найти крытый гонтом домик под липой и постучать во второе от улицы окошко.

Минуту постояв на ветру, она ощутила легкий озноб в теле, все-таки сачок ее, наверно, стал промокать, тем более что снег начал постепенно переходить в дождь, все уже на ней было мокрым с ног до платка. Антонов кожушок тоже потемнел от влаги, хотя Антон, кажется, не обращал никакого внимания на непогоду. Ладонью он небрежно отер влажные капли с лица и звучно высморкался на снег.

– Ладно. Давай жми за мной, – сказал он, круто забирая вправо, в мокрую темень поля, из которой несло и несло по ветру не понять уже чем – дождем или снегом.

Подавляя в себе легкую досаду на Антона, который, как оказалось, все-таки приплутал в этом поле, Зоська пошла следом. Ходьба по мокрому снегу отнимала последние силы, снег прилипал к сапогам; местами его навалило много, и она черпала голенищами; настылые ноги даже при ходьбе уже не могли согреться. Поразмыслив, однако, Зоська решила, что досадовать на Антона не следует: при такой погоде заблудиться никому не заказано. Во всяком случае, она могла вообще забрести неизвестно куда, ориентировалась она всегда скверно и в детстве частенько плутала по лесу, когда собирала с бабами ягоды. Правда, там можно было покричать, позвать мамусю или знакомых скидельских теток, здесь же не крикнешь, и никто тебе не откликнется. Тут вся надежда на Антона, и хорошо еще, что он обнаружил ошибку и знал, как ее исправить.

Кажется, он действительно знал, куда идти дальше, потому что не прошли они и четверти часа, как он снова остановился возле каких-то кустарников, поджидая Зоську.

– Вроде нам повезло, – сказал он тихо. – Постой тут, я схожу...

Зоська вгляделась в жиденькие деревца зарослей с облепленными снегом ветвями, поодаль за ними что-то темнело, то ли какая постройка, то ли скирда соломы, похоже, однако, усадьба. Отвернувшись от морозящего дождем ветра, она подождала минуту, другую, все вглядываясь в темень и ожидая увидеть идущего к ней Антона.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Вскоре услышала его приглушенный голос:

– Иди сюда...

«Наверно, что-то нашел», – радостно подумала Зоська, быстро выходя из кустарника. Действительно, подле зарослей мелкоколосья на снегу темнела стена какой-то длинной постройки с обрушенной с одного конца крышей, разломанной и полузанесенной снегом оградой, каким-то инвентарем, разбросанным вокруг и тоже заваленным снегом. Антон деловито обошел постройку, заглянул внутрь, в черный провал настезь раскрытых ворот.

– Вот была усадьба. Сожгли. Одна обора осталась.

Похоже, в самом деле это была старинная хуторская обора – длинное, сложенное из валунов и булыжника помещение для скота с маленькими окошками в стене и зияющими пустотой воротами. Поблизости ничего больше не было видно, только за оборой высилось несколько старых деревьев да серел голый, засыпанный снегом кустарник.

– Иди сюда. Не бойсь, – позвал ее Антон из темного проема дверей, откуда несло горькой вонью пожарища и навоза.

Несмело ступая в снегу, Зоська вошла за ним в пугающе пустынную темень оборы и остановилась, не зная, куда ступить дальше.

– Сюда, сюда, – позвал он откуда-то из темноты, и, только когда в его руках вспыхнула спичка, Зоська увидела полурастворенную низкую дверь и в ней темную тень Антона.

– Иди, не бойся!

Все борясь с нерешительностью, Зоська переступила высокий порог, не успев еще что-либо рассмотреть, как спичка потухла.

– Так, хорошо, – удовлетворенно проговорил Антон в совершенно глухой темноте и зажег другую спичку, на несколько секунд осветившую закопченный потолок, мрачные каменные углы и, к вящей радости Зоськи, – широкую топку печки напротив.

– Вот, поняла? – радостно сказал Антон. – Печка есть, тепло будет. Садись сюда, на солому или что тут... Садись! Сейчас мы разожем печку. Не может быть...

Содрогаясь от все больше овладевавшего ею озноба, Зоська опустилась в темноте на что-то холодное и мягкое, не сдержавшись, раза два звучно клацнув зубами. Мокрые руки сунула за пазуху, сгорбилась, сжалась в единоборстве с обуявшим ее холодом и прикрыла глаза. Озноб колотил ее люто, но здесь не было ветра, а главное – было тихо и больше не надо было идти. Перед глазами ее все вдруг закачалось, поплыло в сладкой дремотной истоме, и она действительно уснула вдруг и так крепко, что сразу перестала ощущать, где она и что с ней происходит.

Спала она недолго, может, несколько минут, не больше. Она поняла это, вдруг пробудившись от яркой вспышки огня – Антон возился у печки, разжигая какие-то обломки досок, и она опять содрогнулась от стужи и испуга.

– Не бойсь! Это я – пороха из патрона. Не горит, холера...

Присев возле топки, он яростно дул в нее, обломки досок нехотя тлели квелым огнем, густо коптя сизым дымом, который не хотел идти в печь и кручеными струями валил наружу. Но вот Антон дунул сильнее – между досок возникло несколько язычков пламени, и Зоська успокоенно смежила веки...

Снова проснулась она от легкого прикосновения чьей-то руки, но она уже знала, что это рука Антона, и не испугалась, вслушиваясь в его спокойный, как бы подобревший голос.

– Слышь?.. Давай раздевайся. Будем сушиться.

Она раскрыла глаза, с приятностью чувствуя широко идущее к ней тепло, – в печке всюю полыхали доски, черные концы которых длинно торчали из топки; по низко нависшему потолку, каменным с морозными блестками стенам каморки гуляли

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru причудливые огненные сполохи. Антон стоял перед ней на коленях в деревенской вязки шерстяном свитере, а возле топки, распятый на палках, сушился его кожушок.

– Слышь? Раздевайся, тепло уже.

Действительно, тесная каморка была полна дымного тепла, парности и тишины, нарушаемой лишь гулом пламени в печке. Зоська стряхнула с себя остатки дремоты и улыбнулась.

– Ну, согрелась?

– Согрелась.

– А ты говорила... Со мной не пропадешь, малышка, – бодро сказал Антон и ударом ладони задвинул подгоревшие концы досок в топку, из которой в темный потолок шуганул косяк искр.

– Ой, как бы пожара не было! – испугалась Зоська.

– Не будет: камень. А сгорит, не беда. Снимай сапоги, наверное же, мокрые?

– Мокрые.

– Снимай куртку, все, сушить будем. Тут теперь никого. Ближайшая деревня далеко – на том берегу, за Котрой.

Она развязала мокрый, измятый платок, который Антон принялся пристраивать возле кожушка, сняла сачок, минуту подержала его перед топкой, наблюдая, как от сачка густо повалил в печку пар. Сапоги и подол ее юбки были мокрые, наверно, еще со вчерашнего, она скинула сапоги, а затем, помедлив, стащила и свои шерстяные чулки, Антон умело пристроил все это на палках поближе к печке.

– На вот, садись на кожух – уже высох. О, как нагрелся! Огонь!

Она с наслаждением опустила на теплую шерсть знакомого ей Антонова кожушка, подставляя мокрые, раскрасневшиеся колени под живительное тепло из топки.

– Та-ак, – удовлетворенно сказал Антон, устраиваясь подле. – А теперь перекусим. Вот по куску хлеба и по две картошки. За помин души той бабуси, – пошутил он, разламывая сухую горбушку.

Помедлив, они принялись есть хлеб с картошкой и скоро все съели, ничего не оставив на завтра. Конечно, они не наелись, но раздобыть еду тут все равно было негде, приходилось терпеть до завтра.

– Ну вот и поночуем. А что? Лучше, чем в какой-нибудь хате, – сказал Антон и придвинулся к Зоське, слегка задев ее локтем. – Вдвоем, и никто не мешает. Правда?

Она не ответила и не отстранилась, лишь с усмешкой взглянула в его странно заблестевшие в полумраке глаза. Оно, может, и лучше, подумала Зоська, а может, и нет. В этом их уединении было что-то хорошее, но что-то и пугало, хотя она старалась не думать о том. Теперь ей было хорошо, тепло и даже какую-то минуту благостно на душе. В самом деле, над головой была крыша, горел в печурке огонь, а рядом сидел тот, кто уже столько раз выручал ее в этом трудном пути. Хотелось думать, что он поможет и впредь и все обойдется как надо.

– Вот сидишь, а маме, наверно, и не снится, что ее дочка возле Котры ночует?

– Мама меня, наверно, давно уже похоронила. С самой весны не виделись.

– Ну, это еще ничего не значит, – утешил Антон. – Люди все равно скажут. Видели же, наверно, тебя знакомые в деревнях, могли передать.

– Наверно, видели, – согласилась Зоська, не зная еще, как расценить это, – хорошо или плохо, что видели ее среди партизан. Хорошо, если передали маме, но могли передать и кому не следовало. Тогда ее партизанство могло худо обернуться для мамы.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Мое вот другое дело, – сказал вдруг Антон. – Некого бояться. Никто тут меня не знает, никто не беспокоится.

– А уже узнали, наверно. С Кузнецовым же ты все деревни объездил?

– А в деревнях кто меня заприметит? Приехал и уехал. Партизан, как все.

– Не скажи. Девчата заприметят. Приметный.

Антон с легкой улыбкой посмотрел ей в глаза.

– В этом смысле согласен. Приметный. Но что мне девчата! Я сам заприметил одну.

– Где? – встрепенулась Зоська.

Антон легонько похлопал ее тяжелой рукой по плечу.

– А в отряде. Разведчицу одну. Славненькую такую малышку.

– Ай, неправда, – намеренно с недоверием сказала Зоська, почувствовав, как сладко защемило у нее под ложечкой.

– Нет, правда. Сама же понимаешь, на что пошел. И ради кого. Зосятка ты моя...

Он глядел на нее уже без тени иронии. Крепкое его лицо с тронутым щетиной подбородком стало серьезным и придвинулось вплотную к ее лицу. Зоське стало неловко, и она сконфуженно взяла его левую руку, легшую ей на колени, деликатно пожала ее.

– За это спасибо. Только...

– Не надо теперь про только. Дело, видишь ли, в том... – сказал он и, притихнув, осторожно, будто в раздумье, обнял ее. Она вздрогнула, напряглась и молчала. – Дело в том, что...

Она напряженно ждала, замерев в его странно томящих объятиях, а он вдруг запрокинул ее голову и с каким-то отчаянием, резко поцеловал в губы.

– Антон!

– Что я могу поделать?! – прерывисто вздохнул он, не расслабляя на ней своих цепких рук. – Полюбил я тебя.

– Правда? – изумленно прошептала она, огорошенная этим его признанием. Никто еще не объяснялся с ней так серьезно и такими словами, она вся обмерла в ужасе, в совершенном, ни с чем не сравнимом восторге.

– Да, знаешь, теперь я готов на все, – еще решительнее сказал он, и голос его странно дрогнул. Она, не шевелясь, сидела в его теплых, уютных и таких сладостных теперь объятиях, с удивлением слушая, как сильно стучит ее сердце.

– Вот я сказал тебе все, знай. А ты что мне скажешь?

Зоська помедлила, с трудом собираясь со своими смятенными мыслями. Ей было очень непросто так вот, в глаза, сказать обо всем, что она чувствовала к этому человеку, и даже самой до конца понять свое к нему чувство. Ей было и приятно, и радостно, и одновременно страшно чего-то, и она не знала, какому из этих чувств отдать предпочтение. Но, кажется, в эту минуту он понимал ее лучше, чем она могла разобраться в себе сама.

– Ведь ты меня тоже... знаю я, любишь?

– Знаешь, я тоже, – тихо сказала она. – Хороший ты...

– Ну вот, спасибо, – жарко выдохнул он у самого ее уха и снова поцеловал ее в щеку, в переносье, а потом длинным продолжительным поцелуем – в губы.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Ой, так не надо! – задохнулась Зоська.

– Нет, надо. Надо...

Печка с огнем качнулась, уходя в сторону, Зоська ощутила близкое тепло колушка и странно сковашую ее мужскую силу Антона, поспешные движения его властных рук, от которых у нее нечем было защититься.

– Антон!.. Антоша...

– Все хорошо, все хорошо, малышечка, – шептал он.

– Не надо, Антон... Не надо...

Он, однако, уже не ответил, и она с отчетливой безнадежностью поняла всю неотвратимость его властной силы. Ее же сила и воля пропали, уйдя в теплое блаженство его объятий. Она лишь чувствовала, что так не надо, что они поступают плохо, затуманенным сознанием она почти отчетливо понимала, что погибает, но в этой гибели была какая-то радость, а главное, было сознание, что погибала она вместе с ним. В этом было единственное ее оправдание и ее утешение, а может, и единственное ее счастье.

Она не помнила, что было потом. Возможно, наступил сон или странное всеобъемлющее небытие, когда совершенно исчезают память и чувства, несколько долгих часов она перестала ощущать себя в этом мире, словно отсутствовала в нем, лишившись сознания.

...Проснулась она так же, как и уснула, – вдруг от какого-то тревожного толчка изнутри – и, боясь шевельнуться, раскрыла глаза. В тесной каменной каморке было темно, но несколько щелей в заткнутом соломой окошке уже расветно светились, концы соломин там беззвучно трепетали от задувавшего снаружи ветра. Было прохладно, в черном прямоугольнике топки не светилось ни одного уголька, тускло серел обшарпанный закоптелый бок печи и зловеще чернели закопченные углы каморки. Не шевелясь, Зоська обвела их пугливым взглядом, догадываясь, что когда-то тут была кубовая или котельная, где запаривали корма и грели для скота воду. Потом она перевела взгляд ниже, почувствовав на себе знакомое прикосновение колушка и рядом – источавшую живое тепло широкую спину Антона, его спокойное дыхание. Антон спал, и Зоська боялась пошевелиться, чтобы не разбудить его. Ей надо было чуток времени, чтобы собраться со своими невеселыми мыслями, понять, что с ней случилось. Случилось, конечно, скверное, она была виновата и корила себя, как могла. Но она понимала, что теперь поздно угрызаться, случившегося не исправить. И, поразмыслив, она утешилась единственной возможной в ее положении мыслью, что с каждой девушкой это должно когда-либо случиться. Может, правда, не так – иначе и красивее, но теперь все в жизни не так, как заведено испокон веков, хуже, потому что теперь – война. К тому же с Октябрьских праздников ей пошел девятнадцатый год, она уже не девочка, так, чего доброго, недолго и состариться в девках или, что еще хуже, погибнуть, никогда не узнав ни любви, ни мужчины. Во всяком случае, полежавав немного и обдумав свое положение, Зоська успокоенно-робко вздохнула с ощущением того, что ее, казалось, непоправимая беда вроде бы оборачивалась хотя и неожиданным, но, может, еще не наихудшим образом. Одно было бесспорно: на ее нелегком, полном многих страхов военном пути появился этот решительный симпатичный парень. Пусть не навсегда, ненадолго. Но что теперь навсегда и надолго?

Свернувшись калачиком в ласковом тепле Антонового колушка, она тихонько вздохнула: что ж, чему быть, того не миновать. Конечно, было удивительно и необычно все, что произошло с ней за эти две ночи. Она встретила на болоте своего суженого, испугалась, обрадовалась, поделила с ним на двоих этот ее полный опасностей путь, приведший их наконец к одинокой ночной оборе. Но что ей, мокрой, замерзшей, еще оставалось? Он славный, видный из себя мужчина, смелый и не охальник, а в том, что произошло между ними, наверно, большая доля вины падает и на нее тоже. Видно, такова воля случая. Зоська уже слышала от умных людей, что с того дня, как разразилась война, в мире воцарились сплошные случайности, одна из которых, видно, выпала и на ее долю. Поэтому стоит ли очень расстраиваться, не лучше ли спокойно, без угрызений пережить все случившееся и продолжать свое дело – выполнять задание, которое, чувствовала она, еще принесет ей немало других бед, и среди них эта, может, не самая худшая.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru И все же ей было крайне неловко перед Антоном, особенно когда она представила себе, как он проснетя и они выберутся из этой темной оборы. И еще она чувствовала свою вину перед Сашкой, с которым дружила перед войной и даже собиралась за него замуж. Уходя по мобилизации, Сашка наказывал ждать, и вот дождалась... Правда, ей теперь стало ясно, что Сашку-то она и не любила по-настоящему, скорее это он к ней присох и однажды предложил пойти в сельсовет расписаться. Сашка тоже был, в общем, неплохим парнем, они вместе росли на одной улице, но что-то ее удерживало тогда от замужества, и она все откладывала. Но вот, странное дело, подумала Зоська, предложи ей такое Антон, не стала бы тянуть и недели – согласилась бы тотчас, хоть в первой попавшейся на их дороге деревне. Что значит любовь с первого взгляда или что-то еще, чему и названия, наверно, не придумали люди. С Антоном она готова была хоть на край света, особенно теперь, после этой дороги и этого ночлега в оборе.

Стараясь не потревожить сонного Антона, Зоська осторожно повернулась на бок. Ее глаза уже привыкли к едва поредевшим в каморке сумеркам, и она снова увидела его запрокинутое на соломе лицо и его четкий, словно вырубленный из твердого камня, профиль с прямым, ровным носом и мускулистым подбородком, который, словно осколком, был помечен на конце маленькой ямкой, – такие подбородки у мужчин всегда нравились Зоське. Ощувив прилив ласковости к нему, она тихонько высвободила из-под колушка свою теплую руку и кончиками пальцев дотронулась до его плеча. Он не почувствовал ее прикосновения и продолжал мерно дышать во сне. Она подумала: пусть спит, время, наверно, еще раннее, и только попыталась убрать под колушок руку, как в глухой тишине обора услышала какой-то долетевший снаружи звук. Она еще не поняла, что это был за звук, и обмерла, вся уйдя в слух. Но вот звук повторился, он был похож на несильный отдаленный удар по мягкому, и тотчас до нее отчетливо донеслось восклицание: «Но-о, пошел, падла!»

– Антон! Антон, слышь?

Резко сбросив с себя колушок, она подхватила и села, опять замерев, Антон тоже вскочил на соломе и с расширенными от сонного испуга глазами затих, соображая и вслушиваясь. Потом, не сказав ни слова, сунул в сапоги ноги и в одном свитере широко шагнул за порог. Дверь за ним медленно широко растворилась, и порыв ветра, дунувшего в каморку, сразу вынес из нее все накопленное за ночь тепло. Вздрогнув, Зоська стала поспешно натягивать ссохшиеся, покореженные у огня сапоги, ежесекундно ожидая, что Антон крикнет и надо будет бежать.

Но продолжительное время Антон не подавал голоса, и она кое-как успела обуться, повязала платок и надела просохший, задубевший на плечах сачок. Снаружи ничего больше не было слышно, и это немного успокаивало. Но Зоська все вслушивалась, стоя возле настезь раскрытой двери за притолокой. Свернутый Антонов колушок она держала в руках, не зная, выходить из каморки или дожидаться Антона здесь.

Выходить ей не пришлось. Минуту спустя Антон воротился с наганом в руке, прикрыл за собой дверь и молча засунул наган в карман брюк.

– Ну? Кто там? – тревожно спросила Зоська.

– Садись. Куда собралась? – вместо ответа бросил Антон и сел на солому.

Мало что понимая, Зоська во все глаза смотрела сзади на его сильные плечи под свитером, круглую голову со всклоченными без шапки волосами. Лицо у Антона выглядело крайне озабоченным или злым, и она повременила с расспросами. Антон рассеянно заглянул в потухшую печку.

– Полицай, кто же, – запоздало ответил он с раздражением, уронив с колен длинные руки. Зоська шагнула от двери и накинула ему на плечи еще теплый его колушок.

– Что же теперь делать? – озабоченно спросила она.

– Что сделаешь? Сидеть надо.

Он с потерянным видом глядел перед собой в потухшую топку, и Зоська не могла взять в толк, что с ним случилось. Неужели тут так опасно сидеть и так его напугали полицай? Или он недоволен ею? Может, он жалеет и раскаивается, что пошел за ней из отряда? Что с ним случилось за это утро, почему он так вдруг переменился, обвял и стал так мало похож на себя прежнего? – думала Зоська.

Пока Зоська обувалась в каморке, Антон, перебежав через наметенный в обору сугроб, глянул в одну дверь, в другую и вдруг, подавшись назад, обмер за обгорелой притолокой. В полутора шагах от оборы небыстро тащились по раскисшему снегу двое саней с седоками в черных шинелях. Антон сразу понял: полицаи. В обору долетали обрывки их разговора, смех, кто-то, матерно выругавшись, с ожесточением хлестнул кнутом лошадь.

Стоя за притолокой, Антон, однако, быстро опомнился от первого испуга, поняв, что полицаи направлялись не к ним, а мимо, по какой-то своей надобности, в сторону Немана. На обору никто из них не обратил внимания, ночных следов в снегу нигде не осталось, все хорошо заровнял снегопад. Антон перевел дыхание и вслушался в долетевшие с дороги слова, но смысл разговора уловить было трудно. Однако первое услышанное слово заставило его насторожиться. Он явственно разобрал «Сталинград», потом еще раз произнесенное кем-то из полицаев это же слово и едва различил затем «дали» или, может быть, «взяли». Это его заинтересовало. Он напряг все свое внимание, но ветер относил слова в сторону, и ему удалось разобрать еще лишь «наступление». Далее, сколько он ни вслушивался, понять ничего не мог – сани отъехали далеко и вскоре совсем скрылись на повороте дороги за каменным углом оборы.

Опасность вроде бы миновала, полицаи уехали, но Антон все еще стоял у притолоки, озадаченный и заинтересованный тем, что услышал. В каком смысле они упоминали о Сталинграде? Что значит «дали»? Сдали или, может быть, взяли? И что может означать «наступление»? Чье наступление? А возможно, они говорили: отступление? Нет, скорее всего смысл был в том, что немцы предприняли новое наступление на Сталинград, где всю осень шли ожесточенные бои, и, наверно, взяли наконец этот далекий город на Волге.

Но что же тогда получалось?

Совершенно растерянный и озадаченный, он вошел в каморку, все продолжая ломать голову над этой полицейской шарадой. Зоська спрашивала его о чем-то, но он не слушал ее, он думал, что все это может означать для него лично. Конечно, сколько-нибудь убедительных фактов у него не имелось, были только загадки. Но он особенно и не нуждался в фактах, он уже был подготовлен к единственно приемлемому для него выводу: надо спешить! Надо, пока не поздно, кончать с партизанством, позаботиться о собственной голове, пока она еще на плечах, и внедряться в новую, на немецкий лад, жизнь, коль ничего не вышло с советской.

– Зось, ты понимаешь? – сказал он, не поворачивая к ней головы. – Немцы Сталинград взяли.

Он думал, что Зоська начнет сокрушаться или даже заплачет, он бы тогда ее утешил. Но, к его удивлению, она только моргнула и с наивным видом спросила:

– Это когда?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Слышал, полицаи там разговаривали.

– Враки, наверно, – подумав, сказала Зоська. – Хотя, может, и правда. Столько понахапали, что им. Сила!

– Сила, да, – согласился Антон, не совсем представляя, как ему вести разговор дальше. Он не ожидал со стороны Зоськи такой легкости по отношению к главной сути его вопроса и мучительно подыскивал в уме возможные подходы к главному. Зоська же, вроде безразличная к его известию, деликатным прикосновением холодных пальцев запахнула на нем колушок.

– Застегнись, а то холодно. Полицаев много поехало?

– Человек шесть, наверно.

– Поехали мимо?

– Ну. Тут рядом дорога.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Это хуже. И печку затопить нельзя?

– Печку нельзя, – сказал он и добавил не очень решительно: – Может, выйдем и потопаем в Скидель?

– Днем? Ну что ты...

Нет, кажется, она оставалась при прежнем решении, подумал Антон, и намерена выполнять данное ей задание. А то, что вот-вот могла окончиться война и немцы всей своей мощью навалятся на их пушу и, как зайцев, перестреляют всех партизан, этого она вроде бы не допускала и в мыслях.

– Слушай, а ты знаешь, где находится Сталинград? – спросил Антон.

– Далекo, – сказала Зоська.

– Вот это ответ! – кисло усмехнулся Антон. – В школе за такой ответ ставили двойку.

Антон встал, надел в рукава кожушок. Зоська, стоя напротив, положила руки ему на плечи.

– Мы же не в школе, Антоша. Мы свой экзамен сдали, – сказала она со вздохом.

– Как бы не так, – сказал он и нетерпеливо высвободился. – Кажется, главный экзамен еще впереди.

– Наверно, – охотно согласилась Зоська. – Так трудно добраться до этого Скиделя, а там что будет – одному богу известно.

– Вот именно, – подтвердил он и спохватился, поняв, что каждый из них имеет в виду свое. – Поэтому слушай. Давай, пока есть время, обмозгуем все. Чтоб в дураках не остаться.

– Давай! – сказала она. – Только... Ты побудь, я на минутку...

Она выскользнула из каморки, тщательно притворив за собой дверь. Антон стоял, занятый своими мыслями, они кружились возле Зоськи, от благоразумного поведения которой слишком многое зависело в его решении. Конечно, он понимал, что прямолинейности партизанского мышления в ней будет достаточно, видно, не так просто склонить ее к единственно правильному выводу, придется, пожалуй, начать издалека и постепенно подвести к неизбежному. Главное, чтобы она поняла всю безнадежность их партизанских мытарств, несравнимость их скромных сил с силой фашистского гиганта, с которым не может справиться вся Красная Армия. Зоська к тому же не вправе забывать, что в Скиделе у нее мать, и должна понимать, какой опасности подвергает ее как партизанка. Если до сих пор все в этом смысле сходило благополучно, то это вовсе не значит, что немцам или полиции в конце концов не станет известно, где находится доченька одной скидельской мамы. Антон чувствовал, что в этом был его главный козырь и он выбросит его под конец, если не подействуют все прочие козыри. Правда, в его неплохом продуманном плане было одно уязвимое место: то, что касалось Копыцкого. Как он отнесется к Голубину и его подруге, когда те явятся на жительство в Скидель, все-таки оставалось неизвестным. И даже если сам он отнесется к ним благосклонно, то как на это посмотрят его начальники, немцы?

Антон топтался на примятой соломе каморки, задумчиво глядя под ноги. В глаза ему попался растоптанный окурок на полу, нагнувшись, он подобрал его и понюхал. Это был окурок немецкой сигареты – тонкий, из желтоватой бумаги, хотя, конечно, курить тут мог кто угодно – от немцев до партизан, наверное, народу тут перебивало немало. Беглым взглядом Антон окинул выпиравшие из стены гранитные бока камней и под окошком в углу увидел грязный обрывок бинта. Потянул за него – из-под соломы вытянулся целый клубок замусоленных, ссохшихся от крови бинтов, которые он брезгливо отбросил в сторону носком сапога и стал затапливать поглубже в солому. В это время в каморку вбежала Зоська с неестественно бледным лицом.

– Антон! Там...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Что такое?

– Там убитые!

Убитые – не живые, убитых можно было не бояться, подумал Антон, убирая руку из кармана с наганом. Зоська выскочила из каморки, и он не спеша пошел за ней через языки снежных суметов в дальний, с обрушенной крышей, конец оборы.

– Вот, видишь? Я гляжу, думала – камни, подхожу, а это убитые. Глядь, боже! Да это же наш Суворец! – вся содрогаясь от волнения, говорила Зоська.

Антон подошел к стене, где в сумраке нависшей полуобвалившейся крыши за грудой камней лежали убитые.

Действительно, один из них был Суворец. Антон сразу узнал его по венгерскому песочного цвета кителю со множеством пуговиц на борту – такого шикарного кителя не было ни у кого в отряде. Других признаков удалого подрывника осталось немного, разве что его непокорная, всегда распадавшаяся надвое шевелюра, которая теперь была примята и смерзлась от залепившего ее снега. Суворец лежал на спине вдоль стены, раскинув босые, в грязных потеках ноги, с правого бока чернела у него рваная дыра в кителе. Видно, еще у живого из нее наплыло много крови, которая темной лужей смерзлась на грязном, в навозе, земляном полу. Рядом, привалась правым плечом к стене, сидел, согнувшись и низко уронив голову, другой партизан, в грязной голубой майке. Все верхнее с него было снято, и в майке на спине чернели три кровавых дыры от пуль, вышедших где-то спереди, – все там у него, на груди, животе и коленях, было залито заскорузлой спекшейся кровью. Этого второго Антон знал мало, даже не помнил его фамилии, он появился в отряде недавно, говорили, какой-то комсомолец из местных.

– Вот видишь? Антон! – схватила его за руку Зоська. – Это как же? Ведь это же их убили?

– Ну, понятно, убили. Не удавили же, – сказал Антон и тронул сидящего за плечо. Труп, покачнувшись на коленях, мягко завалился на бок, не двинув ни одной закостеневшей конечностью, – поджатые к животу руки и согнутые в коленях ноги так и остались в прежнем, согнутом, положении.

– В спину. Видишь, из автомата сзади. Полицейская работа, сразу видать, – сказал Антон и посмотрел на Зоську, которая изменилась в лице; Антон переживал тоже, но не очень сильно. Он уже разучился сильно переживать за других, настало время позаботиться о себе. Чтобы не пришлось кому-либо переживать за него самого.

– Антоша, как же так? Они ведь пошли в Лиду, как же они оказались здесь? И где остальные? Ведь никто же из шестерых не вернулся.

– Теперь как узнаешь? – сказал Антон. – Теперь тут все – темный лес.

– Слушай, а почему полицаи их не забрали? Почему здесь оставили? – не унималась с вопросами Зоська, кажется, готовая вот-вот заплакать. Обеими руками она вцепилась в колушок Антона.

– А я откуда знаю? Может, для приманки. Вот мы пришли, а они и нагрянут. Кто их, сволочей, знает.

Зоська, побледнев, во все глаза смотрела на Антона.

– Что же нам делать, Антон? – испуганно вопрошала она.

– Черт его знает, что делать. Пойдем пока отсюда.

Они перелезли через обрушенную со стены груды камней и вернулись в свой конец оборы. Зоська все оглядывалась, остро переживая гибель знакомых людей, у Антона же было такое чувство, словно он попал в западню и не спешит из нее вырваться. Он уже знал по опыту, что промедление никогда не сулит хорошего и запросто может погубить любого. (Не оно ли погубило в этой оборе и Суровца?) Вполне возможно, что полицаи при случае или регулярно навевываются в это одинокое в поле убежище и кое-кого застают тут. Нет, надо скорее смываться отсюда, думал Антон. Но как

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
смоешься, когда в этом поле ты виден на пять километров и в любой момент тебя
могут настичь полицаи?

– Придется пока торчать тут, – сказал он, заглядывая в широкий проем сорванных с
петель ворот. – Только наблюдать надо. А то...

Зоська поняла и тоже остановилась, выглянув на ветреный снежный простор. Поле
перед оборою лежало пустое, с едва заметным отсюда следом саней на дороге; в
ворота задувал промозглый, насыщенный влагой ветер; рыхлый, нападавший за ночь
снег всюду осел, будто подтаял; кустарник возле оборои резко зачернелся на его
белизне; с толстых сучьев мощного вяза то и дело валились вниз мокрые комья
снега. Там где-то, на невидимой из оборои верхушке, возилась и громко кричала
ворона.

– Цыц, зараза! – сказал Антон, подумав, что ворона теперь ни к чему, ворона
может их выдать. Подняв из-под стены обломок стропила, он ступил на шаг из ворот
и замахнулся. На вязе, оказывается, расположилась целая воронья стая, Антон
запустил палкой – вороны одна за другой нехотя снялись и низко полетели куда-то
за обороу.

– Зося! – сказал Антон, возвращаясь в обороу. Зоська все еще с бледным лицом
внимательно посмотрела на него, и в этом ее взгляде была бездна безысходной
печали. – Зося! Ты понимаешь наше положение? – сказал он, тоже заглядывая ей в
глаза.

– Ну, понимаю, – тихо ответила она.

– Нет, ты не понимаешь, – сказал он. – Если действительно Сталинград взят, то...
войне конец. Или они замиряются, или... Ведь России ничего не остается. Сибирь?
Но что в той Сибири? Ведь они зашли вон куда, за Москву. Ты понимаешь?

– Я понимаю, – по-прежнему тихо ответила Зоська.

– Поэтому чего же мы дождемся в этой Липичанской пуще? Они же нас собаками
перетравят. Если мы раньше с голоду не дойдем.

Зоська слегка отвернулась от него и с прежней горькой тоской в глазах глядела из
ворот в пасмурную даль поля, на котором поблизости решительно ничего не было,
лишь вдали по горизонту тянулась сизая полоса леса.

– Может, и так, – горестно сказала она.

– Так вот, малышка! У тебя в Скиделе мать, у меня там, я говорил тебе,
начальником полиции Копыцкий, мой землячок из Борисова. Он должен помочь. Давай
останемся у тебя. Будем жить, как люди, как муж и жена. Я же полюбил тебя,
Зоська.

Кажется, он сказал все и, осторожно обняв ее за плечи, привлек к себе, не
почувствовав, однако, ответного ее движения. Зоська ничем не выказала ни
радости, ни несогласия. Она будто одеревенела в его руках, и он тихо воскликнул,
вложив в свое восклицание всю ласку, на которую был способен:

– Зоська!

– Да, – вздохнув, сказала она. – Ты это пошутил? Ведь пошутил, правда? – и
отстранилась, деликатно, но настойчиво высвобождаясь из его рук.

– Нисколько! Я вполне серьезно.

Она сделала три вялых шага и остановилась у притолки, все наблюдая за полем.
Антон снова порывисто обнял ее сзади и легонько поцеловал в щеку.

– Не надо, Антон.

– Ну как же... Ведь я люблю тебя.

– За это спасибо. Но... То, что ты предлагаешь, в другое время было бы... было
бы счастьем. А теперь...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ну а теперь что?

– А теперь подло. И даже больше, чем подло.

– Чудачка! – сказал он, почувствовав, что начинает нервничать. – Вот ты наслушалась пропаганды... А ты не подумала, кроме всего, о своей матери? Что с ней будет?

– Не знаю, что будет, Антон, – каким-то чужим, изменившимся голосом сказала Зоська. – Но в такое время бежать из отряда... Знаешь, так даже шутить нельзя. Это чересчур страшно.

– А я тебе говорю, самое время. В отряде оставаться больше нельзя.

– Время действительно трудное. И потому бежать – это предательство. Это ты сказал не подумав.

– Нет, я все хорошо обдумал. Я хочу сохранить тебя, и твою маму, и себя, конечно. Иначе, ведь ты понимаешь, мы все обречены на гибель. Как те вон, – кивнул он в дальний конец оборы.

– Что ж, возможно, – согласилась Зоська, во второй раз ставя его в тупик. Он больше всего боялся, что она не поймет его доводов, а она, оказывается, доводы хватала на лету, но никак не могла принять следовавшие за ними выводы.

– Возможно, возможно! – начал терять рассудительное спокойствие Антон. – Так что же ты хочешь? Погибнуть? Может, тебе жить надоело?

Зоська со вздохом повернулась к нему лицом и взяла его за большую пуговицу на кожушке.

– Антон, ты понимаешь... Кому жить не хочется! Я совсем и не жила еще. Но что же ты предлагаешь? Идти к фашистам? Что же это такое? Это же хуже смерти. Тут надо потерять всякую совесть. Они же чума двадцатого века. Против них поднялся весь мир. С ними жить невозможно, они же звери.

– Ну, это смотря для кого звери. Если с ними по-хорошему...

– Ты смеешься: по-хорошему? Они вон перебили столько и тех, кто к ним по-плохому, и тех, кто по-хорошему, и тех, кто никак. Люди для них – скот на убой, а не люди.

– Ну ладно! – сказал он нетерпеливо. – Я разве говорю, что они золото? Но у нас нет выбора. Что же нам делать? Они – сволочи, но они побеждают. И мы вынуждены с этим считаться.

– Во-первых, еще не победили. И победят ли, это еще неизвестно. Даже если взяли Сталинград и если возьмут Москву. Есть еще Урал. Сибирь...

– Что в той Сибири?..

– Мы – люди. И мы никогда их не примем, даже если они и победят. Ты говоришь: нет выбора. Выбор есть: или мы, или они. Вот в чем наш выбор.

– Да-а, – сказал он, помолчав. – Здорово, однако, тебя напропагандировали.

– Пропаганда тут ни при чем. Я сама это знаю. Потому что глаза имею и уши. Поэтому давай не будем. Давай забудем этот дикий наш разговор.

– Разговор можно забыть, – упавшим голосом сказал Антон. – Да от этого легче не будет. Надо делать что-то.

Он был разочарован и опасался, что все испортил, пойдя вот так, напрямик. Кажется, надо было иначе, тоньше и с подходом. А он в лоб ляпнул свое предложение. Теперь вот получай. Теперь он и не знал, с какой стороны к ней подступиться. Кажется, все свои козыри он уже выложил в этой игре и ни на шаг не продвинулся к цели.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Антону надоело топтаться на мокром снегу у ворот, и он, отойдя подальше, нашел подходящий камень, подкатил его ближе к выходу и сел, прислонившись к стене. В трех шагах от него с подавленным видом стояла Зоська. Было очевидно, что отношения между ними обретали новый характер и следовало немедленно что-то предпринять, чтобы еще спасти их и заодно себя тоже. Но Антон, кажется, зашел в тупик и просто не знал, что можно было предпринять, чем подействовать на эту строптивую упрямыцу.

– Зось! – сказал он после длительной паузы. – Я думал, что ты меня действительно любишь.

– В том-то все и дело, – быстро обернулась она. – Иначе был бы другой разговор.

– Это какой же?

– Простой. Разве бы я смогла с тобой так разговаривать?

– Как?

– Так терпеливо. Переубеждать тебя.

– Меня, знаешь, переубеждать не надо.

– Нет, надо, Антон, – сказала она, опускаясь перед ним на корточки. – Это у тебя блажь. Минутная слабость. Это убитые на тебя так подействовали. На меня, знаешь, тоже... подействовали. Может, правда, в обратном смысле.

– В каком же?

– А, знаешь, самой жить расхотелось.

– Вот это и видно!

– Нет, ничего тебе не видно, Антон. Знаешь, иди-ка ты назад в отряд. В случае чего я подтверждаю, что ты был со мной. Скажу, что я попросила тебя проводить...

– Чудачка! – невесело усмехнулся Антон. – Ты сначала вернись после всех твоих заданий.

– Постараюсь, – сказала она.

– Постарайся! Этого мало. Суметь надо. А ты такая умелая...

– Да, я не очень умелая, признаюсь. Но...

– Вот. И не агитируй меня. Я в отряд не вернусь, – жестко сказал Антон. – С меня хватит. Я воевал честно все восемь месяцев. Но – буде! И тебя не пущу.

– Ты шутишь? – сказала она странно похолодевшим голосом.

– Нисколько!

Антон вскочил с камня, выглянул из ворот. Его охватила решимость. Только она могла помочь ему сладить со своей судьбой и с этой упрямой девчонкой. Пусть вопреки ее воле. Но он знал, что с девчонками всегда обращаются вопреки их воле, и те потом не обижаются. Некоторые даже благодарны всю жизнь. Надо лишь действовать решительнее, меньше слушая их неразумный лепет и причитания.

11

Остаток этого ветреного зимнего дня они проторчали на стуже за притолокой широких ворот, не сводя глаз с поля и дороги. Но в поле везде было пусто, а на дороге лишь один раз проехали сани с двумя мужиками, и больше никто не показывался. Зоська, немного всплакнув, чувствовала себя совершенно убитой, соседство мертвых подрывников, которых они не могли даже захоронить, подействовало на нее удручающе. Но больше всего ее заставил страдать Антон. В том, что он задумал злую нелепость, у нее не было никакого сомнения, но она не

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru находила способа, как отвратить его от этой нелепости. Все ее доводы он тут же отвергал с легкостью, руководствуясь собственной, в общем, неплохо отработанной логикой, за которой было естественное для человека желание выжить. Но каким образом?

Зоська тоже очень хотела выжить, но тот способ спасения, который усиленно навязывал ей Антон, она принять не могла. Он же упрямо не соглашался ни на какие ее уговоры и не внимал никаким ее увещаниям.

И стало так, что за время, когда они, то и дело опасливо возвышая голоса, спорили и когда подолгу угрюмо молчали за своей притолокой, Зоська почувствовала, как в ее глазах начала убывать человеческая ценность Антона. Порой он вызывал в ней жалость обидным неразумием простых, как снег, истин, а порой и презрение своим явно сквозившим расчетом. Боясь окончательно поддаться этому недоброму к нему чувству, Зоська сдерживала себя, ей начинало казаться, что в основе конфликта между ними лежит не его намерение, а какое-то недоразумение, что стоит ему что-то объяснить, как он станет прежним. И она, все пытаясь растолковать ему его заблуждения и не в состоянии сладить с его упорством, думала: какой же он в самом деле? Такой, каким ей показался вначале – сильный, участливый, все умеющий партизанский парень – или напуганный за свою жизнь шкурник, который вознамерился и ее склонить к шкурничеству? Правда, пока он не сделал ей ничего плохого и вел себя, как обычно, только говорил не совсем обычные для нее слова. Но от этих слов ей становилось страшно.

Так что же ей делать, что делать?..

Было, однако, очевидно, что, кроме как сидеть тут в ожидании ночи, пока ничего сделать нельзя, и они то молчали, то вполголоса спорили, то зябко топтались за притолокой, стуча зубами на промозглом сквозном ветру. Но вот день подошел к вечеру, в поле стало заметно темнеть, дорога, ведущая на далекий большак, лежала пустая, и Антон глубже надвинул на голову шапку.

– Так, ладно, – сказал он в ответ на какие-то свои мысли. – Пошли!

Зоська сильно озябла и едва сдерживала дрожь в настылом теле, все в ней рвалось из этой проклятой оборы, но из ворот она вышла не сразу, ноги вдруг потеряли легкость, и она робко ступила на мокрый осевший снег. Ее прежнее расположение к Антону убывало по мере того, как убывал этот день, и к вечеру его осталось немного. Ей уже не хотелось идти за ним, в мыслях царило смятение, в пору было поворачивать назад, за Неман, в отряд.

Она попыталась отогнать плохие предчувствия, сказав себе, что рано еще отступить от этого человека, оставляя его в нелепейшем заблуждении; надо еще попытаться переубедить его, не дать сделать последний опрометчивый шаг, за которым – гибель. Все-таки он был неплохой партизан и симпатичный парень, этот Антон Голубин, решившийся на такое отчасти и из-за нее тоже. И она схватилась за последнее, еще доступное ей средство.

– Антон! Постой!..

Он быстро шагал по насыщенному влагой снегу, направляясь вдоль кустарника поодаль от дороги, и нехотя остановился возле кольев ограды. Весь его угрюмый взъерошенный вид говорил: ну, что тебе еще надо? Зоська подбежала ближе, чтобы в сгустившихся сумерках лучше видеть его лицо, и не узнала его: таким оно стало чужим и недобрым.

– Антон, ты подумай!.. Я, знаешь, даю слово!.. Я никому не скажу. А ты иди назад. Хочешь, я напишу Шевчуку!.. Карандашик у тебя найдется?

– Что ты напишешь? – холодно спросил он, стоя к ней боком.

– Ну, что я тебя уговорила проводить меня. Чтобы тебя там за самоволку!..

– Также мне скажешь!.. – пренебрежительно буркнул он и, как всегда, споро зашагал вдоль кустарника.

«Что же делать? Что делать? – едва не со слезами в который раз спрашивала себя Зоська. – Неужели он уйдет? И куда? Ведь его же немцы повесят. Как он не

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru понимает этого?»

Еще подсознательно, но все определеннее она чувствовала, что идти с ним дальше нельзя, что так она просто завалит задание, подведет под петлю людей, себя и, вполне вероятно, – маму. Что Антон в таком его состоянии – словно бы пьяный или хуже пьяного, что он может натворить такого, чего сам не ожидает. Но он, как и вчера, казалось, нимало не беспокоясь, уверенно шагал по снежной целине к недалекому уже Скиделю. Заволоченное облаками небо быстро темнело, снег внизу лежал белой нетронутой целиной, дул свежий западный ветер, принесший промозглую ростепель и за день превративший свежесвыпавший снег в хлюпкую кашу, в которой быстро промокли Зоськины сапоги. Идти было трудно, ноги проваливались до самой земли, но она немного согрелась и пошла медленнее. Антон ушел далеко, однако она видела на снегу глубокие его следы и не боялась отстать, а догонять его ей не хотелось. Она даже подумала, что, может, он так и уйдет один, оставив ее в ночи, и не испугалась этой своей мысли. Чем-то она даже понравилась ей, эта мысль.

Но он не ушел один. Шагая впереди, он все-таки находил время оглянуться и, наверное, заметив, как далеко она отстала, приостановился возле опушки. Впереди был молодой хвойный лесок, справа лежало голое равнинное поле. Зоська не помнила этих мест, но чувствовала, что Скидель совсем где-то рядом. Идти оставалось час или два, и за это время ей предстояло что-то решить. Она уже знала, что идти с ним в Скидель просто не имела права.

– Ну, что ты отстаешь? – спросил он с упреком, когда она подошла ближе. – Или устала?

– Ногу натерла, – неохотно ответила Зоська. Действительно, в левом ее сапоге толстым узлом сбилась портянка, которая больно натирала стопу на подъеме.

– Так переобуйся.

Еще не зная, что предпринять, Зоська быстро огляделась окрест – далеко впереди на лесной опушке, ей показалось, блеснул огонек.

– Там что – деревня?

– Там? – Антон вгляделся в плотно осевшие на снег зимние сумерки. – Деревни тут не должно быть. Хутор, наверно.

– Зайдем на хутор, – сказала она.

– Зачем? До Скиделя вон пять километров.

– Ну зайдем. Мне надо.

– Вот еще! Зачем тебе хутор? Придем на место, там можно посушиться и вообще...

Но она быстро пошла вперед вдоль опушки на робко мерцавший вдали красноватый огонек. Она не знала, зачем ей был нужен этот одинокий хутор, но чувствовала, что нельзя ей теперь идти в Скидель и надо протянуть время.

Они долго шли по раскисшему снегу вдоль леса на то исчезавший, то снова появлявшийся далекий огонек в чьем-то окне. Зоська уже не старалась заговорить с Антоном, она тихонько плакала, украдкой смахивая пальцами слезы. Это же надо так все испохабить в ее и без того непростой дороге, думала она про Антона, чувствуя себя глубоко уязвленной и обманутой. Оказывается, она нужна была ему для шкурнического его намерения, а вовсе не потому, что он полюбил ее. Хотя... Все-таки он не отказывался от нее – наоборот, он готов был разделить свою судьбу с ней, и она была не против, она даже была бы рада. Если бы только он оставался прежним партизанским парнем Антоном Голубиным. Но ведь он вознамерился перемениться – как с этим могла согласиться Зоська?

И помимо всего прочего, он порол явную глупость со Скиделем, потому что немцы никогда ему не простят его партизанства и рано или поздно повесят с биркой на шее. Напрасно он надеется на какого-то своего земляка. В таком деле никакой земляк не поможет.

Надо было задержать Антона. Как это сделать, Зоська еще не знала. В то же время

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru она чувствовала, что сама уже сильно опоздала, что так могут пройти все сроки ее задания. Но теперь ей было не до сроков. Под угрозой находились она и ее задание.

Огонек вдаль исчез, они долго ничего не видели в темноте, кроме неясного серебристого в ночи снежного поля и шумящей на ветру хвойной опушки рядом. Но опушка тянулась и тянулась куда-то в снежные сумерки, пока за очередным поворотом перед ними опять не появился крохотный красноватый огонек в окошке. Под самым лесом ютилось несколько хуторских построек, чернел на снегу пунктир изгороди, и в темном небе на сучьях старых деревьев тускло белел снег. Антон остановился, Зоська тоже придержала шаг – с хутора донесся скрип колодезного журавля и неясно послышался шум переливаемой из ведра воды.

Антон, ничего не сказав, направился вдоль ограды к постройкам, и Зоська, немного отстав, пошла следом. По-видимому, они зашли с тыльной стороны усадьбы, от леса; хату и окошко с огоньком скоро прикрыли снежные крыши сараев, появилась банька на отшибе. Под низкой стеной у избы лежала покрытая снегом куча бревен, видно, заготовленных на дрова или на какую-нибудь постройку. Антон только обошел эти бревна и почти столкнулся с человеком в кожухе, несшим в обеих руках два деревянных ведра воды.

– О, полные, удача будет! – вместо приветствия шуточно воскликнул Антон. Человек остановился, молча поставил ведра на снег, рассматривая в полумраке ночного прищельца. – В хате чужих нет? – тихо спросил Антон.

– Не, нема, – глухим голосом ответил человек.

– Хозяин? – кивнул Антон.

– Так, так.

– Ну, приглашай в хату. Погреться надо.

– Проше, проше пана, – не очень, однако, обрадованно проговорил хозяин. Оставив на снегу ведра, он поспешил к дощатому очищенному от снега крыльцу, открыл низкую дверь. – Проше пана.

Переступив вслед за Антоном порог, Зоська очутилась в просторном тристене, хозяин закрыл за ней дверь, и она огляделась. Напротив входа топилась печь с большими закопченными чугунами у огня – наверно, на корм скоту, подумала Зоська. Возле печи с ухватом в руках стояла не старая еще, белолицая женщина, спокойно и молча оглядевшая Антона, потом скользнувшая взглядом по Зоське. Из-за стола удивленно глядел на них сидевший над раскрытой книгой мальчуган-подросток, перед ним хлипко мигал огонек коптишки, той самой, наверно, которая и привела их сюда.

В избе царил полумрак, тянуло стужей от двери, дрова в печи, наверно, только еще разгорались.

– Вот передохнуть, – сказал Антон, стоя под несмутившимся взглядом женщины.

– Проше, проше, – тихо сказала хозяйка и поставила в угол ухват.

Зоська попыталась понять, куда они попали, что за люди на этом хуторе, но сразу понять что-либо было трудно. Кажется, хозяин и хозяйка разговаривали по-польски, значит, были, видимо, из местной шляхты, как понимала Зоська, всегда имевшей свое особенное отношение к миру. Светловолосый мальчишка выскочил из-за стола и услужливо придвинул поближе к гостям стоявшую у стенки скамью.

– Проше пани и пана сядать, – с ласковой напевностью в голосе сказала хозяйка.

– Сядем, – сказал Антон. – Садись, Зоська, переобувайся. Погреемся немного.

Зоська с удовольствием опустилась на гладкую дубовую скамейку, стянула раскисший сапог. Мальчик опять сел на свое место у коптишки.

– Что читаешь? – спросила Зоська, заглядывая в книгу.

– Я? – преодолевая смущение, переспросил мальчик. – «Таямничий острив», –

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ответил он по-белорусски.

– Знаю. Хорошая книга.

– Ага. Только конца нет. Конец тут выдранный, – сказал, смущаясь, мальчишка.

– Конец, проше пана, выдранный, так он ее четыре раза прочел. Уже почти наизусть знае, – сказала от печи хозяйка.

В ее тоне Зоське послышалось чуть-чуть прикрытое удовлетворение необычным пристрастием сына-читателя.

– Так если бы конец был, – грустно протянул мальчишка, играя с потрепанной книгой. Зоська поправила портянку и с усилием натянула мокрый сапог.

– Так ты и не знаешь, чем кончилось? Я тебе сейчас расскажу. Тебя как звать?

– Вацек.

– А ну дай книгу, Вацек.

Она придвинулась ближе к коптилке, взяла у мальчика книгу. Хозяйка подошла к столу и с явным интересом наблюдала за гостьей и сыном. Глянул в книгу и Антон. За их спинами в полумраке таилось заросшее щетиной лицо хозяина.

– Так. На чем тут обрывается? Ага, взрыв острова. Ну вот. А дальше люди бросились в море. Корабль ведь они достроить не успели и спасались на рифах. Гибель, казалось, была неотвратимой. Но в самый последний момент на горизонте появился корабль капитана Гранта. Грант плыл за Айртоном...

– А, чтобы снять его с острова? – догадался Вацек.

– Вот-вот. И капитан Грант спас всех.

С редким для подростка вниманием в серых, широко раскрытых глазах Вацек следил за каждым движением ее лица, ловя каждое ее слово, и этот его взгляд и его внимание живо напомнили Зоське довоенных ребят в Скиделе, которым, случалось, она тоже читала интересные книжки. Всего полтора года прошло с той мирной и полной надежд поры, а как все круто изменилось в мире. И, наверное, изменилась она сама. Куда только девались ее молодой задор, постоянная легкость в жизни. Все придавила, оплевала, растоптала война.

– Любишь книжки читать? – спросила Зоська.

Вацек протяжно, по-взрослому вздохнул и закрыл книгу.

– Люблю, но негде взять книжек. У Стасика Кемпеля было три, так я их уже прочитал...

– Проще, пани, пробачить, – мягко вмешалась в разговор хозяйка. – Вацек был отличник в школе, грамоту имеет. Стэфан! – в несколько другом тоне обратилась она к мужу. – Покаж пани грамоту.

– Так, кохана...

Стэфан послушно исчез где-то во второй половине избы, и хозяйка спросила у Зоськи:

– Далеко пани идет?

– Нет, не далеко, – ответила Зоська. – Тут рядом. Да вот ногу натерла.

– Ой, ой, как не добже в дороге. Надо ехать, пани.

– Ну зачем? Мы пешком...

– Наверно, пани с паном ядать хотят? – с ласковой певучестью в голосе спрашивала хозяйка.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Спасибо. Мы, знаете...

– А что? Мы не против, – подхватил Антон. – Грех от еды отказываться.

Из другой половины избы вышел хозяин с завернутой в старую газетку школьной грамотой сына, но не успел он развернуть газетку, как хозяйка распорядилась:

– Стэфан, несь млеко, сало...

– Так, кохана, – заученно ответил Стэфан, почти выбегая из тристана.

Зоська не очень внимательно пробежала несколько строчек грамоты отличника пятого класса и передала грамоту Антону. Кажется, они сделали правильно, зайдя на этот хутор. Судя по первому отношению, хозяева были приветливые и добрые люди, а главное, ни о чем не спрашивали и, наверно, мало интересовались, кто их ночные гости. Только хозяйка спросила, куда идут, но это слишком обычный вопрос в таких случаях, за которым, пожалуй, не было ничего, кроме простого любопытства.

Хозяйка тем временем стала быстро накрывать на стол, разостлала коротенькую льняную скатерку, достала из шкафчика несколько чистых глиняных мисок, деревянные ложки. Потом взяла краюху ржаного хлеба и стала ее кроить, приставив к груди, – в точности, как это делала Зоськина мама. Платок она сдвинула с головы на плечи, и ее белое, моложавое лицо с тонкими морщинками у губ светилось спокойной сдержанной добротой. Такие женские лица всегда нравились Зоське, хотя и встречались они в это суровое время нечасто.

– Проше сядать, пани. И пана, – приветливо пригласила хозяйка Антона.

Зоська подвинулась дальше за стол, из-за которого сразу, как только стали его накрывать, скромно удалился вацек, рядом уселся Антон. Трудно дыша от спешки, в хату ввалился хозяин с крынкой молока и большим куском сала в заскорузлых пальцах. Хозяйка, как показалось Зоське, со стыдливой поспешностью выхватила у него этот кусок и не спеша отрезала от него на столе несколько крупных ломтей.

– Проше ядатель, проше. Мы люди небогатые, но гостям радые.

Зоська про себя усмехнулась наивной, хотя и чистосердечной претензии на шляхетско-польское обращение их хозяйки, польский язык которой, изрядно пересыпанный местными белорусскими речениями, выдавал в ней здешнюю уроженку, разве что католичку. По тому, как покорно и молчаливо стоял в стороне хозяин, словно ожидая ее распоряжений, Зоська поняла, кто здесь главнее. Впрочем, главенство хозяйки не казалось грубым или оскорбительным, она исполняла его с вполне подобающим в таких случаях тактом. Хозяин к тому же, видно, привык к своей участи подчиненного и не очень страдал от того.

Они быстро съели по миске гречневой с молоком каши, выпили горячего, заваренного сушеной малиной чая. Вацек деликатно стоял в сторонке, и Зоська пригласила его к столу, где он за компанию с гостями тоже принялся пить чай. Все тут было легко и, в общем, приятно у этой опрятной гостеприимной хозяйки, которая угощала их душевно и просто, словно давно и хорошо знакомых людей. Зоська старалась не разговаривать с Антоном, который тоже молчал и с озабоченным видом ел все, что было на столе. Зоська напряженно думала, что делать, когда ужин будет окончен? Здесь, при свидетелях, они не могли больше объясняться, хотя все объяснения, кажется, были окончены. Важно было определить также, за кого их принимает хозяйка: за партизан или каких-нибудь полицейских агентов. А может, ни за тех и ни за других, а просто за двух мирных людей, направлявшихся по каким-то своим делам и застрявших в дороге. Это было бы самое лучшее. А если не так? Все-таки хутор у самого леса и поблизости от местечка, наверно, они тут не первые гости.

Душевная тревога сильно омрачала эту неожиданную теплоту гостеприимства, которое все же кончалось. Зоська, однако, хотела как можно дольше протянуть время на этом хуторе, может, даже заночевать тут. Но Антон, по-видимому, был настроен иначе и, съев вдобавок ко всему кусок хлеба с салом, принялся благодарить хозяйку:

– Ну, пани, спасибо! Так накормили, дай вам Бог здоровья.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– И пану нех БОГ дае здравья.

– Пану БОГ даст, куда денется. Как говорится, обогрелись и пора в путь-дорожку.

Он начал выбираться из-за стола, и у Зоськи тревожно забилось сердце при мысли, что сейчас надо решиться. Надо отказаться идти с ним дальше, пусть идет, куда хочет, один.

– Может, у пана и закурить найдется? – обратился Антон к хозяйке.

– Ест, ест, – подтвердила она. – Стэфан, дай пану пшипалить.

Исполнительный хозяин без слов метнулся в другую половину хаты и вернулся с кожаным кисетом в руках. Мужчины не торопясь свернули сигарки, потом Стэфан достал на конце лучины огонек из печи, и они прикурили.

– Ну, как живется на хуторе? – поинтересовался Антон, сквозь дым испытующе следя за хозяином. Тот, вроде затрудняясь с ответом, почесал затылок.

– Так, пан. Как когда. То добже, то кепско.

На его заросшем густой щетиной лице действительно отразилось затруднение, и он тоже с подчеркнутым вниманием посмотрел на собеседника.

– Не беспокоят под лесом?

– Так. Коли не беспокоят. А коли и беспокоят.

– А кто беспокоит? Немцы? Партизаны?

– Як пану сказать? Коли так, а коли этак.

Однако тактичный мужичок, не гляди, что простоватый с виду, подумала Зоська, глядя на большую, с дымящей сигаркой руку присевшего у печи хозяина. Рука его, однако, была спокойна, и вся внешность выражала уважительное ожидание. Хозяйка убирала со стола посуду, переставила в печурку коптишку, чтобы в тристене было светлее, и не вмешивалась в разговор мужчин. Вацек низко сидел на чем-то в дальнем углу, не спуская внимательного взгляда с гостей.

– Ну что ж, нам пора, – Антон затушил в пальцах сигарку. Остаток ее он сунул за измятый отворот шапки и надел шапку на голову. – Зося!

Зося, уронив голову, неподвижно сидела в конце стола.

– Давай, потопали. Отдохнули, поели, – сказал Антон и поднялся, загородив собой половину тристена.

Медленно подняв голову, Зоська увидела обращенные к ней вопросительные взгляды хозяйки от печи, хозяина с табуретки напротив. Что-то, видно, они почувствовали в ее поведении, и это насторожило их.

– Ты иди один, – хриловато от волнения выдавила она. – Я здесь останусь.

– Хе! – сказал Антон. – Новость! Как это – останусь?

– Просто. Останусь на хуторе.

Она уже справилась с первым обезоруживающим ее волнением и обрела твердость. Главное было сделано – они размежевались, и, кажется, навсегда. Допущенное ею легкомыслие следовало исправлять, и как можно скорее.

– погоди, – спокойно сказал Антон после недолгой паузы и сделал шаг в ее сторону. – Ты это что – серьезно?

– Вполне серьезно.

– Не понимаю.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Что понимать? Я с тобой не пойду.

– Это почему?

– Ты знаешь почему.

Как в мелком ознобе, в ней все дрожало от напряжения. В ответ на деланое его спокойствие ей хотелось закричать, заплакать, но она сдерживалась, все-таки рядом были люди, которые неплохо отнеслись к ней и не знали причины того, что произошло между ними. Антон в раздумье недолго постоял у стола, потом шагнул назад и сел на скамью.

– Нет, так дело не пойдет! – со спокойной твердостью объявил он. – Так ничего у тебя не выйдет.

Хозяйка жестом услала Вацека во вторую половину избы, хозяин отошел к хозяйке, и оба они с удивлением глядели на Зоську, будто приросшую к скамье за столом. Стало тихо.

Разгоревшиеся дрова в печи гоняли по потолку и бревнам стены багровые блики. Зоська поняла, что предстоит бой, но она твердо решила не уступать.

12

Сев на скамью, Антон почувствовал, как тягуче загудело в его голове – такое с ним случалось нечасто. Пока он не счел себя одураченным, но с особенной ясностью понял, что эта строптивая девчонка еще наделает ему хлопот. Тем более затащив его на этот идиотский хутор, к этим неизвестно в чью пользу настроенным хозяевам. Впрочем, хозяев он мало опасался, он был уверен, что с ними сладит хотя бы с помощью оружия. Было бы, однако, лучше, если бы они вели себя тихо, сохраняя нейтралитет к его драме.

А драмы, пожалуй, не избежать, думал Антон. Как он ни воздерживался, а кажется, придется употребить силу, другого выхода у него не оставалось. Бросить ее тут одну он не мог: что ему было делать без нее в Скиделе? О возвращении его в отряд не могло быть и речи – из леса он уже ушел окончательно и бесповоротно. Но он рисковал оказаться ни с чем – уйдя из леса, не дойти до местечка, – а так жить было невозможно. Так что же ему было делать?

Хозяева о чем-то тихо перешептывались у печи, украдкой бросая осуждающие взгляды то на него, то на Зоську, которая словно окаменела за концом стола. Пока они не вступали в чужой для них и, наверно, малопонятный конфликт, и Антон подумал, что, возможно, удастся настроить их в свою пользу, против Зоськи.

– Вот! – кивнул он в ее сторону. – Заупрямилась женка. Понравилось ей у вас, не хочет идти.

– Я тебе не женка! – тут же резко ответила из-за стола Зоська.

– Как это – не женка? – удивился Антон. – Во, дает баба! От мужа откальвается.

– Врешь! Ты никогда не был мне мужем! – с надрывом выкрикнула Зоська и заплакала.

Антон слегка растерялся. Он всегда терялся при виде плачущей женщины и не знал, о чем говорить дальше. Но все-таки он решил придерживаться того варианта, что Зоська – его жена, затеявшая недостойную ссору с мужем.

– Ну что возьмешь с бабы! – снисходительно сказал он, обращаясь к хозяину, который с озабоченным видом топтался возле печи и никак не отреагировал на его обращение.

Зоська, однако, скоро перестала плакать, пальцами вытерла слезы, поправила сбившийся платок на голове. Антон украдкой поглядывал на нее, и несколько раз в его душе предательски шевельнулась жалость – зачем столько упрямиться? Уж он-то постарше ее и лучше разбирался в жизни, возможно, он спас бы ее от гибели и, глядишь, устроил ее судьбу. Только бы она доверилась ему. Так нет. Довела все до скандала, который неизвестно как уладить теперь при посторонних.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Зося! – сказал он и встал со скамьи. – Ну не в местечко, доведи меня хоть до околицы. Потом пойдешь, куда хочешь.

В этом была его хитрость – на окраине местечка уж он бы с ней справился. Зоська на минуту притихла, словно обдумывая его предложение, и холодно ответила, как отрубил:

– Нет!

– Я не знаю, с какой там стороны и войти, – хитрил он.

– Дорога приведет.

– Дорога-то приведет, но... Не с руки по дороге.

– У людей спросишь.

Однако, черт возьми, пока ничего не получалось. Неужели действительно ничего и не получится и ему придется одному идти в Скидель? И одному заявиться к Копыцкому? Но как бы его, одного, не приняли за партизанского шпиона, получившего задание устроиться в местечке! Копыцкий ведь тоже может в нем усомниться, не гляди, что земляк. Все-таки своя рубашка каждому ближе к телу, а в такое проклятое время недолго расстаться и с рубашкой, и с собственным телом тоже.

Нет, ему обязательно нужна была она – как жена, хозяйка будущего дома и, что важнее всего, – как заложница. Заложница, какая ни есть – гарантия для немцев и для того же Копыцкого, особенно если взять в расчет еще и ее мать. Антон уже знал, что к человеку с заложниками – семьей, матерью, детьми – немцы относились с гораздо большим доверием, чем к одиночке, у которого ни кола ни двора, а только одни, пусть самые благие, намерения. Как все деловые люди, немцы обожали гарантии.

Но вот возьми ее, эту гарантию, окаменевшую в своем диком упрямстве на скамье за столом.

Шло время, наверно, уже была близка полночь. Антон непростительно терял одну за другой все и без того немногочисленные свои возможности и начинал волноваться. Так, черт возьми, недолго и вовсе остаться с носом. Особенно если щепетильничать с этой упрямцей да оглядываться на хозяев. Но уж с хозяевами он щепетильничать не имел намерения.

– Эй ты! – резко обернулся Антон к Стефану. – Давай веревку!

– Что пан хцэ? – удивилась хозяйка, выступив вперед и как бы загораживая собой мужа.

– Давай веревку! Быстро!

Хозяйка побледнела, уставясь в его исполненное мрачной решимости лицо, а хозяин, уронив руки, стоял за ней, видно, не решаясь выполнить его требование без дополнительной команды жены.

– Я что вам сказал! – со сдержанной угрозой проговорил Антон и вытащил из-за пазухи наган.

Тихонько ахнув, хозяйка отступила назад, а хозяин, нагнувшись в темный угол возле двери, молча подал ему недлинную спутанную веревку. Антон приказал:

– Разбери! Разбери, распутай! Что смотришь, не понимаешь?

Дрожащими, ставшими совсем непослушными руками хозяин кое-как разобрал веревку, Антон сунул наган за пазуху.

– Ну, – сказал он Зоське, в ужасе откинувшейся за столом. – Пойдешь?

– Нет! Нет! Ты не посмеешь!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Я? Я посмею, черт тебя возьми! – выкрикнул он, распаляясь от своего угрожающего крика, и хватил за угол стола. Рывком он отшвырнул стол в сторону, услышав, как сзади сдавленно вскрикнула хозяйка, но он уже схватил Зоську за руку и одним точным движением подломил руку за спину. Зоська ойкнула, выгибаясь от боли и оборачиваясь к нему спиной, он сильно толкнул ее грудью на пол и, поймав вторую руку, тоже заломил за спину. Пока она причитала и дергалась, пытаясь вырваться, он быстро обмотал ее кисти веревкой, затянул узел. Она сопротивлялась, как только могла, но что для него было ее сопротивление! Связать человека он мог в минуту. Чтобы она не отбивалась сапогами, другим концом веревки перехватил еще и ноги у щиколоток.

Изрядно, однако, запыхавшись, он поднялся с пола, стараясь не слушать Зоськиных причитаний, обернулся к хозяевам. Те, прижавшись друг к другу и, наверно, помертвев от страха, стояли у печи. Но теперь он не намерен был с ними объясняться, тем более оправдываться – пришла пора действовать.

– Запрягай лошадь! Живо! – скомандовал он хозяину. Тот снова немым истуканом глядел на него, не в состоянии двинуться с места.

– Лошадь, говорю, живо!

– Так нема, пан, лошади, – наконец пробормотал он, и Антон почти закричал:

– Как нет? Запрягай, говорю, лошадь!

– Пане, не маю лошадь. Забрали лошадь...

– Кто забрал? – спросил Антон, почувствовав, однако, что его замысел еще более усложняется, если не совсем летит в тартарары. – Кто забрал лошадь?

– Не знам, пане. Люди пришли, забрали.

– Врешь! – выпалил Антон первое, что в таком случае пришло ему в голову, и снова выхватил наган из-за пазухи.

Хозяин беспомощно развел руками, вроде испуг его проходил, но появилось какое-то ранее не замечаемое в нем упрямство или даже непослушание. Кажется, он тоже переставал подчиняться.

– Пан можа стшэлить, але...

– А ну пошли! – подтолкнул его Антон, которому вдруг показалось, что все-таки он хитрит – где-то в сараях во дворе, наверно, спрятана его лошадь. – А ты – марш туда! – указал он хозяйке на дверь в другую половину избы. – Живо!

Хозяйка без слов прошмыгнула в дверь, Антон прикрыл дверь сильнее и, пошарив рукой возле печи, нашел ухват. Кажется, он хорошо подпер им дверь, туго подсунув ручку ухвата под верхнюю палку двери.

– Зажигай фонарь!

– Так, пан, нема лихтара, – снова развел руками хозяин. – Пан сам будет видеть.

«Черт возьми, увидишь там что без огня!» – выругался про себя Антон. Но у него еще было в кармане несколько плоских немецких спичек, и он толкнул дверь на выход.

– Пошли!

Пропустив хозяина вперед, он вышел за ним и задержался: входную дверь тоже надо было запереть. Но она открывалась внутрь, подпереть ее было нельзя и, кажется, нечем. Видя, как Антон возится с дверью, хозяин на ощупь нашел накидную планку и сунул ему в руки большой замок без ключа.

– От так, пане, так...

Антон запер дверь, просунув дужку замка в пробой, и они направились в хлев.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Да, в хлеву коня не было. Одна загородка совсем пустовала, в другой, когда он зажег спичку, к проходу повернула голову пестрая, лениво жевавшая жвачку корова, где-то тревожно закудахтал петух на насесте. Антон с досадой бросил в навоз догоревшую спичку.

– А с той стороны?

В другой конец хлева, отгороженного бревенчатой переборкой, вела низкая дверь со двора. Они обошли кучу навоза у входа, и хозяин, отбросив запоры, отворил и ее. Здесь воняло свиньями, слышна была их сонная возня в соломе, вряд ли тут могла находиться лошадь. Для верности Антон все-таки посветил через порог спичкой и понял: напрасно.

Но это было совсем уж нелепо. Зачем же тогда он устраивал весь этот спектакль, вязал на полу Зоську? Не нести же ее на себе пять километров в Скидель... Однако неужели же это исправное кулацкое хозяйство действительно обходилось без лошади? Или его все-таки надували, где-то упрятав лошадь, которую он просто не мог найти?

Они вышли во двор, Антон остановился. Остановился и хозяин в молчаливом ожидании того, что должно последовать дальше. Но Антон теперь решительно не знал, что предпринять. Действительно, лошади на хуторе могло и не быть, ее могли спрятать в лесу, у соседей, в ближайшей деревне. Где еще можно было искать? Антон окинул взглядом тусклые в ночи силуэты сараев и заметил на отшибе еще какую-то постройку – ток или пуню.

– А там что?

– Там? Там, пане, сено, але... – с затруднением начал объяснять хозяин.

– Ах, сено! Сено, значит, имеется, а коня нет? А ну посмотрим!

Он быстро прошел по мокрому снегу к сараю, отворил легкую, пугающе скрипнувшую в тиши дверь. Тут действительно сильно и знакомо запахло пересохшим сеном, но было совершенно темно, и он снова сунул руку в карман за спичкой.

– Не, не! – встрепнулся хозяин, предупреждающе хватая его за руки. – Не можно палить...

– Не бойся, не сожгу, – сказал Антон и все же посветил спичкой. Весь конец сарая был забит сеном, рядом стояли вилы, грабли, какие-то прислоненные к стене доски – похоже, коня не было и тут.

– Нет?

– Нема. Я пану мувил: забрали коня.

Чертовщина какая-то, подумал Антон, не зная даже, что думать дальше. Похоже, он по-настоящему влип на этом проклятом хуторе, завяз, как в болотной трясине, – ни назад, ни вперед. Оставалось разве что идти на мировую с Зоськой, может, как-нибудь улещить ее. Но для этого придется ее развязать, какой же разговор со связанной?

Узкой тропинкой они повернули к хате. Антон на минуту прислушался: не едет ли кто по дороге? Но везде было тихо, над лесной равниной лежала глубокая ночь, сильно дул западный ветер, снег под ногами таял, было сыро и зябко.

13

Когда Антон запер двери, Зоська осталась на затоптанном земляном полу и, зажав в зубах плюшевый конец воротника, беззвучно рыдала. Никогда еще за все восемнадцать лет ей не было так больно и так мучительно обидно. Короткая борьба с Антоном совершенно обессилила ее. Как ни отчаянно она сопротивлялась, все же не могла противостоять его злой мужской силе, он расправился с ней в считанные секунды, и теперь она не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой – так он туго скрутил их веревкой. Из разговора Антона с хозяином Зоська поняла его намерение и поняла также, что она пропала. Как самая последняя дура, она доверилась этому

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru шкурнику, а потом полдня сомневалась в его предательстве, еще пытаюсь в чем-то переубедить его, не дать совершить свой последний гибельный шаг. Теперь вот ее ждала расплата. Он купит себе жизнь ценой ее гибели: как глупую телку, повезет и сдаст ее на расправу полиции. Что ж, итог достоин его вероломства, равно как и ее беспросветной глупости.

Раздираемая обидой и запоздалой ненавистью к Голубину, она корчилась на боку в темном промежутке между столом и скамьей, на которой недавно сидела. Под ее мокрым плечом хлюпала холодная лужица, натекая с ее ног, и ей так хотелось завывать, закричать, позвать на помощь людей, открыть им глаза на этого лжепартизана. Но что толку было кричать, звать тут было некого. И, лишенная способности шевельнуться на полу, она горячечно металась в мыслях в поисках хоть какой-нибудь возможности выхода. Но, кажется, выхода не было, и оттого было нестерпимо обидно и больно.

По всей видимости, теперь для нее начинался другой отсчет времени, которым она не распорядилась, наоборот, время стало распорядиться ею, и ей оставалось лишь покориться его немилосердному ходу. Но она не могла покориться, все-таки она жаждала совладать с бедой, тем более что Голубин ушел, конечно, предусмотрительно заперев дверь снаружи. Она слышала его шаги на крыльце и его короткий разговор с хозяином, затем их шаги пропали во дворе, и она, перестав плакать, вслушалась. Ей показалось, он возвращается: стукнула дверь. Но это была не та дверь, за которой исчез Голубин, а та, что вела в другую половину избы. Она действительно тихонько задергалась, словно затряслась под чьей-то невидимой рукой. Зоська удивленно приподняла голову с пола – слабый огонек коптилки в печурке едва освещал мрачный потолок тристена и серый прямоугольник двери, подпертой ухватом. Но вот верхний конец ухвата будто сам по себе пополз в сторону, медленно освобождая дверь от подпора, и та наконец растворилась. В тристен проскользнул Вацек, за ним вбежала хозяйка, оба бросились к Зоське.

– Ой, панечка, панечка, тикайте...

Сглотнув соленые слезы, она встрепенулась, неудачно попытавшись сесть, ноги сразу подвернуло веревкой, за которую тут же ухватился Вацек. Упав возле нее на колени, он начал яростно дергать туго затянутый узел, и хозяйка, метнувшись к печи, сунула в его руки нож.

– Бежите, бежите, панечка!..

Мальчишка быстро перерезал веревку, ноги ее освобожденно распрямились, она вскочила, сбрасывая с перетянутых кистей намотанные остатки веревки. Она еще не вполне осознала, что это спасение, она лишь почувствовала, что возможности ее вдруг увеличились, и особенно остро поняла, что у нее появились союзники. Это сразу удвоило ее силы, она скинула с себя обреченность и устремилась к неясной еще, едва блеснувшей вдали надежде.

– Сюда, сюда...

Где-то в запечье хозяйка отбросила в сторону полосатую занавеску-дерюжку, Вацек знакомо стукнул клямкой двери, и на нее пахнуло холодом улицы – и свободой. «Спасибо!» – бросила она сдавленным шепотом и, наткнувшись на что-то в темноте и едва не упав, рванулась к спасительно замерцавшему проему раскрытой во двор двери.

Ну, конечно, здесь был ранее не замеченный ими черный ход из хаты во двор с дровосеком возле порога и разбросанными вокруг толстой колоды поленьями; чуть в стороне громоздились заснеженные комли сложенных под стеной бревен; она бросила взгляд в другую сторону – за плотом в снегу темнела на отшибе банька, мимо которой они проходили, направляясь к усадьбе.

– Туда, туда бегите! – махал ей с порога Вацек, и она через пролом в изгороди побежала к баньке.

Она бесконечно долго бежала по свежему снегу каких-нибудь пятьдесят метров к баньке, ежесекундно ожидая услышать крик или даже выстрел сзади, теперь она знала, что пощады от него ей не будет. Но приземистая длинная хата с тристеном, наверно, прикрывала ее от двора, или, может, Антон был в хлеву, искал лошадь. Странно, но в эти секунды она почти жаждала его окрика, она хотела

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru засвидетельствовать его растерянность, пусть бы себе стрелял, черта теперь он попадет в нее. А в беге она еще могла посоревноваться с ним, пусть попробует догнать ее...

Но пока он не крикнул и не бросился ее догонять, очевидно, он все еще не заметил ее побега, и она с распиравшим грудь дыханием забежала за баньку. Далее за изгородью и неширокой полосой огорода темнела в ночи высокая стена леса, который готов был спасти ее, надо лишь не терять время, пока не спохватился Голубин. Но то ли с усталости или еще почему, она не бросилась дальше, в лес, а прижалась спиной к шершавым бревнам стены, и слезы снова покатались по ее щекам.

– Ах, ты ж подлец! Ах, подлец... – сказала она себе, всхлипнув, и обмерла – со двора донесся знакомый голос Антона. Но голос был в меру спокоен, без крика и тревоги, что-то он спрашивал там, и ему тихо отвечал хозяин. Кажется, он все еще не обнаружил ее побега – они говорили о лошади. Но что будет, когда он вернется в избу и не найдет ее там? Ведь он может перестрелять всех, поняв, что она сбежала с их помощью. Боже, что ожидало эту несчастную семью?..

Она выглянула из-за угла, но во дворе между темных стен хаты и сараев ничего не было видно. Антон с хозяином куда-то исчезли, может, уже вернулись в избу. Конечно, ей следовало без промедления бежать в лес, авось он не сразу бросился бы за ней по следам, но она медлила. Ее опять словно парализовало за этой провонявшей копотью и дымом банькой, вся она тряслась от охватившей ее на ветру стужи и с ужасом ждала криков и выстрелов – теперь уже не со двора, а в избе.

– Ах, подлец! Ах, предатель!..

Не в состоянии что-либо решить и вся нервно трясясь от стужи и страха, она стояла у стены уже минуту, если не больше, чувствуя, как убывают ее с таким желанием обретенные шансы спастись... Вдруг она снова услышала голоса во дворе, и это вернуло ей часть самообладания – значит, они еще не в избе и самое страшное откладывалось еще на две-три минуты. И тогда, все вглядываясь из-за неровного угла бани во двор и постройки, она увидела на сером снегу две неясные вдаль фигуры: высокую – Антона и пониже – хозяина, которые уходили куда-то к сараям. Тут только она смекнула, что он будет обыскивать сараи, что лошади пока не нашел. Тем самым он дарил ей еще несколько скупых минут, и она вдруг поняла, что сейчас сделает.

Чуть забирая в сторону, чтобы снова прикрыться избой, она бросилась назад ко двору. Минуту назад, выбежав из двери, она видела на дровосеке вогнанный в колоду топор. Теперь, по-кошачьи крадучись возле стены, она вбежала на дровосек и схватилась за гладкое холодное топориче, обеими руками с усилием выдернула топор из колоды. Потом обогнула с другой стороны избу, перелезла через невысокий штакетник ограды, взбежала на знакомое крыльцо с увесистым замком на двери. Но на крыльце спрятаться было негде, все тут было открыто, а снова бежать через дровосек в избу у нее не было времени. Конечно, она ничего не обдумала и даже не осмотрелась как следует, но иначе она не могла. По-прежнему ее душила обида, слезы то и дело застилали ее взгляд, и она с трудом принуждала себя к осторожности. Пробежав по двору до угла, чтобы взглянуть на сараи, она тут же отшатнулась к стене – они уже шли по снегу от сараев к избе. Зоська прижалась спиной к стене и занесла топор. Их шаги приближались, сердце ее глухо стучало в груди, отдаваясь в бревнах стены, давящий комок застрял в горле. Но она не заплакала, она лишь сглотнула слезы и, как только он шагнул из-за угла, со всей силой взмахнула из-за плеча топором. Тут же она поняла – неудачно, Антон круто, по-волчьи, вывернулся и сильно ударил сам. Занесенный во втором взмахе топор стукнулся о стену и отлетел к ногам, Зоська вскричала, и он, матерно, со злобой выругавшись, опрокинул ее на снег, ударил раз и другой, приподнял, встряхнул и снова ударил.

– Ах ты, курва, твою мать! Что удумала... Ах, курва!..

Недолго, но жестоко избив ее на снегу, Антон вволол Зоську в тристен. В этот раз она не сопротивлялась, сразу сокрушенная не столько его озверелым напором, сколько своей роковой неудачей. В мыслях ее зло загорелось: «Убивай, гад!», и она сперва даже не почувствовала боли, поняв наконец, что теперь уже все. Теперь уж надежды у нее не оставалось.

– Мерзавка, что удумала! Ах, курва! – в то остывающем, то снова вспыхивающем

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru бешенстве хрипел Голубин, бросив ее на пол. – Я к ней по-доброму, а она... А вы! – вдруг выверился он на притихших у печи, растерянных и перепуганных хозяев хутора. – Ты ее выпустила, стерва! – закричал он, угрожающе шагнув к хозяйке.

– Не, не, пан! Ниц не ведам...

– Не ведам! Я тебе покажу – не ведам! Враз прикончу тут! Вместе с твоим гаденышем! Падла! И с ним тоже! – грозно обернулся Антон к хозяину. – Лошадь спрятал-таки, подлец! Теперь сам ее понесешь.

Медленно, без сил приподнявшись на полу, Зоська сплюнула кровавую слюну. Кажется, он выбил ей зуб, очень болела челюсть, заложило в боку, дышать было нечем. Пока он распинался, угрожая хозяевам, она села, немощно опершись рукой, уронив низкую голову. Из рта все шла кровь, и она думала: что будет дальше? Обозленный неудачей, он мог в любую минуту порешить всех в этой хате. Правда, за наган он еще не хватался, наверное, живые они были ему нужнее, и, прежде всего, конечно, была нужна ему Зоська. Иначе с чем он предстанет перед полицией в Скиделе? Значит... Значит, будет лучше, если он ее не довезет до Скиделя. Ей надо умереть раньше. Так будет лучше для нее самой, для тех, кто в отряде, для связных в деревнях. Наконец – для ее матери в Скиделе. Зоське надо как можно скорее умереть и тем отвести позор и большую беду от многих.

Новый поворот в ее положении осветил все другим светом, придал новый оттенок всем ее помыслам, по-иному перестроил ее намерения. Она вся притихла, собралась, сосредоточилась на своей новой цели. Теперь уж ей стало не до задания, которого она не смогла выполнить, отпали заботы о сроках, даже пропала жалость к этой вот доброй женщине и ее сыну Вацеку. Чтобы не причинить им несчастья, она должна как можно скорее уйти из жизни, в которой ее ждало худшее, чем сама смерть.

Но как это сделать?

Ее долго и подробно инструктировали, посылая на это задание, она выучила наизусть все пароли и отзывы, запомнила много имен людей, названия деревень и улиц. Она старалась узнать и запомнить все, что могло ей понадобиться, и узнала многое, кроме самого важного: как умереть в последний момент, когда жизнь обернется для нее бедой? Сидя на полу, она украдкой оглядела мрачные углы тристена, заглянула в темень под лавкой, под стол, раза два бросила взгляд на стену у порога. Там висела какая-то одежда, коромысло, старый картуз на гвозде, но не было ничего такого, что могло бы пригодиться ей. На полу валялся обрывок веревки, перерезанной Вацеком, но что теперь проку от веревки! Оставалось одно – выхватить у Антона наган и застрелить его и то было бы куда как удачно... Но если убить его, то зачем убивать себя? Ведь тогда можно будет спастись. Значит, так: убить его и спастись. Одна попытка не удалась, авось удастся другая.

Кажется, опять появилась хоть слабенькая надежда, и Зоська, немного отдышавшись, стала втихомолку следить за Антоном, который расхаживал по тристену. Она ждала, что он приблизится к ней, и тогда... В руках у нее была еще сила, пожалуй, она бы смогла выхватить наган, рукоятка которого всегда немного торчала у него из-за пазухи. Но Антон пока был занят хозяевами и на нее почти не обращал внимания, его снова заботила мысль о лошади.

– Так говори: где взять коня? – строго спросил он, останавливаясь перед хозяином. Тот недоуменно пожал плечами.

– Не ведам, пан. Нема коня. Пан видел...

– Видел! Спрятал, зараза! Теперь ты вот что... Деревня далеко?

– Яку пан мыслит деревню?

– Любую. Какая поближе. Сколько километров?

Хозяин молча переглянулся с хозяйкой.

– Деревня? Деревня ест близко. Пенть килёмэтров, – сказала хозяйка, и оба они уставились на Антона, видно, не понимая, что тот надумал.

– А хутор? Хутор ест ближе?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Хутор ест.

– Сколько километров?

– Килёмэтров два бэндзе, – сказал хозяин. – Близко ест хутор.

– Ага! Значит, так! – обрадованно решил Антон. – Ты топай на хутор и чтоб через час был здесь с лошадыю. Понял?

Хозяин вздохнул и помялся, прежде чем что-либо ответить.

– Так, пан. Але сосед не бардзо дасть конь. Много лепш бэндзе, если пан сам сходит на хутор.

– Нет, так не выйдет. Ты пойдешь, а я останусь. Понял? А будешь хитрить, не приведешь коня – сожгу хутор. Понял?

Хозяин вздохнул, хозяйка заплакала, закрыв аккуратным передничком лицо, и хозяин тихо обнял ее за плечи.

– Не тшэба, кохана. Нех бэндзе, як пан сказал. Я пшиведу коня. Нех пан чека.

– Это другой разговор, – спокойнее сказал Антон. – Только живо мне! Даю час времени.

Зоська попыталась удобнее сесть на полу, но только шевельнулась, как сильно заболело в боку, и она тихонько застонала. Она поняла, что этот час времени стал мерой и ее возможностей. За этот час ожидания обязательно надо предпринять что-то, потом, наверно, уже будет поздно. Потом возможностей у нее не останется, время будет служить только ему, работая против нее.

Но что она могла сделать?

Хозяин удобнее застегнул свой кожух, надел рукавицы и, что-то тихо сказав жене, пошел к двери. Антон придирчивым взглядом проводил его до порога и, как только дверь за ним затворилась, круто обернулся к хозяйке.

– А ну марш в ту комнату! И не шевелись мне!

Хозяйка сразу исчезла за филенчатой, оклеенной блеклыми обоями дверью. Антон окинул взглядом тристен и, наверно, не найдя того, что искал, схватил обеими руками стол, который размашисто, через все помещение двинул под дверь, надежно подперев ее из тристена.

– Вот так! Теперь пусть попробует выйти.

Они снова остались вдвоем. Зоська продолжала сидеть на едва освещенном земляном полу, стараясь не глядеть на Антона, она и без того ощущала каждое его движение рядом. Челюсть болела, наверно, напухала щека, и она тихонько поглаживала ее рукой. Подперев дверь, Антон подставил к столу топчан, ощупал и запер на крюк наружную дверь, заглянул в темное окно с запотевшими стеклами и присел на скамью. Однако что-то ему мешало, он заметно беспокоился о чем-то и, вскочив, рукой нащупал на лопатке прореху, прорубленную в коже топором.

– Зараза! – сказал он и выругался. – Убить хотела!

– Хотела! – не сдержалась Зоська. – Жаль, не удалось.

– И не удастся, – сказал он, расстегивая ремень. Однако, еще не расстегнув его, вынул из-за пазухи наган и старательно затолкал его в тесный, чем-то набитый карман брюк. Зоська во второй раз едва не застонала с досады, поняв, что вся задумка ее пошла прахом, что из кармана нагана не выхватить. И зачем она отвечала ему, может, он не обратил бы внимания на эту прореху, лучше бы отвлек его на что-либо другое.

Антон тем временем снял кожушок и при скудном свете коптилки принялся рассматривать косую, через всю спину, дыру. «Может, он станет ее зашивать,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru повернется боком, – подумала Зоська. – Может, рискнуть?» Но уверенности в успехе на этот раз у нее не было, она просто могла не успеть.

Нет, он не стал зашивать прореху – он отодвинул стол и приоткрыл дверь.

– Эй ты! Поди-ка сюда! Вот тебе задание – зашить дыру. Поняла?

– Добже, пан, – пролепетала из-за двери хозяйка.

– Десять минут времени. Поняла?

– Добже, пан.

– Давай шей! – сказал он и, захлопнув дверь, снова вплотную задвинул ее столом.

Сидеть на полу в неудобной позе стало утомительно, Зоська попыталась переменить положение и подвинулась, чтобы прислониться к стене. Но только она приподнялась, как Антон вскочил с топчана.

– Эй, куда? А ну стой! Ишь, пряткая какая...

Он грубо толкнул ее снова на освещенную середину пола, подобрал откуда-то из-под скамьи обрывок, наверно, все той же веревки.

– Руки! Руки давай. Свяжем, чтоб спокойнее было.

– Гад ты! – сказала она, уже не сопротивляясь, и он начал туго крутить ее кисти веревкой. Она только болезненно морщилась, едва сдерживая в себе боль и обиду. – Больно же...

– Ничего, потерпишь. Больнее будет.

– Нет уж. Больнее, чем от тебя, мне никогда не будет.

– Будет. В полиции будет больнее, – просто сказал он, с силой затягивая узел.

– И ты отведешь меня в полицию? – спросила она дрогнувшим голосом.

– А куда же прикажешь тебя отвести? Я хотел – к матери. Но ведь ты против.

– Мало того, что подлец, так ты еще и предатель, – сказала она, снова не сдержав быстро наворачнувшихся на глаза слез.

Антон тщательно затянул узел, проверил его надежность, поднялся с корточек и сел у стола. Он недобро молчал. Глотая слезы, чтобы не разрыдаться перед ним, молчала и Зоська. Ни одному из ее намерений, видно, не суждено было сбыться, видно, предстояло готовиться к самому худшему, что только могло случиться в ее положении. Скосив взгляд, она продолжала, однако, следить за Антоном, который, сдвинув на затылок шапку, откинулся спиной к столу и устало вытянул длинные ноги. Коптюшка из печурки слабо освещала его туго обтянутые свитером плечи, одну сторону крепкого, вытянутого лица, на котором теперь бугрилась недобрая, злая решимость.

– Вот ты говоришь: предатель, – вроде даже с обидой заговорил он. – Верно, может, даже придется и предать. Но кто меня вынудил на это?

Зоська кисло усмехнулась

– Тебе нужны оправдания? – сказала она, чувствуя, однако, что не надо вступать с ним в разговор – гадко все это и противно. Все разговоры уже переговорены, теперь между ними – пропасть, в которую очень скоро, наверно, придется свалиться ей.

– Мне наплевать на оправдания. Но ты испортила всю мою жизнь. Я уже не говорю, что ты пыталась меня убить. А я ведь чего хотел? Я хотел с тобой жить. Как полагается, по-людски. А ты предателя из меня делаешь.

– Ты до меня стал предателем!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ошибаешься! Я не предатель. Я еще никого не предал. Разве что начну с тебя первой. Раз ты меня на это толкаешь...

– Что ж, предавай! – зло сказала она, чувствуя, как все в ней затряслось от бессильной злой ярости. – Предавай. Не ты первый. Но помни, самый первый давно подавился тридцатью сребрениками. И за ним подавятся же все остальные.

Антон, казалось, пропустил мимо ушей эти ее слова, его не трогали древние аналогии, так же как перестали трогать и Зоськины слезы. Похоже, он сам был уязвлен не меньше ее и теперь дал выход своим обидам.

– Ты наплевала мне в душу. Подняла на меня топор!

– А ты не наплевал мне в душу? Не опозорил меня?

– Я? Нет. Я тебе помогал. Без меня ты бы давно уже влипла.

Зоська подумала, что в этом отчасти он, может, и был прав. Все-таки на протяжении последних двух дней он немало помогал ей. Но после того, что случилось, ее благодарность к нему пропала. Она уже готова была возненавидеть себя за то, что принимала эту его некогда необходимую ей помощь.

– Я не просила тебя помогать.

– Мало что не просила. Я по своей воле. Потому что любил тебя.

– Сволочь ты!

– Спасибо. Но теперь ты мне поможешь. Ведь тебе все равно пропадать. Так послужи мне хоть напоследок.

– Нет! Нет!!! – выкрикнула она, содрогаясь на жестком полу. – Этому не бывать. Не надейся. Я тебя покрывать не стану.

– А я и не прошу покрывать. Ты только потерпишь маленько. До Скиделя. Вот и вся твоя задача.

Зоська в отчаянии уронила голову и замерла. Значит, она не ошиблась, разгадав его замысел, значит, он ее обрекал. Удивительно только, как она не поняла это в самом начале. Поддалась его обаянию, вняла его любовному лепету, растаяла от его ласк. Вот это любовь? А она думала... Сколько она перечитала о ней в книжках, нагляделась в кино, сколько перемечтала в девичестве, до войны, да и в отряде в лесу. Какой она представлялась красивой! А ей выпала хуже и подлее, чем сама жизнь. И кто виноват? Немцы? Война? Время? Он уверяет, что во всем виновата она. Она же уверена, что виной всему он и его так далеко идущие планы. Зачем они сошлись в тот ночной час возле незамерзшей Щары, зачем она позволила вытащить себя из реки... Не лучше ли было бы тихо и незаметно уйти под лед, чтобы избежать стольких пережитых и еще предстоящих мучений?..

14

Антон все прислушивался к немои тишине ночи, ожидая услышать во дворе знакомый лошадиный топот, времени уже прошло достаточно, должен был воротиться хозяин. Но он не возвращался, хотя, наверно, уже перевалило за полночь. Свернувшись калачиком, Зоська лежала на полу, и Антон изредка поглядывал на нее – не развязалась ли? Он уже вынес ей приговор, и, как ни удивительно, ему не было жаль ее – пусть пропадает. Пусть пропадает, если она такая беспросветная дура, ни черта не понимающая в жизни. Действительно, много ли нашлось бы в отряде мужчин, которые ради такой соплячки стали бы рисковать головой, спасти ее от войны? А он вот решился. Он ушел из отряда, провел ее сквозь осиные полицейские гнезда, оберегал, согревал. А она? Чем за все это отплатила ему она?

Как последняя идиотка, напичканная копеечной пропагандой, она не способна увидеть разницы между жизнью, войной и тем, что о них писалось в газетах и говорилось на митингах. А еще студентка! А может, именно потому, что студентка? Образованная, читалась книжек. Он вот не очень любил читать книжки, зато он хватал все на ходу. Он понимал все практически и давно знал, что практика – вот

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru единственно стоящая школа жизни, потому что в книжках все не о том и не так. Надо смотреть, как делают жизнь другие, и поступать если не лучше, то и не глупее остальных. И еще не медлить, не тянуться в хвосте, не явиться к шапочному разбору. Хотя и спешить не годится, надо хорошо оглядеться. А она: «Предатель, изменник...» Куда как грозно и страшно, но все глупо и в корне неправильно. Теперь, когда из его замыслов ничего не вышло, что же ему оставалось? Отпустить ее с богом в Скидель, а куда самому? И что от нее будет проку в этом ее Скиделе? У первого же контрольного пункта ее остановит полиция, передаст гестапо – и прощай, Зоська. Изуродуют и повесят на площади перед костелом. Или расстреляют в овраге. И кому от этого польза? А то еще вытянут на допросе адреса, явки, имена связанных и агентов, начнут хватать семьями, погубят массу людей...

Так не лучше ли будет для нее и для всех, если она, не успев ни с кем встретиться в этом ее Скиделе, попадет прямо к Копыцкому и тем окажет хорошую услугу Антону? Уж, наверное, начальник полиции не усомнится в намерениях своего земляка, когда тот предстанет перед ним с приведенной из-за Щары разведчицей. Наверно, это ему зачтется. Да и ей будет легче, ведь никаких встреч в Скиделе у нее еще не было, никаких заданий она еще не успела выполнить – он за это поручится. Может, даже ее и не повесят – отправят куда-нибудь в лагерь. Совесть? Конечно, он не стал бы утверждать, что совесть его спокойна, было вроде не по себе, что-то его тревожило. Но что он мог сделать? Он давно уже знал, что если прислушиваться к совести, то скоро откинешь копыта. Не так просто с этой самой штуковиной, которая называется совестью, сносно прожить даже в мирное время, не говоря уже о войне. Ведь тут борьба. Кто – кого. Он не слабак и не неудачник, но почему бы ему в трудный час не заполучить частичку того, с чем все время носятся эти пропагандисты совести? Пусть вот тем самым и докажут свою готовность к самопожертвованию во имя ближнего. Ведь теперь он для нее – самый ближний. Тем более что именно среди женщин широко распространена прямо-таки врожденная потребность жертвовать ради ближнего всем, вплоть до собственной жизни. Пускай вот и пожертвует для него жизнью, если она в тягость этой образованной дуре. Он ей предоставляет такую возможность. Пусть пользуется им. Антону не жалко.

Но что-то долго не возвращается хозяин. Может, и на соседнем хуторе не оказалось лошади, пошел на следующий. Скорее всего, так и получилось. В том, что хозяин вернется, у Антона не было ни малейших сомнений: он достаточно полагался на силу своей угрозы. Эти хуторяне пуще жизни дорожат своим хутором и отлично понимают, что для такого, как он, поднести спичку под стреху – дело пяти секунд. Тут уж покрутишься, но исполнишь все, что потребуют.

– Эй! – крикнул он в затворенную дверь хозяйке. – Твой куркуль не сбежал?

– Ой, не сбежав, пане. Скоро пшиведе конь, пане.

– Кожух готов?

– Скоро, скоро готов.

– Давай скорей! А то холодно стало...

Действительно, в тристене стало прохладно, дрова в печи прогорели, от наружной двери несло стужей. Коптюшка в печурке стала постепенно меркнуть, наверно, нагорел фитиль или кончалось горючее. Антон подошел к печи и, вынув булавку, подтянул фитилек. Стало вроде светлее.

В это время где-то в сарае голосисто, хотя и хрипловато спросонья закричал петух, и Антон вздрогнул: так недолго досидеть до утра. «Вот же сволочь, – подумал он про хозяина. – Как бы не подвел под монастырь. Ну пусть только вернется...»

15

Как это случилось, Зоська сама не заметила, но вскоре она задремала, скорчившись на затоптанном холодном полу со связанными на животе руками. Все ее горькие беды остались в тридевятом царстве, далеко, в другом мире, в другом времени и месте. Она не создавала во сне, то ли это была война, или, может, довоенное время, или она выпала из всякого времени и очутилась в каком-то новом временном измерении. Однако она ни на секунду не расставалась со своими ощущениями, которые и во сне оставались полными мук и тревоги. Она не знала, что было причиной этой ее

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru тревоги, но ей было плохо, очень беспокойно; скверное ожидание чего-то еще худшего непрестанно угнетало ее. В поле ее зрения, однако, не было ничего плохого, наоборот, перед ней расстилась весенняя благодать поля с зеленой травой и какими-то цветами на ней, вблизи высилась удивительно белая, словно из сахара, остренькая колокольня костела или, может быть, церкви, где вот-вот должен был появиться Он. Кто Он – Зоська не знала, она не представляла даже его облика, но в точности знала, что Он – существо одушевленное, очень строгое и, несомненно, доброе. Правда, с ним надо быть очень почтительной и вести себя скромно, как со школьным директором по меньшей мере – это она чувствовала с предельной четкостью.

В то же время она никак не ощущала себя физически, она даже не знала, как и во что она одета и есть ли у нее руки и ноги, словно она совсем без плоти, без своего прежнего облика или потеряла способность зрительно воспринимать этот облик. Что касается окружавшего ее внешнего мира, то он с достаточной полнотой воспринимался ею во всей своей вещности, она видела вокруг каких-то людей, идущих, стоявших и разговаривавших, словно на базаре в праздничный день. Возможно даже, это происходило на их рыночной площади или где-то на краю местечка. Несмотря на беспорядочную суету и говор вокруг, люди тоже ждали появления Его, хотя, может, и не так напряженно и томительно, как ждала Зоська.

Но произошла странная перемена в этой атмосфере всеобщего ожидания, почему-то никем, даже самой Зоськой, никак не замеченная, – просто одно состояние незаметно сменилось другим, и вместо бесплотного Его вверху оказалась сама Зоська. Она легко и свободно парила в высоте над землей, деревьями, людьми, какими-то крышами построек, озером и извилистой лентой реки. Это был радостный пьянящий полет, сладостное ощущение простора и беспредельной свободы в нем, Зоська легонько взмахивала руками, чтобы держаться на высоте, где она не чувствовала ни собственного веса, ни притяжения земли, ни даже сопротивления воздуха. Внизу были, наверно, все те же люди, одиночки и разрозненные группки их, но теперь ей не было дела до этих людей, ей хотелось без конца предаваться благодатному чувству парения в этом теплом и ясном воздушном пространстве.

Однако что-то уже изменилось то ли в ней самой, то ли в этом пространстве, какая-то сила властно повлекла ее вниз, она почувствовала все прибывающий вес тела и сильнее замахала руками. Но удержаться на высоте она уже не могла и катастрофически быстро снижалась; земля, крыши, деревья и телеграфные столбы на дороге все приближались, она изо всех сил работала руками, но прекратить снижение не могла. Ее с властной неотвратимостью влекло вниз, где уже бежали, крича и суетясь, какие-то люди в черном, протянутыми руками они вот-вот готовы были схватить ее за ноги, и ей требовалось огромное усилие, чтоб уберечься от их длинных ухватистых рук. Предчувствуя, что ее ждет на земле, она изо всех сил работала руками, и эти руки почему-то вдруг превратились в крылья – широкие черные крылья птицы, в которую превратилась и она сама.

Но крылья не помогли ей взлететь, она уже была на земле, в огромном сугробе среди снежного поля и, цепляясь грудью за снежные комья, отчаянно пыталась оторваться от снежной земли, но тщетно. Огромные крылья лишь разметали сыпучий снег, махать с каждой минутой становилось труднее, силы ее кончались, и в сознании бился испуг от мысли, что если она не взлетит, то погибнет. Потом она вроде бы отделилась от черной птицы и увидела ее как бы со стороны – распластанной на снегу с расплостертыми, пересыпанными снегом крылами и поникшей головой на склоненной, со всклокоченными перьями шее. Птица делала последние конвульсивные взмахи и отчаянно билась острой грудью о снег. Она уже не взлетала – она умирала, эта огромная черная птица на морозном снегу, и вместе с ней в безысходной тоске, казалось, умирала Зоська...

Но нет, она не умерла – она вдруг проснулась с сознанием того, что вокруг что-то изменилось, может, даже случилось что-то. В накинутах на плечи колушке Антон открывал дверь, из которой в облаке стужи в тристен ввалился хозяин, за ним какой-то низкорослый человек в шинели, с красным от ветра лицом, толстяк в суконной поддевке и чернобородый мужик в армяке и с винтовкой. Зоська метнулась с пола к стене, пытаясь подняться на непослушных ногах и не понимая, что происходит. Антон отступил к печи под направленным на него автоматом переднего из вошедших, который с незлобивой уверенностью командовал:

– Руки вверх! Вверх, вверх! Вот так! Пашка, обыскать!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Зоська с бьющимся от сонного испуга сердцем жалась к стене и не знала, что делать. Она только глядела, как толстячок в серой поддевке, которого передний назвал Пашкой, решительно сдернул с Антона его колушок, лапнув по брючным карманам, вытащил из правого кармана наган, начал что-то нащупывать в левом. Внешне почти спокойный, Антон стоял, небрежно приподняв руки, и несколько растерянно бормотал:

– Ребята, да что вы? Ну что вы? Своего не признали? Я же из Суворовского...

– Это мы посмотрим еще, из какого ты Суворовского, японский городской! Чем тут занимаешься? – строго спросил маленький с красным лицом и подобрал автомат. – А она? Кто она такая?

Тут они все враз обернулись к ней, рассматривая ее при едва мерцавшем огоньке коптилки, и до сознания Зоськи медленно, как после обморока, стала пробиваться мысль, что это же свои, наверно, из какой-то Липичанской бригады, ребята-партизаны. Но, почти поверив в свою догадку, она почему-то не обрадовалась, тут же смекнув, что хорошего из этого выйдет немного. Скорее опять будет плохо.

– Она тоже из Суворовского, – сказал Антон и приспустил руки. Никто из них не заметил этого, все смотрели на измученную, прильнувшую к стене Зоську. Зоська между тем молчала, не вправе называть себя, хоть и чувствовала, что сейчас, видно, начнется разбирательство и надо что-то ответить.

– А почему связана? Это что – ты ее связал? Японский городской!.. – хмуря светлые бровки на еще юном лице, допрашивал тот, что стоял с автоматом. Видно, он тут был старшим.

– Я связал, – просто сказал Антон, и хозяин, стоявший позади всех, едва заметно кивнул головой, подтверждая его слова.

– Почему связал?

– Видите ли, – помялся Антон и бодро объяснил: – Мы были на задании, ну и она решила переметнуться к немцам.

– Врешь!! – вся содрогнувшись, исступленно крикнула Зоська. – Врет он!

Она опять готова была зарыдать от беспредельной обиды и этого нового коварства спутника. Антон, несколько не смутившись от ее крика, передернул плечом в сторону хозяина.

– Вон – свидетель.

– Вот как? – краснолицый внимательно посмотрел на Зоську.

– Постой! – вдруг другим тоном сказал толстяк Пашка. – Я ее знаю. Она в самом деле из Суворовского. Зося, кажется.

Зоська, не ответив, только прервала свой тихий плач, вытерла о плюшевое плечо мокрую щеку и внимательнее взглянула на своего заступника. Нет, он был ей незнаком, кажется, она видела его впервые, хотя вполне возможно, что где-то с ним и встречалась.

– Это он решил переметнуться к немцам, – сказала она спокойнее. – Вон пусть хозяин скажет. Он тут все слышал.

Все враз повернулись к хозяину, но тот, не поспешая с ответом, помялся, поморщился, потом заговорил на своей смеси белорусского с польским:

– Я, пан, мало разумею... Так, штось пан говорил. В Скидель быдто иди. Пани не хотела иди. Почему – не разумею.

– Ну, это враки! – с уверенностью сказал толстяк Пашка. – Товарищ сержант, ей-богу, это наша девка. Я ее знаю.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Японский городской! – в явном затруднении воскликнул краснолицый искомандовал: – Развязать!

– Хорошая девка, ей-богу, – сказал толстячок и ступил к Зоське.

Повозившись с минуту над ее узлом, он развязал веревку, и Зоська с облегчением опустила затекшие кисти. Чернобородый с винтовкой молча стоял у выхода. Хозяин отодвинул стол к печи, и в отворившейся двери появилась испуганная хозяйка с Вацеком. Они молча наблюдали за тем, что происходило в тристене, на стенах которого непрестанно шевелились–мелькали мрачные тени людей. Стоя чуть в сторонке, сержант пристально следил за каждым движением Зоськи и Антона, что-то глубокомысленно обдумывая и то и дело хмуря тонкие бровки на строгом молодом лице.

– Так! А того связать! – указал он на Антона, и толстячок повернулся к нему с веревкой. Антон растерянно развел руками.

– Да что вы, ребята? я – свой!

– Это еще мы посмотрим, какой ты свой. А ну, руки назад!

Делать было нечего, Антон с неохотой заложил назад руки и спиной полуобернулся к толстенькому, который обмотал кисти веревкой.

– Вот так.

– Это безобразие, сержант! Мало что оружие отобрали, так еще и вязать! За что? что эта сказала? И вы ей поверили? Может, у меня с ней особые счета.

– Это какие еще счета? – ехидно поинтересовался сержант.

– Хотя бы любовные. А она...

– Японский городской! Ты не темни нам тут про любовь! А ну, марш!

Они расступились, пропуская Антона вперед на выход, и тот заколебался.

– Куда?

– Куда надо. Ну! Марш!

– Дайте хоть полушубок надеть, – заметно занервничал Антон, и толстячок набросил ему на плечи его колушок. Антон шевельнул плечами и после секундного колебания решительно шагнул к двери.

– Ты тоже! – бросил Зоське сержант, и она пошла за Антоном.

На дворе висела предрассветная темень, в которой едва серел снег и совсем сникли, ссутулились темные силуэты сараев. Холодный промозглый ветер недобро дунул Зоське в лицо, неприятной изморозью остудив ее щеки, и она с упавшим сердцем подумала, что ее тоже ведут как арестантку. Но куда они поведут их, эти липичанские ребята? Уж не собираются ли они устроить скорый суд и расправу над Антоном, а заодно и над ней тоже? Но, по-видимому, суд-расправа пока откладывались, для того надо было выйти из опасной зоны или зашиться поглубже в лес. Хотя, судя по мрачной решимости этого сержанта, он мог их обоих с легкостью прикончить где хочешь.

Скорым шагом они прошли мимо колодца и вышли в ночное поле. Злосчастный хутор скоро без следа растворился в серой промозглой тьме ночи, слился с сумеречной стеной хвойного леса. Зоська, однако, не оглядывалась, она едва поспевала за Антоном; пустые опущенные рукава его колушка металась по ветру, словно крылья подстреленной птицы, и Зоське на минуту припомнился ее загадочный сон перед пробуждением. Сон, несомненно, имел какой-то зловещий для нее смысл, в другой раз она бы долго ходила под его впечатлением, теперь же размышлять о нем не было времени. Действительность была мало приятнее сна, и снова было не ясно, чем все окончится.

Они быстро шли ночным полем по неглубокому, чуть причерствевшему к утру снегу.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Антон старательно шагал за идущим впереди всех чернобородым, которого сержант называл Салеем, и Зоська догадалась, что этот – ее землячок, из местных. Но рассчитывать на него не приходилось, она поняла, что здесь всем заправлял этот молодой сержант, к которому неизвестно как было подступиться. Впрочем, она получила возможность перевести дыхание, все-таки она избежала гибели, Антоновы планы рухнули, и Зоська с благодарностью вспомнила хозяина хутора, этого безропотного исполнителя воли жены, который не растерялся, спас хутор и Зоську. Но, странное дело, Зоська не ощущала в себе облегчения, скверные предчувствия продолжали ухватисто властвовать над ее сознанием.

Они все шли полем, мимо каких-то кустарников, сверху из темного неба падал невидимый в ночи редкий снежок, отдельными снежинками таявший на ее лице, и она совершенно не представляла, куда их ведут. Теперь, когда опасность слегка отвела свою занесенную над ней косу, Зоська все больше стала думать о том, что ей все-таки надо в Скидель. Все-таки задание оставалось в силе, и теперь вроде бы отпало то, что не давало возможности его выполнить. Об Антоне Зоська старалась не вспоминать даже, он перестал для нее существовать, и, хотя шагал в трех шагах впереди, он теперь был – ничто. Стремление окончательно освободиться от всего, что так позорно связалось с ним, и делать свое дело все настойчивее овладевало ею, и она не утерпела.

– Ребята, а куда вы нас ведете? – спросила она по возможности беззаботнее.

– Куда надо! – холодно бросил сержант, идущий последним в этой цепочке.

– Тут такое дело, – сказала, подумав, Зоська. – У меня задание.

– Какое задание?

– Ну... Я же не могу вам объяснить какое. Мне надо в сторону Скиделя.

– К немцам?

– Ну почему к немцам? – готова была обидеться Зоська. – У меня задание.

– У нас тоже задание, японский городской! – недружелюбно парировал сержант. – А мы вон вожаемся с вами, время тратим. Вот возьмем и шлепнем обоих к чертовой матери.

– За что? – оглянувшись, попыталась улыбнуться Зоська.

– За то! Война, задание, а они тут любовь крутят. Да мародерством занимаются по хуторам. А теперь – задание...

Нет, он был невыносим, этот молодой задавака, и заслуживал того, чтобы его хорошенько отчитать. Но теперь Зоська решила промолчать, черт с ним! Куда-то же в конце концов они их приведут, не будут же они днем тащиться среди снежного поля, значит, к утру где-то укроются. Действительно, было видно, что они торопились, сержант несколько раз тихо, но требовательно покрикивал на направляющего: «Салей, шире шаг!», и тот ускорял и без того весьма торопливый свой шаг. Зоська уже вспотела, но старалась не отстать от шагнувшего перед ней Антона, который, нагнув голову, с оттопыренным на спине кожаным споро шел за передним. Там, в хате, когда она корчилась на полу со связанными руками, а он всевластно распоряжался ее судьбой, они были разделены неодолимой непримиримостью, и думалось, что помирят их разве что смерть. Но с появлением партизан положение их изменилось. Антону связали руки, но и ей вроде не развязали, оба они оказались под конвоем в этом ночном поле, судьбы обоих затянуло дымкой неопределенности, и эта неопределенность снова как бы объединила их обоих. Зоська подсознательно чувствовала все это, и это ее угнетало. Хуже всего, однако, что с ними почти не разговаривали, никто их ни о чем больше не спрашивал, и Зоська не знала, как все объяснить этим суровым малоразговорчивым людям. Она просто не находила, с чего начать.

Похоже, однако, что они держали путь в лес, который уже проступил поодаль в рассветных сумерках, – снова в сторону Немана, удаляясь от Скиделя. Зоська с тоскливой озабоченностью заметила это, но что она могла сделать? Ее вели как арестованную и даже не хотели объяснить – куда. Но все-таки она чувствовала, что с ней плохого не сделают. На ее стороне была правда, и, кажется, появился

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru заступник, вот этот проворный толстячок Паша, который ее где-то видел.

Тем временем почти совсем рассвело – из серой тьмы выплыло такое же серое зимнее поле, – голая ровнядь с недалеким впереди леском. От этого леса в поле врезался неглубокий овражек с кустарником, завидев который Салей взял в сторону, и они стали приближаться к овражку. Шедшие сзади сержант с толстячком о чем-то тихо переговаривались, Зоська, отрываясь от своих переживаний, раза два вслушалась, но расслышать ничего не могла, а Антон вдруг дернул шеей и вроде споткнулся даже. Зоська придержала дыхание – похоже, сзади говорили о каком-то наступлении, и Антон с интересом спросил:

– Ребята, не слышать, что на фронте?

– А тебе зачем знать, что на фронте? Чтоб немцам передать?

– Нет, правда? Как Сталинград? – добивался на ходу Антон, и Зоська заметила, как он весь подобрался и затих.

– Сталинград дал фрицам в зубы, – сказал Пашка. – Поперли немцев под Сталинградом.

– Да ну? – с открытым от изумления ртом обернулся Антон.

– Ты шагай, шагай! – прикрикнул сержант. – А то удивился, японский городской!..

– Нет, в самом деле? Ведь немцы говорили, что Сталинград взяли.

– Взяли! Подавились там твои немцы. Вон на шестьдесят километров отбросили. Фронт прорван, наши наступают.

– Ай-яй! Гляди ты! – совсем уже изумился Антон.

– Вот, вот, – сказал сержант. – Но тебе-то чего радоваться? Ты же другого ждал.

Зоська не вмешивалась в разговор и ни о чем не спрашивала – после недолгого замешательства все в ней возликовало. Словно что-то, давившее ее долгие месяцы, свалилось с плеч и она явственно почувствовала, как ей доставало именно этого известия о Сталинграде. Хотя она, может, и не понимала военной важности этого далекого города, но всегда чувствовала, как нужна там победа. Если это только не слухи. Если это на самом деле. Но ребята, должно быть, знают, они даже передают подробности: прорван фронт, и наши продвинулись на шестьдесят километров. И она, заметив, как сник Антон, со злорадством подумала: пусть вот утешится! Ведь он так переживал эту неудачу под Сталинградом, толкнувшую его вчера на измену, теперь пусть возрадуется. Неудачи нет – есть победа! Что же он так померк, ссутулился и опустил свои круглые плечи? Ничего у него не вышло из его коварных шкурнических замыслов и ничего не выйдет.

Салей привел их в едва заметное на равнине углубление все расширявшегося и уходившего вглубь овражка, они дошли до редкого, расползшегося по склону кустарника, и сержант сзади скомандовал:

– Стоп! Посидим здесь. А ты, – кивнул он Салею, – давай дуй. Двадцати минут хватит?

Салей помялся в своем подпоясанном широким офицерским ремнем армяке, пятерней отер мокрую черную бороду. неподвязанные уши его черной шапки небрежно топорщились в стороны.

– Попробую...

– Ну и добро. Давай дуй, – распорядился молодой командир, по виду годившийся в сыновья этому Салею.

Осклизаясь на снегу, Салей пошел вверх по склону, а они остались стоять внизу. Толстенький Пашка полез в карманы и стал собирать закурку. На его добродушном лице не было ни озабоченности, ни даже малейшей серьезности, в уголках губ таилась мягкая улыбочка, будто он занимался чем-то малосерьезным, хотя в общем ему интересным. На остром, свежепокрасневшем, словно обожженном лице сержанта,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru напротив, отражалась крайняя степень важности, какое-то желчное недовольство собой или скорее другими, и Зоська подумала, что с ним надо держать ухо востро. Такие в своей озлобленности способны на все, а озлить их всегда легче легкого, и по первому поводу они вспыхивают как порох.

– Вот. А теперь мы подрубаем, а вы посмотрите, – без тени юмора сказал сержант, доставая из кармана что-то завернутое в бумажку, и Зоська отвернулась. Еда ее мало интересовала, она все думала, как бы ей вызволиться из-под опеки этих людей.

16

Стоя на снегу в овражке, Антон не смотрел ни на отвернувшуюся рядом Зоську, ни на двух партизан, которые принялись закусывать из бумажки, и запах вареного мяса мучительно дразнил его обоняние. В который раз за сегодняшнее утро и ночь он был оглушен, почти раздавлен свалившимися на него неожиданностями. Мало ему было скандального упрямства Зоськи, вероломной выходки хозяина хутора, пошедшего за конем, а приведшего партизан, так теперь еще и Сталинград. Город, который, по его мнению, был обречен и со дня на день должен был пасть, тем самым знаменуя конец проклятой войны и победу немцев, оказывается, не только выстоял, но и дал в зубы немцам. Теперь там наступление, война затягивалась, победа еще неизвестно кому достанется. Не о том ли говорили вчера и полицаи, разговор которых так нелепо недослышал Антон и по этой причине едва не сделал свой опрометчивый шаг. Может, теперь он должен благодарить Зоську за ее спасительное для обоих упрямство, простить ее выходку с топором, вообще попытаться примириться с ней? Действительно, новый поворот в войне вынуждал Антона пересмотреть кое-что из своих прежних решений, перестроиться в соответствии с новыми обстоятельствами.

Если только позволят эти обормоты из Липичанской пуши, связавшие его руки и ведшие неизвестно куда. Уж не на ту ли сторону Немана? В таком виде он не мог появиться в партизанской зоне, где его сразу возьмут под арест, уж там ему не избежать обвинений. Всякую возможность обвинений надо было погасить тут. Но как? С этим озлобленным недомерком, которого они называют сержантом, даже и поговорить невозможно, он заранее все знает и уверен, что Антон – враг. Да и Зоська тоже окрысилась против – не подойдешь. Но, поразмыслив, Антон пришел к выводу, что в его положении, как ни странно, выручить его сможет именно Зоська. Может утопить окончательно, а может и вызволить – это уже будет зависеть от ее к нему отношения.

Сержант с толстяком тем временем, наверно, доели мясо (по крайней мере, от них перестало нести раздражающим запахом) и теперь лениво дожевывали хлеб, поглядывая на обрыв, где должен был появиться посланный куда-то Салей. Зоська, отвернувшись, сосредоточенно ковыряла носком сапога в снегу. В овражке было затишно, падал редкий снежок. Ноги в постоянно сырых сапогах скоро начали зябнуть на несильном морозце. Антон напряженно соображал, что делать, с какой стороны подойти к сержанту или хотя бы к Зоське. Он чувствовал, что пока была такая возможность, потом она может исчезнуть, и он ни к кому ни с какой стороны не подступится.

Но он ничего не надумал, хотя прошло, наверное, побольше двадцати минут, и Салей не возвращался. Это его невозвращение стало заметно тревожить сержанта, который, стоя на дне овражка и заложив руки в карманы поношенной, с рыжими подпалинами от костров шинели, все поглядывал на обрыв и нетерпеливо топтался в снегу – уже вытоптал небольшую, с квадратный метр, площадку. Наконец, потеряв, наверное, терпение и в который раз недобрый словом помянув японского городского, он начал взбираться на склон. Там, за овражком, где начиналась пашня, было ровнее и наблюдать оттуда было сподручнее. В минутном озорстве запустив в их сторону ком снега, сержант скомандовал:

– А ну давай все сюда! Все, все! И вы тоже.

Зоська, за ней толстячок Пашка и последним Антон стали взбираться по склону вверх. Лезть по скользкой, засыпанной снегом траве было вообще неудобно, а со связанными руками и подавно. На середине склона Антон поскользнулся и довольно сильно грохнулся грудью о землю, сразу почувствовав на губах соленый привкус крови. Сержант наверху злорадно хохотнул, и Антону понадобилось порядочное усилие над собой, чтобы не поддаться нахлынувшему на него бешенству. Им смешно! Связали, обезоружили, куда-то волокут силой и еще потешаются над его немощью.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Умышленно не торопясь, с расстановкой, он поднялся с колен, кое-как утвердился на разъезженном косогоре; возле на снег упало несколько алых капель крови. Они все втроем спокойно стояли вверху над обрывом и с насмешливой издевкой смотрели на неуклюжее его восхождение, и он со вкусом продемонстрировал им свое унижение – пусть порадуются. Это падение зубами о землю уже мало прибавляло к той сумме неудач, которые обрушились на него сегодня, и без того он чувствовал себя несправедливо обиженным и пострадавшим. Под их злорадными взглядами он кое-как выбрался из оврага, оставляя за собой алые на снегу пятна, и покорно остановился перед конвоирами.

– Что раскровянился?! – невольно сказал сержант, перестав улыбаться. – А ну утрись. Неча тут кровью сморкаться.

Антон стоял молча и не шевельнулся даже, когда сбоку к нему неожиданно шагнула Зоська. Протянув руку, она рукавом сачка коротко отерла его подбородок, сделал это в совершенном молчании двумя небрежными движениями руки, и Антон едва удержался, чтобы не вздрогнуть от ее прикосновения. Только когда она отошла с таким видом, будто ей нет до него больше дела, что-то внутри у него шевельнулось – тоска по утраченному или, может, надежда.

– Так, так! – язвительно ухмыльнулся сержант. – Теперь вижу, японский городской!..

Он не договорил – все враз обернулись к недалекой вершине холма, где чуть в сторонке от цепочки своих уходящих следов появился Салей. Он быстро шел вниз к овражку, местами широко осклизаясь по снегу, и сержант с толстяком, наверно что-то учуяв, насторожились. Антон, чуть отвернувшись, вытер о воротник колушка кровь, все еще плывшую из ссадины на подбородке, и тоже смотрел на быстро подходившего Салея. Он чувствовал, что тот несет весть, которая и для него может оказаться важной.

– Ну что? – нетерпеливо окрикнул сержант подошедшего шагов на двадцать посыльного, но тот только махнул рукой.

– Что, не дошел? – спросил толстяк Пашка.

– Дошел! Да что толку?

– А что?

– Серого взяли! – объявил Салей, подошедши, и скинул винтовку прикладом в снег, сдвинул на затылок шапку. От его мокрого лба шел пар.

– А эта?.. Баба его? – напомнил сержант.

– Баба осталась. От нее и узнал. Через березнячок не пройти.

– Да ну?

– Облава там! Полиция и жандармерия. Как раз в березах устроились.

– А если правее? Подем?

– А там деревня. Из деревни все на виду. Не пустять.

– Дела, японский городской! – уныло ругнулся сержант и обернулся назад к оврагу. Полминуты он суженными глазами вглядывался в серое притуманенное пространство.

– Что ж нам теперь, днество тут? – обращаясь к нему, тихо сказал Пашка.

– А хрен его знает.

– Я так думаю, – после паузы запаренным голосом сказал Салей. – Можно попробовать возле чугунки. Насыпка там невысокая, но... Каких полверсты.

– А через насыпь не увидят? – усомнился Пашка.

– Нет, не увидят. Ползком если.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ползком! С этими вот? – зло кивнул сержант в сторону Антона.

– Если только ползком, – настаивал Салей.

– Ну и задача, японский городской! – выругался сержант и сел задом в мягкий, еще не слежавшийся снег.

Антон настороженно вслушивался, стараясь понять что-то из их разговора, но понял только, что пройти где-то нельзя, что где-то на их пути немцы. Теперь он даже не знал, как отнестись к этой задаче. С одной стороны, он почувствовал невольную радость оттого, что у этих оборотов что-то не получалось, – и пусть, не только же его настигать неудачам. Но, поразмыслив, он ощутил смутное опасение, как бы все это не обернулось для него еще худшим.

Недолго посидев на снегу, хмуря свои тонкие бровки, сержант кивнул Пашке, и тот опустился напротив на корточки, со вниманием уставясь в его острое, по-заговорщически оживившееся лицо. Вскоре толстячок уже понимающе закивал головой. Салей, опершись на винтовку и стоя вполборота, вслушивался в их разговор. Антон издали тоже попытался кое-что услышать, но сержант вовремя учуял его интерес и обернулся:

– Ну, ты! А ну отойди! Отойди, отойди! На пятнадцать шагов марш!

Делать было нечего, Антон, не торопясь, отошел немного и остановился, искоса поглядывая на партизан. Неясная тревога начала будоражить его и без того беспокойные чувства. Он не разобрал ни одного слова из сказанных сержантом двух-трех отрывистых фраз, но заметил, как вытянулось на минуту обычно добродушное, мягкое лицо толстяка Пашки, которое, правда, скоро опять стало прежним. Салей, поморщившись, вполголоса подтвердил:

– А что ж, можно...

Не столько поняв, сколько догадавшись, Антон сперва почти помертвел от страха, а потом в сознание его кипятком шибанул испуг, и он бросился грудью вперед к сержанту.

– Нет! Что вы делаете? За что? Я партизан, я с немцами с весны дрался, а вы? Не имеете права!

– Ты чо? Ты чо? – медленно поднялся сержант. – А ну, тихо!

– Это безобразие! Я честный человек! Я свой, советский, а вы...

– Ти-хо! – крикнул сержант. – Японский городской! Ты что разошелся? Ты же вон к немцам деру дать собирался. Ты же их агент!

– Я не агент! Я партизан из Суворовского. Это она по злобе, – кивнул он в сторону Зоськи. – Между нами там произошло... Пусть она подтвердит. Зоська! – обернулся он к Зоське с такой болезненной тоской в глазах, что, кажется, камень не остался бы безучастным. Зоська, однако, посмотрела на него, сузив глаза, и промолчала.

– Что же, мы на руках тебя понесем? – язвительно растягивая слова, проговорил сержант. – Там, может, с боем пробиваться придется. И ползти надо.

– Понятно, ползти, – согласно подтвердил Салей.

– Ну что ж! Я поползу. Я умею. Доверьте, ей-богу. Зачем же губить безвинного? Я же ничего не сделал!

В нем все напряглось и вибрировало от предчувствия того, что сейчас, видно, все для него и решится. И последнее слово будет за этим сержантом. Но почему бы не вступить за него Зоське? Почему она молчит, как воды в рот набравши? Ведь эти его видят впервые и по наговору принимают за какого-то агента, но ведь она может сказать, что он не агент. Ведь он партизан! Из той же Липичанской пуши, из того же отряда, что и Зоська. Почему же она не заступится за него? Неужели она не понимает, что они надумали с ним сделать?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Зося, скажи им: я же не враг! Ты же знаешь, я честно воевал и честно воевать буду. Мало ли что между нами случилось! При чем же тут они? Скажи же им, Зося!

Стоя чуть в стороне, Зоська отрешенно смотрела куда-то в нетронутый, с редкими былинками снег, и сержант вдруг вспомнил:

– А что ей говорить? Она уже сказала. Там, на хуторе. Что ты к немцам перебежать собрался.

– Нет! – запальчиво перебил его Антон. – Нет! Это ошибка. Сплошное недоразумение...

– А ведь и ты говорил, будто она тоже решила перебежать? Так как тебя понимать?

– Это неправда! Я ошибался.

– Хорошая ошибочка, японский городской! А если бы мы ее шлепнули? Послушав тебя?

– Ну что вы! Я это со зла. С обиды! Потому что она... Мы с ней поругались. Ведь я... Ведь мы полюбовно. Зося, скажи им. Что же ты молчишь? Ведь они хотят меня застрелить!

Зося, как ему показалось, немного смягченным взглядом повела по его расхристанной фигуре, потом взглянула поодаль на троих партизан. Видно, она колебалась, и сержант, которому стало надоедать это разбирательство, крикнул:

– Так что? Он правду говорит? Или демагогию разводит?

Теперь они все уставились в мучительно напрягшееся лицо Зоськи, и Антон смекнул, что от ее ответа будет зависеть, жить ему или умереть тут же. Но, будто окаменев лицом, она продолжала молчать.

– Что ж, предавай! – с отчаянием обреченного процедил он сквозь зубы. – Пусть убивают! За мою любовь...

– О, он уже про любовь! Ловкач, японский городской! – съязвил сержант и привычным движением плеча скинул в руку автомат.

Обветренные губы Зоськи вздрогнули, и, словно боясь не успеть, она пролепетала:

– Ладно, не надо. Он свой...

– Так какого же черта?! – взъярился сержант, держа в руке автомат. – Какого черта ты нам мозги там мутила? То кричала: перебежать надумал, а теперь наоборот. А то вот – обоих, к чертовой матери...

– Я со зла, – тихо сказала Зоська.

– Товарищ сержант! – взмолился Антон, почувствовав, что, несмотря на взрыв гнева, сержант заколебался и надо не дать ему вновь обрести уверенность. – Товарищ сержант, я же говорил... Развяжите меня, я докажу. Ей-богу! Ведь я свой, советский...

– Вот видишь! – сказал сержант Зоське. – Он уже и развязать просится.

– Пусть, развяжите, – сказала Зоська.

– Чудеса! Стэфан говорил, на хуторе с топором бросалась, а тут – развяжите! Ну и женская логика! Ладно, что ж, действительно... Пачкаться тут об него. Пашка! – кивнул он толстому. – Развяжи! Но имей в виду, чуть что – сразу очередь в спину. Я цацкаться не люблю, японский городской!

– Ну что вы, товарищ сержант.

Легким движением Антон скинул с себя незастегнутый колушок, и Пашка развязал сзади веревку. «Как здорово, черт возьми, иметь руки несвязанными, – подумал Антон. – Словно обрести свободу». Но свобода была еще не полная, хотя и

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru появилась надежда. Быстро успокаиваясь, Антон надел в рукава колушок, тщательно застегнул его на все пуговицы.

– Отдали бы оружие, а, товарищ сержант, – вспомнил он про наган.

– А шиш не хочешь! Еще ему и оружие! – рассердился сержант. – Вот придем, разберутся, тогда и получишь.

«Значит, еще на подозрении. Еще будут держать на прицеле, – думал Антон. – Ну что ж, пусть пока так. Еще неизвестно, голубчики, как вам удастся пройти мимо немцев. Это еще мы посмотрим...»

– Итак, шагом марш! – сказал сержант, закидывая на плечо автомат. Салей с Пашкой уже стояли в готовности двинуться, Антон тоже теперь не медлил, только Зоська что-то замешкалась.

– Погодите, – сказала она. – Мне надо в Скидель.

– Вот те и раз! – зло обернулся сержант. – Опять ей в Скидель! А этого я куда поведу? Что я скажу там? Нет, сперва дойдем до Липичанки, разберемся, а потом куда хошь. Хоть в Берлин к Гитлеру!

– Вы сорвете задание.

– Вы сами сорвали свое задание. Чего стали? – крикнул он на своих. – А ну марш! Салей – вперед!

Салей послушно зашагал по склону наискосок к вершине холма, за ним тронулся Антон. Сержант, выждав, пропустил вперед себя Зоську, толстяка Пашку и сам пошел замыкающим.

17

«Вот же послал бог спасителей, как только от них отвязаться?» – думала Зоська, снова шагая по склону вслед за Антоном. Ей так не хотелось тащиться неизвестно куда, беспокойство за невыполненное задание охватило ее с новой силой.

Она давно упустила все сроки, нарушила всякий порядок, напутала и все усложнила до крайности. Конечно, у нее не хватило опыта, знаний, а больше всего – характера, простой человеческой твердости. Она уже раскаивалась, что заступилась за Антона, наверно, теперь без него было бы легче, наверно, он заслужил того, чтобы его расстреляли. Но в судьи ему она не годилась, она вообще никому не годилась в судьи, потому что сама во многом чувствовала себя виноватой. К тому же в случае с Голубиным она не была лицом беспристрастным, скорее заинтересованным, и теперь, когда немного поостыла от происшедшего ночью на хуторе, почувствовала, что честнее будет устранить от этого малоприятного дела. Вот приведут в отряд и пусть тогда его судят. На то есть начальство, товарищи, люди поумнее, а главное – более решительные, чем она. Зоська не хотела больше связываться с ним и его судьбой. Хватит с нее того, что у них уже было.

Быстрым шагом они перешли равнинное поле и углубились в такой же равнинный сосновый лесок. Идти было легко. Еще не старые, редкие, без подроста сосенки хотя и плохо скрывали людей, зато позволяли хорошо видеть вокруг. Салей впереди беспрестанно крутил головой, но, кажется, в лесу было пусто. Они все молчали, только смотрели и слушали. Но лесок скоро кончился, впереди опять раскинулось притуманенное пространство поля, и Салей, не дойдя шагов двадцать до опушки, остановился.

– Товарищ сержант!..

Сержант быстро прошел вперед, вместе с Салеем укрылся за низкорослой молодой сосенкой. Впереди в поле что-то происходило, кажется, там были люди, но отсюда Зоська ничего еще не могла увидеть и следила только за тем, как сержант сторожко наблюдает из-за сосенки. Возле нее, скинув к ноге немецкий карабин, стоял толстяк Пашка. Тревожное беспокойство Зоськи за невеселые свои дела слегка унялось, вытесненное тревогой другого рода, тем более что теперь все зависело от этих людей, она же была лишена и возможностей, и инициативы и ничего предпринять не могла.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Идите сюда! – негромко позвал их сержант, и они все подошли к его низкорослой сосенке. – Вон, видите?

Вглядевшись через поле в растянувшуюся опушку дальней сосновой рощи, Зоська увидела там людей, лошадей с повозками, очевидно, там проходила дорога, и люди зачем-то остановились на ней и ждали. С этой стороны, от поля, дорогу и людей слегка прикрывала редкая березовая рощица, сквозь которую, однако, просматривалось все на дороге. Откуда-то справа в ту сторону бежала наискосок невысокая насыпь железной дороги с рядом телеграфных столбов и жиденькой полоской кустарника. Наверно, это и была та самая «чугунка», о которой говорил в овражке Салей.

– Видели? – кивнул, оглянувшись, сержант. – Попробуем по «железке».

– Понятно, – сказал Антон таким тоном, словно он был тут равноправный боец, а не человек под арестом. – Только перебежками надо.

– Не перебежками, японский городской, а на пузе! По-пластунски, ясно? – свирепо поправил его сержант.

– Можно и по-пластунски. Лучше всего по канаве.

– По канаве, вот именно. Значит, так! – обернулся сержант. – Я иду первым. За мной – ты! – указал он на Антона. – Потом Пашка и ты, – ткнул он пальцем в Зоську. – Салей, будешь последним. В случае чего – огонь и рывком в лес. Понятно?

– Ясно! – прежним тоном ответил за всех Антон.

Они свернули между сосен вправо и, не выходя на опушку, направились в сторону железнодорожной линии. В леске их не было видно, но лесок не достигал железной дороги, опушка скоро свернула в сторону, впереди был голый участок поля, который предстояло переходить в открытую. Сержант раздосадованно помянул японского городского, помедлил, и Зоська подумала: пошлет кого-нибудь первым. Но не послал. Оглянувшись по сторонам и слегка пригнувшись, помчался по полю сам. За ним, так же пригнувшись, широко засигал по снегу Антон. Пашка-толстяк выждал пожалуй, больше, чем требовалось, и, когда сержант уже достигал невысокой железнодорожной насыпи, по-бабьи поводя задом, потрухал по свежим его следам. Зоська не стала ждать, когда он отбежит далеко, и побежала за ним. Хотя и было далековато, но она видела за насыпью лошадей и повозки, стоящие возле такой же сосновой опушки, там же виднелось несколько человеческих фигур, но разобрать отсюда, чем они занимались, было невозможно. Тем не менее с дороги, кажется, их не заметили, они благополучно перебежали от леса к насыпи, не услышав ни крика, ни выстрела. Пока вроде бы все обошлось...

Кажется, и действительно обошлось, она поняла это с облегчением, когда сама добежала до жиденьких колючих кустиков придорожной посадки и когда туда, вроде не очень пригибаясь, скорее ссутулясь, притрухал Салей. Сержант боком лежал на снегу и жестом положил всех подле.

– Все тихо? Так... Теперь на коротких дистанциях...

Сильно пригнувшись, он вскочил на ноги и побежал вдоль кустиков, за ним побежал Антон. Зоська почувствовала, как сердце ее забилось сильнее то ли с усталости, или оттого, что опасность все увеличивалась – теперь им предстояло прошмыгнуть под самым носом у немцев. Ах, если заметят! Действительно, было бы оружие, а то... Разве что проявит свое умельство этот строгий сержант. Насколько он был ей несимпатичен прежде, настолько сейчас на нем сошлась вся надежда.

Может быть, километр они, сильно пригнувшись, бежали вдоль невысокой насыпи. Но вот насыпь почти вовсе сошла на нет, а главное, кончились кустики, сержант упал грудью на бровку канавы, и они попадали тоже. Они не решались выглянуть из-за насыпи и только прислушивались, но вроде на той стороне их еще не заметили. Что ж, предстояло самое трудное – дальше надо было ползти.

Рыхлый неглубокий снег занялся под утро тоненькой ломкой коркой, которая, однако, больно царапала покрасневшие Зоськины руки; ее юбка и колени очень скоро

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru намокли, но она не ощущала холода. Напротив, ей стало душно под теплым платком, и она сдвинула его на затылок, она едва успевала за безостановочно мелькавшими в канаве сапогами Антона, боясь отстать и тем нарушить порядок. К тому же сзади, шумно пытая, на нее наседали Пашка – она два раза оглянулась, и его вспотевшее лицо оказалось возле самых ее ног. Где-то за ним, вскидывая обсыпанный, в армяке, зад, ворошился Салей.

Так, воткнувшись лицом в снег и ничего не видя вокруг, они проползли с полкилометра, и Зоське уже начало казаться, что она больше не выдержит. В груди у нее горело, спина, плечи и живот – все обливалось липким потом. Сбоку снова пошли реденькие кустики, кажется, уже недалеко был соснячок, и тут она едва не наткнулась на замерший Антонов сапог и тоже замерла, чуть приподняв голову. Только она обрадовалась неожиданной передышке, как сержант, обернувшись, яростным шепотом бросил: «Быстро! Вперед!», и сапоги Антона замелькали с такой быстротой, что она сразу отстала. Из всех сил перебирая руками и размазывая коленями грязь под снегом, она бросилась за ним, ударила коленом о какой-то камень в снегу, сжала зубы от боли. И все-таки она отставала. Она чувствовала близко притаившуюся опасность и понимала, что надо быстрее. Но быстрее она не могла. Когда, толкнув ее сапогом, через нее в какой-то непонятной спешке перевалился Пашка, она подумала: перевалится еще и Салей, и приготовилась оказаться последней. Но Салей не стал ее обгонять, он упорно полз сзади. Антона она уже не видела, она безнадежно отставала и, чтобы убедиться, что она пропала, набралась решимости и выглянула из канавы.

Вправо ничего не было видно – все-таки их прикрывала невысокая насыпь «железки», зато одного взгляда влево было достаточно, чтобы похолодеть от страха. Совсем недалеко впереди с поперечной дороги тянулось к «железке» несколько возов с седоками. Пока они, наверно, ничего не замечали в канаве, но, подъехав ближе, несомненно, увидят в ней все. Сержант, по-видимому, рванул проскочить раньше, может, под носом у этих саней, но проскочить он уже не успеет. На несколько коротких секунд Зоська обмерла от увиденного, не имея сил догнать ушедших вперед и не зная, что делать. Хватая ртом воздух, она лежала ничком в канаве, пока не почувствовала сильный толчок в сапог.

– Бягом! Бягом, ты, не видишь?! – прикрикнул на нее Салей, и она вскочила.

Низко пригнувшись, она побежала в канаве за уходящими к сосняку тремя фигурами: сержанта, Пашки и Антона, охваченная единственной целью – догнать. Самое страшное теперь для нее было отстать, потерять тех, от кого еще десять минут назад она готова была сбежать. Теперь она видела в них единственную для себя защиту, потеряв которую была обречена в этом поле.

Однако бежать было ненамного легче, чем ползти, она совершенно вымоталась и загнанно дышала открытым ртом. Сильно пригибаясь, она не могла видеть вправо, откуда как-то угрожающе гулко бабахнул первый винтовочный выстрел. Она не знала, стреляли по ней или, может, по тем, что ушли вперед, но она сразу упала, тут же вскочив от сердитого крика Салея:

– Бягом, ты, раззява, туды-т твою мать!..

Не зная, кого больше опасаться – тех, что открыли огонь за насыпью, или совсем уже близко подъехавших по дороге, она, заплетаясь ногами, снова побежала по истоптанной следами канаве. Ушедших вперед она уже не видела, перед ее лицом лишь мелькал разрытый ногами снег, и она, низко склоняясь, бежала по этому снегу. Но выстрелы из-за насыпи загремели чаще, одна пуля, видимо, попав в рельс, с пронзительным треском обдала ее щебенкой и снегом. Но Зоська не упала. Она только удивилась, увидев невдалеке по кювету попадавших партизан. Кажется, однако, они были живы, и Пашка даже стрелял через насыпь, остальные просто устало лежали. Зоська тоже упала возле знакомых растоптанных сапог Антона. Несколько минут хватала ртом воздух и слушала. Сержант все ругался, остальные молчали. Кажется, вперед ходу не было, путь к лесу уже был отрезан. Выпустив куда-то обйому, Пашка сполз задом с насыпи и убрал за собой винтовку.

– Собаки! – сказал он и вздрогнул от близко ударившей пули.

– Что? – спросил сержант, с потным, покрасневшим лицом лежавший на бровке канавы.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Вон, к лесу бегут!

Как поняла Зоська, это было и еще хуже. Если бегут к лесу, значит, хотят перехватить их на опушке. Куда же тогда им податься?

– А ну, дай! – протянул руку сержант и схватил у Пашки винтовку. – Салей! Жхни по тем, пусть испугаются! – кивнул он за канаву, а сам рванулся выше к рельсу и, быстро прицелясь, выстрелил. Рядом в другую сторону выстрелил Салей, горячая гильза из его винтовки обожгла Зоськину руку. Пашка с Антоном лежали не шевелясь и, только приподняв головы, напряженно вслушивались в перестрелку. Сержант быстро выпустил обойму и вдруг крикнул:

– Бегом вперед! Быстро!!

И, вскочив, опротясь бросился по канаве, за ним с неожиданной прытью припустили Пашка и Антон. Зоська с Салеем снова оказались последними. Но Зоська теперь пуще всего на свете боялась отстать и, осклизаясь по откосам канавы, побежала так, как, казалось, не бегала никогда в жизни.

Однако через сотню метров они снова попадали возле маленького черно-белого столбика с цифрой 7 на боку. Частая винтовочная стрельба гремела, казалось, по всему полю. Сперва Зоська не слышала пуль, но, когда на ее глазах от столбика взлетел вверх бетонный осколок, она тотчас ощутила их злую силу и теснее прижалась к земле. Спасала канава. Только долго лежать в канаве, наверно, было нельзя, они и без того потеряли много драгоценного времени; полицаи уже сжимали их с обеих сторон.

– По одному, – сказал, задыхаясь, Антон. – Короткими перебежками...

Сержант зло оглянулся на него, поискал глазами Салея.

– Салей, огонь!

Салей снова начал стрелять с колена по тем, что подбирались с дороги. Наверно, они там были уже близко, но Зоська не выглядывала, она только вздрагивала, когда близкая пуля вонзалась в насыпь, обдавая ее щебенкой и снегом. Но вот, выбрав, наверно, момент, сержант рывком вскочил на ноги и, что-то прокричав, головой вперед бросился через рельсы, сразу исчезнув на той стороне однопутки. За ним, оглянувшись, менее ловко перебежал рельсы Пашка. Зоська лежала рядом с Антоном. Теперь, наверно, черед был за ним, но Антон почему-то медлил, и она, не поняв причину его промедления и чувствуя, что опять может отстать, выскочила из канавы.

Она благополучно перебежала наискосок рельсы, ухватив взглядом уже вбегавшие в соснячок знакомые две фигуры ребят, и выпрямилась, чтобы перескочить неглубокую с этой стороны канаву. Но в этот момент что-то непонятное с чугунным звоном ударило ее в голову. Зоська пошатнулась, но не упала, в недоумении схватилась рукой за голову и, увидав на ладони кровь, поняла, что ранена. Она вяло перебежала канаву, влезла в засыпанные снегом заросли будылей и, зажимая ладонью рану повыше виска, побежала к недалекой опушке рощи.

Она боялась упасть и не оглядывалась. Только когда сзади и близко грохнул винтовочный выстрел, она на бегу оглянулась – это, пригнувшись, стрелял Антон. Салея не было видно, и она, шатаясь и очень боясь, чтобы не запнуться и не упасть, бежала по чистому снегу. Правая сторона головы как-то странно пухла от глубокой звенящей боли, кровь заливала ухо, щеку и шею под сбившимся на ворот платком, но она бежала к спасительной опушке рощи, где уже скрылись сержант и Пашка.

Антон догнал ее в двадцати шагах от опушки и снова на бегу выстрелил куда-то из винтовки. Впервые одним глазом (второй уже заплыл кровью) она взглянула в ту сторону, куда он стрелял, и ужаснулась: их настигали полицаи. Двое из них бежали с винтовками почти по пятам, один, остановившись, стрелял в Антона. Опушка молчала, сержант с Пашкой исчезли. Как-то увернувшись от пули, Антон перегнал Зоську и тотчас скрылся между сосенок. Зоська снова оказалась последней, а полицаи были в ста метрах сзади. Боль пухла в голове, охватив всю правую сторону, обидя терзала ее сердце, она чувствовала, что погибает – глупо и совершенно напрасно. Но все же она заметила то место на опушке, где скрылся

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Антон, и под выстрелы и крики сзади тоже вбежала в сосняк. Теперь ее надежда была на Антона. У него была винтовка, он был ближе других. И Зоська бежала, как только могла бежать в чаще – раздирая руки, грудь, плечи, оберегая лишь голову от торчащих со всех сторон сучьев.

Сзади слышались выстрелы и голоса, но, кажется, полицаи отстали и видеть ее не могли. Она побежала медленнее и, выбиваясь из сил, постепенно перешла на шаг.

На узкой полянке она увидела знакомые следы сапог на снегу и слепо побрела по ним. Чтобы не упасть, она то и дело хваталась рукой за ветки, другой зажимая рану. Теперь ей ничего не оставалось, как постараться догнать Антона, если он не ушел далеко, чтобы с его помощью перевязать рану. Сама она не могла этого сделать и боялась потерять сознание от потери крови. Она плохо видела в этой чаще своим одним глазом и обрадовалась, когда услышала за сосенкой треск ветки.

– Антон!..

– Ну что? Иди сюда...

С затянутого тучами неба сыпался мелкий снежок...

18

Антон подождал Зоську – а что ему оставалось делать, не бежать же ему вдогонку за этим баламутом-сержантом. Конечно, и сержант, и Зоська теперь были ему ни к чему. Кажется, он выкрутился из беды, избежал самосуда, ушел от полицейской пули и даже вооружился винтовкой убитого на «железке» Салея. С Зоськой, наверно, все уже было кончено – зачем ему Зоська? Хотя... Кто знает, что будет дальше, но вот она выбежала из сосняка с залитой кровью щекой, и что-то в Антоне болезненно сжалось при виде ее недавно еще привлекательного, а теперь искаженного гримасой боли лица.

– Бинт есть?

Бинта, однако, у нее не оказалось, у него тоже не нашлось в карманах ничего подходящего для перевязки. Надо было разорвать что-нибудь из белья, но не раздеваться же тут, под носом у полицаев. Прежде всего следовало уносить ноги, коль уж оторвались от погони; каждая минута была дарована им для спасения.

– Вот черт! – выругался Антон, вслушиваясь в долетавшие с опушки голоса полицаев – еще, чего доброго, кинутся по следам вдогонку. Зоська, все зажимая ладонью рану, загнанно дышала, и он схватил ее за свободную руку.

– Как, терпеть можешь?

Она что-то сказала, но он, не расслышав, поволок ее сквозь туго пружинившие ветки сосенок – прочь от опушки, дальше, в глубь этой молодой рощи, пока ту не окружили полицаи. Окружат, тогда снова придется пробиваться с боем, что всегда пахнет кровью.

Но как-то неожиданно скоро роща кончилась, они выбежали на опушку, и Антон позволил себе остановиться, чтобы перевести дыхание. Зоська сразу упала на присыпанный снегом мох, а он сперва огляделся. Впереди лежало неширокое снежное поле, за ним темнела полоса новой рощи. Рассмотреть ее издали было трудно – сверху вовсю сыпал снег. Но, может быть, снег теперь к лучшему, подумал Антон, он укроет следы, будет легче уйти от преследования. Слегка отдышавшись, Антон повернулся к Зоське, которая, уронив голову, боком лежала между сосенок.

– Ну, ты как?

Она не ответила, лишь простонала, сжав зубы. Плечо ее плюшевого сачка было в крови, платок с правой стороны тоже пропитался загустевшей кровью, на которую налипали снежинки. Антон прислонил к сухому сучку винтовку и решительно распахнул свой кожушок. Вытащив из-под свитера подол нательной сорочки, он отодрал от нее неширокую полосу и присел перед Зоськой.

– А ну, дай!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Кажется, девке здорово повезло сегодня – пуля слегка задела голову по касательной, а взяла бы на какой-нибудь сантиметр глубже, и перевязка уже не понадобилась бы. Морщась при виде сочившейся из раны крови, Антон обмотал свой лоскут поверх залепленных кровью и снегом волос, кое-как скрепил толстым узлом концы. Зоська, сильно побледнев, тихо постанывала, ее правый глаз, надбровье и даже щека заплывали мягкой синюшной опухолью. Перевязывая ее, Антон все время испытывал какое-то странное, неподвластное ему чувство, состоящее из жалости и почти непреодолимой безразличности.

– Ничего, – слабо утешил он, закончив перевязку. – Главное – ноги целы. Куда-нибудь да дойдем.

Она сама осторожно повязала поверх его лоскута свой платок, отчего ее голова стала непомерно большой и уродливой. С Антоном она не разговаривала, видно, едва преодолевая боль, и он не стал приставать к ней с вопросами. Он больше вслушивался в неясные звуки леса и однообразный шум сосен, с тревогой ожидая услышать голоса полицаев.

Но полицаи, видно, отстали, лес был спокоен, ровно шуршала снежная крупа по кошку на плечах.

– Как, идти можешь?

Зоська вместо ответа сделала немощную попытку подняться, и он, подав ей руку, помог встать на ноги.

С короткими остановками они перешли поле и достигли следующей сосновой рощи. Только они вошли в нее, как Зоська вдруг остановилась, переломилась вся в пояснице, и Антон, оглянувшись, понял: ее тошнило. Пока она содрогалась, ухватившись за дерево, он растерянно стоял напротив, думая, как бы не пришлось нести ее на спине. Но нет, не пришлось, Зоська справилась с собой, распрямилась, и они пошли дальше. Правда, она все время отставала, вынуждая Антона придерживать свой шаг, и шла, словно бы пьяная, то и дело оступаясь, вот-вот готовая упасть. Руку не опускала от головы, смотрела лишь себе под ноги. Кроме того, она все время молчала, и Антон не окликал ее, терпеливо поджидая во время остановок. Наверно, ей надо было отдохнуть, но он стремился уйти подальше от полиции, а потом... Но он и сам толком не знал, что будет потом.

Миновав рощу, они долго брели по голой снежной равнине неизвестно куда. Антон давно уже не узнавал местности, наверно, он здесь никогда прежде не был, и шел наугад. Снегопад не прекращался. Снежная крупа с ветром стегала с обеих сторон, чаще, однако, заходя сзади, и он думал, что направление выдерживает правильно. Видимость была скверная, а среди равнинного поля и вовсе ничего не стало видать – в сплошной белой мгле лишь мелькали, крутили, носились снежинки. Но вот чуть в стороне что-то засерело неясным округлым пятном – показалось, стожок или, может, скирда соломы. Однако взглядевшись, Антон догадался, что это – одинокое дерево в поле. Подумав, что пора отдохнуть, он свернул к этому дереву и, немного пройдя, сквозь сеть снегопада увидел вдаль и другое высокое дерево, а за ним ряд деревьев пониже, приземистые силуэты построек, соломенную крышу с трубой. Похоже, они вышли к деревне. Деревня теперь была кстати, в ней, наверно, придется оставить Зоську. Но – если бы ночью. Днем появляться в незнакомой деревне – всегда большой риск, тем более под носом у немцев.

Широко ступая в неглубоком снегу, Антон подошел к дереву и остановился. Это была роскошная груша-дичок с богатой, прямо-таки художественно сформированной кроной, раскинувшаяся на меже двух земельных владений. Ниже под деревом, полузаметенная снегом, горбилась большая куча камней, собранных с этого поля. На языке местных крестьян она называлась крушной. Если присесть пониже, за крушной можно было укрыться от ветра и постороннего глаза, другого укрытия поблизости не было.

– Вон деревня, видишь? – кивнул он Зоське, когда та притащилась к дереву.

– Княжеводцы, – каким-то странно изменившимся голосом тихо сказала Зоська, и Антон, внимательно посмотрев на нее, догадался: это от опухоли, уже охватившей всю правую сторону ее лица.

– Что, знакомая деревня?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Знакомая. Летом тут у подруги была...

– Вот и хорошо. Будет где перепрятаться. Потемнеет – пойдем. А пока садись, надо ждать.

Он вывернул из-под снега большой плоский камень на краю крушни, и Зоська с готовностью опустила на него, уронив на руки голову ее левой, здоровой, стороной.

– Лягнуло твое задание, – сказал Антон, садясь на другой камень рядом. – И мое тоже. Что теперь делать?

Зоська, тихо постанывая, молчала, и он, приоткрыв затвор, заглянул в магазинную коробку винтовки. Там было всего два патрона и стреляная гильза в патроннике. Гильзу он выбросил на снег, патроны утопил глубже в коробку. Два патрона, конечно, мало, почти ничего, разве что на крайний, критический случай. Хорошо, однако, что раздобыл винтовку. Правда, сам едва не угодил в полицейские лапы, но винтовочку все-таки прихватил. Жаль, не успел поворошить у Салея в карманах, наверное, там нашлась бы лишняя обойма. Но и так едва добежал до опушки. Во всяком случае, с винтовкой уже можно будет возвратиться в отряд. Только что он скажет в отряде о своем трехдневном отсутствии?

Черт, как нескладно все получилось!

И надо же было ему выбрать такой неподходящий момент, нет чтобы переждать в лагере и услышать, что произошло в Сталинграде. Действительно, поспешишь – людей насмешишь. Но кто знал, что дела в Сталинграде обернутся таким неожиданным образом и в такое именно время. Да и Зоську никогда прежде не посылали в Скидель, как он мог упустить такой благоприятный момент?

Эх, Зоська, Зоська! Как она глупо разрушила все его замыслы и едва не погубила его и себя тоже... А может, она спасла себя и его? – вдруг подумал Антон. Если иметь в виду Сталинград, то действительно удержала от губительного последнего шага. Знала ровно столько, сколько знал он, а поди вот... Что значит чутье! У него же такого чутья не оказалось, и он едва не сунулся в этот полицейский гадюшник в Скиделе. Теперь нетрудно было представить, чем бы все кончилось, окажись он у того же Копыцкого. Вот и выходит, что Зоська была осммотрительней и косвенным образом спасла Антона.

Отвернувшись от ветра, Антон терпеливо сидел на камне, подняв воротник кожушка, винтовку положил на колени. В этой суете, беготне и перестрелке он не заметил, сколько прошло времени, и думал, что скоро, пожалуй, начнет смеркаться. Но пока было светло, все сыпал снег, и в каком-нибудь километре от груши серели голые кроны деревьев и крыши хат в Княжеводцах. Надо было еще подождать. Он не чувствовал холода, и если бы не ветер, то в кожушке ему было, в общем, терпимо среди этого метельного поля под грушей. Вот только как Зоська?

– Она где живет? Подруга твоя? – Антон обернулся к Зоське. – С какого конца?

Зоська медленно подняла осыпанную снегом голову и коротко взглянула на него со страдальческим выражением на искаженном лице.

– А тебе зачем?

– Ну как подойти? Если с этого конца, то можно рискнуть и теперь. Не тянуть до ночи.

Она опять опустила уродливо обвязанную голову и чуть слышно спросила:

– Ты спешишь?

– Спешу, конечно. Погулял, хватит. Пора и честь знать.

– Скидель недалеко. Пятнадцать километров.

– А зачем Скидель? Мне в отряд надо.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Вот как! Значит, передумал?

– Ну хотя бы и передумал. Ты же слышала: заминка в войне получилась. Немцев от Сталинграда погнали. А там у них лучшие силы.

Зоська смолчала, и он стал подтягивать самодельный ремень на винтовке. Видно, этот Салей был такой партизан, как и его винтовка с ржавым, забитым грязью затвором, приклад был расколот продольной трещиной, ремень вместо тренчика привязан к ложе бечевкой. Надо будет все это привести в божеский вид, иначе какой же он партизан с никудышным оружием? Теперь, когда, к беде или к счастью, у него сорвалось с этим Скиделем, Антон даже как-то оживился, несмотря на пережитое, все-таки он возвращался к трудной, но уже ставшей привычной жизни в лесу, среди своих, знакомых людей. Вот только как они примут его после столь длительной самовольной отлучки – этот вопрос, как заноза, торчал во встревоженном его сознании. Он еще не додумал ничего до конца, но уже и без того чувствовал, что все будет зависеть от Зоськи. Зоська может его спасти, а может и погубить, когда он вернется к своим. Значит, прежде всего надо поладить с Зоськой.

– Зось, а Зось! Ты на меня не злись, – сказал он примирительно, почти с просьбой в голосе. – Я же хотел как лучше. Для тебя и для себя.

– А я и не злюсь. Что на тебя злиться...

– Вот молодец! – сказал он обрадованно. – Выйдем к своим, поправишься... Мы еще поладим с тобой, правда ведь?

– Нет уж, мы не поладим.

– Это почему? Ведь я же тебя...

– Помолчи лучше, – глухо перебила она, и он подумал: неужели обиделась напрочь? Или очень болит рана? Рана, конечно, скверная, как бы Зоська, если даже и выживет, не осталась навсегда дурочкой. Голова все-таки, не мягкое место сзади. Голову прежде всего беречь надо, потому солдатам на фронте выдают каски. Умные люди придумали. Если поврежден череп, то можно и умереть, это неважно, что пока стоишь на ногах и при памяти. Помер же вон от такой раны партизан из первого взвода Сажнев, хотя перед тем трое суток был на ногах и чувствовал себя неплохо.

– Слушай, Зоська, – сказал он помягче, почти ласково. – Ты вчера предлагала написать командиру. Ну обо мне, в общем...

– Что написать? – не поняла она.

– Ну, ты говорила. Что я помогал тебе и прочее. Что прикрыл группу там, на «железке». Ведь если бы не я, они бы всех, как Салея. Ведь так же?

– А зачем писать? – холодно сказала Зоська. – Ты что, меня уже хоронишь?

– Я не хороню. Но ведь ты остаешься, – кивнул он в сторону деревни, – а мне топтать в отряд.

– Уж как-нибудь и я доберусь в отряд.

– Но пока ты доберешься, меня могут... Как я там оправдаюсь?

– О чем же ты раньше думал?

– Раньше о другом думал. О тебе, между прочим! – начал раздражаться Антон.

Он в самом деле чувствовал себя обиженным ее несговорчивостью. Вот же привел Бог связаться с этой упрямицей, ни в чем невозможно с ней сладить. Прямо-таки странно, откуда это у нее берется? Судя по миловидной внешности, никогда не предположишь в ней этой твердости, с виду такая покладистая, улыбчивая, без грубого слова, всегда с готовностью понять и поддержать шутку. А тут... Язва стала, а не девка. Такие ему еще не попадались. Всегда он умел договориться с любой, если не сразу, то погодя, добиться своего с помощью ласкового слова и веселой шутки. С женщинами ему в общем везло, и он нередко полагался на них в

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru трудный момент своей жизни. А эта...

Снег продолжал сыпать, но вроде тише стал ветер, и, кажется, начало смеркаться. В поле вокруг потемнело, померкло заволоченное тучами небо. У Антона озябли в сырых сапогах ноги, и он, встав с камня, начал, притопывая, разминаться под грушей. Деревья и крыши в Княжеводцах все еще тускло серели за полем, но он знал, что через час-полтора станет темно. Он отведет Зоську в деревню, разыщет ее подругу, авось там будет спокойно и Зоська отлежится у знакомых. Ему же надо пробираться в отряд. Снег пока неглубокий, за ночь он сможет отмахать километров тридцать, местность по ту сторону Немана ему хорошо знакома. Но прежде чем расстаться с Зоськой, надо добиться от нее свидетельства, что он помогал ей в разведке, а не околачивался неизвестно где трое суток. Конечно, он понимал, что даже и с таким свидетельством будет нелегко избежать скандала, но с помощью Зоськи все, может быть, обойдется. Без нее же ему капут, самому ему не оправдаться.

– Уже темнеет, – измученным голосом сказала Зоська, приподняв голову.

Да, пожалуй, уже можно, не боясь быть замеченными, выходить в поле. Покамест они подойдут к деревне, стемнеет и еще больше, но Антон тянул время: ему хотелось напоследок окончательно договориться с Зоськой.

– Сейчас пойдем, – сказал он. – Давай руку, вставай, погрей ноги.

Он помог ей подняться с камня, и она, пошатнувшись, едва удержалась на ногах. Антон подхватил ее под руку, но нетерпеливым движением локтя она отстранила его:

– Я сама.

Что ж, пожалуйста, подумал он, давай сама, если сможешь. Но она не спешила сама, повернув набок голову, сперва неловко вгляделась в едва различимые в сумерках очертания Княжеводцев.

– Я пойду в деревню, – глухо сказала она, не оборачиваясь. – А ты иди за Неман.

– Зачем? – удивился Антон. – Сперва доведу тебя, устрою.

– Нет, – сказала она.

– Это почему? – насторожился он. Упорное неприятие его помощи чем-то озадачивало Антона, но он еще не догадывался, что тому было причиной.

– Я пойду одна.

– Нет, одну я тебя не пущу.

Она еще постояла, горбясь и болезненно прижимая руку к повязке, и вдруг молча опустилась обратно на камень.

– Вот еще фокусы! – сказал он. – Ты что, ночевать тут собралась?

– Иди за Неман! – тихо, но твердо сказала она. – Потом я пойду в Княжеводцы.

– Ах, вот как! – догадался Антон. – Не доверяешь, значит?

– Не доверяю.

– Да-а, – несколько растерянно сказал он и тоже опустился на камень повыше.

Оказывается, возможно и такое, подумал Антон. Он прикрывал ее огнем на «железке», не бросил в лесу, увел от преследования полицаев. Он, можно сказать, спас ее, рискуя собой, а она ему не доверяет. Она не хочет показать, куда пойдет в Княжеводцах, чтобы он не выдал подругу, что ли? Но он уже не собирался идти к немцам, он возвращался в отряд – чего же ей еще надо?

С трудом подавляя в себе озлобление против Зоськи, которая сегодня не переставала удивлять его своими необъяснимыми выходками, он вдруг почувствовал степень ее враждебности к нему, и ему сделалось страшно. Ведь с таким чувством к

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ему она запросто выложит в отряде все, что с ними случилось, и ему наверняка недобровать. Если там узнают о его неосуществленном плане относительно Скиделя, услышат о его намерении обратиться к Копыцкому, его просто сведут в овраг, где он и останется. Но это было бы ужасно! Именно теперь, когда дела на фронте вроде вдохнули надежду, когда он решился до конца оставаться партизаном, когда он навсегда размежевался с немцами и с Копыцким, он может погибнуть от рук своих бывших товарищей. И всего лишь потому, что где-то усомнился, по молодости захотел выжить и в трудный момент не совладал с нервами...

И погубит его та самая, с которой он готов был связать себя на всю жизнь и из-за которой, может, едва не совершил свою самую большую глупость.

Но ведь не совершил же – вот что, наверно, главное. Говорил, да. Но мало ли что может наговорить человек, когда жареный петух его в зад клюнет!

– Хорошо! – примирительно сказал Антон после долгого тягостного раздумья. – Хорошо... Я пойду за Неман. Но ты обещаешь мне помочь.

– В чем? – отрывисто спросила Зоська, не подняв головы. Обеими руками она опиралась о камни.

– Не говори никому, что я хотел с тобой... в Скидель.

Она сделала попытку повернуться к нему на камне, но только повела плечами. Тяжелая ее голова упрямо тянула всю ее книзу.

– А что я вместо скажу? Что проспала с тобой ночь в оборе? Что не дошла до Скиделя, потому что заночевала на хуторе? Что провалила это задание, доверяясь тебе? Что круглая дура, идиотка и преступница, которую только под суд?

Кажется, она заплакала, совсем уронив голову и подергиваясь плечами, и в этот раз он не пожалел ее – он почувствовал жалость к себе самому. Действительно, перспектива перед ним очерчивалась более чем незавидная, надо было срочно предпринимать что-то для своего спасения. Но он не знал, что, и угрюмо сидел под крушей, тоскливым взглядом обшаривая вечерний простор. В поле почти уже стемнело, деревья и крыши в княжеводцах тонули в быстро надвигавшемся сумраке, снежная крупа сонно шуршала в колючем сплетении ветвей груши.

– Вот ты, значит, какая! – с медленно нарастающим негодованием заговорил Антон. – За себя дрейфишь! Провалила задание и хочешь провалить мою жизнь?..

– За свою жизнь ты сам ответчик. Ты ее так направил. Разве я тебя не отговаривала?

– Допустим, я ошибся. Признаю. Но не ошибается тот, кто ничего не делает. Кто на печи сидит. А мы на ошибках учимся. Кто это сказал? Ты же образованная, должна знать. И ты еще женщина, ты должна быть доброй. А не такой непримиримой.

– Моя доброта меня и погубила, – тихо сказала Зоська.

– Ну вот! – подхватил Антон. – Сама признаешь. Так почему же ты и меня загубить хочешь? Я же тебе не враг!

– Бывают свои хуже врагов, – тихо сказала Зоська. – Врага можно убить. А в своего не так легко выстрелить.

– Ах, вот как! Ты уже готова и стрелять! Это за что? За мою заботу?! За то, что я тебя спас?!

Антон вскочил на ноги – ее обвинения привели его в бешенство. Он – хуже врага?.. Он весь дрожал в гневе от одних только воспоминаний обо всем пережитом с ней за последние сутки. Сколько раз он ее выручал, сколько помогал ей, сколько пережил из-за ее глупых выходок. Конечно, он не забыл, что было и другое, что он допустил грубость, и она вправе была обидеться. Но теперь он не хотел помнить это. Он помнил лишь содеянное им добро и возмущался от мысли, что за это его добро она все время пыталась отплатить ему злом. И еще сожалеет, что не имела возможности выстрелить.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Сука ты подлая! – крикнул он с тихой яростью, и она отшатнулась, замерла на камне.

Минуту спустя, не сказав ни слова в ответ, Зоська с трудом поднялась на ноги и, поддерживая рукой голову, куда-то побрела в обход крушни. Антон с ненавистью смотрел на нее сзади, она была ему омерзительна, и он в мыслях сказал себе, что не окликнет ее никогда. Пусть, как знает, спасает себя сама, а хочет, пусть гибнет, его дело малое. Скорее всего и погибнет. За первым же углом в деревне напорется на полиция и завтра со связанными руками очутится в Скиделе. Но пусть, он горевать не станет. С него уже хватит. Отныне он ей не товарищ и знать ее больше не хочет.

Искоса проследив, как она шатким шагом обогнула крушню, направляясь к деревне, Антон со злостью закинул за плечо винтовку. Ему надо было в обратную сторону – к Неману, в лес. Пути их навсегда разошлись, и он не жалел ни о чем.

Он прошел десяток шагов от груши и остановился в растерянности, пораженный новой мыслью: а вдруг ей повезет? Она разыщет в деревне знакомую и расскажет ей обо всем, что произошло между ними? Рано или поздно об этом станет известно в отряде... Нет, он не мог допустить, чтобы она появилась в деревне. Для него это равносильно самоубийству...

– Зося! – крикнул Антон дрогнувшим голосом. – Зося!

Зоська словно не слышала и не обернулась. Ее темная с уродливой головой фигура медленно отдалялась от груши, и Антон вскинул винтовку. Он помнил, что в магазинной коробке всего два патрона, но глаз у него был всегда зорек, а рука сохраняла твердость. Боясь упустить ее в сумерках, он торопливо прицелился в черную спину и плавно нажал на спуск.

Выстрел, сверкнув красным огнем, на секунду ослепил его, Антон опустил винтовку и пристально вгляделся в сумрак. Зоська темным пятном мертвенно лежала на снегу, раскинув в стороны руки. Не сводя с нее взгляда, он перезарядил винтовку, но второго выстрела, наверно, уже не потребовалось. К тому же последний патрон было разумно сберечь на какой-нибудь крайний случай!

– Вот! Так будет лучше, – зло сказал он себе, выругался, сплюнул и быстро зашагал через поле к лесу.

19

Ей было плохо, очень болело в боку и трудно было дышать, она все время пыталась сбросить с себя какую-то непонятную, давившую ее тяжесть, но не доставало силы, и тяжесть продолжала ее давить – мучительно и непрерывно. Слабые проблески сознания то и дело затягивались мутным наплывом беспомощности, она переставала ощущать себя, забываясь в немощи и боли. В короткие моменты прояснения лишь острее становилась боль, через которую едва пробивались невнятные обрывки яви, и Зоська не могла понять, что с ней случилось.

Но безотчетная работа сознания все-таки побуждала ее очнуться. Она ощутила, что умирает, и вся встrepенулась в испуге. Страх смерти вынудил ее на новый отчаянный рывок сознания, она вдруг очнулась, чтобы тут же опять погрузиться в беспомощность от сильной, охватившей ее всю боли.

Однако главное, наверно, все-таки произошло, она уже осознала грозящую ей опасность и набралась решимости противостоять ей. Она очень боялась смерти и очень хотела жить. Новым подсознательным усилием она прорвалась сквозь боль и вернула себе ощущение окружающей ее реальности.

Она еще не могла раскрыть глаз, но уже поняла, что лежит на снегу и замерзает. В довершение к боли стужа жестоко терзала ее израненное, обескровленное тело, она вся сотрясалась в дрожи, и первым ее побуждением было унять эту дрожь. Но дрожь все усиливалась, охватив конечности, вместе с тем она почувствовала руки, ноги и попробовала повернуться, но только немощно простонала от боли в боку. И без того нечеткое сознание каждый раз обрывалось на этой боли, и она не могла вспомнить, почему тут лежит. Наверно, стужа и боль вышибали все из ее памяти, и она, как младенец, начинала постигать мир с того, что было в непосредственной от нее близости.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Прежде всего это был снег, она бессознательно сгребла каждой рукой по горсти. Одубевшие пальцы плохо ей подчинялись, но она все-таки чувствовала ими холодную влажность снега. Такая же холодная знобящая влажность была у нее под боком, отчего морозною стужей зашло бедро, на котором она лежала. Сквозь боль ощутив мокроту, она снова напряглась в усилии повернуться и приоткрыла глаза.

Вокруг было темно, с сумрачного неба сыпался мелкий снежок, рядом на ветру трепетала склоненная над снегом былинка. Зоська перевела взгляд ближе и не узнала собственных рук – так густо их засыпало снегом. Испугавшись, что скоро ее совсем занесет в этом метельном поле, она двинула одновременно двумя ногами и снова потеряла сознание.

Она не могла знать, сколько на этот раз пролежала в беспамятстве, но, когда сознание снова воротилось к ней, она уже вспомнила, где лежит. И она почувствовала еще, что особенно сильная боль, обессилившая ее тело, исходит из левого бока. Боль эта не дает ей вздохнуть, не дает резко двинуться, она же давит ее непосильным удушающим грузом, распластав на морозном снегу.

Но почему она одна? Почему она ранена в этом ночном снежном поле? Где люди? Где партизаны и как она здесь очутилась?

Потребовалось несколько долгих минут и немалые усилия памяти, чтобы она медленно восстановила в сознании разрозненные моменты прошлого, предшествующие ее ранению. Она вспомнила Антона и поняла, что его рядом нет. Память ее, ухватившись за конец этой ниточки, потянула за нее дальше, и через несколько невнятных картин Зоська вспомнила полевую грушу и крушню под ней, потом – последний разговор с Антоном... Еще она куда-то пошла... Да она же направилась в Княжеводцы! Ведь тут же за полем, совсем близко от груши, видны были княжеводские крыши, и она пошла к ним, бросив Антона... А потом... Что было потом?

Потом был выстрел сзади...

Зоська не хотела плакать, но слезы сами собой полились по ее лицу, и она не вытирала их. Она снова перестала что-либо видеть впотьмах и едва удержалась в сознании. Превозмогая острую боль в боку, она уперлась правой ногой в слезавшийся снег и попыталась сдвинуться с места. Тело ее и в самом деле немного подвинулось, но Зоська тут же и выдохлась, опять и надолго замерев в неподвижности. И все-таки она очнулась, собрала в себе жалкие остатки сил, нащупала правым коленом ямку в снегу и продвинулась еще на полметра.

Она поползла – медленно, с продолжительными остановками, едва преодолевая приступы слабости, от которых мутилось сознание. Теперь, когда она вспомнила, как близко была деревня, она не хотела умереть в поле, она рвалась к людям. Но где они, люди? Как долог к ним путь и сколько еще надо силы, которой у нее почти не осталось?

Она ползла долго, казалось, целую вечность, временами теряя сознание. Иногда болевые удары с такой злобной яростью вонзались в ее бок и спину, что она беспомощно замирала на месте, долго не решаясь снова шевельнуть рукой или ногой. В голове ее что-то болезненно дергалось, казалось, там выдирали из черепа мозг, но к боли в голове она кое-как притерпелась. Хуже было с болью в боку, которая подкарауливала ее ежесекундно, стоило только ей двинуть левой ногой. Это была подлая и жестокая боль, и Зоська подумала, что она, видно, не даст ей доползти до деревни.

Но она должна доползти. Мысль об Антоне сильнее всего другого гнала ее в Княжеводцы. Она понимала, что может скоро умереть, но прежде она должна предупредить своих об этом перевертыше. Иначе он вернется в Липичанку, вотрется в доверие и снова предаст в удобный для него момент. Предать, обмануть, надругаться ему ничего не стоит, потому что для него не существует моральных запретов, он всегда будет таким, каким его повернут обстоятельства. А обстоятельства на войне – вещь слишком изменчивая, и такой же скользко-изменчивый по отношению к людям будет Голубин.

Но почему он такой? Или он таким родился, унаследовав характер от предков? Или таким его сделала жизнь? Но разве жизнь его была труднее, чем жизнь Зоськи с ее

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru повседневным трудом ради куска черного хлеба? Но так жило в этих местах большинство здешних людей, и любой самый забитый бедняк из богом забытой деревни знал, что нельзя поступаться совестью, нельзя идти против своих. Почему же Голубин не усвоил этого?

Зоська жестоко страдала от боли, душевные муки, однако, терзали ее не меньше. У нее не было никакой уверенности, дотянет ли она до деревни, доберется ли наконец до людей. Но ей очень нужны были люди, только они могли помочь ей. Было бы ужасно по отношению к себе, к матери, к товарищам, пославшим ее из леса, пойти и не вернуться, как не вернулся с задания их прежний командир Кузнецов, не вернулась, загадочно сгинув, группа Суровца, никогда не вернется убитый на «железке» Салей, да и мало ли еще кто. Нет, она должна собрать в себе силы, не поддаться смерти и вернуться к своим. Хотя бы затем, чтобы рассказать, что случилось и почему она не смогла сделать то, что должна была сделать.

Она помнила: деревня была совсем недалеко от груши, но не знала, сколько она проползла в этом снегу. Ветер все сыпал и сыпал мелкой крупой, заматывая ее след в поле, но совершенно заметет он его, наверно, не скоро. «А вдруг сюда вернется Антон?» – в ужасе подумала Зоська. Вернется, чтобы добить ее, – ведь это вполне логично. И так удивительно, как он не прикончил ее: может, посчитал убитой? Или торопился уйти?

Зоська давно плохо видела одним левым глазом, да и было темно. Боль в голове не дала ей обернуться, и она только прислушалась, замерев на снегу. Но, кроме порывов ветра и привычного шума метели, кажется, ничего не было слышно.

Ее временами поташнивало, как после угара, сознание снова начало меркнуть, и она подумала, что, видно, не доползет. Видно, тут и останется. Но пока она еще что-то могла, она из последних сил подвинула себя в рыхлом снегу один, второй, третий раз и замерла в неподвижности. Впереди что-то чернело в метельных сумерках, но, падая в забытье, она не успела рассмотреть, что. Потребовалась долгая мучительная пауза, прежде чем притупилась острота боли в боку, и, чуть повернув голову, она увидела впереди ограду. Парные кольца с жердями-перекладинами изломанной линией тянулись от нее к деревне. Это была летняя ограда в конце огорода, значит, дома уже близко. Зоська обрадовалась этому открытию, будто предвестнику ее спасения, и, сделав невероятное усилие, достигла наконец угловых колец ограды. Чтобы помочь себе проползти еще шаг-другой, она ухватилась за тонкий конец нижней жерди, и тот, тихо хрустнув, сломался. Больше силы у нее не осталось. Обескураженная неудачей, она полежала немного и, подняв в руке обломок, ударила им по жерди повыше. Ее удар гулко отдался в ночной тишине, и тотчас где-то вдаль послышался визгливый собачий лай.

Зоська внутренне встрепенулась – это была удача; она подняла над собой палку и постучала несколько раз сильнее. Сигнал ее передался по ограде дальше, и, показалось, лай послышался ближе. «Лай же, лай, милая собачка! – подумала Зоська с нежностью. – Лай! Авось нас услышат...»

В счастливой уверенности, что доползла и что сейчас кто-то к ней выйдет, она вся обвела и надолго потеряла сознание.

20

Навсегда разделившись с Зоськой, Антон почувствовал облегчение, почти успокоение, словно свалил с плеч заботу, которая долго не давала ему покоя. Теперь свидетелей не было, никто не мог знать о его намерениях, его постыдной попытке улизнуть от войны. Он опять был чист, честен, безгрешен в отношении к Родине, людям и своим товарищам.

Подогреваемый медленно остывающей злостью на Зоську, он не чувствовал никакого угрызения – подумаешь, убил девку. В мире, где шла война и каждый день убивали тысячами, где каждую минуту могли убить его самого, это маленькое убийство вовсе не казалось ему преступлением, – убил потому, что иначе не мог. Сама виновата. Погибла через свой дурацкий характер, который в такой обстановке рано или поздно привел бы ее к могиле. Не застрелил ее он, ее все равно убили бы немцы, вытянув вдобавок кое-какие партизанские сведения, – кому от этого было бы лучше?

Скорым шагом Антон пересек померкшее поле и вышел к хвойной опушке рощи. Невысокие густые сосенки плотно смыкали свой ряд, и он с усилием пролез между

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ними, стряхнув на себя белесую в ночи тучу снега. Низко сгибаясь, почти на ощупь, он начал пробираться в глубь рощи. Он думал, что вдали от опушки сосняк станет реже, но вся роща оказалась плотно сросшейся хвойной чащобой, пробраться через которую даже днем стоило большого труда, не говоря уже о ночи.

Продираясь сквозь хвойные заросли, он больно расцарапал руку, разодрал кожушок на плече и стал думать уже не о том, чтобы выдержать направление к Неману, а хотя бы выбраться из этой чащобы. Но, круто взяв в сторону, он угодил в какой-то хвойный сушняк, оставшийся, наверно, после одного из летних пожаров, где и вовсе невозможно было ни пройти, ни пролезть из-за сплошного густосплетения колючих и твердых, как стальные спицы, ветвей. Поняв, что это место лучше обойти стороной, Антон повернул обратно, потом снова начал забираться влево. Но куда бы он ни подался, всюду его подстерегала непролазная чаща из колючек, ветвей и сучьев, отчаянно цеплявшихся за кожушок, обдиравших лицо, руки, то и дело срывавших с головы шапку. Он устал, разогрелся, взмок от пота и набившегося в каждую прореху снега.

Уже потеряв надежду когда-либо выбраться из этих колючих дебрей, Антон, сгибаясь в три погибели, преодолел очередную делянку особенно густого подроста и очутился наконец на опушке. Впереди было поле, он стряхнул с себя снег, ощущая на разгоряченном лице упругие удары ветра, по-прежнему сыпавшего впотьмах снежной крупой. Он пошел по полю, дав себе слово не лезть больше в заросли, где в такую ночь и такую погоду можно разве что скрываться от врагов. Ему же надо было поскорее попасть на Островок или, может быть, переправиться через Неман в другом подходящем месте. Теперь это заботило его больше всего другого, потому что задержка с переправой грозила завтра новой бедой в этом малознакомом приречном районе с его полицией, засадами, патрулями по деревням, хуторам, на дорогах.

В поле стояла ночная тишь, идти было легко, Антон понемногу пришел в себя и почти успокоился. Он старался не думать ни о недавнем убийстве, ни о том, что ему пришлось пережить с Зоськой. Что было, то все прошло, внушал он себе, в его положении разумнее позаботиться о будущем. По всей вероятности, придется разыскать того баламута-сержанта и его дружка Пашку, хотя Антон даже не знал их фамилий и не имел представления, из какого они отряда. Но они бы смогли подтвердить его отважный поступок при переходе «железки», все-таки он прикрыл их огнем и тем дал возможность спастись. Правда, они же могут рассказать и о неприятном конфликте с Зоськой на хуторе... Может, лучше не ссылаться на этих людей, что хотя и усложнит объяснение причин его самоволки, зато позволит ему отречься от Зоськи: ее он не видел, не встречал, ничего о ней не знает. Пошла и пропала, мало ли что может случиться с партизанской разведчицей во вражеской зоне... Внешне такая позиция выглядела вполне убедительной и не должна была вызвать больших подозрений, надо лишь вести себя твердо и нахраписто. Где был трое суток? Ходил в деревни, пытался разжиться обувкой. Сапоги совсем развалились, сколько раз говорил комвзвода, никакого внимания. А какой же из него партизан зимой без обуви? Почему не доложил начальству, не попросил отпустить? Шиш бы его отпустили, если бы он попросился.

Авось не застрелят.

После непролазных зарослей рощи шагать в ночном поле было одно удовольствие. Занятый своими мыслями, он отмахал километра три, если не больше, как вдруг обнаружил, что переменялся ветер. Сперва дул вроде слева, а потом стал заходить сзади. Или, может, он сам, а не ветер переменял направление? Антон остановился, прислушался. Но в поле ничего не было слышно, кроме привычных порывов шуршащего снегом ветра. Тогда он взгляделся в снежные сумерки, в которых тонуло вокруг равнинное полевое пространство, и тоже не смог различить ничего определенного.

Все же он взял чуть в сторону, показалось, там что-то возвышалось над горизонтом, хотя это мог быть мрачный край неба, и скоро, к его удивлению, из сумрака выплыла темная стена рощи. Но, по его представлениям, здесь не должно быть никакой рощи. Похоже, что он заблудился.

Слегка озадаченный, он остановился в нескольких шагах от деревьев, оперся на снятую с натруженного плеча винтовку. Взглядом он попытался проникнуть дальше в ветреные ночные сумерки, но взгляд схватывал каких-нибудь сто метров, не больше. На протяжении этих ста метров впереди была заметна лишь плавная кривизна опушки, которая почему-то показалась ему знакомой. Да они же сегодня проходили тут с Зоськой! Еще тут ее тошнило, и он стоял и смотрел на покалеченную огнем сосну на

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru опушке. Вон, кажется, и та погорелица, голые ее сучья черными вилами торчат в небо. Черт возьми, куда его занесло!

Надо было заворачивать обратно, обогнуть рошу и выходить к Неману, но Антон, еще не давая себе отчета зачем, пошел к опушке. Возле деревьев было затишнее от настырного в поле ветра, он подошел к сосне и прислонился спиной к ее черному шершавому боку. Все-таки давала о себе знать усталость, слегка кружилась голова, тягучий ветренный гул не прекращался в ушах. Позволив себе непродолжительный отдых, он почему-то перестал думать о том, как выйти к Неману и где перебраться на его левый берег. Его мысли уже занимало другое, перед глазами возникло памятное поле с грушей, где полузаметенное снегом лежит теперь остывшее тело Зоськи. К утру его, наверно, заметет совсем...

Странно, но он уже не испытывал к ней прежней неприязни, в глубине его чувств родилось новое отношение к ней, похожее скорее на сожаление и тихую безотчетную грусть. Он сокрушенно вздохнул, подумав, что все могло сложиться иначе, если бы... Но слишком многое включало в себя это «если бы», чтобы здесь размышлять о нем. Одно несомненно: война порушила все вековые отношения между людьми, поставила человека в условия, когда не подчиниться ее злой воле не было никакой возможности. Вот и здесь: разве он хотел ее убивать? Просто он сам хотел выжить, а выжить вдвоем сделалось невозможным.

Ночь нещадно отмеривала свои минуты, ему надо было уходить, а он все стоял под сосной, хоронясь от холодных порывов ветра, монотонно стучавшего по коре снежной крупой. Что-то мешало ему повернуть в обратную сторону и навсегда покинуть эти места. Чуть смежив глаза, он видел в ветреных сумерках поля знакомую грушу с грудой камней на меже... Это было совсем недалеко отсюда, сразу за рошей. Если идти скорым шагом, вся дорога туда займет минут двадцать. Робко заявив о себе, странное это желание стало быстро набирать силу и охватило его целиком. Он понимал всю бессмысленность этой затеи и спрашивал себя: зачем туда идти? Но робкий голос сомнения скоро умолк, победенный желанием. Антон еще колебался, но уже знал, что долго не выдержит. Ему стало необходимо еще раз побывать на том месте, взглянуть на мертвое тело Зоськи, убедиться, что она долго не мучилась, что вокруг все тихо-спокойно, его никто не разыскивает, и потом с облегченной душой убраться за Неман.

Нервно содрогнувшись от нетерпения, он понял бессмысленность сопротивления желанию, ставшего сильнее его, и закинул за плечо винтовку.

Весь дальнейший путь к груше был ему хорошо знаком, да и линия опушки не дала потерять направление, он обогнул рошу и оказался на княжеводском поле. Здесь предстояло пройти по прямой не более одного километра. Темная беззвездная ночь, кажется, и еще потемнела, не прекращаясь, сыпался снег, колючие его крупинки больно стегали по настылым рукам и лицу. Мороз, по-видимому, усиливался. Антон пристально вглядывался в полумрак и еще издали узнал раскидистую крону груши, в ветвях которой неприятно посвистывал ветер. На прежнем месте под грушей горбилась заметенная снегом куча камней. Но он только мельком взглянул на грушу и камни, пробежал мимо них в поле, где, однако, не увидел того, что ожидал увидеть. Очень хорошо помнил, как Зоська упала, раскинув на сером снегу черные руки, и лежала так, видная издали. Теперь же приблизительно на том самом месте ничего вроде не было, и он подумал: как быстро ее занесло снегом. Но снег с самого вечера сыпался мелкий, даже на неровностях его намело не так много, под межой и крушной он был только по щиколотку. Немного встревоженный, Антон пробежал дальше, чем требовалось, повернул обратно. Странно, подумал он, неужели он ошибся в определении расстояния? Но он хорошо помнил, что Зоська отошла перед выстрелом метров на пятьдесят от груши, иначе в сумерках он бы в нее не прицелился. Так где же она могла быть? Неровной восьмеркой Антон обежал поле, снова зашел от груши, поточнее прикинул направление выстрела. Но на том месте, где она упала, сраженная его пулей, ее определенно не было.

Почуввав неладное, он пригнулся, чтобы различить на снегу следы, и увидел темное небольшое пятно, сгреб его в горсти вместе со снегом – несомненно, это была смерзшаяся кровь Зоськи. Но где же тогда сама Зоська?

Он упал на колени и обеими руками стал ощупывать снег, сразу наткнувшись пальцами на едва заметную для глаза, широко промятую в снегу борозду с ямками от коленей, и понял, что она уползла. Это открытие ошеломило его. Со смешанным чувством испуга, облегчения и страха он вскочил на ноги и, забыв на прежнем

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru мисте винтовку, пригибаясь, побежал по неровной разрытой борозде – через бурьян, мимо полузаметенного полевого куста в направлении невидимой отсюда, но недалекой деревни. Когда все стало ясно, Антон вяло распрямился, замедлил шаг, остановился совсем и тоскливым потеряннм взглядом уставился в сумрак. Он ее не убил, только ранил, и она уползла в деревню, где у нее знакомые, связные, подруги. Ему туда хода нет.

С трудом пытаясь осмыслить новый поворот в своем положении, он вернулся назад, подобрал винтовку. Называется, пожалел патрон и погубил жизнь. Проклятая Зоська! Сколько же это может еще продолжаться? Посчитав ее убитой, он скоро утратил свой гнев против нее, он даже готов был полюбить ее, мертвую, могущую своей смертью сослужить для него добрую службу. Но теперь он ее ненавидел снова. Она явилась чудовищно непреодолимой преградой в его и без того запутанной жизни. Как ему избавиться от нее?

Но избавиться, наверно, было уже невозможно, упустив ее, он терял над ней свою власть. Напротив, уйдя в Княжеводцы, она обрела грозную власть над ним и теперь может сделать с ним все, что захочет. Наверняка в это самое время, когда он мечется по темному полю, она уже рассказывает кому-то о его злодействе. Спустя несколько дней обо всем станет известно в отряде.

Неровным усталым шагом Антон шел против ветра, не чувствуя его ледящих порывов, понуро уронив голову, засунув в карманы руки. Плевать ему было на стужу, на этот проклятый ветер в голом промерзшем поле. Война загоняла его в тупик, из которого не было выхода. Куда он теперь мог податься, где обрести пристанище? Он даже не знал, где переночевать, поесть, обогреться; опасность угрожала ему с обеих сторон. По привычке он продолжал опасаться полиции и немцев, но и партизаны с нынешней ночи становились для него врагами. Теперь было бессмысленно искать переправу за Неман – в Липичанку ему путь заказан.

Но куда же тогда не заказан?

Все яснее сознавая безысходность своего положения, он видел немало виновников своих неудач, среди которых, однако, не было его самого. За тридцать без малого лет своей жизни он не привык признаваться себе в прегрешениях и, если случались накладки, любую вину готов был переложить на других. Сам же он в собственных глазах всегда оставался безгрешным, так как, будучи строгим к другим, был великодушным к себе самому. Себя он любил и уважал, хотел только добра, которого, случалось, его лишали другие: немцы, партизанское начальство, иногда женщины. В данном случае поперек его жизни роковым образом встала партизанская разведчица Зося Нарейко, виновница всех его бед.

Антон брел в ночном поле, лишенный цели, душевно опустошенный, обозленный против других и, конечно, прежде всего, – против Зоськи. Правда, теперь он корил и себя за оплошность, за то, что пожалел патрон и воздержался от второго выстрела. Зачем теперь ему этот патрон, зачем эта винтовка? Разве для того, чтобы убить себя? Но – дудки, убивать себя он не станет. Он еще молод и еще почти не жил. Несмотря на войну, хотел начать жить, как испокон веков живут люди, но не удалось. Видно, нельзя так все сразу – жить для себя, для других, воевать, любить женщину и быть счастливым. Жаль, поздно он убедился в этом. На кровавом собственном опыте, за который как бы не пришлось заплатить все той же собственной жизнью. Но жизнь у него одна, почему он должен в молодые годы расставаться с нею?

Отупев от неумного встречного ветра, снега и усталости, Антон наткнулся в ночи на невысокую железнодорожную насыпь, почти не остерегаясь, перешел ее в рост и побрел дальше, стараясь не сбиться с направления, взятого от Княжеводцев. Не сразу он понял, что имеет целью тот польский хутор, где так неудачно провел последнюю ночь с Зоськой. Почему именно тот, а не какой-нибудь другой хутор, он не мог дать себе отчета. Может быть, он шел туда потому, что там все же были знакомые ему люди и он рассчитывал перекусить у них и обогреться. При этом ему было неважно, как они отнесутся к нему, он зла против них не имел, хотя прежний урок намеревался учесть на будущее. Теперь он не выпустит из избы никого, пока сам из нее не выйдет. Но прежде всего он поест и чуток отдохнет в тепле, а потом будет видно. Потом он что-либо придумает.

Ему следовало что-то срочно придумать ради спасения, но мысли никак не шли дальше ближайших забот этой ночи и того знакомого хутора, а что делать дальше,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru он не мог взять в толк. Ясно было лишь то, что к партизанам ему пути нет, к Копыцкому тоже. К Копыцкому был некоторый смысл явиться с Зоськой, без нее же в полиции его не ждет ничего хорошего. Вот же чертовое положение, в которое загнала его война!

По-видимому, он все-таки ослаб за эти сутки непрерывной ходьбы по снегу, без сна и без пищи. Несколько раз он замечал, что начинает дремать на ходу, ощущение ежеминутной опасности притупилось в его сознании, он не узнавал местности и, кажется, снова не выдержал направления. С усилием стряхнув с себя дрему, он огляделся и понял, что снова сбился с пути. Как и позапрошлой ночью, перед ним лежала на пойме Котра. «Это же надо, дважды заплутать на одном месте», – думал он, глядя на извилистую полосу кустарника вдоль речушки. По всей видимости, хутор остался правее, ближе к Скиделю. К тому же стало светать. Недавно еще плотный, затканый снегопадом сумрак заметно редел, снежные сумерки подернулись прозрачной рассветною синькой, долгая зимняя ночь тихо уступала свои права дню. Антон не заметил даже, когда прекратил сыпать снег, которого здесь намело почти по колено. Сзади за ним тянулись свежие, видные даже во мраке следы, и он думал, что с такими следами далеко не уйти, так его быстро настигнут в поле.

Как и позапрошлой ночью, ему ничего не оставалось, как повернуть вдоль реки вправо. Правда, он мог повернуть и влево, но там, на узком мысу при впадении Котры в Неман, была большая деревня, а в большой деревне всегда недремно несет службу полиция. Антон предпочел не искушать судьбу-мачеху и держаться от деревень подальше. Но и до хутора было далеко, затемно он просто мог не успеть. И тогда он с облегчением вспомнил, что где-то поблизости отсюда ютилась та самая развалюха-обора. Другого пристанища в этих местах, наверно, сыскать не удастся.

Недалеко отойдя от реки, он скоро нашел эту обору, еще издали увидав под ней старое, обсиженное вороньем дерево. Уже совсем рассвело, поле вокруг лежало пустое, дул морозный северный ветер. Антон осторожно выбрался из кустарника, вслушался. Было чертовски холодно, даже воронье сидело на дереве, зябко нахохлясь, без своего извечного грая. Человеческих следов возле оборы вроде бы не было видно, и он с неизвестно почему дрогнувшим сердцем вошел в ее широко распахнутые ворота.

За ночь снежный сугроб возле дверей сильно увеличился и достиг противоположной стены, возле притолоки виднелись полузасыпанные следы, но, кажется, это были следы его и Зоськиных ног. Низенькая дверь в кубовую была растворена, и он нерешительно переступил высоковатый порог.

Тут было немного затишнее от ветра, но холодно, как и в поле. Антон опустился на слезалую гнилую солому, прислонился спиной к обшарпанному боку стены. Руки сунул за пазуху, колени прикрыл полой колушка. Было бы неплохо вздремнуть хотя бы на недолгое время. Двадцати минут ему бы, наверно, хватило, чтобы снять отупение и обрести прежнюю бодрость. Большого он не мог позволить себе.

С покорностью отдаваясь сразу охватившей его приятной истоме, он какое-то время еще напрягал слух, боясь прозевать опасность. Но, кроме невнятного шелеста соломы на крыше, сюда не проникало никаких больше звуков, было покойно, тихо и глухо. Готовясь уснуть, Антон думал, что не прошло еще двух суток, а как все катастрофически изменилось в его судьбе. Два дня назад с ним была Зоська, и с ней в нем жила надежда. Пусть глупая, несбыточная надежда, но ею тешилась его очерстневшая в лесных дебрях душа. Но вот стало так, что они разошлись врагами, жить на этой земле вместе с Зоськой сделалось невозможным. Он обрел одиночество, Зоська навсегда ушла из его жизни, но ему от того легче не стало. По-прежнему он пребывал в безысходности и перестал понимать почему. Неужели все дело в Зоське? Но как тогда понять, что он, здоровый, неглупый мужик, попал в такую зависимость от этой сморкачки? Разве Зоська сильнее его, умнее или более приспособлена к этой кровавой войне? Ведь после своего ранения она уже дышала на ладан, одной ногой стояла в могиле, и он лишь тихонько толкнул ее. И тем не менее она выжила, где-то укрылась, и по-прежнему власть над его судьбой находилась в ее руках.

Он задремал, как ему показалось, не более чем на пять минут, и тут же проснулся от близкого голоса за стеной. Кто-то, вяло матерясь, беззлбно понукал лошадь. Как и два дня назад, Антон испуганно выскочил из кубовой и сразу же в проеме ворот увидел на дороге сани. В них, стоя на коленях, какой-то мужичок в стеганке глухим голосом материл рыжую, с облезлыми боками лошадку. Правил он в сторону

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Скиделя.

– Эй, стой! – крикнул Антон, появляясь в проеме ворот.

Мужичок оглянулся на обору и придержал коня, не зная, однако, как поступить дальше. Антон тоже не знал, зачем он остановил его, разве чтобы разжиться поесть? Или разузнать про обстановку в окрестностях и принять какое-либо решение. Он чувствовал, что без определенного решения протянуть долго не сможет. Невозможно жить между землей и небом, надо поскорее спускаться на землю. Где только найти лестницу на эту утраченную им землю?

В поле и на дороге вроде никого больше не было, можно было выйти из оборы, но Антон предпочел подозвать мужичка к себе:

– Ты, давай сюда!

Он не сомневался, что мужичок без промедления исполнит его команду, и для пущей убедительности удобнее перехватил винтовку. И в самом деле мужичок бросил на солому вожжи и, оставив на дороге сани, не спеша, с явной опаской пошел к обору. Пока он шагал по свежему снегу, Антон рассматривал его самодельный, из овчины трех на голове, старую латаную стеганку и лапти-чуни с перевязанными поверх грязных портянок веревками. Маленькие, часто мигающие глазки на заросшем лице еще издали настороженно уставились в вооруженного человека у оборы.

– Стой! – приказал Антон, когда мужичок шагов на пять не дошел до ворот, и тот послушно остановился. – Хлеба нету?

– Не-а, – удивленно сказал мужик. – Яки ж хлеб? Дома...

– Ясно. И ничего больше? В смысле пожрать...

– Ничога. Дорога ж не дальняя. Так што ж...

– А куда едешь?

– Так в Скидель, – махнул он рукой на дорогу и замер в ожидании новых вопросов.

– На базар?

– Не. Яки ж базар в понедельник? К доктору еду.

– Заболел?

– Ды не. Я не заболел. Але...

– Баба, значит? – вел малоинтересную беседу Антон, имея в виду исподволь выпытать у этого случайного проезжего кое-что из того, что его интересовало в первую очередь.

– Не баба – девка.

– Ах, девка... А там, на дороге, не видел – полицаев нет?

– Не, не видел. Мож, где и есть, а на дороге не видел.

– И партизанов не слышно?

– Не-а. Не слышать. У нас, знаете, не слышно ничего. Глухо живем.

– А ты из какой деревни?

– Да из Княжеводцев, – сказал мужичок и показал в обратный конец дороги.

Антон испуганно замер. Упоминание о Княжеводцах заставило его забыть все другие вопросы – кажется, появилась возможность выяснить, может, самое для него главное, и он, сузив глаза, резко спросил мужичка:

– Ах, за доктором едешь?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ну.

– К девке?

– Ну.

– К дочке?

Моргнув слезящимися глазами, мужичок вдруг замялся, словно поперхнулся перед ответом, и Антон, не давая ему оправиться, схватил за куцый отворот стеганки.

– Говори, к кому доктора! Быстро!

– Так к девке, сказал...

– Какой девке? К Зоське из Скиделя? Ну? Раненной в голову? Да? Да? Говори скорее!..

Но скорее говорить, наверное, уже не было надобности. Мужичок, беспомощно заморгав глазами, казалось, в мгновение лишился речи, руки его затряслись, растерянным взглядом он бессмысленно водил по расщепившему от роковой догадки, обросшему колючей бородкой лицу Антона. Антон тоже зашелся в странной охватившей его лихорадке, смекнув яростно и самоочевидно, что судьба в последний раз бросала тонущему свой спасательный круг, за который он должен схватиться или пойдет ко дну. И, не размышляя долго, он из последних, еще оставшихся у него сил рванулся к этому кругу. Пока Зоська жива, он должен настичь ее в этих лесных Княжеводцах. То, что ему не удалось на хуторе, должно удалиться теперь. Конечно, это не очень красиво по отношению к девушке, которую он любил, но в этом его спасение. В конце концов, не он придумал эту проклятую войну, где если не предашь – не уцелеешь. Что же ему остается?

– Так, ясно! – сказал Антон, резко оттолкнув от себя мужичка. – А ну – в Скидель! В Скидель скорее! – закричал он. – Быстро!!!

В испуге и явном смятении мужичок повернул к дороге, но Антон обогнал его и, подбежав к саням, схватил вожжи.

– Но-о! Скорей, рысью!

Хлестнув лошадь, он ввалился на ходу в розвальни, мужичок едва успел ухватиться за поперечину сзади, лошадка натужно рванулась по переметенной за ночь дороге, и Антон, став на колени, принялся нахлестывать ее вожжами.

Главное для него было – успеть.

21

Все последующее доходило до Зоськи в неясных, порой кошмарно-пугающих образах, бессвязных урывках чужих разговоров. Она слышала, как кто-то окликнул ее, как громче залаяла собачонка. Потом ее бережно подняли на руки и долго несли куда-то.

Она все время молчала, не находя сил ответить на тревожные чьи-то вопросы, да к ней и не очень приставали с вопросами, видно, скоро поняв, что она чуть жива. Зоське ничего не оставалось, как целиком положиться на этих людей, зная, что в Княжеводцах ей плохого не сделают. В Княжеводцах всегда помогут, если только ей еще можно помочь.

Она пришла в себя снова от острой, ударившей под самое сердце боли, раскрыла глаза и увидела близко над собой лампу с надбитым закопченным стеклом. Свет лампы поначалу ослепил ее, но все-таки она успела заметить рядом чье-то немолодое, озабоченное, со сведенными бровями лицо. Чьи-то холодные руки деликатно касались ее обнаженного бока, и она поняла: перевязывают. Зоська с напряжением стонала, не в состоянии молча выдержать боль, и женский, обращенный к ней голос сочувственно заговорил:

– Болит, девчатка? Такая рана!.. Потерпи, девчатка.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Конечно, она будет терпеть, она стерпит все, только бы остаться жить. Как никогда прежде, именно теперь она очень хотела жить. Если это еще возможно...

– И кто тебя так? – голосом погромче участливо спросил мужчина, но она только промычала в ответ. Разговаривать она не могла. Даже сама удивилась: слышать – отлично все слышала, а сказать ничего не могла. Как во сне.

Новый болевой приступ отбросил ее в забытие, долгий промежуток времени она нестерпимо мучилась в фантастическом мире кошмаров. Наверно, она стонала, возможно, у нее начался жар, потому что, когда она снова очнулась, услышала все тот же ласковый голос женщины:

– На, девчатка, молочка попей. Тепленькое молочко, гляди, полегчает...

Она сделала усилие и чуть приподняла голову. Чужими иссохшими губами не сразу нашла край шершавой посуды и торопливо сглотнула что-то безвкусное.

– Ну, еще немножко попей... Молочко те-еплое...

«Молочко те-еплое», – звучит милым голосом мамы, которая третью неделю хлопочет возле пятилетней Зоськи и тихонько украдкой плачет. Зоська тяжело больна, вся в жару, ничего не ест, только пьет молочко. Она пластом лежит в углу на кровати, укрытая кожушкой поверх лоскутного мамино одеяла, и очень ослабла. Но у нее ничего не болит, только все время хочется спать. И она спит – днем, утром, ночью, просыпаясь лишь затем, чтобы попить молочка. Болеть ей, однако, нетрудно, даже в общем приятно, потому что все к ней предупредительно-ласковы, добры и с радостью исполняют каждое ее желание, главное из которых – чтобы не плакала мама. Но это желание редко сбывается, и коротенький мамин всхлип резкой тревогой вырывает девочку из сна, вернее, из тягостно-липкой дремы, Зоська пугается и тоже хочет заплакать. Но она такая слабая, что только тихонько шепчет обметанными губами: «Не надо, мамочка... Мамочка, не надо...» И мать, заслышав ее, сразу утихает, приходит за занавеску и, склонясь над дочерью, бережно гладит ее заостренное исхудавшее личико шершавыми, не по-женски большими руками. Зоська успокаивается, хочет улыбнуться в ответ и слабым голосом пытается утешить маму:

– Мамочка, я не умру. Я не умру, мамочка...

Но ее наивное утешение вызывает у матери новый, безудержный приступ плача. Уронив на постель голову, мать долго сотрясается в безутешном рыдании, и Зоська с недетской решимостью думает: нет, она ни за что не умрет, она будет жить, потому что как же тогда ее любимая, бедная мама?

Мама для нее – главная радость жизни, так же как и она для мамы. Зоська знает это с раннего детства и думает, что никогда на свете не расстанется с мамой.

Но вот рассталась...

Люди говорили, что лицом она вышла в маму, что у нее материнский характер. Зоська и сама иногда думала, что свою доброту и покладистость определенно переняла от матери. Часто она страдала оттого, что нынешнее время меньше всего подходило для этого ее качества, иногда ненавидела в себе эту доброту, принимая ее за слабость, в то время как ей нужна была сила. Но всякий раз ее отвращал один вид людей, явно лишенных доброты, заскорузлых в черствости, и она понимала, как важно быть добрым. Значит – быть справедливым.

...Потом в полудреме она слышит чей-то тихий недалекий разговор-шепот, но там уже новые голоса, похоже – мужские, и до сознания ее доходит обеспокоенное слово доктор. Она догадывается, что это значит, и хочет сказать, что не надо ее везти к доктору, который ей неприятен с детства, потому что доктор – человек из другого, неизвестного ей мира и с ним связаны малоприятные для нее переживания. Теперь у нее другие, не менее важные причины избегать доктора, но у нее нет сил сказать об этом, и она лишь тихонько стонет.

– Попей молочка, девчатка. Попей тепленького...

– Ну что ты пристала к ней с молочком? Видишь, не может! – раздраженно гудит мужской голос, в котором Зоське слышатся знакомые ноты, и она вся напрягается.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Но нет, это не отец...

Отца она меньше любила, наверно, потому, что он был неразговорчив и строг, а иногда круто обходился с матерью.

Но в раннем далеком детстве Зоська, может, больше других боготворила именно отца, особенно в редкие для него минуты досуга, когда он не был занят работой и находил возможность заняться детьми. Из каких-то глубинных уголков ее памяти выплывает давнишний день кануна праздника Троицы в начале лета, полузаросшая муравкой дорога в теплой мягкой пыли за околицей, и они с сестрой, семенящие за отцом. Вытянутой в сторону рукой Зоська ведет по стеблям колосющейся ржи, вспугивая осевших на ночлег серебристых бабочек, острохвостые ласточки лихо носятся в погожем предвечернем небе, и за отцом тянется горьковатый аромат березовых веток, целую охапку которых они наломали в роще. Дома их ждал предпраздничный порядок в избе, только что вымытый мамою пол был густо забросан пахучими стеблями аира, они сразу принялись украшать хату ветками и обильно понатыкали их всюду, где только могла держаться хотя бы самая малая веточка. Всю ночь в хате стоял удивительный аромат леса и луга, Зоське снились счастливые сны, и вся ее детская жизнь была преисполнена предвкушения какой-то огромной и скорой радости.

...Она снова ощущает себя во власти знакомой с детства болезненно-немошной расслабленности, когда хочется только покоя, тишины и небытия, потому что в яви – страдания и боль. И вместе с тем в ней немая апатичная успокоенность за свою судьбу, которая теперь от нее не зависит.

Со временем она замечает, что ритмично раскачивается и плывет куда-то, словно во сне. Но сна нет, это уже явь. Зоська полураскрывает глаза, перед которыми – косматый край укрывшего ее колушка и яркая синь рассветного неба. Мерные плавные толчки куда-то влекут ее, и ей даже приятно от этого ровного убаюкивающего движения в неизвестное. Не сразу она догадывается, что ее везут по полевой санный дороге. Она не может спросить, куда, но она и не тревожится. Значит, так надо.

Она лишь хочет понять, кто с ней? Чувствуется чье-то присутствие рядом, наверно, это возница, но кто? Ей бы только взглянуть на своего спасителя и ничего больше. Об Антоне она не думает – будь он проклят, убийца! Главное, она спасена, даст бог – поправится, и тогда она – как свежий родничок в летний полдень, она поглядит в подлые его глаза, еще он повалится у ее ног. Если раньше не перебежит к немцам.

– Но-но, шевелися, милая...

Это все та же поившая ее молочком тетка, и Зоське становится покойно, она уже привыкла к ее, схожему с материнским, голосу. Невысказанная благодарность щемящей тоской сжимает что-то внутри, и из Зоськиных глаз скатываются к уголкам губ две щекотные студеньки.

– Ничего, девчатка, все будет хорошо. Перепрячем тебя в хорошее место, как-нибудь очунешь. Молодая еще, жить будешь, деток родишь. Не век же этой проклятой войне продолжаться, – как свежий родничок в летний полдень, обнадеживающе звучит рядом, и Зоська благостно успокаивается под теплым колушом.

Авось в самом деле правда: страшное позади, и она как-нибудь еще выкарабкается из своей беды.

1977

Знак беды

Время и люди не много оставили от некогда раскинувшейся здесь просторной хуторской усадьбы. Лишь кое-где останки ее выглядывали на поверхность угловым камнем фундамента, осевшим бугром кирпича да двумя каменными ступеньками возле бывшего входа в сени. Припороженные эти камни покоились на том самом месте, что и много лет назад, и мелкие рыжие муравьи, где-то поблизости облюбовавшие себе жилище, деловито сновали по нижней, вросшей в землю ступеньке. Овражный ольшаник, потеснив хуторское поле, подступил вплотную к двору; на месте истопки

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru царственно разросся густой куст шиповника в окружении зарослей лопухов, крапивы, малинника. От колодца ничего не осталось, сруб гнил, или, возможно, его разорили люди, вода, оказавшись без надобности, иссякла, ушла в глубь земли. На месте стоявшей здесь хаты тянулась из сорняков к свету колючая груша-дичка – может, непотребный отпрыск некогда росших здесь груш-спасовок, а может, случайная самосейка, занесенная из леса птицами.

С дороги, от большака мало что указывало на бывшую усадьбу, разве одна из двух лип, некогда красовавшихся возле хуторских ворот. Другой не было и в помине, да и оставшаяся являла собой жалкое зрелище: опаленная и однобокая, с толстым уродливым стволом, прогнившая корявою щелью-дуплом, она непонятно как удерживала несколько мощных сучьев. Прилетавшие из леса птицы почему-то никогда не садились на ее ветвях, предпочитая рослый ольшаник поблизости. Вороны, возможно, помнили что-то, а может, своим древним инстинктом чуяли в изуродованном дереве дух несчастья, знак давней беды. Этот роковой знак лежал здесь на всем: на истлевших остатках усадьбы, блаженствующих на приволье в зарослях сорняков и малины, на самодовольной неприступности колючего шиповника и даже изогнутой груше-дичке. И только тоненькая молодая рябинка, недавно выбросившая на свет считанные листочки посередине заросшего травой подворья, в дерзкой своей беззащитности казалась гостьей из иного мира, воплощением надежды и другой, неведомой жизни.

Наверно, все остальное принадлежало здесь прошлому, покоренному тленом и небытием.

Все, кроме неподвластной времени всеохватной человеческой памяти, наделенной извечной способностью превращать прошлое в нынешнее, связывать настоящее с будущим...

Глава первая

С терпеливой ненасытностью корова щипала влажную с ночи траву, неторопливо двигаясь исхоженным своим маршрутом: вдоль большака, по заросшей бурьяном канаве, краем дорожной насыпи, через травянистую лощину с гладким, будто откормленный кабан, валуном и дальше, к опушке леса, широкой дугой охватившей пригорок с хутором. Степанида знала, что на опушке корова повернет в сторону Бараньего Лога и там, в ольшанике, надо будет смотреть за ней строже, чтобы не шмыгнула куда-нибудь долой с глаз. Бобовка была корова проворная и хотя пестрая – белые пятна на черном, – но уж если куда запропаستится, то побегаешь по кустарникам. Однако это там, на опушке, тут же деваться ей было некуда – невысокая насыпь дороги да голое картофельное поле, тут можно и посидеть в покое. И Степанида, прислонясь бедром к округлому боку валуна, плотнее составила на земле босые ноги, изредка поглядывая на свою Бобовку.

Было не холодно, хотя и зябковато ногам в мокрой от росы траве, и ветрено. Небо сплошь устилало набрякшие дождем облака, солнце с утра не показывалось; серый неприютный простор наполнился неумолчным шорохом ветра в поле, невольно хотелось отвернуться от него, плотнее закутаться в ватник, не двигаться. Рядом на большаке, как всегда в эти дни, было пустынно и тихо, теперь тут мало ходили и никто уже не ездил. Если и появлялся редкий прохожий, то чаще с утра – какая-нибудь женщина из ближней деревни торопливо пробежит в местечко, обратно появится она только к вечеру. Эта устоявшаяся заброшенность дороги угнетала Степаниду, особенно после того, как недавно еще все тут ревело и стонало от машин, подвод, лошадей, бесчисленных колонн войск, денно и ночью тянувшихся на восток. Казалось, великому тому шествию не будет конца, а с ним не кончится и тревожная суета на хуторе. Известное дело, придорожная усадьба: какая надобность ни случись – у всех на глазах. Степанида с Петроком сбились с ног, встречая и провожая каждого, кто заезжал, забегал, останавливался, чтобы переобуться, напиться, передохнуть в зной под липами, покормить лошадей, перекусить самому, расспросить о дороге. Правда, однажды под вечер на большаке стало свободнее, движение заметно спало, готовое совсем прекратиться, машины уже не ехали, а строй красноармейцев, свернув с дороги, цепью рассыпался по картошке. Два командира, заехавшие на хутор, что-то долго рассматривали на карте; их боец-коновод попросил ведро напоить лошадей и сказал, что тут будет бой, оставаться на хуторе опасно. Испугавшись, Степанида накинула веревку на рога коровы и кустарниками подалась в Бараний Лог. На хуторе остался Петрок – усадьбу не годилось оставлять без присмотра. Натерпевшись немало страха, она просидела в березнячке ночь и половину следующего дня. После полудня загудели самолеты, тотчас содрогнулась земля, где-то забахало, застучало, и в небе за логом встал

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru сизый столб дыма. Постепенно оправившись от испуга, Степанида поняла, что это далеко, на большаке, а может, и того дальше, в местечке. Вскоре, однако, все стихло, будто и не начиналось вовсе. Некоторое время выждав, она боязливо потащилась с коровой к хутору, не надеясь найти его в целости, да и живого Петрока тоже. Но хутор как ни в чем не бывало спокойно стоял под липами невдалеке от дороги, а во дворе, выбравшись из погреба, похаживал с соломой в бороденке ее Петрок, и ветер доносил из-за тына знакомый дымок его самокрутки.

В ту ночь красноармейцы оставили на картофельном пригорке недокопанную траншею и куда-то ушли стороной; на большаке все опустело, заглохло, наутро редкие военные повозки поворачивали обратно, в объезд на Кульбаки – за сосняком самолеты разбомбили мост через болотистую Деревянку и проехать в местечко большаком было уже невозможно.

Настала новая, страшная в своей непривычности жизнь под немцем, которая постепенно, с неотвратимой настойчивостью утверждалась в районе. Началось с того, что в Выселках распустили колхоз, разобрали небогатое его имущество, инвентарь, лошадей, и Степанида послала Петрока за своей когда-то обобщественной кобылой. Но кобылы в колхозе не оказалось – накануне прихода немцев отправили подростка с подводой на станцию, откуда он так и не вернулся. Она накричала на Петрока, потому что, если такое случилось, надо было взять какую-либо другую лошадь – как же в хозяйстве без лошади? Как тогда жить? Но этот старый недоумок Петрок, разве он что сделает как следует? Только знает одно – молча дымить вонючей своей махоркой. И теперь вот живи как хочешь. Хорошо еще, что осталась Бобовка, на нее вся надежда, она пока что кормит обоих. А что будет дальше?

Бобовке тем временем, наверное, наскучило пастись на жестком придорожном откосе, и она взобралась повыше, на обочину большака. Степанида поднялась с камня – зачем позволять корове высовываться из-за насыпи, мало ли что может случиться, еще кому попадет на глаза. Правда, за эти два месяца жизни под немцем она поняла, что ото всего не устережешься, как ни скрывайся, а если они захотят, то найдут. Тем более что у немцев выискались уже и помощники из местных, полицаи, которые всех тут знают наперечет. На прошлой неделе повесили двух коммунистов на площади, один из них был директором школы, в которой учились ее фенька с федькой. Там же, в местечке, на стенах домов и заборах белели их объявления с обещанием суровой расправы с каждым заслушание, неподчинение, тем более за сопротивление немецким властям.

Степанида поднялась на дорожный откос, хворостиной легонько стеганула по заду Бобовку, и та не заставила себя ждать, степенно ступая, послушно сошла в канаву. Конечно, трава тут была не очень съедобная – бурьян да осот, – но как-нибудь напасется за день. Степанида немного постояла на большаке, оглядывая с насыпи знакомое до мельчайших подробностей хуторское поле. Минуло десять лет, как оно перестало принадлежать ей с Петроком, стало колхозным, но чье будет теперь? Вряд ли немцы отдадут землю крестьянам, наверно же, знают, что если из рук выпустишь, то обратно не ухватишь. Какая она ни есть, эта земелька, этот проклятый богом пригорок по прозвищу Голгофа, а вот жаль его, как матери жалко пусть и больно, единственного своего ребенка. Сколько тут выходили ее молодые ноги, переделали работы ее изнуренные руки! Сколько лет они с Петроком тут пахали, сеяли, жали, раскидывали навоз и мельчили глиняные комья, особенно там, на суглинке. К той же нехитрой крестьянской работе со временем приобщился и Федя. Феня же захотела учиться и уехала в Минск. Где теперь ее дети? Феня так, может, еще и жива, если посчастливилось вовремя уйти на восток, и теперь где-то в России. А федька? Как пошел осенью в армию, за зиму прислал три письма из Латвии, только начинал свою службу на танках, и тут война! Где он, жив ли хотя?

Сквозь узкий разрыв в облаках прорезалось солнце, и неожиданным холодным светом озарилась земля. Печальный осенний простор сразу утратил свой унылый вид, будто заулыбался навстречу желанной солнечной ласке. Освященные косыми лучами, четко обозначились на земле огороды, сады и постройки Слободских Выселок, длинным рядом растянувшихся по задорожному пригорку, поодаль засинела зубчатая стена елового леса, а ближе и правее весело закурчавилась на склоне чаща молодого сосняка, прорезанная узкой лентой дороги. В стороне от нее за полем отбросила длинные тени хуторская усадьба под мощными кронами двух старых лип. Это была ее Яхимовщина. Степанида всмотрелась пристальнее, стараясь разглядеть там Петрока, узнать, чем занят старик. Выгоняя утром корову, она наказывала кое-что сделать по дому, а главное – утеплить и закидать землей картофельный бурт в огороде.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Петрока, однако, там не было видно, да и солнце вскоре скрылось за тучами, хуторское поле нахмурилось, помрачнело, и она так и не успела что-либо рассмотреть на подворье.

Степанида спустилась с насыпи – зачем торчать без нужды на дороге – и помалу пошла за коровой.

Она далеко уже отошла от камня, было рукой подать до лесной опушки, и вдруг услышала голос из-за дороги. Подняв голову, вслушалась, но тревога ее исчезла, как только на дорожной насыпи появился вертлявый Рудька. Выскочив на обочину, песик сразу же замер, также узнав женщину, и обрадованно завилял хвостом. По ветру снова донесся сдавленный гортанный вскрик, и Степанида поняла, что это Янка из Выселок пасет свое стадо по ту сторону дороги, как она Бобовку по эту. Он и в самом деле появился за Рудькой на насыпи, длинноногий подросток в забранной в штаны темной сорочке, с кнутом в руках. Степанида нередко встречала его на этом придорожном поле или в кустарнике все с теми же четырьмя коровами, и всегда от жалости к нему сжималось ее сердце – такой он был худой, недосмотренный, в ветхих штанах, подпоясанных обрывком веревки, и всегда босой. С тревожным недоумением он всмотрелся в ее лицо, будто хотел и не мог понять чего-то, иногда тщился что-то сказать на непонятном ей языке рук и резких гортанных звуков, временами пугавших ее своей неожиданностью. Иногда она старалась что-то сообщить ему, но он отвечал все теми же гортанными вскриками, и она не знала, понял ли он что-нибудь. Но картошку или кусок хлеба с салом, которые она протягивала ему, брал сразу и, приткнувшись где-нибудь на меже, съедал все до крошки. Похоже, частенько он бегал голодным – понятно, жил не у родной матери, а у дальних деревенских родственников и с весны пас скот за кое-какое питание и ночлег под крышей.

Пастушок между тем окинул взглядом свое небольшое стадо, хлестнул кнутом в воздухе и, подойдя к Степаниде, молча опустился на кромку дороги. Его обсыпанные болячками ноги до колен высунулись из холщовых штанов, руки он зябко сцепил на груди, съежился, оперся локтями о колени.

– Ы-ы, а-а-а! – попытался он что-то сказать. – А-э-э!

Кто знает, какие мысли тревожили его, отчего вздрагивала нечесаная голова под мятой, со сломанным козырьком кепчонкой, что выражалось в его наивно раскрытых глазах? Степанида иногда подкидывала ему на полдня или утро Бобовку, если случалась такая надобность, и, возвращаясь в поле, старалась прихватить для него какой-либо гостинец – оладью, шкварку, горстку гороха или хотя бы спелое яблоко с дерева. Теперь же у нее ничего не было.

– Холодно, Яночка? Что же ты теплее одежду не взял? – сказала она с укором, вглядываясь в него снизу.

– А-а, э-э-э! – замычал он и махнул рукой.

– Такой ветер, продует, и заболеешь. Понимаешь, заболеешь, – пошлепала она себя по груди. – Иди одежду какую возьми! Одежду, потеплее чтоб!

Будто поняв что-то, Янка выскочил на дорогу, окинул взглядом свое небольшое стадо.

– А-а-а! У-а-а-а!

– Иди, иди! – сказала она. – Я погляжу. Погляжу! – повторила громче и показала рукой на его коров и свою Бобовку.

К ее удивлению, он что-то понял – легко, будто услышал. Сбежав с дороги, взмахом кнута завернул переднюю черную корову и бегом припустил к сосняку, возле которого виделся поворот с большака на Выселки. Рудька сначала побежал за подростком, но, будто вспомнив свою пастушью обязанность, вернулся и присел на обочине недалеко от Степаниды.

– Рудька, Рудька, сюда! – позвала Степанида. Но Рудька только повел ушами, заботливо оглядывая стадо, спокойно пасущееся в канаве и на дорожном откосе. Это был, в общем, славный, хотя и хитроватый пес, он не шел к человеку, не завидев в его руках съестного.

Чтобы не разминуться с Янкиным стадом, Степанида перегнала на ту сторону большака Бобовку и сама осталась на насыпи. Отсюда ей хорошо видны были все коровы, ногам было удобнее ступать по сухой дорожной траве, но тут сильнее дул ветер, и она повернулась к нему спиной. В небе стремительно пронеслись нагромождения облаков, неизвестно, в каком месте там было солнце и как скоро настанет вечер. Но она чувствовала, что время давно перевалило за полдень, час-другой, и в поле начнет смеркаться. Раньше она любила и ждала такую вот пору дня, когда с полевой работы возвращалась на усадьбу, где собиралась семья. Разнообразные домашние хлопоты никогда ей не были в тягость, даже после утомительной работы в поле. Теперь же наступление вечера ее мало радовало, не влекла и стряпня возле печи – семьи, считай, не было: один за другим отошли на тот свет старики, чуть повзрослев, разлетелись дети, незаметно минуло все трудное и хорошее, что с ними связано. Остался один Петрок, а двум старым людям много ли надо? Чего-нибудь съест да на бок, укрывшись вытертым кожушком, не хотелось топить на ночь грубку, хорошо было и так. Правда, была еще скотина: корова, поросенок в хлеве, десяток курей. Их надо кормить, поить, досмотреть. Тем почти и исчерпывались ее нехитрые домашние обязанности.

Рыжая молодая коровенка из выселковского стада начала отставать от других, и Степанида негромко прикрикнула на нее. Но та, по-видимому, не привыкнув к чужому голосу, не спешила догонять стадо. Спустившись с насыпи, Степанида прошла назад и подошла к корове. Когда же снова взобралась на большак, неожиданно увидела, как со стороны сосняка кто-то бежит с такой прытью, что на спине пузырями вздувается рубашка. Немного, однако, взглядевшись, она узнала в бегущем Янку. Но почему он вернулся, почему не добежал до Выселок? Сквозь слезы от ветра она все вглядывалась в него, и что-то внутри у нее защемило – неосознанная еще тревога передалась ей от подростка.

Замерев, Степанида стояла на большаке, уже знала, что случилось плохое, только не понимала еще, что именно. Потом она не раз будет вспоминать это свое предчувствие и удивляться, как верно оно подсказало ей приближение того, что так внезапно перевернуло всю ее жизнь. Было только ощущение, близкое к страху, с которым она и встретила Янку. Немного не добежав до нее, тот бросился с насыпи к передней корове и, стегнув ее пугой, стал яростно заворачивать назад все стадо. Коровы сначала неохотно, а потом одна за другой бегом вдоль канавы припустили к опушке, а Янка что-то зычно непонятно кричал, то и дело взмахивая в воздухе пугой и указывая рукой назад. Лицо его искажилось от страха или удивления, и Степанида нерешительно, но тоже завернула свою Бобовку. Видно, там, в сосняке, появилась опасность, от которой надо спасаться, так поняла она испуг Янки и сама готова была испугаться.

Четверть часа спустя они загнали все стадо в заросли ольшаника на краю болотца, в стороне от дороги, и она подошла к Янке. Пастушок взглянул на нее новым, незнакомым ей взглядом и, гортанно выкрикивая, тревожно пытался объяснить что-то, все указывая рукой на большак.

– Что там? Что? – спрашивала Степанида, видя на обветренном веснушчатом лице Янки только испуг, недобро горевший также в его широко раскрытых глазах. Янка, однако, объяснялся лишь жестами, все указывая на кустарник, что-то обводил в воздухе руками и изображал на пальцах. Она же не могла понять ничего.

«Боже мой, это же надо родиться таким недотепой!» – впервые с досадой подумала она и вслушалась. Но в ольшанике было тихо, шумел в ветвях ветер, да какая-то корова, забравшись в заросли, трещала поодаль хворостом. С дороги же не было слышно ни звука, и Степанида решила сходить к сосняку.

– Ты попаси Бобовку. Ну попаси корову! Я схожу. Я скоро.

Янка лишь промычал нечленораздельно, замахал руками, не понимая ее или не соглашаясь, и она, выждав минуту, стала осторожно пробираться к дороге.

На большаке по-прежнему никого не было, как и возле сосняка. Она постояла немного, подумала и, не поднимаясь на насыпь, скорым шагом пошла вдоль канавы.

Она никак не могла взять в толк, что произошло с Янкой, хотя все время вглядывалась в дальний конец большака и раза четыре останавливалась, вслушиваясь и раздумывая. В Слободских Выселках тоже все было тихо, как и на картофельном

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru косогоре возле ее хутора, навстречу дул порывистый ветер, и ей показалось, вот-вот из-за туч выглянет солнце. Но солнце так и не выглянуло. Она уже приближалась к сосняку, плотная чаща которого нешироко расступилась по обе стороны дороги, когда до ее настороженного слуха впервые донесся странный звук. Вроде бы далекий тяжелый удар за сосняком туго отдался в холодном ветренном воздухе, и ее пронзила догадка: мост! Да, что-то происходило по ту сторону рощи, невдалеке, за поворотом дороги, где с лета дыбились над рекой остатки разрушенного бомбежкой моста.

Степанида замедлила шаг, готовая остановиться, но не остановилась, а быстренько подбежала к опушке и, чтобы не идти по дороге, свернула в хвойную чащу.

Отсюда было рукой подать до хутора, она знала тут все прогалины и стежки, за много лет исхоженные ее ногами. Почти бегом, натываясь на колючие ветки, она миновала невысокий, поросший хвойным молодняком пригорок и осторожно выглянула с опушки на широкий луговой простор с невидной отсюда извилиной речки. От моста уже всюду доносились голоса, грузно отдался в земле звук сброшенного с телеги бревна, она отвела от лица разлапистую сосновую ветку и замерла. На большаке возле моста у самой воды и на развороченной взрывом насыпи копошились люди: одни раскапывали землю, другие сгружали бревна с подвод, а на обрыве у искореженных свай и балок застыли несколько мужчин в незнакомой военной форме, с оружием за плечами. Один из них, в высокой, с широким козырьком фуражке, что-то указывал рукой по сторонам, другие молча слушали, озабоченно оглядывая остатки разрушенного моста, и она вдруг с неожиданным испугом поняла – это же немцы!

Глава вторая

«Что теперь будет? Чего ждать от немцев? Где наши? – тоскливо думал Петрок. – И как жить дальше?»

Этих бередящих душу вопросов было великое множество, и, не найдя ответа хотя бы на один из них, нельзя было ответить на остальные. Напрасно было ломать голову, сокрушаться, пожалуй, ничего тут не придумаешь, придется принимать то, что уготовано тебе судьбой.

Но мысли все равно лезли в голову, было не по себе: неотвязная тоска, словно жук-короед, с начала войны точила душу, и заглушить ее не было возможности.

Однако нельзя сказать, чтобы на хуторе стало совсем плохо, чтобы переменялось что-либо под новой, немецкой властью. Напротив, почти все здесь оставалось по-прежнему: как всегда, одолевали осенние заботы о хлебе, была коровка, в хлевке подавал голос небольшой поросенок, бродили по двору куры. Был кое-какой приварок: свекла, капуста, картошка в огороде, в пуньке лежало в снопах три копы жита – со Степанидой нажали под осень на покинутом колхозном поле. На столе был хлеб, и даже побольше, чем когда-либо прежде, а картошки можно было накопать и еще – вон она на Голгофе за тыном, колхозная, значит, теперь ничья. Выселковские бабы, которые посмелее, тихо копали от дороги, не дожидаясь на то разрешения. Ему бы тоже не мешало подкопать каких пару мешочков в бурт, который он не мог завершить за неделю. Степанида велела сегодня оканчить, вот приведет корову, снова не миновать перебранки. Но у Петрока не лежала душа к работе, голова была занята совсем другими заботами, он томился, без конца дымил самосадом и, словно больной, сидел на низкой скамеечке у порога или бесцельно бродил по двору. Внимание его, однако, ни на чем не задерживалось, вокруг все было привычно, знакомо до мелочей и воспринималось уже как часть его самого. Впрочем, оно и неудивительно: тут прожито им двадцать лет трудной, в лишениях и заботах жизни, которая вот начала сходить на нет клином, и другой уже не будет. Может бы, и дотянул эту самую, богом ему отпущенную жизнь если не в сытости, так хотя бы в покое. Если бы не война... В последнее время после дождей у крыльца и под тыном сильно пошла в рост мурава, от нее всегда было мокро, и Петрок, выбирая места посуше, прошел вдоль завалины и остановился на середине двора. Много лет он был тут хозяином, хорошо или худо, но правил усадьбой, а теперь стал глядеть на нее словно чужими глазами, словно он уезжает куда-то и ему предстоит расстаться с местом, где прошла его жизнь. Впрочем, если разобраться, то жалеть было не о чем. Хата давно уже была не новая, хотя дерево когда-то попало хорошее – спелая смолистая сосна, бревна стен немного потрескались, но ни одно не сгнило. Хата еще стоит, может, послужит людям. Крышу в коньке надо бы залатать, возле дымохода с весны стало протекать, так же как и в истопке, что через сени под одной с хатой крышей. В истопке даже льет, в сильный дождь на глиняном полу

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru образует лужа, и Степанида бранится: за лето не собрался дыру заделать. Но действительно не собрался – не то, так другое, а главное, не очень хотелось тащить свои кости по шаткой стремянке на крышу, думалось: перестанет дождь – подсохнет и лужа. А то потревожишь гнилую солому, польет сильнее, чего же хотеть от постройки, которой под сотню годков, ставили, кажется, еще при панщине, а истопку и того раньше. Крыша на ней, сколько помнил Петрок, всегда зеленела под шапкой мха, в маленьком, на одну шибку, оконце блестело радужное от старости стекло.

Самая, может, справная здесь постройка – это новая пунька за хлевом, с виду самая малоприметная во дворе, наспех срубленная из тонких еловых верхушек, в стенах сплошь щели, но для пуньки сойдет и со щелями – ветерок в ней продувает, а дождь не мочит. Ставили ее вдвоем с Федькой, думалось, если не самому, так, может, сгодится сыну. Отслужит в армии, женится и продолжит род. Но где теперь Федька?.. А в пуньке ржаные снопы сохнут на ветру, ждут своего часа. Время от времени он снимет сверху два-три, обобьет в сенях на подстилке и смелет на жерновах. Степанида испечет пару буханок, и неделю они с хлебом.

Тоскливым взглядом Петрок окинул серый осенний простор, картофельное поле, протянувшееся до самого леса, подошел к колодцу. Внизу, в черном провале сруба, блестело пятно воды – теперь ее набиралось много, не то что летом. Вода в колодце была приятной на вкус, всегда холодная и чистая как слеза. Такой хорошей воды не было даже в Выселках, ни в одном из восьми колодцев. Рассказывали старики, в давние времена здесь пробивалась из-под земли веселая криничка, поэтому, наверно, возле нее и обосновалась усадьба панов Яхимовских – на пригорке, у глубокого, заросшего лесом оврага. Кто бы когда ни напился из колодца, всегда хвалил воду. Лет восемь назад вместо неуклюжего журавля Петрок поставил на сруб бревенчатый ворот с цепью и узенькой двухскатной крышей от дождя. Еще надо бы сделать крышку, чтобы не сыпалось что со двора, но он думал: обойдется и так. Что там насыплется? Разве вот ветром нанесет листья с двух лип, которые осенью густо осыпают усадьбу. Липы сильно разрослись за последние годы, и тень от них в летние месяцы накрывает едва ли не половину огорода. Степанида все требует – обруби, но у него не поднимается рука на такую красоту. Не он их сажал, сажали другие, липы росли здесь при всей его жизни, пусть остаются и после него.

Постояв возле колодца, Петрок посмотрел на большак за полем, где недавно еще виднелась Степанида с коровой, но теперь ни коровы, ни Степаниды там не было видно. Наверно, погнала в кустарник. Время еще было не позднее, до вечера часа два попасет, а потом свобода его кончится, придется приступить к работе: таскать из колодца воду, мыть поросенку картошку, толочь ячмень в ступе. Тогда уже не побудешь наедине с мыслями – Степанида не даст побездельничать.

Из потертого обрывка газеты Петрок свернул толстую, с палец, самокрутку, тщательно завязал кожаный кисет; прикуривать, однако, надо было идти в хату, искать уголек в печи. Где-то оставалось немного спичек, но Степанида их прятала, приберегая на крайний случай. В общем, она была права: где сейчас купишь спички? В местечке торговля свернулась, товар из двух лавок еще летом растаскали свои же, пока немецкая власть чухалась, ничего не осталось ни в сельпо, ни в сельмаге. Как-то он тоже ходил за добычей – Степанида погнала, – но не слишком разжился: из опрокинутой железной бочки за лавкой нацедил бутылку керосина со ржавой гущей на дне. Не бог весть какое добро, но придет осень, зима, понадобится. Хуже вот, что нет соли, а без нее много не съешь. Но разве теперь нет только соли?

Может, самое скверное, что нет лошади.

Петрок повернулся, чтобы отойти от колодца, и вдруг увидел за тыном корову. Бобовка быстро шагала напрямик по картошке почему-то со стороны леса, а не как всегда, по дороге, к воротам, за ней в распахнутом ватнике торопливо бежала Степанида. Весь вид жены выражал тревогу, испуг: платок с головы сбился на сторону, ветер трепал на лбу седую прядь волос. Петрок с недоумением уставился в ее распаренное лицо – было еще рано, Бобовку обычно пасли до вечера. Но, по-видимому, что-то случилось, и он подошел к воротцам и вытащил закрывавшую их жердь-поперечину.

– Петрок, немцы!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Что?

– Немцы, говорю! Там, на большаке, мост строят...

– Мост?

Это была новость. Петрок такого не ожидал. Может, только сейчас он понял, как хорошо было тут без моста и какая опасность надвигалась из местечка вместе с этим мостом.

– Да, дрянь дело.

– Куда как дрянь! Наехало немцев, ваши местечковцы с подводами, сгружают бревна. Надо что-то делать! А то приедут, оберут. Как тогда жить?

– Ну. Только что делать? – не мог сообразить Петрок.

– Хотя бы кое-что спрятать. Коровку в лес, может, если привязать... А поросенка...

Может быть, корову можно отвести в лес, привязать на веревку, но вот поросенка в лесу не привяжешь, поросенка надо кормить. Да и куры. Оно и небольшая ценность – десяток курей, но и без них невозможно в хозяйстве. Что было делать, куда прятать все это?

– Я за поросенка боюсь, – устало сказала Степанида, поправляя на голове платок.
– Ведь заберут. А он такой ладный.

– На сало они охотники: матка – шпэк, матка – яйка! – сказал Петрок, еще с той войны наслышанный о немцах.

– Я так думаю, надо припрятать. Ты иди сюда, – позвала она мужа в глубину двора.

Они обошли истопку, за углом которой была дровоколья с невысокой поленицей дров под стеной и старой колодой на земле, перелезли через жердь в огород. Тут за обвялыми лопухами и спутанными зарослями крапивы под низко нависшей крышей истопки приткнулся неказистый дощатый засторонок. Сарайчик этот издавна стоял пустой, без надобности, в него сваливали разный хозяйственный хлам и редко заглядывали, разве что за яйцами. Возле двери в соломе иногда неслись куры и теперь лежало два желтых несвежих подклада.

– А если его сюда? – сказала Степанида, шире растворяя низкую дверь засторонка.
– Он же тихий, будет сидеть. Авось не найдут.

Найдут или нет, кто знает, но Петрок за совместную жизнь привык слушать жену, она была неглупая баба, а главное, всегда твердо знала, чего хотела. И, хотя забота о поросенке была теперь не самой большой у Петрока, он послушно взялся за устройство нового убежища. Прежде всего повытаскивал из засторонка в беспорядке набитый туда многолетний хлам: какие-то сухие палки, старое, обгрызенное свиньями корыто, поломанное, без спиц колесо от телеги, давнюю, может, дедовскую еще соху со ржавыми лемехами. Спустя полчаса ломаным ящиком и палками кое-как отгородил небольшой закуток, принес из пуньки соломы, не ровняя ее, чтобы меньше было заметно, напихал в отгородку. Степанида тем временем, почесывая за ушами подростого за лето поросенка, тихонько привела его из хлевка.

– Вот сюда... Теперь сюда. Вот молодец...

«Как малого», – подумал Петрок, пропуская внутрь будки поросенка, который, тихо подавая голос, доверчиво обнюхал порожек, солому и удовлетворенно устроился в своем катухе, вовсе не подозревая о нависшей над ним опасности. В самом деле, это был упитанный спокойный поросенок, и им очень не хотелось лишиться его. Может, еще и уцелеет, если будет иметь свой, хотя бы небольшой, свинячий разум, не завершит при посторонних, думал Петрок.

– Ну вот, – спокойнее сказала Степанида. – Все скрытнее будет. Пусть сидит там.

Они вернулись во двор, где с тревожным ожиданием в печальных глазах стояла Бобовка, возле ее ног бродили две курицы.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– А как же куры? – спросил Петрок.

Их тоже следовало прибрать куда-нибудь подальше с глаз, но куда спрячешь дурную курицу? Тихо она не может, а, снеся яйцо, радостно закудахчет на всю околицу и тем погубит себя. Но что там куры, куда больших забот требовала корова, как бы на нее первую и не обрушилась беда.

– Корову, может, в Берестовку отвести? К Маньке? Все же дальше от местечка, – неуверенно предложил Петрок. Но Степанида тут же возразила:

– Ну, не. Бобовку я в чужие руки не отдам.

– Как же тогда?

– В Бараний Лог. На веревку или спутать. Пусть ходит.

– А ночью?

– А ночью, может, не приедут. Они же днем больше шарят.

Слабая это была надежда на ночь, но иного, видать, не придумашь, и Петрок молча согласился.

Осенний день незаметно близился к вечеру, понемногу смеркалось, хотя во дворе и поблизости в поле еще было светло. Встревоженная Степанида не торопилась доить Бобовку, та постояла, вздохнула и, не дождавшись хозяйки, начала щипать траву под тыном, добирать недоеденное в поле. Петрок то и дело с опаской поглядывал за ворота да на большак, ждал, когда покажутся немцы. И все слушал, стараясь в вечерней тиши поймать чужой подозрительный звук. Но, как и всегда, на дорожке и на большаке было пусто, вокруг в понуром осеннем просторе воцарялась вечерняя тишина. Только ветер неумолимо теребил на липах пожелтевшую листву, щедро усыпая ею огород, дорожку, траву-мураву на дворе. Петрок вытащил ведро воды из колодца и поставил перед Бобовкой. Но та лишь обмакнула губы и не пила, почему-то поглядывая через тын в поле, будто ожидая оттуда чего-то. Надо было загонять ее в хлев, но Степанида задержалась в хате, и Петрок позвал:

– Слышь? Доить надо.

Степанида молчала, и он подумал, что действительно в Яхимовщине что-то круто менялось, если хозяйка опаздывала доить корову. Но теперь все и везде менялось, следовало ли удивляться переменам на хуторе, философски утешал себя Петрок. Не дождавись ответа Степаниды, он ступил на плоский припороженный камень и заглянул в сени. Степанида, нагнувшись, стояла над синим сундуком, что-то искала там, бросила на хлебную дежку какую-то кофту, еще одну, встряхнула большой черный платок с красными цветами. Петрок удивился:

– Что ты там ищешь?

– А тут это... фенькино, чтоб спрятать куда подальше.

– Фенькино? Не выдумывай ты! Кому оно нужно?

– Кому? Немцам! – огрызнулась жена, перебирая в сундуке. – А это вот? Что с ней делать?

Она развернула тонкую бумажную трубочку, взглянув на которую он сразу узнал предмет давней Степанидиной гордости – грамоту за успехи в обработке льна. Сверху на плотном листе бумаги виднелся цветной герб Белоруссии, а внизу синели печать и размашистая подпись председателя ЦИКА Червякова. Грамота до войны висела в простенке между окнами, потом ее сняли, хотели сжечь, но Степанида не дала, прибрала в сундук.

– Ты это в печь! – встревожился Петрок. – Это тебе не игрушка.

– А, пусть лежит. Не за краденое. За старание мое.

Степанида свернула грамоту трубочкой и завернула в какую-то одежду. Из

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru остального отобрала в сундуке что получше, большею частью фенькино, и большим узлом завязала в цветастый платок.

– Надо спрятать. Может, в бурт с картошкой?

– Сгниет. Да и напрасно ты это. Немцы, они больше по съестной части. Тряпки они не тронут. Я знаю.

– Много ты знаешь! – усомнилась Степанида. – Как бы с твоим знанием голыми не остаться.

– Ничего, как-нибудь, – сказал Петрок. – Мы перед ними вины не имеем. А коли к ним по-хорошему, то, может, и они... Не съедят, может...

Он говорил, подбадривая себя и успокаивая жену, хотя сам не меньше ее сомневался: так ли это? Знал и чувствовал только, что надо как-то переждать лихое время, затаиться, притихнуть, а там, глядишь, изменится что к лучшему. Не вечно же длиться этой войне. Но чтобы остеречься беды, надо вести себя как можно осмотрительнее и тише. Это как перед злой кусливой собакой: надо пройти мимо, не показывая страха, делая вид, что ты вовсе ее не боишься, но и не дай бог зацепить ее. Если он фашистов не зацепит, неужели же они без причины будут к нему вязаться? Разве он какой-нибудь начальник, или партийный, или хотя бы еврей из местечка? Слава богу, он здешний, крещенный в христианскую веру, колхозник, такой, как все в округе. А что сын в Красной Армии, так разве это по его доброй воле? Это же служба. Так было при царе и еще раньше. Служили многие из деревни, правда, самому Петроку не пришлось – подвело здоровье. Вся его жизнь протекла тут, на глазах у людей, за что же к нему можно было придрататься?

Глава третья

Кое-как управившись со скотом, они наскоро похлебали остывшего в печи супа и легли спать – он на кровати за шкафом, а она в запечье. Пока всюду было глухо и тихо, и эта тишина вместе с привычностью вечерних хлопот несколько уняла тревогу. Петрок невнятной скороговоркой пробубнил «Отче наш», чего этой осенью он давно уже не делал, и со вздохом перекрестился, надеясь, что, может, еще и обойдется. Приехали и поедут дальше, что им тут долго делать, на этом большаке? Может, они для того только и чинят мост, чтобы куда-то проехать, зачем им какой-то хутор на отшибе от дороги? Фронт откатился черт знает куда, ходили слухи, что немцы взяли Москву, но непохоже было, чтобы на том война кончилась, она продолжается где-то, страшная эта война. Может, уже в Сибири? А может, брехня все это про Москву, поди, Москву им не взять. Мало что зашли далеко, но ведь и Наполеон зашел далеко, да подавился. Не так просто проглотить такой кусище России даже с такой пастью, как у этого Гитлера. Небось тоже подавится.

Петрок и так и этак поворочался на своем сеничке, повздыхал, услышал, что Степанида тоже ворочается в запечье, и тихо спросил:

– Баба, не спишь?

– Сплю. Почему же нет, – неохотно отозвалась Степанида и смолкла.

– А я так думаю, может, напрасно боимся? Зачем мы им? Как приехали, так и уедут.

– Если бы! А то вон из местечка не вылезают. Учитель этот да Подобед из сельпо до сих пор на веревках качаются.

– Ай, не говори такое напротив ночи. Не дай бог! – отмахнулся Петрок, уже пожалев, что начал этот разговор с женой.

Больше они не переговаривались, и Петрока мало-помалу сморил тревожный неглубокий сон, не приносящий ни отдыха, ни успокоения. Ему долго снились какие-то черви – целый клубок мелких, будто мясных червей, которые ползали, шевелились, кишели, свивались возле его ног. Петроку стало противно, даже почему-то страшно, и он проснулся. Сразу понял, что еще рано, еще не кричали петухи в Выселках, в тишине хаты звучно тикали ходики, но не хотелось вставать, смотреть время, и он продолжал лежать неподвижно, пытаясь заснуть или дожидаться рассвета. Думы его были все о том же: как жить на свете, в котором так неожиданно и без остатка рухнули прежние порядки, на что опереться, чтобы

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru удержаться в этой трудной, тревожной жизни! Думал о сыне Федоре, которого, наверно, уже нет в живых – такая война и столько погибло народу. Да и про феню тоже. С весны от девчонки не было никаких известий, ждали на каникулы домой, но она так и пропала в Минске. Может, ушла на восток и теперь где-либо за фронтом, все-таки училась на докторшу, там теперь такие нужны. Это было бы самое лучшее, лишь бы не попала к немцам. А если не остереглась от них в городе или по дороге домой?.. Страшно было подумать, что в такое время могло случиться с девчонкой.

Под утро он все же уснул ненадолго и проснулся, заслышав Степанидины шаги по хате. Начинался новый тревожный день, в запотевших с ночи окнах серел ненастный рассвет. Одетая в ватник Степанида отодвинула занавеску возле кровати.

– Ты бурт окончи. А то без картошки останемся. И поросенка накорми. Ну, я погнала...

Она вышла во двор, и вскоре ее шаги прошуршали возле истопки, потом послышался топот коровьих ног во дворе. Видно, погнала Бобовку в Бараний Лог, ясное дело, там, в стороне от большака, будет спокойнее.

Петрок начал неохотно вставать: свесил с кровати босые, в подштанниках ноги, посидел так, размышляя, закурить теперь или сначала надеть штаны. Курить очень хотелось с ночи. В хате было прохладно. Степанида не топила печь – спешила пораньше выбраться с Бобовкой, – теперь ему до полдня хозяйничать в одиночестве. В одиночестве оно и неплохо, главное, можно никуда не спешить, незавершенный в конце огорода картофельный бурт, наверно, еще подождет: погода стояла дождливая, непохоже, чтобы вдруг повернуло на заморозки. Натянув штаны, Петрок сунул ноги в опорки, набросил кожушок на плечи. Первым делом достал из-за дымохода пару листов самосада и принялся крошить на уголке стола. Это была самая милая его сердцу работа – готовить курево на день, острый кончик ножа легко резал подвяленный желтый лист, источавший приятный щекочущий в носу запах, и Петрок в предвкушении привычного наслаждения с короткой живостью глянул в окно.

Нет, на дороге, ведущей от хутора к большаку, было пусто, никого не видно и возле сосняка, а вот по дороге из Выселок, показалось, кто-то идет. С ножом в руке Петрок потянулся к окну, заглянул выше. Сквозь запотевшее стекло стали видны две далекие человеческие фигуры, которые скорым шагом приближались к повороту на хутор.

Он постоял, вглядываясь, пока внезапная догадка не осенила его – это же выселковские полицаи. Да, это были Гуж с Колонденком. В новой полицейской должности Петрок их видел впервые, но слышал от людей, что те только и шныряют по Выселкам, местечку, наведываясь в окрестные деревни и хутора, – утверждают немецкую власть. Теперь они направлялись сюда – рослый плечистый Гуж и моложавый Колонденко, с лица будто подросток, оба с винтовками за плечами, с белыми повязками на рукавах. Они приближались к повороту, и у Петрока затеплилась слабенькая надежда, что, может, повернут на большак и пойдут себе дальше. Но он, конечно, ошибся. Полицаи обошли лужу на повороте и по узенькой, заросшей травой дорожке направились к его хутору.

Петрок торопливо надел в рукава кожушок, растворил дверь в сени. Потом, еще не зная, что делать, но уже предчувствуя скверное, тщательно прикрыл ее за собой и через окно у порога стал наблюдать за полицаями. По мере их приближения он, однако, становился спокойнее. Да и чего было бояться, никакой вины за собой он не чувствовал, а Гуж даже приходился ему какой-то дальней родней по деду, когда-то на базаре в местечке даже вместе выпивали в компании. Но с начала коллективизации Петрок с ним не виделся и встречаться не имел никакого желанья. Однако ж придется...

Полицаи вскоре миновали ворота под липами и прошли во двор. Цепкий взгляд Гужа метнулся по дровоколье, хлеву и остановился на входе в сени. Наверное, надо было отзываться, хотя и не хотелось, и Петрок, выйдя в сени, нерешительно замер возле скамьи с ведром. Только когда чужая рука зазвякала снаружи клямкой, отворил двери.

– А-а, во где он прячется! – вроде шутливо прогудел Гуж и, нагнув голову, переступил порог. – А я гляжу, во дворе не видать. День добрый!

– Добрый день, – запавшим голосом ответил Петрок. – Так это... Жду вот.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Кого ждешь? Гостей? Ну, встречай!

– Ага, заходите, – с фальшивым радушием спохватился Петрок и шире растворил дверь в хату. Шурша потертой кожаной курткой, Гуж с винтовкой в руках переступил порог, за ним направился туго подпоясанный ремнем по серой шинели долговязый Колонденок. Войдя следом, Петрок притворил дверь, выдвинул на середину хаты скамью. Но гости не сели. Колонденок, словно на страже, вытянулся у входа, а Гуж неторопливо протопал в тяжелых сапогах к столу и обратно, по очереди заглядывая в каждое из окон.

– Как на курорте! – пробасил он. – И лес и река. И местечко под боком. Ага?

– Близо, ага, – согласился Петрок, уныло соображая, какой черт их принес сюда в такую рань. Что им надо? Он не предлагал другой раз садиться, думал, может, что скажут и уйдут.

Но, кажется, идти они не намеревались.

Оглядев темные углы и оклеенные газетами стены хаты, Гуж продолжительным взглядом повел по образам, будто сосчитал их, и расстегнул на груди несколько пуговиц своей рыжей тесноватой кожанки.

– Тепло, однако, у тебя.

– Так это... Еще не топили.

– Значит, теплая хата. Это хорошо. Надо раздеться, не возражаешь?

Петрок, разумеется, не возражал, и Гуж, побряхтывая, стащил с тугих плеч чужую кожанку, повесил на гвоздь возле висевшей в простенке Петроковой скрипки. Ремнем с желтой военной пряжкой начал подпоясывать вылинявшую до желтизны красноармейскую гимнастерку.

– Все играешь? – кивнул он на скрипку.

– Где там! Не до музыки, – вздохнул Петрок. В самом деле, когда было играть – с некоторых пор в душе его звучала совсем другая, не скрипичная музыка. Но он не стал что-либо объяснять, только подумал с сожалением, что скрипку надо бы прибрать подальше от чужого глаза.

– Помню, как на свадьбе когда-то наяривали. В Выселках. Ты на скрипке, а Ярмаш на бубне.

– Когда то было...

– А было! – сказал Гуж и полез за стол в угол. Длинную свою винтовку положил на скамью рядом. Колонденок, не раздеваясь, с винтовкой в руках присел на пороге. – Ну, угощай, хозяин! – холодным взглядом из-под колючих бровей Гуж уставился на Петрока. – Ставь поллитра. А как же!

– Ге, если бы оно было! – вроде бы даже обрадовался Петрок. – Закусить можно, конечно, а водки нет, так что...

– Плохо, значит, живешь, Богатка. И при Советах не богател...

– Не богател, нет...

– И при германской власти не хочешь. А мы не так. Мы вот кое-что имеем.

Вытянув под столом толстую в сапоге ногу, Гуж вынул из кармана черных галифе светлую бутылку.

– Вот, чистая московская! – и, громко пристукнув, с показной гордостью утвердил ее на столе.

Далее тянуть было невозможно, проклиная про себя все на свете, Петрок пошел к посуднику за хлебом, вспомнил, что надо бы поискать яиц в истопке, там же было

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru еще немного огурцов в бочке. Ну и сало, конечно, в кадке. Он заметался, стараясь проворнее собрать на стол, чтобы скорее освободиться от полицаев, положил на стол начатую буханку хлеба, но не мог найти нож, который только держал в руках, где он запропастился? Не дождавшись хозяйского, Гуж вытащил из-за голенища свой – широкий, с загнутым концом кинжал и легко отвалил от буханки два толстых ломтя.

– А где же твоя активистка? – вроде между прочим спросил полицаи и прищурился в ожидании ответа. – Не в колхозе же вкальвает?

– Да с коровой, знаете, пошла.

– А, значит, корову держишь? А прибедняешься.

– Да я ничего. Как все, знаете...

– А кто картошку выбирать будет?

– Какую картошку?

– Колхозную! Вон на Голгофе. Советская власть хряпнулась, но колхозы ни-ни! Гитлер приказал: колхозы сохраняются. Так что картофелеуборка. Ну и картофелесдача, конечно. Как до войны, ха-ха! – коротко засмеялся полицаи.

Это Петрок уже слышал, хотя сначала не очень верилось, что немцы допустят колхозы. Думал, может, будут расправляться с колхозниками, а они вон что! Ради картошки, наверно. Так им удобнее.

– Я, знаете, отработал свое. Пусть помоложе которые, – слабо попытался отказаться Петрок. – Которые поздоровше.

– А кто это нездоровый? Ты? Или, может, баба? Та до войны вон как старалась. Вкальвала за троих, про хворобу не заикалась. На слете выступала, как же, передовая льноводка!

– Какая там льноводка! – тихо сказал Петрок, пытаясь как-то отвести многозначительный намек полицаи, и поставил на стол чистый стакан. – Последнее время его мало и сеяли, льна того.

– Сколько ни сеяли! А она старалась. Люди запомнили. А теперь прихворнула...

Петроку надо было в истопку за огурцами и салом, но на пороге сидел белобрысый Колонденко и с кислым выражением прыщавого лица глядел в сторону. Этот явный подкоп полицаев под его Степаниду очень не понравился Петроку, и он подумал: не для того ли они сюда и пожаловали?

– Сказали, ну и выступала. Куда же денешься.

– Сказали, говоришь? А если теперь немецкая власть другое скажет? Как тогда вы?

– А мы что? – передернул Петрок плечами. – Как все, так и мы.

Гуж удобнее устроился за столом, взглянул в окно и широким хозяйским жестом сгреб со стола бутылку.

– Ну а сало у тебя найдется?

– Сейчас, сейчас, – повернулся к двери Петрок и сразу же наткнулся на Колонденку, который не сдвинулся с места.

– Пропустить! – ровным голосом сказал Гуж, и только тогда Колонденко подвинулся с порога, пропуская Петрока в дверь.

Чтобы было светлее, Петрок настезь растворил сени, истопку, нащупал в кадке слежавшийся в соли кусок сала. Он уже понял, что это посещение хутора полицаими не случайно, тут есть определенная цель, вскоре, наверно, все выяснится. Но только бы не сунулась сюда Степанида, как бы дать знать ей, какие тут гости, лихорадочно думал он, торопливо неся угощение в хату.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Это другое дело! – удовлетворенно сказал Гуж. Полицай уже выпил водку, стакан был пустой, одутловатое лицо его еще кривилось от выпитого, и он сразу принялся нарезать сало. – Так, теперь твоя очередь. Все-таки хозяин. Хозяев немцы уважают. Не то что при Советской власти...

– Да нет, я знаете, не очень того...

– Это ты брось! – прикрикнул на него Гуж и, взболтнув бутылку, налил больше половины стакана. – Пей! За победу.

– Ну, разве за победу, – уныло согласился Петрок, беря из его рук стакан.

– Твой-то сын где? В Красной Армии будто? Сталина защищает?

– Ну, в армии. Солдат, так что...

– Так что за победу! Над большевиками, – уточнил Гуж.

Проклиная про себя все на свете и прежде всего этого мордастого гостя, Петрок почти с отвращением вытянул водку из стакана.

– Вот это дело! – одобрил полицай. – Теперь на, закуси.

Гуж держал себя за столом по-хозяйски, а Петрок незаметно как-то превратился из хозяина в гостя, не больше. Конечно, он был напуган этим внезапным приходом полиции, встревожен недобрыми намеками Гужа и боялся, как бы все это не кончилось худо. Однако, может, и хорошо, что не отказался выпить, водка постепенно притупила испуг, и растерянность его стала проходить. Он уже осваивался в роли собутыльника, раз уж его лишили роли хозяина, боком присел к столу и жевал корку хлеба. Гуж тем временем, будто жерновами, широкими челюстями перемалывая хлеб с салом, опять наполнил стакан.

– Хорошее дело можно и повторить. Правда, Богатька?

– Правда, наверное. Первая чарка, она – как синичка, а вторая – как ласточка, – словоохотливо подхватил Петрок. – А это... товарищу? – кивнул он на Колонденку у порога.

– Обойдется, – пробасил Гуж. – Он непьющий. Ты же, правда, Потап, непьющий?

– Непьющий, – тонким голосом ответил Колонденок, и все в хате притихли вслушиваясь. Со двора донеслись звуки шагов, возле хлевка громко закудаhtала курица.

– А ну! – кивнул Гуж помощнику, не выпуская из рук стакана. Колонденок выскочил в сени, но скоро вернулся.

– Тетка пришла.

Петрока передернуло от досады, он не на шутку испугался за Степаниду. Зачем она притащилась? Надо бы как-то предупредить ее, чтобы не заходила в хату, но Петрок влез в эту пьянку, и теперь, видно, уже поздно.

– Я это... Скажу, чтоб закуски какой. – Он приподнялся, пытаясь выйти из-за стола. Но Гуж решительным движением руки посадил его обратно.

– Сиди! Сама даст, не слепая.

Действительно, вскоре отворилась дверь из сеней, и Степанида на мгновение замерла на пороге, наверно, не сразу узнав чужих в хате.

– Заходи, заходи! – жуя закуску, по-хозяйски пригласил Гуж. – Не стесняйся, ха-ха! Поди, не стеснительная?

– Здравствуйте, – тихо поздоровалась Степанида и переступила порог. «Ну, сейчас возьмут!» – со страхом подумал Петрок, искоса поглядывая на Гужа. Но тот, казалось, не обращая внимания на хозяйку, отворотил еще один ломоть хлеба от

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
буханки и вместе с салом протянул Колонденку.

– Закуси, Потап.

С сонным безразличием на лице Колонденок приподнялся с порога и взял угощение.

– Пьете, а там немцы по мосту ходят, – сказала Степанида с легким укором, больше, чтобы нарушить неловкую тишину в хате.

– Правильно, ходят, – согласился Гуж. – Еще пару дней, и будут ездить. Германская деловитость!

– А зачем им тут ездить? Что у них, в Германии своих дорог нехватка? – недобро прижмурилась Степанида. Гуж испытующе посмотрел на нее и, будто еж, недовольно фыркнул.

– Очень ты умная, гляжу! Недаром активисткой была. Не отреклась еще?

– А от чего это мне отрекаться? Я не злодейка какая. Пусть злодеи от своего отрекаются.

– намекаешь? На кого намекаешь? – насторожился Гуж.

– На некоторых. Которые сегодня одни, а завтра другие!

«Да замолчи ты, баба! – мысленно внушал ей Петрок. – Чего ты заедаешься? Разве не видишь, кто перед тобой?»

Видно, Степанида и еще хотела что-то сказать, но остановилась и только метнула злым взглядом в сторону Гужа, потом таким же на Петрока и Колонденка. Однако и одного взгляда для Гужа оказалось достаточно, и он угрожающе привстал за столом.

– Ты где шляешься? Что на дорогах высматриваешь? Почему ты со двора, когда гости в дом?

– Я корову пасла. Вон же хозяин в хате.

– Что он может, хозяин твой? Он и курицу не пощупает! А нам закуска требуется.

– Еще чего?

– Закуска, говорю, хорошая. Как для представителей немецкой власти!

– Давно вы такие представители? – вспыхнула Степанида, и Петрок почувствовал, что сейчас случится непоправимое.

– Баба, молчи! – крикнул он с напускной строгостью. – Жарь яишню! Слыхала мой приказ?

Гуж одобрительно заржал за столом, а Степанида молча повернулась и вышла в сени. Дверь за ней осталась раскрытой, и Колонденок затворил ее, оставаясь все там же, у порога. Гуж, однако, быстро согнал с лица улыбку.

– Вон какая она, твоя баба! Знаешь, что немцы с такими делают?

– Ну, слышал. Только это...

– Вешают! На телеграфных столбах! – Гуж пристукнул увесистым кулаком по столу. Почувствовав, как холодеет внутри, Петрок весь сжался, втянул голову в плечи. – Немцы с такими не чикаются. И мы не будем! Повесим с десяток, чтоб другим неповадно было, – гремел Гуж.

– Да она так, она не со зла, – слабо попытался оправдать Петрок Степаниду.

– А с чего же тогда? С доброты, скажешь? Коммунистка она, – вдруг заключил Гуж.

– Да нет. Она языком только.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Во-во, языкастая! Язык – что весло. Не вырвали еще? Так вырвут!

Петрок мучительно соображал, что сказать, как защитить жену, которую очень просто могли погубить эти двое. Он знал, что сама она не побережется, скорее наоборот. Особенно если разозлится, то никому не уступит, будь перед ней хоть сам господь бог. Гуж, видно, тоже почувствовал это и вдруг перевел разговор на другое:

– Ты это... вот что. Скажи мне спасибо. Если бы не я, ты бы уже давно вдовым стал.

– Если так, то спасибо, – сдержанно ответил Петрок.

Постепенно он стал понимать, что на этот раз пронесет, вроде не заберут Степаниду. Пока что. Если только она сама не полезет на полицейский рожон.

– Одним спасибом не отделаешься, – опять куда-то поворачивал Гуж, Петрок снова насторожился, покорно ожидая новой каверзы этого родственника. – За спасибо я тебя покрывать не стану. Да еще водкой поить. Это ты мне поллитровки носить должен.

– Да я бы с милой душой. Но...

– Скажешь, водки нет? А ты достань. Купи! Выменяй! Нагони самогонки. Для родственника не можешь постараться? Я же тебе не чужой, правда?

– Не чужой, ага.

«Чтоб ты сгорел, своячок такой», – угрюмо думал Петрок, уже чувствуя, что новый поворот в разговоре не лучше прежнего. Где он возьмет ему водки? В лавке не купишь, у знакомых не одолжишь. Когда-то, правда, пробовал гнать самогон, но когда это было? С тех пор не сохранилось ни посуды, ни змеевика. Опять же, как было возражать Гужу? Разве его, Петрока, оправдания здесь что-нибудь значили?

– Вот так. Договорились, значит?! – сказал Гуж, уминая хлеб с салом. – Ты слышишь?

– Слышу, как же. Вот только...

Он так и не нашел что сказать полицая; из сеней вошла Степанида, молча поставила на стол миску с капустой.

– Верно, немцы слабовато кормят? – язвительно спросила она.

Гуж злобно округлил глаза.

– А тебе что? Или очень не нравятся немцы?

– Нравятся, как чирьи на заднице.

– Степанида! – вскричал Петрок. – Молчи!

– А я и молчу.

– Молчи! Знаешь... Он же по-родственному. По-хорошему! А ты...

– Ладно, – сказала она Петроку. – Уже выпил, так готов зад лизать. Чересчур ты быстрый, гляжу.

Последние ее слова уже долетели из сеней, стукнула дверь, и в наступившей тишине Петрок виновато прокашлялся. Он ждал и боялся того, что теперь скажет Гуж. Но Гуж угрюмо молчал, пожирая закуску, и Петрок сказал тихо:

– Баба, известно. Что сделаешь?

– Что сделаешь? – злобно подхватил полицай. – Путо возьми! Которое потолще, с кострой. И путом! А то пеньковой петли дождется. Попомнишь меня.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Петрок уныло молчал, сидя возле стола. Кучку нарезанного самосада сдвинул на угол столешницы и невидяще подбирал пальцами табачные крошки, слушая, как жует его сало Гуж, угрожает и еще поучает, как жить с бабой. Вдвое моложе его, а гляди, какой стал умный при немецкой власти.

– Приезжал важный чин, – прожевав очередной кусок, спокойнее сообщил Гуж. – Называется зондерфюрер. Приказал все с поля убрать.

– Считай, все убрали, – сказал Петрок.

– Не все. То, что убрали, никуда не денется. Попадет в немецкие закрома. Картошка осталась. Вот ее и выкопать. И сдать. Для германской армии. Понял? Как при Советах.

«Черта с два ты ее с поля возьмешь для германской армии, – подумал Петрок. – Пусть погниет там».

В бутылке еще оставалось немного, Гуж вылил остатки в стакан и молча опрокинул в рот. Крякнул, вытер пятерней жирные от сала губы.

– И еще вот что. Тут, наверное, заходят разные? Из леса которые. Бандиты! – снова уставился он на Петрока, которому опять стало не по себе от этого взгляда.

– Что, не было такого? Ладно, верю. Но помни, если кто, сразу в полицию. В местечко или на Выселки. И чтоб немедленно. Понял? А то за укрывательство... знаешь? В местечке был?

– Ну, был.

– Читал приказ? Расстрел и конфискация имущества. Немцы, они не шутят. Понял?

Петрок печально вздохнул. Что сделаешь? Кругом беда. Угрозы, расстрел, конфискация. Как тут жить будешь?

Гуж не спеша выбрался из-за стола и, сыто икая, стал натягивать на плечи потертую рыжую кожанку.

– Яичница отменяется! – неожиданно объявил он. – Другим разом. Так что готовься!

Глава четвертая

Петрок уныло сидел на скамье, подперев голову руками, и рассеянно смотрел на стол, где толстые осенние мухи ползали по жирной от сала столешнице. Он не прибирал посуду, не уносил хлеб, Степанида тоже не подходила сюда – она отчитывала его с порога.

– Устроил угощение! Сало, огурцы! И еще командует: яичницу им! Сам яиц нанесешь? Ты хотя раз кур покормил? Если бы не я, что бы ты сделал в хозяйстве? Даже лошадь свою не вернул, когда все повозвращали...

Лошадь, конечно, была его промашкой, Петрок понимал это и переживал не меньше, чем Степанида, но где он мог взять лошадь? Мало ли он походил в Выселки, повыспрашивал у деревенских, но разве кто уступит? Каждому в хозяйстве прежде всего нужна лошадь. Зато в местечке ему повезло больше, и теперь он вспомнил главную свою удачу.

– А керосина кто расстарался? Не я хибя?

– Ах, керосина! Смех один – керосина! Люди вон соли мешками натаскали. Спичками запаслись. Сахаром даже. А то бутыль керосина принес – смех один...

– А что! Керосин зимой, знаешь! Мало у кого будет, а у нас есть!

– Молчи ты! Керосин... И это – нашел свояка! Собутыльника. Будь он мой свояк, я бы его помелом из дома. Продажник! А он водку с ним распивает, угощает его. Вон придут немцы, так и их тоже угощать будешь?

Дверь в сени была по-летнему растворена, Степанида ходила то в сени, то к печи, то в истопку, звякала кружкой в ведре, разводила пойло. Теперь, когда они

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru остались вдвоем, она не сдерживалась и выговаривала все, что накопело за эти недели на него, на войну и на жизнь тоже. Петрок больше молчал – что он мог сказать ей, чем возразить? Он понимал женскую правоту Степаниды, но не хотел поступиться в своей, еще более близкой ему правотой, ощущение которой иногда круто поднималось в его душе.

– Придут, угостишь! Куда денешься? – тихо сказал он, подумав, что, может, жена не расслышит. Но она расслышала, и это окончательно вывело ее из себя.

– Ну это ты угощай! Без меня только. Я пойду в лес с коровой, чтоб мои глаза не видели.

– Такая беда! Иди, обойдусь.

– Ага, обойдешься! Думаешь, ты попьанствуешь тут? Подлижешься? Да они твоё выпьют и тебе же дулю покажут.

Петрок хотел было что-то сказать, но только махнул рукой – Степаниду не переспоришь. Разве можно что путное внушить женщине? То, что для тебя ясный день, ей кажется ночью. Попробуй убедить ее, что сегодня им здорово повезло с полицаями, что Гуж после выпивки смягчился и не слишком стал придирааться, что он, может, и на самом деле защищает их перед немцами. Сам же сказал: родственники! Потому надо с ним ладить, как-то задобрить его, завести дружбу, что ли. Конечно, он сволочь, бандюга, немецкий холуй, но ведь он власть! Как будто ему, Петроку, большое удовольствие пить с ним водку, поддакивать да еще выслушивать его наставления. Но если хочешь жить, то будешь терпеть не такое. С волками жить – по-волчьи и выть.

Правда, эти пространные рассуждения только путано вертелись в его захмелевшей голове, вслух же он лишь тихо огрызался, зная по опыту, что злой жене лучше не перечить, его верха все равно не будет.

Степанида между тем, кажется, выговорила и как-то разом притихла. Сначала, войдя в избу, она даже испугалась, завидев чужих, но потом постепенно осмелела, особенно когда рассердилась. А рассердилась она больше на Петрока за его выпад против нее, да еще перед этими шавками. Пусть бы кричал-командовал, когда они остались вдвоем, так теперь он молчит или что-то бубнит под нос в свое оправдание. А тогда в его окрике ей слышалось неприкрытое намерение угодить Гужу, унизив ее. Но унижать себя она никому не позволяла, она умела постоять за себя. Выселковцы до сих пор помнят, как когда-то на колхозном собрании она разоблачила перед представителем из района кладовщика, вора и пьяницу колумийца, как того вскоре сняли с его хлебной должности и даже хотели судить. А когда она была звеньевой по лну и Кондыбишин зять распустил по деревне слух, что ее бабы крадут ночью лен, она добилась проверки, даже обыска – несколько раз их останавливали на стежке, проверяли у баб за пазухой, под одеждой, но всегда напрасно, – и подозрение в воровстве с них сняли.

Она размашисто рубила сечкой траву в корыте. В раскрытой двери у порога было светло, сечка сыпалась на утоптаный земляной пол, на ее ноги, и она горько думала, что в такое проклятое время с ее Петроком пропадешь. Главное, у него и в помине нет твердости, мужской самостоятельности, со всяким он готов согласиться, каждому поддакнуть, хотя тот наглеет, не убоясь самого господ бога. Можно подумать, что людская покорность делает кого-то добрее. Скорее наоборот. Не получив сразу отпора, эти горлохваты тут же норовят взобраться на плечи и ехать куда им захочется. С детской поры она знала выселковского Гужа, который в коллективизацию куда-то удрал от раскулачивания, а теперь вот появился снова с винтовкой в руках, чтобы пить водку да мстить людям за прошлое. Но она не забыла последнюю с ним встречу в тридцатом году и никогда ее не простит ему. Пусть себе он с винтовкой. Так же как и тому Колонденку, которого давно ненавидела вся деревня. В начале войны он по первой мобилизации ушел в армию, но месяц спустя вернулся, говорили люди, что немцы отпустили его из лагеря. Колонденко прибыл в местечко исхудавший, обовшивевший и голодный, а теперь вот отъедается на полицейских харчах.

Степанида их не боялась, потому что презирала. Более того, она их ненавидела. Впрочем, ей не было до них никакого дела. В той жизни, которую обрушила на свет война, Степанида держалась давней, исповедуемой людьми правды, и пока у нее было сознание этой правоты, она могла смело глядеть в глаза каждому.

По двору, под тыном и по огороду неприкаянно ходили ее молодые курочки, что-то клевали. Неслись пока что шесть старых куриц, которыми особенно дорожила Степанида: давно уже с яиц был весь денежный доход с хутора – несчастная копейка, всегда так необходимая в хозяйстве. Собрав десятка три яиц, она несла их в местечко, меняла на что-нибудь нужное или продавала. Без кур было невозможно. Теперь вот подумала, что надо бы посыпать им каких-то обсевков, но она торопилась в поле и на кур у нее уже не хватало времени. В спешке пригостила и вынесла полведра мешанки поросенку, раскрыла низенькую дверь засторонка, и тот, слышав хозяйку, поспешно завопил в соломе. Поставив ведро в угол, она подождала немного, наблюдая, как поросенок аппетитно зачмокал в ведерке. Спустя минуту он уже забрался туда с ногами и опрокинул его, но Степанида поправлять ведро не стала, знала, что и так подберет все до крошки.

Однако надо было бежать в поле – в Бараньем Логу, привязанная к лозине, паслась Бобовка, не годилось в такое время надолго оставлять ее без присмотра. Прежде чем покинуть усадьбу, Степанида заскочила в хату схватить корку хлеба – пожевать самой и угостить корову. В хате было тихо и спокойно, Петрок по-прежнему уныло сидел за столом и даже не оглянулся на Степаниду.

– Покорми кур, – тише, чем давеча, сказала она.

Как всегда, выговорив ему свои обиды, она стала спокойнее и даже пожалела этого незадачливого Петрока, который часто злил ее, временами смешил, редко когда радовал. Но, в общем, он был человек неплохой, главное, не злой, только мало проворный и не очень удачливый в жизни. Еще он был десятью годами старше и давно хворал. Однако все его хворости шли от чрезмерного курения, она это знала точно и твердила ему о том почти ежедневно. Только впустую.

Тропкой через огород Степанида побежала в Бараний Лог, а Петрок посидел еще, тяжело вздохнул и поднялся из-за стола. С утра довелось выпить водки, но не удалось еще закурить, и теперь, оставшись один в хате, он неторопливо свернул самокрутку. Чтобы прикурить, перевернул все вчерашние угли в печи, пока нашел уголек с искрой, раздул его и наконец с долгожданным наслаждением затянулся дымом. Только и было той радости, что закурить, другого удовольствия в жизни, наверно, уже не осталось. Хорошо, что весной посеял в огороде немного мультановки, не понадеялся на магазинную – теперь в магазине не купишь. Самосад был хотя и похуже махорки, но и не такой уж плохой, Петрок привык к нему, лучшего вроде и не хотелось.

Он чувствовал себя еще пьяноватым, растревоженным всем происшедшим и время от времени тихо, почти беззвучно ругался: пропади оно все пропадом! Где еще те немцы, неизвестно, доберутся ли они до хутора, а свои вот добрались! И кто? Родственник Гуж. От этого, наверно, поросенка не спрячешь, знает и про поросенка, и про корову, про кур, так же как и про всю его прежнюю жизнь, тут ничего не утаишь. У Гужа теперь власть: захочет, поведет в местечко, в полицию и повесит на первом столбе, как это теперь у них принято. Так что же остается – просить, чтоб не трогал, помиловал? Но вряд ли такой помилует. Петрок хотя и был пьяный, но заметил, как хищно блеснули его глаза, когда он заговорил про Степаниду. Вот и приходится задабривать мелочью – яйцами, салом, огурцами с капустой, потому что большего у него нет. Но этим разве задобришь? Вот если бы водка была...

Когда-то, еще до колхозов, Петрок предпринял не очень удачную попытку изготовления самогона, но тут началась большая строгость со льном. Все, что было из волокна, сдали по льнозаготовкам, и еще было мало, приехали уполномоченные из округа, ходили и трясли по дворам тряпье, разбрасывали солому в сараях – искали лен. У него же льна не нашли, но наткнулись на самогонные инструменты в истопке – казан и ладный, выгнутый из медного патрубка змеевик, который тут же и реквизируют. Потом он платил штраф, натерпелся позора на собраниях и надолго проклял малопочтенное дело самогонкурения. Но это было давно. Теперь же, когда все в жизни так круто переиначилось, менялось, наверно, и отношение к самогонке. Петрок всем нутром чувствовал, что водка становится едва ли не единственной ценностью в жизни, без которой по этим временам не обойтись. Пьющий ты или трезвенник, а гнать водку придется.

Он перешел через сени в истопку, кашляя, прислонился к ступе у порога. Как всегда, в истопке царил полумрак, полный устоявшихся запахов, так перемешавшихся

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru между собой, что их уже невозможно было различить. Больше, однако, отдавало старой одеждой, пылью, мышами. Сквозь маленькое, прорезанное в бревне оконце едва пробивался немощный свет пасмурного утра. Петрок оглядел ряд дощатых закровов под глухой, без окон стеной, пустые плетеные короба из соломы, в которые некогда в урожайные годы ссыпали зерно, если его не могли вместить закрома. В углу при пороге помещались старенькие жернова с тонкими стертими камнями, густо припорошенные серой мучной пылью. Тут же пылилась старая прялка, белел осиновым боком новый кубелок с уже поржавевшими обручами, стояли большей частью пустые кадки; аккуратно составленные у стены, несколько лет ждали своего дела Степанидины кросна – с бердами, нитями, навоями. На полке над ними тускло поблескивал неровный ряд пустых пыльных бутылок, важно темнела с краю большая оплетенная бутыль с керосином. Рядом, возле окошка, висели прошлогодние связки лука, несколько березовых веников под черным от копоти потолком, пучки лекарственных трав, припасенных Степанидой с лета. Небольшая эта истопка с черными, прокопченными за столетие стенами, густо оплетенная по углам паутиной, была тесно заставлена разной хозяйственной утварью, но, где был нужный ему казан, он не мог вспомнить. Петрок обошел истопку, заглядывая во все ее темные углы, поворошил хлам за печкой-каменкой в дальнем углу и наконец вытащил оттуда черную, изъеденную ржавчиной посудину, которой лет десять не пользовались в хозяйстве.

В сенях, у дверей, где посветлее, тщательно осмотрел ее, казан был, в общем, хорош, главное, без дыр, и если его почистить от ржавчины, оттереть песочком, то и вполне сгодится. Еще была нужна какая-нибудь бадейка или кадка, впрочем, бадю можно взять ту, в которой Степанида моет картошку, а картошку можно мыть в чугуне.

Одно плохо – не было змеевика.

Петрок присел на низенькую скамеечку возле ведер с водой и, то и дело покашливая, начал мысленно прикидывать, где бы взять змеевик. Прежде за такой надобностью он бы наведалься в местечко к кузнецу Лейбе, который подковывал лошадей, оттягивал топоры, насекал серпы бабам, мог также залудить миску, починить замок. Лейба был человек мастеровой, он бы выручил Петрока, с которым дружил много лет. Во всяком случае, Петрок относился к нему уважительно и всегда обращался – Лейбочка, в свою очередь, Лейба называл его Петрочек. Кроме всего прочего, они были еще и ровесники и знали друг друга едва ли не с самого детства. Многие годы всю кузнечную работу делал для него Лейба, Петрок же никогда не скупился на плату: деньгами, яйцами, салом, иногда зерном – всем, что по тому времени находилось в хозяйстве. Если же ничего не находилось, Лейба мог сделать в долг, «на повер», подождать месяц, полгода, пока вырастет хлеб или придет время резать скотину. И никогда у них не было недоразумений, тем более обид друг на друга. Лейба наверняка бы выгнул злосчастный змеевик, но кузница его давно перешла к колхозу, а сам он перебрался к родственникам в Лепель. И теперь неизвестно было, работает ли кто-нибудь в кузнице, которая летом стояла закрытой. За большаком в Выселках был еще один человек, Корнила, тоже весьма способный на разные мастеровые дела, наверно, и он что-нибудь придумал бы или нашел в своих немалых запасах. Но с давних пор Петрок с ним не только не дружил, но более того – они были в разладе и никогда не здоровались. А всему виной Степанида, у которой еще в девичестве что-то было с этим Корнилой, пока она не вышла за Петрока. Впрочем, и правильно сделала, что вышла. Молодой Петрок был совсем неплохим парнем, к тому же играл на скрипке, не то что этот молчаливый упырь Корнила. В самом деле, у того был нелегкий характер, угодить ему трудно, и, уж если он кого невзлюбит, так будет коситься на него до конца своих дней. Еще был он скуп и жаден, хотя жил неплохо, в колхозе не состоял – работал в пожарном обществе. Руки у него умелые – мог настелить пол, связать оконную раму и даже сложить печь в хате, – однако к Корниле лучше ему не соваться. При случае надо спросить еще кого-либо из Выселок.

Всласть накурившись, Петрок откашлялся. Пожалуй, пора было браться за дело. Ага, прежде всего посыпать курам. Найдя в истопке старый деревянный гарнец, он зачерпнул в крайнем сусеке ячменных отходов, вынес из сеней. Куры, по-видимому, уже караулили его и, как только увидели с гарнцем, стремглав бросились из-под ограды, с огорода, из-под повети, и он широко сыпанул по двору, чтобы хватило на всех. Пока те усердно клевали на утоптанной земле двора, подбирали в траве, он думал о поворотах судьбы, которая так круто обращается с человеком. Разве когда-нибудь хозяин Якимовщины опускался до того, чтобы кормить по утрам кур! Или у него не было другого, поважнее дела в хозяйстве? Одного скота здесь

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru водилось более десятка голов: лошадь, молодая кобылка, две коровы, если они еще не телились, шесть или восемь овец. Ну и свиней, конечно, не менее двух – укормный кабан и меньшей, на будущий год, подсвинок. Правда, и рабочих рук тоже было побольше. Но вот почти все подошло к нулю, только и забот, что корова, малый кабанчик да этих девять куриц. От лошади и всех связанных с ней забот некогда освободил колхоз, овцы постепенно вывелись сами, кому было за ними ухаживать? Дети, едва оперившись, рано выпорхнули из родительского гнезда, их не вернуть. А тут эта война, наверно, она добьет окончательно.

Все покашливая, он постоял на отшлифованных ногами камнях возле порога, пока не решил взяться наконец за картофельный бурт. Картошка хорошо уродила нынче, в огороде все уже выкопали, засыпали погреб. Но в погреб весной иногда подходила вода, потому остаток картошки надобно было закрыть в бурт на пригорке в конце огорода – так обычно делали тут в урожайные на картофель годы. Картошку следовало беречь, она испокон веков была главным урожаем поля – хлеб родил не всегда и к весне часто кончался, а картошечки, слава богу, хватало до новой. Если ее вовремя убрать, сберечь от мороза, воды, так будет вдоволь себе и скоту – картошечка не один год спасала людей от голода...

Глава пятая

Несколько дней подряд осеннее небо грузно тяжело от набрякших дождем облаков, дул ветер, заходя то с одной, то с другой стороны, а потом все утихло, ночью потеплело, и под утро зарядил дождь. Проснувшись на рассвете, Степанида услышала его монотонный невнятный шум за стеной и подумала, что сегодня придется повременить с коровой. Петрок лежал в углу на кровати и даже не кашлял, наверно, спал, а она поднялась, вышла в сени. За дверью возле порога, слышно было, тихонько журчало с крыши, а под дырой в сенях уже расплылась на земляном полу темная лужа. В который раз Степанида зло помянула своего нерадивого мужа и подвинула бадейку под то место в крыше, откуда мерно капало вниз. Привыкнув рано вставать, она поняла, что сна уже не будет, тем более что за дерюжкой уже заворчался, закашлял Петрок, искал свой кисет – дня он не мог начать без закурки. Сонливо зевнув, Степанида взяла под окном кленовый, купленный весной подоиник и пошла в хлев к корове.

Тем временем почти рассвело. Дождь густо сеялся с низкого туманного неба, но был по-осеннему мелкий, без ветра и еще не наделал на дворе много грязи. Только возле хлева в низком месте поблескивала навозная лужа, но там она не просыхала с лета.

На мокрой и поникшей, с поредевшей листвой липе начала каркать ворона. Хотя бы не на беду какую, встревоженно подумала Степанида. Ворона прилетала сюда уже четвертое или пятое утро, устроившись на верхушке липы и свесив над усадьбой черный широкий клюв, она пронзительно каркала, будто звала кого-то из леса. Раза два Степанида, запускала в нее поленом с дровокольной, но ворону это мало пугало. Теперь, накричавшись, она умолкла сама, недолго еще посидела молча и вот, взмахнув крыльями, полетела к оврагу. На липе тихо покачивалась потревоженная ею ветка с порывевшим листком на конце.

Не торопясь, Степанида тщательно выдоила Бобовку, с удовлетворением заметив, что та вчера хорошо напаслась в Бараньем Логу – подоиник полон был до краев. Ничего не скажешь, коровка удалась на зависть, еще молодая, непривередливая к кормам и молочная. Степанида дорожила ею как своим самым бесценным сокровищем. По нынешнему времени такая корова – счастье.

Она вышла из хлева, думая, что надо бы бросить ей охапку травы, лишней час побаловать корову в хлеву, а самой, пока дождь, может, сварить суп или картошку – уже несколько дней она не топила печи, не готовила ничего горячего. Однако не успела она перейти двор, как до ее слуха донесся приглушенный непогодой мощный нутряной гул. Не понимая еще, что бы это могло означать, она выглянула в ворота и остолбенела – тяжело покачиваясь на колдобинах, в дождливой мгле от большака к хутору двигалось что-то огромное, серое и туполобое, что не сразу и с трудом напомнило Степаниде машину. За ней катилось что-то поменьше, однако с высокой, как у самовара, трубой, и ветер уже нес сюда запах дыма. На мокро блестящих боках машины белели какие-то номера и буквы, а огромные колеса не вмещались в узких колеях дороги и одной стороной мяли траву на обочине. Медленно, но с какой-то неотвратимостью машина приближалась к усадьбе, пока с тяжелым горячим дыханием не остановилась на въезде в ворота. Здесь дыхание ее стало явственнее,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru во дворе сильно завоняло бензином. С высокой ступеньки возле кабины соскочил тщедушный человек в шляпе и длиннополом мокром пальто, которого Степанида тотчас узнала – это был местечковый учитель Свентковский.

– Добрый день, пани Богатка, – с непривычной любезностью поздоровался он, неся загадочно-слащавую улыбочку на худом остроносом лице. – Гуж распорядился принять на квартирование немецкую команду. Ну, и чтобы все было ладно.

Ах, вот оно что!..

Степанида, однако, молчала в каком-то оцепенении, непонимающе глядя на машину, брезентовый верх которой свернул в сторону низко нависшие ветви лип. В это же время металлически звякнули дверцы кабины, во двор одновременно высочили двое мужчин. Еще не рассмотрев ни их одежды, ни лиц, по чему-то неуловимо настороженному, что исходило от их фигур, Степанида поняла, что это немцы. Только когда те направились к ней по двору, она отметила мысленно, что ходят они как люди, на двух ногах, и вроде без оружия даже. Тот, что соскочил с этой стороны машины, был в тесноватом, со множеством пуговиц мундирчике, на его голове с высоко подстриженным затылком сидела какая-то растопырка-пилотка, из коротких рукавов свисали тонкие руки. На молодом бледном лице его за круглыми стеклами очков в черной оправе светился совершенно незлой, мальчишечий интерес, почти любопытство ко всему, что он здесь увидел. Правда, другой, что с проворной поспешностью выкатился из-за машины, был совершенно непохож на первого – кругленький, немолодой уже, с чересчур быстрым озабоченным взглядом, которым он мгновенно окинул двор, хлев, хату, вдруг что-то вскрикнул злобно и требовательно. Она не поняла и сама не своя от волнения молча стояла с подойником посередине двора.

– О млеко!

Немцы по одному прыгивали из брезентового кузова на двор, и Степанида постепенно стала понимать, что заехали они сюда не так себе, а будут квартировать, как сказал учитель, и уже спрашивают про молоко – пусть они подавятся им, ей не жалко было того молока. Но они не кинулись сразу на молоко, учитель заговорил что-то, обращаясь к кругленькому, и она, никогда не слыхавшая такой речи, с удивленным интересом вслушивалась, хотя и не понимала ни слова. Наверно, Свентковский хорошо говорил по-немецки, а немец по-нашему не знал ничего и по-своему что-то сказал учителю. Свентковский повернулся к Степаниде.

– Пан германский фельдфебель спрашивает, свежее ли это молоко.

– Свежее, почему нет, – сказала она и поставила на мураву подойник, у краев которого еще не улеглась, покачивалась молочная пена.

Немцы и Свентковский обменялись между собой несколькими словами, и молодой побежал к машине, откуда скоро вернулся с белой кружкой в руке, Свентковский осторожно зачерпнул ею в подойнике и услужливо подал фельдфебелю. Тот взял и, пригнувшись, чтобы не облить заметно выдавшийся вперед животик, выпил молоко и опрокинул в воздухе кружку.

– Гут, гут!

Сразу как-то оживившись, учитель зачерпнул еще и поднес молодому, в очках. Вытянув руки из коротковатых рукавов мундирчика, тот тоже выпил. Затем кружку принял еще один, простоватого вида немец с рябоватым, как от оспы, лицом и тоже все выпил. Но четвертый, высокий и тощий, как жердь, одетый в какой-то балахонистый комбинезон, только попробовал из кружки и, недовольно наморщив худое лицо, плеснул молоком на траву. «Не понравилось? Чтоб ты пропал!» – подумала Степанида. Со смешанным чувством страха и любопытства она покорно стояла возле подойника, оглядывая нежданных квартирантов, сердце ее сильно стучало в груди, хотя какой-либо угрозы на их лицах вроде не было видно. Может, попьют и поедут, невольно подумала она, машинально повторяя: доброе молочко, доброе... Немцы, однако, не обращали на ее слова никакого внимания, как и на нее тоже. Пока остальные пили молоко, фельдфебель мелкими шажками проворно бежал двор, заглянул на дровокольную, обошел истопку, она подумала, зайдет в хату, но нет, повернул к хлеву и вдруг остановился у колодца. Свентковский в начищенных хромовых сапогах подался за ним по росистой траве, и она слышала, как они там о чем-то переговаривались на недоступном для нее языке.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Остальные, напившись молока, также по одному перешли к колодцу, что-то их там заинтересовало. Она же продолжала стоять возле подойника, не зная, что лучше – уйти с глаз долой или еще подождать? Но все-таки надо, наверно, чтобы здесь был хозяин, который куда-то запропастился и не показывается. Или он не видит, кто к ним пожаловал, с досадой подумала Степанида.

– Богатка! – снова окликнул ее Свентковский. – Германский фельдфебель желает отведать вашей воды. Будьте добры, принесите ведро.

– Ведро? Сейчас...

«Добрались-таки наконец», – начиная раздражаться, подумала она, вбегая в сени. Там она сдавленно-тревожным голосом крикнула «Петрок!» и, выплеснув остатки воды в бадейку, вынесла им во двор новое цинковое ведро, которое у нее перехватил тот, помоложе, в очках. Пристегнув ведро к цепи, он ловко раскрутил ворот и, как только ведро в глубине коснулось воды, начал легко поднимать его, вращая железную ручку; остальные неподвижно стояли возле колодца – ждали. На нее они снова перестали обращать внимание, и она подумала, что все-таки надо вытолкать сюда Петрока. Но именно в этот момент он и сам появился из сеней, в опорках на босу ногу прошел мимо нее к колодцу и с какой-то боязливой почтительностью снял с головы суконную, с обвислым козырьком кепку.

– Ага, хорошая водичка, знаете... – дрогнувшим от волнения голосом заговорил он, обращаясь к немцам.

Тем временем немцы уже вытащили ведро воды и переливали ее в какой-то плоский зеленый сосуд, сдержанно переговариваясь между собой. Никто из них, кроме разве Свентковского, даже не взглянул на хозяина хутора, и, только когда учитель что-то сказал по-немецки, рябой немец смерил Петрока неопределенным медленным взглядом. Тот поклонился еще раз, и тогда молодой, в очках, стоявший к нему ближе других, вынул из кармана пачку сигарет, сначала взял одну сигарету сам, а другую протянул Петроку. Петрок, все комкая кепку, неловко, заскорузлыми пальцами взял сигарету и стоял, будто не зная, что с нею делать. Немец прикурил от зажигалки, Петроку, однако, прикурить не дал.

Они что-то там обговаривали, кажется, обсуждали колодец, и Степанида взяла со двора подойник и пошла в сени. Закрывать за собой двери она побоялась и из сумрака сеней стала наблюдать за немцами, слушая их разговор и отмечая про себя, как Петрок с подобострастием что-то там объясняет и показывает. Кепку при этом он не надевал, и мелкий дождь сеялся на его лысоватую, с жалкими остатками седых волос голову. И они слушали его, не перебивая. Эта его легкость в обращении с немцами не понравилась Степаниде, и она подумала: не поведет ли он их еще в хату? Пускать их в хату ей не хотелось до крайности, хата казалась неприкосновенным ее прибежищем, которое следовало оберегать от посторонних, тем более чужаков. Хоть бы они скорее убралась, думала она. Но, судя по всему, уезжать никто не собирался – они отцепили от огромной машины свою походную кухню, и все, кроме фельдфебеля, с раскрасневшимися лицами стали закатывать ее во двор. Петрок тоже помогал – натужась, толкал огромное резиновое колесо, потом указывал, где лучше устроить кухню. Наконец они нашли удобное место рядом с колодцем, и Степанида совсем приуныла – то, чего она больше всего опасалась, случилось: Яхимовщина от немцев не убереглась. Что теперь будет?

Но все шло обычным чередом, независимо от чьей-либо воли, по каким-то своим, иногда страшным, иногда странным законам, которые диктовала война. Установив во дворе кухню, фельдфебель с учителем направились к сенцам, и этот дурак Петрок уже забежал вперед, указывая дорогу в хату. На припорожных камнях фельдфебель остановился, прежде чем перешагнуть порог, недовольно-брезгливым взглядом повел по темноватому подстрешню сеней. Свентковский многословно объяснял что-то, Степанида отодвинула дальше от порога бадейку, и немец вошел в сени. Чтобы не мешать им, она отошла к истопке, все мучаясь вопросом: что им тут надо? Но вот Петрок широко растворил дверь в хату, и все они двинулись туда с каким-то даже любопытством на оживившихся лицах. Из-за их спин она будто впервые, чужими глазами увидела свою давно уже не новую хату с перекошенным простенком и потемневшими балками потолка, стенами, оклеенными старыми, пожелтевшими газетами. Пол она давно уже не мыла и теперь с досадой взирала на грязноватые, с присохшей картофельной кожурой доски у порога, закопченные чугуны возле печи. По всей избе топали чужие сапоги, грубые кожаные ботинки, оставляя мокрые и грязные

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru следы на сухих досках пола, и она подумала: какого черта они тут высматривают? Она все стояла в сенях в напряженном ожидании, когда наконец они выметутся. Но они не спеша разговаривали там, поглядывали в окна, осматривали иконы, а фельдфебель, отодвинув дерюжку, заглянул в запечье, и губы его брезгливо передернулись.

Она так и не дождалась, когда они выйдут, ее внимание отвлек двор, где возле колодца затхло дымила сырыми дровами кухня и худой, в комбинезоне немец, пригнувшись, ковырялся в топке. Потом куда-то решительно пошагал через двор, и она испугалась: не услышал ли он поросенка? Но нет, вроде не за поросенком, тот сидел себе тихо, а немец вскоре опять появился во дворе, перекосившись в пояснице, нес к кухне целую охапку дров. У Степаниды, увидевшей его, похолодело в душе – это были березовые полешки, которые она берегла на зиму для растопки, их была совсем небольшая кучка под самой стрехой возе хлевка. Но вот нашел же! Первым ее побуждением было выйти и сказать: нехорошо ты делаешь, человек, ведь не твое это, поди. Но Степанида словно бы проглотила тугой комок, застрявший в горле, и сказала себе: пусть, посмотрим, что еще будет.

Она уже справилась с первым испугом и почувствовала себя тут лишней, ей захотелось куда-то уйти, чтобы не видеть ничего и не расстраиваться: пусть хозяйничают как им угодно. Разве в чем-либо она сможет им помешать? Но она поняла, что оставлять усадьбу тоже не годится, все-таки тут корова, поросенок, ее девять куриц без петуха. Как на беду, корову отвести в поле она не успела, слава богу еще, что перепрягала поросенка, которого теперь не так легко найти за хатой в крапиве. И еще хорошо, что она не выпустила из хлева кур – те хотя и голодают, но, может, пока пересидят в безопасности. Корову же прятать не имело смысла, все равно они про нее уже знают, корову надо было отвести на выпас. Только Степанида начала искать в сенях веревку, как из хаты выскочил Петрок, его сморщенное, заросшее щетиной лицо светилось каким-то оживлением, почти радостью.

– Баба, яиц! Яиц давай, быстро!!

«Яиц!» – повторила она про себя. Ну конечно, без яиц у них не обойдется. С яиц они начинают, чем только кончат? Немного, однако, помедлив, она раскрыла дверь в истопку, взяла из-под решета в жерновах старенькую свою корзину, в которой тускло белело два десятка яиц. Она хотела отдать их Петроку в руки, пусть бы угощал сам, но Петрок уже вернулся в хату, и ей пришлось идти следом. Не зная, кому отдать яйца, она поставила корзину на конец скамьи. Сразу же к корзине потянулись руки, и Степанида, отступив на шаг, не в силах была оторвать глаз от этих чужих, жадных рук. Первой в корзину проворно сунулась белая деликатная ручка, наверно, того фельдфебеля, нащупала верхнее круглое яичко от рябенькой курочки, самой ее несущки. Но чем-то оно не удовлетворило немца, и он положил яичко обратно, взял другое, такое же, только поменьше и, может, почище или желтее первого. Круглое же сразу подобрало толстые, как коровьи соски, пальцы с коричневыми полосками возле суставов; затем взяла другое с краю молодая, испачканная черным, шоферская рука, которая вытянулась из знакомого коротковатого рукава мундирчика. Далее Степанида не могла уже смотреть, она опустила глаза на запачканные глиной хромовые сапоги Свентковского. Послышался треск скорлупы, переговариваясь по-своему, немцы стали бить яйца и громко высасывать их без хлеба и соли. Ощувив легкую брезгливость, она повернулась, чтобы выйти в сени, и едва не столкнулась с фельдфебелем, который в стороне от других маленьким ножичком аккуратно продавливал желтое яичко.

К своему удивлению, она скоро успокоилась, может, потому, что немцы оказались совсем не страшными, не ругались и не угрожали, вели себя ровно и уверенно, как хозяева этой усадьбы. Что ж, оно и понятно: они победили, завоевали эту землю, теперь их право делать на ней что захотят. По всему было видно, что они хорошо знали это свое право и сполна пользовались им. Но именно эта их уверенность в своей правоте вместе с сознанием безнаказанности за то, что не принято делать между людьми, сразу настраивала ее против пришельцев.

Когда они высыпали из низкой двери, соскакивая с каменных ступенек у порога, она стояла возле хлева на дворе и ждала. Она намеренно караулила на пути к поленице, чтобы встретить того, в комбинезоне, что теперь возился на кухне – накладывал березовые полешки в топку. Сказать ему она не могла ничего, она только хотела взглянуть в его бесстыжие глаза. Но за дровами он больше не шел, он хорошо расшуровал свою кухню-машину, и та нещадно дымила, время от времени стреляя из трубы искрами в небо. Степанида подумала с опаской: хотя бы не

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru случилось пожара. Все годы она боялась пожара от печи или от молнии, не раз ей даже снилось ночью, как горит ее Яхимовщина, а она, будто на ватных ногах, беспомощно бегаёт вокруг и ничего сделать не может.

Все вместе немцы вышли во двор, фельдфебель немного отделился от остальных и что-то говорил Свентковскому, который с подчеркнутым вниманием выслушивал его. Потом фельдфебель что-то приказал повару, и тот, бросив топку, покорно вытянулся, то и дело приговаривая одно только слово «яволь». О чем они толковали, Степанида не знала и подумала в сердцах: чтоб вы передохли все вместе!

Тем временем остальные немцы сгрузили на завалинку несколько желтых деревянных ящиков, три тяжелых мешка с черными клеймами по бокам, там же, на завалинке, поставили у стенки две короткие винтовки с желтыми ремнями. Очевидно, все это оставалось тут с кухней, а машина собиралась выезжать, молодой очкарик с высоко подстриженным затылком уже садился в машину, и та вскоре зафыркала, затряслась, сильно завоняв бензиновой гарью. Фельдфебель вскочил с другой стороны в кабину, машина грузно откатилась назад и, разворотив яму в мягкой земле, с адским ревом вывернула на дорогу.

Во дворе осталась кухня, при ней двое немцев – тощий, в комбинезоне, и пожилой, с рябоватым лицом солдат. Они принялись таскать из колодца воду, а Петрок с виноватой неловкостью подступил к Степаниде.

– Вой, вой! – тихо пожаловался он. – Долго квартировать будут.

Она молчала, хотя от тех его слов ей и совсем стало плохо. Но она уже догадывалась, что это надолго. Петрок оглянулся, будто их мог кто подслушать.

– Сказали пол вымыть. Лишнее повытаскивать.

– Куда повытаскивать? – удивилась Степанида.

– Сказали, в истопку. Нам тоже вытряхнуться.

– Что это, лето – в истопку? Придумали...

– Сказали. Чтоб к вечеру все. Их главный приедет.

– Пусть убирают! Пусть все уберут. Пусть подавятся, – сердито сказала она, вспомнив, как Петрок тянулся им угодить. И вот все напрасно, их выгоняют.

Было уже не рано, низкое небо висело над неприятной землей, но дождь перестал, ветер тоже стал тише. Першило в горле от дыма, которым обволокло хату, истопку, сизая пелена его расползлась по картофельному полю над огородом. Степанида решительно раскрыла ворота хлева, вывела Бобовку. Пусть делают что хотят, ей надо пасти корову, сколько же та может стоять в хлеву? Чтобышний раз не попадаться на глаза немцам, она повела корову через дровокольную и огород – напрямик в поле. Бобовка раза два тревожно оглянулась, почуяв чужих во дворе, Степанида с ожесточением дернула ее за веревку – скорее прочь со двора.

Она вела корову краем картофельного поля, вдоль заросшего мелкоколесьем оврага, крутым обрывом подступавшего к хуторскому огороду. Овраг был глубокий, с извилистым говорливым ручьем на дне. На той его стороне высился десяток затесавшихся в гае елок, резко выделявшихся на фоне уже поредевшей, жухлой листвы орешника, берез и осин, которые густо разрослись на обоих склонах. Овраг также был как бы частью этого хутора, там можно было укрыться от беды, день-другой отсидеться от войны, от недоброго чужого глаза. Если бы не скотина. Со скотиной долго не высидишь, ее нужно кормить. Жаль также и усадьбу с ее каким ни есть крестьянским имуществом, которое с собой не возьмешь, а без него какая же это жизнь в лесу? Тем более осенью, когда уже льет за шиворот и подбирается стужа. Вот и приходится держаться жилья. Но вот это жилье приглянулось и немцам, как будто ничего лучшего поблизости для них не нашлось! По-видимому, всему виной мост, который им так понадобился, а заодно потребовался и этот хутор.

Проголодавшись за утро, корова жадно хватала из-под ног мокрую траву, рвала из рук веревку, и Степанида подумала: пусть! Конечно, что толку злиться на этого дурака Петрока, что он вообще теперь может? Как ни верти, а, уж коль приказали,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru будешь исполнять, готовить для непрошенных гостей квартиру. Но пол Петрок не помоеет, значит, достанется обоим. Надо бы ей возвращаться на хутор.

На небольшой травянистой прогалине у самого оврага она привязала конец веревки к орешине и, немного понаблюдав за Бобовкой, пошла краем поля назад.

На душе было тревожно и горестно, чувствовала она: возможности человеческой жизни сходили на нет. Война ухватистой лапой подбиралась все ближе, а теперь и вовсе забралась в хату, под иконы, в застолье. И что тут оставалось делать, разве что переживать да плакать. Но слезами и кровью и без того переполнилась нынче земля. Тогда что ж остается – терпеть все молча и ждать лучших времен? Вряд ли дождешься. Чувствовала она своим сердцем: за малой бедой последует беда большая, вот тогда заревешь и никто тебе не поможет...

Глава шестая

Два немца возились около кухни, а Петрок присел у окна в хате и с горя свернул большую, с бобовый стручок, сигарку. Помятую в пальцах желтоватую немецкую сигаретку сунул за угол иконы – выкурит когда-нибудь после. Надо было браться за дело: прибрать в хате, повытаскивать в истопку все лишнее, а главное, вымыть пол. Он злился на Степаниду за ее несговорчивость. Бросила все, побежала. Черт бы побрал эту корову, постояла бы полдня и в хлеву. До коровы ли тут, когда во двор въехали эти... Однако же задала нечистая сила забот, наслала немцев – мало им было городов, местечек, малых и больших деревень, так вот добрались до его богом забытого хутора.

Сдавленно покашливая (с ночи болело в груди), Петрок поглядывал в окно на солдат-поваров, которые хозяйничали теперь у колодца. Один, худой и белобрысый, в обвисшем на задку комбинезоне, засыпал что-то белое в котел кухни, из которого валил влажный пар, а пожилой, ряболицый раскладывал какие-то продукты на крышке деревянного ящика, аккуратно застланного белой клеенкой. «Гляди-ка, культурные!» – с завистью подумал Петрок и печально вздохнул: из-за их этой культуры теперь берись за ведро и тряпку, разводи грязь в хате. Мало им было того, что здесь тепло и сухо, так надо еще, чтобы было и чисто. Культурные...

Сигарка его тем временем расклеилась, он не знал, как прикурить, хотел и не решался попросить у немцев огня. В конце концов желание курить превозмогло нерешительность. Петрок вышел во двор и остановился в пяти шагах от кухни, держа на виду неприкуренную сигарку. Он думал, что, может, они заметят и предложат огня, просить ему было все же неловко и даже немного боязно. Но они будто не замечали его – долговязый все мешал свое варево в котле кухни, которая парила и дымила на всю усадьбу, а приземистый, который, видно, был у него помощником, большущим ножом резал на доске сало. Петрок тихонько прокашлялся и сделал два шага вперед.

– Это... Паночки, прикурить кабы...

Кажется, его поняли, приземистый в белом засаленном фартуке повернул к нему широкое рябое лицо и добродушно проворчал «я-я». Петрок не понял, но по тому, что немец больше ничего не сказал, догадался, что они разрешают. Подойдя к кухне, он кусочком березовой коры выгреб из топки уголек, не очень проворно, обжигая пальцы, прикурил сигарку и после первых же затяжек почувствовал, как его самосад перебивает на дворе все прочие, чужие тут запахи.

– Вас, вас? – с оживленным интересом обернулся помощник повара и отложил нож на клеенку. Петрок понял и с готовностью вынул из кармана кисет.

– Ага, можно. Свой это, домашний, если пан хочет...

От сложенной газетки немец оторвал небольшой клочок бумаги, и Петрок отмерил хорошую щепоть самосада. Потом немец довольно умело свернул сигарку, старательно посплюнявил и прикурил от своей зажигалки – маленькой такой штучки, блеснувшей крошечным язычком пламени. Петрок наблюдал за ним почти с детским трепетом, очень хотелось, чтобы его самосад понравился немцу. Но вот немец основательно затянулся, выпустил дым, и Петрок подумал: закашляет. Однако тот не закашлялся, только сморгнул светлыми, словно выцветшими от солнца ресницами.

– Ист гут!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Гут? – вспомнил Петрок знакомое еще по той войне слово и обрадовался. – Я ж кажу... Хороший, ага. Свой, так что...

– Гут, – повторил немец и что-то сказал, обращаясь к повару, орудовавшему огромным веслом в котле. Но тот только сердито гаркнул раз, другой, и ряболицый, положив на край стола сигарку, взялся за нож. Петрок подумал, что, наверно, довольно. Все-таки они при деле, докучать им не годится, и он задом и как-то боком отошел к крыльцу.

Надо было браться за уборку, но он все медлил, не зная, с чего лучше начать. Никогда он не прибирал в избе, этим занималась Степанида, последние годы ей помогала Феня, у него же были другие, мужские заботы. Но вот война, кажется, уравнила, бабское дело не обошло и его. Что ж, прежде всего надо было освободить пол, чтобы ничто не мешало мытью, и он начал вытаскивать в сени все горшки, чугуны, вынес вилы, кочергу, помело; отодвинул скамью из угла, где оказалась тьма различного домашнего хлама: рваные опорки, ржавый пустой вазон, крышка от кадки, какие-то тряпки, щепки, верно, для растопки печи. Все это, лежавшее здесь долгие годы, имевшее свое определенное место и никому не мешавшее, почему оно теперь оказалось помехой этим приبلудкам? Петрок вынес в истопку и разное тряпье с шестка возле печи, убрал с гвоздя кожух, осторожно взял в руки скрипку. Скрипку не годилось выносить в истопку, ее следовало беречь от сырости. И Петрок осторожно засунул ее за иконы. Маленькая его скрипочка вся скрылась там, и он подумал: пусть лежит, дожидается лучших времен.

В избе стало свободно, почти пусто. Петрок, повздыхав, принес из сеней ведро с водой, нашел под печью старую тряпку. Все еще злясь на Степаниду, он полил водой самое затоптанное место возле печи – пусть отмокает. Вода сразу широко разлилась по доскам, постепенно собираясь в черную мутную лужу у порога. Петрок стоял посреди хаты. Надо было выйти в сени за веником, но он не мог перешагнуть лужу, а разуваться или мочить в разбитых опорках ноги ему не хотелось. Оставалось дожидаться, когда вода куда-либо сойдет от порога.

– Боже, что это? Что ты наделал? – послышался из сеней Степанидин голос.

– Пол мою...

– Тряпкой тебе по глазам! Кто так пол моет? С ума ты сошел?

Стоя за порогом, Степанида рассерженно шлепала себя по бокам и бранилась – конечно, он все сделал не так, по-своему, за что всегда доставалось ему от жены. Но, раз пришла, пусть сама моет, он свое сделал, все убрал, осталось пустяки – помыть.

– А что ж ты ушла с коровой?

– У тебя не спросилась...

И хотя они бранились несколько сдержаннее, чем обычно, из-за присутствия чужих во дворе, их все-таки слышали. Степанида все еще всплескивала руками в сенях, также не решаясь переступить порог, когда сзади из-за спины появилось любопытное рябоватое лицо немца. Тот ухмыльнулся, что-то даже сказал, и она осеклась. Немец, однако, вернулся к кухне, а Степанида бросила через порог тряпку.

– Собирай воду! Всю собирай, до капли!

Пришлось повиноваться, и Петрок, кряхтя от натуги, нагнулся к луже. Он разгребал тряпкой грязную воду и выкручивал тряпку над старым закопченным чугуном. Но воды было все еще много, лужа почти не уменьшалась. Степанида тем временем снова исчезла куда-то, и он, чтобы скорее разделаться с этой докучливой работой, начал разгонять воду по полу – в углы, под печь, лишь бы избавиться от лужи. Это ему удавалось с большим успехом, чем собирать воду тряпкой, Петрок уже приближался к старому стоптанному порогу, но вот в проеме двери снова появилась тень немца, на этот раз он был с ведром, полным воды, легонько дымившей паром. Петрок сразу все понял и с простодушной благодарностью взглянул в простоватое, немолодое, сдержанно улыбавшееся лицо немца.

– Спасибо, паночку. Вот спасибо вам...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Немец поставил через порог ведро и выпрямился.

– Битте, битте.

– Вот спасибо, – повторил Петрок, расчувствовавшись, и подумал, что, верно, за эту доброту надо чем-то отплатить. На добро следовало отвечать добром, это он понимал. – Минуточку, пане, – сказал он и прошмыгнул через сени в истопку, где еще оставалось немного яиц. Он только не знал, где они были, те яйца, и, пока заглядывал в корзины и кадки, во дворе раздался крикливый голос старшего повара:

– Карл, ком! Карл!

Петрок понял, что не успеет – Степанида прятать умела. И действительно, немец выбежал к кухне, а раздосадованный Петрок вышел в сени, где столкнулся с женой.

– Вот, Карла горячей принес.

– Горячей...

Казалось, ничуть не обрадовавшись, Степанида молча переступила порог и подняла с пола тряпку. Но не успела она окунуть ее в теплую воду, как в сенях появился старший долговязый повар. С тихим злобным шепотом он схватил через порог ведро и размахисто опрокинул его над полом. Теплый пар густо шибанул к потолку, закрыв окаменевшее лицо Степаниды, ведро коротко звякнуло, и немец стремительно выскочил из сеней. – Чтоб ты сдох, злыдень! – тихо сказала Степанида, отряхивая мокрую юбку. Петрок оглянулся – хотя бы не услышали, а то вдруг поймут. Наверно, этот худой действительно злюка, с ним надо держать ухо востро.

– Тихо, баба! Их власть, что сделаешь...

– Власть, чтоб они подавились...

Пол мыли холодной водой – хорошо, что в бадье ее было запасено с ночи, к колодцу теперь не подступиться. Петрок не хотел туда и подходить, Степанида тоже. Она старательно терла веником пол, мыла скамьи, скребла ножом длинный и старый стол, сметала с подоконников. Петрок прибирал в сенях, выносил всякую рухлядь в истопку или под поветь, на завалинку, забросил на чердак паклю. Наверно, никогда еще это жилище не знало таких забот, даже перед праздником его не убрали так тщательно, как теперь по принуждению, и Петрок думал: кто знает, как все это понравится немцам? А вдруг не угодишь чем-либо, что тогда будет?

Тем временем возле колодца доваривался обед, дым из кухни почти перестал идти, пар тоже кончался, круглая крышка кухни была неплотно прикрыта, и во дворе пахло жареным луком, салом, которыми немцы приправляли суп. Озлобленно-молчаливый повар вертелся там как заведенный, кажется, не присел ни разу; после короткой стычки с ним уныло топтался возле стола присмиревший Карла. Но вот долговязый остановился, вынул из брючного кармашка часы на блестящей цепочке и что-то проговорил помощнику. Петрок помалу прибирал в сенях, все время наблюдая за ними и невольно сочувствуя добряку Карле. Судя по всему, тому попало от старшего, иначе бы он так подчеркнуто безразлично не отворачивался от Петрока, когда тот выходил на ступеньки, заметал у порога. Он еще не кончил подметать, а с большака донесся нутряной гул, и знакомая, с брезентовым верхом машина, покачиваясь на колдобинах, свернула к усадьбе. Петрок с веником в руках бросился в сени.

– Едут! Баба, слышь? Едут!

Что-то хватая на ходу, Степанида выскочила из хаты и прикрыла дверь, оба они замерли в сенях, ждали и слушали. Машина тяжело катилась по узкой дорожке, пока не остановилась в воротцах под липами. Петрок ждал, что вначале кто-то выпрыгнет из кабины, но в машине что-то металлически звякнуло и сразу же из брезентового кузова один за другим высыпались человек десять немцев. Одеты они были по-разному: в мундирчиках, каких-то коротеньких куртках, двое в пятнистых накидках, каждый с плоским котелком в руке или у пояса. Оружия почему-то у них не было видно. Немцы, однако, не бросились к кухне, возле которой вытянулись оба повара, некоторое время все поправляли ремни, одергивали мундиры, ровняли на головах кургузые свои пилотки – наверно, ждали команды. Тем временем из кабины появился человек в черном клеенчатом плаще и высокой, как петушиный гребень,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru фуражке с белым знаком над козырьком. Он что-то сказал долговязому повару, напряженно передернувшему плечами и тут же расслабившемуся. Наверно, это было какое-то разрешение или команда «вольно».

– Охвицер! – догадался Петрок.

Степанида стояла за притолокой у растворенной двери сеней и молчала, полная сторожного внимания ко всему происходившему во дворе. Но страшного там пока ничего не случилось, солдаты обступили кухню, и над их головами взметнулась длинная ручка поварского черпака – начиналась раздача обеда. Точно так же, как прошлым летом возле реки на привале, когда обедали наши красноармейцы перед тем, как отступить на восток. Теперь возле колодца плотненько столпилось около дюжины немцев, они весело болтали и смеялись, некоторые ополаскивали котелки в ведре, стоявшем под тыном. Только офицер отошел поодаль, на середину двора и, поглядывая куда-то вверх – на крышу возле истопки, вынул из кармана тоненький блестящий портсигар. Пока он закуривал, Петрок пытался поймать его взгляд, но глаз офицера совсем не было видно за широким, словно лошадиное копыто, козырьком фуражки. Немец прикуривал, чуть поводя головой и прислушиваясь к объяснениям знакомого кругленького фельдфебеля, который быстро и непонятно говорил что-то, указывая по сторонам руками. Но вот его рука неожиданно указала на дверь, и офицер, увидев в сенях хозяев, заметно насторожился. Петрок тронул за плечо Степаниду.

– Гляди, идут!

– Пусть идут.

Они несколько растерялись, не зная, что делать – стоять, спрятаться куда или, может, встречать гостей на пороге. Когда наконец Петрок стащил с головы кепку и перешагнул порог, немцы уже шли навстречу. Тогда он подался назад, в сени, попятился к истопке, напряженным взглядом уставясь в лицо офицера, чтобы понять, с чем, плохим или хорошим, тот идет в хату. Однако на бритом моложавом лице офицера не было ничего, кроме внимания и привычной командирской твердости. Темные глаза его под черными бровями лишь безразлично скользнули по хозяевам, дольше задержались на темных сенях, куче картошки в углу, суетливый фельдфебель, однако, уже раскрывал дверь в хату, и офицер неторопливо переступил порог. Дверь за собой не затворили, и Петрок слышал из сеней, как они там разговаривали о чем-то, голоса были ровные, как будто спокойные. Потом с привычной для него деловитой суетливостью фельдфебель выскочил в сени и кого-то позвал со двора («Ком, ком!»), два солдата, затопав тяжелыми сапогами, бегом бросились к сеням, фельдфебель приказал что-то, те согласно кивнули («Яволь, яволь!») и так же бегом бросились к кузову огромной машины под липами. «Однако дисциплинка!» – с невольным уважением подумал Петрок, не понимая еще, что задумали те, в хате. Но вскоре все стало понятно. Солдаты вытащили из машины складные металлические кровати – блестящие спинки, сплетенные из алюминиевых полос сетки, узлы с бельем и одеялами, начали переносить все в хату. Петрок еще попятился к истопке, чтобы не мешать им наводить свой порядок в усадьбе. От усердия, суетясь и толкаясь, они топали по еще не просохшему полу, передвигали скамьи, стучали кроватями. К нему и Степаниде никто не обращался, и Петрок начал уже успокаиваться, думая, что все, может, обойдется по-доброму. Конечно, поработали, убрали на совесть, наверное, теперь будут довольны. Но только он подумал так, как из-за косяка в раскрытой двери появился вертлявый фельдфебель и, будто малого, поманил его пальцем.

– Ком!

Ощувив внезапную слабость в ногах, Петрок вошел в хату. На месте отодвинутого в сторону стола уже стояла собранная блестящая кровать с узлом белья на сетке; с другой кроватью возился молодой, болезненный с виду немчик. Очевидно, у них появилось к Петроку какое-то дело, и офицер, широко расставив на полу ноги, уставился на него, дожидаясь, когда тот подойдет ближе. Их взгляды встретились, и сердце у Петрока недобро встрепенулось от предчувствия близкой беды.

– Вас ист дас? – со скрытой угрозой спросил офицер, ткнув пальцем куда-то в стену, оклеенную порывелыми, местами продранными газетами. Едва взглянув туда, Петрок помертвел от страха – в простенке, где обычно висел кожух, темнел газетный снимок первомайского праздника в Москве, на нем явственно виднелось поблекшее лицо Сталина. – Вас ист дас? – повторил немец.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Петрок все понял и молчал – что тут можно было сказать? Он только тихо про себя выругался – надо же было так вляпаться! Терли пол, стол, скамьи, прибирали в углах, а на стены не взглянули ни разу. И теперь вот расплата...

– Сталин, паночку, – запавшим голосом наконец выдал из себя, готовый принять наказание.

– Сталин карашо?

– Ну, знаете?.. Мы люди простые... Кому хорошо, кому не очень... – попытался выкрутиться Петрок, думая про себя: чтоб тебя молния сразила, чего ты ко мне вяжешься? Взгляд, однако, он не отрывал от офицера, стараясь понять, что будет дальше, какая его ждет кара. В темных глазах того мелькнула гневная строгость, хотя твердое чернявое лицо оставалось прежним, невозмутимо-спокойным. Но вот рука его потянулась к ремню на поясе, где возле пряжки топырилась кожаная кобура. Петрок как загипнотизированный не мог оторвать взгляда от этой руки, которая уже вытаскивала из кобуры черный небольшой пистолет с коротким тупым стволом.

«Ну, все! – уныло подумал Петрок. – Как несуразно, однако... Хотя бы что сказать Степаниде...»

С прежнею неторопливостью немец передернул пистолет, который дважды костяно щелкнул, и рука его начала подниматься. «Сейчас пальнет!» – подумал Петрок и уже сложил пальцы, чтобы перекреститься напоследок, но тут офицер на секунду замер, и в избе оглушительно грохнуло, Петрока качнуло в сторону от испуга, вокруг завоняло порохом, и синий дымок из ствола медленно поплыл к окну. В стене на середине снимка появилось черное пятнышко. Чтобы не опоздать, Петрок загодя торопливо перекрестился, готовый к наихудшему.

– Капут! – холодно бросил немец и, дунув в ствол пистолета, сунул его в кобуру. Лицо его снова не выражало ничего, глаза холодно глядели из-под широкого козырька-копыта. Сам не свой от страха, Петрок стоял у простенка, пока фельдфебель не очень сильно, но твердо не подтолкнул его к двери.

– Вэк! [67]

Шатко переступив порог и едва передвигая отяжелевшие ноги, Петрок побрел в истопку. В пыльном ее полумраке остолбенело застыла Степанида, и Петрок обессиленно прислонился к ее плечу.

Глава седьмая

Пообедав из котелков во дворе, немцы немного потолклись у своей кухни, поразговаривали, покурили и снова забрались в машину. На этот раз с ними поехал фельдфебель, офицер закрылся в избе, и его не было слышно, верно, чем-то был занят или улегся спать. Петрок, уронив голову, сидел подле жерновов в истопке и не закуривал даже, после происшедшего не помогло бы даже и курево. Степанида постепенно пришла в себя от испуга и тихо затаилась возле оконца, чутко прислушиваясь ко двору. Но во дворе остались лишь два повара, все другие поехали на мост. Выждав немного, она с чуткой настороженностью в душе вышла в сенцы, прислушалась – за дверьми в хате все словно вымерло, не слышно было ни звука. Пожалуй, настал подходящий момент покормить поросенка, а то еще начнет визжать по-дурному и тогда не убережешь, заколют. Подумав так, Степанида нарезала в чугунок картошки, посыпала ее отрубями, добавила еще вчерашней, вареной, все перемешала. Теперь надо незаметно отнести чугунок в засторонок.

– Петрок, глянь там, – шепотом сказала она мужу, но тот даже не поднял головы. – Слышишь?

– А-а-а... Не убережешь! Все равно...

– Как это все равно?

Они тихо переговаривались в истопке. Недавний выстрел в избе, видно, так потряс Петрока, что тот был сам не свой, словно впал в какое-то болезненное оцепенение. В другой раз она бы отругала его, но теперь было не до того, понимала,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru натерпелся страху старик, и Степанида тихонько выглянула из сеней.

Во дворе было пусто, лишь возле колодца, перегнувшись через край кухни, отмывал котел Карла; злой повар стоял у ящиков спиной к избе и что-то там делал. А почему бы и не выйти, подумала она, мало ли что могло быть у нее в чугушке, какое им дело до этого?

Она так и сделала – тихонько пробежала за истопку и через дровокольную прощмыгнула в обросший репейником огород. Поросенок – молодчина, даже не откликнулся на ее шаги, только задвигался в соломе, когда она начала открывать низкую дверь засторонка. Чтобы не задерживаться там, она поставила через порог чугунок и сохой привалила ветхую дверь.

Поросенок помалу ворошился за дощатой стеной, едва слышно причмокивал, почти не подавая голоса, а она стояла в репейнике и думала, что не очень надежное это убежище, ведь столько людей во дворе – выйдет кто хотя бы по нужде за угол и услышит. Да еще и куры! Как-то вначале она не подумала о них, и те неприкаянно бродили теперь под изгородью в крапиве, что-то выискивали себе, клевали. И она не знала, как лучше: запереть их всех вместе в сарайчик или отогнать подальше от усадьбы? Немцы, конечно же, не слепые, увидят, и не останется ни одной на развод.

Однако кур она прятать не стала, куда больше беспокоилась за Бобовку, которую на этот раз оставила в кустарнике вместе с Янкиным стадом. Начало вечереть, Янка мог погнать стадо в Выселки. По сырой, протоптанной в картофельном поле стежке Степанида подалась к краю оврага и там взяла в сторону по слегка примятому следу в траве. День кончался, небо так и не высвободилось от облаков, которые сплошь заволакивали его, низко нависнув над серым пространством поля и лесом. Было, однако, не холодно, ветер, похоже, утихал, жухлый кустарник в овраге обнимала сторожкая предвечерняя тишина. В мокрой траве поначалу было неприятно босым ногам, но при ходьбе ноги согрелись. Краем поля она торопливо шла к Бараньему Логу и думала, что как ни плохо сейчас, но скоро, видно, станет еще хуже, одним переселением хозяев в истопку немцы не ограничатся. Если обоснуются в усадьбе надолго, то может случиться разное, а хозяйство оберут до нитки, это уж точно. Как тогда жить? Как уберечь корову, поросенка, кур? Зерно или картошку, может, и не возьмут, зачем им зерно, но дрова пожгут. Как привезти тогда их без лошади? Чем обогреться зимой?

Забот было множество, как и тревог, плохие предчувствия неотступно терзали душу, но Степанида терпела и внешне казалась спокойной. Она была не из тех баб, которые при первой же беде бросаются в слезы, понимала, что бед будет с избытком для ее скупых, в свое время немало уже выплаканных слез.

Небольшое Янкино стадо паслось в кустарнике возле дуплистой колоды поваленного на опушке дуба. Коровы разбрелись в ольшанике, а Янка, только заведя ее, о чем-то горячо и тревожно забормотал, то и дело показывая на поле. Может, он что-то увидел? Но теперь там было пусто и тихо, начинало смеркаться, надо было вести корову домой. Степанида отогнала Бобовку от стада и только тут спохватилась, что ничего не взяла для Янки. Но и сама она сегодня еще не имела крошки во рту. Стоя на опушке, Янка все говорил на своем, понятном только ему языке, тревожно взмахивая руками. И вдруг с его уст сорвалось два коротеньких слова, которые теперь понятны каждому:

– Пук! Пук!

Степанида, однако, не стала допытываться, что он хочет сказать, и быстренько погнала хворостиной Бобовку. Пока на усадьбе не было немцев, надо было успеть подоить корову.

Даже немного вспотев в толстом платке и ватнике, она подогнала корову к изгороди у картофельного поля и поняла, что опоздала. Во дворе под липами уже высился брезентовый верх машины и слышался разговор, привычные выкрики, похоже, там что-то происходило. В недоумении она остановилась, Бобовка подняла голову и замедлила шаг. Над изгородью было видать, как немцы, толпясь у машины, вытаскивали из нее нечто громоздкое и тяжелое, а один, вероятно, заметив ее за огородом, молодым голосом озорно закричал издали:

– О matka! Млеко!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Делать было нечего, она тихонько стеганула хворостиной Бобовку, та переступила нижнюю жердь изгороди, привычным путем направляясь во двор к хлеву.

На усадьбе происходило как раз то, чего Степанида больше всего опасалась: немцы устраивались всерьез и надолго. Вывалив из машины громоздкий серый брезент, они растягивали его на истоптанной мураве двора, толкаясь, забивали в землю короткие колья. Двое по краям, почти лежа на земле, изо всех сил тянули за веревки, и брезентовая крыша палатки податливо выравнивалась, образуя тугое вместительное сооружение для солдат на случай ненастья или холодов.

Возле поленницы на дровоколье, сгорбившись, стоял Петрок, украдкой поглядывая из-за угла, и, заметив жену, молча развел руками. Но Степанида смолчала. Черт с ними, подумала она, может, живя в палатке, они будут докучать меньше. Главное, чтобы не занимали этот конец двора, где был сарай, куриный катюшок, дровоколья, проход к засторонку. Да и тут, пожалуй, для них слишком грязно, им надо, чтобы посуше и чище. Тот конец двора находился повыше, и, естественно, там было лучше.

Бобовка, очевидно, не меньше хозяев чувствовала непривычное присутствие во дворе чужих и только намерилась было выйти из дровоколья, как нерешительно остановилась и фыркнула – она их боялась. Степанида зашла вперед, ласково погладила корову по теплой, вздрагивающей от ее прикосновений шее.

– Не бойсь... Иди, иди...

– Млека! – пьяно закричал кто-то из немцев.

Не успела она с коровой подойти к воротам хлева, как помощник повара Карла, переваливаясь на своих коротких кривоватых ногах, уже нес навстречу широкое жестяное ведро. Со стороны кухни на нее смотрели три или четыре немца, и среди них тот кругленький краснощекий фельдфебель, который и теперь там суетился, кричал, что-то приказывая.

Обычно перед дойкой Степанида бросала Бобовке охапку какой-либо травы или отавы, занятая едой корова стояла спокойней и лучше отдавала молоко. Теперь же у нее ничего не было под руками, а немцы, судя по всему, не имели намерения ждать. Она хотела сказать Петроку, чтобы принес травы, но передумала: пусть! Что-то в ней гневно вспыхнуло, подхлестнутое этой их бесцеремонностью, и она подумала, что вовсе не обязана обеспечивать эту свору молоком от своей коровы, пусть поищут других коров. Бобовка между тем все перебирала ногами и озиралась по сторонам, когда Степанида подсела к вымени. Присутствие посторонних корове явно не нравилось. Степанида чувствовала это, и тихое возмущение в ней все нарастало. Все же она как-то нацыркала полведра молока и встала. Карла в своем засаленном мундирчике стоял рядом, на его нездоровом, отеком лице не было ничего, кроме терпеливого безразличного ожидания.

– Вот, больше нет! – сказала Степанида, отдавая ведро.

Немец молча взял ведро и вперевалку понес его к кухне. К Степаниде как-то бочком подступил Петрок, оглянувшись, тихо шепнул:

– Поди, маловато... Чтоб они...

– Хватит! – решительно оборвала она Петрока и шлепнула корову по заду, подталкивая ее в хлев. Но тотчас возле кухни раздался резкий, возмущенный окрик, от которого она содрогнулась:

– Хальт!

Это все тот же фельдфебель. Зло покрасневшись, в гневном волнении он выхватил у Карлы ведро и, пока Степанида сообразила, чего от нее хотят, с ведром подлетел к ней вплотную. Что-то быстро и зло говорил, потрясая неполным ведром, она слушала, уже понимая, что так возмутило этого немца.

– А нет больше молока. Все.

– Фсе? Аллес?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Кругленький фельдфебель еще проговорил что-то язвительно, потом живо повернулся к кухне и, поискав там кого-то взглядом, мотнул головой – ком! Все тот же Карла по-прежнему неторопливо, вразвалку подошел к фельдфебелю, взяв ведро, нерешительно шагнул к корове, которая встревоженно и непонимающе озиралась вокруг. Когда он приблизился к ней, корова поспешно отвернулась, будто поняв его намерения, и Карла вынужден был снова обходить ее, чтобы подойти сбоку. Так повторилось два или три раза, пока фельдфебель не прикрикнул на Петрока, и тот испуганно схватил за рога Бобовку.

Степанида уже знала, что сейчас произойдет, и ей стало страшновато – обман ее вот-вот раскроется. Одновременно было противно при виде того, как солдат брался доить, а ее дурень Петрок ему помогал. Бедная Бобовка, что они сейчас с ней сделают, глаза бы ее не глядели на это. Но, как-то словчившись, они уже доили, в ведре зазвякало молоко, раскоряченный Карла сгибался под коровой, неловко заглядывая на вымя, Бобовка перебирала ногами и крутила головой, похоже, пыталась вывернуть рога, но Петрок держал крепко. Степанида, вся напрягшись в молчаливом гневе, стояла поодаль, не поднимая глаз. Она все видела и так, мысленно, про себя проклинала немцев, а больше всего этого разжиревшего фельдфебеля, который теперь напряженно следил за всем, что происходило возле коровы. Наконец, спустя какие-либо пять минут, она заглянула в ведро и съезжилась еще больше – молока в ведре заметно прибавилось. Ах ты, дуреха Бобовка, зачем ты отдаешь им! Но, видно, корова вынуждена была отдавать, ведь она тоже боялась, боялся и Петрок, полусогнутые ноги которого в суконных, залатанных на коленях штанах мелко подрагивали, когда он с усилием держал корову. Степанида робела все больше, знала, добром это не кончится.

– Генуг! – вдруг скомандовал фельдфебель, ведро наполнилось до краев. Карла выпрямился и осторожно, чтобы не разлить, поставил молоко перед начальством. Фельдфебель с ненавистью посмотрел на Степаниду, туго сжав челюсти. – Ком!

Она уже знала, что означает это короткое слово, и медленно, будто замороженная, подошла к немцу, не в силах отвести глаз от ведра с молоком. Она ожидала крика, угроз, но фельдфебель не кричал, лишь сдвинул поближе к пряжке свою тяжелую кобуру.

– Паночку! – вдруг чужим хриплым голосом закричал Петрок и упал коленями на грязную, раскисшую после дождей землю. – Паночку, не надо!

Тут только она поняла, что немец намеревается достать револьвер, и сердце ее неприятно содрогнулось в груди. Но она не тронулась с места, она лишь глядела, как он неловко возится с револьвером, не может его отстегнуть, что ли. Петрок снова взмолился, переступив на коленях ближе, с измятой кепкой в руках, седой, небритый, испуганный. Она же стояла, одеревенев, словно неподвластная смерти и ежесекундно готовая к ней. Но вот фельдфебель отстегнул от кобуры длинную белую цепочку, и, прежде чем Степанида успела что-либо понять, резкая боль обожгла ее шею и плечо. Она вскинула руку, и тотчас острой болью свело на ее руке пальцы, следующий удар пришелся по спине; хорошо, что на плечах был ватник, который смягчил удар. Фельдфебель озлобленно выкрикивал немецкие ругательства и еще несколько раз стегнул ее, но больше всего досталось пальцам после второго удара, спине же было почти не больно. Она уже нашла способ заслоняться от его ударов – не пальцами, а больше локтями, и немец, стегнув изо всей силы еще два раза, видно, понял, что так ее не проймешь. Тогда, опустив цепь, он закричал, от натужной злости багровея белобрысым лицом, но она, словно глухая, уже не слышала его крика и не хотела понимать его. Краешком глаз она видела, что возле палатки и кухни собрались солдаты, некоторые весело ржали, наверно, эта расправа казалась им очень смешной, представлялась веселой забавой, не больше. Что ж, смейтесь, проклятые, забавляйтесь, подумала она, бейте несчастную женщину, которую некому защитить. Но знайте, у этой женщины есть сын-солдат, он все вам попомнит. Пускай не сейчас, потом, но придет время, он расквитается за материнскую боль и унижение. И ты встань, Петрок, негоже ползать перед ними на коленях. Пусть! Ее отстегали на своем же дворе под смех и хохот чужих солдат, но она стерпит. Она все стерпит. Терпи и ты.

Жгучей болью горела шея под ухом, сводило пальцы на левой руке, когда она медленным шагом, исполненная невысказанной обиды, шла на дровокольную, чтобы скрыться от этих наглых глаз, а может, и заплакать. Но так, чтобы они не видели. Очень хотелось заплакать, если бы были слезы. Но слез у нее давно не было, был только гнев, придавленный усилием воли, отчего ей было особенно трудно. Но все

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru же пусть, утешала она себя, пусть будет все, чему суждено быть, а там посмотрим. Может, не убьют, не застрелят до вечера, еще поживем немного...

Глава восьмая

Всю ночь Петрок беспокойно ворочался на своих жестких кадках, пытаясь уснуть под кожушкой. Сперва все прислушивался к тому, что происходило во дворе, где хотя и стемнело, но долго еще слышался незнакомый говор, выкрики, смех немцев – почему-то допоздна не было на них угомону. В сенях то и дело грохали двери, бегали в хату, из хаты, гремели посудой – это угощалось начальство. Утихло там, может, за полночь, солдаты уснули в палатке, но Петрока все не брал сон, горестно и неотступно думалось: что делать? Послал бог кару на двух стариков, за что только? Петрок хотел спросить об этом жену, но на его приглушенный шепот та не отозвалась, а окликать ее громче не решился. Он уже был научен за долгую жизнь всего побаиваться, а теперь и подавно – было чего опасаться!

Перед рассветом он все же вздремнул, казалось, совсем ненадолго, и увидел отвратительный, дурной сон. Под жерновами в истопке давно была широкая крысиная нора, и вот во сне из нее вдруг высунулось какое-то противное существо с клыкастым, словно у кабана, рылом. Петрок швырнул в него веник, затем прыл туда палкой, да все впустую: крыса пряталась, чтобы тут же высунуться снова и скалиться клыкастой пастью, не то угрожая ему, не то над ним насмехаясь. Почти в отчаянии Петрок схватил у порога заржавленный старый колун и запустил им в угол, зацепив жернова, и те с грохотом рухнули, подняв тучу пыли в истопке.

Петрок тотчас проснулся, сразу поняв, что грохнуло где-то наяву и рядом. В истопке развиднело, наступало утро. На твердом земляном полу посередине валялись его опорки, жернова стояли на своем месте в углу, а Степаниды уже не было, на топчане под оконцем лежал ее смятый сенник. Петрок, как был босиком, метнулся к окошку с грязным, в паутине стеклом, сквозь которое, однако, разглядел двор с кухней и там тощего злого повара, который стоял с поднятой вверх винтовкой. Клацнув затвором, он выбросил на траву гильзу и пошел к воротцам. Винтовку с желтым ремнем повесил на тын возле кухни. Испугавшись за Степаниду, Петрок набросил на плечи кожушок и босиком выскочил из сеней; рядом из палатки высунулся солдат с подтяжками поверх синей майки, с суконной пилоткой на голове, он что-то говорил повару, который тем временем скрылся за тыном. Скоро, однако, все стало ясно: повар появился в воротцах, держа в поднятой руке обвисшую, с окровавленным клювом ворону, еще слабо трепыхавшуюся в воздухе.

Петрок перевел взгляд на хлев, ворота которого были широко раскрыты, значит, Степанида уже погнала Бобовку. Это его успокоило, ворону он не жалел, черт ее бери, надо было не прилетать, не каркать. Накаркала на свою голову...

Он снова вернулся в истопку, прикрыл за собой дверь. Чувствовал, теперь надо как можно реже выходить во двор, чтобы не мозолить солдатам глаза, а лучше тихо сидеть в этом ветхом убежище. Стараясь не загреметь чем в полумраке, он тихонько надел опорки, ту же запахнулся в кожушок и стал у оконца. Хотелось курить, но не было спичек, и он терпеливо ждал неизвестно чего. Тем временем совсем рассвело, попроспались, начали сновать по двору немцы, раздетые, в нижних сорочках, голубых и белых майках, то бегали по нужде за хлев, то курили, некоторые бодро разминались возле палатки – делали утреннюю зарядку. Один со спущенными подтяжками вытащил из колодца ведро воды, начал умываться в стороне от кухни, под тыном. Там же другие приспособили на изгороди небольшое зеркальце и брились какими-то коротенькими бритвами. Молодой долговязый очкарик с высоко подстриженным затылком не спеша прогуливался по двору, что-то заинтересованно разглядывая по углам, на крыше, остановился перед дровокольной и что-то записал карандашиком в крохотной черной книжечке. Спрятал ее. Затем прошел к хлеву, через раскрытую дверь заглянул внутрь. Петроку показалось, будто он что-то там ищет, но немец, пожалуй, не искал, а опять достал из бокового кармана свою книжечку и снова что-то аккуратно записал в нее. «Ученый, – подумал Петрок. – Только что там смотреть, в хлеву?» Он ждал, что солдаты соберутся и поедут на мост, ведь надо же было работать. Но время шло, хорошо задымила кухня, от которой исходил какой-то незнакомый и вкусный запах, а они все толклись во дворе, видно по всему, не торопясь с работой. Да и офицера с фельдфебелем еще не было видно, наверно, спали в хате – в сени никто с утра не заглядывал.

Над усадьбой занималось не по-осеннему теплое утро. Где-то за тонкой пеленой облаков мерцало готовое вот-вот ярко засветить солнце. Почувствовав тепло, немцы

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru не торопились одеваться, один, с коричневой от загара спиной, долго с наслаждением мылся у колодца, подрагивая тощим, в одних трусах задом, другой поливал ему из котелка, и оба молодо, беззаботно смеялись. Обряженные сегодня в чистые белые курточки, повар и Карла старались у кухни: Карла, пригнувшись, шуровал в топке, а повар что-то мешал в котле с настезь откинутой крышкой. Убитую им ворону двое уже одетых, но без пилоток немцев прилаживали к колу на изгороди: аккуратно сложили ей крылья, чтобы казалась живой, но мертвая голова птицы не держалась ровно, все заваливаясь набок. Тогда один из немцев принес тонкую проволоку и с ее помощью выпрямил голову, хотя все равно было видно, что ворона убитая. Только немец отошел, удовлетворенно оглядывая свою работу, как в сенях громко стукнула дверь, Петрок насторожился, выглядывая наискосок в оконце. На камнях у порога стоял офицер тоже в расстегнутом кителе, с черной взлохмаченной чуприной на голове. Он оглядел двор, на котором сразу подтянулись, притихли солдаты, и что-то сказал тому, что стоял возле вороны. Тот ответил, широко улыбаясь загорелым молодым лицом, и отошел к палатке.

Петрок плотнее припал к бревнам стены, стараясь увидеть, что будет дальше, хотя, пожалуй, и так все было ясно. Офицер целился с крыльца в ворону, короткий ствол его пистолета слегка покачивался, пока он ловил ворону на мушку, затем коротко замер, и неожиданно ударил выстрел – над птицей взвились в воздухе перья.

– Bravo! Bravo! – захлопали в ладоши немцы, тот, что умывался у колодца, и один с намыленными щеками в стороне, и еще кто-то, кого Петрок не мог видеть из оконца. Тогда офицер прицелился еще и еще выстрелил, на этот раз пулей отбило у вороны голову с клювом. Офицер удовлетворенно спрятал пистолет в кобуру и, на ходу надевая китель, направился к кухне. Откуда-то к нему подскочил верткий фельдфебель, и они начали непонятный разговор, в который Петрок не вслушивался.

Стоя у окна, он услышал иное, от чего на минуту растерялся, не зная, что делать. За глухой стеной истопки, где был небольшой садик, трясли яблоню, слышно было, как сильно шелестела листва и с частым стуком о землю падали яблоки его антоновки, которые он терпеливо берег к зиме. Конечно, он не ждал от этих солдат ничего хорошего, но разве так можно поступать взрослым людям? Ну, сорвали бы пяток или десяток яблок, пускай бы набрали пару пилоток – зачем до времени отрясать все дерево? И этот офицер, почему он не остановит их?

Подхваченный внезапной обидой, Петрок выскочил через раскрытые двери из сеней и возле растянутой у самой завалинки палатки вбежал в огород. Конечно, так оно и было. Один немец, раскорячась, в сапогах, сидел на яблоне и тряс сук, спелые яблоки с тяжелым стуком сыпались на грядки, где их собирал в шапку рыжеголовой, болезненного вида немчик. Петрок стал на меже и укоризненно уставился на них. Но те даже не глянули на него, словно он тоже был дерево, а не хозяин хутора.

– Все же нехорошо, – стараясь как можно спокойнее, сказал он. – Я вашему офицеру пожалуюсь. Нехорошо, так, паны немцы.

Тот, рыженький, с виду еще мальчик, выпрямился, как-то озорно взглянул на него и, хихикнув, замахнулся надкушенным яблоком. Петрок едва успел уклониться, яблоко, ударившись сзади о стену, отскочило в крапиву.

– Злодеи вы! – выкрикнул Петрок почти в отчаянии. – Ну, погодите!..

Он повернулся с твердой решимостью пожаловаться офицеру, но еще не добежал вдоль лопухов до засторонка, как на дровоколье щелкнуло подряд два выстрела и через ограду с диким кудахтаньем бросились куры. Потеряв в борозде опорку, Петрок поспешил к сарайчику по эту сторону истопки. Выстрел ударил еще раз, и долговязый немец, легко перескочив изгородь, с растопыренными руками бросился в бурьян. Сзади у старой колоды стоял с револьвером в руке фельдфебель, он оживленно говорил что-то, обращаясь к двум или трем солдатам, и те скалили белые зубы – смеялись. Поодаль, добродушно наблюдая за происходящим, спокойно прохаживался офицер в не застегнутом с утра кителе, из-под которого временами выглядывала его маленькая черная кобура на ремне.

Враз утратив недавнюю решимость, Петрок остановился – кому было жаловаться? То, что делали солдаты, видно, не было у них чем-то недозволенным, их командиры, вероятно, были такими же. Все это казалось им делом обычным, правом заводателей. Долговязый тем временем уже перелезл через изгородь, в поднятой руке держа за ноги подстреленную курицу, которая еще отчаянно била крыльями.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru фельдфебель с револьвером в руках оглядывался по сторонам, верно, искал еще кур. Куры же со страху попрятались куда попало, и ни одной не было видно во дворе. Ощущая полное свое бессилие, Петрок уныло побрел по дровоколье, не зная, куда податься, чтобы не видеть этого разбоя в усадьбе. Однако он уже попал на глаза фельдфебелю, который опустил револьвер и, смахнув с лица добродушное охотничье оживление, гаркнул:

– Ком!

Ну, конечно, сейчас он начнет цепляться, может, побьет или даже пристрелит, разве это им долго. Петрок, как был, с одной босой ногой, остановился возле обрешенной с краю поленницы.

– Млеко! Варум никс млеко?

Фельдфебель ожидал ответа, с ним рядом стояли еще два немца, сюда же в своем незастегнутом кителе со множеством пуговиц на груди направлялся и офицер.

– Так корова пасется, – просто сказал Петрок, немного удивляясь наивности этого вопроса.

– Ком корова! Бистро! Поняль? – прокричал фельдфебель, и Петрок подумал: однако же далось им молоко. Или у них нечего больше жрать, что они так полюбили это молоко? – Ком корова! Нах хауз корова! Поняль?

– Понял, – уныло сказал Петрок и повернулся назад к огороду. Надо было идти искать в зарослях Степаниду с Бобовкой.

Немцы на огороде уже влезли на другую яблоню с кисловатыми небольшими яблоками, густо осыпавшими ее ветви, и набивали ими свои карманы и пилотки. Двое других высматривали что-то на земле, шныряли по грядкам, вытаптывая невыбранные еще лук, бураки, морковку. На этот раз Петрок ничего не сказал им – пусть топчут, мнут, едят, хоть подавятся. Он нашел в борозде свой опорок и пошел грядкой к оврагу. Было уже очевидно, что овощи, фрукты, да и все хозяйство его пойдет прахом, теперь не убережешь ничего. Сберечь бы голову!

Он неторопливо шел стезжкой, ожидая новых выстрелов в усадьбе, поди, одной курицы им будет мало. И только он дошел до кустарника на краю оврага, как позади бабахнуло три раза подряд. Петрок оглянулся. Нет, отсюда не было видно, стреляли во дворе, по ту сторону усадьбы. Пусть бы они и сами перестрелялись там, все меньше осталось бы на свете. Нет, верно, до этого не дойдет, а вот кур сведут, это уж точно. И, гляди-ка, вроде совсем не собираются на работу, на мост. Или у них выходной сегодня, или, может, праздник какой, думал Петрок. Так хотелось ему уйти и не возвращаться на этот хутор, тем более что с утра выдалась хорошая погода, небо прояснилось, даже стало пригревать солнце, ветер повернул с юга, и столько запоздалой ласки было в природе. Осенью такое случается нечасто и всегда миром и добротой наполняет душу крестьянина. Было бы так хорошо на душе, если бы не война, не эти непрошеные гости на хutore.

Однако надо было искать Степаниду.

Он уже прошел вдоль опушки у оврага, над полем, постоял у белой, без коры колоды поваленного дуба, прислушался. Степаниды и коровы вроде бы нигде не было, но так недолго и опоздать, что тогда скажут немцы? Еще с той войны Петрок слышал от людей, что немцы страшно не любят, когда их приказы выполняются не бегом, и что беда тому, кто медлителен, нерасторопен. Не угодишь, застрелят, как курицу, и не трепыхнешься.

Немало уже набежавшись по зарослям и Бараньему Логу, он вдруг услышал Бобовку, которая тихонько шелестела в кустарнике на краю болотца. Рядом стояла Степанида. Каким-то затравленно отрешенным взглядом она издали уставилась на Петрока, ждала, когда тот подойдет ближе, должно быть, почуяв недоброе.

– Ну и забралась! Едва нашел! – устало проговорил он, продираясь сквозь чащу молодого, почти уже голого, без листьев осинника. – Молока требуют.

Степанида минуту подумала, прислушалась.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Сказал бы: нет. Вчера все сожрали.

– Сказали привести корову. Наверно, сами будут доить. Курей стреляют. Яблоки обколотили...

Степанида спокойно выслушала эти невеселые новости. Ни о чем не спросив, потуже затянула платок на шее.

– А фигу им, – наконец сказала она и пошла к корове, которая спокойно паслась в кустарнике.

Петрок подумал, что она все же завернет Бобовку и они поведут ее домой. Однако на уме у Степаниды, видно, было другое, и она решительно подсела к корове.

– Что ты надумала?

– Что видишь.

Ну конечно, она начала доить корову в траву, и Петрок даже испугался.

– Но ведь молоко!..

– Фигу им, сказала, а не молоко...

Должно быть, действительно фигу, подумал он, в замешательстве глядя, как белые струи молока из-под ее рук исчезают в мелкой, пересыпанной опавшей листвой траве. Он слишком хорошо знал характер жены и понимал, что ее не переубедишь, особенно такую, захлестнутую обидой после вчерашнего. И он покорно стоял поодаль в кустарнике, пока она не выдоила корову.

– Да-а... Что делать?

– Вот теперь веди. Пусть доят.

Степанида набросила на рога корове веревку, другой ее конец сунула Петроку в руки.

– Веди!

Он повел корову к опушке, где была тропинка на хутор, Степанида, немного поотстав, шла сзади. Бобовка, мало что понимая в намерениях хозяев, то шла, то останавливалась, хватая из-под ног какой-нибудь клочок травы, видно, еще не напаслась и не стремилась домой. Словно чувствовала, что ничего хорошего ее там не ждет, до вечера же было еще далеко. Петрок с усилием переступал ногами в мокрых опорках, беспокойно думая о том, что это никуда не годится – привести корову без молока. Но что он мог сделать: корова – это уже не его собственность, она больше принадлежала жене. А после вчерашнего Степанида, конечно, здорово обиделась, и было отчего. Он бы тоже, наверно, не выдержал, если бы его так отстегали револьверной цепью. К счастью, его пока только пугали. Однако пугаться ему было не впервой, к страху он давно притерпелся и научился скоро приходить в себя. Разве иначе можно было выдержать? Особенно в эту войну.

Словно что-то почувствовав, возле хутора Бобовка совсем заупрямилась и с огорода не хотела идти во двор: упиралась ногами, выкручивала голову на веревке, оглядывалась на хозяйку. Петрок покрикивал на нее, дергал за веревку, но, пока сзади ее не стегнула прутом Степанида, корова не слушалась. Еще от оврага стало понятно, что немцы сегодня и не думали выметаться с хутора – гомон там стоял в самом разгаре, доносился смех, что-то мерно и негромко бахало в воздухе. Петрок присмотрелся к антоновке возле истопки – лишь на верхушке ее осталось несколько мелких яблок, а так все дерево было опустошено, внизу свисал до земли толстый надломленный сук. Весь огород был измят сапогами, гряды растоптаны; на огуречнике виднелись раздавленные семенные огурцы. «Вот кара божья, – горестно подумал Петрок. – За какие только грехи? И почему на меня именно обрушилось такое?»

Еще в огороде Петрок сообразил, что во дворе шла игра – сквозь оживленный говор и вскрики слышались тугие удары по мячу, смех. Вскоре этот здоровенный, как тыква, коричневый мяч выкатился из-за сарайчика, за ним выскочил разгоряченный

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru игрой молодой белобрысы немец. Он коротко взглянул на хозяев, подхватил мяч и скрылся во дворе за углом истопки.

Петрок провел через дровокольную Бобовку и молча остановился в ожидании фельдфебеля, который уже нацелился на него взглядом от кухни. Он коротко гаркнул что-то, и Карла с блестящим ведром поспешил к корове. Очень неудобно, почти страшно стало Петроку, когда он глянул на это ведро и подумал: хоть бы собралось что у Бобовки, иначе будет беда. На том конце двора человек пять раздетых до пояса немцев с поднятыми руками били вверх мяч, начисто вытапывая мураву у палатки, колобок-фельдфебель принялся что-то обсуждать с поваром, а Карла медленно приближался к корове. Петрок, не выпуская из рук веревку, покороче подобрал ее. Бобовка по-прежнему испуганно оглядывалась на немцев и взмахом мохнатых ресниц реагировала на каждый удар по мячу. Карла, как и вчера, опустил подле нее на корточки и, двигая оттопыренными локтями, начал доить.

Впрочем, доить-то было нечего, и корова не хотела стоять, хотя Петрок и держал ее, все время переступала и дергалась. Через какую-нибудь минуту Карла подхватил пустое ведро и выпрямился. Как показалось Петроку, обеспокоенно посмотрел на него, потом оглянулся на дровокольную, где показалась и исчезла Степанида. Он тихо произнес всего лишь два непонятных слова, которые, однако, услышал фельдфебель и тут же подлетел к корове.

– Вас ист дас? – указал он на ведро. – Варум никс млеко?

– А кто же его знает, – с притворной искренностью пожал плечами Петрок, почти преданно глядя в злые глаза фельдфебеля. Красное лицо того побагровело еще больше.

– Варум? – громче гаркнул он и привычно схватился за свою огромную кобуру.

– Так не дает. Запускаться будет. Стельная она, – путаясь, неумело соврал Петрок, мысленно ругая Степаниду: надо же было так выдоить! Пусть бы подавились тем молоком, пропадать из-за него Петроку совсем не хотелось.

Немцы во дворе прервали игру, один с мячом под мышкой подошел ближе, за ним с любопытством на потных лицах приблизились остальные. Все по очереди заглядывали в почти пустое ведро, на дне которого белела от силы кружка молока, не больше. Фельдфебель о чем-то переговорил со злым поваром, который также приволокся сюда и стоял, больше вглядываясь в Петрока, чем в ведро или корову. В короткую паузу, когда все замолчали, фельдфебель со скрипом расстегнул кобуру и медленно вытащил из нее свой револьвер с тонким стволом и черной костяной рукояткой.

Охваченный внезапным испугом, Петрок подумал, должны же они хотя бы о чем-то спросить, прежде чем застрелят, вероятно, и ему что-нибудь надобно сказать перед смертью. Хоть выругаться, что ли. Но, сбитый с толку неожиданностью происшедшего, он просто забыл все слова и невидяще глядел, как фельдфебель хлестко щелкнул револьвером.

– Вэк, ферфлюхтер...

Коротким ударом локтя он оттолкнул Петрока, выхватил из его рук веревку. Бобовка мотнула головой, скосила глаза, словно учуяв погибель, а немец очень сноровисто, будто ненароком бахнул выстрелом в ее всегда чуткое, трепетное ухо.

Петрок ждал, что корова рванется, взревет, а та как-то очень покорно опустилась на подломившиеся ноги и ткнулась влажной мордой в грязь. Медленно ложась на бок, взмахом откинула голову, зрачки ее больших глаз закатились, из горла вырвался короткий негромкий вскрик, и все ее тело с огромным животом покойно замерло на земле. Только по коже несколько раз пробежала волнистая дрожь, и все в ней затихло.

У Петрока мелко тряслись руки, пока он на ватных ногах шатко брел со двора, где фельдфебель уже бодро покрикивал на солдат, должно быть, отдавал приказания.

Глава девятая

На удивление самой себе, Степанида не слишком убивалась по корове – как ни жаль ей было Бобовку, она чувствовала, что рушилось что-то большее, неотвратимая

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru опасность приближается уже к ним самим вплотную. Заходила эта опасность издалека – со двора, от дороги через молоко, хату, колодец, но подступила уже так близко, что сомнений не оставалось: немцы схватят обоих за горло! Правда, как она ни вдумывалась, все же не могла с ясностью постичь истинный смысл их поступков и намерений, они были ей сплошь враждебны, но как тут понять, что из них приведет ее к самому страшному. Конечно, можно бы вроде и отодвинуть его, это страшное, затаиться, как-то подмазаться к чужеземцам, попытаться угодить им в большом или малом, но, думала она, разве этим поможешь? Опять же с детства она не умела насиловать себя, поступать вопреки желанию, тем более унижаться; нужных для того способностей у нее никогда не было, и она не знала даже, как это можно – ладить с немцами, особенно если те вытворяют такое. То унижение, которому они подвергли ее при первом своем появлении, не давало ей настроиться иначе, чем неприязненно, дальнейшее же и подавно вызвало у нее возмущение и ненависть к ним. Действительно, такого с ней никогда еще не случалось. Бывало, что ее обижали, притесняли, даже унижали, но никто еще не поднимал на нее руку – ни отец на малую, ни кто-нибудь из родни, ни даже Петрок. А вот эти подняли, хотя по возрасту она многим из них годилась в матери.

Степанида сидела в истопке и даже не поглядывала в оконце, она и без того слышала все, что творилось в усадьбе. Крича и толкаясь, немцы сняли с крюков в хлеву двери, разложили их посреди двора и принялись свежевать Бобовку. Наверно, драл шкуру все тот же Карла. Она слышала, как там среди криков и смеха солдатни выговаривалось его имя, когда говорил фельдфебель, другие смолкали, коротко звучало чье-то «яволь»; сопели от усилия солдаты, и трещала шкура Бобовки. Петрок исчез где-то, на дворе его не было, иначе бы она услышала чей-нибудь крик на него. И она сидела одна на своем сеннике под окном в прохладном полумраке истопки, теперь ей некуда было идти, нечего делать. В истопке было тихо и покойно, на дворе кончался погожий осенний день, косо солнечный лучик из окна скользнул по выщербленному земляному полу к жерновам и косо высветил там черные потрескавшиеся бревна стены. Этот золотистый лучик, однако, становился все уже, будто таял, превращаясь в тонкий блестящий осколочек, и наконец пропал вовсе – солнце спряталось за выселковским пригорком. В истопке сразу стало темнее, в полумраке утонули углы с разной рухлядью, надвигалась тревожная ночь. Немцы весь день протолклись на хуторе, на мост так и не ездили, наверно, действительно сегодня у них был какой-нибудь праздник. Степанида ждала, когда они наконец угомонятся во дворе или хотя бы займутся делом – ей надо было наведаться в засторонку, покормить поросенка, чтобы тот ненароком не завизжал с голоду и, как и Бобовка, не оказался в их прожорливой кухне. Весь день Степанида ждала подходящего для того момента и вот дождалась вечера.

Она содрогнулась от какого-то сильного тупого удара там, во дворе, затем следующего; что-то трещало, будто дерево-сухостоина, и она встала, выглянула в оконце. Четыре солдата возились возле освещенной, какой-то совсем маленькой, будто телячья тушка, Бобовки, и крутоплечий, без мундира немец с засученными рукавами натальной сорочки сек ее топором, на досках дверей со стуком подскакивали коровьи ноги. Голову они уже отрубили, и та лежала теперь на истоптанной траве под тыном, выставив в вечернее небо черные, круто заломленные рога.

Степанида глянула в оконце раз и другой, больше смотреть не стала – она не могла видеть всего этого. А они там долго еще рубили Бобовкины кости, ребра, хребет, и каждый удар топора болью отдавался в ее душе.

Сумерки близкой ночи все больше заполняли тесную, захламленную истопку. Надо было чем-то заняться, но чем? Да и вообще, что она могла делать здесь, когда не имела сейчас никаких прав, не могла ничем распоряжаться, наоборот, теперь распоряжались ею. И все же ее деятельная натура не могла примириться с собственным бессилием, жаждала выхода, какой-то возможности не поддаться, постоять за себя.

Она снова взглянула в оконце, кажется, с Бобовкой все было кончено, на траве лежали испачканные кровью двери, немцы стояли и сидели возле кухни, где, видно, доваривался ужин и откуда несло нестерпимо приторным запахом вареного мяса. Петрока по-прежнему не было. Она подошла к глухой стене истопки, вслушалась – нет, с огорода не слышать было никаких звуков, может быть, стоило именно теперь, в сумерках, и прошмыгнуть к засторонку? Когда она прислушивалась, взгляд ее случайно скользнул по запыленному боку бутылки на полке, и она подумала: немцы сожгут. Конечно же, понадобится свет, заберут и керосин. Чтобы уберечь его от

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru чужих глаз, Степанида сняла тяжелую бутылку с полки и, поглубже задвинув под жернова, заставила ушатом. Потом набрала из ушата в чугунок позавчерашней вареной картошки, прикрыла его передником и осторожно приоткрыла дверь истопки.

В сенях никого не было, на ступеньках тоже, она неслышно переступила порог и под стеной истопки прошла к дровоколье. Она не глядела на немцев, ожидая и боясь их окрика, но, занявшись возле кухни, они, верно, не очень присматривались к ней. За поленницей она вздохнула, перелезла через жердку в огород. Куриный сарайчик был настезь распахнут, на земле валялась подпорка, курей там не было ни одной – уж не всех ли перестреляли эти собаки, подумала она. А может, куры попрятались? Или ушли в овраг, как они это делали иногда летом? Прислушавшись к дружному взрыву солдатского хохота во дворе, она тихонько отвалила от дверей засторонка соху, и к ногам с такой радостью выкатился ее поросенок, что она испугалась: что же с ним делать? Тихо похрюкивая, тот ласково тыкался в ее ноги своим холодным тупым пяточком, словно требуя чего-то, и она подалась сквозь репейник по стежке через огород к оврагу. Поросенок, будто собачонка, с необычайным проворством заторопился следом, но бежал с небольшими остановками, а она вся сжималась от страха: хотя бы не вышел кто со двора, не увидел их здесь.

Но все обошлось счастливо – со двора никто не появился, она провела поросенка огородом к изгороди, перебралась через жердь, поросенок, посопев, прощелся под жердкой снизу, и тут уже его укрыл чернобыльник, кусты ежевики у стежки. Рядом был ров с кустарником, на краю которого в сумерках затемнелась знакомая фигура. Это был Янка, и она удивилась: зачем он здесь! Убегай ты отсюда! Убегай, замахала она рукой. Не хватало еще, чтобы Янка попался на глаза немцам с этим его стадом, постреляют коров – им разве жаль? Но стада поблизости не было, видно, Янка загнал его в Выселки, а сам непонятно зачем пришел к хутору и вот уж бежал ей навстречу. Они остановились на краю оврага, едва прикрывшись от усадьбы крайними кустами ольшаника. Янка, как всегда, мучительно пытался что-то сказать, но она ничего не поняла, в свою очередь, бормоча:

– Поросенок вот! Спрятать бы где?!

Как ни странно, он догадался. На мгновение лицо его омрачилось заботой, но скоро он замахал руками, указывая в охваченные вечерними сумерками овражные недра, куда вела извилистая стежка в кустарнике. Степанида не поняла, и он, ухватив ее за рукав ватника, потянул по стежке. Прежде чем она решилась, поросенок уже побежал за ним, нетерпеливо тычась в его грязные босые пятки.

Они медленно стали спускаться крутой, местами даже обрывистой стежкой в овраг. Поросенок не отставал, лишь перед обрывом испуганно взвизгнул, испугавшись крутизны. Янка опустил на колени, снизу перехватил его поперек тела. На более отлогом месте он опустил поросенка наземь, и тот, не сворачивая с тропки, шустро побежал за подростком.

Вскоре они оказались в сырых сумрачных зарослях возле ручья, высокие ольхи с поредевшей листвой стояли над их головами. Янка стремился все дальше, увлекая поросенка и Степаниду в притихшие вечерние дебри лесного оврага. Удивительно, но поросенок бежал за ним охотнее, чем если бы его вела Степанида. Когда вскре Янка свернул с тропы в сторону и, хватаясь за ветки орешника, полез вверх, Степанида догадалась, куда он привел поросенка. Где-то здесь, на склоне оврага, была барсучья нора. Барсука давно уже затравили собаками братья Боклаги из местечка, года четыре нора пустовала, ребятишки, играя, разрыли ее вход, но до конца не дорылись, такой длинной она оказалась.

Нора, конечно, сгодится.

Тут надо было лезть по склону в кустистой чащобе орешника, поросенок то неловко карабкался вверх, то ненадолго останавливался, притомившись, и тогда на особенно крутых местах Янка подхватывал его на руки и несколько шагов, не обращая внимания на тихое повизгивание, пробирался так – на ногах и коленях. Степанида одной рукой держала чугунок, другой, чтобы не упасть, хваталась за черные ветки деревьев и едва успевала за парнем. Так они взобрались к растопыренному корневищу елового выворотня на склоне, рядом за небольшой гравийной площадкой чернело устье барсучьей норы. Выпущенный из рук поросенок успокоился и начал обрадованно обнюхивать утоптаный мальчишечьими ногами песок, корни выворотня. Но только Степанида поставила наземь чугунок, он сразу, будто забыв обо всем, с аппетитом набросился на картошку.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ы-ы-ы! – снова замахал руками Янка. – Ы-у-у! – натужно рвалось из его груди, но ничего внятного не получалось, а Степанида думала, чем бы загородить эту нору, чтобы поросенок не вылез в овраг. – Ы-ы-э! – еще раз попытался объяснить что-то Янка и, махнув рукой, снова бросился по овражному склону вверх.

Степанида стояла около выворотил, прислушиваясь к тому, как чавкает в чугунке поросенок и шелестит опалая листва на склоне. Шелест, однако, все отдалялся, пока совсем не затих. В овраге почти стемнело, только край неба над противоположным склоном слабо брезжил последним отсветом зашедшего солнца. Степанида не знала, куда побежал Янка – домой ли, в Выселки, а может, здесь искал, чем бы помочь ей. Но пока поросенок ел, она стояла рядом, вслушиваясь в затаенные, по-ночному пугающие звуки оврага, и вдруг подумала: до чего дожила! Чтобы бежать из дома, прятаться в овраге, искать прибежища там, где она обычно испытывала страх, особенно в сумерках – вечером или ночью. Но именно так: здесь ей было спокойнее, чем на своей усадьбе – в хате или истопке, и это милое существо, послушный поросенок показался ей роднее человека, словно дитя какое. Особенно после Бобовки, которую она сегодня так глупо не уберегла.

Степанида присела на торчащий обломок корня и замерла, навострив слух. Поросенок выел все, что было в чугунке, и успокоенно улегся у ее ног, горячими боками приятно согревая ее настывшие ступни, и она стала тихонько почесывать его ногами под брюхом. Охотно поддаваясь человеческой ласке, поросенок медленно перекачивался на бок, довольно похрюкивая. Так она сидела на выворотне, пока наверху в овраге не зашуршала опалая листва в траве, что-то там сильно хрустнуло, верно, сломалась валежина. Степанида вскочила, прислушалась. Вокруг было темно, внизу, где бежал ручей, царил непроглядная тьма, да и вверху, над оврагом, в сплошную черную массу слились деревья, кустарники, только едва светился дальний край неба. Шорох вверху все усиливался, что-то стукнуло сбоку от норы, и к выворотню скатился Янка. Припадая низко к земле, он волок что-то громоздкое, вероятно, слишком тяжелое для него.

– Э-э-э! Ы! – устало оповестил пастушок и сбросил у самого устья, по-видимому, найденную в поле деревянную борону с зубьями.

Это было неплохо – борона сразу загородила весь вход в нору, надо было только чем-то ее закрепить, чтобы не повалил поросенок. Вдвоем с Янкой они сунули его в пустовавшее барсучье жилище и быстренько заставили нору бороной. Поросенок встревоженно захрюкал, несильно толкнул борону, пробуя повалить, но Степанида придержала ее, а Янка тем временем выломал неподалеку хороший сук, и они с усилием подперли им борону.

– Вот и ладно, – тихо сказала Степанида. – Сиди и не хрюкай, а то... сожрут и спасибо не скажут.

Янка что-то достал из кармана и сунул поросенку, тот сразу смачно зачавкал, теряясь во тьме норы, а они полезли по склону вверх. Пожалуй, так было ближе, хотя и менее удобно, чем по стежке возле ручья. Вскоре, порядком угревшись, выбрались на пригорок и, пройдя кустарник, очутились на краю картофельной нивы. На поле и хутор уже легла ночь, было темно, вдали ничего не видать; покатый горб недалекой Голгофы почти совсем слился с темным закрайком неба, на котором одиноко мерцала крохотная красноватая звездочка. Деревья и кустарник рядом чернели сплошной неровной стеной, в которой местами проглядывала туманная прорва оврага.

– Спасибо тебе, Яночка, – сказала Степанида, тронув рукой худое под легкой сорочкой плечо мальчишки. Янка напрягся, остановился, приблизившись, вопросительно глянул в ее лицо и промышчал что-то, как всегда, понятное лишь ему одному. Она подумала, что следовало бы и еще что-нибудь сказать ему, да не нашла что и пошла к хутору. Стежка вела здесь по ровному месту, вдоль овражной опушки, на меже с полем. Янка остался сзади. Конечно, он побежит в свои Выселки стороной, и в хутор теперь не сунешься. Хутор надо обходить за версту.

Еще издали Степанида вдруг увидела яркий, почти ослепительный свет в окнах и подумала: это не лампа, наверно, они зажгли свое электричество. С неприятным боязливым чувством Степанида подошла к усадьбе, по тропке вошла в огород. Здесь было темно и тихо, немцы, похоже, угомонились, только из окна хаты на истоптанные грядки падал яркий косой сноп света; такой же сноп она увидела во

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru дворе, куда вошла с дровокольной. Черная кухня с высокой трубой стояла старательно прибранная, накрытая сверху широким куском брезента; под тыном, составленные в ряд, видны были ведра. Сбоку от них неясно серела в полумраке, наверно, забытая с утра винтовка с новеньким желтым ремнем. Степанида охватила все это одним беглым взглядом и вскочила в сени, дверь которых была не заперта. Из хаты слышался спокойный, словно картавый разговор двух или трех немцев, и она быстренько прошмыгнула через сени в истопку.

Петрок уже был на месте, на кадках, и сразу отозвался из темноты, как только она закрыла за собой дверь:

– Ай, где это тебя носит по ночи? Страху понатерпелся тут...

– Так и ты же где-то пропадал полдня, – тихо сказала она, нащупывая в темноте свой сенничок.

– Кур стерег. Тех двух застрелили, так остальные за гумном в яму забились. Ту, что с хворостом. Сидят, так посыпал им там, пусть ночуют.

– Сколько же их хоть осталось?

– А семеро. Одной рябенькой и черноголовки нет. И старой желтой нет. Но не похоже, что желтую застрелили. Там где-то в крапиве спряталась.

– Хорошо, если спряталась, – вздохнула Степанида, думая уже о другом. Новая мысль неожиданно завладевала ею, и она уже не могла думать о курах, поросенке – двор властно притягивал ее внимание. Но она еще ничего не решила и только молча слушала, как сокрушался Петрок.

– Ай-ай! Что делать? Что делать?.. Вот корку жую. На и тебе, наверно же, ничего не ела сегодня...

Он сунул ей из темноты черствый кусок хлеба, и она взяла с неожиданной горечью не за себя – за него. Который день без горячего, на сухомытке с больным-то желудком – бедный старый Петрок! Прежде он стал бы сетовать на собственную долюшку или упрекать ее, Степаниду, а теперь вот смирился и обходится черствой коркой. Дожился! Да ведь дожился и она. Со вчерашнего не было во рту маковой росинки, и теперь кусок черствого хлеба показался ей лакомством. Она прилегла на сенничок, прикрыв ноги ватником, и, понемногу отламывая от куска, клала хлеб в рот, тихо жевала. Но больше прислушивалась. Во дворе и в палатке уже успокоились, правда, через сени в хате еще слышалась негромкая вечерняя беседа офицера с фельдфебелем, эти еще не спали. А очень хотелось, чтобы они уснули, в ней все настойчивее и сильнее разрастался тайный, рискованный замысел, от которого даже бросало в дрожь, но знала она, что отказаться от него уже не сможет. Впрочем, она и не думала отказываться, наоборот, собиралась с духом, она осуществила бы задуманное, даже если бы и знала наверняка, что это ей вылезет боком. Хотя пока надо отсидеться: раз они там не спят, ей нельзя выходить из истопки. Степанида умела ждать. Вся жизнь она только и делала, что ждала. Порой понапрасну, а иногда все-таки ей везло. И лишь в редких случаях отказывалась она от своих намерений, уж такая была натура: чтобы отказаться от них, ей часто требовалось больше усилий, чем для их осуществления.

Хлеб она весь сжевала и теперь лежала без сна на своем сенничке. Неизвестно, спал ли Петрок, но его не было слышно – ни дыхания, ни движения, видно, намаявшись за день, все же уснул. Картавый разговор в хате, похоже, стал утихать. Полежав еще несколько минут, она тихонько поднялась и, опершись рукой о стену, выглянула в оконце. Нет, во дворе все еще блестела на траве яркая полоса света, рассеянная черной тенью от рамы, дальним концом почти достигавшая ведер под тыном. Винтовки отсюда не было видно, но, чувствовала она, та висела на прежнем месте. Степанида глянула наискосок в одну сторону двора, в другую. Нигде вроде бы никого не было. Она снова легла на сенничок, обнадеживающе подумав: ничего, рано или поздно улягутся и те, что в хате. Надо лишь выждать.

Она еще полежала около часа, внимательно прислушиваясь к близким и далеким звукам ночи. Где-то, наверно, в Заболотье за оврагом, долго, надоедливо лаяла собака, потом особенно резко взвизгнула и умолкла – ударили ее или, может, спустили с цепи. Разговор в хате смолк, но в тишине послышался звук шагов по половицам, коротко стукнула дверь, кто-то вышел во двор, но скоро вернулся. По

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru тому, как, моргнув, исчез тусклый ответ на черной балке сверху, она поняла, что наконец в хате погасили свет, в сенях, во дворе, в истопке воцарился мрак безлунной осенней ночи. Степанида долго еще лежала, словно краешком сознания переживая невеселые события минувшего дня: собственную проделку с молоком, которая погубила Бобовку, разграбление усадьбы, стрельбу по курам, ее неожиданную удачу с поросенком. Может, хоть он уцелеет, если эти злодеи не доберутся до оврага, не вытащат его из барсучьей норы. Так думала она о разном и обо всем сразу, как бы исподволь собираясь с силами, чтобы наконец решиться на самое трудное.

Кажется, однако, она задремала немного и спохватилась вдруг от неосознанного внутреннего толчка, прислушалась. Под жерновами тихонько ворошилась крыса да сипато, с присвистом дышал на кадках Петрок. Она села на сеничке, опустив ноги на землю. Теперь уже ничего не чувствовала, кроме упрямого стремления к цели – сделать то, чего она уже не могла не сделать. Словно не по собственной воле, а по чьему-то жестокому принуждению она поднялась, тихонько, как только было возможно, повернула щеколду и приоткрыла старую, из дубовых досок сбитую дверь истопки. Хорошо, та не скрипнула, только прошуршала немного, и она оставила ее так, не закрытой. Потом на цыпочках приблизилась к полуоткрытым дверям из сеней, в которые легонько задувал ветер, опять прислушалась. В хате кто-то сонно храпел, не так чтобы громко, скорее успокоенно, ровно. Надо быть смелее. Что, в конце концов, она не имеет права по своей нужде выйти во двор, или она перестала быть человеком?! Ну и что, коли война, немцы... Жили люди до этой войны и будут жить после, а вот доведется ли выжить этим, еще неизвестно. Кто с рожном полез на других, как бы сам на него не напоролся. Осторожно нащупывая ногами землю, она сошла с каменных ступенек на холодную влажную траву, проскользнула за угол и там затаилась – показалось, в палатке заворошился кто-то. Но это, пожалуй, во сне, никто оттуда не вышел. Часового во дворе не было видно, и это ее ободрило. Конечно, они чувствовали себя уверенно, словно хозяева. Да и чего им бояться, кто им тут мог повредить?

И все же она боялась, как, может, никогда в жизни: особенно было страшно, когда она вышла с дровокольной и на шатких ногах приблизилась к тыну. Ей не было нужды вглядываться в темноту, она точно знала, где было то место, и сразу нащупала рукой винтовку, обхватила ее за тонкий холодный ствол. Винтовка оказалась увесистой, чем она предполагала; как бы такая тяжесть, бултыхнувшись в воду, не подняла всех на ноги, обеспокоенно подумала Степанида. Это обстоятельство несколько смутило ее, но изменить свое намерение она уже не имела силы – она была целиком в его власти. На цыпочках подбежав к колодцу, Степанида перекинула винтовку в сруб. Перед тем как насовсем выпустить ее из рук, взглянула на хату и выгнувшийся горб палатки, но там все мирно покоились в ночи, никто нигде не показывался, и она разомкнула пальцы.

Степанида отскочила от колодца, когда в его глубине чересчур звучно бултыхнуло, казалось, сейчас все вскочат на ноги. Не чуя себя, Степанида метнулась к истопке, под стеной которой прошмыгнула в сени. Здесь ей совсем стало дурно, когда она обнаружила дверь в истопку закрытой, но затем вспомнилось, что та иногда закрывалась сама, и Степанида с облегчением потянула на себя деревянную ручку.

Прежде чем закрыться в истопке, минуту помедлила – нет, все вокруг тихо и покойно, кажется, удалось. «Что теперь будет?» – словно в горячке, содрогаясь от внезапного озноба, подумала она и, может, только теперь испугалась по-настоящему. Страх охватил ее с такой силой, что она мелко застучала зубами и, наверно, тем разбудила Петрока.

– Ничего, ничего... Спи.

– Что, озябла? Накройся, – проговорил он спросонья и тотчас мерно задышал на кадках.

Она же до утра не уснула.

Глава десятая

Немцы поднялись раненько, еще до рассвета. Петрок слышал их шаги у истопки, кашель, притихшие хрипловатые голоса во дворе. Звякнуло ведро в колодце – начали таскать воду для кухни. Кажется, вчерашний праздник окончился, сегодня, судя по

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
всему, они намеревались братья за дело.

Петрок лежал на прикрытых тряпьем твердых досках кадушек, натянув на голову кожушок, слушал дворовую суету и думал, как у них все не по-нашему, у этих немцев, по-своему, иначе. Даже вчера вечером, когда устроили себе праздник, ярко засветили электричеством в хате, ели из тарелок вилками и что-то выпивали из маленьких белых чарочек, немного оживились, разговаривали, но почти так, как обычно, пьяных не видать было ни одного. Офицер и фельдфебель закусывали отдельно от других в хате, куда им носили что-то на блестящих тарелках, сверху прикрытых салфетками, и эти тоже вели себя сдержанно, разговаривали негромко и сидели не дольше, чем при обычном ужине. Наверно, прошел час или немногим больше с начала того ужина, когда на ступеньки вышел фельдфебель, что-то скомандовал, и во дворе сразу как вымело – все удалились в палатку. «Дисциплина, однако, мать вашу!» – подумал тогда Петрок с тихой завистью. Слово начальника у них закон, все едят, спят и молятся только по команде. Неудивительно, что побеждают. Организация!

Вот и съели Бобовку. Петрок немного серчал на Степаниду при этой мысли: надо было не рыпаться, отдать им все молоко, пусть бы жрали, если так его любят, зачем было хитрить? Пожалуй, из-за этих Степанидиных хитростей и остались теперь без коровы. Хотя Петрок понимал, что и без того могли отобрать корову, – не теперь, так потом, при отъезде. Конечно, Бобовку лучше было бы спрятать. Только как спрячешь? Корова не курица, в крапиве не затаится. Да и кто знал, что они так неожиданно нагрянут на хутор? Ведь их не было даже в Выселках.

Снаружи в истопку донесся приятный, сладковатый, будто даже знакомый запах съестного, и Петрок не сразу понял, что это кофе. Ну, конечно же, он слышал еще с той стороны, что утром германцы перво-наперво пьют кофе, а не какой-нибудь квас или чай, как, скажем, русские. Петрок никогда не пробовал этого напитка и теперь представлял его себе очень вкусным. Впрочем, что кофе, когда соли осталось три горсти, как есть без соли картошку? Не полезет в горло. Беда, да и только!

Снаружи понемногу светало, но солнца не было видно, слышно только, как по крыше шуршал напористый ветер, кажется, на вчерашнем дне и кончилась хорошая погода. С ночи в худой, с гниловатыми углами истопке было прохладно, под утро Петрок даже озяб, съежился под кожушком, хотя и вставать не хотелось. Косо, одним глазом взглянул на сенник у окошка – Степанида, будто неживая, скорчившись, лежала под ватником, и он подумал: переживает из-за Бобовки. Конечно, какая теперь жизнь без коровы? Без коровы бабе погибель.

Только он собрался вставать, как дверь в истопку с силой дернулась из сеней, и на пороге появился немец – тот самый злобный повар, в перекрученной поперек головы пилотке, за ним выглядывал молодой немец в очках. Петрок быстренько сел на кадках, нащупывая рукава кожушка, а повар, ничего не говоря, блеснул ему в глаза фонариком и зашарил по истопке, высвечивая по очереди пыльные камни жерновов, полку, большую кадку в углу; подскочил к закромам, начал сбрасывать крышки, посветил во все три. Два были совсем пустые, а в третьем хранилось пуда три ячменя – на крупу. Затем, рывкнув «вэк», он подскочил к Петроку, тот босиком слетел на холодный пол, а немец посбрасывал прочь все его одежды, крышки с кадушек, заглянул в каждую. Неизвестно, за каким чертом согнулся под жернова, помельтешил белым пятном фонаря по стенам, углам, даже потолку и, не сказав ни слова, выскочил в сени.

Петрок надел-таки в рукава кожушок, осторожно прикрыл за поваром дверь и повернулся к жене, которая, потупясь, с безразличным видом сидела на сенничке.

– Чего это он?

Степанида повела плечами, молча закуталась в платок, неторопливо надела ватник. Казалось, ее совсем не удивило это странное появление немца, одни только глаза говорили, что она внимательно прислушивалась ко всем звукам извне. Ничего не понимая, Петрок выглянул в оконце. Немцы там о чем-то возбужденно, даже напуганно переговаривались, сгрудившись около кухни, некоторые зачем-то бродили возле хлева, по дровокольне. Что они там искали?

– Будто потеряли что-то, – сказал Петрок.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Не успела Степанида ответить, как немцы от кухни гурьбой двинулись к хате, густо затопали сапогами в сенях, и уже не один, а трое сразу свалились в истопку. И пошло... С выражением злой, непонятной решимости на лицах начали переворачивать все вверх ногами – кадки, кадушки, сбрасывать с гвоздей навешанное на них тряпье; в сенях разгребли ногами кучу картошки, с грохотом откинули прочь крышку сундука и моментально перевернули там все кверху дном. Петрок съежился возле двери и молчал, у него тоже никто ни о чем не спрашивал. Он поглядывал только, как долговязый, в широких сапогах немец злобно ворочал корзины, кадку с коноплей, раскатал все чугуны из-под ног. Подскочив к Степаниде, оттолкнул ее в сторону и коленом прощупал сенник на скамейке. Выглянув в конце, Петрок увидел, как несколько солдат влезли на снопы в пуньке и начали шарить там, сбрасывая снопы к воротам.

– Что, паны, ищите? – как можно ласковее спросил Петрок, ни к кому, однако, не обращаясь.

Долговязый, измерив его ледяным взглядом водянистых глаз, что-то непонятно крикнул, и Петрок не спрашивал больше. Он еще глубже забился в угол, подальше от двери, и молча наблюдал за происходящим. Наконец, оставив разгромный ералаш в сенях и в истопке, немцы вытряхнулись во двор и там долго еще ходили вдоль стен, заглядывая под стрехи, за изгородь в крапиву и даже на обросшую мхом крышу истопки.

– Сдурели они, что ли? – недоумевал Петрок.

Однако надо было наводить какой-то порядок, Петрок взялся сдвигать на прежнее место кадушки, как вдруг услышал знакомый звук струн и замер в испуге – они уже добрались до его скрипки. «Ах ты, горечко!» – подумал Петрок, готовый заплакать от такой неприятности, но что было делать? Может, позабавятся, да и отдадут? А то неужто поломают и бросят, но зачем им скрипка?! Не слишком, однако, рассуждая, он выскочил в сени как раз в тот момент, когда из хаты, пригнув голову в высокой фуражке, стремительно выходил офицер, за ним катился кругленький фельдфебель. В сенях они столкнулись с Петроком, и тот заговорил, путаясь от волнения:

– Пан офицер, пусть мне отдадут ее... Ну, скрипку... Потому что моя ж это, собственная... Купил, знаете...

– Вэк! – гаркнул, словно плетью хлестнул, офицер.

Кляня все на свете, Петрок задом подался к истопке, тихонько отворил дверь. У оконца, полная напряженного внимания, стояла Степанида.

– Пропала скрипочка, – сокрушенно сказал Петрок. – И что за холера на них напала?

Астряслось, наверное, что-то скверное, подумал Петрок, услышав во дворе резкую команду, и в оконце стало видать, как они начали строиться – в две шеренги, с винтовками в руках. Все стали в строй – и фельдфебель и Карла, – перед строем остался лишь офицер, и рядом, прижав к бокам руки, с убитым видом вытянулся повар. Его белая куртка также была подпоясана ремнем, обвисшим от тяжести двух подсумков по обе стороны от пряжки. Уронив голову, повар неподвижно смотрел перед собой в мураву, и только, когда офицер что-то рыкнул, тот поднял узкое, болезненное, испитое лицо и сдержанно ответил двумя словами. Офицер тут же коротко, без размаха смазал его по щеке, немец пошатнулся, но не соступил с места и даже не поднял руки, чтобы защититься.

– Степанида, Степанида! Глянь! – почти испуганно заговорил Петрок. – Вот диво!

Степанида, однако, зябко кутаясь в ватник, села на сенник, а Петрок, словно там шло интересное кино, смотрел сквозь оконце во двор. Немцы понуро молчали, молчал и побитый повар, который также стал в конце строя, а офицер, заложив за спину руки в перчатках, ходил перед ними и что-то говорил отрывистым голосом. Скажет, помолчит, сделает три шага, остановится, снова скажет и снова молчит. Судя по мрачным выражениям солдатских лиц, говорил он не слишком веселое, наверно, отчитывал. Петрок догадывался, там что-то случилось, и, кажется, провинился повар. Вообще это было интересно, но Петрок начал немного опасаться, как бы это лихо не перекинулось и на него со Степанидой. Все, пожалуй, зависело от офицера.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Петрок уже знал точно, что самый старший здесь этот офицер и что хорошего ждать от него не приходится, а на плохое, судя по всему, он всегда готов.

Но вот нотации во дворе окончились, строй рассыпался, некоторые из немцев начали закуривать, а остальные пошли к машине. Уж не выберутся ли они совсем, с надеждой подумал Петрок. Но, пожалуй, выбираться им было рано. Во дворе еще оставалась серая палатка, кухня, офицер чего-то помахал руками перед фельдфебелем, и тот вдруг покотился к приступкам. Сердце у Петрока екнуло: не сюда ли, в истопку?

Он не ошибся. Дверь истопки широко растворилась, и фельдфебель, словно собачонку, поманил его пальцем с порога.

– Ком! Ком-ком...

– я?

– я, я. Ты, – подтвердил фельдфебель.

Петрок поправил на голове кепку и пошел за ним через сени во двор. Солдаты уже садились в машину, один за другим по очереди взбирались через задний борт, офицер стоял у раскрытой дверцы кабины. Сквозь дыру-проломину в изгороди фельдфебель пролез в огород и, растапывая бураки на грядке, мелко засеменял в дальний конец огорода. Петрок недоуменно тащился следом.

– Клозет ни хт? – спросил фельдфебель, вдруг остановившись.

– Кого? – не понял Петрок.

– Клозет ни хт? Ферштейн? клозет, клозет? – добивался фельдфебель, но, видно, поняв безуспешность своей попытки, суетливо опустил на корточки и произнес четко: – А-а-а...

– А! – понял Петрок. – Это самое?

– Его самое, – повторил немец. – Делайт!

– Так это... Если кому надо, так...

Петрок хотел подробнее разъяснить этот деликатный вопрос, показать на хлев, который теперь пустовал без надобности. Но фельдфебель не стал его слушать, а коротенькими ногами отмерил три широких шага у зарослей смородины под тыном.

– Официрклозет! – объявил он решительно. – Драй час врэмя. Ферштейн? Понятие?

– Так, понятно, – не совсем уверенно сказал Петрок.

Что ж, это было не самое худшее – выкопать им клозет, Петрок даже обрадовался, что все обошлось таким простым образом. А он уже думал... Он даже испугался, как бы эта ямка не стала его последним пристанищем.

Он вернулся во двор и на дровоколье вытащил из-под досок старую, заржавелую лопату. Копать ею было не очень удобно, но за три часа, может, и выкопает. Надо выкопать, потому черт их знает, что его ждет, если не управится вовремя.

Машина, слышно было, уже заурчала мотором, наверно, все там уселись. Петрок, чтобы убедиться, украдкой выглянул из-за угла поленицы. Двор почти опустел; разрывая огромными колесами огородную землю, машина разворачивалась под липой. Возле кухни остался один Карла, и рядом на скамье под тыном устраивалась чистить картошку Степанида. Ну, конечно, всем дали работу, подумал Петрок, заметив перед женой полмешка картошки, видно, набранной у него в сенах. Все отдаляясь, машина с урчанием поползла к дороге, и Петрок с лопатой вышел во двор, испытывая в душе маленькое облегчение оттого, что хоть на время избавился от своих постояльцев. Но рано порадовался – между палаткой и окнами хаты с холодным выражением на молодом прыщеватом лице стоял немец с винтовкой, над которой торчал блестящий широкий штык. Ну вот, поставили часового, догадался Петрок, тотчас возвращаясь к привычному состоянию унылой озабоченности. Конечно, радости тут не дождешься, подумал он, направляясь через двор в огород, и услышал голос Карлы от кухни:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Фатэр, ком!

Карла стоял над большим белым чаном и, когда Петрок подошел ближе, приподнял крышку, в чане было мясо. Конечно же, Бобовкино мясо. Ухватив увесистый кусок, сначала поднес его Степаниде. Та, однако, брезгливо покачала головой.

– Не буду.

Тогда Карла повернулся к Петроку, и тот взял из его рук хороший кусок с костью. От мяса исходил вкусный и сытный запах, очень захотелось есть, но Степанида из-под тына с таким презрением взглянула на Петрока, что тот смешался.

– Это... Может, потом, пан Карла? Знаете, мне бы лучше это самое... Прикурить.

– Курить! – понял Карла. – Я! Яволь.

Он достал из кармана пачку сигарет, они неторопливо закурили по одной. Петрок жадно затянулся, все еще держа в левой руке кусок мяса.

– Я это... подожду. Ну, потом чтоб, – показал он на мясо и на истопку.

– Я, я, – согласился Карла.

Петрок быстренько подался к сенцам, но тут от палатки решительно шагнул часовой.

– Хальт! Ферботэн!

– Что?

– Хальт! Цурюк! – металлическим голосом гаркнул тот, ловко перегородив путь к порогу. Его молодое лицо было каменным.

«Ох ты, горе! – подумал Петрок. – Уж и в хату не пускают. Как тут жить?» Но так: не пускали даже в истопку. Петрок потоптался во дворе, докурил до ногтей Карлову сигарету. Карла, изредка поглядывая на него ничего не выражающим взглядом, начал хлопотать возле кухни. У тына чистила картошку Степанида. Наверно, чтобы не видеть никого во дворе, она повернулась к кухне спиной.

Что поделаешь, Петрок с сожалением положил кусок на металлическую крышку чана и пошел в огород. Надо было копать офицерский клозет.

Копать сначала было легко, лопата без труда лезла в мягкий огородный перегной, который Петрок понемногу отбрасывал к тыну. Но потом земля стала тверже, пошла глина, тут надо было долбить да еще неудобно выкручиваться с лопатой в узкой тесной ямке. Хотя погода с утра выдалась холодноватой и ветреной, Петрок быстро согрелся, расстегнул колушок. Он выкопал только до колена, а уже устал и почувствовал, что так можно и опоздать. Верно, прошла половина, если не больше, отпущенного ему срока. Взмокрела спина под колушком, и, чтобы немного передохнуть, Петрок присел на край ямы.

В это время он и услышал голоса во дворе. Они показались ему знакомыми. Петрок оглянулся. Из-за хаты по бурачным грядкам к нему широко шагал Гуж в испачканных грязью сапогах, с винтовкой на плече. Белая мятая повязка сползла ниже локтя на рукаве все той же рыжей кожаной куртки. «Что за напасть!» – недобро подумал Петрок, уже чувствуя приближение новой беды. Полицай подошел к разрытой земле и сбросил с плеча винтовку.

– Копаем? – не здороваясь, сказал он.

– Да вот... Как видишь...

– Не то копаешь.

– Что скажут. Мы теперь, знаешь, все по приказу.

– Так вот тебе мой приказ: пойдешь на картошку. В Выселки. Уже всех выгнал, одни вы с бабой остались.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

«Вот еще новость! – подумал Петрок. – Чтоб вас с вашей картошкой!» Идти на эту стужу, не поев, на весь день в поле Петроку совсем не хотелось, но он не знал, как отказаться.

– А может бы, нас освободили? Га? Здоровычко, знаешь, того... В боку крутит, так это...

– Ну, ну мне! – строго перебил его Гуж. – Крутит ему! Вот не выберем картошку, тогда немцы голову открутят. Приказали: выбрать до последней картофелины и отвезти на станцию. Срок – до воскресенья.

– Так это... Разве помоложе нет? – заволновался Петрок. – Баб, девок. Я ведь шестьдесят лет имею...

– Давай, давай! – нетерпеливо пристукнул прикладом по земле Гуж. – Без разговоров.

Немного помедлив, Петрок начал вылезать из недокопанной ямы. Очень ему не хотелось идти неизвестно куда, на выселковское поле, но, наверно, придется. Эти тем более не отцепятся. Эти найдут тебя под землей, вытащат и заставят делать все, что им прикажут немцы.

Захватив лопату, он покорно пошел за полицаем к хате, чувствуя, как ноет натруженная поясница, и вдруг подумал: а может, так будет и лучше – подальше от этой истоптанной, разграбленной усадьбы, во чистое поле. Там хоть среди своих, без этих понуканий да издевательств. Как и всегда, он уже пытался найти какие-то преимущества в новом положении, потому что как же иначе жить, если не приспособливаться к обстоятельствам? Так, как хочется, все равно не будет, это он знал определенно.

Они пролезли через дыру в изгороди и очутились во дворе, где уже густо дымила кухня, из котла клубами валил пар. Карла помешивал там что-то, а Степанида по-прежнему с молчаливой сосредоточенностью чистила возле тына картошку.

– Ну, активистка, ты долго там? – нетерпеливо гаркнул на нее Гуж.

– Не погоняй, не запряжена, – спокойно ответила Степанида, с силой бросив в ведро очищенную картофелину.

– Я не погоняю, а приказываю. Берите корзины и марш оба за мной!

– А где я их возьму?

– Дома возьми! Поди, есть же в сенях корзины?

– А кто меня туда пустит?

– Как кто? А часовой что, не пустит?... Эй, приятель! – другим тоном, гораздо мягче обратился Гуж к часовому. – Дай я погляжу. Корзина нужна. Понимаешь, корзина!

– Цурюк! – гаркнул часовой и скинул с плеча винтовку.

«Вот хорошо! – молча порадовался Петрок. – Вот так тебе и надо: цурюк! А ты думал?» И он почти с симпатией посмотрел на этого тупорылого часового, который так кстати осадил гонористого полицая.

– Ах ты, черт! – озабоченно крутанулся Гуж. – Ну, мешок бери, какое-нибудь ведро...

– Где я возьму ведро? Это же ихнее.

«Да, Степаниду голыми руками не схватишь! – может, впервые за много лет с восхищением подумал о жене Петрок. – Если уж заупрямится, так поскачешь. И я тут тебе не помощник. Заставь, если сумеешь!»

За разговорами во дворе они не сразу услышали, как огромная немецкая машина

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru свернула с большака и подкатила к воротам. Она еще не остановилась, а из кабины поспешно вывалился колобок-фельдфебель, на его раскрасневшемся лице было какое-то оживление, доброе или нет, сразу трудно было и понять.

– Вас ист дас? – гаркнул фельдфебель, останавливаясь перед Гужом. Тот неуклюже попробовал взять под козырек, но ему все испортила винтовка, ремень которой неловко соскользнул с кожаного плеча и повис на локте. – Вас ист дас? Что есть это? – совсем уже зло повторил фельдфебель. Подбоченясь одной рукой, он так и стоял, маленький и круглый, перед неуклюжим длинноруким Гужом.

– Приказ на картошку, пан офицер. На картошку! – уточнил Гуж. – Чтоб выбрали до воскресенья.

– Вас ист дас? – не принимая объяснения, разъяренно взвизгнул фельдфебель и подступил на шаг к полицаяу.

– Я же говорю, пан офицер, приказано всем на картошку. Пан бургомистр...

– Вас ист дас? – добивался фельдфебель, и Гуж на этот раз проглотил все слова. Вытянувшись и вытаращив глаза, он молча стоял перед немцем, который вдруг встрепенулся и как-то очень ловко снизу вверх ударил его два раза – по одной и по другой щеке. Полицай отшатнулся с винтовкой, облаписто прижал ее к боку, растерянно моргая глазами, верно, в ожидании новых оплеух. Но фельдфебель больше не бил, вместо того ткнул коротеньким пальчиком в ворота. – Вэк!

И когда Гуж то ли испуганно, то ли с облегчением подался со двора, фельдфебель презрительно процедил сквозь зубы:

– Ванюшти полицайшвайн...

– Ага, правильно вы его. Нехороший человек, – не удержался Петрок, весьма довольный таким оборотом дела. Он весь затрясся от радости, но фельдфебель как-то странно взглянул на старика, будто впервые увидел его тут, и недобро сощурил глаза.

– Официрклозет фертиг?

– Га?

– Там готоф? – указал он на огород.

– Так где же готов, когда этот приперся, – спохватился Петрок, догадавшись, о чем спрашивает немец. Но тут же он замолчал, заметив, как фельдфебель украдкой заходит сбоку, и прежде, чем он что-либо понял, острая боль от удара сапогом в зад заставила его отскочить на три шага к ограде. «О божечка мой!» – только успел подумать Петрок и как ошпаренный вылетел через дыру в огород.

Глава одиннадцатая

Степанида сама не знала, как пережила тот страшный предутренний час, когда немцы трясли усадьбу, переворачивали всю утварь. То, что ночью никто ее не заметил, было уже ясно, но оттого не становилось легче, думалось разное. Опять же винтовка пропала именно здесь, на хуторе, и этого, наверно, было достаточно, чтобы жестоко расправиться с хозяевами. Странно, как это вчерашней ночью, охваченная неодолимой жадой мести, она не подумала о том. Зато под утро от этих мыслей ей стало страшно.

Но пока все обошлось, немцы вымелись на работу, при кухне остался один только Карла, и ей приказали ему помогать: сначала чистить картошку (три полных ведра), потом перемыть две дюжины плоских котелков с крышками; еще Карла заставил ее оттереть песком два закоптелых чана и вдобавок постирать какие-то кухонные тряпки в горячей воде с мылом. Нарочно не торопясь, безо всякой охоты она делала все это, и постепенно, по мере того, как отходила от утреннего испуга, в ней росло беспокойство за поросенка: как он там? Надо было его накормить, а то еще завизжит на всю округу, кто-то наткнется и выпустит или украдет, что тогда в хозяйстве останется?

Но Карла ни на шаг не отпускал ее от кухни, находил разную работу, и она молча,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru безотказно все делала. Обедать немцы на хутор не приезжали, может, вышла какая неуправка с мостом или отработывали за вчерашний праздничный день. Приехали они перед сумерками и сразу обсыпали кухню, все, видно было, усталые, изголодавшиеся и озябшие на ветру. Петрок уже выкопал и обносил тыном офицерский клозет на огороде, а она шмыгнула от кухни к сеням, и часовой отступил в сторону, теперь он позволил ей войти в истопку.

Степанида вошла и затаилась, она опасалась им мозолить глаза, все думалось: а вдруг кто узнает или догадается, что именно она взяла винтовку. Не будь надобности, она бы и не вылезала из этой истопки, где теперь был для нее приют и убежище и где с утра все оставалось развороченным, опрокинутым вверх дном. Петрок еще не вернулся с огорода, и она сама порассовывала по углам кадки, утварь, повесила шмотки на гвозди по стенам. Зябкий осенний день под вечер и совсем испортился, начал моросить дождь, немцы не слишком разгуливали по двору, а как-то быстро разобрали возле кухни свои котелки с мясом и позабирались в палатку.

Наступил вечер.

Когда во дворе опустело, Степанида собрала в чугунок остатки старой вареной картошки из ушата, немного присыпала ее отрубями, глянула в окошко. Двор и окрестности хутора быстро погружались в ненастные осенние сумерки, возле кухни не было никого, кроме Карлы, который, напялив на голову косой клин пятнистой накидки, наводил там порядок. С чугунком, прикрытым полой ватника, она шагнула из сеней, сразу, однако, наткнувшись на часового – пожилого длинноносого немца в надвинутой на уши мокрой пилотке. Тот стоял у двери под крышей и тотчас вытянул ногу перед порогом.

– Эс ист ферботэн! Нэльзя!

– Нэльзя?.. Вот как...

Она не стала ни просить его, ни уговаривать – из хаты доносились злые слова фельдфебеля, значит, он или офицер приказали часовому не пускать во двор. «Чтоб вы подышали все!» – мысленно сказала она себе и вернулась в истопку.

Она поставила чугунок у порога, села на сенник и просидела так до тех пор, пока в истопку не влез Петрок. От него повеяло студеной мокрядью, хотя Петрок вовсе не казался озябшим или усталым, скорее веселым и довольным.

– Баба, живем! – с необычным для него оживлением заговорил он прямо с порога. – Сделал сортир, ну, этот клозет... Офицер похвалил.

– Может, обругал?

– Нет, похвалил, ей-богу. По плечу так похлопал. Гут, сказал.

– Здорово ты выслужился, – с издевкой сказала Степанида, удивляясь про себя: нашел, чему радоваться.

– Да не выслужился, черт их бери! – переходя на шепот, заговорил Петрок. – А вот подумал, может, скрипку отдадут.

– Не отдадут, – сказала она. – Не затем брали.

– А зачем она им? Играть же не умеют.

– А вдруг и умеют.

– Если бы умели, уже играли бы. Я знаю.

– Ну иди. Проси, – сказала она, думая между тем о другом.

Поросенок, верно, пропадет, просто околеет в такую стужу, если до того не сдохнет с голоду в барсучьей норе. И что делать? Разве попроситься по какой нужде с усадьбы, может, пустили бы? Но какую придумать причину, чтобы поверили, она все не могла сообразить и напряженно думала об этом.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– А и пойду, – набирался решимости Петрок, однако не двигаясь с места.

И тогда она вспомнила о своих недостреленных курах, которые скорее всего куда-нибудь сошли с хутора или, может, разбежались по оврагу. Хлопоча днем возле кухни, она поглядывала украдкой по задворкам, не покажется ли какая. Но не показалась ни одна, куда-то запропастились надолго.

– Попроси там, чтобы пустили курей поискать. Кур, скажи, разогнали вчера, надо собрать.

– А что? Можно. Ну, боже, помилуй!

Не видно было в темноте, но она знала, Петрок перекрестился и нерешительно открыл дверь. Потом не сразу, погодя из сеней послышался тихонький стук в хату, и Степанида заволновалась: черт знает, что сейчас будет? Хотя бы живым вернулся ее Петрок.

Кажется, его впустили в хату, и он пропал там надолго. Она ждала и слушала, но почти ничего не было слышно, кроме редких не наших слов, из которых ничего невозможно было понять. И вдруг тоненько, певуче зазвучала одна струна скрипки, другая и третья, их звуки слаженно слились в мелодию, и она узнала Петрокову руку. На что другое он был не слишком сноровист, но играть на скрипке умел, это она знала. Неужели вернут, с грустной радостью подумала Степанида. Однако Петрок не возвращался, зато из хаты певуче заструилась печальная музыка некогда любимой ее «Купалинки». Степанида слушала-слушала, подавляя в себе что-то жалостливое, что властно овладевало ее чувствами, и не сдержалась. Из глаз выкатились одна за другой несколько слезинок, она быстренько стерла их с лица уголком жесткого платка и снова затаилась слушая. Петрок играл чисто, очень старательно, как когда-то играл на вечеринках в Выселках, Замошье, Гуцах на пару с цимбалистом Лавриком. Когда окончил, там снова заговорили, но скоро притихли, и опять зазвучал новый мотив, песня про Волгу, которую пели перед войной. Слышно было, ему даже подпевали, несуразно фальшивя, на чужом языке. Степанида все слушала, и ее первое невольное очарование музыкой начало уступать место досаде и даже злобе – зачем он им играет? Нашел кого тешить музыкой! Не мог отказаться, что ли? Сказал бы: не умею, не моя скрипка, чужая. А то обрадовался: похвалил офицер за сортир, так, может, теперь найдется ему играть, когда тот будет сидеть там. Ну, пусть только вернется!.. Если в конце концов не заслужит от них еще одного пинка в зад.

Время шло, а с пинками там явно не торопились, наверно, действительно его игра нравилась. Петрок играл долго, после песен взялся за танцы и переиграл им и «Казачка», и «Левониху», и краковяк. Степаниде показалось даже, что там раза два похлопали в ладоши и кто-то сказал «браво», что ли. «Смотри ты! – удивлялась Степанида. – Ну погоди же, я тебе покажу, как угождать этому воронью!»

Может, спустя только час стукнули двери – одна, вторая. Петрок вернулся в истопку и уже с порога сказал тихо, но вполне удовлетворенно:

– Ну, я же говорил...

– Отдали?

– Отдали вот, а ты не верила, – он сунул ей что-то в темноте, и она не сразу нащупала тоненький гриф скрипки.

– А про кур спросил?

– А, про кур... Забыл. Забыл, знаешь. Там, поди, с ними не очень поговоришь.

Коротко размахнувшись, она швырнула скрипку на жернова, та слегка стукнулась о что-то нетвердое и отскочила, тихонько загудев струнами. Петрок ужаснулся:

– Ты что? Ты что это, того?..

– Я не того. Это ты, гляжу, скоро будешь того, – вполголоса, зло заговорила она.

– Приладился, играет. Кому ты играешь, подумал? Может, они детей твоих поубивали. Где твоя дочка? Где сын? Который уже месяц ни весточки, может, в земле уже, а он им играет!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ну а что поделаешь? Сказали! Ну и играл. Зато отдали.

– Отдали! Теперь каждый вечер им играть будешь?

Петрок не успел ответить, как снаружи где-то поблизости от хаты громыхнул очень звучный в ночной тиши выстрел, и сразу там загалдело множество голосов – встревоженно, громко, по-немецки. В хате стукнули двери, все выскочили из нее на темный двор, и тут же опять послышались тревожные крики, и снова два раза подряд грохнули выстрелы. Степанида сидела будто неживая, не понимая, что происходит, куда и в кого там стреляют, как вдруг над хатой и двором вспыхнул слепящий, словно электрический свет; в оконце ударил яркий огненный снап, быстро перебежавший по полу, по кадкам, по Петроку, который, замерев, держал в руках красную скрипку, и вдруг погас на стене под черной потолочной балкой.

– Ракета, – упавшим голосом сказал Петрок. – Что же это делается? Спят...

Она также не знала, что там делается, и, ничего не видя, с ужасом прислушивалась к загадочной суматохе возле усадьбы. Похоже было, весь этот гвалт смещался за хату, к оврагу, слышен был топот сапог по земле, там же в отдалении бахнуло еще несколько выстрелов. А когда вскоре вспыхнула еще одна ракета, ее дальний свет тусклым неверным отблеском метнулся по ветвям лип к громоздкому верху машины под ними. «Кого они там увидели? – думала в страхе Степанида. – Неужели поросенка? Может, выбрался, прибежал, теперь точно застрелят».

Она уже не могла оставаться на сеннике, стала на коленях к оконцу и всматривалась в темень двора. Потом попыталась выйти, но тут же вернулась к оконцу, решив, что теперь выходить нельзя: чего доброго, еще убьют в темноте. И она вслушивалась в выкрики, недалекую тревожную суету возле оврага или на огороде по ту сторону усадьбы. Там громыхнуло еще несколько выстрелов и послышалась зычная отрывистая команда.

– Боже мой! Что же это? – не в состоянии что-либо понять, спрашивал Петрок.

– Тихо ты! Слушай...

Ну, конечно же, что им еще оставалось, кроме как сидеть и слушать. И вот в этой нескончаемой напряженности, когда там немного притихло, она услышала короткий разговор у крыльца, кто-то обратился к часовому, и она поняла одно только знакомое слово «бандытэн». «Но откуда здесь могут взяться бандиты? – подумала она. – Может, из лесу напали на немцев, если те так яростно бросились к оврагу? Но почему тогда не слышно выстрелов с той стороны, от оврага?..»

– Что будет, что будет? – продолжал сетовать Петрок, и она тихо откликнулась:

– Что будет, то и будет. Не знаешь разве?

– Хоть бы не запалили хутор.

– Могут и запалить, – согласилась Степанида. – Они все могут.

Ей показалось, что кто-то пробежал вдоль стены за истопкой во двор или к палатке, там снова послышались голоса, но в этот раз сдержанные, и прибежавший, громко топая по земле, снова скрылся. Выстрелов не было слышно, хотя еще несколько раз засветили ракеты, их дальний скользкий отсвет ненадолго разогнал мрак во дворе и в истопке. Она увидела белое, словно полотно, Петроково лицо, в руках тот держал ненужную теперь скрипку, вроде не зная, куда с нею деваться.

– Идут!!

Петрок весь напрягся в темноте, она почти физически ощутила это, а потом уже и до ее слуха донесся далековатый еще разговор, возбужденные голоса немцев. Голоса приближались – группа или, может, все вместе они возвращались в усадьбу. Да, возвращались – голоса стали явственнее, временами их перебивал один погромче, может быть, голос фельдфебеля, подумала Степанида и снова прислушалась. Нет, это был другой голос, он разъяснял что-то или, возможно, оправдывался.

Вскоре по стежке за истопкой и на дровоколье затопали тяжелые шаги, по двору

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru метнулось несколько лучей фонариков, которыми немцы освещали себе дорогу. Они ввалились во двор, кажется, всей оравой, остановились посередине. Кто-то вбежал в хату («Лихт, лихт!»), и в окне засияла электрическая лампочка – включили свет.

Степанида стояла возле оконца, уже ясно сознавая, что сейчас обнаружится что-то очень неприятное для нее, но того, что оказалось на деле, она не предвидела. Сквозь старое грязное стекло оконца не много было видно в ночной мгле двора, разве только то, что высвечивалось электричеством из хаты. Она увидела, как немцы приволокли и бросили на траву что-то тяжелое, а сами столпились вокруг, оживленно разговаривая между собой. Одни смеялись, другие возбужденно что-то выкрикивали. Из-за их спин и пилоток видна была в середине только высокая фуражка офицера в блестящем плаще. Фонарик бросал светлое пятно у ног на землю.

– Кого-то убили, – сказала она Петроку, который пристроился рядом, заглядывая в оконце. Но не успел тот что-либо увидеть, как в сенях раздался грохот, слабый лучик фонарика метнулся по истопке, ослепил их на сеннике под оконцем.

– фатэр, ком! Смотрель айн бандит! Опознаваль айн бандит, – сказал, тут же поправив себя, фельдфебель.

Перекрестившись на ходу, Петрок подался к двери, Степанида осталась в темноте и уже не смотрела в оконце. Она будто вся окаменела, стоя на середине истопки, уже зная, что произошло страшное, и, как приговора, ждала подтверждения своей догадки.

Когда вскоре Петрок вернулся, Степанида не спросила у него – кто. Она была бы благодарна Петроку, если бы тот вообще ничего не сказал, просто помолчал до утра. Но Петрок был не таков, чтобы долго молчать о главном, и, едва прикрыв за собой дверь, сообщил испуганным шепотом:

– Янку убили!

Почувствовав, будто рухнула куда-то во тьму, Степанида молчала, сердце ее болезненно защемило, а Петрок, видно, понял это ее молчание как невысказанный вопрос к нему и поспешил уточнить:

– Ну, того пастушонка. С Выселок.

Чтобы в самом деле не упасть, она руками нащупала край сенника и медленно опустилась на него.

Сознание ее и вправду словно провалилось куда-то из этой истопки и этой страшной ночи, она перестала ощущать себя в этом суматошном мире, который все суживался вокруг нее, уменьшался, чтобы вскоре захлопнуться западней. Она знала, ее конец близился скоро и неумолимо, и думала только: за что? Что она сделала не так, против бога и совести, почему такая кара обрушилась на нее, на людей? Почему в эту и без того трудную жизнь вторглись эти пришельцы и все перевернули вверх дном, лишив человека даже маленькой надежды на будущее?!

Почему и за что, непрестанно спрашивала она себя, не находя ответа, и мысли ее обращались вспять, в глубину прожитого. За стеной во дворе понемногу утихало, переставали топтать грубые солдатские сапоги, временами доносились немецкие фразы, но она не слушала эти постылые чужие слова, душевно успокаиваясь, она уже видела другое время и слышала в нем другие голоса людей, сопровождавших ее всю жизнь. Может, только в них и было теперь утешение, если в этом мире еще оставалось место для какого-нибудь утешения...

Глава двенадцатая

На хуторе в тот день не обедали: Степанида ждала из школы детей. Петрока с утра не было дома – на рассвете повез с мужиками самообложение на станцию, вернуться должен был ночью. Как раз сделалось очень скользко – дня три до того была оттепель, на дворе все плыло, с неба сеялся мелкий дождик, а утром ударил мороз, – поле, дорога, деревья покрылись ледяной коркой; один сук на липе не выдержал, обломился и обледенелыми ветвями завис над снегом. Сквозь оттаявшее окно Степанида увидела за этим суком человека в поле, который то быстро бежал по дороге из Выселок, то приостанавливался и ровно скользил по санной колее, размахивая длинными рукавами зипуна. Когда человек перебежал большак и

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru направился к хутору, Степанида признала в нем выселковского подростка Потапку. Потапка – переросток, в школу зимой он не ходил: не было обуви – и целыми днями сидел на скамейке в хате, половину которой занимал сельсовет, всегда, разинув рот, слушал, о чем говорили мужчины. Если случалась надобность кого-либо позвать, сельсоветский председатель, одноглазый Левон Богатка посылал Потапку. Подросток не слишком охотно, но шел или бежал, куда посылали, и, вернувшись, снова присаживался у порога, полный внимания ко всему, о чем говорили старшие.

Недолго поглядев в окно, Степанида отставила в угол прялку, поправила платок. Было уже ясно, что Потапка бежит на хутор не так себе, что у него какая-то надобность. Последнее время в Выселках едва ли не каждый вечер собирались сходки, с крещения деревенские активисты и приезжие уполномоченные из района старались сагитировать мужиков в колхоз. Да впустую. Позавчера просидели всю ночь, спорили и ругались, разошлись, когда уже занялся рассвет, а в колхоз записалось всего шесть хозяйств.

Глядя на Потапку, Степанида подумала, что, верно, и теперь тот бежит оповестить о собрании. Значит, ликбеза сегодня не будет. Она немного пожалела об этом, потому что сегодня, как никогда раньше, удачно исписала страничку в тетрадке, и слова, может быть, первый раз за зиму, получились довольно аккуратные, почти все ровненькие, вероятно, в школе ее похвалили бы. Прошлый раз учительница упрекнула за небрежность – было темновато, писала, когда улеглись дети, в коптилке кончался керосин, а Петрок все ворчал за печью, что не вовремя прирастала к грамоте, надо ложиться спать. Теперь же, оставшись одна в хате, она села за прибранный стол и неторопливо вывела: «Мы строим машины, мы строим колхозы». Но, пожалуй, сегодня занятий не будет.

Тем временем в сенях стукнула дверь, и, не отряхивая ног, в хату ввалился Потапка – рослый бледнолицый подросток, подпоясанный веревкой по заплатанному, с чужого плеча зипуну. Не поздоровавшись, прежде шморгнул раза два покрасневшим простуженным носом и прогугнявил:

– Тетка, там Левон кличет.

– А что, сходка?

– Не, не сходка. Комбед будет.

– Теперь?

– Ну.

– Соберусь, приду, – сказала Степанида, слегка озадаченная этим сообщением. С осени комбед не собирался, говорили, что будут выбирать новый. Но вот, видно, нашлась какая-то надобность в старом.

Потап еще раз шморгнул носом, поправил на голове перекрученную овчинную шапку и вылез в дверь. Прежде чем закрыть ее, стукнул о порог каблуками больших сапог, и Степанида узнала – это были Леоновы сапоги. Сам Левон теперь, наверно, подальше залез за стол в сельсовете, подобрав под скамейку ноги, чтобы никто из проходящих не увидел председателя босым. Но с обувью и на хуторе было не лучше, просто беда с этой обувью: ни себе, ни детям ни купить, ни шить. На всю семью одни заплатанные валенки, которые сегодня утром надел в дорогу Петрок, и ей теперь приходилось обувать лапти-чуни. Правда, о себе она не слишком заботилась, шла же не в церковь, а коли уж заседание комитета бедноты, то чего там стесняться. Лишь бы тепло было ногам.

Она быстро собралась, надела поновее шерстяную юбку, завязала свежий, белый в крапинку платочек, аккуратнее перевязала на ногах лапти. Ни к чему стараться над нарядом: не молодая, хотя здоровьем бог не обидел, все же сорок лет – бабий век, не то что двадцать. Сняла с гвоздя у порога главное свое убранство – украшенный спереди вышивкой, хотя и не новый, но аккуратный и теплый полушубочек, пригодный на любой выход. Хату она не закрывала, скоро должны были вернуться из школы дети, может, она еще встретит их по дороге. Школа была недалеко, все в тех же Выселках, куда вела узенькая санная дорожка от хутора. Степанида шла и поглядывала вперед, не покажутся ли ее двое малых: фенечка ходила в третий класс, а Федя во второй. Но детей не было видно, а дорога была очень скользкая, просто стекло. Чтобы не упасть, Степанида то и дело смотрела под ноги, ступала

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru осторожно и озабоченно думала: что еще будет там, на комбеде?

Но если звали, то что-то, наверно, будет.

Вчера ночью, под утро, в непроглядном табачном дыму сельсоветской хаты завязалось такое, что, почувствовала она, добром-миром не кончится, обязательно что-нибудь случится. Началось все с напряженной настороженности и мужиков, и уполномоченного, и сельсоветского председателя Левона, пока выбирали президиум, голосовали, утверждали порядок дня – один и тот же теперь с Рождества, – в хате накапливалось, зрело что-то тревожное и даже угрожающее. Когда заговорил уполномоченный из района Космачев, все уронили головы, попрытали глаза, слушали и молчали. Космачев говорил складно, больше упирал на политику и приводил пример, как хорошо зажили колхозники в какой-то деревне под Лепелем: второй год большие урожаи, строят клуб, на поле работает два трактора, приобрели молотилку, жнейки. Довольно им, выселковцам, держаться за узкие шнурки-наделы, влечить бедняцкое существование, раз своя, Советская власть предоставляет такие возможности, идет навстречу беднякам и сознательным середнякам тоже. Вся страна дружно становится на рельсы коллективизации, так к лицу ли им отставать? Космачев говорил рассудительно, взывал к сознательности середняка, который должен выступать в союзе с бедняком против кулаков и подкулачников. Слова подбирал умные, хорошие слова и сам выглядел умным, рассудительным человеком. Он и в самом деле был неглупым руководителем: перед тем как начал работать в районе, несколько лет преподавал историю в школе и, говорили, был толковым учителем. Ему верили. Но одной только веры для выселковцев оказалось мало, нужен был свой наглядный пример. А такого примера, который можно было бы увидеть, поблизости как раз и не было.

Рядом с Космачевым, тяжело навалившись грудью на стол, сидел Левон Богатька с узенькой черной повязкой наискосок через лоб. Левон был свой, выселковский мужик, многодетный, малоземельный и, как она с Петроком, наделенный по бедности двумя десятинами яхимовщинской земли. Глаз Левон потерял на войне, где-то под Вислой, когда схватился на саблях с двумя польскими уланами. Там ему сильно досталось, едва очухался в госпитале и вернулся домой инвалидом – с покалеченной ногой, без глаза и без двух пальцев на правой руке. Складно говорить Левон не умел нисколько, обычно его речь походила на перекачивание валунов в поле, и в делах он больше брал характером, упрямым и неуступчивым. После выступления Космачева кое-как, с большим недобором рук проголосовали за организацию колхоза, а как дело дошло до записи, все остановилось. Левон тогда неуклюже, в кожане поднялся за столом над вконец закоптевшей лампой и сказал, подняв руку:

– Если так, я первый. Пускай! и вызываю последовать Богатька Степаниду.

Мужики будто онемели.

Это было уже что-то новое. В прошлые разы Левон также записывался первым, но следовать примеру не призывал, за ним записывались Степанида, Антось Недосека, демобилизованный красноармеец, безземельный Василь Гончарик, и на этом наступал перерыв. Больше никто не записывался, сидели молча, курили. Снова выступал уполномоченный, матерно ругался Левон за несознательность, и опять понапрасну.

Теперь Степанида встала со скамейки под стеной и сказала, что согласна вступить в колхоз.

– А кого вызываешь последовать примеру? – напряженно уставился на нее одним глазом Левон.

Степанида слегка смешалась. Однако, пока стояла возле скамейки над согнутыми спинами мужиков и оглядывала их вскудлаченные, седые, лысоватые затылки, ссутуленные годами, трудом и этой неожиданной заботой плечи в кожане, поддевках, заплатанных армячках, сообразила: вызвать надо того, кто точно запишется и также вызовет кого-то подходящего для примера. Сначала она хотела назвать Корнилу, который теперь сидел через три человека от нее, тот как раз и глянул в ее сторону как-то боком из-за косматого воротника кожане, но в этом его взгляде она не увидела поддержки, скорее страх, недоброжелательность, и смешалась.

– Ну, вызываю Ладимира Богатьку, – сказала она погодя, даже не обдумав, хорошо это будет или не очень.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Ладимир был человек не самый бедный в деревне, но и не богатый, земли имел, может, на какую десятину больше, чем она с Петроком, с его младшей дочерью Анютой Степанида ходила на ликбез и сидела за одним столом в школе.

Высокий, худощавый, в коротковатой поддевке, Ладимир поднялся со скамьи, дрожащей рукой потрогал усы. С большой неохотой, словно больной, выцедил из себя что-то, что товарищи из президиума поняли как согласие вступить. Потом он с таким же едва преодолеваемым напряжением думал, кого вызвать последовать примеру, и назвал Недосеку Антося. Молодой еще, живой и подвижный Антося тут же согласился и вызвал соседа через улицу Ивана Гужова, которого в деревне звали просто Гужом.

Как-то пошло, тронулось, подумала Степанида и даже порадовалась, что Левон придумал такой удачный способ двинуть колхозное дело. Ведь это так просто: один за другим, цепочкой; по примеру активиста, соседа, свояка. Все же так веселее и надежнее, не то что вылезать, одному с мучительной мыслью: а вдруг другие не захотят, не поддержат и ты окажешься выскочкой и дураком, потому что вряд ли выгадаешь, если поступишь наперекор всей деревне. Все же дело это хотя и заманчивое, если посмотреть вообще, хотя и государственное, умными людьми придуманное, но ведь новое, в здешних местах не виданное, никем не испытанное; кто знает, чем оно обернется. Может, где и обернулось добром, но ведь там и земля, может быть, лучше здешних песков, суглинка и болот, и люди, наверно, более прилежные, не такие, как в Выселках. Кого ни возьми, так если не лодырь, то немощный, а то вот жадный не в меру, то сварливый, нехозяйственный или слишком тупой. Если они и к единоличному хозяйству малоспособные, то какими будут в колхозе? За себя Степанида не очень боялась, она как все, а если шла добровольно первой, так, верно, потому, что в случае неудачи теряла немного – была беднячкой и полною мерой познала нужду на двух десятинах суглинка за большаком под оврагом. С нее уже хватит. Хватит того, что она шесть лет, не щадя себя, надрывалась в батрачках у пана Яхимовского. А что заработала? Хорошо, ей дали хату да две десятины. Как бы жила иначе? С Петроком, таким же, как она, батраком, да двумя нажитыми детьми.

В тот вечер в сельсоветской хате Степанида воспрянула духом: наконец тронулось, пошло, будет колхоз, чего уж цепляться за беспросветную нищету, не пора ли довериться новому? Тем более что советуют умные люди. Она уважала умных людей, особенно тех, которые были из города, из рабочего класса, понимала, уж они на плохое подбивать не станут. Хорошо, что и Петрок особенно не возражал, хотя на собрания ходить перестал, посылал ее и беззлбно ворчал по утрам, когда собирался на ток или к скотине. Но что знал Петрок, который поучился когда-то две зимы в школе, только и умел расписаться, да и то вспотеет, бывало, пока выведет на бумаге нехитрую свою фамилию. Однако порадовалась она раньше времени, хотя давно знала, добром это не кончается. Старый Гуж вызов Недосеки не принял, записаться в колхоз отказался. Так много обещавшая цепочка внезапно порвалась.

Снова выступал Космачев, стучал кулаком по столу Левон, взывал к сознательности, собрание загомонило не в лад и без смысла, в людях словно прорвалось что-то недоброе. Ладимир затеял ссору с Корнилой, едва не подралась. А старый, обросший клочковатой щетиной Гуж сидел, будто перед смертью, прямой и молчаливый, крепко сжав губы, и смотрел в угол, где когда-то висели иконы, а теперь, прибитый по уголкам гвоздями, едва светился сквозь табачный дым бумажный портрет Карла Маркса. Так ничего больше и не удалось. На рассвете по одному разошлись.

Еще с улицы в Выселках Степанида увидела на сельсоветском дворе буланого коника под пестрой попоной, запряженного в аккуратный зеленый возок, и догадалась, что это приехал Новик. С начала зимы тот ездил в этом ладном возке, потому что еще летом перебрался в город и стал работать в окружке. Быстро пошел в гору этот выселковский Богатка, который, став начальником, прежде всего сменил фамилию на Новика, прежняя ему чем-то претила. Он и в детстве был парень смысленый, неплохо учился в школе, а потом на учителя в Витебске, но учителем работать не захотел, подался в руководители. Этот не Космачев, подумала Степанида, поворачивая к сельсовету, этот всех здесь видит насквозь. И не смотри, что местный, а с людьми ведет себя строго, по-начальнически, принципиальный, деловой, говорят, шибко партийный. А вообще-то, думала Степанида, может, теперь таким и следует быть, потому что со здешними людьми иначе нельзя. Если они еще что и признают, так это твердую над собой руку, строгость.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Сельсоветская хата стояла подле самой улицы в середине деревни – длинная низковатая постройка под дранкой с выцветшим полотнищем лозунга через стену, на котором белыми буквами выведено: «Теснее смычку города с деревней!» Сеной при хате не было, открыв двери, вошедший сразу попадал в большое пустоватое помещение, где когда-то с большой семьей жил ныне высланный псаломщик Конон, а теперь квартировала больная колоденчиха с сыном, на вид не то парнем, не то подростком Потапом. Возле порога Степанида слегка отряхнула лапти и открыла дверь, откуда ее обдало теплом нагретой печки, а низом из-под ног шугануло в избу облако стужи. Она торопливо закрыла дверь и остановилась, стараясь прежде всего рассмотреть присутствующих. У стен на скамьях сидели несколько мужчин, под потолком плавали-вихрились сизые космы табачного дыма. Громкий разговор мужчин разом прервался.

– Вот и Богатыка, – сказал из-за стола Левон и умолк.

Она поздоровалась и присела на конце скамейки возле дверей, знала, спрашивать нечего, сейчас и без того все прояснится. Она только сдержанно взглянула на озабоченное, даже чем-то угнетенное лицо председателя, который сидел над какой-то бумагой, перевела взгляд на ладную, подтянутую фигуру Новика, подпоясанную широким военным ремнем по защитного цвета френчу, его щегольские, с высокими голенищами сапоги, в которых он энергично вышагивал между окном и печуркой и, видимо, говорил что-то важное перед ее приходом. Черный жесткий чуб его то и дело спадал на лоб, и Новик, энергично встряхивая головой, откидывал его назад. Возле порога ковырялся в печке Потапка – совал в топку толстые смолистые поленья, пламя от которых приятно гудело в когда-то побеленной, но порядком-таки обшарпанной крестьянскими спинами печке. Рядом со скамьи за ним внимательно наблюдал Недосека, который, как и Степанида, был членом комитета бедноты. Облезлый заплатанный кожушок на нем был широко распахнут, в хате вообще было тепло.

Помолчав, Новик твердо ступил по полу три шага и решительно повернулся к столу.

– Я уже сказал: главная опасность на данном этапе – это правый уклон. Нельзя допустить, чтобы темпы коллективизации замедлились. Тем более сорвались. А у вас именно так: срыв! Головоотяпство! Восемь собраний, и не можете организовать колхоз. Мягкотелость и попустительство классовому врагу. Товарищ председатель, скольких вы раскулачили? – Новик вдруг живо повернулся на каблуках и оказался перед Левонюм. Тот недоуменно поднял свое большое одноглазое лицо с синим шрамом на левой щеке.

– А кого раскулачивать? Гольтыба.

– Ах, гольтыба? Так почему же твоя гольтыба бойкотирует колхозное строительство?

– А потому, что боится. Не знает. Как будет в колхозе, не знает. Не шуточки...

– Как будет, партия сказала. В решениях съезда Советов написано. Или вы не разъясняли?

– Мы разъясняли. Сознательная часть крестьян – за. Но сознательных мало.

– Сознательных мало? – подхватил Новик. – Прежде всего самим надо стать сознательными. А то вы сами – вы же заражены душком уклонизма. Я вот гляжу, частнособственнические тенденции для вас важнее, чем решения партии.

Новик злился, это было видно по его нервным движениям, походке, по тому, как он часто останавливался и бросал Левону обидные слова обвинений. Но и Левона, видно, доняло: покалеченное лицо его багровело все больше, единственный глаз под косматой бровью наливался внутренним гневом, и он не выдержал:

– Ты уклонизмом меня не кори! Я не меньше твоего болею за колхозы. Я кровь проливал за новую жизнь. Тебе хорошо ездить, требовать! А вот сядь на мое место, убеди! Чтобы согласились по своей охоте. Чтобы без нагана, как у некоторых...

Наверно, Новик понял, что так получится не разговор, а ссора, да еще при людях. Он помолчал немного и сел у края стола.

– Ладно. Я вас научу, – сказал он спокойнее. – Где комбед?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Вот Богатка Степанида, сейчас придет Гончарик. Семена не будет, повез зерно на станцию, – преодолевая возбуждение, тише ответил Левон.

– Ну что ж, будет полномочно. Сельсовет, комбед, представитель окружка – будет полномочно. Надо решать. Открывай совместное заседание.

– Это... Совместное заседание считается открытым, – проворчал Левон и смолк.

– Вопрос один: отпор саботажникам колхозного движения, – подсказал Новик. – Пунктом первым предлагаю: раскулачить Гужова Ивана. Как кулацкого подпевалу и саботажника.

Новик решительно пристукнул по ободранной столешнице, взглянул на Степаниду, потом продолжительным взглядом остановился на лице Левона. Левон навалился грудью на стол и затих.

– А по какой статье? – спросил он, помолчав. – У него земли четыре десятины. Самый середняк.

– Знаю, – сказал Новик. – Его надел рядом с нашим. Земли немного, согласен. Но саботажник, сорвал собрание. Срывщик, значит. Когда упрется, ничем не сдвинешь. Уж я его знаю...

Степанида молчала – к такому повороту дела она была не готова. В ее глазах Гуж ничем не отличался от прочих: был не богаче других, разве что проявлял больше усердия в работе, к тому же имел двух сыновей, работников в самой силе, а три мужика в хозяйстве – это тебе не три бабы. Ворочают, ого! Но почему раскулачивать?

– Так он же других не подбивал. Он сам не пошел, при чем же здесь срывщик? Или саботажник? – напряженно рассуждал за столом Левон, переключаясь с места на место бумагу.

– Как вы не понимаете?! – резко повернулся к нему Новик. – Его не сдвинете – не сдвинутся и остальные. На него в деревне всегда оглядывались – авторитет! Вот мы и ударим по этому авторитету! Тогда запоют иначе. Побоятся.

– А хиба это правильно? – набравшись духу, сказала Степанида. – Раскулачивать, которые кулаки. А Гуж – середняк. Нет, я не согласная.

– Ну и руководство! Ну и актив! – возмутился Новик и вскочил от стола. – Головоотяпы вы! Он ведь хуже любого мироеда. Он саботажник! Срывает коллективизацию в Выселках. А Выселки срывают темп в районе. Район – срывщик в округе, вы понимаете, что это такое? За это по головке нас не поглядят. И нас и вас!

– Как хотите, а несправедливо это, – не соглашалась Степанида.

В горле у нее перехватило, и она уже готова была не сдаваться, но Новик вдруг встрепенулся и закричал, будто она оскорбила его:

– Какая справедливость, тетка! У вас мракобесие в голове, отсталое представление о какой-то неклассовой справедливости! А мы должны руководствоваться единственно классовой справедливостью: никакой пощады врагу! Тот, кто стоит у нас на пути, – враг, и мы ему ломаем хребет. Иначе нам не видать новой жизни. Нас самих сотрут в порошок. У вас капитулянтские правоуклонистские взгляды, которые надо беспощадно искоренять!

Степанида молчала, подумав, может, и так, может, этот Новик и прав. Конечно, он умный, образованный, не то что она – ходит во второй класс ликбеза. Но Степанида как представила себе это раскулачивание, так ей стало муторно. Что было делать?

– Как я скажу нашим деревенским? – мучительно ерзал за столом Левон. – Что саботажник? Поймут разве? Нет, не поймут. Потому что и сам не понимаю, – говорил он, все переключаясь на столе бумажку – то ближе, то дальше, то по одну сторону от себя, то по другую.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru В это время размашисто растворилась дверь и с улицы в хату вскочил рослый парень в шинели с яркими малиновыми петлицами на воротнике, снял с головы островерхий шлем с широкой звездой спереди. Выглядел он усталым, запыхавшимся, видно, от спешки, а глаза светились живостью и удовлетворением от переполнявшей его молодой силы, нерастраченной душевной щедрости.

– Опаздываешь, Гончарик, – мрачно упрекнул Левон. – Давно ждем...

– Только прибежал из местечка, мать говорит: комбед.

Василь Гончарик сначала поздоровался за руку с Новиком, потом с Левоном, Недосекой, тронул плечо Потапа, пожал холодноватыми пальцами руку Степаниде.

– Я возле вас, тетка.

– Садись, – слегка подвинулась Степанида. Ей было не до Гончарика – большая тревога охватила ее душу.

– О чем разговор? – спросил Гончарик, все еще усмехаясь, с симпатичными ямочками на раскрасневшихся щеках. Он только осенью вернулся из армии, отслужив действительную на Дальнем Востоке, теперь собирался жениться. На его вопрос никто не ответил, все озабоченно насупились, и он, что-то почувствовав, также согнал с лица милую усмешку. Степанида шепнула:

– Гужа раскулачивать...

– Вон что!

– Да, раскулачивать! – снова вскричал Новик. – И нечего рассусоливать. Колхоз под угрозой срыва. А Гуж... Наемный труд был? – вдруг спросил Новик и насторожился в ожидании ответа.

– Какой там наемный! – сказал, будто отмахнулся, Левон.

Но в это время у печки зашевелился на скамье Антось Недосека.

– А это... Как тристен ставил. Нанимал, ага. Из Загрязья. Еще за деньги ругались.

– Видишь?! – оживился Новик, пригнувшись перед Левоном. – Было?

– Так мало ли... Строил тристен! Оно, если так...

– Не так, все правильно. Наемная рабочая сила – первый признак эксплуататора. Это неважно, что мало земли.

– И это... Жать помогали, – обрадовавшись своей сообразительности, продолжал Недосека. – Нанимал или за так, не знаю. Но помогали. Портнова дочка Маруся жала.

– Тем более! – Новик сел на прежнее место у стола. – Все ясно. Давай ставь на голосование.

Степанида так заволновалась, что не замечала, как уже который раз расстегнула полушубок и снова начала застегивать его. Понимала, Новик говорил правильно: этот Гуж уперся, не сдвинуть, а на него оглядываются другие, может, и была наемная сила – на стройке или в жатву, но все же... Нет, не могла она переступить через свою жалость даже ради громадных классовых интересов. И не знала, что делать.

– Что ж, – понурившись, пробурчал за столом Левон. – Если так, проголосуем. Кто, значит, чтобы не раскулачивать, оставить...

– Не так! – спохватился Новик. – Неправильно! Кто за то, чтобы Гужова Ивана раскулачить, поднять руки, – объявил он и высоко поднял свою руку.

Возле печки охотно поднял руку Антось. (Потап Колонденко, стоя на коленях у топки, оглянулся с раскрытым ртом, как на что-то очень любопытное, смотрел на

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru голосование.) Степанида, пряча глаза, скосила взгляд в сторону стола, чтобы увидеть, как поступит Левон. Тот, однако, еще больше навалился грудью на стол, а руки не поднял.

– Два всего, – недовольно сказал Новик и опустил руку. – Кто против раскулачивания?

Не поднимая головы от стола, двинул в воздухе кистью Левон, и Степанида также немного приподняла руку.

– Два на два, значит! – разочарованно объявил Новик. – Дела! А ты, Гончарик? – вдруг уставился он в Василя, и Степанида сообразила, что парень не голосовал ни в первый, ни во второй раз.

– Я воздержался, – просто сказал Василь.

– Как это воздержался? – встрепенулся Новик и вскочил со скамьи. – Как это воздержался? Ты комсомолец, демобилизованный красноармеец? Собираешься служить в красной милиции и воздерживаешься от острой классовой борьбы? Так что же ты, сознательно играешь на руку классовому врагу? – гневно кричал он, все ближе подступая к Василю. Тот беспомощно заморгал красивыми, словно у девушки, глазами.

– А если я не разобрался!

– Разбирайся! Дело коллективизации под угрозой срыва. А он не разобрался! Три минуты тебе на размышление, и чтобы определился: кто? За колхозную политику или против колхозной политики? Определи свое политическое лицо.

Степанида поняла: сейчас что-то решится. От Василева голоса будет зависеть судьба Гужовых, а может, и всего их колхоза.

Действительно, Василь думал не более трех минут, что-то прикидывал, нагнув лицо к полу, и его пальцы на колене в синем галифе легонько подрагивали. Новик, стоя напротив, ждал.

– Ну?

– Так, хорошо. Я – за, – решил Гончарик и выпрямился.

Новик круто повернулся к Левону.

– Все! Принято! Большинство голосов. Оформить в протокол. Гужов Иван подлежит раскулачиванию.

Глава тринадцатая

Если бы дано было человеку хоть немного заглянуть вперед, увидеть уготованное ему, но пока скрытое за пластами времени, то, что со всей очевидностью откроется в наплыве грядущих дней. Где там! Не может человек узнать ничего из своего будущего и, бывает, радуется тому, что вскоре обернется причиной горя, а то горько плачет над тем, что потом вызовет разве что усмешку.

Степанида в тот вечер все же не миновала ликбеза и хотя не похвалилась аккуратно написанными строчками (не было времени бежать за тетрадкой на хутор), зато хорошо прочитала заданное, только один раз сбившись на слове, которое теперь чаще других звучало в людских устах. «Коллективизация, – поправила Роза Яковлевна, их учительница на ликбезе, и повторила: – Коллективизация! Запомните все, как правильно произносится это слово».

Уж, конечно, запомнила она и все другие, кто был в тот вечер в нетопленной школе – парни да мужики, что собрались на ликбез, и среди них только две женщины, Степанида Богатька и Анна Богатька, или, как ее звали в деревне, Анята. Нет, не родня, чужие, просто в Выселках полдеревни были Богатьки, а другая половина Недосеки, Гужовы, небольшая семья Гончариков. К полуночи, когда окончились занятия, они вдвоем вышли из школы и неторопливо пошли в конец Выселок.

Анята весь вечер была невеселой и, читая, делала ошибки. Степанида даже

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru подсказывала ей дважды: «Да працы усе, хто чуе сілу, пад сцяг чырвоны, вольны сцяг», – а та все равно не могла запомнить. Что-то происходило с ней непонятное. Правда, Степанида не имела такой привычки – лезть с расспросами в чужую душу, хватало собственных забот. Однако Анята сама не удержалась:

– Знаешь, теточка, радость же у меня. А вот нерадостно.

– Отчего же нерадостно, когда радость? – удивилась Степанида.

Они шли узкой, укатанной санями улицей, вверху над крышами глядела всем своим круглым ликом луна, густо роились звезды, крепкий мороз пощипывал щеки. Степанида спрятала пальцы в рукава колушка, сцепив на животе руки. Но было очень скользко, шли мелкими неверными шажками. Чтобы не упасть, Анята взяла Степаниду за локоть.

– Договорились с Василем Гончариком на Восьмое марта пожениться. Вчера приходил к нам, с батькой советовался.

– Ну, так в чем же дело?! – сказала Степанида. – Вася – парень хороший. Говорят, милиционером будет работать?

– Будет, ага. Он такой умный, ласковый...

– Любишь его?

– Ой, теточка, не знаю как! Уж очень люблю.

– Ну и хорошо. Чего же печалиться. Радоваться надо.

– Так я бы и радовалась. Но венчаться не хочет.

– Не беда, что не хочет! Теперь ведь устраивают комсомольские свадьбы, без попа. В сельсовете запишутся, повыступают, и все.

– Так я ничего... Но отец! – вздохнула Анята. – Отец не хочет так, без попа. Говорит, несчастливо выйдет. А я же не хочу, чтоб несчастливо. Я ведь столько счастья желаю ему, если бы ты только знала, теточка...

– Ай, не слушай ты, Анята. От попа счастья немного. Раньше, бывало, все в церкви венчались, но разве все счастливо жили? О-ей! А теперь что там отец! Как вы захотите, так и будет.

– Оно так. Но все же...

Анята смолкла, отдавшись своей печали, и Степанида подумала: как не ко времени! Еще не вышла замуж, а уже печаль-кручина, уже сохнет девка. Конечно, Анята не из тех невест, которым лишь бы повернуть по-своему, лишь бы окрутить жениха. Ей еще надо, чтобы и другим возле нее было хорошо, чтобы отец с матерью были довольны, чтобы все обошлось достойно. Но разве Гончарик согласится венчаться в церкви или, как прежде, справлять свадьбу со сватами и сватьями, шаферами, дружками, выпивкой и целованием? Верно же, не к лицу комсомольцу такое.

– Теточка, может, ты пришла бы как-нибудь, попросила отца. Он ведь тебя послушает, – вдруг остановилась Анята. В ее тоненьком голосе было столько печали и одновременно столько надежды, что Степанида быстренько согласилась:

– Ну хорошо. Скажи когда...

У околицы они разошлись. Анята повернула на стезжку к своему двору, а Степанида пошла по дороге дальше – с пригорка вниз, через большак, к хутору. Она думала, что независимо от ее разговора с Ладимиром будет так, как решат молодые. Теперь наступает их время. Это не то что при старом режиме, когда без родителей молодые не могли решить ничего, а родители твердо держались давних, дедовских законов, нарушать которые никто не отваживался. Но прежнее рушилось до основания, к добру или нет, кто знает. Может, и пожалеют потом, но нынче ходу назад не было – только вперед и вперед, как поется в песне.

Вокруг расстилалась притуманенная белизна поля, небо наполнилось сияющим миганием

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru звезд, видно было далеко – широкий снежный простор с большаком, ровной чертой прорезавшим ее путь. В дали этого простора у мрачной стены приовражных зарослей на Голгофе темнели постройки ее Яхимовщины, хутора, ставшего ее судьбой. И кто бы мог думать? Когда-то молодой девушкой она пошла туда наниматься на жатву к неизвестному хозяину, в незнакомую усадьбу, а теперь вот бежит туда как в свое единственное пристанище. Вот как повернулась жизнь. Как в сказке! Степанида не цеплялась за старое – в старом у нее вряд ли нашлось бы полгода сносной человеческой жизни, всегда давила работа, а еще раньше сиротство, нищета и бесправие. Сколько лет пробатрачила она у пана Жулеги и старого шляхтича Яхимовского, трудилась на чужой земле, потому как своей не имела. Кто хоть раз попробовал хлеба из милости, из чужих рук, тот до конца своих дней не забудет, что такое чужая земля. Правда, после революции все круто изменилось, повернулось к таким, как она, другой стороной: Жулега убежал в Варшаву, завершил свой путь на земле старик Яхимовский, и она с Петроком получила от новой власти две десятины хуторской земли. Сначала зажили, и неплохо, вволю наелись своего, а не панского хлеба, обзавелись скотиной, лошадью. Петрок, который в неимущей отцовской семье был ненятым батраком, так отдался хозяйничанию на своей земле, что она испугалась за его здоровье. Но своя земля требовала, и он усердствовал в любой работе: пахал, мельчил комья, удобрял каждый клочок почвы, потом сам косил, свозил и снова пахал, сеял, бороновал. Их молодая кобылка пала первой же весной, это было большое горе, которым они нагоревались вдосталь, пока не нажили новую лошадь. Но тут свалилась беда на Петрока. Когда родилась Феня, Степанида не убереглась со здоровьем, и он вынужден был один и жать и косить, тянул за двоих и надорвался. Как-то возил с поймы сено, на краю оврага телега подвернулась, Петрок подставил плечо и сломал ключицу. Два месяца пролежал в больнице, едва выходили доктора. А на поле яровые перестояли, осенью нажали копны две ячменя, едва семена вернули. Тот год выдался голодноватым, хлеба хватило до пасхи, хорошо, что спасла картошка. Были и еще скупые на хлеб годы, когда то вымачивало, то засушивало, а то не хватало семян, навоза, скотины. Однако Петрок не сдавался, работал как проклятый, односельчане из Выселок нередко посмеивались над ним, и действительно – выкладывался днем и ночью, а результат был ничтожный. Но он все не мог находяться вволю, исхудал, даже высох, хрипло дышал, но ворочал, позже всех ложился и раньше вставал. Сам себе хозяин, какой уход, такой и умолот, что заслужишь, то и получишь, любил он повторять, когда она уговаривала его повременить, отдохнуть, поберечься. Степанида же после ряда неудач в этом бесконечном поединке с землей сказала себе: нет, так не разбогатеешь, потеряешь здоровье и раньше времени переселишься на деревенское кладбище, в сосны. Колхоз так колхоз, сказала она себе, как бы там ни было, а хуже не будет. Как все, так и мы, авось не пропадем и в колхозе. А Петроку даже будет полезно, может, лишний год проживет на этом неласковом свете.

Вдалеке под лесом замигал красный огонек в окне, она подумала, значит, приехал Петрок, и порадовалась молодой бабьей радостью тому, что вся семья собралась, окончились дневные хлопоты, теперь до завтра душа будет спокойна. Приспешив шаг, она перебежала большак и по узкой дорожке дошла до хутора. На белом от лунного света дворе стояли сани с остатками сена, лошадь была уже досмотрена и кормилась в хлеву. Может, Петрок разжился керосином, подумала Степанида, в коптилке-то его оставалось совсем немного – на один вечер, не больше. Еще наказывала утром спросить насчет сапог у одного знакомого сапожника на станции. На сапоги, конечно, было маловато денег, всего десять рублей, но вдруг бы и договорился, пообещав какую баранью лопатку, фунта два масла или еще что, как-нибудь уплатили бы. А то одними валенками двоим не обойтись: когда кто наденет, другому сиди дома, никуда не высунься. А высунуться бывает надо, как вот сегодня, да и каждый день так: не то, так другое, все зовут, обязывают, надо идти-бежать – в Выселки, в сельсовет, а то и в местечко, в район.

Сени были не заперты, она переступила порог и, зацепив двери, вошла в хату. Сразу поняла, дети уже спят, в дымноватых сумерках хаты было тихо и тепло, сильно воняло керосином и табачным дымом, на конце стола мигала коптилка, и Петрок в ее свете перебирал какие-то бумаги, наверно, квитанции, выверял платежи: что уплатил, что просрочили, сколькоросло пени и что осталось.

– Давно приехал? – вполголоса спросила Степанида.

– А недавно.

– Ел что?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Ели тут. Картоплю.

Она начала раздеваться, повесила на гвоздь колушок, сняла с головы теплый платок.

– Ну, как коммуна? – спросил от копилки Петрок. – Сорганизовали уже?

– Постановили Гужа раскулачить, – сказала она с трудом. – Приезжал Новик. Как саботажника и что наемная сила была.

Петрок поднял от копилки немолодое, сморщенное, заросшее щетиной лицо и внимательно поглядел на нее. В его глазах сначала отразилось тревожное удивление, которое вскоре уступило место горечи невеселого размышления.

– Что творится на свете! – медленно сказал Петрок. – Наемная сила! Какая наемная сила?

– А такая, – сказала она. – Помогали ставить три-стен. Нанимал. И на уборке тоже.

– Бога на вас нет! – вздохнул Петрок. – Наемная сила!.. Тогда и у председателя Левона тоже была наемная сила. Как молотили. Вон, Ладимировы мальцы помогали. С такой рукой, что он, и цепом не ударит. Так и его раскулачить?

– Тут, видишь, еще саботаж, – сказала Степанида. – Позавчера это ведь он на собрании уперся и сорвал колхоз.

Она присела на низкую скамеечку и начала разматывать веревки, снимать свои обледенелые за дорогу лапти. Петрок же все не мог успокоиться за столом.

– Коли уж до таких дошла очередь, так что же потом будет? Кого же вы через год-два будете раскулачивать?

– А тогда, может, все в колхоз повступают.

– Может, и повступают. Но как с классовой борьбой? Классовая ж борьба не отменяется?

– Может, и отменят. Когда врагов не станет. Много ты знаешь! – оборвала его Степанида.

В самом деле, что он знал, этот темный мужик, который даже не ходил на собрания, редко когда брал в руки газету, никогда не разговаривал с начальством! Только вот берется путано судить обо всем, руководствуясь своим скудным мужицким умишком.

– Что-то все у нас не так, как у людей, – тем временем размышлял Петрок, глядя на вздрагивающий огонек копилки. – Вон на станции говорил с одним мужиком откуда-то из-под Улы. У них ничего. Тихо. Никого не раскулачили.

– Подожди, доберутся. В глуши, может, живут. За болотом где.

– Может, и за болотом. А у нас?..

– А у нас вот у района под носом. Да и из округа не минуют, при дороге ведь. Оно и хорошо, что при дороге, в том тоже выгода, – сказала Степанида и вспомнила: – Керосину купил?

– Дали. Одну литру. На пай. Много ее хватит, этой литры?

– Ну, сколько хватит. А там подвезут. Дорога же установилась. А про сапоги спрашивал?

– Сапоги? – как-то испуганно глянул на нее Петрок, будто только сейчас вспомнив про сапоги. – Сапог нет, – сказал он и встал из-за стола, малорослый, худой, со впалой грудью старик. Да, старик, потому как совсем состарился в свои пятьдесят лет. Петрок отодвинул подстилку в запечье и что-то взял с кровати, на которой

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru они спали. – Вот вместо сапог.

– Что это?

Она недоуменно взяла из его рук какой-то аккуратненький черный футлярчик, будто легонькую детскую игрушку, и не сразу сообразила, что это и зачем понадобилось ему.

– Скрипка! – сказал Петрок.

– Сдурел ты!

– Мож, и сдурел.

– Это же дорого, верно? – испугалась Степанида. – Вот, ходить не в чем. У Федьки башмаки развалились, а он скрипку? Она же больших денег стоит. Поди, всю десятку отдал?

Петрок неловко потоптался возле нее, взял футляр и, бережно касаясь его заскорузлыми пальцами, раздвинул защелки. Трепетно, будто ребенка, вынул оттуда красную блестящую скрипочку с черной декой и красиво изогнутыми вырезами по бокам.

– Ты же хотела, – виновато напомнил Петрок.

– Когда это я хотела? Когда молодая была, детей не имела. А теперь... Ну, ты сдурел! Во что теперь обуться, хоть босая ходи, а он скрипку! Когда ты на ней играть будешь – зима кончается, сеять скоро...

– Да уж, видно, отсеялся, – понурившись, сказал Петрок и отчужденно отошел, сел на лавку. Мимолетная приподнятость в настроении окончательно оставила его. На столе рядом с футляром лежала не тронутая смычком скрипка. – Червонец заплатил, еще два должен. На слово дал. Еврей один на станции.

Степанида всплеснула руками.

– Три червонца, ая-ей! Ну, ты с ума спятил! Ошалел на старости лет. Мы же за страховку еще не рассчитались. Налог только за тот год выплатили, а уже новый прислали. Пеня по недоимке набежала. Обуть нечего на ноги. Керосина нет. Сахара с осени ни кусочка, а фенечка без сладкого не ест ничего. Чтобы хоть булку какую купить, а то скрипку! И за такие деньги! Где ты теперь возьмешь те червонцы? Кто тебе даст?

– В коммуне заработаем.

Степанида злилась, едва не плакала. Что он говорит, этот безумный человек, зачем ему скрипка? В такое время? Когда-то научился немного водить смычком, однажды на ярмарке в местечке попросил у какого-то цыгана немного поиграть, она стояла рядом и похвалила, так он загорелся: куплю! И вот нашел время и деньги, купил, но не на радость, скорее на горе. Зачем ей эта скрипка? До скрипки ли теперь, когда не сегодня, так завтра придется свести в колхоз лошадь, ссыпать семена, отдать сбрую, сани, телегу, перестроить всю жизнь на новый, незнакомый и неминуемый лад. До музыки ли теперь?

Жизнь так переиначилась, все на глазах меняется. Что осталось от того времени, когда оба они были молодыми, с мужицкой силой в руках и страстной надеждой на будущее?..

Глава четырнадцатая

Очень нелегкой выдалась та памятная, теперь уж такая далекая весна, принесшая людям столько тревог в их и без того трудной жизни. Только окончилась долгая мучительная война, в деревни, в местечки, на хутора понемногу возвращались молодые мужики и парни, гордые своими победами над белыми, немцами, поляками, в островерхих буденовских шлемах, разбитых ботинках с обмотками, с тощими вещмешками на плечах, но с огромной надеждой на новую, отвоеванную у старого режима жизнь. Предстояло браться за землю, пахать и сеять, чтобы было что есть на следующий год. Земля ждала работников и будто даже готовилась к своему

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru извечному делу – родить людям хлеб. С благовещенья дружно пригрело солнце, за неделю согнало снег, стало тепло и почти сухо в поле. На вербное воскресенье Степанида с Петроком собрались в церковь и немного повздорили с утра, решая, одеваться или идти налегке, как летом. Петрок пригрелся на солнце, ему было жарко в сатиновой рубашке, и Степанида едва заставила его накинуть на плечи поддевку. Слегка осерчав друг на друга и примолкнув, они вышли из истопки, чтобы стежкой через озимые направиться в местечко. Старик Яхимовский стоял на дворе возле завалинки, сутулый, сгорбленный, в своем черном кафтане с густым рядом аккуратно застегнутых пуговиц, опирался на фасонную, с перламутровым украшением палку и несколько странно, вроде как с завистью смотрел им вслед выцветшими старческими глазами. Как раз за неделю до того он пустил их на хутор, потому что в Петроковой семье на Выселках им уже стало невмочь, Степанида сразу не поладила со свекровью и накануне попросилась у пана Яхимовского в истопку, все равно она уже хозяйничала на усадьбе, а новый батрак Петрок будет ей в помощь, куда же деваться им без хаты, без своей земли и хозяйства. Раньше с весны отправлялся Петрок по фольваркам батрачить, теперь же неизвестно было, какие где будут заработки. Степанида ласково так попросила, и, наверно, учтя ее четырехлетнюю преданность хутору, Яхимовский согласился, сказал: живите, места хватит, истопка теплая. Тем более весна на дворе.

Весна в самом деле быстро набирала силу, на косогорах и межах напористо пробивалась к солнцу молодая травка, парни и девушки в Выселках посбрасывали с ног лапти и стали ходить босиком – теперь до покрова. После благовещенья несколько дней и ночей подряд над Голгофой и хутором слышалось радостно-тревожное курлыканье журавлей – длинные, не очень стройные клинья их обессиленно тянулись в ветреном небе на север. На пойме в Бараньем Логу уже появился длинноногий облезлый аист; степенно прохаживался по болоту, задумчиво высматривая лягушек. Однажды солнечным утром над озимью посыпались с неба знакомые трели жаворонка, и Степанида, управляясь на дворе со скотиной, радостно встрепенулась от этой песни, от весны, от внезапного ощущения близкого счастья.

Шла первая весна их совместной с Петроком жизни, пускай не на своей земле, в чужой хате, зато в любви, мире и согласии. Она уже ходила с зарождающейся жизнью под сердцем, временами слышала ее трепетание, и мысли ее устремлялись в будущее, туда, где их уже будет трое. Невидимый жавороночек затронул в ней что-то очень созвучное этой весенней песне, на какое-то время Степанида всецело отдалась ей, вслушиваясь в разноголосие и других птиц и одновременно в звучание струн собственной души. Однако это длилось недолго. В тот же день к вечеру подул пронизывающий северный ветер, из-за оврага надвинулась серая обложная туча, сильно похолодало, и к ночи с неба посыпал снег. В природе все вдруг изменилось, застыло, слегка припорошенное снегом, стало серым, от весны не осталось и следа. В истопке было по-зимнему холодно, согреть ее нельзя: печка-каменка когда-то топилась по-черному, а дым выходил в оконце под потолком, которое теперь было заделано досками. На ночь Степанида принесла в чугушке углей из хаты, тем немного согрелась, и она все думала: а как же те жаворонки в поле? Пения их она больше так и не услышала, из заснеженного гнезда на старом клене в Выселках жалобно торчали головы аиста и аистихи с длинными клювами, ночью ударил крепкий морозец, тонким льдом покрылись лужи, несколько ночей, не стихая, завывал по углам ветер. Со дня на день люди ожидали потепления, но тщетно; снег, правда, долго не лежал, растаял, но потом повалил опять вперемежку с дождем, все вокруг раскисло; над полями дул промозглый северный ветер. Во двор было не выйти, люди выскакивали из хат, только чтобы досмотреть скотину, и снова спешили в хату, укрыться в тепле и ждать.

Однажды, когда Степанида вышла в сени, чтобы натолочь свиньям картошки, а Петрок занимался в истопке разборкой хозяйской упряжи, во дворе послышались голоса незнакомых людей. Бросив толкач, она приоткрыла дверь, к которой уже направлялись от калитки трое мужчин. В переднем, усмешистом усатом мужике в военном картузе она признала Цыпрукова, служащего волостного комитета, другой, бедно одетый в армячок, был выселковский комсомолец Гришка, а третий, он нес под мышкой желтую картонную папку с завязками, был ей незнаком, может, кто из уезда или даже выше. Мужчины поздоровались, и Цыпруков спросил, дома ли Адольф Яхимовский.

– Пана Адоля! – позвала она, приоткрыв дверь в хату, чтобы хозяин вышел навстречу гостям, но те сами, не ожидая приглашения, двинулись к двери. Она осталась там, где стояла, в сенях, над казаном с вареной картошкой, но не могла не слышать, о чем разговаривали в хате. Петрок также высунулся из истопки,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru затаив дыхание, оба прислушались.

Впрочем, скоро все стало понятно – приезжие описывали хутор. Прежде всего начали с земли, проверили по документам хуторские наделы, межи, выясняли, сколько и чем засеяно, что в аренде. Справлялись о батраках и арендаторах и все записывали в картонную папку.

Адольф Яхимовский происходил из какого-то древнего шляхетского рода, некогда слывшего богатым, но постепенно обедневшего, сошедшего клином на нет, как говорил Яхимовский. Как-то, будучи в хорошем настроении, он показывал Степаниде старые пожелтевшие бумаги с гербами и обкрошенными красными печатями, в которых были описаны владения яхимовских предков и тут, и в других местах. Его дед имел фольварки под Дриссой, в Подсвилье и еще где-то, но этот хуторок оказался последним пристанищем обедневшего рода, и, хотя Адольф старался изо всех сил, чтобы сохранить если не бывшее богатство, так хотя бы остаток былого достоинства, это ему едва ли удавалось. Двое его сыновей, родившихся на хуторе, отцу помогали мало, повзрослев, оба подались в город, кажется, в Вильно и только изредка летом навещались на хутор недели на две, не больше. Как началась война с немцами и Вильно оказался по ту сторону фронта, от сыновей не было никаких известий, пан Адольф не любил говорить об этом, но Степанида знала, это его последняя надежда. Не дождавшись весточки от сыновей, умерла старая Адолиха, домашнее хозяйство и скотина держались на Степаниде, часть земли Яхимовский сдавал в аренду – с половины или как договорятся, – на остальную нанимал на сезон батраков. Был он человек молчаливый, спокойный, за что больше всего и почитала его Степанида. Хотя временами этот ее хуторской хлеб был не сладок, знала, легче не найти. Теперь же, заслышав тот разговор в хате и кое-что поняв, она вдруг ощутила себя на крутом повороте жизни, только не могла еще сообразить, в какую сторону тот поворот – к лучшему или худшему. Но что настал час перемен, это было ясно.

Сделав все, что надо было в хате, мужчины вышли во двор осмотреть хозяйство. Пан Адольф с ними не вышел, понурый, остался, как был, у стола на скамейке, и она пошла показывать начальникам зерно в амбаре, хлев, двух лошадей, подсвинков. Гости считали и все записывали на бумагу – и зерно в засеках, и лен под навесом, и скотину, – и она спросила у Цыпукова, зачем они так проверяют. Цыпуков объяснил, что это экспроприация – имущество эксплуататоров теперь переходит во владение народа. Степанида не могла всего понять, хотя догадывалась, и с маленькой затаенной надеждой спросила: «А земля как?» И Цыпуков сказал, что землю разделят между безземельными и батраками и чтобы Петрок завтра с утра пришел в волисполком, где все и решится.

Помнится, она затряслась как в испуге от этой ошеломляющей новости и, когда мужчины пошли со двора, долго не могла отважиться сказать о ней Петроку. Она готова была плясать от радости: это же подумать, они заимеют землю – без денег, без ссоры, без судов и прошений, – получат, и все. По праву экспроприации.

Когда она сказала об этом Петроку на дровоколье, тот выпустил из рук полено и сел мимо колоды – просто шлепнулся в грязь. Тотчас же подхватился, начал чистить штаны, а она засмеялась счастливо и радостно, однако, заметив, как вдруг изменилось растерянное выражение лица мужа на почти испуганное, она оглянулась. Сзади стоял пан Адольф со своей неизменной палкой в руках.

– Радуетесь? Шчястья вам?!

Не успели они сообразить, что случилось, как он повернулся и пошел к крыльцу. Его согнутые ревматизмом ноги мелко тряслись в коленях.

С этой минуты Степанида не знала, как держать себя и что думать. Радость ее омрачилась, стало неловко, будто ее поймали на чем-то запретном, и она понимала, что виновата. Пусть в мыслях и надеждах, но она позарилась на чужое, чего не позволяла себе за все годы службы в Яхимовщине, где изо всех сил, через нужду и бедность берегла свою честь, старалась, чтобы никто, никогда и ни в чем не упрекнул ее. А ведь она могла бы и взять, не спрашивая, в ее руках было многое, считай, все хозяйство, но, если что было надо, она обращалась к хозяину и не помнила случая, чтобы тот отказал ей. Он был неплохой человек, пан Адоля, ценил в ней старательную работницу и еще больше уважал за добросовестность в отношении к его хозяйству. Теперь же все эти перемены взбудоражили ее совесть. Как быть? Как жить, если не взять, отказаться от земли? А если взять, то как смотреть в глаза ее хозяину?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Бессонная ночь, наступившая после того злополучного дня, была полна размышлений, тревог, колебаний. Оба они с Петроком намучились в истопке, и нашептались, и намолчались, но так и не придумали, чем успокоить совесть. Утром же надо было идти в Выселки, в волисполком. И тогда Петрок уже на рассвете свесил с кровати босые ноги и, еще раз подумав, решил:

– Не пойду. Ну ее...

Степанида выскочила из-под одеяла.

– Как не пойдешь? Как те тогда?

– Не пойду, и все. Не могу я...

Нет, на это она не могла согласиться, утром она почувствовала себя уверенней, ведь их уже не двое в семье, а почти трое, и, значит, у нее два голоса, ее и дитя, против одного нерешительного голоса Петрока. Пока тот собирался к скотине, она отругала его, даже немного всплакнула, но делать было нечего, быстренько собралась сама и побежала через поле в Выселки.

Из огромного хуторского надела им вырезали две десятины за усадьбой, остальная земля отошла другим беднякам и безземельным, которых с избытком для одной экспроприации набралось в Выселках. На раздел Степанида не пошла, все же вытолкала туда Петрока, а сама ожидала во дворе за тыном, все приглядываясь к группке мужчин, что сновали с саженью в поле, мерили, считали. В окне временами мелькала длинная, во всем черном тень Яхимовского и выглядывало его изможденное лицо, и тогда Степанида пряталась за угол или шла на дровокольную; было неловко, почти мучительно оттого, что на все это глядел прежний хозяин хутора. Последние дни он почти не показывался из хаты и не разговаривал с ними, он сидел там обиженным сиднем, кажется, потеряв интерес не только к хозяйству, но и к жизни вообще. Она и Петрок также не трогали его, ни о чем не спрашивали и по-прежнему ничего у него не брали, обходились своим. Хозяйство на хуторе уменьшилось, в конюшне осталась только молодая кобылка, коня забрали в волость, в хлеву оставили одну корову, поросят отвезли в местечко, в столовую. Остальное – упряжь, кое-какой инвентарь, домашняя утварь – было как бы ничье. Степанида с Петроком хотели бы обойтись своим. Но это не всегда получалось, иногда приходилось обращаться к хозяйскому: то ведро, то сено корове, то начать новый бурт картошки, когда прежний кончался. В таких случаях Степанида открывала дверь в хату и спрашивала пана Адолю, который в наброшенной на костлявые плечи жилетке сидел на аккуратно застланной одеялом кровати, поставив худые ноги в носках на облезлый, некогда крашенный пол. Не поднимая голый, без единого волоска головы, он коротко бросал ей:

– Берите. Теперь же все ваше.

Она поворачивалась и выходила из хаты, успев, однако, заметить на уголке стола не тронутую им еду – миску остывшей картошки, кувшин молока и два ломтя хлеба, которые приносили утром. Похоже, старик совсем перестал есть.

Ей было жаль его, и эта жалость сильно омрачала их большую радость начала хозяйствования на собственной земле, счастливое сознание того, что вороная кобылка теперь принадлежит им, так же как и пегая покладистая корова, не очень, правда, молодая, зато молочная. Впереди была вольная жизнь со множеством забот, тяжелым трудом, но без принуждения, жизнь, где все, плохое и хорошее, будет зависеть только от них двоих и ни от кого более. Это было счастье, возносившее их под самое небо, удача, которую можно было разве что увидеть во сне.

Как-то она не выдержала и вечером, управившись со скотиной, сказала Петроку, что надо поговорить с Яхимовским, что так нехорошо получается, они ведь столько прожили совместно в добре и согласии, а теперь... Опять же надо сказать, что тут нет их вины, что так повернула власть, что хотя те две десятины им дали, но они ведь их не просили. Взяли – правда, но, если бы не взяли они, так отдали бы другим, мало ли гольтубы на свете. Надо было как-то поддобриться к Яхимовскому, чтобы не таил зла, а жить – пусть живет в хате, они перебытуют в истопке, пока не наживут как-нибудь свою хату. Как встанут на ноги. Она же будет присматривать за стариком, неужто за его добро и ласку она не отблагодарит его на его же земле!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Петрок покряхтел, чувствуя неловкость, но вынужден был пойти в хату, и она стала прислушиваться из сеней. Но разве этот Петрок мог что-нибудь сделать как надо. Начал издали, и они долго говорили о разном: вспоминали жизнь за царем, порядки в местечке, разные случаи в лесу, на охоте. Не вытерпев, Степанида вытерла фартуком руки и также ступила через порог. Видимо, что-то почувствовав в этом ее приходе, пан Адоля поднялся, надел свой черный кафтан, застегнул его на весь ряд пуговиц. Она присела на лавку возле порога, а он, кряхтя, уселся в старосветское кресло против большого тусклого зеркала в простенке.

– Простите нас, пане Адоля, – сказала Степанида, когда он, расправив полы кафтана, вытянул на коленях худые длинные руки.

– Пан Езус простит, – сказал Яхимовский и строго поглядел на порог.

– Вы же знаете, мы не сами. Разве мы просили? Нам дали.

– Но вы же не отказались...

– Как же было отказаться, пане Адоля? Отдали бы еще кому. Вон Гончарикам ничего не досталось.

Кажется, она сказала удачно. Яхимовский минуту молчал, наверное, не зная, как отвечать ей. Только потом произнес твердо:

– Грех зариться на чужое.

«Какое же это мне чужое», – невольно подумалось Степаниде.

Она примолкла у порога, а он задумчиво кивал головой и желтой, как кость, головой и размышлял о чем-то или молча про себя упрекал их. Эти его слова – не о себе, а о них – отозвались тревогой в душе Степаниды.

– Но ничего не сделаешь, – сказал он погодя. – Я совсем не желаю вам зла. Пусть Езус, Мария помогут вам...

– Спасибо на том, – сказала Степанида почти растроганно. – А мы, пан Адоля, за вами присмотрим.

Это было главное – чтобы он не затаил обиду на них, не пожелал худого, с остальным они бы как-нибудь сладили. У них была лошадь, было хозяйство, в амбаре оставили им семян, чтобы засеять яровыми две десятины, может, останется еще и ячменя на крупу или гороха на суп. Картошки в хозяйстве хватало, было две кадки сала – с осени берегли для батраков в сезон полевых работ, теперь батраков больше не будет. Они бы его прокормили, этого старика, бог с ним! Разве они хотели ему плохого?

Капризная, с холодами весна затянулась почти до Пасхи, и только после нее нерешительно, запоздало начало теплеть. На юрьев день стало совсем тепло, и, встав раненько, Степанида с Петроком по стародавнему обычаю пошли в хлев. В прежние времена в этот день выгоняли скотину на пастьбу, но теперь выгонять было некуда, кроме сухой серой травы, свинухи, на пастбищах еще ничего не выросло. Петрок стоял в дверях, а Степанида огарком припасенной с грониц обходной свечи натерла корове подгрудок – от злого духа и чтобы весь год была молочной, а Петрок зажег пучок сухой евангельской травки, старательно окурив хлев, стойла коровы и лошади – так издавна было заведено на хуторе. К полудню еще потеплело. Прибрав в хате, Степанида достала освященные ветки вербы, завязала в платок кусок прибереженного с Пасхи кулича. Надев что почище, они отправились на смотрины поля, которое с утра влажно парило под ласковым солнцем – ждало плуга.

Начали осмотр с озимых у сосняка, где ярко зеленела всходами продолговатая нивка ржи. Петрок шел впереди и сдержанно усмехался в коротко подстриженные усы. Был он тогда уже не молод, хотя еще и не стар: сорок лет – не срок для мужчины. А усмехался все от той же неожиданной радости: шел на хутор, считай, батраком, а вот стал хозяином и теперь осматривает свои нивы и пажити. Конечно, он понимал, что с двух десятин не разбогатеешь, но все же прожить на своем хлебе можно. Немного опасался, как бы эта зима и особенно холодная затяжная весна не повредили озимым, но, кажется, худшее миновало – всходы оправались от холодов и

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ярко зеленели почти на всем поле. Только нижний конец его возле дороги был еще темноват, наверно, от долгой воды. Петрок сошел с межи и нагнулся, чтобы вырвать росток, посмотреть корень. Но едва он протянул руку к бледному увядшему росточку, как среди слипшихся комьев земли разглядел и еще что-то серое, а пальцы его растерянно подняли с земли за растопыренное крылышко маленькую серую птичку. Это был жаворонок, наверно, из тех несчастных, что обманулись первым дыханием весны и поплатились жизнью за свою преждевременную песню.

– Глянь, Степа...

Степанида подбежала к Петроку и растерянно приняла из его рук мертвую птичку, раскинутые крылья которой бессильно обвисали в воздухе, как и головка с маленьким разинутым клювом.

– Боже... Петрок! Кто же это?.. Это же плохо...

– Плохо?

– Ой, это к несчастью! Это же на беду нам, – готова была расплакаться Степанида.

Петрок был тоже неприятно поражен находкой, но старался казаться спокойным, не желая верить, что от этой пернатой малявки возможно какое несчастье людям.

– Ну, какая беда! Замерз просто. Такая стужа...

– Боже мой, боже мой! Зачем ты его трогал? Зачем ты его увидел? – причитала Степанида, сама не своя от столь явного предзнаменования беды.

Какое-то время они не знали, что делать, и, ошеломленные, стояли над маленькой мертвой птичкой с бледными, как ржаные ростки, скрюченными коготками. Степанида немного всплакнула, и Петрок не утешал ее, самому было не лучше. Жаворонка закопали под межей в ямке, рядом воткнули вербную ветку. Что делать с остальными вербинами, не знали, желание обнести ими озимь разом пропало, было не по себе и даже немного боязно неизвестно отчего. Подавленные, без прежнего интереса к полю, они обошли надел и скорым шагом повернули на хутор.

Если бы они знали, что их ждет дома, так, наверно, убежали бы отсюда куда-либо подальше, может, никогда бы и не вернулись обратно. Но великая сила – незнание, оно значит для человека не меньше, чем его самые верные знания и способность предвидеть будущее. Видно, незнание тоже охраняет, оберегает душу, давая человеку возможность жить.

На хуторе в истопке Степанида развязала платок с куличом, отрезала кусок и отнесла в хату пану Адольфу. Как ей показалось, тот спал за печью, потому что в хате его не было видно, и Степанида, положив кулич на тарелку, поставила ее на стол. В хате царила устоявшаяся тишина, но она не обратила на это внимания, вообще она не имела обыкновения задерживаться здесь – сделает что или что-либо возьмет и в сени, зачем беспокоить старого человека. В истопке они съели остатки кулича с молоком, и Петрок вышел во двор. Им все же овладело весеннее беспокойство, надо было ладить плуг для борозды, под навесом он не мог отыскать валека, без которого невозможно было запрячь лошадь. Степанида же в большом чугуне начала забалтывать пойло корове, которая любила именно такое, слегка заболтанное мукой пойло и не хотела пить воду. Так она помешивала, присев над чугуном, когда в раскрытую дверь сеней, странно пошатнувшись, сунулся Петрок и сдавленно крикнул ей с беспокойством, даже испугом в голосе:

– Степанида!

Она не сразу вскочила, показалось, что Петроку стало плохо, он и впрямь очень побелел с лица, протянутые к ней руки недобро дрожали.

– Степанида!!!

Она бросилась к мужу, но тот отступил, подался обратно во двор, переводя ее внимание в другую сторону – к хлеву. Она бросила взгляд дальше и увидела, что амбарные двери настезь раскрыты, чего никогда не случалось прежде, всегда там громоздился черный ржавый замок, большой ключ от которого висел на гвозде в хате. Почуввав недоброе, она бегом бросилась к этим растворенным дверям и еще со

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru двора в сумерках амбара увидела тусклую тень человека. Будто склонившись над закромами, неподвижно стоял на длинных, подогнутых в коленях ногах Адольф Яхимовский. Не своим голосом она крикнула: «Паночку Адоля!» – но тот не откликнулся. Тогда она вскочила в амбар и поняла все. Сверху от балки свисала туго натянутая веревка, желтая, как кость, голова Яхимовского вместе с шеей была неестественно свернута набок, руки упали вдоль обвисшего тела, одно плечо вздернулось вверх, и все туловище перекошилось. Она схватила его за костлявые под суконным кафтаном плечи, и тело грузно с усилием повернулось. Он висел так низко, что скрюченные ноги его в праздничных хромовых сапогах с шорохом черкнули по земляному полу. Не в лад со своим испугом Степанида подумала, что даже и здесь, чтобы повеситься, человеку не хватило места, так было низко и неудобно в этом амбаре.

Через два дня они с Петроком отвезли кое-как сколоченный из старых, неструганных досок гроб на католическое кладбище при костеле и закопали. Еще через день из местечка приехал арендатор Мацкевич, который погрузил в пароконную фуру громоздкое дубовое кресло, часы в узком футляре и красивую, красного дерева конторку, сказал: за долг, который не уплатил ему Яхимовский. Степанида с Петроком не возражали, сказали: бери! Им оставалось больше – почти вся усадьба, две десятины земли, молодая кобылка, корова. Разве по тому времени этого было мало?

Несколько дней спустя они перетащили из истопки небогатые свои пожитки и стали жить в хате.

Старик Яхимовский начал понемногу забываться. Иногда вспоминался, но воспоминания о нем лишь омрачали душу, и они старались о нем не думать.

Это удавалось, тем более что бед и тревог хватало во все те трудные, беспокойные годы...

Озимые росли сами собой, забот о них было немного, но посеяно их было всего две нивки, а главную часть надела на пригорке надо было пахать под яровые. Оно ничего, конечно, как-нибудь бы вспахали, вот только самый верх пригорка с позапрошлого года оставался залежью, Яхимовский его не пахал: арендатор когда-то забросил, потому что земля там была не дай бог – камни, суглинок, который в засушливый год становился как скала. Яхимовский, разумеется, мог позволить себе десятину-другую бросить под залежь, у него хватало и лучшей земли, а каково было им? Весной засушило, дождей не было, но, когда потеплело, Петрок запряг в плуг молодую кобылу и поехал поднимать залежь.

Он бился там с утра до полудня. Степанида, занятая другими делами в усадьбе, ждала его обедать и не дождалась. Почувствовав недоброе, она бросила недоделанное на дворе и краем оврага помчалась на тот их злополучный надел.

Еще издали, от оврага, она увидела на пригорке мужа, который, почему-то оставив в борозде плуг, хлопотал возле кобылки, понуро стоявшей среди сухих стеблей прошлогоднего бурьяна с низко опущенной головой и мокрыми от пота боками. Степанида взбежала на узенькие вспаханные бороздки и ойкнула, поколов ноги о суглинок, который вперемежку с бурьяном и комьями сухого навоза, будто битый кирпич, краснел на пахоте. Неудивительно, что изнемогла кобылка, тут и старая хорошая лошадь, верно, надорвала бы жилы, потягав за собой плуг. Вороная их кобылка совсем потемнела от пота, ручьями стекавшего по ее выдававшимся ребрам, бока ее ходили ходуном от усталости, а голова опускалась все ниже к земле. Босой, в неподпоясанной самотканой сорочке, Петрок со взмокшими от пота плечами оглянулся на Степаниду и дернул за узду кобылку, та вдруг пошатнулась, задние ноги ее раскорячились, и она опустила в постромках на жесткую пахоту.

– Ой, беда, что же делать? – сокрушался Петрок, пытаясь угрозами и лаской поднять кобылку, но все его усилия оставались напрасными. Вскоре не выдержали и передние ноги, кобылка вытянулась в упряжи, судорожно загребая копытами суглинок. Петрок испуганно бросился ее распрягать, но впопыхах не мог освободить от съехавшего на голову хомута, тогда Степанида сбросила с плуга валеки, тем ослабив постромки. Она уже отчетливо сознавала, что в их только что начавшуюся самостоятельную жизнь вдруг ворвалась беда.

Так оно и случилось. Кобылка не поднялась больше, как они ни помогали ей, соблазняя сеном, травой, куском хлеба, принесенным Степанидой с хутора. Голова

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
ее на худой длинной шее в конце концов тоже опустилась наземь, лишь глаза
временами вращались в глазницах, будто умоляя людей о помощи. Но спасти ее было
уже невозможно. Под вечер кобылка в последний раз напряглась и окончательно
выпростала ноги.

– Вот и все! – вскрикнул Петрок. – Что теперь делать? Что делать?..

Степанида же будто окаменела с горя, уже хорошо представляя, что ожидает
хозяйство без лошади да еще в такую пору, когда та была нужнее всего. Мокрый от
пота Петрок растерянно постоял, потом молча сел и, закрыв руками лицо, заплакал.
Степанида не утешала его, сама вытерла украдкой слезу и вспомнила недавние
смотрины поля и замерзшего жавороночка под межой.

– Ее прокляли, гору эту. Не было земли, но и это не земля.

Понемногу Петрок успокоился, посидел еще и начал собираться домой. Надо было
думать, как жить дальше.

Под вечер он пришел с хомутом на хутор, взял старую лопату и направился в
Бараний Лог к хвойному пригорку, где обычно копали песок и зарывали павший в
деревне скот. Там на окраине соснячка вырыл яму, затем привел из Выселок
Ладиминова коня и отволок к ней кобылку. Степанида туда не пошла, она не могла
смотреть на такое и все думала, как преодолеть эти напасти. Где взять лошадь,
чтобы вспахать тот проклятый пригорок? Не оставлять же его снова залежью, с чего
тогда жить?

Петрок притащился поздно, скупно ответил на ее вопросы, похлебал супа и присел на
пороге в сенях. Она пыталась что-то сказать, вызвать его на разговор, но ему
было не до того, и она не стала надоедать, занялась своими делами. А потом и она
прикорнула в запечье, а когда на рассвете проснулась, Петрока уже не было,
куда-то пошел. Она подумала: наверно, в Выселки, надо же было добывать лошадь,
заканчивать с тем пригорком. Другие уже отселились, а они не могли даже вспахать.

Но его не было и к завтраку. Встревожась, она взглянула через тын на пригорок и
едва не заплакала, увидев там, далеко среди поля, одинокую фигуру мужа, который,
мерно пошатываясь из стороны в сторону, ковырялся в земле. Она хотела побежать
туда, но в печи уже варилась картошка, не годилось оставлять печь без присмотра.
Однако четверть часа спустя она собрала кое-какой завтрак – миску картошки,
кусок сала, хлеб, кувшин молока, – завязала платок и пошла на пригорок.

Петрок копал вручную, лопатой, ковырял, долбил, рубил проклятый суглинок, сквозь
прошлогодний бурьян начавший зарастать молодым пыреем, и уже взрыхлил ладный
клин с конца нивы. Взглянув на его лицо, Степанида едва узнала мужа, такой он
сделался страшный, постаревший, с заросшими темной щетиной щеками. Плоская грудь
его еще больше запала, плечи заострились от худобы, пропотевшая сорочка свободно
болталась, как на колу, а в округлившись страдальческих глазах тлел немой укор
кому-то за все неудачи жизни.

– Петрок, что же ты делаешь?

– Что видишь, – глухим от усталости голосом ответил он, не прекращая работы.

– Разве так вскопаешь?

– А что же делать?

– Может, кто бы дал лошадь? Надо к людям сходить.

– Уж ходил. Кто даст лошадь гробить?

Она не настаивала больше, поняла, что вообще-то Петрок прав: в такую пору у кого
допросишься лошадь, каждому она нужна самому; опять же кто решится отдать свою
береженую в чужие руки да еще на такую земельку? Так что же остается, копать
лопатами? Но иного выхода не было.

Помнится, она даже всплакнула тогда, живо представив себе крестьянскую долю без
лошади. Петрок перестал копать, устало оперся о лопату.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Что же делать? Жить надо... Как-нибудь...

Четыре дня с утра до ночи они в две лопаты долбили суглинок и все-таки одолели его. Правда, оба остались без сил, изнемогли до предела, но как-то все же взрыхлили, хотя и мелко, местами лишь поковыряв сверху лопатами. Работали все дни молча, переводя дыхание с лопатами в руках. Потом Петрок полдня разбивал крупные комья и вот однажды утром, взвалив на себя полмешка ячменя, взял плетенное из соломы лукошко. Посеял быстро, забороновать, правда, ему одолжил на полдня лошадь Левон, надел которого был по соседству, чуть ниже, земля там тоже была не дай бог никому, разве немного помягче, на супеси. Управились как раз в субботу, тихим погожим вечером, и Степанида думала немного дать отдохнуть одувевшим, в мозолях рукам. Но Петрок, посидев на завалинке, взял топор и куда-то пошел к оврагу. Она спросила, куда это, думала, может, за какой сухостиной для печи, потому как дров было мало, но он, так и не ответив, исчез за углом истопки.

Вернулся домой, когда она взялась доить корову, и сразу, не поужинав, повалился в запечье. Управясь с вечерними заботами по хозяйству, она пошла в хату, он уже сонно храпел, и Степанида не стала ни о чем спрашивать, тоже легла рядом.

Назавтра все повторилось – он исчез на рассвете, и она даже не знала куда. Но мало ли у мужика дел по весне, да еще при такой беде. Может, пошел в Выселки, думала она, снова насчет лошади, потому что надо было вывозить навоз под картошку, вспахать огород, сеять горох – работы на земле весной всегда прорва. Степанида привязала возле оврага корову и, возвращаясь к усадьбе, бросила взгляд на пригорок и опять содрогнулась от того, что увидела.

Как раз вставало утреннее солнце и тут же, над лесом, входило в низкую багровую тучу. В стороне от него на светлом закрайке неба темнела вдаль человеческая фигура – кто-то, пригнувшись, будто боролся с непокорным столбом или деревом. Степанида уже поняла: это Петрок, но что он там делает?

Свернув со стежки, она бросилась напрямик к пригорку, исколов ноги в мелком суглинке засеянной нивы, выбежала на свою полоску. Тут уже стало видать, как на самом высоком месте в конце их надела наклонно стоял огромный, сколоченный из бревна крест, который, упираясь в землю, поднимал над собой Петрок. Как только она подбежала ближе, он сдавленно крикнул ей: подмогни! Обеими руками она обхватила шершавый ствол молодого дубка, удерживая его нижний конец в глубоко вырытой яме, которую поспешно стал зарывать Петрок. Крест был сырой, стоило ей невзначай чуть наклонить его, как огромная тяжесть потянула ее в сторону, она было испугалась, но все-таки удержала, и Петрок забросал яму землей.

– Помоги, боже, не отступись от рабов твоих, – проговорил он, крестясь и утирая вспотевшее, изможденное за эти трудные дни лицо. Она также перекрестилась, подумав: а вдруг и в самом деле поможет? Ответ беду от этой их проклятой людьми и богом земли.

Крест простоял весну и лето на самой вершине пригорка, над оврагом и лесом, поодаль от дороги, и всякий, кто шел или ехал по большаку, видел этот знак человеческой беды. Тогда же кто-то из выселковцев назвал этот пригорок Голгофой, и с его легкой руки так и пошло: Голгофа, или гора Голгофа, или даже Петрокова Голгофа. Так продолжали называть и после того, как местечковые комсомольцы Копылов, Меерсон и Хвасько осенью повалили крест. Как-то зашли на хутор, попросили пилу, которую Петрок принес из истопки, а Степанида еще угостила их квасом – как раз настоялся, хороший был квас, – ребята пошутили, попили и пошли. Она думала, что они направятся к оврагу или в сторону леса, а они повернули по меже на пригорок и за каких-нибудь десять минут спилили крест. А потом, принеся пилу, прочитали им длинную нотацию о вреде религиозных верований. Петрок насупился, умолк и не спорил, а Степанида зло поругалась с ними, вспомнив, как весной, когда она с Петроком разбивалась на той Голгофе, им никто не собрался помочь, а теперь, как вырос ячмень, этим олухам, видишь ли, крест глаза колет. Но что ребятам слова, они посмеялись над ее темнотой и с сознанием исполненного долга пошли в местечко.

А название пригорка осталось и, верно, чаще останется надолго, точно определяя невеселую сущность этого малопригодного для хлеборобства клочка земли, освященного слезами, трудом, многолетними крестьянскими муками.

Зима поворачивала на весну – кончились вьюги, днем потеплело, на солнечной стороне двора в полдень капало с крыши, хотя ночью еще жал крепкий морозец, даже потрескивало по углам. Утро начиналось широким, на полнеба разливом багряной зари, из-за леса в серой морозной дымке поднималось красное солнце, набиралось силы, и вскоре длинные тени от деревьев, пригорков, столбов полосовали все поле с осевшим после оттепелей, плотным, хрустящим снегом. В морозной утренней дали нежно просвечивала сероватая просинь леса, едва заметная пестрота перелесков, кустарников, а в поле вокруг все ярко сияло ослепительной, до рези в глазах белизной. Было нехолодно, по-праздничному нарядно и тихо.

Степанида, однако, мало любовалась красотой погожего зимнего утра, вряд ли даже замечала его, она завозилась у печи, не управилась со скотиной, сказала Петроку, что доделать – напоить овец, замесить курам, – а сама побежала через поле в Выселки.

В старых, залатанных валенках было нетрудно бежать по накатанной ледяной дороге, и она думала, что вернется теперь лишь в сумерки – настала самая горячка с колхозом, который все же организовали неделю назад. Сидели до утра, но все же добились – большая половина Выселок согласилась вступить. Новик по-своему был прав, когда говорил: раскулачишь одного – многие задумаются. Задумались, порассуждали и согласились. Теперь три дня подряд комиссия по обобществлению ходила по дворам, описывала семена, инвентарь, лошадей, упряжь. Обычно Степанида прибегала утречком в сельсовет, и оттуда их четыре человека шли по деревне, никого, не пропуская, в каждый двор – через женский плач, под напряженно озабоченные взгляды стариков, примолкшее внимание ребятишек, – брали все на учет. Было трудно, но надо было.

Она думала в тот день, что уже не застанет председателя в сельсовете, что, наверно, придется догонять комиссию где-то в деревне, и очень удивилась, когда, открыв дверь длинной, как коровник, псаломщиковой хаты, увидела всех на месте. Примолкнув, сидел за столом Левон, напротив коренастый мужик в черном полушубке, его сосед Корнила, которого также выбрали в комиссию по обобществлению; отвернувшись к окну, стоял в своей красноармейской шинели Вася Гончарик. Было очень накурено, холодно, между мужчинами ощущалось какое-то напряжение, которое сразу уловила Степанида и сдержанно поздоровалась:

– День добрый.

– Добрый день, – ответил Корнила.

– Черта он добрый, – сказал Левон, поведя на нее одним глазом. – Поганый день, хуже некуда.

Степанида не поняла.

– А что? Погода хорошая.

– Слишком хорошая. Ранняя весна берется... Но... На вот прочитай.

Он протянул ей небольшой, уже изрядно помятый листок районной газеты «Чырвоны араты». Еще ничего не понимая, она с трудом начала читать рассыпанные по странице заголовки: «Выше знамя индустриализации», «На новые рельсы!», «План вывозки деловой древесины под угрозой срыва». На другой стороне был небольшой рисунок: красноармеец, широко расставив ноги, протыкает штыком толстого брюхатого буржуя с оскаленными зубами.

– Не туда глядишь, – сказал Корнила. – Вон, в самом углу.

Действительно, в уголке газеты не слишком большими буквами выделялся заголовочек: «В Слободских Выселках потворствуют классовому врагу – кулаку». Степанида впилась глазами в мелкие буквы заметки и, чуть шевеля губами, стала читать. В заметке говорилось, что в то время, как по всей стране идет острая борьба с кулаком как с классовым врагом, в Выселках эту борьбу игнорируют и раскулачили только одного врага, который имел наемную силу, Гужова Ивана. А наемную силу имели еще следующие хозяева: Богатька Корнила, который два лета нанимал беднячку Колонденю Фрузыну жать рожь, Прохориха, которая три года

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru подряд нанимает пахать, жать и сеять, Богатка Ладимир, который нанимал молотить. Все это могут подтвердить свидетели. «Никакой пощады классовому врагу!» – таким призывом заканчивалась эта заметка. Подписана она была загадочно-просто: Грамотей.

Степанида сразу поняла, отчего пришли в уныние мужчины, особенно Корнила, да и сам председатель Левон. Ей тоже стало страшновато, и она хотела еще раз прочитать, убедиться, что все поняла правильно, но Корнила протянул руку за газетой.

– Ну, видела? Это я классовый враг!

– А я потворствую! – криво усмехнулся Левон.

Степанида присела на лавку, все-таки чего-то она не могла понять, хотя написанное в газете было правдой, но все же... Куда она вела, эта правда заметки, об этом страшно было подумать.

– И кто бы это был сволота?! – тремя пальцами изувеченной руки ударил по столу Левон.

– Я же тебе сказал кто! Его работа! – заметно нервничая, выпалил Корнила и встал. От окна обернулся Гончарик, статный в своей красноармейской форме, поверх которой висела на боку тяжелая кобура с наганом – особая примета его новой милицейской службы.

– Поеду в район. Я найду кто.

– Нечего искать, – стоял на своем Корнила. – Колонденок это, я вам говорю. Могу биться об заклад на что хочешь.

– Может, и Колонденок, – сказал Левон. – Он ведь у нас грамотей. Но не это главное.

– А что же еще главное? – горячился Корнила. – Написали поклеп, разве так можно?

– В том-то и дело, что не поклеп. Что правда! Нанимали же? Нанимали. Значит, наемная сила.

В хате все смолкли, нахмурились, глядя каждый перед собой. Что такое наемная сила и какие она имеет последствия, было всем хорошо известно. Степанида также молчала, хотя и понимала, что надобно что-то делать, кому-то пожаловаться, что ли? Правда, в глубине души она все еще не верила в худшее, потому что перечисленные в заметке люди хотя и нанимали помощь в хозяйстве, но какие же они враги? И не саботажники даже, потому что вместе со всеми вступили в колхоз, а Прохориха – просто старая бобылка, которая доживала свой век в трухлявой хате. Разве ей под силу самой засеять и убрать четыре десятины земли? Ну и нанимала со стороны обработать поле с половины или третьей части. Так какой же она классовый враг?

– А где Потап? – спросил Гончарик.

– Сбежал, щенок! Знает, поганец, что теперь ему лучше долой с глаз, – не унимался Корнила. Левон жадно затянулся последними затяжками с окурка и швырнул его на пол.

– А я-то ему угол дал! В сельсовет пустил... Подлец! Ну, подожди у меня!

– Что ты ему сделаешь? – спросил Корнила. – Не выгонишь же.

– За преследование селькора уголовная ответственность, – напомнил Гончарик.

– Какой он селькор?! Далеко еще ему до селькора. Однако вот накропал.

– За него ответственность. Только ему никакой ответственности! Наплел и с воза долой. А тут переживай. Бойся! Думай, что выйдет. Верно же, этим не кончится? – спросил Корнила.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Верно, не кончится.

– Надо ехать в местечко, – сказал Левон и поднял изувеченное лицо на Гончарика.
– Поедем вместе.

– А как же опись? – спросила Степанида. – Еще тот конец села остался. Или в другой раз?

– Нет, – сказал Левон. – Вы описывайте. А мы под вечер приедем.

– Ну, хорошо.

Медленно, в унылом раздумье Корнила прошелся по хате, остановился, что-то прикидывал и так и этак. Конечно, в такой момент любому было бы несладко, и Степанида посочувствовала ему. Корнила хотел было что-то сказать, надел на руки новые, сшитые из овчины рукавицы, снова снял их. Но, видно, передумал, махнул рукой и взялся за ручку двери. Степанида направилась за ним.

Так, молча, Корнила впереди, а Степанида сзади, они пошли улицей в дальний конец Выселок, что раскинулся за пригорком в низинке. Корнила долго молчал, широко ступая по обледенелому снегу в черных валенках. Валенки были еще новые, жесткие и казались тяжелыми в грубых, клеенных из толстой автомобильной резины галошах. Конечно, иногда он нанимал кого-нибудь в помощь, хотя и был небогат на землю, но в деревне слыл бережливым, расчетливым мужиком, любил мастерить по дереву и держал несколько колод пчел. Еще говорили о нем, что был скуп и не любил одалживать не только односельчанам, но даже и родственникам. От колхоза не отказывался, вступил вместе со всеми, и Левон хотел поставить его бригадиром, потому что Корнила хозяйствовать умел, не то что некоторые. Но вот эта статейка в газете...

– Вот говорят: руководители, руководители! – сказал он, обернувшись к Степаниде, и та, подбежав, пошла рядом. – А я тебе скажу: хуже своих, местных, нет никого. Никто тебе столько вреда не учинит, как твой сосед. От своих вся погибель.

– Може, и так, – согласилась Степанида. – Потому что близко, под боком.

– Под боком, все видит и заходится от зависти. Особенно если сам неудачник. Такой порадуетса не когда сам коня купит, а когда у тебя конь сдохнет. Правда! Знаю я этих соседей. От них кусок хлеба надо, укрывшись армяком, есть. А то позавидуют. А зависть, она всегда кому-то боком вылазит. Я не кулак, не богатей. И земли немного. Но я работу люблю. И порядок. Не то что другой: кинул, бросил, пошел. Я если взялся, так доведу все до ладу. За землю я больше, чем за своего дитенка, болею. Весь надел на коленях выползаю, все комочки пальцами перетру. Я ржавую проволоку не обойду, подберу. А как же иначе в хозяйстве? Так, вишь, кому-то глаза колет.

– А неужто правда, что это Потап написал? – усомнилась Степанида.

– А то кто еще? Грамотей! Помнишь, как на Прокопиху показал? Про лен?

Это Степанида помнила хорошо. О том поступке Потапа Колонденка, может, с год толковали в Выселках, а то и во всем районе. Даже возникали споры: некоторые из молодых чуть не за грудки брались со старыми, поносившими парня. Некоторые ему завидовали, потому что про Колонденка написала газета, прославила на всю округу. Случилось это поздней осенью позапрошлого года, когда район оказался в прорыве по льнозаготовкам. Лен не уродил, не вырос, потому что с весны засушило, а сдавать было надо, и мужики сплошь стали недоимщиками. Из округа приехали сразу два уполномоченных и вместе с Левоном начали ходить по дворам, выбивать лен. Но что можно выбить, если все уже подавали, себе не оставив ни стебелька; прялки и кросна в тот год стояли без дела. Чтобы как-то выползти с планом, раскручивали старые веревки, конские путы – все сдавали как волокно. У старой Прокопихи, конечно, не нашлось раскрутить даже подходящей веревки, уполномоченные лишь пожалели старую бобылку, которая все плакала и жалилась на судьбу, на старость и нездоровье. Но как только комиссия вышла из холодной нетопленной хаты во двор, Потапка Колонденка, который привык вертеться возле начальства, подошел к старшему уполномоченному, молодому мужчине в черном бобриковом пальто, и шепнул, что в хлеву у бабки припрятан лен. Сперва ему не поверили, но все же заглянули в пустой, с раскрытыми воротами хлев, и Потапка, взобравшись на балку, вытащил

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru откуда-то из-под крыши три мотка отличного льняного волокна. Это был саботаж, и хотя Прокопиха оправдывалась, что вконец обносилась, что это ей для исподнего на похороны, составили протокол и хотели судить. С судом, правда, обошлось, все же пожалели бабулю, а о классовой бдительности Потапа Колонденка с похвалой отозвалась районная газета «Чырвоны араты». Вот после этого случая Левон и пустил в сельсоветскую хату Колонденка с матерью, которые ютились до того в бане. Самого же Потапа в деревне стали называть Грамотеем – одни с похвалой и завистью, другие с насмешкой. Что же касается Потапа, так он, видно, понял это по-своему, и еще два раза в газете появлялись коротенькие заметки о выселковцах: одна о том, что в деревне хорошо работает ликбез, а другая – о важности сбора золы на удобрение.

Они подошли к скособоченной, под трухлявой крышей хатенке, Корнила потрогал закрытую изнутри калитку. Тут жил Богатька Борис, многодетный бедняк, который едва ли не последним на собрании записался в колхоз и сразу исчез из деревни. Говорили, куда-то съехал. Калитка никак не открывалась, тогда Корнила так потряхнул ее, что та едва не рухнула вместе со столбиками и раскрылась. Они оба вошли в замусоренный, порыжевший от помоев двор, в холодных сенях нашли дверь в хату.

– День добрый. Есть кто здесь? – подал голос Корнила.

Не сразу из-за печи показалась Лизавета, жена Бориса, с поспешно прикрытым какой-то дерюжкой ребеночком на руках, который испачканной мордашкой прижимался к тощей Лизаветиной груди. Покрасневшими, верно, от плача глазами Лизавета уставилась на вошедших.

– Лизаветка, мы описать, что в колхозе обобществлению подлежит, – стараясь как можно ласковее, сказала Степанида. Лизаветино лицо при этих словах вспыхнуло внезапным гневом.

– Описывать? Описывайте! Вот их описывайте! Маня, Тэкля, Гануля, сюда! Вот их берите, описывайте, кормите в своей коммуне...

Из-за печи к матери бросились две босоногие малышки в заношенных кафтанчиках, испуганно ухватились за грязную юбку. Стесняясь, вышла старшая Гануля и также, поглядывая исподлобья, стала за матерью. Под печью, слышно было, испуганно кудахтали куры, чем-то воняло, и было очень неудобно в этой запущенной хате.

– Ладно, – сказал Корнила. – Ты нам спектакль тут не строй. Где Борис?

– А я знаю, где тот Борис? Мне не сказал. Если в колхоз записался, так его и описывайте. А я не пойду и корову не дам! Корова моя, в приданое батька выделил. Не имеете права отбирать.

– Да стихни ты, Лизавета! – разозлилась и Степанида. – Корову мы писать и не будем. Запишем только коня. Ну и упряжь. Семена тоже.

– А нету семян. И коня тоже нету.

– Как это нету? – насторожился Корнила. – Был же конь вороной.

– Был, да нету. Сплыл. Вот как!

– Сплавили? Продали?

– Хотя бы и продали, – вытерла слезы Лизавета. – А что ж, за так в коммуну отдавать? Или нам его кто даром дал? Деньги платили.

– Дурная ты, как рванный сапог! – сказал Корнила. – Вот и построй с такими колхоз! Сначала тебе бы ума набраться! Культуре какой научиться. Вот в хате не прибрано, дети мурзатые. Лентяйка ты, а молодая еще! Только малых рожать, больше ни на черта ты не годишься.

– Какая уж есть!

– Иди показывай, что где. Чтоб мы не тыкались, как злодеи.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– А я не буду ничего показывать. Сами смотрите.

Она начала кутать в дерюжку малого, и Корнила, не выдержав, плюнул под ноги.

– Ну, смотри, опишем. Потом не ропщи!

Вдвоем со Степанидой они снова вышли на загаженный вконец двор. Корнила осмотрелся.

– Где тут у них что? Там варовня, кажется?

Но не успели они повернуть к старому, с прогнившими углами строению, как с улицы послышался запыхавшийся детский голос:

– Дядька Корнила, папка сказал, чтоб вы в сельсовет шли.

Обвязанная под мышки платком, по ту сторону калитки стояла меньшая Леонова дочка Олечка. Взглянув на ее раскрасневшееся от бега лицо, Степанида поняла, что-то случилось.

– Чего ему так приспело? – насторожился Корнила.

– Ай, там приехал... Ну, из местечка дядька такой с черным воротником.

– Космачен?

– Ну. И еще другой с ним. Так папка сказал...

Корнила помрачнел с лица, о чем-то напряженно подумал и в сердцах грубо выругался:

– Едрит твою мать! Так я и знал!..

Больше он не сказал ничего, вразвалку припустил по обледенелой улице, и Степанида едва поспежала за ним. Поодаль бежала запыхавшаяся Олечка.

Возле сельсовета как будто все было по-прежнему, лошадей не было видно, может, стояли где во дворе? Напустив в хату стужи, они вошли вместе. Степанида не очень сноровисто закрыла за собой тяжелую дверь и посмотрела в угол. Там уже сидели двое: Космачев у окна и за столом под портретом Маркса незнакомый мужчина с твердым бритым лицом, в блестящей кожанке, наискосок от плеча перетянутой ремнем, – от нагана, что ли? Мужчина смотрел перед собой на сплетенные на столе руки, большими пальцами которых он как-то забавно вертел одним возле другого. Космачев в поддевке с черным воротником озабоченно поглядывал на порог; в простенке на скамье, наклонив голову и опершись локтями о колени, нервно дымил самосадом Левон. Рядом с ним сидел Вася Гончарик. Все угнетенно молчали, видно, переживая что-то, и эта их угнетенность сразу передалась вошедшим, которые, тихо поздоровавшись, сели на скамейку у порога.

– Собрание или что будет? – спросил погодя Корнила больше для того, чтобы нарушить неловкую тишину в хате.

– Раскулачивание! – буркнул Левон.

– Как? Уже раскулачили!

– Раскулачили, да не всех! – сорвавшимся на крик голосом выпалил Левон и отвернулся к окну. – Говорил же, одним не обойдется.

Космачев в конце стола повернулся боком, потом снова оперся локтем о стол, видно было, он также с трудом сдерживал волнение, хотя внешне старался выглядеть спокойным и, как всегда, рассудительным. Это ему удавалось плохо. Вдруг Левон безо всякой причины зло и скверно выругался, швырнул окурок на пол. Незнакомый мужчина, не поднимая головы от стола, исподлобья уставился на него тяжелым пристальным взглядом, потом перевел взгляд на Космачева. В ответ тот повернулся к Левону и сказал с укором:

– В классовой борьбе надо уметь подняться над личным.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Снова наступила гнетущая тишина, казалось, никто в хате даже не дышит. Степанида заскорузлыми пальцами нервно теребила шов на поле колушка и думала, что это какое-то недоразумение, что вот-вот все выяснится, беда пройдет стороной.

– Так кого же раскулачивать? – внутренне напрягшись, спросил в этой тишине Корнила. Левон с прытью отскочил от окна.

– А тех, кто наемным трудом пользовался! Что в газете протянуты! Усек? – крикнул он, и было непонятно, отчего он срывался – от злости на раскулачиваемых или от сочувствия к ним.

Корнила сжал широкие челюсти, медленно опустил голову. Посидев немного, встал и медленно, молча побрел к двери. Когда дверь за ним закрылась, Степаниду пронзило болью от мысли: что же это делается?

– Что, и его? – спросила она, обращаясь ко всем. Слегка дрогнувший голос ее напрягся от волнения.

– И его. И Ладимира. И Прохориху, – бросил Левон.

– Раскулачить?

– Неужто премировать?!

Лихорадочная дрожь охватила Степаниду, спина ее тотчас вспотела под колушкой, глаза застлало непроглядным туманом, минуту она не знала, что сказать им и что подумать самой. А они все тут – мужчина за столом, Космачев возле него, одноглазый Левон и даже Гончарик – смолкли в каком-то напряженном внимании, будто только и ждали, что скажет она. И она совсем не в лад со своими чувствами засмеялась натужным, неестественным смехом, которого сама испугалась, потому как почувствовала, что смех ее вот-вот нехорошо оборвется.

– Дурье вы! – вдруг перестав смеяться, крикнула она. – Олухи! Кого раскулачиваете? Тогда всех раскулачивайте! Всех до единого! И колхоза не надо будет. И никаких забот. Давайте всех! И меня тоже – батрачку пана Яхимовского. И его вон – безземельного Гончарика! Всех! До последнего!

Ее трясло как в лихорадке, мутным взглядом она обвела присутствующих в хате и думала, что те вот-вот прозреют, поняв бессмысленность своих намерений, столь очевидную их несправедливость. Но все спокойно себе сидели, как пни на делянке.

– Тихо, тетка, – действительно очень спокойно сказал Космачев. – В политике нужна последовательность.

– Какая последовательность? – теряя самообладание, вскочила она со скамейки, больше всего задетая именно этим его спокойствием. – Какая последовательность? А справедливость не нужна? Вы, умные люди, разве не видите, что делается? Или вы сдурели там от науки, ничего не поймете!..

Она кричала сбивчиво и путано, перескакивая с обид на упреки, больше обращаясь, однако, к незнакомому мужчине в черной кожанке. Она хотела, чтобы он, посторонний здесь человек и, наверно, какой-то начальник, понял, что совершается несправедливость, и заступился. Она жаждала справедливости. Но в хате по-прежнему все молчали, молчал и этот мужчина, упрямо пряча глаза и даже не взглянув на нее. Тогда она закричала громче:

– Это же с ума сойти надо! Левон! Надо в Москву ехать, к самому Калинину. Ты же свой, местный, как же так можно! Надо жаловаться. Нельзя же так! Не по-человечески это.

– А ну тихо, тетка! – прикрикнул зло Космачев. – Товарищ Гончарик, чего стоите? Успокойте гражданку!

Вася обернулся от окна, и на его молодом краснощеком лице отразились такая мука и растерянность, что Степанида вдруг осеклась и погодя махнула рукой.

– К черту вас всех! Делайте что хотите! Но без меня!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Она повернулась и бросилась к двери, размахисто хлопнув ею снаружи. Дверь не закрылась, тогда, вздохнув, она вернулась и плотно прикрыла ее.

Степанида бежала утоптанной дорогой в свою Яхимовщину, и слезы лились по ее озябшим обветренным щекам, а внутри у нее все кричало, и она не знала, что делать. Только чувствовала с необычайной отчетливостью, что сейчас же надо что-то сделать, куда-то бежать, обратиться к кому-то. Но куда бежать и к кому обращаться?..

А может, к Новику? Все же свой, деревенский, теперь, говорят, немалый начальник. Ведь он в прошлый раз вел разговор об одном Гуже, не называя никого больше. Он ведь знает этих людей, какие же они кулаки? Пожаловаться, пусть отменит этот приказ на раскулачивание. Мало ли что написала газета? Посмотреть, кто написал в нее – недоумок зеленый, кастрат несчастный, ни парень, ни девка, паскудство одно. Так его слушаться?

Степанида прибежала на хутор, заглянула в хлев, где обычно возился возле скотины Петрок, но Петрока там не было, не было и саней возле хлева. Уж не поехал ли он за дровами? Давно собирался, говорил: пока не отобрали коня, надо хоть навезить дров. Пускай возит. Она забежала в хату, в уголке сундука у нее была припрятана завязанная в носовой платок трешка. Приберегала на крайний случай, но, наверно, крайнего уже не будет. Подумав, прихватила еще корзинку, бросила туда свежий платок, отрезала ломоть хлеба. Не близкий свет Полоцк, когда доберешься до него? Но из местечка кто-то да поедет. Забежать к Лейбе, он извозчик, может, свезет. Не хватит денег, чтобы уплатить, попросит в долг, потом заплатит яйцами или чем-либо еще. Лейба был человек сговорчивый, мог и подождать до весны или до лета. Не ругался, не попрекал, как другие.

Было уже не рано, солнце осело в тучу на западе, мороз ослаб, ночью, похоже, повернет к оттепели. В ветвях лип насело воронья, драчливо возились там, каркали, наверно, действительно нахлынет оттепель или поднимется ветер.

Степанида спешила. Чтобы сберечь время, свернула с дороги на тропку через молодой соснячок, чем срезала лишних полкилометра пути. Тропка была не очень утоптанная – несколько пар ног прошло по снегу, – но теперь, после оттепелей и морозов, снег держал хорошо, только в самом соснячке был рыхловат, и она два раза провалилась. Стало жарко, она немного распустила платок возле шеи и, то и дело пригибая голову от колючих ветвей, пробиралась в чаще к большаку и думала: хотя бы застать Лейбу дома, а то, может, поехал куда, тогда придется или ночевать в местечке, или возвращаться на хутор.

Она уже готова была сбежать с пригорка на уезженный снег дороги, как в придорожных сосенках впереди мелькнули две человеческие тени. Однако было темновато, она лишь заметила, как один кто-то, пригнувшись, метнулся от нее в сторону, а другой, рослый здоровый мужик в коротковатом полушубке и черной мохнатой шапке, шагнул ей навстречу.

– Куда, Степанида? – буднично и очень спокойно спросил тот, и она сразу узнала в нем младшего Гужова, сына Змитера. Гужовых неделю назад раскулачили, забрали пожитки, но пока никуда не вывезли. Теперь этот Змитер преградил ей стежку, и она остановилась, не зная, как ответить ему. – Куда разбежалась, спрашиваю?

– В местечко. А тебе что?

– Чего это в местечко?

– Ну, дело есть.

– Дело напротив ночи?

– Ну а что?

– А то, что повернешь обратно. Поняла?

– Это почему обратно? Мне что, в местечко нельзя?

Гуж подошел вплотную, думая, видно, что она повернет назад или соступит в

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru сторону. Но она стояла на месте и гневно глядела в его не очень трезвое крупное молодое лицо с белыми бровями. На этом лице, однако, не было ничего – ни особенной злости, ни угрозы, – только глаза смотрели очень внимательно и дерзко.

– Там что? – кивнул Гуж на корзинку и, прежде чем она успела ответить, выхватил корзинку из рук. – Платок, хлеб... А это? Деньги? Деньги пригодятся.

Он затолкал в карман черных суконных бриджей ее платочек с завязанной в нем трешкой и вдруг гадко выругался.

– А теперь бегом! На хутор бегом! Ах ты, активистка, едрит твою такую...

– Что ты делаешь? Что делаешь? Я закричу, бандюга ты! – закричала Степанида. Гуж решительно рванул что-то из-под полы полушубка, и не успела она опомниться, как в ее грудь против сердца уперлось черное без мушки дуло. Большая Гужова рука туго обхватывала обрезанную деревяшку ложа.

– Твое счастье, что родня! А то... Поняла?

Да, наверно, она поняла, хотя и с опозданием. Тем более что неподалеку в чащобе, заметно шевеля ветвями, притаился и еще кто-то, внимательно следящий за их стычкой на стежке.

Степанида повернулась и пошла в глубь сосняка, к хутору, ни разу не оглянувшись и слегка опасаясь выстрела в спину. Знала, Змитер способен на все. Бывало, подростком опустошал сады, издевался над младшими, вытапывал грядки в Выселках. Когда у соседа Корнилы завелась собачонка, которая не давала Змитеру разбойничать по ночам, тот поймал ее, задушил и повесил у Корнилы на яблоне. Жалости он не знал отроду. Не то что его добрый и совестливый старший брат или даже строгий, но добропорядочный отец, который приходился дальней родней Петроку.

– И чтоб никому ни слова! Поняла? А то петуха под крышу! Ты меня знаешь, – донеслось уже издали.

Будто побитая собака, она снова шла на свой хутор и давилась слезами обиды и бессилия. Никуда не сунуться! Ее обобрали, как глупую бабу, в версте от жилья, отобрали последние деньги. И кто? Опять же свой человек, которого она еще сморкачом грозилась когда-то обжечь крапивой за то, что обижал малых на выгоне. Теперь крапивой не обожжешь – теперь обжигает он, да так, что выворачивает душу от обиды. Не жалко ей было трешки, но оскорбляла наглая угроза, которой она должна была подчиниться, потому что знала: он способен на все. Если пошел на такое, то вполне может поджечь усадьбу. Либо убить в сосняке.

Но тогда что же, терпеть?

Терпеть было не в ее характере, она все же на что-то решится, что-то предпримет. Прежде всего расскажет Петроку, а завтра сбегает к Гончарику, в сельсовет. Все же есть Советская власть на свете, найдется какая-то управа на этих разбойников из леса.

Пока она добиралась до хутора, уже стемнело. В намерзлом оконце хаты мирно поблескивал красный огонек коптилки – дети сидели за уроками. Петрок поил на дворе коня, только что выпряженного из саней, которые стояли на дровоколье с тремя толстыми бревнами, наверно, из Бараньего Лога. Если топить поэкономнее, то хватит до весны. Но дрова, которые в другой раз порадовали бы ее, теперь едва коснулись ее сознания, она подалась к Петроку.

– Петрок! А Петрок!..

Вероятно, Петрок сразу почувствовал что-то неладное в ее голосе – таким голосом она обращалась к нему нечасто. Бросив на снег ведро, он встревоженно шагнул ей навстречу.

– Петра, что же это делается! – сказала она и всхлипнула. Петрок растерянно стоял напротив.

– Кто тебя? Что тебе?..

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Они же убьют нас. И хату сожгут... Они же озверели! У меня и корзинку отобрали...

Петрок как-то враз объял, нахмурился и, тихо вздохнув, вымолвил:

– Так и тебя, значит?

– А что, и тебя?

– И меня... В сосняке, ага?

– В сосняке.

Петрок оглянулся, подошел к изгороди, послушал немного, вглядываясь в сторону недалекого оврага.

– Слушай... Послушай меня. Никому ни слова! И никуда не суй носа. Сиди дома. Потому что... И мне грозились: за одно слово сожгут.

Степанида опустила на шершавый еловый комель на санях, у нее уже не было силы стоять. Значит, и Петрок тоже побывал в их руках и теперь приказывает ей молчать. Иначе... действительно, страшно подумать, что может случиться, если «иначе»... Где тогда жить? Куда идти с детьми?

Петрок напоил коня, завел в хлев. Недолго повозился там и снова вышел во двор. Уже совершенно стемнело, из-за угла истопки задувал порывистый, нехолодный ветер, звезд в небе не было видно. Обессиленная, заплаканная Степанида сидела на бревне и думала: что делать? Наверно, им с Петроком от беды уже не уйти, но хотя бы эта беда не задела детей, не обожгла их слабые души. Потом, конечно, достанется и детям, познают и они кривду, которой немало в жизни, но когда подрастут, пусть. А теперь еще рано, теперь она готова была заслонить их собой от злобных укусов жизни.

– Вот, бабонька ты моя, до чего докатились! – подошел к ней Петрок. – кто бы когда подумал! Вот и я... Еду, только лошадь повернул с большака, напрямик хотел, выходят: давай коня! Какой тебе конь, не видишь, дрова. Давай, и все. И дуло под нос. Взял бы, но гужи у меня слабые, я и говорю, мол, вот, рваные гужи... Посмотрел отпустил. Говорит, родня все же. Чтоб ты окошел, такой родич! Но, если что, сожгут. Они такие. Разъяренные. Им что? Им терять нечего. Как волки в лесу.

– Братья там или кто?

– А черт их знает! Но не один. Я видел...

– Так что же? Молчать?

– А что же еще? Жаловаться? Так пожалей детей!

Степанида молчала. Детей она пожалеет, конечно, но кто пожалеет ее? Над ней издевались, а теперь она должна измываться сама над собой, терпеть, когда не терпится, молчать, когда изнутри рвется крик. Разве так можно?

Всю ту долгую ветреную ночь она не сомкнула глаз, лежала, как деревянная, в запечье, размышляла. Думы были бесконечные, тяжелые, беспросветные, со множеством вопросов, на которые она не находила ответа. Что-то в мире запуталось, перемешалось зло с добром или одно зло с другим. Или, может, в ней самой что-то изменилось, переиначилось, надломилось, превратилось в прах? Она многого не понимала, но хорошо чувствовала одно: так не должно быть, не по-человечески это, значит, надо было что-то делать. Не лежать, не ждать, не мириться – завтра же надо бежать в Выселки, в местечко, в округ, в Полоцк, дойти до добрых людей. Перед ее глазами все стоял Новик, который требовал раскулачить только одного Гужова, о других он не говорил ни слова. Она не голосовала против Гужова и потом очень жалела стариков Гужовых, но теперь, после вчерашней стычки в сосняке с их Змитером, жалость к ним у нее пропала. Пусть раскулачивают, пусть вывозят из деревни этого волка, чтоб его и духу тут не было. Без него тут будет спокойнее.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Но за что же других?

О других она не могла думать без боли в душе, особенно когда вспомнила Анюту Ладимирову, старую Прохориху, да и Корнилу. С Корнилой у нее издавна были особые отношения, которые когда-то едва не стали их общей судьбой. Правда, не стали...

Она тогда была девкой, служила у старого Яхимовского, жила в Выселках и на работу каждый день ходила в Яхимовщину: вставала раненько, на заре, и через большак бежала на хутор. Надо было подоить и выгнать на пастбище двух коров, приготовить корм для свиней и гусей – тех и других здесь было немалое стадо, которое паслось по стерне на Голгофе. Старик Яхимовский в хозяйство почти не вникал, кряхтел себе на завалинке или в запечье, и она хозяйничала как знала. Кроме нее, на хуторе были еще батраки, но те работали в поле, к которому она не имела отношения. Ей хватало хуторской усадьбы, огорода, скотины, не дававшей передышку ни зимой, ни летом. Не мед был тот хутор, но что она могла без земли, без приданого, бедная приживалка в неласковой и малоземельной семье старшего брата в Выселках?

Однажды она запоздала встать и торопливо бежала по росистой стежке через картофельные огороды к большаку. Возле усадьбы Корнилы услышала во дворе его рассерженный голос, там же металась норовистая Корнилова корова, не давая сладить с собой. За год перед тем Корнила овдовел, остался с двумя ребятами, всю женскую работу по хозяйству делал сам, не слишком умело, иногда неуклюже, и бабы в деревне посмеивались над тем, как он стирает белье или замешивает хлеб; некоторые открыто сочувствовали ему. Степанида остановилась, уже поняв, что корова не дает себя подоить и Корнила бегаёт за ней с подойником, грозясь и уговаривая, да все напрасно. С некоторой робостью Степанида вошла в ворота и тихим голосом приласкала встревоженную корову, та постепенно успокоилась, Корнила вынес из сеней хлеб, посыпанный солью, и Степанида взялась доить. Молока было не так много, она быстро выдоила его и, улыбаясь, протянула подойник хозяину. Но Корнила, не беря подойник, как-то странно надвинулся на нее, молодой сильный мужик в расстегнутой на широкой груди сорочке, приземистый и рукастый. Степанида немного испугалась, но, увидев в его потемневших глазах совершенную беспомощность, почти растерянность, отвела его руки и засмеялась:

– Ты что, Корнилка? Опомнись...

Видно, это его отрезвило, он отошел к забору и, отвернувшись, постоял немного, загоразивая, однако, проход в калитку, и она засмушалась было: что делать? Снова повернувшись к ней, он сказал с грустью в хриповатом голосе:

– Вот бы мне женой тебя...

Она засмеялась снова:

– Так шли сватов, чего же ты?..

– А пойдешь? – снова насторожился взглядом Корнила.

– Подумаю. Может, и пойду. Не знаю еще...

Она и впрямь не знала, хотя ничего не имела против, Корнила был мужик работающий, но ведь вдовец и с двумя детьми. А она ходила в девках, из парней на примете никого не имела, никто еще к ней не сватался. Что было делать? Несколько месяцев она ждала, мечтала о разном, представляла, фантазировала, даже возненавидела себя, да и Корнилу тоже. Но сватов Корнила так и не прислал, а после поста привез из Кухналей засидевшуюся в девках перестарку Вандзю, которая и захозяйничала на Корниловой усадьбе. Степанида немного поплакала в подушку и успокоилась, хотя и не забыла о том маленьком происшествии на его дворе.

Может, теперь ему божеское наказание за это?

Но нет, разве можно за такое наказывать? А за что тогда будут наказаны Ладимир, старая Прохориха? Да и Гужовы тоже... В конце концов, если подумать, так, может, все и началось из-за этого Гужа? Если бы он не заупрямился на собрании, кого-нибудь вызвал, так, верно, не приезжал бы Новик, не потребовал бы раскулачивания. И не раскулачили, если бы на голосовании Гончарик не поднял руку

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru и тем не образовал большинства. А не раскулачили бы Гужа, не было бы заметки в газете и тогда... Может, не тронули бы и остальных.

Но тогда из-за кого же все это? Из-за Гужа? Новика? Или из-за Василевой уступчивости? Так неужели же причиной всему одна поднятая рука? Просто страшно подумать, как много иногда зависит в жизни, судьбах от одного только слова, руки, даже чьего-то невинного взгляда. Особенно в такое время. Каким надо быть рассудительным, незлым, справедливым! Потому что твое зло против ближнего может обрушиться – и еще с большей силой! – назад, на тебя самого, тогда ой как сделается больно.

Утром Степанида встала разбитая, вконец истерзанная своими мыслями. Надо было собирать в школу детей, а то бы не вставала вовсе. Пускай бы Петрок кормил поросенка, овец, хорошо, что корова еще не телилась, не надо было доить. При коптилке напустила чугунок картошки, растопила печь. Дети еще спали – сладко посапывал под утро Федька, Фенечка тоже притихла, а то всю ночь беспокойно ворочалась на кровати. Петрок вышел во двор и, верно, завозился возле скотины. Теперь, как заметила она, он больше, чем когда-либо прежде, проводил время возле коня, знал, скоро придется расстаться. Жаль было хорошего коника, которого только год назад нажили, и теперь отдавать... Она понимала Петрока. Тем временем началось утро, засинел рассвет в окнах, в хате было светло от огня из печи, и она только хотела задуть коптилку, как в окно постучали. Сначала она подумала, что это Петрок, но нет, стук был чересчур тревожный и резкий, испуганный, что ли. Степанида подумала: если что, там ведь где-то хозяин. Она подошла к окну и не сразу разглядела за намерзлым и подтаявшим стеклом женскую фигуру возле завалинки.

– Теточка... – послышалось из-за окна глухо, как с того света, и Степанида узнала Анютку. Она торопливо отворила дверь в сенях, Анютка вбежала в хату, упала на скамью и заголосила сдавленно и безысходно. Ее плюшевый черный сак был расстегнут, платок сбился на затылок, светлая расплетенная коса рассыпалась по плечам. – Ой, теточка, ой, беда у нас...

Степанида уже догадалась. Вчера в сельсовете стало ясно, какая беда надвигалась на Ладимира, Анютку и ее взрослых братьев, и теперь Степанида хотела как-то успокоить девушку. Но та вдруг поднялась со скамьи, оборвала плач и, вытирая слезы с лица, заговорила:

– Ой, теточка, ночью же Антипа с Андреем забрали. Приехала милиция и забрала, все перетрясли, искали еще Гужового Змитера, но тот хитрее. Змитер утек, а наших побрали, повели куда-то...

– Так, так, так, – машинально повторяла Степанида, кое о чем догадываясь. – Они с Гужом были?

– Ой, теточка, разве ж я знаю, но эти дни где-то пропадали. Змитер как пришел за ними, так и пропали, две ночи не были дома. А сегодня... Вы, может, слышали, что ночью случилось на большаке? Ой, беда же случилась. Говорят, кто-то перенял Космачева, ну и того, из Полоцка, и стреляли. Вон там, в соснячке. Говорят, Космачева ранили, хорошо, что конь вынес. Конь как поддал и понес до самого местечка. Ну, милицию подняли, ой, что делалось! Ночью... Наехали, аккуратно как братья вернулись. Только кожухи постягивали – стук-стук, спрашивают: где были? Те – дома. Тогда ко мне... А я что скажу, я же ничего не знаю...

Ошеломленная услышанным, Степанида опустила на скамью, чувствуя, как все враз перемешалось и в чувствах и в голове тоже. Понемногу, однако, она начала понимать, что произошло страшное. Ощутила еще неясную связь этого страшного случая с тем, что происходило в Выселках, со вчерашней встречей в сосняке. Она молчала, поглядывая на Анютку, которая немного утихла от плача и взялась поправлять платок. Смысл этих необычных событий медленно доходил до ее сознания. За печью повставали дети. Федька, надев штанишки, высунул из-за дерюжки и стоял так с испугом на сонном лице.

Анютка тем временем все говорила, в отчаянии заламывая руки:

– Не знаю теперь, что и делать! Отец плачет, говорит: зачем вы так на старость мою? А как повели Антипа с Андреем, так и совсем стал биться о землю, мне страшно стало, ну, я и побежала сюда. Что же делать теперь, теточка?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Что делать? Если бы она знала, что надо было делать. Но, пожалуй, теперь уже ничего не сделаешь. Теперь поздно! После такого совсем поздно. Теперь уже никуда не сунешься. Постепенно ей стало понятно, что делалось в сосняке, когда она бежала в местечко, почему они остановили ее: им не трешка понадобилась – они ждали. А она могла помешать. Но надо же на такое отважиться, дойти до такого! А теперь... Что теперь будет?

Глава шестнадцатая

Степанида постепенно успокаивалась, собиралась с мыслями, однако ее не переставало угнетать ощущение несправедливости, и, хотя она понимала, что поздно уже что-либо делать после той ночи и того случая на большаке, что-то недосказанное и недоосознанное требовало прояснения, выхода или осознания хотя бы для собственного успокоения, что ли?

Уже далеко отойдя от Ладимирова двора, заметила, что идет не в Яхимовщину, а в другой конец Выселок, но поворачивать не стала. Как раз впереди увидела знакомое место, где когда-то стояла их хата, а теперь неприятно стыли на ветру четыре березы да на меже усадьбы распустил тонкие ветки ряд вишенки. Хаты не было, хата давно уже сгнила, остатки ее разобрали на дрова, а огород перешел соседу, Богатке Демьяну, который заботливо обнес его аккуратной березовой изгородью. Степанида, однако, не задержалась возле места бывшего ее жилища и потащила дальше – мимо знакомых до мелочей хатенок, бревенчатых стен, изгородей, уличных деревьев; обошла толстенный, вылезший на улицу комель Меланиного клена. Спустилась с пригорка и все шла, пока не наткнулась на новый штакетник возле Авсюковой хаты, где теперь помещалась школа и куда недавно еще три раза в неделю бегала она на ликбез. Теперь там учились ее Федька, Феня и еще три десятка ребят, посаженных в четыре ряда – но ряду парт на класс. Степанида прислонилась грудью к штакетнику и все думала. Дети пусть учатся, может, им достанется лучшая доля, нежели выпала их родителям: наука даст хлеб и выведет в люди. А она все, она больше на ликбез не пойдет. После отъезда Аютки она уже не сможет без нее сесть за ту парту, не сможет переступить порог школы. В начале минувшей осени Аютка уговорила ее пойти на ликбез, убеждала: стыдно быть неграмотной, когда вся страна учится. Сама она очень старалась преуспеть в грамоте, и Степанида поняла почему – Гончарик перед службой окончил четыре класса в местечке. Как же Аютка могла отстать от него? В пору, когда была девчонкой, учиться не имела возможности, а в шестнадцать и подавно – пришлось стать за хозяйку в доме, мать умерла от чахотки, отец не женился больше, а близнецы-братья, Антип с Андреем, все что-то медлили обзаводиться женами, присматривались да колебались. Теперь уж, видно, не женятся.

Когда в школе раздался вдруг радостный детский гомон, Степанида поняла, что началась перемена, и оторвалась от штакетника. Далее стоять тут было ни к чему, и она медленно побрела улицей назад, поднялась на пригорок. На Ладимировом дворе уже никого не было. Проходя мимо хаты псаломщика, она захотела увидеть Левона, казалось, тот знает что-то такое, чего не знала она, что-то скажет, может, чем-либо утешит. В сельсоветской половине, однако, никого не было, лишь тучей клубилась пыль – это Потап Колонденко стертым веником драл затоптанный, неизвестно когда мытый пол, и она остановилась на пороге.

– Левон не заходил разве?

– Не, не заходил.

Не обращая на нее внимания, Колонденко нещадно орудовал веником – сметал к порогу песок и мусор, и она увидела на его всегда синюшных босых ногах неплохие еще, хотя и поношенные чьи-то сапоги. Но эти сапоги были не Левоновы.

– Что, сапоги заработал?

– Реквизированные, – тонким голосом ответил Потап, неприязненно взглянув на нее сквозь облако поднятой пыли.

– Старайся, паршивец! – в сердцах бросила Степанида.

Она шла вдоль изгороди и думала, что вот живет человек, еще молодой и грамотный (даже чересчур грамотный – окончил три или четыре класса), и во всем поступает

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru вроде честно, по велению времени, а ведь ничего, кроме озлобления, к себе он не вызывает в деревне. Написал вот в газету, что само по себе было, наверно, правильно, а чем оно обернулось в итоге? Она не имела еще слов на уме, чтобы сказать ему все, что чувствовала, но определенно ощущала только брезгливость к этому молчаливому переростку, который едва ли понимал, что творил собственным усердием. Этот не Змитер. На Змитера взглянешь, и сразу видать, на что он способен, а что сотворит завтра этот тихоня, поди догадайся. Ей вспомнилось, даже дети в деревне никогда не играли с ним в свои детские игры, и, хотя по натуре он был не злой и особенно никого не обижал, ровесники обходили его стороной. Всегда он был сам с собою, один – в деревне, по дороге в школу или возле стада в поле. Когда немного подрос, начал прислушиваться к непростым делам старших, не пропускал ни одного собрания, с утра до позднего вечера торчал в сельсовете, слушал разинув рот и молчал. Что вот думал только?..

– Ох, чтоб тебя разорвало, паршивца! – раздраженно пробормотала Степанида.

Она уже миновала последние хаты Выселок, уже был виден на отшибе сиротливо опустевший двор Ладимира с раскрытыми настезь воротами, когда вдруг где-то за Гончариковой хатой взвился истошный женский крик. Она содрогнулась от этого крика и остановилась посередине улицы. Из-за угла хаты выскочила расхристанная Ульяна, мать Василя, она дико вопила одно лишь: «Людцы! Людцы!» – исступленно била себя в грудь кулаками. Увидев Степаниду, бросилась к ней, все крича что-то, чего Степанида не могла понять, одно было ясно – произошло нечто страшное. Сквозь плач и причитания Ульяна показывала на хату, на голые окна с толсто намерзшим на стеклах льдом. Степанида бегом бросилась туда и уже со двора услышала такой же раздирающий душу крик из хаты – это заходился от плача Ульянин сынишка Яночка. Через распахнутые двери Степанида вскочила в сени, отбросила полураскрытую дверь в хату, думая, что надо спасти от какого-то несчастья Янку, но в мрачном незнакомом пространстве хаты не могла сообразить сразу, где он кричит.

Зато она увидела другое и в ужасе остолбенела посередине хаты.

Навалясь грудью на конец пустого стола, у окна неподвижно сидел Вася Гончарик, как был в своей красноармейской форме – шинели, ремнях, – неестественно уронив на плечо светлую с растрепанными волосами голову. В затхлом воздухе хаты явственно слышался тревожный запах недавнего выстрела, на полу у стола валялся наган, а где-то в углу возле печи заливался плачем трехлетний Яночка.

Глава семнадцатая

И вот в эту осень свелся на нет и без того немногочисленный, горемычный род выселковских Гончариков.

Щуплое, тонкое тело подростка в завернувшейся на животе одежде лежало возле скамейки под тыном. Петрок был ошеломлен этим убийством и не мог понять, как это произошло, как немой пастушок оказался ночью на хуторе. Что ему понадобилось тут? Петрок словно лишился речи и даже перестал сетовать на жизнь, его сковал страх. Впрочем, как и Степаниду, которая в молчаливом оцепенении сидела на своем топчане под окошком.

Немцы давно угомонились, наверно, уснули в своей палатке, не спал лишь часовой, который то стоял под крышей возле порога, то тихо прохаживался по двору. Когда немного засерело в окошке, как всегда, звякнула посуда на кухне – это принимался за свое дело Карла. Петрок отметил про себя эти знакомые звуки, выходя из полусонного забытья. Надо было готовиться к новым бедам и страхам, ибо что же еще мог принести с собой новый день? Но только он опустил ноги с кадушек, нащупывая ими подсохшие за ночь опорки, как услышал далекий, прерывисто тарахтящий гул со стороны большака – так некогда трещали мотоциклы, которые там, однако, давно уже не ездили. Значит, мост уже готов, если по большаку носятся мотоциклы, уныло подумал Петрок. Густой треск временами приглушался, но тут же становился звучнее, вот он послышался совсем близко (верно, уже за липами) и вдруг смолк. Кто-то заговорил с Карлой, потом с часовым возле двери. Петрок затаив дыхание слушал. Мотоцикла тут прежде не было, значит, этот прикатил издалека с каким-то, видно, приказом. Может, теперь что-нибудь изменится на хуторе? И правда, было похоже, что приехал посильный: раздался сдержанный стук в хату, где ночевал офицер, погода дверь отворилась и затворилась снова, тихого разговора немцев в истопке почти не было слышно. Зато, когда оттуда вышли,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru часовой во дворе прокричал что-то, и возле палатки поднялась суматоха – немцы затопали, загорланили, забегали по двору. Но вроде бы без особой тревоги, просто живо поднимались по неурочной команде, что ли?

Петрок прилип к оконцу – очень хотелось узнать, что там еще происходит. Степанида же, с виду безразличная ко всему, сидела на сенничке, прислонясь плечами к бревнам стены. Глаза ее были закрыты, но по тому, как подрагивали веки, Петрок догадался, что она не спала, как и он, чутко прислушивалась к происходившему во дворе.

В этот раз только два или три немца торопливо помылись возле колодца, другие выходили из палатки уже в шинелях и даже с винтовками в руках, некоторые с ранцами, сумками и будто в ожидании чего-то останавливались возле кухни, болтая, закуривали. Похоже было, однако, что ни завтракать, ни на работу они не собирались, и это навело Петрока на мысль, которая заставила его встрепенуться.

– Баба, а баба, слышь? Они выезжают!

– Жди, выедут тебе.

– Ей-богу, выезжают! Гляди, барахло из палатки выносят. Вон к машине...

В самом деле они вытаскивали из палатки ящики, узлы, одежду и через задний борт все швыряли в машину. Минуту спустя два солдата выдернули несколько колышков из земли, тугой горб палатки обвял, сморщился и опал наземь.

– Ага, выметаются-таки! Ай, слава тебе, господи! – охватила Петрока неожиданная радость, и Степанида, привстав, заглянула в оконце. Но прежде всего она увидела там вовсе не то, что обрадовало Петрока.

– Лежит... Хотя бы прикрыли чем. Как скотину какую... Звери.

Конечно, это она про Янку. Но Петрок даже боялся глянуть туда, под тын, где лежало худенькое тело подростка, до которого теперь никому из этих, кажется, не было дела. Застрелили и бросили. Но за что? Конечно, глухонемого убить нетрудно – окрика часового он не слышит, сказать ничего не может. Но за что убивать? Что он им сделал плохого?

Он полагал, что немцы заберут Янку – если убили, так, верно же, имели в том какую-то цель, ведь не ради забавы убивали. Однако те грузили имущество в машину, к убитому никто из них не приблизился даже. Один лишь пожилой грузноватый немец в шинели, с ранцем за спиной и винтовкой на ремне отошел немного от кухни, издали посмотрел под тын и, как показалось Петроку, вздохнув, пошел обратно к машине. Карла, несмотря на сборы, был занят своим повседневным делом: заталкивал дрова в топку, помешивал в котле, где закипало что-то, и ветер гнал сырой пар через тын в поле. За этим паром Петрок не сразу увидел телегу, которая незаметно подъехала к воротцам и остановилась возле машины. С телеги соскочил Гуж все в той же рыжей кожанке, с винтовкой в руках.

Именно в этот момент из сеней показался офицер в черном клеенчатом плаще, он остановился на ступеньках, по-хозяйски оглядывая двор, и Гуж моментально подбежал к нему, неуклюже вытянулся, как по команде «смирно». «От сейчас даст!» – злорадно подумал Петрок, вспомнив его вчерашнюю стычку с фельдфебелем. Но похоже, сегодня что-то переменялось в отношениях немцев с полицаем, офицер сдержанно поглядывал по сторонам. Петроку из окошка не были видны его глаза, заслоненные широким козырьком-копытом, но выражение лица казалось добродушно-спокойным. Гуж что-то объяснял, а тот, скупое «якая», слушал, потом подошел ближе и поднял руку. Петрок снова ощутил коротенькую злую радость: врешет! Но нет, не врезал, несколько раз одобряюще похлопал Гужа по плечу – гут, гут! Точно так, как вчера фельдфебель похлопывал его, Петрока, за старательно оборудованный офицерский клозет, который, судя по всему, больше им не понадобится. Значит, чем-то угодил полицай, чем-то выслужился, подумал Петрок, и его приподнятое настроение начало быстро омрачаться – приезд Гужа обещал мало хорошего. Особенно после того, как его похвалил офицер. Теперь жди новой пакости.

Немцы тем временем живо погрузили имущество, последними вынесли из хаты белые складные кровати и начали цеплять к машине свою громоздкую кухню. Человек пять

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru их, напрягаясь, катили ее к воротам, разворачивали, из топки сыпался огонь, и всюду воняло дымом, ветер крутил по усадьбе клубы сырого пара. Гуж помогал тоже, а Петрок стоял у оконца и думал: «Рви кишки, дати, а я не пойду и не выйду, если, конечно, не выгонят. Глаза бы мои на вас не смотрели, злыдни. Постреляли кур, сожрали корову, убили мальчишку – за что? Разве по-человечески это? Если не людей, то хотя бы побоялись Бога, Бог ведь все видит. Уж он вам припомнит эти злодеяния на чужой земле».

Наконец все было кончено. Солдаты забралась под брезент на машину, фельдфебель последний раз обежал двор и полез в кабину. О хозяевах, слава богу, они не вспомнили, не распрощались, значит, не имели в том надобности. Хозяева тем более. Тяжело раскачиваясь на выбоинах, огромная машина с кухней поползла к большаку. Петрок уже хотел было с облегчением перекреститься, как вдруг в воротцах из-под липы, неуклюже выворачивая передком, появился рыжий коник с телегой, в которой подергивал вожжами полицай колонденок. Гуж, сразу обретя нагловатую решимость в движениях, уже по-хозяйски указывал, как следует заехать и где стать во дворе. Петрок с досады зло плюнул под ноги.

– Мать твою... Не успели одни, уже другие...

Но делать было нечего, он понял, что в истопке не отсидишься, надо выходить во двор.

– Ну?! – вперил в него взгляд Гуж. – С бандитами снюхался?

– Я? – опешил Петрок.

– Ты. А то кто же. Вон немецкая команда всю ночь облаву делала.

– Облаву? А мне откуда знать? Я в истопке сидел. Они же вот видели.

– Видели?! – передразнил его Гуж и ткнул большим пальцем под тын. – А этот? Янка! Как здесь оказался?

– А я знаю?

– Не знаешь? – Гуж переступил с ноги на ногу, перехватил в другую руку винтовку.

– А ну зови свою бабу!

– Степанида! – позвал Петрок и ступил в сторону от камней.

Из сеней появилась Степанида, затянула платок у подбородка и остановилась в дверях, зябко кутаясь в ватник.

– С этим коров пасла? – кивнул Гуж в сторону тына.

– Ну, пасла, – тихо сказала Степанида, засовывая руки в рукава ватника.

– Космачев приходил? Ну, к нему в оleshниках?

– Какой Космачев? – подняла глаза Степанида.

– Тот самый! Где-то здесь шастает. Партизанщину разжигает. Я ему покажу партизанщину.

– Никого я не видела. Никто не приходил.

– Почему тогда этот под пулю полез?

– А я знаю, почему?

– Ты не знаешь, он не знает! – взорвался Гуж и, ловко перехватив из руки в руку винтовку, угрожающе потряс ею в воздухе. – Вы мне дураков не стройте. Я насквозь вижу обоих. Особенно тебя, активистка. Уж та винтовочка твоих рук не минула, – пронзая Степаниду злым взглядом, гремел Гуж. Степанида, затаив дыхание, сосредоточенно глядела куда-то под липы.

– Сказать все можно, – вставил свое Петрок. – Но грех, не зная, валить на

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru человека. Мы вон в истопке сидели. Считаю, под арестом. Если бы что...

Телега стояла во дворе, понуро опустив голову, дремал в оглоблях рыжий коник, возле молча ждал чего-то перетянутый по шинели ремнем полицай Колонденюк. Закатив глаза, он полностью, казалось, ушел в себя, в свои мысли. Но стоило Гужу повернуться к телеге, как полицай слова стал полон внимания.

– Ладно, – сказал Гуж. – Потом. Теперь некогда. Давай пацана на воз, – спокойнее сказал он Петроку и направился к тыну.

Колонденюк бросил вожжи на охапку сена в телеге.

Затаив страх в душе, Петрок боязливо подошел к распластанному телу подростка в темной заскорузлой одежке, голова его была запрокинута, на виске возле уха присох комок грязи или, может, крови; бурые кровавые подтеки на голом, перепачканном землей животе тоже подсохли. Петрок нерешительно остановился, не зная, как взяться за убитого, и стоял. Но Колонденюк, не дожидаясь его, ухватил янку за голые грязные лодыжки и, будто бревно, безразлично поволок к повозке. Руки парнишки неловко раскинулись, голова на худой тонкой шее задвигалась, словно у живого. «Боже, боже! – ужаснулся Петрок, сам не свой направляясь следом. – Что делается!»

– Бери, что стал! – гаркнул издали Гуж, когда оба они остановились возле телеги. Сам, однако, близко не подошел, взялся свертывать из обрывка газеты сигарку.

Петрок с Колонденюком кое-как подняли окоченевшее тело Янки, перевалили через борт в телегу. Колонденюк слегка забросал его сеном, хотя все равно было видно, что в телеге лежит убитый. Петрок подумал, что теперь-то они уедут, и отошел в сторону, чтобы не стоять на дороге, но Гуж выпалил:

– Ты тоже с нами!

– Куда?

– На работу, куда! Позагорали на курорте, теперь за работу! Мост доделывать. А как же? Вон местечковцы который день вкалывают, а вы тут запановали под боком у немцев.

«Чтоб ты всю жизнь так пановал, горлохвост проклятый!» – уныло подумал Петрок, зная, однако, что придется идти. Уж этого не упростишь, особенно после того, что здесь произошло, на этой усадьбе. Хорошо еще, что не заарестовал насовсем, а только выгоняет на работу.

Матерясь в душе, Петрок пошел за телегой, в которую на ходу повскакивали полицаи. Колонденюк управлял конем, а Гуж сидел сзади, свесив до земли длинные ноги, и следил за Петроком, чтобы не убежал, верно. Но куда было убежать? Он прожил здесь половину жизни, вырастил двоих детей, познал столько забот, страха и горя, а может, немного и радости. Куда было удирать? Он ведь человек слабый, зависимый и всю жизнь вынужден был делать то, что ему скажут. Ведь у них сила, а что осталось у него? Пара натруженных рук, ревматизм в ногах и шестьдесят лет за плечами, что он мог выставить против их хищной воли? Разве что малость схитрить, но и то с немцами, а с этими не очень схитришь, эти были свои, своих не обманешь. Да и с немцами вон Степанидина хитрость едва не обернулась бедой. Лучше бы уж без хитрости, по правде, в открытую.

Спустившись к большаку, телега объехала широкую желтую лужу и взобралась на насыпь, а Петрок пошел себе стежкой возле придорожной канавы. Тут уже близко начинался сосняк, за ним виден был поворот и там мост. Чтоб он пропал, этот проклятый мост, сколько из-за него напастей на Яхимовщину, думал Петрок. Как было хорошо, когда он был разворочен бомбами и два месяца никто здесь не ходил и не ездил. А теперь... Теперь тут начнется ад, это точно.

Но до моста они не доехали, не доехали до поворота даже. В стороне от большака в сосняке, где когда-то выселковские мужики и местечковцы копали для хозяйственных нужд песок, стояло три повозки, и несколько мужиков лениво нагружали их. Колонденюк свернул к обочине и остановил коня. Гуж спрыгнул с телеги. Мужики перестали копать, кто-то один, а за ним и остальные по очереди нерешительно стянули с голов шапки и молчаливо замерли перед полицаем.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Почему медленно? – строго спросил Гуж. – Сколько возов отправили?

– Шесть, кажется, – сказал из ямы немолодой мужчина с лицом, густо заросшим седой щетиной.

Петрок узнал в нем Игната Дубасея из Загрязья. Когда-то, еще до колхозов, Дубасей выделял овчины, и Петрок навевывался к нему, надумав шить козушок, вот этот самый, что был у него на плечах. Неловко переминаясь с ноги на ногу, Петрок не знал, что лучше: как и все, снять шапку или стоять, как пришел. Но чтобы излишне не отделяться от остальных, также потихоньку стянул с головы суконную кепку.

– Надо двенадцать, душу из вас вон! – вдруг начал звереть Гуж. – Надо шевелиться, а не лодырничать, не за Советами вам! Перекуриваете помногу?

– Да мы...

– Никаких перекуров! Дотемна засыпать шоссе! Ты! – бросил он Колонденку. – Слезай и следи. Чтобы никто никуда!! Работать мне, работать!

Колонденко положил на телегу вожжи и вытащил из-под сена длинную свою винтовку. На его место сел Гуж. Напоследок он обвел строгим, ненавидящим взглядом яму и трех притихших в ней мужиков, заметил Петрока на обочине.

– Ты, Богатка, им в помощь! И шнель, шнель, шнель! Понятно?

Телега с Гужом покатила к речке, кто-то из мужиков вполголоса выругался, кто-то трудно вздохнул. Петрок по сыпучему склону сошел на дно ямы и взял лопату с надломленной ручкой, которая торчала сбоку в песке. Вверху над ним стояла недогруженная телега, а возле нее с винтовкой под мышкой, как часовой, столбом застыл Колонденко. Его глаза снова закатились под лоб, кажется, в мыслях он далеко унесся отсюда.

Вряд ли быстрее, чем прежде, они начали бросать песок вверх, в телегу. Бросать было неудобно, высоко, яма стала довольно глубокой, вблизи от дороги песок весь выбрали и копали все дальше. Петрок быстро согрелся, но скоро и утомился, стало неприятно горчить в груди, он замедлил темп, а потом и вовсе остановился. Но только он раза два спокойно вздохнул, как на обрыве встрепенулся Колонденко.

– Копать!

– Так это... Уморился я... Отдохнуть...

– Копать!

– Так это... Сынок...

«Сынок», однако, уже схватился за винтовку и клацнул затвором, готовый вот-вот выстрелить. Петрок испугался, руки сами ухватились за ручку лопаты, он бросил немного песка в повозку, и Колонденко опустил винтовку. «Ну и гад! – подумал Петрок. – Почему его мать не придушила малого? Ведь он хуже, чем Гуж. С тем хоть поругаться можно, как-то оправдаться, а этот, чуть что, сразу за винтовку».

Накопив воза четыре, Петрок с трудом выпрямился. Грузенная телега выезжала на дорогу, кажется, больше телег не было, можно было бы немного отдохнуть. Но не успел он обрадоваться, как из-за поворота снова застучали колеса, и вскоре новый возничий осаживал задом коня, удобнее подставляя телегу. Это был Корнила из Выселок, как всегда, молчаливый, насупленный, однако неплохо одетый – в малоношеной суконной поддевке. Последнее время он отпустил черную косматую бороду, поддываясь под деда, хотя был на пять лет моложе Петрока. Долгие годы они не разговаривали и не здоровались, но теперь Корнила, завидев в яме Петрока, сдержанно кивнул:

– День добрый.

И Петрок неожиданно для себя заговорил радостно:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Ага, добрый... Тоже выгнали, с конем даже?

– Да вот, стараемся, – пробурчал в бороду Корнила, беря с телеги лопату. – Торопятся, мост нужен.

– Кому надо, а нам – так сгори он ясным огнем, мост этот...

Корнила коротко глянул на Петрока, косо посмотрел на Колонденка, который уже навострил ухо к их разговору, и громко сказал, наверно, чтоб слышал полицейай:

– Надо, надо помочь немецкой армии. А как же?

Петрок смолчал, не зная, как понимать эти его слова. Судя со стороны, говорил он искренне, вроде бы так и думал. Но Петрок понимал, что слишком хитер этот Корнила, с ним так не потолкуешь. Что бы он ни говорил, всегда имел в виду что-то свое, прямо не высказанное. Таким скрытным стал лет десять назад, когда его исключили из колхоза и раскулачили. Правда, не выслали, и Корнила начал работать в местечке, сначала в промартели, а потом года четыре состоял в пожарной команде и, как оказалось, зажил не хуже, чем они все в колхозе. А может, и лучше.

Они копали не переводя дыхания, до полудня и после полудня; телеги все сновали на мост и с моста, благо возить было близко. Те, кто на лошадях, немного отдыхали в недолгом пути от моста, а бесконные Петрок с Дубасеем не знали минуты передышки и думали, что упадут от усталости. Игнат так хоть был легче одет, в старый суконный кафтан, Петрок же в своем колушке давно уже вспотел, как щенок, и думал: не миновать снова воспаления легких. Когда-то он уже хворал воспалением легких – простудился на лесозаготовках, когда возили бревна из пущи и у него сломались груженные сани, ну, пришлось попотеть, порвать кишки. Через три дня свалился в жару среди чужих людей в деревне, где квартировали заготовители, думал, не выживет. Может бы, и в самом деле не выжил, если бы не отвезли в больницу. А в больнице, когда полегло, был даже доволен, что захворал и никуда не надо ехать, лежи себе в тепле, при сносных харчах и человеческом обращении, не то что в лесу, на морозе, с лошадьми, в плохой одежде и всегда мокрых дунях. Последнее время лес заготавливали каждую зиму, давали рудничные крепления Донбассу, а в ту ему просто здорово повезло благодаря болезни. Правда, потом еще долго водило из стороны в сторону от слабости, но был помоложе, мало-помалу пришел в себя, а к весне и вовсе поправился. Но тогда были доктора, больницы, а теперь? Заболеешь, кто тебя вылечит? Приедет и застрелит этот полоумный Колонденко, скажет: провинился перед Германией.

Игнат Дубасей, понемногу копая рядом, все что-то ворчал про себя в яме, Петрок прислушался: старик роптал, что пригнали сюда его, старого человека, в то время как другие остались дома, их не трогают. Петрок немного удивился и спросил: почему?

– Хе, почему? Самогоночкой рот залили этому злыдню. Самогоночка теперь – сила.

О том, что самогонка – сила, Петрок уже знал и молча согласился с дедом. Только на все надо умельство, не каждый ее может и выгнать, эту самогонку. Опять же нужен инструмент.

– Инструмент, холера на него, вывелся. Теперь где его возьмешь? Змеевик, например, – с тайным намерением посетовал Петрок и настороженно притих в ожидании ответа.

– Ха, инструмент! Вон у нас Тимка Рукатый. Бывало, до войны за деньги самого черта тебе мог смастерить. Теперь не знаю. Теперь что ему деньги?..

– Этот, что под вязом хата? Отсюда, с краю? Гнездо там еще, аиста, кажется...

– Вот, возле аиста. Хорошая хата. Под новой дранкой.

Петрок хотел уточнить еще что-то, но сверху с дороги их разговор услышал Колонденко и взвизгнул тонким голосом:

– Не разговаривать! Копать!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Копаем, копаем. Чтоб тебя... – тихо пробурчал Дубасей и громче, уже с угодливостью обратился к полицаям: – Сынок, это мне по нужде чтоб... Ну, в лесок, а?

– Копать!

– Так мне по нужде сынок...

– В ямине.

– Как же в ямине? Человек же я... Надо...

Но Колонденюк, будто оглохнув, уже закатил глаза и, казалось, ничего не видел вокруг. Старик воткнул лопату в песок и, страдальчески наморщив заштитенное лицо, полез по обрыву из ямы туда, где начинался мелкий молодой соснячок на пригорке.

– Назад! – взвизгнул с дороги Колонденюк. Но Дубасей уже выбрался из-под обрыва к сосенкам, и Петрок снизу видел лишь его голову в черной косматой шапке. Вдруг эта шапка странно взметнулась над головой, и тотчас с дороги раскатисто ахнул винтовочный выстрел, широко расставив тонкие ноги, Колонденюк перезарядил винтовку. – Назад!

Старый Дубасей задом сполз по обрыву, обрушивая песок, и Петрок ужаснулся от мысли, что тот, наверно, убит. Но нет, кажется, был живой, только побледнел от страха и остался без шапки. Сползши до низа не сразу, расслабленно стал подниматься на ноги.

– Копать! Быстро! Шнель! – визжал с дороги полицай, держа в обеих руках винтовку.

Невидящими, полными слез глазами Дубасей осмотрел яму, слепо нашарил возле себя лопату.

– Боже мой, боже! – тихо шептали его губы. – Что же это? Как же это? Ведь мы же с его отцом дружили. Вместе на службу призывались. Отец же человеком был...

«Ну и гадюка, – думал Петрок, обессиленно втыкая в песок лопату. – И почему его малым еще хвороба какая не придушила? Сколько хороших людей погибло, а этот живет и свирепствует. Какая несправедливость на божьем свете...»

Петрок почти не помнил его малым, кажется, был он как и все ребяташки, но вот, когда стал ходить в школу, однажды о нем заговорили в деревне. Это тогда его крепко побил младший Лукашонок, словив на чердаке с украденной колбасой за пазухой. Как-то перед Рождеством по деревне пошли разговоры, что стали пропадать мясные припасы с чердаков, сначала нарекали на старого ленивого кота Корнилы, даже пытались его убить колом из забора и, наверное, убили бы, если бы кот не поспешил взобраться на самую верхушку клена, где и просидел до вечера. А наутро оказалось, что кот ни при чем, это десятилетний Потапка Колонденюк регулярно обшаривал чердаки деревенцев. Тогда ему здорово досталось от злого и сильного Лукашонка, неделю пролежал в постели, а поднявшись, перестал ходить в школу и еще долго сторонился людей. Люди, однако, со временем забыли о ребячьем грехе Потапки, вот только Потап, похоже, не забыл о нем и теперь мстил за свою проделку другим.

Колонденюк не позволил им ни закурить, ни передохнуть, телеги все шли, и они все копали и копали. Яма стала глубокой, в рост человека, надо было хорошо размахнуться, чтобы добросить до телеги, а руки уже не слушались. Дубасей работал без шапки, с голой, неприкрытой головой, на которой ветер играл белым пушком, и в глазах у старика было полно слез, которые он украдкой вытирал заскорузлой рукой. Вверху на дороге столбом вытянулся Колонденюк. Видно, ему было холодно, руки он засунул в карманы, полы шинели хлопали на ветру по его сапогам, но полицай ни на шаг не отходил от ямы.

Как-то, однако, они дотянули до вечера, хотя изнемогли вконец, а сколько набросали возов, так перестали и считать. Когда начало вечереть и в яме сгустились сумерки, на дороге появился Гуж. Рыжая кожанка его была расстегнута на груди, лицо потно раскраснелось, глаза хищно горели – от самогона, не иначе.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Генуг, лодыри! На сегодня генуг! А завтра будет приказ! Или сюда, или на картошку. По домам разойдись!

От этой команды у Петрока подогнулись колени, и он сел, где стоял, на песчаный откос, совершенно без сил, отощавший без еды за целый день. Дубасей начал вылезать из ямы и едва выбрался под сосенки, где лежала его простреленная шапка. Погодя вылез из ямы и Петрок.

Было уже темно, разгоряченное тело быстро остывало на ветру, Петрок согнулся и как мог скорее подался большаком на хутор. Он понял, что если так будет и дальше, то на жизнь рассчитывать нечего, придется загнуться, и чем скорее, тем, может, лучше. Хотя боязно было помирать, хотелось еще пожить. Хотя бы затем, чтоб посмотреть, как наконец дадут этим под зад, как завоюют они от русского сапога. Верно, все же завоют. Не может быть, чтоб не завыхли, не должно так быть. Жаль вот, что можно и не дожидаться...

Уже в потемках он притащился на замершую свою усадьбу, вопхнулся в сени и смешался, забыв, куда надо идти, в хату или в истопку. Но вот дверь из хаты сама растворилась, он узнал Степаниду и переступил порог. Тут уже все было прибрано и стояло на своих местах, как прежде, до немцев, топилась грубка, ярко светились щели около дверцы, было тепло. Петрок, как был в колушке, опустился на скамейку напротив грубки.

Степанида что-то сказала насчет еды, но он притерпелся к голоду и о еде перестал уже думать. Тело его жаждало лишь одного – свалиться и лежать в неожиданно обретенном тепле своей хаты, но он не мог позволить себе свалиться. Он уже понял сегодня там, в яме, что прежде надо позаботиться о завтрашнем дне, если хочешь немного пожить и дожидаться лучшего.

– Ты принеси скрипку, – слабым голосом сказал он жене.

– Скрипку? Зачем? Что ты, играть будешь?

– Отыгрался уже...

Он не сказал ничего больше, и она пошла с лучинкой в истопку, откуда вскоре принесла скрипку и смычок. Снова ничего не говоря жене, Петрок вышел со скрипкой во двор, по стежке перешел огород и перелез через ограду, направляясь к оврагу.

Дальше надо было обойти поле, перебраться через конец оврага – за Бараньим Логом под лесом было Загрязье, где в хате под вязом жил Тимка Рукатый, который за плату мог смастерить все, что захочешь.

Глава восемнадцатая

Судьба или случай дали передышку, вроде бы отодвинули в сторону самое страшное, и Степанида немного воспрянула духом. А то были минуты, когда она уже прощалась с жизнью и только жалела, что была чересчур боязливой и так мало сделала во вред немцам. Но и то, на что отважилась, было сделано не всегда в лад, получалось через пень колоду, по-глупому. По-глупому она лишилась Бобовки, из-за своего недосмотра растеряла курей. Да и Янка тоже, верно, погиб по ее вине: была бы умнее, как-нибудь втолковала бы парню, что и близко нельзя подходить к хутору. Но что делать, если верная мысль зачастую приходит поздно, когда она уже бесполезна.

Как бы там ни было, жизнь пока продолжалась, надо было что-то есть сегодня, да и позаботиться о завтрашнем дне, а не только о том, чтобы дожить до вечера. Надвигались холода, который день подряд хмурилось осеннее небо, слегка дождило, а картошка лежала в куче на конце огорода. Петроку все не выпадало заняться ею, и Степанида, подумав, взялась за лопату. Не очень сложное это дело, хотя и считалось чисто мужским – забуртовать два воза картошки. Степанида подровняла кучу, подгрести, плотнее обложила соломой и начала окапывать землей.

В усадьбе ее ничто больше не волновало. Постепенно собрались в хлеве шесть куриц, остальных, видно, съели немцы. Вчера утром, как только, забрав Петрока, убрались со двора полицаи, она прежде всего побежала в овраг, нашла в барсучьей норе своего изголодавшегося поросенка, который так ей обрадовался, что бросился

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru в ноги и даже забыл о голоде, когда она почесывала его похудевший, опавший живот. Он не подал голоса за все время, пока она волокла его из оврага, а затем трусцой бежал по тропинке к хутору и, видно, с большой неохотой снова влез в тесный свой засторонок. Там она вволю накормила его картошкой, не пожалела обмешки, потом он выпил чугунок воды и успокоился.

Окапывать бурт было нетрудно, хотя, конечно, Петрок мог бы сделать это скорее. Но Петрок с утра занялся другим делом. Встав до рассвета, он долго гремел самогонным приспособлением, потом куда-то исчез, появился снова, взял ведра, коромысла, начал переносить брагу. Она думала, что он устроится в истопке или хотя бы в овине, а он забрался и еще дальше, куда не сказал даже ей. Только когда все настроил, пришел просить спички. Голос его стал совсем сиплый, сам он выглядел усталым, измученным, каким давно уже не был. Она дала ему две спички и сказала, чтобы недолго торчал на стуже, на дворе было сыро и холодно, недолго застудить грудь, что тогда пользы будет с его самогонки.

– А, черт его бери, – устало отмахнулся Петрок. – Все равно уже...

Степанида забросала землей одну сторону бурта, обшлепала ее лопатой, ровняя пласт земли на соломе. Все это время, что бы она ни делала – возилась дома или устраивала поросенка, – не могла избавиться от мысли о Янке. Она очень жалела теперь, что в тот вечер встретила его возле оврага, пусть бы он пас где-нибудь в зарослях, зачем было приближаться к хутору. Но, видно, какая-то злая сила влекла его к той опасности, которая обернулась для него гибелью. Степанида не могла избавиться от горького ощущения какой-то своей причастности к его гибели, хотя и понимала: то, что сделала она с винтовкой, не касалось никого больше, даже Петрока, и она не видела здесь никакой связи с Янкой. Правда, она догадывалась, что привело парня ночью в овраг, скорее всего он шел к барсучьей норе, но зачем так близко от хутора? Разве нельзя было пройти с другого конца оврага? Неужели не чувствовал, чем это может для него кончиться?

Бурта она еще не закончила, когда услышала со двора голос, ее окликали. Кто в такое время мог здесь появиться, не надо было долго гадать, конечно, это были все те же злыдни. Вся внутренне напрягшись, готовая к худшему, Степанида воткнула в землю лопату и пошла через огород к дровокольне.

Так оно и было, она не ошиблась. На том месте, где недавно дымила немецкая кухня, теперь стояла телега со знакомым понурым конем в оглоблях, а Гуж с Колонденком, выкрикивая ее имя, уже заглядывали в окна. Возле повозки с бесстрастно скучающим выражением на смуглом лице стоял с винтовкой на ремне полицай Антось Недосека.

– А, вот она! – завидев Степаниду, сказал Гуж. – Где Петрок?

– А тут разве нет? Тогда не знаю, – соврала она, сразу сообразив, что этот приезд, верно, не к ней – к хозяину хутора.

– Открывай двери! – приказал Гуж. Но, опередив ее, сам сбросил щеколду и размахисто стукнул дверью.

Пока она шла за ними, Гуж успел заглянуть в истопку, бегло осмотреть сени, даже принюхался к чему-то своим мясистым широким носом и стремительно вскочил в хату. Там он сначала заглянул в каждое из четырех окон.

– Где Петрок?

– А не знаю, сказала. Я вон картошку буртую.

– Ах, ты не знаешь? Так мы знаем – самогон гонит! Где гонит? – вдруг насторожился Гуж, оборачиваясь к ней и сразу заслонив весь свет из окон. Она не стала ни переубеждать его, ни божиться, что не знает, где Петрок, только произнесла тихо:

– Мне не сказал.

Гуж что-то взвесил, подумал, и его широкие челюсти по-волчьи зло клацнули.

– Ну, падла, ты у меня дожدهшься! Наконец я тебя повешу. С моим большим

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru удовольствием. С наслаждением!

– Это за что? – не поднимая взгляда, спокойно поинтересовалась она, не отходя от порога. У нее также невольно сжались челюсти, только она не показывала того и смотрела в землю. Чистый после немцев пол они нещадно затоптали грязными сапогами. Но пусть, ей не жаль было пола, но очень хотелось ответить этому немецкому прислужнику, и она резче повторила: – За что?

– Сама знаешь, за что! Вы! – рявкнул он на своих помощников. – А ну, пошуруйте по усадьбе. Где-то тут он гонит.

Колонденок с Недосекой бросились в дверь, а Гуж сел возле стола, пронзая Степаниду гневно-угрожающим взглядом.

– Ты же знаешь, что тебя надо повесить как большевистскую активистку. А еще хвост поднимаешь! На что ты рассчитываешь?

– А ни на что не рассчитываю. Я темная женщина.

– Это ты темная женщина? А кто колхозы организовывал? Кто баб в избу-читальню сгонял? Темная женщина! А раскулачивание?

– Раскулачивание ты не забудешь, конечно, – задумчиво сказала она, прислонясь к печи. Она уже совладала с собой и смело, в упор глядела не полицаю.

– Нет, не забуду! По гроб не забуду. И попомню еще некоторым. Жаль, Левона нет. Я бы ему!..

– Лучше об этом теперь забыть, – помолчав, сказала Степанида. – Для тебя лучше. Спокойнее было бы.

– Ну, это уже хрена! Я не забуду. Не забуду, по чьей милости в чужих краях горе мыкал. Я теперь чего сюда прибился? – заходясь в напряженной, едва сдерживаемой ярости, говорил Гуж. – Думаешь, немцам служить? Чихал я на немцев. Мне надо рассчитаться с некоторыми. С колхозничками, мать вашу за ногу! За то, что роскошествовали, когда мой батька на Соловках доходил!

– Уж и роскошествовали! Работали...

– За палочки работали? – спохватился Гуж. – Так вам и надо! Зачем было лезть в колхоз? Ты же в колхоз агитировала!

– Нетрудно было агитировать. Разве не знаешь?!

– Так какого ж шиша не зная, не ведая полезли? Как в прорву. Теперь нажрались палочек, поумнели?

– Умные и тогда были. Но малоземелье не лучше. Как было жить на двух десятинах с детьми?

– А на шестидесяти сотках лучше стало? Двух десятин им мало было! Вот теперь немцы дадут земли сколько хочешь. До тридцати га. Тем, кто, конечно, заслужит. У германской власти заслужит.

– Тебе уж точно дадут. Заслужил!

– Мне? А на черта мне земля? Я ее с детских лет ненавижу. Плевал я на землю.

– За что же тогда стараешься?

– Ах, какая умная, гляжу! Все тебе знать надо! А хоть бы за то, что власть дали. Для власти! Я всю жизнь был подчиненный, безвластный человек. Не мог ничего. А теперь у меня власть! Полная. Я же теперь для вас выше, чем сельсовет. Выше, чем райком. Чем совнарком даже. Я же могу любого, кого захочу, пристрелить. Мне все доверяют. А могу и наградить. Вот тебе что надо? Корова нужна, немцы сожрали? Будет корова! Завтра приведу. Поросенка? Так же. Коня нет? Завтра из Выселок двух пригоню. Отберу у любого и пригоню. А ты думала?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Отобранных нам не надо.

– А я тебе и не дам. Ты же враг! Враг Германии. Думаешь, я не знаю, чьих рук не миновала та их винтовочка? Напрасно дураки немцы на него списали. Я согласился, думаю: пусть! А сам имею в виду. Тебя, Степанида, имею в виду. Я еще тут пошурю. В одном месте. Знаешь, в каком!

Он почти выкрикивал это, вперив в нее твердый, безжалостный взгляд, и она смешалась, первый раз за эту встречу подумав: неужели разнюхал, холуй немецкий! Но и в самом деле у нее стало муторно на душе, казалось, он что-то узнал, вроде сам подглядел или, может, подсказал кто. Хотя рассудком она убеждала себя, что ничего знать он не мог. Пугал? Испытывал? Может быть, хотя все равно было скверно.

– А вот Петрок умнее тебя, – помолчав и немного успокоясь, сказал Гуж и вскочил из-за стола. – За самогон взялся. Правильно! Только пускай не вздумает от меня скрываться. Голову откручу и скажу, что безголовым родился. Выменял змеевик на скрипку и думает утаить. Не удастся, у меня агентура!

В сенях раздалися шаги, через порог шагнули длинноногий Колонденек и плотный, плечистый Недосека.

– Ну что?

– Нигде нетути! – взвизгнул Колонденек.

Недосека сначала изобразил глубокую озабоченность на лице и, жестикулируя, начал пространно объяснять:

– Обшарили это, считай, насквозь. И в пуне, и в хлевках. Нету. И куда он пропал, кто его знает...

– Хреново шарили! – оборвал его Гуж. – Ну ладно. Некогда сейчас, а то бы...

Он еще раз торопливо заглянул в каждое окно и перехватил винтовку.

– Недосека, будешь стеречь! Садись и дожидайся! Придет, никуда не денется. Ее, – кивнул он на Степаниду, – никуда за порог. Придет, горелку ко мне. Понял?

– Понял, ну, – не очень решительно сказал полицей.

– Вот так! Поехали, Потап! А ты запомни, что я сказал, – на прощание бросил он Степаниде. – Покуда не поздно.

Она стояла возле печи и смотрела в окно, как они там разворачивали телегу, как садились в нее на ходу и выезжали из ворот. Только потом она оторвалась от окна и оглядела притихшую фигуру Недосеки, который терпеливо стоял у порога.

– Садись, чего же стоять.

– Ага. Это... сяду. А то ноги, они свои, не казенные.

Недосека скромно опустился на скамью, вздохнул, обеими руками оперся на дуло винтовки с заметно расколотым вдоль прикладом.

– За водкой ехали или как? – спросила Степанида.

Недосека изобразил искреннее недоумение на простодушном, в общем, симпатичном, с ровными бровями лице.

– А кто ж его знает! Он все. Или за водкой, или еще зачем. Нам не говорит.

– Неужто никогда и не говорит?

– Не-а, – захлопал круглыми глазами Недосека. – Правда, когда жидов выкуривали, так говорил. Инструктаж подробный давал: и сколько патронов брать, и где стоять каждому. Кому в оцепление, значит, а кому их бараклом заниматься.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– А их куда?

– А их погнали. Зондеркоманда погнала в карьер. А там...

– Всех? – внутренне холодея, насторожилась Степанида.

– Считаю, что всех. Мало осталось.

«Ну вот, эти уже дождались!» – почти с ужасом подумала Степанида. Как-то в конце лета слышала, люди рассказывали: немцы отвели в местечке три улицы возле речки, согнали туда всех евреев. Одни говорили: ой, ненадолго это, все равно побьют, надо разбегаться. Другие рассуждали так, что не должны уничтожить, что и немцы люди, веруют в бога – это и на пряжках у них написано. Очень правдоподобно рассуждали умники, и их слушали. Известно, когда человек чего хочет, так всегда найдет тому оправдание, убедит сначала себя, а потом и других. Или наоборот. Ну и досиделись вот до карьера.

– Сколько людей ни за что погибло, а такую холеру так никто и не трогает. И пули на него не найдется. Я про твоего дружка, про Колонденка. И прежде он был сволочь, а теперь и по-прежнему, – сказала Степанида.

– Сволочь, ага, – просто согласился Недосека. – Сначала Гуж хотел его шлепнуть. В хату ночью пришел, меня на караул поставил. А поговорили и полюбились. Назавтра уже и винтовку ему вручил. Вот как делается.

– Быстро делается. Красноармейской формы еще не сносил. Как был у своих...

– Я так думаю: а куда ему больше? Его же тут все ненавидели еще с той поры. Куда деваться? Только в полицию.

– Только в полицию, это правда, – подтвердила Степанида. – Прямая дорожка. А тебя к ним что привело? Или, может, понравилось? – осмелев, спросила Степанида.

– Где там! – просто сознался Недосека. – Не дай бог никому!

Он горестно вздохнул и толстым прикладом тихонько поскреб доски пола.

– Думала, нравится, раз так стараешься.

– Постараешься! Вчера на мосту немец-начальник на него накричал, ну, на Гужа этого. Так он меня грозился стрелкнуть. Мужика одного из Загрязья не устерег. Удрал на подводе.

– Еще застрелит, – сказала она. – Если у вас такие порядки. Или наши убьют.

– Может быть, – согласился Недосека. – Только что поделаешь? Пропаций я, – заключил он и вдруг попросил: – Может бы, поесть дали, тетка? Не евши сегодня.

Степанида удивилась: полицей, а просит, такое теперь услышишь не часто. Гуж, конечно, просить бы не стал, а этот впрямь как ягненок. В печи у нее стоял чугунок со щами, которые она держала для Петрока, но теперь, подумав, сняла заслонку и выдвинула чугунок.

– Чего же не позавтракал утром?

– Да не было времени. Ночью Гуж на задание поднял. Бомбу искали. Черта ее найдешь...

– Какую бомбу?

– А ту, что после бомбежки возле моста лежала. Что не разорвалась. Кто-то, однако, уволок. Видно, понадобилась.

– Ну, уволок, так что?

– Ага. А если под мост подложит? Да ухнет? Тогда кому отвечать? Полиции, конечно. Потому как недосмотрела.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Она налила миску щей, положила кусок лепешки на стол. Недосека прислонил к печи винтовку, которая явно мешала ему, и с аппетитом принялся хлебать заправленные салом щи. Понемногу он разогрелся, расстегнул на груди серую суконную поддевку, а кепку не снял; лицо его как-то по-домашнему оживилось, вроде прояснилось, как у молодого. Украдкой Степанида поглядывала на него и вспоминала его шурина из местечка, в хату которого перебрался перед войной Антось. Шурина в той хате давно не жил, после гражданской остался в армии и все довоенные годы служил на японской границе, был командиром. Иногда Недосека не без гордости показывал мужикам его письма и фотографии с двумя шпалами в петлицах – дослужился до большого чина. Конечно, Антосю завидовали, тем более что шурина иногда присылал сотню-другую рублей перед праздниками – для большой многодетной семьи это было весьма кстати.

– Вспомнила шурина твоего, – сказала Степанида, встретившись с вопросительным взглядом Недосеки.

– Шурина? Что шурина? Ему теперь хорошо, а мне? Это ж я из-за него все... С этим тягаться, – шевельнул он локтем с повязкой на рукаве. – Все из-за него.

– Кто бы тебя заставил?

– Гуж, кто? Что же мне было делать? Лучше в землю ложиться? С таким шурином... Когда-то были почет и уважение, а теперь? Теперь одно спасение – в полиции.

– Боюсь, не спасешься.

– Может, и не спасусь. Как знать? Если бы человек свою судьбу знал, так ведь не знает.

– Может, и лучше, что не знает, – сказала Степанида. – А то бы натворили такого...

Она стояла возле печи, то и дело поглядывала в окна, не идет ли Петрок, и ей стало жаль этого жалобщика полиция. Действительно, вляпался в дело, из которого вряд ли найдешь благополучный выход.

– А ты уже и вешал кого? – спросила она.

– Не-а. Еще нет. Не дай бог вешать, страшно!

– А если скажут?

– Скажут, так что ж. Должен!

– И своих тоже?

– Почему своих? Не-а. Которые коммунисты. Ну, там бандиты.

– А что бы тебе сказал твой шурина? Если бы пришел теперь? Ты думал об этом?

– Думал. Хорошего бы не сказал.

– Ну а если бы его взяли и тебе приказали повесить? Повесил бы шурина?

– Вот ты странная, тетка! Дисциплины не знаешь. Прикажут, и повесишь. А то самого повесят.

– Так у тебя же есть дети.

– Вот то-то и оно, что дети. Если бы не было детей, я бы – ого! Я бы сбежал в лес. А то шестеро детей, далеко не уйдешь.

– Ну вот, ты для детей так стараешься. А когда они вырастут, поумнеют, думаешь, они скажут тебе спасибо?

– Кто знает? Смотря который, – смешался Недосека и положил ложку.

– Они же будут тебя проклинать всю жизнь.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Как проклинать? – недоуменно сморгнул Недосека. – Я же для них... Из-за них страдаю, делаю все это.

– Антоська! – неожиданно для себя сказала она почти участливо, тронутая этой его непонятливостью. – Лучше бы ты для них умер.

– я?

– Ты, Антоська! Ты же губишь всю жизнь их. И себя в первую голову.

– Ну нет, я не согласный, – надулся Недосека. – Себя, может, и гублю, а их не-а. Что бы они жрали теперь без меня? Я им муки два мешка притащил. Сапог три пары. Пальтишки. Я же не то что некоторые – лишь бы напиться. Я о них забочусь. Все-таки шестеро, не шуточки. Старшему только пятнадцатый... Легко тебе, тетка, говорить, а мне... Да и шурин еще. Эх, кабы не шурин...

Степанида не возражала больше, только слушала его путаное объяснение и думала, какой же он дурень, а может, еще и подлец. Ее сочувствие к нему быстро вытеснялось злостью: жизнь таких ничему не научит, ничего им не понять в ней, потому что дальше своего корыта им не дано видеть. Такие от природы слепы ко всякому проблеску человечности, заботятся лишь о себе, иногда оправдываясь детьми. Боже, что еще будет из тех детей, что они унаследуют от таких вот отцов? Лучше бы его застрелили скорее, меньше было бы вреда и больше пользы своим же. Да и его детям, которых он так заботливо обеспечивает мукой и обувкой...

Глава девятнадцатая

Петрок гнал водку. Он выбрал самый укромный закуток, который можно было отыскать возле хутора, разложистый мелковатый овражек за барсучьей норой, густо заросшей молодым ельником, в котором было тихо и скрытно. На небольшой узкой полянке меж елок расставил нехитрое свое оборудование: казан с брагой, кадку, наполненную студеной, из ручья водой; долго возился, пока приладил к месту медный змеевик, и наконец разложил костерок. От бережно зажженной спички легко загорелась сухая растопка, а за ней и березовые поленца, охапку которых он предусмотрительно захватил с хутора; жадные языки пламени начали резво лизать старый закопченный казан. От сухих дров дыму было немного, и Петрок впервые за утро довольно посмотрел вверх, в хмурое осеннее небо над еловыми вершинами, думая, что издали его вряд ли заметят, разве кто случайно набредет на поляну. Дрова быстро разгорались. Петрок, стоя на коленях перед казаном, заботливо пододвигал головешки, чтобы больше пригревало снизу. Он и сам грелся, потому что хотя и было тихо, однако от ручья снизу тянуло лесной сыростью, в которой стыли колени и руки. Возле костра было хорошо. Опять же надо было следить, чтобы вовремя уменьшить огонь, иначе пригорит брага и пропадет весь выгон. Конечно, Петрок не первый раз в жизни принимался за такое дело, имел уже некоторый опыт. Но опыт этот приходился на давние, доколхозные годы. Последнее же время перед войной самогон гнали редко, больше заботились о том, чтобы поесть. Но, видно, казан все же грелся медленно, в лесу, конечно, не то что в овине или истопке, где было бы гораздо сподручнее. Но разве теперь там выгонишь?

В который раз за последние дни Петрок посетовал при мысли, что в таком неподходящем месте оказался хутор – так близко от дороги. В мирное время так оно и неплохо, может, удобнее даже вблизи от большака, от деревни и местечка. Правда, в последние перед войной годы этому удобству, казалось, пришел конец: хутора взялись сселять в деревни, в Выселках сразу удлинилась улица из хуторских построек, этим летом как раз подошла очередь к его Яхимовщине. Уже разобрали и свезли гумно, после сенокоса намеревались разобрать весь хутор. Но помешала война, и теперь можно только завидовать тем, кто оказался в деревенском гурте, а не остался, как он, на отшибе. Хотя и сейчас есть уголки, где по-прежнему живут, как у Христа за пазухой. Вон то же Загрязье. Хотя и не очень далеко от местечка, но спряталось за болотом и не знает беды, даже Гуж появляется не часто, а немцев там и вовсе не видели. А в его Яхимовщине? Немцы постояли несколько дней, а разорили, считай, все хозяйство. Но черт с ним, с хозяйством, хуже вот приключилась беда – убили подростка, безобидного сироту-мальчишку, да и они со Степанидой едва избежали гибели. Так то немцы, побыли и уехали, а как жить вот с этим Гужом, который видит тебя насквозь и еще таит какое-то зло за прошлое. Только напрасно он придирается, Степанида тут ни при чем, Степанида как раз была против того раскулачивания. Но вот привязался, ездит, выгоняет на работу. И

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru верно, будет еще цепляться, пока не загоняет вконец эта сволочная нелюдь, злая собака на привязи. Теперь, черт его побери, Петроку не жалко ни хлеба, ни трудов, лишь бы самогонкой залить его ненасытное горло.

Боже мой, думал Петрок, глядя на суетливую пляску огненных языков по казану, что делается на свете! Какая страшная война, как страшно все началось, что будет дальше? Ужасное время! Хотя и до войны хватало всякого, боролись то с теми, то с этими. Петрок слабо разбирался во всей сложности борьбы в масштабах страны, но что касается своей деревни, то здесь он понимал больше любых самых высоких уполномоченных. Тем, бывало, нравилось, как выступал на собраниях Антось Недосека, они думали, верно: какой сознательный! Но Петрок знал, что это он так сознательно выступает потому, что на днях подал заявление об оказании помощи как многодетному и малоземельному. Вот и старается. А если Борис Богатка голосовал за колхоз, то совсем не потому, что хотел скорейшей его организации, а что досадить Гужову, с которым был в давней вражде и который, как черт ладана, боялся колхоза. Да и его Степанида, хоть и агитировала за новую жизнь по всей деревне, если разобраться, больше старалась за себя, ну и за него, конечно, потому что убедилась, что с двух десятин прожить невозможно, а здоровьишко надорвешь, это точно. Но вот оно как обернулось: Борис сразу же сбежал в Ленинград к родственникам, Гужа раскулачили и выслали, а теперь за все и за всех надо отдуваться Петроку Богатке, жена которого когда-то попала в комитет бедноты и на собраниях посидела в президиуме. Как бы те ее посиделки не вылезли теперь боком.

Петрок дальше под казан пододвинул две головешки, подложил сбоку березовое поленце, подумал, что, видать, скоро уже закапает. Медная литровая кружка давно ждала под кончиком трубки, но там пока было сухо, еще ни одна капля не упала из змеевика. Петрок снова поглядел вверх. В ельнике на краю оврага суетливо-тревожно завертелась сорока, настойчиво стрекоча о чем-то, и Петрок насторожился – не крадется ли кто по оврагу? А может, сорока стрекочет на него самого? Все же для уверенности, чтобы успокоить себя, он встал и огляделся сквозь ельник. Вроде поблизости никого не было. Но сорока не утихала, то приближалась, то облетала прогалину стороной и настойчиво трещала неугомонную свою тревогу. Пригнувшись, Петрок пробрался сквозь чащу ельника и увидел возле ручья Рудьку, знакомую собачку пастуха Янки. Осиротев без хозяина, Рудька, видно, метался по окрестностям, забрел вот на костер и теперь, завидев Петрока, живо завилял хвостом, не сводя обрадованно-вопросительного взгляда с человека.

– Ну что? Чего стоишь? Иди сюда, – тихонько позвал он Рудьку, и тот, послушно прошмыгнув под елочками, выскочил на прогалину. Однако к костру не подошел, сел от него поодаль. – Что, есть хочешь? Так нет ничего. Выпить будет, а поесть нечего, – словно с человеком, охотно заговорил с ним Петрок. Однако, пристав к знакомому, Рудька, похоже, готов был на том успокоиться и, положив морду на грязные лапы, устало поглядывал на огонь.

Но вот, кажется, приблизился тот самый приятный момент, когда первые капли из трубки, торжественно звякнув, упали на дно медной кружки. Петрок тотчас выгреб из-под казана недогоревшие концы головешек, теперь там хватит углей со слабым синим огнем, пламя было уже ни к чему. Тем временем капли из трубки посыпались чаще, даже будто бы зажурчало тоненькой, как нитка, струйкой; среди дымного смрада в овражке вкусно запахло спиртным. С этого момента следовало особенно бережно обращаться с огнем, поддерживая его в одной мере: чтобы казан не остыл, но чтоб и не перегрелся, не подгорела гуща. Умельства здесь надо было не меньше, чем при игре на скрипке. Петрок даже разволновался и то пододвигал головешки под дно казана, то отодвигал их подальше; от дыма у него слезились глаза, он вытирал их заскорузлыми пальцами и все заглядывал в кружку: много ли? Наконец там набралось до половины, он взял кружку и бережно перелил чистую как слеза жидкость в старую, от лимонада бутылку. Это был первач, самая крепкая порция из всей выгонки. Ему стало жаль отдавать ее в ненасытное горло Гужа, может бы, когда сам выпил при случае или сберег для хорошего человека. Так поразмыслив немного, Петрок мятой бумажкой заткнул бутылку и отошел к кусту шиповника на краю прогалины. Там он выковырял небольшую ямку в земле и, пристроив туда бутылку, старательно закопал ее, укрыв сверху прелой листвой. Пускай лежит до лучших времен.

Рудька, не отрывая глаз от его возни у костра, выжидающим взглядом сопровождал каждое движение Петрока с кружкой, терпеливо ожидал, не угостит ли и его. Но угостить собачонку было нечем, он и сам проголодался, пока перегонял казан

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru браги.

Вышло еще три бутылки, дальше сочилась рыжая жижа, в казане, верно, осталась только гуща на дне. Надо было кончать, и Петрок разбросал головешки, угли, затоптал по земле опорками, казан отволок с полянки все в те же заросли шиповника, где старательно упрятал в листву, сверху бросил несколько еловых веток. Змеевик, как самую ценную деталь аппарата, надо было взять с собой, кадку тоже. Три бутылки еще теплой мутноватой самогонки рассовал по карманам, за пазуху. Напоследок прикурил от уголька и не спеша стал выбираться на стежку.

Пока шел вдоль ручья оврагом, Рудька бежал сзади, но на повороте к хутору вдруг отстал, и Петрок, обернувшись, тихо позвал его. Рудька вприпрыжку догнал старика и больше уже не отставал. Кажется, он был вежливым, тихим псом, уважал людей и никуда не совался без приглашения.

Еще подходя огородом к истопке, Петрок услышал невнятный человеческий голос, донесшийся вроде из хаты, он прислушался, но голос тотчас умолк, и Петрок подумал, что ему показалось – кто теперь, кроме Степаниды, мог быть на усадьбе? Тем не менее слабая тревога уже запала в душу, и на дровокольне он остановился, сбросил на щепки кадку, оглянувшись, сунул за дрова змеевик и туда же опустил три бутылки с водкой. Тут надежнее, потому что мало ли кто мог забрести в хату, не немцы, так полицаи, что еще и похуже. Потом, придав лицу утомленно безразличное выражение, вошел в сени.

Ну, так оно и было, он не ошибся, в хате слышались голоса: один был Степанидин, а другой... Не сообразив сразу, чей же был другой, Петрок несмело открыл дверь в хату.

– Вот, а мы ждем, думали уже, не дождемся.

«Вы, да кабы не дождались – волк за горой сдох бы», – подумал Петрок, увидев полицая Недосеку, который поднялся навстречу ему со скамьи. Полицай протянул широкую руку, Петрок тихонько пожал ее, сообразив: «Унюхали-таки! Догадливые... Не успеешь что-либо подумать, как они уже знают».

– Если на работу, так не пойду, – сказал Петрок. – Вчера навкальвался, нет сил больше.

– А и не ходи, – охотно согласился полицай. – Сегодня можно и не идти, немцы уехали. Ну как, выгнал? – вдруг спросил он и смолк, преисполненный внимания.

Петрок понял, что он имеет в виду, и уже хотел было отказаться, что-то соврать, но прежде взглянул на Степаниду, которая молча стояла при печи. Поймав его взгляд, она тихо сказала:

– Вот дожидается. Был Гуж, все уже знают.

В который раз Петрок молча зло выругался. Ну что ж! Без Гужа, конечно, тут не обойдется, хотя, может, и лучше, что нет самого старшего полицая, не надо ничего объяснять или оправдываться. И все же самогон он намеревался отдать Гужу в собственные руки, чтобы уж было понятно, кому от кого, да, может, и обговорить, за что, тоже. Попросить, чтобы не докучал работой, не присылал квартировать немцев, перестал придирается к жене. Да мало ли у него было дел к Гужу! Но вот придется отдать самогон Недосеке, который, поди, сам его и выпьет.

Помедлив чуток, Петрок вышел из хаты и на дровокольне вытащил из-за поленницы две еще теплые бутылки. Третью решил пока не отдавать, побережь немного. Возвращаясь, подумал, что Недосека может заупрямиться, скажет: мало, тогда придется оправдываться, божиться, что вот всего и выгнал-то, потому как плохое оборудование или не из чего было заквасить. Но, к его удивлению, Недосека не сказал ни слова, зачихал бутылки в карманы суконных галифе, которые оттого низко сползли на колени.

– Из картошки или хлебная? – только и поинтересовался полицай.

– Хлебная. Старался, а как же! Теперь же, знаешь, надо всем угодить, власти особенно, – сказал Петрок.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Власти всегда угождать надо. Хоть советской, хоть немецкой, а как же? – со вздохом заключил Недосека и взялся за ручку двери. – Ну, то до свидания!

Он пошел, будто бы даже довольный тем, что получил, Петрок в окно подозрительно проследил за ним и устало опустился на конец скамьи у стола. Степанида полезла в печь за чугунком с остатками щей.

– Двумя бутылками думаешь залить им глаза? – с ехидцей спросила она, исподлобья поглядывая на Петрока.

– А что, мало?

– Сам знаешь. Как бы снова не приперся.

– А не дам. Что у меня, спиртзавод?

– Однако уже знают, что гонишь. Что змеевик на скрипку выменял. Агентура, говорит.

– Вот как! Чтоб она сдохла, агентура его!

– Только вот бомбу не могут найти. Бомба там возле моста лежала, да спер кто-то.

– Бомбу? Ну кому она нужна... Разве Корнила? Верно, Корнила, – сказал, подумав, Петрок. – Тому все надо. Что где увидит, все домой тащит.

Сидя на том самом месте, где недавно сидел Недосека, Петрок хлебал щи. Чувствовал он себя вконец усталым, почти больным, хрипело в груди, видать, от дыма, но впервые за последние дни появилась удовлетворенность в душе, что сделал дело и тем немного откупился ради покоя, надолго вот только или нет, неизвестно. Но на сегодня, пожалуй, откупился, уж сегодня Гуж оставит его в покое. Доедая щи из глиняной миски, он думал, что сначала закурит, потом отдохнет в домашнем тепле своей хаты, а там будет видно, что делать дальше. Но, как всегда, Степанида лучше его знала, что следует делать раньше, а что потом.

– Бурт так и не закончили. Мне сегодня эти не дали. Да и хлеба нет, молоть надо, – начала она возле печи.

– Картошка подождет. Не морозит еще.

– Ну а хлеб? Есть ведь нечего.

– Завтра, – сказал Петрок.

После еды в тепле его совсем разморило от усталости, и уже не было силы браться теперь за дело. Хотя бы и за самое срочное.

– А если завтра выгонят обоих? На мост или на картошку? Или еще куда? – наседала Степанида.

– Не выгонят.

– Как это не выгонят! Что, он тебе дал освобождение? Напьется и снова приедет, будет цепляться.

Может, и приедет, и будет цепляться, угрожать, но Петрок так вымотался за эти страшные дни, что уже не осталось никаких сил что-нибудь делать. Поев, он свернул сигарку, прикурил ее от уголька с загнетки и побрел в запечье.

– Я сейчас...

Не снимая опорок, прилег и, не докурив сигарку, уснул. Казалось, только сомкнул веки, как во дворе сильно залаял забытый им Рудька, послышались чьи-то шаги. Петрок подхватился со сна и с тяжелой головой метнулся к окну. Во дворе за колодцем кто-то привязывал к тыну тонкогрудую гнедую лошадь, и, когда обернулся к хате, Петрок узнал Колонденка – в шинели, с винтовкой за узкой сутулой спиной.

– Чтоб вы пропали! – в отчаянии выругался Петрок, уже чувствуя, какая нужда

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru привела этого полицаю на хутор.

Рудька все лаял – сначала на лошадь, которая сторожко стригла ушами, не сходя, однако, с места, потом напустился на Колонденка. И тот вдруг остановился, хватаясь рукой за винтовку. Петрок, как был, без колушка и без шапки выскочил на ступеньки и закричал на собачонку:

– Рудька, прочь! Прочь ты, щенок! Я тебе дам!.. Не надо его стрелять, он не укусит! – заговорил он, обращаясь к полицая, который уже загонял в патронник патрон. Рудька, видно, понял наконец, что ему угрожает, и скрылся за углом дровокольной. Он еще полаял оттуда, но уже без большой злости, и Колонденко забросил винтовку на узкое, обвисшее плечо.

– За водкой приехал, – просто объявил полицаю, не меняя постного выражения на бледном понуром лице.

– Так я же отдал! Недосека взял две бутылки, – заволновался Петрок. – Что у меня, фабрика?

– Гуж сказал: еще две бутылки. Иначе завтра будет репрессия.

– Что будет? – не понял Петрок.

– Репрессия. Ну, это, будет тебя вешать. Или, может, стрелять? – усомнился Колонденко. – Нет, вешать, кажется. Ага, вспомнил – вешать. Репрессия – значит повешение.

– От чудеса! – развел руками Петрок. – Так где же я возьму? Я ведь отдал. Недосека же...

– Тогда бери шапку.

– Зачем?

– Пойдешь в местечко. Гуж сказал: не даст водки – самого за шиворот и сюда. На репрессию.

– Да?..

Ну что еще можно было сделать с этими злодеями? Петрок помолчал, подумал и почти с предельной очевидностью понял, что и водка – не выход. Нет, не спасет его самогон, как бы еще не погубил, и скорее, чем что другое.

Он молча ступил опорками на сырую землю двора, в открытую, не таясь, прошлепал на дровокольную и вытащил из-за ольховой поленницы третью бутылку.

– Ну вот! А говорил, нет! – зло взвизгнул Колонденко и выхватил из его рук бутылку. – А еще?

– Нету! Ей-богу, больше ничего нету. Вот хоть общите. Выгнал, знаете, мало, запарка неудачная...

– Ну ладно, – подумав, смягчился Колонденко. – Отдам, а там пускай сам решает.

Он отвязал лошадь и вскочил на нее поперек животом, перебросил на другую сторону длинную ногу. Лошадь резво побежала к большаку, а из огорода во двор вышла Степанида с корзиной картошки в руках.

– Опять за водкой?

– Опять, – невесело подтвердил Петрок.

– А я что говорила? Теперь начнут ездить...

– Ну уже кол им в глотку! Больше нету.

– Тебе же оттого будет хуже.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – А уже хуже не будет, – запальчиво сказал Петрок, не чувствуя, однако, уверенности в своих силах. Правда, в душе он не хотел верить в плохое, все думал: а может, еще обойдется...

Глава двадцатая

Под вечер, когда стало смеркаться, побряхтев немного и побранившись с женой, Петрок нагреб в ночовке высушенной на печи ржи и пошел в истопку. Надо было молотить – на хлеб, да и на водку, потому что стало уже ясно, что без того и без другого на свете прожить невозможно.

Жернова были стародавние, с тонкими, стертymi и стянутymi обручем камнями, молили они чересчур крупно, только и радости, что крутить их было нетрудно. И Петрок помалу крутил за ручку, изредка подсыпая тепловатого зерна из ночовок, и неотвязно думал о разном, больше плохом, что теперь, словно мошка летним днем, все время вертелось в его голове.

Война, конечно, никому не в радость, считай, для каждого горе, он если это горе из-за чужестранца, немца, так чему тут удивляться, это как мор, чума или язва, тут на кого обижаться? Ну а если эта чума из-за своих, деревенских, местных людей, известных тебе до третьего колена, которые вдруг перестали быть теми, кем были всю жизнь, а стали зверьем, подвластным только этим оккупантам, немцам, тогда как понимать их? Или они вдруг превратились в зверье и вытворяют такое по принуждению, подавив в себе все человеческое?! Или, может, они и не были людьми, только притворялись ими все годы до войны, которая вдруг разбудила в них зверя? По натуре своей Петрок был человеком тихим, таким, как и большинство в Выселках: в меру осторожным, уважительным к другим, немного суеверным и набожным. Такими же были и все его предки. Дед, бывало, никогда не позволял себе сказать грубое слово не только кому из близких, но и сельчанам, местечковцам или обругать какую-нибудь животину, как это повелось сейчас, когда даже подростки и те все с матюгом да криком к коню или корове. Упаси бог, чтобы он сделал кому во вред или взял не свое со двора или с поля. А теперь?.. Хорошо, что не дожил он до такого позора, не увидел, что творится в мире, на этой войне...

Сначала, как только появились немцы, Петрок наведывался в местечко, чтобы добыть соли, керосина, спичек, взглянуть на «новый порядок», а главное – узнать, что делается в мире, и прикинуть, как оно будет дальше. Помнится, как-то возле пожарной собрались в тени под кленом несколько мужиков, сидели курили. Разговор был невеселый – все о том же. Несколько дней назад в район приехал важный немецкий чин в рыжем френче, с красной повязкой на рукаве, говорили: назначил новое руководство из местных. Мужикам, в общем, это понравилось, что руководство будет не из немцев, не присланное, из чужих, а именно из своих, местных. Немного погода новое начальство обосновалось в каменном здании бывшего райисполкома, и там уже видели немецкого переводчика, бывшего учителя, незаметного холостяка Свентковского, который несколько лет квартировал возле моста у еврейки Ривы. Главным полицаем сразу стал Гуж, который перед тем только появился в местечке. Вскоре надел на рукав полицейскую повязку и Антось Недосека, что очень удивило местечковцев, потому что никто из них не мог сказать ничего плохого об этом человеке. Третьим полицаем многие возмущались открыто, так как давно его не любили в Выселках, но Потап Колонденюк, наверно, уже привык к косым взглядам сельчан и не слишком обращал на них внимание. Теперь он считался лишь с немцами и своим непосредственным начальником, старшим полицейским Гужом. А Гуж? Взятся за старое или новое, разве поймешь? Десять лет его не было тут – проходил науку в далеком Донбассе, на кого там выучился? Но теперь вот открыто упивается данной ему над людьми властью, вместе с немецкой командой уничтожил местечковых евреев, разграбил их имущество и бесстыже фуфырится в рыжей кожанке, которую недавно еще носил заведующий райземотделом Ефим Кац.

Вот тебе и свое руководство, на которое так уповали местечковцы!

Но как же так можно, думал Петрок, размеренно покачиваясь возле жерновов в такт хода ручки – взад и вперед. Было совсем темно, копилку не зажигали, Степанида берегла керосин, и он не хотел с ней препираться, можно смолотить и впотьмах. Как же так можно, мысленно переспрашивал себя Петрок, чтобы свои своих! Ведь в деревне испокон веков ценились добрые отношения между людьми, редко кто, разве выродок только, решался поднять руку на соседа, враждовать или ссориться с таким же, как сам, землешцем. Случалось, конечно, всякое, но без того в жизни, но чаще всего из-за земли – за наделы, сенокосы, ну и скотину. Но теперь-то какая

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru земля? Кому она стала нужна, эта земля, давно всякая вражда из-за нее отпала, а покоя от того не прибавилось. Люди распустились. Раньше молодой не мог позволить себе пройти мимо старика, чтобы не снять шапку, а теперь эти вот молодые снимают другим головы вместе с шапками. И ничего не боятся – ни божьего гнева, ни суда человеческого. Как будто так заведено издревле, как будто на их стороне не только сила, но еще и правда. А может, им и не нужна правда, достаточно кровожадной немецкой силы? На правду они готовы наплевать, если та будет мешать им в их кровавых злодействах. Однако правда им все же мешает, подумал Петрок, иначе бы они не оглядывались каждый раз на немцев, не заливали бы совесть водкой, не хватались бы за винтовку, когда не находят веского слова в стычках с деревенскими бабами. Мужики-то с ними не спорили, мужики молчали.

Петрок смолот, может, с четверть ржи, пощупал рукой мягкую, тепловатую возле нагретых камней муку и подумал, что если уж взялся, так надо намолот побольше – на хлеб и на брагу, потому что надо же заквашивать снова. За мерным глуховатым гулом камней он не сразу услышал голос Степаниды из хаты, а услышав, смекнул, что зовет она не впервой и какой-то испуг был в том ее голосе. Он перестал крутить, и сразу звучные удары в сенях тревогой наполнили усадьбу – кто-то сильно колотил в дверь, басовито ругаясь:

– Хозяин, курва твою мать! Открой!..

Петрок сообразил – это снаружи, сунулся в сенцы, дрожащими руками нащупал крюк и выдернул его из пробоя. Двери, раскрывшись, едва не сшибли его с ног, Петрок уклонился, и в сени вначале ввалился кто-то большой, показалось, косматый, за ним другие; на Петрока пахнуло крепким запахом водки, лука и еще чем-то чужим и противным. Он молча стоял за отворенной дверью, а они нашли дверь в хату и раскрыли ее, в сенях полыхнуло красным отблеском от яркого пламени грубки, которую топила Степанида, и четверо непрошенных гостей с топаньем, шорохом мокрой одежды ввалились в хату.

– Хозяин! – снова рявкнул басом косматый, и Петрок, напрягая внимание, старался угадать, кто же это. Но догадаться никак не мог, верно, это были незнакомые.

– Я тут, – сказал он из сеней.

– Хозяин, свету! Свету дай!

– Та где же теперь свету? Нетути света. Вот разве из печки...

– Дай из печки! Лучину зажги!

Петрок вошел в хату, которая сразу стала тесной от посторонних, и приткнулся у самого порога, уже точно зная, что добром для него это ночное посещение не кончится. Степанида торопливо прилаживала на загнетке длинную лучину с огнем на конце. Вскоре свет от нее забрезжил по четырем неуклюжим настороженным фигурам, которые развалисто топтались по хате, оглядывая стены, ошупывая скамьи, стол. Петрок снова попытался угадать, есть ли тут кто из знакомых, но не узнал никого. Тот большой, что первым ввалился в сенцы, когда разгорелась лучина, повернул к нему носатое, обросшее щетиной лицо.

– Хозяин?

– Ну, хозяин. Известно...

– Бандиты заходят? Говори быстро!

– Какие бандиты? – не понял Петрок. – От нас вот недавно немцы выехали, считай, неделю стояли...

Двое присели на скамью, поставив между колен винтовки, двое остались на середине хаты.

– Сало есть? – спросил носатый, и не успел Петрок ответить, как другой, стоявший впереди, повернулся боком, подставив его взгляду левую, с белой повязкой руку. «Ага, полицаи, значит», – понял Петрок, который сначала даже не знал, как себя с ними вести, что говорить.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Да что ты к нему с салом?! – каким-то приятным, открытым голосом упрекнул
полицай носатого и с усмешкой спросил Петрока: – Водка есть?

– Откуда? Нету водки, – выдавил Петрок вдруг осипшим голосом. Гости
заговорщически переглянулись.

– Брось зажиматься! – готов был обидеться полицай. – Ставь бутылку, и не будем
ссориться.

– Так честно, нет. Что я, врать буду? – стараясь как можно искреннее и потому,
наверно, фальшиво сказал Петрок. Однако гости, видно, уже уловили эту
неестественность в его голосе и еще больше удивились.

– Ты видел? – после недолгой заминки сказал полицай носатому. – Отказывается!

– Что, жить надоело? А это ты нюхал?

Прежде чем Петрок успел что-либо понять, носатый ткнул ему под нос холодный
ствол выхваченного из-под полы нагана. Петрок невольно поморщился от резкой вони
пороховой гари.

– Самогону, живо!

– Так я же не имею, – слабо стоял на своем Петрок, хотя уже знал, что его слова
никого из них убедить не способны.

– Какой самогон! – вдруг загорячилась Степанида, которая до сих пор молча жалась
в тени возле печи. – Где он возьмет его вам?

– Гужу где-то взял, – тихим голосом, почти ласково сказал полицай с повязкой. –
А нам жалеет. Нехорошо так. Не по-честному.

– Какому Гужу? Кто вам сказал?

– Колонденюк сказал, – уточнил полицай, и Петрок догадался: наверно, это
приезжие полицайи из Кринок. Конечно, мост починен, теперь будут ездить и
кринковские, и вязниковские, и еще многие из далеких и близких деревень, и все
станут заворачивать на Яхимовщину, которая, на беду, оказалась под рукой, при
дороге. И Петрок ужаснулся при мысли; что же он затеял с тем самогоном? Разве
можно напоить этих собак изо всей округи? Разве у него хватит на это времени,
хлеба, двух его старых натруженных рук?

– Колонденюк тут месяц не показывался, – смело соврала Степанида, и полицайи
недоуменно переглянулись.

– Как это не показывался?

– А так. Не было его здесь. Может, где в другом месте взял.

– Неправду говоришь, – заулыбался полицай с повязкой. – Колонденюк не
обманывает.

– А ну обыскать! – вдруг закричал носатый. – Все обыскать! Берите лучину и всюду
– в сенях, в коровнике...

– Так хутор сожжете, разве так можно с огнем! – запричитала Степанида.

Но двое, что сидели на лавке, живо вскочили и, похватав с загнетки лучины,
начали поджигать их в грубке. В дымно мерцающем смраде осветились их небритые и
отекие лица, видно, оба были на хорошем подпитии, и ждать от них какой-либо
осторожности не приходилось. С лучинами они подались в сени, слышно было,
полезли в истопку, из дверей потянуло стужей, и Петроковы плечи в одной жилетке
передернулись дрожью. Двое, что остались в хате, свободнее расступились перед
хозяином.

– А ну иди сюда! – жестко приказал носатый. Петрок молча ступил на середину хаты
и остановился, готовый ко всему: – Водку дашь?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Так нету, – сказал он почти уже безразличным тоном, понимая, что доказывать, божиться тут бесполезно. Они были в таком состоянии пьяного ослепления, что его слова вряд ли могли для них что-нибудь значить. Им нужна была водка.

– А если найдем?

– Найдете, так ваша, – смиренно сказал Петрок, почувствовав, однако, что сказал неудачно: еще подумают, мол, он где-то прячет. Но там, где прячет, они не найдут, даже если перевернут всю усадьбу и еще весь овраг вдобавок.

– Найдем, получишь пулю. За гнусный обман, – пообещал полицейский.

– А не найдем, тоже пристрелим как собаку, – злобно уточнил носатый. – Так что подумай хорошенько.

– Что ж, воля ваша, – пожал плечами Петрок, поняв, что выхода для него не будет. – Только нету горелки.

Настала небольшая заминка, полицейские, видать, ожидали, что скажут те, кто отправился шарить в истопке. Степанида поменяла лучину на загнетке, чтобы стало светлее в хате, где теперь густо пластался дым и очень воняло горелым. Петрок боялся, как бы не подожгли что в истопке или в сенях, потому какой же осторожности можно было ожидать от пьяных? Из этих двоих, что остались в хате, полицейский с повязкой казался ему менее пьяным или менее хищным, и Петрок сказал, обращаясь к нему:

– Да не ищите, ей-богу, нет. Что мне, жалко, ей-богу...

– Бандитам приберегаешь? – рявкнул носатый. – А нам фигу? За нашу службу народу?

– Да что ты ему мораль читаешь, – по-прежнему очень сердечно сказал полицейский. – Время теряешь. Поставь его к стенке. Жить захочет – найдет!

И он по-хорошему засмеялся, сверкнув широким рядом белых зубов.

«Вот тебе и добряк!» – разочарованно подумал Петрок. А он вознамерился его просить, чтобы не издевались, поверили, что ничего нет. Как-то вдруг Петрок перестал бояться за свою усадьбу, опасаться поджога. Теперь он хотел только одного – самому как-нибудь выпутаться из этой беды – и думал, что видно, не удастся, не выпутаешься.

Из темных сеней, попалив лучины, ввалились те двое, в черных шапках, с винтовками.

– Что, нет?

– Да нет ни черта, темно, как будто ничего такого не видать. Мелет, там мука в жернах.

– Ах, мелет! – выверился носатый. – Для кого-то на самогоночку мелет! А для нас нет! А ну к стенке! Живо!

У Петрока потемнело в глазах, кажется, он пошатнулся от слабости или страха, почувствовав, что сейчас все, видно, и решится. Кто-то сильно толкнул его в спину, потом в бок, он бессознательно ступил шаг вперед и оказался в простенке между двумя окнами. Носатый устроился напротив, поудобнее расставил ноги, неторопливо поднял руку с вонючим наганом.

– Что вы делаете, ироды! За что вы его? – закричала от печи Степанида, и носатый опустил руку.

– А, жалко стало! Может, не убивать? Тогда неси пару фляжек! Ну, быстро!

Степанида запричитала громче:

– Где я вам возьму ее, нету у нас никакой водки, чтоб вы своих жен так видели, как мы ту водку...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Заткнись! – рявкнул носатый, и полицаи схватили Степаниду за руки, размашисто толкнули в сени. Там она негромко вскрикнула и затихла. «Убили!» – ужаснулся Петрок, сам уже прощавшийся с жизнью.

– Так, считаем до трех! – объявил носатый, снова направляя на него наган. – Даешь, нет?.. Раз... Имей в виду, я бью точно, без промаха. Два... Ну, даешь? Нет?

«Неужели застрелят, собаки? – думал Петрок, в оцепенении глядя на тускло отсвечивающее дуло нагана, которое заметно покачивалось в трех шагах от него. – Неужели хватит решимости? Или, может, пугают? Но только бы скорее. Стрелять, так стреляй, черт с тобой, все равно, видно, не суждено пережить эту войну, увидеть детей», – растерянно думал Петрок, по его давно уже не бритым щекам медленно сползли к подбородку слезы.

– Три! – рявкнул носатый.

Колючее красное пламя ударило Петроку в лицо, забило тугой пробкой уши, и он не сразу понял, что еще жив и стоит, как стоял, спиной к простенку. Только спустя полминуты сквозь густой звон в ушах, словно издавелека, донеслись голоса споривших полицейцев.

– Да что с ними цацкаться, патроны переводить! Бей в лоб, и пошли!

– Не спеши! Я его разделаю, как бог черепаху! Ну, так где водка? Долго молчать будешь?

Петрок уже не отвечал – он почти оглох и остолбенел в безвольном безразличии к усадьбе, жене и самому себе, потому что каких-либо сил защищаться уже не находил. Они чего-то еще возились напротив: один светил лучинами, сжигая их пучками, дым густо клубился в хате и через раскрытые двери облаком сплывал в сени; тени от этих гостей крючковатыми чудовищами метались по стенам и потолку; то вспыхивало, то едва мерцало пламя лучин, слепя его слезящиеся глаза и высвечивая коренастую фигуру палача с наганом.

– Где водка? Будешь говорить? Ах, молчишь?..

Новый выстрел ударил, кажется, громче прежнего, что-то сильно треснуло в ухе, и Петрок, не устояв, рухнул на конец скамьи. Он здорово ударился боком, руками угодил во что-то мокрое на полу; очень болело в ухе. Однако полицейский не дал ему долго копошиться, пнул сапогом в грудь и за шиворот, словно щенка, снова поставил к стене. Чтобы не упасть, Петрок в полном бессилии прислонился спиной к продранной газетной оклейке как раз в том месте, где уже чернели три дырки от пуль.

«Боже, за что?»

– Ах ты хуторская сволочь! Кулацкая вша! Зажимаешь? Ну, получай!..

«Только бы сразу. Не мучиться чтобы... Сразу...» – вертелось в его голове. Петрок сглотнул соленую слюну и снова почувствовал унылое безразличие к себе и к жизни вообще. Не успел он, однако, собраться и внутренне напрячься перед последним вздохом, как снова грохнуло, вонюче-огненно полыхнуло в лицо – раз, второй, третий, – ослепило, забило глухотой уши. Колени его подогнулись, и он, обрывая спиной газеты, медленно сполз на пол.

Кажется, на какое-то время он потерял сознание, так было плохо в груди, невозможно было вздохнуть, глаза его почти ничего не различали в дымном вонючем мраке, и только каким-то краешком сознания он отметил, что еще жив. Почему-то жив... Откуда-то, словно из далекого далека, до его слуха донеслись голоса его мучителей:

– Что с ним цацкаться! Кончай, и потопали!

– Сам пусть доходит!

– Дай я...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – погоди! Еще пригодится, – оттолкнул полицая носатый и, шагнув к Петроку, слегка наклонился над ним. – Ты понял, слизняк? Нам водка нужна. Водка, понимаешь? Не сегодня, так завтра. Чтоб был хороший запас. Понял? Иначе придем – распрощаешься с жизнью.

«Неужели не убьют?» – почти с испугом подумал Петрок, вяло, как после потери сознания, поднимаясь на ноги. Оперся о стену, стал на одно колено, сквозь дым осмотрел хату. Лучины уже все сгорели, чуть светилось из грубки, где также прогорали дрова и последние головешки бросали багровый отсвет на затоптанные доски пола. Все четверо полицаяев один за другим скрылись в настесь раскрытой двери, откуда низом по хате ползла волглая стужа, и Петрок содрогнулся. С усилием он поднялся на второе колено, весь дрожа от пережитого страха, стужи и невысказанной обиды – за что?

– Бабу отлить?

– Черт ее возьмет. Сама очухается...

Это были последние слова, сказанные полицаями уже в снях, они протопали под окнами, их шаги становились тише, и вот все на хуторе замерло.

Глава двадцать первая

Петрок кое-как поднялся на ноги и, держась за ободранные стены, побрел в сени – там где-то была Степанида, живая или, возможно, уже мертвая. Переступив порог, он разглядел в полумраке стопы ее босых ног – Степанида лежала на раскатанной по земле куче картошки. К его удивлению, она сама поднялась на ноги и, пошатываясь, будто пьяная, добрела до запечья. На его обращения она не отвечала, лишь изредка тихо постанывала, и он все топал по хате – то носил ей воды, то укрывал кожушкой, то причитал горько и искренне, а больше проклинал полицаяев, немцев, войну. Он уже не закрывал дверь в снях, черт с ней, пусть идут, бьют, жгут – все равно с ними не жить. Видно, вообще жизнь кончилась, зачем так мучиться, сил больше нет, да, если подумать, и большой необходимости в этом тоже нет. Все равно они не дадут помереть по-человечески, своею смертью, они доконают насильно. Сначала, конечно, надругаются как захотят, дойдут, что готов будешь сам повеситься, потому как что же остается человеку, для которого жизнь – мука?

В ту ночь он не ложился вовсе, ненадолго приткнулся на уголке стола, вроде задремал, положив голову на руки, и на рассвете очнулся почти от испуга: начинается новый день, что он принесет с собой? Впрочем, было ясно, принесет новые мучения, может, смерть даже, потому как сколько же они будут играть в убийство, верно же, в конце концов осуществят свою угрозу. Черт ее бери, ту смерть, он уже перестал бояться ее, пусть убивают, только бы скорее. Жить так невозможно. Это не жизнь.

Кажется, Степанида в запечье немного утихла, перестала стонать, может, задремала даже, и Петрок вышел в истопку, отыскал свой кожушок на кадках у жерновов. Так он и не смолот ржи – ни на хлеб, ни на водку – и молоть больше не будет, не будет заквашивать, пусть мелют и гонят сами. С него уже хватит. Если нет иного спасения, то и самогон – не спасение. Пусть уж лучше прикончат просто так, без причины, хотя бы за то, что он человек.

Петрок вышел из сеней во двор и не закрыл за собой дверь. Зачем? Дверь теперь не нужна, те все равно откроют и зайдут куда угодно. Для кого теперь двери?

Поздний осенний рассвет с трудом пробивался сквозь застоявшийся мрак долгой ночи; затянутое серою мглой поле с голым кустарником на краю оврага казалось унылым и не уютным; порывистый ветер нес промозглую сырость и стужу. Остатки пожухлых листьев отчаянно трепетали в черных скрюченных сучьях лип, мокрая листва за ночь густо устлала дорогу, пересыпала зеленую мураву двора, налипла на бревна колодезного сруба, на скамью под тыном.

Эта ночь что-то сдвинула в сознании Петрока, безнадежно сломила, сбила ход его мыслей с привычного круга забот, он теперь не знал, что делать и куда идти. Хотелось скрыться куда-нибудь подальше от хутора, потому что чувствовал он, тут его снова настигнет все та же беда, опять появятся те, с винтовками, и ему снова достанется.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru На дорогу он боялся показываться, оттуда теперь шла главная опасность; как всегда, хотелось зайти за угол и спрятаться от чужого хищного глаза. Он пошел на дровокольно, уныло поглядел в раскрытые ворота хлева, где уже не было их Бобовки, в беспорядке разбросанные по земле, валялись березовые полешки, лежала на боку сваленная с ее многолетнего места колода. С дровоколни он глянул на знакомую стежку, которая через истоптанный огород вела к оврагу, и неожиданно для себя пошел по ней, он уже знал куда. На шатких, ослабевших ногах спустился в зарослях ольшаника вниз, к ручью; не отстраняя цеплявшихся за шапку и плечи мокрых ветвей, долго шел низом оврага, миновал барсучью нору на склоне, по камням перебежал на другую сторону ручья и наконец взобрался в устье другого овражка, помельче, в непролазную чащобу молодого ельника.

На знакомой прогалине было сыро и пусто, мокрый пепел на вчерашнем костре осел маленькой серой кучкой между трех закопченных камней. Под широким кустом шиповника с редкими сморщенными плодами на ветках он приметил свой черный казан, слегка закиданный сопревшей листвой, и подумал: черт с ним, пусть ржавеет! Он больше его не коснется, с самогоном все кончено. Оглянувшись, присел возле куста и под обломанной вчера веткой разгреб листву, за грязную шейку вытащил испачканную землей бутылку, отер ее шерстистой полый кожушка. Они там пили и веселились, а он не попробовал даже. Он берег, старался, чтобы получше выгнать. Кому? О ком заботился, дурень? О себе, конечно, но разве в эту войну о себе так заботиться надо? Ох, дурак старый!

Петрок выдрал бумажную затычку из бутылки и осторожно глотнул раз и другой. Хороший, однако, первачок, правильно, что не отдал его, пусть пьют ту бурду, ту мутную жижу. Наверное, им все равно. А первачком он угостится сам, потому как кто же еще его угостит? И чем он еще утешит себя, если не сигаркой да вот этой с нужды выгнанной горькой. Правда, без чарки, словно заправский пьянчуга, из горлышка бутылки. Но такое распроклятое время – подходящее для смерти и совсем не подходящее для сносной человеческой жизни.

Он еще выпил немного, перевел дыхание и подумал что все же пакость – пить без закуски, хотел швырнуть бутылку подальше в овраг, да раздумал, стало жалко недопитого. В мыслях уже наступила расслабляющая легкость, его беда переставала быть безнадежно горькой, какой до того казалась, появилась приятная самоуверенность, даже прибавилось силы в теле. Сволочи они, конечно, подумал Петрок про полицаев, но и он не дурак, не какой-нибудь охламон, недотепа, он тоже кое-что соображает в жизни и даже в войне, хотя он ее, считай, и не видел. Но он понимает. Он не позволит им оседлать себя и ездить как им захочется, он еще постоит за себя. Вот хотя бы и с водкой: черта с два он отдал им эту лучшую свою бутылочку, выстоял перед расстрелом, насмотрелся смерти в глаза, а вот же стерпел, уперся, и поехали несолоно хлебавши. Кол им в глотку!

Не оглянувшись на свою прогалину, он подлез под низкие ветви колючего ельника, выбрался на стежку, по которой неторопливо потащился в овражной тишине назад. Бутылку с недопитым первачком не бросил, держал в руке и думал, что еще немного глотнет и потом уж бросит в ручей. На повороте ручья, где круто заворачивала и стежка, остановился, столкнувшись с Рудькой. Собачонка, верно, удивилась этой неожиданной встрече, но тут же обрадованно завилыла хвостом.

– Ну что? Что, Рудька? – вполголоса заговорил Петрок.

Теперь, пожалуй, кстати было поговорить с кем-либо, но с кем тут поговоришь? Рудька с пристальным вниманием всматривался в его лицо своим мучительно непонимающим взглядом и тихонько скулил, будто прося о чем-то.

– Голодный? Голодный, конечно. Ну, пошли. Здесь, видишь, нема ни крошки. Во, видишь? – пробовал вывернуть пустой карман Петрок. – Нема! В хате что-нибудь будет. Пошли, дома тебя покормлю.

Он пошел дальше по стежке, решив, что в этот раз надо обязательно что-нибудь бросить Рудьке, который, видно, со вчерашнего дня ждет его здесь, в овраге. Но вчера не позволил Колонденку, прогнал собаку с усадьбы, хорошо, не застрелил на дровокольне. Да и сам он, Петрок, едва уберется от смерти. Что пережил, страшно вспоминать даже.

– Вот, брат, жизнь настала! – оглянувшись пожаловался Петрок Рудьке, который снова внимательно смотрел на него, старательно наморщив маленькие кустистые

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru бровки. – Жизнь! Собак бьют, как людей, и людей стреляют, как собак. Род человеческий уподобили скотине, вот так, брат.

Хотя им что, думал Петрок, им лишь бы насладиться жестокостью, пустить кровь. Без крови их глотки пересохнут. И водкой не размочишь. Нет, не размочишь. Им после крови водку давай, а после водки снова на кровь тянет. Вот по этому кругу и ходят. Ах, звери, звери...

Он уже уверенно шел по стежке с твердым намерением чем-нибудь накормить Рудьку, потому что совсем осиротел песик, видно, побаивается людей, вот и нашел пристанище в этом овраге, где позапрошлой ночью потерял своего Янку. Но Янки уже не будет. Янка теперь далеко, наверно, на небе. Безгрешная мальчишечья душа, уж она-то верно попадет в рай. А вот куда попадут наши грешные души?

Первак Петрок не допил, трезво подумав, что ему, по-видимому, уже хватит, остальным надо подлечить Степаниду. После пережитого ночью бабе в самый раз будет глотнуть чарочку хлебной, может, прибудет силы, да и бодрости тоже. Рюмочка первака – это лекарство, и неплохое лекарство, от него и сами доктора не откажутся. А доктора знают толк в этом. Доктора все знают: и что пить, и чем закусывать. Ему также не мешало бы закусить, очень хотелось есть, особенно теперь, после выпитого.

– Там поедим, – оглянувшись, пообещал Петрок собачонке, которая, не отставая, бежала следом. – Уж мы теперь поедим...

Вспотев, он с усилием вскарабкался по крутой стежке вверх на обрыв и выбрался из оврага. Собачонка, поняв наконец, куда направляется Петрок, немного обогнала его и побежала вперед, далеко, однако, не отрываясь от человека. Петрок думал, что дома первым делом надо поджарить картошки с салом, если оно еще осталось в кадке. Придет, начистит и поджарит, покормит Степаниду и поищет что-либо для этого бесприютного Рудьки. Потому что кто же еще его покормит? Видно, где-то в овраге убили Янку, вот он и вертится поблизости. Считаю, теперь здешняя собака. С их горемычного хутора.

Вдруг Рудька почему-то остановился на стежке, вытянул шею, и его хвостик настороженно замер. Петрок, пошатнувшись, не сразу сдержал свой шаг, поднял голову. Уже видна стала его усадьба за огородом, и там, во дворе, что-то мелькнуло рыжее. Словно какая постилка на тыне трепыхнулась от ветра, но это не постилка, видать? Петрок пальцами протер глаза и всмотрелся пристальнее. Так оно и было, как он сразу подумал, не желая, однако, признаться себе. Его опередили. Во дворе возле тына уже стояли, помахивая головами, рыжая и вороная лошади, и, хотя возле них никого не было, Петрок понял, что они уже приехали.

Петрок едва не заплакал от обиды, горя и страха, который вдруг охватил его, переступил по стежке, оглянулся. Он не имел сил идти туда, на усадьбу, потому что очень хорошо знал, что там ждало его. Но куда было идти? Во чисто поле? В Бараний Лог? В болото? Обрато в овраг?.. Да и в хате оставалась больная, избитая жена, там была картошка, все его пожитки. Полицаи жестоко отомстят ему. Разве от них спасешься?

И все же ноги его повернули обратно, и он даже пригнулся немного, вобрал голову в плечи и шатко потрусил по стежке к оврагу.

Только он не добежал даже до ближнего кустарника, как сзади раздался первый угрожающе звучный окрик:

– Петрок, стой! Стой, так твою... Назад!

И тотчас винтовочный выстрел туго щелкнул, казалось, над самой его головой. Пуля пронеслась мимо, в кустарнике на краю оврага тихо упала в траву ссеченная ею ветка. И он, вдруг отрезвев, окончательно понял, что убегать нельзя. От них не скроешься.

Действительно, они уже бежали через огород напрямик от усадьбы, и он сначала остановился, а потом повернул назад. Те также остановились за изгородью возле оборудованного им офицерского клозета, винтовки держали наготове, чтобы сразу, как только он побежит, всадить ему пулю в спину. Но он не бежал, он обреченно тащился по стежке навстречу гибели, все в нем напряглось и поднималось,

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru разбухало в безмолвной обиде: за что? Совсем некстати он ощутил в руке горлышко бутылки, которую нес Степаниде, там еще немного плескалось, но Степаниде этого уже не видать. Не размахиваясь, он бросил бутылку в сторону, с краткой радостью осознав, что и тем тоже ничего не достанется, пусть выльется в траву. Охваченный отчаянием, он все решительнее шел к полицаям, которые за изгородью также двигались наперехват ему к стезке – Гуж в своей кожанке впереди, а Колонденюк с поднятой винтовкой сзади. Почти физически почувствовав враждебность их намерений, Петрок остановился.

– Ну что? Что? Что вам от меня надо? – слабо крикнул он, уставясь на них сквозь застывшие взгляд слезы. Что-то давящее подкатывало к горлу, и он продолжал стоять на стезке в пяти шагах от изгороди.

– А ну иди ближе! – спокойно, с едва заметной угрозой сказал Гуж. Долгое, на этот раз, похоже, трезвое лицо полицая словно одеревенело, и Петрок почувствовал, что его игра кончена, на этот раз не обойдется.

– Чего вам? Чего вы ко мне цепляетесь? Какого рожна вам надо? Гады вы, немецкие прихвостни...

– А ну спокойно! – зарычал Гуж, вскидывая винтовку. – А то мы...

– Что, что вы? Застрелите? Стреляйте, черт вас бери! – с неожиданной решимостью, от которой сделалось страшно, закричал Петрок и потряс в воздухе сжатыми в кулаки руками. – Стреляйте!!

– Это мы успеем, – спокойнее объявил Гуж. – Иди сюда!

– А вот не пойду! Не пойду к вам и слушать не стану. Сволочи вы!

Гуж спокойно забросил за плечо винтовку, кивнул Колонденюку.

– А ну дай ему!

Тонкий длинноногий Колонденюк легко сиганул через верхнюю жердь изгороди, по растоптанному бороздам картофельного поля подошел к нему и размахнулся. У Петрока зазвенело в ухе, хутор качнулся в глазах, и он неожиданно оказался на жестких холодных стеблях картошки.

– Встать!

– Сейчас! Сейчас! Встану... Еще встану. Но за что бьете? Что я, не человек?

Не успел он, однако, подняться на ноги, как следующий удар в правое ухо свалил его на другой бок в грязную, растоптанную борозду.

– Где водка?

– А вот хрена вам, а не водки! – сказал Петрок, сплевывая наземь кровь, кажется, ему выбили последние зубы. – Вот, нате! – ткнул он Гужу фигу. – Бейте! Я вас не боюсь! И Гитлера вашего не боюсь! Вот и ему тоже! Кол в глотку всем вам!

Колонденюк снова подскочил к нему и размахнулся, но Гуж из-за изгороди крикнул:

– Стоп! Пока хватит! Мы его это... Показательно.

– Репрессию, что ли? – тонким голосом спросил Колонденюк.

– Репрессию. На веревке, – сказал Гуж и тоже полез через изгородь. – А ну поднимайся!

– Не поднимусь. Стреляйте!

– Поднимешься, старый пень! Самогоночку разбазарил? Роздал кому не следовало? А своим фигу теперь! Нет уж, я тебя взгрею. За обман. И за оскорбление фюрера. За фюрера знаешь что полагается?

– А хоть что! Я и фюреру плюну в его немецкую морду! И тебе тоже, предатель!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Цыц!

Гуж коротко ткнул его сапогом в грудь, Петрок вскрикнул и скорчился на боку в борозде. Несколько минут он не мог ни вздохнуть, ни сказать что-либо, дыхание перехватило, в глазах все пошло кругом. Конец? Скорее бы, чтобы не мучиться, пронеслось в мыслях, которые только еще и были способны как-то реагировать на его незавидную участь, может, в последние минуты жизни.

– Встать!

Но встать он не мог, как уже не мог и что-нибудь крикнуть, он только отчаянно хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная из воды на берег. Гуж, подойдя ближе, сильно потрянул его за плечо.

– Встать!

С усилием, но он все же глотнул воздуха раз и другой. Гуж снова грубо потрянул его, вдвоем с Колонденком они поставили Петрока на ноги и, ухватив подмышки, поволокли через огород к дровоколье. Он едва переставлял ослабевшие ноги, шапка его осталась на земле, очень мерзла на ветру голова с реденьким белым пухом – остатком волос. Но, кажется, ему уже не понадобится ни шапка, ни хлипкое его здоровье, ни даже сама голова, и он не жалел себя. Он думал только: что еще сказать этим сволочам? Но как назло нужные, главные его слова не шли в голову, и он тупо бубнил:

– Погодите... Подождите... Еще будет вам!..

– Это тебе будет! Это ты чуток подожди, – со скрытой угрозой пообещал Гуж.

Больше, однако, они не били его, привели во двор к привязанным возле тына двум лошадям. Колонденок все держал его под руку, а Гуж зачем-то побежал в хату. «Не возьмут ли они и Степаниду?» – подумал Петрок. Он думал, что сейчас увидит ее и они пойдут вместе на последнюю свою Голгофу, где и примут смерть. Но вскоре Гуж выскочил из сеней один.

– Так, садись! – крикнул он Колонденку. – Времени мало.

Прежде чем сесть на своего понурого коника, Колонденок подвел Петрока к воротцам под липами и взвизгнул:

– Марш! Туда! – и махнул в сторону большака.

Петрок постоял, стужа и свежий промозглый ветер позволили ему немного отдышаться, прийти в себя; впервые после запальчивого возбуждения пришла испугавшая его мысль: куда? Куда его поведут? Те двое повскакивали на лошадей, чтобы выехать со двора, а он стоял в воротцах и не мог ступить ни шагу. Да и зачем он добровольно пойдет с ними на муку, пусть убивают здесь, на пороге его жилища, зачем напоследок угождать им своим послушанием?

– Ну, марш!

– Не пойду. Убивайте...

– Как это – не пойду? – искренне удивился Гуж, объезжая его на лошади. – Я тебе задам такого «не пойду», что побежишь как подсмаленный.

И он злобно хлестнул Петрока прутом по голове, будто кипятком ошпарило лысину, Петрок пошатнулся, но устоял на ногах.

– Не пойду, сволочи! Что хотите, а не пойду!!

В нем снова поднялась и подхватила его гневная волна обиды и отчаяния, она придала силы, и он решил не сдаваться. Отсюда он никуда не пойдет, если намерены убивать, пусть убивают здесь.

Гуж покрутился с конем по двору, видно, не зная, что делать с этим привередливым дедом, но больше не бил, крикнул Колонденку:

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Вернись, глянь какую веревку!

«Свяжут? Повесят? Пускай! Лишь бы не идти никуда. Пускай погибать, но дома», – горько подумал Петрок, совсем уже готовый к смерти. Степаниду он так и не увидел, может, они убили ее.

– Не хотел по-хорошему, висеть будешь! – пригрозил Гуж. Длинные ноги его в испачканных грязью сапогах низко болтались под брюхом у лошади. – За оскорбление полиции. И фюрера.

«Пусть! Пусть! Если такая жизнь, пусть», – думал Петрок, не отвечая ему. Он уже не оглядывался на свою усадьбу и на двор, он думал, что милости у них не попросит, как бы ни довелось ему худо. Только бы выдержать. Лишь бы не долго терпеть.

– Руки! Руки! – взвизгнул над ухом Колонденок и, не дожидаясь, когда он послушается, сам ухватил одну руку, другую, сложил их на животе и начал скручивать концом длинной веревки. Петрок слышал, как он сопит, напрягается, склонившись перед ним, и не сопротивлялся, только взглянул на веревку и подумал: вот для чего пригодилась... Это были его вожжи. Когда-то, в коллективизацию, старые отдал в колхоз, а новые припрятал в истопке, иногда привязывал ими корову, что-нибудь закреплял на возу, а больше они висели на толстом гвозде в сенях. Теперь ими связывают его руки. Пригодились.

Наконец Колонденок завязал на руках тугий узел, другой конец свободно раскинул на истоптанной копытами, развороченной автомобильными колесами грязи, и Петрок удивился: зачем? Но тут же все стало понятно – с другим концом в руках полицейский взобрался на лошадь.

– Пошел! Живо! – скомандовал Гуж, однако далеко не отъезжая. Тронулся один Колонденок, вожжа на грязи распрямилась, зависнув в воздухе, натянулась и сильно дернула его за руки. – Живо, сказал!

Гуж снова огрел его прутом по голове, острая боль пронизала ее насквозь. Чтобы не упасть от натяжения веревки, Петрок вынужден был побежать за Колонденком, который ногами пинал в бока лошадь, а Гуж, размахивая прутом, погонял его сзади.

– Быстро! Быстро! Ах ты, большевистский пень!

Петрок не успевал, спотыкался, едва не падал, бросался из стороны в сторону, опорки его вязли в грязи, но упасть теперь на дороге было бы, верно, хуже погибели. И он бежал с прискоками, дергаясь на веревке, которая, сдирая с рук кожу, тянула, волокла его к большаку. Лицо его снова стало мокрым от слез, и порывисто дувший навстречу ветер уже не успевал их осушать.

– Сволочи! Душегубы! – захлебываясь ветром, глухо кричал Петрок. – Погодите! Мой Федька придет! Он вам покажет!.. Не надейтесь... Мой сын придет...

Глава двадцать вторая

Петрок пропал, исчез с этого света, как и для него пропали хутор, жена Степанида, Голгофа, пропал целый мир. И остались только воспоминания о нем, если есть еще кому вспомнить его человеческие страдания, мелкие и большие невзгоды. Всю жизнь он хотел только одного – покоя. Чувствуя себя слабым и от многого зависимым человеком, жаждал как-нибудь удержаться в стороне от захлестывающих мир событий, переждать, отсидеться. Мудрено, конечно, и наивно было на это рассчитывать. Жизнь распоряжалась по-своему, в соответствии с жесткими законами жестокого века, и вот однажды воля случая едва не вовлекла Петрока Богатку в самый эпицентр человеческой драмы.

А что же Петрок?

Хорошо это или плохо, но он был человеком определенных качеств, наверно, малоприспособленным для новой эпохи, и поступал сообразно своему характеру. Хотя, может, оттого и вдоволь настрадался в жизни.

...С Рождества в тот год валил густой снег, а за три дня до Крещения началась

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru такая вьюга, какой тут не знали, может, от Сотворения мира. Снега намело полон двор, несколько дней невозможно было выбраться из хаты. Но надо было принести воды, нарубить дров, досмотреть скотину, и Петрок, прежде чем открыть двери в хлев, каждый раз вынужден был откапывать их; чтобы протиснуться внутрь. Спустя полчаса, однако, от его работы не оставалось и следа – сплошь во дворе громоздилась толща тугого, спрессованного ветром снега.

В тот день, правда, сверху не сыпалось, больше мело низом, надуло на дворе длинный сугроб от хлева до дровокольной, немного поменьше возле колодца, под тыном. Верх колодезного сруба оказался вровень с сугробом, Петрок едва добрался до него с ведром, но набрать воды было невозможно – в срубе чернела лишь узенькая, будто нора, дырка-отдушина. Петрок про себя выругался. Настроение его и без того было скверным – только что поругался с женой. Ссора вышла из-за хлеба, который чрезмерно берегла Степанида, домешивая в него картошку, отруби, и его уже нельзя было взять в рот, такой он был жесткий, невкусный. Конечно, у Степаниды была на то причина: ржи в засеке осталось чуть больше мешка, а до весны и первой травы было не меньше четырех месяцев. Как тут не беречь! Но через эту ее бережливость можно было вытянуть ноги, не дожив до весны, а Петрок хотел еще маленько пожить и сказал сегодня о том Степаниде.

Притоптав снег у колодца, он пристегнул к цепи ведро, которое сразу застряло в снежной норе, не доставая воды. Чтобы протолкнуть его, нужна была палка, Петрок оглянулся, да так и застыл над заметенным колодцем. По снежной целине от большака пробирались три темные фигуры, ступая след в след, люди медленно шли под ветром, который бешено курил от их ног снегом, нес его через все поле к сосняку, где чернели на большаке две легковушки. Возле них тоже кто-то копошился. Ну, ясно, замело, там всегда заметало зимой, особенно на въезде в сосняк, вряд ли там сейчас пройдут легковушки, подумал Петрок, снял рукавицу, высморкался. Теперь уже не было сомнения, что приезжие с большака направлялись к хутору. Надо было встречать гостей.

Вытянув из колодца легкое, со снегом ведро, Петрок отвернулся от ветра и подождал немного, пока люди подойдут к воротцам. Первый был уже близко, свободно шагал сильным размашистым шагом, на его плечах чернела блестящая на морозном солнце кожанка, под мышкой он держал такой же черный портфель. Возле воротец Петрок разглядел второго, это был среднего роста мужчина в черном бобриковом пальто и присыпанной снегом каракулевой шапке; на его покрасневшем от ветра лице выделялись небольшие подстриженные усики, тоже белые от снежной пыли. Третий был в длинной красноармейской шинели и шлеме с опущенными ушами, подпоясанный ремнем с наганом, который в такт шагам тихо подрагивал на правом боку.

– Можно к вам, хозяин? Немножко обогреться? – спросил первый, подходя к воротцам.

– Почему же нет! Така завел, оно конечно, – сказал Петрок, догадываясь, что, по всей видимости, это начальство, и, верно, не малое – из округа, а то и выше.

Он взялся за верх сколоченных из жердей воротец, но раскрыть их не мог, они только немного отклонились в глубоком снегу, и гости друг за другом протиснулись во двор. Затем Петрок привел их в сени, где все дружно затопали сапогами, сбивая намерзший снег. Когда раскрыли дверь в хату, из-за занавески с какой-то тряпкой в руках выскочила Степанида и ойкнула от неожиданности, увидев на пороге столько незнакомых мужчин. Тут же она бросилась назад, в запечье. Там второй день лежала больная Феня, простудилась, кашляла, и они не пустили ее в школу: шутка ли – по такой метели плестись за три километра в местечко. Федя был здоров и в школу пошел, а Феня лежала, надеялись, может, поправится. Пока Петрок возился по хозяйству, Степанида растопила трубку, но в хате было еще прохладно и пахло дымом, дрова разгорались плохо. Конечно, сырая ольха больше тлела и дымила, скупо отдавая тепло.

Петрок закрыл дверь. Гости понемногу осваивались в хате. Старший, с усиками, отряхнул возле печи заснеженную шапку, обнажив лысую или чисто побритую голову, и тихонько сел на скамейке, положив локоть на угол стола. Рядом скромно присел военный с наганом, этот шлема не снял. А третий, который был в кожанке, заметив квельый огонь в грубке, сразу склонился к ней и присел на низкую скамеечку.

– Э, плохо горит! Растопки мало, а, хозяйка?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Из-за печи вышла Степанида без платка, в стеганой фуфайке, сдержанно оглядела гостей.

– Где же ее взять, растопку? Сырыми вот топим.

– Сырыми – это не дело, – сказал незнакомец и пырнул кочергой мокрые комли в грубке. – Сырые надо не так накладывать. Не клетью, шатром надо. Я эту науку когда-то в Сибири прошел. Разгорится, никуда не денется.

Поворошив ольховые комли, он прикрыл дверцу – не совсем, а так, чтобы оставалась щелка, оглянулся на Петрока, который скромно стоял у порога.

– Хозяин, в колхозе состоишь? Или единоличник?

– В колхозе, а как же! – привычно отозвалась за хозяина Степанида. – С первого дня мы.

– Ну и как? Зажиточный колхоз?

– А, какой там зажиточный! Бедноватый колхоз.

– Вдвоем живете?

– Вдвоем. И деток двое. Сынок в школу пошел, а дочушка вот прихворала, кашляет.

Феня и впрямь закашляла в запечье, в хате все смолкли, прислушались. Тот, что сидел у стола, за все время не шевельнулся даже, только на Фенечкин кашель повел черною бровью и взглянул на занавеску-дерюжку возле печи.

– Погодка такая, что простудиться недолго, – сказал его товарищ от грубки. Он снова раскрыл дверцу и тонкой ольховой палкой стал шевелить в грубке, перекладывая дрова по-своему.

– Правда ж, – легко подхватила Степанида. – Обувка, знаете, разбитая, валенок нет, в порванных гамашиках бегаешь, застудила ноги, теперь вот второй день жар, кашляет.

– Нелегко дается наука крестьянским детям, – со вздохом заметил от грубки гость и повернул бритое, с крепким подбородком лицо к столу. – А вот же учатся. Что значит тяга к знаниям, к свету.

Петрок подумал, что, наверно, теперь и этот старший по возрасту, а может, и по должности что-то скажет, но тот не сказал ничего, все молча сидел за столом, поглядывая на грубку. На его лице лежал отпечаток усталой задумчивости, какой-то глубокой озабоченности. Казалось, мысли и внимание его витали далеко отсюда.

– Ничего, тетка, – бодрее сказал тот, от грубки. – Выполним пятилетку – будет обувь и многое другое. Веселее будет. А пока надо работать.

– Так мы же работаем. Стараемся. Не покладая рук. За панями так не работали.

– Ну, тогда на панов, а теперь на себя. На свое государство рабочих и крестьян.

– Правда ж. И государство не обижает, вон МТС сколько работы переворачивает, считай, половину пахоты делает, и другое что. Если б вот только порядка побольше.

– А это уж от вас зависит, – твердо сказал гость. – От всех вместе и от каждого в отдельности.

– Что ж мы, не понимаем? Да вот только одеться не во что. Раньше так лен был, но теперь весь лен сдаем, а себе ничего. Чтобы хоть ситца какого детям на сорочки, – начала жаловаться Степанида, наверно, уже поняв, что перед ней начальство. Петроку это не понравилось: ну зачем она? Только в хату чужие, начальство или нет, а она уже со своими заботами. Не даст людям обогреться. Он почтительно стоял у порога, думая, что пришедшие сами что-то объяснят, лезть к ним с вопросами, наверно, сейчас не годится.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru Но Степанида, по-видимому, совсем осмелела, разговорилась и уже жаловалась, что до сих пор не уплачено людям за сданную по заготовкам шерсть. Уже третий раз Смык обещает, назначает сроки, а денег все нет. Петрок снова поморщился от неловкости – люди посторонние, может, из Полоцка или даже из Витебска, откуда им знать здешние порядки, какого-то там Смыка, уполномоченного по заготовкам. Лысый возле стола сидел неподвижно, дремотно прикрыв глаза, видно, отогреваясь в хате. Но, оказалось, слушал и слышал все, что говорила Степанида, а когда та сказала про деньги, открыл глаза и тихо сказал тому, что сидел у грубки:

– Запишите.

Мужчина расстегнул портфель и в синей небольшой тетрадке написал несколько слов.

– И это... Под лен дают самую неудобицу, суглинок, говорят, вырастет, а какой там рост, как засушит, обеими руками не выдернешь, и низенький, реденький, на третий номер, не больше...

«Ну, уже погнала! – почти со злостью подумал Петрок. – Уж завелась...»

Гости, однако, слушали, и вроде со вниманием даже, не перебивая. Лысый, открыв глаза, поглядывал на нее будто бы и без усталости, в упор, хотя и молчал. А тот, в кожанке, только один раз перебил, спросив, как называется колхоз, и уже сам, без напоминания что-то пометил в тетрадке. Наверно, почувствовав их расположение, Степанида наговорила многое из своих обид на порядки в колхозе, в районе и наконец вспомнила о завтраке.

– Может, сварить картошечки, если не ели, со шкваркой?

Лысый возле стола, стряхнув с себя неподвижность, решительно сказал «нет» и повернул голову к военному в шинели.

– Поглядите там...

Тот быстренько выскочил в сени, а сидевший у грубки раскрыл дверцу, из которой пахло умеренным теплом – дрова все-таки разгорались.

– Ну видишь? По-сибирски веселее пошло! – бодро заметил гость.

В это время в запечье снова закашляла Феня, Степанида подалась за дерюжку, а лысый возле стола озабоченно, тяжело вздохнул. Когда она вскоре вышла оттуда, успокоив дочку, тот, что был в кожанке, встал со скамейки и, казалось, отгородил полхаты своей широкой спиной.

– Надо лечить ребенка. Доктора привозили?

– Да где по такой метели! Может, сама как поправится. Вот молока нет, корова запустилась, а дочка больше не ест ничего, – пожаловалась Степанида.

– Это плохо. Меду надо купить.

– Гм, кабы было на что. А то вон по страховке недоимки еще не выплатили...

Сильно притопнув в сенях, вошел военный и что-то сказал. Тот, что сидел возле стола, сразу поднялся, начал застегивать на крючок воротник пальто, но тут же остановился, расстегнул пуговицы. Петроку не было видно, что он достает из кармана, другой, в кожанке, как раз заслонил его, но вскоре он догадался. Степанида неуверенно проговорила:

– Нет-нет! Что вы, не надо, – но тут же дрогнувшим голосом начала благодарить: – Спасибочко вам, если так...

– Дочке на молоко и лекарство, – тихо сказал старший.

На его лысой голове уже сидела высокая каракулевая шапка, он запахнул пальто и направился к двери. Петрок отступил в сторону, в самый кочережник и готов был провалиться сквозь землю от стыда. Зачем она взяла? Как нищенка – от незнакомых да еще начальства, хотя бы и на лекарство ребенку, но разве это красиво?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Спасибо вам. А как же отдать? Хотя знать бы кому? – растерянно проговорила Степанида, идя следом.

– Отдавать необязательно, – твердо сказал мужчина в шапке.

– Так ведь долг.

– Небольшой долг.

– Знать бы, откуда вы.

Тот, в пальто, уже выходил в сени, за ним вплотную держался другой, что был в кожанке. Военный, пропустив обоих вперед, украдкой оглянулся и тихо шепнул Степаниде:

– Из Минска. Товарищ Червяков.

На несколько секунд Степанида будто остолбенела с зажатым в кулаке червонцем, а Петрок ощутил внезапную слабость в теле: ну и упорола жена! У кого напросилась на милостыню! Это же сам руководитель республики. А она про лен, про деньги... Но гости выходили из сеней, и, хоть было страшно неловко, он должен был их проводить.

Во дворе все мело, но на свежем снегу было видно далеко. На большаке под сосняком стояло две легковушки, и возле них чернели несколько фигур, наверно, дорогу там все же откопали, можно было ехать.

У ворот, отвернувшись от ветра, Червяков остановился.

– Спасибо за обогрев, хозяин. Здоровья твоей дочке, – тихо пожелал он.

Петрок растерянно стоял на снегу, не зная, кланяться, благодарить или как? У него вроде отнялся язык, и он ничего не мог вымолвить, не находил нужных слов. Тогда Червяков спросил о чем-то своего помощника, и тот уточнил:

– Фамилия как твоя?

– Богатька, – сказал Петрок и смутился, впервые устыдившись собственной фамилии, так несуразно прозвучала она на этом убогом, заваленном снегом дворе.

– Так богатой вам жизни, товарищ Богатька, – пожелал на прощание председатель ЦИКа, и они все, пригнув от ветра головы, начали пробираться по своим прежним следам к большаку.

Петрок смешался и опять не ответил, глядя на этих людей и взволнованно повторяя в мыслях: «Где там богатой, где там богатой...» Прежние неизбывные хлопоты охватили его с новой силой – ржи в истопке оставалось пуда четыре, впрочем, с хлебом, может, и дотянули бы до крапивы и щавеля, если бы побольше было картошки. Картошка, однако, кончалась, неурожайное на нее выдалось лето – вымокла от дождей, сгнила под стеблем. Неизвестно, как теперь дожить до новой?

Глава двадцать третья

Как-то, однако, дожили до весны, не сытно, скорее голодно, но дождались теплых солнечных дней и зеленой травы. Степанида из первой крапивы наловчилась готовить какое-то варево, которое, если его побольше заправить салом, так можно было есть. Хуже получилось с хлебом – хлеба не было. Но председатель колхоза Богатька Левон ухитрился дополнительно распределить на трудодни три бурта прошлогодней картошки, и Петрок привез к Первомаю телегу вялых проросших клубней. Ничего, ели, мешали с ячменной мукой, пекли лепешки, хотя остатки ячменя также берегли на крупу для супа.

Наконец в самую силу вступило лето, в мае прошли обильные дожди с грозами, и озимые даже на суглинках дружно пустились в рост. Озимое поле было как раз по эту сторону большака, возле оврага, хутора и дальше по всей Голгофе. Иногда при случае или в свободную минуту Петрок бегло окидывал оком поле и радовался: хорошая обещала быть в этом году рожь. Если не засушит летом, не зальет на Илью, достоинит погода до спаса. А сенокосы были уже готовы, и Левон собирал мужиков на

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru «пробу косы» в Бараньем Логу возле речки. С непривычки или от недоедания Петрок задохнулся на третьем прокосе, закололо в груди, перехватило дыхание, но он знал: это сначала, потом все пройдет, как только втянется в общий ритм, неужто он хуже других? Вот и Левон, хотя и с тремя пальцами на руке, а как защежит меж них косовище, так машет как одержимый. На косье никто не хочет оказаться слабее, каждый тянется за другими из последней возможности. В тот субботний вечер разбили делянки, определили, какие и где развернутся бригады, договорились назавтра, в воскресенье начать на зорьке и косить, пока не припечет солнце. Левон распорядился вечером наклепать хорошо косы и наказал, чтобы никто не опаздывал. В конце дня намеревались подвести итоги и бригаду, которая выкосит больше, занести на красную половину доски, а которая меньше – на черную. Второй бригаде выпал участок полегче, от ельника, на берегу поймы, трава там была густая, хотя и не очень высокая, были определенные шансы обогнать третью бригаду грязевцев и попасть на красную сторону доски.

На том и разошлись поздно вечером с псаломщикова двора, где года три как обосновалась колхозная контора. Петрок торопился в свою Яхимовщину, надо было поспеть наклепать косу, брусок же у него был плохой – короткий обломок, зажатый в деревянное держало, – таким пока наостришь косу, другие обойдут тебя далеко. Но Левон пообещал, что утром заскочит в местечко и привезет полсотни брусков на всех, в сельпо уже уплачены деньги, будет все без обмана. Верхом на лошади это займет час времени, и делу конец.

Понадеявшись на новый брусок, Петрок не взял свой старый «обмылок» и, начав косить, скоро почувствовал, что коса начинает тупиться, а Левона с брусками еще не было. Мужики прошли по два прокоса, уже над ельником поднялось солнце, роса, правда, еще держалась в густой траве, которая хорошо ложилась в плотный изогнутый ряд. Петрок все чаще поглядывал на край ельника, из которого на пойму выбегала дорожка, не покажется ли председатель с брусками. Да все напрасно. Уже к завтраку, когда с косарей стекло немало потов, из ельника выбежал и остановился, будто чего-то испугавшись, меньший Левонов сын Матейка. Петрок подумал сначала, не послал ли его председатель с брусками, но в руках у мальчика ничего не было. Когда он подошел ближе и кто-то из косцов грубовато спросил об отце, мальчик повалился в траву, закрыл лицо руками и затрясся в беззвучное плаче.

– Что такое? Что с тобой?

– Отца ночью... забрали...

Косцы замерли, ближние молча воткнули косовища в землю, дальние еще докашивали ряды и по одному сходились к ельнику, уже поняв, что случилось. Как же так? Левона Богатку?... За что?

Как-то успокоили мальчишку, недружно, вполсилы докосили до завтрака, хотя больше сидели, курили, высказывая различные догадки и предположения. Большинство твердило: ошибка, Левона не должны взять, потому что он не враг и не вредитель, никогда не шел против своих, в войну пострадал за Советскую власть. Ясно, что тут недосмотр, ошибка, кому надо разберутся и через день-другой выпустят.

Когда Петрок приволокся с косой на хутор, Степаниды на усадьбе не было, не пришла она и к полудню, и он не знал, куда она исчезла, по какой надобности. Случай с Левоном привел всех в замешательство, людей словно оглушило, и они не знали, что думать и что предпринять. С полудня Петрок на косьбу не пошел, у него опустились руки, охватила тревога за Степаниду, думал: хотя бы не взяли и ее.

Степанида прибежала к вечеру, расстроенная, без платка на взлохмаченной голове, в пропотевшей ситцевой кофте, оказалось, она уже слетала в местечко, в райком, в милицию, дознавалась: за что Левона? Однако напрасно. Никто ей ничего не сказал, все угрюмо молчали, она поругалась с председателем исполкома Капустой, которого просила заступиться, а тот знай свое: нет! Во дворе обессиленно упала на завалинку, скупно отвечала на взволнованные вопросы мужа и после раздумья, немного успокоясь, решила:

– Надо собирать подписи.

– Какие подписи? – удивился Петрок.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– За Левона. Что он свой, большевик, не вредитель.

Петрок помолчал, подумал.

– А потом что?

– А потом подать в НКВД. Пусть посмотрят.

В тот же вечер в Фенькиной тетради что-то писала страницах на трех и, прихватив химический карандаш, побежала в Выселки. Скоро должна была прийти с поля корова, надо было доить, а хозяйка исчезла неведомо куда. Степанида обегала все дворы в Выселках, вернулась ночью уставшая и взволнованная и, сделав кое-что по хозяйству, повалилась спать. Петрок также лег поздно, хотя назавтра планировали начать новую луговину за ельником, идти туда неблизко, вставать надо было еще раньше. Поднялся на рассвете, только еще засинелось на востоке небо, а Степаниды уже не было в хате, уже побежала. Корову должна была выгнать Феня, но Феня так сладко спала, что Петрок, помедлив, выгнал корову сам. Все же чувствовал, что это непорядок, это разорение для хозяйства, когда от него отеклась хозяйка.

И правда, отеклась. Три дня после того Петрок почти не видел ее на хуторе, только мелькнет где утром или вечером, а так все в отлучке. Обегала три деревни и в самом деле насобирала немало подписей, колхозники Левона жалели: был он человек открытый, простой, незлобивый. Трудно было поверить, что он враг или какой вредитель. Люди не могли взять себе в толк, за что его арестовали в такое горячее время, оставив колхоз без руководства. Правда, руководить хозяйством взялся бригадир третьей бригады Автух из Загрязья, и, странно, человек, который всегда неплохо ладил с Левоном, вроде никогда с ним не ссорился, теперь подписаться под ходатайством за него отказался («А откуда я знаю, вредитель он или нет? Раз органы взяли, так что-то знают»). Степанида недолго уговаривала, рассердилась, обозвала его «волкодавом», как иногда называли Автуха в деревне, и побежала через лес в район.

Оттуда она вернулась не скоро, уже гнали с поля коров, и Петрок только приволокся с косьбы; казалось, сам без рук и без ног, усталый и злой – на жизнь, жену, работу. Молча отрезал ломоть сала из кадки, отломал кусок черствого, с мякиной хлеба – очень хотелось есть, с усталости подгибались ноги. И тут увидел во дворе жену. Степанида медленно ковыляла от воротца, припадая на одну ногу, и он вспомнил, как два дня назад она жаловалась на боль в пятке, верно, занозила где-то, конечно, с Пасхи босая бегаёт по лесу, полям, покосам, а теперь еще и по деревням. Едва доковыляв до завалинки, Степанида упала, немного погодя Петрок подошел к ней и, жуя беззубым ртом твердую корку, спросил:

– Ну что? Что сказали?

– А ничего. Вернули, – она бросила под ноги сложенную вчетверо бумагу.

– Ай-яй! Что ж делать?

– А я знаю?

Степанида попыталась встать, но тут же снова опустилась на завалинку – пятка болезненно нарывала, без палки Степанида уже не могла перейти в хату. В тот вечер корову кое-как подоил Петрок с дочкой, потом он сорвал под тыном большой лист лопуха и обвязал им распухшую, горячую на ощупь стопу. Степанида стала непривычно раздражительной, все было не по ней, она коротко, зло фыркала на него и даже на Феню, но Петрок понимал ее и не обижался, знал, беда лучше не делает. Он сам позагонял кур, накормил поросенка, принес воды из колодца и только прилег на лавке в сенях, где спал эти ночи, как Степанида окликнула его из запечья:

– Петрок, иди сюда!

Превозмогая усталость, он неохотно поднялся и через раскрытую дверь приволокся к ней в нижнем белье.

– Петрок, надо съездить в Минск, – тихо, но твердо сказала она.

– В Минск?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Ага. К товарищу Червякову.

Петрок уже догадался, в чем дело, и молчал как оглушенный – не шуточка, в Минск. И ехать ему, человеку, который в Полоцк ездил три раза в жизни, и то два из них, когда был молодой, при царе. Но ведь и она не может, сам видел, куда ей с такой ногой, а Левона в самом деле жаль было и ему. Как не помочь человеку? Но и помочь неизвестно как.

– Завтра и поедешь. Два червонца я одолжила у Корнилы. Сама хотела, да вот...

– Но где я там найду Червякова? Наверно, непросто – город!

– А там Дом правительства. Писали же газеты, что построили Дом правительства. Значит, и Червяков там.

– Гм... Но куда идти? Что я... Ведь не был ни разу!

– Вот и побываешь. А что! Спросишь, люди покажут. А то что ж, пропадать человеку?

Петрок молчал. Плохо, конечно, когда пропадает хороший человек, жаль его. Но и себя тоже жалко, потому как черт его знает, где тот Минск, где Дом правительства, как туда попасть? Слышал когда-то от мужиков: надо ехать на Оршу, там пересадка, надо покупать билет. Знать бы хоть, сколько это будет стоить. Наверно, немало. Петрок просто был ошеломлен тем, что на него обрушилась в этот вечер жена. Но он знал, что если уж она надумала, то не отступит. Придется ехать.

– И не говори никому. Если что, бригадиру скажу: пошел к доктору. Потому что больной.

– Но...

– Ну что «но»? Он же нам будто знакомый, Червяков. Может, заступится. Увидишь, напомни, как зимой на крещение греться заходил. И червонец одолжил. Вот и отдашь.

– Оно так. Но все же...

Очень не хотелось Петроку отправляться в ту незнакомую дорогу, на край света, в Минск, к председателю ЦИКа. Просто брал ужас, как пытался представить себе, что с этим связано.

Глава двадцать четвертая

Через день утром, однако, Петрок спускался по крутым ступенькам вагона на людный перрон в Минске.

Одной рукой он крепко держался за скользкие железные поручни, а другой не менее крепко сжимал старательно завязанную холщовую сумку с кое-каким харчем: обкрошенным куском хлеба, ломтем сала, луковицей, двумя вкрутую сваренными яйцами. Еще там было чуточку соли в бумажке, внизу лежал старый почерневший ножик с обломанным кончиком лезвия. Одет был Петрок во все лучшее по такому случаю: не новые, но чистые суконные брюки, выстиранная Степанидой сатиновая рубашка, немного, правда, залатанная возле воротника сзади. Но заплатки не было видно, потому что сверху надет был порыжелый, домотканого сукна пиджак, во внутреннем, застегнутом на булавку кармане которого лежало Степанидино ходатайство с двадцатью семью подписями. Там же был и червонец. Другой червонец он разменял в Лепеле, когда покупал билет; остаток его надо было сберечь на дорогу обратно.

Так он медленно шел по людному перрону среди непривычной для него людской разноголосицы и суеты, каждый раз вздрагивая от гулких паровозных гудков и неожиданного фырканья пара из-под промазученных колес вагонов. Голова его была словно у пьяного, все в ней гудело и кружилось то ли от бессонной ночи в переполненном людьми вагоне, то ли от этой городской сутолоки. Он не имел понятия, куда податься с вокзала, и хорошо, что в вагоне попался свой человек из Холопенич, который рассказал, куда ему приблизительно следовать. И Петрок

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru направился от вокзала узеньким тротуаром боковой улочки, держась поближе к стенам домов, временами натываясь на концы длинных жестяных труб, торчащих по углам. Он боялся оказаться на краю, потому что по мостовой один за другим с грохотом и звоном проносились трамваи – не дай бог, наедет такой, и погибнешь! И он жался к домам с бесконечным чередованием дверей и окон; в некоторых окнах были выставлены какие-то товары, но он не смотрел на них. Однажды из раскрытых дверей вкусно пахло чем-то съедобным, и он остановился, поглядел, кажется, это была столовая: за небольшими столиками сидели по четыре человека, что-то ели из белых тарелок. Потом навстречу стали попадаться люди со свежими буханками хлеба в руках, некоторые отламывали от них по кусочку и украдкой на ходу жевали. Вдоль низкого обшарпанного строения вытянулась голосистая длинная очередь, начало которой терялось в раскрытой двери с огромными буквами «ХЛЕБ» на вывеске. Петрок удивился такому количеству народа в очереди и торопливо обошел ее по мостовой. Минуту спустя, не доходя до трамвайного перекрестка, где холопенический человек наказывал повернуть направо, он понял, что допустил ошибку, надев ссохшиеся за весну сапоги, которые теперь нещадно жали в носках, невозможно было идти. Знал бы, лучше поехал босой. Но босых тут не было видно, все шли обутые, не то что в деревне. Да и Степанида надела: обуи сапоги, неже босиком в городе. И вот обул себе на мучение.

Вскоре, однако, о сапогах он забыл, может, притерпевшись, а может, от восхищенного удивления, которое охватило его на углу двух улиц, откуда он увидел огромное серое здание, не понять даже, на сколько этажей: величественно громоздящийся фасад со множеством окон, большой площадью-двором посередине и длинным широким, со скатерть полотнищем флага сверху на крыше. Там же, чуть ниже на стене, был и каменный герб Белоруссии. Петроку стало ясно, что он вышел к цели своего приезда – главному дому Минска, где заседало правительство.

Здесь он придержал шаг – надо было собраться с духом. Это тебе не сельсовет и даже не райисполком, где сделал три шага с улицы, и ты уже в дверях, на пороге. А здесь? Попробуй угадай, к которым из множества дверей во дворе следует подойти, а ведь там еще охрана, пустят ли его без документа? Надо будет проситься. Чувствуя все большую озабоченность и теряя и без того не ахти какую решимость, Петрок помалу шел вдоль дома-дворца, все приглядываясь к дверям – к которым же из них направиться? Он думал, может, кто повернет туда с улицы, тогда бы и он пошел следом, но с улицы никто не сворачивал, все шли по тротуару. Неизвестно, сколько минуло времени, уже взошло где-то солнце, только разве его здесь увидишь, среди заслонивших полнеба домов. На земле повсюду лежала густая и прохладная, как утром в ельнике, тень.

Так, ничего не решив и ни на что не отважившись, Петрок миновал широкий двор-площадь, с трех сторон зажатый домом, прошел еще немного и увидел сбоку очень красивый, из красного кирпича костел. В другой раз он бы, наверно, полюбовался им, но не теперь. Начиная уже волноваться, он нащупал под булавкой Степанидины бумаги, хотел было достать кисет, закурить, но передумал, повернулся и снова пошел к Дому правительства.

На этот раз он не стал рассматривать его фасад и выбирать двери, сразу из-за угла повернул к тем, что были поближе, за широким рядом каменных ступеней. На ступеньках и возле дверей никого вроде не было, но, присмотревшись, Петрок заметил за стеклом что-то белое, что сначала коротко шевельнулось, а потом настороженно замерло. Это был милиционер, Петрок узнал его по белой рубашке, наискось перетянутой черным ремнем от кобуры, и белой, со звездой фуражке на голове. Стало видать, что милиционер из-за стекла также принялся рассматривать Петрока, который уже вышел на середину двора, однако все больше замедлял шаг. Усилием воли он принуждал себя идти, хотя ноги плохо подчинялись ему, упрямо норовили повернуть в сторону, туда, где было много людей и куда не достигал взгляд милиционера. И так случилось, что ноги одержали верх над его намерением – свернули от прямого направления, и Петрок с радостным облегчением повернул прочь со двора к улице, на тротуар.

Тут он сбросил с себя напряжение, вздохнув, почувствовал, что весь мокрый от пота, словно на том прокосе в Бараньем Логу, и какое-то время шел, сам не зная куда. Он корил себя за нерешительность, за то, что влез в это дело, журил за дурной характер и уговаривал не волноваться, не бояться очень. Ну что ему милиционер? Разве он шел сюда с плохим намерением? Только спросить, как попасть к товарищу Червякову или хотя бы передать бумаги. Разве он по своей воле или это личный его интерес? Он же для общего дела, считай, по поручению колхозников. Сам

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru он здесь ни при чем, сам почти посторонний. Передаст и пойдет обратно, чего волноваться? И тем не менее Петрок не в состоянии был унять в себе нелепого волнения и мог забрести неизвестно куда в незнакомом городе и потерять Дом правительства. Поняв это, Петрок остановился, немного расслабил правую ногу, которую, верно, уже стер окончательно, рукавом пиджака смахнул пот с лица. Нет, все же он подойдет к милиционеру, чтобы только спросить, и ничего больше. Чего тут бояться?

Петрок опять повернул по улице, стараясь не слишком обращать внимания на сапоги. Как на беду, появилась и все больше стала напоминать о себе естественная человеческая надобность, но теперь было не до нее, и Петрок терпел. На углу этого огромного здания он замедлил шаг, чтобы хоть чуток присмотреться и не сразу очутиться перед дверьми. Ничего, однако, не видя, прошел цветник и, сам не свой от волнения, повернул к ступенькам, боясь даже глянуть туда. А как глянул, снова едва не споткнулся – возле тех же высоких рей на крыльце стояли уже два милиционера в белом, молча уставясь на него, будто только его и ждали. Петрок, словно заяц в поле, описал по асфальту крутую петлю и чуть ли не бегом вернулся на улицу. Пока проходил мимо Дома правительства, все старался придать себе вид озабоченного человека, которого здесь решительно ничего не интересует.

На этот раз он отошел далеко за красный костел и уже не останавливался. Остановиться сейчас означало для него повернуть обратно, снова к этому пугающему дому, а поворачивать у него уже не оставалось сил. Опять же его нужда требовала определенного места, которое неизвестно где здесь найти. Он только позволил себе достать кiset и свернуть сигарку. Первые несколько затяжек немного успокоили его, и Петрок не впервые, но очень прочувствованно подумал: и зачем он поехал сюда? Зажила бы нога, пусть бы тогда Степанида и ехала. Она бойкая, она бы не растерялась перед милиционером. Она же брала червонец, который неизвестно как отдать, она насобирала подписей, с которыми теперь неизвестно что делать.

Дав себе недолгую передышку, он покурив, отошел от недавней боязливой неловкости и медленно побрел людной улицей, поглядывая по сторонам. Вокруг громоздились разноэтажные здания с бесчисленным количеством окон, балконов, вывесок, в оба конца грохотали набитые людьми трамваи. Как-то вверху над одним из них густо посыпались с проводов искры, и Петрок испугался, что загорится. Но ничего не загорелось и никто на улице вроде не обратил на то никакого внимания, все куда-то спешили по своим надобностям. Тем временем утро незаметно перешло в день, над жестяными крышами домов поднялось жаркое солнце, тени на тротуарах сузились, и так припекло, что хоть плачь. Петрок старался терпеть изо всех сил, хотя было чертовски душно в суконной одежде, но он не снимал пиджак – опасался за бумаги и деньги. Прихрамывая, он долго тащился по тротуару рядом с трамвайными рельсами, прошел, наверно, далеко, все надеясь: должны же быть где-нибудь какие-то кустики, овражек или пустырь, которые бы очень ему пригодились. Но улица нигде не кончалась, бесконечными рядами тянулись дома – большие и поменьше, иногда одноэтажные, как в местечке, но зажатые между большими кирпичными зданиями. И повсюду окна и двери, окна и двери. В некоторые из дверей можно было зайти с тротуара, там продавалось что-то, но Петрок только бросал туда озабоченный взгляд и шел дальше. Нога болела все больше, стопу он теперь ставил боком и ругал себя за то, что не смазал дома сапоги, от дегтя они стали бы мягче и, может, не терли. Не торопился в Лепель, чтобы успеть на поезд, вот теперь и мучайся. Он все больше стал волноваться, чувствуя, как идет время, а он еще ничего не сделал. И того, что искал, тоже не было видно. Один раз заглянул в вонючую подворотню с ободранными стенами, во дворе были дети и женщины, одна развешивала на веревке белье и, обернувшись, внимательно посмотрела на него. От неловкости он молча повернул обратно и быстренько вышел на улицу. Хорошо, что ни о чем не спросила, что бы он ей ответил?

Впереди по ту сторону улицы зазеленели верхушки высоких деревьев, и Петрок, обрадовавшись, приспешил шаг, но скоро опять пошел тихо: там тоже было полно людей – одни спокойно сидели на скамейках, некоторые читали, рядом играли дети, иные просто прогуливались по тенистым дорожкам. Навстречу по улице шла молодая женщина с лохматой собачкой на поводке, держа в руке раскрытый над головой зонтик, и Петрок удивился: зачем? Было солнечно, ни одного облачка в небе. Он постоял немного, поглядывался и со страдальческой grimасой на лице побрел вперед, туда, где улица переламявалась на пригорке. За красиво раскрашенным домом с изогнутыми арками окон показалось громадное серое здание, очень похожее на Дом правительства. По эту сторону улицы тянулся высокий дощатый забор, за которым был тихий дворик с каштанами в самом конце под горкой. Ворота во двор

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru были широко раскрыты, хотя там никого не было видно, только слышалось, как где-то лилась-стекала вода, Петрок несмело заглянул в ворота. В густой тени каштанов приткнулась металлическая тумба-колонка, и возле нее возилась голоногая девочка в коротеньком пестром сарафанчике. Дальше виднелись какие-то сараюшки, темнели заросли сирени и бузины, бурьяна внизу. Похоже, там могло находиться то, что ему теперь было надо.

Когда он вошел, девочка испуганно отпрянула от медного таза, в котором что-то стирала для кукол, живые ее глазенки выжидательно уставились на него, и Петрок сказал первое, что пришло в голову:

– А можно напиться у вас?

– Можно, – охотно ответила девочка и, поводя худенькими загорелыми плечиками, метнулась на другую сторону колонки.

Петрок думал, что она побежит в дом за кружкой, но кружка уже оказалась у нее в руках, девочка с усилием нажала на рычаг колонки, и прозрачная струя воды быстро наполнила кружку. Петрок торопливо пил, лихорадочным взглядом шаря по зарослям возле сарая. Кажется, он не ошибся: действительно в углу двора приткнулась дощатая уборная.

Девочка спросила о чем-то, но у него уже не хватило терпения ответить. Стараясь спокойнее, но едва не бегом он подался по заросшей тропинке в дальний угол двора.

Когда он возвращался, девочки во дворе уже не было, возле колонки стоял ее медный таз, по поросшим травой камням стекала вода. Петрок обрадовался ее отсутствию – все-таки было неловко перед этой городской малышкой, и он почувствовал себя почти счастливым, когда наконец оказался на улице. Но тут его снова охватила забота: что делать дальше? Все же очень беспокоило дело, ради которого приехал, неужто он так ни с чем и уедет? Что скажет тогда Степаниде? Что скажет Степанида ему, он хорошо представлял.

С обновленной решимостью Петрок пошел обратно к Дому правительства. На этот раз вознамерился твердо: пусть хоть что будет, а он подойдет к милиционеру и спросит. Не арестуют же его за то, может, и не обругают даже, хоть и было бы за что обругать. Но он вежливо спросит, как повидать товарища Червякова, если не сейчас, так, может, потом, он подождет. А если совсем нельзя увидеть, так не передаст ли товарищ милиционер председателю ЦИКа крестьянское ходатайство за своего председателя колхоза. Хороший ведь был председатель – и партийный, и хозяйственный, – за что же его арестовали? Это все свои, местные начальники, разве они понимают? Но товарищ Червяков должен разобратся, он человек душевный и имеет большую власть. Наверно, он их накажет. Опять же тяготил долг, который надо было вернуть. Петрок не такой человек, чтобы зажить чужие деньги, такого за ним еще не было. Да и Степанида тоже. В чем другом, случается, бывает разная, а что касается копейки, тут уж она аккуратная. Из кожи вылезет, а отдаст что одалживала.

По-прежнему сильно хромяя, вконец вспотевший под толстым суконным пиджаком, с холщовой сумкой в руках Петрок прошел возле костела и приближался к углу уже хорошо знакомого ему здания. С широкого двора наперерез выкатили две легковушки, он едва успел отскочить в сторону, скользнув по ним взглядом. Нет, Червякова там не было. В передней сидел важного вида мужчина в очках, а в задней несколько военных в фуражках, гимнастерках, с ремнями-портупьями через плечо, куда-то быстро покатили по улице, объезжая трамвай. На широком просторе двора по-прежнему было пусто, ни возле дверей, ни за стеклом не видно было ни души, и Петрок даже смешался: как теперь быть, не придется ли идти внутрь здания? Конечно, надо было спросить утром, тогда хоть было у кого. А теперь? Стоять, стучаться или самому открывать двери?

Нерешительно ступая, словно ощупывая подошвами каждую ступеньку, он поднялся на широкое каменное крыльцо и подошел к ближним дверям. Случайно глянул в стекло и содрогнулся от испуга – какой-то загнанный человек смотрел на него из-за двери: обросшее седой щетиной лицо, страдальчески искривленные губы, мокрый от пота лоб и мутная капля, висевшая на кончике разопретого от жары носа. Петрок отерся, помедлив, несмело тронул широкую ручку двери, подергал сильнее, но дверь ничуть не подалась. Тогда он толкнул ее от себя, но тоже напрасно. В это время за

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru стеклом что-то мелькнуло, и он услышал глуховато-невнятный голос – ну конечно, это был милиционер в знакомой белой рубаше и белой фуражке со звездой над козырьком. Он что-то говорил, но Петрок не слышал и все пробовал открыть дверь. Тогда милиционер сделал шаг в сторону, и невдалеке от Петрока легко распахнулась соседняя дверь.

– Вам что, гражданин?

Наверно, это был другой милиционер, не утрешний, молодой, с приятным чернобровым лицом, тонко перетянутый широким, с наганом ремнем. На левой половине его груди тихонько позвякивал какой-то значок, а рука тем временем придерживала открытой тяжелую дверь, приглашая зайти внутрь. Но Петрок уже не хотел заходить, положив возле ног сумку, он дрожащими пальцами торопливо расстегнул пропитанный потом карман, из которого осторожно извлек мятые листки ходатайства.

– Мне чтоб к товарищу Червякову. Вот тут написано...

С некоторой заинтересованностью на лице милиционер вышел из дверей и, взяв бумажки, легко пробежал взглядом по не очень ровным Степанидиным строчкам.

– Поздно ты пришел, дядька.

– А может, подождать?

– Долго ждать придется.

– Вот как, – уныло сказал Петрок, все еще мало что понимая. Казалось, милиционер шутит над ним. Но если не шутит, так что же тогда ему делать? – И это... Еще долг у меня. Знаете, червонец должен, отдать чтобы...

– Какой червонец? Кому?

– Ну, товарищу Червякову. Одалживал ведь.

Красивое лицо милиционера стало страдальчески напряженным, будто у человека заболел живот, наверно, он также хотел и не мог чего-то понять.

– Гм! Одалживал... Теперь уж не отдать. Вчера похоронили.

– Что, умер? Вот как...

Милиционера позвали в здание, а Петрок остался стоять перед дверью. Кажется, дела его действительно кончились, надо было ехать обратно. Он старательно записал в карман злополучные Степанидины бумажки, взял с крыльца сумку. На дворе стояла такая жара, что ему сделалось дурно и он вдруг забыл, куда повернуть, чтобы выйти к вокзалу. Знойный туман заполнил его голову, он не рассеивался всю дорогу до станции и потом, когда Петрок стоял в очереди за билетом и когда сидел под стеной на лавке в ожидании поезда на Оршу. Все, что происходило вокруг, казалось ему чужим, постылым, и очень хотелось домой. К своей горемычной усадьбе на краю Голгофы, к оврагу, своим болотам и кочкам, своему маленькому уголку на этой неласковой огромной земле...

Глава двадцать пятая

Степанида почти не спала ту ночь, только иногда забывалась на время, голова ее тяжелела от мыслей, а больше от гнева и обиды: что сделали, сволочи! А она почему-то их не боялась. Чужаков немцев боялась, а эти же были свои, знакомые ей с малых лет, и, хотя она понимала, на что они способны, все равно не могла заставить себя бояться. Даже Гужа. Ей казалось, что тот больше кричит, пугает, грозит, но плохого все же не сделает. Да и эти, что едва не прикончили ее, хотя и незнакомые, забредшие откуда-то, но все же недавно еще свои, местные и говорят по-нашему или по-русски. Оно понятно, война, но почему так изменились люди?

Она слышала, как они мордовали на дворе Петрока, как расходился там Гуж, пыталась встать, но в голове у нее все закружилось, и, чтобы не упасть, она снова легла в запечье. Сухими глазами она смотрела в закопченный потолок запечья, слышала крики на дворе и думала: нет, этого им простить невозможно.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Никогда такое им не простится. Такого нельзя простить никому.

Ей было плохо, сильно болело в правой стороне головы, даже к волосам без боли нельзя было прикоснуться, все там, верно, распухло. «Уж не проломил ли он череп?» – обеспокоенно думала Степанида, на тут же мысли ее перескакивали на Петрока. Куда его повели? Если не убьют, так, может, посадят в подвал под церковь, теперь они сгоняют туда арестованных. Должно быть, там и Петрок. И что он им сделал, чтобы сажать его под замок? Разве не угодил самогонкой? А может, его взяли за нее, Степаниду? Когда стал заступаться? За нее, конечно, могли взять обоих. Но прежде-то взяли бы, наверное, ее.

Кажется, она вынесла отпущенное ей сполна, пережила свою судьбу. Хотя вроде бы еще и не жила на этом трудном, богом созданном свете. Все собиралась, откладывала на потом, потому что долгие годы были словно подступом, подготовкой к лучшему будущему. Ликвидировали единоличие, проводили коллективизацию, было не до радости и удовольствий, думалось: ничего, после, когда все наладим, вот тогда и заживем. Но потом выполняли пятилетки, боролись с классовым врагом – все в нехватках, тревогах, беспокойстве. Было много заботы о том, что съесть, как экономнее растянуть кусок хлеба, дожить до свежей картошки. Не во что было одеть ребятишек, негде достать обувь. Жить было трудно, и думалось: только бы поставить на ноги детей. Но вот выросли дети, да тут война.

Сколько она продлится, эта война, как пережить ее, как дождаться детей? И то и другое, наверно, уже не под силу. Не по возможностям. Но что тогда ей под силу? Что по ее возможностям?

На счастье или на беду, она знала, в чем ее хватит с избытком, от чего она не отречется хотя бы на краю гибели. За свою трудную жизнь она все-таки познала правду и по крохам обрела свое человеческое достоинство. А тот, кто однажды почувствовал себя человеком, уже не станет скотом. Многие в жизни, особенно беды и горе, убедило ее в том, что с людьми надобно жить по-доброму, если хочешь, чтобы и к тебе относились по-людски. Наверное, человек так устроен, что отвечает добром на добро и вряд ли может ответить добром на зло. Зло не может породить ничего, кроме зла, на другое оно неспособно. Но беда в том, что человеческая доброта перед злом бессильна, зло считается лишь с силой и страшится лишь наказания. Только неотвратимость расплаты может усмирить его хищный нрав, заставить задуматься. Не будь этого, на земле воцарится хаос вроде того, о котором говорится в Библии.

Иногда она слышала о немцах: культурная нация. Может, в чем-либо и культурная, но разве культурный человек может позволить себе так открыто разбойничать, как это делают немцы? Она не читала их книжек, не разбиралась в их высокой политике. Она привыкла судить о большом по малому, о мире – по своей деревне. И она не ошибалась. Она знала, что хорошие люди не поступают подло ни по своей воле, ни по принуждению. Подлость – оружие подлецов. Уже одно то, что немцы пришли на ее землю с оружием, значило, что правда не на их стороне. У кого правда, тому не надобно оружия. Опять же достаточно посмотреть, кто с ними заодно, чтобы понять, кто они сами. До последней своей минуты она не покорится им, потому что она человек, а они звери.

Степанида немного забылась от боли и, может, даже уснула, но вскоре встрепенулась от близкого собачьего лая и поняла, что это разошелся Рудька. Лаял он во дворе, казалось, с дровокольной. Но на кого лаял, кто теперь мог ходить возле хаты? Несколько встревожилась, она подняла голову и выглянула из запечья. В хате было совсем темно, едва светилось окно напротив, и как раз в этом окне раздавался тихий настойчивый стук.

Сердце у нее заколотилось, она попыталась встать, обеими руками держась за грубку, вышла из запечья, все вглядываясь в окно. Но там ничего не было видно. Тихий стук в нижнюю шибку, однако, повторился снова с прежней настойчивостью.

- Кто там? – дрогнувшим голосом спросила она и замерла.
- Открой, мамаша. Свои.
- Что вам надо?
- Ну открой!

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Не открою. Я одна в хате, больная, не открою.

Наверно, услышав голос хозяйки, смелее залаял Рудька, подскочил ближе к порогу. Она хотела сказать еще, что Петрока нет и самогона нет и не будет, что не годится ночью стучать в дверь к больной старой бабе, но подумала, что словами их не остановишь. Возможно, сейчас выбьют дверь или окна, и снова начнется то же, что в прошлую ночь. Но, к ее удивлению, они не стали больше стучать, тихо переговорили между собой и, наверно, пошли, потому что Рудька забрехал дальше – возле тына или в воротцах под липами. Она постояла немного, вслушалась и подумала, что, пожалуй, это была не полиция. Но кто? Наверно, и не здешние, потому что говорили по-русски. Кто бы это мог быть? А вдруг это пришлые красноармейцы? Или партизаны, может? Она уже услышала неделю назад, что в Заберединских лесах собирается большая партизанская сила. Однажды тихой ночью там полыхнуло что-то в полнеба, грохнуло и прокатилось эхом над всей лесной стороной. Значит, не спят, что-то готовят им партизаны, красноармейцы которые, ну, и партийные. Нет, партия немцам спуска не даст. Может, там среди них и Федор и они бы сообщили что-либо о нем? Ой, что же она, дура, наделала! Надо же было пустить их в хату.

Это небольшое ночное происшествие совершенно растревожило Степаниду, она подошла к окну и сквозь запотевшее стекло всмотрелась в осеннюю ночную темень, прислушалась. Нет, нигде никого больше не было, Рудька успокоился, должно быть, те ушли далеко.

Степанида больше не спала и даже не пыталась уснуть. Остаток ночи она просидела у окна, слушая невнятную, сторожкую тишину снаружи. Голова все болела, но она вроде притерпелась к боли; когда в окнах начало немного сереть к рассвету, Степанида встала. Она уже почувствовала, что не может больше сидеть на хуторе, мучиться в неизвестности. Хватит с нее той неизвестности, что поглотила федьку, феню, так теперь еще и Петрока. Нет, надо было куда-то идти, что-то делать.

Рудька молчал во дворе или, может, сбегал куда с хутора, а на рассвете беспокойно заворочился в засторонке поросенок. Она услышала его через стену и вспомнила – второй день не кормленный. Забота о поросенке придала ей силы, она выбралась из хаты в сенцы, на ощупь нашла у порога старый чугунок, насыпала в него отрубей из жерновов. С боязливой нерешительностью отворила дверь, которая оказалась незапертой со вчерашнего, и снова припомнила ночной стук в окно. Они не попытались даже открыть двери. Нет, это не полицаи, это кто-то из чужих, захожих. Сожаление снова встревожило ее: почему же она их не впустила? Может, это был единственный случай узнать что-либо о федьке.

Она поставила есть поросенку, нашла в столе кусок лепешки для Рудьки, присела на скамью и задумалась: что делать дальше? Прежде всего следовало разузнать про Петрока, если он еще жив. Но узнать можно было только в местечке, здесь кто тебе о нем скажет? Значит, надо идти в местечко.

Немного посидев на скамье, она поднялась, прошла в истопку. В кадке на самом дне в соли еще было два куска сала, она достала один; под разбитым кувшином за печкой-каменной оставался пяток яиц. Все это уложила в небольшую легонькую корзинку, с которой до войны ходила в местечко, и вышла из сеней.

На дворе, как и все эти дни, было студено и ветрено, но дождь не шел, верно, перестал на рассвете. Двор и дорога были сплошь в грязи. В голове у нее еще болело, трудно было нагибаться, она закутала голову теплым платком, на все пуговицы застегнула ватник. Обуть на ноги ей было нечего, и она до заморозков ходила босая, а потом обувала опорки или ссохшиеся за лето бурки, которые где-то валялись за печкой. Теперь, в такую грязь бурки надеть было невозможно, и она так и пошла босиком к большаку. Хату не закрывала, куда-то запропастился замок, только воткнула щепку в пробой, и все. Красть там уже нечего, а полицаев никакие замки не удержат.

Она шла краем дороги, где по грязи, а где по мокрой траве, обошла желтую лужу на съезде и взобралась на невысокую насыпь большака. Она не была на нем с того дня, когда немой Янка увидел за сосняком немцев, и теперь заметила, что здесь многое изменилось. Прежде всего, как и до войны, гудели сверху натянутые на столбах провода, порванные при отступлении. Значит, уже наладили телефон, по которому переговаривается новая, немецкая власть. Большак был сплошь в свежих следах от

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru колес повозок и автомобилей, конских и человеческих ног. Значит, наладили мост. Недалеко впереди въезжала в сосняк телега, белая лошадь резво бежала в оглоблях, а сидевший в повозке мужик все помахивал над ней кнутом, гнал лошадь быстрее. Она подумала, что немного опоздала дойти до большака, а то бы, может, подъехала с ним, и оглянулась, не едет ли кто еще.

Сзади больше никто не ехал, зато впереди, из-за поворота в сосняк выскочила машина, за ней еще одна и еще. Машины были несколько меньше той, что стояла у нее на усадьбе, но тоже тяжелы и громоздки, доверху чем-то нагруженные. Степанида сошла в канаву, чтобы быть от них подальше, и взглядом впилась в стекло передней, пытаясь рассмотреть там лица. Лица, однако, не очень были видны за блестящим стеклом, но она поняла, что сидели там немцы: темные воротники с петлицами, светлые уголки погон на плечах, задранный верх фуражки у того, что сидел возле шофера. Обдав ее бензиновым чадом, первая машина проскочила мимо, затем пронеслась вторая, а на третьей в открытом кузове она увидела трех молодых немцев, оттуда же доносилась приятная музыка – один тихо играл на маленькой гармошке, которую держал подле рта. Когда машина поравнялась с ней, крайний молодой немчик с веселым, раскрасневшимся от ветра лицом крикнул:

– Матка, гип яйка!

– Матка, шпак! – подхватил другой и швырнул в нее белым огрызком, который, не долетев, шлепнулся в грязь на дороге.

Она не сказала им ни слова в ответ, только смотрела, как они, веселые и озорные, с форсом пронеслись возле нее, старой измученной бабы, чужой матери, едва не убитой две ночи назад, и ни одна жилка не дрогнула на ее лице. Как ни странно, но теперь она их не боялась и не сказала бы им ни одного слова, если бы они обратились к ней. В ее сознании они так и не стали людьми, а остались чудовищами, разговаривать с которыми для нее было нелепостью. Она даже пожалела, что в ту ночь не бросила и еще что-либо в колодец, не подожгла хату – пускай бы сгорели вместе со своим офицером. Тогда она чересчур осторожничала с ними, слишком боялась. А зачем? Разве теперь страх – поводья? Вон Петрок на что уж боялся, даже угождал им, лишь бы избежать худшего. Но чего он этим добился? Забрали безо всякой причины. И еще убьют или повесят.

Сколько она за жизнь намыкала горя с этим Петроком, да и перессорились сколько, а вот жаль человека так, что хочется плакать. Ну что он им сделал? Кому, в чем помешал? Если и не помог никому, так потому, что не мог, значит, такой характер. Но на плохое он неспособен. Был даже чересчур добрым по нынешнему времени, да и по прежнему тоже. Уж такая натура: скорее отдаст, чем возьмет. Легче уступит, чем своего добьется. Не любил ссориться, ему все чтоб тихо. А потиху разве в жизни чего добьешься? Да он ничего и не добивался.

Она вспомнила, как когда-то гоняла его в Минск к Червякову, и в который раз почувствовала укол совести: разве по Петроку это было? Но и сама не могла – полторы недели проковыляла на одной ноге по двору.

Долго она подозревала Петрока: может, не отдал? Не нашел, не успел, побоялся?! Сколько донимала расспросами, однако Петрок стоял на своем: отдал милиционеру. Словом, все в порядке, и надо только одно – ждать.

Правда, ждать было не в ее характере, и, как только стала подживать нога, Степанида с клюкой побежала в местечко, вконец переругалась с районным начальством, ей самой даже пригрозили, что отправится вслед за Левоном, но она не испугалась. Степанида заступилась еще и за учителя, того самого, что потом стал директором школы, – недавно его повесили немцы. А тогда учитель месяц спустя пришел в местечко из Полоцка. Выпустили. Может, потому, что был ни при чем, а может, и ее заступничество помогло. Хотя бы и чуть-чуть. Когда человек тонет, ему и соломинка может помочь.

Левон правда, так и не вернулся, видно, пропал Левон. Теперь не до Левона.

Немцы не принимали их за людей, смотрели и обходились как со скотиной, наверно, так же следовало относиться и к немцам. С полным презрением, с ненавистью, с непокорностью всюду, где только можно. Тем более что другое отношение к ним тоже не сулило ничего хорошего. Случай с Петроком убедил ее в этом.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Большаком она перешла соснячок, взглянула на глубоко развороченную яму в песке на повороте и наконец увидела вдали крайние местечковые избы, крышу пожарной вышки, голые тополя над улицей. Над некоторыми трубами ветер рвал сизые клочья дыма, было утро, в местечке топились печи. После того как перебили евреев, многие избы там пустовали, другие занял всякий случайный сброд, полиция. Внешне там мало что изменилось, в этом местечке, где, наверно, и теперь шла обычная, как и до войны, жизнь. Зато что-то изменилось на большаке – свежая дорожная насыпь, над рекой желтел новым настилом мост, которого не было тут с половины лета, да и сама насыпь была тогда разворочена бомбами, словно ее перерыли свиньи. А теперь, гляди ты, построили. Построили, чтобы ездить, гнать машины на восток, к фронту, возить для их армии все, что ей надо. Видно, много ей надо, если понадобился и такой вот неказистый большачок с недлинным, в двадцать шагов мостком через болотистую речушку. Значит, без него не обошлись.

Медленным шагом она подошла к мосту и с каким-то душевным смятением ступила на новые белые доски настила, потрогала рукой оструганное дерево перил. Все было деревянное, грубо и крепко сбитое, скрепленное толстыми болтами с гайками, наверно, рассчитанное надолго. Значит, так и будут теперь разъезжать немцы, полицаи будут хватать людей и возить по этому мосту в местечко, кого вешать на телеграфных столбах, а кого сажать в церковный подвал или закапывать в карьере на той стороне местечка. Очень нужный мост, ничего не скажешь. Жизни из-за него не будет.

А как хорошо было в те несколько месяцев, когда тут торчали голые сваи, зияла воронками насыпь и не каждый прохожий отваживался по двум шатким жердям перебраться на другую сторону речки. Тогда, хоть и недолго, пожил в покое, никто по ночам не ломился в двери, немцы не показывались не только на хуторе, но даже и в Выселках. Новая власть сюда не дотягивалась.

Степанида перешла мост и вдруг остановилась при мысли: а если его поджечь?! Все-таки деревянный, может, загорелся бы, сгорел, и настала бы тогда та вольная жизнь, которая была без него. В самом деле, если вылить на доски керосин, что достал в местечке Петрок...

Степанида снова вернулась на мост и босой ногой ощупала в разных местах доски настила – нет, холера на него, видно, такое не подождешь. Если бы летом, а теперь тут все мокрое, сырое да еще из свежего дерева, нет, такое не загорится... Вот если бы сюда бомбу!.. Неожиданная эта мысль так поразила Степаниду, что она вдруг перестала ощущать себя на этой дороге и забыла даже, куда и зачем шла. Она вспомнила недавние слова Петрока и в каком-то озарении сообразила, что ведь так оно и есть! Степанида слишком хорошо знала выселковского Корнилу, чтобы сразу увериться, что с бомбой без него не обошлось. Но ведь Корнилу... А может, теперь послушается ее? Она его уприсит!

И Степанида повернула по большаку обратно, от речки к сосняку, за которым напротив Яхимовщины был поворот в другую сторону – на пригорок к Выселкам.

На большаке никого она не встретила, только далеко сзади кто-то не спеша тащился, верно, из местечка. А на выселковской дороге сразу увидела Александрина, свою ровесницу, с которой они в одно время выходили замуж, помнится, обе венчались в церкви зимой, на крещение. Еще, помнится, в тот день вороной жеребец Александрининого отца сломал ногу на том самом мосту, провалившись в дырявом настиле, такой никудышный был мост. Александрина медленно шла, повязанная углами платка под мышки, и вела за руку болезненного, тоненького, очень тепло одетого мальчика. Они поздоровались.

– Давно не виделась, Степанида, куда же ты, как живешь?

– Да так, знаешь... Теперь все так, – немного смешалась Степанида, застигнутая врасплох этим вопросом. Она просто не знала, как ей ответить, и скоренько спросила: – А ты как?

– Ай, Степанида, горюшко навалилось, веду вот сыночка к доктору, съел что-то плохое, так спасу нет, пятый день мучается, – словоохотливо заговорила Александрина, сразу забыв о своем вопросе. – Это же надо, на меня такое нынче насыпалось, – она опасливо оглянулась на дорогу и тише сказала: – Знаешь, Витя пришел мой, сынок, едва высвободился...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru – Виктор! И что он, с войны? – удивилась Степанида.

– Ай, какая война! Контузило его сильно, голова болит, руки трясутся. Ой, какое горечко было там, на фронте, рассказывает...

– Трудно?

– Ой, не говори! Танками, рассказывает, давят, а у наших одни винтовочки и те... Поразбегались по лесам, которые в плен, а которые вот домой, кому недалеко...

– Вот как!

Степанида слушала, но что-то в ней невольно насторожилось в отношении к этой женщине, прежней ее подруге, что-то не понравилось ей, и она подумала: Виктор пришел, а где же мой Федька? Федька домой не побежит, в плен тоже не сдастся, и если нет от него вестей, то... Наверное, в сырой земельке уже Федька.

Обидно было за сына, и почувствовала она зависть к Александрине: хотя и контуженый, но вот вернулся. Да у той и без старшего дома пятеро, полная хата ребят. А у нее пусто. Было двое, и тех... Никого не осталось!

С такими невеселыми мыслями она добралась до Выселок, но улицей не пошла – в начале огородов свернула на стежку и подалась к недалекой пуне под кленом, откуда уже рукой подать было до хаты Корнилы. Она не была у него, может, лет десять, от самой коллективизации, и увидела, что за это время Корнилова усадьба не обветшала нисколько, а то и обновилась даже. За аккуратным высоким забором звякнула цепь и злобно забрехала собака. Степанида остановилась, боясь открыть плотную, сбитую из новых досок калитку. Думала, кто-то должен же выйти. Ей не хотелось, чтобы вышла Ванзя, высокая сухопарая жена Корнилы, с которой у нее так и не сложились отношения с самого дня их женитьбы. Хотя не ссорились, но ни разу и не поговорили, а встречаясь где на дороге или в местечке, молча расходились, будто незнакомые.

Минуту она смотрела через калитку на хату с красивым крыльцом-верандой, застекленным маленькими квадратиками, под новой соломенной крышей, вокруг было множество надворных пристроек, разных хлевков, чуланов. Совсем кулацкая усадьба, подумала Степанида. Неплохо обжился Корнила, хотя работал не бог знает где – на пожарной в местечке, но, главное, верно, имел время. Усердия же у него всегда было в избытке.

Корнила высунулся откуда-то сбоку, из-за угла пристройки-повети, всмотрелся издали, и она едва узнала его, чернобородого плечистого мужика, который, медленно, с недоверчивым раздумьем подошел к калитке и отбросил два или три тяжелых железных запора.

– Ты... как в крепости, – пошутила она, однако, с серьезным выражением лица. Наверно, он почувствовал натянутость шутки, и не ответив, пропустил ее во двор. Потом также старательно запер калитку. – У меня дело к тебе, – сказала она. – Но чтобы никого...

– Ну, идем в поветь. Как раз там я...

Он неторопливо провел ее возле черной, злобно урчащей собаки, зашел за угол сеней, оттуда они прошли во двор с кучей навоза под стеной хлева, еще завернули за какую-то загородку и оказались наконец у приоткрытых дверей боковушки, заставленной бесчисленным множеством деревянного и, металлического лома, колес, досок, каких-то дубовых заготовок, чурбанов и колодок, с развешанными на стенах инструментами и железьяками, со столярным верстаком у дверей. Возле верстака на низкой колоде лежал старый усуженный ватник, и рядом стояло колесо от телеги, над которым, видно, трудился Корнила. Как только они вошли, хозяин сразу сел на колоду и взялся за инструмент и свое колесо. Он ни о чем не спрашивал, и она стояла в дверях, не зная, с чего начать.

– Мастерись?

– Мастерю. Что же делать...

– Дома все хорошо?

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Да все будто.

– А моего Петрока забрали. Вчера.

– Плохо, если забрали, – сказал он с прежним холодком в голосе, даже не подняв голову от колеса, только, может, сильнее ударил по ободу тяжелым молотком. – Значит, было за что.

– А вот ни за что.

– За ни за что не возьмут.

Она не особенно хотела с ним препираться, давно знала его трудный, малообщительный нрав, но все же подумала: если не посочувствует, так, может, хоть удивится? Но он и не удивился, казалось, ушел в себя или сосредоточился на своей работе. Или стал таким твердокожим?

– У меня к тебе просьба, – просто сказала она, подумав, что так еще и лучше – без лишних слов, сразу о деле.

– Это какая? – все так же холодно, сухо выдавил он, большими крепкими пальцами натягивая шину на обод, и шея его от усилия покраснела над воротом суконной куртки.

– Отдай бомбу.

Может, впервые он взглянул на нее исподлобья, сверкнув тревогой из-под черных косматых бровей, и неопределенно хмыкнул в бороду.

– Знаю, ты прибрал бомбу. Ту, возле моста что лежала. Отдай мне.

– Много ты знаешь, – только и сказал Корнилка.

– Отдай. Ну зачем она тебе? В такое время одно беспокойство.

– А тебе зачем?

– Мне надо.

– А кто сказал, что я имею?

– А никто. Сама догадалась. Я же очень хорошо знаю тебя, Корнилка.

Она замолчала и, казалось, перестав дышать, следила за ним, за движениями его грубых широких рук, сжимавших новый, из белого дерева обод, на который не хотела налезать шина. Корнилка оттянул ее долотом и несколькими точными ударами молотка насадил на обод. Потом трудно вздохнул.

– Так чего же ты хочешь: товар за так?

– За так? – удивилась она. Действительно, ей и в голову не приходил этот вопрос: чем она уплатит Корнилке? Да и чем можно было платить в такое время за такой необычный товар?

– За так теперь и блоху не убьешь, – проворчал Корнилка. – Теперь время такое. Война!..

– Так, знаешь ли, деньги!..

– Э-э! Какие деньги! Что теперь с тех денег!..

– Ну вот у меня фунта два сала. Полдесяток яиц!..

– Сказала – яиц! Яиц и у меня найдется. На яичницу.

«Вот же скряга!» – начала злиться про себя Степанида. Она узнавала прежнего Корнилку, у которого, говорили, зимой снега не выпросишь. Но хорошо еще, не стал

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru отпираться, что имеет бомбу. Тут она угадала точно и тихо порадовалась этому. Остальное уж как-нибудь. Но как?

– Я же думаю, ты не за немцев? Наверное же, человеком остался?

– А я всегда был человеком. Ни за тех, ни за других. Я за себя.

– Ну а вот же бомбу прибрал. Видно, знал, пригодится?

– Знал, а как же! Вот и пригодилась. Кому-то.

– Мне, Корнила.

– А мне все равно. Пусть тебе.

Они помолчали. Корнила все крутил в руках колесо, хотя делать с ним, пожалуй, уже было нечего.

– Так что ж я тебе?.. Денег не имею, коровку немцы съели. Курочек постреляли, пяток всего осталось. Мужика Гуж забрал, в местечко повел. Что же я еще имею?..
– смешалась Степанида.

– А свиненка? – вдруг спросил Корнила и второй раз зыркнул на нее коротким колючим взглядом. – Или тоже не имеешь?

– Поросенок остался, ага. Весенний, – растерялась Степанида и смолкла; уж не захочет ли он поросенка?

– Хорошо, что свиненок остался, – как-то вроде равнодушно сказал Корнила, встал и подался в угол, что-то перебрал там в железяках и наконец вытащил кривую длинную проволоку, которую взялся рубить на гвозди.

– Остался, ага. Но... Ладно, бери поросенка. Отдам.

– С полпуда будет?

– Будет с полпуда. Упитанный, хороший поросенок, – упавшим голосом похвалила Степанида и удивилась при мысли: неужели она его отдаст? С чем же тогда останется?

– Ну, разве за свиненка, – оживился немного Корнила. – Ну, и это... По теперешнему времени товар! Для чего тебе только?

– А это уж мое дело. Надо!

– Ну известно. Если, может, в лес кому? Товар ходовой, хороший.

Корнила немного подумал, потом выглянул из дверей, прикрикнул на собаку и молча рукой махнул Степаниде, чтобы шла следом. Во дворе они перелезли через низкие воротца на зады усадьбы, заросшие кустами смородины, крыжовника, молодым вишняком. Под тыном среди лопухов и крапивы Корнила поднял пласт слежалых гороховых стеблей, из-под которых выглянул конец чего-то длинного и круглого, будто ступа, с приваренной на хвосте жестяной. Это была бомба.

– Во! – со сдержанной гордостью сказал он и быстренько опять накрыл ее. – Полцентнера будет. Силы!

Степанида слегка заволновалась, может, впервые почувствовав, какую навлекает на себя опасность. Но отступать было поздно – пускай берет поросенка.

– Запрягу коня... Только ночью чтоб. Как стемнеет, так и привезу.

– Ну, конечно же, как стемнеет, – тихо согласилась она.

Глава двадцать шестая

Еще до того как начало смеркаться, Степанида обеспокоенно вышла во двор, выглянула в воротца, постояла за тыном, все всматриваясь в дорогу, в сторону

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Выселок. Она понимала, что еще рановато, что Корнила не выедет, пока совсем не стемнеет, сам же сказал об этом, а человек он основательный, как сказал, так и сделает. Но она не могла ждать в хате, она даже ничего не ела сегодня и не топила грубку, так ей не терпелось дожидаться приезда Корнилы, потому что – не дай бог! – налетит полиция! Что тогда будет обоим?

С полицией она уже встречалась сегодня в местечке, куда пошла сразу от Корнилы из Выселок, добралась-таки до тюрьмы в церковном склепе. За то время, пока она не была в местечке, полицаи здесь хорошо и прочно обосновались – к полуразрушенному каменному остову церкви сделали пристройку из теса, навесили тяжелые двери, при которых теперь стоял часовой с винтовкой. Она даже обрадовалась, когда узнала в этом часовом Недосеку Антося, и подумала, что, верно, ей повезло. Обойдя широкую дождевую лужу, сразу повернула с площади к этим воротам, намереваясь как можно ласковее спросить про Петрока, а может, и передать корзинку. Но Недосека еще издали остановил ее злым окриком:

– Назад! Нельзя!

– Это я, Богатка из Яхимовщины, – сказала Степанида, останавливаясь и подумав, что он ее не узнал. Но и после ее слов черное, цыгановатое лицо Недосеки осталось прежним – недоступным и строгим.

– Сказал, назад! Запрещено.

– Я только спросить, здесь ли Петрок?

– Говорю, запрещено! Назад!!

«Ах, чтоб ты очумел! – зло подумала Степанида и в недоумении перехватила корзинку с одной руки на другую. – Что теперь делать?»

– Скажите только, куда посадили? – также начиная злиться, попросила она. Но Недосека выглядел таким неприступным, каким она никогда не видела его. Будто его подменили кем-то. Немного постояв, она попыталась незаметно подойти к нему ближе.

– Не подходи! Применю оружие! – выверился полицай, хватая с плеч знакомую винтовку с расколотым и склепанным железкой прикладом.

Она молча постояла немного, повернулась и пошла назад, на другую сторону грязной немощеной площади, где в аккуратно побеленном каменном доме с балконом расположилась теперь полицейская управа. Она думала, может, там встретит кого из знакомых, спросит, но издали еще увидела на ступеньках какое-то мурло в шинели с винтовкой, также, верно, часового. Нерешительно перейдя площадь, она остановилась возле телеграфного столба с подпоркой, поставила на сухое место в траве корзину и ждала появления Гужа или Колонденка, чтобы спросить. Но, как назло, из управы никто не выходил – или они были заняты чем, или никого там не было. А она все стояла на ветру, который сеял мелким промозглым дождем, ее платок пропитался влагой, стили мокрые руки, но она терпеливо ждала, не сводя взгляда с закрытых дверей полиции. Она не сразу услышала чьи-то шаги по грязи и, резко оглянувшись, увидела учителя Свентковского, который торопливыми шажками направлялся в полицию. Правда, он сделал вид, что не узнает ее или не замечает, и даже пригнул голову в шляпе, наверно, чтобы не здороваться. Но она с последней надеждой подалась к нему, вспомнив, что человек он незлой, может, скажет два слова.

– Добрый день вам...

– Добрый день, – сухо ответил Свентковский, однако, не останавливаясь. Тогда она подхватила из-за столба корзину и по грязи побежала следом.

– Может бы, вы это передали Богатке Петроку. Наверно же, тут он?

– Здесь, да, – сказал Свентковский, опасливо взглянув на близкое здание управы и почти не замедлив шаг; она испугалась, что не задержит его, что он сейчас отойдет, тогда не догонишь.

– Может бы, вы передали... яйца тут, сало...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Свентковский молча взял из ее рук корзинку, его узкие глазки на испитом остроносом личике тревожно метнулись по площади.

– И сейчас же идите отсюда! Сейчас же, быстро!! – бросил он тихим настойчивым шепотом.

Обрадованная было Степанида немного смешалась, почувствовав какое-то затаенное беспокойство в словах бывшего учителя, и с минуту глядела сзади на его сутулую спину в черном суконном пальто, которое лет десять носил Свентковский. Тот подошел к крыльцу, остановившись, немного поскреб о железку выпачканные грязью сапоги и, коротко оглянувшись на нее из-под шляпы, исчез за дверью. Тогда только до нее дошел угрожающий смысл его слов, и она поняла, что это он не со злости, скорее от сочувствия к ней. Наверно, там что-то случилось, о чем они дознались, и над ней также нависла беда.

Но беды себе она не хотела, у нее был большой отчаянный план, она не могла теперь по-глупому рисковать в местечке, под носом у полицаев, и сначала не спеша, а потом все быстрее и быстрее пошла местечковой улицей к большаку. Наверно, надо было торопиться, вряд ли у нее оставалось много времени, а дел и забот было пропасть. Когда уже бежала домой, думала о том, что бы могло случиться и где. Дома или, может, у Корнилы? Или о чем-то проговорился Петрок? Но что знал Петрок? Она давно уже отказалась от скверной бабской привычки обо всем болтать с мужиком, может, потому, что Петрок не очень разделял ее мысли и с явным недоверием относился к ее намерениям. Многие она делала на свой страх и риск, как сама считала нужным. Петрок вначале ворчал, но с годами привык к ее независимости, а то и первенству, и обоим, кажется, было неплохо. Не дай бог, если бы он узнал о винтовке, он бы умер со страху. И хорошо, что Степанида все от него утаила. Она давно уже убедилась, что только то будет в секрете, что знаешь сам, один и никто больше на свете. И то не всегда. Такой теперь свет и такие люди.

Степанида замедлила шаг только на своем дворе, где с облегчением вздохнула, увидев, что все здесь по-прежнему, никого нет и в пробое косо торчит воткнутая ею щепка. И она подумала, что, может, Свентковский сказал просто так, чтобы припугнуть ее или прогнать от полиции. Но его приглушенный голос был очень похож на заговорщический и таил предупреждение ей. Наверно, все же здесь что-то не так. Пожалуй, еще что-то будет.

Зайдя на минутку в хату, Степанида вышла во двор и стала поджидать Корнилу. Она неотрывно вглядывалась в серые сумерки, сгустившиеся над широким простором поля, за которым быстро таяли в надвигающейся темени выселковские хаты, дорога по пригорку, большак с рядом телеграфных столбов. Лучше был виден ближний конец дороги на хутор, но и тот постепенно расплывался, тонул в темноте, пока вовсе не исчез из виду.

Рядом по двору туда-сюда бегал осиротевший приبلудный Рудька. Когда она останавливалась, вглядываясь вдаль, он также замирал у ее ног, вглядываясь и вслушивался во что-то свое, собачье. И она вдруг удивилась, словно увидев себя со стороны: что она затеяла? Это тебе не винтовка, которую бросила в колодец – и все концы в воду. Наверно, бомбу этак не спрячешь, с бомбой как бы не влипнуть всерьез. Главное, чтобы теперь не попасться на глаза этим злыдням, а там, может бы, как и удалось. Немного потом, погодя. Если надо, она повременит, потерпит, дождет своего верного часа. Только бы удалось с мостом, а там будь что будет. Она не боится.

И все-таки она боялась и даже вздрогнула, когда Рудька вдруг твкнул в темноту, заурчал и напрягся весь во внимании. Степанида тихо шикнула на него, топнув ногой, Рудька затих, и она уже точно знала, кто там, и подалась к воротцам. Еще издали она услышала тихий стук колеса на выбоине, усталое дыхание лошади, вскоре на светловатом фоне неба появилось расплывчатое очертание лошадиной головы под дугой, рядом вразвалку шагал коренастый Корнила с вожжами в руках.

– А я уже жду, – тихо сказала Степанида, встречая подводу.

– Чего же ждать? Как смерклось, вот запряг и приехал. Дорога же не дальняя.

– Не дальняя, но...

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Она хотела сказать, что теперь и на близкой можно налезть на беду – встретиться с немцами или полицией, которая повсюду шарит за своей поживой, да и злой человек также мог выследить, донести, долго ли теперь до несчастья. Но она промолчала, чтобы лишний раз не бередить душу себе и Корниле. Обошлось, и ладно. А там будет видно.

– Куда тебе ее? – проворчал Корнила, заехав под липы и натянув вожжи.

– Куда?

Действительно, куда ее можно спрятать? Наверно, хата для того не годится, в хате сразу найдут, значит, надо в другое подходящее место вблизи усадьбы, чтобы иметь всегда под присмотром. И Степанида вспомнила промоину за хлевом, обильно заросшую малинником, там же были и ямы со сваленным в них хворостом, как раз будет чем закидать, спрятать до времени.

– Давай за хлев. В ровок.

– Можно и в ровок. Мне что? Мне все равно.

Корнила подвернул передок телеги и помалу повел лошадь вдоль тына к оврагу. Степанида в потемках, идя впереди, показывала, как лучше проехать.

– Здесь вот дальше от забора. Здесь пень. Вот теперь прямо за мной.

Она легко и уверенно ступала во тьме, так как знала здесь каждую былинку или рогатину, а Корнила медленно тащился следом, позвякивая уздечкой и тихо понукая лошадь. Так в сплошной темноте они добрались до кустарника, что темной стеной высился на краю оврага.

– Вот тут ямины где-то, – пригнувшись, Степанида пошарила в траве руками. – Сейчас подниму хворост.

– Сперва давай снимем, – сказал Корнила. – Я возьму, а ты пособи. Все же груз...

Они подступили к телеге, Корнила обеими руками потянул из-под сена бомбу, Степанида подхватила под мышку ее холодный железный хвост.

– Тяжелая, холера!

– А ты думала! Зато силу имеет. Не какой-нибудь там снарядик. Мощь!

Очень осторожно они опустили длинное, скользкое от дождя тело бомбы на мокрую траву возле ног, Корнила, сойдя ниже в яму, потянул бомбу на себя.

– Она, знаешь, немного того... С брачком, – натужно сообщил он, выпрямляясь и тяжело дыша.

– Неужто с брачком? – насторожилась Степанида.

– Брачок небольшой, правда. Если кто из военных так скоро исправит. Небольшой брак, – поторопился заверить ее Корнила.

– Что же давеча не сказал?

– А тебе что? Не все равно? Верно же, не сама будешь. А специалист, он исправит. Который военный.

– Так где же теперь военный...

Больше она ни о чем говорить не стала, подумала, что еще проговоришься перед этим Корнилой. О ее планах не должен был знать никто из посторонних. Хотя Корнила не посторонний, конечно. И еще понимала она, что одной ей вряд ли справиться, нужны будут помощники. Но помощники найдутся. Не может быть, чтобы не нашлись помощники. Не теперь, так потом. Была бы бомба.

– А то, что мокрая, ничего? Не отсыреет? – спросила Степанида.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– А ничего. Заряд же в железе, – уверенно сказал Корнила, и она подумала, что, наверно, он знает: служил в армии и даже был на польской войне, говорили, едва не дошел до Варшавы.

Они навалили на бомбу сухого хвороста, который лежал возле ямы – прошлым летом Петрок расчищал тут на краю оврага, чтобы не разрастался кустарник, не затемнял огород. Теперь ей показались смешными эти его хлопоты, пришло время позаботиться о другом. Но хворост сгодился.

– Ну пусть лежит, – устало сказал Корнила, выбираясь из ямы. – Так где же подсвинок?

– Да в засторонке. Надо кругом объехать. Следы чтобы...

– Ну, конечно, следы...

Он снова взял коня за уздечку, Степанида пошла впереди и почти на ощупь в морозящей дождем темноте привела его к стежке через огород, сбросила жердку с изгороди, чтобы он мог проехать к истопке. Порожня телега тихо, без стука переваливалась по бороздам, конь мягко ступал по мягкой земле. Возле дровокольной они остановились.

– Вот тут. Я сейчас!

В мокрых зарослях лопухов и крапивы она нащупала низкую дверь засторонка, откинула подпорку, и ей под ноги выкатился из темноты светлый подвижный круглячок, радостно захрюкав, начал тыкаться жестким пяточком в ее мокрые ступни. Ей стало жаль поросенка, столько она нагоревалась с ним и вот должна отдавать чужому. Но усилием воли она подавила в себе эту жалость. Теперь, когда все шло прахом, было не до жалости к этому глупому созданию, надо было заботиться о более важном.

– Иди, иди сюда...

Поросенок доверчиво отдался в ее руки, приподняв, она прижала к себе его тяжеловатое теплое тело, понесла к телеге.

– Вот, куда его?

– А в мешок. Мешок есть...

Ну конечно, у него был мешок, иначе как же везти поросенка в телеге? Только бы его туда посадить, подумала Степанида. Неловко впотьмах она сунула его головой в подставленный мешок, но поросенок, наверно, догадался, что ожидает его, растопырил ноги, задергался, забился всем телом, и она едва удержала его в руках.

– Ну, что ты? Ну тише, дурень!

Корнила, однако, ловко укутав его мешком, бросил в задок телеги, прикрыл сеном. Поросенок пронзительно завизжал в темноте.

– Тихо, ты! Холера, малый, а писку...

– Не такой уж и малый! – готова была обидеться Степанида. – Весенний хороший подсвиночек.

– Я думал... А то...

Похоже было, что Корнила обиделся, видно, ему показалось, что поросенок слишком мал. И правда, не кабанок еще, но ведь и бомба, как сам-то признался, не очень чтобы – с браком. Еще надо как-то исправлять, подумала Степанида с досадой, а кто ее тут исправит?

– Упитанный, спокойный, очень славный подсвиночек. Чтоб не это вот, век бы не отдала.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
– Ладно, – сказал Корнила, обрывая на том разговор.

Колеса его телеги немного скрипнули на развороте, Степанида показала, как выехать со двора. Корнила направил коня к воротцам и остановился.

– Так ты это, молчи. Если что, я тебя не видел, ничего не знаю.

– Что я, малая? – отозвалась Степанида, неприязненно подумав: небось не глупее тебя.

Корнила тихо поехал темной дорогой, сначала слышно было, как бился, пытаюсь подать голос, поросенок под сеном, но постепенно все стихло. Рудька, который до того прятался за углом, подбежал к хозяйке и неуверенно тявкнул во тьму.

– Ну вот! – сказала она, обращаясь к собаке. – Что теперь будет?

Только тут Степанида почувствовала, как сильно озябла на промозглой стуже и вымокла, особенно юбка, но ею уже овладело смутное волнение, и она ни минуты не могла оставаться в покое. Ее тянуло куда-то идти, пока тихо, что-то сделать, чтобы приблизить тот час, когда на большаке грохнет. Когда разлетится на щепки этот проклятый мост. Пусть тогда ремонтируют. Пусть присылают свою команду, сгоняют людей. Верно, пока соберутся, пройдет какое-то время, настанет зима, а там наши дадут им под зад. Она не однажды слышала от мужиков, что наши всегда выжидают зиму, как это было на финской или еще раньше, в войне с французами. Зима всегда нашим поможет. Она также стремилась помочь чем могла, чтобы не сидеть в бездействии. Главное, теперь у нее было чем, не голыми руками. В промоине лежала грозная сила, способная разнести мост в щепки. Как только ее подложить?

Помнится, в прежнем мосту были откосы под настилом, куда порой залезали подростки и волчьим храпом пугали лошадей на дороге. Туда удобно было пристроить бомбу. А теперь как? По дороге в местечко она лишь однажды остановилась на мосту и как следует ничего не разглядела там. А вдруг под мостом все засыпали, заровняли, где тогда заложить бомбу? Не положишь же ее сверху на доски, где ходят и ездят люди?

Она весьма обеспокоилась этим и, зайдя ненадолго в хату, опять выбежала во двор и пустилась вниз к большаку. Было совсем темно, то сыпал, то утихал мелкий дождик, ветер же дул не переставая. Не добежав до поворота, Степанида свернула в поле и где бегом, а где шагом устремилась напрямик, чтобы побыстрее. Сначала под ногами ее была жесткая стерня нивы, потом пошла мокрая трава за сосняком, который она обошла стороной, краем поля. Перешла неширокое болотце, заросшую осокой канаву и недалеко от моста взобралась на песчаную насыпь дороги.

Тут она прислушалась, даже сдвинула на затылок мокрый платок; было тепло от ходьбы, очень тревожно на душе, но, кажется, на большаке было по-ночному пусто и тихо. Она немного опасалась, чтобы ее тут не встретил кто, особенно если знакомый, как бы она тогда оправдалась? Но все вроде обошлось. Внизу возле насыпи тускло отсвечивала вода в речке, Степанида сошла к ней по свеженасыпанному склону и остановилась, вглядываясь в непроницаемый мрак под мостом, где едва белел ряд новых свай, а сверху широко нависала черная плаха настила. Она не столько увидела, сколько догадалась по характеру насыпи, что между ней и мостом осталось пространство, в которое можно было поместить многое. Влезет туда и бомба, она не такая уж большая.

Удовлетворенная, Степанида взобралась на большак и пошла к сосняку. Пока все складывалось удачно, и это придавало ей смелости, но ночная вылазка измотала ее, она вся вспотела под ватником, вымокла и тихим шагом брела по краю большака. За сосняком повернула паевое поле, мысленно повторяя: хотя бы не сорвалось, хотя бы успеть. Очень хотелось осуществить задуманное, от которого у нее уже не было сил отказаться. Знала, что еще хлопот хватит, нужно искать помощников, и прежде всего специалиста, военного, чтобы исправить бомбу.

Надо завтра же сбегать в Выселки, подумала она, к Александрине, Виктор же командир, должен уметь. Если что, так в хлевке еще осталось пять куриц, уплатит. Он больной, контуженый, ему нужна будет курятина, бульон. Она его упросит...

Глава двадцать седьмая

Как только стало светать, Степанида вышла из-за печи, поправила платок, запахла ватник. Наконец кончилась ночь с ее ночными видениями, мыслями и одиночеством, начинался день, в котором ее ждало много дел и необычных, если подумать, страшных забот... Она была целиком во власти этих забот и даже ночью во сне видела и переживала что-то, связанное с бомбой. Снилось ей, будто она взбирается на крутую гору и несет на себе тяжелый груз, который влечет ее вниз, а ноги скользят как по грязной дороге, не за что зацепиться рукам, но она все равно лезет и лезет в гору. И уже близка вершина, край какого-то обрыва, ей нужно собраться хотя бы на несколько усилий, хотя бы еще на два шага. Тут, однако, что-то затуманивается в ее сознании и видение меняется...

Степанида раскрыла глаза и поняла, что начинается утро.

Она не слишком вникала в запутанный смысл сна, явь ее ненамного уступала видениям ночи. Забота подгоняла, и она вышла в сени, взяла из сундука старую, немного прорванную в углу кошелку, в истопке насыпала в карман две горсти зерна из ночовок, которое так и недомолол Петрок, распахнула дверь. На дворе стыло мокрое осеннее утро, над липами ветер гнал косматые тучи, но дождя не было, и лесная даль за Голгофой отчетливо синела на горизонте, как всегда перед холодами, в канун зимы – на мороз. Степанида зашла за дровокольную, дернула неплотно прикрытые двери хлевка, куры рядом сидели на жердочке: три головами к дверям, а три к стене. В углу на соломе возле желтого старого поклада лежало два свежих яйца, и хозяйка с умилением подумала: бедные дурехи, они еще и несутся! Уже давно хозяйка их не кормила, жили тем, что сами находили во дворе, на огороде, и теперь, ощутив свою вину перед ними, Степанида сыпанула им из кармана. Захлопав крыльями и кудахча, куры дружно слетели с шестка к порогу.

Она еще им посыпала и, пока они, толкая друг дружку, наперегонки клевали, думала: которую взять? Она знала каждую из них от цыплячьей поры, каждую отличала от других по ее осанке и убранству, знала, какие и когда каждая из них несет яйца. Самые лучшие несла пеструшка с черной головкой, которую, конечно, она брать не будет. Хуже других несла короткохвостая молодая курочка с косматыми ножками, самая худенькая и боязливая, ее и теперь клевали с обеих сторон, и она подбирала зерна позади за всеми. Но какая из нее будет еда, из такой тощенькой? И Степанида выбрала желтую спокойную курочку, не самую худшую, но и не из лучших. Она спокойно обхватила ее сверху за крылья, и курица, не сопротивляясь, доверчиво отдала себя в знакомые руки хозяйки. Степанида связала тряпочкой ее ноги и положила в кошелку. Потом вернулась в сени, сняла с вешалки над сундуком поношенный ситцевый платок и обвязала им кошелку сверху.

Перед тем как выйти, оглядела убогие стены сеней, углы, зеленый, расписанный красными цветами сундук. Но больше ничего пригодного для гостинца она не могла отыскать в этом разграбленном войной жилище. Если Виктор не согласится на одну, она не пожалеет всех, пусть ест, только бы удалось то единственное, что теперь занимало ее сознание, отнимало последние силы, а может, заберет и всю ее жизнь. В ее руках оказалась такая возможность, которая выпадает не каждому. Это стало ее главной целью, и она постарается ее осуществить. Жаль только, что она не может все сделать сама, но люди помогут. Должны помочь. Надо только найти подходящих людей – не сволочей и не трусов, и тогда Петрок еще услышит, что произошло на большаке. Только бы удалось.

Конечно, чувствовала она, с людьми будет трудно. Лучше всего, если бы она имела на примете кого-то из мужчин, если бы дома был Федька или хотя бы Петрок. Она снова посетовала в мыслях, вспомнив, как не пустила в хату непонятных ночных прохожих, может, как раз они и помогли бы? Но кто предвидит то, чего еще нет и только, возможно, будет? Разве она знала, кто они? Да она и теперь лишь догадывается и предполагает. Но предполагать можно разное, а на деле мало что подтверждается.

Настывшая за холодную ночь грязь на дороге студила ее босые ноги, и она выбирала места, где посуше и чтоб без травы. Трава сплошь была мокрой, в утренней промозглой росе, и в ней больше, чем в грязи, зябли ее ноги. Было пасмурное позднее утро, небо понемногу прояснялось, начинался ветреный студеный день. Но она не замечала ни утра, ни стужи, она думала, как лучше подойти к Виктору, уговорить, чтобы согласился. Когда-то это был славный, покладистый парень, все прибил в детстве на хутор, водил дружбу с Федькой. Однажды она отчитала обоих за игру со спичками: коробков восемь они обкрошили для самопала, и она

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru испугалась, ведь могут выжечь глаза, покалечиться. Правда, повзрослев, они разошлись: Виктор годом раньше пошел на военную службу и перед войной стал командиром с тремя треугольниками в петлицах. Верно, он бы управился с бомбой. Корнила говорил, что неисправность там пустяковая, специалист быстро исправит.

Степанида перебежала пустой поутру большак, пошла краем такой же грязной дороги на Выселки. Концевые выселковские хаты были уже близко, в крайнем за огородом дворе Амельяновы парни запрягали в телегу коня, и ветер донес до нее матерный мужской окрик. На пригорке дорога стала немного посуше, но в яме плескалась на ветру широкая лужа стоячей воды, которую она обошла стороной, а когда вышла опять на дорогу и взглянула вперед, на секунду обмерла. С выселковской улицы ей навстречу шли три мужика, двоих она узнала сразу, это были полицаи Гуж и Колонденок, а третий... Третий шел между ними, опустив голову и заложив за спину руки; одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что арестованный. Сердце у нее недобро встрепенулось в груди, когда ей показалось... Но даже в мыслях она боялась теперь произнести его имя, пока еще оставалась неуверенность, Степанида хотела ошибиться и думала: пусть бы это был знакомый, сосед, какая родня, но только не он. Чужим замедленным шагом она шла навстречу мужчинам, и перед ее глазами все четче определялся знакомый облик: коренастая фигура в серой поддевке, широкий разворот плеч, тяжелый, размеренный шаг. И он и полицаи неторопливо шагали по грязи – впереди Гуж, позади Колонденок, – и ей, как избавления, хотелось провалиться сквозь землю, лишь бы не встретиться с ними. Но они уже заметили женщину и еще издали с подчеркнутым вниманием вглядывались в нее. Подойдя ближе, поднял на нее глаза и арестованный. Это был Корнила.

Тем не менее она шла с таким видом, словно никого не узнавала из них, и только ноги ее все больше млели, и она усилием воли едва переставляла их по дороге. Степанида так и разминувшись бы с ними, не сказав ни слова и даже не поздоровавшись, если бы не взгляд Корнилы. Его внешне спокойное бородатое лицо, однако, выражало теперь такую печаль и таило такую тревогу, что Степанида невольно остановилась. Тут же остановился и Гуж.

– Куда идешь, активистка?

– В деревню, не видишь? – сказала она, глянув на него исподлобья и подумав: ну, пропала! Заберет обоих. Но Гуж прежде кивнул на кошелку.

– Там что?

– Курица.

– А ну! – Старший полицай требовательно протянул руку, и она подала ему кошелку.

Точно как и десять лет назад, все повторилось, только в еще более страшном виде.

– Так, Потап, на! Придем, свернешь голову. Сгодится, – сказал он, однако, почти спокойно и отдал кошелку Колонденку. Потом повернулся к ней, в упор пронзил затаенным угрожающим взглядом. – Все шляешься?

– Шляюсь. А что, нельзя? – спросила она, из последних сил выдерживая на себе этот его наглый взгляд. Думала, что сейчас он поставит ее рядом с Корнилой и поведет в местечко. Это было бы ужасно. И, было заметно, он несколько секунд колебался, решая, как поступить.

– Ну-ну, шляйся! – как-то загадочно-въедливо сказал он и повернулся к Корниле. Но Корнила уже не глядел на нее, печально уставился куда-то в пасмурную даль мокрого поля. – Шагом арш!

Они пошли себе к большаку, а она неуверенным, ослабевшим шагом побрела к Выселкам. То, что забрали Корнилу, больно ударило по ней, поставив под угрозу срыва ее планы, и она думала: неужели все рухнет, таким трудом давшаяся ей затея не сбудется? Но почему не забрали ее? Оставили на потом? А может, про бомбу им не известно? Или как раз они искали бомбу и взяли Корнилу? А где бомба, он им не сказал. И не скажет. А вдруг скажет? Начнут пытаться, вытягивать жилы, разве стерпишь? Что же ей делать?

Не сразу она поняла, что идти к Александрине не имеет смысла, что вообще идти в Выселки ей теперь незачем. Что ей надо самой спасаться. Только где и как?

Дойдя до первых выселковских хат, она несмело оглянулась. Полицаи с Корнилой на большаке уже приближались к сосняку. Тогда она остановилась, помедлила немного и быстро побежала той же дорогой назад. Теперь ей надо было домой, к своим стенам, будто там еще была какая-то уверенность, какое-то успокоение.

Полицаи с Корнилой тем временем скрылись в сосняке за поворотом, она перебежала большак, запыхавшись, бегом и скорым шагом достигла двора и, минуя хату с истопкой, через дровокольную и захлевые выбежала на край оврага. Откуда-то к ней выскочил Рудька, радостно заскулил, голодный, но теперь ей было не до Рудьки – надо было перепрятать бомбу. Еще на огороде она забеспокоилась, когда увидела, что след от телеги прорезал заметные борозды в грядках и четкой извилиной вел к вырубке на краю оврага. И она едва не упала от страха, когда заглянула в яму – из-под сваленной туда кучи хвороста сбоку торчал желтый железный хвост бомбы. Это же надо было так неудачно спрятать – первый, кто тут окажется, сразу увидит, что под ветвями. Хотя, конечно, прятали впотьмах, ночью, а ночью разве толком что сделаешь?

Степанида быстренько побежала в хату, на дровокольные взяла старую лопату, подумав, что теперь лучше всего закопать бомбу в землю. Только где? На огороде? За хлевом? На краю оврага? Наверно, на краю оврага в кустарнике, там мягкая, без травы земля и можно будет забросать все мусором, опавшей листвой. Вряд ли там будут искать. Пускай лежит. Там уж действительно, кроме нее, никто никогда не найдет. Там будет надежно.

Невдалеке от прежней ямы в ольшанике она начала копать новую яму шага в три длиной, узенькую, словно детская могила. Сначала копать было нетрудно, перегнутой легко поддавался ее лопате, она сняла его первый слой и выпрямилась. Глубже начали мешать корни, которые жесткими плетями по всем направлениям пронизали почву. Она их рубила лопатой, выдирала руками, некоторые пробовала ломать, но они лишь гнулись, выставляя белые узловатые изгибы, брызжа землей в лицо, на голову, плечи. Вся мокрая от пота, она час или два ковырялась в яме, пока выкопала ее до колена, наспех расчистила от белых огрызков корней, землю далеко не отбрасывала, знала, земля ей понадобится. Когда яма была готова, Степанида немного передохнула на краю и отложила лопату. Надо было идти за бомбой.

До прежней ямы было шагов двадцать, забравшись туда, она повыбрасывала из нее сваленный хворост и взялась за длинный и тяжелый железный кругляк бомбы. Рядом под самые руки подкатился Рудька, понюхал желтую оболочку и чихнул. Степанида напряглась, чтобы выкатить бомбу из ямы, и испугалась – та лишь чуточку стронулась с места и тотчас скатилась обратно. Это было ужасно – у нее не хватало силы!

Степанида поднялась, рукавом вытерла со лба пот. Хорошо было катить ее в эту западню, а как теперь выкатить? Да еще одной. Заволновавшись и не дав себе отдохнуть, она ухватила бомбу за хвост, огромным усилием передвинула его выше. Потом зашла с другого конца и приподняла нос. Но не успела она переложить его выше, как хвост упрямо соскользнул на прежнее место в яме. Степанида едва не заревела с досады – что же делать?

Немного поразмыслив и успокоившись, она вышла из ямы и поискала на краю огорода камни. Камней было много, но все мелкие. Степанида прошла дальше, нашла наконец два более подходящих камня, принесла их к яме. Теперь, поочередно подкладывая их под нос и под хвост бомбы, надо было выкатить ее на ровное место. Долго она надрывалась там – и катила, и толкала, работая руками, упираясь коленями в мокрую землю. Вконец испачкала в грязной траве юбку и ватник, вся взмокнув от пота, она все же высвободила бомбу из ямы и сама обессиленно упала рядом. Проклятая бомба! Степанида уже думала, что надорвется, пока управится с ней, но вот как-то сдюжила. Теперь надо было перетащить ее к новой яме. Все время она боялась, чтобы кто не набрел на нее в кустарнике, не увидел. Сквозь редкий ольшаник ее можно было заметить и с дороги, и со двора, хотя бы успеть спрятать, пока никого поблизости не было.

По ровному краю оврага бомба легко перекаатилась, вминая траву желтыми, испачканными землей боками. Но дальше в ольшанике катить ее было нельзя, и Степанида ухватила за круглую железку хвоста. Так, слегка приподняв, тащить можно было, но это отнимало время и стоило огромных усилий, а сил у Степаниды уже было мало. Она проволокла бомбу шагов, может, пять и выпустила из рук, сама

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru тоже повалилась назад в траву. Несколько минут, задыхаясь, хватала ртом воздух. Немного отдышавшись, снова вцепилась пальцами в мокрый хвост бомбы. На этот раз она проволокла ее еще меньше и снова упала. В следующие разы уже только дергала и рывками, по одному шагу, не больше, продвигала ее к краю оврага; поясница ее переламывалась от боли, мокрые руки, пальцы и колени были до крови ободраны о сучья и корни. И она торопилась. То и дело оглядывалась вокруг сквозь почти голый кустарник, посматривала в сторону усадьбы – боялась, не дай бог, кто придет и увидит. Тогда она пропала, пропала бомба. И это после таких усилий!

Когда она наконец приволокла бомбу к яме, силы ее, похоже, совсем покинули, она уже не смогла перекатить бомбу через накопанный горбик земли и упала на него грудью. Все время она твердила себе: ну, хватит, вставай; и обещала: встану, сейчас встану. И не вставала. Потом попыталась подняться, но в глазах у нее вдруг все потемнело, а сердце, казалось, вырывается из груди.

Она пролежала так долго, обняв грязное тело бомбы, да и сама с ног до головы перепачканная грязью. Когда дыхание немного выровнялось, уже не вставая, она уперлась стопами в узловатые корни ольхи, в последний раз напряглась и подвинула сначала хвост, а затем и голову бомбы. Обрушивая рыхлую землю, бомба наконец свалилась в яму. Степанида еще лежала на грязной земле, потом встала и взялась за лопату.

Закапывать было легче, она забросала яму землей, потопталась сверху. Остаток земли собрала лопатой и рассыпала незаметно вокруг. Потом обмела землю с комлей, олешин, отрясла с кустарника и с нижних веток деревьев, чтобы и следа не осталось от того, что здесь кто-то копал. Немного поодаль в ольшанике собрала охапку почерневших листьев, присыпала ими раскопанное место, край оврага, разбросала вокруг, чтобы нигде не было видно свежей земли. Потом из прежней ямы приволокла хвороста, набросала сверху, будто здесь никогда и не ступала нога человека.

Опираясь на лопату, она едва доплелась до двора, где ее вопрошающе-внимательным взглядом встретил изголодавшийся Рудька. Но теперь она не могла даже сказать ему доброе слово, только, когда тот попытался вскочить за ней в сени, остановить его – все же собака должна быть во дворе. Она закрыла на крюк дверь в сенях, дотащила к полатам за печью и повалилась как была, в платке и ватнике.

Она лежала так в выстуженной хате, отупевшая от усталости, прислушиваясь к невнятным далеким и близким звукам, и думала, что главное сделано, осталось меньше. Хотя бы еще несколько дней свободы, чтобы повидаться с Виктором, сходить в местечко, кое с кем посоветоваться. Если какая беда, всегда идешь к людям, потому что кто же еще поможет тебе? Люди губят, но помогают ведь тоже люди. Даже в такое проклятое время, когда идет война.

Пролежав какое-то время, она немного отдышалась, руки и ноги продолжали болеть, но пришло успокоение, правда, тут же стал донимать холод. Уже несколько дней она не топила печь, хата вконец выстудилась. Наверно, надо было все же протопить на ночь грубку, а то к утру застучишь зубами. Да и сварить бы картошки. Есть тоже очень хотелось, а у нее не было даже корки хлеба.

Степанида опустила ноги и медленно слезла с полатей. На дворе уже вечерело, но еще было светло, за стеной гудел свежий ветер, и сучья лип тревожно метались, сгибаясь под его непрерывным напором. В грубке лежали наложенные туда дрова, оставалось только поджечь их. Степанида взяла с загнетки лучинку и сунула руку между печью и стеной – там она прятала от Петрока спички. Только она достала оттуда коробок, как во дворе сильно забрежал Рудька. В недобром предчувствии у нее сжалось сердце, и с коробком в руках она подскочила к окну. Рудька метался по двору и, захлебываясь, бешено лаял, а по дороге от большака к хутору скоро шагали четверо мужчин с винтовками. Уже издали она узнала почти каждого из них и сказала себе: «Ну, все!»

Как ни странно это было для нее самой, она не очень испугалась и никуда не побежала, будто ждала и понимала неизбежность именно такого конца. Напряжением встревоженной памяти она только прикинула теперь, что же надо сделать напоследок, и не вспомнила ничего. А может, уже все сделала? Она сунулась к окну, в запечье, потом выбежала в сени, наверно, чтобы быть подальше от окон. Рудька все захлебывался в воротцах, и тогда еще издали бабахнул первый выстрел. Рудька пронзительно взвизгнул и смолк – уже не навсегда ли? Она поняла, теперь

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru ее очередь.

Что-то сообразив, однако, она бросилась из сеней в истопку и накинула крюк на пробой. Нет, так просто они ее не возьмут. Она все же не Рудька. И не Петрок. И даже не Корнила. Еще она с ними поборется. Пускай убьют! Убьют, тогда что ж... Тогда их победа. Но еще не убили, и по своей воле она им не дастся.

Три сильных удара каблуком в дверь гулко отдались в сенях.

– Открой!

Она сидела на корточках в истопке за толстым косяком из дуба и молчала.

– Степанида, открой! Взломаем!

«Ломайте!» – зло подумала она. Но не так легко, наверно, взломать стародавнюю дверь, на которой в три пальца доски, кованый железный крюк, пробитый через косяк и загнутый концами внутрь пробой. Ломайте!

Они там переговаривались за дверью, прислушавшись, она узнала рыкающий голос Гужа, тонкие подголоски Колонденка и Недосеки.

– Эй, активистка! – рявкнул Гуж. – По-хорошему открой! А то хуже будет! Ты меня знаешь!

– Кол тебе в глотку! – крикнула она, не сдержавшись, и тотчас пожалела: зачем было отзываться? Пусть бы не знали, где она, стучали бы в дверь, бились бы головой о стены.

Она думала, что они будут взламывать дверь, а они ударили по окну, в хате зазвенело, посыпалось стекло, потом с треском разлетелась рама. Это было уже хуже, так они скоро будут в сенях. Хорошо, что в истопке маленькое оконце, в такое не влезешь. Но что-то они придумают...

– Богатка, выходите сами, не бойтесь – послышался рассудительный, почти спокойный голос Свентковского. «И этот тут! – со злостью подумала Степанида. – Добренький, называется...» – Покажите только, где бомба. Слышите? Вас мы не тронем.

«Ишь чего захотели!» – подумала Степанида и отползла от дверей к жерновам. Они там, похоже, все уже топтались в сенях, наверно, кто-то один влез в окно и открыл остальным двери. Но дверь в истопку они не откроют.

Только она подумала так, как дверь из сеней сильно дернулась, что-то грохнуло и посыпалась труха со стены, и еще загрохотало с треском, видно, они били по двери топором. Конечно, это было похуже, это меняло дело, все сужая тот непрочный круг безопасности, в котором она оказалась и где все меньше оставалось места для какой-либо надежды. Но она ни на что и не надеялась, она четко представляла свою судьбу, только до последней возможности оттягивала свой самый последний час. Так, как она хотела, к большому сожалению, не получилось, ее планы рушились. Но тогда непременно надо, чтобы и по-ихнему тоже не вышло.

Наверно, они могли бы застрелить ее и из-за двери – укрыться от пули здесь было негде, но они не стреляли. Скорее всего она нужна была им живая. Чтобы сказать, где бомба, что ли? Значит, от Корнилы главного они не узнали. Но от нее не узнают и подавно.

Кажется, они уже все вчетвером ломались в дверь, которая ходила ходуном в проеме, лишь крепкий кованый крюк и железные петли не давали ей развалиться на части. Но ведь разобьют все равно. Рано или поздно. Степанида уже знала, что надо сделать, и теперь лишь испугалась при мысли, что может не успеть, опоздать. На коленях она сунулась под жернова и дрожащими руками выкатила оттуда тяжелую бутылку с керосином. Они все били, дверь сотрясалась, трещала. Степанида вытащила из узкой горловины деревянную затычку и плеснула на дверь, потом по обе стороны от нее – на стены, и в угол. Она и сама ненароком облилась, руки, ноги, юбка – все воняло керосином, но теперь это не имело значения. Бросив на пол посудину, она из маленького кармана ватника достала спички, которыми так и не успела растопить грубку, и, стоя на коленях, чиркнула спичкой по коробку.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Но с первой спички ее постигла неудача, дверь не загорелась, спичка потухла. Тогда она стянула с головы платок и остатками керосина полила на него из бутылки, зажгла вторую спичку, платок сразу же вспыхнул багровым пламенем, и она, обжигая руки, бросила его на порог.

Степанида упала ничком на твердый земляной пол, утопанный за годы ногами панов, шляхтичей, батраков, ногами Петрока, ее мужа, и ее детей, и, задыхаясь от дымного смрада, смотрела на огонь. Пламя от платка сразу перескочило на дверь, взвилось под потолок и косо поползло по бревнам стены; загорелось какое-то тряпье на гвозде в углу; кучеряво-красные языки огня закрутились, свились в сизом и черном дыму, устремляясь на потолок, к смолистым балкам истопки. Она уже задышалась от дыма и плотнее прижалась к прохладному земляному полу.

В сенях кто-то угрожающе крикнул, но она не поняла, что именно, однако дверь ломать перестали. Зато гулко бабахнул выстрел и что-то коротко ударило сзади по кадке. Пуля! Но теперь пусть стреляют, теперь ее ничто не пугало. И еще бабахнуло с другой стороны, со двора, вторая пуля щелкнула по жерновам и отскочила в угол, который уже занимался косматым гудящим пламенем. Истопку завлакивало мрачными пластинами дыма, сквозь которые едва пробивались сверху суевливые языки огня, дышать становилось труднее, и она, скорчась и подобрала ноги, неподвижно лежала на полу. Она чувствовала, что скоро сгорит, когда обрушится потолок, или даже раньше задохнется от дыма, если до этого ее не застрелят сквозь стену. Но теперь ей это было безразлично. Все свое она сделала, каких-либо надежд на спасение у нее не осталось.

Они там что-то тревожно орали, еще несколько раз выстрелили в стену, но ей в истопке почти ничего не было слышно. Огонь все больше набирал пожирающую силу, по углам и на стенах трещало, свистело, гудело, всю пылали уже потолок, стены, кадки, разная хозяйственная рухлядь – все деревянное, ветхое и сухое. На нее нестерпимо веяло жаром и сыпались искры, очень припекало голову и ноги, кажется, уже загорались волосы на затылке, она уткнулась лицом в рукав ватника и медленно, мучительно задышалась. Правда, она так и не знала, что с ней случится раньше – сгорит или задохнется в дыму, – и не могла понять, что теперь лучше. На некоторое время сознание ее затмилось, кажется, она забылась, потом вдруг очнулась и почувствовала, что на спине тлеет вата – горит телогрейка. Это уже был конец, и она не в лад со своим чувством подумала: почему же ее там, в яме, кто-нибудь не увидел с бомбой? Хотя бы кто-либо из местных – пастушок, мужик, женщина, – чтобы запомнить то место, оставить знак в памяти.

Между тем дышать становилось невозможно, она окончательно задышалась, тлели волосы на голове, и удушливой вонью дымился ватник. Кажется, загорелись и рукава на локтях, которыми она в отчаянии закрывала лицо. И снова она неожиданно для себя подумала: а может, и лучше, если ее никто не увидит – ни хороший, ни злой человек – и никто ничего не узнает. Хорошему, может, и ни к чему, а эти пусть бесятся. Пусть думают, рыщут, ломают голову – где? И не спят ни ночью, ни днем, боятся до последнего своего издыхания.

Эта неожиданная мысль принесла успокоение и была последним проблеском истерзанного сознания перед окончательным забвением, из которого она не вернулась.

Она уже не слышала, как, донятые огнем, выскочили из сеней полицаи, не видела, как занялась пламенем вся крыша хаты с истопкой и ветер мощно раздувал его, направляя в сторону хлева и пуньки, и как скоро огромное море огня с воем, треском и гулом забушевало по всей усадьбе, последовательно пожирая постройки, дрова, ближние к стенам деревья, изгородь, устилая двор пеплом и искрами.

Густые россыпи искр и горящие клочья соломы неслись в ночном дымном небе через овраг, к сосняку и дороге с ненавистным для нее мостом через болотистую речку Деревянку.

Пожар никто не тушил, и хутор горел беспрепятственно и долго, всю ночь, догорал на протяжении следующего дня, и полицаи никого не допускали к пожару, сами также держась в отдалении – опасались мощного взрыва бомбы.

Но бомба дожидалась своего часа.

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

1
Сердитый, злой (итал.).

2

Сердитый, злой (нем.).

3

Ты хороший, я хорошая (нем.).

4

Немец-узник (итало-нем.)

5

Ну как там бомба? (нем.)

6

Сейчас (нем.).

7

Быстрее выносите! (нем.)

8

Да, да (итал.).

9

Немцев (итал.).

10

Сельское хозяйство (нем.).

11

Трудиться (итал.).

12

Все (итал.).

13

Стой! (итал.)

14

Господин пленный!.. Господин пленный! Не нужно пистолета! Эсэс!.. (нем.)

15

Эсэс! Там эсэс! Облава! (нем.)

16

Там! Там! Я желаю вам добра (нем.).

17

Ты не врешь? (нем.)

18

О нет, нет! Я честный человек! (нем.)

19

Ты кто? Почему здесь? (нем.)

20

я лесник. Там мой дом (нем.).

21

Кушать? (нем.)

22

О да, да. Хлеб (нем.).

23

Да, да, человек. Хороший человек (итал.).

24

Кушать (итал.).

25

Кто такой? Кто бежал? (нем.)

26

Только что. Я сам видел! (нем.)

27

Вылезай! (нем.)

28

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
дай хлеба! дай хлеба! Я донесу в гестапо. дай хлеба! (нем.)

29

дай хлеба – не буду гестапо! Не дашь – гестапо! (нем.)

30

Все, Иван! (итал.)

31

Ты чудесный (нем.).

32

Мне до сих пор слышится
Твой голос среди цветов (итал.).

33

Чтобы не страдать,
чтобы не умирать,
я думаю о тебе и тебя люблю... (итал.)

34

Буквально – расчеловечение, растление, составная часть фашистской идеологии.

35

Хозяйка виллы (итал.).

36

Где ты есть, русский? Они дадут хлеб! У них много хлеба (нем.).

37

Молчать! (нем.)

38

Ну, стреляйте! Стреляйте, ну! фашисты! Разбойники! (итал.)

39

Русский! Русский! Стой! Почему ты убегаешь? Они хотят дать тебе хлеба! (нем.)

40

Назад! (нем.)

41

Иван, только не все патроны! Не все! (нем.)

42

Да здравствует жизнь! (итал.)

43

Быстрее! Быстрее! Удирай быстрее! (нем.)

44

Русский! Спаси! Русский! (нем.)

45

Конец жизни (итал.).

46

Берите нас! Ну? (нем.)

47

Нате! Нате! Идите возьмите нас! Ну, боитесь? (нем.)

48

Гать.

49

Истребительно-противотанковый дивизион.

50

Дивизионный обменный пункт.

51

Обозно-вещевой склад.

52

Случай (нем.).

53

Ремень (нем.).

54

Если нас до вечера не раздавят танки, то мы проскочим.

55

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
С оберстом Мейером проскочим. Он нас заставит, живых или мертвых (нем.)

56

Почему вы не сдаетесь в плен? (нем.)

57

Мы простые солдаты. Войну делают генералы и фюрер (нем.)

58

Отто! Глянь сюда! Русская Валькирия! (нем.)

59

Руки вверх! Встать! (нем.)

60

Встать! (нем.)

61

я сейчас вернусь! (нем.)

62

Тихо! Нет воды! (нем.)

63

я очень сожалею... (нем.)

64

Но я имею приказ! (нем.)

65

Торопись! (нем.)

66

Мне показалось – русский... (нем.)

67 weg – прочь, вон (нем.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

Собрание военных повестей в одном томе. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!